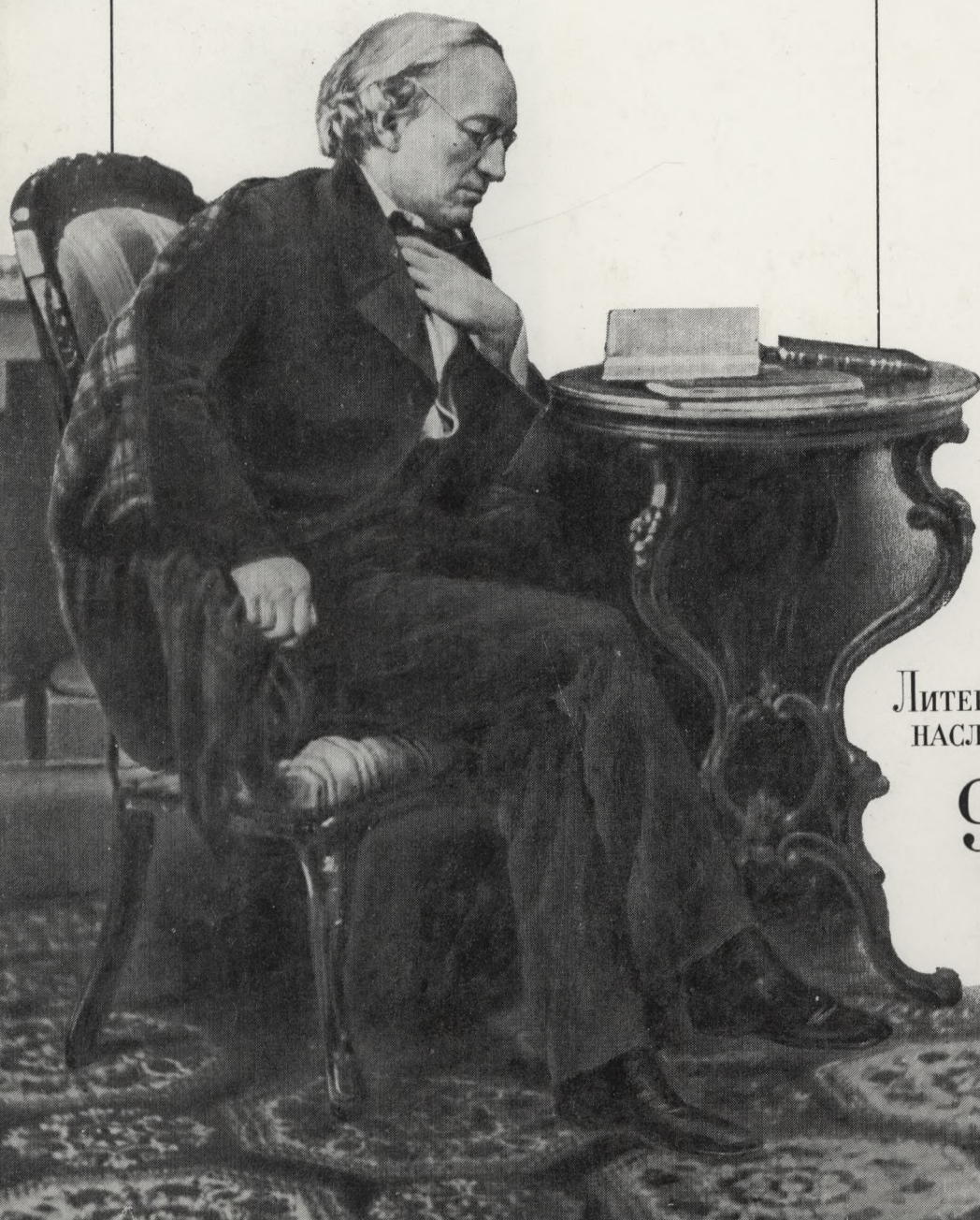

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Книга
первая

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

97

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Тютчев

Первая книга открывается статьями, в которых рассматриваются художественный мир и философские воззрения поэта, исследуются его общественно-политические взгляды.

Основное содержание первой книги составляют три раздела: «Стихотворения», «Публицистика», «Письма». Здесь публикуются неизвестные стихи Тютчева, наброски незавершенного трактата «Россия и Запад» и 160 писем поэта к 28-ми адресатам. Письма характеризуют роль Тютчева в общественно-политической жизни 1860-х годов, отражают его литературные вкусы, его отношение к собственному творчеству. Многие из них являются замечательными образцами литературного мастерства писателя. Письма Тютчева, написанные по-французски, публикуются на языке оригинала и в переводах.

Учет всего эпистолярного наследия поэта дают указатели: «Письма Тютчева в архивах СССР» и «Библиография писем Тютчева».

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

КНИГА ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Г. П. БЕРДНИКОВ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Н. В. КОТРЕЛЕВ

Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,

К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. М. РОЗЕНБЛЮМ

Н. Н. СКАТОВ, Л. А. СПИРИДОНОВА, Н. А. ТРИФОНОВ

В. Р. ЩЕРБИНА (глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 • 9 • МОСКВА • 8 • 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

КНИГА ПЕРВАЯ

Ответственные редакторы

С. А. МАКАШИН, К. В. ПИГАРЕВ, Т. Г. ДИНЕСМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 8

Том подготовлен
при участии Государственного музея-усадьбы «Мураново»
им. Ф. И. Тютчева

Рецензенты

А. Л. ГРИШУНИН, В. Н. КАСАТКИНА

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Л $\frac{4603010101-209}{042(02)-88}$ 310-87-IV

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-011402-2

ТЮТЧЕВ

Фотография И. И. Робийяра, Петербург, апрель 1862 г.

Слева внизу подпись фотографа: «Robillard, 1862»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

ОТ РЕДАКЦИИ

На своем более чем полувековом пути «Литературное наследство» трижды обращалось к Ф. И. Тютчеву, но лишь с отдельными публикациями. Все они были подготовлены К. В. Пигаревым, правнуком поэта и известным специалистом в области изучения его творчества.

Замысел специального «тютчевского» тома «Литературного наследства» и первоначальная разработка плана издания также принадлежат К. В. Пигареву. Однако длительная тяжелая болезнь, оказавшаяся предсмертной, прервала начатую им и осуществлявшуюся совместно с Л. Н. Кузнецовой работу на ее подготовительном этапе. В процессе дальнейшей работы над томом, занявшей несколько лет, первоначальные планы издания претерпели значительные изменения. Собранные за это время новые документальные материалы и их исследовательское сопровождение увеличили объем тома от первоначально запроектированных 40—50-ти листов до 140-ка и, соответственно, от одной книги до двух.

Содержание каждого «персонального» тома «Литературного наследства» определяется в основном характером архивно-документальных источников, относящихся к жизни и деятельности писателя, которому посвящен том, и состоянием, в котором эти источники находятся.

Важнейшие принципиальные и практические трудности, возникшие при создании тома «Литературного наследства», посвященного Тютчеву, заключались в том, что его стихи, в том числе варианты и разночтения, давно опубликованы. Новые открытия здесь чрезвычайно редки. Тем не менее документально-публикаторский отдел тома начинается небольшим разделом *Стихотворения*. В нем помещено семь поэтических произведений Тютчева. Это, во-первых, послание Адаму Мицкевичу (1842) — вероятно, самый значительный русский отклик на знаменитые лекции польского поэта в Collège de France; во-вторых, стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...» — отклик на восстание кандиотов (1867), затем философское четверостишие из Якоба Бёме и, наконец, четыре альбомных мадригала, из них три — на французском языке. Всего публикуется 53 стихотворные строки Тютчева, которых не было ни в одном из Собраний его сочинений. Остальной документальный фонд тома — публицистика и письма Тютчева, а также воспоминания о нем и другие биографические материалы, к Тютчеву относящиеся; они хранятся как в советских, так и в зарубежных архивных собраниях. Как всегда в «Литературном наследстве», документальные публикации сочетаются с исследовательскими статьями, комментариями и сообщениями.

Первая книга тома открывается разделом *Статьи*. Публикуемое здесь исследование И. В. Петровой «Мир, общество, человек в лирике Тютчева», надо полагать, не затеряется среди всего множества написанного о поэте. С чуткостью истинного ценителя поэзии и талантом исследователя автор ведет читателя в страну лирики Тютчева и увлеченно знакомит с главнейшими ценностями и особенностями художественного мира поэта. Статья насыщена стихами Тютчева. Они все время звучат в ней, и на их звучание, как на камертон, отзываются все другие мысли и звуки тютчевской поэзии, заключенные и в его публицистике и в его письмах.

Вторая статья погружает читателя в «магию» тютчевского поэтического слова и вместе с тем знакомит его с глубинными философскими основами мировосприятия поэта. Статья называется «Письма о Тютчеве». Размышления о поэзии Тютчева облечены здесь в необычную для исследовательской статьи форму писем. Неназванный адресат их — К. В. Пигарев; автор — Б. М. Козырев, известный ученый-физик так называемой казанской школы, член-корреспондент Академии наук СССР. Вместе с тем он — человек, который с юных лет вошел в мир тютчевской поэзии, усвоив толстовское «без Тютчева нельзя жить». Замечательным результатом долгой «жизни с Тютчевым» и явились публикуемые «Письма», возникшие в 1960-е годы. Они были подготовлены к печати самим автором, незадолго до его смерти. «Письма» посвящены едва ли не одной из самых трудных в литературоведении проблем — раскрытию мировоззрения поэта на основании самих поэтических образов. «Письма» написаны так, как обычно литературоведческие работы на такие темы не пишутся. Автор идет от формы ли-

рических произведений Тютчева и объясняет эту форму содержанием — мировоззрением поэта. Это очень интересный способ истолкования лирики. Он интересен не только для понимания Тютчева, но и сам по себе — как своеобразная литературоведческая методика. «Письма» прекрасно написаны: ясным, отчетливым, экономным языком. Проблемы мифотворчества сейчас очень «модны», но Б. М. Козырев писал свои «Письма» тогда, когда эти проблемы еще не вошли в литературоведческий обиход. И то, что Б. М. Козырев пишет о мифотворчестве у Тютчева, — это «вне моды». Необычный подход автора к раскрытию содержания лирики Тютчева, утонченный анализ таких трудноулавливаемых предметов, как тютчевские мифологемы, «алхимия» тютчевских слов, «перекличка» через тысячелетия с мудрецами античной философии — все эти подходы, хотя и не лишённые в ряде случаев элементов субъективности, богаты мыслью, отличаются тонкостью наблюдений, дают толчок для дальнейших предположений и разработок. Публикация «Писем о Тютчеве» сопровождается справкой об их авторе, принадлежащей члену-корреспонденту Академии наук СССР Е. Л. Фейнбергу, а также предисловием и комментариями М. Л. Гаспарова и А. Е. Тархова.

Говоря о значении биографий и других трудов, посвященных известным историческим деятелям, Салтыков-Щедрин отмечал, что они лишь в том случае интересны и поучительны, если выполнены «без малейшей утайки». «У нас есть, — писал Салтыков-Щедрин, — дрянная привычка показывать <...> только казовые концы жизни». «Казовые концы жизни» Тютчева — его гениальные стихи. О них преимущественно пишут, по ним главным образом и судят о поэте и его жизни. И это вполне закономерно. Но науке, истории, будущему этого мало. Изучению других сторон жизни и деятельности Тютчева также необходимо уделять должное внимание. Прежде всего это относится к таким важным вопросам, как биография писателя и его мировоззрение. До сих пор у нас нет сколько-нибудь документированной биографии поэта. В ставших для изучающих его творчество своего рода классикой книгах И. С. Аксакова («Биография Ф. И. Тютчева») и К. В. Пигарева («Жизнь и творчество Тютчева») жизнеописание как таковое занимает сравнительно небольшое место, и целые пласты общественно-политической и личной жизни поэта в этих трудах либо отсутствуют вовсе, либо обозначены слишком уж пунктирно.

Немало существует работ, и работ серьезных, в той или иной степени ставящих задачу охарактеризовать мировоззрение Тютчева. И все же едва ли можно утверждать, что задача эта близка к удовлетворительному решению. Слишком много трудностей встает перед каждым, кто стремится ее решить. Прежде всего, сами «материалы», на основе которых исследователь может пытаться раскрыть мировоззрение Тютчева, чрезвычайно трудны для освоения, и не только трудны, но и противоречивы. На многих из них лежит отпечаток тех черт характера и личности поэта, о котором его жена Эрнестина Федоровна — женщина сильного, проникновенного ума — говорила: «Ничто не сравнится с изменчивостью его настроений».

Собственно лирическое наследие Тютчева — это главным образом лаконичные образцы «чистой лирики», которым присуща предельная сжатость, концентрированность «смысла», мифологичность, трудноуловимые обертоны. Извлечь из них мировоззренческие элементы и истолковать их, не упрощая, не искривляя и не впадая в противоречия с другими источниками, характеризующими взгляды поэта, очень нелегко. Поэтому, в частности, почти все создатели цельных мировоззренческих концепций творчества Тютчева, включая и Б. М. Козырева, автора публикуемых «Писем», изымают из произведений поэта все его так называемые политические стихотворения, или стихотворения на случай, считая их как бы несуществующими, с чем, конечно, трудно согласиться. Что же касается других материалов, запечатлевших мировоззрение поэта в более открытом виде, чем стихи, — его публицистических статей и набросков к ним, писем, а также его устных высказываний, удостоверенных современниками, то все эти материалы не только не освоены исследователями сколько-нибудь полно, но и оставались до сих пор далеко не собранными, не учтенными и не обнародованными. Главное назначение настоящего тома «Литературного наследия» и заключается в том, чтобы сделать более или менее значительный шаг вперед в области расширения документально-источниковедческого фонда изучения Тютчева.

Но, возвращаясь к вопросу о причинах, затрудняющих воссоздание биографии и мировоззрения Тютчева, следует со всей определенностью сказать и о том, что система взглядов и убеждений поэта сама по себе отличается исключительной сложностью и противоречиями. Они были нелегки для самого поэта, они трудны для исследователей. Преодоление их и дости-

жение некоего единства были, по-видимому, доступны для самого Тютчева лишь в его гениальных стихах, с их глубочайшими обобщениями.

Как-то в свои молодые годы Тютчев сказал Жуковскому, что «более всего любит в мире Отечество и Поэзию». Этому признанию поэт оставался верен всю жизнь. Но как удивительно противоречиво выражалась иногда эта любовь!

Приверженность Родине, России, действительно была основой духовной жизни и общественной активности поэта, их константой. Но, с одной стороны, она рождала такие произвольные, почти некрасовские стихи, как «Эти бедные селенья, // Эта скудная природа — // Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа!..», а с другой — столь жесткие слова, относившиеся к «малой родине» Тютчева, селу Овстуг, расположенному в одной из красивейших местностей Средней России, где он родился, где прошли его ранние детские годы: «Места немилые, хоть и родные». Гениальный поэт, знавший себе цену, он вместе с тем с удивительным небрежением относился к судьбе своих произведений, своих рукописей, называл их «бумажным хламом» и, несомненно, сам стал виновником гибели многих из них. Литератор, он признавался, что физически и морально самый акт писания представлял для него «истинное мучение», «пытку». С юных лет он служил сначала по дипломатическому, а потом по цензурному ведомству и мог, благодаря своему таланту, своей родовитости и связям, без труда сделать блистательную карьеру. Но он ненавидел казенную службу и настолько манкировал ею, что был смещен со своей скромной дипломатической должности. Вместе с тем документы свидетельствуют, что Тютчев постоянно, особенно во второй половине жизни, стремился к тому, чтобы быть истинным общественным деятелем своей страны, чтобы практически воздействовать на самый ход внутренней и особенно внешней политики России, с правительственным направлением которой часто был несогласен. Но осуществлял он эту свою деятельность лишь в неофициальном и негласном порядке, вовсе не стремясь перенести ее на государственно-административную или литературно-журнальную арену.

Аристократ, носитель придворного звания камергера, скучавший без светских салонов и раутов, он в доверительных письмах самыми мрачными красками рисовал правительственную и светскую среду. Апологет исторического православия как основы созданной им удивительной утопии всеславянской Державы, в жизни он был равнодушен к религии и церкви. Далекий от демократических кругов, он вместе с тем возлагал великие надежды на массы и утверждал: «Жизнь народная, жизнь историческая еще не проснулась в массах населения; она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьет, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем». Человек консервативно-монархических взглядов, он мечтал о какой-то идеальной автократии, которая опиралась бы на народ и претворяла бы в жизнь интересы народа. Существовавший в стране «порядок вещей», реальное самодержавие, политический быт которого он знал изнутри, он подвергал — разумеется, неофициально — самой резкой, казнящей критике и предвидел возможность его крушения. На смерть Николая I, являвшего собой самую полную и выразительную персонификацию российского императорства, поэт откликнулся эпитафией-инвективой. Она начиналась словами: «Не Богу ты служил и не России...» — и заканчивалась беспощадной оценкой-приговором: «Все было ложь в тебе, все призраки пусты: // Ты был не царь, а лицедей». Близко связанный со славянофилами, он — «европеец» по образованию и многим годам жизни на Западе — был, однако, чужд их основным доктринам и никогда не называл их взгляды своими. Один из высших царских цензоров, он выступал за свободу печати. Он не вписывался ни в одно из направлений русской общественной мысли — ни реакционной и консервативно-охранительной, ни либеральной, ни тем более оппозиционно-демократической. Везде и во всем он оставался «сам по себе».

Эта позиция и объясняет, и затрудняет осмысление места Тютчева в истории русской литературы и русской общественной жизни. На похоронах Некрасова Достоевский сказал, что, хотя Тютчев как поэт был «обширнее» и «художественней» Некрасова, он «никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым». И нужно сказать, что и сейчас, спустя сто лет как были сказаны эти слова, они остаются объективной исторической истиной, и это несмотря на то, что Тютчева читают и знают в наше время больше, чем Некрасова, и что именно поэзия Тютчева, а не Некрасова получила всеобщее признание как одна из вершин русской и мировой лирики.

Суждения Тютчева, сохранившиеся в разного рода документах и в устных высказываниях, а также в так называемых политических стихотворениях поэта, содержат его точку зрения буквально на все сколько-нибудь примечательные события современной ему русской и

западноевропейской жизни, особенно после революционных событий 1848—1849 гг. Анализу политических взглядов и позиций поэта посвящена статья В. А. Т а р д о в с к о й «Тютчев в общественной борьбе пореформенной России». Название статьи и ее хронологические рамки определяются двойным ее назначением. С одной стороны, это попытка исторически осмыслить политические взгляды и позиции Тютчева в пореформенную эпоху, с другой — своего рода «транспарант» событий и фактов, облегчающий понимание накладываемых на этот «транспарант» писем Тютчева, публикуемых в настоящем томе. Многие из них буквально «набиты» политической и общественной злободневностью, важной для своего времени, но давно ушедшей в прошлое.

По натуре своей Тютчев был не только поэт — поэт-лирик и мифотворец. Природа наделила его также сильным темпераментом публициста (еще одно противоречие его личности). Правда, постоянный и увлеченный интерес Тютчева к политике выражался преимущественно в его блестящих разговорах, которые он вел в петербургских гостивых, а также в эпистолярных беседах с многочисленными корреспондентами.

Тем не менее в 1840—1850-е годы в западноевропейской печати появилось несколько политических статей Тютчева и отрывков из его частных писем. Особенно пристальное внимание публики привлекли две его статьи — «Россия и Революция» и «Папство и Римский вопрос». Это были главы из начатого Тютчевым, под непосредственным впечатлением от революционных событий 1848—1849 гг., теоретико-исторического трактата «Россия и Запад», который так и остался незаконченным. Неприятие революции сочеталось здесь с глубоким ощущением исторического могущества этой силы. От этого крупнейшего публицистического замысла остались только «программы» и наброски — одни более или менее цельные, другие почти тезисные. Весь сохранившийся в рукописях материал трактата «Россия и Запад» впервые полностью печатается в настоящем томе, в разделе *Публицистика*. Вступительная статья В. В. К о ж и н о в а и комментарий Л. Р. Л а н с к о г о вводят читателей в этот сложный материал и намечают пути его дальнейшего изучения. В частности, здесь предлагается критика и пересмотр традиционно безоговорочной «приписки» Тютчева к идеологии панславизма, и в этой связи иначе осмысливается историческое и социально-нравственное значение, которое Тютчев (этого периода) вкладывал в свою утопию великой славяно-православной Державы под эгидой России. Утопия эта, восходящая в своих истоках к историсофским мечтаниям допетровской Руси о Москве — «Третьем Риме», о венце и скипетре Византии, — плод мифотворчества поэта, сопряженного со многими его стихотворениями — «К Ганке», «Русская география», «Рассвет», «Пророчество», «Нет, карлик мой!..», «Тогда лишь в полном торжестве...», «Спиритистическое предсказание» и др.

В единый комплекс изучения трактата «Россия и Запад» входит помещенная в том же разделе статья известного английского специалиста в области изучения Тютчева — Рональда Л э й н а: «Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати 1840—1850-х годов». Собранные исследователем материалы впервые так полно удостоверяют на документальной основе явление Тютчева как публициста. Но явление это состоялось только на Западе, поскольку его выступления, о которых идет речь, остались тогда почти вовсе неизвестными в России. Собранные и проанализированные Р. Лэйном 50 полемических выступлений по поводу статей Тютчева, на трех языках, представляют, несомненно, ценное приобретение научной литературы о поэте. Выступления Тютчева резко затрагивали, в частности, католицизм и протестантизм — собственно «реформацию», затрагивали как определенные исторически сложившиеся мировоззренческие системы и явления, воспитавшие в народах западного мира — так думал Тютчев — культ индивидуализма и силы, антисоциальный апофеоз человеческого «Я», что, по сложным умозаключениям поэта, привело Запад к идеям Революции. Нападки на католицизм и папу явились причиной того, что в полемику со статьями Тютчева вступили главным образом публицисты католической печати, сдвинувшие полемику с ее историсофской и политической оси на церковно-богословскую, по существу не интересовавшую Тютчева. К тому же католические полемисты, противники России (это было время начавшегося Восточного кризиса и кануна Крымской войны), пытались истолковать некоторые мысли Тютчева как закамуфлированный голос русского правительства, что было неверно.

Значительную часть первой книги тома занимает раздел *Письма*, в котором публикуются материалы эпистолярного наследия Тютчева. Эти материалы были представлены К. В. П и

г а р е в ы м и прокомментированы Л. Н. Кузнецов; состав их значительно дополнен редакцией «Литературного наследства». Письма Тютчева представляют выдающийся литературный и общественно-исторический интерес для всестороннего понимания личности поэта, а также для характеристики его эпохи. По своему содержанию и глубине одни из них сопряжены с его лирикой и иногда переходят прямо в стихи, другие представляют собой своего рода публицистические миниатюры, тем более интересные, что писались они без оглядки на цензуру. Многие письма являются замечательными образцами литературного мастерства писателя — как на русском, так и на французском языках. Это относится и к упомянутым выше политическим статьям Тютчева. По их поводу в иностранной печати не раз отмечалось, что язык и стиль этих статей сделали бы честь даже выдающемуся французскому писателю.

Однако из большого количества дошедших до нас писем (около тысячи трехсот) опубликовано с научной точки зрения удовлетворительно немного более десятой их части. Остальные письма либо вовсе не печатались, либо публиковались только в русских переводах (часто не с подлинников, а с неаутентичных копий) или в отрывках и в мелких цитатах. Для настоящего тома отобраны 179 писем к 28 адресатам. Разбиты они на три группы: 1) письма к московским публицистам — И. С. и А. Ф. Аксаковым, А. И. Георгиевскому, М. Н. Каткову, М. П. Погодину и Ю. Ф. Самарину; 2) письма к членам семьи Тютчева; 3) письма к разным лицам. Письма первой группы, как и некоторые из двух других групп, во многом публицистичны, трактуют текущие события, факты внешней и внутренней политики того времени. Для понимания содержания этих писем, нередко весьма сложного, служат не только развернутые комментарии, но и упомянутая выше статья В. А. Твардовской.

Картину состояния эпистолярного наследия Тютчева в целом дают два указателя, составленные И. А. Королевой: «Письма Тютчева в архивах СССР» и «Библиография писем Тютчева. 1874—1984».

Вторая книга в основном посвящена биографическим материалам, относящимся к разным периодам жизни Тютчева.

Первый раздел — *Тютчев в воспоминаниях, дневниках и переписке современников*. В нем печатаются неизданные мемуары и дневники, авторами которых были люди, близко знавшие поэта. Это историк М. П. Погодин, однокашник Тютчева по Московскому университету; баварский публицист барон К. Пфеффель, шурия Тютчева; писатель и общественный деятель А. И. Тургенев; коллега Тютчева по дипломатической службе в Мюнхене кн. И. С. Гагарин; вторая жена поэта Эрнестина Федоровна; внук декабриста С. М. Волконский; один из редакторов «Московских ведомостей» А. И. Георгиевский. Последний был женат на сестре Елены Александровны Денисьевой, женщины, которую любил Тютчев. Воспоминания Георгиевского об этой драматической любви — единственный источник, повествующий о всех перипетиях этого чувства, подарившего русской лирике одну из драгоценнейших жемчужин — «денисьевский цикл» стихов Тютчева. В ставшей традиционной для «персональных» томов «Литературного наследства» рубрике «Тютчев в неизданных письмах и других свидетельствах современников» приводятся разного рода упоминания о Тютчеве, извлеченные из *нескольких сотен* писем и дневниковых записей его родных, друзей, знакомых и других современников. Эти трудно собираемые материалы бесценны для воссоздания образа живого Тютчева, со всеми особенностями его характера, его манеры говорить, его отношений к людям, семье, природе, литературе, службе. Во многих письмах приводятся записи отдельных суждений Тютчева и даже разговоры с ним. Подготовили эту обширную публикацию К. В. Пигарев и Т. Г. Динесман при участии некоторых других лиц; последней принадлежат также предисловие и комментарии к публикуемым здесь документам.

Раздел *Статьи. Сообщения. Обзоры* — содержит документальные источники для биографии и творческой судьбы Тютчева. Здесь эти документы не только публикуются, но и служат основой для более или менее целостных характеристик ряда неизвестных ранее или малоизвестных эпизодов жизни и деятельности поэта. Антония Глассе из США разыскала в архивах Штутгарта дипломатические донесения, в которых зафиксированы некоторые слухи о восстании декабристов, привезенные Тютчевым в Мюнхен по возвращении его из Петер-

бурга в феврале 1826 г. Другие документы, также найденные Антонией Г л а с с е в Штутгарте, воссоздают картину путешествия Тютчева в Навплию (в то время — столица Греции), куда он ездил в 1833 г. с дипломатическим поручением; публикуемое описание этого путешествия позволяет установить обстоятельства создания известного стихотворения «Сон на море». Публикуемые А. А. Н и к о л а е в ы м перечни автографов и копий ранних стихотворений Тютчева, находившихся в руках И. С. Гагарина (Славянская библиотека, Париж), позволяют более или менее полно восстановить состав всего стихотворного оеуга молодого Тютчева, а также проследить дальнейшую судьбу этих рукописей, собранных Гагариным в 1836 г. для задуманного им, но неосуществленного издания сборника стихов Тютчева. Уже упомянутый английский исследователь Рональд Л э й н приоткрывает, на основании обнаруженных им документов из дипломатических архивов Франции, Англии и Берлина, содержание остающейся до сих пор несколько загадочной поездки Тютчева в Западную Европу в 1853 г. и подтверждает факт встречи его в Париже с Гейне. Новые материалы сообщают К. М. А з а д о в с к и й и А. Л. О с п о в а т — о Тютчеве и К. Варнгагене фон Энзе, И. Г. Я м п о л ь с к и й — о Тютчеве и Ап. Майкове, Р. Л э й н — об отношениях Тютчева с известным историком России Иоганном Шницлером. Публикуется также неизвестный отзыв Тютчева о романе «Евгений Онегин» и письмо, в котором И. С. Аксаков сообщает Тютчеву свои суждения о его мастерстве писателя-публициста. В сообщении о неизданном докладе известного медиевиста А. И. Н е у с ы х и н а устанавливается, на материале стихотворения «Два голоса», творческая переключка Тютчева и Гёльдерлина, что удостоверяет причастность русского поэта к движению европейского романтизма.

По количеству романсов и других произведений музыкального искусства, созданных на его слова за полтора столетия, Тютчев занимает в истории русской музыки место вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Рассмотрению этого материала посвящена статья известного пианиста и музыковеда Д. Д. Б л а г о г о «Тютчев в музыке».

Значительный интерес представляют материалы об Овстуге и Муранове — усадьбах, связанных с именем Тютчева и превращенных в мемориальные музеи. Сообщения Н. П. Б е л е в ц е в о й, С. А. Д о л г о п о л о в о й, Н. М. М и х а й л о в о й, А. Е. Т а р х о в а и Г. В. Ч а г и н а содержат сведения об истории этих музеев, их иконографических, рукописных и других собраниях.

Завершается том статьёй Е. Н. Л е б е д е в а, посвященной деятельности К. В. П и г а р е в а — крупнейшего советского исследователя творчества Тютчева, одного из создателей настоящего тома «Литературного наследства».

В томе около 300 документальных и художественных иллюстраций. Подбор их осуществлен Т. Г. Д и н е с м а н при участии С. А. Д о л г о п о л о в о й и К. В. П и г а р е в а.

СТАТЬИ

МИР, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК В ЛИРИКЕ ТЮТЧЕВА

Статья И. В. Петровой

Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.

Пушкин

Гёте как-то обронил фразу, ставшую крылатой: «*Wer den Dichter will verstehen // Muss in Dichters Lande gehen*»*. Тютчевская страна необычна — то залита солнечным светом, то покрыта сумрачными теньями; ее легко обойти, но трудно измерить. Раздумья поэта о мире, жизни, человеке глубоки, часто горестны и всегда согреты чувством, осердечены.

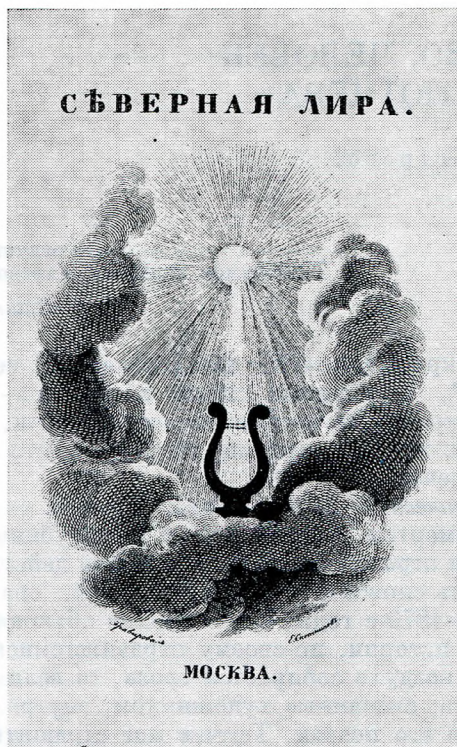
Тютчев, несомненно, *великий трагический поэт*. Стихи Тютчева — великолепный по точности и тонкости камертон, отзывавшийся на глубинные процессы жизни. Свет и тени в его поэзии отражают свет и тени самой действительности, столь богатой событиями, столь сложной и противоречивой. Трагические ноты усиливаются у него в 1850—1870-е годы, и это вполне объяснимо как фактами биографии, так и фактами истории, по-своему отразившимися в сердце и сознании художника. «Когда в воздухе собирается гроза, то великие поэты чувствуют эту грозу»¹, — эти слова, сказанные художником, внутренне близким Тютчеву, многое объясняют и в его поэзии. Тютчев мог страшиться социальных бурь, но он остро чувствовал и художественно-гениально показал разложение, распад старого, устойчивого, «спокойного» мира, показал, не столько воспроизведя самую действительность, сколько отобразив чувства, ощущения, мысли человека, рожденные этой действительностью. Покоя нет, уюта нет — этой прославленной поэтической формулой можно определить внутреннюю, то скрыто, то явно выступающую центральную тему тютчевской поэзии, с такой страстной силой зазвучавшую в начале XX столетия в творчестве Блока.

В лирике Тютчева мы обнаруживаем и тему столкновения личности и общества, одну из важнейших тем всей передовой русской литературы. Перенеся социальный, в сущности, конфликт в план этико-философский, Тютчев, тем не менее, достигает большой силы в осуждении и отрицании бесчеловечных моральных законов, господствовавших в обществе. Реальная жизнь со всей ее сложностью и болью отразилась в его лирике.

В сознании либерально-народнической критики Тютчев был «старейшим жрецом чистого искусства»². Со своей стороны, русские модернисты авторитетом Тютчева «не только поэта, но и пророка, учителя жизни» пытались оправдать свою воинствующую безобщественность, свое бегство из современности в «сияющие твердыни духа». Вместе с тем уже современники Тютчева, наиболее тонко и глубоко воспринимавшие его поэзию, находили в ней правду человеческих переживаний и поисков, отзыв эпохи, «отпечаток русского ума, русской души»³, «глубокую думу», возбужденную «вопросами нравственными, интересами общественной жизни»⁴.

Увидеть в этой поэзии то, что связывает ее со временем, — совсем не значит низвести лирические обобщения поэта до плоскостных и преходящих сентенций, вызванных «злостью дня». Время по-своему оживает в творчестве каждого художника. Именно боль времени, как и своеобразная «проекция во времени», делают такими напряженными и такими волнующими раздумья Тютчева. Но вопрос *писатель и время* имеет всегда еще один аспект: что писатель оставит че-

* «Кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в его страну» (нем.).

(338)

СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.

На Сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одиной, подьмаясь, бѣлѣшь,
И сладко заснулъ онъ въ инвистой мглѣ,
И сонъ его буря дѣлѣшь.

Про юную пальму снится ему,
Что въ краю опдаленномъ Востока
Подъ мирной лазурью на свѣпломъ холму
Споишь и цѣлѣшь одинока. . . .

Ф. Тютчевъ.

Минхенъ.

АЛЬМАНАХЪ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА НА 1827 ГОДЪ»

Издатели С. Е. Раич и Д. П. Ознобишин. М., 1827

Здесь было опубликовано семь стихотворений Тютчева, присланных им Раичу из Мюнхена
Обложка (гравюра Е. Скотникова) и страница со стихотворением «С чужой стороны»

ловечеству, что в творчестве художника переживает его время и станет достоянием других эпох?

В тютчевской поэзии мы не найдем характерного для большинства поэтов XIX века стремления определить свое место в русской литературе, отгадать свою поэтическую судьбу. Поэт рассказал «историю своей души», но в этой рассказанной им истории не только правда времени, в ней заключены громадные ценности человеческого духа — могучий интеллект, отзывчивость и страстность сердца, тонкое чувство природы, неуспокоенность и несмирность души.

Мотивы безысходного страдания, отчаянья и одиночества, какое бы значительное место они ни занимали в поэзии Тютчева, далеко не исчерпывают собой всего творчества. Восторг перед вечно живой красотой земли, буйство чувств, упоение жизнью даже «и бездны мрачной на краю», свет и добро обновляющегося весеннего мира также составляют существенную сторону его поэзии. Можно даже сказать, что чувство жизни становится в стихотворениях позднего Тютчева особенно острым, он словно пытается продлить прекрасное мгновение, насладиться и мимолетным очарованием радуги, и колдовской прелестью летних дней, и последней любовью. «Блаженство и безнадежность» — в сущности, эти знаменитые тютчевские слова определяют самое ощущение жизни в произведениях последних десятилетий.

Разумеется, мировоззрение писателя во многом определило решение ряда проблем; человек в его поэзии, при всей своей любви к жизни, приходит в конце концов к мысли о гибели, бесследном исчезновении всего, чем он «дышал и жил». В поэзии Тютчева переплетаются самые, казалось бы, противостоящие друг другу картины, чувства, образы, но его поэтический мир по-своему

ГАЛАТЕЯ, ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НОВОСТЕЙ
и
МОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ РАИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ XVI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЪХЪ ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1830

57

СНЫ.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята сномъ.
Наспанетъ ночь — и звучными волнами
Спихія бьетъ о берегъ свой!

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ.
Ужъ въ приснани волшебной ожилъ челъ;
Приливъ распетъ и быспро насъ уноситъ
Въ неизмѣримостъ темныхъ волнь!

Небесный сводъ, горящій славою звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины —
И мы плывемъ, пылающе бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Тютчевъ.

ЖУРНАЛЪ «ГАЛАТЕЯ»
1830, часть XVI, № 27

В этом журнале (издатель С. Е. Раич) в 1829—1830 гг. было опубликовано 20 стихотворений Тютчева, присланных им Раичу из Мюнхена

Титульный лист и страница со стихотворением «Сны»

целен; эта своеобразная сцементированность его «лирической мозаики» ощути-
ма уже в 1820—1830-е годы.

Тютчев-поэт стремится показать прежде всего мир человеческой души, где с огромной разрушительной силой действуют противоборствующие страсти и желания. В его поэзии человек, личность, собственно, в центре всего. Причем мы найдем у Тютчева утверждение *реальной* ценности человека, наделенного великим даром мысли, чувства, познания прекрасного, хотя сам поэт не раз говорил о бессилии человека, о темной стороне его психики и сознания. В его поэзии жива формула «Двух голосов» — этого своеобразного гимна борющимся и не смирившимся. Тютчев славит борьбу, «вечный бой» как наиболее живое, естественное проявление человеческой природы. Мятежная в существе своем стихия человеческой души волнует и привлекает поэта, и для поэтического воссоздания ее он находит строгие и сумрачные образы, полные трагического напряжения и вызова.

Чуткость к самому движению истории, протест против жестокости и лицемерия моральных законов, по которым живет общество, высота нравственных требований к человеку роднят Тютчева с самыми ищущими, «неспокойными» художниками русской литературы — Достоевским, Л. Толстым, Блоком. Его поэзия, столь оригинальная и необычная, со своим кругом тем и образов, находилась на магистральной линии развития русской литературы XIX столетия.

Рассматривая поэзию Тютчева лишь как поэзию «философскую», мы не поймем ни ее своеобразия, ни ее прелести. Этот поэт, говорящий с нами часто высоким слогом оратора и пророка, был менее всего рассудочным поэтом, склонным к изложению философских сентенций. Особенность его мышления, его своеобразного *постижения* мира заключалась в стремлении охватить предмет в целом, увидеть связи и внутренние закономерности как больших мировых явлений, так и человеческих судеб. Вероятнее всего, именно это вызывало его интерес к определенным философским системам, пытающимся нарисовать грандиозную и целостную картину мира. Юность Тютчева протекала в то время, когда еще достаточно ощутимо было влияние Шеллинга. Ему рукоплескали не только немецкие романтики. Яркий, дерзкий, «он широко раскрыл двери философствования, и в кельях абстрактной мысли повеяло свежим дыханием природы; теплый весенний луч упал на семь категорий и пробудил в них все дремлющие силы» — так охарактеризовал молодого Шеллинга Энгельс⁵. Природа оказалась живой, таинственной, величественной поэмой, «откровением более древним, чем все писанные откровения»⁶. Великий художник, Гёте разделял шеллинговскую идею «живой связи и единства всех естественных вещей, развития <...> постоянной метаморфозы»⁷.

Сквозь нагромождение странных примеров и фантастических утверждений в натурфилософских работах Шеллинга пробивалась идея движения; закон дуализма и полярности утверждался как основной закон природы. Отголоски несомненного знакомства с Шеллингом, как не раз указывали исследователи творчества Тютчева, чувствуются во многих (особенно ранних) произведениях поэта, хотя его отношение к знаменитому философу было лишено какого бы то ни было безоговорочного пиетета. Тютчева нельзя назвать просто «шеллингианцем»; он был самостоятельным и глубоким мыслителем, а главное — поэтом; за привычными романтическими конструкциями стояли собственное видение мира, свои раздумья, надежды и своя боль. Так, мысль Тютчева о полярности идет не столько от Шеллинга, сколько от его собственного восприятия живой и противоречивой действительности, от его собственного понимания и осмысления исторических событий, наконец, от его природы, его психического склада. И как бы ни были интересны для поэта философские системы Шеллинга, Гегеля, а возможно, и Шопенгауэра, — не от них он будет идти к жизни и не ими будет мерить свою поэзию. Поиски обязательного и конкретного «философского адреса» чаще всего могут лишь увести нас от глубинной сути его поэтических раздумий⁸.

Для тютчевского миропостижения уже в первые десятилетия творчества поэта характерно ощущение бесконечных «концов» и «начал», из которых и состоит движение Истории. Драматически напряженные «взрывы», «катаклизмы» оказываются включенными в общий жоток Истории. «Взрыв», «хаос перед новым творением» не становятся лишь неоправданным отклонением в ходе мировой истории. Не случайно И. С. Аксаков, первый биограф поэта, всей системой своих убеждений и всем складом своей личности враждебный как раз «хаосу» и «катаклизмам», считал нужным пояснить отношение Тютчева к революции как к чему-то, имеющему «логическую, законную причинность»; поэт, по мнению Аксакова, в революции «как в зеркале наблюдал отражение минувших и грядущих явлений»⁹. В сознании Тютчева порой самым волнующим и оказывается то состояние, которое ведет от мира сущего к миру грядущему. С этим связана у Тютчева и особая (иной раз почти болезненная) острота восприятия времени. Так, например, несколько неожиданными представляются слова двадцатипятилетнего поэта о «погребальном голосе» часов, который он слышит пугающе-отчетливо: «А нас, друзья, и наше время // Давно забвеньем занесло!» (I, 18^{2*}; «занесло», а не «заносит», настоящее уже оказывается прошлым). Про-

^{2*} Здесь и далее стихотворения Тютчева цитируются по изд.: Ф. И. Тютчев. Лирика, т. I—II. М., «Наука», 1965; том и страница этого издания указываются в тексте статьи.

ще всего было бы в стихотворении «Бессоница» (1829) увидеть одну из вариаций на привычную и у русских, и у европейских романтиков тему ускользающего времени. Но тютчевское стихотворение очень серьезно, а главное — мысли и образы его отзовутся впоследствии во многих произведениях поэта. «Пророчески-прощальный глас» времени соединяет в себе и то, что уходит, и то, что будет: «И наша жизнь стоит пред нами, // Как призрак, на краю земли <...> // И новое, младое племя // *Меж тем* на солнце расцвело» (I, 18; курсив мой. — И. П.); поэтическая формула оказывается необычайно емкой и диалектически устойчивой, долговечной¹⁰. Он словно пытается вырваться из одномерности времени: настоящее представляется прошлым, человек как бы одновременно существует в двух временных отрезках. Даже в тех произведениях, где время словно остановилось, ибо наступил апокалипсический «конец света», нет в полном смысле ощущения «конца»¹¹. В метафизически-зыбком образе, завершающем «Последний катаклизм» («Все зримое опять покроют воды, // И Божий лик изобразится в них» (I, 22), есть чувство своеобразного равновесия между первоначальной стихией и «личностным» началом, способным дать толчок жизни. Но дело, конечно, не в подобных позднеидеистических представлениях поэта, а в сознании бесконечности, безграничности миросуществования. И это своеобразная «подпочва», которую можно обнаружить в самых безотрадных пророчествах поэта.

В работах о Тютчеве неоднократно — и совершенно справедливо — отмечалось свойственное поэту противопоставление «вечного» и «мгновенного», возрождающейся жизни природы и обреченного на неминуемый конец человеческого существования. У Тютчева мы найдем бесчисленные вариации на эту тему — то горестные, даже отчаянно-протестующие, то равнодушно-усталые. «Мгновенное» и «вечное» необыкновенно интересно сопоставлено (и противопоставлено) поэтом в стихотворении 1830-х годов «Сижу задумчив и один», его антитестические ряды очень сложны и многослойны. Поэт, как и в «Бессонице», вначале своеобразно сдвигает временные моменты; упорядоченность и связность временной структуры оказывается по-своему нарушенной: «Былое — были ли когда? // Что ныне — будет ли всегда?.. // И снова *будет всё, что есть*» (I, 70; курсив мой. — И. П.).

В литературе о Тютчеве не раз связывались имена Державина и Тютчева. И это стихотворение также дает основание соотнести их имена — близость некоторых строк очевидна, вплоть до повторения отдельных образов: «вечности жерлом пожрется» (Державин) — «И канет в темное жерло» (Тютчев). Но эта сопоставимость внешняя. У Державина («Река времен в своем стремлении...») весь образный строй стихотворения утверждает абсолютность «ужасного приговора», который время вершит над человеком и всем человеческим («уносит»... «топит»... «пожрется»... «общей не уйдет судьбы») ¹²; у Тютчева — не просто результат, а процесс, движение, смена одних явлений другими. Этот процесс возникает то как абсолютная повторяемость («И снова будет всё, что есть»), то как возрождение близких явлений («... с новым летом новый знак // И лист иной»). У двух поэтов не столько разные решения одной темы, сколько разные типы художественного мышления ¹³.

В стихотворении «Сижу задумчив и один...» есть свойственная Тютчеву тревожность (не только не ушедшая из его поэзии в 1850—1860-е годы, но и ставшая эмоциональной и психологической атмосферой большинства произведений последних десятилетий жизни поэта). Вопросы, как ступени, по которым скользит, падает мысль в заповедные, смущающие душу глубины. И кого вопрошает поэт? Вечность? Свое бедное сердце, потрясенное призрачностью прекрасного былого, зыбкостью настоящего и ужасной определенностью будущего, беспощадного к отдельному человеку и его личностным ценностям? Тревожная пульсация строк-вопросов и усталая безнадежность ответов (с употреблением ритмически укороченной двухударной и даже одноударной «жесткой» строки: «Былое — было ли когда? Что ныне — будет ли всегда?.. // Оно прой-

дет <...> // Но ты, мой бедный, бледный цвет, // Тебе уж возрождения нет, // Не расцветешь!» — I, 70—71) составляют неповторимую эмоциональную атмосферу этого стихотворения «о пределе» и бесконечности, о движении времени.

Законы отдельного человеческого бытия нередко соотносены у Тютчева с Историей (что само по себе было чрезвычайно плодотворным). И в этом двуединстве (Человек — История) тема «концов — начал» особенно существенна, хотя конкретные проявления исторического процесса представляются поэту часто трагическими, а порой и непонятными. Ощущение соотношенности «малого» с «большим», человека с мировой жизнью — одна из характернейших особенностей Тютчева-поэта. В этом плане интересно рассмотреть ряд его произведений 1820—1830-х годов, внешне мало, а то и совсем не связанных друг с другом: «14-ое декабря 1825» — отклик на восстание декабристов, «Цицерон» — стихотворение, вероятно, вызванное революционными событиями во Франции 1830 г., и «Я лютеран люблю богослуженье...» (1834).

Пути истории величавы и трагичны, люди, пытающиеся диктовать ей свои условия, обречены — так понимает Тютчев декабризм. Однако и в этом стихотворении, где, казалось бы, настолько определенно выражено отрицательное и негодующее отношение к первым русским революционерам и настолько (по сравнению с тем же Пушкиным) антиисторична оценка их деятельности, начинает звучать высокая нота, с тех пор характерная для тютчевского понимания Истории: он называет погибших «жертвами» (хотя бы и «мысли безрассудной»); их пролитая кровь, дымясь (как на жертвеннике!), свергнула на «вековой громаде льдов». И дело не только в том, что свое отечество он представляет «царством льдов». Как бы Тютчев ни осуждал декабристов, они у него — не случайные «пасынки» эпохи, их подвиги на бунт «самовластья», определенный «порядок вещей», господствующий в обществе («Вас развратило Самовластье» — II, 58), хотя кара и представляется поэту оправданной¹⁴.

В «Цицероне» — сама творящая История, ее «роковые», «кровавые» моменты. Интересно поставить вопрос, почему Тютчев взял для воплощения своей мысли римский «рубеж». (Разумеется, современных «рубежей» касаться было опасно, но история предоставляла много других примеров.) Вероятно, с малых лет известные русскому образованному человеку события римской истории (в том числе воспринятые и через русскую поэзию) делали историческую символику понятной, помогали своеобразной «проекции» во времени. Тютчева волновало не одно конкретное историческое событие (даже такое значительное, например, как французская революция 1830 г.), а определенная *повторяемость* событий, их закономерность: «среди бурь гражданских и тревоги» (I, 36) жил человек в глубокой древности, эти же бури отмечают и современную поэту жизнь (в стихотворении 1850 г. «Поэзия» общественное бытие характеризуется словами, заставляющими вспомнить «Цицерона»: человек живет «среди громов, среди огней, // Среди клокочущих страстей, // В стихийном, пламенном раздоре» — I, 119). Причем Тютчева интересует момент «меж настоящим и грядущим», когда в сумятице, крови и бурях свершается историческое миротворение¹⁵. Отсюда диалектика образов и оценок поэта. Конец одной исторической эпохи («... прощаясь с римской славой, // С Капитолийской высоты // Во всем величьи видел ты // Закат звезды ее кровавой»), скорбь человека, чей мир ушел (выражено это с подлинной гениальностью: «Я поздно встал — и на дороге // Застигнут ночью Рима был!»), сочетаются не с понятием «предел», а с утверждением величия «высоких зрелищ». В самой структуре стихотворения скорбящее «Я» «оратора римского» сменяется объективированным (хотя и не выступающим прямо) «Я» поэта с его решительным: «Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые!» (I, 36). Антитетический принцип композиции, воплощенный в самом строфическом делении (в первой строфе определяющими оказываются лексические значения слов «ночь», «закат», во втором — «пир», «бессмертие»), в конечном итоге как бы снимается, и перед нами вновь «миг движения», неостановимого и неудержимого¹⁶. Приобщение человека к истории воспринимается в «Цицероне» не трагически, а скорее празднично, причем элемент созерцания,

ДЕННИЦА,**АЛЬМАНАХЪ**

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

М. МАКСИМОВИЧЕМЪ.

МОСКВА.ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медиц. Хирургич. Академіи.

1831.

40

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ Римскій говорилъ,
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
» Я поздно всталъ и на дорогѣ
» Застыгнувъ ночью Рима былъ! »
Такъ! . . . но прощаясь съ Римской славой,
Съ Капитолійской высоты,
Во всемъ величьи видѣлъ ты
Закатъ звѣзды ея кровавой! . . .

Блаженъ, кто посѣдилъ сей миръ
Въ его минушы роковыя!
Его призвали Всеблагія
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ въ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣшъ допущенъ былъ —
И зажило, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ!

Ф. Тютчевъ.

«ДЕННИЦА. АЛЬМАНАХ НА 1831 ГОД»

Издатель М. А. Максимович. М., 1831

Здесь было опубликовано три стихотворения Тютчева

Титульный лист и страница со стихотворением «Цицерон»

неучастия не имеет характера абсолюта, ибо «высоких зрелищ зритель» был допущен «на пир», прикоснулся к историческому миротворению. В этом поэтическом контексте слово «зритель» теряет свой прямой смысл и может быть понято и как созерцатель, и как соучастник. Мысль, воплощенная в «Цицероне», останется в самой глубине и поздних исторических раздумий поэта. Даже в период работы над оставшимся незавершенным трактатом «Россия и Запад», замысел которого возник (что тоже характерно!) в связи с раздумьями над все теми же революционными потрясениями, Тютчев будет писать о революции слогом «Цицерона»: он скажет о ее «грозном господстве над Вселенной», и сам ход мировых событий будет освещен в сознании поэта ее «неумолимым светом». Да и прямой поэтический отклик Тютчева на европейские революционные события 1848 года («Море и утес») поражает не только своеобразным восторгом перед мощью взбунтовавшейся стихии, но и ощущением гнетущей мертвенной неподвижности того, что ей противостоит:

Надоеет волне гремучей
Воевать с твоей пятой...

< . . . . . >

И без вою, и без бою

Под гигантскою пятою

Вновь уляжется волна...

(I, 104) "

С годами станут трагичнее раздумья поэта, безнадежнее прогнозы, но отношение к революции, как хотя и враждебному, но великому событию, останется неизменным.

В общую систему представлений о человеке, о его судьбе, характерную для творчества Тютчева 1820—1830-х годов, своеобразно вписывается и стихотворение «Я лютеран люблю богослуженье...» (1834)¹⁸. Тютчевские строки на первый взгляд кажутся неожиданными. Действительно, откуда у молодого Тютчева, вполне равнодушного в эти годы к религиозным системам, скорее «язычника» в своей поэзии, нежели христианина, такой интерес к судьбе «высокого учения» лютеран. Двумя годами позже в стихотворении «И гроб опущен уж в могилу...» протестантский пастор будет изображен поэтом с явным оттенком иронии, а самая проповедь («Вещает бренность человечью, // Грехопадение, кровь Христа» — I, 63) оставит ощущение откровенного лицедейства. И не дала ли «храмина пустая» лютеран лишь толчок работе поэтической мысли?

Вот эти строки:

Я лютеран люблю богослуженье,	Не видите ль? Собравшись в дорогу,
Обряд их строгий, важный и простой —	В последний раз вам вера предстоит:
Сих голых стен, сей храмины пустой	Еще она не перешла порогу,
Понятно мне высокое ученье.	Но дом ее уж пуст и гол стоит, —
Еще она не перешла порогу,	
Еще за ней не затворилась дверь...	
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,	
В последний раз вы молитесь теперь.	

(I, 53)

Стихотворение поражает своей строгой графичностью: в нем нет красок — есть линии, есть ощущение пространства, пустоты и молчания. Внешняя скудость и бедность образов, вернее освобожденность их от всего как язычески-пышного, так и цепко-житейского, свидетельствуют об аскезе и подвижничестве, о «высокости» «чистого», «духовного» начала: «Сих голых стен, сей храмины пустой // Понятно мне высокое ученье» (курсив мой. — И. П.). Определенное явление духовной жизни людей (здесь «вера» — понятие многозначное) взято в его последнем напряжении («Но час настал, пробил...»), опять, как и в «Цицероне», последняя черта, «порог»: «Еще она (вера. — И. П.) не перешла порогу, // Но дом ее уж пуст и гол стоит, — // Еще она не перешла порогу, // Еще за ней не затворилась дверь...» Сама конструкция фразы, повторенная дважды, говорит об этом последнем драматическом мгновении. В анафорическом строении поэтических фраз, в лексическом усилении значений близких слов (не просто «настал», но «пробил») — грозное ожидание конца, своеобразного катаклизма, за которым — неизведанное: «Молитесь богу, // В последний раз вы молитесь теперь». Мир оказывается вновь «в дороге, а не у пристани» — и это то, что несла с собой, что утверждала тревожная муза поэта.

Так по видимости далекие друг другу стихотворения соединены, сцементированы общностью основных исходных представлений Тютчева о мире в его динамике и вечных превращениях.

Неслучайным оказывается и пристрастие поэта к переходным явлениям и в природе, ко всему, что несет с собой изменение, что в конечном итоге связано с понятием «движение»¹⁹.

В ранней лирике Тютчева человек включен в «мировой ритм», он чувствует родственную близость ко всем стихиям (воды, воздуха, огня), ко всему, что составляет мир матери-Земли. Этот мир величав, торжествен, словно в первый день творенья:

Душой весны природа ожила,	Уж солнца раскаленный шар
И блещет все в торжественном покое:	С главы своей земля скатила,
Лазурь небес, и море голубое,	И мирный вечера пожар
И дивная гробница, и скала!	Волна морская поглотила.

(«Могилы Наполеона» — I, 13)

(«Летний вечер» — I, 16)

Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

(«Видение» — I, 17)

Таинственно, как в первый день создания,
В бездонном небе звездный сонм горит.

(«Как сладко дремлет сад темновеленый...» — I, 74)

Градиозность изображаемого мира определит во многом и своеобразное восприятие человека в тютчевской лирике первых десятилетий. Он принадлежит и «дневной», и «ночной» стихиям мира («родимым» оказывается не только Хаос, но и космос, «все звуки жизни благодатной»); он сознает себя сопричастным беспредельности мира.

Человек одновременно ощущает и малость, и колоссальность своего индивидуального бытия: «... не дано ничтожной пыли // Дышать божественным огнем», «Я, царь земли, прирос к земле», но: «По высям творенья, как бог, я шагал // И мир подо мною недвижим сиял» (I, 10, 77, 51).

Жизнь человека на грани «двух миров», во власти двух стихий, возможно, и объясняет такое пристрастие к поэтическому образу — символу сна, сновидения. Сон становится своеобразной формой существования, в котором грани, отделяющие Хаос от сияющего лика «дневного» мира, зыбки, подвижны, порой неуловимы.

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

(I, 29)

В этом прославленном стихотворении сны и стихия Хаоса оказываются понятиями одного смыслового ряда. Сны освобождают человека от сковывающей упорядоченности «дневного» бытия и уносят его в «неизмеримость темных волн».

Очень близкая мысль и в стихотворении «Как сладко дремлет сад темновеленый...»:

Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

I, 74)

Но «сны» у Тютчева соотнесены и с гармоническим, светлым миром. Сон в его поэзии бывает и «благодатным», и «волшебным», и «младенчески-прекрасным», и всеохватным — «всезрящим». Позднее Тютчев с образом «сна» будет чаще связывать ощущение благодатного покоя:

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

(«По равнине вод лазурной...» — I, 110)

В одном из самых значительных стихотворений конца 1820-х — начала 1830-х годов («Сон на море») «сон» не имеет четких эмоционально-смысловых границ. «Болезненно-яркий, волшебный-немой», он и противостоит одновременно стихии, грохоту «пучины морской», и не может оторвать человека от реального грозного мира (здесь сон скорее «всезрящий», соединивший «две беспре-

дельности», своевольно играющие человеком). Образы-символы стихотворения не только говорят о существовании человека на грани сна и яви, покоя и бури, но и как бы бесконечно раздвигают возможности человека, показывают огромность его места в мировой жизни. В звучащей, живой, грозной природе он не потерян, не раздавлен, он, «как бог». Отзвуки этого безмерного удивления перед мощью человека будут живы и в его поздней, порой такой горькой, лирике. Интересно отметить еще одну сторону этого удивительного стихотворения: Тютчев — романтик — своеобразный романтик! — «область видений и снов» делает болезненной («в лучах огневницы развил он (сон.— И. П.) свой мир»), не только не подменяющей реальную жизнь, но отступающей перед ее великой первородностью:

Но все грёзы *насквозь*, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

(I, 51; курсив мой. — И. П.)

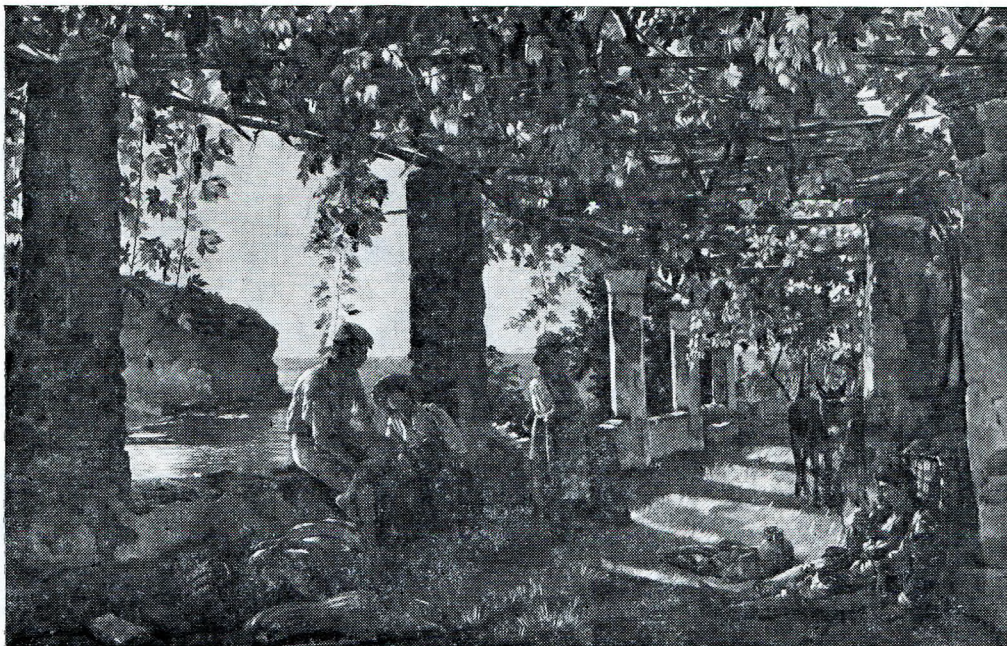
Если в творчестве Тютчева 1820—1830-х годов человек соотнесен с историей и многоаспектно — с природой, то понятия «общество» в его социально-исторической конкретности в первые десятилетия творчества у Тютчева, по существу, нет. Сетования на «бесчувственную толпу», понимание «большого света» как чего-то враждебного, строки о «нескромном шуме» людских толп и потерянности человека, чуждого «суесловью», — все это весьма характерно для лирического «реквизита» поэта-романтика. Но дело не в известной тематике, а в ее конкретном, поэтическом воплощении. В границах привычных романтических коллизий заключен, замкнут непривычный, необычайно глубокий мир человеческой личности.

Отъединенность человека от «толпы» в стихотворениях первых десятилетий творчества — как правило, акт свободной воли. Сам человек испытывает потребность ухода, разрыва, и жизнь еще представляет ему право выбора:

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

(«Silentium!» — I, 46)

Как осуществляется категорический императив поэта («Молчи, скрывайся и тай» — I, 46), свидетельствует написанное несколько лет спустя стихотворение «Душа моя — Элизиум теней...». Некрасову стихотворение «чрезвычайно» понравилось, но показалось непонятным и даже загадочным («странное по содержанию, но производящее на читателя неотразимое впечатление, в котором он долго не может дать себе отчета») ²⁰. И случилось это, конечно, не потому, что мир романтических образов был чужд Некрасову: он сам прошел через своеобразный романтический «искус». Совершенная поэтическая миниатюра Тютчева была действительно необычна, и понять ее смысл можно, лишь включив этот «фрагмент» (по известной терминологии Ю. Н. Тынянова) в общую систему мыслей и образов поэта. Внешний, так сказать, верхний «слой» поэтической мысли как раз обычен: отчужденность человека от суетного общества, от пошлой и «бесчувственной» толпы — это то, что романтическая поэзия — и русская, и европейская — положила в основу романтического мироощущения вообще. И сам образ «Элизиум», и его поэтическое употребление были привычны как для европейского, так и для русского читателя. В. А. Жуковский еще в 1812 г. переводит стихотворение Матиссона «Элизиум», придав некую «сладостную» зыбкость образу (владения «доброго гения смерти» там, «где источника журчанье, // Как далекий отзыв лир, // Где печаль, забыв роп-

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Картина С. Ф. Щедрина (масло), 1828
Третьяковская галерея, Москва

танье, // Обретает сладкий мир») ²¹. В это же примерно время пишет свой «Элизий» К. Н. Батюшков. В противовес Жуковскому, «мир усопших» у Батюшкова весьма полнокровен, пластичен и упоителен («... бог любви прелестной // Проведет нас по цветам // В тот Элизий, где все тает // Чувством неги и любви, // Где любовник воскресает // С новым пламенем в крови») ²². В начале 1830-х годов появляется «Мой Элизий» Е. А. Баратынского. Со всей определенностью уже в первых строках поэт пишет:

Не славь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.

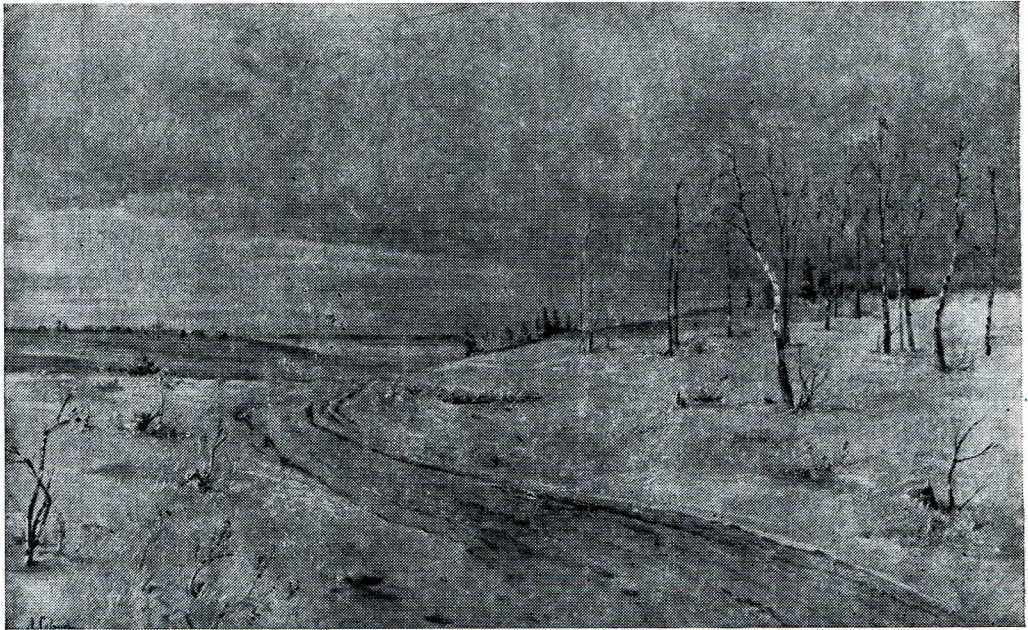
При всей внешней близости образа (память — Элизий, душа — Элизиум) Баратынскому оказываются чужды приращения, подобные тютчевским («Душа моя — Элизиум теней, // Что общего меж жизнью и тобою...»), ибо сам «мир теней» в памяти этого поэта — «мир живой»:

Там жив ты, Дельвиг! там за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты ²³.

Интересно, что в эти же годы и Лермонтов в «Элизийские поля» хочет перенести всю силу и напряженность земной страсти.

У Тютчева привычное сцепление образов: живое — мергвое своеобразно разомкнуто, изменено: живая душа оказывается «Элизиумом» — царством мертвых, обиталищем бесплотных теней. «Есть целый мир в душе твоей // Таинственно-волшебных дум», — утверждал поэт в «Silentium!» — и этот «целый мир» — «Элизиум»:

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Картина А. К. Саврасова (масло), 1870-е годы
Художественный музей Белорусской ССР, Минск

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

(I, 66)

И все эти *ни* (ни помыслам... ни радостям... ни горю) естественно приводят к утверждению полной чуждости души «живой жизни»: «что общего меж жизнью и тобою» — меж тем, что ушло, умерло («призраки минувших, лучших дней»), и бытием толпы. Обычное противопоставление (герой — толпа) обретает в плоти художественного образа многогранность и драматизм. Гармонически-стройное, «беспечальное» стихотворение «Душа моя — Элизиум теней...», включенное в систему лирических образов и представлений Тютчева, обнаруживает свой глубинный — и, несомненно, скорбный — смысл, ибо в его поэтическом мире полное отчуждение от «живой жизни» не есть спасение, благо (когда «пророчески-печальный глас» станет для Тютчева не метафорой, а ужасающей реальностью, с какой безнадежностью он скажет: «Живая жизнь давно уж позади» — I, 224; курсив мой. — *И. П.*)²⁴. Он был навек повенчан с жизнью и с праздничной победительной силой воспел мир земной красоты:

Нет, моего к тебе пристрастья	Что пред тобой утеха рая,
Я скрыть не в силах, мать-Земля!	Пора любви, пора весны,
Духов бесплотных сладострастья,	Цветущее блаженство мая,
Твой верный сын, не жажду я.	Румяный свет, златые сны?..

(I, 73)

Несомненно, и в прославленном «Silentium!», и в строках «Душа моя — Элизиум теней...» противопоставление «Я» — «не-Я», т. е. другим, жизни, объективно воспринимается как человеческая трагедия, причем трагедия, несущая на себе печать времени. Не случайно, например, исследователи составляли

«Silentium!» с кругом лермонтовских идей и образов, хотя этот «уход души в свои глубины» и заявлен, что было отмечено выше, как акт свободной воли ²⁵.

Если представить мир в поэзии Тютчева 1820—1830-х годов в его основных, общих очертаниях, то бросается в глаза укрупненность всего, что «есть он». Это — небо, земля, горы, это — мироздание, а рядом с ним — человек.

Когда же поэт соотносит человека с Историей, он чаще всего берет общие — и опять колоссальные — явления, обычно в достаточной степени абстрагированные от конкретных событий — взрывы и движение мировой Истории.

Мир позднего Тютчева имеет несколько иные очертания; мы из просторов мироздания попадаем на землю; ее грешный шум, боль и разлад ее сынов, прослеженные в отдельной человеческой судьбе, составляют основное содержание его поэтических откровений последних лет.

Между 1830-ми и 1850-ми годами пролегло десятилетие, полное исторических «катаклизмов», политических пророчеств и страстного самоубеждения. Начинаются годы пристального «всматривания» в русскую действительность: здесь и тоскливая скука путешествий в родной Овстуг, и бьющая в глаза убогость деревень, и пустынные дороги, и административная глупость, и подлость правительственной России, трагедия общего, трагедия частного — все это определит характер его поэтических раздумий. Такого детального, психологически-конкретного изображения отдельной человеческой судьбы, как в «денисьевском цикле», не было у раннего Тютчева. Но и в его позднем творчестве мы обнаружим ту же резкую поляриность восприятий. Чем труднее, чем обреченнее живет человек, тем сильнее, сладостнее любит он землю. Сияющий зеленый мир появляется у него даже в трагичнейшем из стихотворений о смерти («Весь день она лежала в забвении...»). Его краски то чисты и звонки, то грустно-нежны. И именно поздний Тютчев разлад и смуту человеческой души противопоставит «согласью полному в природе».

2

Мир в поэзии Тютчева предстает перед нами в контрастном освещении, причем контрастен и его внешний, переданный в красках и звуках облик, контрастны и те внутренние ощущения, которые рождают в читателе созданные поэтом образы. Все вместе составляет одну целостную картину, сцепленную из резко различных элементов. Иногда эти контрасты как бы снимаются поэтом, грань между явлениями стирается; красота начинает источать зло и смерть, а обаяние любви представляется таким же неотразимо прекрасным, как и ужасное обаяние смерти. Контрастность останется существеннейшей особенностью в поэзии позднего Тютчева, меняется лишь характер контраста. Так, по существу в конце 1840-х годов и в последующие десятилетия будет развернуто намеченное еще в ранней лирике Тютчева сопоставление Юга и Севера. Именно в эти годы приобретает оно вполне конкретный исторический смысл. Тогда же появится противопоставление естественного чувства и безобразной противоестественной морали, господствующей в обществе. Да и в самом человеке, в той большой неповторимой личности, которая запечатлена в поэтических созданиях Тютчева, мы найдем все те же противоположные моменты: силу чувства и бессилие воли, способность не покоряться тому, что узаконено и принято большинством, и невозможность защитить все то, что дорого и свято.

Трагизм Тютчева сродни трагизму Достоевского, хотя у последнего он гораздо более социален. К поэзии Тютчева близок и высокий трагический пафос Блока ²⁶. Как бы ни была опутана душа «страхами и мглами», в какую бы бездну ни пришлось заглянуть человеку, он сохраняет способность мыслить, судить себя и мир, чувствовать красоту. Так и у Достоевского «из недр земли трагической» вырывается порой гимн жизни, величию человеческого разума и человеческой воли. Так и лирический герой поэта XX в. Александра Блока, падая и оступаясь, сохранит способность глубоко любить, верить, искать, ненавидеть.

Трагическое ощущение жизни, ее острых противоречий определяет и трагизм человеческой судьбы.

Интересно проследить, как реализуется у Тютчева и наполняется живым ощущением времени излюбленная антитеза Юг — Север. В этом противопоставлении, как всегда у Тютчева, много различных граней, тонких оттенков. Юг ассоциируется с самим понятием жизни, полноты и радости существования; с ним связано представление о молодости, расцвете человеческих чувств. В картинах «блаженного юга», возникающих в многочисленных стихотворениях поэта, варьируются устойчивые образные компоненты — пространственные и живописные: горы, светлые долины, лазурь небес и лазурь моря, лавры и кипарисы, золотые облака и золотистый виноград. В предельной светоносности многих картин есть что-то близкое праздничным итальянским зарисовкам и пейзажам К. Брюллова и С. Щедрина с их эффектной декоративностью²⁷:

Лавров стройных колыханье	Целый день на солнце зреет
Зыблет воздух голубой,	Золотистый виноград,
Моря тихое дыханье	Баснословной былью веет
Провеяет летний зной,	Из-под мраморных аркад...

(I, 111)

И хотя поэт признает, что этот «край иной» — «родимый край // Словно прадедов виною // Для сынов погибший рай», он смотрит на него часто как на прекрасное произведение искусства, радуясь, восхищаясь, но чувствуя себя здесь, «на золотом, на светлом юге», пришельцем.

Порой контраст Юг — Север обнажен, открыто выговорен поэтом («Давно ль, давно, о юг блаженный...», «Глядел я, стоя над Невою...», «Вновь твои я вижу очи...»). В первом из этих стихотворений Юг — синоним первозданной нерасчлененности «светлого мира», его прекрасной гармонии. Эта мысль была еще в раннем стихотворении «Утро в горах» с его ликующим праздничным «запевом»:

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

(I, 19)

Поэт, «пришлец», в пении «великих Средиземных волн» слышит музыку природы, он ощущает всю прелесть и полноту бытия:

И песнь их, как во время оно,	Они все те же и поныне —
Полна гармонии была,	Все так же блещут и звучат;
Когда из их родного лона	По их лазоревой равнине
Киприда светлая всплыла...	Святые призраки скользят.

(I, 92)

И как мучительная, болезненная антитеза «светлому миру» — «свинцовый небосклон», готовый раздавить человека, ужас «царства вьюги», «рубежа земли». Этот антигетический образный ряд сохранится у Тютчева во всех произведениях, где есть прямая соотнесенность Юга и Севера.

Только в поздних трагических стихотворениях 1864-го года («Утихла биза... легче дышит...», «О этот юг, о эта Ницца...») «блаженный юг» — уже не прибежище и не отрада. Он остался таким же ослепительно-прекрасным, но человек в муке одиночества, в беспредельности своей потери и своего душевного сиротства видит только привычную повторяемость великолепных картин, потерявших свою целительную силу; блеск этого мира лишь тревожит сердце потянутого человека. Однако привычное у Тютчева противопоставление Юга и Севера имеет еще один, внутренний — и очень важный — смысл: это два мира — это те же Европа и Россия, но только странно смещенные, сдвинутые с тех привычных мест, которые определил для них Тютчев-публицист. Это основные анти-

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

Литография К. Шульца по рисунку И. Мейера, 1850-е годы

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

номии его политической прозы, но уже парадоксально направленные против «пророческих» вещаний самого поэта. У молодого Тютчева с представлением о родном Севере мы столкнемся лишь дважды, но показан Север весьма характерно. В уже цитированном стихотворении «14-ое декабря 1825», давая оценку движению декабристов, Тютчев неожиданно заговорил на их языке или, во всяком случае, на языке, им понятном. «Вечный полюс» — так впервые представил он себе императорскую Россию. В 1830 г., в один из приездов на родину, он пишет коротенькое стихотворение, в котором скудость, бедность родной земли рождают чувство мертвенности, оцепенения, молчания («Здесь, где так вяло свод небесный...»). В середине 1840-х годов Тютчев возвращается на родину, исполненный веры в могущество «Великой империи», но странно, облик родного Севера не только не меняет своих очертаний, но и с еще большей болезненной резкостью напоминает поэту о «сне железном», о полном отсутствии живой деятельности. «Дело мнения» сталкивается с непосредственным поэтическим восприятием действительности, и вместо «земли обетованной» поэт встречает «страну слез». Ряд стихотворений связан у Тютчева с вполне конкретным образом современной поэту России. Эти стихотворения очень разные: исполненные пронзительно тоскующей любви строки «Эти бедные селенья...» и стихи, навеянные встречей с родным гнездом («Итак, опять увиделся я с вами...»), лирическое признание «Вновь твой я вижу очи...» и путевые зарисовки с их глубоким внутренним смыслом («На возвратном пути»). Это, наконец, стихотворения, посвященные любимому Царскому Селу («Осенней поздней порою...» — 1858, «Тихо в озере струится...» — 1866). Чаще всего Север безобразен, ибо безжизнен («сновиденьем безобразным скрылся Север роковой...» — I, 111; курсив мой. — *И. П.*), но в двух последних стихотворениях перед нами картина истинной красоты, тонкого очарования:

Осенней поздней порою
 Люблю я царскосельский сад,
 Когда он тихой полумглою
 Как бы дремотою объят,
 И белокрылые виденья,
 На тусклом озера стекле,
 В какой-то неге онемеья
 Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
 Екатерининских дворцов
 Ложатся сумрачные тени
 Октябрьских ранних вечеров —
 И сад темнеет, как дуброва,
 И при звездах из тьмы ночной,
 Как отблеск славного былого,
 Выходит купол золотой...

(I, 177)

Удивительно это стихотворение. Одно из самых «сладкозвучных», построенное на изысканно-мягких звуко сочетаниях, выговоренное негромко, со своеобразным внутренним «распевом», оно рисует тихий, уснувший, «очарованный мир». Звуковой рисунок напевен и утончен: Слова, как части музыкальной фразы: ее еще долго слышишь, после того, как она отзвучала. Так «поется» вторая часть первой строфы, опорные звуки составляют своеобразную «песню без слов» для голоса, так они чисты, наполнены вольным и широким дыханием.

Не менее изысканны и чуть «размыты» краски: мягкое (ночное) сияние золотого, матово-серебристого, призрачно-белого. Застывшие воды озера неподвижны, напоминают поверхность стекла, и царскосельские лебеди («белокрылые виденья») не отражаются, а именно «коснеют» в полумгле. «Сумрачные тени» покрывают этот великолепный, таинственный, почти не реальный мир — говоря словами самого поэта, сказанными по другому поводу, — «мир волшебный, но отживший». Вся эта покорившая поэта красота им самим воспринимается как «отблеск славного былого». То же очарование былого и в стихотворении «Тихо в озере струится...». Недаром поэт несколько раз повторяет («много в озеро глядится // Достославностей *былых*»; «Здесь *былое* чудно веет // Обаянием своим»; «Здесь великое *былое* // Словно дышит в забытьи» — I, 208; курсив мой. — И. П.). Этому миру свойственны неподвижность, оцепенение, дремотность:

Дремлет сладко, беззаботно,
 Не смущая дивных снов
 И тревогой мимолетной
 Лебединых голосов...

(I, 208)

Мир былого прекрасен, но призрачен; он рождает в душе печаль и сожаление.

Как же поэт ощущает *современную ему Россию*, что он видит в ней, какие мысли рождают у него ее просторы?

В 1844 г. он создает первое стихотворение, написанное после возвращения из-за границы, оно посвящено Петербургу: «Глядел я, стоя над Невой...». «Грустно-молчалив», пристально вглядывается поэт в открывшуюся перед ним картину города:

Всходили робко облака
 На небо зимнее, ночное,
 Белела в мертвенном покое
 Оледенелая река.

⟨ . . . . . ⟩

О Север, Север-чародей,
 Иль я тобою околдован?
 Иль в самом деле я прикован
 К гранитной полосе твоей?

(I, 101)

Перед нами «оледенелое», «заколдованное» царство («О Север, Север-чародей!»), противопоставленное тем странам, «где солнце греет». Но не только «мертвый лик» города рисует Тютчев. Главное в стихотворении не сам пейзаж, а его восприятие человеком, мучительное, тоскливое чувство обреченного на жизнь в «ледяном царстве» (Тютчев находит очень точное слово: «Иль в самом деле я *прикован* к гранитной полосе твоей?»). Здесь, действительно, контраст имеет «не только географическое и биографическое, но и политическое» значение²⁸. Официальная императорская Россия в глубине души рождает странные для благонамеренного чиновника и уж совсем недопустимые для «идеолога» «Ве-

ликой империи», каким иногда ощущал себя Тютчев, чувства тоски и безнадежности.

Еще резче о Петербурге — императорской столице — он напишет четыре года спустя во французском стихотворении «Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège...». Нависшее небо, застывшая ледяная глыба реки, нити снежной пыли на гранитных набережных — холод и смерть. «Le monde recule, // Le monde des vivants <...> // Et, bercée aux lueurs d'un vague crépuscule, // Le rôle attire à lui sa fidèle cité...»^{3*} (II, 245).

С удивительной настойчивостью, из стихотворения в стихотворение переходят картины мертвенного покоя, мрака, холода, пустынного, безлюдного, а следовательно, и безжизненного простора («Русской женщине», «Итак, опять увиделся я с вами...», «На возвратном пути») ²⁹. «Безлюдный» — один из постоянных эпитетов, который применяет Тютчев к родному краю. Нужно представить себе личность поэта, чтобы понять, какой смысл вложил он в это слово. Не было для него ничего мучительнее, тяжелее безлюдья. Путешествуя по дорогам России или наезжая в родной Овстуг, Тютчев испытывал болезненно-тягостное чувство затерянности. Подобное психологическое состояние, столь определенно отразившееся и в его письмах, и в его лирике, помимо всего уже отмеченного, вызвано было еще и неспособностью почувствовать «эти бедные селенья» чем-то бесконечно близким себе. Они воспринимаются им как бы со стороны. Тютчев искренно желал народу добра. В стихотворении «Над этой темною толпой...» открыто высказано отношение поэта к злу крепостного права, это же отрицание рабства во многом определило и высокую оценку им тургеневских «Записок охотника».

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

(I, 169)

Слово «Свобода» не подлежит двузначному толкованию, но оно и никак не противоречит тому ожиданию освобождения народа, которое характерно было для части дворянского общества (и для непосредственного окружения поэта тоже).

Тютчев верил в высокое предназначение своего отечества (как бы он ни ошибался при этом в конкретном толковании подобного «предназначения»). Истинным и глубоким патриотизмом продиктованы строки поэта:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

(I, 210)

В его знаменитом стихотворении «Эти бедные селенья...» есть и любовь, и печаль, и вера:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.

(I, 161)

Не случайно оно так взволновало Шевченко³⁰, а Чернышевский назвал его «прекрасным»³¹. И все же Тютчев — поэт и мыслитель — видел прежде всего

^{3*} Мир отступает, мир живых <...> И полюс влечет к себе свой верный город, // Убаюканный при свете мутных сумерек».

ДЕРЕВНЯ

Картина Ф. А. Васильева (масло), 1869
Русский музей, Ленинград

скудость родной земли и «долготерпенье» русского народа. Его современник Некрасов писал:

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!

Этот простор для Некрасова был *населен*; он сроднился с ним — чувство, которое не суждено было испытать Тютчеву. Ему не дано было увидеть «сияющий лик» России. В его лирическом рассказе о ней есть и правда, и честность³². Пожалуй, с особенной яркостью это сказалось в «Русской женщине» и в диптихе «На возвратном пути» («Грустный вид и грустный час...» и «Родной ландшафт...»).

Эти на первый взгляд столь разные миниатюры Тютчева посвящены судьбе человека в его отечестве. Восприятие русской действительности в «Русской женщине» близко всем тем, кто задыхался в стране «кнута и казармы», кто мучился в «николаевской тюрьме». В этом стихотворении нет определенного социального адреса, как, например, в близкой по мысли некрасовской «Тройке»³³, хотя оба поэта говорят о тяжелой участи русской женщины («бесполезно угасшая сила и никем не согретая грудь»). Просто перед нами кусочек жизни со всей ее мучительной правдой. Исполнен сочувствия и печали голос поэта:

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

Он предрекает женщине, что ее жизнь пройдет бесцельно и бесследно,

Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле.

(I, 115)

Есть здесь в самой мелодии звуков, в словесных повторах, в обилии близких определений (близких и семантически, и музыкально) какая-то страдальческая, горестная покорность. Трижды со все усиливающейся нотой безнадежности звучит тютчевское *вдали* (вдали от солнца... от света... от жизни), отделяя резкой чертой мир радости от мира скорби; завораживающая тоскливая пустынность в повторяющихся звуках, в тончайших смысловых оттенках поставленных рядом слов (в краю *безлюдном, безымянном, // на незамеченной земле, // на небе тусклом и туманном*).

Добролюбова поразили тютчевские строки; он увидел в них отражение определенных, типических явлений николаевской эпохи: «безнадежно-печальные, раздражающие душу предвещения поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России»³⁴.

В 1859 г. те же образы возникают в стихотворении «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...» (из диптиха «На возвратном пути»). Десятилетие, разделяющее эти два стихотворения, было очень емким для Тютчева. Он пережил события Крымской войны и связанное с этой войной сильнейшее разочарование в правительственных верхах. И теперь, в годы подготовки крестьянской реформы, появляется это глубоко-печальное стихотворение. Оно может служить своеобразным поэтическим комментарием к его письмам того времени, где так много скептицизма и неверия в наступившую с новым царствованием «оттепель».

Молодую же Россию, Россию демократическую, революционную, Тютчев знал плохо и был ей враждебен. Картина земли — «родного ландшафта» — с угрюмыми лесами «под дымчатым навесом огромной тучи снеговой», с редкими пятнами «стоячих вод, покрытых первым льдом», органически переходит в раздумья о жизни человека здесь, в «пусто-необъятном» краю, где все так голо, так уныло, где даже романтический месяц, это непрременное украшение пейзажа, воспринимается как «призрак гробовой» в затерянной, «безлюдной» пустыне. И так же, как в «Русской женщине» (еще резче!), подчеркнуты безжизненность, мертвенность, оцепенение, охватывающее душу человека («Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья — жизнь отошла...»). Человек подчинился невеселой судьбе, он почти нереален («... покорясь судьбе, // В каком-то забытии изнеможенья, // Здесь человек лишь снится сам себе»). И как прекрасное видение опять возникает далекая «страна молодости», где осталась частица души поэта, — «...края, где радужные горы // В лазурные глядятся озера» (I, 178—179).

Этим же ощущением проникнуто прекрасное стихотворение Тютчева о людском горе, людских слезах, часто безвестных и незримых (опять тот же образ, отнесенный уже непосредственно к страдающему человеку). Осенний дождь заставил поэта почувствовать бесконечность и беспросветность человеческих страданий. Совершенная образная структура стихотворения с характерными для Тютчева смысловыми и звуковыми повторами, единая стиховая «вязь» строк делают пугающе ощутимыми эти «безвестные», «неисчислимые» слезы — символ горестного удела человека.

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Непостижимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

(I, 112)

Разумеется, в душе Тютчева жил, не мог не жить иной образ Родины. Ведь как ни общи его посвященные природе стихотворения, многие из них навеяны прелестью родных полей, очарованием прохладной русской осени, блеском красок «чародейной» русской зимы. Но нами были взяты те стихотворения, в которых не только воспроизведены *глазом* увиденные картины, но дано также очень определенное *ощущение* современной поэту жизни. Ощущение это было безрадостным. Так большая правда времени вошла в его поэзию, и к тем проклятиям николаевскому царствованию, которые мы найдем в произведениях наиболее передовых и гуманных умов России XIX века, должны быть присоединены и эти стихотворения поэта. В них характерное, типическое; правдивый рассказ о том, *что* чувствовал незаурядный русский человек, *как* воспринимал он жизнь в «христианской империи» — «святом ковчеге» — величие и благодетельность которой он тщился доказать в своих политических статьях³⁵. Это очень своеобразная и сильная страница тютчевской поэзии.

3

Молодой Тютчев тревожно и жадно прислушивался к шуму ночного ветра: «О чем ты воешь, ветер ночной? // О чем так сетуешь безумно?..»; он умолял «стихию» не трогать своим «буйством» душу, заранее уверенный в бесполезности мольбы: «О, страшных песен сих не пой // Про древний хаос, про родимый <...> // О, бурь заснувших не буди — // Под ними хаос шевелится!» (I, 57). В этом родстве для Тютчева был свой глубокий и таинственный смысл. Хаос, бурная, слепая, разрушительная и созидаящая сила в творящей природе, и та же темная, роковая сила в человеческой душе. Потом эта параллель потеряет всю свою напряженную страстность, странно истает, и на смену придет усталое и равнодушное признание:

Дума за думой, волна за волной —
 Два проявления стихии одной:
 В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
 Здесь — в заключении, там — на просторе, —
 Тот же все вечный прибой и отбой,
 Тот же все призрак тревожно-пустой.

(I, 137)

Как уже отмечалось, Тютчев удивительно остро чувствовал и красоту бытия, и ужас действительности с ее противоречиями. Может быть, основной, все другое определяющий контраст его поэзии и заключается в этом: в ощущении многоцветной, сияющей, торжествующей прелести земли, радости познания, глубины чувства и мысли, с одной стороны, и в утверждении призрачности, хрупкости жизни, болезненно-сложных, «роковых» сторон человеческого существования — с другой. Это два полюса, между которыми как бы заключена его поэзия. Причем в своем упоении жизнью Тютчев самозабвенен:

Как весел грохот летних бурь,	И опрометчиво-безумно
Когда, взметая прах летучий,	Вдруг на дубраву набегит,
Гроза, нахлынувшая тучей,	И вся дубрава задрожит
Смутит небесную лазурь	Широколиственно и шумно!

(I, 140)

Поэт откликается на все голоса жизни, и в этом есть что-то от пушкинского восприятия бытия. «Огни и грозы» горят в поэзии Тютчева неугасимо, не ослабленные, не уничтоженные мукой и болью. Но не менее сильным (особенно у позднего Тютчева) становится сознание жизненного трагизма: однажды Тютчев назвал мир «одичалым» («...все гуще сходят тени // На одичалый мир земной» — II, 234). Картины жизни в его творчестве — это прежде всего то, что он видел, почувствовал, пережил сам. Разумеется, вопрос о связи поэта с его

временем решается по-разному. Судьба, характер, взгляды — все отразится, отстоится в рассказе «о времени и о себе».

В послании к поэту Н. Ф. Щербине Тютчев писал:

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

(I, 168)

Это очень характерное, очень «тютчевское» стихотворение. Поэтический мир Щербины, этого даровитого стихотворца, пытающегося чувствовать, думать подобно гармоническому человеку Эллады, осознается Тютчевым как попытка уйти от слишком тяжелых впечатлений бытия, от «скифской вьюги снеговой», укрыться в стране, где царствует «свобода золотая», в стране мечты. Для Тютчева в этом есть нечто очень понятное, объяснимое, но болезненное (недаром: «... понятно мне значенье // Твоей болезненной мечты»), тревожное, какой-то надрыв и в сущности — безнадежность. А ведь сам Щербина как раз пытался жить в мире гармонии и душевного здоровья. Может быть, в восприятие антологической поэзии Щербины Тютчев внес нечто от самого себя: жить в мире иллюзий — пусть красивых, заманчивых и тепивших воображение — он не мог³⁶.

Время по-разному диктует свои условия художнику, облагораживает его или казнит. Мы знаем воинствующую демократическую позицию Некрасова, видевшего истинное назначение поэзии в служении тем благородным задачам, которые выдвигало время. Больше того, именно в таком служении времени он усматривал подлинное бессмертие поэзии.

Было и демонстративное «бегство от времени», желание отбросить прочь все, что «не вечно», что связывает поэта с его эпохой, ее бедами, болезнями, стремлениями. Но в этом случае урезанная, обделенная поэзия мстила сама за себя.

Очень даровитый Ап. Майков, один из наиболее приверженных сторонников поэзии «вне времени», однажды признался:

Пишу, и бойкий стих и блещет, и поет.
Но он восторгу чужд и чужд душевной муки³⁷.

Поэзия Тютчева, ставившая, казалось бы общечеловеческие вопросы, «вся в настоящем разлита»; она отозвалась на самые сложные и сокровенные явления времени, отозвалась не прямыми декларациями (они у него немногочисленны и чаще всего лишены подлинной художественности), а тем внутренним духом, которым она пронизана, — трагизмом одинокого существования, раздвоенностью человеческой души, неверием, порой отчаянием, а вместе с тем непокорством и гордыней, беззаветностью любви и бесстрашием мысли.

Мир, видимый глазами поэта, предстает в различных аспектах, но, как уже не раз отмечали пишущие о Тютчеве, этот мир чаще всего напоен дыханием грозы, полон тревожных сверканий молний. Если пристально взглянуть в него, то бросится в глаза одна характерная особенность: человек в этом мире порой кажется странником, жизнь его потеряла устойчивость, определенность, он несется по миру, гонимый неутоленной тоской, жаждой рассеяния и забвения. «Дивный мир» воспринимается часто как мир хаотичный, беспорядочный, в нем мечется одинокий человек со своими порывами, разрушительными и злыми страстями. Пытаясь проникнуть в тайны мироздания, человек и там не находит гармонии, видит один торжествующий Хаос: «И бездна нам обнажена // С своими страхами и мглами» (I, 98), «И человек, как сирота бездомный, // Стоит теперь, и немощен и гол, // Лицом к лицу пред пропастью темной» (I, 118). Мир «бездушный и бесстрастный» встречает и провожает человека. Жизнь, прожитая отдельным человеком и человечеством, кажется «подвигом бесполезным». Происходит по-своему парадоксальное явление. Слово «Хаос»

(как символ, знак) постепенно исчезает из лирики последних десятилетий, но понятие «Хаос» остается, оно наполняется конкретным социально-историческим содержанием. От Хаоса — первоосновы всего сущего, от Хаоса в его всеохватном, метафизическом смысле — к хаосу в душе человека, вызванному вполне определенными обстоятельствами, к хаосу в жизни общества.

Человек в поэзии Тютчева жаждет цельности и не находит ее. Мысли об одиночестве, отъединенности, мучительный процесс обособления личности, характерный для буржуазной эпохи, найдем мы и в тютчевской поэзии. Раздумья о человеческом одиночестве всегда у Тютчева соседствуют с утверждением непрочности, мимолетности жизни. Он говорит и об отъединенности человека от мира природы, о стремлении его слиться с ней и невозможности этого слияния (в «невозмутимый» строй «великого целого» он вносит смуту, тревогу, ропот, разлад), и о своеобразном (в поэзии позднего Тютчева) «разобществлении» человека. Рвутся привычные общественные, семейные связи, нет своего угла, своего дома, нет пристанища одинокой душе. Интересно, что самое понятие «общество» (у Тютчева: свет, толпа, суд людской), вошедшее в его лирику именно в 1850—1870-е годы, осознается не как нечто высокое и даже не как определенная нравственная сила, требующая служения себе во имя долга, а как сила безобразная и безнравственная.

Тема странничества, скитальчества («Из края в край, из града в град...») возникает еще у раннего Тютчева, но осмысление ее в разные годы различно. Интересно сравнить два стихотворения: «Странник» (1830) и «Пошли, господь, свою отраду» (1850). В первом тема странника, «угодного богам», раскрывается в плане типично романтическом. В единении с природой, в уходе от привычного мира («домашних очагов изгнанник, // Он гостем стал благих богов») — высшая радость, радость познания, прозрения, душевной гармонии. Совершается своеобразный акт очищения, просветления души, прикоснувшейся к сладким тайнам земли:

Сей дивный мир, их рук создание,	Чрез веси, грады и поля,
С разнообразием своим,	Светлея, стелется дорога, —
Лежит развитый перед ним	Ему отверста вся земля,
В утеху, пользу, наизиданье...	Он видит все и славит Бога!..

(I, 35)

В вариации на гейневское «Es treibt dich fort // von Ort zu Ort...» — странничество невольное, роковое, проявление слепого жестокого фатаума:

Из края в край, из града в град
 Могучий вихрь людей метет,
 И рад ли ты, или не рад,
 Не спросит он... Вперед, вперед!

(I, 55)

Стихотворение «Пошли, Господь, свою отраду...», возвращая к мотивам «дороги», «жизненного пути», не соотносит человека с «дивным миром», а резко разделяет их. Самые понятия «мир», «красота» имеют в этих поэтических созданиях Тютчева разный смысл. В «Страннике» мир первоначально прекрасен, и бедный странник (эпитет «бедный» имеет здесь очень своеобразный смысловой ракурс: освобожденный от всего мелочно-бытового, житейского) — желанный гость этого мира. Все укрупнено, предельно обобщено поэтом («Чрез веси, грады и поля, // Светлея, стелется дорога»). В стихотворении «Пошли, Господь, свою отраду...» мир сужен, возникают, хотя и трактованные символически-многозначно, но реально представляемые «жаркая мостовая», «ограда», через которую лишь вскользь может заглянуть человек в этот запретный для него сад. Отторгнутость человека от прекрасного мира — не акт свободной воли, а следствие жизненной трагедии. И «красота» здесь скорее «роскошь», не бытие матери-природы, а быт, но изображенный в его внешних общих приметах (сад, «облак дымный» фонтана, «лазурный грот» в этом саду). И, несомненно, в самой глубине

поэтического микромира стихотворения содержится контраст роскоши и обездоленности, словом, все та же трагическая жизненная антиномия. Однако трактовать стихотворение в целом лишь как «социальную картину» нельзя. Это невольно разрушит многозначность поэтической мысли (включающей в себя и этот момент, но лишь как один из моментов). А между тем именно такое прочтение толкнуло в свое время талантливого поэта-сатирика Николая Ломана на создание едкой пародии. Ломан расценил стихотворение как ненавистную ему высокомерно-аристократическую филантропию, снисходительное сожаление о «меньшем брате»³⁸. Образ человека, бредущего мучительной «жизненной тропой», у Тютчева, несомненно, символичен. Все стихотворение проникнуто истинным состраданием к людям, ограбленным жизнью, познавшим ужас «бездомности». Эту «бездомность», отъединенность от мира устойчиво-привычного поэт порой ощущал в самом себе со всей беспощадной определенностью.

Одиночество, невозможность «счастья вдвоем» связаны в поздних стихотворениях поэта не с извечными — «надмирными» — законами, а с безобразием людского суда, пошлостью и лицемерием, господствующими в обществе, и, наконец, со смертью. Тютчев повествует о «сиротстве» человеческой души, о незащитности сердца перед этим жестоким сиротством. Тема разлуки, временной разобщенности, переходит в рассказ о мучительном и вечном разъединении. Боль разлуки — преодолимая, не истинная: «для сердца есть другая мука, невыносимей и больней» — мука вечной разлуки *живого с живым* (именно живого с живым!), невозможность «сдернуть покрывало», разъединяющее их.

Пора разлуки миновала,	И знаем мы: под этой дымкой
И от нее в руках у нас	Все то, по чем душа болит,
Одно осталось покрывало,	Какой-то странной невидимкой
Полупрозрачное для глаз.	От нас таятся — и молчит.

< . . . . . >

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

(I, 221)

Стихотворение Тютчева «Как нас ни угнетай разлука...» (1869) заставляет вспомнить «Silentium!». «Молчи, скрывайся и таи» — «От нас таятся — и молчит» — эта переключка слов-образов не случайна. Она возвращает читателя к столь, казалось бы, безукоризненной логике прославленных строк для того, чтобы усомниться в их спасительной непреложности. Разобщенность осознается поэтом как проклятие и мука многих. Отсюда не привычное обращение к лирическому субъекту, а сознательная «множественность» людских «Я», заключающих в себе и «мир двоих», и мир людской вообще.

Насколько эти тютчевские настроения были вызваны «болью времени», говорит и тот небезынтересный факт, что примерно в эти же годы мучительно думал о том же Лев Толстой. В августе 1871 г. он случайно встретился с Тютчевым. Сохранилось письмо писателя к Н. Н. Страхову, в котором рассказано об этой встрече. В письме есть любопытные признания. Толстой прямо говорит о поразительной близости своих мыслей и чувств тютчевским. По утверждению писателя, Тютчев — один из очень немногих людей, «с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил». В словах толстовского письма словно оживает голос поэта, ибо оно ведет нас в глубь трагических размышлений Тютчева: «Кто мы такие и зачем и что мы живем и куда мы пойдем, мы не знаем, и сказать друг другу мы не можем... Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников»³⁹. Сколько раз подобные вопросы, подобные образы возникали в произведениях Тютчева (вплоть до этого тютчевского, странного у Толстого, понятия «путешественники», прикрепленного к людскому племени). Толстой со своим страстным желанием (даже в эти годы) найти, обнаружить

LVIII.

Silentiūm.

Молчи, скрывайся и тай
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и вайдуть онѣ.
Какъ звѣзды ясныя въ ноци:
Любуясь ими и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Поймешь ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутитъ ключи:
Питайся ими и молчи!

ПОМЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО НА ПОЛЯХ
СТИХОТВОРЕНИЯ «SILENTIUM!»:
«Г(ЛУБИНА)»

В книге: «Сочинения Ф. И. Тютчева». СПб., 1886
Музей Л. Н. Толстого, Москва

«Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения» (Л. Н. Толстой)

Тютчев очень ценил в жизни и в человеке целостность, душевную гармонию. В большом стихотворении, посвященном памяти В. А. Жуковского, он как раз отмечает в его жизни и личности это стройное, гармоническое начало, восхищается им:

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он все в себе мирил и совмещал.
< . . . . . >
Он стройно жил, он стройно пел...

(I, 150—151)

Однако поэт сознает для себя полную невозможность подобной душевной гармонии.

Распад в пореформенной России привычных форм жизни, появление взаимоисключающих тенденций в обществе, страх перед уничтожением и вечным исчезновением, разгул хищничества в сфере экономической и политической, отказ от прежних нравственных норм и торжество откровенного бесстыдства привели к расщеплению самой личности, к утере цельности, к раздвоенности. Процесс этот ужасал Тютчева; наблюдая разительные проявления его в жизни, в людях, в самом себе, он начинает писать о трагедии «двойного бытия».

В поэзии Тютчева (вспомним, что о ней писал И. С. Аксаков: «Его поэзия<...> субъективна, ее повод — всегда в личном ощущении, впечатлении и мысли; она неспособна отрешиться от личности поэта»⁴⁰) на очень личном, даже интим-

корни, прикрепиться к земле (в прямом, а не философском смысле) начинает думать о вечном странничестве человека, «путешественника», чья жизнь — «пустынная дорога», только иногда освещаемая высокой радостью поэзии или теплом минутной близости и единения с себе подобными. Но если Толстой старается убедить себя в сладости самоуглубления (именно поэтому так дорого ему было тютчевское «Silentiūm!»), ищет уединения, то Тютчев не стремится уйти от людей, для него одинокое существование — мука, и никогда — спасение, выход. Более того, со всей определенностью Тютчев скажет о бессилии отъединенного, одинокого человека. Очень характерны для него строки:

На самого себя покинут он (т. е. человек. — И. П.) —

Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела....

(«Святая ночь на небосклон взошла...» — I, 118)

«Упразднен ум, и мысль осиротела», — говорит поэт о человеке, *покинутом* на самого себя. Своеобразно в этом стихотворении употребление излюбленного тютчевского слова «бездна»: упредший в себя человек уходит в бездну, откуда нет возврата.

ном материале исследуется то, что становилось бедой многих высокоталантливых и даровитых русских людей. О своеобразном раздвоении художника писал еще Пушкин в своем известном стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»). Но у Пушкина — это соединение, казалось бы, несоединимого в душе художника: творческого горения, художнических порывов, чистого и высокого рыцарства, поэтических «озарений» и мелкой житейской прозы, которая его окружает и которой он, увы, вынужден платить дань. Болезненное сомнение, душевное смятение, тревога, ранящие душу ядом скепсиса, иронии, безверия, — вот что пришло на смену поэтически целостному и, несмотря на сложность, глубину и тягостность раздумий, ясному миру пушкинского поэта. Явление двойничества было качественно иным, симптомы его одним из первых увидел Достоевский. Начиная с «Двойника» и завершая «Братьями Карамазовыми», он будет искать причины страшного раздвоения души и исследовать формы такого раздвоения⁴¹. Над этой мучительной напастью задумывались даже те из современников Достоевского и Тютчева, которые, казалось бы, более других были застрахованы от подобной беды.

В 1862 г. в журнале «Время» (№ 4) появилось любопытное стихотворение Я. П. Полонского «Двойник». Полонский пытается объяснить раздвоение вне социально-исторических причин, как определенное — хотя и тяжкое, и болезненное — состояние человеческой души, души художника:

— Что ты пророчишь мне, или зачем пугаешь?
 Ты призрак или обман фантазии большой?
 — Ах! — отвечал двойник: — ты видеть мне мешаешь
 И не даешь внимать гармонии ночной;
 Ты хочешь отравить меня своим сомненьем,
 Меня — живой родник поэзии твоей!..
 И, не сводя с меня испуганных очей,
 Двойник мой на меня глядел с таким смятеньем,
 Как будто я к нему среди ночных тейей —
 Я, а не он ко мне — явился привиденьем⁴².

«Зачем пугаешь?» — со страхом спрашивал Полонский. Чрезвычайно интересно в стихотворении Полонского ставится вопрос о «двух стихиях» человека искусства. Причем способность «внимать гармонии ночной», видеть мир целостным и прекрасным оказалась не основной, не определяющей особенностью художника: смятение становится его уделом (отсюда странное смещение: *двойник* смотрит «с таким смятеньем, // Как будто я к нему среди ночных тейей — // Я, а не он ко мне — явился привиденьем. — Курсив мой. — И. П.).

И даже Ап. Майков, который не раз повторял «я одиночества не знаю на земле», а поэтическую мысль воспринимал как некое торжественно-спокойное божество, несущее с собой прозрение и тишину, однажды обмолвился тревожными словами все о том же проклятом «двойнике»:

Все страшно в нем видеть свой образ, но только без сердца,
 Без страсти и с вечно-холодной логической речью...⁴³

Мысль о раздвоенности личности в определенных социально-исторических условиях беспокоила многих. Она носилась в воздухе, жизнь давала этому слишком много подтверждений. Это явление станет особенно болезненно-острым в конце века. Перед ним будет беззащитен и Александр Блок. Бесчисленные вариации «Двойника» в его поэзии окрашены и отвращением, и ненавистью, и тоской, и покорным страданием⁴⁴. Но в середине XIX в., пожалуй, только у двух художников — Тютчева и Достоевского — мысль о расщеплении человеческой личности и о глубочайшем страдании, вызванном этим расщеплением души, — занимает такое важное место, хотя и очень по-своему у каждого. Объясняется это, вероятно, помимо некоторой близости восприятия ряда явлений жизни, причинами субъективно-психологическими. О Тютчеве близкие его говорили как об одинокой «планете», как о человеке вне всяких привычных законов и

правил. «Он весь — воплощенный парадокс», — писала об отце А. Ф. Тютчева. Прекрасно знавший Тютчева, ценивший и любивший его И. С. Аксаков останавливается на странной особенности поэта, который поражал его то одним, то другим своими «ликами». Для Аксакова, натуры в достаточной степени цельной, фанатически преданной идее, это казалось особенно тягостным: «Ум сильный и твердый — при слабодушии, при бессилии воли... Ум зоркий и трезвый — при чувствительности нервов самой тонкой... Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы, — при совершенной неспособности к действию... дух мыслящий, неуклонно сознающий ограниченность человеческого ума, но в котором сознание и чувство этой ограниченности не довольно восполнялось живительным началом веры... В этой двойственности, в этом противоречии и заключался трагизм его существования. Он не находил ни успокоения своей мысли, ни мира своей душе»⁴⁵. В жизни и творчестве Тютчева очень многое объясняют написанные им строки:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

(I, 163)

«Вещая душа», «сердце, полное тревоги», «двойное бытие», на пороге которого «бьется» человеческая душа — «жилица двух миров» — это тончайший психологический самоанализ, но смысл этих строк шире и значительнее *одного* психологического портрета, хотя бы и такого, как тютчевский. Тютчев пишет о «разрыве чувств», о тревожных прозрениях, о болезненно-страстной, искаленной душе. Причем это «двойное бытие» осознается как состояние неизбежное, неуничтожимое. Одним из первых попытался объяснить это стихотворение осторожный в выводах И. С. Аксаков. Он увидел в нем противоречия между «признаваемым, сочувственным его душе нравственным идеалом и жизнью, между возвышенными запросами и ответом»⁴⁶. Для Аксакова — это, прежде всего, исповедь и трагедия самого поэта. Но тютчевские образы многомерны.

Можно бесконечно расширять формулу «двойного бытия», включив в нее все антиномии поэтического мира Тютчева, всю «двойную» символику его поэзии (что порой делалось и делается исследователями его творчества). В определенном смысле эта формула, действительно, универсальна, она — *знак* его поэзии. Но важно и другое: гениальный образ «двойного бытия» был обусловлен всем сложнейшим комплексом причин и обстоятельств — социально-исторических и психологических — середины 1850-х годов. Мучительная тревога, безотрадные пророчества «вещей души» («Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения...»), жизнь в ожидании неведомого («Твой день болезненный и страстный, // Твой сон пророчески-неясный, // Как откровение духов») — это та атмосфера, в которой жил Тютчев и многие из близких ему современников, это атмосфера его стихотворений и писем тех лет⁴⁷. Последняя строка третьей строфы как будто бы предлагает человеку выход, но в сущности здесь говорится о желаемом, но невозможном. Это подчеркивается оригинальной структурой завершающего стихотворение четверостишия: «Пускай страдальческую грудь // Волнуют страсти роковые, — // Душа готова, как Мария, // К ногам Христа навек прильнуть» (I, 163). Какая странная фраза! Душа, готовая прильнуть, «как Мария, к ногам Христа», не только не надеется найти успокоение и освобождение, но сами «страсти роковые» понимаются как что-то неизбежно сопутствующее страдальческому земному уделу человека. В одном из своих интимнейших стихотворений Тютчев пишет об «обмороке духовном», который для него едва ли когда-нибудь кончится:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

(I, 133)

«НЕ ЗНАЮ Я, КОСНЕТСЯ ЛЬ БЛАГОДАТЬ...»

Автограф, (1851). Перед текстом помета: «Pour vous (à déchiffrer toute seule)» («Для вас (чтобы прочесть наедине)»)

Стихотворение обращено ко второй жене поэта Эрнестине Федоровне. Тютчев вложил его в альбом-гербарий, куда в молодости она вклеивала цветы, сорванные на память о значительных событиях ее жизни. Лишь в 1875 г., через два года после смерти мужа, Эрнестина Федоровна обнаружила его стихи в своем альбоме. Под цветами подписи: «Souvenir de la journée si agréable que Mad(ame) nous fit passer à Ratisbonne. Le 28 Septembre 1835»; «Souvenir du Dimanche 7 Février 1836»; «Souvenir du 20 Mars 1836!!!» («Память о чудесном дне, который благодаря мад(ам) (1 нрб.) мы провели в Ратисбоне 28 сентября 1835»; «Память о воскресеньи 7 февраля 1836»; «Память о 20 марта 1836!!!»)

Собрание К. В. Пигарева, Москва

Это о тайном, о своем, это — о себе.

Но именно в 1850-е годы Тютчев начинает писать об утере цельности (в том числе и в сфере чувств), о раздвоении, терзающем человека, как о величайшем страдании своего современника. А незадолго до смерти, в стихотворении «Памяти М. К. Политковской» (1872), Тютчев напишет о раздвоении личности как о проклятии целого поколения. Он скажет о том «страшном раздвоеньи, // В котором жить нам суждено» (II, 234). Характерно, что здесь на смену «Я», «Мне» приходят «Мы», «Нам» — это уже определение болезни века.

Утеря целостности, вечные сомнения, посещающие человека, очень часто приводят к неспособности истинно верить. Вера — неверие — между ними бьется человеческий разум, неспособный как примкнуть к истинному берегу веры, так и успокоиться в «холодном отрицании», абсолютном, «страшном» безверии. Состояние это прямо или косвенно отражено во многих стихотворениях Тютчева, причем поэт стремится к объективизации пугающего его явления.

Так он создает «Наш век» (1851). Здесь уже сам поэт стремится рассказать о своем современнике, разобратсь в наиболее болезненных явлениях века. Здесь и гордыня, и беззащитность, и отчаянная тоска, и бунт несмирившейся души. Самого себя поэт причисляет к тем, о ком пишет⁴⁸ (отсюда и поэтическая формула, исключая самое понятие своих и чужих, тех, других). Здесь вообще человек, современник, соотечественник:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
(. . . . .)

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

(I, 136)

«Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!..» — эту формулу могли повторить все герои Достоевского и сам создатель их. Да и для Тютчева в этой фразе не было лишь наблюдаемое со стороны явление. Человек в тютчевской поэзии хотел бы избавиться от душевных тревог. Умиротворение и покой душе, по мнению Тютчева, могла бы дать вера. Но нарисованная Тютчевым поэтом картина мира далека от религиозных представлений. В мире, трагически неустроенном, мучается, страдает, бьется человек, охваченный «страстями роковыми». Вот поэт наблюдает, как ранней весной «По склону вновь оживших вод, // Во всеобъемлющее море // За льдиной льдина вслед плывет», и в его душе растет ощущение «безразличной стихии», «бездны роковой». В этой бездне исчезает и «человеческое Я» («Смотри, как на речном просторе...» — I, 130).

С еще большей определенностью говорит об этом Тютчев в одном из последних своих стихотворений — «От жизни той, что бушевала здесь...» (1871). «Подвиг бесполезный» тяжелой и горестной человеческой жизни обрывается смертью: природа, бесконечная и равнодушная, приветствует своих детей «всепоглощающей и миротворной бездной» (I, 225). Любопытно, что один из поэтов-символистов, С. М. Соловьев, противопоставил Тютчева «христианскому провидцу» Вл. Соловьеву, не увидев в поэзии Тютчева христианского — «спасительного» — начала ⁴⁹.

В поэзии Тютчева мы можем порой обнаружить близкое древним греческим трагикам чувство Рока, но подлинный «свет», озаряющий и согревающий ее, — это свет «матери-природы». Усталый, он припадает к ее груди, и она несет ему успокоение и тишину. Ее красотой, всеми красками земного мира он упивался с буйной, языческой неумностью. И в стихах его порой торжествовал древний языческий Пан.

Интересно отметить, что в позднем творчестве это «чувство природы» становится спокойнее, просветленнее; оно почти начисто лишается того ужаса перед хаосом, который был характерен для его поэзии 1820—1830-х годов; теперь не столько сравнивается хаос в душе человека и хаос в природе, сколько сопоставляются и противопоставляются боль и ужас человеческой судьбы и величавая гармоническая сила земли:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе.

(«Певучесть есть в морских волнах...» — I, 199)

Человек, по мысли поэта, существо эгоистическое и своевольное, отпавшее от единого целого и в великой гордыне утверждающее себя, не может не почувствовать разлада с природой. В стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» Тютчев говорит не о противопоставлении человека природе в шеллингианском смысле, а именно о разладе, возникшем вследствие самоутверждения и своеволия человеческой личности:

Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

(I, 199; курсив мой. — И. П.)

И хотя поэт задает вопрос: «Откуда, как разлад возник?» — вопрос этот во многом риторический, ибо, по убеждению поэта, душа человеческая не способна «в общем хоре» звучать так же безмятежно и так же гармонически, «как море», именно потому, что «ропщет мыслящий тростник», ищет особой доли, бунтует, льет кровь свою и чужую во имя странных и страшных призраков. Человек,

«мыслящий тростник» (образ любимого Тютчевым Паскаля), не способен разрешить «стихийные споры» гармонией, ибо вся жизнь его лишена внутреннего созвучия, а ропот — такая же неотъемлемая его часть, как «невозмутимый строй» в природе. В ней поэт чаще всего видит не просто красоту, но и смысл. И здесь приходит на ум не только открытая, победоносная декларация, но также инвектива против «глухонемых» в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...»:

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

(I, 81)

Вся система великолепного (до дерзости!) антропоморфизма поэта связана с его стремлением ощутить природу не в частных ее проявлениях, а в целом (даже порой «портретно»), как живое человеческое существо — и существо, бесконечно близкое и милое сердцу. Уже в раннем стихотворении «Летний вечер» поэт набрасывает такой своеобразный «портрет» природы: «Уж солнца раскаленный шар // С главы своей земля скатила», звезды «Небесный свод приподняли // Своими влажными главами», грудь земли «дышит легче и вольней». И, наконец, завершающий стихотворение образ:

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды ⁵⁰.

(I, 16)

Отсюда, вероятно, идет и пристрастие поэта к такому чисто человеческому выражению радости, как смех, улыбка. Образ «улыбающейся», «смеющейся» земли пройдет через все творчество поэта как противовес — прежде всего, в ранней лирике — страшным песням «древнего хаоса» или человеческой нескладнице и печали — в поздней («Лазурь небесная смеется» (I, 19), смеется «струя воды», «Сияет солнце, воды блещут // На всем улыбка, жизнь во всем» (I, 152). Улыбается пробуждающаяся земля: «Весну прослышала она // И ей невольно улыбнулась» (I, 83), но и в осенней природе поэт видит «кроткую улыбку увяданья», «когда, что так цвело и жило, // Теперь, так немощно и хило, // В последний улыбнется раз!» (I, 128). Лишь в особенно безотрадные минуты даже природа представляется ему царством пустоты и «вечного бессмыслия». «В сердце ли тесном, в безбрежном ли море» видит поэт тот же «все вечный прибой и отбой, // Тот же все призрак тревожно-пустой» («Волна и дума» — I, 137). И не такого ли рода откровения приводят в конце концов к странному афоризму, то ли насмешливому, то ли печальному:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

(I, 220)

Загадки нет, но есть сама — мать-Земля. Успокоиться в безотрадности Тютчев не мог. В горькой потерянности, в скорби одиночества вновь обращает человек свое лицо к ее блаженному, светлому миру.

Порой в связи с Тютчевым повторяется мысль, в сущности принадлежащая традиции, а не самому поэту, мысль о том, что природа в его поэзии способна исцелить и спасти человека. Вот характернейшее признание поэта:

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны,—

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

(I, 172—173)

В этих поэтических строках не меньше любви и уж, во всяком случае, больше мужества, нежели в пасторальной невинности рецептов о всеизлечивающей природе. Несомненно другое: природа включена Тютчевым в тот круг истинных ценностей, без которых, по мысли поэта, невозможно человеческое существование.

4

Тютчевская поэзия часто предлагает нам действительно поразительные полярности. Один из характернейших мотивов его творчества, — не раз отмечавшийся исследователями, — мотив мимолетности, краткости, даже призрачности жизни. В молодости это сознание (а оно и тогда было достаточно острым) заставляло с особенной силой почувствовать — пусть недолгую, но такую чарующую — прелесть настоящего, молодости, красоты, чудесной свежести души:

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

(«Я помню время золотое...» — I, 56)

С годами придет другое ощущение: поэт заговорит о смерти, отбрасывая всякие надежды на некое блаженство где-то там, по ту сторону жизни.

В ранней лирике, контрастируя счастливому «мигу», возникнет образ жизни — дыма, бесследно исчезающего в бездонной пустоте неба. В стихотворении «Как над горячею золой», написанном в 1830 г., жизнь сравнивается с дымом, потому что она однообразна, потому что она «грустно тлится». И поэт восклицает:

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

(I, 47)

В конце 1840-х — начале 1850-х годов Тютчева все настойчивее начинает тревожить сознание «беспольности», бессмысленности жизни. Сравнение с дымом станет устойчивым определением, своеобразным символом ее, касается ли поэт судьбы многих людей или собственной своей судьбы. Несомненно, это было вызвано и психологически-жизневыми причинами и столь же несомненно — причинами социальными. Так хрупка, так незащитна, так призрачна человеческая жизнь, что она кажется даже не дымом, а лишь «тенью, бегущей от дыма» («Как дымный столп светлеет в вышине!...»).

Та же мысль, но уже отнесенная к самому себе, в стихотворении «Другу моему Я. П. Полонскому». Образ ночного костра был навеян посланием Полонского (оно так и называлось: «Ночной костер зимой у перелеска...»). С грустноватой покорностью признается Полонский: «...огонь под сединой // Не греет юности, летящей с бубенцами», и «бедный пешеход» спешит к дружескому сердцу, к

76

Два Голоса.

I.

Му Сан'мел, о други, боримель керасель фан
 Кербь сон и керавель, борьба бермад'фан —
 Кадо вамь Сад'филе — молламо во вельвад —
 Кадо вамь Мелель — молламо и он —

Муель во корнемь олимпь бидель у вельвад сон —
 Керасель иль кудель керудель и кервад
 Тривель и керудель иль дель бидель кервад, кервад —
 Дель иль дель иль дель — дель иль дель кервад

II.

Му Сан'мел, боримель, о други други
 Како сон иль кервад — иль кервад кервад —
 Кадо вамь Кермад'иель дель кервад кервад
 Мот' вельвад иль дель иль дель кервад

Кудель Кермад'иель кервад иль кервад
 Кервад иль кервад — кервад иль кервад
 Кудель кервад иль кервад — кервад иль кервад
 Мот' кервад иль кервад иль кервад кервад

«ДВА ГОЛОСА»

Автограф, (1850). В альбоме М. Ф. Тютчевой (Бирилевой), дочери поэта
Собрание К. В. Пигарева, Москва

«огню, что ты сберег на склоне бурных лет»⁵¹. Полнейшей безнадежностью звучат ответные тютчевские строки:

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
 Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
 И скоро улетит — во мраке незаметный —
 Последний, скудный дым с потухшего костра. (I, 200)

И, наконец, за три года до смерти, оплакивая кончину брата, Тютчев скажет:

Бесследно все — и так легко не быть!
 При мне иль без меня, что нужды в том?
 Все будет то ж — и вьюга так же выть,
 И тот же мрак, и та же степь кругом.

(«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» — I, 224)

Человека ожидает полное уничтожение и растворение в темной бесконечности природы. Тема смерти всегда привлекала романтиков: сколько страшных и радужных картин вышли они по этой вечной канве! Пожалуй, это покажется странным, но тема смерти сама по себе мало интересовала Тютчева. Смерть упоминается им всегда как ужасная противоположность жизни (за исключением разве «Ma'aria»). Его, собственно, никогда не мучила, не терзала «загадка смерти» еще и по той простой причине, что загадки этой для него не существовало: угасает, умирает сознание, распадается «естество» человеческое. Смерть страшна — и только. По ту сторону жизни — темнота. Жизнь, одна жизнь, грешная, сладостная и ужасающе краткая, почти мгновенная, наполняя восторгом и болью душу поэта ⁵².

Уже «на роковой стой очередї?», вновь возвратится он к мысли о бесследном исчезновении человека, о бессмысленности его существования.

Но в противовес этому тютчевскому утверждению, странно контрастируя ему и странно сливаясь с ним, существует в его поэзии и другое, мужественное и определенное: жизнь ценна своим огнем (недаром еще в раннем стихотворении он писал: «Я просиял бы — и погас» — I, 47), значительностью человеческих страстей, дерзким вызовом враждебным человеку силам.

Насколько волновала поэта тема «нравного боя», свидетельствуют «Два голоса», произведение, безусловно, значительнейшее в его творчестве 1850—1870-х годов. Звучащее сурово и строго, подобно древнему гимну, оно определяет смысл и сущность человеческой жизни, ее реальную ценность. Оно настолько чуждо христианской философии, что еще в дореволюционной литературе была сделана попытка связать его с античным мирозерцанием. С. М. Соловьев писал: «Тютчев является трагиком в истинном смысле слова, как были трагиками Эсхил и Софокл. И у него над жизнью тяготеет беспощадный и неодолимый рок... Мрачность Тютчева — мрачность дохристианская, трагическая, мрачность Эскила и Софокла, сказавшего, что всего лучше человеку не родиться»⁵³. Представление об античности в этом любопытном замечании вполне отвечает духу русского модернизма, но попытка сблизить имена Софокла и Эскила с Тютчевым интересна. То же по существу отмечал и Блок, который любил «Два голоса» и хотел поставить это стихотворение эпиграфом к своей драме «Роза и крест». Он увидел в нем «эллинское, до-Христово чувство Рока, трагическое»⁵⁴.

Действительно, у Тютчева в стихотворении «Два голоса» существуют как бы три силы: Рок, владычествующий над всем, боги-олимпийцы, враждебные человеку, и люди, осужденные жить в мире жестоком и темном, беспощадном и безжалостном⁵⁵. Такая «расстановка сил» как раз характерна для двух великих трагиков древности — Эскила и Софокла. Поэтические формулы Тютчева («Пускай олимпийцы завистливым оком // Глядят на борьбу непреклонных сердец. // Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец» — I, 129) отвечают духу древних трагедий. В них, как и в «Двух голосах», царит Судьба — Необходимость. В одной из известных сцен «Прикованного Прометея» об этом говорится со всей определенностью:

Прометей:

Не так судьба свершающая, страшная
Решила в сердце. Тысячами черных мук
И болью сломлен, я от кандалов уйду.
Слабее ум, чем власть Необходимости.

Старшая Океанида:

Кто ж у руля стоит Необходимости?

Прометей:

Три мойры, Евмениды с долгой памятью.

Старшая Океанида:

Так значит, Зевс им уступает силою?

Прометей:

Что суждено, не избежит и Зевс того ⁵⁶.

Сближение как будто вполне оправдано, но все-таки оно представляется в таком виде чисто внешним. А вместе с тем Тютчев перекликается с древними певцами титанических героев, ставших для многих поколений людей символом мужественной непреклонности. Тютчеву равно оказались близкими обе грани мироздания древних. При всей «неразложимости сознания» древние умели чувствовать глубоко и сложно; им тоже по-своему были знакомы те «бездны духа», которым так много будет уделять внимания новейшая литература. Но у великих трагиков античности страшные, мучительные, искалеченные судьбы человеческие служили в конечном итоге не умалению, а возвышению человека. Смертный, эта Эфемера, эта жалкая Однодневка, ведет неустанную и упорную борьбу с бессмертными богами, с неумолимым Роком, с обстоятельствами, с враждебными стихиями. В борьбе он обнаруживает и силу ума, и благородство сердца, и громадную волю. И то, что Эсхил и Софокл верили в реальное существование Олимпа, в неумолимость Мойр, придавало особенное, трагическое напряжение великодушному, хотя и обреченному бунту человека. И Тютчев, поэт утонченных чувств, изощенного интеллекта, удивительно глубоко понял и воспринял мрачное величие этой борьбы. Правда, сознание ее безысходности у Тютчева порождено иными причинами; наивный и сверкающий Олимп для нашего поэта — только изящная сказка; в мире действуют иные, не менее жестокие и слепые силы, и, подобно грекам, он готов бросить человека в самый водоворот схватки, он говорит *о законе человеческой жизни как законе борьбы*, ибо вне этого жизнь теряет свой смысл, свое оправдание. Как в «Прикованном Прометее» могучий титан не может принять философию скорбящих Океанид: «Пред Неизбежным мудрые склоняются», — так и поэт «разорванного века» начинает проповедовать величие борьбы даже обреченных Неизбежности.

У древних греков власть Рока (власть в существе своем страшная, неумолимая) не может заставить героя отказаться от всяких усилий, стремлений, борьбы. Тютчеву оказалась близка мужественная мысль греков, близка философия тех художников и мыслителей, которые прославляли несмирившихся, трагических героев истории и культуры. Пусть он об этом сказал менее отчетливо, чем многие из них, но он отозвался на их голос. «А ведь, — как заметил советский поэт П. Г. Антокольский, — весь „Прометей“ Эсхила, вся музыка Бетховена — „об этом“». П. Г. Антокольский увидел в «Двух голосах» определение «сущности трагизма, имманентного человеку и его бытию»⁵⁷. И с этим нельзя не согласиться. Тютчевское ощущение бытия человека — и личного, и исторического — трагично. Человек обречен и в более широком плане (как бы ни определить тяготеющую над ним силу: Рок, Всеобщая Необходимость или иногда у Тютчева даже Всеобщее Бессмыслие), и в более узком, личном (судьба, жребий отдельного человека). Отсюда сумрачность, своеобразная *неумолимость* образов. Тютчев заставляет *услышать* царящее в мире безмолвие. Поэт и раньше не раз прибегал к образу «всемирного молчанья» («Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...» — I, 17; «Кто без тоски внимал из нас, // Среди всемирного молчанья // Глухие времена стенанья...» — I, 18). В этих стихотворениях, из которых взяты строки («Видение» и «Бессонница»), «всемирное молчанье» — не столько образ абсолютной — мертвой — тишины, сколько синоним безграничности пространства и неумолимости времени. Позднее образ «молчанья» станет более конкретным, будет связываться поэтом с определенным состоянием природы («Еще шумел весенний день...», «В душном воздухе молчанья...»). В «Двух голосах» он сложен, многопланов. Движение лексического ряда делает молчанье всеохватным: бесконечность пространства и глубь земли (*светила — звездные круги — могилы — гроба*)⁵⁸. Тютчев говорит и о пространстве, и о времени (возвращаясь, несомненно, к образу «всемирного молчанья» в ранних стихотворениях): то и другое взято в единой «форме существования» — в беспредельности. Стихотворение названо «Два голоса» и соответственно этому композиционно разделяется на две части. Но подлинное разделение дано, скорее, во внутреннем движении темы, складывается из внутреннего противоборства — великого противостояния человека и судьбы: равнодушная Вечность и гул борьбы, на-

пряжение боя; смерть и жизнь — борьба; вечное блаженство олимпийцев — труд и тревога «смертных сердец». Двучастность композиции способствует тому, что оба голоса звучат предельно резко, словно крик, рвущий оцепенение мертвого мира⁵⁸. Трижды повторен «голос» безнадежности, как и «голос» борьбы *вопреки всему*, создавая исключительную напряженность, строгую собранность смертельного поединка («Над вами светила молчат в вышине, // Под вами могилы — молчат и оне»; «Для них нет победы, для них есть конец»; «Над вами безмолвные звездные круги, // Под вами немые, глухие гроба»; «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, // Хоть бой и неравен, борьба безнадежна»; «Мужайтесь, боритесь, о храбрые други, // Как бой ни жесток, ни упорна борьба!»; «Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец» — I,129). Хрупкая, обреченная, беззащитная человеческая душа таит в себе гордыню и непокорность.

«Два голоса» Тютчева, несмотря на внутреннее движение, своеобразную диалектичность мыслей-образов, оставляют ощущение совершенной законченности, монолитности. Все стихотворение построено на анафорах, повторяющихся фразеах и словах, но каждый раз они возникают в новых смысловых и эмоциональных ракурсах. Характерно, что самое понятие «бессмертие» в четвертой, заключительной строфе стихотворения связывается поэтом уже не с блаженствующими на Олимпе богами, а с земным — и конечным! — бытием человека, с борьбой «непреклонных сердец». Великолепны и чисто ритмическая, и звуковая организация стиха. «Два голоса» — образец тютчевского амфибрахия, размера, к которому он обращался нечасто. В «Двух голосах» совершенна мерность ритма, сосредоточенно-сурова интонация. Эта «интонационная монотония» оказывается чрезвычайно выразительной, отвечающей замыслу и образу стихотворения. Ритмическая завершенность, монолитность строф определяются еще и системой клаузул: все строфы завершаются ударными, мужскими окончаниями. Сурова, строга и звуковая «одежда» стихотворения. Тревога, труд и гул борьбы передаются естественным нарастанием резких, диссонирующих звуков: звуковой «наряд» слов «борьба», «боритесь» наиболее часто варьируется в этих строках:

Мужайтесь, о други, *боритесь* прилежно,
Хоть *бой* и неравен, *борьба* безнадежна! <...>
Как *бой* ни жесток, ни упорна *борьба*!

(I, 129; курсив мой. — И. П.)

Безмолвие, оцепенение, молчание переданы иначе: почти совершенно исчезает резкое Р, появляется множество М, Н, Л, открытых гласных (гулкое эхо пространства):

Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

И вновь в последней строфе нарастают резкие и сильные звуки:

Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Все в этом стихотворении является словно само собой в удивительно строгой гармонии, подчиненное дару и прозрению гения.

Мотивы «Двух голосов» характерны для творчества позднего Тютчева. Это своеобразный смысловой ключ к его лирике 1850—1870-х годов⁶⁰. Все чаще он будет связывать с образом человека образ борьбы, боя, но боя трагического, «рокового», «неравного», «отчаянного». Эту устойчивую поэтическую формулу мы встретим в самых различных тютчевских стихотворениях. Юная женщина, беспечно «играющая» с людьми и судьбой («Играй, покуда над тобою // Еще безоблачна лазурь...»), — для Тютчева «жизнь, назначенная к бою» (I,187). «Не легкий жребий, не отградный» вынут судьбой для его любимой старшей дочери — это «отчаянная борьба» с «жизнью беспощадной» (I,188).

В «отчаянный», «неравный бой» с людским судом вступила и любимая поэтом женщина («денисьевский» цикл). Этот самый значительный цикл его поздней лирики свидетельствует о глубине и безотрадности его раздумий, о безоглядности чувств, о сложности его целостной в своей противоречивости поэзии.

5

Тютчев оставил цикл так называемых поздних любовных стихотворений, связанных с одним женским именем, столь самозабвенно и горестно им любимым. Образ Е. А. Денисьевой, прожившей недолгую и не очень счастливую жизнь, нашел гениальное художественное воплощение в посвященном ей поэтическом памятнике и, подобно прославленным и воспетым женским именам мировой литературы, победил время, остался жить в строках поэта «смерти вопреки»⁶¹. В этом цикле все — живая боль, все «горит и жжет», потрясает правдой и обнаженностью чувств. В «кружении сердца» были радость — страдание, блаженство — безнадежность, самозабвение. Вместе с тем интимнейшие стихотворения Тютчева не были рассказом только об одном трагическом жизненном явлении. Современник Тютчева и во многом его антипод, Герцен, рассказывая в «Былом и думах» о своей личной драме, осмыслил страницы эти не только как суд над собой, защиту, покаяние, вызов, но прежде всего — как сознательную и непримиримую борьбу со всем тем, что противоречило его понятиям о справедливости, истинной человечности. Сознательно Тютчев перед собой такой задачи не ставил и не мог поставить. Более того, в письме к А. И. Георгиевскому, думая о печатании стихотворений, посвященных Е. А. Денисьевой, он обронил фразу о своем обращении к тем, кто выставляет напоказ свою душевную боль, ко всем этим «мнимопоэтическим профанациям внутреннего чувства», к «этой постыдной выставке напоказ своих язв сердечных»⁶². Но именно в глубоко личных стихотворениях Тютчев открыто осуждает все то, что стоит на пути истинной любви. Врагом оказывается общество с господствующей в нем лицемерной моралью, с узаконенной, торжествующей пошлостью. Заповеди благочестивых охранителей ощущаются поэтом как величайшая ложь, более того, как жестокость, как преступление против человечности. Причем это не изящное и легкое фрондерство, привычные разговоры о пустоте света. Кто их не вел после Лермонтова! Тютчев в своем безоговорочном осуждении и неприятии лицемерия и жестокости моральных законов общества, своим страстным живым протестом близок величайшему обличителю фальши господствующей морали Толстому, автору «Анны Карениной».

В поздней любовной лирике Тютчева, как уже отмечалось, не только по-своему отозвались тревожные мотивы его «Двух голосов», этой песни мужества и обреченности, но и с особенной остротой отразилось безобразие того мира, в котором он жил, с которым был связан и от которого никуда не мог уйти. В этой трудной «чиновнически-дипломатически-бродяжнической жизни»⁶³ мы увидим отсветы, отблески большой чаадаевской трагедии, трагедии прозрений и безнадежности. Разумеется, в любовной повести, рассказанной поэтом, — не только надрыв, разлад и отчаяние, но и упоение жизнью, порой так победно звучавшее в поэзии Тютчева. И, наконец, в этом цикле, может быть, непосредственное и сильнее, чем в других произведениях, отразилась личность поэта, необычная, иной раз казавшаяся странной («Он совершенно вне всяких законов и правил. Он поражает воображение, но есть в нем что-то жуткое, тревожное»⁶⁴), мягущаяся, прекрасная своим душевным непокоем, отращиванием к «бессмертной пошлости людской», безоглядностью и глубиной чувства.

Лирика любви молодого Тютчева благоуханна, радостна, в ней все поет, переливается, светит. Даже в ритмах, звуках, их праздничном сочетании — восторг, благодать. Не нужно считать, что это лишь отражение счастливо-бездумного отношения к жизни, так понятного в юности. Уже в 1820-е годы Тютчев над очень многим задумывается. Он ощущает трагизм исторических свершений («14-ое декабря 1825»), говорит о «роковых» моментах в человеческой судьбе,

о покинутости человека («И мы, в борьбе, природой целой // Покинуты на нас самих» — I, 18). Но любовь осознается как прибежище, волшебный чертог, где свет и покой. Некоторая романтическая декларативность словесных формул, юношеская дань привычным поэтическим образцам не лишают их искренности. В них очень естественное, молодое, пылкое ожидание «праздника жизни»:

Но для меня сей взор благоденсье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

(I, 11)

Очень грациозное стихотворение «Cache-Cache» все проникнуто атмосферой влюбленности: ощущением уже пришедшего, торжествующего, хотя и не выгодного, не названного чувства. Поэтические детали подчеркивают его чистоту, свежесть (арфа в «обычайном углу», аромат роз, задремавший на полу солнечный луч, «лукавый» взгляд гвоздик). Женщины нет, но она — во всем, что прекрасно, что говорит о жизни: в солнечном луче, в звоне арфы, в беспечном полете мотылька. Поэт словно не может сдержать рвущегося из груди восторга:

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

(I, 14)

Полон «веселости беспечной» и образ «младой феи». Легкая, воздушная, осыпанная яблоневым цветом, освещенная лучами солнца, она возникает в стихотворении как олицетворение молодости («Я помню время золотое...»). С особенной бережной нежностью воссоздан облик юной девушки в стихотворении «Восток белел. Ладья катилась...». В нем и целомудренность, святость «приращения любви», и ее победительная сила (тот же миг совершенного счастья передан и в стихотворении «Сей день, я помню, для меня...»).

Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...
Восток азел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,—
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Разгорающийся «пожар» зари («Восток белел... Восток азел... Восток вспылал») — и охваченная этим огнем юная душа:

...Она склонилась,
Блестящая поникла выя,—
И по младенческим ланитам
Струились капли огневья...

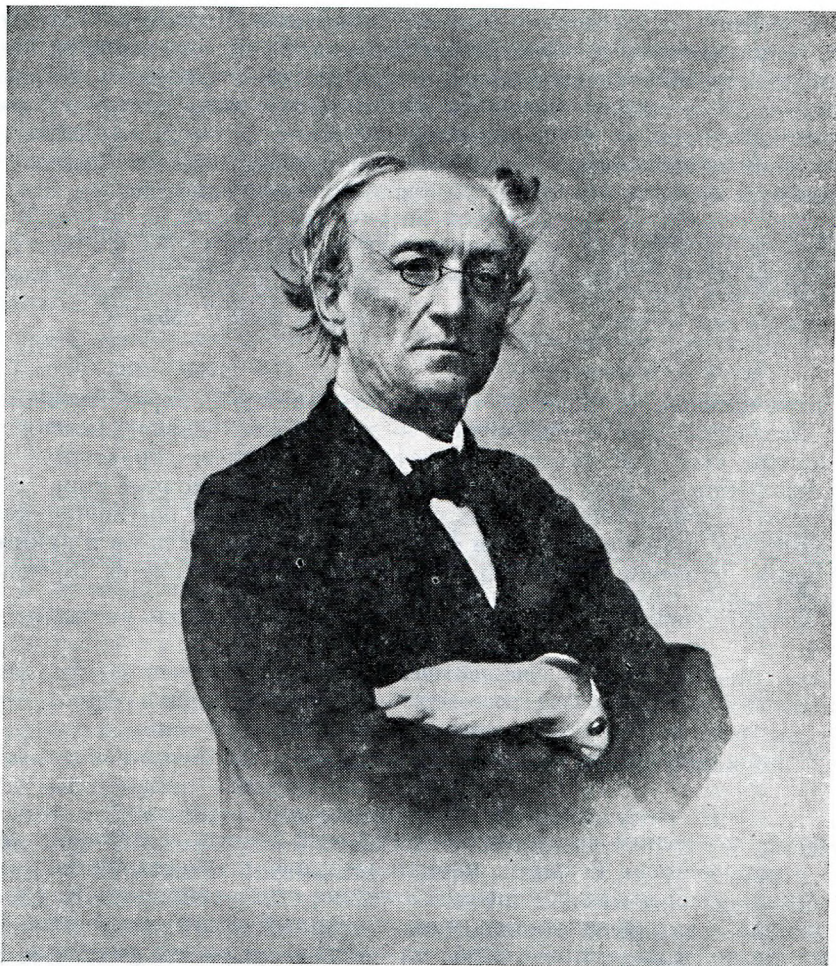
(I, 64)

Тютчев написал рассказ о любви, сжатый до двенадцати поэтических строк. Необычность и тонкая прелесть его — в «невыворенности»: все осталось в глубине, в «целомудренной бездне стиха»⁶⁵.

Но уже в поэзии 1830-х годов мы встретим противопоставление светлой влюбленности «мятежному жару» грешной, запретной любви. Возникает образ женщины, узнавшей цену «тайным радостям»:

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих младых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

(I, 21)

ТЮТЧЕВ

Фотография Г. И. Денъера. Петербург, май 1864 г.

Воспроизведена в книге: «Стихотворения Ф. Тютчева». М., 1868

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

«Я перечитал собрание стихов его и долго не мог оторваться от приложенного к нему портрета. Что за обилие и какое разнообразие даров в этом милом лице» (Ю. Ф. Самарин)

Постепенно разрушая «светлый храм» любви, ворвутся в поэзию диссонансом трагические отзвуки «злой жизни», все уничтожающей угрюмой страсти («Итальянская villa», «Люблю глаза твои, мой друг...»). В стихотворении, написанном, вероятно, в конце 1837 г. («С какою негою, с какой тоской влюбленной...»), уже отчетливо определяется драматическая ситуация поздних любовных признаний поэта. Но, несомненно, тютчевская «философия любви» как рокового, «убийственного» чувства сложилась в 1850-е годы. События личной жизни, заставившие очень болезненно ощутить в себе «разорванность чувств», все чаще овладевавшее Тютчевым сознание отторгнутости от привычного мира, потерянности, обреченности сказываются в поэзии, определяя «музыкальный» тон его поздней лирики. Эта любовная лирика отмечена чертами резкой индивидуальности. У его предшественников и современников (пожалуй, кроме Ап. Григорьева и Достоевского) мы встретим иное понимание любви. Разнообразна и многоцветна пушкинская любовная лирика. Но основное в ней — восторженное любование красотой, истинная щедрость души, доброта, человечность.

Порой и у Тютчева мы найдем мотивы, созвучные Пушкину. Поэт, подобно Пушкину, останавливается, «благоговейя богомольно перед святыней красоты», причем это упоение не строгой правильностью линий, холодным совершенством мраморной статуи, а восторг перед живой прелестью лица и души. В пушкинских и тютчевских стихах есть всегда очень тонкий, едва уловимый, но несомненно присутствующий момент духовности, так поднимающей и облагораживающей физическую красоту человека, неразрывно с нею слитый:

Как неразгаданная тайна,	Земное ль в ней очарованье,
Живая прелесть дышит в ней —	Иль неземная благодать?
Мы смотрим с трепетом тревожным	Душа хотела б ей молиться,
На тихий свет ее очей.	А сердце рвется обожать...

(I, 192)

Здесь тоже красота — святыня. Конкретно-зримого портрета женщины нет ее живая прелесть, земное очарование — для поэта «неразгаданная тайна» облик женщины вызывает чувство благоговейное, трепетно-тревожное.

В стихотворении «Я знал ее еще тогда, // В те баснословные года...» — тонкая духовность в сочетании с внешней прелестью и создает ощущение совершенства. Кажалось бы, самыми простыми средствами, не прибегая ни к каким ухищрениям формы, простым сопоставлением, сближением понятий Тютчев достигает поразительного художественного эффекта:

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

(I, 186)

Спокойный, несколько замедленный ритм всей строфы, с паузой в середине четвертой строки («когда незрима, неслышна»), очень естественной, как дыхание, подчеркивающей мысль о душевной тишине, умиротворенности, удивительно соответствует всему прелестному, чуть грустному облику женщины, необыкновенно изящному и скромному. Красота, достигшая своего расцвета, уже несет в себе неизбежность ущерба, увядания. Отсюда и настроение тихой и светлой печали в тютчевском стихотворении. В нем совсем нет ни боли, ни сожаления. Поэт по-пушкински мудро вглядывается в вечный круговорот жизни:

Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом.

(I, 186)

Но он умеет находить тончайшее очарование в наступающем «вечере жизни», в красоте, чуть тронутой временем, но все еще полной благоухания и свежести (как неожиданна и прелестна, соотносенная с обликом женщины, картина летней ночи, дорассветной темноты, ночного покоя, когда так тонко и нежно пахнут цветы, обрызганные росой!).

Пушкинская стихия по-своему ожила в одном из последних стихотворений Тютчева. «Я встретил вас — и все былое...». На нем — вечерний свет уже прощающегося с жизнью поэта. Оно ясно и благодарно, и очень близко и по мысли, и даже по форме (при всей его оригинальности и своеобразии) к знаменитому пушкинскому «К...» («Я помню чудное мгновенье...»).

В их основе одно и то же, причем глубоко личное событие: встреча после долгой разлуки с нежно любимой женщиной. Рожденные чистейшим прикосновением к жизни, остались они наиболее совершенным в русской поэзии воплощением благородных чувств большой гуманной души. В тютчевском стихотворении, отдаленном от пушкинского целой прожитой жизнью, вновь оживает пушкин-

ский «гений чистой красоты». Для Пушкина в «чудном мгновенье» встречи — надежда, упоение; для Тютчева — неожиданное возвращение «лет душевной полноты». Облик женщины и внушенное ею чувство способны разбудить душевные силы («... воскресли вновь // И божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь». — «И вот — слышнее стали звуки, // Не умолкавшие во мне ... // Тут не одно воспоминанье, // Тут жизнь заговорила вновь»). Пушкинская поэтическая мысль и пушкинская же удивительная ясность в позднем стихотворении Тютчева, а вместе с тем оно не подражательно. Разве не узнается истинный Тютчев в этом сопоставлении природы и человеческой души, в привычной тютчевской аналогии, идущей от явлений природы к явлениям душевным (излюбленное «как ... так»):

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весной
И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

(I, 223)

Да и в «денисьевском» цикле, где так много «не пушкинского», болезненно-страдальческого, разрушительного, порой мелькнет «улыбкой умиленья», душевной добротой пушкинский гений. Тютчев шел совершенно особой, своей дорогой в поэзии, но и для него Пушкин был «началом всех начал». Пушкинская традиция ощущается почти во всей русской любовной лирике XIX столетия.

Печать обреченности, сознание собственной скорой гибели своеобразно окрашивают лермонтовскую поэтическую исповедь. И все же в произведениях этого «бурного демона» нашей поэзии чувство в основе своей гуманно, его связь с Пушкиным в тончайшей области поэтического воспроизведения душевных движений несомненна.

Эта связь с Пушкиным присутствует и в произведениях романистов. Такой художник, как Тургенев, высоко ценимый Тютчевым, — певец глубокого и целомудренного чувства (Наталя Ласунская, Лиза, Елена, Джемма, Ася). В этой любви, даже если она безответна и ведет к тяжким разочарованиям и обидам, как у Натальи, Аси, Джеммы, или связана с потерями, смертью, как у Елены, много чистоты и свежести. Как ни сильна боль в душе Санина, героя поэтических «Вешних вод», как ни тяжело сознание одинокой, бесплодно прожитой жизни, прекрасный образ Джеммы и через тридцать лет светит ему. Тургенев чаще всего пишет о только что пробудившемся чувстве, поэтому так акварельно нежны и добры нарисованные им картины ⁶⁶.

В романах И. А. Гончарова, особенно у любимых его героинь, любовь требовательна, самоотверженна и строга. «Для меня любовь эта — все равно, что (...) жизнь, — говорит Ольга Обломову, — а жизнь — (...) долг, обязанность, следовательно, любовь — тоже долг (...) Да, и у меня, кажется, останется сил прожить и пролюбить всю жизнь»; но и для героев Гончарова «свидания, разговоры — все это была одна песнь, одни звуки, один свет, который горел ярко, и только преломлялись и дробились лучи его на розовые, на зеленые, на палевые и трепетали в окружающей их атмосфере. Каждый день и час приносил новые звуки и лучи, но свет горел один, мотив звучал все тот же» ⁶⁷.

Целую «симфонию любви» найдем мы в романах Толстого; в рассказанных им историях много темного и даже страшного. Мучительно трудна любовь Анны ⁶⁸, осквернено чувство Катюши, тягостными заботами, ревнивыми обидами, внутренним одиночеством обернулась любовь для Долли. Очень близкий Толстому в своем неприятии лицемерия и фальши моральных законов общества, Тютчев далек от него в самом подходе к чувству, в понимании и изображении его. В чувствах героев Толстого много живой, естественной прелести, им, как правило, чужда изломанность, злое, разрушительное начало любви. Герои Толстого удивительно хороши, когда любят или предчувствуют любовь: Наташа и князь Андрей, княжна Марья, Левин, Кити, Пьер, юная Катюша. Любить — жить,

понятие «любовь» у Толстого соотнесено с жизнью, с обновлением земли, с ощущением полноты и радости существования.

«Дворянские поэты» 1860-х годов, с их сознательной установкой на отрешенную от действительности поэзию, «царство вечной юности и вечной красоты»⁶⁹, много поэтического вдохновения отдали интимной лирике; мир сердца изучен и исследован этими поэтами, все сложнейшие оттенки человеческих чувств переданы ими с редкой бережностью. Среди них было много поэтов, «сочувственных» Тютчеву, но ни у одного из них поэзия так полно, так ярко не несет на себе примет «искалеченного века», как у Тютчева.

В очень неровном литературном наследии Я. П. Полонского много превосходных стихов интимно-лирического характера. Однако Полонский и в любви, как правило, обходит все, нарушающее равновесие, все грозное, неспокойное. У него мы найдем строки, которые никогда не могли бы появиться у Тютчева:

Мне было легче лицемерить,
Чем верить сердцу твоему⁷⁰.

Эта же боязнь любви, страх отдаться «чувству своевольному», привычка «страстей обуздывать язык» и во многих других стихотворениях Полонского:

Кто к лицемерию привык,
Тому нужна привычка к счастью⁷¹.

Характерно, что этому своему стихотворению Полонский дал название «Холодная любовь». Поэт утверждает верность чувства, но чувства трезвого, спокойного. Это скорее дружба и привычка, чем любовь.

Любовь — благо, щит, опора, единственное (иногда поэзия, искусство), что может противостоять житейским бедам. Эту мысль, дорогую сердцу Полонского, мы найдем и в творчестве А. К. Толстого. Сам поэт неоднократно подчеркивал мажорный тон своих произведений, и в общем был прав⁷².

А. К. Толстой рассказал историю любви двух людей, жизнь которых протекает в основном в дворянской усадьбе. Влажное крыльцо старого дедовского дома, завораживающая прелесть потухающего камина, березовая роща, полная света и солнца, сладостный запах прелого листа в знакомом и дорогом до боли, запущенном саду — вот те поэтические аксессуары, которые так обильно рассеяны в стихотворениях Толстого. Как чрезвычайно резкий контраст Тютчеву возникает мысль об устойчивом существовании, привычном, сложившемся быте (хотя и здесь «жизнь бежит то круто, то отлого»). Чаще всего чувство у Толстого светло, радостно, оно обновляет душу:

Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила,
И током теплых слез, как благостным дождем,
Опустошенную мне душу оросила⁷³.

Говоря о поэзии середины и второй половины XIX в., разумеется, нельзя обойти А. А. Фета, нельзя не попытаться сравнить его лирику с тютчевской, тем более, что с одной стороны (фетовской) было прямое обожание («Мой обожаемый поэт <...> // Давно мечты твоей полет // Меня увлек волшебной силой. // Давно в груди моей живет // Твое чело, твой облик милый») ⁷⁴, с другой (тютчевской) — весьма дружественное и сочувственное отношение. О любовной лирике Фета написано немало. Как правило, отмечалось умение Фета передать необычайно тонкие оттенки чувств ожидания, надежды, любовного томления, влюбленности. Фет поистине волшебен в передаче трепетных, почти не названных («О, если б без слова сказаться душой было можно...»), рождающихся в глубине души порывов и желаний. Здесь он был во многом открывателем, а может быть, и первооткрывателем в нашей поэзии. Томительное, сладостное до острой боли и слез предчувствие любви («Отчего со всеми я любезна...», «В темноте на треножнике ярком...», «В лунном сиянии...», «От огней, от толпы беспощадной...»), восторг первых признаний:

О, друг, как счастлив я, как счастлив я вполне,
Как жить мне хочется до нового свиданья, —

глубокая нежность и печаль с уже мелькнувшей мыслью о мимолетности счастья; а рядом упоение счастливым мгновением до полного самозабвения:

Пей, отдавайся минутам счастливым, —
Трепет блаженства всю душу обнимет;
Пей — и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет ?⁵

Фет как бы намеренно отодвигает все трудное, тоскливое, дисгармоничное, расцвечивая чувство ликующе-праздничными красками. Здесь он, как и большинство близких ему поэтов, — антипод Тютчева. Но у Фета есть целый цикл стихотворений, причем цикл необычный еще и потому, что создавался он всю жизнь, отмеченный подлинным трагизмом, цикл, где есть характеры, люди, судьбы, а не только мимолетные и неясные ощущения. Жизненная предыстория этого цикла не менее трагична, чем жизненная ситуация, отразившаяся в поздней лирике Тютчева. Глубокая борозда, вероятно, навсегда осталась в сердце Фета, если уже стариком с неутихающей болью он вновь и вновь возвращался к дням своей молодости. В этих стихотворениях («Старые письма», «Ты отстрадала, я еще страдаю...», «Alter ego», «Страницы милые опять персты раскрыли...», «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», «Долго снились мне вопли рыданий твоих...») мы найдем и сильнейшее чувство стыда, и отчаяние, и горестное сознание гибели большого чувства, канувшего в пустоту:

Горя огнем стыда, опять встречают взоры,
Одну доверчивость, надежду и любовь...

(«Старые письма») ⁷⁶

У любви есть слова, те слова не умрут,
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить.

(«Alter ego») ⁷⁷

Поэт нарисовал образ юной женщины, доверчиво, бескорыстно, самоотверженно любящей. Это — alter ego его души, самая чистая струна, замолкнувшая вместе с гибелью женщины. Остаются лишь воспоминания, рождающие восторг и муку.

Так же, как и в поздней лирике Тютчева, лирический герой Фета осознает себя «несчастливым палачом» («Долго снились мне вопли рыданий твоих...»). Певец мимолетных ощущений, Фет поднимается в этих своих стихах до большой правды, правды очень сильных и глубоких чувств. Какой, например, щемяще-правдивой нотой заканчивается одно из последних стихотворений этого цикла:

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

(«Долго снились мне вопли рыданий твоих...») ⁷⁸

Но в этом поэтическом романе-воспоминании нет того, чем драгоценна любовная лирика Тютчева, — нет борения, нет напряжения всех душевных сил, нет вызова, брошенного людской пошлости и бесчеловечности. Герой твердит «о не нашей вине», но сам разрыв вызван, видимо, соображениями вполне житейскими, которые определенно не названы, но предполагаются, тогда как у Тютчева любовь отступает только перед смертью, ибо никакие житейские соображения над ней не властны.

Характерно, что Тютчев и Фет возвышают женщину, делают ее носительницей идеально-прекрасных качеств. В фетовском лирическом цикле — и глубина

страдания, и сила любви, и редкостная — почти невероятная — острота памяти, но и подчинение господствующим в обществе законам. Сколько, например, тягостной трезвости в обращении героя к несчастной возлюбленной:

Я молил, повторял, что *нельзя* нам любить,
 Что минувшие дни *мы должны позабыть*,
 Что в грядущем цветут все права красоты, —
 Мне и тут ничего не ответила ты ⁷⁹

(курсив мой. — И. П.)

У Фета и Тютчева в интимно-лирической исповеди воссозданы трудные и мучительные события жизни — и главное — отражена стихия души, но души эти несоизмеримы ⁸⁰.

Поэта нельзя безнаказанно изъять из своего времени, из живого литературного процесса. Сравнение с художниками, казалось бы, близкими Тютчеву, неожиданно свидетельствует о том, насколько он был чужд им, и, наоборот, писатели, столь далекие, родственно перекликаются с ним (такая перекличка несомненна у Тютчева и Достоевского, у Тютчева и Ап. Григорьева, следует вспомнить здесь и «панаевский» цикл Н. А. Некрасова) ⁸¹. Разумеется, каждый из них шел своим путем, у каждого были свои темы и образы, своя оркестровка стиха, свои художнические пристрастия. Да, собственно, иначе и не могло быть. Поэты, «сочувственные» Тютчеву, не были мелкими людьми, не были они и маленькими поэтами. Славой своей «серебряный век» поэзии русской во многом обязан им. Страстно защищаемая Майковым, Фетом, А. К. Толстым теория отрешенного от жизни искусства не сделала их в повседневной поэтической (не говоря уже о публицистической и житейской) практике величавыми Олимпийцами. Тургенев оставил нам напоенное тончайшим ядом описание Фета-помещика, колоритную иллюстрацию к запискам «Деревенского жителя». Майков неустанно повторял о поэте истинном: «Для всех чужой, со всеми в мире», но и он не всегда следовал этому правилу; он сумел прожить жизнь спокойно и, пожалуй, даже изящно, но и в его душе, бывало, загорались злые всполохи неприязни и вражды. Об острые углы жизненных противоречий болезненно задевал иной раз добрейший Полонский.

Поэты эти твердо знали (за исключением разве Полонского) границы *своего* и *чужого* мира. При всей разнице характеров и манер, несомненно, многое воспринималось ими одинаково. Готовые охотно признать несовершенство окружающей жизни, они нашли для себя «прекрасные уголки», где была блаженная тишина. Одним из таких «уголков» и явилась любовь — дом двоих и мир двоих, далекий от всего беспокойно-тяжкого, от «мышьей беготни» жизни. А у их «обожяемого поэта» — любовь на ветру, в ней «зарницы огневые» суетного, злого мира. У этой любви нет своего защищенного, прочного дома. И страстно, и безнадежно, и мужественно в любовной лирике Тютчева звучит все та же музыка вечного душевного покоя. В этой любви видны, как на срезе раненого дерева, линии и изломы жизни. Она предельно приближена к «миру живому скорбей и печали». В обитель двоих «вломилась» толпа, людская жестокость и злоба осквернили, растоптали бережно скрываемые святыни, земля стала «дикой» для «очарованной души». В этой любви запечатлелся век еще и потому, что в сердце поэта слишком много было едкой горечи и сомнений. Он не смог принести и не принес своей возлюбленной мира и тишины. В литературном окружении идейно близких людей Тютчев был «чужой для всех», хотя и «со всеми в мире». И дело не в том, что как личность он был, несомненно, крупнее. Он был *иначе* велик.

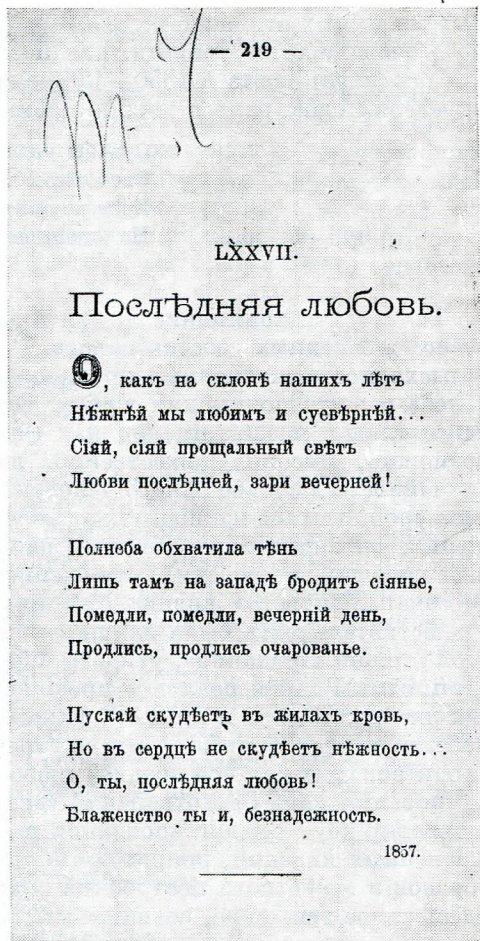
Поэтический цикл, посвященный Е. А. Денисьевой, проникнут тем же трагическим мироощущением, которое отличает всю поэзию позднего Тютчева. Тревоги и бури, которые он наблюдал в жизни, отозвались в его лирике неожиданно и сильно; тревоги и бури носил он и в себе, неумный, не умеющий останавливаться на полпути, во всей безудержи своих страстей. Разумеется, самые тонкие, самые болезненно-интимные стороны лирической исповеди поэта

определяются особенностями самой личности, характером и обстоятельствами. Но как бы ни были индивидуальны, неповторимы лица участников мучительной драмы, на них все равно падает отсвет эпохи, в них живут приметы и противоречия времени. И именно потому, что человек, живущий в обществе, не может быть свободным от общества, любовная история, рассказанная поэтом, заключает в себе большие философские и морально-этические вопросы. В ней, в этой истории, есть то, что принадлежит времени, и то, что пережило время; есть «философия», которую можно понять, но невозможно принять, и есть та сила любви и острота человеческой боли, которые потрясают и сейчас.

Как уже отмечалось, именно в этих стихах появляется у Тютчева подлинный гнев. Поэт отрицает смысл и человечность того мира, защиту которого он считал своим гражданским долгом. И получилось это не потому, что «ум с сердцем не в ладу», — такое объяснение было бы слишком легковесным. Непосредственная правда жизни, увиденное, пережитое художником противоречат, а иной раз и опрокидывают усвоенные, защищаемые идейные схемы. Это случилось не с одним Тютчевым; про и сонга, которые выявились в его публицистике, проходят и через его лирику, но поэт расставляет здесь уже несколько иные акценты.

В жизни Тютчева чувство занимало громадное место. Близко знавший его И. С. Аксаков писал, что «жизнь сердца, жизнь чувства со всеми ее заблуждениями, тревожениями, муками, поэзией, драмой страсти» была в высшей степени знакома и близка ему⁸².

Сам Тютчев эту «жажду любви», постоянно живущую в его сердце, назвал «ужасным свойством (...) нарушающим всякое равновесие в жизни»; он признается, что именно таким было это чувство в его жизни, и скорбит, что, может быть, «передал его по наследству» своей дочери⁸³. Этот авторский комментарий многое помогает понять в его поэзии. Мука раздвоенности, определенная Тютчевым как ужасная болезнь века, сказалась и в той сфере человеческих отношений, где более всего, казалось бы, возможны спасительная целостность и внутренняя гармония. На протяжении многих веков любовь, бережная нежность двух людей противостояла «страшному миру» как порой единственное прибежище, куда можно было укрыться от острых противоречий жизни. Правда, на поверку это оказывалось иллюзией: гибли Паоло и Франческа, Лейла и Меджунун, Ромео и Джульетта, но само чувство противостояло всему безобразному, общественно-уродливому и жестокому. Век XIX, этот «беспламенный пожар», наложил свою тяжкую печать на человеческую личность. Раздираемая противоречиями, мечущаяся в поисках выхода, она внесла смятение и в область са-

LXXVII.

Послѣдняя любовь.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суетнѣннѣй...
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Люби послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь
Лишь тамъ на западѣ бродитъ сіянье,
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность...
О, ты, послѣдняя любовь!
Блаженство ты и, безнадежность.

1857.

ПОМЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО НА ПОЛЯХ
СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ»
«Тютчев». Ч(увство)»

В книге: «Сочинения Ф. И. Тютчева». СПб., 1886
Музей Л. Н. Толстого, Москва

Буквой «Т» («Тютчев») Толстой помечал стихотворения, в которых видел мысли и образы, свойственные одному Тютчеву

мых интимных отношений. Если коснуться фактов биографии Тютчева, то можно с очевидностью увидеть, как беспокойно, болезненно-трудно складывалась личная жизнь поэта в 1850—1860-е годы. Он сам с предельной откровенностью определил свою роль в жизни любимой им женщины:

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла.

(I, 132)

Тютчевское понимание любви в эти годы безотрадно. Оно целиком — следствие жизненных обстоятельств. Ощущение жизненного неблагополучия, безысходности жизненных противоречий, столь острое в поэзии Тютчева, сказалось и в его понимании любви. Один трагический факт биографии мог быть запечатлен в поэзии именно как факт биографии — не больше. Осталась бы, возможно, высокохудожественно, даже гениально отраженная трагическая случайность в судьбе одного человека. В литературе мы знаем немало подобных примеров. Тютчев же поднимает пережитое до большого художественного обобщения, он видит определенный жизненный закон, с жестокой неумолимостью действующий в людских отношениях, — закон страдания, зла, разрушения. Это идет от «чувства жизни», от понимания ее. Он был поэтом действительности, а действительность была слишком жестокой. В то же время увидеть что-то за этой «стеной страдания», увидеть мир больших идей, самопожертвования, добра и тем самым найти реальное противодействие жестокости жизни было для него так же трудно, как и принять философию самоуспокоения. Ни примирения, ни победы, вечная борьба — вот внутренний импульс его поэтических раздумий, характерный и для его поздней любовной лирики. Отсюда и образный строй, и композиция ряда стихотворений «денисьевского» цикла. Любовь превращается в схватку двух сердец, «поединок роковой». Ощущение противопоставленности жизненных явлений, непримиримости противоречий определило контрастность образов и сюжетного построения знаменитого тютчевского «Предопределения». Здесь самое движение, развитие мысли поэтической резко контрастно: любовь—

Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетание,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Мысль о «поединке роковом» развивается и во второй строфе, приводя к выводу о губельности, обреченности чувства:

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

(I, 142; курсив мой. — И. П.)

Роковая, трагическая сущность любви подчеркивается не только резким выделением самого эпитета («И роковое их слиянье, // И... поединок роковой». — Курсив мой. — И. П.), но и утверждением неизбежной и верной гибели наиболее страдающего и незащищенного существа в этой любовной дуэли. Стихотворение «Предопределение» написано в то время (1851), когда жизненный роман самого поэта был еще весьма далек от трагического конца; интересно, что оно не завершает (это было бы естественнее) определенную жизненную историю, а лишь пророчески предугадывает ее финал. Пройдет почти тринадцать лет, прежде чем оправдается в жизни Тютчева грустная правда последних строк. Это с очевидностью свидетельствует о том, насколько тютчевское понимание

любви идет от трагического ощущения жизни и закономерно входит в общую систему его взглядов.

«Предопределение» утверждает разрушительную, стихийно-злую силу самого чувства, приносящего страдания и в конечном счете — смерть. Но «борьба неравная двух сердец» рождает глубину и напряженность переживаний, силу и беззаветность чувств. В любви, способной идти до конца, приносящей в жертву самое заветное, сказалась прекрасная щедрость души. Мысль, классически четко сформулированная в «Предопределении», по существу повторяется и в стихотворении «О, как убийственно мы любим». «Буйная слепота страстей» губительна, разрушительна:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

(I, 131)

Страсти слепы, в них темная стихия, все тот же хаос, который наблюдает поэт в окружающем его мире. В них по-своему отражена та страшная дисгармония души, от которой страдал и мучился современный Тютчеву человек.

Кроме Тютчева, с пристальным вниманием относились к «хаотическим» движениям души, писали о «буйной» слепоте страстей Ап. Григорьев и Достоевский. Интересна эта внутренняя аналогия с темнотой: человек, охваченный страстью, слепнет, погружается в гулкий и беспросветный мрак. Григорьев оставил в поэзии следы мучительных исканий, душевного непокоя — и одно это уже роднит его с Тютчевым гораздо больше, чем самого Тютчева с группой «сочувственных» ему поэтов. В поэзии Ап. Григорьева мы найдем изображение любовной стихии, поглощающей и даже губящей человека. Григорьевская «комета» — символ его горькой и странной жизни — несомненно, близка Тютчеву:

Недосозданная, вся полная раздора,
Невзвезданных стихий, неистового спора,
Горя еще сама, и на пути своем,
Грозя иным звездам стремленьем и огнем...⁸⁴

Есть определенная близость в лирических любовных циклах Григорьева и Тютчева. Эта близость — уже в стихотворении «К Лавинии»:

Он вас любил как эгоист больной,
И без надежд, и без ж еланий счастья,
К судьбе своей и вашей без участия,
Он предавался силе роковой...⁸⁵

В 1850-е годы Григорьев создал поэтический цикл «Борьба», который имел характерный авторский подзаголовок «Лирический роман». Уже самим заглавием определена тема цикла — тютчевская тема «поединка рокового». «Борьба — так борьба», — говорит герой в стихотворении «Опять, как бывало, бессонная ночь...». Любовь лирического героя глубока, истинна («Да, я люблю вас так глубоко, страстно, давно»), но и мучительна, и трудна; она тяготеет над душой. Это — стихия, порой не подвластная рассудку. Здесь не столько сходство жизненных ситуаций у Тютчева и Григорьева (они достаточно далеки), сколько близость психологическая и историческая. Сильные страсти, разрушающие покой души, рождающие страх своей «хаотичностью», осознание чуждости всему общепринятому, благопристойно-обыденному (в сфере чувств) найдем мы в поэзии и Григорьева, и Тютчева. Но следует отметить, что у Григорьева психологический, лирический роман не имеет того протестующе-общественного звучания, какое мы обнаруживаем в поэзии Тютчева. Да и образ женщины у Григорьева иной. Это

...Евы лукавой лукавая дочь.

Ни хуже, ни лучше ты прочих сестер⁸⁶.

И все же некоторое совпадение мотивов интересно по многим причинам: во-первых, вполне вероятно, что и название цикла «Борьба», и мотивы борьбы, характерные для этого цикла, были подсказаны Григорьеву Тютчевым, поэзию которого он любил, так же, как представляется вероятным и влияние тютчевской поэзии на Достоевского, с его излюбленными коллизиями «убийственной» любви. Таким образом, возникает вопрос об определенной сфере влияния Тютчева на современников; во-вторых, стремление психологизировать стихотворения, объединить их в законченный и часто сюжетно определенный цикл, свойственное самым разным поэтам (Григорьеву, Тютчеву, Некрасову), свидетельствует о своеобразном направлении всей русской поэзии, испытывающей, как это уже указывалось исследователями, сильное влияние русской прозы середины XIX в. (так же несомненно и обратное влияние, и обратное «вторжение» поэзии в прозу — отсюда «поэтичность» прозы Тургенева, позднее Гаршина). Следует, наконец, сказать и о том, что успехи русских поэтов в воспроизведении самых тонких душевных движений во всей их психологической достоверности говорят о блестящем расцвете русской лирической поэзии.

«Денисьевский» цикл — этот тютчевский «роман в стихах» — имеет свое начало, свою кульминацию и развязку, свой острейший внутренний конфликт — это и конфликт любящих, их «борьба неравная», и столкновение истинного, хотя и «беззаконного», чувства с лицемерной моралью «толпы». Определение «роман в стихах» вполне приемлемо для этого цикла в силу его определенной замкнутости, сюжетной законченности отдельных частей⁸⁷. Одно из первых стихотворений — «Не раз ты слышала признание...» — уже очерчивает и характеры людей, и их отношения, и жизненную ситуацию; завершает цикл стихотворение «Две силы есть — две роковые силы...». Характерно, что начинается рассказ о любви с глубоко личного, интимного стихотворения, а заканчивает поэт определенной инвективой в адрес общества. Каждое из стихотворений рассказывает о каком-то моменте горестной любви и близости двух людей, лирико-повествовательный элемент весьма ощутим в них: рождение ребенка («Не раз ты слышала признание...»), насилие «толпы» над человеческой душой («О, как убийственно мы любим...»), момент тишины и покоя («Пламя рдеет, пламя пышет...»), болезнь, смерть и бесконечное чувство одиночества и потерянности, охватившее героя. Характеры двух людей, соединенных «роковым» чувством, очень определены, во многом — полярны.

Вступая в своеобразный спор с господствующими в обществе мнениями и нравственными нормами, поэт невольно касается сложного этического вопроса о правомерности расплаты и о характере вины человека, нарушившего моральные законы общества. Словом, в тютчевском цикле мы обнаружим ту самую проблему, которая так волновала его младшего современника — Толстого. И здесь интересно вспомнить «Анну Каренину». «Мне отмищенье и аз воздам», — сурово напоминает писатель, но по существу вся вина Анны заключается в том, что естественные, человеческие чувства и стремления она отказалась подчинить узаконенному лицемерию и фальши. Все остальные обвинения снимаются в самом романе: Анна разрушила семью, но Толстой с определенностью доказал, что семейная жизнь Карениных покоилась на лжи и внутреннем обмене; Анна — плохая мать, бросившая сына, но на протяжении всего романа Толстой доказывает обратное. Именно как мать Анна смогла внушить сыну чувство глубокой любви, преданности, нежности, а Каренин, во всем всеоружии своих педагогических приемов, озлобил и ожесточил ребенка. Анна — женщина, «потерявшая себя, но не виноватая». В таком плане существует понятие «вина» и в тютчевском цикле. Чувство героини «беззаконно», но не с точки зрения автора, а именно с точки зрения «толпы». Об этом говорится прямо в одном из последних стихотворений:

Таков уж свет: он там бесчеловечней,

Где *человечно-искренней* вина.

(«Две силы есть — две роковые силы...» — I, 249;

курсив мой. — И. П.)

С точки зрения Тютчева виновата не женщина с ее «беззаконной» любовью, виноваты те, кто осквернил ее чувство. Причем в процессе развития лирической темы Тютчев приходит к переосмыслению самого понятия «вина»: от несколько отвлеченного утверждения — к конкретному раскрытию преступления против человечности, совершенного «толпой» (понятие «толпа» у Тютчева совершенно определено: это — защитники и носители узаконенной морали).

Обратимся к одному из характернейших стихотворений цикла «О, как убийственно мы любим...»⁸⁸. В открывающей и завершающей стихотворение строфах говорится о неизбежной вине самого человека, чувства которого по природе своей разрушительны. В этом своеобразном поэтическом обрамлении заключена вся история любви: прелесть молодого, счастливого существа («Ее волшебный взор, и речи, // И смех младенчески-живой») — «при первой встрече роковой», а через год: «Куда ланит девались розы, // Улыбка уст и блеск очей? // Все опалили, выжгли слезы // Горючей влагою своей». На долю женщины досталась «жизнь отреченья, жизнь страданья». Но ведь любовь искренняя, глубокая «везаслуженным позором» легла на жизнь женщины только потому, что оказалась «беззаконной» в глазах людей, обречших ее на одиночество, отвергнувших, отбросивших ее как преступницу. И закономерно, что поэт называет истинных виновников несчастья:

Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

(I, 132)

Продолжая эту же мысль, поэт прямо обвиняет «толпу» в поругании, в кощунстве, в преступлении. В стихотворении «Чему молилась ты с любовью!» «беззаконная» любовь оказывается святой и чистой, противостоящей «бессмертной пошлости людской».

В завершающем стихотворении цикла — «Две силы есть — две роковые силы», поставив в одном ряду слова *Свет* («Суд людской») и *Смерть*, поэт тем самым подчеркивает губительную сущность света. Более того, различие Света и Смерти заключается в том, что

...Смерть честней — чужда лицепрятю,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль рошущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разногосыя —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Передко с корнем вырывает вон.

И как настоящий — хотя и трагический и безнадежно-обреченный — подвиг, осмыслены поэтом вызов и протест, брошенные в лицо света «гордой силой, гордо-молодой». И пусть он дважды повторит: «И горе ей — увы, двойное горе», «да, горе ей», пафос стихотворения в прославлении этого «неравного боя», когда женщина

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свеваает
Угрозы, брань и страстную хулу.

(I, 218—219)

Так вновь повторена поэтом мысль об истинной красоте борьбы и непокорности, даже если эта борьба грозит смертью. «Поединок роковой» двух любящих существ превращается в «неравный бой» истинной человечности и узаконенного, господствующего лицемерия и жестокости⁸⁹.

Но если с героини целиком снята вина, то она не снимается с любящего ее человека. Уже проводившаяся аналогия с «Анной Карениной» Толстого мо-

жет быть продолжена. В судьбе Анны, в том вызове, который она бросила свету, много родственного тютчевской героине: и та и другая «при роковом сознание // Всех прав своих, с отвагой красоты, // Бестрепетно, в каком-то обаянье // Идет сама навстречу клеветы» (I, 219). Вина Вронского в романе вполне определена, ужас положения Анны усугубляется тем, что она понимает: Вронский еще любит, но уже может не любить. Человек, занявший такое громадное место в жизни Анны Карениной, в сущности недостоин ее. В лирическом цикле Тютчева сам герой глубоко и постоянно осознает свою вину. В чем же суть этой вины, за что он казнит себя, обвиняя в трагической судьбе загубленного человека? От первого до последнего стихотворения, не только не ослабевая, а, наоборот, приобретая глубину и напряженность, растет его чувство, оно показано многогранно, ярко. О нескудеющей щедрости сердца поэт сказал в знаменитой «Последней любви»:

О, как на склоне наших лет
 Нежней мы любим и суеверней...
 < . . . . . >
 Пускай скудеет в жилах кровь,
 Но в сердце не скудеет нежность...
 (I, 156)

В этой любви — и признание величия подвига женщины, и благоговейный восторг перед нею («Не стою я любви твоей», «Стою, молчу, благоговею // И поклоняюсь тебе», «Пойми ж и ты мое смиренье // Пред сердцем любящим твоим» — I, 135), и глубокая нежность («Но и в избытке упоенья // Нет упоения сильней // Одной улыбки умиленья // Измученной души твоей...» — I, 152), и всепоглощающая страстная привязанность («Я очи знал, — о, эти очи! // Как я любил их, — знает Бог! // От их волшебной, страстной ночи // Я душу оторвать не мог» — I, 146), и полная отрешенность от всего, и самозабвение («Лишь одно я живо чувю: // Ты со мной и вся во мне»; «Слава богу, я с тобой, // А с тобой мне — как в раю» — I, 159). И все же любовь лирического героя во многом мучительна:

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
 Мной созданным самим, без веры я стою —
 И самого себя, краснея, сознаю
 Живой души твоей безжизненным кумиром.
 (I, 144)

На нем печать «проклятого века»; он вносит терпкую горечь сомнений, отчаяния, боли и в свою любовь — отсюда и те упреки, обвинения, которые вкладывает автор в уста героини («... Он жизнь мою бесчеловечно губит, // Хоть, вижу, нож в руке его дрожит», «Он мерит воздух мне так бережно и скудно... // Не мерят так и лютому врагу» — I, 143), и самопризнания героя («Ты любишь искренно и пламенно, а я, — // Я на тебя гляжу с досадою ревнивой» — I, 144).

В удивительном диалоге («Не говори: меня он, как и прежде, любит») символическая патетика «Предопределения» как бы дешифруется, наполняется теплом и болью конкретной, «видимой» жизни, звучит с покоряющей, пронзительной правдой. В этом диалоге как будто бы одна-единственная тоскливая, отчаянная нота, но с каким бесконечным разнообразием оттенков (здесь и неожиданное сиротство вдвоем, и мука непонимания, и несправедливая резкость обвинений, и справедливость их, и покаянье, и мольба, и любовь без памяти, без конца, готовая на все и уже *все* узнавшая). Перед нами действительно «борьба неравная двух сердец», из которых одно, «любя, страдая, грустно млея» неуловимо движется к «последней мете» («Ох, я дышу еще болезненно и трудно, // Могу дышать, но жить уж не могу»). Характеры людей очерчены очень точно (и не только «она», но и «он»); сама композиция стихотворения как бы «держится» на резкой противопоставленности образов, она определяет и особенности языка, и даже строй фраз. Женщина, все отдавшая («я стражду, не живу... им,

им одним живу я»), одарившая другого «волшебным миром» «искренного и пламенного» чувства, предстает перед читателями глубоко потрясенной, *уязвленной*. «То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя», почти в беспамятстве: в ее упреках и иступление, и вызов, и судорожный плач; он в этих строках, неоконченных, оборванных, как бы смятых рыданием, криком, — «Но эта жизнь! О, как горька она!» (I, 143). А рядом с ней человек, способный «бесчеловечно» погубить не потому, что он мало любит, а потому, что его любовь отравлена «досадою ревнивой», сомнением («без веры я стою»), горечью пережитого. Обвинения иступленной женщины принимаются им как «укора справедливая»; с какой-то угрюмой покорностью отвечает он ей — «безжизненный кумир» мятущейся, страстной и обреченной души. Такую сгущенность чувств, такой лаконизм и такую глубину в передаче человеческого горя мы обнаружим лишь в произведениях подлинно гениальных. Здесь все — земное, горестное, правдивое, все — верное времени и временем рожденное. Ведь и сама разрушительность, убийственность чувства оказывается в прямой связи не с какими-то изначальными, роковыми силами, а является следствием искаленности души. Женщина «на поруганье предана» была еще и потому, что пассивной оказалась позиция мужчины, не способного защитить и спасти любимого им человека от насилия и суда света. Подвиг совершить «весь до конца в отчаянной борьбе» суждено было женщине, чья жизнь была поистине трагической.

Тютчевская героиня олицетворяет собой подлинно нравственное и героическое начало любви. Этот образ создан посредством не столько внешней, сколько внутренней психологической портретности. Даже в стихотворении «Я очи знал, — о, эти очи!» он стремится увидеть в ее лице то, что составляет сущность души:

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

(I, 146)

Этот прием изображения останется неизменным. Героиня показана в разные моменты жизни, ее чувства переданы очень тонко, психологически-правдиво. Вот она мать:

... так умиленно,
С такою верой и мольбой
Неволью клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой.

(I, 135)

Вот женщина негодующая, оскорбленная, но все же безгранично любящая:

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

(I, 143)

И, наконец, ее смерть, нарисованная с пугающей правдой деталей («Весь день она лежала в забытии...»). В русской литературе это одно из сильнейших реалистических произведений, рассказывающих о вечной человеческой трагедии ухода. Воссоздана обстановка, память как бы фиксирует детали помимо сознания: теплый летний дождь, *весело* струящийся по листьям, лицо, покрытое мертвыми теньями, минута вернувшегося сознания, последняя фраза, последнее «прости» жизни: «О, как все это я любила!» Картина оборвана мучительной судорогой смерти. И как вопль души, заключающие строки поэта:

О, Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

(I, 194)

или, во всяком случае, без резкого осуждения) портрет женщины, «благодаря и людям и судьбе» научившейся притворству. Что делать, она узнала свет: «он ставит нам в измену все радости», и она научилась обходить его запреты. «Измена льстит тебе» (I, 21), — говорил поэт. «Благодаря и людям и судьбе» можно приспособиться к господствующему лицемерию и прожить жизнь спокойно, почти счастливо, находя в двойном существовании терпкую прелесть. «Наперекор и людям и судьбе» может пойти лишь чистая и смелая душа; «судьбы не одолевший, но и себя не давший победить» (I, 198), человек — трагичен и прекрасен, ибо пассивному примирению с обстоятельствами он противопоставил активную силу сопротивления. Как уже упоминалось, в «денисьевском» цикле (а он один из значительнейших в позднем творчестве Тютчева) на ином и уже вполне конкретном жизненном материале утверждается вновь идея «Двух голосов», причем повторяются даже отдельные образы «неравного боя». Победный венец заслуживает тот, кто вступил в неравный бой и пал побежденный «лишь Роком»; женщина, судьбы не одолевшая, но и себя не давшая победить в схватке с косной и тупой силой «толпы», совершает *подвиг* и также заслуживает победного венца. Философия борьбы куда ближе Тютчеву, чем философия покорности.

Рассказанная поэтом история завершается своеобразным эпилогом. Действия, поступки, события описаны, взаимоотношения героев выяснены и определены, и как в большом прозаическом полотне автор стремится досказать историю героев (эпилоги Достоевского, Толстого, Тургенева), так и Тютчев воссоздает чувства и настроения оставшегося в живых участника драмы («О, этот Юг, о, эта Ницца!..»), «Есть и в моем страдальческом застое...», «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...», «Вот бреду я вдоль большой дороги...», «Как ни тяжел последний час...»⁹¹, «Опять стою я над Невой...»). Эти стихотворения отличаются большой силой непосредственно художественного воздействия прежде всего потому, что заключенное в них чувство слишком человечески-понятно: люди многие века оплакивали и хоронили дорогих им покойников и оставили великодушные образцы, художественно увековечившие этот плач, чувство потери, отчаяния, невольной вины живого перед мертвым. Смерть Е. А. Денисьевой, по словам самого Тютчева, «сломала пружину его жизни»⁹², и письма, как и стихотворения, отражают его отчаяние.

Но письма остаются частным документом, поэзия же, в силу самой своей природы, возводит частное, пережитое поэтом, до степени общего. Смерть — всегда трагедия. Но осмысление ее может быть и бывает разным. Это от многого зависит — от психологии, характера, воззрений. Преодоление трагедии смерти возможно в том случае, когда есть разумный выход в мир, когда единственный факт смерти не зачеркнет общий разумный смысл бытия и деятельности. Следует опять-таки вспомнить Герцена. Смерть жены была очень тяжело пережита им, но именно после ее смерти, после крушения «частного и общего» начинается огромная по размаху пропагандистская деятельность Герцена. В «Былом и думах» Герцен неоднократно подчеркивает мысль о необходимости преодоления личного горя в большой, нужной человечеству деятельности. В поэзии Тютчева мы столкнемся с несколько иным явлением. Чувство человека, при всей его силе, напряженности и глубине, все-таки эгоистично, индивидуалистически-замкнуто. Оно, как древний легендарный дух, запечатанный в крохотном сосуде: выхода в мир для него нет. Поэтому гибели любимой женщины приводит поэта к душевной прострации, к страдальческому застою, к мертвенности души. Отсюда и противопоставление «бездушного и бесстрастного» мира человеку, обреченному на вечное одиночество:

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, брошенный волною,
На безымянном диком берегу.

(«Есть и в моем страдальческом застое...» — I, 197)

Или сильнейший образ насмерть подстреленной птицы:

Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

(«О, этот Юг, о, эта Ницца!..» — I, 193)

Характерно, что в этом стихотворении раненой птице уподобляется жизнь (т. е. та жизнь, которая остается на долю поэта, которая отныне ему суждена). Смерть одного превратила жизнь другого в медленное и мучительное умирание (собственно, тот же образ — «Я был при ней убитый, но живой», который в разных вариантах встречается в стихотворениях, посвященных памяти Е. А. Денисьевой). Они пронизаны не только чувством безнадежности и бессилия, но и ощущением полнейшей отрешенности от мира живых. Вновь возникает близкий сердцу Тютчева образ странника в стихотворении «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» («Вот бреду я вдоль большой дороги...» — I, 203)⁹³.

Это одно из самых щемяще-печальных стихотворений великого поэта, полное неизбывного, покорного и просветленного страдания. Предметные подробности, конкретные детали внешнего мира представляются определенными художественными знаками, помогающими понять мысль поэта. Так, большая дорога, вдоль которой бредет смертельно уставший человек, ассоциируется с трудной и трагически сложенной жизнью. Ощущение смертельного утомления и усталости создается точным употреблением очень простого слова «замирать» («Тяжело мне, замирают ноги»; не устают, не болят, не ноют, а именно замирают, мертвеют, как постепенно мертвеет, уходит из жизни и сам человек). Поразительно передано в стихотворении медленное движение, передано и «задыхающийся», ритмически тяжелой фразой со «свободными» безударными слогами, и самим развитием образа. Перейдя от первой строфы ко второй, мы как будто сделали несколько тяжелых шагов. Вначале еще дрожит последний слабый свет уходящего дня («Вот бреду я вдоль большой дороги // В тихом свете гаснущего дня»), но прошло еще несколько мгновений, сделано еще несколько шагов бредущим человеком — и тени сгустились, постепенно окутывая его тьмой («Все темней, темнее над землею — // Улетел последний отблеск дня»). Завершающее каждую строфу обращение к умершей («Друг мой милый, видишь ли меня?», «Ангел мой, ты видишь ли меня?») создает ощущение близости к исчезнувшему, неживому, и полной отрешенности от жизни. Эта бесконечная отрешенность — и во взгляде на мир, на землю как на что-то внешнее, чуждое самому поэту (сколько горького удивления в одной только фразе: «Вот тот мир, где жили мы с тобою» — I, 203). То же удивление (неужели я еще живу?) и та же отрешенность и в стихотворении «Опять стою я над Невой»:

Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.
< . . . . . :>

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

(I, 212; курсив мой. — И. П.)

Это состояние человека, оустошенного пережитым, ничего не желающего, ничего не ищущего, представляется ужаснее смерти:

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —

Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

(I, 211)

Вечная история любви, страдания и смерти, рассказанная «сыном века», поэтом XIX столетия, полна и утверждения жизни, и горестного сознания обреченности, беспомощности и бессилия человека, и внутреннего страстного протеста, и гордой несмирности души. В этой сложной противоречивости составляющих ее элементов она и должна быть понята.

Лев Толстой сказал о Тютчеве: «Он слишком серьезен, он не шутит с музой... И все у него строго: и содержание, и форма»⁹⁴. Поэту повезло быть современником больших событий. Он не только отозвался на них прямыми поэтическими декларациями, но и «пропустил» их сквозь свое сердце, чутко откликнувшееся на «стихийный, пламенный раздор», огни и грозы действительности.

Поэзия Тютчева рассказывает о человеке не меньше, чем о веснах и зимах природы, да и сама земная красота воспета поэтом не откровенно, не бесстрастно. Он умеет найти и подчеркнуть в человеке человеческое. Мы обнаружим это и в самозабвенно-благоговеющей любви к женщине, и в суровой нелюдимости суда над собой, и в напряженных поисках истины.

Тютчев не оказался чужим нашей эпохе. Он оставил в наследство грядущим поколениям честность, глубину и серьезность своих раздумий о человеке. Он подарил людям радость соприкосновения с миром прекрасного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Блок. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6. М.—Л., 1962, с. 376.

² А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. СПб., 1893, с. 432.

³ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9, М., 1950, с. 204.

⁴ Н. А. Добролюбов. Темное царство.— В кн.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти т., т. 5. М.—Л., 1962, с. 28.

⁵ Ф. Энгельс. Шеллинг и откровение.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 442.

⁶ Ф. Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы. Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. СПб., 1908, с. 74.

⁷ Куно Фишер. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение.— В кн.: Куно Фишер. История новой философии, т. 7. СПб., 1905, с. 43—44.

⁸ Прав был Б. Я. Бухштаб, заметивший, что «за искусственными конструкциями шеллинговской философии чувствуется безграничная любовь к природе, подлинная жажда погружения в „мир природы“» (Б. Бухштаб. Вступ. статья.— В кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 25). См. также: *Пигарев*, с. 209—210. Очень хорошо сказал Л. Озеров: «Философия — не область, а пафос тютчевской лирики» (Л. Озеров. Поэзия Тютчева. М., 1975, с. 56). В этом плане даже сам столь привычный термин «поэт-философ», широко применяемый к Тютчеву, вызывает определенное возражение, ибо невольно вся чувственно-праздничная, страстно-живая поэзия Тютчева своеобразно «рационализируется». Он был поэтом-мыслителем, но мысль его получала права поэтического гражданства только в «сердечной» плоти художественного образа. Любопытно замечание А. С. Хомякова, сделанное еще при жизни Тютчева: «... мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозатор везде проглядывает (<...> Он же насквозь поэт» (А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. VIII. Письма. М., 1900, с. 200).

⁹ Аксаков 1886, с. 162, 149—150.

¹⁰ В. А. Грехнев пишет: «В поэзии Тютчева временные эпохи человеческой жизни, ее прошлое и ее настоящее в равной мере текучи и зыбки. Неудержимый поток времени размывает очертания настоящего» (В. А. Грехнев. Время в композиции стихотворений Тютчева.— *Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка*, т. XXII, вып. 6. М., 1973, с. 487).

¹¹ На эту особенность «Последнего катаклизма» указал А. Тархов. Он справедливо пишет о том, что «Последний катаклизм» — «это не только пророчество о конце мира, но и представление поэта о его начале»; однако неожиданным и спорным представляется истолкование «божьего лика» как «звездного неба, отраженного в водной стихии» (А. Тархов. Творческий путь Тютчева.— В кн.: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М., 1972, с. 7—9).

¹² Г. Р. Держава и в. Стихотворения. Л., 1957, с. 360.

¹³ Это своеобразное торжество абсолюта (отнесенное прежде всего к понятию «смерть») вообще характерно для Державина. В 1779 г. в знаменитой оде «На смерть князя Мещер-

ского» смерть всеобща и абсолютна: «И звезды ею сокрушаются, // И солнца ею потушаются, // И всем мирам она грозит» (Там же, с. 85). Тютчев в ощущении жизни, ее движения ближе к Пушкину. Но у Тютчева осознание «предела», поставленного природой отдельной человеческой жизни, лишено мудрой пушкинской уравновешенности и пресветлености.

¹⁴ Во время предсмертной болезни Тютчев напишет стихотворение «Наполеон III». Поэт в образах, очень близких его раннему произведению, установит ту же причинно-следственную связь, хотя акценты будут уже иными: «Народ, взлохотивший на тебя венец, // Ты ложью развратил и погубил вконец (...) // Спасенья нет в насилье и во лжи» (II, 262—263).

¹⁵ Интересное замечание есть в работе (спорной в ряде положений) В. Кожина: «В поэзии пушкинской плеяды пространство и время как бы замкнуто, завершено в стихии мировой гармонии. Между тем и Тютчев, и его соратники вскрывают „углы“ и „стыки“ пространственно-временной структуры, ее „незавершенность“, моменты переходов и переломов» (В. К о ж и н о в. О «тютчевской» школе в русской лирике (1830—1860-е годы). — В кн.: «К истории русского романтизма». М., 1973, с. 378).

¹⁶ Символика и предельная обобщенность образов «Цицерона», конечно, вырастают из событий действительности и отражают, прежде всего, ощущение Тютчевым истории, ее движения, ее «высокого зрелища». Однако прямая дешифровка стихотворения с помощью ли событий 1830 г. или событий римской истории не представляется оправданной (см.: А. А. Н и к о л а е в. Художник — мыслитель — гражданин. — ВЛ, 1979, № 1, с. 119—125).

¹⁷ Д. Д. Благой совершенно справедливо услышал в стихотворении «Море и утес» «музыку революции» — пафос разрушения косных гранитных громад старого мира» (Д. Д. Б л а г о й. Жизнь и творчество Тютчева. — ПСС 1933—1934, т. I, с. 46).

¹⁸ Г. И. Чулков, комментируя это стихотворение (ПСС 1933—1934, т. I, с. 366), соотносит его с тютчевским суждением о протестанстве, которое «умирает от истощения» (Ф. И. Т ю т ч е в. Папство и Римский вопрос. — Соч. 1900, с. 578). Л. Я. Гинзбург, процитировав стихотворение, замечает: «Это сказано не о лютеранском богослужении, но о судьбах религии перед лицом атеистического сознания XIX века». Отсюда и «символический дом распадающейся веры». Л. Я. Гинзбург справедливо увидела обобщенность тютчевского образа, но, по существу, оставила его вне системы тютчевских представлений о «движущемся» мире. Меньше всего Тютчева в это время занимали «судьбы религии» (Л. Г и н з б у р г. О лирике. М.—Л., 1964, с. 48—49).

¹⁹ Б. Я. Бухштаб отметил, что для творчества Тютчева «более существен динамический аспект мира», а отсюда — интерес к переходным состояниям в природе (Б. В у х ш т а б. Русские поэты. Л., 1970, с. 44. См. также: Пигарев, с. 212—214).

²⁰ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9, с. 218.

²¹ В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4-х тт., т. I. М.—Л., 1959, с. 112.

²² К. Н. Батюшков. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964, с. 116.

²³ Е. А. Баратынский. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 148.

²⁴ Хотя «мир теней» и возникает иной раз как нечто несущее душе покой («Еще шумел весенний день»), это — отблеск все той же «жизни благодатной», вернее, одно из ее состояний, когда звуки и краски меркнут в «мерцаньи полусонья». То же по существу и в стихотворении «Тени сызны смешались...».

²⁵ См., например: Пигарев, с. 182.

²⁶ Проблема своеобразных внутренних связей Тютчева и Блока посвящены статьи: Л. К. Д о л г о л о в. Тютчев и Блок. — РЛ, 1967, № 2; И. В. П е т р о в а. Тютчев и Блок. — «Вопросы истории и теории литературы», вып. IV. Челябинск, 1968. Автор последней работы, естественно, не ставит знак равенства между социальными истоками трагедии героев Достоевского и трагизмом мироощущения человека в тютчевской поэзии.

²⁷ «Итальянский полдень» К. Брюллова вспоминает К. В. Пигарев в связи со строками из стихотворений Тютчева «Слезы» и «К NN». См.: К. П и г а р е в. Русская литература и изобразительное искусство. Очерки о русском национальном пейзаже середины XIX века. М., 1972, с. 55.

²⁸ См.: Б. В у х ш т а б. Вступ. статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений, с. 37. Правомерность подобного вывода подвергла сомнению Н. В. Королева (Н. В. К о р о л е в а. Ф. И. Тютчев. — В кн.: «История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 212). Ряд возражений Н. В. Королевой высказал А. Горелов (А. Г о р е л о в. Три судьбы. Л., 1976, с. 75—77). Если рассматривать «северный» цикл в системе поэтических представлений Тютчева, то его историческая и политическая «подпочва» выступит резко и определенно, что, разумеется, не снимает образно-смысловую многозначности цикла.

²⁹ Интересно, что подобное ощущение николаевской России было характерно для многих современников поэта. Безжизненным, заколдованным царством кажется Россия французскому путешественнику Адольфу де Кюстин (Маркиз де К ю с т и н. Николаевская Россия. М., 1930). Польский поэт А. Мицкевич в отрывках третьей части «Дзядов» рисует «русский ландшафт», как и русскую императорскую столицу, в образах, очень близких тютчевским (А. М и ц к е в и ч. Собр. соч. в 5-ти тт., т. 3. М., 1952; гл. «Петербург», «Олешкевич»).

³⁰ Т. Г. Шевченко. Дневник. М.—Л., 1931, с. 205 (запись 26 окт. 1857 г.).

³¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, с. 964.

³² В последние годы неоднократно делалась попытка подчеркнуть народность Тютчева (в том смысле, в каком это понятие прежде всего применяется к художникам 1850—1860-х годов: «... глубоко народен, даже демократичен», — пишет В. Кожин, оговаривая в этом

плане близость Достоевского и Тютчева. — В. К о ж и н о в. Вступ. статья. — В кн.: Ф. Тютчев. Стихотворения. М., 1976, с. 12). Н. Н. Скатов говорит о «полноте отношений» Тютчева к родине как к «родные народа»; отсюда следует и его утверждение об «объективном выходе к Некрасовским позициям» как раз в трактовке понятия «народный», хотя автор и оговаривается, что это у поэта лишь «симптомы, намеки» (Н. Н. С к а т о в. Некрасов и Тютчев. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература, 1821—1971. М., 1971, с. 255, 265). Подобные утверждения представляются определенной натяжкой. Прав Л. Озеров, когда замечает, что нет нужды делать из Тютчева «радетеля по народным делам», хотя «надо понять и оценить в Тютчеве его думу о русском народе» (Л. О з е р о в. Указ. соч., с. 25).

³³ Определенная близость «Русской женщины» Некрасовской «Тройке» отмечена рядом исследователей: Н. Я. Б е р к о в с к и й. Вступ. статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М. — Л., 1962, с. 67; В. Н. К а с а т к и н а. Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева. Изд-во Саратовского ун-та, 1969, с. 141; Н. Н. С к а т о в. Некрасов. Современники и продолжатели. Л., 1973, с. 136.

³⁴ Н. А. Д о б р о л ю б о в. Когда же придет настоящий день? — Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти тт., т. 6. М. — Л., 1962, с. 137.

³⁵ Имеются в виду статьи «Россия и Германия» (1844), «Россия и Революция» (1848), «Папство и Римский вопрос» (1849), а также публикуемые в настоящем томе наброски и планы трактата «Россия и Запад».

³⁶ Странной представляется предложенная Л. А. Фрейберг трактовка этого стихотворения как «поэтической отповеди Н. Ф. Щербине, чья слащавая античность в представлении Тютчева была лишь „болезненной мечтой“, понятной только в оторгнутом от свободы и родины человеке» (Л. А. Ф р е й б е р г. Тютчев и античность. — В кн.: «Античность и современность». М., 1972, с. 456). Текст тютчевского стихотворения, уважительный и доброжелательный по тону, свидетельствует о понимании и даже о сочувствии к иной, нежели собственная, поэтической позиции («Вполне понятно мне значение // Твоей болезненной мечты, // Твоя борьба, твое стремление»), но также и о совершенной неприемлемости этой позиции для автора послания.

³⁷ А. Н. М а й к о в. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1914, с. 58.

³⁸ Н. Л. Л о м а н. Перед милотинными лавками («Пошли, господь, свою подачку...»). — В кн.: «Поэты „Искры“». Л., 1955, т. 2, с. 772.

³⁹ «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сб. 2. М., 1926, с. 28. Остановливаясь на этом письме Л. Толстого к Н. Н. Страхову, Б. М. Эйхенбаум приходит к выводу, что главной темой разговора могла оказаться тема стихотворения Тютчева «От жизни той, что бушевала здесь...» (Б. М. Э й х е н б а у м. Лев Толстой. Семидесяти лет. Л., 1960, с. 208).

⁴⁰ Аксаков 1886, с. 85.

⁴¹ Слово «двойник» (как определенный термин), по всей вероятности, ввел в русскую литературу А. Погорельский, который в 1828 г. опубликовал своеобразный сборник новелл «Двойник, или Мои вечера в Малороссии». Отношения героя с его двойником вполне идиллические: «Сев друг подле друга, наслаждался приятною беседою». Погорельский пишет: «В Германии, где подобные явления чаще случаются, нашу братаю называют Doppelgänger (...). Осмелюсь предложить называть меня Двойником» (А. П о г о р е л ь с к и й. Двойник, или Мои вечера в Малороссии. Монастырка. М., 1960, с. 30). Но явление, которое привлекло особенно пристальное внимание в прозе — Достоевского, в поэзии — Тютчева, не укладывалось в рамки привычного романтического Doppelgänger'a.

⁴² Я. П. П о л о н с к и й. Стихотворения. Л., 1954, с. 242.

⁴³ А. Н. М а й к о в. Полн. собр. соч., т. I, с. 75.

⁴⁴ См. стихотворения А. Блока: «Двойник» («Вот моя песня тебе, Коломбина...») — 1903; «Двойник» («Однажды в октябрьском тумане...») — 1909; «Пристал ко мне нищий дурак...» — 1913. Тема раздвоения, расщепления души проходит и через многие другие стихотворения поэта.

⁴⁵ Аксаков 1886, с. 47—48.

⁴⁶ Там же, с. 46.

⁴⁷ О своем трагическом «ясновидении» Тютчев пишет жене Эрнестине Федоровне 18 августа 1854 г. (Соч. 1980, т. 2, с. 160). Есть определенная близость стихотворений «О вещая душа моя...» и «Стоим мы слепо пред Судьбою...». И дело не только в определенной перекличке фраз и образов («Твой сон — пророчески-неясный, // Как откровение духов...» — «Я не свое тебе открою, // А бред пророческий духов...»), но и в ощущении катастрофичности бытия. Разумеется, прямой отклик на исторические события («Стоим мы слепо пред Судьбою...») и философски-нравственная «всеохватность» образов стихотворения «О вещая душа моя...» — явления различного поэтического рода.

⁴⁸ К. В. Пигарев справедливо отметил, что «за образом этого человека, о котором сказано в третьем лице, угадывается глубоко выстрадавшее „Я“ самого поэта» (Пигарев, с. 195).

⁴⁹ Сергей С о л о в ь е в. Богословские и критические очерки. — Собр. статей и публичных лекций. М., 1916, с. 154—155. Отношение Тютчева к религии было по-своему сложным. Религиозным мыслителем он не был; православная идея, занимающая такое большое место в его статьях 1844 и 1849 гг., была для него, прежде всего, идеей политической. Известно, что в повседневной своей жизни, как отмечал его первый биограф И. С. Аксаков (и о чем свидетельствуют его письма), он был равнодушен к официально-обрядовой стороне религии. Малое место религиозные мотивы занимают и в его лирике (хотя нельзя сказать, что эти мотивы совсем отсутствуют). Несомненно другое: человек в тютчевской лирике не

может найти в вере не только успокоение, но и истину. Однако делать Тютчева богоборцем и безбожником, думается, нет оснований. А. Горелов пишет, например, что в 1836 г. поэт пришел к «отрицанию верховной воли», что год «завершился богоборчеством», что «разрыв с божественностью» (!) Тютчев выстрадал долгими сомнениями» (А. Горелов. Указ. соч., с. 105, 106). Все эти далеко идущие выводы делаются на основе стихотворения «И чувства нет в твоих очах...». Но стихотворение обращено к женщине, в том числе, возможно, и знаменитые последние его строки (мысль, которую высказал в разговоре с автором настоящей статьи К. В. Пигарев) — «И нет в творении — творца!» (курсив мой. — И. П.). Ближе к истине те исследователи, которые пишут не о «безбожии» поэта, а об отсутствии «провидения» и «божьей воли» в его лирике.

⁵⁰ А. Горелов заметил, что природа в этом стихотворении «возникает в каком-то смутном, всего лишь подозреваемом образе женщины» (А. Горелов. Указ. соч., с. 99—100).

⁵¹ Я. П. Полонский. Стихотворения, с. 264.

⁵² Н. Я. Берковский писал: «Ужас смерти в сознании Тютчева очень навязчив» (Н. Я. Берковский. Вступ. статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М.—Л., 1962, с. 59). С этим трудно согласиться. Тютчев много пишет о краткости, мгновенности человеческой жизни рядом с «животворным океаном» — вечной жизнью природы. Смерть — удел людского племени, и человек вынужден смириться с этим страшным (всегда для него страшным!) законом. Тютчев видит и нечто более ужасное, чем смерть: несправедливость людского суда, убивающего лучших («Но Смерть честней...»), или безмерную тяжесть равнодушия, «мертвенности души».

⁵³ С. Соловьев. Указ. соч., с. 155. Проблеме «Тютчев и античность» посвятила статью современная исследовательница Л. А. Фрейберг (Л. А. Фрейберг. Указ. соч.).

⁵⁴ А. Блок. Собр. соч. в 8-ми тт., т. 7. М.—Л., 1963, с. 99. В творчестве Блока сильны отзвуки «Двух голосов»; несомненна и определенная близость этого стихотворения творчеству современника Блока И. Анненского.

⁵⁵ Н. В. Александровская впервые обратила внимание на текстовые совпадения «Двух голосов» с масонским гимном («Symbolum») Гёте. Вместе с тем она же верно заметила совершенное своеобразие содержания тютчевского стихотворения: «... на другие пути зовет его голос человечества...» (Н. В. Александровская. Два голоса (Тютчев и Гёте). — В кн.: «Посев. Одесса — Поволжье. Литературно-критический и научно-художественный альманах». Одесса, 1921, с. 97). Близость тютчевских «Двух голосов» к «Песне судьбы Гипериона» немецкого романтика Гёльдерлина отмечает Г. Ратгауз в примечаниях к произведениям Гёльдерлина (И. Гёльдерлин. Сочинения. М., 1969, с. 527). Однако был прав Н. Я. Берковский, заметивший, что переключки Тютчева с каким-либо из деятелей западного романтизма лишь свидетельствует о том, что «русский поэт — активнейший участник великой всемирной культуры романтизма» (Н. Я. Берковский. Романтизм в Германии. Л., 1973, с. 194).

⁵⁶ Эсхил. Трагедии. М.—Л., 1937, с. 198.

⁵⁷ Письмо П. Г. Антокольского автору настоящей статьи 6 янв. 1962 г.

⁵⁸ Интересны наблюдения Ю. М. Лотмана над «пространственной противопоставленностью „верха“ и „низа“ в „Двух голосах“» (Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972, с. 183).

⁵⁹ Возможно, что композиция «Двух голосов», предельное напряжение этой переключки смерти и жизни, борьбы и обреченности подсказали И. С. Тургеневу форму его знаменитого «Порога». Тургенев знал и ценил поэзию Тютчева.

⁶⁰ На значительность «Двух голосов» в поздней лирике Тютчева указал А. Горелов (А. Горелов. Указ. соч., с. 124).

⁶¹ Основной материал, посвященный любовной лирике Тютчева, был опубликован нами в статье «Любовная лирика Тютчева 1850—1860-х годов». — Уч. зап. Магнитогор. гос. пед. ин-та. Кафедра рус. и зарубж. лит-ры, 1963, вып. XV (II).

⁶² Письмо А. И. Георгиевскому 13/25 дек. 1864 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 200.

⁶³ Письмо П. Г. Антокольского автору настоящей статьи 6 янв. 1962 г.

⁶⁴ Письмо А. Ф. Тютчевой — Д. Ф. Тютчевой (29) июня 1854 г. — *Современники о Тютчеве*.

⁶⁵ Строка из стихотворения Н. Заболоцкого «Ночное гулянье» («Вечно светят лишь сердце поэта // В целомудренной бездне стиха»). — Н. Заболоцкий. Избр. произведения в 2-х тт., т. I. М., 1972, с. 277.

⁶⁶ В творчестве Тургенева, особенно последних лет, мы найдем мотивы, весьма близкие Тютчеву («Довольно», «Поездка в Полесье», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви»). Но эти мотивы все-таки не были для Тургенева определяющими.

⁶⁷ И. А. Гончаров. Собр. соч. в 6-ти тт., т. 4, М., 1959, с. 205, 207.

⁶⁸ Б. М. Эйхенбаум видит близость романа Толстого «Анна Каренина» тютчевской лирике как раз в трактовке страсти как стихийной силы, как «поединка рокового» (Б. М. Эйхенбаум. Указ. соч., с. 213).

⁶⁹ А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. I, кн. 2. СПб., 1914, с. 255.

⁷⁰ Я. П. Полонский. Полн. собр. стихотворений в 5-ти тт., т. I. СПб., 1896, с. 57.

⁷¹ Я. П. Полонский. Стихотворения, с. 368.

⁷² А. К. Толстой писал, определяя сущность своей поэзии: «... я могу для себя признать характерным мажорный тон моей поэзии, которая выделяется на общем минорном тоне на-

ших русских поэтов, исключая Пушкина, который решительно — мажорный». — «Вестник Европы», 1895, кн. 10, с. 661.

⁷³ А. К. Толстой. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937, с. 84.

⁷⁴ А. А. Фет. Стихотворения. М., 1970, с. 306.

⁷⁵ Там же, с. 281.

⁷⁶ Там же, с. 292.

⁷⁷ Там же, с. 361.

⁷⁸ Там же, с. 427.

⁷⁹ Там же, с. 416.

⁸⁰ Д. Д. Благой в яркой работе, посвященной «Вечерним огням» Фета, пишет о том, что цикл его любовных стихотворений, связанных с именем Марии Лазич и в известной мере параллельный знаменитому циклу Тютчева, свидетельствует о силе поэтической памяти Фета, который «ощущает себя и любимую („второе я“) навсегда нераздельно слитыми в одном „двойном бытии“, реально продолжающемся в мире прекрасного — в поэзии» (Д. Д. Благой. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. М., 1975, с. 85—86).

⁸¹ См.: Н. Н. Скрябин. Некрасов и Тютчев, с. 240—248.

⁸² Аксаков 1886, с. 46.

⁸³ Письмо к Д. Ф. Тютчевой 8/20 сент. 1864 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 198.

⁸⁴ А. Григорьев в Избр. произведения. Л., 1959, с. 84. На близость Тютчеву темы григорьевской «Кометы» указал П. Громов во вступительной статье к указанному изданию.

⁸⁵ Там же, с. 102.

⁸⁶ Там же, с. 148.

⁸⁷ Б. Я. Бухштаб заметил, что «„денисьевский“ цикл — своего рода роман» (Б. Я. Бухштаб. Вступ. статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 35).

⁸⁸ Б. М. Эйхенбаум в уже упомянутой работе о Толстом называет стихотворение «О, как убийственно мы любим» лирическим комментарием к «Анне Карениной», «эпиграфом к ней» (Б. М. Эйхенбаум. Указ. соч., с. 213). Действительно, так же как Толстой в романе, Тютчев в названном стихотворении ведет нас в глубь большой трагедии, и обвинение человека — «раба своей страсти, своего эгоизма», живущего своим желанием, виноватого перед жизнью «вечным правосудием», превращается в обвинение света, толпы, общества. И это становится пафосом как гениального романа Толстого, так и гениального стихотворения Тютчева.

⁸⁹ Н. Я. Берковский пишет: «В денисьевский цикл тоже входит социальная тема — неясственная, она все же определяет характер стихотворений» (Н. Я. Берковский. Вступ. статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М. — Л., 1962, с. 71). Думается, однако, что понятие «социальная тема», взятое без определенных оговорок, неприемлемо. Это, например, становится особенно ясным, когда сравниваешь морально-этические проблемы, поставленные Тютчевым, и социальные, — поставленные Достоевским в сходных ситуациях.

⁹⁰ Интересно сопоставить тютчевское стихотворение с аналогичным стихотворением Я. П. Полонского «Последний вздох». Это, безусловно, одно из сильных стихотворений Полонского, но искренность человеческого горя передана им вполне традиционно: «Я склонил мой слух <...> // Но, увя, мой друг, // Твой последний вздох // Мне любви твоей // Досказать не мог» (Я. П. Полонский. Стихотворения, с. 256). Нет в нем и той страстной любви к жизни, ужаса прощания с ней и, в сущности, протеста против исчезновения, смерти, которые делают таким глубоким тютчевское стихотворение.

⁹¹ Это стихотворение непосредственно примыкает к «денисьевскому» циклу, хотя прямо с именем Е. А. Денисьевой оно не связано. В нем, собственно, та же мысль, что и в стихотворении «Есть и в моем страдальческом застое...»

⁹² Ф. Т. (Ф. Тютчев). Федор Иванович Тютчев (Материалы к биографии). — ИВ, 1903, № 7, с. 200.

⁹³ Несомненно образная переключка со стихотворением «Пошли, господь, свою отраду...», вплоть до прямого повторения образа: «Бредет по жаркой мостовой», «Бредет по знойной мостовой» — «Вот бреду я вдоль большой дороги».

⁹⁴ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, М., 1955, с. 273.

Б. М. КОЗЫРЕВ

ПИСЬМА О ТЮТЧЕВЕ

Об авторе «Писем о Тютчеве». Заметка Е. Л. Фейнберга

Предисловие А. Е. Тархова

Примечания М. Л. Гаспарова и А. Е. Тархова

ОБ АВТОРЕ «ПИСЕМ О ТЮТЧЕВЕ»

Автор публикуемых «Писем о Тютчеве» Борис Михайлович Козырев (1905—1979) — видный физик, член-корреспондент Академии наук СССР, живший и работавший в Казани, где он окончил университет. Главные его работы посвящены радиоспектроскопии (т. е. спектроскопии атомов, молекул и других подобных систем в области сверхвысоочастотных радиоволн), а точнее, ее разделу, который называется электронным парамагнитным резонансом — ЭПР. Явление ЭПР приобрело очень большое значение в мировой науке как для самой физики, так и в качестве важного метода исследований в химии, биологии и технике. Работы в этой области казанской школы, одним из руководителей которой стал Б. М. Козырев, и его собственные исследования сыграли выдающуюся роль. Таким образом, он жил в атмосфере бурно развивающейся науки, работая в области, где сконцентрировались совместные усилия ученых многих стран.

Вместе с тем он обладал обширной гуманитарной образованностью. Особенно интересовали его литература и философия.

Еще в студенческие годы он переводил «для себя» стихи английских и французских поэтов. Главным же увлечением его был Тютчев, и это увлечение сопровождало всю жизнь Б. М. Козырева. Но только в начале 60-х годов он решил изложить на бумаге некоторые из накопленных им наблюдений, относящихся к тютчевской поэзии. Он сделал это в форме писем, необозначенным адресатом которых был правнук поэта, известный тютчевед К. В. Пигарев. Тем не менее даже тогда, когда один фрагмент из этих «Писем» был уже напечатан*, Борис Михайлович, насколько можно было судить по беседам с ним, не считал, что написанное им можно опубликовать полностью. Он удовлетворился тем, что «Письма о Тютчеве» были переданы на постоянное хранение в Мурановский музей и стали доступны специалистам (уже при жизни его они цитировались в некоторых работах). Публикуемый ныне текст представляет собой извлечения, сделанные Б. М. Козыревым из пяти его писем к К. В. Пигареву. Этот текст он рассматривал как завершенное сочинение, содержавшее все основное, что он хотел сказать о Тютчеве.

Мы работали с Б. М. Козыревым в разных областях физики и познакомились поздно. Одарив меня своим доверием, он прислал мне машинописный экземпляр своего труда с теплой надписью, которую, когда через полгода Борис Михайлович внезапно скончался, я воспринял как наказ душеприказчику. Не будучи филологом, я не мог довериться тому глубокому впечатлению, которое произвело на меня это эссе, а Борис Михайлович, со свойственной ему скромностью, не сказал мне, что его «Письма» уже высоко оценили известные тютчеведы. Однако обращение ко многим специалистам устранило все сомнения.

Помещенная здесь фотография не может передать все обаяние личности Б. М. Козырева — светящийся взгляд, мягкую интеллигентную улыбку, спокойную уверенность в своей правоте. Все это читатель может попытаться реконструировать по стилю его «Писем».

---

* Б. М. Козырев. Мифологемы Тютчева и ионийская натурфилософия (из писем о Тютчеве). — В кн.: Историко-филологические исследования: Сборник статей памяти академика Н. И. Кошрада. М., «Наука», 1974, с. 121—128. Статья представляет собой значительно сокращенную редакцию третьего «Письма».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершая свой проникновенный анализ тютчевского стихотворения «Сумерки» («Тени сизые смешались...»), Б. М. Козырев пишет: «... все рассмотренные здесь, а также и многие другие черты несравненной красоты, глубины и тонкости, доступные взгляду каждого читателя, лишь бы этот взгляд был внимательным и любящим, не существуют вне поэтического единства стихотворения. Они эффективны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку все вместе, всю свою совокупность передают читателю внутреннюю правду (не «поэтический вымысел», а именно правду!) о душе в сумерках и, если хотите, о душе сумерек (<...> Для таких именно раскрытий внутренней правды и существует лирическая поэзия».

В этих словах — читательский портрет нашего современника, известного ученого-физика, чьим любимейшим поэтом всю жизнь был Тютчев. Результатом этой встречи великого поэта девятнадцатого века со своим читателем двадцатого века стали публикуемые «Письма о Тютчеве» Б. М. Козырева. Богатство их содержания оценит каждый, кто интересуется тютчевской поэзией; весомость и принципиальную новизну вклада этих «Писем» в тютчеведение еще предстоит оценить специалистам. Мы же отметим два наиболее существенных, на наш взгляд, открытия, сделанных Б. М. Козыревым: первое — о «праистоках» тютчевского «поэтического мировоззрения»; второе — об эволюции этого мировоззрения, о «духовном пути Тютчева».

Что такое «мировоззрение поэта», какой материал должен быть тут привлечен и какой метод анализа применен для того, чтобы результат был адекватен самому предмету, а не оказался извне наложенной схемой? Не обсуждая специально эту проблему с теоретической стороны, Б. М. Козырев, несомненно, исходит из принципиального различия «идеологии поэта» как сознательно выработанной системы философских, исторических, политических и других взглядов и «поэтического мировоззрения», запечатленного, вылившегося прежде всего в поэтических шедеврах. «Поэтическое мировоззрение» тоже имеет свою структуру, но эта структура скорее может быть определена как «образ мира художника»¹. Существенно, что весь этот «образ мира», сколь бы сложно-разветвленным он ни был, происходит, развивается из некоего единого «первоистока». Б. М. Козырев занимается поисками «первичных натурфилософских и поэтических интуиций» своего поэта — и находит их. Хорошо известно стихотворное обращение Тютчева к Фегу — «Иным достался от природы...», где Тютчев сравнивает с фетовским свой собственный поэтический дар и определяет его как способность «чувять, слышать воды». Но никто еще не принял это тютчевское признание настолько серьезно, чтобы в свете его взглянуть на всю лирику Тютчева. Первым это сделал Б. М. Козырев — и картина, им открытая, поразительна: «По моим подсчетам оказалось, что более чем в одной третьей части всех оригинальных стихотворений Тютчева есть образы, связанные с его излюбленной водной стихией, а примерно в одной десятой части — эти образы являются центральными, так или иначе определяющими тему стихотворения. Кажется, нет в природе такой формы существования влаги, которая не была бы отмечена Тютчевым, начиная с Мирового Океана и кончая каплями слез». Статистически подтвердив поразительный сам по себе факт тютчевского «поклонения стихии воды», Б. М. Козырев не останавливается на констатации этого факта — он хочет найти в нем натурфилософское, «мировоззренческое» содержание. Поэзия Тютчева дает исследователю основание увидеть у него не просто эстетический культ воды, но «признание ее первичной и благой мирообразующей стихией». Бесконечно разнообразные природные формы воды у Тютчева обнаруживают свою связь и родство с теми тютчевскими идеями-образами, с теми его поэтическими «мифологемами», которые давно известны в тютчеведении как Хаос — Бездна — Беспредельное. Размышляя о генезисе подобной поэтической натурфилософии, Б. М. Козырев предлагает в качестве типологически близкой модели «полумифологические созерцания древнейших милетцев Фалеса и Анаксимандра: вода есть первоначало мира, она есть Беспредельное, из которого все происходит и в которое всему суждено вернуться (все отдельное, единичное нарушает самим фактом своего существования, своим отъединением изначальное единство Беспредельного и несет за это возмездие — неизбежно возвращается к Беспредельному и исчезает в нем). Не сводя дело ни к какому «литературному влиянию» или «философскому заимствованию», Б. М. Козырев предлагает объяснить эту странную родственность мировоззрения поэта девятнадцатого века и милетской натурфилософской архаики «внутренним подобием первичных натурфилософских и поэтических интуиций» Тютчева, а именно: «особым предрасположением Тютчева к эстетическому вос-

Б. М. КОЗЫРЕВ

Фотография, 1960-е годы

Из семейного архива Б. М. Козырева, Казань

приятию воды в природе и его непосредственной личной уверенностью в примате общего, космического над индивидуальным» (курсив мой. — А. Т.), — ведь «самый настойчивый мотив всей натурфилософской тютчевской лирики — противоположение вечной и неуываемой стихийной жизни природы скоротечному, бесследно исчезающему индивидуальному бытию». Приведенный вывод можно было бы назвать «тезисом номер один» в «Письмах» Б. М. Козырева: как бы ни относиться к «милетским параллелям», но в отношении Тютчева каждая часть этого тезиса абсолютно корректна и подтверждается всем материалом тютчевской лирики; а взятые в их единстве, обе части дают ключ, многое открывающий в поэтической натурфилософии Тютчева.

Вся принципиальная важность сделанного Б. М. Козыревым открытия особенно наглядно видна на фоне других современных опытов описания «поэтического мировоззрения» Тютчева, в частности работы В. Н. Касаткиной, специально посвященной этой проблеме². Здесь также сказано об особой роли воды у Тютчева, упомянут и Фалес как возможный предтеча тютчевской «гидрофилии». Но эти факты существуют на уровне частных наблюдений, без опоры на статистику поэтических образов и сквозной анализ всех текстов, что не позволяет автору найти подлинную доминанту поэтической натурфилософии Тютчева.

Если при рассмотрении вопроса о «самых дальних, самых глубоких и архаических корнях» поэтической натурфилософии Тютчева Б. М. Козырев дал новый контекст некоторым давним идеям тютчеведения³, то в решении проблемы эволюции мировоззрения поэта этот исследователь выступил подлинным первооткрывателем. Сам переход поэта из одного периода к другому, от «раннего» к «позднему», от «мюнхенского» к «петербургскому» был неким духовным катаклизмом, огромным мировоззренческим сдвигом. Б. М. Козырев первым в тютчеведении открыл эту проблему⁴ — и он же («с мощным лаконизмом математической формулы» если воспользоваться его собственным выражением) дал определение существа происшедшей Тютчевым перемены. *«И если тогда, в молодости, самое, может быть, глубокое и самое интимное из тютчевских переживаний было выражено гениальной формулой: „Все во мне и я во всем“, то теперь (...) мы встречаем столь же емкую и проникновенную формулу: „Ты со мной и вся во мне“. Эти две строчки кажутся мне при их сопоставлении величайшими поэтическими символами тютчевского творчества (а в следующем, более глубоком плане как бы и прафеноменами) всего его духовного существования»* (курсив мой. — А. Т.).

Этот вывод можно было бы назвать «тезисом номер два» работы Б. М. Козырева, вторым ее порным пунктом. Не «игра в сближение», а многолетнее общение с тютчевской поэзией, глубокое духовное освоение ее позволили автору «Писем» увидеть в двух стихотворных строках Тютчева высшее выражение смысла двух этапов духовного пути поэта и в сопоставлении этих строк дать «формулу» этого пути, поражающую своей красотой и емкостью смысла.

Строка «Все во мне и я во всем» (из стихотворения «Тени сизые смешались...»), передающая «сокровенное ощущение растворения „Я“, личности во вселивной», есть символ тютчевского поэтического мировосприятия первого периода творчества (до 1850 г.), отмеченного печатью ярко выраженного языческого натурализма. Исследователь характеризует раннего Тютчева: «в религиозном отношении — как политеиста и антихристианина; в философском — как «милетского материалиста»; в собственно поэтическом — как создателя замечательных пифов о природе».

Строка «Ты со мной и вся во мне» взята из стихотворения «Пламя рдеет, пламя пышет» (1855)— одного из стихотворений, посвященных Е. А. Денисьевой, «последней любви» Тютчева. С ней, прежде всего с этой трагической любовью, связывает Б. М. Козырев причину происшедшего в мировоззрении поэта перелома: «С 1850 г. для Тютчева наступила пора многолетних попыток «крещения природы», попыток создания новых мифологем, основанных на христианских идеях (...) Главное внимание Тютчева обращено теперь не на природу, а на человеческую душу с ее грехами и искуплениями, радостями и страданиями».

Два давнанных «тезиса Козырева» закладывают основу для совершенно нового подхода к рассмотрению проблемы поэтического мировоззрения Тютчева; эти выводы замечательного читателя Тютчева (равно как и все богатство наблюдений, содержащихся в его «Письмах») еще предстоит освоить науке о Тютчеве.

«Письма о Тютчеве» публикуются по авторизованной машинописной копии, предоставленной «Литературному наследству» Е. Л. Фейнбергом.

Библиографические примечания автора включены в состав комментария, где они уточнены и унифицированы в соответствии с правилами библиографии.

¹ Термин, предложенный Я. О. Зунделовичем (Я. О. Зунделович. Этюды о лирике Тютчева. Самарканд, 1971, с. 21—23).

² В. Н. Касаткина. Поэтическое мировоззрение Тютчева. Изд. Саратовского ун-та, 1969.

³ «Никогда и нигде не переставали предноситься пред Тютчевым идея и образ бесконечности...» (Аксаков 1886, с. 293); «... и сам Гёте не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно (...) ту таинственную основу всякой жизни — природной и человеческой, — основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества» (В. С. Соловьев. Поэзия Ф. И. Тютчева. — В кн.: «Собр. соч. В. С. Соловьева», т. 7, 2-е изд. СПб., 1912, с. 125); «Хаос, по Тютчеву, — бесформенная и безличная, темная, слепая, неорганизованная и зыбкая, как библейские воды, кипящая, бурная основа мира. Из этой грубой ткани создается „риза богов“, красочный, многообразный мир форм. Они образованы именно этой, по существу — бесформенной, материей, застывшей в известной форме лишь на время и могущей разрушить форму и вернуться к прежнему безобразному состоянию. Личное, как хрупкое, как совершенно нереальное, по сравнению с вечной материей, — нечто противоположное ей, непреходящей и всемогущей» (Ал. Лаврецкий. Взыскающий благодати. — В кн.: «Слово о культуре: Сборник критических и философских статей». М., 1918, с. 66).

⁴ Работа Т. Райнова «Духовный путь Тютчева» (Пг., «Колос», 1923) не может претендовать на эту роль ввиду ее крайнего субъективизма.

ИЗ ПЕРВОГО ПИСЬМА

Если взять по одному качеству от каждого писателя, например назвать страстность Лермонтова, многосодержательность Тютчева...

Б. Пастернак. Люди и положения 1

...Как ни важно знать, каковы были философские интересы и пристрастия Тютчева, как ни любопытно, что он читал, с кем спорил и с кем соглашался, все-таки самое главное, без чего все остальное потеряло бы всякий смысл и значение, заключается в том, что он — великий поэт. Само по себе это теперь непререкаемая истина; но чем он велик и почему — каждый его читатель имеет право пытаться определить по-своему из непосредственного общения с его творчеством.

Для меня он велик прежде всего «алхимией стиха», если дозволительно употребить термин, бытующий у французов (а, может быть, проще и в большем соответствии с русской традицией было бы сказать «словесной магией»)². Высочайшим же образцом этой «алхимии» или «магии» кажется мне его стихотворение о сумерках:

Тени сизые смешались,
Цвет поблёлнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне и я во всём...

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.

Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

С самого детства и до сих пор — зимой и летом, в ясный полдень или ночью, все равно, — всякий раз, как я читаю эти строки, передо мной возникают не просто словесные образы, а как бы реальный сумрак, на исходе какого-то реального дня, в реальной комнате, где слышен полет бабочки и душа охвачена историей слияния с миром. Если это не «реализм в высшем смысле», о котором говорил Достоевский³, то тогда что же такое реализм?

Я вполне сознаю тщету попыток понять до конца механику действия этих стихов*. Не убежден я и в универсальности их действия. Для любого другого читателя «Тени сизые...», конечно, могут оказаться лишь одним из многих первоклассных тютчевских стихотворений, а какое-нибудь менее для меня существенное займет его место по «магической» значительности. Некая доля субъективности здесь, по-видимому, неизбежна. И все-таки соблазнительно попробовать, ну, хотя бы просто перечислить (и пусть даже в чисто субъективном плане!) те технические средства, с помощью которых колдует в сумерках ваш прадед.

Конечно, прежде всего действуют сами звуки.

Тени сизые смешались,
Цвет поблёлкнул, звук уснул.

é—и—й—ы—é—е—й—и	с—з—с—с—с
é—а—ё—у—ý—у—ý	ц—з—с

От верхних нот гаммы гласных «и» и «е», господствующих в первой строке, плавный переход через «а» и «ё»^{2*} к самой низкой ноте «у» вызывает впечатлительное замирания, успокоения, точно гармонирующее со смыслом этих строк.

Среди согласных четырехкратное повторение «с» в первой строке создает ощущение смутного, таинственного шепота.

Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...

Здесь гласные в усложненной форме повторяют музыку первого двустипшия. Действительно, третья строка, как и первая, звучит высокими нотами; но, в отличие от второй, количественно ослабленное понижение (у) наблюдается теперь не только в конце, но и в начале заключительной, четвертой строки:

й ^и —и—é—е—а—е—й ^и —и	ж—з—ж—з—ш—сь
ý—а—ы—о ^а —á—ы—ý	с—з

Острые звучания: «жизнь—движ—раз» третьей строки — говорят о том, что было: была шумная, звонкая разноголосица жизни дневной, жадной к движению. В четвертой строке слабый отзвук этого слышится в единственном «з» — «зыбкий».

* Нет нужды говорить, что слово «механика» не значит, будто я думаю, что Тютчев механически подбирал и комбинирует разные формальные приемы. Это можно допустить, скажем, для Каролины Павловой или Брюсова, но совершенно исключено для Тютчева, так же как, например, для Цветаевой или для Блока, несмотря на всю формальную изощренность их творчества.

^{2*} Я читаю «поблёлкнул», хотя есть (не помню, к сожалению, кем высказанное) мнение, что в 30-х годах XIX века обычно говорилось «поблекнул». Но произношение «ё» у Тютчева совершенно произвольно, что видно из его рифм, так что этот аргумент вряд ли имеет серьезное значение. Музыкальный же ход с «ё» здесь несравненно более тонкий и «тютчевский», тогда как с «е» отдает некой почти бальмонтской нарочитостью. Главное же, при таком чтении неударные «у» почти перестают восприниматься: мы слышим лишь назойливость ударных: é—é—ý—ý.

А начало и конец этой строки опоясаны сонными аккордами «сум» и «гул», передающими то, что осталось от жизни, — смутный сумрак вместо солнечной разноцветности и далекий, утихающий гул вместо дневного шума и гама.

Но удивительная эвфония этого четверостишия (и еще сознательно умалчиваю о ритме его)^{3*} — далеко не единственное и даже не самое главное средство, создающее магическую картину сумерек.

Не меньшую, пожалуй, роль играют здесь острота, точность и единственность эпитетов: «Тени — сизые», «сумрак — зыбкий», «гул — дальний». Ведь тени действительно сизые — они переливаются множеством голубиных оттенков, ибо глаз, пристально вглядывающийся в серое или черное, перестает видеть их как таковые: они становятся переливчато-пестрыми. Отсюда и «зыбкий» сумрак. А постепенный уход жизни дневной и внешней никак лучше не выразить, чем сказав, что гул — дальний.

Но и точность эпитетов — не самое главное. Важнее всего та внезапно вспыхивающая то тут, то там индивидуальная тютчевская манера словоупотребления, которая делает его стихи столь абсолютно неподражаемыми.

Являясь первым (и, конечно, величайшим) из наших символистов⁴, он отличается особым удивительным даром находить слова многосмысленные, причем часто употребляет их так, что основным поэтическим смыслом становится «обертон» привычного значения⁵; но при этом последнее, отнюдь не уничтожаясь совсем, взаимодействует с «обертоном», создавая специфически тютчевскую «вибрацию смысла».

Таково здесь слово «смесились». Будучи просто старинной формой глагола «смешиваться», в нашем сознании (под влиянием Библии?) оно обозначает не только и, пожалуй, не столько механическое смешение, сколько слияние плоти. И в стихотворении наше интуитивное понимание колеблется между двумя этими смыслами, благодаря чему первая строка приобретает характер какого-то неясного, сказанного шепотом (вот откуда эти свистящие «с!»), но вполне ощутимого откровения о живой материальной жизни сумеречных теней; и оно, это откровение, окрашивает всю вещь ощущением общей мировой одухотворенности, с одной стороны, и телесности призрачного, телесности теней — с другой.

Почти так же смело слово «разрешились». Поэт не гениальный сказал бы, например, «превратились», и из стихотворения исчезло бы ощущение того, что жизнь и движение дневное — только завязка драмы, только поставленная задача, нечто долженствующее быть разрешенным или преодоленным.

Чтобы увидеть, насколько важна эта символическая тютчевская семантика, достаточно «чуть-чуть» исказить первое четверостишие:

Тени сизые сгустились,
Цвет поблёлкнул, звук уснул —
Жизнь, движение превратились
В сумрак зыбкий, в дальний гул.

Волшебство исчезло.

Второй катрен первой строфы:

Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём...

— является кульминацией в процессе воссоздания внутренней реальности сумерек. Слух в сумерках утончается^{4*}: ухо различает трепет крыльев бабоч-

^{3*} Отмечу лишь, что последняя строка, рисующая полное успокоение, написана чистым метром, причем словоразделы совпадают с границами стоп; сходная с ней эвфонически 2-я строка тоже — чистый метр, но лишена последнего признака; наконец, сходные эвфонически 1-я и 3-я строки и по ритму также различаются лишь положением словоразделов.

^{4*} Этот эффект был хорошо известен Тютчеву — см., напр.: «День догорал; звучнее пела // Река в померкших берегах»⁶. Но насколько большей силой внушения и тонкостью отличается использование его в «Сумерках»!

И так Сизыбы смешались,
 Целый полетел ночью, была шумит —
 Окрыл, облетел графтиншил,
 Муха сурраке жёлкой, во дальний край...
 Мотылька шумит, слышен
 Слышен а в воздухе ночном
 Силою во воздухе ночном...
 Как мотылька летящего!
 Мы во мотыльке в во всем!

Сурраке жёлкой, сурраке жёлкой
 Мотыльке во воздухе ночном,
 Мотыльке, жёлкой, жёлкой,
 Во дальний и шумит —
 Мотылька шумит, слышен
 Мотылька шумит, слышен
 Жёлкой в воздухе ночном,
 Во мотыльке шумит, слышен

«ТЕНИ СИЗЫБЕ СМЕСИЛИСЬ...»

Автограф, начало 1830-х годов

Над пятой и шестой строками («Лишь мотыль шумит незримой // Слепо в воздухе ночном») авторская правка «Мотылька полет незримой // Слышен в воздухе ночном»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ки — то, что, конечно, не услышишь днем. И вместе с тем этот единственный штрих — присутствие ночной бабочки — сразу многообразно воплощает ситуацию: лето, комната (ибо вне дома слышалось бы много других звуков!) и страшное одиночество поэта. Отсюда так естествен и необходим переход к трагическому восклицанию: «Час тоски невыразимой!..»

Последняя строка: «Всё во мне, и я во всём...» — с мощным лаконизмом математической формулы передает сокровенное ощущение растворения «Я», личности во Вселенной. Только в темноте и в сосредоточенности полного уединения может оно явиться. И теперь мы понимаем, что восклицание «Час тоски невыразимой!..» относилось не только к одиночеству, но и к смутному ужасу ожида-

ния этого разлития в мире, исчезновения отдельности, прекращения того самого чувства одиночества, которое гнетет поэта и в то же время делает его самым собой^{5*}.

В первой половине «Сумерек» сделано самое главное: воссоздана внутренняя реальность сумеречного мира, и возникло взаимопроникновение его и души поэта. Остальные восемь строк, образующие вторую строфу, написаны в форме прямого обращения к сумраку. Сказать, что эта строфа лишняя, — не только кощунственно, но и просто неверно; однако без первой она была бы — по тютчевским масштабам — довольно обыкновенным, правда, очень музыкальным и тонким стихотворением. Вместе же с первой строфой она необходима для создания требуемой длительности поэтического впечатления (закон, отмеченный еще Эдгаром По⁷), для полноты «магического» слияния читателя с сумеречной Вселенной; но волшебство ее кажется мне все-таки скорее отраженным светом первой строфы.

В сущности, содержание этой второй половины стихотворения есть попытка, так сказать, довести до ясного сознания то, что в непосредственной интуиции уже дано первой половиной. Отсюда и обращение к сумраку, казалось бы, не нужное после «Всё во мне, и я во всём»; отсюда и совсем «рассудочная» строчка:

Чувства — мглой самозабвенья,

за которой, впрочем, следует чудесное и неожиданное:

Переполни через край!..

— (ведь «обыкновенный» поэт пожелал бы, конечно, не «переполнять через край» свои чувства, словно они — чаши, в которые можно что-то влить, а, скажем, затуманить их или, чего доброго, опьянить или усыпить самозабвеньем!).

В двух следующих за этой строкой заключительных стихах:

Дай вкусить уничтоженья,

С миром дремлющим смешай!

— вся сила творческого гения вспыхивает снова. Какие странные, таинственные отблески бросают друг на друга два этих соседних слова, не соединимых в обычной нашей речи: «вкусить уничтоженья»! Мы привыкли слышать и понимать сочетания: «вкусить наслаждение», «вкусить отдых», «вкусить амброзии» и т. п. Не много слов в нашем языке со столь ярко выраженным мажорным, жизнеутверждающим, эпикурейским, если угодно, и в то же время торжественным звучанием. Но вот, оказывается, можно *вкусить уничтоженья*. И благодаря привычным ассоциациям, связанным с глаголом «вкусать», мы чувствуем и как бы начинаем понимать, что есть не только ужас уничтожения, но и сладость его, наслаждение им. И как мудро избрано здесь согласование: «дай вкусить (от) уничтоженья» — это значит: дай причаститься ему, *испробовать его*. Окончательная, безвозвратная гибель выражалась бы другим падежом: «дай вкусить (всё) уничтоженья». Обе формы возможны в нашем языке. Тютчев безошибочно выбрал ту, которая была единственно пригодной для того, чтобы выразить двумя словами почти невыразимое по огромности и сложности содержание.

Последний стих:

С миром дремлющим смешай!

— замыкает, не назойливо (как это бывает иногда, скажем, у Фета или у раннего Блока, или у самого Тютчева), а чуть заметно, одним лишь — к тому же измененным в соответствии с требованиями контекста и уже лишенным двойственного смысла — словом «смешай» магическое кольцо всего стихотворения:

^{5*} В юности мне не раз случалось испытывать в какой-то мере, видимо, подобное тютчевскому ощущение «разлития» по всему бесконечному ночному пространству; потому-то, должно быть, я и воспринимаю это стихотворение как исконную часть самого себя.

в начале «тени сизые смешались», а теперь и я, уничтожаясь, смешиваюсь с ними...

С эвфонической стороны вторая половина «Сумерек» так же безупречна, как и первая. Чудесная музыка шепчущих «с», начатая первой строчкой стихотворения, продолжается здесь, усиленная и осложненная игрою «темных» звуков «м» и «т»^{6*}.

Самым замечательным в звуковом отношении является последний стих:

С миром дремлющим смешай!

см—р—м—др—м—м—см

Он больше всех других в стихотворении наполнен звуком тьмы и мягкой дремоты «м». В нем и шепот засыпающих звуков с—щ—с—ш, и поистине он является прекрасным эвфоническим замком всего стихотворения, ибо содержит в себе основные согласные «с—м—р» узлового слова «сумрак», из сизых прядей которого соткано все волшебство этой удивительной вещи⁸.

И, все-таки, я не сказал еще о «Сумерках» самое главное. Оно заключается в том, что все рассмотренные здесь, а также и многие другие черты несравненной красоты, глубины и тонкости^{7*}, доступные взгляду каждого читателя, лишь бы этот взгляд был внимательным и любящим, не существуют вне поэтического единства стихотворения. Они эффективны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку все вместе, всю совокупность передают читателю внутреннюю правду (не «поэтический вымысел», а именно правду!) о душе в сумерках и, если хотите, о душе сумерек. Кто прикасался хоть на мгновение к этой правде, всегда будет чувствовать ее, перечитывая тютчевские строки. И даже тот, кто ни разу не испытал ничего сходного, может ощутить веяние того потаенного мира, который открывался Тютчеву в его сумеречных бдениях.

Для таких именно раскрытий внутренней правды и существует лирическая поэзия. Ради одного стихотворения вроде «Сумерек» можно простить сотни неудачных. К тому же — как знать — может быть, и среди этих сотен тоже есть откровения природного мира или человеческой души, и мы не воспринимаем их только потому, что нам недостает чуткости и внимательности, чтобы отомкнуть их тайну. И кто знает, сколько таких непробужденных хризалид дремлет для каждого читателя в томиках стихов, ожидая этого животворного внимания.

Из произведенного краткого анализа «Сумерек» можно попытаться сделать некоторые выводы, касающиеся одной из важных сторон поэтики Тютчева. Я только слегка намечу здесь эти выводы: может быть, когда-нибудь впоследствии я попробую развить их более детально.

Среди основных элементов поэтического произведения — звуковых, смысловых и композиционных — в самых типичных для Тютчева и лучших созданиях его наибольшим своеобразием и художественной действенностью отличается, как мне кажется, семантика.

Один из важнейших путей «поэтизации» семантики у Тютчева заключается в использовании в узловых пунктах стихотворения таких слов, которые в данном контексте могут иметь два или даже несколько значений. При этом каждое из этих значений в отдельности обычно оказывается доступным достаточно четкому определению, и весь эстетический эффект заключается не в «расплывании» смысла слов (что мы наблюдаем у символистов импрессионистического типа, например у Бальмонта, Сологуба, раннего Блока), а как бы в «вибрации» смысла между двумя его точными значениями. Каждое из этих значений влечет за собой свой ряд ассоциаций; эти ряды, пересекаясь и взаимодействуя друг с другом, обогащаются и усиливаются как бы вследствие резонанса между ними.

^{6*} Конечно, эти звуки «темны» только потому, что они входят в состав таких слов, как «тьма», «тьма», «темнота», «темный», «темнеть», «темница» и т. д. Здесь имеет место то, что в кибернетике называется «обратной связью».

^{7*} Например, повторение: «Сумрак тихий, сумрак сонный», — создающее впечатление наплывания сумерек и отмеченное В. В. Гиппиусом⁸.

Особенно важными кажутся мне среди таких «поэтических двусмыслиц» в тютчевской семантике «омонимические» глаголы. (Строго говоря, это, конечно, не омонимы: одинаковое звучание обычно в них связано с прямым и метафорическим смыслом одного и того же по корню слова; здесь мы встречаем просто одно из проявлений бодлеровского «закона соответствий», почерпнутого у тех же Сведенборга и Шеллинга¹⁰, которые, возможно, влияли и на Тютчева.)

Кроме случаев, рассмотренных в «Сумерках», можно напомнить, например, следующие:

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

(I, 82)

Здесь «волнуя» может одинаково означать и «вызывая смятение», и «вызывая волны»: контекст делает оба смысла — и психологический, и физический — совершенно равноправными.

Другой пример:

Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь.

(I, 140)

И тут легко вскрываются опять-таки равноправные смыслы: физический (замутит) и психологический (слегка испугает). В этом стихотворении «прямое» изображение относится к лесу, над которым проносится летняя веселая гроза, т. е. к области явлений физических. Но вот тот же глагол в стихах «Как ни бесилося злоречье...». Здесь он использован уже для психологической картины:

Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

(I, 207)

И тем не менее мы вновь, благодаря метафоре «лазурь души» и метафорическому эпитету «безоблачная душа», стоим перед невозможностью твердо выбрать, какое же из двух значений нашего глагола является преобладающим.

Число таких «вибрирующих» слов, находимых у Тютчева, можно было бы сильно увеличить, но я ограничусь еще лишь двумя-тремя наиболее яркими примерами.

Таково, например, изумительное речение, отмеченное еще Пумпянским (но совсем по другому поводу¹¹):

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая Гора,
Как откровенье неземное.

(I, 191)

Здесь в эпитете «разоблаченная» одновременно действуют *три* смысла: 1) полу-метафорический («раздетая» гора); чисто метафорический («лишенная тайны» гора) и, наконец, неожиданный и гениально простой смысл: «очистившаяся от облаков» гора. Беря слово в этом последнем смысле, мы имеем дело со смелейшим, близким к каламбуру неологизмом, и трудно думать, чтобы Тютчев сознательно имел его в виду. Скорее всего здесь просто проявилось поразительное чутье языка, позволившее поэту интуитивно создать сложную «вибрацию смыслов».

Очень любил Тютчев сталкивать рядом два смысла слова «как», означающие: 1) «о, как» и 2) «как бы». Вот, например:

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!

(I, 15)

Или:

Как тихо веет над долиной
 Далекий колокольный звон,
 Как шум от стаи журавлиной,
 И в звучных листьях замер он

(I, 24 и 232)

— и мн. др.

Слово «как» вибрирует здесь благодаря тому, что оно употреблено в одной и той же фразе дважды в двух разных смыслах.

Наконец, иногда «вибрация смысла» возникает благодаря употреблению паронимов:

Над нами бредят их вершины.

(I, 171)

Слово «бредят» здесь невольно соотносится с созвучным ему словом «бродят». Если, лежа под деревьями, смотреть, как качаются их верхушки, то кажется, что они именно задумчиво бродят по небу; и весь «бред» их только и может выражаться в этих как бы сомнамбулических движениях.

Вспомним еще другую тютчевскую строку:

Лишь там, на западе, бродит сиянье...

(I, 156)

Здесь — обратный пароним, ибо мы думаем не столько о том, что вечернее сияние движется туда и сюда — этого ведь нет, — сколько о его недолговечном, призрачном, как бы бредовом характере.

Своеобразную аналогию этой перестановке смыслов в отмеченных нами паронимических парах «бродит — бредит» и «бредят — бродят» представляет перестановка параллельных эпитетов в стихах:

И вдруг, как солнце молодое,
 Любви признание золотое
 Исторглось из груди ея...

(I, 42)

Здесь, благодаря явному смысловому тяготению эпитета «молодое» к «признанию», а «золотое» — к «солнцу», оба они сливаются в некое единое «психофизическое» впечатление чего-то светлого и радостного.

Создание смысловых вибраций, о которых мы сейчас говорили¹², является, пожалуй, наиболее тютчевской чертой во всей поэтике Тютчева. Вместе с тем эта черта входит в круг других многочисленных средств, применяемых поэтом для создания той особой неповторимой атмосферы, которой мы дышим в его стихах; для определения ее можно было бы, пожалуй, воспользоваться уже существующим в литературе термином «остранение». Этот метод, широко развитый в нашей прозе еще в XIX веке рядом писателей, в частности Львом Толстым, а в поэзии расцветший значительно позже — в начале XX века у Анненского, Пастернака и футуристов, — имеет, как мне кажется, один из важнейших истоков именно в тютчевской поэзии. И не потому ли так любил эту поэзию Толстой¹³, что чувствовал в ней великий урок умения заставить заговорить все скрытые в словах значения и в итоге — как бы новым зрением увидеть природу и человека?

Я ограничусь этими немногими соображениями о поэтике Тютчева. Мне хочется теперь обратиться к вопросу о некоторых психологических и биографических истоках этой поэтики.

Я начну с мелочи отнюдь не семантического характера, которая может, однако, сразу ввести в суть дела. У Тютчева, как я уже отмечал, очень неустойчиво произношение буквы «ё». Примеров этой неустойчивости можно было бы привести сколько угодно. Не только внутри одного стихотворения, но даже в одной строфе, приходится порой произносить ее по-разному. Так, в «Безумии»: «обго-

релой» — «веселой» и «свод» — «живёт» (I, 34). Ясно, что здесь не может быть речи о *сознательном* архаизировании: тогда мы имели бы целые стихотворения, выдержанные в духе старого поэтического произношения. Значит, нарочитый произвол? Я думаю — нет; мне кажется, что эта неуверенность есть просто следствие *непривычки слышать русскую литературную речь*.

Не тем же ли объясняются и совершенно необычные, во всяком случае не канонические для пушкинской эпохи, формы ряда слов: «укора» вместо «укор», «листье»^{8*} вместо «листва», «тлиться» вместо «тлеть», «облак» вместо «облако», «озера́» вместо «озёра» (I, 144; 128, 213; 27, 115 и 123; 179) и т. д. Не потому ли мы слышим в его стихах «порхнуло»^{9*}, «беспомощный» (I, 86; 158 и 214)? Не потому ли ряд специфически тютчевских слов имеет у него явно не те оттенки смысла, какие им приписывает обычная литературная речь? Так: «Горé, как божества родные, //Над издыхающей землей...» (I, 20) или «В нем издыхал первосвященник сам...» (II, 162) — ни в том, ни в другом случае слово «издыхать» не имеет того презрительного оттенка, который мы привыкли с ним связывать.

Другой пример: месяц «в небесах едва не изнемог...», «Изнемогло движение...», радуга «в высоте изнемогла» (I, 27, 74, 204). Мы привыкли применять глагол «изнемогать» исключительно к одушевленным существам, и он стал для нас абсолютно равносильным выражению: «уствовать до предела» («с изнеможением в кости» — I, 65). Благодаря же тому, что Тютчев применяет его к предметам неодушевленным (радуга, месяц) и даже к абстрактным понятиям (движение), перед нами обнажается не только этот психологизированный, полуметафорический, но и (не отменяя его, а наряду с ним) более прямой, первичный, если не исторически, то логически, смысл, связанный с отрицательной формой глагола «мочь»: что-то вроде «потерять возможность продолжения существования». Особенно очевиден этот отличный от общепринятого смысл глагола «изнемочь» на примере с *почти* невидимым, близким к исчезновению («едва не изнемог») дневным месяцем. Да и радуга ведь чаще всего «изнемогает», т. е. начинает исчезать, таять именно в своей верхней точке — «в высоте».

Такое же обнажение первичных смыслов легко усматривается в словах:

Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

(I, 49)

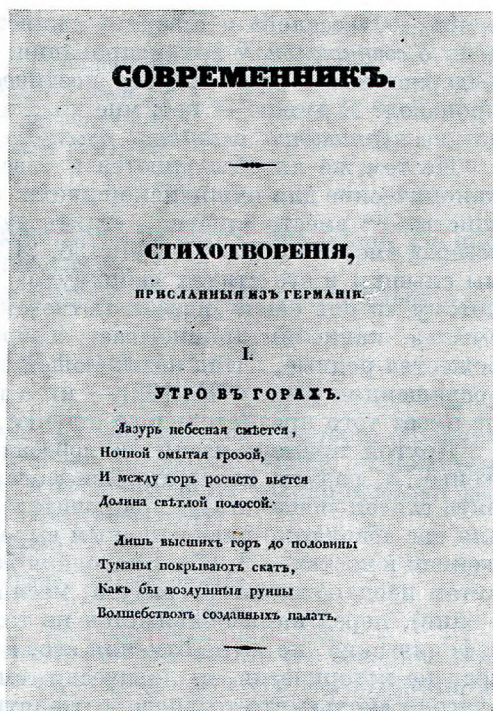
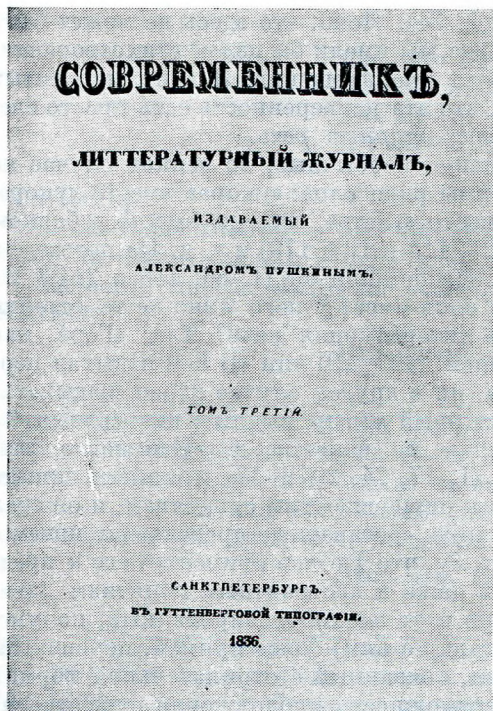
Здесь «воспитанный» значит «питавшийся», «напитанный», а «развит» — «раскрыт»¹⁶.

И дальше. Тютчевский словарь знает «светлость осенних вечеров» (I, 39), в то время как в обычном словоупотреблении «светлость» означает лишь титулование. Слово «событие» он использует в смысле «совершение» (II, 80); мы встречаем у него и «взоров тихость» и «слепость страстей» (I, 33, 254); мы наталкиваемся на «сильный чар» вместо «сильные чары» (II, 89), «желтистый» вместо «желтоватый» (II, 82) и т. д. и т. п. Все вместе взятое далеко превосходит нормальную степень индивидуализации русской поэтической речи в начале и в середине XIX века.

Тынянов считал Тютчева сознательным архаистом¹⁶. Пумпянский (чья несколько претенциозная статья содержит, однако, много чрезвычайно важных наблюдений, особенно над семантикой Тютчева) полагал, что последний стремился к созданию иератического языка¹⁷. Я больше верю не этим чрезмерно профессиональным и формалистическим утверждениям — слишком они не вяжутся с тем, что мы знаем о духовном облике Тютчева и о его отношении к поэзии, — а интуиции Пушкина, который недаром весьма необычно, а может быть, и слегка насмешливо, назвал напечатанный в «Современнике» знаменитый цикл

^{8*} Позже у Вяч. Иванова (и, конечно, скорее от Тютчева, чем из Даля) тоже появляется это красивое слово: «Обнищало листье золотое»¹⁴.

^{9*} Кстати, с таким ударением это слово гораздо выразительнее, чем с обычным: оно создает моторный образ резкого взлета, подчеркивая слог «порх».

«СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЕ ИЗЪ ГЕРМАНИИ»

Под этим заглавием в журнале Пушкина «Современник» был напечатан цикл стихов Тютчева (подпись: «Ф. Т.»)

«Современник». 1836, том третий

Титульный лист журнала и первая страница стихотворного цикла Тютчева

стихов Ф. Т. «Стихотворениями, присланными из Германии»^{10*}. Я уверен, что в этом заглавии звучало не только понимание роли немецкой философии и немецкой культуры вообще для Тютчева, но и восприятие его стихов как чего-то «чужестранного», внетрадиционного для русской поэзии. Недаром «иностранность» Тютчева так настойчиво отмечал в своих разговорах и величайший его поклонник Лев Толстой, отмечал с изумлением и вместе с полной убежденностью: «Меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах, говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне свое одобрение по поводу моих „Севастопольских рассказов“, особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нем удивила чрезвычайно...»; и далее: «...говорил по-французски лучше, чем по-русски, и вот такие стихи писал...»¹⁸.

Я осмелюсь додумать здесь то, что верно констатировал, но чему напрасно удивлялся Лев Толстой. Тютчев потому и есть Тютчев, что он «говорил по-французски лучше, чем по-русски». Биографическая случайность, благодаря которой гениальный ясновидец языка, после детства, проведенного в русской (орловской, с самой чистой народной речью!) деревне, и после выучки у Раича (а, значит, и у Державина), оказался на долгие годы *оторванным от прямого общения с другими русскими поэтами*, — эта случайность сыграла для него лишь положительную роль: она позволила ему не бояться отклонения от штампов!

^{10*} Я говорю «слегка насмешливо» потому, что в этом заглавии для меня как бы звучит отголосок пушкинских слов о Ленском: «Он из Германии туманной // Привез учености плоды: // Вольнолюбивые мечты, // Дух пылкий и довольно странный, // Всегда восторженную речь // И кудри черные до плеч» («Евгений Онегин», гл. II, строфа VI).

«Иноземцу» не так страшно нарушать каноны языка, слишком привычные и потому непреодолимые для «аборигенов». Если он бездарен — получится уродство, живая пародия вроде речений М-ше Курдюковой¹⁹; если не лишен таланта — оригинальность (скажем, Каролина Павлова, Востоков), наконец, если он гениален — это будет поэзия, подобно тютчевской, —

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат²⁰.

Конечно, все это не надо понимать слишком односторонне: не будь Овстуга, не живи с Тютчевым первые годы в Германии его друг-дядька Николай Афанасьевич (если не памяти детских лет, то, конечно, общению с ним мы обязаны такими чудесными народными словами у Тютчева, как «листье», «огневица», «синель», «бают» — I, 128, 51, 73), не имей он, наконец, невзирая на всю свою «заграничность», натуры страстного патриота России, — его гениальность вылилась бы, быть может, в совсем иные формы, скажем, в философскую прозу или даже во французские стихи. Но таким, каков он есть, — великим русским поэтом — сделало его все-таки в первую очередь, имея в виду внешние, биографические факторы, его поэтическое одиночество в Германии в решающие для каждого художника годы юности и молодости. И не на этом ли пути — пути одинокого испытателя тайн нашего языка, алхимика русской речи, который в течение многих лет слышал только чужую светскую и литературную речь — французскую, немецкую, итальянскую, а по-русски, я уверен, беседовал лишь со своим верным Николаем Афанасьевичем, — не на этом ли уединенном и опасном для слабых пути находил Тютчев свои величайшие драгоценности? Ведь среди самых лучших перлов в сокровищнице тютчевских поэтических образов встречаются порою такие, о происхождении которых не знаешь, что сказать: сознательная ли это смелость или непредумышленная, гениальная «ошибка».

Не говоря о некоторых из упомянутых выше примеров, не такова ли, например, строчка: «В лучах огневицы развил он свой мир...» (I, 51)? Единственный смысл слова «огневица» по Далю — горячка, лихорадка. Между тем, читая «Сон на море», никак не можешь отделаться от ощущения, что, кроме этого смысла, «огневица» здесь как-то связана с бурей на море, что у нее есть второй смысл, близкий, ну, скажем, к «зарнице» или к молнии. Этому способствует и происхождение ее от слова «огонь», и рифмующее с «зарницей» окончание, и соседнее слово «в лучах», трудно сочетающееся с представлением о лихорадке, и, наконец, близкая «гремящая тьма». «Одни зарницы огневые» (I, 205) в позднем стихотворении Тютчева прямо наводят на мысль, что для него «огневица» есть не только болезнь, но и «огневая зарница». По сложности семантического наполнения эта строка не уступает «разоблаченной» Белой Горе.

...Но когда-нибудь надо кончить мое непомерно затянувшееся письмо. Мне хочется только еще помечтать, как было бы увлекательно проследить развитие «магического природоведения» в нашей поэтической традиции по линии Тютчев — Анненский — Пастернак. Мне кажется, что именно такая последовательность имен правильна, обычно же подчеркиваемая связь Тютчева с Фетом есть почти только случайное соседство во времени. Существует совсем другая линия поэтов природы: Жуковский — Фет — Блок. К ней, в качестве «минора», примыкает Вл. Соловьев, как к первой — Случевский. Третьей линией мне представляется — страшно сказать — линия Пушкин — Хлебников. Как ни кажется сначала это сопоставление нелепым, но обоих их как-то роднит, по-моему, прямое, в лучшем смысле детское восприятие природы. Конечно, я говорю здесь лишь о главных связях; более же слабые влияния соединяют, скажем, Тютчева как с его предшественниками в ряде отношений — Державиным и Жуковским, так, отчасти, все-таки, и с Фетом; позднего Блока и позднего Пастернака с Пушкиным и т. д.

Но пора, наконец, поставить точку, иначе я могу договориться до совсем диких вещей.

ИЗ ВТОРОГО ПИСЬМА

...зеркало его души.

*Ф. М. Достоевский о стихах Тютчева*²¹

...ничего напоказ, ничего для виду, ничего предвзятого, заданного, деланного, сочиненного.

*И. С. Аксаков о стихах Тютчева*²²

...У меня выработалось сейчас несколько свободных дней, и я не могу удержаться от соблазна сообщить вам, как духовному отцу всей моей «Тютчевьяны», некоторые мои новые выводы, в самом, разумеется, сжатом и почти немотивированном виде. Но прежде всего я хотел бы напомнить вам, что, конечно, не смею претендовать на профессиональную ученость, и вы должны судить меня по смягченным нормам, какие прилагаются к любительским изделиям. Кроме того, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что, хотя я и исхожу в значительной степени из данных, собранных вами в вашей книге²³ и в примечаниях к различным изданиям Тютчева, кое в чем я рискую вам противоречить. Надеюсь, что вы простите мне эту вольность дилетанта. И, наконец, последнее. Не отказываясь от свидетельств иного рода — например, от писем Тютчева и высказываний его современников (насколько все это мне доступно), я считаю, что о нем и как о поэте, и как о личности надо судить в первую очередь по его стихам. Если они говорят одно, а биографические справки — другое, приоритет в смысле внутренней достоверности следует отдать стихам. Другими словами, говоря о личности Тютчева, я буду подразумевать его поэтическую личность, а не бытовую. Отсюда, однако, не следует, что речь пойдет о так называемом лирическом герое, о котором любит говорить современная критика. «Лирический герой» всегда есть свидетельство неподлинности, выдуманности, «литературы» в том дурном значении этого слова, какое придавал ему Верлен²⁴. У Тютчева лирического героя нет и быть не может. В своих стихах он всегда *сам**, и в этом отношении его поэзия — истинная (имея в виду антитезу верленовскому смыслу) «антилитература». То же, что называл я поэтической личностью Тютчева, есть просто наиболее подлинные глубины его сложной и противоречивой души, одновременно страстной и мучительно-совестливой, высокоинтеллектуальной и мистической.

Итак, если попытаться свести к самым кратким положениям (которые я постараюсь иллюстрировать минимальным числом примеров) итоги моих наблюдений и раздумий, то они будут таковы.

Для Тютчева — и в этом он сходится с Платоном и с Шеллингом²⁵ — высшая цель поэзии есть творчество мифов. Почти все великие создания его, начиная от самых ранних и кончая позднейшими, суть мифы, т. е., говоря коротко, символы-действия. В этом смысле никакого «поворота к реализму» в его позднем творчестве нет²⁶, если не считать повышения числа злободневно-политических стихов²⁶. Но в смысле веры в абсолютное существование вне- и надчеловеческой действительности (объективного) Тютчев всю жизнь был, конечно, реалистом (за исключением, разве, очень краткого времени около 1850 г.)²⁷.

Гениальность и своеобразие Тютчева как поэта заключается главным образом в особой яркости проявления символической энергии слова — в особом да-

* Даже стихи, написанные от имени женщины, этому не противоречат, ибо женщина эта не выдуманная «лирическая героиня», а живое лицо, до самой глубины близкое Тютчеву.

²⁶ Главное свидетельство тому — лучшие поздние стихи его, такие, например, как стихи о летних бурях, о морской волне, о демонах зарниц, о радуге и т. д., вплоть до предсмертной «Бессонницы», в которой поэт в последний раз — и не без успеха, несмотря на уже костенеющий язык — посягнул на создание «магического» произведения (II, 271). О той же символической природе позднего тютчевского творчества говорит и исторический анализ некоторых его эпитетов и определений, и ряд других наблюдений, рассматривать которые здесь я не буду.

ре поэтически использовать для воплощения своих мифологем его смысловую многозначность. Об этом я попытался кое-что сказать в моем первом письме. Глубокая же внутренняя убедительность тютчевских мифов проистекает, прежде всего, из интимной личной убежденности поэта в их объективном, сверхличном значении²⁸. Он потому заражает нас верой в «ноуменальную» подлинность того, о чем говорит, что сам от души верит в это. Мне кажется, что на русском языке нет поэзии, обладающей большей силой внушения, чем лирика Тютчева. И тот, кто полюбит ее, не может не услышать голос Хаоса в вое ночного ветра, причем уже не в стихах только, а и бессонной осенней ночью, в живом воплощении этого Хаоса; не может не испытать тайную сладость «растворения» души в сумерках или высшее счастье созерцания звездной сферы в зеркале неподвижных вод.

Тютчев писал свои стихи «для себя самого» — это совершенно верно замечает Грэгг²⁹, — но именно потому он писал их лишь тогда, когда они возникали у него с внутренней необходимостью, которая и должна была служить для него признаком и свидетельством их сверхличного, «метафизического» происхождения.

Разумеется, сказанное здесь относится лишь к *настоящим* тютчевским стихам, а не к многочисленным, совершенно недостойным его гения, «сочиненным» стихотворным поделкам, каковыми являются почти все его стихи на злобу дня. Бездна между ними и подлинными его творениями, как мне кажется, была блестяще объяснена Потемной и Грэггом³⁰: Тютчев творил как поэт лишь по-русски, а политически мыслил лишь по-французски. Злободневные его стихи и представляют собой неуклюжие кальки с французского строя мышления на «чужой» для них русский язык.

Тютчевской верой в ноуменальное значение поэзии можно, вероятно, отчасти объяснить одно странное противоречие в его поэтической деятельности. С одной стороны, он отличался как поэт поразительной скромностью, вернее, даже прямым отвращением к поэтической славе; хорошо известна также и его полная беззаботность относительно сохранения рукописей³¹.

Но, с другой стороны, при изучении тютчевской поэзии бросается в глаза удивительная его памятность на собственные стихи, проявляющаяся во множестве «цитат из самого себя» и в стремлении многократно обрабатывать по-разному одни и те же полюбившиеся темы в течение целой жизни^{4*}. Дело, как мне кажется, заключается в том, что для Тютчева был важен лишь сам акт творчества — ему он, без сомнения, придавал ценность *sub specie aeternitatis*^{5*}. Кстати, об этой тайне — тайне собственного творчества — Тютчев молчал, как ни один поэт. А те два-три беглых полупризнания, какие можно найти в его письмах, только усугубляют нашу уверенность в том, что это была действительно тайна, может быть, даже и для него самого. Что же до мысли о том, что Тютчев ценит лишь самый процесс создания стихов, а не его результаты, то она уже

^{3*} NB. Тынников, а вслед за ним Л. Я. Гивзбург в ее очень интересной книге «О лирике» считали «поэзией» или «аффектацией» эту болезненную тютчевскую скромность³¹. Но ведь такому утверждению противоречит множество фактов! Согласимся даже считать (без всяких, впрочем, на то оснований) нарочитой выдумкой Тютчева нечаянное аутодафе, совершенное им над своими стихами в 30-х годах. Никуда, однако, не деться от свидетельства гр. Капниста о подобранном им стихотворении Тютчева, брошенном на столе после заседания гр. Капниста от утверждений вполне авторитетного свидетеля Аксакова о полном невнимании к своему поэтическому архиву со стороны Тютчева³²; но главное и самое поразительное — что никак нельзя ни забыть, ни опровергнуть — это факт, что целый ряд тютчевских стихов, среди которых несколько первоклассных вещей (в том числе «Сумерки») — лишь совершенно случайно, благодаря заботливому отношению Гагарина, сохранились для нас, ибо Тютчев, отослав ему свои автографы этих стихов, не подумал снять с них для себя копии и так до самой своей смерти не удосужился узнать об их судьбе!³⁴ Это случай едва ли не единственный в истории нашей поэзии, и называть такое отношение к своим стихам «аффектацией» по меньшей мере странно!

^{4*} Я не привожу здесь многочисленных повторений в совсем новых контекстах отдельных образов, оборотов или целых стихотворных строк, иной раз через 20—30 лет после первого их возникновения; их, наверное, многие десятки³⁵.

^{5*} с точки зрения вечности (*лат.*) — *Ред.*

давно была высказана Аксаковым: «... его творчество только в самую минуту творения, не долее, доставляло ему авторскую отраду...»³⁶. Дальнейшая же «внешняя» судьба его творений, видимо, почти не интересовала поэта: метафизическая ценность создана — остальное несущественно, а иногда, может быть, даже и вредно (см. «Silentium!», «Душа хотела б быть звездой...» и др.). Впрочем, болезненная скромность Тютчева-поэта в *позднюю* эпоху его жизни могла иметь и иной источник; но об этой догадке я скажу как-нибудь в другой раз.

Убежденность Тютчева в том, что мифы отражают некую объективную правду, может в какой-то мере объяснить и другую очень важную и характерную черту его поэзии, а именно великое множество не только «автоцитат», но и просто цитат из всевозможных «чужих» источников — поэтических, философских, исторических, политических и т. п.

В самом деле, если миф — не выдумка индивидуального ума, а как бы отблеск универсальной истины и если поэзия есть творчество мифов, иначе говоря, своеобразный способ познания метафизических мировых и душевных процессов, т. е. некая «наука о ноуменальном», то странно было бы не пользоваться мифами предшественников — или для дальнейшего их развития, или для борьбы с ними как с лжеистинами. В науке в собственном смысле слова такая вещь, как известно, происходит с неизбежностью: для всякого ученого чужое творчество является необходимым основанием своего. То же самое мы наблюдаем и в поэзии во времена античной древности, когда мифы составляли всеобщую собственность. Но и в новой поэзии дело существенно не изменилось: и Данте, и Шекспир, не говоря о меньших светилах, так же свободно пользовались разработанными раньше идеями, образами, сюжетными схемами, как и древние. Положение стало несколько иным лишь в последние столетия, когда ослабела связь поэтов с исконными душевными движениями народов. Но все-таки Гёте, например, вполне суверенно пользовался «чужим». Достаточно вспомнить Фауста, не говоря о множестве других примеров. Поэтому отнюдь не к умалению Тютчева служит то, что можно было бы назвать его «методом лирического цитирования». Это цитирование — нередко буквальное, чаще в виде более или менее близких к подлиннику парафраз — пронизывает всю его поэзию, имея множество степеней и оттенков, от использования отдельного образа или идеи до создания целых стихотворений, являющихся либо развитием чужих произведений, либо — что особенно характерно для Тютчева — полемикой с ними.

К огромному числу примеров, собранных вами в примечаниях к различным изданиям Тютчева и положивших прочное основание иконологическому изучению его поэзии^{36*}, мне, кажется, удалось добавить и еще кое-какие интересные случаи; приведу здесь несколько самых любопытных.

Так, одновременное употребление в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной...» (I, 57) относящихся к одному и тому же объекту образов «Беспредельное» и «Хаос» позволяет предполагать, что они пришли к Тютчеву не случайно. Их происхождение — из античности; для этого достаточно вспомнить, что Беспредельное («Апейрон») Анаксимандра есть не что иное, как попытка понятийного осмысления Гесиодова мифологического образа Хаоса³⁸.

Прямо ли от древних или, может быть, от Шеллинга, или через каких-ни-

^{36*} Для иконологического исследования поэзия Тютчева представляет столь же благодарный объект, как, скажем, творчество Боттичелли или Дюрера, Гогена или Пикассо; знание результатов иконологического анализа Боттичеллиевой «Весны» или дюреровской «Меланхолии» не только не мешает непосредственному восприятию этих творений, но чрезвычайно обогащает и углубляет его. С другой стороны, восприятие столь же, быть может, великого искусства Веласкеса или Ренуара вряд ли способно сколько-нибудь усилиться в итоге иконологической работы над их произведениями³⁷.

Конечно, природа словесного искусства такова, что иконологический анализ может быть применен в той или иной степени к любому поэтическому произведению, но ценность результатов его может оказаться весьма различной в зависимости от объекта; вряд ли, например, имеет серьезный смысл изучать иконологически стихи о природе Некрасова или Никитина. Сказанным я отнюдь не хочу умалить их поэтического достоинства — просто они ближе к Ренуару, чем к Гогену, по типу их творчества.

будь других мыслителей, или, наконец, возникши даже и вполне независимо в душе Тютчева, но «Ночной ветер» несет живое дыхание вековечной философской интуиции. И какой близкой, можно сказать, чувственно-доступной становится для нас эта древняя интуиция, воплотившись в *новый миф* о ночном ветре! Этот пример, пожалуй, ярче других показывает, кем был Тютчев. Поистине он отнюдь не был философом — он был слагателем мифов, т. е. именно поэтом в самом высоком философском смысле этого слова.

Нередко неуследимые переплетения ассоциаций приводят Тютчева к изумительной мозаике самых разнородных по происхождению реминисценций.

Таково, например, его стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...» (I, 199). Здесь читатель находит, с помощью комментария, чисто тютчевскую амальгаму цитат из Авзония, книги пророка Исаи из Библии и «Мыслей» Паскаля³⁹. Кроме того, Грэгг обнаружил в 3-й строфе парафразу из Шиллера («Die Räuber», IV, 5)⁴⁰.

Ко всем этим источникам я добавил бы, пожалуй, еще два: пифагорейско-платоническое учение о мировой гармонии («Невозмутимый строй во всем, // Созвучье полное в природе...» — I, 199) и, наконец, в парадоксальнейшем контрасте с этой философией, выражение «отчаянный протест» (I, 268), словно бы сошедшее со страниц радикальной журналистики 60-х годов. А все вместе есть настоящее тютчевское творение. Наряду с многими иными элементами оно (как и ряд других его «чисто философских», т. е. построенных больше на размышлении, чем на поэтической интуиции вещей) содержит выпады против рационалистического, картезианско-спинозистского представления о природе как о бездушном механизме^{7*}.

Между прочим, в таком взгляде на природу был повинен и столь любимый Тютчевым, согласно Пфёффелю⁴² и ряду других источников, Паскаль^{8*}.

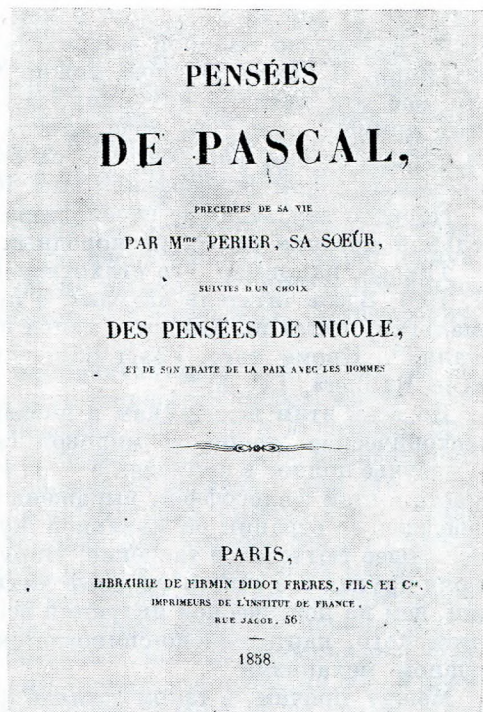
Еще более ярко выраженный антикартезианский и антиспинозистский характер носит знаменитая инвектива «Не то, что мните вы, природа...» (I, 81). Источником созданного здесь образа: «...природа <...> не слепок, не бездушный лик <...>», — мне кажется, могли быть слова Шеллинга: «Напрашивается сравнение спинозизма в его окоченелости со статуей Пигмалиона, которую необходимо было одухотворить теплым дыханием любви»⁴⁵. Таким образом, с некоторой степенью вероятия, устанавливается индивидуальный адресат этой инвективы — рационалист Спиноза.

Можно было бы привести еще множество «цитатных» стихотворений Тютчева, но, быть может, самым удивительным доказательством того, что творчество его является, по удачному выражению Тынянова, «поэзией поэзии»⁴⁶ не в меньшей степени, чем поэзией природы и поэзией любви, служит одно из высших его достижений — стихотворение «Два голоса» (1850).

^{7*} Можно пожалеть, что в издании «Литературных памятников» последняя строфа была в угоду аксаковскому мнению устранена из текста⁴¹. Пронзительность стилистического диссонанса этой строфы: «И от земли до крайних звезд // Все безответен и поныне // Глас вопиющего в пустыне, // Души отчаянный протест» — глубоко соответствует трагическому содержанию стихотворения. А с исчезновением ее исчезла и вся трагичность, весь смысл этой вещи, представлявшей собой вопль о «заброшенности» человека в музыкально стройной, но чуждой ему Вселенной.

^{8*} Я перечитал еще раз «Pensées» и увидел в них, с одной стороны, очень много антитютчевского, включая, например, известную *ненависть Паскаля к поэзии*, а также полную *обездушенность у него природы*, с другой же стороны, — ряд мотивов, несомненно вошедших в число источников тютчевской поэзии. Достаточно напомнить, например, обнаруженную Граггом параллель между «Сном на море» и некоторыми местами из «Мыслей» Паскаля⁴³. Двойственность отношения Тютчева к французскому мыслителю кажется мне понятной: как картезианец последний должен был отталкивать нашего поэта; как моралист и теолог исключительной смелости — привлекать. Кстати сказать, французский катрен Тютчева: «Que l'homme est peu réel...» кажется мне довольно близкой парафразой паскалевского изречения: «Par l'espace, l'univers me comprend et m'engloutit comme un point...» («С помощью пространства вселенная охватывает меня и поглощает, как пылинку», — но парафразой, взятой с обратным смыслом, ибо Паскаль продолжает: «Par la pensée, je le comprend» («С помощью мысли я охватываю вселенную»)⁴⁴. Последняя мысль для Тютчева 50-х годов абсолютна чужда: в то время для него природа всегда и во всем превосходила человека.

«МЫСЛИ» ПАСКАЛЯ (ПАРИЖ, 1858)

Книга, подаренная Тютчевым дочери Марии к Рождеству 1860 г.

Фронтиспис (портрет Паскаля) и титульный лист

Музей-усадебка «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Мне не удалось найти в литературе указаний на его очевидный источник, поэтому я — субъективно, по крайней мере, — могу считать себя здесь «первооткрывателем». Этим источником, бесспорно, является гётевский масонский гимн «Символ» (1816), ибо основной образ молчащих наверху звезд, а внизу гробов — очень близкая парафраза, почти цитата из этого гимна⁴⁷. Мне даже хочется привести подстрочный перевод соответствующего места из Гёте: «Безмолвно покоются горé звезды и внизу могилы»⁴⁸; случайное совпадение здесь абсолютно исключено, особенно если учесть, что и образ венца, заключающий «Два голоса» («вырвал <...> победный венец») взят из последних строк того же «Символа». Но по содержанию «Два голоса» являются смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и — по моральному своему пафосу — атеистического стоицизма. Это стихотворение служит самым ярким выражением глубочайшего перелома, происшедшего в поэзии Тютчева.

НЗ. Я не могу удержаться и не сказать здесь несколько слов об изумительной музыкальной композиции «Двух голосов», быть может, единственной в русской поэзии. «Первый голос» (два начальных катрена) служит экспозицией, звучащей в глубоком миноре: здесь «борьба безнадежна», здесь боги Олимпа «блаженствуют», а для смертных, «нет победы, для них есть конец». «Второй голос» можно назвать репризой с просветлением. В первом катрене этой репризы еще звучит минор, но мы видим уже слабое, чуть заметное смягчение: борьба определяется как «жестокая» и «упорная», но о безнадежности ее больше нет речи. Во втором катрене оказывается, что Олимпийцы вовсе не блаженствуют, а *завидуют* величию борьбы людских «непреклонных сердец»; и, наконец, последние две строки этого катрена звучат могучим драматическим мажором: «Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец».

Кстати, у Гёте «венец» вручается человеку свыше. Чтобы «реприза с просветлением» не казалась простым вариантом «Первого голоса», Тютчев изменил в ней систему рифмовки: вместо «аа бб» здесь использована комбинация «аб аб»; благодаря этому параллелизм обоих «голосов» перестал быть утомительным повторением. Это стихотворение является и примером как бы «внутренней автоцитаты» (ибо «Второй голос» в иной тональности повторяет сказанное «Первым»), и в то же время есть не что иное, как цитата-полемика с «Олимпийцем» — Гёте.

Попутно отмечу еще замечательное выражение «звездные круги» из третьей строфы «Двух голосов» (I, 129), говорящее о круговом суточном движении звезд. Надо было поистине до самой глубины проникнуться духом античности, чтобы столь непринужденно и красиво ввести этот звучащий вполне по-птоломеевски образ, восходящий, вероятно, еще к Анаксимандровым «кольцам», или «ободам небесной колесницы»⁴⁹.

Но пора вернуться к моей основной теме.

Метод Тютчева — творчество мифов — оставался неизменным в течение всей его деятельности как поэта, но *содержание* и, главное, *религиозная окраска* этих мифов испытали резкое изменение.

Первая половина его зрелого творчества (до 1850 г.) отмечена печатью ярко выраженного языческого натурализма. Античные — природные — боги у Тютчева «всеблагое», они призывают своего избранника «как собеседника на пир» (I, 36); странник «угоден Зевсу» — «над ним святой его покров», он — гость «благих богов»; «он видит всё и славит Бога» (sic! в рукописи поэта с большой буквы, хотя и относится к Зевсу! — I, 35); снежные горы — «как божества родные» (I, 20); звезды днем — «как божества» (I, 79); месяц — «светозарный бог» (I, 27); весна — «светла, блаженно-равнодушна, как подобает божествам» (I, 96); Юг — «бог разоблаченный» (I, 92); девственную душу музы «в пророческих тревожат боги снах» (I, 17); «высокой волею богов» наброшен «блистательный покров» дня над безмянной бездной Хаоса (I, 98; ср. поздний, 1850-го года, вариант того же мифа — «Святая ночь на небосклон взошла...» — там богов уже нет!).

И далее, в ранних стихах Тютчева «ветренная Геба, //Кормя Зевесова орла», проливает на землю «громокипящий кубок» весенней грозы (I, 12); «святые призраки» античных божеств еще скользят над Средиземным морем, откуда некогда «Киприда светлая всплыла» (I, 92); «великий Пан» дремлет в пещере нимф (I, 25) и т. д. Наконец, душа поэта — «Элизиум теней» (I, 66); поэт шагает по весям творения, «как бог» (I, 51); Пушкин был «богов орган живой» (I, 88).

Во всем этом ощущается некая религиозная вера⁵⁰. Боги Тютчева окружены ореолом почтения и любви; они — не пустые аллегории классической традиции восемнадцатого века, типа «Зевс — власть», «Амур — любовь», «Муза — поэзия» и т. д.^{10*} Нет, они — действующие, живые сущности и действуют они, как правило, либо в новых, либо в по-новому осмысленных мифах. (Не говоря о «Ночном ветре» или «Сне на море», я сомневаюсь, например, чтобы образ «громокипящего кубка» шел действительно из античности, как и многие другие мифологемы Тютчева.) Эти мифы связаны с глубокой тютчевской верой в одухотворенность природы, с анимистическим восприятием ее, как живой и внут-

^{9*} См. письмо И. С. Гагарина: «Его религией была религия Горация»⁵⁰. Это свидетельство гораздо лучше согласуется с тогдашней поэзией Тютчева, чем сведения из некролога, написанного Пфеффелем⁵¹.

^{10*} Я, конечно, не говорю здесь о немногих незрелых вещах Тютчева начала 20-х годов, в которых он отдал дань именно этой традиции, как, например, два его посвящения Райчу (1820 и 1823 — II, 25 и 36). В то время Тютчев еще не нашел себя ни как поэт, ни как мыслитель. Рядом с реминисценциями старого классицизма мы находим здесь и (единственную у него) попытку подражания Пушкину («Послание к А. В. Шереметеву», 1823 — II, 41), и повторение шиллеровского утверждения о том, что, в отличие от античности, в наше время «рассудок все опустошил» (А. Н. М(уравьеву), 1821 — II, 30), и, наконец, отзвуки христианского романтизма Жуковского (конец стихотворения «Слезы», 1823; стихотворение «Проблеск», первая половина 20-х годов — II, 47; I, 9). В дальнейшем я не имею в виду останавливаться на этом периоде «дорассветной темноты». Настоящий Тютчев начинается позже.

ренне-сложной, подобно всему живому, сущности — прекрасной снаружи и таящей в своих глубинах пугающий даже богов Хаос.

Языческий дух поэзии Тютчева этого периода на первый взгляд нарушается двумя-тремя стихотворениями. Прежде всего это относится к «Последнему катаклизму» (I, 22). Первое впечатление от этой вещи, несомненно, может вызывать ассоциации с Книгой Бытия, с ее образом «Духа Божия, носящегося над водами». Но если вспомнить, что у Тютчева речь идет не о начале, а о *конце мира*, то ничего общего с Библией не останется: христианская эсхатология изложена в Апокалипсисе, и там при достаточном желании и фантазии можно увидеть всевозможные причины и формы конечной гибели земного мира, чуть ли не до танков и термоядерных бомб включительно, но на второй потоп нет даже слабого намека. А главное, совместимо ли с христианскими верованиями говорить о конце мира так, как будто бы при этом и человечество должно просто сгинуть без следа, — ведь о его судьбе в тютчевском катрене нет ни слова, оно исчезло вместе со всем живым, вот и все. И само название «Последний катаклизм» (а не «Светопреставление» или «Конец мира», или что-нибудь подобное) напоминает отнюдь не Апокалипсис, а скорее научные споры между непунистами и плутонистами, вспыхнувшие в XVIII веке и не утихнувшие еще в тютчевские времена⁵². Могут сказать: а «божий лик» — разве это не чисто христианский образ? Но мне кажется, что для *верующего язычника*, каким, согласно содержанию его поэзии, был с середины 20-х до конца 40-х годов Тютчев, нет ничего неестественного в таком словоупотреблении по отношению к Солнцу, ибо «божий лик» есть здесь не что иное, как лик солнца, отраженный в воде, залившей всю землю в итоге «Последнего катаклизма». Ведь говорит же Тютчев в «Mal'aria» (еще один пример стихотворения, неправильно толкуемого некоторыми в христианском духе!), говорит же он в «Mal'aria» о «божьем гневе», между тем как там выступает «Судеб посланник роковой» (I, 44), который уж никак не может быть признан христианским вестником смерти — ангелом, а явно есть языческий исполнитель воли суровых Мойр; так что и здесь «божий» гнев есть гнев Зевса или Аполлона, или Плутона, или кого угодно другого, но не Иеговы^{11*}. Добавлю еще, что уже одно определение людей как «сынов Земли» в этом стихотворении совершенно однозначно указывает на его вполне языческий характер.

В сущности, начиная со стихотворения «Cache-Cache» и до перелома, совершившегося в 1849—1850 гг., мы единственный раз встречаемся в творчестве Тютчева с мотивом, звучащим, безусловно, «в христианском ключе»:

Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина,—

(I, 67)

но и здесь речь идет ведь всего лишь о черте западнохристианского быта, а не о каких-либо догматах или мифологемах. Если же говорить о последних, то явный привкус пантеизма делает и эту строфу весьма далекой от ортодоксального христианства.

Но мы должны пойти еще дальше. Поэзия молодого Тютчева подтверждает не только искреннее исповедание им «Горациевой религии», но и полное отсутствие хотя бы «двоеверия». «В религиозном отношении он вовсе не был христианином», — писал о нем Гагарин⁵³. И это действительно так. Больше того, весь этот этап тютчевской поэзии носит не только антично-языческий, но и вполне отчетливо выраженный антихристианский характер. Достаточно вспомнить иронию стихов «Я лютеран люблю богослуженье» (I, 53) и мрачный сарказм в стихах «И гроб опущен уж в могилу» (I, 63). Кстати, это явно антихристиан-

^{11*} Можно привести множество античных аналогий этому тютчевскому представлению болезни как «божьего гнева». Так, в «Эдипе» Софокла чума рассматривается как гнев Аполлона.

В ГОРАХ ШВЕЙЦАРИИ

Цветная акватинта Ф.-А. Линка, 1820-е годы

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ское стихотворение — единственное у Тютчева вплоть до конца 40-х годов, в котором упоминается имя Христа. Здесь бессильной риторике пасторской речи противопоставлено «нетленно-чистое», «беспредельное» (опять Анаксимандр!) небо, вернее даже не небо, а вполне материальная, вполне в духе милетских натурфилософов понятая «воздушная голубая бездна», в которой «птицы реют голосисто», — образ красоты и вечности здешней, земной природы. К этому циклу, естественно, примыкает и «нигилистическое» стихотворение «И чувства нет в твоих очах...» (I, 84). Сюда же, наконец, следовало бы, по-видимому, присоединить и исчезнувшие для нас строфы из стихотворения «Не то, что мните вы, природа...» (I, 81), изъятые цензурой и содержавшие, по весьма правдоподобному предположению Д. Благого, выпады против христианско-рационалистических представлений о природе⁵⁴. Неудивительно, что Тютчев не захотел их вспомнить в 50-х годах, когда он должен был стыдиться своего «языческого» прошлого.

Итак, «смысла нет в мольбе» (I, 84), нет Творца и, конечно, нет христианского рая. Да если бы он и был, то его «утеха» — для молодого Тютчева ничто перед плотскими радостями, которые дарит «пора любви, пора весны»; верный сын «матери-Земли» (читай — Кибелы), он не ищет для себя «духов бесплотных сладострастья» (I, 73). Кроме стихов, чисто-биографический (а не только поэтический) факт враждебности Тютчева к христианству подтверждается его письмом к Эрнестине Федоровне из России, написанным в 1843 г. В нем он пишет о православной обедне, затем о «неизбежном» молебне, о посещении им с родителями Иверской часовни перед отъездом поэта за границу; и все это отдает плохо скрытым раздражением перед чем-то чужим и ненужным ему. Заключается же все описание такой фразой: «...есть во всем этом для человека, снабженного чутьем для подобных явлений, величие поэзии необычайной, такое величие, что оно преодолевает самую яркую враждебность («l'inimitié la plus acharnée»)⁵⁵.

Чью же враждебность? Ответ может быть только один — враждебность самого автора письма. Эта фраза показывает с полной очевидностью, что, остро чувствуя эстетику византийского православия, Тютчев был в то время не только равнодушен, но и прямо антагонистичен его сути.

Но антихристианство не мешало проявляться в стихах Тютчева, относящихся ко второй половине 20-х и к 30-м годам, мощным мистическим настроениям. Достаточно напомнить уже рассмотренные «Тени сизые смешались...» с их поразительной магией слова или «Сон на море» или «О чем ты воешь ветер ночной?», или «День и ночь» и целый ряд других стихотворений. Однако и мистика Тютчева в эту пору носит все тот же натуралистический характер: в ней ни разу не появляется идея борьбы добра и зла или идея греха и искупления, которыми так полны многие тютчевские стихи после 1850 г. Единственным исключением является в этом отношении последняя строфа в стихотворении «К Н.», но и это исключение только кажущееся, ибо стихотворение принадлежит ко времени (1824), когда «язычество» Тютчева далеко не установилось, а может быть, даже еще и совсем не возникло. Вот эта строфа:

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

(I, 11)

Изложенная здесь мистическая концепция адских мук, несомненно, глубоко родственна взглядам Сведенборга^{12*}, хотя прямым ее источником для Тютчева мог быть опять-таки все тот же главный его учитель Шеллинг^{13*}.

Вся остальная — и наиболее интимная — мистика раннего Тютчева, начиная с «Cache-Cache» и до конца 40-х годов, есть мистика языческого пантеизма^{14*}.

Зато последнее двадцатилетие творчества Тютчева ознаменовано многократными попытками — иногда удачными, иногда нет — построить новую поэтическую мифологию уже на христианской почве.

Переломный момент между двумя творческими эпохами Тютчева, а с известной точки зрения, может быть, и вершину его поэзии, представляют «Два голоса». Здесь — разрыв с «благими» богами природы, здесь — величественная попытка утвердить достоинство человека в нем самом, как в высшем существе во Вселенной, но в существе одиноком и заброшенном в эту Вселенную, где побеждает Рок, где все подвержено смерти. Дух этого стихотворения родствен, пожалуй, не только — и не столько — трагическому чувству древних^{15*}, сколько этическим концепциям атеистического экзистенциализма Сартра или Хайдеггера⁵⁹. Но удержаться на позиции отчаяния, в себе самом находящего призрач-

^{12*} В приложениях к «Arcana Coelestia» Сведенборг рассказывает, что в ответ на его мысленный вопрос, каким образом возможно, «чтобы благодать Господа допускала бесам вечно оставаться в аду», некий ангел вывел из «седалищной области великого Сатаны (...)» одного из самых дурных бесов, чтобы доставить ему небесное блаженство (...) по мере того, как ангел восходил к небесным сферам, его пленник менял гордое выражение своего лица на страдающее и тело его чернело (...) когда же он приблизился к сердечной области небес, то язык его выпел далеко наружу, как у очень уставшего и жаждущего пса, а глаза лопнули, как от жгучего жара»⁵⁶. Не правда ли, очень близкая к тютчевской строфе идея: то самое, что для блаженных — небесный свет, злым является сжигающим пламенем.

^{13*} См. у Шеллинга: «...светящее и в каждом отдельном человеке в глубине тьмы сияние жизни становится для грешника пожирающим его огнем...»⁵⁷. Но весьма вероятно, что сам Шеллинг заимствовал эту мысль у Сведенборга.

^{14*} Для Грегга религиозность и мистика Тютчева почему-то должны быть непременно христианской религиозностью и мистикой. С полным недоумением вынужден он все-таки в конце концов признать, что Тютчев хоть и мистик, но язычник. Глубокого перелома в мировоззрении Тютчева в 1850 г. он не заметил.

^{15*} Блок сказал о «Духу голосах» в 1911 г.: «В стихотворении Тютчева — эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое, а в 1912 г. назвал его стихотворением, «которым я живу уже года два...»⁵⁸.

ное утешение и призрачную победу, Тютчев не захотел или не смог. С этих пор он пытается стать христианином. Античные боги после «Двух голосов» вымирают: их больше нет в стихах Тютчева («Великой Матерью любимый» в обращении к Фету — единственное исключение).

Взамен богов природные или вообще сверхчеловеческие силы становятся теперь «стихиями», а иногда «демонами».

Что это результат кризиса в душе Тютчева, а не влияние наступающей эпохи реализма, доказывает пример Фета и многих других русских поэтов, продолжавших широко (но, впрочем, и гораздо более внешне, чем ранний Тютчев) пользоваться образами античной мифологии в те же 50-е — 70-е годы.

Быть может, отчетливее всего мы видим это превращение язычески-божественного в демоническое в одном из вариантов стихотворения «Близнецы», относящемся к 50-м годам. Здесь Смерть и Сон, вначале определенные как «два божества для земнородных», в следующих строфах вместе с Самоубийством и Любовью именуется «демонскими властями» (I, 257); таков, далее, Наполеону Тютчева — и бог, и демон сразу в одном и том же стихотворении (1853 — I, 154); таковы демоны злоречья и, наконец, прославленные «глухонемые демоны» зарниц (1865 — I, 207, 205). Это перерождение античных богов в демонов у Тютчева удивительно повторяет то, что произошло в истории после победы христианства.

Начиная с того же переломного 1850 года все чаще и чаще встречаем мы в интимной лирике Тютчева христианские мотивы. Подчеркиваю, что я имею здесь в виду отнюдь не злободневно-политические стихи с их более или менее условной православно-монархической окраской^{16*}, а чисто личные, в значительной степени автобиографические произведения, такие, например, как «Пошли, Господь, свою отраду...» (1850) или «Не рассуждай, не хлопочи!..» (тоже 1850 г.) с его, ставшим пословицей, завершением: «День пережит — и слава Богу!» Раньше у Тютчева было бы, конечно, — «слава богам!»

Эта струя продолжается, не иссякая, до самой смерти поэта. После только что упомянутых стихотворений мы встречаем в его творчестве не меньше двух десятков интимных обращений к христианским образам, подобных, например, следующим: «Твой безымянный херувим...» (1851 — I, 135), «Ты, ты, мое земное Провиденье!..» (1851 — I, 133); «Недаром милосердным Богом...» (1851 — II, 135); «Я очи знал, — о, эти очи! // Как я любил их, — знает Бог...» (1851 — 1852 — I, 146); «Слава Богу, я с тобой, // А с тобой мне — как в раю...» (1855 — I, 159); «О Господи!.. и это пережить...» (1864 — I, 194); «Когда на то нет Божьего согласия...» (1865 — I, 196); «О Господи, дай жгучего страдания...» (1865 — I, 197); «Ангел мой, где б души ни витали...» (1865 — I, 203) — и т. д., вплоть до стихотворений 1872 года — «Памяти М. К. Политковской» и «День православного Востока...» (II, 233, 235).

Появляется в стихах Тютчева этого периода и ряд евангельских и ветхозаветных цитат и намеков, раньше никогда не встречавшихся. Таковы, например: перефразированная цитата из Евангелия от Марка (гл. IX, ст. 24) в стихотворении «Наш век» (I, 136), от Матфея (гл. V, ст. 8) в стихотворении «Памяти В. А. Жуковского» (I, 151), сравнение Ломоносова с Иаковом (II, 165) и т. д., не говоря уже о знаменитой фразе: «Душа готова, как Мария, // К ногам Христа навек прильнуть» (I, 163).

Само восприятие природы в ряде произведений этого периода окрашено в новые религиозные тона. Это можно заметить раньше всего в стихотворении 1849 (?) года — «Вновь твой я вижу очи...» (I, 111). В нем при обычном для Тютчева и раньше символическом противопоставлении Юга и Севера проскальзывает совсем небывалая нота: Юг — это

Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

^{16*} Такие встречались у Тютчева и раньше. См., например, «Олегов щит» (1828—1829).

(Ср. ранее:

Что пред тобой утеха рай,
Пора любви, пора весны...)

(I, 73)

И в последующие годы в ряде стихотворений о природе мы находим все усиливающиеся христианские, вернее христианско-платонические, мотивы. Вот некоторые примеры:

Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё душливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!..

(1860 — I, 183)

Он (Господь) милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском...

(1865 — I, 196)

И в Божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой...

(1866 — II, 176)

и т. д.

Словом, с 1850 г. для Тютчева наступила пора многолетних попыток «крещения природы», попыток создания новых мифологем, основанных на христианских идеях. И здесь мы встречаемся порой с удивительными удачами, как, впрочем, и с поражениями; но главное внимание Тютчева обращено теперь не на природу, а на человеческую душу с ее грехами и искушениями, радостями и страданиями.

Пожалуй, самым прекрасным примером нового соотношения между душой и природой может служить подлинно христианское по мироощущению стихотворение «Сияет солнце, воды блещут...»; вспомним вторую половину его:

Поют деревья, блещут воды,	Но и в избытке упоенья
Любовью воздух растворен,	Нет упоения сильней
И мир, цветущий мир природы,	Одной улыбки умиленья
Избытком жизни упоен.	Измученной души твоей...

(1852 — I, 152)

Здесь — чисто по-христиански — скорбная человеческая душа оказывается сильнее всей избыточно-цветущей мощи природы^{17*}.

Но, конечно, Тютчев не стал спокойным, уравновешенным и всегда во всем уверенным христианином. Напротив, его поэзия этого периода свидетельствует о том, что он принадлежал к числу тех «пустынников» (термин, который к Тютчеву можно прилагать, конечно, лишь шутя), о которых Черт говорил Ивану Карамазову, что душа каждого из них «стоит созвездия», и которые способны были созерцать в один и тот же момент «бездны веры и неверия»⁶¹.

Нигилистические струи то и дело прорываются в поздней тютчевской поэзии. Достаточно вспомнить необычайной простоты и силы вещь, посвященную памяти брата, или одно из самых последних стихотворений, написанных им до предсмертной болезни, — «От жизни той, что бушевала здесь...», чтобы в этом убедиться (I, 224, 225). Впрочем, никто лучше самого Тютчева не выразил его жизнеощущения в этот период:

^{17*} Фет, до конца своей жизни оставшийся на антихристианских позициях, в аналогичном случае писал: «Что же, тут мы или счастье наше? // Как и помыслить о нем не стыдиться? // В блеске, какого нет шире и краше, // Нужно безумствовать или смириться?» («В вечер такой золотистый и ясный...», 1886)⁶⁰.

Пускай страдальческую грудь
 Волнуют страсти роковыя —
 Душа готова, как Мария,
 К ногам Христа навек прильнуть.

(I, 163)

Тютчев только «готов» был стать навек христианином, однако до конца и безоговорочно им не стал.

Но что же вызвало этот страстный отказ от античного политеизма и если не веру, то по крайней мере страстное стремление поверить в истину христианства? Мы можем только гадать, ибо в поэтических высказываниях Тютчева на это нет ответа. Конечно, здесь были и какие-то общие для многих романтиков и шеллингианцев исторические причины. Недаром в конце 30-х — начале 40-х годов сам Шеллинг переходит к философии Откровения. Однако особенно созвучными с тютчевскими кажутся мне религиозные переживания Киркегора⁶². Как раз в переломные для поэзии Тютчева годы Киркегор писал: «Быть христианином — двойная опасность. Сперва необходимо пройти душевное страдание для того, чтобы стать христианином, отказаться от разума и быть распятым на парадоксе... Вторая опасность заключается в том, чтобы жить, будучи христианином, в мире действительности и вывить себя здесь христианином... Но почему же человек будет подвергать себя всему этому? Почему ему быть христианином, если это так трудно? На это можно ответить: молчи! Христианство — абсолютом, ты обязан! Но можно дать и другой ответ: сознание собственной греховности не дает человеку покоя. Боль из-за этого придает человеку силы все вытерпеть, если только ему будет дано прощение. Это значит, что боль из-за греха должна насквозь проникнуть человека. Поэтому нужно представлять положение таким же тяжелым, каким оно и есть на самом деле, чтобы всем стало ясно, что христианство находится в связи с сознанием греховности. Пытаться стать христианином каким-нибудь другим путем — безусловная бессмыслица»⁶³. Я уверен в том, что, зная Тютчев Киркегора, он мог бы подписаться под каждым словом приведенного отрывка. Ведь именно к переломному для поэзии Тютчева 1850 году относится время сближения поэта с Е. А. Денисьевой, сближения, так могущественно отразившегося на его лирике и вызвавшего в нем жестокую борьбу чувств и горестное сознание своей греховности и глубокой вины перед обеими любимыми им женщинами. Поэтому я осмеливаюсь высказать гипотезу, что *душевной подпочвой* обращения Тютчева-поэта к христианству и следует считать эту личную его трагедию, столь обогатившую его творчество и одарившую его жизнь радостями и муками, превзошедшими все испытанное им раньше.

«Христианство находится в связи с сознанием греховности» — эта формула, по-моему, охватывает главное в перемене Тютчева. О, я понимаю, конечно, что тяготение поэта к славянофильским кругам, интерес к западным славянам и к проблеме воссоединения славянства, наконец всевозможные другие политические и даже — допустим! — лично-служебные причины могли бы вызвать необходимость какого-либо «официального» исповедания православия с его стороны, как это бывало с ним в молодости (напомню уже названное выше стихотворение «Олегов чит»). Но глубокое изменение всей религиозной структуры его поэзии, приведшее вдобавок к появлению таких шедевров христианской мифологии, как уже упомянутое «Сияет солнце...» или «Эти бедные селенья...», или «Она сидела на полу...» (I, 152, 161, 174)^{18*} и ряда других, — конечно, не могло быть вызвано причинами внешними или чисто «головными». Здесь изменилась душа.

То небольшое, что известно о характере самой Е. А. Денисьевой из сохранившихся ее писем к сестре, позволило Чулкову счесть ее человеком религиоз-

^{18*} «Брага знакомые листы // И чудно так на них глядела, // Как души смотрят с высоты // На ими брошенное тело...» (I, 174) — это чистейший христианско-платонический миф, совершенно невысказанный для Тютчева 30—40-х годов!

Е. А. ДЕНИСЬЕВА

Фотография Б. Веля. Лейпциг, (1862). Переснимок К. Бергамаско (принадлежал Ф. Ф. Тютчеву — сыну поэта и Е. А. Денисьевой)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград
В музее-усадьбе «Мураново» хранится фотоувеличение фрагмента фотографии Веля, выполненное в ателье Жемара и Фера (Ницца)

ным ⁶⁴. О «религиозной экзальтации» ее говорит и К. В. Пигарев ⁶⁵, опиравшийся, по его личному сообщению, на характеристику Е. А. Денисьевой, данную в записках А. И. Георгиевского ⁶⁶.

Строки Тютчева, написанные после смерти Елены Александровны, подтверждают это заключение:

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—
< . . . . . >

По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

(I, 197—198) ^{19*}

^{19*} См. также относящееся к рождению у Е. А. Денисьевой первого ребенка стихотворение «Не раз ты слышала признание...» (I, 135).

Разумеется, будь Е. А. Денисьева и совсем неверующей, это не было бы еще достаточным основанием, чтобы отвергнуть мою гипотезу о причинах перелома в душевной жизни Тютчева: суть дела ведь, как я думаю, не во взглядах Елены Александровны, а в «сознании греховности», поразившем душу поэта. Но, во всяком случае, религиозность его возлюбленной могла лишь помочь попыткам обращения Тютчева к христианству.

Следует отметить, однако, что, кроме любви к Денисьевой, другим глубинным мотивом этого обращения могло быть также и потрясение, испытанное Тютчевым в результате политических событий 1848 года. Политика, по-видимому, занимала такое важное место в душе поэта, что отрицать нацело возможность ее влияния на самые основы его мироощущения было бы, пожалуй, неосмотрительным. Недаром в 1848 г. друзья опасались за его рассудок⁶⁷ — настолько остры были у Тютчева переживания, связанные с западными революционными бурями. Однако для религиозно-мифологического аспекта поэзии Тютчева, по моему мнению, гораздо более существенную роль должна была сыграть все-таки его трагическая «последняя любовь».

...Но пора остановиться. Я набросал здесь краткую схему того, о чем мог бы написать значительно шире, полнее и в некоторых пунктах доказательнее. Вне этой схемы оказались не упомянутые мной вовсе отдельные экскурсы: сопоставление строго графического видения природы у Пушкина^{20*} с живописным видением у Тютчева; анализ символического характера изображения цвета у Тютчева; античная мифология в поэзии Тютчева и Фета и т. п.

ИЗ ТРЕТЬЕГО ПИСЬМА

...архаический эллин, Тютчев...

А. Белый. *Восток или Запад*⁶⁹

Прошлым летом я поставил перед собой (уже давно, впрочем, занимавший меня) вопрос о самых дальних, самых глубоких и архаических корнях натурфилософских воззрений Тютчева. Разумеется, эти воззрения интересовали меня лишь постольку, поскольку они проявлялись в его поэтическом творчестве. При этом я сознательно назначил себе одно ограничение. Речь у меня пойдет лишь об источниках *античного происхождения*, ибо какие-либо экскурсы в область философских учений Востока представляли бы, как мне кажется, меньший интерес, так как, насколько я знаю, эти учения никогда не были предметом специального внимания Тютчева, и здесь можно было бы говорить только об аналогиях и параллелях, а не о возможности влияний.

Что же касается античной натурфилософии, то она в той или иной степени несомненно была знакома Тютчеву*. А язычество и антихристианский характер его поэзии первого периода в сочетании с ее натурфилософской направленностью делают вполне обоснованной попытку разобраться, что же почерпнул Тютчев из сокровищницы античной мысли. При этом самым интересным казалось мне исследовать влияния, которые проявлялись в поэзии Тютчева подсознательно или полусознательно, ибо лишь такие, претворившиеся в плоть и кровь, идеи могут находить в стихах свою вторую жизнь, принимая форму ор-

^{20*} При всем моем преклонении перед Пушкиным и любви ко многому величайшему, что им создано, я не могу не считать, что у него была своего рода цветовая слепота. Достаточно вспомнить его эпитеты: «желтый жемчуг» или «алая молния», а также тот факт, что в описании извержения Везувия у него нет ни одного упоминания цвета⁶⁸. Возможно, впрочем, что частичной причиной этой «слепоты» было сознательное стремление Пушкина противопоставить свой стиль пышной красочности державинской поэзии.

* Некоторые фактические сведения об античной религии и философии Тютчев должен был получить как от Райча, так и во время слушания университетского курса; от Шеллинга же, а также через творчество Гёте, Шиллера, а может быть, и некоторых других поэтов и философов, он мог научиться соответствующему его общим идейным позициям и вкусам *пониманию* эстетического и философского смысла эллинических мифов и умозрений.

ганически возникших новых мифологем. Но, разумеется, я не отказывался от рассмотрения и программных его высказываний.

И вот я обнаружил удивительную вещь (я сразу забегаю вперед, к последним выводам). Оказывается, что все здание ранней натурфилософской лирики Тютчева вырастает в положительной своей части из одного источника — им являются величественные, хотя и довольно еще смутные, полумифологические созерцания древнейших милетцев Фалеса и Анаксимандра⁷⁰. Вторым же античным источником вдохновения Тютчева было его ярко выраженное *антигераклитовство*.

Культ воды, признание ее первичной и благой мирообразующей стихией (согласно Анаксимандру, возникающей, в свою очередь, из Беспредельного как первоначала)⁷¹ — в сочетании с признанием огня принципом раздора, борьбы, разрушения (совсем как у Гераклита, но с ярко отрицательной оценкой) — эти две поэтические идеи-мифа окрашивают все или почти все глубинные восприятия природы у Тютчева. Замечательно при этом, что, возникши в раннюю пору его творчества — в эпоху натуралистической религии, — эти идеи-мифы сохранили для Тютчева все свое (конечно, подсознательное) значение и в позднейшие годы.

Серьезные следы влияния других, более поздних античных мыслителей — главным образом Платона, мы встречаем лишь в лирике Тютчева второго, «христианского» периода.

Перехожу теперь к обоснованию моих тезисов. От философских размышлений Фалеса сохранилось, как известно, лишь два достоверно принадлежащих ему изречения: «Начало всего есть вода» и «Всё полно богов», а также утверждение, что магнесийский камень (магнит) имеет душу, ибо движет железом⁷². Вместе с Гегелем нельзя не признать, что нужна была великая смелость для того, чтобы отвергнуть полноту естественного природного явления и свести его к одной простой субстанции, как к пребывающему нечто, не возникающему и не уничтожающемуся, между тем как и самые боги многообразны, изменчивы, обладают теогонией⁷³. Неизвестно, явилась ли у Фалеса эта мысль философским осмыслением древних сказаний о мировом Океане или сюда присоединились наблюдения над способностью жидкостей превращаться и в твердые тела и в газы, а также приводимые Аристотелем соображения о жидкой природе животного семени и животной пищи, или же, наконец, на Фалеса повлияли житейские наблюдения над ролью, которую играло море во всей жизни ионийского племени. Скорее всего, могли иметь значение все эти факторы, но первенствующим среди них, надо думать, был все-таки первый: традиции древней мифологической мудрости не могли не быть почвой самых ранних философских исканий. Это подтверждается и другим сохранившимся изречением Фалеса («Всё полно богов»), мифологическая основа которого уже не может вызывать сомнений.

Продолжатель Фалеса Анаксимандр поднялся на гораздо более высокую ступень философского созерцания. Он отказался от мысли найти первичное начало среди наблюдаемых веществ вследствие необходимо ограниченной природы любого из них. Это первоначало, некую отличную от всех таких веществ сущность, он назвал именем Беспредельного (апейрон), охарактеризовав его лишь отрицательным образом как бессмертное и негибнущее, невозникшее и непреходящее. Беспредельное «охватывает» все вещи, «определяет» их движение. Но, как и вода Фалеса, это первое метафизическое понятие античной философии обнаруживает еще тесную связь с родимой почвой древнейших мифологических систем.

В этом согласны между собой столь различные по взглядам историки античной философии, как С. Н. Трубецкой, с одной стороны, и Э. Н. Михайлова и А. Н. Чанышев — с другой. В «Ионийской философии» последних двух авторов мы читаем: «По-видимому, апейрон Анаксимандра — философское развитие гесиодовского представления о Хаосе как первоначале всего сущего, ставшее возможным благодаря тому, что в VI в. до н. э. мыслили более абстрактно, чем

в VIII в. до н. э., когда по-видимому, жил Гесиод»⁷⁴. В «Метафизике в древней Греции» С. Н. Трубецкого утверждается то же самое: «Если космогоническая вода Фалеса соответствует гомеровскому Океану, то Беспредельное Анаксимандра соответствует Гесиодову Хаосу, который мало-по-малу переходит к конкретному, индивидуальному от неопределенного, стихийного»⁷⁵.

Согласно Анаксимандру, из Беспредельного выделяется первая качественная противоположность теллого (активного, положительного) и холодного (пассивного, отрицательного)^{2*}. Соединение их друг с другом производит первичную стихию мира — воду. Так подводит Анаксимандр «метафизический базис» под наивную физику Фалеса. Из воды возникает земля, воздух и обнимающая весь космос огненная сфера. В дальнейшем воздушная и огненная сферы перемешались, образовав три кольца, наполненные огнем и окруженные непрозрачным воздухом. Видимы же нам только отверстия в этой воздушной оболочке. Эти отверстия и суть солнце, луна и звезды, по Анаксимандру⁷⁶.

Вопрос о причине всех изменений, о начале движения у Анаксимандра еще не появился: он удовлетворяется представлением бесконечного Хаоса, который «движется сам собою, ибо он жив, божествен, всем управляет»⁷⁷. Не подлежит вместе с тем никакому сомнению, что Беспредельное Анаксимандра имеет вполне телесную природу: это бесконечная самодвижущаяся материя.

Из Беспредельного не только все происходит, но и всему суждено в него вернуться. Оно создает миры и вновь их в себя поглощает. Вот что говорит об этом Анаксимандр: «Все вещи, погибая, обращаются, по требованию справедливости, в то, из чего они все произошли, ибо им надлежит в определенном порядке времени понести за свою неправду кару и возмездие»⁷⁸.

Эта грандиозная в своей нагой простоте формула мирового закона возмездия признает всякого индивида, в силу самого факта его отдельного существования нарушающего единство Беспредельного, виновным и поэтому по справедливости подлежащим уничтожению как отдельность, как индивид. Вместе с остальными философскими интуициями «мистического материализма» Фалеса и Анаксимандра эта древнейшая, хорошо известная на Востоке этико-метафизическая концепция является основой мировосприятия молодого Тютчева; милетские идеи как бы управляют всем поэтическим мышлением его.

Но мне не хотелось бы создавать впечатление, будто я думаю о каком-то нарочитом и внешнем следовании учению обоих великих милетцев со стороны нашего поэта. Нет, эти образы-идеи таинственной архаики человеческой мысли были усвоены Тютчевым, скорее всего, даже без четкого представления об их первоисточнике. И, разумеется, это «усвоение», если оно и имело место, прежде всего, было предопределено внутренним подобием первичных натурфилософских и поэтических интуиций, в частности особым предрасположением Тютчева к эстетическому восприятию воды в природе и его непосредственной личной уверенностью в примате общего, космического над индивидуальным.

Обратимся теперь к поэзии Тютчева. Сначала я приведу некоторые (закругленные) статистические данные⁷⁹. По моим подсчетам оказалось, что более чем в одной третьей части всех оригинальных стихотворений Тютчева есть образы, связанные с его излюбленной водной стихией, а примерно в одной десятой части — эти образы являются центральными, так или иначе определяющими тему стихотворения.

Кажется, нет в природе такой формы существования влаги, которая не была бы отмечена Тютчевым, начиная с Мирового Океана и кончая каплями слез. Мы встречаем здесь, кроме общих «терминов», вроде «стихия» (водная), «вода», «воды», «влага» и т. д., такие разновидности: океан, море, пучина (морская), озеро, река, речка, поток, источник, ручей, ключ, родник, фонтан, водомет, дождь, дождик, ливень, дождевые перлы, струи дождя, капли дождя, капли слез и т. д. Только образа грязной, стоячей воды — образа болота — не най-

^{2*} Ср. противопоставление Юга и Севера у Тютчева с их вполне метафизическим звучанием в ряде стихотворений (см., например, I, 92, 101, 178—179).

дем мы в стихах Тютчева ^{3*}. Но зато каких только нет у него видов движения вод! Тут и волны, валы, зыби, струи; тут и вполне живой, хоть и антично-мифологический (из Посейдоновой свиты!) «конь морской», «весь в пару и мыле», с его бледно-зеленой гривой и веселым ржаньем (I, 30), тут прибой и отбой; прилив; разлив; пена, брызги; тут и «живое облако» клубящегося фонтана, и его «на солнце влажный дым», и его вздымающийся вверх «луч», и падающая вниз «огнецветная пыль» (I, 78); тут и «метель влажной пыли» под колесами парохода (I, 110); и тучи, и облака, и туманы; и взаимодействие двух великих животворных сил природы — света и воды — три тютчевские радуги (I, 32, 78, 204); тут и золотящиеся нити весеннего дождика (I, 12), и людские слезы — «неистопчимые, неисчислимые», как осенний дождь (I, 112); тут и вскипающие над вечных глазах «капли дождевые зачинающей грозы» (I, 60). Но перечислить все примеры прямого и метафорического использования образов влаги у Тютчева было бы просто невозможно.

Таково непосредственное, так сказать, статистическое, выражение тютчевского поклонения стихии воды. Перейдем теперь к натурфилософским аспектам этой «гидрофилии».

Слово «стихия», «стихийный» Тютчев употребляет десять раз. Из них шесть или, вернее, даже семь раз оно прямо или метафорически связывается именно с водой ⁸⁰; лишь один раз «стихийной враждебной силой» назван огонь (I, 214), один раз «пятой стихией» (quinta essentia Аристотеля ⁸¹) оказывается дым — мрачная шутка в позднем стихотворении, посвященном тургеневскому «Дыму» (II, 189); наконец, один-два раза слово «стихия» имеет не вполне определенное, сильно психологизированное значение: «Поэт всемогущ, как стихия» и «В стихийном, пламенном раздоре» (I, 99, 119); но в последнем случае все-таки дальше говорится о «бунтующем море» и речь идет о борьбе воды и огня, которая символизирует, видимо, борьбу страстей.

Таким образом, вода для Тютчева есть стихия по преимуществу. При этом она — наиболее «чистая», наиболее близкая к божественному началу стихия:

... нет завиднее удела,	Она, между двойною бездной,
О лебедь чистый, твоего —	Лелеет твой всезрящий сон —
И чистой, как ты сам, одело	И полной славой тверди звездной
Тебя стихией божество.	Ты отовсюду окружен. (I, 26)

Вода — начало всего живого: в своей груди поэт слышит «ключу таинственного шепот» (I, 58); взор возлюбленной — «как жизни ключ, в душевной глубине» (I, 11). Все стихотворение «Что ты клонишь над водами...» (I, 61) представляет собой многозначный символ, где бегущая влага означает нечто высшее, свободное, победительное, как бы самую жизнь. И даже звезды имеют влажную природу: они «Небесный свод приподняли // Своими влажными главами» (стихотворение «Летний вечер», 1820-е годы — I, 16).

В том же стихотворении ночное успокоение природы воссоздается удивительно живым и свежим мифологическим образом:

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

Вся вообще стихийная, индивидуальная, т. е. высшая, по Тютчеву, жизнь природы определяется как «животворный океан»:

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!

< . . . . . >

^{3*} Впрочем, все же один раз он написал: «Местами лишь просвечивают пятна // Стоячих вод, покрытых первым льдом» (I, 179).

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ

Картина А. К. Саврасова (масло), 1880-е годы

Курская областная картинная галерея

И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

(I, 97)

Нельзя, наконец, не заметить, что ббольшая часть самых магических тютчевских строф связана с передачей впечатлений от влаги. Достаточно, например, вспомнить такие, почти не поддающиеся в их волшебном действии анализу, словесные построения, как:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

(I, 29)

(Тот же образ «двойной бездны», что и в «Лебеде», отмеченный, кстати сказать, за его красоту еще Некрасовым⁸².)

Или:

И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

(I, 177)

И даже если случается Тютчеву изобразить благую стихию воды в ее разрушительном буйстве, то виновным в этом оказывается все-таки не она, а огонь:

Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила —

И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

(I, 103)

Не только природная «живая жизнь» (тютчевский образ — I, 224), но и все внутреннее духовное существование, точнее, то, что в нем есть истинного и ценного, сближается у Тютчева с влагой ^{4*}. Так, немало есть у него стихотворений, посвященных снам; сны открывают ему путь к Беспредельному и — неизменно связываются с его излюбленной стихией. Таков, например, его «Сон на море» с двумя беспредельностями — внешней и внутренней — моря и сна (I, 51). Или:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

(I, 29)

Или:

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

(I, 110)

Взлетающая к недостижимому пределу мысль уподобляется фонтану; поющие в душе тайные, «неизреченные» мысли — ключи:

Варывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи!..

(I, 46)

Наконец, прямо утверждается тождество:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной...

(I, 137)

Свою возлюбленную поэт может сравнить только с морской волной: «Ты, волна моя морская...», причем делает это с такой страстной убежденностью в их внутреннем родстве, что они сливаются в один неразделимый образ (I, 148). Трудно сказать, волна ли является здесь символом женщины, женщина ли воплощением первичной стихии. И заключительное восклицание:

Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём

— могло бы, в сущности, одинаково относиться как к любимой женщине, так и к морской глубине. Недаром через много лет, после многих страданий и потерь, поэт мечтает «потопить всю свою душу» в обаянии словно бы уж совсем и не метафорического ночного моря, картина которого («Как хорошо ты, о море ночное...», 1865) включена, однако, самим Тютчевым в число вещей, посвященных памяти Денисьевой.

Бедного нищего, бредущего в жару мимо сада, пленяет «облак дымный» бьющего за оградой фонтана — недоступная ему влага (I, 123). Очевидный подтекст этого образа — недостижимая любовь: она — то же, что вода жаждущему.

^{4*} Любопытную параллель этому можно увидеть в одном изречении Гёте: «Душа человека похожа на воду: приходит она с небес, падает на землю и снова поднимается на небо»⁸³. Но все же это изречение воспринимается лишь как изящная метафора — у Тютчева же в бесчисленных образах «душа — влага» звучит нечто большее — как бы отзвуки некой древней веры.

Но особенно многозначительны символы стихотворения «Безумие». В первых двух катренах его дан «пейзаж» безумия — окружающая безумца *подлинная* действительность. Это — мир иссушенный, сожженный, обугленный огнем: земля — «обгорелая» (а дальше — «растреснутая»); небесный свод — «как дым»; под «раскаленными лучами» — «пламенные пески». И очи у Безумия — «стеклянные», т. е. сухие, лишь внешне напоминающие живую влагу глаз.

Но чем же все-таки это Безумие безумно? Да тем, что в окружающем его поистине страшном мире оно ищет и *думает, что находит* святую стихию влаги; тут ему лгут все чувства: зрение обманывает его надеждой дождя из облаков; слуху чудится

...ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

(I, 34)

Не названный здесь прямо враг жизни и души — огонь, иссушающая, сжигающая, губительная стихия. Что связь «сухости» с гибелью, умиранием души не была у Тютчева случайной, видно из строфы, написанной им в старости, после потери Е. А. Денисьевой:

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем.

(I, 206)

Остановимся еще на одном четверостишии — «Последний катаклизм»:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

(I, 22)

Как я уже упоминал в моем предыдущем письме, на первый взгляд, это стихотворение будто бы говорит о втором всемирном потопе, т. е. имеет характер библейской мифологемы. Но стоит вдуматься в него и, главное, сравнить его со всеми близкими по времени поэтическими высказываниями Тютчева, как сразу станет ясно, что ему совсем нет нужды приписывать библейское происхождение. В самом деле, что значит: «Всё зримое *опять* покроют воды»? Это значит что *в конце мира* будет то же, что было в *начале*: одна-единственная первичная водная стихия Фалеса, в которую, согласно закону возмездия, выраженному в приведенном выше поэтическом изречении Анаксимандра, должен по справедливости и в искупление вины вернуться наш мир. И «божий лик», который изобразится на поглотивших все живое водах, уж, конечно, — не лик библейского Бога: это попросту отражение солнца, которое по самым обычным законам оптики должно сиять на поверхности водной пустыни; а говоря мифологически, это лик Аполлона-губителя⁸⁴. Главное же, в библейской мифологеме речь шла бы, конечно, о «последнем часе» *человечества*, а вовсе не природы!

Итак, мы видим, что первое положение Фалеса «Начало всего есть вода» нашло в стихах Тютчева самое живое и многообразное поэтическое воплощение.

Что второе его положение — «Всё полно богов» — было выражено молодым Тютчевым так же искренне и убедительно-интимно, мне уже не нужно доказывать — я об этом говорил раньше, в предыдущем письме. Отмечу еще только, что у Тютчева присутствуют преимущественно именно фалесовские «философические», безымянные боги природных явлений, а не персонажи народной мифологии: его боги это вёсны, снежные горы, звезды, месяц и т. д. — боги в большей степени, чем Зевс, Киприда, Геба и другие Олимпийцы.

Мне остается сказать еще несколько слов об Анаксимандре. Здесь, впрочем, тоже не требуется особенно детальное рассмотрение, ибо мифологическая тема Хаоса у Тютчева разбиралась чуть ли не всеми авторами, писавшими о нем, начиная с Вл. Соловьева. Я хочу только лишь подчеркнуть, что Хаос Тютчева есть именно древний, гесиодовский античный Хаос, в более абстрактной форме вошедший в историю философской мысли как Беспредельное, Бесконечно-объемлющее Анаксимандра.

Основной аргумент в пользу этого был уже приведен мной в прежнем письме: «хаос» в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной?» назван также «беспредельным» (I, 57), а «беспредельное» — «апейрон» — есть термин Анаксимандра и ничей больше. Но не встретились ли мы здесь просто со случайным совпадением? Может быть, в тютчевские времена и «хаос», и «беспредельное» были ходячими, широко распространенными в поэзии словами, и сочетание их — закономерный результат статистики?

На это следует ответить решительно «нет». Прежде всего, «беспредельность» и «хаос» встречаются еще раз вместе в другом тютчевском стихотворении — «Сон на море» (I, 51), причем и здесь они не просто стоят рядом, а относятся к одному и тому же — к бушующей стихии моря.

Но сказанного мало. Ведь самый настойчивый мотив всей натурфилософской тютчевской лирики — противоположение вечной и неувядаемой стихийной жизни природы скоротечному, бесследно исчезающему индивидуальному бытию — есть не что иное, как многообразно варьируемое выражение Анаксимандрова закона возмездия. Я подчеркиваю, что это именно Анаксимандров закон, потому что нигде у Тютчева нет и намек на идею переселения душ, всегда связываемую с законом кармы⁸⁵, *но отсутствующую у Анаксимандра*.

Не Анаксимандров ли закон проявляется в сравнении судьбы человеческого «Я» со льдинами, уходящими в море, где они

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия,—
Сольются с бездной роковой!..

(I, 130)

То же говорится и в позднем, внезапно вырвавшемся у старика Тютчева признании, относящемся к «природе», к ее стихии или бездне:

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

(I, 225)

Это признание свидетельствует о прочности столь родственных милетской архаике первоначальных тютчевских взглядов, продолжавших бороться в его поэтическом сознании с христианско-платоническими концепциями, по-видимому, до конца его жизни.

Но следует отметить, что исчезновение индивидуальности в мировом целом обычно не пугало, а скорее влекло Тютчева (по крайней мере, в молодости).

В стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной?» магически изображено это жадное стремление отдельной души, отколовшейся от Беспредельного, вернуться — хотя бы ценой собственной гибели — к своему первоисточнику, древнему *родимому* Хаосу (I, 57). В сетованиях ночного ветра душа слышала о вине отъединенных вещей перед первоначальным Целым и потому рвется назад к Целому. Но, конечно, нет нужды лишней раз подчеркивать, что это Целое — отнюдь не христианское Всеединство, а языческий — Гесиодов — Хаос, Анаксимандрово Беспредельное.

Здесь следует напомнить, что идея Хаоса была развита Шеллингом в почти несомненно известном Тютчеву сочинении «Философские исследования о сущ-

— 134 —

XV.

День и ночь.

На миръ тайственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ —
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцеленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь, —
Пришла — и съ мира рокового
Ткань благодатную покровъ
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И вѣтъ преграда межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

1847.

— 135 —

XVI.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукъ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсень сихъ не бой
Про древнй хаосъ, про родимый!
Какъ жадно миръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется оны груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!...

1847.

ПОМЕТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО НА ПОЛЯХЪ СТИХОТВОРЕНИЙ «ДЕНЬ И НОЧЬ» И «О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВѢТР НОЧНОЙ...»:

«Т(ютчев). Г(лубина). К(расота)!»

Оба стихотворения отчеркнуты также рукой Толстого

В книге: «Сочинения Ф. И. Тютчева». СПб., 1886

Музей Л. Н. Толстого, Москва

ности человеческой свободы»⁸⁶. Однако термин «Беспредельное» отсутствует в нем. В поисках прямых источников тютчевских натурфилософских взглядов этого периода, вероятно, следовало бы обратиться к «Натурфилософии» или к «Философии мифологии» Шеллинга, однако вряд ли это особенно необходимо. Ведь в конце концов несомненное и глубокое сходство тютчевских мифологем с учением милетцев не должно рассматриваться просто как школьное «переложение» этого учения в поэтические образы. А поэтому вопрос о фактическом пути, которым проникла милетская философия в творчестве Тютчева, кажется мне менее существенным, чем само установление упомянутого сходства.

Между прочим, интересно отметить высказанное Э. Н. Михайловой и А. Н. Чанышевым предположение о том, что «вина» отдельных вещей по Анаксимандру, заключается «не в самом факте их существования», а в том, что каждая индивидуальная вещь (или класс вещей) обладает некой «агрессивностью»; вещь стремится «нарушить чужую меру», вторгнуться в чужие владения (например, огонь постепенно истребляет море, которое, «высыхая, уменьшается, и в конце концов оно все высохнет»). В этом и состоит вина вещей и несправедливость их друг к другу: «Нарушая чужую меру, „вещь“ в конце концов нарушает и свою меру и в силу этого гибнет»⁸⁷.

Любопытно, что и такому толкованию закона возмездия можно найти соответствия в тютчевской поэзии. Так, в стихотворении «Итальянская villa» Тютчев описывает как бы смущение и гнев, овладевшие природой, когда индивидуальная «злая жизнь» людей с их страстями «через порог заветный перешла» (I, 91). Это *зло* вторжение индивидуальных существований в покоящееся единство природы можно считать в такой же степени «проанаксимадровским», как и «антигераклитовским» мифом.

Описанию стремления души вернуться к Первоначалу посвящено не только стихотворение «О чем ты воешь, ветр ночной?»

В более мягкой, умиротворенной, не столь катастрофической форме то же стремление (вернее даже, частичная реализация его) передано в гениальных «Сумерках» («Тени сизые смешались...»).

Не в этом же ли стремлении лежит и корень не раз поэтически высказанного Тютчевым пристрастия к кроткому умиранию осени («Есть в светлости осенних вечеров...» или «Обвеян вещею дремотой...»), к веселой жажде гибели осенних листьев («Листья») и даже к тому «таинственному Злу», которое приводит под прекрасными покровами человеческую смерть («Mal'aria»)? Ведь всякое умирание есть потеря индивидуальности, приобщение к Целому, искупление вины перед Беспредельным!

Как в группе только что названных осенних стихов, так и в «Сумерках» стихия воды прямо не изображена, если не считать, что сам сумрак представлен как нечто текучее, струящееся («Лейся в глубь моей души < ... > Всё залей и утиши» — I, 75). Но в ряде других стихотворений ночь (или вечер), когда душа поэта приближается к познанию самых глубоких тайн, явно сочетается с водной стихией — см., например, упомянутые выше «Летний вечер» или «Лебедь», «Как океан объемлет шар земной...», «Сон на море» и мн. др.

Напротив, день часто ассоциируется у Тютчева с огнем:

О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..

— говорит он о «младом, пламенном дне» (I, 65), и тут мы вступаем в область высказываний его о Гераклитовой стихии.

Физический огонь, пламя, изображается Тютчевым как нечто безобразное, отвратительное ^{5*}:

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловеющим треском белые огни...

(II, 189)

Или:

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад
Сумрак тут, там жар и крики...

И далее:

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат...

(I, 159)

В «Летнем вечере» солнце («раскаленный шар» — страшный образ пылающей мертвенности) и день («зной», от которого грудь рада освободиться) рас-

^{5*} Во избежание недоразумений замечу, что это не относится к свету! Стихия света («божьего пламени», в отличие от пламени земного), а не зной, не жара изображается Тютчевым всегда или почти всегда как начало гармонии, она дружна скорее с водой, чем с огнем. Отсюда, между прочим, роль радуги в тютчевской поэзии.

смаатриваются как нечто словно бы враждебное подлинной жизни природы. Вспомним также уже рассмотренное нами «Безумие».

Наконец, стихотворение «Пожары» (1865) показывает, что и на закате жизни огонь возбуждал в Тютчеве тот же ужас, смешанный с физическим отвращением, что и раньше:

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым, один,—
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

(I, 213)

И, разумеется, как и в случае с водой, инстинктивное чувство ужаса и отвращения к пламенной стихии переходило у Тютчева в метафорические планы, осмыслилось в мифологемах.

Тот же миф об огне — истребителе жизни, который мы видели в «Безумии», встречаем мы в стихотворении «Как над горячею золой...». Здесь дым — символ медленного, нестерпимо мучительного умирания, огонь же — быстрой, мгновенной гибели.

Но чаще для Тютчева огонь — синоним борьбы, раздора. Читая:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре...

(I, 119)

— мы сразу невольно вспоминаем Гераклитово изречение: «Должно знать, что Война всеобща, что раздор — справедливость, что все и происходит, и уничтожается в силу раздора»⁸⁸. Но Тютчеву этот раздор ненавистен, утверждение Гераклита содержит для него не истину, а ложь — ложь «злой жизни», т. е. ложь отъединенного бытия индивидов, которые, по Анаксимандру, виновны перед Беспредельным (а может быть, и друг перед другом) самым своим существованием или же (что почти одно и то же) неизбежной агрессивностью этого существования.

Из стихотворения «Итальянская villa» ясно, что эта «злая жизнь» связана с огнем:

Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

(I, 91)

Нельзя, конечно, сказать, чтобы Тютчеву был чужд «стихийный, пламенный раздор» «клокочущих страстей» (I, 119), — совсем напротив — достаточно напомнить такое, скажем, признание:

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

(I, 85)

Это — та любовь, которая приходится сестрой самоубийству^{6*} и которой всю жизнь покорялся — быть может, часто и против своей сознательной воли — наш поэт. Но именно потому, что «злая жизнь» страстей — Гераклитов огонь

^{6*} «Близнецы» — чисто бодлеровский миф зрелого Тютчева, и по времени написания (до 1852 г.) близкий к «Цветам зла» (1857).

был слишком хорошо знаком Тютчеву, и мог его так сильно ненавидеть. К чуждому и далекому подобных чувств испытывать нельзя.

Рассмотренное нами отношение Тютчева к стихиям воды и огня коренится где-то в глубочайших, подсознательных слоях его души, ибо оно осталось неизменным в течение всей его жизни; несмотря на пережитой им крутой перелом поэтического мировоззрения.

В этой любви к влаге и ненависти к огню еще раз выступает интуитивно ощущаемый многими антагонизм между творческими личностями Тютчева и Пушкина. Для последнего огонь был любимейшей стихией, проявлением самого высшего в природе. Это уже давно показано Гершензоном⁸⁹. Косвенно мои наблюдения над тютчевской поэзией, как мне кажется, подтверждают объективность выводов Гершензона: помнится, некоторые критики его в свое время говорили, что то, что нашел он по отношению к огню в стихах Пушкина, имеется и у любого другого поэта, стоит только собрать его высказывания по этому поводу. Но пример Тютчева показывает, насколько несходным может быть отношение к стихиям у двух поэтов.

Творчество каждого из них восходит как бы к различным, или, лучше даже сказать, к полярно противоположным архетипам, которые в античной натурфилософии были выражены милетцами и Гераклитом.

И тут, естественно, приходит в голову соблазнительная мысль: да нужно ли, говоря о поэзии Тютчева, вообще ставить вопрос о каких-то заимствованиях у древних? Не просто ли потому существуют отмеченные мной в его поэзии многочисленные черты, которые я назвал «милетскими» и «антигераклитовскими», что в своих подсознательных глубинах человеческие души могут обнаруживать единство через, казалось бы, непреодолимые расстояния веков и стран? И не относится ли родство Тютчева с Фалесом и Анаксимандром к тому же самому классу явлений, что и родство Пушкина с Гераклитом? Ведь в последнем-то случае *сознательное* воспроизведение огненной Гераклитовой традиции нацело исключено хотя бы уже по одному тому, что Пушкин-мыслитель глубоко отрицательно относился ко всякой натурфилософии как таковой.

Внутреннее родство душевных конституций^{7*} и порождаемые им аналогии в образах подсознательного мышления не считаются ни с различием культурных уровней, ни с историческими и географическими расстояниями. Случалось же (это ведь твердо установлено наблюдениями психиатров!), что больные негры Центральной Африки бредили античными мифами, о которых в сознательной своей жизни они никогда и ничего не слышали! В конце концов человечество, может быть, гораздо более едино, чем мы привыкли думать...

... На предыдущих страницах я попытался разглядеть, куда уходят корни тютчевских поэтических созерцаний первого периода.

Некоторые из ранних воззрений поэта, как мы отчасти уже видели и увидим еще в дальнейшем, сохранились и в натурфилософских стихах второй половины его жизни. Однако основной лад тютчевской поэзии тут уже существенно отличен от прежнего; пусть вода и огонь сохранили для него свою прежнюю эмоциональную окраску, главный акцент его творчества направлен теперь на человеческую душу, а не на природу.

Но, прежде чем переходить к этой эпохе, я остановлюсь ненадолго на натурфилософии промежуточного этапа, по времени соответствующего примерно 1850 году.

В прошлом письме я говорил, что этот переломный год, творческой вершиной которого являются «Два голоса», был ознаменован бесповоротным разрывом Тютчева с натуралистической религией молодых лет; при этом наряду с некоторыми элементами христианства и платонизма (роль которых стала, однако, значительной лишь во втором периоде его творчества) мы встречаемся

^{7*} Допущение более скромное, чем признание некоего надвременного и общечеловеческого «резервуара душевности», существование которого предполагается некоторыми мыслителями⁹⁰.

Самосознание

Свѣтлая Ночь на небосклонъ взошла
 И дѣнь оугадать, день или ночь,
 Какъ жаркимъ покровомъ она свѣла
 Покровомъ накинута надъ бѣдѣи —
 И какъ видѣти, видѣний Миръ у насъ .....
 И Пеловкю, какъ Перомъ бѣды, какъ,
 Стоиши теперь и немыслишь и вѣшь
 Лишь бы къ лицу, ^{кстати} ~~кстати~~ ~~кстати~~ ~~кстати~~

Какъ сама Сѣбъ накинута въ —
 Западнее или и Мисетъ вѣдромъ —
 И дѣнь Свѣи какъ въ бѣдѣи ~~кстати~~
 И дѣнь Свѣи оной ~~кстати~~ .....
 И Судити давно ~~кстати~~ Свѣи
 Лишь ~~кстати~~ ~~кстати~~ .....
 И восторжи, пера ~~кстати~~ ~~кстати~~
 Отъ ~~кстати~~ ~~кстати~~ ~~кстати~~

«СВЯТАЯ НОЧЬ НА НЕБОСКЛОН ВЗОШЛА...»

Автограф, конец 1840-х — 1850 г.

Первоначальное заглавие — «Самосознание» — зачеркнуто автором
 Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

тут с утверждениями, близкими к скептического оттенка субъективному идеализму, чуждому поэту как раньше, так и потом.

Всего ярче это можно показать путем сравнения двух прославленных тютчевских стихотворений, написанных на одну и ту же тему. Первое из них — «День и ночь» — относится к 30-м годам (I, 98), а второе — «Святая ночь на небосклон взошла...» (носившее первоначально название «Самосознание», впоследствии снятое, — I, 118; 387) — к роковому для Тютчева 1850 году⁹¹.

В обоих стихотворениях утверждается одно и то же: дневной мир — это всего лишь «золотой покров»; более глубокой реальностью является ночь с ее «страхами и мглами».

Редкая даже для Тютчева ежатость, мощь и *подлинность* выражения делают «День и ночь» одним из самых «магических» во всем творческом наследии поэта стихотворений. Вряд ли можно сомневаться, что в основе его лежит действительное переживание ночного ужаса.

Но как осмыслено Тютчевым это переживание, в какую вылилось оно мифологему?

Оказывается, мы встречаем здесь отдающий самой глубокой древностью (в чем он подобен и многим другим, рассмотренным нами раньше вещам) рассказ о том, что боги создали златотканый покров дня, чтобы скрыть ужасающую и людей, и их самих «безымянную бездну» ночи^{8*}.

Как и раньше, я не буду задаваться вопросом, какими путями эта архаика пришла к Тютчеву и воскресла в свежем и мощном звучании его стихотворения. Но вот краткое и исчерпывающее свидетельство историка философии об античном прототипе этого мифа: «Боги с Зевсом во главе трепещут перед низшими подземными силами, перед темной теогонической бездной ночи»⁹².

Мифический образ ночи, конечно, сродни образу Хаоса, а вместе с последним мы опять и опять вспоминаем здесь то Беспредельное, которое было, по-видимому, центральным понятием натурфилософских интуиций молодого Тютчева. «Безымянная бездна» (I, 98) — это просто другое наименование Беспредельного, поэтический синоним его. Недаром и в других стихах Хаос и Беспредельное почти всегда связаны у Тютчева с ночью (см., например, «Видение», «Как океан объемлет шар земной...», «Сон на море», «О чем ты воешь, ветер ночной...», «Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» — I, 17, 29, 51, 57, 74). Таким образом, «День и ночь» превосходно вписываются в общую «милетскую» схему поэтической натурфилософии молодого Тютчева.

Но мы уже знаем, что с 1850 г. Тютчев решительно и навсегда порвал с натуралистическим «язычеством». Поэтому поэтическую интуицию ночного ужаса как одно из основных и глубочайших своих переживаний он должен был попытаться осмыслить заново, выразить в «терминах» своего нового миропонимания. Так появилось стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...», первоначально называвшееся «Самосознание».

Разумеется, в новом стихотворении уже нет места натуралистическим божествам Олимпа, устрояющим день, потому что вместе с человеком они боятся ночного Хаоса.

В стихотворении «День и ночь» «златотканый покров» дня, поскольку он наброшен «высокой волею богов», был все-таки какой-то объективной реальностью, пусть и низшей степени, чем «безымянная бездна» (I, 98); но теперь, когда богов не стало, день превратился просто в видение человека, в его умственную иллюзию: «И, как виденье, внешний мир ушел», а вместе с ним и «уразднен ум», существовавший для поддержания этой иллюзии (I, 118).

Больше того, и сама ночь тоже оказывается порождением человека, вернее, его темной родовой души, ибо

И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое,

— ему открывается, что ночь — в нем самом.

И ночной ужас объясняется теперь тем, что, когда иллюзорная игрушка ума — дневной мир — исчезает, то человек остается *без внешней опоры*, погруженным в «темную пропасть» своей собственной одинокой души:

В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела.

Итак, вместо «мистического материализма». «Дня и ночи» мы встретились теперь с отчетливо противоположным взглядом — с крайним субъективизмом

^{8*} День — «Друг человек и богов» (I, 98); отсюда видно, что сокрытие ночи было нужно и тем и другим.

почти солипсизмом... И мы видим теперь, как многозначительно было первоначальное название этой вещи — «Самосознание», и вполне понятны вместе с тем причины, по которым Тютчев снял потом это название: в дальнейшем он отказался от субъективизма и попытался перейти к близким Платону взглядам на природу. Но об этом я надеюсь поговорить когда-нибудь в дальнейшем.

В заключение же этого письма я вернусь ненадолго от переломного 1850 года к первой, «милетской» эпохе Тютчева. Мне хочется отметить несколько философско-поэтических образов, принадлежащих более поздним, уже не милетским, античным мыслителям, — образов, которые напрашиваются на сравнение с отдельными тютчевскими стихами. Но, в отличие от всех рассмотренных ранее соответствий, в которых, благодаря их многочисленности и внутренней согласованности, я склонен видеть нечто гораздо более глубокое, чем случайное совпадение, следующие ниже сопоставления, в силу «одинокости» соответствующих мест у Тютчева, не могут претендовать ни на что другое, как на установление аналогий, возможно, совершенно внешних. Настаивать на существовании какого-то воскрешения древней традиции мысли было бы тут, по меньшей мере, рискованно.

Итак, перечислю эти аналогии.

Напомню, во-первых, очаровательный образ из раннего стихотворения «Cache-cache», о котором я как-то уже упоминал вам:

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

(I, 15)

Аристотель пишет: «Душа, по Демокриту, есть огонь и теплота; круглые атомы он называет огнем и душою; таковы те воздушные пылинки, которые виднеются в солнечных лучах, падающих через окна...»; «То, что говорится у пифагорийцев, имеет, по-видимому, тот же смысл. Некоторые из них утверждают, что душа есть солнечная пылинка, другие — что она есть то, что движет эти пылинки...»; «Весь воздух проникнут этими частицами»⁹³. А в следующей строфе появляется бабочка — тоже античный образ души, Психея.

Пусть все это — *только аналогии*. Но разве не любопытно встретить их у поэта XIX века?

Следующее сопоставление кажется мне несколько более серьезным. Оно относится к одному из самых излюбленных образов Тютчева, уже приведенному мной в двух его воплощениях. В одном из них («Как океан объемлет шар земной...») он выражен так:

И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

(I, 29)

И почти так же в «Лебеде»:

И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

(I, 26)

Основным впечатлением, описываемым в обоих случаях, является созерцание *совершенной сферы*, образующейся из звездного небосвода и его отражения в тихой воде. Несомненно, что эта сфера представлялась Тютчеву как высшее из всего, что можно увидеть в мире и, может быть, как символ чего-то еще высочайшего. И тут совершенно произвольно напрашивается аналогия со «сферосом» Эмпедокла, символизировавшим первоначальное совершенное бытие, полноту и гармонию всех стихий, включающую в себя и материальное и духовное начало мира⁹⁴.

Наконец, еще одно, последнее, кажется, сопоставление. Начну с цитаты из Трубецкого: Пифагор «выдавал свое учение за тайное, ибо сознавал, что пред-

чувствуемую им *скрытую истину вещей он не может выразить*». (Примечание: «Отсюда и объясняется общеизвестное пифагорейское правило молчания») ⁹⁵. Тютчевское стихотворение «Silentium!» кажется развернутым комментарием к этой цитате.

Но повторяю еще раз: все это лишь отдельные, отрывочные черты сходства, а может, и чисто внешние совпадения. В главном же, в основном, в течение первого периода своего творчества Тютчев был верен древним милетцам, — или, лучше сказать, был им чудесным образом, до странности близко родствен...

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО И ДРУГИХ ПИСЕМ

... Так как вы не слишком одобрительно отнеслись к моему взгляду на стихотворение «Ты, волна моя морская...», то я позволю себе остановиться на нем подробнее.

Я отлично понимаю всю огромную меру моей самонадеянности и поэтому не без смущения решаюсь возражать вам. Но я — простите за легкомыслие — слишком уверен в своей правоте. Судите сами.

Начнем с заглавия. Как я знал из примечаний к изданию 1965 г., «Mobile comme l'onde» в прижизненных публикациях печаталось в виде заглавия (I, 400) — и мне не совсем понятны мотивы, по которым оно превратилось в эпиграф, — но это пока в сторону.

«Непостоянная, как волна», — так вы сами переводите это французское заглавие (I, 148), хотя с равным правом ведь можно было бы перевести: «Непостоянный (или — непостоянное) как волна», — не правда ли? Но мы с вами ясно понимаем, что здесь годится только женский род — ибо «волна» представлена в стихотворении как ярко индивидуальное женское существо.

Так вот — каков же был бы смысл этого заглавия (или эпиграфа, если угодно), если бы речь шла *только* о настоящей морской волне? Зачем в нем стояло бы «как»? «Как волна», это значит — *не* волна, а что-то другое, только подобное ей. Из текста же мы отчетливо чувствуем, что это другое — женщина. Мы видим ее «своенравный» характер — она то весела, то яростна; то шепчет слова ласки и любви, то буйно ропщет и стонет. И сразу мы вспоминаем письмо Тютчева Георгиевскому по поводу смерти Е. А. Денисьевой: «... Я помню, раз как-то в Бадене < ... > она так мило, с такой любовью созналась, что так отрадno было бы для нее, если бы во главе этого издания стояло ее имя...» (NЗ). Это — «Тихий шепот, // Полный ласки и любви». — Б. К.); «Я, не знаю почему, высказал ей какое-то несогласие < ... > За этим последовала одна из тех сцен, слишком вам известных, которые все более и более подтачивали ее жизнь и довели нас — ее до Волкова поля...», «Сколько раз говорила она мне, что придет для меня время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния...» (NЗ). «Стоны вещи твои...» — Б. К.); «Я, вероятно, полагал, что так как любовь ее была беспредельна, так и жизненные силы ее неистощимы...» (NЗ). «Чудной жизни ты полна!» * — Б. К.); «на все ее вопли и стоны отвечал ей этою глупою фразой: „Ты хочешь невозможного...“». ⁹⁶

Ведь в этом письме о Денисьевой повторено буквально все, что сказано в стихотворении о волне: сначала шепот любви и ласки, потом сейчас же «буйный ропот» и «вещие стоны»... Вдобавок из письма явствует, что эти так ярко описанные бурные переходы чувств были обычным для Елены Александровны явлением, а не какой-то единичной, случайной вспышкой.

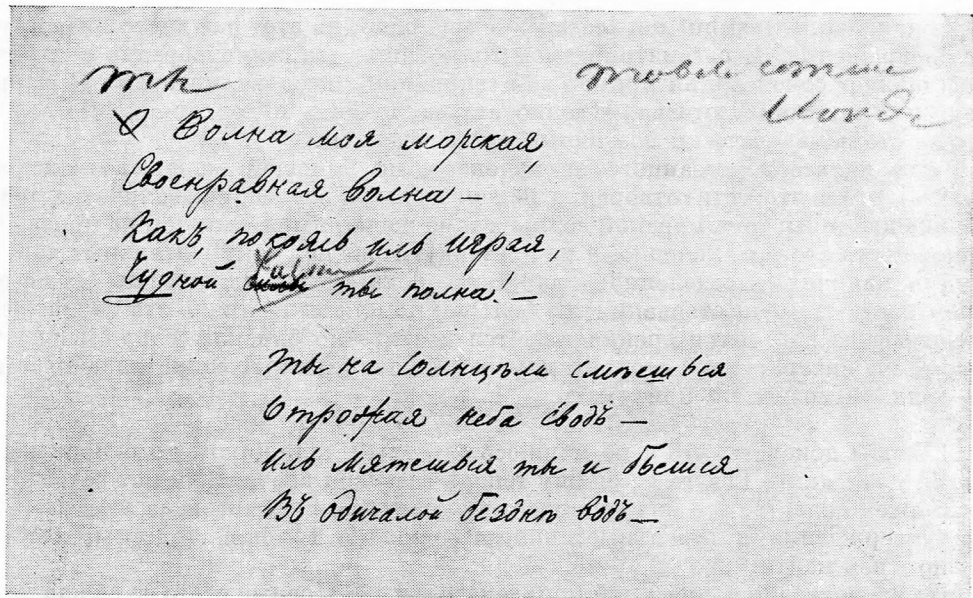
Ну а дальше?

Не кольцо, как дар заветный,

В зыбь твою я опустил...

* Вариант: «Чудной силы ты полна!» (I, 257) — еще более подкрепляет глубокую аналогию между стихотворением и письмом.

«ТЫ, ВОЛНА МОЯ МОРСКАЯ...»

Копия (начало стихотворения) в тетради Н. В. Сушкова (в этой тетради содержатся стихи, собранные Н. В. Сушковым в начале 1850-х годов для задуманного им издания стихотворений Тютчева)

Правка рукой Тютчева; им же вписан эпиграф: «Mobile comme l'onde» («Непостоянная, как волна»)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Неужели у такого тонкого и, прежде всего, скромного человека, каким был Тютчев, оказался столь дурной вкус, что он смог бы приравнять себя тем ежегодно обручавшимся с Адриатикой венецианским дожам, о которых он года за два до этого писал? Зато по отношению к Денисьевой рассматриваемая фраза звучит простым и честным признанием печальной истины: ведь ей-то он подарить обручальное кольцо действительно не мог!

И, наконец, последняя строфа:

Нет — в минуту роковую,
 Тайной прелестью влеком,
 Душу, душу я живую
 Схоронил на дне твоём.

(I, 149)

Можно очень любить море, можно даже желать «потопить всю свою душу» в его обаянии. Но невозможно говорить о любви к нему, вспыхнувшей *вдруг*, в какую-то «роковую минуту». Это — психологическая бессмыслица, тогда как любовь к живому человеку часто, как известно, начинается внезапно; и нет сомнения, что *эта* любовь Тютчева была поистине роковой, и так он ее и называл не раз сам. В частности, о начале ее он писал: «С того блаженно-рокового дня...» (I, 201).

Кстати, в свете сказанного мною вполне понятно, почему Л. Толстой поставил знак вопроса около последних строк «Mobile comme l'onde»⁹⁷: он почувствовал, что рассматриваемые не метафорически, они лишены смысла. Думается мне, что и отсутствие заглавия на автографе, может быть, было связано с первоначальным нежеланием Тютчева способствовать раскрытию этого поэтически полужашифрованного смысла; а появление французского заглавия в печати — с уступкой какому-либо требованию со стороны Елены Александровны, вроде тех, которые были описаны в цитированном письме к Георгиевскому. Но это, разумеется, только догадка.

И, наконец, — *last but not least* ^{2*} — еще одно, на этот раз чисто литературное соображение. В рассматриваемом толковании это стихотворение как целое представляет собой яркий пример той «вибрации смыслов», которая так характерна для поэтики Тютчева. Именно эта «вибрация» и делает «*Mobile comme l'onde*» столь человечески поэтичным произведением.

Разве из всего сказанного не вытекает, по меньшей мере, возможность считать, что в этом стихотворении переплетены, а вернее, символически слиты воедино две темы: тема морской волны и тема женщины? Более чем на признание возможности этого я, конечно, и не претендую: раз нет документальных доказательств наличия определенного адресата, речь может идти лишь об оценке вероятности его существования, не больше; но для меня лично эта вероятность с биографической точки зрения кажется достаточно близкой к достоверности; с чисто же литературной стороны другое толкование этого стихотворения вообще вряд ли возможно придумать.

...Чтобы доказать, что я не являюсь злостным должником по отношению к взятой у вас книге Грэгга ⁹⁸, опишу теперь вам свои впечатления от нее.

Должен сказать, что она мне очень понравилась, несмотря на многие спорные утверждения и отдельные, иногда довольно грубые, ляпсусы, которые можно в ней найти.

Что же показалось мне в ней привлекательным? Прежде всего ее общая установка: взгляд на поэзию Тютчева как на «зеркало души», а не как на выражение некой единой, цельной, раз навсегда сложившейся и никогда не претерпевавшей изменений системы философских воззрений. «Зеркало души» — это неизвестное мне раньше великолепное определение, данное Достоевским поэзии Тютчева ⁹⁹, — и есть то самое, что я подразумевал, говоря об абсолютной подлинности, искренности поэтического творчества Тютчева, об отсутствии у него искусственно выдуманного «лирического героя» ^{3*}.

Новым же для меня в подходе Грэгга явилось утверждение более интуитивного, более подсознательного характера тютчевского творчества, чем это обычно допускалось. И думаю, что Грэгг в этом отношении прав; большинство прежних исследователей, видимо, чрезмерно интеллектуализировало тютчевскую поэзию. Грешил этой чрезмерностью и ваш покорный слуга в его первоначальных попытках нащупать античные корни тютчевских поэтических воззрений. Лишь после того, как я вспомнил о найденном уже давно «родстве» Пушкина с Гераклитом ¹⁰¹, а в особенности после чтения Грэгга, я пришел к заключению, что вернее было бы обнаруженные мной у Тютчева глубокие и разносторонние аналогии с натурфилософией древних милетцев приписать скорее внутреннему сходству, чем сознательному заимствованию. Да к тому же ведь такое внешнее заимствование, в сущности, даже весьма мало правдоподобно: конечно, Тютчев мог знать о милетцах (и я думаю, что действительно знал), но вместе с тем несомненно, что ему должны были быть не менее хорошо знакомы — из книг или из разговоров, все равно, — десятки других, более развитых и совершенных философских систем древности и нового времени. И тем не менее он «остановился» на Фалесе и Анаксимандре. Почему? Да просто потому, что был внутренне родствен им. Именно в этом все дело. Любопытно, что это хорошо почувствовал в свое время А. Белый, назвавший однажды Тютчева «архаическим эллином» ¹⁰².

Но возвращаясь к Грэггу. Помимо общей концепции, мне понравились у него и многие отдельные мысли и наблюдения. В частности, очень интересным

^{2*} Последнее по месту, но не по значению (*англ.*). — *Ред.*

^{3*} Может быть, не менее ярко, чем Достоевский, выразил ту же основную черту тютчевской поэзии — ее глубочайшую духовную подлинность — И. С. Аксаков, сказав о ней: «...личного напоказ, ничего для виду, ничего предвзятого, заданного, деланного, сочиненного». И еще: «У Тютчева деланного нет ничего: все творится (...) Мы разумеем здесь, конечно, лучшие произведения Тютчева, те, которыми характеризуется его стихотворчество, а не те, которые, уже в позднейшее время, он иногда заставлял писать себя на известные случаи вследствие обращенных к нему требований и ожиданий» ¹⁰⁰.

M.

— 189 —

LVI

Ты, волна моя морская,
Своейравная волна,
Какъ, покоясь или играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце-ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ? —

Сладокъ мнѣ твой тихій шопоть,
Молный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны вѣщіе твои.

Будь вѣрна стихіи бурной —
То угрюма то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

— 190 —

Не кольцо, какъ даръ завѣтный.
Въ зыбь твою я опустилъ,
И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Нѣтъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живу
Схоронилъ на днѣ твоёмъ.

1852.

ПОМЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО НА ПОЛЯХЪ СТИХОТВОРЕНИЯ «ТЫ, ВОЛНА МОЯ МОРСКАЯ...»:
«Т(ютчев)!»

Им же отчеркнуты и отмечены вопросительным знаком последние две строки стихотворения

В книге: «Сочинения Ф. И. Тютчева». СПб., 1886

Музей Л. Н. Толстого, Москва

показалось мне развитие взглядов Потебни на Тютчева, как на пример человека с «двуязычным мышлением», и сделанные отсюда выводы о причине слабости злободневно-политических русских и лирических французских стихов Тютчева. По-моему, все здесь получилось у Грэгга очень стройно и убедительно¹⁰³.

Правдоподобным мне кажется и вывод из хронологического рассмотрения стихов Тютчева об охлаждении его к Е. А. Денисьевой со второй половины 50-х годов; и уж, разумеется, я обрадовался, увидев у Грэгга подтверждение моего мнения о принадлежности к «денисьевскому» циклу стихотворения «Ты, волна моя морская», о бодлеровском духе «Близнецов» и ряд других совпадений с моими догадками¹⁰⁴.

По-видимому, и соображения Грэгга о природе тютчевского творчества как «отдушины» для выражения некоторых подсознательных его переживаний, хорошо подкреплённые свидетельствами из писем поэта и из воспоминаний о нем¹⁰⁵, должны быть учтены при биографической интерпретации его поэзии; то же, мне

кажется, справедливо и по отношению к выяснению характера самих этих подсознательных стимулов. Я имею в виду чувства «сиротства» и вины перед Россией, покинутой Тютчевым на долгие годы, а также раскаяния его после частых любовных измен¹⁰⁶.

Но многое у Грэгга вызывает и возражения. В частности, в подавляющем большинстве случаев он необоснованно следует Чулкову в выборе канонических текстов, игнорируя ваши последующие, почти всегда, по-моему, справедливые уточнения. О недостаточной чуткости Грэгга к подлинной поэтической манере Тютчева свидетельствует его протест против исключения из тютчевских текстов плохой подделки «Я не ценю красот природы». Но что требовать от иностранца, когда ту же ошибку совершил и Чулков, по-видимому, почти поверивший в авторство Тютчева!^{4*}

Наивны мотивы, по которым Грэгг отказывается считать Тютчева поэтом-философом^{5*}: они сводятся главным образом к необоснованной претензии, чтобы философ не имел права в течение всей своей жизни менять свои взгляды (а как быть тогда, скажем, с Кантом?), отчасти же к неверному толкованию некоторых тютчевских стихов (например, «Mal'aria») в христианском духе¹⁰⁸.

В особенно вопиющем контрасте с прокламированным Грэггом историческим подходом к поэтическому творчеству Тютчева находится приведенный на с. 24 грэгговской книги список якобы неразрешимых противоречий во взглядах поэта; я приведу его здесь полностью¹⁰⁹: «природа — одушевленное, осмысленное целое (2) и природа — сфинкс без загадки (3); Бог существует, и его правда видима для всех (4) — Бога нет (5); Хаос привлекает поэта (6) — Хаос отталкивает его (7); сущность России есть ее глубокое христианское смирение (8) — русская военная мощь расширит ее границы от Нила до Эльбы (9)».

Но ведь все эти противоречия, за исключением (6) — (7), полностью снимаются тем, что сопоставляемые Грэггом стихи принадлежат совершенно разным периодам творчества Тютчева! В самом деле, ссылка Грэгга (2) — «Не то, что мните вы, природа...» относится к «языческому» 30-м годам, а ссылка (3) — «Природа — сфинкс...» — к 60-м; далее, ссылка (4) — «Свершается заслуженная кара...» — к 1867 г., в то время как (5) — «И чувства нет в твоих очах...» — опять-таки языческие, антихристианские 30-е годы. Наконец, ссылка (8) — «Эти бедные селенья...» приходится на 1855 г., т. е. на время Крымской войны, вызвавшей у Тютчева полную переоценку николаевской эпохи, тогда как ссылка (9) — «Русская география» — принадлежит 1848—1849 гг., когда поэт, потрясенный революционными событиями на Западе, все свои надежды возлагал на охранительные силы Российской империи, достигшей в те годы призрачной вершины своего могущества.

При историческом подходе единственно правомерным для выявления внутренних противоречий в поэтическом мирозерцании Тютчева было бы сопоставление стихотворений (6) — «О чем ты воешь, ветр ночной...» и (7) — «День и ночь», ибо и то и другое, действительно, относятся к одной эпохе — к 30-м годам. Но между ними нет никакого философского противоречия! В обоих

^{4*} Чулков пишет: «Точность текста мы проверить не могли. Поэтому относим стихи к отделу Dubia, хотя иные строчки в песне несомненно „тютчевские“»¹⁰⁷. Но наличие почти списанных у Тютчева отдельных строк и оборотов только усугубляет уверенность в подделке, настолько бездумно выполнение стихов и такой нетютчевский в них поворот темы — если сравнить их с подлинными его вещами примерно того же периода, скажем, с «Утихла биза...» или «О этот Юг...». Я не говорю уже о крайней неправдоподобности «поднесения» Тютчевым полужаконому и, по-видимому, малопривлекательному для него человеку столь интимных стихов.

^{5*} Я, конечно, тоже не причисляю Тютчева к касте присяжных философов, да и никто, наверное, этого не делает, так как в отвлеченно философскую сферу (скажем, в онтологию или гносеологию) он не вложил ничего или почти ничего оригинального. Но ведь не в этом же заключается цель и смысл философской лирики!

Если уж попытаться грубовато-терминологически определить ее область, то я сказал бы, что такая лирика должна соседствовать вовсе не с метафизикой, а скорее с *метаспихологией*. Она — орган не ума, а мудрости; ее метод — не дискурсивный, а эмпирический; задача ее — свидетельствовать, а не рассуждать. И сколько таких гениальных свидетельств высшей внутренней правды хранят стихи Тютчева!

утверждается одно и то же: высшей реальностью является живой, самодвижущийся Хаос, или Беспредельное, в котором, как это видно из (6), суждено раствориться каждому индивидуальному существованию. А что этот процесс растворения души в Беспредельном мог или даже, вернее, должен был одновременно и привлекать, и страшить поэта, для каждого внимательного читателя его стихов есть психологически самоочевидная истина. Это — естественное противочувствие, а вовсе не логическое противоречие. И лежит оно, кстати, внутри стихотворения (6), а не между (6) и (7), как представляется Грэггу.

Так устраняются все мнимые примеры философской непоследовательности, замеченные Грэггом у Тютчева. В действительности эти примеры отражают вовсе не минутные прихоти его настроений, а катастрофический характер развития его мировоззрения.

И вот тут я подхожу к главному упреку, который мог бы высказать Грэггу (и о котором я, кажется, однажды уже упоминал вскользь): решив проследить *историческое развитие* поэтического творчества Тютчева, Грэгг не заметил глубокого перелома во взглядах великого лирика, перелома, который произошел около 1850 г. В связи с этим Грэгг не смог почувствовать и той философской цельности, которая свойственна всей первой половине зрелого творчества поэта.

Все это и многое другое, неудачное или ошибочное, не мешает книге Грэгга быть значительной. А, главное, прочтя ее, с радостью сознаешь, что Тютчев (в той мере, в какой это вообще возможно для чистого лирика) стал поэтом общечеловеческого, общемирового значения, чего он заслуживает, во всяком случае, не меньше других наших великих поэтов.

...Чтобы сделать это письмо совсем пестрым, я хочу присоединить сюда еще краткий отчет о моих наблюдениях над изображением цвета у Тютчева (и параллельно у Пушкина¹¹⁰). Предварительно замечу, что мной учитывались все слова, характеризующие цвет, к какому бы классу они ни относились грамматически (существительные, прилагательные, глаголы и т. д.) Я рассмотрел под этим углом зрения все оригинальные стихи Тютчева и лирику Пушкина (считая и «Песни западных славян») с 1820 по 1836 г.

Численный подсчет дает количественное подтверждение непосредственно очевидной разницы в колоризме обоих поэтов: у Тютчева одно «цветовое» слово приходится примерно на 15 стихотворных строк, у Пушкина — примерно на 45. Если же исключить резко выделяющиеся по колоризму из остального пушкинского наследия стилизованные «Песни западных славян», то для остальной лирики Пушкина указанного периода мы получим примерно соотношение 1:50. Таким образом, Тютчев использует цвет более чем в три раза чаще, чем Пушкин.

Но еще важнее качественные различия цветовой палитры у обоих поэтов. Строгая графичность лирики Пушкина выступает в огромном преобладании черного и белого (в том числе серебряного) — 45 и 42 раза соответственно — над всеми цветами, кроме разных видов красного (в том числе розовый, румяный, алый, кровавый, багровый и т. д.) — 37 раз, а вместе с желтым — 45 раз^{6*}. Остальные же цвета встречаются гораздо реже. Так, синий, голубой и лазурный я встретил всего 27 раз; зеленый 16 раз; пестрый 3 раза; серый (сивый, свинцовый) — 3 раза; бурый — 1 раз, радугу — 1 раз.

Обращает на себя внимание полное отсутствие составных цветовых эпитетов (типа «темно-голубой», «зеленовато-синий»), т. е. пренебрежение оттенками цветов^{7*}. Кроме того, значительная часть определений цвета относится не к картинам природы, а к человеку, к его одежде и предметам быта. Отсюда можно с уверенностью заключить, что для Пушкина — в его лирике — природа выступала главным образом в виде черно-белой графики (*blanc et noir*).

^{6*} Это ли не объективное свидетельство того, что огонь (красное и желто-золотое) был излюбленной стихией Пушкина!

^{7*} Единственное в лирике Пушкина исключение, о котором напомнили мне вы, мы встречаем в строчке «Свод небес зелено-бледный»¹¹¹, но и здесь задачей было не столько создание живописного эффекта, сколько прорина: «Скука, холод и гранит» Петербурга подчеркиваются болезненным цветом его неба.

Тютчевская палитра организована совершенно иначе. Из всех цветов излюбленным у него является лазурный — 22 раза, а вместе с голубым и синим — 39 раз. Это, конечно, связано с огромной ролью, какую играют в поэзии Тютчева небо и воды. На следующем месте стоят почти равные по числу красный цвет в разных его оттенках (пурпур, рубин, алый, багряный, румяный и т. д.) — 18 раз, зеленый — 16 раз и разные оттенки желтого и золотого — 16 раз. Далее идет белый цвет — 12 раз, радужный — 9 раз, сизый — 5 раз, черный — всего 3 раза, стальной и свинцовый — по 2 раза и различные другие оттенки серого (по одному разу).

Характернейшей чертой тютчевского колоризма является, во-первых, широкое употребление сложных цветовых определений, иной раз весьма причудливых и всегда выражающих стремление к наиболее индивидуализированной передаче впечатления от оттенков цвета, вроде, например, «туманисто-белый», «мглисто-лилейный», «тускло-рдяный», «темно-лазурный», «бледно-голубой» (I, 28, 86, 122, 127; II, 179) и т. д.

Далее, обращает внимание глубокая *метафоричность* тютчевских определений цвета. Очень редко он употребляет прямое его название. Так, слово «красный» я встретил у него единственный раз, да и то в метафорическом и двойственном по смыслу значении: огонь — «словно красный зверь какой» (I, 213). Зато мы встречаем у него и «благоухающий рубин» плодов (II, 47), и «кровь» винограда, сверкающую «сквозь зелени густой» (I, 21), и «пасмурно-багровый» бурный вечер (I, 127), и «кровавый» закат звезды Рима (I, 36), и т. д. То же верно и по отношению, скажем, к серому цвету: слово «серый» не нашел я у него ни разу, зато есть целая гамма тончайших его метафорических определений: стальной, свинцовый, сизый, седой, дымный, дымно-легкий, дымчатый, сизо-темный и т. п. «Желтый» встречается лишь дважды, но зато какое обилие метафорических эпитетов, его заменяющих: золотой, золотистый, пышно-золотой, огневой, огнецветный, янтарный, песчаный, ржавый...

Только основные тютчевские цвета: синева (лазурь, голубизна) и зелень — выражаются прямым образом. Это отчасти, может быть, связано с тем, что слово «зелень» уже само по себе метафорично, означая не только цвет, но и растительный мир; так же и «лазурь» или «синева» являются метонимическими определениями неба. А уж такой «цветовой» образ, как «лазурь души» (I, 207), уходит целиком в область символики.

Третья замечательная черта тютчевского колоризма заключается в очень частом изображении цвета в его изменении: «поголубел», «зазеленело» (I, 190); «И, словно скрытной страстью рдея, // Она < полоса зари. — Б. К. > все ярче, все живее...» (I, 202); воды «подернулись свинцом» (I, 127); восток «заалеет» (I, 43); в другом стихотворении восток сначала «белел», затем «алел», затем «вспылал» (I, 64); «пламенный» вечер «обрывает свой венок» (I, 127) и т. д. Словом, мы видим в стихах Тютчева интенсивную *динамику цвета*.

Все три указанные черты вполне соответствуют мифотворческому и символическому характеру тютчевской поэзии. При этом существенно, что все эти особенности изображения цвета остались неизменными от начала и до конца его творчества.

В заключение этой краткой сводки моих наблюдений я хотел бы отметить как наиболее типично-тютчевские два цветовых его слова: «радужный» («радуга») и «сизый». У других поэтов они либо совсем отсутствуют, либо встречаются очень редко. Оба они являются как бы «мажорным» и «минорным», «дневным» и «сумеречным» выражением одной основной особенности тютчевского видения мира: цвета его переливчаты, зыбки, незаметно переходят один в другой, возникают и тают; атмосфера природных картин Тютчева насыщена влагой.

Отмечу еще, наконец, что, подобно древним, Тютчев не знает лилового цвета ни в одном из его оттенков (сиреневый, фиолетовый и т. п.). Но в этом он, насколько я могу судить, не отличается от всех остальных русских поэтов

досимволической эпохи. Лишь демонические лиловые миры Врубеля открыли для поэзии этот мрачный и «потусторонний» цвет^{8*}.

ИЗ ПЯТОГО ПИСЬМА

Всё во мне, и я во всем!..

Тютчев, 1830-е годы

Ты со мной и вся во мне.

Тютчев, 10 июля 1855 г.¹¹³

В своих предыдущих письмах я попытался показать, что статистика образов и анализ важнейших стихотворений позволяют определить Тютчева-поэта первого периода его зрелого творчества (т. е. с середины 20-х до конца 40-х годов) в религиозном отношении как политеиста и антихристианина; в философском — как «милетского материалиста»; в собственно поэтическом — как создателя замечательных мифов о природе. Наконец, в своем отношении к проблемам жизни и любви, поскольку это отражалось в его поэзии, он проявлял себя как довольно откровенный эгоцентрик и гедонист*.

Таким образом, в его стихах этих лет вырисовывается цельное и, надо признаться, весьма гармоническое при всей его очевидной ограниченности мировосприятие и мировоззрение. Коротко его можно определить одним словом — натурализм, понимая, конечно, этот термин в философском, а не в литературоведческом смысле (т. е. как взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый, исключаящий «сверхъестественное», универсальный принцип объяснения всего сущего).

Характерной чертой второго, заключительного, периода тютчевского творчества является, как мы видели, сознательный отказ поэта от язычества и стремление — опять-таки сознательное — основать свое поэтическое мировоззрение на христианско-платонических началах.

К попытке несколько более детального рассмотрения этого периода я и обращаюсь теперь.

Он явственно распадается на два этапа; граница между ними была положена смертью Е. А. Денисьевой в августе 1864 г. При жизни же ее поэтическое творчество Тютчева развивалось следующим образом.

Отречение от политеизма не привело поэта к немедленному и категорическому отказу от мифологического подхода к природе. Натуралистических божеств в стихах Тютчева больше нет — зато есть, пусть безымянные, но *живые* и не только живые, но и *одухотворенные* стихийные силы.

В этих стихах мы видим, как «Над волной темно-лазурной // Вечер пламенный и бурный // Обрывает свой венок» (1850 — I, 127), как «Обвеян вещею дремотой // Полураздетый лес грустит» (1850 — I, 128); мы узнаем, что «живые благовонья // Бродят в сумрачной тени» (1850 — I, 125); перед нами загораются «Чьи-то грозные зеницы» в «полном грозою» ночном небе (1851 — I, 138); мы слышим, как «опрометчиво-безумно» набегаёт летняя буря на лес и «как сове-

^{8*} Изредка, впрочем, попадает этот цвет у импрессиониста Фета, например: «За лесом лес и за горами горы // За синими лилово-голубые». Но у символистов он не случаен, а является одним из господствующих. Так, у Блока: «Фиолетовый запад гнетет, как пожатье десницы суровой»; или у Анянского: «По снегам бежит сиреневая мгла... и мн. др.¹¹²

* Из ранних любовных стихов характерны в этом отношении, например, «Ты любишь, ты притворствовать умеешь...» или «Двум сестрам». В строках, завершающих последнее стихотворение — «Твоя утраченная младость, // Моя погибшая любовь!..» (I, 33), — есть ли здесь хоть тень сожаления о той, что «утратила младость»? Его нет; есть только восхищение перед прелестью младшей сестры. См. также «В душном воздухе молчанье...», где ясно звучит наслаждение девичьими слезами, или полное эротика «Люблю глаза твои, мой друг...» (как мне кажется, во второй строфе говорится о глазах *другой* женщины; впрочем, вы с этим не согласны). Даже в стихотворении «1-ое декабря 1837», обращенном, по общему убеждению, к Эрнестине Дёрнберг, «прости», несомненно, означает всего лишь «прощай». Несколько все эти стихотворения отличаются по тону от тех, которые составляют страшный «достоевский» дневник любви Тютчева и Е. А. Денисьевой!

щаяся меж собой» «тревожно ронщут» деревья под ее «незримою пятой» (1851 — I, 140).

В стихотворении «Первый лист»^{2*} весенняя листва оказывается «живыми грезами» деревьев (1851 — I, 134); лес стоит, «околдованный» «чародейкою Зи-мою» (1852 — I, 153), и т. д. *Божеств* ни в одном из этих стихотворений нет; но зато каждое из них содержит рассказ о *живых существах*: вете-ре, лесе, буре, гро-зе, благовониях и т. д. Все эти мифы являются естественным продолжением та-ких, по-видимому, «доденисьевских» произведений, как «Неохотно и несмело...» (1849) или «Тихой ночью, поздним летом...» (1849), или «По равнине вод лазур-ной...» (1849).

В 1855 г. Тютчев пишет:

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.

(I, 160)

Здесь явно слышится эхо стихотворения о сумерках:

Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..

(I, 75)

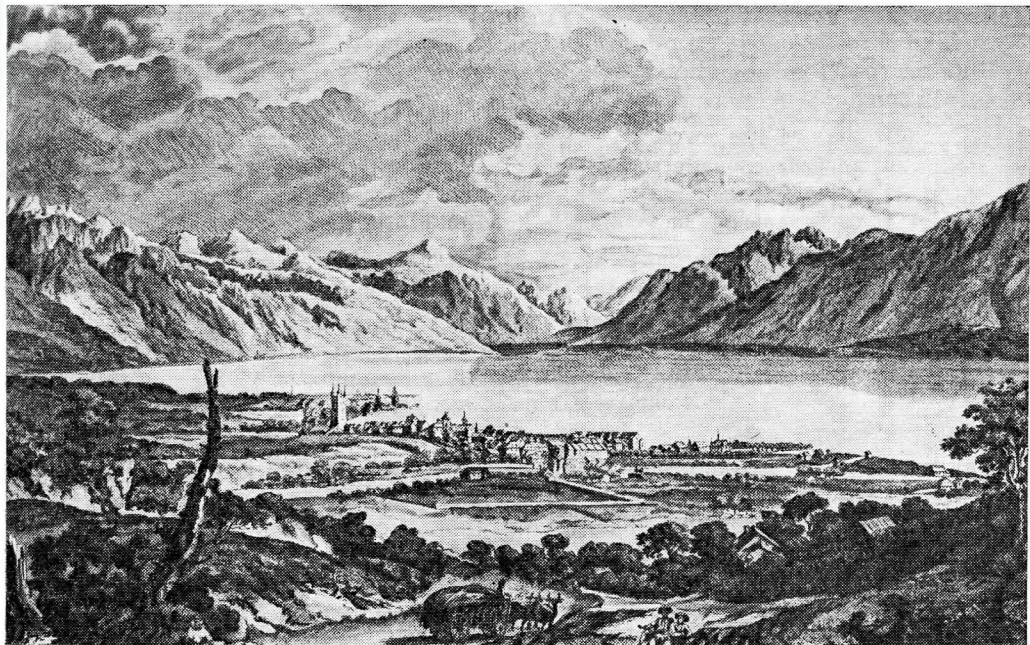
Новое стихотворение, конечно, гораздо слабее «Сумерек», и хотя оно посвя-щено той же теме слияния «Я» с миром, однако отличие его заключается не только в меньшей поэтической силе: суть в том, что автор теперь христианин, и, конечно, у него не может быть и речи о том, чтобы «вкусить уничтоженья» — дело ограничивается восклицанием «О, время, погоди!», повторяющим Фаусто-во «Остановись, мгновенье».

Все перечисленные стихи относятся к первой половине 50-х годов. Во второй их половине творчество природных мифов заметно ослабевает: теперь природа порою изображается Тютчевым «как таковая», с особой проникновенной объек-тивностью. Таковы, в частности, два стихотворения самого высокого совершен-ства — «Есть в осени первоначальной...» (1857) и «Осенней поздней порою...» (1858). Вся магия тютчевской поэзии сохранена в них, несмотря на отсутствие сколько-нибудь ясно выраженных черт анимизма.

Однако в те же годы мы встречаем и стихи с отчетливо мифологическим подходом к природе. Таково, скажем, стихотворение «Смотри, как ропа зе-ленеет...» (1857), где вершины дерев «бредят», погруженные в палящий солнеч-ный зной, а внизу, в тени и прохладе, вблизи ручья, от каждой ветки и листа «веет негой» (снова «вода» и «огонь» в их привычном для Тютчева противопоставлении!). Не лишены мифологического оттенка и стихи 1859 г. «На возврат-ном пути» и «Декабрьское утро». Но эта мифология — новая, в ней нет и тени прежнего милетского материализма 30-х годов. «Здесь человек лишь снится сам себе» (I, 179) — не правда ли, это чисто идеалистическая антитеза милетской философии?

В те же годы Тютчевым развиваются в ряде стихов мысли Платона о природе. Ярче всего (в смысле четкости формулировок, но не в смысле поэтического дос-тоинства) эти мысли выражены в стихотворении «И в нашей жизни повседнев-ной...», посвященном Е. Н. Анненковой (1859 — I, 184). Тут налицо все основ-ные черты Платонова учения, как оно обычно воспринималось романтиками: сияющий мир духовных сущностей-идей противопоставлен «тусклому» миру явлений; в этом мире явлений мы живем, «обреченные заключенью» (здесь, ко-нечно, нам вспоминаются пленники Платоновой пещеры, осужденные видеть

^{2*} Оно замечательно, между прочим, очень оригинальной строфической, напоминающей своеобразный 16-строчный вариант сонета: абВаб абВба гдЕЕдг.

ШВЕЙЦАРИЯ. ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО

Гравюра по рисунку Ж. Лебарбье

Из альбома: «Tableaux de la Suisse, ou voyage pittoresque fait dans les XIII Cantons (...)». Paris, 1784

лишь тени на ее стене!) ¹¹⁴. Далее говорится о знании — воспоминании о мире идей; кроме того, видно, что душою мы принадлежим не здешнему чувственному миру, а *тому* (миру идей) — не даром нам в нем «родственно легко», а *здесь* нас «томит тоска». Наконец, в последней строфе мы встречаем, едва ли не единственный раз в стихах Тютчева, и смутный намек на любовь как на нечто далекое «от земного», что в земной действительности мы можем, опять-таки, лишь вспоминать.

Платонизм чувствуется и в ряде других стихов Тютчева этого времени. Таковы, например, стихотворения «Хоть я и свил гнездо в долине...» (1860?) или «Я знал ее еще тогда...» (1861).

В первом стихотворении христианско-платоновская символика возвышенного (нога ступающих по снегам небесных ангелов зажигает блеском горные выси; наша грудь «жаждет горних» и т. д.) сочетается с исконным тютчевским пристрастием к влаге:

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам,—
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!

(I, 183)

Здесь, как в «языческие времена» Тютчева, фалесовская стихия знаменует собой высшее, очистительное начало. Так же и во втором стихотворении ранние годы жизни некой прекрасной, умершей в молодости девушки сравниваются с моментом,

Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

(I, 186)

Заключительная «платоническая» строфа последнего стихотворения могла бы звучать просто запоздалым романтическим графаретом, если бы не удивительная музыка всего стихотворения в целом. Отчасти эта музыка связана со сквозной открытой рифмой на «а»:

Я знал ее еще тогда,	И все еще была она
В те баснословные года,	Той свежей прелести полна,
Как перед утренним лучом	Той дорассветной темноты,
Первоначальных дней звезда	Когда незрима, неслышна,
Уж тонет в небе голубом...	Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
 Так совершенна, так цела,
 И так среде земной чужда,
 Что, мнится, и она ушла
 И скрылась в небе, как звезда.

(I, 186)

Такая рифмовка отнюдь не назойлива, ибо в двух первых строфах она оттеняется другими рифмами, причем — тонкий эффект! — в первой строфе 3-я и 5-я строки имеют закрытую рифму, во второй — открытую, но не на «а»; таким образом, полнота рифмовки осуществляется постепенно, достигая максимума в последней, третьей строфе, где все пять строк имеют окончание на «а». Но главное в стихотворении все же, пожалуй, полная очарования настоящая тютчевская свежесть языка. Чего стоит «дорассветная темнота» вместо привычной «предрассветной»!

Но последнее стихотворение является уже примером мифа о человеке, а не о природе. Еще раньше начиная с первой половины 50-х годов Тютчев обращается к созданию таких, не возникавших у него прежде, но зато более типичных для этого времени мифов о душе и любви. Таковы стихи: «Пошли, господь, свою отраду...» (1850), «На Неве» (1850), «День вечерет, ночь близка...» (1851), «Ты, волна моя морская...» (1852), «Сияет солнце, воды блещут...» (1852), «Последняя любовь» (1853?), «Пламя рдеет, пламя пышет...» (1855), «Она сидела на полу...» (1858) и др. В этих стихах природа играет гораздо более подчиненную роль, чем раньше, а в последнем стихотворении и вовсе отсутствует.

Ярким примером подчинения природы душе служит не только «Сияет солнце...», о котором я уже говорил в одном из прежних писем, но и такое, лишенное любовного оттенка, стихотворение, как «Сентябрь холодный бушевал...» (1863?). Здесь женское пение преобразует для поэта осень в весну: силы душевные преодолевают ход природных явлений.

Но, несомненно, самым существенным, самым многозначительным натурфилософским отличием рассматриваемого периода является то, что начиная с 1850 г. и до самой смерти Е. А. Денисьевой мы не встретим ни в одном тютчевском стихотворении выражения веры в жестокий Анаксимандров закон возмездия; нет даже беглого упоминания о нем. В этом *новом* мире Тютчева нет места смерти. Нет также здесь и столь явного в 30-е годы чисто созерцательного (чтобы не сказать резко) отношения к чужим страданиям и чужой душевной жизни вообще.

И если тогда, в молодости, самое, быть может, глубокое и самое интимное из тютчевских переживаний было выражено гениальной формулой: «Всё во мне, и я во всем», то теперь (причем вряд ли случайно тут и ритмическое, и структурное соответствие) мы встречаем столь же емкую и проникновенную формулу: «Ты со мной и вся во мне».

Эти две строчки кажутся мне при их сопоставлении величайшими поэтическими символами тютчевского творчества (а в следующем, более глубоком плане как бы и «прафеноменами» всего его духовного существования).

Первая формула насквозь эгоцентрична: здесь нет ни другой человеческой души, ни бога, нет ничего, кроме одинокого «Я», наслаждающегося не божест-

венной, не человеческой любовью, а успокоительно томным, тонко материальным слиянием со Вселенной.

Вторая формула молчит о Вселенной. Не говорит она и о боге: все драгоценное теперь сосредоточено для поэта в одном человеческом «Ты».

Если когда-нибудь Тютчев в его поэзии действительно душевно приближался к гармонии христианского типа, то это было через приведенные здесь слова любви к человеку.

Но мы знаем, что это приближение к христианству было трудным, неуверенным и, главное, непрочным^{3*}. Недаром в том же 1855 г. Тютчев написал: «О, вещая душа моя!..», где с огромной силой и искренностью выражено великое смятение его потерявшей цельность души:

Так, ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

(I, 163)

А после того, как умерла Е. А. Денисьева, хаос душевный не утих, но, напротив, усилился еще больше. В 1865 г. мы слышим

Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест,

(I, 268)

— протест против законов природы, против неизбежной смертности человека, против жестокой мудрости Анаксимандра. И тут снова в полной силе возрождается мифология природы — и мы видим глухонемых демонов, решающих в ночном небе свои темные дела (I, 205), видим «изнемогающую» радугу, чье видение

Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

(I, 204)

Вспыхнувшая вновь «посмертная» любовь к Денисьевой и тяжелые потери других близких — брата и детей, в том числе взрослой дочери, — заставляют не раз звучать в стихах Тютчева 1865—1872 гг. мотив скоротечности земного и любимого. Так, подтекст стихотворения «В небе тают облака...» есть противопоставление вечности природы и (подразумеваемой) бренности человека; в исключительной силе и простоте стихотворения, написанном на смерть брата, открыто провозглашается: «Бесследно всё — и так легко не быть!» (I, 224); наконец, в стихотворении, написанном 17 августа 1871 г., мы читаем, что люди — только «грёза природы», что их подвиг бесполезен и что их ждет «всепоглощающая и миротворная бездна» (I, 225). Старый Анаксимандр ожил.

№3 Здесь позволю себе маленькое отступление. Мотив «действительность — сон» проходит сквозь все эпохи творчества Тютчева, имея, однако, каждый раз новую окраску. В годы натуралистической религии мы узнаём, что бледные северные березы, мох и кустарник, все это — «лихорадочные грезы» усталой природы, погружившейся в «железный сон» (I, 34). Здесь природа как целое есть живое творческое существо. В «денисьевский» период весенняя листва оказывается воплотившейся грезой уже *самих деревьев*, а не природы, что вполне соответствует отказу от обожествления последней при сохранении анимистического подхода к ее явлениям («Первый лист», 1854). И человек на не-

^{3*} Кстати, стихотворение «Пламя рдеет, пламя пышет...», которое содержит только что процитированную удивительную «формулу любви», было последним посвящением, достоверно относящимся к Е. А. Денисьевой. До ее смерти должно пройти еще семь лет, и ни разу (если не считать сомнительного в смысле адресата и вдобавок совсем не любовного, а, напротив, выражающего горькое прощание с любовью стихотворения «Она сидела на полу...»), — ни разу больше не слышим мы голоса «последней любви» Тютчева. Она, эта любовь, просуществовала не более пяти лет! Впервые, кажется, со всей убедительностью это показал Грэгг¹¹⁵.

приятном севере опять-таки «лишь снится сам себе» (I, 179); он — не сон матери-Земли, Кибелы, Природы с большой буквы, а лишь грёза собственного сознания. В том же году платоновский мир идей предстает перед поэтом в виде «радужного сна» («Е. Н. Анненковой», 1859). К тому же циклу образов «действительность — сон» относится и страшная строфа, описывающая подавление Польского восстания (1863):

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

(II, 154)

Через четыре года после смерти Е. А. Денисьевой, стоя у берегов Невы, «как бы живой» (т. е. — *неживой*) поэт восклицает:

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

(I, 212)

И, наконец, этот цикл сновидческих образов завершается возвращением исповедания натуралистической философской догмы, но в самом мрачном ее воплощении, столь отличном от той радостной самоотдачи индивида Целому, которая не раз воспевалась Тютчевым в молодости:

Природа знать не знает о былом, Ей чужды наши призрачные годы, И перед ней мы смутно сознаем Самих себя — лишь грёзою природы.	Поочередно всех своих детей, Свершающих свой подвиг бесполезный, Она равно приветствует своей Всепоглощающей и миротворной бездной.
---	--

(I, 225)

Да, Анаксимандр воистину воскрес после смерти Е. А. Денисьевой! Но твердой уверенности у Тютчева нет больше ни в чем, даже и в правоте Анаксимандра. Тут же рядом, в те же годы, мы встречаем и платонические мечты о господстве духа над природой. Напомню, например, эти строки:

Словно строгий чин природы Предан был на эти дни Духу жизни и свободы, Духу света и любви.	Словно, ввек ненарушимый, Был нарушен вечный строй И любившей и любимой Человеческой душой;
---	--

(II, 180, 305)

или (из посвящения А. В. Плетневой):

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса...

(II, 225)

или, наконец, стихотворение «Памяти М. К. Политковской».

И все-таки, насколько больше верит сердце читателя старым тютчевским чудесам, которые творила природа в душе, чем всем этим как бы насильственно вложенным в слова судорожным попыткам заставить уверовать себя и других в чудеса, творимые душою в природе.

Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?...
Или то женская любовь?..

(I, 83)

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина Ф. А. Васильева (масло), 1872

Третьяковская галерея, Москва

— не правда ли, это простое весеннее чудо есть в то же время и настоящее чудо поэзии, чего, к сожалению, не скажешь относительно многих выше цитированных стихотворных посвящений. И недаром эти посвящения относятся к женщинам, чужим Тютчеву, вплоть до принцессы Дагмары, будущей царицы Александры.

Встречаем мы в последние годы не только попытки подчинить природу в христианско-платоническом стиле духовному началу, но и столь чуждый прежде Тютчеву безнадежно рационалистический взгляд на нее. Таково знаменитое, хотя и не легкое для понимания, четверостишие:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

(I, 220)

Я позволю себе слегка на нем остановиться. В чем, собственно, заключается «искус» природы? Чем губительна она для человека? Мне кажется, что этот сфинкс без загадки, природа без души губит человека, по Тютчеву, именно тем, что заставляет его ошибочно *поверить в ее душу* и — как следствие этого — ввергает его в соблазны пантеизма, отучает различать добро и зло... словом, воскрешает страстно отвергаемого теперь разумом прежнего молодого поэта-язычника.

Если учесть, что местами у позднего Тютчева проскальзывают еще и отзвуки пифагорейского взгляда на природу как на музыкально-организованный космос (ярче всего в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...», но также в стихотворении «Памяти Жуковского» и в некоторых других), то мы увидим, какое множество идейных наслоений легло на первоначальное мировосприятие Тютчева.

Природа — живой Хаос: так чувствовал и думал он раньше; так, видимо, продолжал он чувствовать и всю свою жизнь; но теперь рядом с этим мы слы-

шим от него, что природа — чуждый человеку с его страстями, но прекрасный космос; а может быть, природа — лишенный всякой загадки мертвый механизм; а может быть, наконец, она — тень царства идей. Таковы противоречивые ответы на всю жизнь мучивший Тютчева и так и не решенный им вопрос. Языческая душа его, измученная его христианской совестью, тщетно рвалась то туда, то сюда, лишь бы перестать быть самой собой. И, если ей это не удалось осуществить до конца, если древнее Беспредельное, стихия влаги (недаром сопоставляемая в некоторых учениях с женским началом) продолжали владеть ею, — то нельзя не восхищаться той правдой и мощью, с которой тютчевская поэзия отражала судорожную жизнь его души.

Достаточно очевидно при этом, что главная, идеалистическая струя в поздней тютчевской натурфилософии была, в отличие от первоначального его «милетства», явлением, шедшим не столько из глубины души поэта, сколько «от рассудка». Об этом свидетельствует и в общем относительно невысокий поэтический уровень соответствующих стихотворений, и обращение их к лицам, во всяком случае, не очень близким поэту.

Но как же быть с обнаруженными мной и описанными раньше чертами резкого перелома в лексике и в тематике тютчевской поэзии? Ведь несомненно, что все упоминания натуралистических божеств исчезли из стихов Тютчева; больше того, эти божества превратились в демонов. Столь же несомненно, что практически полностью отсутствовавшие раньше христианские образы заняли теперь в его стихах огромное место. Значит, все-таки внутренний переворот в поэтическом сознании Тютчева действительно произошел. Но этот переворот связан, как мне теперь кажется, не столько с новым решением какой-то абстрактной философской проблемы, сколько с иным, новым эмоциональным отношением между тремя определяющими все значительное в тютчевской поэзии субъектами, а именно между «Я», «Природой» и «Женщиной».

В ранние годы жизни поэта мы чаще всего встречаем его *наедине с природой*. Исключения из этого правила обычно оказываются либо просто красивой картиной (скажем, например, девушка на фоне природы в стихотворении «Я помню время золотое...»), либо «женщина» и «природа» встречаются, но «Я» поэта отсутствует или, вернее, как бы находится в стороне (например, «В душном воздухе молчанье...» или «Восток белел... Ладья катилась...»), либо, наконец, «женщина» и «природа» резко диссонируют (всего яснее в стихотворении «Итальянская villa»).

Теперь же мы встречаем всех трех вместе, в более тесном единстве друг с другом. Я напомню здесь, прежде всего, уже отмеченное мной в одном из прежних писем замечательное стихотворение «Сияет солнце, воды блещут...», затем «Пламя рдеет, пламя пышет...», а также ряд других стихов, которые я отнес к «мифам о душе и о любви».

Главный акцент внимания поэта переместился: «Ты» подчинило себе остальных двух членов триады; это и создавало порой гармонию — и одновременно сделало природную лирику Тютчева менее «космической», но зато и более человеческой. Дело вкуса, что считать лучшим, но самый факт именно такого изменения кажется мне несомненным. Характерно, что «космизм» и «дуэт» с природой вместо «трио» возрождаются снова после смерти Е. А. Денисьевой. В этом факте я вижу важный аргумент в пользу того, что именно любовь к ней предопределила, в первую очередь, переворот в мироощущении поэта, произошедший около 1850 г.

Вот, пожалуй, все, что могу я сказать относительно эволюции поэтической натурфилософии Тютчева во второй половине его творчества. Что же касается его политической лирики, не содержащей, как мне кажется, кроме всего лишь нескольких стихотворений («Цицерон», «29-ое января 1837», «Эти бедные селенья...» и некоторые другие), ничего поистине значительного и уже, во всяком случае, ничего сравнимого с натурфилософскими его стихами, то я не думаю, чтобы мне имело смысл говорить об этой стороне его творчества после прекрасного анализа политических взглядов Тютчева, сделанного в вашей книге¹¹⁶. Не

думаю я также, что смог бы что-нибудь еще добавить к уже написанному вами, Чулковым и Грэггом о «денисьевском» цикле стихов.

Поэтому, кажется, пора поставить, наконец, точку в моих завлекших меня так далеко и неожиданных для меня самого попытках изложить на бумаге размышления над поэзией Тютчева. За последние годы в течение летних месяцев эти попытки доставляли мне глубокое наслаждение и, наверное, в этом их оправдание.

Теперь, пересматривая мои письма, я, что мог, постарался исправить, воспользовавшись как вашими советами, так и некоторыми неизвестными мне раньше книгами. Я отлично понимаю и полную фрагментарность моих набросков, и немалое число внутренних противоречий, и множество ненужных повторений, и, вероятно, изрядную долю субъективности в предложенных здесь построениях. Особенно же досадно мне, что я не смог остановиться на некоторых важных натурфилософских аспектах тютчевской лирики. Таков, в частности, вопрос о роли света и его коррелята — тьмы — в поэтической натурфилософии Тютчева.

Но для того, чтобы привести все написанное в более стройную систему, полнее ее обосновать, очистить от ошибок и противоречий, мне нужно было бы затратить такое большое время, каким я не располагаю и в обозримом будущем не могу располагать. А поэтому пусть все останется как есть. *Quod scripsi, scripsi* ^{4*}.

Август 1967 г. Казань

КОММЕНТАРИИ

¹ «Новый мир», 1967, № 1, с. 221. См. также: Б. Л. Пастернак. Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1982, с. 441.

² Имеется в виду «алхимия слова» (*l'alchimie de la parole*) устойчивое выражение, популярное благодаря А. Рембо (название главы в кн.: А. Риббауд. *Une saison d'enfer*. P., 1873). «Магия слов» — заглавие статьи А. Белого в кн.: А. Бельи. Символизм. М., 1910.

³ «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» («Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского»). СПб., 1883, с. 373 (вторая пагинация). См. также в кн.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. 27. Л., 1984, с. 65.

⁴ Под «символизмом» Тютчева здесь понимается специфика тютчевской поэтической семантики: см. ниже об «особой яркости проявления символической энергии слова» («Из второго письма»). О слове у русских символистов см.: В. Гофман. Язык символистов. — ЛН, т. 27—28, с. 54—101.

⁵ См. об этом подробнее: Л. В. Пумпянский. Поэзия Ф. И. Тютчева. — *Уrania*, с. 52 и сл.

⁶ *Лирика*, т. I, с. 56. Далее все ссылки на стихи Тютчева даются по этому изданию в тексте статьи (римской цифрой обозначен том, арабской — страница).

⁷ Одним из важнейших условий, определяющих силу воздействия поэтического произведения, Эдгар По считает «единство впечатления»; оно, в свою очередь, находится в прямой зависимости от объема произведения, т. е. от длительности его воздействия на читателя (Эдгар По. *Философия творчества*. — В кн.: Эдгар По. Повести, рассказы, критические этюды и мысли. М., 1885, с. 76—78).

⁸ Ср. анализ фонетического строя стихотворения «Тени сизые смешались...» в работе С. И. Бернштейна: С. И. Бернштейн. Опыт анализа «словесной инструментовки»: (Первая строфа стихотворения Тютчева «Сумерки»). — В кн. «Поэтика», вып. V, Л., 1929, с. 156—192. В замечании об «узловых согласных» последнего стиха автор переключается с идеями современного анализа анаграмм в стихе; ср., впрочем, уже в работе Г. Шенгели: Г. Шенгели. Техника стиха. М., 1960, с. 264—265.

⁹ Вас. Гиппиус. Ф. И. Тютчев. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений. Л., 1939, с. 23.

¹⁰ Подразумевается мысль, высказанная Ш. Бодлером в стихотворении «Correspondences» («Соответствия»). Природа окружает человека «чащей символов», связанных между собой глубоким тайным смыслом: «Подобно голосам на дальнем расстоянии, // Когда их стройный хор един, как тень и свет, // Перекликаются звук, запах, форма, цвет, // Глубокий темный смысл обретение в слиянии» (Ш. Бодлер. Цветы зла. М., 1970; пер. В. Левика). Эммануил Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый, теософ-мистик, писатель. Здесь имеют

ся в виду его размышления о трансформации одних явлений в другие, высказанные им в романе «Серафита».

¹¹ Л. В. Пумпянский. Указ. соч., с. 13.

¹² «Смысловые вибрации» — понятие, подсказанное автору, по-видимому, учением Ю. Н. Тынянова о «колеблющихся признаках значения слова», актуализируемых в стихе (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965; особенно гл. 2). Понятие «остранение» восходит к ранним теориям В. Шкловского. Анализ метафорики, опирающейся на эти «смысловые вибрации», получил дальнейшую разработку в современных исследованиях поэтического языка (см.: А. Д. Григорьев. Слово в поэзии Тютчева. М., 1980).

¹³ Д. Благой. Читатель Тютчева — Лев Толстой. — *Уrania*, с. 232—238.

¹⁴ В стихотворении «Улов» (Вяч. Иванов. *Cor ardens*, т. I. М., 1912; цикл «Повечерия») — по-видимому, с ударением «лысье».

¹⁵ Пристрастие Тютчева к слову «развить» отмечал и Л. В. Пумпянский в указ. соч. (с. 53), где приводится этот стих; там же — другие аналогичные наблюдения над «смещенной семантикой» тютчевских стихов.

¹⁶ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 379 и др.

¹⁷ Л. В. Пумпянский. Указ. соч., с. 52.

¹⁸ Д. Благой. Указ. соч., с. 225—226.

¹⁹ «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею дан л'Этранже» («СПб.», 1840—1844) — юмористическая поэма И. П. Мятлева, написанная смесью русского и французского языка.

²⁰ Из поэмы Пушкина «Полтава».

²¹ Слова из статьи В. П. Мецкерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» («Гражданин», 1873, № 31). Статья была отредактирована Достоевским, который подверг ее коренной перелке. Н. Ф. Бельчиков, предпринявший попытку вывить в этой статье текст Достоевского, полагает, что слова «зеркало его души» принадлежат ему, а не автору статьи (Н. Ф. Бельчиков. Достоевский о Тютчеве. — «Былое», 1925, № 5, с. 160).

²² *Аксаков 1886*, с. 120.

²³ К. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.

²⁴ Речь идет о концовке стихотворения П. Верлена «L'Art poétique» («Искусство поэзии») — «Et tout le reste est littérature» («Все прочее — литература»).

²⁵ Платон. Федон. — В кн.: Платон. Сочинения в 3-х тт., т. 2, М., 1970, с. 17; Ф. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма. М., 1935, с. 394—395.

²⁶ Резкое разделение лирических стихов, выражающих «подлинного» Тютчева, и «злободневно-политических», считающихся второстепенными и несущественными, — устойчивая традиция в науке о Тютчеве, подкрепляемая и практикой многих изданий, например двучастной композицией изданий под редакцией П. В. Быкова (1912) и под редакцией К. В. Пигарева (1957 и 1965). Попытку преодоления этого схематического подхода представляет собой трактовка Н. С. Трубецкого в его курсе лекций: *N. S. T rub e t z k o y. Die russische Dichter des 18 und 19 Jahrhundert. Graz — Köln, 1956* (Тютчев — не «поэт-философ», а «поэт-ритор», наследник XVIII века, для которого философия и политика — равноправный материал для риторического развертывания; такая точка зрения является развитием концепции Ю. Н. Тынянова об «архаизме» Тютчева), однако эта посмертная книга Трубецкого осталась малоизвестной. В издании стихотворений Тютчева, вышедшем также под ред. К. В. Пигарева (*Соч. 1980*), подобное разделение уже отсутствует.

²⁷ По-видимому, имеются в виду такие стихотворения, как «Не рассуждай, не хлопочи!..», «Не знаю я, коснется ль благодать...», «Наш век», «Волна и дума». Слово «реализм» здесь употреблено не в литературоведческом, а в философском значении: убеждение в объективном существовании идеальных общих понятий (*res*), не зависящих от человеческого сознания.

²⁸ См.: В. С. Соловьев. Собр. соч., т. VI. СПб., <1904>, с. 465.

²⁹ Richard Gregg. *Fedor Tiutchev* (...). L.—N. Y., 1965, p. 23—31, 155.

³⁰ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 170; R. Gregg. *Op. cit.*, p. 147—148.

³¹ Л. Гинзбург. О лирике. М.—Л., 1964, с. 94.

³² П. И. Капнист. Сочинения, т. I, М., 1901, с. СХХХIV.

³³ *Аксаков 1886*, с. 83.

³⁴ См. об этом: К. Пигарев. Судьба литературного наследия Тютчева. — *ЛН*, т. 19—21, с. 371—418.

³⁵ Обзором тютчевских самоповторений («дублетов») начинается цитируемая статья Л. В. Пумпянского (см. выше примеч. 5).

³⁶ *Аксаков 1886*, с. 41.

³⁷ «Иконологический анализ» (от греч. *éikon* — «образ») — термин, возникший в искусствоведении 1920-х годов (Э. Панофский и др.) и неоднократно перенесенный в литературоведение; в русской науке применения не получил, хотя термином «иконика» иногда именовался состав образов и мотивов литературного произведения (например, у Б. И. Ярхо).

³⁸ Греческая мифологическая космогония выводила мироздание из всемирного Океана (Гомер) или из всемирного Хаоса (Гесиод); рационализацией первого представления считается учение Фалеса Милетского (начало всего — Вода), второго — учение Анаксимандра (начало всего — Беспредельное, «апейрон»). См.: С. Н. Трубецкой. *Метафизика в древней Греции*. М., 1890, с. 157—158; Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. *Ионийская философия*. М., 1966, с. 52. Заметим, что во введении к другой книге С. Н. Трубецкого

(С. Н. Трубецкой. Курс истории древней философии, ч. I, 2-е изд. М., 1910, с. 8—9) цитируется и толкуется стихотворение Тютчева «Фонтан».

³⁹ Речь идет о примечании К. Пигарева к стихотворению «Певучесть есть в морских волнах...» в кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений (Л., «Сов. писатель», 1939), где это стихотворение напечатано с четвертой строфой, содержащей цитату из Книги Исайи (LX, 3 — «глас вопиющего в пустыне»). В. М. Козырев часто обращался к этому изданию, ибо считал его в отношении текстологии и композиции наиболее приемлемым из всех существующих изданий.

⁴⁰ R. G r e g g. Op. cit., p. 234.

⁴¹ В этом издании (*Лирика*, т. I с. 199 и 268) стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...» К. В. Пигарев напечатал не по автографу и не по первой публикации, а по списку дочери поэта М. Ф. Бирилевой, в котором отсутствует последняя строфа. При выборе этого источника он основывается на суждении И. С. Аксакова: «Прекрасные стихи, полные мысли, не нравится мне в них одно слово, иностранное: протест» (Там же, с. 424).

⁴² Карл Пфеффель — брат второй жены Тютчева Эрнестины Федоровны. Свидетельство об отношении Тютчева к Паскалю см. в его воспоминаниях, публикуемых в наст. томе, (кн. II): «К. Пфеффель о Тютчеве».

⁴³ R. G r e g g. Op. cit., p. 97—98.

⁴⁴ В. P a s s a l. Pensées. (P., 1962), p. 130.

⁴⁵ Ф. Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908, с. 19.

⁴⁶ «... В большой мере его поэзия — поэзия о поэзии». — Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы, с. 365.

⁴⁷ Б. М. Козыреву осталось неизвестным уже имевшее в литературе указание на связь тютчевского стихотворения «Два голоса» с гётевским мasonicким гимном «Символ». См.: Н. В. Александровская. Два голоса: (Тютчев и Гёте). — В кн.: «Посев. Одесса — Поволжье: Литературно-критический и научно-художественный альманах». Одесса, 1921, с. 96; М. Р. Алексеев. Nochmals über Tüchew und Goethe. — «Germanoslavica», 1932—1933, Hf. 1, S. 67. Не был ему известен и доклад А. И. Неусыхина «Тютчев и Гёльдерлин» (1942), автор которого устанавливает связь между «Двумя голосами» Тютчева и «Песней Судьбы» Гёльдерлина (доклад публикуется в наст. томе, кн. II).

⁴⁸ У Gёte: «Ruhn oben die Sterne // Und unten die Gräber»; «Kronen (...), // Die sollen mit Fülle // Die Tätigen lohnen!» («Goethes sämtliche Werke», Bd. 28. München, (1914), S. 10, 11).

⁴⁹ Сравнение небесных сфер с ободьями огненных колес см. у Анаксимандра (фр. 18 и 21). — В кн.: Досократизм: Историко-критический обзор и пер. (...) А. Маковельского, ч. I. Казань, 1914, с. 42—43; ср.: С. Н. Трубецкой. Курс истории древней философии, ч. I, с. 79; Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. Указ. соч., с. 57—58. Вообще же ощущение кругового движения небес в противоположность прямолинейным движениям земного мира — общепланетная, а не специфически анаксимандровская черта.

⁵⁰ Письмо И. С. Гагарина к А. Н. Бахметевой 4 нояб. / 23 окт. 1874 г. — Цит. по кн.: Пигарев, с. 125 (напечатано в отрывке; полный текст письма см. в публикации: «Тютчев в Мюнхене. Из переписки И. С. Гагарина (...)». — Наст. том, кн. II).

⁵¹ Некролог Тютчеву, написанный К. Пфеффелем (на франц. яз.), см.: Аксаков 1886, с. 317—319. Русский перевод см. в наст. томе (кн. II): «К. Пфеффель о Тютчеве».

⁵² «Нентунисты» и «плутонисты» — последователи двух противоположных теорий происхождения горных пород; согласно первым, эти породы образованы водами мирового Океана, покрывавшими некогда всю землю; согласно вторым, они рождены вулканическими силами земли.

⁵³ См. прим. 50.

⁵⁴ Д. Благый. Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев). — В кн.: Д. Благый. Литература и действительность. М., 1959, с. 445.

⁵⁵ Цит. по кн.: Аксаков 1886, с. 21.

⁵⁶ Цит. по кн.: Вл. С. Соловьев. Собр. соч. в 10-ти тт., 2-е изд., т. 10, СПб., 1914, с. 496. Идея, заключенная в этом образе, впервые в западной философии была высказана Иоанном Скотом Эриугеной (IX в.).

⁵⁷ Ф. Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы, с. 53.

⁵⁸ А. Блок. Собр. соч. в 8-ми тт., т. 7. М.—Л., 1963, с. 99; т. 8, 1963, с. 433.

⁵⁹ Французский писатель Ж.-П. Сартр (1905—1980) и немецкий философ М. Хайдеггер (1889—1976) — представители атеистического течения в экзистенциализме, «философии существования», — философском учении, исследующем бытие как существование человеческой личности, осознающей себя затерянной в чуждом ей мире безличных сущностей и переживающей как единственную реальность свою «экзистенцию» — неповторимую, хрупкую, смертную, безвозвратно исчезающую во времени, в «ничто».

⁶⁰ А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959, с. 314.

⁶¹ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. IV, кн. XI, гл. 9). — В кн.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. 15, Л., 1976, с. 80.

⁶² С. Киркегор (1813—1855) — датский философ и религиозный мыслитель.

⁶³ Цит. по кн.: «История западной литературы», т. 3, М., 1914, с. 437.

⁶⁴ Чулков, с. 38.

⁶⁵ Пигарев, с. 147.

⁶⁶ Воспоминания А. И. Георгиевского публикуются в наст. томе (кн. II).

⁶⁷ А. В. Быховца Ф. И. Тютчев. Из встреч минувшего. — *Тютчевский сб.*, с. 17. Приводится в кн.: R. G r e g g. Op. cit., p. 19.

⁶⁸ Имеется в виду стихотворный набросок Пушкина «Везувий зев открыл...» (1834).

⁶⁹ Альманах «Эпоха». М., 1918, с. 187.

⁷⁰ См. выше, прим. 38.

⁷¹ Для Фалеса Вода была первичным началом, для Анаксимандра — вторичным как порождение Беспредельного.

⁷² Фалес, фр. 12 и 22 (из цитат Аристотеля). — В кн.: «Досократики...», с. 18 и 23.

⁷³ Ср.: Гегель. Собр. соч., т. IX, М., 1932, с. 160.

⁷⁴ Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. Указ. соч., с. 52.

⁷⁵ С. Н. Трубецкой. Метафизика в древней Греции, с. 157.

⁷⁶ Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. Указ. соч., с. 57.

⁷⁷ С. Н. Трубецкой. Метафизика в древней Греции, с. 159.

⁷⁸ Анаксимандр, фр. 9. Цит. по кн.: Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. Указ. соч., с. 61.

⁷⁹ Обращение к статистике образов водной стихии у Тютчева могло быть подсказано статьей А. Белого (А. Б е л ы й. Пушкин, Тютчев и Блок в зрительном восприятии природы. — В кн.: А. Белый. Поэзия слова. Пг., 1922, с. 7—19), где обследованы «слова, живописующие образы неба, месяца, солнца, воздуха и воды», но подробно продемонстрированы лишь образы месяца и солнца (ср., в частности: «Солнце Тютчева действительно, „пламенно“ — страстно и „раскаленно-багрово“ <...>; очень страшное солнце — с. 12—13).

⁸⁰ По индексу: В. В i l o k u r. A Concordance to the Russian poetry of Fedor I. Tiutchev. Providence, 1975, p. 208 — слово «стихия» употреблено 11 раз (в том числе один раз в цитате из Пушкина: «И вот — свободная стихия, сказал бы наш поэт родной», два раза в переводе из Целлица, один раз — из Гёте); слово «стихийный» — три раза; несомненных связей с водой — восемь.

⁸¹ «Пятая стихия» — название, предложенное в античной философии для «эфира», чистейшего небесного огня, движущегося по кругу (как небесные светила), а не по вертикали ввысь (как земной огонь).

⁸² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, с. 212.

⁸³ «Песня духов над водами» Гёте: «Des Menschen Seele // Gleicht dem Wasser: // Vom Himmel kommt es, // Zum Himmel steigt es. // Und wieder nieder // Zur Erde muss es, // Ewig wechselnd».

⁸⁴ «Аполлон-губитель» — народная этимология имени этого бога (от appollymi — «гублю»); ср.: «Аполлион, ангел бездны» в Апокалипсисе, IX, 11.

⁸⁵ В индийской философии «карма» — общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер его нового рождения, т. е. нового существования после смерти.

⁸⁶ То, что Тютчев знал это сочинение Шеллинга, утверждает, в частности, Вас. Гишпиус (Вас. Г и ш п и у с. Указ. соч., с. 17).

⁸⁷ См. прим. 78.

⁸⁸ Гераклит, фр. 80. Цит. по кн.: «Материалисты древней Греции». М., 1955, с. 48.

⁸⁹ М. Гершензон. Гольфстрем. М., 1922, с. 26—99.

⁹⁰ Имеется в виду учение о «коллективном бессознательном» — как совокупном душевном опыте человечества, питающем психическую жизнь каждого человека, — предложенное швейцарским психологом и философом К. Г. Юнгом (1875—1961).

⁹¹ Эти датировки поддаются уточнению. Стихотворение «День и ночь» написано не позднее начала 1839 г., «Святая ночь...» — в 1848—1849 гг. и лишь окончательная его редакция — в начале (не позднее марта) 1850 г. (*Лирика*, т. I, с. 376 и 387).

⁹² С. Н. Трубецкой. Метафизика в древней Греции, с. 73. Речь идет о греческих мистериях.

⁹³ Там же, с. 352—353. Цитаты из Аристотеля: Аристотель. «О душе», I, 2, 403b25—404a20

⁹⁴ Эмпедокл, фр. 27—29 (см. в кн.: «Досократики...», ч. 2. Казань, 1915, с. 190—191). Эмпедокла вспоминает, в связи с тютчевским «Согласье полное во всем...», также В. Ф. Саводник: В. Ф. С а в о д н и к. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911, с. 180.

⁹⁵ С. Н. Трубецкой. Метафизика в древней Греции, с. 228—229.

⁹⁶ *Стихотворения 1957*, с. 449; *Соч. 1980*, т. 2, с. 201. Б. М. Козырев цитирует это письмо не совсем точно.

⁹⁷ «Толстовский ежегодник». М., 1912, с. 146; ср. *Лирика*, т. I, с. 400.

⁹⁸ См. прим. 29.

⁹⁹ См. прим. 91. Эти слова цитируются Грэггом (с. 31) и использованы им как название главы о «подсознательном характере тютчевского творчества».

¹⁰⁰ Аксаков 1886, с. 120 и 86—87.

¹⁰¹ См. прим. 89.

¹⁰² См. прим. 69.

¹⁰³ R. G r e g g. Op. cit., p. 147—148.

¹⁰⁴ Idid., p. 181—182 и 231 (прим. 49).

¹⁰⁵ Idid., p. 27—31.

¹⁰⁶ *Idid.*, p. 147—148.

¹⁰⁷ *ИСС 1933—1934*, т. 2, с. 506. Ср.: R. G r e g g. *Op. cit.*, p. 234.

¹⁰⁸ R. G r e g g. *Op. cit.*, p. 74—78; ср. 23—26.

¹⁰⁹ Цифры в приведенной далее цитате означают номера примечаний, в которых Р. Грегг дает ссылки на стихи Тютчева, выражающие намеченные им антитезы.

¹¹⁰ Образцом для анализа цвета у Пушкина и Тютчева здесь могла служить книга А. Белого «Мастерство Гоголя» (М., 1934, особенно гл. 2), в которой выделение и интерпретация цветовых образов во многом аналогичны.

¹¹¹ Стихотворение Пушкина «Город пышный, город бедный...»

¹¹² А. Ф е т. Полн. собр. стихотворений, с. 275 («Горные ущелья»); А. Б л о к. Собр. соч. в 8-ми тт., т. 2. М.—Л., 1960, с. 38; И. А н н е н с к и й. Стихотворения и трагедии. Л., 1959, с. 97 («Сиреневая мгла»).

¹¹³ «Тени сизые смешались...» и «Пламя рдеет, пламя пышет...» (*Лирика*, т. I, с. 75 и 159).

¹¹⁴ Платон, «Государство», VII, 514а—516с.— В кн.: П л а т о н. Сочинения в 3-х тт., т. 3, ч. I, М., 1971, с. 321 и сл.

¹¹⁵ R. G r e g g. *Op. cit.*, p. 158—170.

¹¹⁶ *Пигарев*, с. 111—131, 150—158, 245—257 и др.

ТЮТЧЕВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Статья В. А. Твардовской

В литературе о Тютчеве, особенно выросшей в 1960—1970-е годы, общественно-политические взгляды поэта остаются наименее изученными. Расхождение исследователей в их понимании и оценке весьма значительны — от определения Тютчева как «идеолога самодержавия и апостола всемирной теократии»¹ до утверждения, что поэт «глубоко презирал самодержавно-крепостническую систему, предвидя ее неизбежный крах», а «его консерватизм не был лишен черт стихийной революционности»².

Трудности изучения политического мировоззрения Тютчева объясняются не только относительной скудостью находившихся в распоряжении исследователей источников, но и особой сложностью темы. В своеобразном, неповторимом внутреннем мире поэта рациональное мироощущение зачастую зависит от эмоционального, логика умозаключений определяется порой образным строем мышления, художественное воображение и творческая фантазия оказывают прямое воздействие на движение и оформление мысли. Вот почему выяснить и сформулировать политические взгляды Тютчева можно лишь с известной приблизительностью — всякая попытка прямолинейных и однозначных определений обернется их упрощением и обеднением. Как тут не вспомнить самого поэта: «Мысль изреченная есть ложь»?

Предпринимая попытку рассмотреть общественно-политическое мировоззрение Тютчева, автор сознает всю условность его отдельной, самостоятельной характеристики. Внимание в этой статье сосредоточено на идейно-политических позициях Тютчева конца 1850-х — начала 1870-х годов. Именно в этот период он начинает играть все более активную роль в общественной жизни — не только как поэт и публицист, но и как политический деятель, хотя роль эта остается не всегда известной даже его ближайшему окружению. К этому же времени относятся и большинство публикуемых в настоящем томе эпистолярных и мемуарных материалов.

Тютчев уехал из России в 1822 г., закончив в 1821 г. словесное отделение Московского университета. На дипломатической службе за границей (преимущественно в Германии) он провел более двадцати лет, вернувшись на родину в 1843 г. зрелым поэтом.

Вряд ли можно согласиться с первым биографом Тютчева — И. С. Аксаковым, уподобившим этот заграничный период жизни поэта своего рода отчуждению от Родины³. В мыслях Тютчева Россия всегда занимала огромное место — это видно по его стихам, письмам и публицистике. Связи с Родиной никогда не прерывались: Тютчев, как правило, проводил служебные отпуска в России, регулярно переписывался с родными, много читал из русской истории и литературы. Определенная оторванность от своей страны не помешала Тютчеву уловить важные ее тенденции. Еще в конце александровского царствования он ощутил преобладание в русской жизни «канцелярии и казармы», движение около «кнута и чина»⁴. И все же в целом, из мюнхенского далека, Россия, в ореоле славы недавних побед над наполеоновской армией, представлялась ему могучим исполином.

По свидетельству некоторых современников, Тютчев вернулся на родину со взглядами, близкими начавшему тогда оформляться славянофильству — своеобразной разновидности либеральной идеологии⁵. Сходство это, по-видимому, было довольно приблизительным и касалось прежде всего представлений о Рос-

сии как будущем центре объединения славянских племен и народностей, которому отводилась роль оплота против надвигающихся с Запада революций. Общим было и тесно связанное с этими представлениями убеждение в особом пути развития России, чуждом социальных и политических конфликтов, характерных для западноевропейских стран.

Сведения о том, что противником крепостного строя Тютчев был уже в первые годы пребывания за границей, сомнений не вызывают. Но свидетельство, что он признавал правомерность конституционного правления⁶, не подтверждается последующим развитием его взглядов.

По возвращении домой Тютчев заново начинает вглядываться в Россию. «У нас многое, знаменательное издали, много теряет своего значения вблизи», — скажет он⁷, обобщая свои наблюдения над русской жизнью, накопленные за годы, прошедшие после возвращения из-за границы. Во взглядах его, несомненно, произошли изменения. Незыблемой до конца дней осталась лишь убежденность во «всемирной судьбе» России, восприятие ее политической жизни не изолированно (что характерно как раз для славянофилов), а в общей системе европейских государств, в сложном взаимодействии с ними и взаимовлиянии. Это — неизменная черта культурно-исторической концепции Тютчева вплоть до последних дней его жизни.

Постижение российской действительности в непосредственной близости к ней шло медленно и трудно, что объясняется общей ее «замороженностью» в период николаевского царствования. В стране господствовали неприкрытый произвол, полицейский гнет, последовательное подавление мысли. В связи с европейскими революциями 1848—1849 гг. политический режим еще более ужесточился. Находясь с 1848 г. на службе в цензурном ведомстве при Министерстве иностранных дел, Тютчев имел возможность вплотную ощутить ту враждебность, с которой власть относилась не только к малейшему отклонению от казенного мировоззрения, но и к любой информации о революционных событиях на Западе. Экстраординарные меры по усилению цензуры ставили целью не допустить проникновение в страну передовой европейской мысли, изолировать русское общественное мнение от западной политической жизни.

Первое революционное выступление против самодержавия в России застало Тютчева на пути из Москвы в Петербург, когда после полугодового пребывания на родине он возвращался к месту службы в Мюнхен. Тютчев ошибался, думая, что от дела декабристов «не осталось и следов», а память их «от потомства, как труп в земле, схоронена» («14-ое декабря 1825»). Революционная традиция в России не была пресечена «мечом самовластья». Об этом свидетельствовало «дело петрашевцев», жестокая расправа с которыми произошла уже в период жизни поэта на родине. К кружку разночинной интеллигенции, обнаружившей тяготение к демократическим и социалистическим идеям, были по-разному причастны лица, оказавшиеся позднее в окружении Тютчева, — И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, Г. П. Данилевский, Е. М. Феокистов, В. И. Ламанский.

Образ Родины в поэзии Тютчева 1840—1850-х годов сохраняет то дыхание «зимы железной», которое так ярко воплотилось в стихотворении «14-ое декабря 1825», написанном после приговора над декабристами. Это край, где царит беспредельная мгла, где свет звезд сумрачен, а солнце светит на поля «неохотно и несмело», край усталой природы, тощей земли, тусклого, туманного неба. Здесь господствует «мертвенный покой», «сон железный», здесь мертвеют и чувства человека, «развеваются мечты».

Серьезным рубежом в развитии общественно-политических взглядов Тютчева явилась Крымская война 1853—1856 гг. Поэт, с его обостренным чувством национальной гордости, с его планами будущего России, в которой он мечтал увидеть центр великой всеславянской империи, воспринял поражение самодержавия в войне как политическую катастрофу. Но негодование на имперскую политику, которое с такой, казалось бы, неожиданной силой выплеснулось в эпитафии на смерть Николая I, не было внезапным — оно не шквалом налетело, а созревало исподволь. В дни войны Тютчев не раз с горечью

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ В РОССИИ

Акварель неизвестного художника, вторая четверть XIX в.

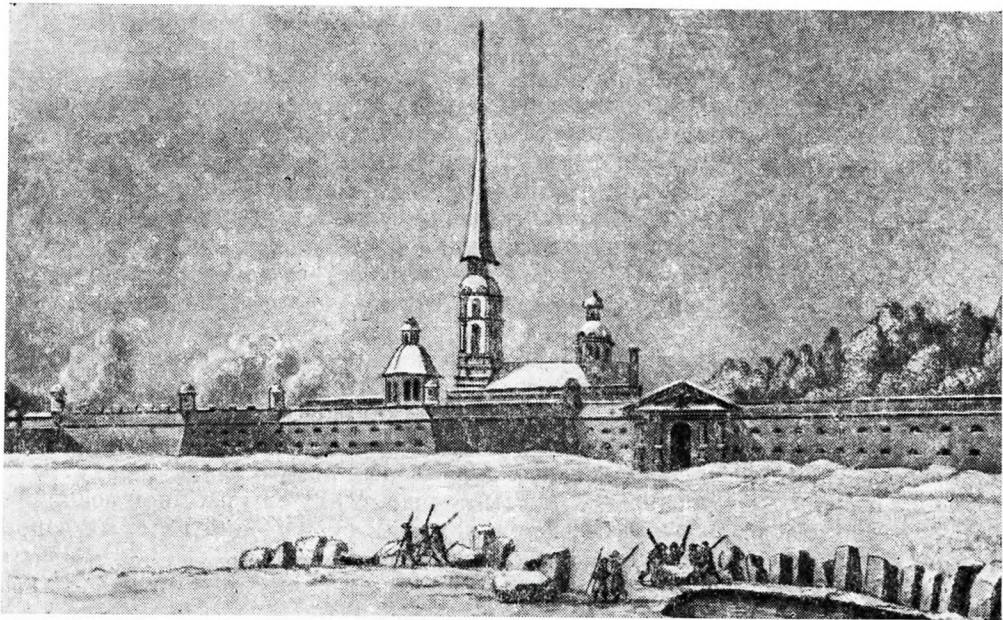
Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград

напоминал о старой своей тревоге, о давнем предвидении краха. Он писал, что был одним «из самых первых, видевших приближение и рост этого страшного кризиса», что «более пятнадцати лет < ... > предчувствовал эту страшную катастрофу — к ней неизбежно должны были привести вся эта глупость и все это недомыслие»⁸. В этом смысле война была для поэта не исходным, а переломным моментом в развитии критического отношения к правительственной политике. Вряд ли поэтому воздействие ее можно уподоблять «отрезвлению» или «прозрению», как это иногда делается в литературе⁹, — и то и другое началось раньше, но было лишь резко усилено войной.

Перед лицом кровавых жертв русского народа, явившего в войне, по словам Тютчева, «истинные чудеса храбрости, самопожертвования»¹⁰, антинациональный характер имперской политики выступил для него особенно определенно. Деятельность Николая I воспринималась им как предательство национальных интересов России, отказ от той их защиты, в которой поэт видел основную функцию верховной власти. «Не Богу ты служил и не России» — главное обвинение, брошенное Тютчевым царю в эпитафии на смерть Николая I¹¹.

Когда «могущественно снаряженный» английский флот стоял в 15 верстах от царского дворца и дым неприятельских военных кораблей был виден у Кронштадта, Тютчев «на пороге унижений и разочарований всякого рода»¹², с особой ясностью осознает связь этой непригодной внешней политики с внутренней, глубже постигает неизбежность поражения самодержавия, несмотря на все жертвы русского народа. «То же недомыслие, которое наложило свою печать на наш политический образ действий, оказалось и в нашем военном управлении, да и не могло быть иначе, — размышляет он, как бы подводя итоги всему, что предшествовало позору поражения. — Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения — ничто не было пощажено, всё подвергалось этому давлению, всё и все оступели»¹³. Считая, что «теперь потребовалась бы огромная двигательная сила со стороны власти», чтобы исправить положение дел¹⁴ («быть может, не все еще потеряно, но все испорчено, разруше-

ЗИМА В ПЕТЕРБУРГЕ (У ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ)

Акварель неизвестного художника, вторая четверть XIX в.

Литературный музей, Москва

но и надолго посрамлено»¹⁵), Тютчев пристально наблюдает за состоянием правительства и один из первых улавливает наметившиеся в нем сдвиги. В «верхах» набирала силу группировка, понимавшая необходимость некоторых преобразований. Новый император Александр II в этих обстоятельствах также склонялся к уступкам. Близость к таким представителям власти, как кн. А. М. Горчаков (с 1856 г. министр иностранных дел), гр. Д. Н. Блудов (статс-секретарь и будущий деятель крестьянской реформы), к ряду высших чиновников (в их числе были А. В. Никитенко и П. А. Вяземский), а также вхожесть в салоны вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Марии Николаевны давали Тютчеву возможность быть осведомленным о первых робких начинаниях в подготовке отмены крепостного права. Необычно для страны оживление всей общественной обстановки, колебания в правительстве, свидетельствующие о смене жесткого николаевского курса на политику некоторых «послаблений» — все это Тютчев определил словечком «оттепель», сразу же подхваченным в образованной среде¹⁶.

Явно заметна и активизация творческой деятельности самого поэта. В 1857—1859 гг. стихи Тютчева, столь редкие на страницах русской журналистики, появляются в славянофильской «Русской беседе» и в либеральном тогда «Русском вестнике». Оба журнала выступали за отмену крепостного права, высказывались за реформу суда и полиции, гласность, начала самоуправления для господствующих классов. Перспективы развития страны понимались ими по-разному, и они вели между собой полемику. «Русский вестник» пропагандировал как образец общественно-политического устройства английскую парламентарную монархию. «Англомания» М. Н. Каткова, его редактора с 1858 г., пронизывала и политические обзоры журнала, и освещение им разных сторон русской жизни¹⁷. «Русская беседа» пыталась утвердить взгляд на «самородное развитие» России, отвергающее европейские шаблоны, ориентирующееся на собственные исторические традиции. Для этого журнала, неофициальным редактором которого с середины 1858 г. стал И. С. Аксаков, характерна некоторая идеализация допетровской Руси, в которой славянофильская мысль нахо-

дила гармоничное соотношение между самодержавием и народом, будто бы нарушенное петровскими реформами. То, что Тютчев одновременно печатался в двух столь разных органах, свидетельствует, по-видимому, о том, что ни одно из представленных ими направлений поэт не чувствовал по-настоящему своим, ни к одному полностью не хотел быть причисленным.

В подборке стихов, опубликованных в «Русской беседе» в 1857 г., — «Эти бедные селенья...», «Вот от моря и до моря...», «О, вещая душа моя...» — воплотились и лирические, и публицистические, и философские мотивы¹⁸. Здесь зазвучали, как бы сливаясь и продолжая друг друга, тема войны с ее огромными и не всегда оправданными жертвами, тема народа, его настоящего и будущего, тема Судьбы — очищения и покаяния на пороге нового этапа исторического пути страны.

Именно так переплетались эти темы в тогдашних общественных спорах, в рукописной литературе того времени, где от попытки разобраться в неудачах войны авторы обычно переходили к размышлениям о внутреннем положении страны, о нищете и несправии крестьянства¹⁹. И либеральная, и демократическая мысль — каждая по-своему — устанавливали прямую связь между исходом войны и положением основной массы народа. Читатель тех дней воспринимал стихи Тютчева в «Русской беседе» как отзвук обсуждений главных вопросов, выдвинутых российской действительностью.

Строки

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа —

о его смиренной нищете и наготе — в 1857 г. звучали уже иначе, чем в 1855 г., когда они были написаны. Время внесло коррективы в восприятие русской деревни. Сам царь признал, что есть предел этому «долготерпенью», заявив, что предпочтительнее освободить крестьян «свыше», нежели ждать, когда это произойдет «снизу». В речи к московским предводителям дворянства 30 марта 1856 г. Александр II, развивая эту мысль, обнаружил неверие в кротость и смирение «бедных селений», указав на существование враждебных чувств между крестьянами и помещиками и вытекающие отсюда случаи неповиновения²⁰.

А там, где были написаны эти пронзительные строки о «крае долготерпенья», — в Рославльском уезде Смоленской губернии — взбунтовавшиеся «бедные селенья» в 1857 г. пришлось усмирять в помощь войск²¹.

Накануне крестьянской реформы поэт, столкнувшись с новыми, ранее ему неизвестными чертами народа — его готовностью постоять за свои интересы, его нежеланием долее мириться с несправедливым строем, — ощутил под покровом терпения и смирения мятежный дух крестьянства. Важными районами крестьянских волнений, происходивших на рубеже 1850—1860-х годов повсеместно, стали также губернии Орловская (где в Брянском уезде находилось родовое имение Тютчевых Овстуг) и соседние с ней Курская и Смоленская²². Через последнюю проходил традиционный путь поэта из Петербурга на летний отдых в Овстуг.

Слухи о крестьянских волнениях были постоянной темой бесед в окружении Тютчева²³. Сведения о них, через обширную агентуру стекавшие в III Отделение, тоже могли быть доступны поэту по его связям в «верхах»²⁴.

Тревогой наполнено письмо Тютчева в Овстуг, где его семья, как обычно, проводила лето 1858 г. Еще недавно воспринимавшийся как «прелестный, благоуханный, цветущий, безмятежный и лучезарный»²⁵, Овстуг стал видиться исполненным угрозы и опасности. «Я не воображаю себе, будто под вас подложена мина, — объясняет Тютчев свои страхи, — но вполне очевидно, что теперь мы уже не стоим на прежней твердой и неколебимой почве и что в одно прекрасное утро можно проснуться на оторванной от берега льдине...»²⁶.

Итак, та «вековая громада льдов», которую не в состоянии была растопить «скудная кровь» декабристов, могла, в представлении поэта, тронуться от движения крестьянской массы. Тютчев справедливо считал беспокойство «весьма

реальным». Оно объяснялось в значительной мере его осведомленностью о состоянии крестьянских волнений, число которых в 1858 г. резко возросло (в 1857 г. — 100, в 1858 г. — 378). Предчувствие «взрыва», «страшного кризиса» прорывается в письмах поэта конца 1850-х годов. Ощущение опасности надвигающейся крестьянской войны не менее, чем осознание отсталости и неразвитости страны, заставляло признать неотлагательность освобождения крестьян.

В среде господствующего класса мысль о неизбежности этого освобождения приживалась с трудом. К. Маркс, внимательно следивший за подготовкой крестьянской реформы, отмечал, что ее сторонники среди дворянства составляют меньшинство, не имеющее единодушия по важнейшим вопросам²⁷. Тютчев и принадлежал к этому антикрепостническому меньшинству, признавшему первоочередной задачей снять «рабский образ» с крепостного человека.

Русское общество конца 1850-х годов жило предстоящими преобразованиями. И либеральные, и демократические журналы, воспользовавшись цензурными «послаблениями», сосредоточились на обсуждении надвигающихся перемен, с разных классовых позиций обосновывая их смысл и содержание, по-разному давая отпор крепостникам. В это необычное время на страницах русских журналов, насыщенных полемикой по злободневным вопросам, даже лирическая поэзия зачастую приобретала особое звучание, воспринимаясь как отклик на злобу дня. Так произошло и со стихотворением Тютчева «Успокоение», опубликованным в «Русском вестнике»²⁸. Образец пейзажной лирики, как бы созданный для переложения на музыку²⁹, — «Успокоение», помещенное в номере, где преобладали материалы по предстоящей крестьянской реформе, невольно читалось как единое целое с ними. Уже первые строки вызвали мысль о главной потере, к которой готовилось дворянство и с которой оно никак не могло примириться:

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло,
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело...

Стихи Тютчева, проникнутые идеей неодолимости движения вперед, призывали найти успокоение в этом законе жизни, в сознании, что неудержимо несущийся жизненный поток невозможно остановить, как невозможно повернуть вспять его «всесильную волну».

Разумеется, такая философия вряд ли могла утешить помещиков, которым предстояло расстаться со своими привилегиями³⁰. Тот же «Русский вестник» (как и «Русская беседа») успокаивал их растревоженные интересы обсуждением форм вознаграждения, которое дворянство должно было получить в ходе реформы. Журнал Каткова публиковал предложения на этот счет самих помещиков: некоторые из них ставили вопрос о выкупе крестьянами не только земли, но и феодальных повинностей, т. е. фактически о выкупе личности крестьянина. Впрочем, и в «Русском вестнике», и в «Русской беседе» возобладала точка зрения на необходимость освобождения крестьян с землей за выкуп. По-видимому, к этому мнению склонялся и Тютчев, далекий как от революционно-демократического решения вопроса (освобождение с землей без выкупа — за счет помещичьего землевладения), так и от чрезмерных дворянских притязаний³¹.

Смягчение цензуры способствовало все более интенсивному освещению в печати предстоящей реформы — темы совсем недавно (до весны 1858 г.) запретной. В центре внимания оставался вопрос о «вознаграждении» помещичьих потерь. «Русский вестник» видел в его решении главную сложность предстоящего преобразования. Не будь его, заявлялось здесь, вопрос о реформе был бы совсем прост³². В остальном либеральная журналистика уверенно смотрела в будущее. Пронизанная пафосом этой веры, она, вслед за И. С. Аксаковым, провозглашала «дню вчерашнему забвенью, дню грядущему привет». С характерным для него в этот период оптимизмом, журнал Каткова рассуждал о преиму-

ществах вольнонаемного труда, о радужных перспективах, открывающихся перед сельским хозяйством и промышленностью. «Русская беседа» была несколько озабочена лишь социальными последствиями реформы и отстаивала сохранение крестьянской общины как средства против возникновения пролетариата.

В мае 1858 г., в ходе обсуждения предстоящих перемен, Тютчев снова выступил в славянофильской «Русской беседе» (т. II, кн. 10). Среди стихов о любви, о природе, которым суждено было составить лучшие страницы русской классической поэзии («Есть в осени первоначальной...», «Смотри, как роща зеленеет...», «В часы, когда бывает...», «Она сидела на полу...»), выделялось связью с насущными общественными вопросами стихотворение, начинавшееся строками:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Написанное за несколько лет до падения крепостного права (в 1857 г.), оно иногда трактуется как протест против рабства, призыв к его отмене, «будивший» бунтарские чувства³³. Думается, что предрешенность крестьянского вопроса, вполне обозначившаяся как раз в 1857 г. (когда начал работать Секретный комитет по подготовке реформы), лишает эти тютчевские стихи такого смысла. То, что крепостное право падет и свобода будет провозглашена, — в этом поэт не сомневался:

Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит, и туманы.

Его тревога о другом — насколько свобода эта будет подлинной.

Тютчев использовал образ свободы, весьма распространенный в либеральной публицистике, — как солнца, восходящего над судьбами русского народа³⁴. Первые же строки стихотворения с их вопросительной интонацией, несущей сомнение («Взойдешь ли ты когда, Свобода, // Блеснет ли луч твой золотой?»), как бы вступали в спор с победными, ликующими восклицаниями либеральной печати об этом солнце, которому суждено было разогнать мрак и беспросветность народной жизни. Поэт предвидит, сколь сложным будет утверждение свободы. Наследие рабства — «старые, гнилые раны, рубцы насилий и обид», «растление душ и пустота» — все это вряд ли может быть изжито легко и быстро. Характерно, что в будущем — пореформенном — строе поэт не видит сил, способных перебороть наследие рабства, «залечить» нанесенные им раны. Его надежды не на царя, не на господствующие классы и просвещенное общество, а единственно на помощь Божию — «ризу чистую Христа». Но ведь в своей вере Тютчев столь же непоследователен, как и в безверии. Упование на целительную силу религии высказано человеком, который уже приходил к осознанию того, что «... нет в творении Творца! // И смысла нет в мольбе!». И это еще больше подчеркивает силу и глубину его тревожных сомнений перед будущим, столь резко диссонирующих с либеральным оптимизмом.

«Самые серьезные опасения» в этом смысле внушала политика правительства. «Не только никто не знает здесь, что происходит в комитетах, — писал Тютчев жене летом 1858 г., — и до чего доведена начатая работа, но никто как будто и не интересуется этим. Об этом деле говорят так мало, как если бы оно было решено и подписано лет двадцать назад; однако очевидно, что ни к одной реформе еще не приступлено всерьез и все вопросы поставлены как *status quo*»³⁵. Тютчев правильно уловил вынужденный характер преобразований и в связи с этим отмечал «нерадивость» власти к реформам. Отчасти и поэтому он не склонен был разделять либеральные надежды на наступление «новой эры» и порой высказывал довольно скептический взгляд на настоящее и будущее.

Как ни парадоксально, но образ Родины, появляющийся в его стихах в период общественного подъема, близок тому, который характерен для его поэ-

зи мрачных времен николаевского царствования, — то же господство ледяного холода, никакой «оттепели», признаки которой он один из первых уловил в середине 1850-х годов:

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой.
Все голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...

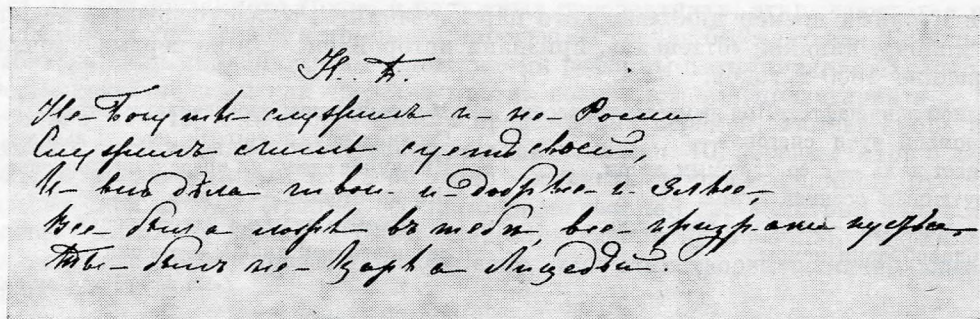
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.
Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.

(«На возвратном пути») ³⁶

Достаточно традиционный в русской литературе, как символ самодержавно-крепостнической России, «родной ландшафт» воспринимался поэтом без всяких признаков жизни («ни звуков здесь, ни красок, ни движенья») в момент, когда общественный подъем в стране явственно обозначился ³⁷. Наступали как раз те «минуты роковые» истории, которые поэт, наблюдая их на Западе, ощущал как пиршество духа и ума, как самое «высокое зрелище», — минуты, когда борьба между «дряхлеющими» и молодыми общественными силами доходит до кульминации. Россия и была накануне такого обновления — на пороге всеобщих радикальных перемен. В стране разворачивалось крестьянское движение, державшее правительство в растерянности и страхе. Происходили студенческие волнения, отражавшие революционную настроенность молодежи. Оживилась либеральная оппозиция, намекавшая властям на необходимость уступок. Революционное движение разночинной интеллигенции заявило о себе демократическими и социалистическими требованиями. Однако общая неразвитость классовая и политической борьбы в России на рубеже 1850—1860-х годов, своеобразие ее путей и форм способствовали тому, что поэт, ощущая всю необычность переживаемого момента, не осознал в полной мере смысла и значения событий, столь не похожих на те, которым он был свидетелем на Западе ³⁸. Предчувствуя надвигающийся «взрыв», он не видит того «благодатного огня», который бы мог растопить льды, сковавшие общественную жизнь России, рассеять окутавшую ее мглу. Революции он был чужд и враждебен: насилие считал непригодным средством общественного преобразования и крестьянского движения боялся как силы стихийной и разрушительной ³⁹. Либеральную оппозицию всерьез не принимал. «Чем либеральной, тем они пошлее», — писал он об ее представителях. Все его надежды на будущее страны, на перемены в ней связывались с самодержавной властью. А именно ее состояние, как уже говорилось, внушало ему тревогу и опасения.

Самодержавие, в представлении Тютчева, было единственно возможной и наиболее целесообразной формой власти в России — формой, выросшей из ее истории, связанной с ее традициями, понятной и привычной ее народу. Не выражая сомнений в необходимости самодержавия, поэт одновременно самым серьезным и резким образом критиковал его политику — внутреннюю и внешнюю. И не только политику, но и все нравственное состояние и интеллектуальный уровень современных ему «предержателей власти». Он дал уничтожающие отзывы о конкретных носителях принципа самодержавия и о его верных слугах. Он заклеймил всеильного временщика П. А. Шувалова, вставшего «над Россией распростертой» во всеоружии власти шефа жандармов. Он определил влиятельного министра внутренних дел П. А. Валуева (одного из самых образованных и отнюдь не самых реакционных слуг существующего строя) как никчемного и двоедушного фразера. Эпиграммы и остроты поэта разили и самих царей. Известна его убийственная характеристика Николая I как лживого и пустого «лицедея», которой, казалось, само самодержавие было пригвождено к позорному столбу. Но и в «царе благодушном, царе с евангельской душой» — Александре II — он разглядел черты, мало подходящие для верховного правителя такой страны, как Россия, в сложное пореформенное время. Е. М. Феоктистов, спустя десятилетия, вспоминал характерное высказывание Тютчева об Алек-

«Н(ИКОЛАЮ) П(АВЛОВИЧУ)» («НЕ БОГУ ТЫ СЛУЖИЛ И НЕ РОССИИ...»)

Список, <1855>. В альбоме М. Ф. Тютчевой (Бирилевой), дочери поэта

Собрание К. В. Пигарева, Москва

сандре II: «Когда император разговаривает с умным человеком, у него вид ревматика, стоящего на сквозном ветру»⁴⁰. В сознании поэта причудливо совмещались и реальный, и сфантазированный образы русского царя. Строки восхищения и высокой похвалы, адресованные императору или императрице в его стихах, были своего рода пропагандой тех качеств, которые он хотел видеть в монархе, формой агитации за «хорошего» царя.

В письмах Тютчева — как ранее известных, так и впервые публикуемых в настоящем томе — рассыпаны выразительные оценки правительственной политики: говорится о ее нелепости, «полнейшей бессознательности», подлости. Отмечаются «безнадежная глупость», «скудоумие», «чудовищная тупость», пошлость, отсутствие совести, «нравственное растрепание» тех, кто эту политику проводил.

Определенность и сила этой критики дали основание некоторым исследователям сделать вывод об оппозиционных и даже бунтарских тенденциях в умонастроении Тютчева, о его неприятии существующего строя, активном протесте против него⁴¹. Другие, напротив, сопоставляя эту критику с позицией поэта в общественной жизни и литературе, делают заключение о его компромиссе с существующей действительностью⁴².

Однако критика Тютчева не была направлена против основ самодержавного порядка, не покушалась на его принципы. Конкретные проявления политики самодержавия он критиковал как раз за то, что они, как ему казалось, уклонялись от этих принципов, недостаточно соответствовали им. Он искренне верил, что стоит правительству проникнуться национальными потребностями страны, стать на правильную позицию — и его политика, в существующих же государственных формах, сможет стать другой, соответствующей национальным задачам России, интересам ее народа. И поэт прилагал немало усилий, чтобы, используя личные контакты с представителями власти, а также с помощью печати (изданий И. С. Аксакова прежде всего), повлиять на правительство, разъяснить ему непонятные за «недомыслием» первоочередные задачи внутренней и внешней политики, поставить его на надлежащую точку зрения. Отношение Тютчева к существующему строю не было борьбой с ним, это была борьба за него — за то, чтобы он стал таким, каким поэту мыслилось некое идеальное самодержавное государство. Но этот его наивный монархизм не был и компромиссом — Тютчев считал существующий порядок своим, единственно возможным, и никакой принципиальной альтернативы ему в окружающем мире не видел. На компромисс в свое время шел Некрасов, когда, ломая себя, писал в 1866 году Н. М. Муравьеву («Вешателю») в надежде спасти «Современник» от нависшего над журналом запрещения. Тютчев же, как увидим, прославлял Муравьева вполне искренне, убежденный в необходимости такого политического деятеля в существующих условиях.

Но вполне искренней была и его критика политики «верхов», искренним было и непонимание того противоречия, в которое она приходила с его умозрительной верой в самодержавие.

Тютчев вполне убежденно противопоставлял конкретную «чиновничью» политику, образ действий администрации — самодержавию. Что одержит верх, «русский ли царь или петербургские чиновники?» — задавался он при этом вопросом. Иногда встречается в его письмах и мысль о захватившей власть и влияние в стране «клике», которая «путаает Россию, а не правит ею»⁴³. Поэт настойчиво подчеркивает несоответствие проводимого министрами реального политического курса политике самодержавия, какой она должна быть, согласно его представлениям.

Естественность и допустимость такой критики «верхов», которая не затрагивала бы основ абсолютизма, попытался обосновать его идеолог Катков. Принцип самодержавия, поучал он, непоколебим и безупречен, но лица, которые приходят и уходят, сменяясь на чередѣ власти, могут быть и неспособными, и недобросовестными. Катков различал в России две политики — царскую и министерскую. Не видя другого способа оградить самодержавие от неизбежной критики, он настаивал на том, что «доктрина об абсолютном тождестве администрации с Верховной властью может сообщить фальшивое и опасное направление нашему прогрессу»⁴⁴. Однако сама власть не без основания считала, что «противная доктрина еще опаснее». Именно такую помету на полях цитируемой записки Каткова сделал П. А. Валуев, правильно почувствовавший всю уязвимость противопоставления принципа его живым носителям и политике, этот принцип воплощающей. Шеф жандармов П. А. Шувалов («Шувалов — жандарм», как лаконично и выразительно называл его Тютчев), по поручению Александра II обратил внимание редактора «Московских ведомостей» на неудобство выступлений против администрации, во главе которой стоит император и себя от нее отделить «не желает и не может»⁴⁵.

Забегая вперед, заметим, что именно с нежеланием верховной власти терпеть такую критику связаны цензурные гонения на издания Аксакова. И тщетно Иван Сергеевич доказывал, что его газета отделяет правительство от администрации, не смешивая эти понятия и «систематически выгораживает достоинство основного начала власти, выделяет из критики верховный правительственный принцип»⁴⁶. «Подрывая уважение к частным проявлениям известных начал политического и нравственного порядка, можно потрясти и самые начала» — так объясняли власти запрещение аксаковской «Москвы»⁴⁷. То, что понимали носители самодержавия, бдительно стоявшие на страже собственных интересов, так и не было осознано ни Тютчевым, ни Аксаковым. Они продолжали верить, что их критика царской администрации должна укрепить существующий строй, послужить ему на пользу.

В этой критике, зачастую глубокой и меткой, Тютчев близко подошел к пониманию природы существующей власти как отсталой, отжившей свой век. Он уловил в ее действиях «старческий зуд заурядности», которой «любая независимая сила как нечто ее превосходящее кажется не только подозрительной, но и враждебной»⁴⁸. Верно почувствовал поэт и бездуховность этой власти, ее безыдейность (определенные им как «безбожие»), изжитость ее идеологии, утратившей авторитет; в то же время он видел ее тягу к идейной монополии («убийственной мономании»), ее боязнь идейной борьбы, уверенность только в средствах насилия («в материальной силе»). Но, отмечая эти симптомы, Тютчев усматривал в них не проявление сущности самодержавия, а отклонения от нее.

Историческая ограниченность социально-политических взглядов Тютчева сказалась в полном отвлечении его размышлений о власти от ее социальной или классовой основы. Речь, разумеется, идет не об отсутствии соответствующей терминологии, а о непонимании связи политики самодержавия с интересами господствующих классов. Такой связи Тютчев не улавливал даже тогда, когда речь шла о крестьянской реформе. Замеченная им «нерадивость» к ней в правительстве никак не становится в связь с защитой интересов помещичьего

сословия⁴⁹. Поэт склонен считать существующую власть в России чем-то самостоятельным и обособленным. Не соответствуя в его глазах национальным интересам страны, она воспринималась им как нечто самодовлеющее и противостоящее стране в целом. Рассуждая о «выродках», стоящих во главе управления, он усматривает некие «паразитические элементы, органически присущие святой Руси», и поясняет: «Это нечто такое в организме, что существует за его счет, но при этом живет своей собственной жизнью, жизнью логической, последовательной и, так сказать, нормальной в своем пагубно разрушительном действии»⁵⁰. Нельзя не видеть здесь определенного сходства с восприятием самодержавия демократической (народнической) мыслью, которая также не усматривала его связи с социальными силами внутри страны, считая паразитическим, самим для себя существующим, всем враждебным и всех эксплуатирующим органом.

Объективной основой таких представлений служила относительная самостоятельность абсолютизма, выражавшаяся в сильно развитой бюрократии с ее определенной независимостью и могуществом. Однако революционно-демократическая мысль имела в виду паразитизм именно самодержавия как формы власти. Тютчев же говорил о самодовлеющем паразитическом характере чиновничьей «клики», которую он с самодержавием не отождествлял. Сам поэт не мог не чувствовать всей противоречивости такого восприятия существующей власти. По сути, оно вело к признанию в стране некоего двоевластия — верховной власти самодержавия, не ведающего, что творят его министры и чиновники, и «клики» этих чиновников и министров, орудующей вопреки высшей воле «помазанника божьего». Мысль Тютчева безуспешно пыталась если не разрешить, то хотя бы примирить это противоречие, которое, несомненно, явилось источником глубокой «нравственной тревоги» поэта. Почему политическая система, признанная им наиболее совершенной и целесообразной, в реальном жизненном воплощении давала непрерывные доказательства несостоятельности? Почему, будучи в его сознании необходимой и жизнеспособной, она рекрутировала к себе на службу людей неспособных и недостойных? «Что же означает это всеобщее скудоумие, — вопрошал он, критикуя царских чиновников и стараясь не задеть „принцип“. — Что здесь причина, и что следствие?»⁵¹.

Зачастую поэт был близок к тому, чтобы усомниться и в самом принципе самодержавной власти, — действительность в изобилии представляла материал для этого. Когда что-то особенно его задевало, вызывало острое негодование — будь то проявление «неспособности» во внешней политике или произвол по отношению к печати, — он, казалось, готов был признать «уязвимость самого принципа»: чувствуя, как «колеблются самые основы всего здания», он испытывал при этом ту же неловкость, какую, по его словам, «должны испытывать искренне верующие католики, когда речь идет о принципе непогрешимости папы»⁵². И все же «здание» — система представлений и понятий о русской политической жизни и государственности, результат сколь умозрительных построений, столь и мифотворчества художника — продолжало существовать. Жизненные наблюдения и впечатления, которые, казалось бы, должны были опровергнуть эту предвзятую и отвлеченную схему, сами зачастую осмысливались под ее влиянием и подчинялись ей. Приверженность принципу самодержавия, подвергаясь испытаниям, колеблемая и распатываемая самой действительностью, продолжала жить в сознании поэта. В грозные для самодержавия годы она проявлялась особенно ярко, показывая Тютчева убежденным защитником Империи, ее абсолютистского строя.

Характерна позиция поэта в 1863 г. Поборник добровольного объединения славянских народов под главенством России, ратовавший за освобождение их от иноземного (турецкого и австрийского) ига, он выступил сторонником подавления восстания в Польше, решительно высказавшись против каких бы то ни было уступок восставшим. Так же, как и в 1830 г., Тютчев в 1863 г. верил, что в борьбе с повстанцами «кровь русская» лилась «не за коран самодержавья». В его представлении борьба шла не за государственно-самодержавные интере-

сы, а за нечто более широкое и значимое — за будущее объединение славянских народов. И перед лицом этого будущего, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», он и считал отпадение Польши от России величайшим злом и изменой. В то же время поэт различал в Польше родное сваянское «польское племя», которому Россия готова сочувствовать, и католически-шляхетскую Польшу с ее своекорыстными стремлениями, воплотившимися в программе восстановления Польши до «разделов» («от моря и до моря»). Этой «людской кривде» шляхетской католической Польши и противостоит «правда божья» — единство славянской Державы:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон,—

так выразил он убежденность в мертворожденности идеи восстания против Российской империи.

Подобная позиция сближала Тютчева с Катковым, ставшим в 1863 г. редактором «Московских ведомостей», и не случайно именно тогда начинается их переписка. Газета Каткова выделилась в русской печати — даже официальной — жесткостью линии в польском вопросе. Требуя скорейшего подавления восстания в Литве и Польше «железом и кровью», недавний «либерал-западник» выдвигал военную диктатуру как лучшее средство умиротворения восставшего края. Эти требования, соответствующие стремлениям «верхов» и господствующих классов, в кратчайшее время сделали «Московские ведомости» влиятельным органом. Министр иностранных дел кн. Горчаков был среди тех представителей правящего лагеря, кто обратил внимание на газету Каткова и попытался наладить с нею контакт, чтобы использовать в своих целях. По поручению министра, Тютчев едет летом 1863 г. в Москву, чтобы нащупать возможности такого использования⁵³. В архиве Каткова сохранилось письмо кн. Горчакова Тютчеву, по-видимому, тогда же, в июльские дни 1863 г., переданное, с ведома министра, редактору в качестве основы для переговоров. Высказывая похвалы общей позиции московской газеты, Горчаков выражал обеспокоенность принятой ею линией «наступательной войны» по отношению к европейским державам, особенно Францией⁵⁴. Усилия министра в те дни направлялись на то, чтобы не допустить вовлечения России в войну с западными державами, угроза которой была реальна⁵⁵. Англия и Франция пытались использовать польское восстание в своекорыстных целях, под видом защиты Польши оказывая давление на Россию, стремясь ослабить ее международные позиции. Агрессивный тон катковских передовиц, особенно по отношению к Наполеону III, представлялся в той обстановке опасным. Горчаков призывал редактора к сдержанности и осмотрительности в освещении внешнеполитических событий. В этом же смысле пытался воздействовать на Каткова и Тютчев — как в письмах к самому Каткову, так и к сотруднику его изданий А. И. Георгиевскому. Он объяснял, что дело идет не о сближении с наполеоновской Францией — союз с которой представляется ненадежным и самому министру иностранных дел, — а о том, чтобы не отнимать у императора Франции надежды на это сближение. Сам Тютчев считал, что диктатура Наполеона чревата появлением европейской коалиции против России.

В письмах к Каткову Тютчев предстает тонким дипломатом: осторожные критические замечания сопровождаются общими одобрительными оценками, рекомендация и пожелания — важной информацией из недр Министерства иностранных дел. Однако ни дипломатическое искусство Тютчева, ни привилегии, которые были даны «Московским ведомостям» министром иностранных дел в целях взаимного сотрудничества и которыми охотно пользовался Катков⁵⁶, не помогли ввести его в нужные министру рамки. Упрямый и своевольный редактор, уже тогда претендовавший на роль руководящего идеолога, не собирался пересматривать свою позицию. Считая, что наступление — лучший

вид защиты, он продолжал придерживаться этой тактики. Поняв невозможность использовать его газету в поддержку линии министерства, Горчаков охладевает к редактору. С годами сильнее расходится с Катковым и Тютчев (и, как будет видно, не только по внешнеполитическим проблемам). Высказывания поэта о московском публицисте становятся все более неприязненными, отрицательное отношение к нему — более определенным. Переписка их затухает в середине 1860-х годов.

Но в 1863—1865 годы отношения Каткова и Тютчева довольно тесные, и для них характерно взаимопонимание. Тютчев солидаризировался с выдвинутым «Московскими ведомостями» требованием военной диктатуры как главной меры по усмирению восставшего края. Когда линия газеты Каткова возобладала в «верхах» и на пост виленского генерал-губернатора был назначен (в мае 1863 г.) М. Н. Муравьев, прозванный «Вешателем», Тютчев всемерно поддерживал политику диктатора в Литве и пропагандировал ее всеми, в том числе и поэтическим, средствами.

Отношение к Муравьеву было в то время своеобразной политической характеристикой. Оно разделило на различные группировки и правящий лагерь. Главой антимуравьевской «партии» считался петербургский генерал-губернатор кн. А. А. Суворов. К ней относили также вел. кн. Константина Николаевича, министра внутренних дел П. А. Валуева и ряд других предстачителей «верхов», стоявших на великодержавных позициях, но считавших, что политика самодержавия в национальном вопросе должна быть более гибкой. Единомышленники кн. Суворова высказывали мнение о необходимости ограничить полномочия диктатора и срок действия диктатуры связывали с подавлением восстания. Они полагали, что жестокие и варварские действия Муравьева чреваты опасностью, так как разжигают дух сопротивления повстанцев, по-своему «революционизируя» край. Муравьевская «партия» (к которой оказался причастен Тютчев) сплотилась вокруг «Московских ведомостей». Вчерашние крепостники, противники реформы (гр. В. Н. Панин, гр. С. Г. Строганов), сошлись в ней — на почве сохранения единства и целостности империи — с предстачителями «либеральной бюрократии» (братья Н. А. и Д. А. Милютины, кн. В. А. Черкасский и др.). Газета Каткова доказывала, что военная диктатура необходима не только для подавления восстания, но и для дальнейшей перестройки управления восставшим краем с целью его большего слияния с империей.

В частности, Катков выступил с обоснованием мер, ставивших целью ликвидацию в западных губерниях крупного шляхетского землевладения, наделение за его счет земель местного крестьянства (в большинстве русского или литовского) и создание в его лице определенной опоры самодержавию против шляхты. Предпринятая в Литве, а затем в Польше крестьянская реформа, объективно прогрессивная, поскольку подрывала крупное землевладение, имела немало противников в «верхах». Тютчев, хотя и приравнивал ее к социальному перевороту (сторонником которого никогда не был), твердо ее поддерживал в целях решения того же польского вопроса⁵⁷.

С борьбой группировок в правящем лагере связано появление стихов Тютчева в вольной русской печати. В ноябре 1863 г. по случаю именин Муравьева его сторонники организовали (с целью демонстрации) подношение ему иконы Михаила-архангела. Среди отказавшихся участвовать в подношении и подписать адрес были министр внутренних дел П. А. Валуев, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр просвещения А. В. Головнин и петербургский генерал-губернатор кн. Суворов. Последний во всеуслышание заявил, что «не может сделать этой чести такому людоеду»⁵⁸. Вот этому эпизоду и посвятил Тютчев стихотворение «Его светлости князю А. А. Суворову». Герцен, посчитав, что оно «заслуживает небольшого места в „Колоколе“», поместил его здесь с уничижающими комментариями, раскрывающими недостойную русского поэта роль их автора в польском деле⁵⁹.

ОВСТУГ. ДОРОГА НА МЕЛЬНИЦУ

Акварель О. А. Петерсона. 20 апреля 1861 г.

Справа внизу подпись художника: «O. Peterson fec(it) 1861. 20 Avril». На паспарту надпись рукой неустановленного лица: «Vue d'Owstough. Route du moulin» («Вид Овстуга. Дорога на мельницу»)

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

В этих стихах Тютчев не столько осуждает Суворова — «гуманного внука воинственного деда», сколько пытается оправдать и даже героизировать мрачную и жестокую миссию Муравьева в Литве. Муравьев-вешатель, заливший кровью восставший край, превративший в тюрьмы даже монастыри, сжигавший целые села по одному подозрению в сочувствии повстанцам, изображен великим деятелем, отстаившим целость России, *«всем жертвуя призванью своему»*. Выделив эти строки курсивом, Герцен поставил здесь восклицательный знак. Действительно, было неясно, чем именно «жертвовал» Муравьев, облеченный неограниченной властью в крае, объявленном на военном положении, и смотревший на эту свою деятельность по усмирению «мятежной бодрости повстанцев» как на новую ступень карьеры.

В стихах, не согретых искренним чувством, современникам слышалась фальшь. «Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?..» — эти восклицания Герцена сопровождали публикацию стихотворения в «Колоколе».

«Сторонники» Муравьева, или, как они себя называли, «национальная партия», постарались использовать стихи Тютчева в агитационных целях⁶⁰. В одной из своих передовиц упомянул о них и Катков — вопреки цензурному запрету. Однако возбуждение судебного преследования газеты «значило бы, что правительственная власть заявила бы сочувствие к тенденциям ей враждебным», и инцидент был оставлен без последствий⁶¹. Недовольство правительства объяснялось как раз теми же причинами, по которым стихи были напечатаны в «Колоколе»: они показали раздоры по польскому вопросу в «верхах» и обнародовали красноречивое прозвище («людоед») государственного деятеля, облеченного высшей властью.

Из публикуемых в настоящем томе писем Тютчева Каткову и Георгиевскому, казалось бы, можно сделать вывод о полной солидарности его в польском вопросе с линией «Московских ведомостей», наиболее соответствующей интересам самодержавия. Однако, по собственному признанию поэта, значительно ближе ему была славянофильская газета «День». Именно точку зрения ее редактора И. С. Аксакова на польский вопрос называет Тютчев «единственно правильной» и говорит о ней как о своей собственной, именно у Аксакова находит он «разумный взгляд на дело и более действительное понимание вопроса, чем у кого бы то ни было», замечая, что Катков, за которым он признает «огромные услуги, оказываемые им (...) стране», понимает положение «не так ясно»⁶². Стоит пристальнее всмотреться в позицию Аксакова, чтобы глубже понять точку зрения самого поэта, поскольку непосредственных сведений о его отношении к польскому восстанию не так уж много.

Газета «День» в начале польского восстания часто появлялась без передовых. Чистые, не заполненные шрифтом столбцы ее красноречиво свидетельствовали о том, что точка зрения редактора не совпадает с официальной и не может быть выражена открыто. Но от передовиц Аксакова, прорвавшихся в печать, оставалось менее внушительное впечатление, чем от упомянутых цензурных изъятий, — настолько путаным и неясным, вопреки мнению Тютчева, было их содержание.

Газета Аксакова отличалась от «Московских ведомостей» признанием высоких целей повстанцев, героизма их борьбы. «Спросите поляков, за что они борются, и они ответят громко и смело: за отечество, за свободу, за свою народность и ее независимость. И это так», — писал здесь А. Ф. Гильфердинг⁶³, которого как поборника славянской идеи высоко ценил Тютчев. И «День» соглашался, что нельзя не воздать восставшим полякам уважения. Подобные мысли яростно опровергались газетой Каткова, на страницах которой польский патриотизм выступал фикцией. Но наряду с этим Аксаков, как и большинство славянофилов, выступал за скорейшее подавление восстания (пока оно не вызвало вмешательства европейских государств), высказывался за военную диктатуру с целью ликвидации «диктатуры революционной Жонда»⁶⁴.

Однако, не оспаривая целесообразности диктатуры для Литвы, «День» предостерегал от распространения ее на Польшу. Доказывая, что интересы будущего объединения славянских народов вокруг России требуют не отпадения Польши от России, а сохранения ее в рамках империи, газета Аксакова выражала уверенность, что после ликвидации восстания русские и поляки вернутся друг к другу для более тесного сближения. Намекалось здесь и на целесообразность предоставления Польше культурной автономии — опять-таки после подавления восстания.

Позиция Аксакова, столь близкая Тютчеву, была менее последовательной и логичной, чем жесткая программа Каткова, и последний, не без меткости, высмеивал ее двойственность: «Только некоторым русским писателям простительно в одно и то же время удивляться блестящему патриотизму польского движения и советовать тем не менее деятельно приступить к его подавлению, хотя бы то самыми „энергическими мерами“, разумея под этими мерами бог знает что»⁶⁵.

Однако такая раздвоенность у Аксакова — и, по-видимому, у Тютчева — возникла неизбежно. Убежденные сторонники освобождения славянских племен от иноземных угнетателей, могли ли они спокойно и безоговорочно поддерживать насильственное подавление восстания поляков за независимость? Но их план всеславянского будущего объединения предусматривал великодержавную российскую империю как первоочередное условие своего осуществления. Отпадение от нее таких частей, как Польша или Литва, рассматривалось не только как удар по престижу и достоинству империи, но и как угроза самой ее великодержавности. Не видя выхода из противоречия, славянофильская публицистика, настаивая на насильственном удержании Польши, утешала своих приверженцев сентенциями об особом положении славян в составе Российской империи: «...мы никогда не будем такими мастерами в темном искусстве — угнести,

стереть, обезнародить чужую народность, как пруссаки или австрийцы»⁶⁶.

«Московские ведомости» в решении польского вопроса исходили единственно из потребностей самодержавия, исповедуя исключительно «катехизис самой власти», если следовать выражению Тютчева⁶⁷. Аксаков, соглашаясь, что практические государственные потребности («теория государственного эгоизма») вынуждают к подавлению восстания, сознавался при этом, что они вступают в противоречие с «вечными началами любви и справедливости»⁶⁸. Солидаризируясь с «Днем», Тютчев отступал от официальной самодержавной точки зрения, проигрывая ей.

Однако опасность распада империи, рост в ней «сепаратистских» тенденций, усиливавшихся с развитием капитализма, с процессом складывания буржуазных наций, заставил и славянофилов признать необходимость более жесткого курса русификации, усиления централизации в национальной политике самодержавия.

Характерно с этой точки зрения отношение Аксакова и Тютчева к брошюре Шедо-Ферроти (бар. Ф. И. Фиркса) «*Que fera-t-on de la Pologne?*» (Bruxelles, 1864), обсуждение которой заняло значительное место в письмах Тютчева к Георгиевскому, публикуемых в данном томе. Инспирированное антимуравьевской группировкой, это выступление явилось попыткой обоснования необходимости более либерального управления в Польше. Показывая опасность курса, проповедуемого «Московскими ведомостями», как возбуждающего к сопротивлению и отпору, брошюра в качестве образца выдвигала правление в Польше вел. кн. Константина Николаевича, будто бы умиротворявшее край гибкой политикой, предусматривающей некоторые уступки (в частности, предоставление Польше в будущем культурной автономии).

Резко отрицательное отношение к брошюре Тютчева и Аксакова свидетельствует о твердости их великодержавной позиции. В выступлениях против брошюры Шедо-Ферроти (горячо поддержанных Тютчевым) Катков не остановился перед намеком на проникновение «польской интриги» в правительственные сферы. Это и вызвало длительные цензурные трудности для его газеты, в ликвидации которых такое участие, при посредстве Георгиевского, принял Тютчев в начале 1865 г. Используя свои высокие связи, он пытался ослабить цензурное противодействие «Московским ведомостям» со стороны министра внутренних дел Валуева, сторонника антимуравьевского курса⁶⁹. В конечном счете помогло не заступничество Тютчева — помогла общая обстановка, сложившаяся в 1866 г. после выстрела Каракозова в даря, послужившего сигналом к сплочению реакционных сил. Власть поняла, что позиция Каткова, со всеми ее крайностями, наиболее соответствует ее интересам. Империя, по сути, и не имела других реальных средств осуществления национальной политики, чем те, которые обосновал ее идеолог. Недовольство властей напором и прямолинейностью линии Каткова на протяжении 1864—1865 гг. являлось недовольством не сутью, а формой: предпочтительнее было, чтобы единство и целостность империи он отстаивал не столь грубо и откровенно.

Славянофильские издания перед угрозой распада империи все более изживают остатки либерализма в подходе к национальному вопросу. В частности, «Москва» Аксакова, которую столь энергично поддерживал Тютчев, уже не намекает на «культурную автономию» Польши и критикует правительство (совсем в духе «Московских ведомостей») за недостаточно последовательное и активное проведение курса «на полное слияние» края с империей.

Всякое покушение на строй этой империи, всякий ущерб, ему нанесенный, Тютчев, приверженец абсолютистской монархии, расценивал как угрозу исторической миссии России — объединительнице славян, ее «всемирной судьбе». Врагов самодержавия он отождествлял с врагами России и рассматривал как нечто единое целое — некую общую разнородную коалицию, объединенную целями и близостью средств. Наряду с польской шляхтой он включал сюда остзейских баронов, своей политикой онемечивания прибалтийских районов также угрожавших единству империи. В едином строю с ними воспринимал

Тютчев и русских революционеров⁷⁰. Такая — «охранительная» по своей сути — точка зрения проводилась и идеологом самодержавия в «Московских ведомостях». Резко отрицательное отношение к «нигилизму», под которым понималась демократическая идеология в самом широком смысле — не только революционная и социалистическая, — также сближает Тютчева с «охранителями». Сущность этой идеологии поэт представлял весьма смутно. Знакомство его с демократической литературой и журналистикой представляется более чем ограниченным. Ссылок на подобное знакомство нет в его письмах даже там, где он обличает «нигилизм». Связей — хотя бы косвенных, опосредованных — с демократической разночинной интеллигенцией у него тоже почти не было⁷¹. Общественная среда, к которой поэт принадлежал по происхождению и социальному положению и которой он сознательно ограничил круг своих общений, среда высшего, придворного слоя господствующих классов, высокопоставленных чиновников, и была наряду с официальной журналистикой источником его сведений о «нигилизме»⁷².

Жалобы и сетования поэта на скудость духовной жизни общества, на его умственную апатию, встречающиеся в его письмах начала 1870-х годов, справедливо будет отнести к той среде, которую он действительно знал. И его характеристика русского общества начала 1870-х годов как одного «из самых бесцветных, самых заурядных в умственном и нравственном отношении среди тех, что когда-либо появлялись на мировой арене», как общества, где нет стремлений⁷³, также должна быть отнесена именно к светской среде, с которой он был связан, к которой принадлежал. Незнакомый ему демократический слой русского общества жил интенсивной духовной жизнью, отзвуки которой едва ли доходили до тех высоких сфер, в которых вращался поэт. Так, в начале 1870-х годов — в период наибольших сетований его на «умственную апатию», на отсутствие общественных интересов — разночинная демократическая интеллигенция заинтересованно и пристрастно обсуждала статьи Н. К. Михайловского в «Отечественных записках», П. Миртова (П. Л. Лаврова) в «Неделе», книгу В. В. Берви-Флеровского, последний роман Ф. М. Достоевского «Бесы». «Нигилисты» спорили о том, «что такое прогресс», оправдана ли его цена в России. Мечтали, что страна пойдет своим, самобытным путем развития, не повторив горького опыта западноевропейских государств, избежав язв капитализма. Увлеченные теорией «неоплатного долга» интеллигенции народу, они готовились идти в крестьянство, чтобы вернуть этот долг. Ограничив свои связи высшим обществом, поэт значительно обеднил свою духовную жизнь: многое из того, на чем сосредоточилась демократическая мысль, прямо соприкасалось и с его раздумьями.

Столкнувшись с проявлениями революционного движения и демократической идеологии, Тютчев поначалу не склонен был придавать им серьезное значение. Студенческие волнения, движение молодежи в начале 1861 г. он уподобляет «брыку», т. е. (по В. Далю) беспокойному метанию скота в знойное оводное время⁷⁴. Тем самым поэт как бы подчеркивал временный, преходящий характер этого движения, связанный с горячим, переходным для страны периодом преобразований. Никаких социально-экономических корней революционно-демократического движения («нигилизма») Тютчев не видит, не улавливая связи между «беспокойным метаньем» молодого поколения и «нищетой и наготой» родного края, тревожившей его мысли и воображение. Он далек от того, чтобы разглядеть в нарождающейся разночинной интеллигенции выразительницу интересов тех «бедных селений», которые существующий строй обрек на немощу «долготерпенья». Но считая, как и представители официальной идеологии (во главе с Катковым), «нигилизм» величайшим злом русской жизни, Тютчев, в отличие от них, воспринимает это «зло» не как явление случайное, наносное, а как органическое порождение существующего режима, с его произволом и подавлением мысли. Именно поэтому он видит то, чего не хотят признать «охранители», — тенденцию «нигилизма» к росту и распространению. Призывая Аксакова налечь всей силой «справедного омерзения на этих выродков чело-

веческой мысли» (т. е. нигилистов), он обращает внимание, что ими «все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала»⁷⁵. Давнее и устойчивое убеждение Тютчева в том, что революционное движение порождается правительственным беззаконием, близко либеральной идеологии. «Вас развратило Самовластье», — обращался он к декабристам. Не принимая их борьбы, которую он оценивал как «вероломство», Тютчев немалую долю ответственности за нее возлагал на тот произвол, который и породил «безрассудную мысль» о перевороте. До конца жизни поэт был убежден, что власть, «которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения»⁷⁶.

Но понимая, что «насильственным подавлением мысли» можно «только раздражить и усилить зло»⁷⁷, Тютчев не мог не видеть неспособность самодержавия к идейной борьбе, в которой оно обычно действовало насилем — запретом, подавлением, но не оружием мысли.

Для Тютчева еще в дореформенное время становится ясным кризис официальной идеологии. «Безбожие» власти, под которым он понимал отсутствие нравственных идеалов, безыдейность, бездуховность, исповедование исключительно «катехизиса самой власти» неизбежно вели к потере авторитета самодержавной идеологии, к высвобождению молодого поколения разночинной интеллигенции из-под ее влияния, к распространению идей демократии, социализма, материализма.

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, роцшет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И создает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит...

Так в стихотворении «Наш век» (1851) воплотились наблюдения поэта над теми сложными идейными процессами, которые он воспринимал как всеобщие, характерные в «наш век неверия больной» не только для России, но и для всей Европы. Православие для Тютчева — необходимейший фактор социального развития, фактор, укрепляющий, очищающий, нравственно сплачивающий разнородное пореформенное общество с его растущими противоречиями. Однако, по-прежнему столь уповая на «ризу чистую Христа», поэт сам был в значительной мере сыном этого «века отчаянных сомнений». Муки человека, который «жаждет веры, но о ней не просит», выражены им с той силой и пронзительностью, которые могли явиться лишь следствием причастности к ним. И. С. Аксаков, близко соприкоснувшийся с внутренним миром поэта, говорил о религии Тютчева как о «вере, признаваемой умом, призываемой сердцем, но не владевшей им всецело, не управлявшей волей, недостаточно освещавшей жизнь, а потому не вносившей в нее ни гармонии, ни единства»⁷⁸.

Но тем настойчивей держался Тютчев за религию, видя в ней ту «извне опору», которую не могли дать ни верховная власть, ни существующий строй. И наблюдая, как в среде разночинной интеллигенции утверждается новая, демократическая идеология — с ее материалистическим миропониманием, отказом от религии, освящающей существующий порядок, — поэт расценивал ее как иссушающее безверие, гибельный бунт. Но обезоружить «нигилизм», в его представлении, и можно было только идейно, а не посредством материальной силы.

Когда после выстрела Каракозова (4 апреля 1866 г.) председателем Верховной следственной комиссии был назначен Муравьев («Вешатель»), Тютчев писал: «Я, напр (имер), радуюсь назначению Муравьева, который, как специалист, лучше и скорее других обличит корень зла, — но вырывать этот корень — на это требуются другие силы, а где они, эти силы?»⁷⁹

Это откровенное высказывание в письме к единомышленнику свидетельствует, что, приглашая, по поручению Муравьева, Каткова к сотрудничеству со

Следственной комиссией⁸⁰, сам Тютчев мало верил в действенность его обличительных «катилинарий». Заинтересованность Муравьева в редакторе «Московских ведомостей» объяснялась желанием, чтобы эта влиятельная газета шире и ярче осветила деятельность Следственной комиссии. Муравьев в своих целях стремился раздуть дело Каракозова до обширного заговора, связанного с «польской справой», и двигал следствие в этом направлении.

Катков же, считавший, что во время польского восстания Муравьев действовал недостаточно последовательно и именно поэтому был преждевременно смещен, уже охладел к нему и на зов Тютчева не откликнулся — в Петербург не приехал. В своей газете он хотя и писал о каракозовском деле как части польского заговора, однако, вопреки намерениям Муравьева, подчеркивал ничтожность «шайки злодеев», ее беспочвенность⁸¹. Что же касается мер, пригодных для того, чтобы «вырвать корень зла», то крупнейший «охранительный» публицист, в отличие от Тютчева, верил безгранично и только именно в репрессии.

Идейная несостоятельность самодержавия в борьбе с освободительным движением, политика произвола и подавления мысли («убийственная мономания» в идеологии) — все это заставляло предвидеть рост «нигилизма». Вот почему Тютчев не разделял оптимизма Каткова, с официальной бодростью заверявшего, что зло «нигилизма» не может «долго держаться посреди общества чуткого, бодрого, патриотически настроенного»⁸². И все же быстрота распространения демократических и социалистических идей оказалась для поэта непредвиденной. Симпатии к Парижской Коммуне, которые обнаружились в русском обществе в начале 1871 г., явились для него неприятным открытием и, по-видимому, внушили сомнения в «особой стати» России, поскольку наводили на мысль о сходстве русских и европейских общественных тенденций развития. Тютчева, в предвзятом представлении которого социализм неразрывно соединялся с анархией, безверием, безнравственностью, поразило «горячее сочувствие» к Коммуне «людей серьезных — ученых — и даже нравственных»; «не доказывает ли это, — размышлял поэт, — что корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца»⁸³. Но у самого Тютчева восприятие русского освободительного движения было в определенном смысле как раз умозрительным, опиралось на представление, составленное по самым мутным и недостоверным источникам. Какие, например, объективные данные о нем мог получить поэт по рассказам Муравьева, с которым довольно часто соприкасался в период следствия по делу Каракозова, если даже в официальных документах сведения о программе и тактике революционеров оказались грубо фальсифицированными⁸⁴.

Как бы ощущая приблизительность и недостаточность своих сведений о революционной России, поэт продолжал пристально всматриваться в нее — столь же враждебную и чуждую, сколь и притягательную. Не это ли заставило его в жаркие июльские дни 1871 г. как на службу ходить в зал суда, где шел первый в России политический судебный процесс — над «нечаевцами»? Надо признать, что для знакомства с русской революционной средой, для ее понимания этот процесс давал материал весьма противоречивый. На суде вскрылись те неприглядные средства и формы борьбы, которые С. Г. Нечаев пытался внести в революционное движение, но которые в нем так и не прижились. «Целый мир тяжелых мыслей и чувств» возбудил у Тютчева суд над «нечаевцами»; но он увидел то, чего не хотела замечать официальная печать, — убежденность революционеров: «Что может противопоставить этим заблуждающимся, но пылким убеждениям власть, лишенная всякого убеждения? Одним словом, что может противопоставить революционному материализму весь этот пошлый правительственный материализм?»⁸⁵

И все же Тютчев верил в то, что возможно избежать революционных потрясений. «Перерождение, а не переворот» — такое стремление он разделял вместе с И. С. Аксаковым и вместе с ним в реформах 1860-х годов видел залог возможности такого развития.

ТЮТЧЕВ

Фотография Г. И. Денъера. Петербург, май 1864 г.
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

В одном из писем к Каткову, публикуемых в настоящем томе, Тютчев, по поручению кн. Горчакова, наставляя редактора московской газеты, формулировал точку зрения, которую следовало бы четко проводить: «...настоящ(ая) политика России — не за границею, а внутри ее самой: т. е. в ее последовательном, безостанов(очном) развитии»⁸⁶.

Эта точка зрения во многом объясняет ту поддержку, которую встречал у Тютчева миролюбивый курс внешней политики, проводившийся министром иностранных дел, его отношение к войне как величайшему злу. В письмах самого Тютчева, в его публицистике и публицистической поэзии проблемы внешнеполитические явно преобладают над всеми остальными. Такое преобладание характерно и для впервые публикуемых в настоящем томе материалов. Объясняется это не пренебрежением поэта к вопросам внутренней жизни, а своеобразным пониманием их соотношения с вопросами внешнеполитическими. В его письмах не раз мелькает выражение (явно идущее от дипломатической служ-

бы) «ключ позиции» или «ключ положения». Определить «ключ позиции», к чему он не раз призывал И. С. Аксакова, — значит наметить наиболее существенный, ключевой вопрос, решением которого спасается положение в целом. Таким «ключом позиции» пореформенной России Тютчев считал решение «самого глубокого, самого заветного из всех наших вопросов» — вопроса славянского, «в своем бесконечном разнообразии», охватывающего все другие вопросы⁸⁷. Мало веривший в творческие возможности верховной власти, в ее «радение» к реформам, Тютчев полагал, что именно внешнеполитические задачи окажут на внутреннюю политику свое стимулирующее воздействие. Их постановка и решение должны были способствовать осознанию всемирно-исторической роли России и тем самым произвести в ней «правственный переворот», которому предстояло затронуть и правительство, и все слои общества — от верхушки петербургских чиновников до нигилистов. А все это, в свою очередь, послужило бы толчком к внутреннему преобразению страны.

Преобразование это предусматривалось и для государственного строя. Понимая невозможность существования самодержавия в неизменном виде, характерном для прошлых веков, Тютчев считал неизбежными некоторые изменения, не касающиеся его основ, но имеющие целью определенную модернизацию этого института, его обновление. При этом он был убежденным противником каких-либо заимствований с Запада, перенесения на русскую почву европейских учреждений и институтов — не только как чуждых, неорганичных для России, но и как на опыте доказавших свою непригодность. Тютчев одинаково отрицательно относился ко всем европейским государственным формам, в его представлении «составляющим, в сущности, одну-единую демократию»⁸⁸. Ему равно претили и кайзеровская парламентарная монархия, и «французского бесчинства // Республиканский хитрый строй». Внимательный и осведомленный наблюдатель западноевропейской жизни, поэт отчетливо видел изъяны буржуазной демократии, вполне обнаружившей во второй половине XIX в. свои недостатки. Было очевидно, что строй этот не приобщает народ к государственному управлению и политической жизни, не спасает страну от социальных потрясений.

Справедливо отмечая пороки буржуазного парламентаризма, Тютчев в то же время склонен видеть в нем нечто низшее по сравнению с самодержавием. Он решительно против внесения его принципов в русскую жизнь. «Как убедить народ Русский, чтобы он согласился дать себя опутать, в лице своего единственного законного представителя, царя, — этою ухищренною паутиною, т(ак) с(казать), обрек себя на умышленную неподвижность, чтобы при каждом живом действии невольно и нечаянно не порвать на себе всей этой ухищренности?» — вопрошал он⁸⁹.

Славянофильская идеология, к коей Тютчев, не будучи вполне славянофилом, все же чувствовал определенную близость, рассматривала самодержавие как основной из устоев народной жизни, как органичное порождение русской истории, которое необходимо сохранить и в будущем — в качестве основы самобытного развития. Тютчев разделял славянофильскую идею об отсутствии в самодержавной России *средостения* между властью (царем) и народом. При правильном взаимодействии этих начал — народа и власти — «конституционные затеи», доказывал он, не только излишни, но и вредны. Идея самодержавия, жившая в сознании поэта, — порождение не только его ищущей мысли, но и неотделимой от нее фантазии. Являясь в определенной мере реакцией на пороки буржуазной демократии, призванная служить ей антитезой, она воплощала утопическую мечту об отеческой власти над народом, не заслоняемой от него фальшивым представительством. Насколько наивен и незрел Тютчев-монархист, показывает формула, которой он пытался определить закон будущего развития России — «закон нашей возможной конституции». «Чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ», — по-славянофильски провозглашал он⁹⁰. А ведь, как уже говорилось, анализируя конкретные проявления власти, он сомневался даже в том, сможет ли она быть хотя бы посредником между помещика-

ми и крестьянами при проведении реформы, не говоря уже о том, чтобы выразить интересы народа⁹¹. Наивный монархизм Тютчева в его решении проблемы государства простирался до утопических рассуждений о «традициях правительственного социализма, составляющих великую славу и основную силу власти в России»; под «правительственным социализмом», как можно догадаться, имелись в виду попечительская политика самодержавия и его роль регулятора в отношениях между различными социальными группами⁹². Но и эту роль самодержавие не в состоянии было исполнить в силу своей феодальной природы, так как оно выражало интересы, прежде всего, дворянства.

В доказательство отрицательного отношения Тютчева к представительным учреждениям и консервативности его политических взглядов обычно ссылаются на эпиграмму «Ответ на адрес», написанную в 1865 г. по поводу адреса Московского дворянства:

Себя, друзья, морочите вы грубо —
 Велик с Россией ваш разлад.
 Куда вам в члены Английских палат?
 Вы просто члены Английского клуба...

В комментариях к этой эпиграмме во всех без исключения изданиях Тютчева (вплоть до самых последних) объясняется, что она вызвана требованием созыва Земской думы, выдвинутым московским дворянством⁹³. Однако в адресе московских дворян, который был отрицательно встречен и либералами, и славянофилами, и революционной демократией⁹⁴, отразились преимущественно олигархические стремления дворянства. Прося царя о созыве выборных от «Земли русской», московские дворяне считали необходимым предварительно «допустить избрание лучших людей верного дворянства»⁹⁵. Речь явно шла об особых преимуществах для этих «лучших людей» в будущей Думе, которая мыслилась по английскому образцу — двухпалатной. Газета «Весть» — орган олигархически настроенного дворянства, стремившегося утраченные в ходе реформы привилегии возместить усилением своей политической роли, — недвусмысленно относилась к «лучшим людям дворянства» крупных землевладельцев. Инициаторы адреса (московский предводитель дворянства гр. В. П. Орлов-Давыдов и недавний противник реформы крепостник Н. Безобразов) были весьма близки этой газете, к которой Тютчев высказывал самое неприязненное отношение и с которой издания Аксакова вели серьезную полемику⁹⁶. Поэт не случайно называет их членами Английского клуба — столь же крепостнического по составу, как и во времена Фамусова. Тютчев верно уловил, что в истории с адресом «закваска всего дела была нехороша», и ощутил в нем «шляхетское начало»⁹⁷.

Но и приверженности к идее Земского собора в ее славянофильской интерпретации у Тютчева на протяжении пореформенного десятилетия не обнаруживается. Славянофильская мысль доказывала, что введение подобного учреждения будет возвращением к традиционным формам допетровской истории. Имелся в виду законосовещательный орган, призванный выразить «силу мнения народа», оставив «силу власти царю».

В понимании Тютчева, новые — представительные, но не совпадавшие по своему смыслу с западноевропейскими, — институты должны были постепенно вырасти на почве традиционных устоев русской жизни и ее новых пореформенных учреждений. «Земству, одному всецелому русскому земству, принадлежит в будущем право народного представительства, — но дайте же ему время и возможность сложиться и устроиться. Теперь же всякое представительство будет ложь», — доказывает поэт⁹⁸.

Первые шаги либеральной земской оппозиции напоминали ему политическую игру, а не политическую борьбу, которой он был свидетелем на Западе. Такому восприятию способствовала неразвитость политической жизни в стране, отсутствие в ней элементарных гражданских свобод. Изначальная несостоятельность русского либерализма была во многом очевидна для такого проница-

тельного наблюдателя. Иронически отнесся поэт к разгону правительством Петербургского земского собрания в 1867 г., выдвинувшего самые робкие требования (в частности, протестовавшего против ограничения земской компетенции). С одинаковым сарказмом высмеивает Тютчев обе силы, вступившие в конфликт; — правительство и земство. Пренебрежительную и злую насмешку вызывают у него действия царских сатрапов, готовившихся к операции по укрупнению земства, как к сражениям на баррикадах, осуществивших ее без единого намека на сопротивление, но императору доложивших о ней как о весьма рискованной и сложной; и столь же нелепыми и достойными осмеяния предстают в его глазах земцы, сдавшиеся без боя, заранее отступившие от своих же требований, для них самих не очень ясных⁹⁹.

Судебная реформа была встречена Тютчевым столь же благожелательно, как и земская. С механизмом действия нового суда он впервые на практике познакомился на первом политическом процессе в 1871 г. Приговор «нечаевцам», на «мягкий» характер которого негодовала официальная и официозная печать, он счел справедливым¹⁰⁰. Восхищение его вызвала талантливая адвокатура, которую он впервые узнал на этом процессе, — и это опять-таки шло вразрез с оценками казенной прессы¹⁰¹. Самая демократическая из всех проведенных самодержавием реформ — судебная, вводящая в русскую жизнь суд присяжных, гласность, состязательность судебного процесса, подвергалась и самым ожесточенным нападкам «охранителей». И Катков, и набравший тогда силу Победоносцев все более проникались убеждением в несовместимости новых судебных учреждений с самодержавным строем и его принципами. Свои доказательства этому давал для них и первый политический процесс, возбудивший сильное недовольство в «верхах». В Тютчеве же он поселил уверенность, что новый суд сыграет важную роль в обновлении общественного строя. Радостно изумляясь тому, «до какой степени привился у нас правильный и самостоятельный суд», Тютчев увидел в нем «могучий зародыш новой России»¹⁰².

Как видно из публикуемых в данном томе писем поэта (особенно к Каткову и Георгиевскому), его волновали и проблемы образования, реформа учебного дела в стране. Резко отрицательно отнесся он к деятельности министра просвещения А. В. Головнина, подготовившего учебную реформу 1864 г., которая увеличивала контингент учащихся в средних учебных заведениях и несколько облегчала сам учебный процесс. Столь же отрицательно встретил Тютчев и университетский устав (1864), расширявший автономию университетов. В неприятии этих преобразований сказалось антидемократическое течение во взглядах поэта. В противоведствии Головнину он вполне сошелся с Катковым¹⁰³.

Редактор «Московских ведомостей» явился одним из вдохновителей реформы 1871 г., введившей в основу учебного дела принцип классицизма с его сосредоточенностью на древних языках, ограничением преподавания словесности и особенно естествознания, в котором официальная идеология усматривала основу материализма. Однако еще ранее, чем реформа была проведена в жизнь, Тютчев стал убеждаться в непригодности классической системы на практике. Лицей Каткова в Москве, где обучался сын Тютчева и Е. А. Денисьевой Федя, по замыслу его основателя, должен был стать образцом классического образования. Но и сам Федор Иванович, и старшая дочь поэта, умная Анна Федоровна Аксакова, в семье которой воспитывался Федя Тютчев, наблюдая воздействие разработанной Катковым системы в повседневной действительности, воспринимали ее все более отрицательно. «Классическая система всегда казалась мне самым жалким из предрассудков, которые обличают в тех, кто их еще принимает, расположение к монополии»¹⁰⁴. Тютчев верно угадал смысл классического образования — как «системы всеобщего оупения», сводившейся к устранению посторонних (неофициальных) влияний на молодое поколение. Несомненно, что для поэта была ясна несостоятельность реформы в предотвращении распространения «нигилизма». Высказав себя противником классицизма, Тютчев расходился в этом вопросе с такими ярыми его приверженцами, как весьма близ-

кие ему в повседневной жизни И. Д. Делянов, А. И. Георгиевский, Б. М. Маркевич — видные деятели реформы 1871 г.

Во впервые публикуемых письмах поэта, как и в ранее известных, отразился особо пристальный интерес его к политике в области печати, ко всем ее зигзагам — от «послаблений» до ужесточений. Интерес этот связан с жизненным призванием поэта, с его общественной и публицистической деятельностью и, наконец, с его службой в цензурном ведомстве. Печать для него была мощным фактором воздействия на правительство и общество. Реформы ее он не просто ждал с нетерпением, но и всемерно старался ей содействовать.

В 1857 г., используя посредничество кн. Горчакова, Тютчев пишет с этой целью «записку», где выступает за ограничение цензуры, доказывая, что в интересах самой власти не следует «налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение»¹⁰⁵. Однако «в верхах» не считали цензурную реформу неотложной. Новый устав о печати был подготовлен лишь к 1865 г. Тютчев отнесся к нему критически, но, сохраняя некоторые иллюзии (по-видимому не без влияния неофициальных заверений Валуева), рассматривал его как меру переходную, имеющую цель «вести русскую печать от ее прежней беспорядочности — к полноправию закона, со всеми его необходимыми гарантиями»¹⁰⁶.

Сам весьма неудовлетворенный уставом, он в то же время отрицательно встретил критику его на страницах демократической и либеральной журналистики. Ни в чем, казалось бы, Тютчев так близко не сходилась с демократической мыслью, как в отношении к печати, к цензуре. Однако, не допуская и возможности действовать вместе с «Современником», настойчиво обращавшим внимание на непригодность нового устава по делам печати, Тютчев — в целях давления на правительство — ориентировался на издания более ему близкие, но значительно менее последовательные в подходе к цензурной реформе. Он пытается привлечь «Московские ведомости» к обоснованию и пропаганде политики «невмешательства» правительства в дела прессы. Заручившись обещанием Валуева, которое выполнено не было, он уверял Каткова, что в «Северной почте» статья с подобным обоснованием уже готовится. Разумеется, ничего похожего не появилось и не могло появиться в органе Министерства внутренних дел. Правительство не собиралось давать «гарантии» невмешательства в дела печати — это было бы противно принципам самодержавия. Что касается Каткова, в союзники в борьбе с цензурой он явно не годился. Предпочитая добиваться для своих изданий исключения из общих правил путем закулисных переговоров в «верхах», редактор «Московских ведомостей» отнюдь не был заинтересован в облегчении этих правил для всей печати.

У страха глаза велики.

— Вздор! этой тишине доверяться нельзя: из всех щелей пахнет враждебным. Чорт возьми, какой скверный дух! Надо скорей законопатить все входы и выходы.

«У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ»

Карикатура на М. Н. Каткова

Подпись: «Вздор! этой тишине доверяться нельзя: из всех щелей пахнет враждебным. Чорт возьми, какой скверный дух! Надо скорей законопатить все входы и выходы»

В альбоме: «Неугасшие искры». Альбом карикатур и поучительных рисунков (на память многим). СПб., 1864

По письмам Тютчева можно проследить, как надежды в области цензурной политики сменяются у него столь же сильным разочарованием, с тем, чтобы снова дать место иллюзиям. Каждая перемена в личном составе цензурного управления сопровождалась такими иллюзиями, каждое столкновение с его чиновниками в живом и серьезном деле — горечью и отчаянием. Сущность цензурной политики поэт в значительной мере постигал не на службе, внутри цензурного ведомства, а вне его, когда в качестве заинтересованного и пристрастного лица следил за борьбой с цензурой И. С. Аксакова. В русской периодической печати аксаковские издания были ему самыми близкими — особенно «Москва» (издававшаяся с конца 1866 г.) и заменивший ее на время цензурных приостановлений «Москвич». Издания были затеяны при содействии крупной московской буржуазии, стремившейся иметь свой печатный орган и пожелавшей в этих целях воспользоваться литературным именем и публицистическим талантом Аксакова¹⁰⁷.

С «Москвой» Тютчев не просто солидаризировался, как с «Днем», — он ее всемерно поддерживал, содействовал ей всеми способами. К моменту ее издания (с января 1867 г.) он уже породнился с Аксаковым, ставшим мужем его старшей дочери Анны Федоровны. Однако письма Федора Ивановича к Аксаковым обращены скорее к единомышленникам, нежели к зятю и дочери. Семейные заботы и тревоги (связанные, в частности, с трудной беременностью Анны Федоровны, вышедшей замуж далеко не молодой) отступают перед вопросами общественными. В этом смысле письма поэта Аксаковым принадлежат не столько эпистолярному жанру, сколько публицистике.

Задуманная как газета «политическая, экономическая и литературная», «Москва» уделяла преимущественное внимание проблемам экономического развития России — сказывалось пожелание участвовавших в ее основании промышленников. Львиная доля передовых статей посвящена отстаиванию покровительственной политики, системе тарифов, которая могла бы оградить молодую русскую промышленность от иностранной конкуренции, положению ее различных отраслей — от металлургии до бумагопрядильного производства, железнодорожному строительству и судоходству. В письмах Тютчева откликов на эти материалы газеты почти нет. Значительно больший интерес, судя по письмам, проявлял он к общественно-политическим выступлениям газеты — защите ею новых судебных учреждений, земства, гласности «от притязаний и тупого непонимания и благонамеренного невежества». Главное же в письмах поэта к Аксаковым — проблемы внешней политики России. Центральный вопрос, на котором фактически сконцентрированы эти письма, — славянский.

В своеобразном панславизме Тютчева, да и Аксакова, в это пореформенное время произошли явные изменения. И дело не в том, что панславизм этот «ослабел» и что «великая миссия России как объединительницы славянства уже поставлена Тютчевым под сомнение»¹⁰⁸. В эту миссию поэт продолжал верить безгранично, однако понималась роль России уже несколько иначе. Если пользоваться терминологией тех лет, тютчевский «политический панславизм» все более уступал место «панславизму духовному». Будущее объединение славян мыслилось, прежде всего, на культурно-исторической, а не на самодержавно-государственной основе. Особое значение в нем поэт отводит нравственным связям, общности религии и культуры. Россия, в его понимании, должна явиться по отношению к славянским племенам силой не внешней, хотя и дружественной, а неким нравственным и идейным центром их сплочения. Основой объединения должны стать общая культура, язык (русский), православие, а главное — взаимная необходимость в этом союзе, оплоте против чужеземных завоевателей и притязаний католицизма. В аксаковской «Москве» историческая миссия России и понимается как пробуждение славянских народов к жизни, к борьбе за независимость от чужеземного ига, к сплочению вокруг естественного для них идейного и культурного центра, каким представлялась Российская империя. Газета не только не предreshала политические формы этого славянского братства, но как раз и подчеркивала, что это вопрос отдаленного будущего, что он «еще не суще-

ствует как настоятельный политический вопрос, еще не поставлен событиями»¹⁰⁹. В идее всеславянского единства под главенством Российской империи больше поэзии, фантазии, мифотворчества, чем политического реализма. Однако все ближайшие политические задачи, которые соразмерялись с этой главной стратегической целью — самой по себе иллюзорной, — ставились Тютчевым весьма трезво и продуманно. И хотя все события в Европе, расстановка в ней сил оценивались опять-таки с точки зрения содействия этой же, по сути утопической, цели, оценки Тютчева были реалистическими и, как правило, точными.

Курс министра иностранных дел кн. Горчакова на выход России из политической изоляции, на ликвидацию позорного Парижского трактата (результата поражения в Крымской войне), на усиление влияния России на Балканах находил поддержку в славянофильской печати. Одобрял его и Тютчев, считая при этом, что проводится он недостаточно активно. В письмах его немало сетований на косность и «бессознательность» в высших сферах по отношению к внешнеполитическим задачам, на неумение правительства оценить вновь возникающие трудности, понять свои выгоды, правильно учесть сложившуюся обстановку. Поддерживая политику Министерства иностранных дел как миролюбивую и соответствующую национальным интересам России, Тютчев считал, что ее непрерывно надо «подталкивать». Газета Аксакова, рассчитанная на влияние не только «на публику», но и на «верхи», и должна была в этом смысле способствовать активизации внешней политики. В своих письмах Тютчев указывал на те слабые звенья в этой политике, на которые газета должна была обратить внимание. Не раз Тютчев предлагал редактору «налечь всей силой убеждений» на тот или иной вопрос, недостаточно учтенный русской дипломатией или же, с его точки зрения, не совсем верно ею понятый. И Аксаков в своих передовых «налегал» на разъяснение настроенно-враждебного отношения наполеоновской Франции к усилению России, мотивируя невозможность прочных соглашений между ними. Анализировал противоречия между Пруссией и Францией, показывая их непримиримость (Тютчев уже в середине 1860-х годов считал войну между ними неизбежной), обосновывал необходимость ориентации на Пруссию, заинтересованную в ослаблении Франции, обращал внимание на опасность союза последней с Австрией и указывал на способы, которыми можно было предотвратить этот союз. В соответствии с советами Тютчева, рассыпанными в его письмах, «Москва» поддерживала национально-объединительные движения в Италии и Пруссии, разоблачала вредную роль папства, его притязания на политическое господство. Тютчев же подсказал важность вопроса о судьбах австрийских славян в преддверии распада Австрийской империи. Серьезное внимание уделяла газета Аксакова внутренним противоречиям в западных странах — рабочему и социалистическому движению в них. Тютчев считал их важным фактором внешней политики.

Роль Тютчева в аксаковских изданиях — тема, требующая специальной разработки и весьма плодотворная для изучения и журналистики, и общественной борьбы в пореформенной России. Но даже самый общий сравнительный анализ публицистики «Москвы», «Москвича» и содержания тютчевских писем дает возможность говорить о фактическом сотрудничестве поэта в изданиях Аксакова — настолько ясно вырисовывается его роль в решении ряда внешнеполитических проблем, в расширении международной тематики этих изданий. Вряд ли можно переоценить значение для них Тютчева и как источника информации. Всегда хорошо осведомленный благодаря связям в «верхах», он снабжал редактора сведениями о расстановке сил в правительстве, о возможных здесь перемещениях, о готовящихся мерах в области внутренней политики и предпринимаемых шагах в области политики внешней.

Далеко не все рекомендации Тютчева принимались. Так, Аксаков не внял настоятельному совету не касаться прибалтийского вопроса и продолжал указывать на опасность онемечивания остзейскими баронами коренного населения края. Это послужило одной из причин недовольства газетой министра внутренних дел Валуева, вынужденного считаться с сильным влиянием при дворе

группировки крупных прибалтийских землевладельцев. Не воспользовался Аксаков и идеей поэта отстаивать необходимость русского языка в качестве общего для всех славянских племен, что, по мнению Тютчева, должно было сыграть решающую роль в развитии славянской общности¹¹⁰.

Личность по-своему незаурядная, вполне сложившийся как писатель, публицист, общественный деятель, Аксаков вовсе не был рупором Тютчева. Сотрудничество их основывалось на общности или сходстве позиций, при определенной независимости каждого. Вот эпизод из истории издания «Москвы», подтверждающий и самостоятельность Аксакова, и то, что он, в свою очередь, оказывал влияние на поэта.

23 ноября 1867 г. (т. е. в день рождения Тютчева) «Москва» получает второе предостережение цензуры (за резкую критику таможенной политики правительства). 26 ноября Тютчев пишет редактору, предлагая ему план действий: на предостережение ответить молчанием и, выждав несколько дней, изложить «со всевозможною сдержанностью и спокойствием <... > profession de foi» * своего издания, «начиная с самодержавия и кончая <... > тарифом». 28 ноября появляется самая большая в истории издания передовица, равная по объему трем обычным (7 столбцов, полторы газетной полосы), излагавшая, как и советовал Тютчев, программу Аксакова — «от самодержавия до тарифа». Однако изложение сделано в прямой полемике с властью, давшей предостережение, с целью доказать его необоснованность. Аксаков отвечал не только противникам, но и единомышленникам, советовавшим ему смириться, промолчать в ответ на цензурную кару. «Мы не можем молчать, — возражал на это редактор, в том числе и Тютчеву, — не должны молчать: молчание с нашей стороны было бы преступлением»¹¹¹. Статья гневно и резко (Тютчев же настаивал: «чем сдержанней, тем действенней») обвиняла «высшую литературную полицию» (цензуру) в оскорблении достоинства гражданина, писателя, русского человека. 29 ноября последовало третье цензурное предостережение, означавшее прекращение издания. И Тютчев, хотя и советовавший иной путь действий, не может не восхититься этим «актом гражданского мужества», не может не признать «нравственной силы» аксаковского протеста.

Много, но безрезультатно пришлось потрудиться Тютчеву, отстаивая эту дорогую для него газету от нападков цензуры в условиях начавшейся в 1866 г. правительственной реакции.

Судьба аксаковских изданий, несмотря на огромную закулисную помощь Тютчева, вооруженного значительными связями в правящих сферах, — еще одно подтверждение несовместимости самодержавия с какими бы то ни было отклонениями от казенного мирозерцания, подтверждение нежелания власти мириться с «инакомыслящим» органом, даже верноподданническим в своих основах. За два года существования «Москва» получила девять предостережений, трижды приостанавливалась и, наконец, в феврале 1868 г. была прекращена¹¹². Тютчев справедливо считал деятельность редактора этого славянофильского издания борьбой, сравнивая участь его жены, своей дочери Анны Федоровны, с долей «жены солдата». Таким своеобразным полем битвы была и вся русская неофициальная журналистика, но для разных ее участков характерен и разный накал борьбы, и разная степень ее опасности, и разница в приносимых жертвах. Не жалевший в этой борьбе «усталых сил», Аксаков поплатился за нее своими изданиями и немалыми средствами, в них вложенными. Отвергая его направление, самодержавие проявляло свойственную ему идейную нетерпимость, но ощущало при этом славянофильскую журналистику не врагом, а лишь вредной помехой, которую следует устранить. Запрещая одно за другим аксаковские издания, правительство не закрывало их руководителю возможность дальнейшей публицистической деятельности, и она продолжалась — вплоть до начала 1880-х годов. Иная участь ждала тех, кто боролся в печати за новую Россию — без самодержавия и крепостничества: вспомним судьбы Белинского, Чернышев-

* символ веры (франц.).

И. С. АКСАКОВ

Фотография Г. И. Дензера. Петербург, середина 1860-х годов

Еставлена в бронзовую складную рамку для восьми фотографий вместе с портретами членов семьи Тютчева: жены — Эрнестины Федоровны, дочерей — Анны, Дарьи, Екатерины и Марии, сыновей — Ивана и Дмитрия. По свидетельству Н. И. Тютчева, это собрание фотографий принадлежало Тютчеву

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

ского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Шелгунова, Михайловского, Станюковича.

Во впервые публикуемых в настоящем томе письмах Тютчева отразилась вся гамма чувств, которые поэт испытал, следя за единоборством Аксакова с цензурой, — от бессильного негодования до растерянности и горечи. «Объявить преступным направление такого издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, главное отрицание которых равнялось бы *государственной измене*, — это нечто близкое к безумию!», — восклицал он в смятении¹¹³. Драматизм положения и редактора славянофильского органа, и стоявшего за ним (и рядом с ним) его единомышленника и вдохновителя Тютчева в том и состоял, что, искренне считая себя служителями существующего строя, ревнителями его принципов и начал, не сомневаясь, что своей критикой они лишь укрепляют эти начала, в глазах самодержавия они оказались не только ненужными, но и вредными. Тютчев, не раз отмечавший тягу власти к «убийственной мономании», так до конца и не понял,

что самодержавие претендовало не только на идейную гегемонию, но и на идейную монополию, стремилось к такому «единомыслию» своих подданных, которое исключало бы иные, кроме казенной, точки зрения на его политику и идеологию. Поэт не хотел соглашаться с тем, что «свободная печать невозможна при самодержавии», отстаивая в споре противоположное мнение¹¹⁴. Но чем же он мог его подкрепить? Не менее красноречиво, чем запрещением «Москвы», власть заявила свое отношение к свободе печати и в связи с адресом Московской городской думы 1870 г. Адрес, составленный Аксаковым и одобренный Тютчевым, был отвергнут правительством из-за робкой просьбы предоставить «большой простор мнению и печатному слову, без которых никнет дух народа и нет места искренности и правде в его отношении к власти»¹¹⁵. То, что так и не смогли уразуметь Аксаков и Тютчев, находившиеся в плену отвлеченных представлений о самодержавии, прекрасно сознавали Катков и Победоносцев, исходившие во всем из интересов и потребностей этой власти, этой меркой все мерившие. Они-то понимали ее несовместимость с «простором мнений». «Не могли же мы ожидать, — толковывал Аксакову Победоносцев, — чтобы государь понял и принял в идее, как целое, формулу свободы: слишком хорошо известно, что в последнее время стало ему подозрительно все, что разумет свободу как право, утвержденное на идее»¹¹⁶.

Приверженность гласности, протест против утеснений свободы мнений, слова, печати, совести, сближавшие Аксакова и Тютчева с демократической мыслью, остались наиболее стабильными и прочными в их взглядах. Переживший Тютчева на тринадцать лет, идеолог славянофильства, продолжал по-своему отстаивать необходимость гласности, свободы печати, вызывая злобное раздражение Победоносцева. Этот последний в письмах к Е. Ф. Тютчевой жаловался на «незрелость» Аксакова, посмеявшего защищать свободу слова в сложной обстановке нового революционного подъема на рубеже 1870—1880-х годов¹¹⁷.

Отдавая должное верности Аксакова и Тютчева принципу свободы печати, нельзя не отметить и определенную их непоследовательность в его отстаивании. Причем у Тютчева, связанного службой в цензуре, непоследовательность эта значительно большая. Отрицавший административное вмешательство в сферу мысли, настаивавший на том, чтобы силе идей было противопоставлено идейное же влияние, а не насилие, Тютчев твердо стоял на такой точке зрения, если дело касалось изданий ему близких, но отступал от нее, когда речь шла об органах печати идейно ему чуждых. Сообщая, что в Главном управлении по делам печати «решительно доканали „Русское слово“, определивши ему третье предостережение», поэт, как бы оправдываясь, объясняет: «Я, как вы знаете, враг подобных экзекуций, но что прикажете делать? Сама печать виновата», — так как, по его словам, не противодействует «всей этой неурядице и бесчинствам, а там, где *Разум* не действует, поневоле надо прибегнуть к *Дубинке*, что, однако же, очень прискорбно»¹¹⁸. Нельзя не видеть, что эти доводы весьма напоминают казенные «объяснения» той или иной расправы с инакомыслящими изданиями, которые правительство всегда закрывало «с прискорбием», доказывая, что доводы разума бессильны.

Когда в мае 1866 г. были запрещены демократические журналы «Современник» и «Русское слово», Тютчев воспринял этот грубый произвол весьма спокойно. Расценив эти правительственные акции как «самые примитивные» — «нечто в роде лечения от зубной боли посредством удара кулаком по зубам», — он несколько цинично добавляет: «Иногда и это помогает»¹¹⁹. А ведь речь шла о явном беззаконии — журналы были закрыты, вопреки существующему законодательству о печати, без судебного разбирательства и судебного же постановления. Их общественное значение несравнимо с изданиями Аксакова. Славянофильский орган только собирался завоевывать под свое знамя «свою рать», а у «Современника» и «Русского слова» эта рать читателей — разночинцев уже существовала. Но здесь почему-то Тютчев не вспоминает о своих принципах, оправдывая насилие, столь, казалось бы, ему противное, в качестве «довода» идейной борьбы.

Служба Тютчева в Комитете иностранной цензуры достаточно изучена ¹²⁰. Исследователи отмечают, что он был «либеральным» цензором, не очень ревностным, стремившимся по-возможности облегчать допуск иностранной литературы в Россию. Симптоматично, что карьеры на этом поприще Тютчев так и не сделал ¹²¹. Работу цензора он не только не любил — она его тяготила. Еще в середине 1850-х годов, рассказывая жене, как его «распекали» на службе, он высказывал желание швырнуть своему начальству то содержание, которое ему выплачивали, и открыто порвать «с этим скопищем кретиннов», как называл он чиновников цензурного ведомства ¹²². Не раз он и официально заявлял и «малое сочувствие» свое «направлению, данному делам печати», и готовность оставить службу ¹²³.

Поэт и публицист, мыслитель и общественный деятель, Тютчев на своем служебном месте превращался в винтик хорошо налаженной бюрократической машины. Всякое сопротивление ее predetermined движению было безнадежно. Его возможности использования своего положения цензора для содействия изданиям, которые он признавал полезными, были ничтожны. Тютчев сам понимал, что судьбы всех неофициальных изданий решались не в цензуре, а выше; цензура лишь оформляла эти решения, но не могла сколько-нибудь серьезно влиять на них ¹²⁴.

О своей цензурской службе Тютчев сказал в известном стихотворении, посвященном П. А. Вакару. В нем, строго говоря, справедлива лишь первая строка: «Велению высшему покорны...» Что касается сравнения цензуры с «почетным», а не «арестантским» караулом «при мысли», то здесь с поэтом не согласилось бы большинство представителей русской неофициальной печати (не только демократического, но и либерального ее направлений) ¹²⁵.

В высших придворных сферах, которые были для поэта привычной средой, именно коронная служба, а не служение искусству, литературе считалось занятием достойным и престижным. Влияние этих убеждений сказалось в деланно пренебрежительных высказываниях Тютчева о своих стихах. Некоторые исследователи с излишней доверчивостью относятся к этим высказываниям, повторяя, что поэзия для Тютчева была неким побочным увлечением, чуть ли не «бумагомараньем», что относился он к ней едва ли не с равнодушием, а подлинную страсть испытывал к политике и дипломатии ¹²⁶. Но у Тютчева, есть и совсем другие признания, например, что он «более всего любил в мире отечества и поэзию» ¹²⁷. Главным же опровержением будто бы присущего поэту сознания второстепенности, необязательности для него поэзии служат сами его стихи — глубина их содержания, сила воздействия на читателя. И прав был Л. Н. Толстой, сказав, что поэзия для Тютчева «святая святых, которую он свято чтит и куда не допустит никого из недостойных» ¹²⁸. Уверения в равнодушии к своим стихам — своего рода «светская» маска, надевавшаяся в том окружении, где не могли оценить его значения как поэта ¹²⁹. Судьба Тютчева по-своему подтверждает, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» ¹³⁰. Идеология господствующего класса, к которому поэт принадлежал, неизбежно воздействовала на него, мешая ему в полной мере осознать и свое истинное призвание, и его общественную роль. Живший наиболее полной и напряженной духовной жизнью именно в поэзии, Тютчев в силу некоторых предвзятых представлений высказывался о ней как о занятии не очень существенном. Созданный им образ музы-«примирительницы», которая

... с небес слетает к нам —
 Небесная к земным сынам,
 С лазурной ясностью во взоре —
 И на бунтующее море
 Льет примирительный елей,—

плохо согласуется с трагической и мужественной поэзией Тютчева. Но истинная муза Тютчева непохожа и на музу его младшего современника, поэта, ставшего особенно близким русской демократической интеллигенции, — «в крови,

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ф. ТЮТЧЕВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1854

И. Равелина

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ф. ТЮТЧЕВА

«СТИХОТВОРЕНИЯ Ф. ТЮТЧЕВА» СПб., 1854

Экземпляр, который читал Н. Г. Чернышевский во время заточения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1862—1864)

Титульный лист и форзац с надписью рукой неустановленного лица (А. Н. Пыпина?): «Из Равелина» (этой надписью отмечены книги, которые Чернышевский получал, находясь в заточении)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

кнудом иссеченную музу» Некрасова. Социально-политические темы, определившие содержание творчества Некрасова, оставались чуждыми тютчевской поэзии. По замечанию Ф. М. Достоевского, подтвержденному другими современниками, Тютчев «не оставил такого горячего следа, как Некрасов» в духовной жизни своего времени¹³¹.

Встречается наивное объяснение, что Тютчев не нашел путь к читателю-современнику потому, что издавался редко и мало. Думается, самые большие тиражи изданий не приобрели бы ему в пореформенной России массового читателя, поскольку им мог быть только интеллигент-разночинец, тяготевший преимущественно к поэзии гражданской, социальной.

И все же демократическая интеллигенция не прошла мимо Тютчева! Сохранились лишь отдельные, разрозненные высказывания, свидетельствующие об этом, но они принадлежат тем, кого действительно можно считать выразителем ее дум и чувств,— Чернышевскому, Добролюбову, Некрасову, Плеханову.

Поистине Тютчеву не дано было предугадать, как отзовется его слово в этой среде, которую он считал грубо материалистической, оторванной от духовных запросов. Разночинец-демократа должны были привлечь в поэзии Тютчева глубина постижения внутреннего мира человека, понимание его жизни как нескончаемой, повседневной борьбы — борьбы, в которой может не быть победы, но где важно выстоять, не дать одолеть себя Судьбе¹³².

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Эти строки из стихотворения «Два голоса» кажутся написанными о тех и для тех, кто в глухую пору отсутствия широкого народного движения начал героическое единоборство с самодержавием, рассчитывая только на свои силы. И как бы от их имени поэт-народоволец П. Ф. Якубович, побывавший в гуще этой борьбы, переживший каторгу и ссылку, сказал, чем близка его поколению поэзия Тютчева: «Тревожная, полная горьких диссонансов, эта могучая поэзия ценна именно тем, что держит мысль и чувство читателя в постоянном напряжении, зажигая тоской по идеалу»¹³³.

Подведем же некоторые итоги рассмотрению общественно-политических взглядов Тютчева, его позиции в идейной борьбе 1860-х — начала 1870-х годов.

Пореформенная Россия, где, по словам Толстого, не раз повторенным Лениным, «все (...) переворотилось и только укладывается»¹³⁴, воспринималась поэтом как страна, еще не нашедшая себя, находящаяся в становлении. Он сравнивает ее с Галатеей — статуей, созданной Пигмалионом и лишь готовой превратиться из мрамора в одушевленное существо¹³⁵.

Образ Родины в тютчевской поэзии пореформенного времени получает новую наполненность, новые краски. В пейзаже родного края в тютчевских стихах стало больше воздуха и света. «Мертвенный сон» природы здесь сменяется «задумчивым покоем», тусклость и туманность неба — его синевой, прозрачностью. Исчезают мрак и холод — здесь «жизнь играет, солнце греет».

Россия Тютчева многолика. Поэт видел в ней могучую и великую державу, готовую прийти на помощь братским народам — грозу для их угнетателей. Но он знал ее и как страну «бедных селений», распростертую под жандармским сагогом.

Многое происходящее в этой преображающейся России было Тютчеву неясно, многое неприемлемо, но многое и обнадеживало. В целом поэт верил в славную и необычную грядущую судьбу Родины, в «предопределенную ей великую будущность (...) отвратить которую не смогут все наши усилия»¹³⁶. Вера эта основана не на одном чувстве, она вовсе не означает отказ от анализа действительности, не так стихийна и «иррациональна», как это иногда утверждается в литературе¹³⁷. Она основана на погружении Тютчева в прошлое страны, на его соприкосновении с «родниками истории» и на осмыслении им современности, тех изменений, которые происходят в пореформенном строе.

Но раздумья о Родине у поэта неразрывны с эмоциональным ощущением родной земли. И вера в будущее России питается не только доводами разума, но и чувствами, порождаемыми кровной связью с ней, впечатлениями от русской природы: «Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь — колыбель исполина»¹³⁸.

Вера в Россию у Тютчева отнюдь не безоблачна — в нее врываются и сомнения в «прогнесе житейском» Святой Руси, и смятение перед некоторыми формами этого прогресса.

У Тютчева была своя «идея цивилизации». В понимании ее он расходился не только с «охранителями», но и с либеральной мыслью (в том числе и славянофильской), склонной измерять прогресс верстами железных дорог, «нитью железной» телеграфа, количеством фабрик и заводов.

Энтузиазм, с которым Аксаков описывал в передовицах «Москвы» промышленное и железнодорожное «преуспеяние» России, по-видимому, Тютчевым не разделялся — в его письмах этот энтузиазм не нашел отклика. Все то, что поэт наблюдал из года в год в своем брянском имении — обнищание, беспробудное пьянство крестьян, их невежество, высокую детскую смертность, — весь этот

«смрад, безобразье, нищету» он считал явлениями повсеместными, характерными не только для Брянского уезда Орловской губернии¹³⁹. Тревога и озабоченность подобными последствиями капиталистического развития мешали Тютчеву приветствовать его с той же горячностью, как это делалось в либеральной печати.

Поэт не приемлет цивилизации, выражающейся только в техническом прогрессе, и в этом смысле близко соприкасается с крестьянской демократией, которую волновала цена прогресса, его направленность. Тютчева беспокоит разрыв между прогрессом техническим и культурным, нравственным — тот разрыв, который он наблюдал и на Западе. «Национальность в политике, законность в правительстве» — вот что, по его мнению, должно обеспечить правильное направление дальнейшего исторического развития России, ее самородность¹⁴⁰.

Разумеется, его давняя мечта о гармонии между промышленным и культурным прогрессом в самодержавной России¹⁴¹ была утопией, но она весьма показательна для восприятия Тютчевым пореформенной жизни.

Общественно-политические взгляды поэта по своей сложности и нередко противоречивости трудно поддаются определению. В них причудливо сплелись мудрость и наивность, прозорливость и поверхностность, глубина и незрелость, трезвый реализм и элементы мифологии. При всем своем консерватизме, они достаточно динамичны. Трудно предсказать, как развивались бы они дальше, продлилась жизнь Тютчева в последующие пореформенные десятилетия. Ум, интуиция, художественное воображение — все это, казалось бы, выводило поэта за пределы умозрительных представлений в области социально-политической жизни. Но и сами эти предвзятые представления, имеющие определенные классовые и гносеологические корни, оказывали свое воздействие на жизненные наблюдения, на восприятие реальных явлений, зачастую подчиняя их себе.

Тютчева невозможно поставить под знамя какого-либо одного идейного течения или политической группировки. Мировоззрение поэта рядом черт (например, признание самодержавия, православия главными устоями русской жизни) близко консервативной, «охранительной», идеологии. Защитой же преобразований общественно-экономического строя страны, поддержкой реформ 1860-х годов оно противостоит официальной мысли, сходясь с идеологией буржуазной демократии, с либерализмом. Некоторые проблемы общественной жизни (свобода мнений, слова, печати, совести) Тютчев решал, сходясь в понимании их с крестьянской демократией. Ближе всех ему было в русской общественной жизни славянофильство — главным образом его верой в объединительное предназначение России для славянского мира и признанием ее «самородного развития», ее «особой стати», отличной от западной.

Однако далеко не все в славянофильстве он разделял и принимал. В мировоззрении Тютчева нет такого существенного элемента славянофильской социально-политической концепции, как вера в крестьянскую общину и ее роль в будущем строе. Тютчев, по своему складу и жизненному опыту более «европеец», «западник», чем большинство славянофилов, остался чужд идеализации патриархальных устоев крестьянской жизни. Нет у Тютчева и характерной для славянофильства идеи национальной обособленности России от европейского исторического процесса. Соглашаясь с тем, что Россия не принадлежит к германо-романской цивилизации, «не питалась ни одним из корней этой цивилизации», Тютчев не разделял идеи отчуждения России от европейского мира, не разделял славянофильской убежденности в том, что она «не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу»¹⁴². Мечтая о самобытном, не повторяющем европейский путь развития России, поэт, тем не менее, неизменно воспринимал ее в системе европейских стран. Все, что происходило с ними, — все их «добро и зло», с его точки зрения, неизменно касалось России, влияло на ее внутреннюю жизнь и внешнюю политику. Внутренние социально-политические противоречия западных стран, их международные конфликты — все

это, в представлении поэта, составляло своеобразный фон ее исторического «самобытного» развития. И точно так же все, что происходило в России (ее реформы, ее революционное движение, восстание в Польше), — все сказывалось на европейской политике и расстановке сил в Европе.

Если идеолог славянофильства Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (своеобразной апологии славянофильства) отрицательно отвечал на вопрос «Европа ли Россия?», Тютчев активно настаивал как раз на утверждении, что Россия — та же Европа, только Восточная, но действительная, существенная часть ее, с которой придется считаться западным странам. «Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, — утверждает он, — что есть <и> Восточная и что имя ей — все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно-ненавистная всему цивилизованному миру!»¹⁴³ Симптоматично употребление Тютчевым по отношению к России и славянским народам термина «Русская Европа» как идентичного Православному Востоку — определению, бытовавшему в славянофильской публицистике¹⁴⁴.

Вот почему правильнее на основании всего сказанного говорить об определенной близости Тютчева к славянофильству, но не о тождестве его с этим направлением общественной мысли. Не случайно, что в своей переписке с И. С. Аксаковым, Тютчев никогда не называл славянофильство своим: «Ваша вера», «Ваше учение», — писал он¹⁴⁵.

Не отождествлял взглядов поэта со славянофильством и его идеолог, весьма осторожно замечая, что «собственное мирозерцание Тютчева находится с ним (славянофильством. — В. Т.) если не в прямой связи, то в соотношении»¹⁴⁶.

Несомненно, что сам поэт, обнаружив близость и точки соприкосновения с разными общественными течениями, современными ему, ни одно из них не считал полностью своим, все их признавая бессильными в объяснении перспектив развития страны. Известные строки «Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить...» правильнее читать не как утверждение загадочности или непознаваемости его великой страны. В них присутствует признание поэта, что такой феномен, как Россия, не может быть понят с помощью известных ему политических доктрин и выработанных ими шаблонов в подходе к общественной жизни. Но в этих строках звучит и предчувствие великого будущего России, ее всемирной судьбы. Кажется, интуиция гения, творившего на историческом переломе русской жизни, уловила, угадала необычность и громадность задач, которые предстояло решать России, — задач, Европе еще неведомых.

Может быть, потому, что сами эти строки, свободные от влияния каких-либо политических направлений, не несут отпечатка их односторонности, ограниченности — классовой и исторической, может быть, поэтому так весомо и значимо звучали они на крутых поворотах русской истории:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л. Гроссман. Три современника: Тютчев. — Достоевский. — Аполлон Григорьев. М., 1922, с. 5.

² «Русская поэзия XIX века», т. II. М., 1974, с. 645 (прим. В. К о р о в и н а). Д. Д. Благой утверждает, что Тютчев, несмотря на монархические взгляды, все время находился в оппозиции к правительственному режиму (Д. Д. Б л а г о й. Вступ. статья в кн.: Ф. Тютчев. Стихотворения. Л., 1953, с. 35); Н. Скатов, проследившая, как менялись «символы веры» поэта, приходит к выводу, что в его мировоззрении «на место России безнародной, государственной, официальной пришла Россия народная» (Н. С к а т о в. Еще раз о «двух тайнах русской поэзии» (Некрасов и Тютчев). — В кн.: Н. Скатов. Некрасов: Современники и продолжатели. Л., 1973, с. 154); Г. Г. Красухин доказывает, что «Тютчев не боролся», — он «все свои силы тратил» на «примирение с духовно растленной современностью» (Г. К р а с у х и н. Великий спор: (Пушкин и Тютчев). — ВЛ, 1972, № 11, с. 107). Оспаривая это мнение,

А. Е. Горелов подчеркивает бунтарские, богоборческие тенденции поэзии Тютчева, уверяя, что «бунтарство и оставалось присущей Тютчеву формой *неприятия*» действительности (А. Е. Горелов. Три судьбы: Ф. Тютчев. А. Сухово-Кобылин. И. Бунин. Л., 1980, с. 103).

³ И. С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. — В кн.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981, с. 292, 301.

⁴ Запись в публикуемом ниже дневнике М. П. Погодина 20—25 июня 1825 г. (наст. том, кн. II).

⁵ И. С. Аксаков. Указ. соч., с. 311.

⁶ Д. Н. Свербеев. Записки, т. II. М., 1899, с. 143.

⁷ Письмо Тютчева к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г. Публикуется в разделе «Письма» наст. тома*.

⁸ Письма к Э. Ф. Тютчевой 24 февр. и 18 авг. 1854 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 147, 162. См. также письмо к ней 27 июля 1854 г. — Там же, с. 159.

⁹ «Словно повязка спала с глаз Тютчева», — пишет Д. Д. Благой о роли войны в жизни поэта (Д. Д. Благой. Указ. соч., с. 33). Ему вторит Н. В. Королева: «С его глаз как бы спали розовые очки, и он увидел все то, что не хотел видеть в первые годы пребывания на родине» (Н. В. Королева. Ф. И. Тютчев. — В кн.: «История русской поэзии». М., 1970, с. 222). Так же понимает роль войны и А. Е. Горелов: «Оглушительное крушение мнимо гранитного строя заставило поэта оглянуться окрест, взглянуть на Россию не только из зеркального окна великосветского салона» (А. Е. Горелов. Указ. соч., с. 73; см. также с. 74—75, 79). В. Я. Гречнев тоже считает, что события Крымской войны побудили Тютчева «к пересмотру коренных, устоявшихся взглядов» (В. Я. Гречнев. Поэт-мыслитель. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Лирика, письма. Л., 1985, с. 275).

¹⁰ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 21 мая 1855 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 167.

¹¹ Этой эпитафией Тютчев, по выражению болгарской исследовательницы, воздвиг свой «памятник монарху, возглавлявшему русскую страну целых тридцать лет» (Милка Бочева. Лирика на Тютчев. София, 1980, с. 40—41).

¹² Письма к Э. Ф. Тютчевой 19 июня и 30 нояб. 1854 г. — Там же, с. 155 и 165.

¹³ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 21 мая 1855 г. — Там же, с. 167—168.

¹⁴ Там же, с. 168.

¹⁵ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 27 июля 1854 г. — Там же, с. 159.

¹⁶ В апреле 1855 г. И. С. Аксаков писал родным: «Вот вам слово Ф. И. Тютчева о современном положении: он называет его *оттепелью*» («И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, с. 115); «Тютчев Ф. И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так, — записывала в дневнике В. С. Аксакова. — Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная и потом все опять закует мороз, то еще тяжелее покажется» («Дневник Веры Сергеевны Аксаковой». СПб., 1913, с. 102).

¹⁷ См. подробнее: В. А. Твардовская. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850—1860-х годов. — В кн.: «Освободительное движение в России», вып. 4. Саратов, 1975, с. 62—78.

¹⁸ «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, с. 143—144.

¹⁹ Ш. М. Левин. Крымская война и русское общество: (Главы из монографии). — В кн.: Ш. М. Левин. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974, с. 331—348.

²⁰ А. З. Попельницкий. Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства. — «Голос минувшего», 1916, № 5/6, с. 393.

²¹ «Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. документов». М., 1963, с. 80—81 и 524, прим. 49.

²² Там же, с. 75—88, 155, 217—221, 225—226, 299—300, 397—399, 414—416, 475—480.

²³ Московский знакомый Тютчевых С. М. Сухотин, занеся 26 марта 1861 г. в дневник рассказы о «сопротивлении со стороны крестьян», упоминал как один из источников этих сведений сообщение родственников Тютчева — Сушковых; отмечены Сухотиным и волнения в Орловской губ. («Из памятных тетрадей С. М. Сухотина». — РА, 1894, кн. 2, с. 233).

²⁴ В агентурных сведениях III Отделения с конца 1850-х годов отмечается возбуждение крестьянской массы, быстрое распространение слухов об освобождении. Из перлюстрированных писем видно, что помещики Орловской губ., как и повсеместно, были в страхе и тревоге. «В настоящее время деревенская жизнь абсолютно невыносима, — писал орловский помещик Павлов в октябре 1860 г., — никто не слушаете (<...> спектакль готовится удивительный — 12-й год без франдузов. Лучше подбору-подзорову убираться» (цит. по ст.: В. А. Федоров. О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 года. — В кн.: «Освободительное движение в России», вып. 5. Саратов, 1975, с. 12). Не из Павловых ли Мценского уезда автор этого письма? — их хорошо знали в окружении Сушковых, Сухотиных, Тютчевых.

²⁵ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 23 июля 1854 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 156.

²⁶ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 5 июня 1858 г. — Там же, с. 186.

²⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 605.

* Далее при ссылках на письма, публикуемые в этом разделе наст. тома, указываются только адресат и дата письма.

²⁸ «Русский вестник», 1858, т. XVI, авг., кн. 2. Это стихотворение — вольный перевод из немецкого поэта Н. Ленау.

²⁹ Впоследствии на эти стихи написали романсы А. Б. Гольденвейзер и Н. К. Метнер.

³⁰ Демократический журнал «Искра» поместил пародию Н. Л. Ломана «Утешение» на стихи Тютчева (1860, № 39). — В кн.: «Поэты „Искры“», т. 2. Л., 1955, с. 780.

³¹ Об этом, в частности, свидетельствуют апологетические стихи Тютчева «19-ое февраля 1864 г.», посвященные деятелю крестьянской реформы гр. Д. Н. Блудову, отстаивавшему именно такой вариант освобождения крестьян (написаны на смерть Блудова; опубли.: «Русский инвалид», 1864, № 43, 22 февр.).

³² В. П. Безобразов. Письмо к С. Т. Аксакову по поводу крестьянского вопроса. — «Русский вестник», 1858, т. XVI, авг., кн. 2, «Современная летопись», с. 314.

³³ Д. Д. Благой. Вступ. статья в кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений, т. I, М.—Л., 1933, с. 48; ср.: А. Е. Горелов. Указ. соч., с. 70.

³⁴ См., напр.: В. А. Безобразов. Указ. соч., с. 305.

³⁵ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 5 июня 1858 г. — Соч. 1980, т. 2, с. 186.

³⁶ Исследователь русской философской лирики XIX века с полным основанием видит в этих стихах отражение «драматического состояния духа» (Л. М. Щемелева. О русской философской лирике XIX века. — «Вопросы философии», 1974, № 5, с. 99).

³⁷ Стихотворение «На возвратном пути» написано по дороге из Кёнигсберга в Петербург, по возвращении из-за границы, где поэт находился с мая по декабрь 1859 г., и напечатано в газете «Наше время» («Наше время», 1860, № 1, 17 янв.). Его многозначительная символика подчеркивалась картиной русской жизни, нарисованной в анонимной статье о «Грозе» А. Н. Островского на той же газетной полосе. Автор (по-видимому, издатель газеты Н. Ф. Павлов) не видит в темном царстве кабановых и диких никакого просвета. И столь прочным представляется ему это царство мрака, всеобщего оцепенения, нравственного безразличия, что в протесте Катерины он усмотрел отступление писателя от жизненной правды.

³⁸ Симптоматичен контраст стихотворения «На возвратном пути» с «Письмами из-за границы» Б. Чичерина, помещенными рядом в том же № 1 «Нашего времени». Либерал-западник восторженно живописует события в Италии — широкое движение за национальное объединение, кипение общественной борьбы, энергичную деятельность правительства Кавура — кумира русских либералов.

³⁹ Отмечая, как при всем своем тяготении к свободе Тютчев был далек от сознания необходимости завоевания ее кровью, Н. В. Королева высказывает верное наблюдение, что для поэта всегда характерно сочувствие к этой пролитой за свободу крови (Н. В. Королева. Указ. соч., с. 203).

⁴⁰ Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 348 (на франц. яз.).

⁴¹ Имеются в виду высказывания о взглядах Тютчева Д. Д. Благого, А. Е. Горелова, В. Корovina, В. Н. Касаткиной и др.

⁴² Г. Красухин. Указ. соч., с. 107.

⁴³ Письма к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г., А. Ф. Аксаковой 20 февр. 1868 г. и И. С. Аксакову 19 февр. 1869 г.

⁴⁴ Записка М. Н. Каткова по делам издания «Моск. ведомостей» (1867). — ЦГИАЛ, ф. П. А. Валуева (908), оп. 1, д. 282, л. 10.

⁴⁵ Письмо П. А. Шувалова М. Н. Каткову 1 окт. 1866 г. — ГБЛ, 120. 19, л. 49—50.

⁴⁶ «Москва», 1867, № 189, 28 нояб., передовая.

⁴⁷ Цимбаев, с. 153.

⁴⁸ Письмо к А. Ф. Аксаковой 13 окт. 1870 г.

⁴⁹ Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. (1857 г.) — Соч. 1980, т. 2, с. 184.

⁵⁰ Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 апр. 1868 г.

⁵¹ Письмо к А. Ф. Аксаковой 7 дек. 1870 г. См. также письмо к И. С. Аксакову 28 сент. 1868 г.

⁵² Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 февр. (1868 г.). «Даже сам монархический принцип в условиях, когда правительство чуждо интересам своей страны, ставится им (Тютчевым. — В. Т.) под сомнение», — замечает исследовательница творчества Тютчева (Н. В. Королева. Указ. соч., с. 222). Стоило бы только добавить, что сомнения эти не только не переходили в уверенность, но и отвергались всей системой взглядов Тютчева, решительно, хотя и насильственно, изгонялись самим поэтом как чужеродные ей.

⁵³ В Москве Тютчев пробыл с июня по август 1863 г., ощущая себя «чем-то вроде официального посредника между прессой и Министерством иностранных дел» (письмо к Э. Ф. Тютчевой 1 авг. 1863 г. — *СН*, кн. 21, с. 199). Роль Тютчева как посредника между правительством и Катковым посвящено исследование английского ученого Р. Лэйна, охватывающее более широкий период (1863—1866). — R. L a n e. Tjutčev's role as mediator between the government and M. N. Katkov (1863—1866). — «Russian Literature», XVII, North-Holland, 1985, vol. III, p. 121. В. Кожин определяет эту роль Тютчева как роль прямого инспириатора передовых статей «Московских ведомостей» (В. Кожин. Вступительная статья. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М., 1986, с. 22). Однако, приняв такую точку зрения, невозможно объяснить противоречие — так и не преодоленное — между агрессивной, воинствующей позицией газеты Каткова и позицией Горчакова, стремившегося к умиротворению и смягчению международного конфликта.

⁵⁴ Письмо А. М. Горчакова Тютчеву 25 июля 1863 г. — ГБЛ, 120.2.33. Во французском автографе письма слова о «наступательной войне» написаны по-русски.

⁵⁵ Остро ощущал угрозу войны и сам Тютчев (К. П и г а р е в. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. — *ЛН*, т. 19—21, с. 202).

⁵⁶ Катков получил возможность знакомиться с секретными документами, не доступными для остальной прессы: иностранные корреспонденты «Московских ведомостей» пользовались содействием Министерства иностранных дел (см. письмо чиновника этого Министерства А. Ф. Гамбургера Каткову 6 дек. 1863 г. — ГБЛ, 120. 21, л. 89—90).

⁵⁷ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 2 окт. 1863 г. — *СН*, кн. 21, с. 202.

⁵⁸ *Никитенко*, т. 2, с. 377.

⁵⁹ А. И. Герцен. Поворотная линия. — «Колокол», 1864, л. 176, 1 янв.; см. также: *Герцен*, т. XVIII, с. 19. Со временем стихи о том, как «честили» Муравьева, зазвучали неожиданно для поэта. Слово «честить», употребленное в смысле «чествовать», постепенно приобрело исключительно противоположное значение — «ругать, хулить, клеймить».

⁶⁰ Посылая Каткову стихи «Его светлости князю А. А. Суворову», В. Н. Карамзин (петербургский чиновник) писал ему 1 ноября 1863 г.: «Надобно постараться распространить их в Москве, где они будут иметь еще больший успех» (ГБЛ, 120.21, л. 121). О распространении этих стихов см. также: *Никитенко*, т. 2, с. 377; запись в публикуемом ниже дневнике М. П. Погодина 16 нояб. 1863 г. (наст. том, кн. II).

⁶¹ Письмо начальника Главного цензурного управления М. И. Щербинина П. А. Валуеву 2 янв. 1864 г. — ЦГИАЛ, ф. 908, оп. 1, д. 676, л. 53.

⁶² Письмо к А. Ф. Тютчевой 25 июня 1863 г. — *ЛН*, т. 19—21, с. 222. Думается, что в цитированной выше статье (см. прим. 53) зарубежный исследователь несколько преувеличил близость позиций Каткова и Тютчева как в польском вопросе, так и в иных проблемах внешней политики. С характеристикой Каткова как «ха тютчевских взглядов» на политическую жизнь Европы столь же трудно согласиться, как и с уподоблением Тютчева — «фанатичного консерватора» — «националисту» Каткову (R. L a n e. Op. cit. . р. 115—116).

⁶³ А. Г и л ь ф е р д и н г. За что борются русские с поляками? — «День», 1863, № 15, 15 апр. Посвящая Гильфердингу стихи, поэт обращался к известному ученому-слависту и славянофильскому публицисту: «... русским словом столько лет // Вы славно служите России» («Голос», 1869, № 357, 28 дек.).

⁶⁴ «День», 1863, № 19, 11 мая, передовая.

⁶⁵ *МВ*, 1863, № 161, 24 июля, передовая.

⁶⁶ «День», 1863, № 19, 11 мая, передовая.

⁶⁷ Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. (1857 г.). — *Соч. 1980*, т. 2, с. 185.

⁶⁸ «День», 1863, № 19, 11 мая, передовая.

⁶⁹ Письма к А. И. Георгиевскому 1/13 и 2/14 янв. 1865 г.

⁷⁰ Письмо к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г.

⁷¹ Из лиц, окружавших Тютчева, имели знакомства в демократической среде лишь поэт Я. П. Полонский (печатавшийся в «Современнике») — сослуживец Тютчева по цензурному ведомству, а также поэт «Искры» Н. И. Кроль.

⁷² К. П. Победоносцев, весной 1862 г. в Москве посещавший А. Ф. Тютчеву, записал услышанные в ее гостиной разговоры, весьма характерные для высших сфер. В гостиной старшей дочери поэта (фрейлины императрицы) Анны Федоровны говорили о «политическом поджигательстве» (пожары в Петербурге относили к нему), уверяли, что «зажигатели, не успев в своем плане, хотят взяться за всеобщее отравление»; революционеры в этих светских беседах выступали людьми безнравственными и преступными (цит. по ст.: С. Л. Э в е н ч и к. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. — В кн.: «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», № 309, М., 1969, с. 122 — 123).

⁷³ Письмо к А. Ф. Аксаковой 28 сент. 1872 г.

⁷⁴ Письмо к И. С. Аксакову 23 окт. 1861 г.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Письмо к А. Ф. Аксаковой 4 янв. 1872 г.

⁷⁷ Письмо к А. И. Георгиевскому 16 апр. 1866 г.

⁷⁸ И. С. А к с а к о в. Указ. соч., с. 298.

⁷⁹ Письмо к И. С. Аксакову 19 апр. 1866 г.

⁸⁰ Письмо к М. Н. Каткову 5 июля 1866 г. — «Русский вестник», 1897, № 8, 180—181. См. также письмо М. Н. Муравьева М. Н. Каткову 4 июля 1866 г. — ГБЛ, 120. 42, л. 141—142.

⁸¹ *МВ*, 1866, № 82—84 и 89, 19—21 и 27 апр., передовые.

⁸² *МВ*, 1871, № 161 и 162, 24 и 25 июля, передовые.

⁸³ Письмо к И. С. Аксакову 7 мая 1871 г.

⁸⁴ В приговоре по делу Д. В. Каракозова революционерам приписываются «средства самые безнравственные, самые преступные, вплоть до грабежей и отравлений; глухо и мимоходом говорится, что ничего подобного в действительности не было предпринято («Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.», т. II. М. — Л., 1930, с. 343—346).

⁸⁵ Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля (1871 г.). — *Соч. 1980*, т. 2, с. 256.

⁸⁶ Письмо к М. Н. Каткову (июль 1864 г.). Редактор «Московских ведомостей» не раз исполнял в своих передовых статьях эту идею, повторяя, что «завоевания, в которых Рос-

сия нуждается, предстоят ей не вне, а внутри ее пределов» (см., напр., *МВ*, 1867, № 228, 19 окт.).

⁸⁷ Письмо к А. Ф. Аксаковой 21 июня 1867 г.

⁸⁸ Письмо к А. Ф. Аксаковой 14 янв. 1871 г. — *Соч.* 1980, т. 2, с. 252.

⁸⁹ Письмо к И. С. Аксакову 19 апр. 1866 г.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. (1857 г.) — *Соч.* 1980, т. 2, с. 184.

⁹² Письмо к А. Ф. Аксаковой 2 сент. 1871 г. Разумеется, надежды Тютчева на упорядочение властью цен на топливо были беспочвенными. Самодержавие не выступило регулятором цен даже на хлеб в период голода.

⁹³ Выражая это общее отношение к названной эпиграмме; современный исследователь замечает, что «злая эпиграмма на московских дворян, ходатайствовавших о созыве земской думы» относится к числу стихов, не украшавших Тютчева (А. Е. Г о р е л о в. Указ. соч., с. 115, 118).

⁹⁴ Одно из самых острых выступлений Салтыкова-Щедрина против олигархически-конституционных притязаний российского дворянства, сатира «Завещание моим детям», непосредственно связано с этим «адресом». См. об этом в кн.: С. А. М а к а ш и н. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. М., 1984, с. 234—235.

⁹⁵ «Адрес» был напечатан в газете «Весть» (1865, № 4, 14 янв.) и перепечатан в «Колоколе» в статье Герцена «Прививка конституционной оспы» («Колокол», 1865, л. 195, 1 марта). Резко критически встретила этот адрес и газета Аксакова («День», 1865, № 3, (16 янв.), передовая). Еще более критически отнесся к нему «Современник» (М. Е. С а л т ы к о в - Щ е д р и н. Завещание моим детям. — «Современник», 1865, № 1).

⁹⁶ Отношение к «Вести» воплотилось, в частности, в эпиграмме Тютчева на ее редактора В. Д. Скарятину («Вы не родились поляком...», 1869).

⁹⁷ Письмо к А. И. Георгиевскому 3/15 февр. 1865 г.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Письмо к А. Ф. Аксаковой 22 янв. 1867 г.

¹⁰⁰ Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля (1871 г.) — *Соч.* 1980, т. 2, с. 236. О недовольстве в «верхах» приговором и одобрении там передовиц Каткова, осуждавших его мягкость, сообщал хорошо знакомый Тютчеву Б. М. Маркевич в письме к Каткову 26 ноября 1871 г. — ГБЛ, 120, 8.1, л. 92. См. также: *Никитенко*, т. 3, с. 242.

¹⁰¹ Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля (1871 г.) — *Соч.* 1980, т. 2, с. 256. Действия адвокатуры на процессе «нечаевцев» подверглись особым нападкам Каткова, доказывавшего неуместность состязательного характера процесса над «государственными преступниками» (*МВ*, 1871, № 254 и 260, 21 и 26 нояб.).

¹⁰² Письмо к Э. Ф. Тютчевой 13 июля 1871 г. — *СН*, кн. 22, с. 259. Это же определение нового суда как «могучего зародыша новой России» повторяется и в письме к А. Ф. Аксаковой 17 июля (1871 г.) — *Соч.* 1980, т. 2, с. 256.

¹⁰³ Письмо к М. Н. Каткову 7 окт. 1863 г.

¹⁰⁴ Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 дек. 1870 г. — *ЛН*, т. 19—21, с. 223; см. также письмо к А. Ф. Аксаковой 6 окт. 1871 г. Неприятие Тютчевым принципов классицизма подтверждается и его отрицательным отношением к уваровской системе образования, в основу которой они также были положены («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, с. 677).

¹⁰⁵ «О цензуре в России». — *ПСС* 1912, с. 503 (на франц. яз.). Эта «записка» была опубликована лишь незадолго до смерти Тютчева (*РА*, 1873, кн. I, № 4).

¹⁰⁶ Письмо к М. Н. Каткову 13 окт. 1865 г.

¹⁰⁷ Справедливо наблюдение, что славянофильство отвечало определенным стремлениям части русской буржуазии своим отстаиванием национальных интересов русской промышленности и поддержкой реформ 1860-х годов (*Цимбаев*, с. 128).

¹⁰⁸ Н. В. К о р о л е в а. Указ. соч., с. 222.

¹⁰⁹ «Москва», 1867, № 175, 9 нояб., передовая.

¹¹⁰ Письмо И. С. Аксакову 10 июня 1867 г.

¹¹¹ «Москва», 1867, № 189, 28 нояб.

¹¹² *Материалы о цензуре и печати*, ч. 2, с. 7—14.

¹¹³ Письмо к И. С. Аксакову 2 янв. 1869 г.

¹¹⁴ Письмо к А. Ф. Аксаковой 3 апр. 1970 г. — *Соч.* 1980, т. 2, с. 243.

¹¹⁵ См. текст адреса в кн.: А. Ф. Т ю т ч е в а. При дворе двух императоров, ч. II. М., 1929, с. 208 и сл.

¹¹⁶ Письмо К. П. Победоносцева к И. С. Аксакову 18 дек. 1870 г. — В кн.: «Красный архив», 1928, т. 6 (31), с. 153.

¹¹⁷ Письма К. П. Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой, 1878—1881 гг. — ГБЛ, 4408. 13 и 4409. 1 и 2.

¹¹⁸ Письмо к А. И. Георгиевскому 15 февр. (1866 г.).

¹¹⁹ Письмо к А. И. Георгиевскому 8 июня 1866 г. И. С. Аксаков был более последователен, когда высказывался против запрещения «Современника», доказывая, что только идейная борьба может подорвать его влияние, а репрессии, напротив, увеличат авторитет демократического журнала (Письмо к А. Д. Блудовой 5/6 окт. 1861 г. — В кн.: «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. IV. СПб., 1896, с. 192).

- ¹²⁰ М. Б р и с к м а н. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной. — *ЛН*, т. 19—21, с. 565—578. — Специальный раздел о Тютчеве-цензоре см.: *Пигарев*, с. 158—168.
- ¹²¹ Будучи в 1843 г. назначен старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел, в 1858 г. Тютчев становится председателем Комитета цензуры иностранной. Это и было вершиной его служебной карьеры. А вот для близкого знакомого поэта (его многолетнего соседа по петербургскому дому), ограниченного, не отличавшегося ни способностями, ни образованностью И. Д. Делянова цензура послужила основанием успешной карьеры — он сумел продвигнуться до поста министра народного просвещения.
- ¹²² Письмо к Э. Ф. Тютчевой 23 июля 1854 г. — *Соч. 1980*, т. 2, с. 157.
- ¹²³ Письмо П. А. Валуева Тютчеву 7 дек. 1866 г. — *ЛН*, т. 19—21, с. 594.
- ¹²⁴ См., например, письмо к А. Ф. Аксаковой 23 авг. 1867 г.
- ¹²⁵ Что касается П. А. Вакара, то к тому времени, когда в аксаковской «Руси» (1880, № 2, 11 ноября) появилось это посвященное ему стихотворение Тютчева, он стал одним из самых ревностных гонителей печати, выполнявшим свою работу с большим «запором». Доклады цензора Вакара о демократических и социалистических тенденциях в провинциальной печати весьма напоминают полицейские доносы (ЦИИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, 776, оп. 12, 1880 г., д. 7; оп. 11, 1879 г., д. 19, 47).
- ¹²⁶ «Поразительно, что сам Тютчев относился к собственному творчеству едва ли не с холодным равнодушием. „Бумагомаранье” — называл он свои стихи», — пишет Г. Красухин и не сомневаясь в подлинности подобного отношения, стремится объяснить его «реакцией поэта на непонимание» (Г. К р а с у х и н. Указ ст., с. 93—94). А. Тархов связывает «пренебрежительные отзывы» Тютчева о своем творчестве с «духовным кризисом поэта» (А. Т а р х о в. Творческий путь Тютчева. — В кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. М., 1972, с. 12). О подобном же «необычном» отношении Тютчева «к своей поэзии и к себе как к поэту» говорит и другой видный исследователь его творчества (Б. Я. Б у х ш т а б. Поэзия Тютчева. — В кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Весенняя гроза. Лирика. Письма. Тула, 1984, с. 350, 352, 353). Мысль о «непонятном», даже «чудовищном равнодушии Тютчева к собственным поэтическим созданиям» высказывает и Е. Н. Лебедев (Е. Н. Л е б е д е в. Как наше слово отзовется... — В кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. Письма. М., 1978, с. 7—8). Это же мнение повторяется и в одном из последних изданий произведений поэта (В. Я. Г р е ч е в. Поэт-мыслитель. — В кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Лирика. Письма. Л., 1985, с. 274). Истоки подобных суждений находим в высказываниях не только самого поэта, но и его первых интерпретаторов. Так, Б. Я. Бухштаб (Указ. ст., с. 353) ссылается на мнение А. А. Фета. И. С. Аксаков также говорил о «пренебрежении» Тютчева к своим творениям (Указ. соч., с. 300).
- ¹²⁷ Письмо к В. А. Жуковскому 6/18 окт. 1838 г. — *Соч. 1980*, т. 2, с. 33.
- ¹²⁸ Л. Л а н с к и й. Встреча на волжском пароходе. Из воспоминаний М. А. Веневитинова. — *ВЛ*, 1893, № 11, с. 184.
- ¹²⁹ См. об этом замечание зарубежной исследовательницы, объясняющей пренебрежительные высказывания Тютчева о роли поэзии реакцией на «равнодушие и пренебрежение аристократического общества к поэту» (Милка Б о ч е в а. Лириката на Тютчев. София, 1980, с. 42 и след.).
- ¹³⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.
- ¹³¹ Ф. М. Д о с т о е в с к и й. (О Некрасове). — *ЛН*, т. 86, с. 91.
- ¹³² Характерно, что сочинения Тютчева находились в составе библиотек, рассчитанных на читателя-разночинца и формировавшихся с учетом его запросов (Черепнина, Черкесова). Судя по каталогу библиотеки Черкесова (по этому каталогу, в частности, выписывали книги политические арестанты в Доме предварительного заключения), в ней находились издания «Стихотворений» Тютчева, выпущенные в 1854 и 1868 гг. Читальня библиотеки Черкесова была в 1870-х и 1880-х годах местом встреч передовой студенческой молодежи и представителей подпольной России.
- ¹³³ П. Ф. Г р и н е в и ч (П. Ф. Я к у б о в и ч). Тютчев (1803—1903). — «Русское богатство», 1903, № 7, отд. II, с. 24.
- ¹³⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.
- ¹³⁵ Письмо к А. Ф. Аксаковой 4 янв. 1872 г.
- ¹³⁶ Письмо к А. Ф. Тютчевой 10 окт. 1861 г. — *Соч. 1980*, т. 2, с. 195.
- ¹³⁷ Тютчев «не пойдет ни на анализ, ни на исследование народной жизни, откажется от анализа («умно Россию не понять»), по-прежнему многое примет на веру», — подводит итоги восприятия поэтом русской действительности Н. Скатов (Н. С к а т о в. Указ. соч., с. 154).
- ¹³⁸ Письмо к А. Ф. Аксаковой 27 июня (1868 г.).
- ¹³⁹ Письмо к М. Ф. Бирлиевой (авг. 1867 г.). — *Соч. 1980*, т. 2, с. 220.
- ¹⁴⁰ Письмо к И. С. Аксакову 17 февр. (1868 г.).
- ¹⁴¹ Письмо гр. С. С. Уварову 20 авг. 1851 г. — *Соч. 1980*, т. 2, с. 134.
- ¹⁴² Н. Я. Д а н и л е в с к и й. Россия и Европа. СПб., 1871, с. 54 и сл.
- ¹⁴³ Письмо к И. С. Аксакову 22 септ. (1868 г.). См. также письмо Ф. И. Тютчева к А. Н. Майкову 1 авг. (1869 г.), где он пишет о «новой своеобразной Европе», которая «раскинулась, раскрылась, расходилась по этим русским просторам».
- ¹⁴⁴ Письмо к И. С. Аксакову 2 окт. 1867 г.
- ¹⁴⁵ См., напр., письма к И. С. Аксакову 23 окт. 1861 г., 26 нояб. (1867 г.), 18 нояб. (1868 г.), 19 февр. (1869 г.).
- ¹⁴⁶ И. С. А к с а к о в. Указ. соч., с. 309.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУБЛИЦИСТИКА**

СТИХОТВОРЕНИЯ

<АДАМУ МИЦКЕВИЧУ>

Публикация Ксении Костенич
(Польша)

Münich ce 16/28 Septembre (1842)

ОТ РУССКОГО, ПО ПРОЧТЕНИИ ОТРЫВКОВ ИЗ ЛЕКЦИЙ Г-НА МИЦКЕВИЧА

Небесный Царь, благослови
Твои благие начинанья —
Муж несомненного призванья,
Муж примиряющей любви...

Недаром ветхие одежды
Ты бодро с плеч своих совлек.
Бог победил — прозрели вежды.
Ты был Поэт — ты стал Пророк...

Мы чуем приближенье Света —
И вдохновенный твой Глагол,
Как вестник Нового Завета,
Весь Мир Славянский обогнал...

Мы чуем Свет — уж близко Время —
Последний сокрушен оплот —
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ —

Воспрянь — не Польша, не Россия —
Воспрянь Славянская Семья!
И отряхнувши сон, впервые
Промолви слово: Это я! —

Ты ж, сверхъестественно умевший
В себе вражду уврачевать, —
Да над душою просветлевшей
Почиет Божья Благодать!

Ф. Тчв.

Приглашенный занять кафедру славянских литератур в Collège de France, Адам Мицкевич прочитал здесь с 22 декабря 1840 г. по 1 июля 1842 г. два первых курса лекций¹. Хотя предметом их были политическая история и культура всех славянских народов, Мицкевич говорил главным образом о России и о Польше, причем говорил необычным образом. Он увлекал вдохновенной речью, поражал широтой взгляда, блистал глубиной и оригинальностью мысли, но наибольшее впечатление произвела высота его исторического и нравственного подхода к предмету. Он никого не обвинял и не чернил, с равным вниманием рассматривал творчество Державина и Яна Кохановского, подчеркивал спасительное значение для Западной Европы борьбы Руси с татарами и победы Собеского над турками под Веной. Слушатели, во множестве заполнявшие аудиторию, были свидетелями удивительного для того времени события: поляк-изгнанник, патриот, поэт, олицетворявший дух своего народа, занял позицию, возвышавшуюся над националистической точкой зрения, далекую от антирусских тенденций, распространенных среди польской эмиграции после восстания 1830—1831 гг.

Из печати того времени и частично сохранившейся частной переписки мы знаем, сколь многочисленными и бурными были отклики на эти лекции². Многие из поляков протестовали, некоторые доходили даже до того, что подозревали Мицкевича в «измене», и лишь немногие его защитники признавали, что оценка поэтом русской истории правильна, ибо «справедливость надо воздавать даже врагам»³.

Отзывы французов были одобрительными. Ш. О. Сент-Бёв заявил, что Мицкевич «щегольнул таким беспристрастием, что и русские могут слушать его: он говорит для всего славянского племени»⁴. Жюль Мишле в позднейших воспоминаниях характеризовал лекции о славянских литературах как «христианский акт отпущения грехов»⁵. В этом он был близок чувствам русских слушателей. «Если ты остановился в Париже, то там есть ходячая святыня, полная пламенной и чистой любви к ближнему, не знающая, что такое ненависть или жестокость...» — говорилось о Мицкевиче и его лекциях в письме неизвестного русского к путешествовавшему по Франции Ф. В. Чижову⁶. Чижев вскоре сам в этом убедился. Он побывал в Collège de France и стал горячим почитателем Мицкевича⁷. Сдержанный и критически настроенный А. И. Тургенев констатировал, что «Мицкевич переродился или возродился: беспристрастие к Польше и к России невероятное»⁸; Мицкевич — «не враг русских, не поляк, а

Мюнх. с. 16/28 сент. 1842

Отъ Тютчева по прочтении отрывков
изъ лекцій Г-на Мицкевича

Небесный даръ Божья Совесть
твоя Божья наказанья —
Мудро и величаво приваждя,
Глаголю прелестнейшей любовью

Не ударило втѣхъ изъумленъ
ты буди со мной своихъ совѣдъ.
Всѣхъ побѣдилъ — пророкъ Божь
ты, Божь Милосердъ — ты Божь Милосердъ

Мы чуждымъ симъ близкимъ стала —
и вѣрнѣе и твоимъ Божь Совесть.
Дело Божь Совесть Божь Совесть,
Всѣхъ Милосердъ Божь Совесть.

Мы чуждымъ Божь Совесть — какъ Божь Совесть
Наследственный сокровищъ Божь Совесть —
Восхваляю, пророкъ Божь Совесть,
Совѣтъ нашъ Божь Совесть Милосердъ —

Восхваляю — не Милосердъ, не Божь Совесть —
Восхваляю Божь Совесть Совесть —
и вѣрнѣе и твоимъ Божь Совесть —
Ферма Божь Совесть: Божь Совесть —

Мы чуждымъ симъ близкимъ стала —
и вѣрнѣе и твоимъ Божь Совесть.
Дело Божь Совесть Божь Совесть,
Всѣхъ Милосердъ Божь Совесть.

А. Тютчевъ

«ОТ РУССКОГО, ПО ПРОЧТЕНИИ ОТРЫВКОВ ИЗ ЛЕКЦИЙ Г-НА МИЦКЕВИЧА»

Стихотворное послание Адаму Мицкевичу

Автограф. Мюнхен, 16/28 сентября 1842 г.

Bibliothèque Polonaise, Париж

апостольский христианин с примесью католицизма»⁹. Тургенев не ограничился похвалами, а посылал знакомым сперва изложение, затем литографированные стенограммы текста лекций. Возможно, что именно он переслал их Тютчеву в Мюнхен.

Судя по заглавию публикуемого стихотворения, до Тютчева дошли лишь фрагменты лекций Мицкевича, тем не менее чтение их было глубоко пережито им и вызвало его на поэтическое послание Мицкевичу, исполненное чувством братской любви к польскому поэту. Это взволнованное признание выдающегося значения выступлений Мицкевича можно рассматривать как самый значительный русский отклик на его лекции и как произведение, важное для понимания философско-исторических воззрений Тютчева. Вместе с тем «послание» Тютчева Мицкевичу представляет несомненный интерес не только для исследователей творчества и деятельности обоих славянских поэтов, но и для всех историков, изучающих русско-польские культурные и политические связи.

Послание пришло в Париж по почте 1 октября 1842 г. (дата почтового штемпеля). Письмо было запечатано сургучом, без конверта, сложено чистой оборотной стороной наружу. На обороте Тютчев написал: «A Monsieur Monsieur de Mickiewicz Professeur à la Sorbonne etc., etc. Paris. По-видимому, на парижской почте ошибка была исправлена, зачеркнуто «à la Sorbonne» и ниже написано «au Collège de France» с обозначением местожительства: «Rue d'Amsterdam 1».

Автограф послания хранится в Bibliothèque polonaise (Париж) среди стихотворений, присланных польскому поэту или посвященных ему, под номером 780. Сделанная неизвестной рукой карандашная помета на оригинале гласит: «Кажется, Тютчев». На папке помета Владислава Мицкевича (сына и биографа поэта): «Тютчев (Федор, русский посланник (!) при баварском дворе)».

Принадлежность стихотворения Тютчеву в доказательствах не нуждается. Сокращенная подпись, часто употреблявшаяся Тютчевым, легко расшифровывается, а почерк не оставляет сомнений в том, что это автограф поэта. Можно обнаружить родство между написанным

несколько ранее стихотворением «К Ганке» (1841) и стихотворением, обращенным к Мицкевичу: оба они проникнуты радостным ожиданием наступающих перемен в исторических судьбах славянства. Известно, что Тютчев часто повторял в разных контекстах те фрагменты своих стихотворений, которые по каким-либо соображениям считал важными. И вот через двадцать пять лет Тютчев дал парафразу своего послания к Мицкевичу в стихотворном приветствии делегатам Славянского съезда в Москве в 1867 г. («Славянам» — «Привет вам задушевный, братья...»). Элементы 4-й и 5-й строф стихотворения, обращенного к Мицкевичу, встречаются в 4-й и 8-й строфах нового стихотворения (курсив мой. — К. К.):

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: — *Это я!*
< . . . . . >

Опально-мировое племя!
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..

С помощью русских друзей в Париже Мицкевич, вероятно, мог установить, кто был его таинственный мюнхенский корреспондент, но, по-видимому, не отвечал ему. Во всяком случае, в литературе о Тютчеве и о Мицкевиче нет никаких сведений о таком ответе.

До недавнего времени стихотворное послание Тютчева Мицкевичу оставалось неизвестным. В 1973 г. нами было опубликовано сообщение о нем и прозаический перевод отрывка стихотворения на польский язык: К. К о ś с и е п і с з. Nie znany odzew na Prelekcje paryskie Mickiewicza. Wiersz Fiodora Tiutczewa z 1842 g. — В кн.: «Rocznik Towarzystwa Literackiego im. Mickiewicza», t. VIII, Warszawa, 1973, s. 85—90.

В 1979 г. стихотворение был опубликовано И. Капланасом в журнале «Revue des études slaves», t. 52, fascicule 3. P., 1979. Перепечатано в кн.: Ф. И. Т ю т ч е в. Стихотворения. М., 1986.

¹ Текст всех четырех курсов лекций (1840—1844) см. в кн.: А. М і c k i e w i c z. Dzieła, tt. VIII—XI. Warszawa, 1955. В русском переводе: А. М и ц к е в и ч. Из лекций о славянских литературах, 1840—1843. — В кн.: А. Мицкевич. Собр. соч. в 5-ти тт., т. 4. М., 1954.

² Польские и зарубежные высказывания о лекциях Мицкевича цитируются далее по кн.: Z. M a k o w i e s k a. Mickiewicz w Collège de France. Październik 1840 — maj 1844. Warszawa, 1968.

³ Из анонимной статьи в познанском журнале «Ogólny Naukowy», 1841, № 28, s. 226—227.

⁴ А. М а р к о в и ч. Жозеф де Местр и Сент-Бёв в письмах к Р. Стурдце-Эдлинг (письмо 18 янв. 1841 г.). — ДН, т. 33—34, с. 431.

⁵ J. M i c h e l e t. La Légende de Kościuszko. — «L'Événement», (P.), 30 août 1851.

⁶ Это письмо, посланное из России, цитирует в польском переводе Вл. Мицкевич; по его утверждению, фамилия автора и место написания письма тщательно вымараны (W. M i c k i e w i c z. Żywot Adama Mickiewicza, t. III. Poznań, 1894, s. 335).

⁷ См. воспоминания В. Ф. Чижова о Мицкевиче в кн.: S. F i s z m a n. Mickiewicz w Rosji. Z archiwów, muzeów, bibliotek Moskwy, Leningradu. Warszawa, 1949.

⁸ Письмо к К. С. Сербиновичу (9/ 21 апр. 1842 г. — РС, 1882, т. 34, № 4, с. 193. Цит. по кн.: «Адам Мицкевич в русской печати, 1825—1955: Библиографические материалы». М.—Л., 1957, с. 227.

⁹ Письмо к П. А. Вяземскому 24 июня / 6 июля 1844 г. — ОА, т. IV, с. 290. Цит. по кн.: M. L e d n i c k i. Przyjaciele Moskale. Krakow, 1935, s. 351.

<А. С. ДОЛГОРУКОЙ>

Публикация Т. Г. Динесман

Un charme vit en elle — <merveille> de tact pur,
 Un charme de mystère et de mélancolie,
 Et sa douce présence est comme un rêve obscur,
 Dont, sans le s'expliquer, on a l'âme remplie.

<Начало 1854 г.>

Перевод:

<Чудо> чистой гармонии — она полна очарования, очарования тайны и печали, и ее милое присутствие напоминает те неясные грезы, в которые порой погружается наша душа, не пытаясь дать им наименование.

13 февраля 1854 г. Д. Ф. Тютчева писала своей приятельнице О. Н. Смирновой: «Если бы я обладала поэтическим даром, я написала бы вам что-нибудь в духе прелестного стихотворения, которое мой отец посвятил Алек<сандрине> Долг<оружкой>», и далее следует четверостишие, до сих пор остававшееся неизвестным¹.

Когда Тютчев написал эти стихи, Александре Сергеевне Долгорукой (р. 1836) было 18 лет. Так же, как и старшая дочь поэта Анна, она была фрейлиной цесаревны Марии Александровны, и, бывая у дочери, Тютчев нередко встречал у нее Долгорукую.

15 марта 1853 г., после двух месяцев общения с Долгорукой, А. Ф. Тютчева отметила в своем дневнике «непреодолимое обаяние», ей присущее, ее «ум, изящество» и, главное, удивительную «загадочность» ее характера². Много лет спустя она вспоминала: «На первый взгляд эта девушка, высокого роста, худая, развинченная, несколько сутуловатая, с свинцово-бледным лицом, бесцветными и стеклянными глазами, смотревшими из-под тяжелых век, производила впечатление отталкивающего безобразия. Но как только она оживлялась под впечатлением разговора, танцев или игры, во всем ее существе происходило полнейшее превращение. Гибкий стан выпрямлялся, движения округлялись и приобретали великолепную, чисто кошачью грацию молодого тигра, лицо вспыхивало нежным румянцем, взгляд и улыбка приобретали тысячу нежных чар, лукавых и вкрадчивых. Все ее существо проникалось неуловимым, поистине таинственным обаянием»³.

Портрет, нарисованный дочерью поэта, говорит о том, что стихотворение, посвященное Долгорукой, — не просто светская любезность. Тютчев создал поэтический образ, в основе которого лежат вполне реальные черты женщины, его вдохновившей.

Однако этот изящный экспромт отражает лишь одну, поэтическую, грань облика Долгорукой — ее загадочность, «таинственность» ее обаяния. Тютчев не коснулся другой ее особенности, которую отметила его дочь и которую он сам не мог не оценить. По словам Анны Федоровны, Долгорукой было присуще «обаяние самого тонкого, самого смелого ума, полного колкости и иронии. Это был фейерверк остроумных слов, смешных замечаний. Она была удивительно одарена, совершенно бегло, с редким совершенством, говорила на пяти или шести языках, много читала, была очень образована и умела пользоваться всею тонкостью своего ума, без малейшей надуманности жонглируя мыслями и особенно парадоксами»⁴. За пределами созданного Тютчевым образа осталась еще одна черта характера Долгорукой — черта, которой дочь поэта заключает нарисованный ею портрет: «В пленительности ее по существу жесткой и властной натуры было что-то хищное»⁵.

Тютчев посвятил А. С. Долгорукой альбомный мадригал, отнюдь не претендуя на создание психологического портрета. Позже этот сложный, противоречивый характер привлек внимание другого художника. В начале 60-х годов с Долгорукой (к тому времени она была уже женой генерала П. П. Альбединского) познакомился И. С. Тургенев, и для него она послужила прототипом Ирины Ратмировой — героини романа «Дым».

¹ ЦГАЛИ, ф. 485 (О. Н. Смирновой), оп. 1, ед. хр. 118, л. 15 (приписка к письму А. Ф. Тютчевой от того же числа; на франц. яз.).

² Тютчева, т. 1, с. 114 (пер. с франц.).

³ Там же, с. 92.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ ВО ДВОРЦЕ ВЕЛ. КН. ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ

Гравюра А. Журдена по рисунку М. Зичи, 1859

«Illustration», 5 марта 1859 г.

ДВА ФРАНЦУЗСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Публикация | К. В. Пигарева |

POUR SA M(AJESTÉ) L'IMPÉRATRICE

Prestige, Illusion, la Magie et la Fable:
 Tout vient vous rendre hommage et tomber à vos pieds...
 Et l'on sent, quelque part que vous apparaissiez
 Que la Vérité seule est vraiment adorable.

<Конец 1850-х годов>

Перевод:

ЕЕ В<ЕЛИЧЕСТВУ> ИМПЕРАТРИЦЕ

Очарование, иллюзия, колдовство и легенда — все приходит воздать вам должное и пасть к вашим стопам... Но где бы вы ни появились, чувствуется, что одна лишь Истина действительно достойна восхищения.

POUR MADAME LA GRANDE DUCHESSE HÉLÈNE

Dans ce Palais, quoique l'on fasse
 Rien n'est invraisemblable et tout est de saison:
 Ici la Féerie est toujours à sa place
 Car c'est le train de la maison.

<Конец 1850-х годов>

Перевод:

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛЕНЕ ПАВЛОВНЕ

Чтобы ни происходило в этом дворце, ничто не кажется невероятным и всё кстати. Феерия здесь всегда уместна, ибо таков дух этого дома.

«Трудно представить себе придворного менее придворного, чем был Тютчев», — утверждал его первый биограф (Аксаков 1886, с. 261). Вместе с тем звание камергера и положение в высшем обществе столицы обязывало Тютчева участвовать в придворных и светских вечерах и праздниках. И он участвовал в них, в том числе и своим пером. В публикуемых четверостишиях, написанных по поводу «живых картин» в Зимнем и Михайловском дворцах, присутствует изысканная любезность и галантность, присущая французскому мадригалу. Первое четверостишие обращено к жене Александра II — императрице Марии Александровне (1824—1880), второе к в. кн. Елене Павловне (1806—1873), жене в. кн. Михаила Павловича.

Равнодушный к судьбе своих стихотворений, Тютчев тем более не придавал значения своим мадригалам, написанным «на случай». Тем не менее и они являются фактом его биографии и должны быть учтены.

Судя по почерку, чернилам и бумаге, оба четверостишия относятся к концу 1850-х годов.

Печатаются по автографам: ЦГАОР, ф. 632, оп. 1, ед. хр. 25, л. 129 и 130. Местонахождение этих автографов любезно указал нам И. Т. Т р о ф и м о в.

ИЗ ЯКОБА БЁМЕ

Публикация Л. Н. Куз н о й

Кто Время и Вечность
В себе совместил,
От всякого горя
Себя оградил.

<Начало 1860-х годов>

Этим стихотворным переводом из Якоба Бёме завершается письмо Тютчева к Д. Н. Блудову, написанное, по-видимому, в начале 1860-х годов (см. в наст. томе: Т ю т ч е в — Б л у д о в у). Тютчев был большим мастером малых стихотворных форм. Поэтому не случайно обратился к нему Блудов с просьбой о переводе четверостишия Бёме:

Wem Zeit ist wie Ewigkeit
Und Ewigkeit wie Zeit,
Der ist befreit
Von allem Streit¹.

Якоб Бёме (1575—1624), немецкий философ-самоучка из народа, был, по определению Ф. Энгельса, «предвестником грядущих философов»². Его влияние на философскую мысль европейских стран было продолжительным. Натурфилософские идеи Бёме привлекали Баадера и Шеллинга; диалектику Бёме, его стремление соединить в высшем единстве абсолютные противоположности ценил Гегель; Фейербах обращал внимание на материалистические элементы в его философской системе. Герцен и Чернышевский видели в нем одного из самых интересных философов XVII в. Так, отмечая противоречивость учения Бёме, часто облекавшего в «странные мистические и алхимические одежды», Герцен писал: «Его вдохновенное, мистическое созерцание, истекавшее из святого источника, привело его к воззрению такой необъятной ширины, о которой наука его времени не смела мечтать, — к таким истинам, которые человечество узнало вчера, а Бём жил с лишком двести лет тому назад»³.

В своих оценках системы Бёме Тютчев сближался со многими мыслителями своего времени. В указанном письме к Блудову есть такие строки: «Этот Яков Бём — один из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще». Читателю эти строки из письма

Тютчева невольно вспоминаются факты биографии поэта: его пребывание в Мюнхене и близкое знакомство с философом-романтиком Шеллингом, высоко пенившим Бёме и часто обращавшимся к его наследию. Однако следует вспомнить и то, что уже в конце XVIII в. сочинения Бёме стали широко известны в России. В период расцвета масонства, противостоявшего официальной церкви, учение Бёме, противника ортодоксальной теологии, приобрело большую популярность — его сочинения переводились на русский язык, распространялись путем переписывания⁴. Еще в 1782 г. И. Г. Шварц, профессор философии Московского университета, строил свои лекции о познании, опираясь на идеи Бёме. В 1813 г. эти лекции появились в журнале «Друг юношества» (№ 1). Два года спустя сочинения Бёме вышли в русском переводе (Я. Бёме. *Christosophia*, или Путь ко Христу. СПб., 1815). Не исключено поэтому, что со взглядами Бёме Тютчев мог познакомиться еще до отъезда в Германию. Несомненно одно: с сочинениями этого философа он был знаком основательно и давно — об этом свидетельствуют и точность его определения миросозерцания Бёме, и меткость наблюдений над особенностями его языка (см. указ. письмо к Блудову). С этой точки зрения перевод из Бёме не представлял каких-либо затруднений для Тютчева. Однако, судя по тому же письму к Блудову, поэт остался недоволен своим переводом.

В стихотворном афоризме о времени и вечности, который перевел Тютчев, воплотилось характерное для Бёме стремление к познанию бытия Вселенной в единстве и согласии противоречий. Идея этого афоризма проходит через многие сочинения Бёме, поэтому возникло даже такое представление об этом философе: «Почти с детства для него „время стало, как вечность, и вечность, как время“, — по его любимому присловью»⁵. Это была пантеистическая иллюзия, идиллическое представление о возможности гармонии «времени» и «вечности», т. е. времени бытия отдельной личности и космического времени мироздания.

¹ Julius Hamberger. Die Lehre des deutschen Philosophen Jakob Böhme in einem systematischen Auszuge aus dessen sämtlichen Schriften. München, 1844, S. 283.

² Ф. Энгельс. Заметки о Германии. — В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 18. М., 1961, с. 574.

³ «Письма об изучении природы». — Герцен, т. 3, с. 237—238.

⁴ С. П-в (Г. П. Смирнов-Платонов). Русские переводы Якова Бёме. — «Библиографические записки», 1858, № 5, с. 130—137.

⁵ Цитата из предисловия переводчика в кн.: Я. Бёме. Аугога, или Утренняя заря в восхождении: Пер. А. Петровского. М., 1914, с. IX.

«НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ВОЛНУЕТСЯ ВОСТОК...»

Публикация А. А. Николаева

Не в первый раз волнуется Восток,
 Не в первый раз Христа там распинают,
 И от «креста» луны поблекший рог
 Щитом своим державы прикрывают.
 Несется клич: «Распни, распни его!
 Предай опять на рабство и на муки!»
 О Русь, ужель не слышишь эти звуки
 И, как Пилат, свои умоешь руки?
 Ведь это кровь из сердца твоего!

<Лето 1867 г.>

Известно, что политические стихотворения Тютчева, оставшиеся неизданными при жизни поэта, имели хождение в списках и что эти списки стали впоследствии источником для ряда посмертных публикаций. Разумеется, эти публикации не оставались незамеченными. И все же одна из них явилась исключением, оказавшись вне поля зрения издателей Тютчева и исследователей его творчества.

В 1897 г. в Москве был издан сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (сост. Г. А. Джаншиев). Здесь, под заглавием «Из Ф. И. Тютчева», и было помещено

— 128 —

Изъ **Ө. И. Тютчева.**

Не въ первый разъ волнуется Востокъ,
 Не въ первый разъ Христа тамъ распинаютъ,
 И отъ „креста“ луны поблекший рогъ
 Щитомъ своимъ державы прикрываютъ.
 Несется кличъ: „распни, распни его!
 Предай опять на рабство и на муки!“
 — О Русь, ужель не слышишь эти звуки
 И, какъ Пилагъ, свои умоешь руки?
 Вѣдь это кровь изъ сердца твоего!

Изъ **Э. Э. Ухтомскаго.**

Пускай нѣмѣетъ скорбь, пускай гнетутъ мученья,
 Пускай туманный сводъ безвѣрьемъ полоненъ!
 Я знаю, что мы всё дождемся пробужденья,
 И въ ласковыхъ лучахъ святаго обновленья
 Живительно сверкнетъ лазурный небесклонъ.

«НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ВОЛНУЕТСЯ ВОСТОК...»

Забятая публикация стихотворения Тютчева

В книге: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1897

Обложка и страница со стихотворением Тютчева

стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...» (отдел II, с. 128; в этом же сборнике, под таким же заглавием, было напечатано и хорошо известное к тому времени стихотворение Тютчева «Слезы людские, о слезы людские...» — с. XLI). Публикация была повторена во втором издании сборника, вышедшем в следующем, 1898 г.

Как ни странно, в литературе о Тютчеве стихотворение это ни разу не упоминалось, хотя названный сборник не принадлежит к числу редких или забытых изданий и содержание его расписано в известном библиографическом указателе Н. П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.» (М., 1965, с. 431 и 437).

Принадлежность стихотворения Тютчеву не вызывает сомнений. И тематически, и стилистически оно связано с политической лирикой Тютчева, и прежде всего с его стихами, написанными по поводу начавшегося в 1867 г. народно-освободительного восстания греческого населения Крита (кандиотов) против турецкого национального феодализма и религиозного гнета. Критское восстание, продолжавшееся почти два года, способствовало пробуждению национального самосознания других христианских народностей на Ближнем Востоке и на Балканах. Очень хорошо понимая, что без внешней поддержки восстание будет обречено на поражение, Тютчев надеялся, что Россия окажет помощь восставшим и воспользуется событиями на Крите для решительного выступления по восточному вопросу. Поэтическим выражением этой надежды, которую он неоднократно высказывал в своих письмах той же поры (см. в наст. томе: Тютчев — Аксаковым, п. 13, 18, 30 и 31), явились стихотворения «Ты долго ль будешь за туманом...» и «Хотя б она сошла с лица земного...». Они были написаны в конце 1866 г., когда Россия действительно предприняла решительный шаг, предложив европейским державам потребовать от Турции передачи Крита Греции. Однако Англия, Франция и Австрия, опасавшиеся укрепления России на Балканах, не пошли на это.

Тогда и русское правительство заняло пассивную позицию по отношению к восставшим. Такая позиция западных держав и России предопределила неудачу восстания и торжество Турции. Предвидя этот ход событий, Тютчев писал летом 1867 г. жене Эрнестине Федоровне: «Трагична участь бедных кандиотов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и бесчестно быть настолько ниже своей задачи» (СН, кн. 21, с. 225; см. также в наст. томе: Тютчев — Аксаковым, п. 27 и 28). По-видимому, именно в это время и было написано стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток...». Оно также свидетельствует, что надежды Тютчева сменились гневом на недостойное в его глазах поведение правительства России и западных держав по отношению к кандиотам и их движению.

<О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВИДОВОЙ>

Публикация И. А. Королевой

Здесь, где дары судьбы освящены душой,
Оправданы благотвореньем,
Неволью человек мирится здесь с судьбой,
Душа сознательно дружится с Провиденьем.

Отрада, 11 июля 1869 г.

14 мая 1882 г. в газете «Московские ведомости» (№ 132) был напечатан некролог известному общественному деятелю графу В. П. Орлову-Давыдову. Несколько строк некролога было посвящено описанию Отрады — подмосковного имения Орлова-Давыдова¹. В этой связи анонимный автор привел неопубликованный экспромт Тютчева, написанный в Отраде. Публикация осталась незамеченной, и впоследствии экспромт ни разу не был перепечатан, не учтен он и в библиографии произведений Тютчева².

Известно, что Тютчев был хорошо знаком с В. П. Орловым-Давыдовым, неоднократно получал от него приглашения посетить Отраду и был намерен побывать там. «Отсюда я уеду после 20 этого месяца, — писал он жене из Петербурга 2 июня 1869 г. — пробуду дней десять в Москве; по пути я посетю Орловых-Давыдовых, чтобы наконец исполнить так часто и так тщетно даваемое обещание; затем явлюсь к вам в Овстуг»³.

Теперь мы знаем, что Тютчев исполнил свое намерение и был в Отраде 11 июля — в день именин хозяйки дома — Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой (рожд. княж. Барятинской; 1814—1876)⁴. В экспромте, написанном им в этот день, отразились впечатления от пребывания в Отраде: Тютчев был поражен царившей там атмосферой, которая определялась личностью владелицы имения — женщины, заметно выделявшейся в светских кругах.

По свидетельству И. С. Аксакова, О. И. Орлова-Давыдова представляла собой «любопытное явление и замечательный характер»⁵. Почти до самого замужества она безвыездно жила в отцовском имении, и в результате «русская деревня вошла в нравственный состав ее существа», стала «ее прирожденной стихией»⁶. Выйдя замуж, она подолгу жила в Отраде, устроила здесь больницу, женские крестьянские школы и многое делала для того, чтобы облегчить положение отрадненских крестьян. Простота и естественность отношений ее с крестьянами поразила Аксакова: «Под внешней аристократической, полурусской, полуанглийской оболочкой дома (...) живет такой живой союз с церковью и не менее живой союз с русским народом, что я долго не мог прийти в себя от изумления (...) Старуха-графиня отнеслась ко мне довольно благосклонно (...) От нее идет весь этот нравственный строй»⁷. И на Тютчева также произвели впечатление не столько красота и роскошь Отрады — эти «дары судьбы», которыми владела О. И. Орлова-Давыдова, — сколько царивший здесь «нравственный строй», ею созданный.

По свидетельству автора упомянутого некролога, экспромт Тютчева был вписан в «отрадненскую записную книжку». Однако при просмотре отрадненского архива, эта записная книжка за 1869 г. не была обнаружена⁸. Стихотворение печатается по указанной публикации в «Московских ведомостях», о которой любезно сообщил нам В. И. Болдин.

¹ Усадьба Отрада находилась в Серпуховском уезде Московской губ. Первым ее владельцем был В. Г. Орлов — брат А. Г. Орлова, фаворита Екатерины II.

² «Ф. И. Тютчев». Библиографический указатель (...) / Сост. И. А. Королева и А. А. Николаев; Ред. К. В. Пигарев. М., 1978.

³ *СН*, кн. 21, с. 221 (пер. с франц.).

⁴ Владелец Отрады в это время отсутствовал — он находился в своем приволжском имении Усолье (В. П. Орлов — Давыдов. Дневник, т. 20, запись 11 июля 1869 г. — ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 13).

⁵ «Графиня Ольга Ивановна Орлова-Давыдова. (Из письма И. С. Аксакова к одному из его приятелей). 1873». — *РА*, 1900, кн. II, № 8, с. 556.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 555—556.

⁸ В поисках этой записной книжки нами были просмотрены материалы семейного архива Орловых-Давыдовых, хранящегося в ЦГАДА и в ГБЛ. Здесь были обнаружены списки четырех стихотворений Тютчева: «Предание» («Пророчество»), «Рассвет», «Москвичам» («Ответ на адрес») и «Князю А. М. Горчакову»; последнее стихотворение переписано рукой О. И. Орловой-Давыдовой (ГБЛ, 219. 102.8; 102, 20; 102. 22).

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ТРАКТАТ «РОССИЯ И ЗАПАД»

Публикация К. В. Пигарева

Вступительная статья В. В. Кожина

Комментарии Л. Р. Ланского

Среди бумаг Тютчева имеется автографическая рукопись на французском языке под названием «La Russie et l'Occident» («Россия и Запад»). Это материалы к начатому, но незавершенному историко-софскому трактату поэта. Рукопись содержит программу (оглавление) будущего трактата в двух вариантах и наброски, в большей части конспективные, семи его глав из девяти, обозначенных в последнем варианте «Программы».

В биографии Тютчева, написанной Ив. Аксаковым, этой рукописи посвящена целая глава (VI). В сопровождении своих пространных толкований он отчасти процитировал в переводе на русский (с отдельными вкраплениями французского), отчасти пересказал значительную часть текста рукописи. И в переводах, и в изложении допущен ряд неточностей и прямых ошибок, толкования же отмечены, естественно, печатью славянофильских взглядов автора. Ныне впервые рукопись публикуется полностью на французском языке подлинника и в переводе на русский.

Работа Тютчева над трактатом «Россия и Запад» относится к 1848—1849 гг. Даты эти удостоверяются упоминаемыми в рукописи историческими событиями (см. о них в комментариях к тексту трактата) и перепиской жены поэта Эрнестины Федоровны со своим братом Карлом Пфеффелем, игравшим роль посредника между Тютчевым и западноевропейской прессой¹.

В письме от 18 (30) мая 1848 г. Э. Ф. Тютчева извещала брата *: «... посылаю вам копию записки, которую мой муж продиктовал мне шесть недель тому назад»². Это была «записка», получившая затем известность под названием «Россия и Революция». Она была издана в Париже весной 1849 г. брошюрой в количестве двенадцати экземпляров под вымышленным названием, данным ей издателем П. Ш. де Бургуэном³.

В публикуемых 2-м и 3-м вариантах «Программы» трактата статья «Россия и Революция» обозначена как его восьмая глава. Возможно, однако, что в дни работы над этой статьей у Тютчева еще не возникал замысел трактата. Когда же он возник, было принято решение ввести в него и ранее написанную статью «Россия и Революция».

Спустя полтора года, 9 (21) октября 1849 г., Э. Ф. Тютчева сообщала тому же К. Пфеффелю: «На днях (...) я пошлю вам новое произведение моего мужа. Это вторая глава труда, которым он занят и который будет называться „Россия и Запад“. Эта вторая глава, под заглавием „Папство и Римский вопрос“ (...) в силу своей злободневности, может быть отделена от всего остального и напечатана самостоятельно»⁴. По-видимому, это было желание Тютчева, а оно было выполнено. 1 января 1850 г. глава вторая трактата «Россия и Запад» была опубликована в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» под заглавием «Папство и Римский вопрос».

Констатировать «принадлежность» двух опубликованных тютчевских статей к трактату «Россия и Запад» важно потому, что дошедшая до нас рукопись состоит в основном из первоначальных, почти тезисных набросков к будущему труду; только текст первой, вводной главы «Положение дел в 1849 г.» (занимающий почти половину общего объема рукописи) имеет более или менее развернутый характер. Но поскольку у нас есть документально аргументированные основания рассматривать тютчевские статьи «Россия и Революция» и «Папст-

* Все приводимые в нашей статье выдержки из публикуемого трактата и других политических статей и заметок Тютчева, из его писем (кроме обращенных к И. С. Аксакову), а также из писем Э. Ф. Тютчевой, К. Пфеффеля и других современников поэта цитируются в переводах с французского языка, что в дальнейшем специально не оговаривается.

во и Римский вопрос» как «готовые» главы незавершенного трактата, мы можем гораздо более определенно судить о замысле «России и Запада» в целом.

Естественно встает вопрос о том, почему Тютчев не завершил работу над своим трактатом, которому в процессе работы над ним придавал чрезвычайно большое значение. Свидетельство этому находим в письме Э. Ф. Тютчевой к брату от 1/13 января 1850 г. Эрнестина Федоровна писала здесь: Тютчев «два месяца назад, казалось, был убежден, что мир обрушится, если он не напишет труд, часть которого я вам послала ^{2*} и для которого были подготовлены все материалы». Однако затем, читаем в письме, «мой муж вдруг все забросил. Он даже забыл или почти забыл о том, как ему хотелось, чтобы фрагмент, посланный мною в ваше распоряжение, появился в какой-нибудь заграничной газете <...> Словом, несомненно одно, что только возражения, которые вызовет эта статья, если она будет напечатана, заставят нас ^{3*} закончить труд, начатый так поспешно и так внезапно оставленный» ⁵. Именно в тот день, когда Э. Ф. Тютчева писала это свое послание, вышел номер «Revue des Deux Mondes» со статьей «Панство и Римский вопрос», вызвавшей на Западе до полутора десятка весьма существенных и острых возражений ⁶. Но Тютчев все же не продолжил работу над трактатом.

Посылая сестре 29 декабря 1849 г. (10 января 1850 г.) письмо редактора «Revue des Deux Mondes», содержавшее очень лестный отзыв о Тютчеве, К. Пфёффель писал: «Надеюсь, что содержание этого письма поощрит вашего мужа поскорее прислать мне новое произведение своего пера» ⁷. В ответ Э. Ф. Тютчева 19/31 января 1850 г. сообщает: «Записка редактора „Revue“, которую вы нам прислали, очень нас порадовала, муж мой был ею чрезвычайно тронут. Но он говорит, что это ^{4*} было бы несвоевременно, ибо мнение, которое он мог бы высказать в области политики — области, где вопрос об Австрии по необходимости занимает огромное место, — это мнение, в силу того, что оно исходило бы из Петербурга, сразу было бы воспринято как мнение официальное и испугало бы все западные правительства; к тому же мнение это и здесь не получило бы поддержки, поскольку, высказанное публично, оно означало бы вторжение в область, запретную для подданного его величества императора» ⁸. Итак, Тютчев откладывает работу, но не без надежды вернуться к ней, буде обстоятельства этому не помешают.

Через два с лишним месяца, 29 марта /10 апреля 1850 г., К. Пфёффель, учитывая, по-видимому, соображения о трудностях разговора об австрийских делах, предлагает Тютчеву переключить свое внимание на другую тему: «... я взываю к тому, чтобы он <...> написал статью об английской политике, имеющей то преимущество, что в настоящее время она вызывает почти всеобщее неодобрение» ⁹.

Наконец, и в следующем году К. Пфёффель продолжает «взывать». «Мне хотелось бы, — пишет он сестре 1/13 января 1851 г., — чтобы муж ваш продолжил свои литературные труды <...>. Убедите Тютчева нарушить свое молчание и снова подняться на треножник. Он обладает даром пророчества» ¹⁰.

Однако Тютчев навсегда оставляет работу над своим трактатом. Можно бы объяснить это соображениями, высказанными в цитированном только что письме Э. Ф. Тютчевой, согласно которым поэт опасался, что его трактат (или отдельные его главы) будет воспринят на Западе как выражение чисто «официальной» точки зрения и в то же время вызовет недовольство русских правящих кругов. По-видимому, и то и другое смущало поэта. Но наиболее серьезная причина прекращения работы над трактатом заключалась, как представляется, в ином.

Дело в том, что идеи тютчевского трактата обрели своего рода второе пришествие через четыре-пять лет, во время Крымской войны. В 1854 г. глава «Россия и Революция» была вторично напечатана в Германии; тогда же видный французский публицист Э. Форкад заново обратился к главе «Римский вопрос» ¹¹. Наконец, по инициативе К. Пфёффеля в Париже были опубликованы фрагменты из тютчевских писем к Э. Ф. Тютчевой и к самому Пфёффелю — писем, развивавших, в сущности, идеи трактата. Все это вызвало новый взрыв полемики ¹².

^{2*} Подразумевается статья «Панство и Римский вопрос». — В. К.

^{3*} Э. Ф. Тютчева имеет в виду, что муж диктовал ей главы своего труда. — В. К.

^{4*} Подразумевается высказанное в цитированном выше письме Пфёффеля пожелание, чтобы Тютчев написал новую политическую статью. — В. К.

ТЮТЧЕВ

Раскрашенная фотография К. Даутендея (исполнена по способу Тальбота).

Петербург, (1850—1851)

Внизу подпись фотографа (закрыта рамой): «№ 5017. Par Dautendy»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Из ряда высказываний Тютчева, относящихся к этому времени, явствует, что у него возникло желание вернуться к работе над трактатом. Но он все же не сделал этого и достаточно определенно и однозначно объяснил причину своего воздержания.

При этом очень важно учитывать, что до нас не дошли прямые тютчевские суждения 1850 г. о полемике, возникшей в западной печати вокруг глав его трактата. Объясняется это просто: в 1850 г. поэт почти не расставался с Э. Ф. Тютчевой, с которой он говорил с полной откровенностью; мы не располагаем ни одним его письмом к ней, относящимся к этому году. Между тем в 1854 г. они, напротив, почти все время находились в разлуке, и Тютчев отправил Эрнестине Федоровне десятки писем, в которых содержатся ответы и на интересующий нас вопрос.

21 апреля/3 мая 1854 г. Тютчев писал ей: «Я прочел статью Форкада^{5*} <...>. Конечно, не в желании говорить у меня недостаток, но желание это постоянно сдавливается убеждением, с каждым днем укореняющимся, в бессилии, в совершенной бесполезности слова <...> Слово, мысль, рассуждение — все это предполагает какую-нибудь *нейтральную почву*, а между нами и ими (политиками Запада. — В. К.) нет уже ничего нейтрального»¹³. Через три с лишним месяца, 27 июля/8 августа Тютчев, прочитав новую «заметку» не раз полемизировавшего с ним французского публициста Пьера Лоранси, пишет Эрнестине Федоровне, что «очень хотел бы» ответить ему, и добавляет: «... но ввиду происходящего кризиса мне стало физически невозможно говорить»¹⁴. Наконец, еще через десяток дней, 5/17 августа, рассказав в письме к ней же о петербургских разговорах, возбужденных публикацией фрагментов из его писем и западной полемикой с его идеями, Тютчев замечает: «...это почти возбудило во мне желание написать что-нибудь последовательное и более полное о всей общности вопроса. Но...»¹⁵.

Не исключено возражение, что Тютчев мог прийти к выводу о «бесполезности» продолжать работу над трактатом только лишь в 1854 г., когда уже шла Крымская война, а не ранее. В октябре 1849 г. он, по-видимому, верил, что его трактат мог бы стать началом полного глубокого смысла диалога с Западом, диалога, который в каком-то конечном итоге явился бы основой для установления отношений подлинного мира между Западом и Россией. Статьи «Россия и Революция» и «Папство и Римский вопрос» были, как говорится, «пробными шарам». Но реакция публицистов Запада на эти статьи, по-видимому, убедила Тютчева в «бесполезности слова», и «желание говорить» было в нем подавлено. Как мы видели, Тютчев с полной ясностью написал об этом в 1854 г., но не будет натяжкой предположение, что он так или иначе осознал эту самую «бесполезность» раньше, после целой серии первых откликов на его статьи. И прекратил работу над своим трактатом.

Существует мнение, восходящее еще к биографии Тютчева, написанной Ив. Аксаковым, что поэт не имел навыков систематического труда или даже не обладал целенаправленной волей, необходимой для осуществления большого замысла, подобного трактату «Россия и Запад».

Но последовательное изучение жизни поэта доказывает, что дело обстоит сложнее. Верно, что Тютчев мог в течение долгого времени бездействовать — вплоть до нежелания написать короткое письмо. Но если он проникался верой в действенность тех или иных своих усилий, то, напротив, проявлял выдающуюся волю, незаурядную энергию, и его не могли остановить ни болезнь, ни тяжелые личные переживания, ни разочарование в соратниках. Это особенно характерно для последнего десятилетия его жизни, когда поэт стал ближайшим советником и другом министра иностранных дел князя А. М. Горчакова и обрел реальные возможности для воздействия на внешнюю политику России. И чем более уверялся Тютчев в своей способности повлиять на политическое состояние мира, тем энергичнее и многограннее становилась его деятельность. Об этом недвусмысленно говорят многочисленные документы и свидетельства, сообщение о которых заняло бы слишком много места¹⁶.

Итак, можно полагать, что Тютчев прекратил работу над трактатом «Россия и Запад» главным образом потому, что разуверился в возможности достичь той цели, которую он ставил перед собой, приступая к этому сочинению. Но основной смысл и пафос трактата были все же явлены в тютчевских статьях «Россия и Революция» и «Папство и Римский вопрос». Рукопись «Россия и Запад», вкупе с этими главами, раскрывает перед нами глубокий и масштабный мир историософского и политического мышления поэта.

При всей несомненной скромности Тютчева у него однажды вырвалось признание в том, что его уму присуще свойство «охватывать борьбу во всем ее исполинском объеме и развитии»¹⁷. И это, быть может, особенно очевидно выразилось в том, что было написано им для трактата, «охватывающего» историю от времени древнейших государств Востока до злободневных событий 1848—1849 гг.

Характерно, что, при всей остроте полемики вокруг опубликованных глав трактата, большинство западных оппонентов Тютчева не могли не выразить своего уважения или даже восхищения значительностью его мысли. Так, редактор «Revue des Deux Mondes» Франсуа Бюлоз просит Карла Пфёффеля «передать автору (т. е. Тютчеву. — В. К.) <...> чувство вос-

^{5*} Подразумевается упомянутый выше отзыв Э. Форкада о статье «Папство и Римский вопрос». — В. К.

хищения», питаемого им «к силе и точности его мысли»; нельзя не отметить и слова Бюлоза о том, что Тютчев — «писатель с очень большим дарованием, владеющий с поразительной силой нашим языком»¹⁸. Французская речь Тютчева не раз вызывала удивление ценителей в самой Франции; не будет преувеличением сказать, что она, эта речь, представляет собой ценный феномен французской языковой культуры; в последнее время она стала даже предметом специального исследования во Франции¹⁹.

Говоря о трактате «Россия и Запад», следует упомянуть, что Тютчев вступил на тот путь, своего рода завершением которого должен был стать его трактат, еще в 1844 г., когда он опубликовал в Германии две политические статьи, оформленные в виде писем к редактору аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

О второй из этих статей, получившей впоследствии название «Россия и Германия» (о ней еще пойдет речь), Ив. Аксаков писал так: «Нельзя не признать, что с появлением этой статьи Тютчева впервые раздался в Европе твердый и мужественный голос русского общественного мнения. Никто никогда из частных лиц в России еще не осмеливался говорить прямо с Европою таким тоном, с таким достоинством и свободой»²⁰. Эту характеристику с еще большими основаниями следует отнести к последующим тютчевским статьям, представлявшим собой, как сказано, главы его трактата. В высшей степени знаменательно, что статьи эти произвели наиболее сильное впечатление на западноевропейских читателей не в момент их появления, а через четыре-пять лет, когда уже началась Крымская война²¹.

Словом, Тютчев не мог пожаловаться на то, что его политические сочинения не имеют отклика. Но вся жизнь поэта неопровержимо подтверждает аксаковское суждение о том, что в честолюбии у Тютчева был «органический недостаток»²². Трудно сомневаться в том, что появление трактата «Россия и Запад» принесло бы поэту всеевропейскую известность. Но он стремился не к личному самоутверждению, а к реальному воздействию на политические взаимоотношения России и Европы, к мирному диалогу с Западом. И придя к выводу — на основе уже первых откликов на опубликованные главы трактата, — что чаемый диалог невозможен, Тютчев прервал работу. Он не только не закончил свой фундаментальный труд, но и не написал более ни одной, хотя бы краткой, статьи, обращенной к западноевропейским читателям.

Тем не менее целое десятилетие в жизни Тютчева прошло как бы под знаком трактата «Россия и Запад», ибо, как уже сказано, еще в 1844 г. появились статьи, бывшие своего рода подступом к этой работе, а в 1854 г. Тютчев не без драматизма обсуждает отклики на опубликованную четыре с лишним года назад главу трактата.

Необходимо указать также на то, что с идеями трактата связан целый ряд тютчевских стихотворений 1848—1854 гг.: «Море и утес», «Не знаешь, что лестней для мудрости людской...», «Русская география», «Рассвет», «Наполеон», «Пророчество», «Уж третий год беснуются языки...», «Нет: карлик мой! трус беспримерный...», «Тогда лишь в полном торжестве...», «Спиритистическое предсказание», «Наш век», «Неман», «Теперь тебе не до стихов...» и др. Но анализ всех связей этих стихотворений с содержанием трактата — особая и сложная тема.

Да, трактат не был написан, и наброски к нему впервые публикуются полностью лишь теперь, когда прошло уже около полутора столетия со времени начала работы Тютчева над этим сочинением. Ведь по существу Тютчев, как сказано выше, начал свой путь политического писателя с совсем небольшого письма в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» — письма, посвященного историческому смыслу русской победы над Наполеоном. Оно было вызвано издательскими суждениями о русских солдатах, появившимися на страницах этой газеты.

«Занятные вещи пишутся и печатаются в Германии», восклицал Тютчев, о русских солдатах, которые «тридцать лет тому назад проливали кровь на полях сражений своей отчизны, дабы достигнуть освобождения Германии»; их кровь, писал Тютчев, «слилась с кровью ваших отцов и ваших братьев, смыла позор Германии и завоевала ей независимость и честь. <...> После веков раздробленности и долгих лет политической смерти немцы смогли получить свою национальную независимость только благодаря великодушному содействию России»²³.

Вскоре, летом 1844 г., Тютчев издал в Мюнхене отдельной брошюрой статью «Lettre à M-r le docteur Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle». Впоследствии в России она издавалась под названием «Россия и Германия». И здесь он уже берет тему «Россия и Запад» в более широком объеме.

Эта историософская тема взаимоотношений России и Запада имеет свою традицию, и Тютчев в основном ходе своей мысли как бы продолжал Пушкина, который за десять лет до этого, в 1834 г., писал: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией. А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»²⁴.

В главе тютчевского трактата, которая стала известна как статья «Россия и Германия», речь идет, прежде всего, о том, что Россия, освободившая тридцать лет назад Европу от наполеоновского господства, подвергается ныне постоянным враждебным нападкам в западной печати. В результате, пишет Тютчев, ту державу, которую «поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом <...> удалось с помощью припева, постоянно повторяемого настоящему поколению при его рождении, почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда XIX века»²⁵.

Статья Тютчева была вызвана предчувствием войны Запада против России, которая разразилась через десять лет. Между прочим, один из оппонентов Тютчева, влиятельный французский публицист Форкад, напишет в апреле 1854 г., когда война уже началась, о тютчевской статье 1849 г. «Папство и Римский вопрос»: «Мы были поражены <...> идеями русского дипломата о религиозных делах на Западе; но мы видели в них лишь парадокс и острый в своей основе тезис: мы ничуть не замечали, признаемся в том, за этим парадоксом европейскую войну»²⁶.

Тютчев как раз с острой прозорливостью «замечал» эту войну задолго до ее реального начала²⁷. Но, оценивая тютчевские политические сочинения 1840-х годов, никак нельзя свести их к этому конкретному предвидению. Тютчев выразил в них, если угодно, целую философию истории. Он писал в начале своей брошюры «Письмо к доктору Густаву Кольбу...» («Россия и Германия»): «Мое письмо не будет заключать в себе апологии России. Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор вполне успешно. Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...»²⁸.

Множество фактов и свидетельств говорит нам о глубочайшем внимании Тютчева к истории, об его, можно сказать, постоянной погруженности в историю — русскую и мировую — во всем ее тысячелетнем размахе. В приведенном только что высказывании Тютчев как бы ограничивает — вероятно, для большей ясности — свою мысль рамками Нового времени («три столетия» — XVII, XVIII, XIX вв.). Но на деле его взгляд на историю был предельно широкоохватен.

Очень характерен его рассказ в письме к Э. Ф. Тютчевой о посещении 20 августа 1843 г. одного из кремлевских соборов и Иверской часовни. Тютчев тогда уезжал в Германию и по настоянию своей матери исполнил положенные при прощании православные обряды. «Все произошло по обрядам самого точного православия, — писал Тютчев. — И что же? Для того, кто приобщается к нему лишь мимоходом и кто воспринимает от него лишь поскольку это ему заблагорассудится...» (Стоит прервать цитату, дабы пояснить, что Тютчев имеет в виду таких людей, как он сам. Здесь не место говорить об очень сложном и противоречивом отношении поэта к церкви и религии; достаточно сказать, что в зрелые свои годы Тютчев исполнял церковные обряды только в очень редких, особых случаях.) Итак, для людей подобного рода «в этих обрядах, столь глубоко исторических, в этом русско-византийском мире, где жизнь и обрядность сливаются и который столь древен, что даже сам Рим, сравнительно с ним, представляется нововведением, — во всем этом для тех, у кого есть чутье к подобным явлениям, открывается величие несравненной поэзии <...> Ибо к чувству столь древнего прошлого неизбежно присоединяется предчувствие неизмеримого будущего»²⁹.

В высшей степени характерно, что Тютчева глубоко волнует в церковных обрядах не их религиозное содержание, а та почти двухтысячелетняя история, в течение которой они непрерывно совершались (говоря о Риме как «нововедении», поэт имеет в виду, что Восточная церковь восходит прямо и непосредственно к изначальному христианству, а не к Римской

церкви). Столь глубокая даль истории как бы позволяет так же далеко заглянуть в будущее... Нельзя не привести слова Тютчева, написанные около древнего Новгорода, — в «краю», который есть «начало России»: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем (...) потребность связывать прошлое с настоящим»³⁰.

И статьи Тютчева, казалось бы, целиком обращенные к политической ситуации того времени, в котором они возникли, вместе с тем насквозь проникнуты всеобъемлющим историческим сознанием. Конечно, тютчевский историзм в значительной степени был историзмом поэта. Он сам признался, повторим цитату, что в истории ему «открывается величие несравненной поэзии».

Трудно сомневаться в том, что Тютчев знал мысль Наполеона, высказанную им в 1808 г. во время встречи с Гёте, который затем изложил эту мысль в своей известной записке «Беседа с Наполеоном»: «Неодобрительно отозвался он и о драмах рока. Они — знамение темных времен. А что такое рок в наши дни? — добавил он, — рок — это политика»³¹.

Тютчев, надо думать, согласился бы с этим «античным» представлением о политике. Но он был Поэтом на все времена, и для него не была «устаревшей» трагическая идея Рока, которая запечатлелась с такой мощью в его стихотворении «Два голоса», созданном, кстати сказать, одновременно с одной из важнейших тютчевских статей — «Папство и Римский вопрос» (1850), где также речь шла о «роковых» противоречиях Истории.

Словом, Тютчев и в своих политических статьях в определенном смысле оставался поэтом — и это надо учитывать. Но ошибочно полагать, что поэтическое миропонимание лишено объективной исторической правды. Историзм Шекспира и Гёте, Пушкина и Толстого — это, при всех возможных оговорках, вполне реальный историзм, без которого мы значительно беднее и поверхностнее воспринимали бы Историю. И это целиком относится к Тютчеву — и к его стихам, и к его статьям.

В статье «Россия и Германия» (1844) поэт создает своего рода историософский образ тысячелетней державы. «О России много говорят, — пишет он, — в наше время она служит предметом пламенного, тревожного любопытства; очевидно, что она сделалась одною из главнейших забот нашего века (...) Современная мысль, детище Запада, чувствует себя в этом случае перед стихией, если и не враждебной, то вполне ей чуждой, стихией, ей неподвластной, и она как будто боится изменить самой себе, подвергнуть сомнению свою собственную законность, если она признаёт вполне справедливым вопрос, ей предложенный (...) Что такое Россия? Каков смысл ее существования, ее исторический закон? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражает собою?.. Правда, что Вселенная указала ей видное место; но философия истории еще не соблаговолила признать его за нею. Некоторые редкие умы, два или три в Германии, один или два во Франции, более дальновидные, чем остальная масса умственных сил, провидели разгадку задачи, приподняли было уголок этой завесы; но их слова до настоящей минуты мало понимались, или им не внимали!..» И далее. «В течение целых столетий, — продолжает Тютчев, — Европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не было и не могло быть другой Европы, кроме его (...) Чтобы (...) существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского Запада (...) чтобы существовал там целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своею собственною органическою, самобытною жизнью, — этого допустить было невозможно (...) Долгое время это заблуждение было извинительно; в продолжение целых веков создающая сила оставалась как бы сخورенной среди хаоса; ее действие было медленно, почти незаметно; густая завеса скрывала тихое создание этого мира... Но, наконец, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европою Петра Великого!»³²

Стоит сразу же обратить внимание на то, что поэт видит в Петре Великом высшее и подлинное воплощение России; это одно из его многих коренных расхождений со славянофилами (впрочем, это закономерно вытекает из того, что для Тютчева ключевое понятие — «Держава», а не «община», как для славянофилов).

Далее Тютчев говорит, что в Германии, и вообще на Западе, есть люди, которые объясняют свою враждебность к России так: «Мы обязаны вас ненавидеть, ваше основное начало, самое начало вашей цивилизации внушают нам, немцам, западникам, отвращение; у вас не было ни феодализма, ни папской иерархии; вы не испытывали ни борьбы религиозной, ни войн империи, ни даже инквизиции; вы не принимали участия в крестовых походах, вы не знавали

рыцарства; вы четыре столетия тому назад ^{6*} достигли того единства, к которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления» ³³.

Приведя этот перечень «обвинений» Запада в адрес России, Тютчев говорит: «Все это так, но, по справедливости, воспрепятствовало ли все это нам искренне и мужественно пособлять вам при случае, когда требовалось отстоять, восстановить вашу политическую самостоятельность, вашу национальность?» ^{7*} И теперь вам не остается ничего другого, как признать нашу собственную. Будемте говорить серьезно, потому что предмет этого заслуживает. Россия вполне готова уважать историческую законность народов Запада; тридцать лет тому назад она с вами вместе заботилась о ее восстановлении (...) но и вы с своей стороны должны учиться уважать нас в нашем единении и нашей силе! Но мне скажут,— продолжает Тютчев,— что несовершенство нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности и пр., что все это в совокупности раздражает общее мнение против России. Неужели? Возможно ли, чтобы мне, готовому жаловаться на избыток недоброежелательства, пришлось бы тогда протестовать против излишнего сочувствия? Потому что в конце концов мы не одни на белом свете, и если уже вы обладаете таким чрезмерным запасом сочувствия к человечеству (...) то не сочли бы вы более справедливым разделить его между всеми народами земли? Все они заслуживают сожаления. Взгляните, например, на Англию! Что вы о ней скажете? Взгляните на ее фабричное население, на Ирландию; и если бы вам удалось вполне сознательно подвести итоги в этих двух странах, если бы вы могли взвесить на правдивых весах злополучные последствия русского варварства и английского просвещения — быть может, вы признали бы более своеобразности, чем преувеличения, в заявлении того человека, который, будучи одинаково чужд обеим странам и равно их изучивший ^{8*}, утверждал с полнейшим убеждением, что в Соединенном королевстве ^{9*} существует по крайней мере миллион людей, которые много бы выиграли, если бы их «ослали в Сибирь!» ³⁴

Эти рассуждения Тютчева со всей наглядностью обнаруживают, что в его сознании многовековая история органически соединялась с злободневной политической ситуацией. И именно такой должна была быть «методология» его трактата «Россия и Запад», хотя в дошедших до нас беглых набросках не всегда можно ясно увидеть это слияние историософии и текущей политической практики.

Такое слияние подразумевало смелость воображения поэта. И Тютчев явно ставил перед собой задачу не только вывести современное ему политическое положение из исторического прошлого, в том числе самого отдаленного прошлого, но и суметь прорваться в будущее.

Можно, конечно, выразить сомнение в том, что «поэтическое» мышление Тютчева всегда было способно дать объективный и точный анализ движения истории. Но нельзя не признать, что «методология» поэта смогла породить замечательные предвидения. Тютчев удивительно прозорливо предугадал многие последствия современного ему политического развития.

Так, еще в 1849 г. он с полной убежденностью говорил о неотвратимости исчезновения Австрийской империи Габсбургов, поработившей целый ряд народов Центральной Европы и бывшей тогда крупнейшим европейским государством,— исчезновения, которое действительно произошло через семьдесят лет. В публикуемых ниже набросках к трактату «Россия и Запад» (гл. «Австрия») он говорит, в частности: «Немецкий гнет (в Австрийской империи.— В. К.) — не только гнет политический, он во сто раз хуже. Ибо он исходит из той мысли немца, что его господство над славянином — это естественное право. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть. След(овательно), невозможность искреннего равенства в правах (...). И таким образом австрийское господство, вместо того, чтобы быть гарантией порядка, послужит лишь завкаской для Революции. Славянское народонаселение, вынужденное стать революционным, чтобы уберечь свою национальность от немецкой власти».

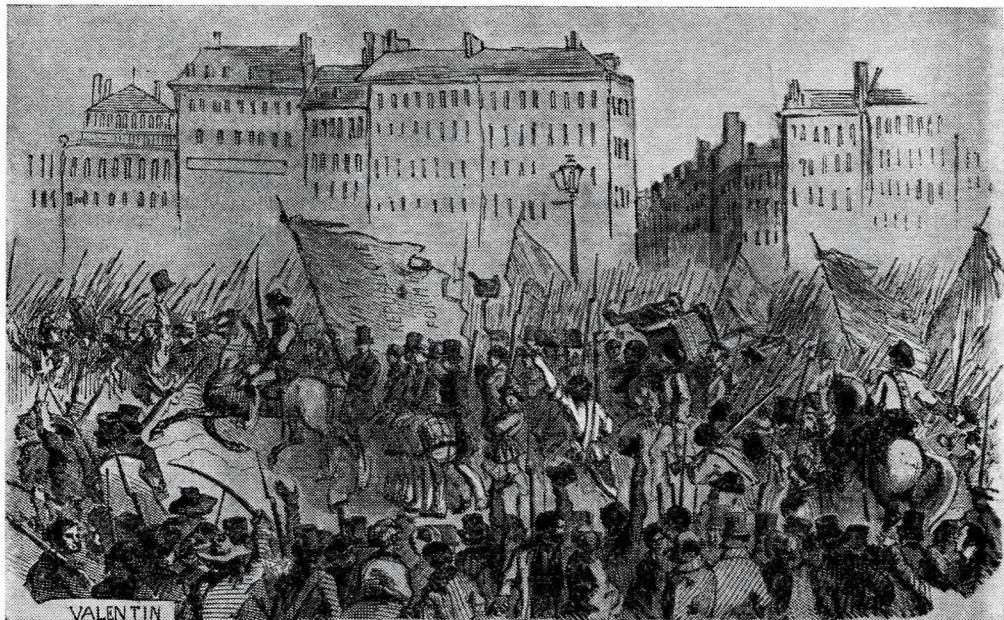
Тютчев — и на это необходимо обратить особое внимание — вовсе не ограничивается (п в этом его решительное отличие от славянофилов) проблемой славян. Он говорит здесь же: «Венгрия,— которая в славянской Империи совершенно естественно удовлетворялась бы

^{6*} Т. е. еще в XV в. — В. К.

^{7*} Имеется в виду борьба с Наполеоном. — В. К.

^{8*} Речь идет о маркизе де Кюстине, авторе весьма критической книги «Россия в 1839 году». — В. К.

^{9*} Т. е. в Англии. — В. К.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ. ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЧЕСТЬ СВЕРЖЕНИЯ МОНАРХИИ
Демонстранты несут королевский трон, выброшенный из дворца Тюильери. На знаменах лозунги: «Да здравствует Республика!»; «Долой Гизо!»

Гравюра А. Валантена

«Illustration», 4 марта 1848 г.

тем подчиненным местом, которое вытекает из ее положения, — согласится ли она, будучи бок о бок с Австрией, на условия, в которые та намерена ее поставить?..»

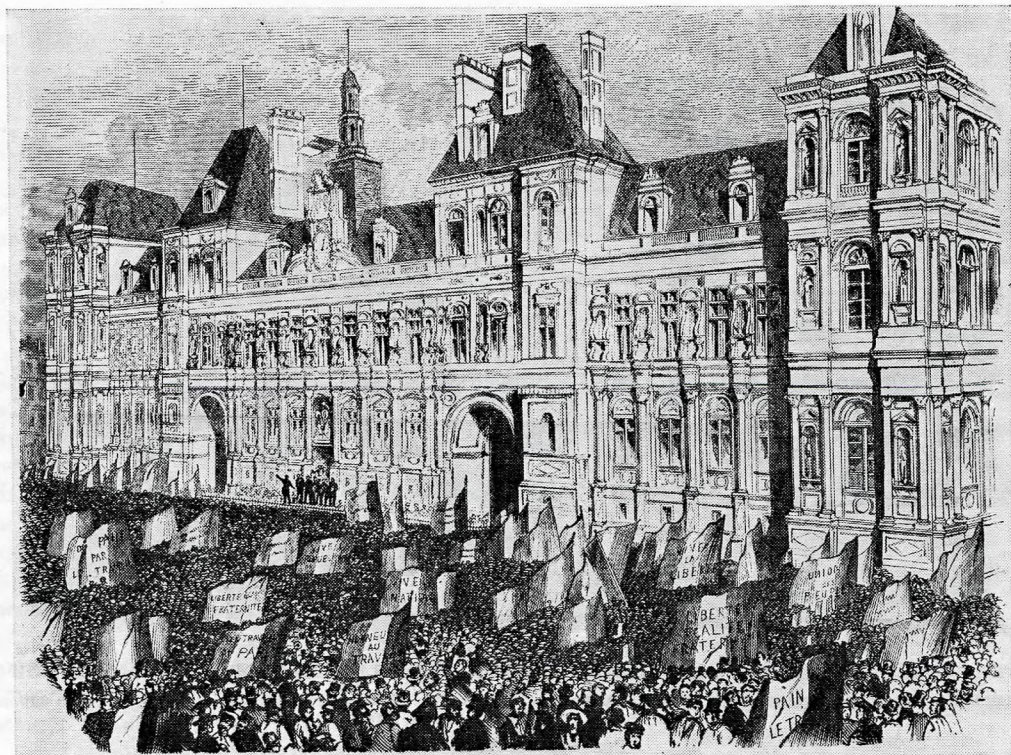
И Тютчев в своем трактате — в главе «Россия», рубрике «Племя» — прямо выступает против идеи панславизма, утверждая, как будто бы даже парадоксально, что «литературные панслависты — это немецкие идеологи, точно такие же, как и все прочие. Истинный панславизм — в массах, он проявляется в общении русского солдата с первым встретившимся ему славянским крестьянином — словаком, сербом, болгаринном и т. п., даже мадьяром... Все они солидарны между собой по отношению к немцу».

Важно напомнить, что Тютчев имеет в виду не немецкий или австрийский народ, но, прежде всего, условия национального гнета, характерные для Австрийской империи, поработившей большую часть Центральной Европы. Но еще более существенно, что Тютчев говорит не только о славянах — в одном ряду с ними у него выступает «мадьяр», т. е. венгр. И это чрезвычайно многозначительно. На той же странице тютчевской рукописи есть недвусмысленное обобщение: «Вопрос племенной — лишь второстепенный или, скорей, это не принцип. Это стихия».

Существует традиция видеть в Тютчеве «панслависта», т. е. безоговорочно приписывать ему в конечном счете «племенную», «расовую» идею. На деле Тютчев, размышляя о «второй», Восточной Европе, «душою и двигательной силою» которой служит, по его мнению, Россия, имел в виду вовсе не племенную, расовую, но духовно-историческую связь народов этой «второй Европы».

Как это ни покажется удивительным тем, кто относит Тютчева к «панславизму», он включал в духовно-историческую связь с Россией не только венгров, но и восточную часть германских народов. Более того, когда на рубеже 1860—1870-х годов в Германии возникло движение так называемых старокатоликов, отвергших папство, Тютчев увидел в этом «для русской мысли, то есть для настоящего русского дела, возможность — и не по одному, а по всем вопросам войти в мирное духовное общение с Германией. Тут зарождается такое поистине примирительное начало, до того преобладающее над всею племенною (курсив мой. — В. К.) рознью (...), что оно одно вполне определяет настоящее призвание России»³⁵.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ. ДЕМОНСТРАЦИЯ ПАРИЖСКИХ РАБОЧИХ

На знаменах демонстрантов лозунги: «Свобода, Равенство, Братство!»; «Да здравствует Республика!»; «Слава Труд!»; «Хлеба рабочим!»; «Да здравствует Свобода!»

Гравюра неизвестного художника

«Illustration», 25 марта 1848 г.

Таким образом, в глазах Тютчева суть была отнюдь не в «противостоянии» славянского и германского миров, но в борьбе с римским папством, которое начиная с X в. стремилось поработить славянство, лишив его всякой самобытной жизни³⁶.

В отличие или, вернее, в противоположность действительным приверженцам панславизма, подобным, скажем, Н. Я. Данилевскому, Тютчев видел «настоящее призвание России не в руководстве борьбой славянства с другими «племенами» Европы, но в деле «примирения и «духовного общения» всех европейских народов.

Спорить с тютчевскими идеями следует в совсем иной плоскости. Можно утверждать что Тютчев преувеличивал возможности России в деле мирного объединения Европы главным образом или даже исключительно в период до Крымской войны (когда, между прочим, панславизм как идеология еще не сложился на русской почве). Так, 12/24 сентября 1849 г. Тютчев писал, что «можно (...) предвидеть в будущем два великих провиденциальных факта которым предлежит (...) открыть в Европе новую эру. Эти два факта суть: 1) окончательно образование великой православной империи, законной империи Востока, одним словом — России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя 2) соединение двух церквей — восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать составляют один, который вкратце сводится к следующему: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора»³⁷.

Разумеется, эти идеи Тютчева были совершенной утопией, своего рода поэтическим мифотворчеством, нашедшим себе выражение во многих его стихотворных произведениях, а не политической программой, но и они не могут истолковываться как панславистские. Нельзя не сказать и о том, что относительно Австрийской империи предвидение Тютчева сбылось

Он писал: «Существование Австрии не имеет более смысла. Было сказано: «Если бы Австрия не было, ее следовало бы выдумать»³⁸, — но зачем? Чтобы сделать из нее оружие против России». Между тем, утверждает здесь же Тютчев, «помощь, дружба, покровительство России — жизненно-важное условие для Австрии»; или, как он говорит выше, «без влияния России она не смогла бы существовать».

В этом выражается глубокое противоречие, которое постоянно волновало Тютчева. Он полагал, что Россия призвана поддерживать австрийцев, а не Австрийскую империю, поработившую значительную часть народов Центральной Европы. Между тем правительство России всячески поддерживало именно Австрийскую империю, против чего не раз решительно выступал Тютчев. В высшей степени закономерно, что Австрийская империя (Австро-Венгрия) прекратила свое существование сразу же после Октябрьской революции — в 1918 г.

Другим глубоким предвидением Тютчева были его размышления о Германии. Он писал в набросках к главе IV трактата: «Весь вопрос о единстве Германии сводится теперь к тому, чтобы узнать, захочет ли Германия смиренно стать Пруссией?»

В то время еще никто не думал о всеевропейских и, более того, всемирных последствиях происходящих в Германии процессов. Да и сам Тютчев сильно сомневался в намеченном им ходе германской истории. Но все-таки говорил здесь же о прусском противостоянии Австрии, которое он назвал «германским дуализмом»: «Россия (...) сделав их^{10*} своими союзниками, усыпила антагонизм, но не уничтожила его. Стоит России устраниваться, как возобновится война».

И эта война — австро-прусская 1866 г. — в самом деле разразилась, когда Россия «устрашилась» от поддержки Австрии. Пруссия в две недели разгромила австрийскую армию, чтобы помешать империи влиять на германские дела. Но прозрение Тютчева уже предвосхищало дальнейший ход событий. «Война только прервана, — писал он сразу после победы Пруссии. — То, что теперь окончилось, было лишь прелюдией великого побоища, великой борьбы между наполеоновской Францией и немцами»³⁹. И в самом деле — через четыре года после этого тютчевского предвидения объединенная Пруссией Германия разгромила Францию Наполеона III.

И вскоре, в 1873 г., Тютчев написал поразительные по своей пронизательности слова. Необходимо только, вдумываясь в них, помнить, что поэт написал их за три десятилетия до того, как начался XX век:

«Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи, — например, того, что творится теперь в Германии (...) Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком^{11*}, — это все та же человеческая воля, возведенная в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный. Таковую проявляет она в политических партиях, для которых личный их интерес и успех их замыслов несравненно выше всякого иного соображения. Таковую начинает она проявляться и в политике правительств, этой политике, доводимой до края во что бы то ни стало, которая, ради достижения своих целей, не стесняется никакой преградой, ничего не щадит и не пренебрегает никаким средством, способным привести ее к желанному результату (...) Отсюда этот характер варварства, которым запечатлены приемы последней войны^{12*}, — что-то систематически беспощадное, что ужаснуло мир (...) Как только надлежащим образом опознают присутствие этой стихии, так и увидят повод обратить более пристальное внимание на возможные последствия борьбы, завязавшейся теперь в Германии, — последствия, важность которых способна, для всего мира, достигнуть размеров неисследимых...» И Тютчев заглядывает далеко в будущее; когда говорит, что все это может «повести Европу к состоянию варварства, не имеющему ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения. Вот те размышления, которые, казалось бы, чтение о том, что делается в Германии, должно вызывать в каждом мыслящем человеке...»⁴⁰

Итак, Тютчев с поражающей воображение проникновенностью сумел увидеть ростки того, что стало всемирной реальностью лишь в 30—40-х годах XX в. Это заставляет с глубочайшим уважением отнести к самой методологии исторического мышления поэта —

^{10*} Австрию и Пруссию. — В. К.

^{11*} Речь идет о давно сложившейся мысли Тютчева — одной из центральных его идей, которую мы еще рассмотрим. — В. К.

^{12*} Франко-прусской войны 1870—1871 гг. — В. К.

пусть даже многое в его суждениях может представляться ныне иллюзорным или чисто утопическим.

Уже говорилось, что Тютчев и в своих политических статьях не переставал быть поэтом. Помимо этого, нельзя также не учитывать, что Тютчев, как и все его поколение, был весьма склонен к утопиям и своего рода фатализму. Люди его генерации сложились в эпоху после поражения декабристов и, в сущности, не извели реальной исторической деятельности; их «практика» была всецело духовной. С одной стороны, это способствовало объективному осознанию закономерного хода истории. Но в то же время эта «бездеятельность» нередко порождала веру в почти мистическое осуществление тех или иных идеалов, которые будто бы должны сбыться сами по себе, без видимых исторических причин.

Так, Тютчев не раз выражал иллюзорную веру в то, что в 1853 г., ровно через четыреста лет после завоевания турками Константинополя, произойдет своего рода чудо, и древний Царьград опять станет столицей православия, одним из центров «Великой Греко-Российской Восточной Державы» (Тютчев употреблял обычно французское слово «Empire», но, как показал еще Иван Аксаков, «империя» по-русски имеет иной, более узкий смысл; правильнее перевести словом «держжава»⁴¹).

Тютчев так или иначе приобщился к этой утопической идее, очевидно, еще в отроческие годы в разговорах со своим отцом — воспитанником Греческого корпуса, основанного Екатериной II именно в видах задуманного ею в пору громких побед над Турцией «освобождения» Константинополя^{41а}. Уже в конце 20-х годов Тютчев написал стихотворение «Олегов щит», свидетельствующее, что тема Константинополя глубоко его волнует.

Следует иметь в виду, что Тютчев вовсе не исходил из мысли о «завоевании» Константинополя; ему представлялось, что возрождение этого всемирного града в качестве православной столицы совершится именно как бы само собой. Он даже утверждал в набросках к трактату «Россия и Запад», что турки «заняли православный Восток, чтобы заслонить его от западных народов». Иначе говоря, турки не столько завоеватели, сколько хранители, исполняющие мудрый замысел Истории.

Идея или, вернее, образ тысячелетней православной Державы — это, по сути дела, историсофское мифотворчество поэта. Создавая миф об этой Державе, Тютчев основывался на заведомо поэтическом представлении об ее постоянном, непреходящем, но, так сказать, не явленном для всех бытии в Истории. Недаром тютчевский трактат явно перекликается с такими его стихотворениями, как «Русская география» (1848—1849), «Рассвет» (1849), «Пророчество» и т. п.

Нередко тютчевскую мифологему «Держжава» истолковывали (и продолжают истолковывать) чуть ли не как экспансионистскую, даже империалистическую. Между тем, если объективно разобратся во всех материалах, выражающих соответствующие мысли поэта (в статьях, стихах, набросках, письмах), становится неопровержимо ясно, что в глазах Тютчева всякое завоевательное действие как раз целиком разрушало бы самую основу чаемой им Державы.

Так, он не раз говорил о том, что попытки осуществления этой Державы предпринимались Западом. Именно такие попытки он видел в империях, созданных в IX в. Карлом Великим, в XVI в. — Карлом V, в XVII в. — Людовиком XIV и в начале XIX в. — Наполеоном. «Но, — говорит Тютчев в набросках к шестой главе трактата, — Империя на Западе всегда являлась не чем иным, как узурпацией». И когда германский канцлер Бисмарк заявил, что единство наций достигается только «железом и кровью», Тютчев написал известные строки:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Эти строки можно, конечно, расценить как выражение прекраснодушной утопии, но уж, во всяком случае, нельзя усматривать в них экспансионизм. О самой истории роста России в течение веков Тютчев писал еще в ранней своей статье («Россия и Германия», 1844), что в конце концов «не могла не уясниться действительная причина этих быстрых успехов, этого необычайного расширения России, поразивших вселенную изумлением; сделалось очевидным, что эти мнимые завоевания, эти мнимые насилия были делом самым органическим (...), какое когда-либо совершалось в истории; что состоялось просто громадное воссоединение».

Здесь же он говорит, что в результате созданся «целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своею собственною органическою, самобытною жизнью»⁴².

Между прочим, Герцен через тринадцать лет после приведенных высказываний Тютчева, в 1857 г., писал о том же: «Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого, что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны...»⁴³

И в тютчевской мифологеме «Держава» заключен, без сомнения, свой объективный смысл. Мы уже видели, что движение мысли Тютчева, совершившееся именно в этой полупоэтической форме, было способно приносить ценнейшие плоды (те удивительные предвидения, о которых шла речь выше).

Но в чем же Тютчев видел основное «начало» этого мира, этой Державы? Прежде всего — в глубокой и мощной способности подчинять частные, индивидуалистические, эгоистические интересы и стремления высшим интересам и стремлениям целого, общего, всенародного.

Он писал о присущей этому миру «способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы» и утверждал, что на Западе, напротив, господствует совершенно иной строй жизни и сознания: «Человеческое я, желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое я, заменяя собою Бога, конечно, не составляет еще чего-либо нового среди людей; но таковым сделалось самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся, в силу этого права, овладеть обществом»⁴⁴. Ярчайшие выражения этого «принципа» поэт видел в фигурах Наполеона I и, позднее, Луи Бонапарта (Наполеона III).

Для верного понимания воззрений Тютчева необходимо объективно охарактеризовать его отношение к революциям его времени. Нередко в нем видят непримиримого противника революции как таковой. Конечно, он был противником революционного насилия, но нельзя не учитывать, что Тютчев выступал против того содержания революций 1789, 1830 и 1848 гг., которое мы определяем сейчас как буржуазное, — того содержания, которое в конечном счете как раз и приводило к власти «бонапартов» (в этом поэт предвосхитил Достоевского и Толстого, в творчестве которых борьба с «наполеоновской» идеей занимает громадное место). Поэт почти не употреблял самого этого слова «буржуазный», но он, конечно же, имел в виду именно квинтэссенцию «буржуазности», когда писал во введении к своему трактату:

«Революция, если рассматривать ее с точки зрения самого ее существенного, самого элементарного принципа, — чистейший продукт, последнее слово, высшее выражение того, что <...> принято называть цивилизацией Запада. Это современная мысль, во всей своей цельности <...> Мысль эта такова: человек, в конечном счете, зависит только от себя самого <...> Всякая власть исходит от человека; все, провозглашающее себя выше человека, — либо иллюзия, либо обман. Словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова Такого, — и кто же не знает этого? — кредо революционной школы; но разве, серьезно говоря, общество Запада, цивилизация Запада имеет иное кредо?..» В статье «Папство и Римский вопрос» Тютчев писал: «Революция <...> есть не что иное, как апофеоз того же самого человеческого я, достигшего до своего полнейшего расцвета»⁴⁵.

В комментариях к первой главе публикуемого ниже трактата Тютчева приведены слова известнейшего буржуазного историка и публициста Ф. Г. Гизо, которые являют собой прямой «апофеоз человеческого я». Разумеется, Тютчева можно упрекнуть в том, что он сосредоточивал все свое внимание именно и только на «буржуазности» буржуазных революций и тем самым воспринимал не природу этих революций во всем ее объеме, но, если угодно, буржуазную трактовку этой природы. Однако не менее существенно видеть, что Тютчев понимал всю антинародность победивших буржуазных революций.

Один из западных оппонентов Тютчева, знаменитый буржуазный историк Жюль Мишле в 1851 г. с гневом писал об этой тютчевской позиции: «Против кого направлен этот крестовый поход? Против демократического индивидуализма». И защищал этот индивидуализм так: «Республиканское я — беспокойно, мятежно <...> это беспокойство плодотворно»⁴⁶.

Но Тютчев как бы заранее отвечал на это возражение в 1849 г. в набросках первой главы своего трактата: «Как хотите вы, чтобы человеческое я, эта определяющая частица современной демократии^{13*}, не сделало себя предметом идолопоклонства, и поскольку, в сущно-

^{13*} Здесь, конечно, имеется в виду чисто буржуазная демократия (хотя Тютчев и не употребляет слово «буржуазный»). — В. К.

сти, оно вовсе не обязано признавать иную власть, кроме своей, то кого же должно оно обожествлять, как не самого себя? Если б оно не поступало так, то, право, с его стороны это являлось бы чрезмерной скромностью. Согласимся же, что Революция, до бесконечности разнообразная в своих степенях и своих проявлениях, едина и тождественна в своем принципе, и из этого-то принципа — надобно же в том признаться — и вышла вся нынешняя цивилизация Запада^{14*}.

Могут возразить, что и в буржуазных по своей сути революциях так или иначе участвовали массы, борющиеся не за индивидуалистические, а за народные идеалы. Но Тютчев судил, так сказать, о результатах революций 1789, 1830 и 1848 гг. и об их победителях. Он утверждал, что во главе оказалось «меньшинство западного общества», которое как раз, по его словам, «порвало с исторической жизнью масс (курсив мой. — В. К.) и отрешилось от всех положительных верований... Безымянный этот люд во всех странах одинаков. Это личности, которым свойственен индивидуализм, отрицание».

Во главе революций, писал далее Тютчев, оказывалось то, что «называли до сих пор предводительным правлением», но последнее «не является, что бы нам об этом ни говорили, реальным обществом, обществом со свойственными ему интересами и верованиями, а чем-то абстрактным <...> называемым публикой».

Очень важно напомнить здесь поистине пророческие высказывания Тютчева о предвидимых им отдаленных последствиях того, что происходило в его время в Германии. Уже цитировалось его слова о том, что все это способно «повести Европу к состоянию варварства, не имеющему ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения». Поэт объясняет там же: «Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком, — это все та же человеческая воля, возведенная в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный». При этом Тютчев специально подчеркивает, что эта варварская эгоистическая «воля» проявляется равным образом и в политических партиях, и в политике правительств.

Таким образом, если Жюль Мишле видел в том, что он называл «демократическим индивидуализмом», заведомо «плодотворное» начало, то Тютчев предрекал огромные отрицательные последствия «апофеоза человеческого я».

Вот чему противопоставлял Тютчев Россию, в которой он не находил тогда сколько-нибудь развернутых явлений индивидуализма и социального эгоизма. И в 40-е годы это в определенной степени так и было. Позднее, в 60-х годах, поэт в полной мере открыл те же черты и в русской пореформенной действительности, вступающей на путь буржуазного развития, и говорил о них со всей беспощадностью. И все же, так или иначе, он был убежден, что в России имеется больше оснований для победы над губительным индивидуализмом. Поэт связывал это свое убеждение и с особенной природой восточного — православного христианства, с которым исторически была связана жизнь русского народа.

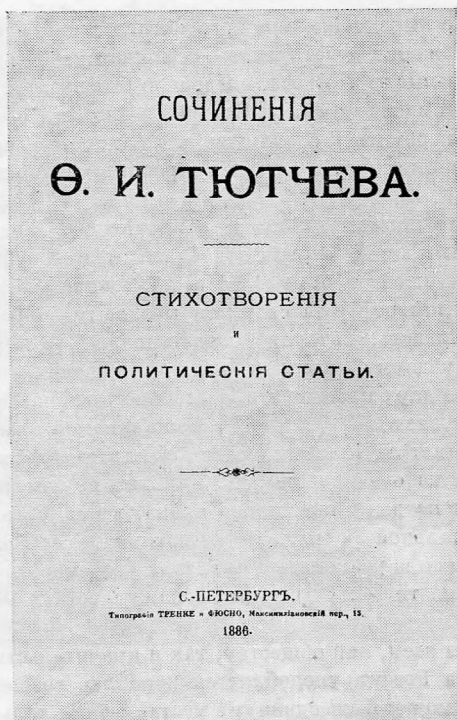
Было бы совершенно ошибочным сделать из всего сказанного заключение о своего рода наивности или даже слепоте Тютчева, который-де не замечал, что именно в его время образованные люди России в своем большинстве начали все решительнее отходить от религии. Во-первых, поэт сам был в достаточно сложных отношениях с религией; если сказать об этом наиболее кратко, он жил на самой грани веры и безверия и уж, во всяком случае, — за пределами церкви, церковности. С другой стороны, он ясно видел, что молодые поколения неудержимо отстраняются от религии.

Так, в 1858 г. поэт ради более полного познания духовно-общественной ситуации посещал в Петербургском университете лекции видного богослова В. П. Полисадова. «Он талантливый человек, говорящий замечательно хорошо, часто как оратор, и вместе с тем у него самое прекрасное лицо Христа, какое можно видеть, — рассказывал Тютчев в письме к жене. — Тем не менее это невыполнимая задача, особенно в наше время, для священника преподавать христианское учение, христианскую философию слушателям, состоящим из молодых людей, увлекающихся более или менее правами разума, за которые они держатся тем более, чем менее ими пользуются...»⁴⁷

Почему же Тютчев все-таки связывал свою историософию с православием? Об одной стороне дела уже шла речь выше. Почти двухтысячелетнее непрерывное бытие христианства давало возможность мыслить на основе его истории в рамках поистине «большого времени».

^{14*} Т. е. буржуазная цивилизация. — В. К.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТЮТЧЕВА:

Подготовлено Э. Ф. Тютчевой, вдовой поэта

Здесь впервые собраны и напечатаны на французском языке и в переводе политические статьи Тютчева ранее опубликованные в западноевропейской печати (1844—1850)

Титульный лист и форзац с дарственной надписью Э. Ф. Тютчевой И. Ф. Тютчеву: «Возлюбленному сыну в память от издательницы. 1886»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

А Тютчев, и как поэт, и как мыслитель, всегда стремился видеть все именно в таком свете. Выше уже приводился многозначительный рассказ Тютчева о посещении им московской церкви в 1843 г., которое захватило его именно чувством Истории.

Вместе с тем, в силу своих иллюзий, Тютчев опирался на православную этику, с порога отвергающую ненавистный ему индивидуализм. Притом Тютчев утверждал, что только православие является истинным христианством; в католицизме он видел искажение, извращение — и именно индивидуалистическое извращение — христианской этики.

«Скоро исполняется восемь веков с того дня, как Рим разорвал последнее звено, связывавшее его с православным преданием Вселенской церкви ^{15*} <...>, — писал Тютчев в 1849 г. — Рим, отделившись от единства, счел, что он имеет право в интересе, который он отождествил с интересом самого христианства, устроить это Царство Христово как царство мира сего <...> Рим, конечно, поступил не так, как протестанство: он не упразднил христианского средоточия, которое есть церковь, в пользу человеческого, личного я; но зато он проглотил его в римском я...» ⁴⁸

И далее Тютчев говорит о монашеском ордене иезуитов как ярчайшем воплощении католицизма: «... дух личного эгоизма, человеческого я обладает ими, не как отдельными единицами, но ими как Орденом <...> потому что они отождествили дело христианское с своим собственным, потому что собственное самоудовлетворение возвели в значение победы Божией, и в стяжание побед Господу Богу внесли всю страсть и безразборчивость личного эгоизма <...> Между иезуитами и Римом связь истинно органическая, кровная. Орден иезу-

^{15*} 16 июля 1054 г. произошел разрыв между константинопольским патриархом и римским папой. — В. К.

итов — концентрированное, но буквально верное выражение римского католицизма; одним словом, это сам римский католицизм, но на положении действующего и воинствующего»⁴⁹.

Если кратко сформулировать суть всего хода мысли Тютчева, следовало бы сказать, что он ставит и решает вопрос об этике, о нравственном смысле самой Истории — во всем ее тысячелетнем размахе. Но вместе с тем поэт весь устремлен к современности, к животрепещущей сути сегодняшних событий; а это значит, что он ставит и решает вопрос о нравственном смысле политики, о государственной этике.

В 40-х годах Тютчеву представлялось, что в политике России, в противовес Западу, есть этический стержень. После Крымской войны поэт во многом отказался от этого убеждения. Так, в 1857 г., при первых известиях о грядущей реформе (1861 года), Тютчев писал:

«С моей точки зрения, все будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная ее осуществить, — власть, которая вследствие этой реформы сделается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношения коих ей надлежит упорядочить, — стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении? <...> я говорю не о нравственности ее представителей <...> Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений <...> Отвечает ли власть в России всем этим требованиям? <...> Только намеренно закрывая глаза на очевидность <...> можно не замечать того, что власть в России <...> не признает и не допускает иного права, кроме своего, что это право — не в обиду будь сказано официальной формуле^{16*} — исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности <...> Одним словом, власть в России на деле безбожна...»⁵⁰

В том же 1857 г. Тютчев писал: «Следовало бы всем, как обществу, так и правительству, постоянно говорить и повторять себе, что судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не может быть сдвинут с места, и лишь только одна приливающая волна народной жизни (курсив мой. — В. К.) в состоянии поднять его и пустить в ход»⁵¹.

Конечно, Тютчев в 40-е годы, если угодно, «идеализировал» этический потенциал русской жизни. Но вопрос имеет и другую сторону. Нельзя не оценить самый тот факт, что русский поэт и мыслитель Тютчев с такой силой и глубиной выразил идею необходимости нравственного смысла в истории — в том числе и в современной политике!

Сила и глубина тютчевской мысли (вспомним хотя бы об ее пророческих предвидениях) являются залогом того, что перед нами не чисто субъективное устремление, но воплощение национального, народного идеала. Да, конечно, это был исторический и политический идеал, которому подчас жестоко противоречила реальность событий в целом. Тютчев, как мы видели, был убежден, что для осуществления его чаяний необходима прежде всего «приливающая волна народной жизни».

В 1854 г. Тютчев писал, что его мысль об «извращении» сознания «относится лишь к напички русского общества, которая мнит себя цивилизованной, к публике, — ибо жизнь народная, жизнь историческая еще не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьет, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем. Пока же для меня ясно, что мы еще на пороге разочарований и унижений всякого рода»⁵².

Из этого явствует, что Тютчев понимал выражаемую им идею о необходимом нравственном смысле истории и политики как народную идею России.

Конечно, мы охарактеризовали только общие и неполные контуры историсофско-политических взглядов поэта; для их всестороннего изложения потребовался бы объемистый труд. И, конечно, наиболее важно для нас то, что непосредственно связано с поэтическим творчеством Тютчева. Много раз шла речь о погруженности поэта в Историю. Это, казалось бы, не находит прямого подтверждения в тютчевском творчестве; в его поэтическом наследии очень мало собственно исторических деталей. Дело в том, однако, что Тютчев не просто думал об истории: она была в самой его крови, он жил ею.

И замысел историсофско-политического трактата Тютчева, оставшийся незавершенным, был не только своего рода продолжением, своеобразной формой его «дипломатической» деятельности, он был и одним из действенных проявлений тютчевского духовного творчества в целом.

^{16*} Имеется в виду формула царских манифестов: «Мы, милостию Божией...» — В. К.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА В АВСТРИИ. БЕГСТВО ИМПЕРАТОРА

Гравюра неизвестного художника

В книге: «Journées illustrées de la révolution de 1848». Paris, (1849)

Автографы трактата «Россия и Запад» долгое время считались утраченными и только сравнительно недавно были обнаружены среди писем Тютчева к жене. Это начало трактата — программа всего труда и первая глава его, вчерне завершенная, а также 15 разрозненных листов, которые содержат конспективные записи Тютчева, представляющие собой материалы к последующим главам; все автографы — на французском языке (ГБЛ, 308.1.10). Кроме того, сохранились копии почти со всех этих рукописей, выполненные Э. Ф. Тютчевой (ГБЛ, 308.1.11; первая глава скопирована не полностью, отсутствуют варианты программы); по всей вероятности, эти копии делались в 1874 г. для И. С. Аксакова.

Наличие составленной Тютчевым программы трактата позволяет установить, какое место занимают сделанные им наброски в общем замысле его труда. Это материалы к главам III—VII и IX, т. е. к шести главам из задуманных девяти. Отсутствуют материалы к завершенной первой главе («Положение дел в 1849 году»), а также к главам второй («Римский вопрос») и восьмой («Россия и Революция»), которые, как уже говорилось, были не только написаны, но и напечатаны в виде самостоятельных статей (автографы их неизвестны).

Ниже публикуются все сохранившиеся автографы Тютчева, относящиеся к трактату «Россия и Запад». Сначала печатается завершенная первая глава; далее следуют варианты программы трактата и материалы к ненаписанным главам, расположенные в соответствии с программой. Все тексты печатаются по автографам — на французском языке и в переводе. Перевод выполнен Н. И. Филипович.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом в выдержках из переписки Э. Ф. Тютчевой с К. Пфедфелем за 1848—1849 гг. (*Современники о Тютчеве*), а также в публикуемой ниже статье: Р. Лэй и н. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати 1840—1850-х годов (наст. том, кн. I).

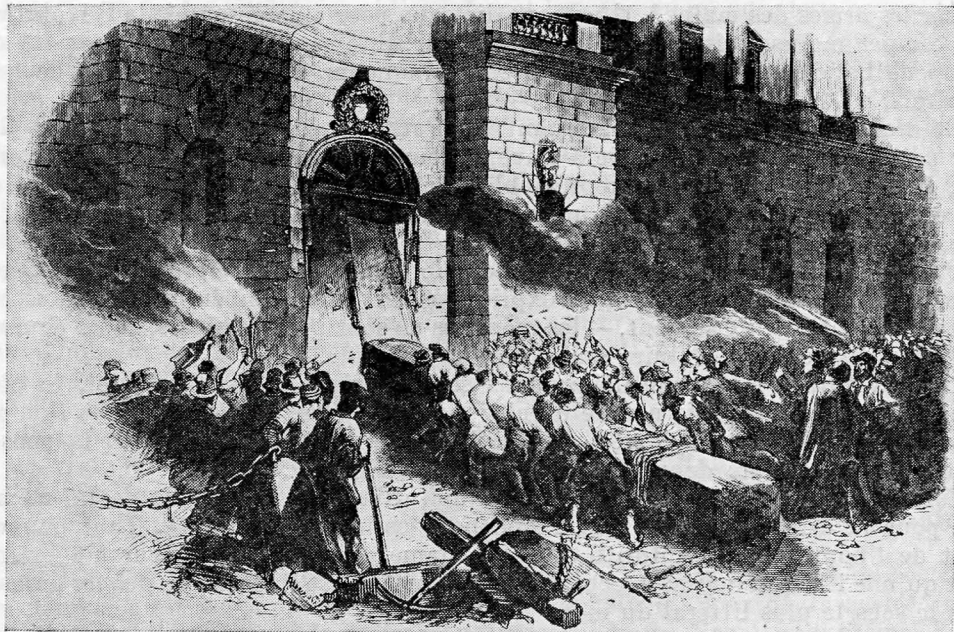
² *Современники о Тютчеве*.

³ Подробности см.: Р. Лэй и н. Указ. статья.

⁴ *Современники о Тютчеве*.

- ⁵ Там же.
- ⁶ См. об этом: Р. Лэйна. Указ. статья.
- ⁷ *Современники о Тютчеве*.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Р. Лэйна. Указ. статья, прим. 62 и 64.
- ¹² Обзор этих писем и откликов на них см.: Р. Лэйна. Указ. статья.
- ¹³ *Аксаков 1886*, с. 250.
- ¹⁴ *Соч. 1980*, т. 2, с. 159. О «заметке» Лоранси см.: Р. Лэйна. Указ. статья.
- ¹⁵ *Аксаков 1886*, с. 252.
- ¹⁶ См. в наст. томе (кн. I) публикацию писем Тютчева московским публицистам.
- ¹⁷ *Соч. 1980*, т. 2, с. 173.
- ¹⁸ Цит. по кн.: *Пигарев*, с. 129.
- ¹⁹ См. об этом там же, с. 374.
- ²⁰ *Аксаков 1886*, с. 132—133.
- ²¹ См. об этом: Р. Лэйна. Указ. статья.
- ²² *Аксаков 1886*, с. 41.
- ²³ Цит. по кн.: *Пигарев*, с. 113, 114.
- ²⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. (в 20-ти тт.), т. XI. (Л.), Изд-во АН СССР, 1940, с. 268.
- ²⁵ «Россия и Германия». — *ПСС 1912*, с. 434—435.
- ²⁶ Р. Лэйна. Указ. статья.
- ²⁷ Так, еще 26 ноября/8 декабря 1849 г. Э. Ф. Тютчева писала К. Пфеффелю о своем муже: «...его личное мнение заключается в том, что война между Россией и Англией отныне неизбежна» (*Современники о Тютчеве*).
- ²⁸ *ПСС 1912*, с. 432.
- ²⁹ *СН*, кн. 18, с. 8—9.
- ³⁰ Письмо к А. Ф. Аксаковой 27 июня 1868 г. (наст. том, кн. I: Тютчев — Аксаковы м., п. 48).
- ³¹ И.-В. Гётте. Собр. соч. в 10-ти тт., т. 9. М.-Л., 1980, с. 437.
- ³² *ПСС 1912*, с. 439—440, 440—441. Исправляем отдельные неточности перевода.
- ³³ Там же, с. 451.
- ³⁴ Там же, с. 451—452.
- ³⁵ Письмо И. С. Аксакову 2 окт. 1871 г. (наст. том, кн. I: Тютчев — Аксаковы м., п. 69).
- ³⁶ Проблема эта глубоко раскрыта в исследовании: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1958.
- ³⁷ *ЛН*, т. 19—21, с. 196.
- ³⁸ Имеется в виду мысль, высказанная Ф. Палацким (см. ниже, прим. 56 к публикации трактата «Россия и Запад»).
- ³⁹ Письмо к Э. Ф. Тютчевой 21 июля (1866 г.) — *Соч. 1980*, т. 2, с. 203.
- ⁴⁰ Письмо к К. Пфеффелю, февр. 1873 г. — Цит. по кн.: *Аксаков 1886*, с. 189—190.
- ^{41а} Была высказана, впрочем, убедительно обоснованная точка зрения, согласно которой проект «освобождения» Константинополя, выдвинутый Екатериной II, был в действительности чисто дипломатической акцией, призванной «запугать» Европу и Турцию ради достижения совсем иной цели — присоединения к России захваченного в XV веке турками Крыма. (О. П. Маркова. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII века). — В кн.: «Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. Сборник статей». М., 1986, с. 5—46).
- ⁴¹ См. ниже, прим. 22 к публикации трактата «Россия и Запад».
- ⁴² «Россия и Германия». — *ПСС 1912*, с. 441.
- ⁴³ *Герцен*, т. XII, с. 428.
- ⁴⁴ «Россия и Революция». — *ПСС 1912*, с. 457—458.
- ⁴⁵ Там же, с. 481.
- ⁴⁶ J. M i c h e l e t. Les Martyrs de la Russie. — Цит. по указ. статье Р. Лэйна.
- ⁴⁷ *СН*, кн. 19, с. 274.
- ⁴⁸ «Папство и Римский вопрос». — *ПСС 1912*, с. 480, 481.
- ⁴⁹ «Папство и Римский вопрос». — Цит. по кн.: *Аксаков 1886*, с. 168 (см. также: *ПСС 1912*, с. 491 — другой перевод).
- ⁵⁰ Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. 1857 г. — *Соч. 1980*, т. 2, с. 184.
- ⁵¹ «О цензуре в России». — *ПСС 1912*, с. 510.
- ⁵² Письмо к Э. Ф. Тютчевой 30 нояб. (1854 г.) — *Соч. 1980*, т. 2, с. 165.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА В БЕРЛИНЕ. ВЗЯТИЕ АРСЕНАЛА

Гравюра неизвестного художника

В книге: «Journées illustrées de la révolution de 1848». Paris, (1849)

LA RUSSIE ET L'OCCIDENT

1. Situation. 2. Question Romaine. 3. L'Italie. 4. Unité d'Allemagne. 5. L'Autriche. 6. La Russie. 7. La Russie et Napoléon. 8. La Russie et la Révolution. 9. L'Avenir.

<ГЛАВА I>

<1>

LA SITUATION EN 1849

Le mouvement de Février ¹, en bonne logique, aurait dû aboutir à une croisade de tout l'Occident *révolutionné* contre la Russie... Si cela n'a pas eu lieu, c'est la preuve que la Révolution n'a pas la vitalité nécessaire, ne fût-ce même que pour organiser la destruction en grand. En d'autres termes, la Révolution est la maladie qui dévore l'Occident. Elle n'est pas l'âme qui fait <le> mouvement.

De là la possibilité de la réaction, comme celle inaugurée par les journées de Juin de l'année dernière ². C'est la réaction des parties non encore entamées de l'organisme souffrant contre l'envahissement progressif de la maladie.— Cette résistance de Juin et toutes celles qu'elle a déterminées à sa suite sont un grand fait, une grande Révélation. Il est clair maintenant que la Révolution ne peut plus espérer nulle part de se faire *gouvernement*. Et s'emparât-elle momentanément du Pouvoir, elle ne ferait que déterminer une guerre civile, une guerre intestine. C'est-à-d <ire> elle minera et désorganisera la société, mais elle ne pourra ni la posséder en propre, ni la gouverner en son nom. Voilà un résultat acquis, et il est immense. Car ce n'est pas seulement l'impuissance de la Révolution, c'est aussi l'impuissance de l'Occident. Toute action au-dehors lui est interdite ³. Il est radicalement scindé.

Pour le moment la Révolution est matériellement désarmée. La répression de juin 1848 lui a paralysé les bras, la victoire de la Russie en Hongrie lui a fait

tomber les armes des mains ⁴. Il va sans dire que pour être désarmée la Révolution n'en est pas moins pleine de vie et de vigueur. Elle se retire pour le moment du champ de bataille, elle l'abandonne à ses vainqueurs. Que vont-ils faire de leur victoire?..

Et d'abord, où en sont maintenant les Pouvoirs réguliers en Occident? Car pour préjuger quels peuvent être à l'avenir leurs rapports vis-à-vis de la Révolution, il faudrait déterminer au préalable quelles sont les conditions morales de leur existence à eux-mêmes. En un mot, quel est le symbole de foi qu'ils ont à opposer au symbole de la Révolution?

Quant au symbole révolutionnaire, nous le connaissons, et précisément, parce que nous le connaissons, nous nous expliquons fort bien d'où lui vient son ascendant irrésistible sur l'Occident, — les méprises ne sont plus possibles, toute équivoque volontaire ou involontaire serait hors de saison...

La Révolution, à la considérer dans son principe le plus essentiel, le plus élémentaire, est le produit net, le dernier mot, le mot suprême de ce que l'on est convenu d'appeler depuis 3 siècles la civilisation de l'Occident. C'est la pensée moderne toute entière depuis sa rupture avec l'Eglise ⁵.

Cette pensée est celle-ci: l'homme, en définitive, ne relève que de lui-même, tant pour la direction de sa raison que pour celle de sa volonté. Tout pouvoir vient de l'homme, tout autorité qui se réclame d'un titre supérieur à l'homme n'est qu'une illusion ou une déception. En un mot, c'est l'apothéose de *moi* humain dans le sens le plus littéral du mot.

Tel est qui l'ignore, le credo de l'école révolutionnaire; mais, sérieusement parlant, la société de l'Occident, la civilisation de l'Occident en a-t-elle un autre?..

Et les Pouvoirs publics de cette société, eux, qui depuis des générations n'ont eu pour vivre d'autre milieu intellectuel que celui-là, comment feront-ils maintenant pour en sortir? Et comment, sans en sortir, trouveront-ils le point d'Archimède dont ils ont besoin pour y placer leur levier?

Mr Guizot lui-même a beau tonner maintenant contre la démocratie européenne, a beau lui reprocher, comme le principe de toutes ses erreurs et de tous ses méfaits, son idolâtrie pour elle-même ⁶: la démocratie occidentale, en se prenant pour l'objet de son culte, n'a fait, il faut bien le reconnaître, que suivre aveuglement les instincts que vous-même et vos propres doctrines ont contribué, autant que quoi que soit, à développer en elle? En effet, qui donc, plus que vous et votre école ⁷ a réclamé, a revendiqué pour la raison de l'homme les droits de l'autonomie; qui nous a enseigné à voir dans la réformation religieuse du 16ième siècle moins encore un mouvement de réaction contre les abus et les prétentions illégitimes du catholicisme romain qu'une ère de l'émancipation définitive de la raison humaine, salué dans la philosophie moderne la formule scientifique de cette émancipation et glorifié dans le mouvement révolutionnaire de 1789 l'avènement au pouvoir, la prise de possession de la société moderne, par cette raison de l'homme, ainsi émancipé et ne relevant plus que d'elle-même? Après de pareils enseignements comment voulez-vous que le *moi* humain, cette molécule constitutive de la démocratie moderne, ne se prendrait-il pour l'objet de son idolâtrie, et puisque, de compte fait, il n'est tenu à reconnaître d'autre autorité que la sienne et qui prétendez-vous qu'il adore si ce n'est lui-même? S'il ne le faisait pas, ce serait, ma foi, trop de modestie de sa part ⁸.

Reconnaissons-le donc, la Révolution, variée à l'infini dans ses degrés et ses manifestations, est une et identique dans son principe, et c'est de ce principe, il faut bien l'avouer, qu'est sortie la civilisation actuelle de l'Occident.

Nous ne nous dissimulons pas l'immense portée de cet aveu. Nous savons fort bien que c'est le fait que nous venons d'énoncer qui imprime à la dernière catastrophe européenne le cachet d'une époque tragique entre toutes les époques de l'histoire du monde. Nous assistons, très probablement, à la banqueroute d'une civilisation toute entière...

En effet, voilà depuis mainte et mainte générations que nous vous voyons, hommes de l'Occident, tous occupés, peuples et gouvernements, riches et pauvres,

les doctes et les ignorants, les philosophes et les gens du monde, tous occupés à lire en commun dans le même livre, dans le livre de la raison humaine émancipée, lorsqu'en février de l'année 1848 une fantaisie subite est venue à quelques-uns d'entre vous, les plus impatients, les plus aventureux, de retourner la dernière page du livre et d'y lire la terrible révélation que vous savez... Maintenant on a beau se récrier, se gendarmer contre les téméraires. Comment faire, hélas, que ce qui a été lu, n'ait pas été lu... Réussira-t-on à sceller cette formidable dernière page ? Là est le problème.

Je sais bien que dans les sociétés humaines tout n'est pas doctrine ou principe, qu'indépendamment des uns et des autres il y a les intérêts matériels qui suffisent ou à peu près, dans les temps ordinaires, à assurer leur marche, il y a, comme dans tout organisme vivant, l'instinct de la conservation, qui peut pendant quelque temps lutter énergiquement contre une destruction imminente. Mais l'instinct de la conservation qui n'a jamais pu sauver une armée battue, pourrait-il à la longue protéger efficacement une société en déroute ?

Pour cette fois encore les Pouvoirs publics et la société à leur suite ont repoussé, il est vrai, le dernier assaut que leur a livré la Révolution. Mais est-ce bien avec ses propres forces, est-ce bien avec ses armes légitimes que la civilisation moderne, que la civilisation libérale de l'Occident, s'est protégée et défendue contre ses agresseurs ?

Certes, s'il y a eu un fait grandement significatif dans l'histoire de ces derniers temps, c'est à coup sûr celui-ci : le lendemain du jour où la société europ<éenne> avait proclamé le suffrage universel comme l'arbitre suprême de ses destinées¹⁰, c'est à la force armée, c'est à la discipline militaire qu'elle a été obligée de s'adresser pour sauver la Civilisation¹¹. Or, la force armée, la discipline militaire, qu'est-ce autre chose qu'un legs, un débris, si l'on veut, du vieux monde, d'un monde depuis longtemps submergé. Et c'est pourtant en s'accrochant à ce débris-là que la société contemporaine est parvenue à se sauver du nouveau déluge qui allait l'engloutir à son tour.

Mais si la répression militaire, qui dans le système établi n'est qu'une anomalie, qu'un heureux accident, a pu, dans un moment donné, sauver la société, suffit-elle pour en assurer les destinées ? En un mot, l'état de siège pourra-t-il jamais devenir un système de gouvernement¹² ?..

Et puis, encore une fois, la Révolution n'est pas seulement un ennemi en chair et en os. C'est plus qu'un Principe. C'est un Esprit, une Intelligence, et pour le vaincre il faudrait savoir le conjurer.

Je sais bien que les derniers événements ont jeté dans tous les esprits d'immenses doutes et d'immenses désenchantements et que bien des enfants de la génération actuelle ont révoqué en doute la sagesse révolutionnaire de leurs pères. On a touché au doigt l'inanité des résultats obtenus. Mais si des illusions, qu'on pourrait déjà qualifier de séculaires ont été emportées par la dernière tempête, nulle foi ne les a remplacées... Le doute s'est creusé, et voilà, tout. Car la pensée moderne peut bien batailler contre la Révolution sur telle ou telle autre de ses conséquences, le socialisme, le communisme, voire même l'athéisme, mais pour en résoudre le Principe il faudrait qu'elle se reniât elle-même. Et voilà pourquoi aussi la Société occidentale, qui est l'expression de cette pensée, en se voyant acculée à l'abîme par la catastrophe de Février, a bien pu se rejeter en arrière par un mouvement instinctif, mais il lui faudrait des ailes pour franchir le précipice ou un miracle, sans précédent dans l'histoire des Sociétés humaines, pour revenir sur ses pas.

Telle est la situation actuelle du monde. Elle est, certainement, claire pour la divine Providence, mais elle est insoluble pour la raison contemporaine.

C'est sous l'empire de pareilles circonstances que les Pouvoirs publics de l'Occident sont appelés à régir la Société, à la raffermir, à la rasseoir sur ses bases, et ils sont tenus à travailler à cette œuvre avec les instruments qu'ils ont reçus des mains de la Révolution et qui ont été fabriqués pour son usage.

Mais indépendamment de cette tâche de pacification générale, qui est commune

à tous les gouvernements, il y a dans chacun des grands Etats de l'Occident des questions spéciales, qui sont le produit et comme le résumé de leur histoire particulière et qui, ayant été, pour ainsi dire, mises à l'ordre du jour par la Providence historique, réclament une solution imminente. C'est à ces questions que s'est attaquée dans les différents pays la Révolution européenne, mais elle n'a su y trouver qu'un champ de bataille contre le Pouvoir et la Société. Maintenant qu'elle a honteusement échoué dans tous ses efforts et dans toutes ses tentatives et qu'au lieu de résoudre les questions elle n'a fait que les envenimer, c'est aux gouvernements à s'y essayer, à leur tour, en travaillant à leur solution en présence même et, p<our> ainsi dire, sous le contrôle de l'ennemie qu'ils ont vaincue.

Mais avant tout passons en revue les différentes questions.

< 2 >

Pour qui observe, en témoin intelligent, mais *du dehors*, le mouvement de l'Europe occidentale, il n'y a assurément rien de plus remarquable et de plus instructif que, d'une part, le désaccord constant, la contradiction manifeste et continue entre les idées qui y ont prévalu, entre ce qu'il faut bien appeler l'opinion du siècle, l'opinion publique, l'opinion libérale et la réalité des faits, le cours des événements, et, d'autre part, le peu d'impression que ce désaccord, cette contradiction si flagrante, paraît faire sur les esprits.

Pour nous, qui regardons *du dehors*, rien n'est plus facile, assurément que de distinguer dans l'Europe occidentale le monde des faits, des réalités historiques, d'avec ce mirage immense et persistant, dont l'opinion révolutionnaire, armée de la presse périodique, avait classés comme le recours et la Réalité. Et c'est dans ce mirage vit et se meut, comme dans son élément naturel, depuis 30 à 40 ans, cette puissance aussi fantastique que réelle que l'on appelle l'Opinion publique...

C'est une étrange chose, après tout, que cette fraction de la < société > * — le Public. C'est là, à proprement parler, la vie du peuple, le peuple élu de la Révolution. ¹³. C'est cette minorité de la société occidentale qui (sur le continent au moins), grâce à la direction nouvelle, a rompu avec la vie historique des masses et a secoué toutes les croyances positives... Ce peuple anonyme est le même dans tous les pays. C'est le peuple de l'individualisme, de la négation. Il y a cependant en lui un élément qui, tout négatif qu'il est, lui sert de lien et lui fait comme une sorte de religion. C'est la haine de l'autorité sous toutes les formes et à tous ses degrés, la haine de l'autorité comme principe. Cet élément parfaitement négatif, dès qu'il s'agit de faire et de conserver devient terriblement positif, dès qu'il est question de renverser et de détruire. — Et c'est là, soit dit en passant, se qui explique les destinées du gouvernement représentatif sur le continent. Car ce que les institutions nouvelles ont appelé jusqu'à présent la représentation, ce n'est pas, quoi qu'on en dise, la société elle-même, la société réelle avec ses intérêts et ses croyances, mais c'est ce quelque chose d'abstrait et de révolutionnaire qui s'appelle le public, représentant des opinions et rien de plus. Aussi ces institutions ont bien pu fomenter sachant l'opposition, mais nulle part jusqu'à présent elles n'ont jamais fondé un gouvernement...

Le monde réel, toutefois, le monde de la réalité historique, même sous le mirage n'en est pas moins resté ce qu'il est et n'en a pas moins poursuivi son chemin tout à côté de ce monde de l'opinion publique qui, grâce à l'acquiescement général, avait aussi acquis une sorte de réalité.

< 3 >

Après que le parti révolutionnaire nous a donné le spectacle de son impuissance, vient maintenant le tour des gouvernements qui ne tarderont pas à prouver que s'ils sont encore assez forts pour s'opposer à une destruction complète, ils

* Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

не le sont assez pour rien réédifier. Ils sont comme ces malades qui réussissent à triompher de la maladie, mais après que la maladie a profondément altéré leur constitution et dont la vie désormais n'est plus qu'une lente agonie. L'année 1848 a été un tremblement de terre qui n'a pas renversé de fond en comble tous les édifices qu'elle a ébranlés, mais ceux même qui sont restés debout ont tellement été lézardés par la secousse, que leur chute définitive est toujours imminente.

En Allemagne la guerre civile est le fond même de sa situation politique ¹⁴. C'est plus que jamais l'Allemagne de la guerre de Trente ans ¹⁵, le Nord contre le Midi, les souverains locaux contre le Pouvoir unitaire, mais tout cela démesurément accru et renforcé par l'action du principe révolutionnaire. En Italie ce n'est pas seulement comme autrefois la rivalité de l'Allemagne et de la France ou la haine de l'Italie contre le Barbare ultramontain ¹⁶. Il y a de plus encore la guerre à mort déclarée par la Révolution armée du sentiment de la nationalité italienne contre le catholicisme compromis à la suite de la papauté romaine ¹⁷. Quant à la France qui ne peut plus vivre sans renier à chaque pas ce qui, depuis 60 ans, est devenu son principe de vie, la Révolution, — c'est un pays, logiquement et fatalement condamné à l'impuissance. C'est une société condamnée par l'instinct de sa conservation à ne se servir qu'un de ses bras pour enchaîner l'autre.

Telle est selon nous la situation actuelle de l'Occident. La Révolution, conséquence logique et résumé définitif de la civilisation moderne, de la civilisation que le rationalisme antichrétien a conquise sur l'Eglise romaine — la Révolution, convaincue par le fait d'une impuissance absolue comme organisation, mais d'une puissance presque aussi grande comme dissolvant — d'autre part, ce qui restait à l'Europe des éléments de l'ancienne société, assez vivants encore, pour refouler, au besoin, sur un point donné l'action matérielle de la Révolution, mais tellement eux aussi, pénétrés, saturés et altérés par le principe révolutionnaire, qu'ils en sont devenus comme impuissants à produire quelque chose, qui fût généralement accepté par la société européenne, comme une autorité légitime — tel est le dilemme, qui se pose en ce moment dans toute son immense gravité. La part d'incertitude que l'avenir se réserve ne porte que sur un seul point: c'est de savoir combien de temps il faudra à une situation semblable, pour produire toutes ces conséquences. Quant à la nature de ces conséquences, on ne saurait les pressentir qu'en sortant complètement du point de vue occidental et en se résignant à comprendre cette vérité vulgaire: c'est que l'Occident européen n'est que la moitié d'un grand tout organique et que les difficultés en apparence insolubles qui la travaillent ne trouveront leur solution que dans l'autre moitié...¹⁸

Перевод:

РОССИЯ И ЗАПАД

1. Положение дел. 2. Римский вопрос. 3. Италия. 4. Единство Германии. 5. Австрия. 6. Россия. 7. Россия и Наполеон. 8. Россия и Революция. 9. Будущее.

<ГЛАВА I>

<1>

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В 1849 ГОДУ

Февральское движение ¹, логически рассуждая, должно было бы привести к крестовому походу всего революционизированного Запада против России... И тем, что это не имело места, доказывается отсутствие у Революции необходимой жизненной силы — даже для организации сколько-нибудь значительных разрушений. Иными словами, Революция — болезнь, пожирающая Запад. Это отнюдь не душа, порождающая движение.

Отсюда возможность реакции, сходной с той, что установлена была в июньские дни прошлого года ². Это реакция еще не затронутых частей больного организма против прогрессирующего проникновения недуга. Июньское противоборство это, а также все те, что за ним последовали и им же были предопределены, — великое событие, великое открытие. Ныне

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Утверждена 8 сентября 1848 г.

Надписи: на аверсе — «Французская демократическая республика, единая и неделимая. XXIV февраля MDCCCXLVIII»; на реверсе — «Свобода. Братство. Именем французского народа»

Гравюра по рисунку А. Марка

В книге: «Journées illustrées de la révolution de 1848». Paris, (1849)

ясно, что Революция уже не может надеяться стать где-нибудь *правительством*. А если б она хоть на короткое время и овладела властью, то это привело бы лишь к гражданской войне, войне междоусобной. Иначе говоря, она подточит и дезорганизует общество, но ни овладеть им на правах собственности, ни управлять им от его имени не сможет. Таков достигнутый результат, и он огромен. Ибо это не только бессилие Революции, но и бессилие Запада. Всякая деятельность вовне для него невозможна ³. Теперь он находится в состоянии глубокого распада.

В настоящий момент Революция материально обезоружена. Июньские репрессии 1848 года парализовали ей руку, победа России в Венгрии заставила ее выронить оружие ⁴. Само собою разумеется, что, хоть и обезоруженная, Революция все же преисполнена жизни и мощи. Она на время покидает поле боя, она оставляет его своим победителям. Но что ж они собираются делать со своей победой?..

И, прежде всего, где они теперь, на Западе, законные власти? Ибо для выяснения того, каким в будущем может быть их отношение к Революции, надо прежде всего определить, каковы нравственные условия их собственного существования. Иначе говоря, в чем символ веры, который они могут противопоставить символу Революции?

Что касается революционного символа, то он нам известен, и именно потому, что он нам известен, мы хорошо понимаем истоки его неотразимого влияния на Запад — ошибки уже невозможны, всякое двусмысленное толкование, преднамеренное и непреднамеренное, было бы неуместно.

Революция, если рассматривать ее с точки зрения самого существенного, самого элементарного ее принципа, — чистейший продукт, последнее слово, высшее выражение того, что вот уже 3 века принято называть цивилизацией Запада. Это современная мысль, во всей своей цельности, со времени разрыва ее с Церковью ⁵.

Мысль эта такова: человек, в конечном счете, зависит только от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть исходит от человека; все, провозглашающее себя выше человека, — либо иллюзия, либо обман. Словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова.

Таково — и кто ж не знает этого? — кредо революционной школы; но разве, серьезно говоря, общество Запада, цивилизация Запада имеет иное кредо?..

А предержавшие Власть этого общества, они, на протяжении целых поколений жившие

в той же умственной среде, что сделают они теперь, дабы выбраться из нее? И каким образом, не выбравшись оттуда, отыщут они ту архимедову точку, в которой нуждаются, чтоб утвердить там свой рычаг?

Напрасно сам г. Гизо обрушивается теперь на европейскую демократию, напрасно упрекает ее в самопоклонении, видя в нем источник всех ее заблуждений, всех ее ошибок ⁶; западная демократия, принимая себя за объект собственного культа, лишь слепо следовала, — надо в этом признаться, — инстинктам, которые вы сами, собственное ваше учение более, чем кто бы то ни было, в ней развивали. В самом деле, кто более вас и вашей школы ⁷ требовал, отстаивал права на независимость человеческого разума; кто учил нас видеть в религиозной реформации 16-го века не столько движение, противодействующее злоупотреблениям и незаконным притязаниям римского католицизма, сколько эру окончательного раскрепощения человеческого разума; кто приветствовал в современной философии научное определение этого раскрепощения и прославлял в революционном движении 1789 года приход к власти, вступление во владение современным обществом именно этого человеческого разума, таким образом раскрепощенного и зависящего только от себя? После подобных поучений, как хотите вы, чтобы человеческое я, эта определяющая частица современной демократии, не сделало самого себя предметом идолопоклонства, и поскольку, в сущности, оно вовсе не обязано признавать иную власть, кроме своей, то кого же, по-вашему, должно оно обожествлять, как не самого себя? Если б оно не поступало так, то, право, с его стороны, это была бы скромность чрезмерная ⁸.

Согласимся же, что Революция, до бесконечности разнообразная в своих степенях и своих проявлениях, едина и тождественна в своем принципе, а из этого-то принципа — надобно же в том признаться — и вышла вся нынешняя цивилизация Запада.

Мы от себя не скрываем необъятной важности этого признания. Нам хорошо известно, что разъясненный нами сейчас факт налагает на последнюю европейскую катастрофу печать наиболее трагической эпохи из всех эпох мировой истории. Мы присутствуем, вполне возможно, при банкротстве целой цивилизации...

И действительно, в продолжение многих и многих поколений мы видим вас, людей Запада, — всех, народы и правительства, богачей и бедняков, ученых и невежд, философов и светских людей, — погруженных сообща в чтение одной и той же книги — книги раскрепощенного человеческого разума, и вот, в феврале 1848 года некоторым из вас, самым нетерпеливым, самым отважным, внезапно явилась в голову фантазия перевернуть последнюю страницу этой книги и прочесть там известное вам грозное откровение... Стоит ли теперь возмущаться, ополчаться против смельчаков? Нельзя — увы — сделать так, чтобы прочитанное оказалось непрочитанным... Удастся ли надежно опечатать эту ужасную последнюю страницу? ⁹ Вот в чем заключается проблема.

Я хорошо знаю, что в любом человеческом обществе не всё — доктрина или принцип; что, независимо от того и другого, существуют и материальные интересы, которых достаточно или почти достаточно, чтобы в обычные времена обеспечить его ход; в нем есть, как и в каждом живом организме, инстинкт самосохранения, способный в течение какого-то времени энергично бороться с неминуемым разрушением. Но никогда, однако, инстинкту самосохранения не удавалось спасти разбитую армию — так может ли он, в конечном итоге, надежно защитить охваченное разложением общество?

И на сей раз предрешение Власти, а за ними и общество, действительно, отразили последний приступ, совершенный на них Революцией. Но собственными ли своими силами, собственным ли своим законным оружием современная цивилизация, либеральная цивилизация Запада, защитила и отстояла себя от нападавших на нее врагов?

Конечно, если в истории последнего времени и было одно в высшей степени знаменательное событие, то, бесспорно, следующее: на завтра же после провозглашения европ (ейским) обществом всеобщего избирательного права как высшего вершителя своих судеб ¹⁰ оно вынуждено было прибегнуть к вооруженной силе, к военной дисциплине ради спасения Цивилизации ¹¹. А что же такое вооруженная сила, военная дисциплина, как не наследие, не обломок, если угодно, старого мира — мира, давно уже погрузившегося на дно? А между тем, цепляясь именно за этот обломок, современному обществу удалось спастись от нового потопа, который вскоре же должен был поглотить и его.

Но если подавление военной силой, являющееся для устойчивой системы лишь аномалией, лишь счастливой случайностью, смогло, в определенный момент, спасти общество, то

достаточно ли этого для обеспечения его судеб? Словом, может ли осадное положение когда-либо стать системой правления?..¹²

И потом, повторим это еще раз, Революция — не просто противник, одетый в плоть и кровь. Это больше, нежели Принцип. Это Дух. Разум, и, чтоб одержать над ним победу, надлежало бы знать, как его изгонять.

Мне хорошо известно, что последние события посеяли во всех умах глубочайшие сомнения и глубочайшие разочарования и что немало детищ нынешнего поколения усомнилось в революционной мудрости своих отцов. Ничтожность достигнутых результатов сделалась очевидной. Однако иллюзии, которые можно было бы уже называть вековыми, развеяны были последней бурей, какая-либо вера им на смену не пришла. Сомнение стало еще глубже, вот и всё. Ибо современная мысль в состоянии вести долгие словесные споры с Революцией из-за того или иного ее следствия, социализма, коммунизма, даже атеизма, но, чтоб уничтожить самый ее Принцип, нужно было бы, чтоб она отреклась от себя самой. Вот почему еще и Общество Запада, являющееся выражением этой мысли, видя себя подтолкнутым к краю пропасти февральской катастрофой, все-таки смогло инстинктивным движением отпрянуть назад; но ему потребовались бы крылья, чтобы преодолеть бездну, или же чудо, небывалое в истории человеческих Обществ, — чтобы возвратиться вспять.

Таково нынешнее положение в мире. Для божественного Провидения оно, без сомнения, преисполнено ясности, но для современного разума оно непостижимо.

И вот, под влиянием подобных обстоятельств, предержавшие Власть Запада призваны править Обществом, упрочивать его, укреплять его на прежних основаниях, и им приходится над этим трудиться при помощи орудий, полученных ими из рук Революции и изготовленных для ее нужд.

Однако независимо от этой задачи всеобщего умиротворения, одинаковой для всех правительств, у каждого из крупных государств Запада имеются свои особые вопросы, представляющие собой следствие и как бы резюме их частной истории; поставленные, так сказать, на повестку для историческим Провидением, они требуют безотлагательного разрешения. Именно на эти-то вопросы и обрушилась в разных странах европейская Революция, но она сумела найти в них лишь поле сражения с Властью и Обществом. Теперь, когда все ее усилия и все ее попытки позорно провалились и вместо разрешения этих вопросов она всего лишь усугубила их, — именно правительствам, в свой черед, надлежит попытаться разрешить их самим, в присутствии и, т (ак) сказать, под контролем побежденного ими врага.

Но прежде всего перейдем к рассмотрению некоторых вопросов.

<?>

Для того, кто в роли вдумчивого, но *стороннего* свидетеля наблюдает общественное движение в Западной Европе, нет, бесспорно, ничего более примечательного и более поучительного, чем, с одной стороны, постоянный разлад, явное и неизбежное противоречие между возобладавшими там идеями, — между тем, что поистине следует называть мнением века, общественным мнением, либеральным мнением, — и реальностью фактов, ходом событий, с другой же стороны, — то ничтожное впечатление, которое этот разлад, это столь явное противоречие, по-видимому, производят на умы.

Для нас, смотрящих *со стороны*, конечно же, нет ничего легче, чем отличить в Западной Европе мир фактов, исторических реальностей от необъятного и устойчивого миража, в котором революционное общественное мнение, вооруженное периодической печатью, видит и прибежище, и реальность. И именно в этом мираже живет и движется, как в своей естественной стихии, вот уже 30—40 лет, сила столь же фантастическая, сколь и реальная, сила, которая называется общественным мнением...

Странная, кстати сказать, вещь эта часть (общества) * — публика. Именно в ней, собственно говоря, и заключена жизнь народа — народа-избранника Революции¹³. Именно это меньшинство западного общества (по крайней мере, на континенте), благодаря новому направлению, порвало с исторической жизнью масс и отрешилось от всех положительных верований... Безымянный этот люд одинаков во всех странах. Это личности, которым свойственен индивидуализм, отрицание. Вместе с тем им присущ элемент, пусть и отрицательный,

* Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

но объединяющий их и составляющий своего рода религию. Это ненависть к Власти как принцип. Элемент этот совершенно негативен, как только речь идет о созидании и сохранении, но становится ужасающим образом позитивным, как только касается свержения и уничтожения. — Этим-то, кстати сказать, и объясняются судьбы представительного правления на континенте. Ибо то, что новые установления до сих пор носили название представительных, отнюдь не является — что бы нам о том ни говорили — реальным обществом, обществом со свойственными ему интересами и верованиями, а чем-то абстрактным и революционным, называемым публикой, представляющим мнения и ничего больше. Именно поэтому такого рода установлениям и удавалось искусно подстрекать оппозицию, но еще нигде и никогда они не смогли создавать правительства...

Однако реальный мир, мир исторической реальности, даже и скрытый миражем, несмотря ни на что, пребывал неизменным и все так же шел своим путем, бок о бок с миром общественного мнения, который, благодаря всеобщему попустительству, в свою очередь обрел некое подобие реальности.

<3>

После того, как революционная партия представила нам зрелище полного своего бессилия, ныне наступает черед правительств, которые не замедлят доказать, что если они еще достаточно сильны, чтобы препятствовать полному разрушению, то для построения чего-нибудь заново сил у них уже не хватает. Они напоминают тех больных, которым удается восторжествовать над недугом, но только после того, как недуг этот глубоко подточил их организм, и жизнь их отныне — не что иное, как медленная агония. 1848 год явился землетрясением, обрушившим не все поколебленные им здания; но и те, что устояли, дали, вследствие толчка, такие трещины, что им продолжает грозить неминуемый обвал.

В Германии междоусобная война составляет подлинную основу ее политического положения¹⁴. Это больше, чем когда-либо, Германия Тридцатилетней войны¹⁵, Север против Юга, главы отдельных государств против объединяющей власти, но это неизмеримо выросло и окрепло под воздействием революционного начала. В Италии это не только, как некогда, соперничество с Германией и Францией или ненависть Италии к Варвару из-за гор¹⁶. Это еще и война не на жизнь, а на смерть, которую Революция, вооруженная чувством итальянского национального самосознания, объявила католицизму, скомпрометировавшему себя римским папством¹⁷. Что же касается Франции, которая не может более существовать, не отрекаясь на каждом шагу от того, что за 60 лет стало ее жизненным принципом, — от Революции, — то страна эта по логике вещей и самым роковым образом обречена на бессилие. Это общество, обреченное из чувства самосохранения пользоваться лишь одной из своих рук и только для того, чтобы заковать другую.

Таково, на наш взгляд, нынешнее положение Запада. Революция является логическим следствием и окончательным итогом современной цивилизации, цивилизации, которую антихристианский рационализм отвоевал у римской Церкви, — Революция, на деле убедившаяся в полной своей несостоятельности как объединяющего начала и, наоборот, в той же мере убедившаяся во владении силой разобщающей; с другой стороны — элементы старого общества, сохранившиеся в Европе, достаточно еще жизнеспособны, чтобы, в случае необходимости, отбросить на исходную точку все сделанное Революцией, но и они уже настолько прониклись революционным началом, настолько им искажены, что почти неспособны создать что-либо такое, что могло бы быть принято европейским обществом как законная власть, — вот дилемма, которая в настоящий момент встает во всей своей исключительной важности. Некоторая неопределенность по отношению к будущему связана лишь с одним пунктом: неизвестно, сколько понадобится времени для того, чтобы подобная ситуация произвела все эти последствия. Что до природы этих последствий, то предугадать их можно было бы, только полностью отойдя от западной точки зрения и смиренно решившись уразуметь следующую заурядную истину: европейский Запад — лишь половина великого органического целого, а трудности, претерпеваемые ею, трудности, внешне неразрешимые, обретут свое разрешение лишь в другой его половине...¹⁸

L'Italie, alors, était la chose de Rome, parce que Rome avait *l'Empire*²². Ce que c'est que *l'Empire*. C'est une délégation²³, les droits qu'elle confère.

On les perd, ces droits, quand la délégation est révoquée — on les perd avec l'Empire. — C'est ce qui est arrivé avec Rome. Mais le siège de l'Empire n'étant plus en Italie, il n'y a plus lieu à cette unité factice. — Elle recouvre de plein droit son indépendance et ses autonomies locales.

Retrait de l'Empire à Rome et son transfert à l'Orient²⁴. C'est la donnée chrétienne que la donnée payenne cherche à nier²⁵.

Et voilà pourquoi elle méconnaît la véritable situation de l'Italie.

Une Italie rendue à la liberté de ses mouvements, mais dépouillée de l'Empire, — une Italie, dépouillée de l'Empire, mais ne pouvant se passer de l'autorité impériale.

L'autorité impériale: c'est le lien du faisceau.

Pourquoi cette autorité n'a jamais tenu toute la place qui lui revient — la Papauté l'a paralysée.

Lutte de la Papauté et de l'Empire — ses conséquences pour l'Italie.

Papauté romaine et Empire germanique. Tous deux — usurpateurs vis-à-vis <de> l'Orient — d'abord *complices*, puis *ennemis*. L'Italie — la proie qu'ils se disputent. — De là tous ses malheurs²⁶.

Coup d'œil rapide sur cette lamentable histoire.

Tous les deux appellent en Italie l'étranger qui s'y établit à demeure. La Papauté, bien que diminuée, garde touj <ours> Rome, centre du monde. L'Empire, en croulant, lègue à l'Italie la domination autrichienne²⁷. La dernière lutte: l'Autriche plus étrangère que jamais. L'Italie plus déchirée que jamais. La Papauté se rapprochant de l'Autriche. La cause de l'Indépendance s'identifiant de plus en plus à la cause révolutionnaire²⁸. — Immense gravité de la situation.

Une intervention française, au profit de la Révolution, ne pouvant que l'aggraver²⁹. Déchirement. Lutte intérieure de tous les éléments entr'eux. Situation sans issue.

Seule issue possible.

L'Empire rétabli³⁰. La Papauté sécularisée³¹...

<2>

L'ITALIE

Il y a deux choses également et généralement détestées en Italie: les *tedeschi* et les *pretri*.

Maintenant, quelle est la puissance qui serait en mesure de délivrer l'Italie des uns et des autres, sans donner gain de cause à la Révolution et sans ruiner l'Eglise. Cette puissance, si elle existe, est la protectrice — née de l'Italie³².

<3>

Le Pape vis-à-vis de la Réforme³³.

La question romaine dans les temps actuels est insoluble. — Elle ne pourrait être résolue que par un retour de l'Eglise romaine vers l'Orthodoxie³⁴.

Il n'y a qu'un pouvoir temporel, appuyé sur l'Eglise universelle³⁵ qui serait en mesure de réformer la Papauté, sans ruiner l'Eglise.

Ce pouvoir n'a jamais existé, ni put exister dans l'Occident. — Voilà pourquoi tous les pouvoirs temporels de l'Occident, depuis les Hohenstauffen³⁶ jusqu'à Napoléon, dans leurs démêlés avec les Papes ont fini par accepter, pour auxiliaire, le principe antichrétien — tout comme les soi-disant réformateurs, et p(ar) le même motif.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IV>

<1>

L'UNITÉ ALLEMANDE

Qu'est-ce que le parlement de Francfort ³⁷? L'explosion de l'Allemagne idéologue ³⁸. L'Allemagne idéologue — son histoire.

L'idée unitaire est son œuvre propre. Elle ne vient pas des masses, de l'histoire. — Ce qui le prouve, c'est l'utopie, le manque du sens de la réalité, qui ne manque jamais aux masses, mais presque touj <ours> aux lettrés.

L'unité allemande = prédominance européenne, mais où en sont les conditions?

Qu'était l'ancien Empire germanique aux temps de sa puissance? C'était un Empire, dont l'âme était romaine et le corps slave (conquis sur les Slaves) ³⁹. Ce qu'il y avait d'Allemand p<our ainsi> d<ire> ne contient pas l'étoffe nécessaire pour un Empire.

Entre la France qui pèse sur le Rhin et l'Europe orientale, gravitant vers la Russie, il y a place pour de l'indépendance, mais non pour la suprématie.

Or, une pareille condition politique, honnête, mais non prépondérante, appelle la fédération et se refuse à l'unité.

Car l'unité, le système unitaire suppose une Mission, et l'Allemagne n'en a plus...

Mais même, dans les étroites limites, l'unité organique est-elle possible pour l'Allemagne?

Le dualisme inhérent à l'Allemagne ⁴⁰.

L'Empire avait été la formule, destinée à le conjurer. Cette formule s'est trouvée insuffisante. L'Empire, réalisé à demi; le dualisme persistant à travers l'Empire.

L'Empire, ce qui en était l'âme, brisé par la Réforme, et, par contre, le dualisme consacré par elle.

La guerre de 30 ans l'a organisé ⁴¹. Le dualisme devenu l'état normal de l'Allemagne. — Autriche, Prusse.

Cela a duré ainsi jusqu'à nos jours. La Russie, le véritable Empire, en les ralliant à elle, a endormi l'antagonisme, mais ne l'a pas supprimé.

La Russie écartée, la guerre recommence ⁴².

L'unité impossible par principe, parce que avec l'Autriche point d'unité. Sans l'Autriche pas d'Allemagne. L'Allemagne ne peut pas devenir Prusse, parce que la Prusse ne peut pas devenir Empire.

Empire suppose légitimité. La Prusse est illégitime ⁴³.

L'Empire est ailleurs ⁴⁴.

Provisoirement il y aura deux Allemagnes. C'est leur état de nature — l'unité leur viendra du dehors.

<2>

UNITÉ D'ALLEMAGNE

Toute la question de l'unité d'Allemagne se réduit maintenant à savoir si l'Allemagne voudra se résigner à devenir Prusse ⁴⁵.

Il faudrait, bien entendu, que l'Allemagne le voulût *volontairement*. Car la Prusse est hors d'état de l'y forcer. Pour l'y forcer, il n'y a que deux moyens. La Révolution — moyen impossible pour un gouv<ernement> régulier; la conquête — impossible — à cause des voisins.

D'autre part, le roi de Prusse, par la nature même de son origine, ne peut jamais être empereur d'Allemagne ⁴⁶. — Pourquoi cela? Par la même raison qui fait que Luther n'aurait jamais pu devenir Pape.

La Prusse n'étant autre chose que la négation de l'Empire d'Allemagne ⁴⁷. Une négation réussie —

Le principe d'unité pour l'Allemagne n'est plus en Allemagne...

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ V>

<1>

L'AUTRICHE

Quelle était la signification de l'Autriche dans le passé? Elle exprimait le fait de la prédominance d'une race sur une autre, de la race allemande sur la race slave.

Comment ce fait a-t-il été possible? à quelle condition?... l'explication historique de la chose (seulement dynastique) ⁴⁸.

Ce fait de la prédominance allemande sur les Slaves infirmé par la Russie... Aboli par les derniers événements ⁴⁹.

Qu'est-ce que l'Autriche *est* maintenant et que *prétend*-elle être?

L'Autriche, devenue constitutionnelle ⁵⁰, a proclamé *Gleichberechtigung*, l'égalité du droit pour les différentes nationalités.— Quelle en est la signification?

Est-ce un système de neutralité générale? une pure négation? ⁵¹

Mais l'existence d'un grand Empire, basée sur une négation, est-elle possible?

La loi constitutionnelle est la loi de la majorité. Or, la majorité en Autriche étant slave, l'Autriche devrait devenir slave.— Cela est-il probable? ou même possible?

— L'Autriche peut-elle cesser d'être allemande sans cesser d'être?

Rapports entre les deux races politiques et psychologiques (v. Fallmerayer) ⁵².

L'oppression allemande n'est pas seulement une oppression politique, elle est cent fois pire. Car elle découle de cette idée de l'Allemand que sa prédominance sur le Slave est de droit naturel. De là un malentendu insoluble et une haine éternelle.

P<ar> c <onséquent> l'impossibilité d'une sincère égalité de droit. Mais l'Allemand plie devant le fait accompli — comme en Russie ⁵³. Ainsi la *Gleichberechtigung*, proclamée par l'Autriche, n'est qu'un leurre.

Elle est allemande et restera allemande.

Qu'en résultera-t-il? Une guerre civile permanente des diverses nationalités non-Allemandes contre les allemands de Vienne, aussi bien que de ces nationalités entr'elles, au moyen de la légalité constitutionnelle.

Et c'est ainsi que la domination autrichienne au lieu d'être une garantie d'ordre ne sera qu'un ferment de Révolution.

Populations slaves obligées de se faire révolutionnaires pour maintenir leur nationalité contre un pouvoir allemand.

La Hongrie —

qui, dans un Empire slave, aurait tout naturellement accepté la place subordonnée, que sa position lui fait — acceptera-t-elle, vis-à-vis de l'Autriche, la condition que celle-ci prétend lui faire?... ⁵⁴

Graves inconvénients, dangers — et finalement impossibilité — résultant de tout ceci pour la Russie...

Après cela l'Autriche est-elle possible? et pourquoi existerait-elle?

Une dernière réflexion.

L'Autriche aux yeux de l'Occident n'a d'autre valeur que d'être une conception antirusse, et cependant elle ne saurait exister sans l'aide de la Russie.

Est-ce là une combinaison viable?..

La question pour les Slaves de l'Autriche se réduit à ceci: ou rester Slaves en devenant Russes, ou devenir Allemands en restant Autrichiens ⁵⁵.

<2>

L'Autriche — n'a plus de raison d'être. On a dit: si l'Autriche n'existait pas, il faudrait l'inventer ⁵⁶ — et pourquoi?

La Russie.

Les Occidentaux jugeant la Russie, C'est un peu comme les
Chinois jugeant l'Europe ou plutôt les Grecs (Greculi) jugeant Rome
et paraît être une loi de l'histoire: jamais une société, une civilisation,
n'a compris celle qui devait lui succéder.

— Ce qui se passe en ce moment en Russie, c'est la Chine occidentale
du XVIIIe siècle, qui les renvoie leur propre voie. — Le moment
de l'ère.

Il s'agit, n'est-ce pas, de la Russie,
qui n'a fait jamais, un feu matériel
pour lui la Russie est un effet d'attente.

C. a. d. de l'ère. ils ne peuvent pas aller
sans le fait même, ils font quelque chose, dans leur apparence
réflective, toute une suite de monde impuissant.

Il s'agit, en Russie de l'ère des premiers matériaux
de la civilisation, de quelque chose, de quelque chose
de la civilisation, de l'ère de l'ère, qu'on a à la
pour l'ère? . . . . .

«РОССИЯ И ЗАПАД»

Наброски к главе VI («Россия»)

Автограф, (1849)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Pour s'en faire une arme contre la Russie, et l'événement ⁵⁷ vient de prouver que l'assistance, l'amitié, la protection de la Russie est une condition de vie pour l'Autriche.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VI>

LA RUSSIE

Les Occidentaux jugeant la Russie, c'est un peu comme les Chinois jugeant l'Europe ou plutôt les Grecs (Greculi) jugeant Rome ⁵⁸. Ceci paraît être une loi de l'histoire: jamais une société, une civilisation, n'a compris celle qui devait lui succéder...

Ce qui les induit en erreur encore davantage, c'est la colonie occidentale des Russes civilisés, qui leur renvoie leur propre voix⁵⁹. — *La moquerie de l'écho*.

L'Occident, ne voyant jusqu'à présent dans la Russie qu'un fait matériel, une force matérielle.

Pour lui la Russie est un effet sans cause.

C'est-à-dire qu'idéalistes, ils méconnaissent l'idée.

Savants et philosophes, ils ont supprimé, dans leurs aperçus historiques, toute une moitié du monde européen.

Et cependant, en présence de cette force purement matérielle, d'où leur vient ce quelque chose entre le respect et la crainte, le sentiment de l'awe, qu'on n'a que pour l'autorité?..

Ici encore l'instinct plus intelligent que la science. Qu'est-ce donc la Russie? Que représente-t-elle? Deux choses: la race Slave, l'Empire Orthodoxe.

1) La race.

Le panslavisme, tombé dans le domaine de la phraséologie révolutionnaire⁶⁰... Abus qu'on a fait de la nationalité. Costume de masque pour la Révolution. Les panslaves littéraires sont des idéologues allemands tout comme les autres. — Le panslavisme réel est dans les masses. Il se révèle au contact du soldat russe et du premier paysan slave venu, slovaque, serbe, bulgare etc., même magyare... Ils sont tous solidaires vis-à-vis du немец.

Le panslavisme est encore ceci:

Pas de nationalité politique possible pour les Slaves en dehors de la Russie.

Ici vient se placer la question polonaise (voir l'article de St. Priest⁶¹, Rev (ue) des D(eux) M(ondes) 1er №) ⁶².

2) L'Empire.

La question de race n'est que secondaire ou plutôt ce n'est pas un principe. C'est un élément. Le principe c'est la tradition orthodoxe.

La Russie est orthodoxe plus encore que slave. C'est comme orthodoxe qu'elle est dépositaire de l'Empire.

Ce que c'est que l'Empire? Doctrine de l'Empire. L'Empire ne meurt pas. Il se transmet. Réalité de cette transmission. Les 4 Empires passés. Le 5ème définitif⁶³.

Cette tradition niée par l'école révolutionnaire au même titre que la tradition dans l'Eglise.

C'est l'individualisme niant l'histoire.

Et cependant l'idée de l'Empire a été l'âme de toute histoire de l'Occident.

Charlemagne. Charles V. Louis XIV. Napoléon.

La Révolution l'a tuée, ce qui a commencé la dissolution de l'Occident. Mais l'Empire, en Occident, n'a jamais été qu'une usurpation.

C'est une dépouille que les Papes ont partagée avec les Césars d'Allemagne (de là leurs discordes)

L'Empire légitime est resté attaché à la succession de Constantin⁶⁴. — Montrer et démontrer la réalité historique de tout ceci.

Ce que c'était que l'Empire d'Orient (fausses vues de la science occidentale sur l'Empire d'Orient⁶⁵)

transmis à la Russie.

C'est comme Empereur d'Orient que le царь est Empereur de Russie.

«Волим (за) царя восточного православнаго», — disaient les Petits Russes⁶⁶ et disent tous les orthodoxes d'Orient, slaves et autres.

Quant aux Turcs, ils ont occupé l'Orient orthodoxe pour le mettre à couvert des Occidentaux — pendant que l'Empire légitime s'organisait.

L'Empire est un:

l'Eglise orthodoxe en est l'âme, la race slave en est le corps. Si la Russie n'aboutissait pas à l'Empire, elle avorterait.

L'Empire d'Orient: c'est la Russie définitive.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VII>

<1>

LA RUSSIE ET NAPOLEÓN

On a fait de la rhétorique avec *Napoléon*. On en a méconnu la réalité historique, et voilà pourquoi on en a manqué la Poésie.

C'est un centaure — moitié Révolution, moitié ⁶⁷... mais il tenait à la Révolution par les entrailles.

L'histoire de son sacre est le symbole de toute son histoire ⁶⁸. Il a, dans sa personne, essayé de faire sacrer la Révolution. C'est ce qui a fait de son règne une parodie sérieuse. La Révolution avait tué Charlemagne, lui a voulu le refaire. — Mais depuis l'apparition de la Russie Charlemagne n'était plus possible ⁶⁹...

De là le conflit inévitable entre la Russie et lui. Ses sentiments contradictoires à l'égard de la Russie, attrait et répulsion.

Il aurait voulu partager l'Empire, qu'il ne l'aurait pas pu. L'Empire est un principe. Il ne se partage pas.

(Si l'histoire d'Erfurt ⁷⁰ est vraie, c'est le moment de la plus grande aberration dans les directions de la Russie.)

Chose remarquable: l'ennemi personnel de Napoléon est l'Angleterre. Et cependant c'est contre la Russie qu'il s'est brisé. C'est que c'était là son véritable adversaire — la lutte entre lui et elle, c'était la lutte entre l'Empire légitime et la Révolution couronnée...

Lui-même à la manière antique a prophétisé sur elle: «La fatalité l'entraîne. *Que ses destinées s'accomplissent*» ⁷¹.

Он сам на рубеже России —
 Проникнут весь предчувствием борьбы —
 Слова промолвил роковые:
 «Да сбудутся ее судьбы...»
 И не напрасно было заклинанье:
 Судьбы откликнулись на голос твой —
 И сам же ты, потом, в твоём изгнание,
 Ты пояснил ответ их роковой ⁷².

<2>

Napoléon, c'est la parodie sérieuse de Charlemagne... N'ayant pas le sentiment de son droit, il a toujours joué un rôle, et c'est ce quelque chose de mondain qui ôte toute grandeur à sa grandeur. Sa tentative de recommencer Charlemagne n'était pas seulement un anachronisme comme pour Louis XIV, pour Charles V, ses devanciers, mais c'était un scandaleux contresens. Car elle se faisait au nom d'un Pouvoir, la Révolution, qui s'était donné pour mission essentielle d'essuyer jusque aux derniers vestiges de l'œuvre de Charlemagne.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IX>

<1>

1. Qu'est-ce que le *lieu commun* sur la Monarchie universelle? D'où vient-il?..

2. L'équilibre politique est, dans l'histoire, le pendant de la division des pouvoirs, dans le droit public. L'un et l'autre — conséquences, du point de vue *révolutionnaire*, négation du point de vue organique.

3. La Monarchie universelle c'est l'*Empire*. Or l'Empire a toujours existé. Seulement il a changé de mains.

4. Les 4 Empires: Assyrie, Perse, Macédoine, Rome. A Constantin commence le 5ème, l'Empire définitif, l'Empire chrétien.

5. One ne peut nier l'Empire chrétien sans nier l'Eglise chrétienne. L'un et l'autre sont corrélatifs. Dans les deux cas c'est nier la *tradition*.

6. L'Eglise, en consacrant l'Empire, se l'est associé — p(ar) cons(équen)t l'a rendu définitif.

De là vient que tout ce qui nie le christianisme est souvent très puissant comme *déstruction*, mais toujours nul comme *organisation* — parce que c'est *une révolte* contre l'Empire.

7. Mais cet Empire qui, en principe, est indéfectible a pu, en réalité, avoir ses défaillances, ses intermittences, ses éclipses...

8. Qu'est-ce que l'histoire de l'Occident commençant à Charlemagne et qui s'achève sous nos yeux?

C'est l'histoire de l'Empire *usurpé*.

9. Le Pape, en révolte contre l'Eglise universelle, a usurpé les droits de l'Empire qu'il a partagé, comme une dépouille, avec le soit-disant Empereur d'Occident.

10. De là ce qui arrive ordinairement entre complices. La longue lutte entre la Papauté de Rome, *schismatique*, et l'Empire d'Occident, *usurpé*, aboutissant, pour l'une, à la Réformation, c'est-à-d(ire) à la négation de l'Eglise, et pour l'autre à la Révolution, c'est-à-d(ire) à la négation de l'Empire.

<2>

Nous touchons à la Monarchie universelle, c'est-à-d(ire) au rétablissement de l'Empire légitime.

La Révolution de 1789 c'était la dissolution de l'Occident. Elle a détruit l'autonomie de l'Occident.

La Révolution a tué, en Occident, le Pouvoir intérieur, indigène, et l'a, par cons(é) qu(ent) assujetti à un Pouvoir étranger, extérieur. Car nulle société ne saurait vivre sans Pouvoir. Et voilà pourquoi toute société, qui ne peut le tirer de ses propres entrailles, est condamnée, par l'instinct de sa conservation, à l'aller emprunter du dehors.

Napoléon a marqué la dernière tentative désespérée de l'Occident de se créer un Pouvoir indigène, elle a échoué nécessairement. Car on ne saurait tirer le pouvoir du principe révolutionnaire. Or, *Napoléon* n'était pas et ne pouvait être autre chose.

Ainsi, depuis 1815, l'Empire de l'Occident n'est plus dans l'Occident ⁷³. L'Empire s'est tout entier retiré et concentré là où de tout temps a été la tradition légitime de l'Empire ⁷⁴. — L'année 1848 en a commencé l'inauguration définitive... Il faut toutefois qu'elle s'aide de deux grands faits qui sont en voie de s'accomplir.

Dans l'ordre temporel l'organisation de l'Empire Gréco-Slave ⁷⁵. Dans l'ordre spirituel — la réunion des deux Eglises.

Le premier de ces faits a décidément commencé le jour où l'Autriche, pour sauver un simulacre d'existence, a eu recours à l'assistance de la Russie ⁷⁶. Car une Autriche, sauvée par la Russie, est de toute nécessité une Autriche absorbée par la Russie (un peu *plus tôt*, (un peu) plus tard).

Or l'absorption de l'Autriche n'est pas seulement le complément nécessaire de la Russie comme Empire slave, c'est encore la soumission à celle-ci de l'Allemagne et de l'Italie, les deux *pays d'Empire*.

L'autre fait, prélude de la réunion des Eglises, c'est le Pape de Rome dépouillé de son pouvoir temporel.

Перевод

<ПРОГРАММЫ ТРАКТАТА>

<2>

<1>

РОССИЯ И ЗАПАД

- I. Общее положение дел.
- II. Римский вопрос.
- III. Италия.
- IV. Германское единство.
- V. Австрия.
- VI. Россия.
- VII. Россия и Наполеон.
- VIII. Будущее.

- I. Положение в 1849 г.
- II. Римский вопрос.
- III. Италия.
- IV. Германское единство.
- V. Австрия.
- VI. Россия.
- VII. Россия и Наполеон.
- VIII. Россия и Революция.
- IX. Будущее.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ III>

<1>

ИТАЛИЯ

Чего хочет Италия? Истинного, ложного, надуманного.

Истинного: независимости, муниципального самодержавия с федеральной связью, изгнания чужестранца, немца.

Ложного: классической утопии: единой Италии. Рима во главе. Римскую реставрацию¹⁹.

Откуда эта утопия? — Ее происхождение — роль ее в прошлом — и до наших дней.

Две Италии. Италия народа, масс, действительности. —

Италия книжников, ученых, революционеров, от Петрарки до Мадзини.

Совершенно особая роль этой тенденции книжников в Италии. Ее значение: это традиция древнего Рима, Рима языческого. — Почему этот призрак в Италии более реален, нежели где-нибудь в ином месте.

Римская Италия²⁰ была Италией завоеванной. Вот почему и единство Италии, как его разумеют эти г(о)с(по)да²¹, — дело римское, а вовсе не итальянское.

Италия тогда была собственностью Рима, потому что Риму принадлежала *Империя*²².

Что такое *Империя*? Это делегация²³, права, ею даруемые.

Их, эти права, утрачивают, когда делегация отменена, их утрачивают вместе с Империей. — Именно это и произошло с Римом. А поскольку имперский престол уже не находится в Италии, то для этого искусственного ее единства нет более места. — Она вновь с полным правом обретает свою независимость и свои местные самоуправления.

Удаление Империи из Рима и перенесение ее на Восток²⁴. Это мысль христианская, которую мысль языческая пытается отрицать²⁵.

И вот почему сия последняя и не понимает истинного положения Италии.

Италия, вновь обретшая свободу действий, но лишенная Империи, — Италия, лишенная Империи, но неспособная обойтись без имперской власти.

Имперская власть: это связка, стягивающая прутья воедино.

Отчего же власть эта никогда не занимала всего подобающего ей места? —

Папство парализовало ее.

Борьба Папства и Империи — ее последствия для Италии.

Римское папство и Германская империя. Оба — узурпаторы в отношении Востока — вначале *сообщники*, потом *враги*. Италия — добыча, которую они оспаривают друг у друга. Отсюда все ее бедствия²⁶.

Беглый взгляд на эту плачевную историю.

Оба призывают в Италию чужеземца, который там и обосновывается. Папство, хотя и умаленное, все еще удерживает Рим, центр мира. Империя, рушась, завещает Италию австрийскому владычеству²⁷. Последняя схватка: Австрия, более чужая, чем когда-либо; Италия, раздираемая на части, сильнее, чем когда-либо; Папство, сближающееся с Австрией. Дело

Независимости, все более и более отождествляющееся с революционным делом ²⁸. — Величайшая опасность положения.

Французское вмешательство, в пользу Революции, способно только обострить эту опасность ²⁹. Распри. Внутренняя междоусобная борьба всех элементов. Положение безвыходное.

Единственный возможный выход.

Империя восстановлена ³⁰. Папство секуляризировано... ³¹

<2>

ИТАЛИЯ

Есть две вещи, в равной мере и единодушно ненавидимые в Италии: *tedeschi** и *pretri 2**.

Теперь, какая же держава могла бы избавить Италию от тех и от других, не решив дело в пользу Революции и не разрушая Церковь? Эта-то держава, если она существует, и являясь прирожденной покровительницей Италии ³².

<3>

Папа лицом к лицу с Реформацией ³³.

Римский вопрос ныне неразрешим. Он мог бы быть решен только возвратом римской Церкви к православию ³⁴.

Есть только одна светская власть, опирающаяся на вселенскую Церковь ³⁵, которая могла бы преобразовать Папство, не разрушая Церковь.

Такой власти никогда не существовало и не могло существовать на Западе. — Вот почему все светские власти Запада, от Гогенштауфенов ³⁶ до Наполеона, во всех своих расприх с папами в конце концов соглашались взять себе в союзники антихристианский принцип — точно так же, как так называемые реформаторы, и по той же причине.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IV>

<1>

ГЕРМАНСКОЕ ЕДИНСТВО

Что такое Франкфуртский парламент? ³⁷ Взрыв Германии идеологов ³⁸. Германия идеологов — ее история.

Идея объединения — именно ее творение. Она исходит не от масс, истории. — Доказательство тому — утопия, отсутствие чувства реальности, которое всегда есть у масс, но которого никогда нет у книжников.

Германское единство = первенству в Европе, но где же условия?

Чем была старая Германская империя во времена своего могущества? То была Империя с душой римской, но с телом славянским (завоеванным у Славян) ³⁹. То, что было в ней, т(ак) с(казать), немецкого, не содержит материала, необходимого для Империи.

Между Францией, которая нависает над Рейном, и Восточной Европой, тяготеющей к России, есть место для независимости, но не для первенства.

А подобное политическое условие, благопристойное, но не дающее господства, требует федерации и несовместимо с единством.

Ибо единство, объединяющая система, предполагает Призвание, а у Германии его уже нет...

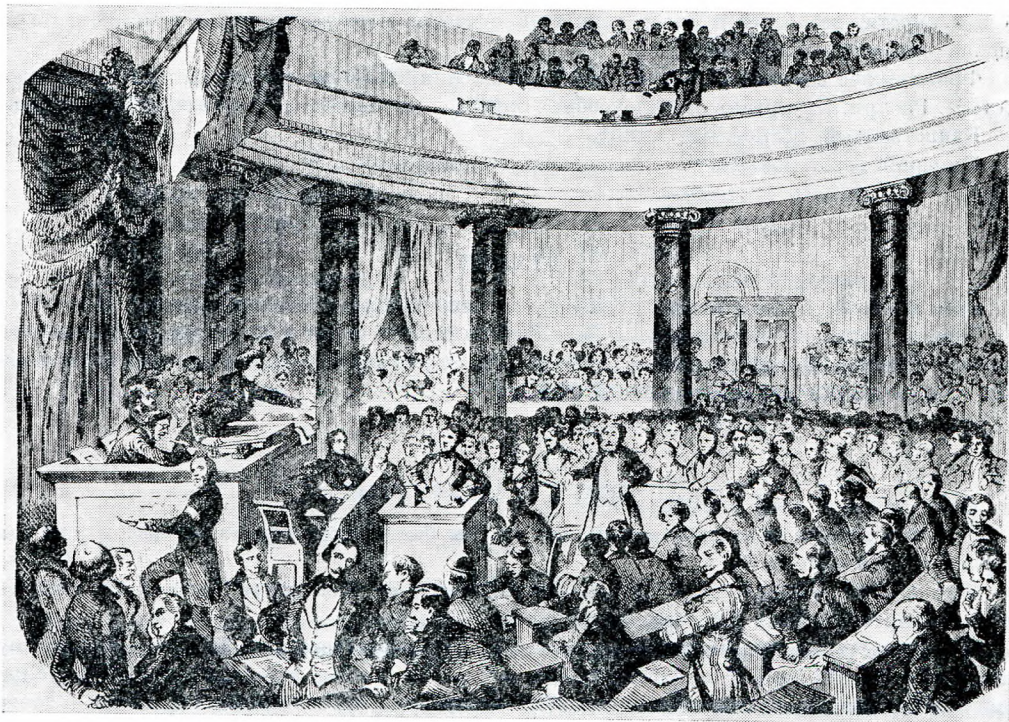
Но даже в этих тесных пределах возможно ли для Германии органическое единство? Дуализм, присущий Германии ⁴⁰.

Империя являлась заклинательной формулой, которая должна была этот дуализм предотвратить. Формула эта оказалась недостаточно полной. Империя, осуществившаяся лишь наполовину; дуализм, упорно держащийся во всей Империи.

Империя, то, что было ее душой, сокрушена Реформацией, дуализм, напротив, ею освящен.

* немцы (итал.).

2* священники (итал.).

ОТКРЫТИЕ ФРАНКФУРТСКОГО ПАРЛАМЕНТА 16 СЕНТЯБРЯ 1848 г.

Гравюра неизвестного художника

В книге: «Journées illustrées de la révolution de 1848». Paris, (1849)

Его создала 30-летняя война ⁴¹. Дуализм, ставший нормальным состоянием Германии. — Австрия, Пруссия.

Так продолжалось до наших дней. Россия, истинная Империя, сделав их своими союзниками, усилила антагонизм, но не уничтожила его.

Стóбит России устраниваться, как возобновится война ⁴².

Единство принципиально невозможно, потому что с Австрией единства быть не может. Без Австрии нет Германии. Германия не может стать Пруссией, потому что Пруссия не может стать Империей.

Империя предполагает законность. Пруссия незаконна ⁴³.

Империя в ином месте ⁴⁴.

Покамест будут две Германии. Это их естественное состояние — единство придет к ним извне.

<2>

ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ

Весь вопрос о единстве Германии сводится теперь к тому, чтоб узнать, захочет ли Германия смиренно стать Пруссией? ⁴⁵

Разумеется, надобно, чтобы Германия пошла на это *добровольно*. Ибо Пруссия не в состоянии принудить ее к этому силой. Чтобы принудить ее, есть только два средства. Революция — средство, невозможное для добропорядочного правления; завоевание невозможно — из-за соседей.

С другой стороны, прусский король, по самому характеру своего происхождения, германским императором никогда быть не сможет ⁴⁶. По той же причине, по которой Лютер никогда не мог бы стать папой.

Пруссия, являющаяся не чем иным, как отрицанием Германской империи ⁴⁷.

Удачное отрицание —

Принцип единства для Германии уже не в Германии...

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ V>

<1>

АВСТРИЯ

Каково было значение Австрии в прошлом? Она выражала собой факт господства одного племени над другим, племени немецкого над племенем славянским.

Каким же образом факт этот оказался возможным? при каком условии?.. историческое объяснение этого (только династическое) ⁴⁸.

Это факт немецкого господства над славянами, ослабленного Россией...

Уничтоженного последними событиями ⁴⁹.

Чем теперь является Австрия и чем она намеревается быть?

Австрия, став конституционной ⁵⁰, провозгласила *Gleichberechtigung*, равноправие для различных народностей. — Каково же значение этого?

Система ли это нелицеприятного отношения ко всем? чистое ли отрицание? ⁵¹

Но существование великой империи, основанное на отрицании, возможно ли оно?

Закон конституционный — закон большинства. А поскольку большинство в Австрии славянское, то Австрии надлежало бы сделаться славянской. — Вероятно ли это? и даже возможно ли?

— Может ли Австрия перестать быть немецкой, не перестав существовать?

Взаимоотношения между обоими племенами, политические и психологические (см. Фальмерайера ⁵²).

Немецкий гнет — не только гнет политический, он во сто раз хуже. Ибо он исходит из той мысли немца, что его господство над славянином — это естественное право. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть.

След(овательно), невозможность искреннего равенства в правах. Однако немец склоняется перед совершившимся фактом — как в России ⁵³. Таким образом, провозглашенное Австрией *Gleichberechtigung* — не что иное, как обман.

Она немецкая и останется немецкой.

Что из этого выйдет? Непрестанная междоусобная война различных не немецких народностей с немцами из Вены, так же, как этих народностей друг с другом, посредством конституционной законности.

И таким образом австрийское господство, вместо того, чтобы быть гарантией порядка, послужит лишь закваской для Революции.

Славянское народонаселение, вынужденное стать революционным, чтобы уберечь свою национальность от немецкой власти.

Венгрия, — которая в славянской Империи совершенно естественно удовлетворялась бы подчиненным местом, вытекающим из ее положения, — согласится ли она, будучи бок о бок с Австрией, на условия, в которые та намерена ее поставить?.. ⁵⁴

Серьезные неудобства, опасности — и под конец — нетерпимость такого положения — вот во что выльется все это для России...

После этого возможна ли Австрия? и для чего ей, в самом деле, существовать?

Последнее соображение.

Австрия в глазах Запада только тем и ценна, что представляет собой антирусскую концепцию, а между тем она не могла бы существовать без помощи России.

Жизнеспособно ли такое объединение?

Вопрос для австрийских славян сводится к следующему: либо остаться славянами, сделавшись русскими, либо сделаться немцами, оставаясь австрийцами ⁵⁵.

<2>

Существование Австрии не имеет более смысла. Было сказано: «Если б Австрии не было, ее следовало бы выдумать» ⁵⁶, — но зачем?

Чтобы сделать из нее оружие против России; и недавнее событие ⁵⁷ доказало, что помощь, дружба, покровительство России — жизненно важное условие для Австрии.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VI>

РОССИЯ

Западные люди, судящие о России, — это нечто вроде китайцев, судящих о Европе, или, скорее, греков (Greculi), судящих о *Риме*⁵⁸. Это кажется законом истории: никогда ни одна общественная система, ни одна цивилизация не проявила понимания той, что должна была прийти ей на смену...

Что еще больше вводит их в заблуждение, так это западная колония образованных русских, которая вторит им их же голосом⁵⁹. *Насмешка эха*.

Запад, до сих пор видящий в России только материальный факт, материальную силу. Для него Россия — это следствие без причины.

То есть, будучи *идеалистами*, они не замечают *идеи*.

Ученые и философы, они в своих исторических воззрениях упустили *целую половину* европейского мира.

И, однако, пред лицом этой чисто материальной силы откуда у них появляется это чувство — нечто среднее между уважением и страхом — то чувство *awe* *, которое испытывают только по отношению к Власти?..

Здесь опять-таки инстинкт, более разумный, нежели наука. Что же такое Россия? Что она собой представляет? Две вещи: *Славянское племя, православную Империю*.

1) Племя.

Панславизм, ставший достоянием революционной фразеологии...⁶⁰ Злоупотребление, которому подвергают понятие «национальность». Маскарадный костюм для Революции. Литературные панслависты — это немецкие идеологи — точно такие же, как и все прочие. — Истинный панславизм — в массах, он проявляется в общении русского солдата с первым встретившимся ему славянским крестьянином, словаком, сербом, болгариним и т. п., даже мадьяром... Все они солидарны между собой по отношению к немцу^{2*}.

Панславизм вот еще в чем:

Никакая политическая национальность невозможна для славян вне России.

И здесь сам собою встает вопрос польский (см. статью Сен-При⁶¹, «Revue des Deux Mondes», № 1)⁶².

2) Империя.

Вопрос племенной — лишь второстепенный или, скорей, это не принцип. Это стилия. Принципом является православная традиция.

Россия гораздо более православная, нежели славянская. И, как православная, она является залогохранительницей *Империи*.

Что же такое *Империя*? Учение об Империи. Империя не умирает. Она передается. Реальность этой передачи. 4 прошедших Империи. 5-я — окончательная⁶³.

Эта традиция, отрицаемая революционной школой на том же основании, что и традиция в Церкви.

Это индивидуализм, отрицающий историю.

А между тем идея Империи была душой всей истории Запада.

Карл Великий. Карл V. Людовик XIV. Наполеон.

Революция убила эту идею, с чего и началось разложение Запада. Но Империя на Западе всегда являлась не чем иным, как узурпацией.

Это добыча, которую папы поделили с кесарями Германии (отсюда их распри).

Законная Империя осталась привязанной к наследию Константина⁶⁴. — Показать и доказать историческую реальность всего этого.

Чем была Восточная империя (ложные взгляды западной науки на Восточную империю⁶⁵),

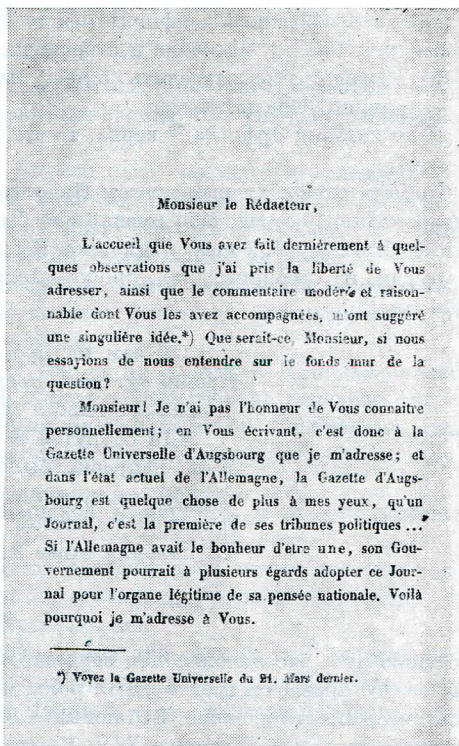
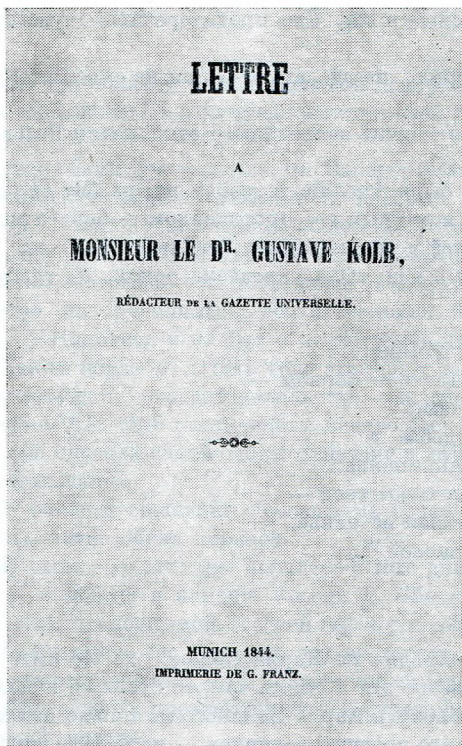
перенесенная в Россию.

Только в качестве императора Востока царь^{3*} является императором России.

* благоговейного страха (*англ.*).

^{2*} В автографе последнее слово написано по-русски. — *Ред.*

^{3*} В автографе последнее слово написано по-русски. — *Ред.*

АНОНИМНАЯ БРОШЮРА ТЮТЧЕВА «ПИСЬМО Г-НУ ГУСТАВУ КОЛЬБУ, РЕДАКТОРУ
«ALLGEMEINE ZEITUNG»

Мюнхен, 1844

Первая публикация статьи «Россия и Германия»

Обложка и первая страница брошюры

«Волим <за> царя восточного православнаго»^{4*}, — говорили малороссы⁶⁶, и говорят все православные Востока, славяне и другие.

Что же касается турок, то они заняли православный Восток, чтобы заслонить его от западных народов, — пока создавалась законная Империя.

Империя едина:

православная Церковь — ее душа, славянское племя — ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы.

Империя Востока: это Россия в окончательном виде.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ VII>

<1>

РОССИЯ И НАПОЛЕОН

По поводу *Наполеона* занимались риторикой. Его исторической реальности не постигали, вот почему и упустили его поэзию.

Это кентавр, полуреволюция-полу...⁶⁷, но нутром своим он тяготел к Революции.

История его помазания на царство — это символ всей его истории⁶⁸. Он хотел, в своем лице, миропомазать Революцию. Это-то и превратило его в исполненную серьезности пародию. Революция убила Карла Великого, он же захотел его повторить. Но с появлением России Карл Великий стал уже невозможен...⁶⁹

^{4*} В автографе эти слова написаны по-русски. — *Ред.*

Отсюда неизбежный конфликт между Россией и им. Его противоречивые чувства по отношению к России, влечение и отвращение.

Ему хотелось бы разделить (с нею) Империю, но сделать этого он не смог бы. Империя — принцип. Она неделима.

(Если история Эрфурта ⁷⁰ верна, то это был момент величайшего отклонения России от ее пути.)

Примечательно: личным врагом Наполеона была Англия. А между тем разбит он был в столкновении с Россией. Ибо именно она была истинным его противником — борьба между ним и ею была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией...

Он сам, на старинный лад, пророчествовал о ней: «Она увлекаема роком. *Да сбудутся судьбы ее*» ⁷¹.

Он сам на рубеже России —
 Проникнут весь предчувствием борьбы —
 Слова промолвил роковые:
 «Да сбудутся ее судьбы...»
 И не напрасно было заклинанье:
 Судьбы откликнулись на голос твой —
 И сам же ты, потом, в твоём изгнание,
 Ты пояснил ответ их роковой ⁷².

<2>

Наполеон — это исполненная серьезности пародия на Карла Великого... Не имея сознания своего права, он всегда играл роль, и именно эта примесь чего-то суетного и лишает всякого величия его величие. Его попытка возобновить Карла Великого не только являлась анахронизмом, как у Людовика XIV, Карла V, его предшественников, — но была вопиющей бессмыслицей. Ибо она совершалась во имя Власти, Революции, взявшей на себя миссию — стереть до последнего все следы творения Карла Великого.

<МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВЕ IX>

1. Что это за *общее место* о Вселенской монархии? Откуда оно?..
2. Политическое равновесие, в истории, соответствует разделению властей в государственном праве. И то, и другое — следствия — с *революционной* точки зрения; отрицание, с точки зрения органической.
3. Вселенская монархия — это *Империя*. Империя же существовала всегда. Она только переходила из рук в руки.
4. 4 Империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я Империя, окончательная, Империя христианская.
5. Нельзя отрицать Империю христианскую, не отрицая христианскую Церковь. И та, и другая соотносятся между собой. В обоих случаях это означает отрицать *традицию*.
6. Церковь, освящая Империю, приобщила ее к себе, след(овательно), сделала ее окончательной.
- Отсюда следует, что все, отрицающее христианство, зачастую очень могущественно в смысле *разрушения*, но всегда ничтожно в смысле *созидания*, потому что это *бунт* против Империи.
7. Но эта Империя, которая, в принципе, непреходяща, в действительности могла во времена иметь свои слабости, приостановки, затмения...
8. Что такое история Запада, начавшаяся с Карла Великого и завершающаяся у нас на глазах?
 Это история *узурпированной* Империи.
9. Папа, восстав против Вселенской Церкви, узурпировал права Империи, которые поделил, как добычу, с так называемым императором Запада.
10. Отсюда все то, что обыкновенно случается между сообщниками. Длительная борьба между *схизматическим* римским папством и *узурпированной* Западной империей, окончившаяся для одного Реформацией, т. е. отрицанием Церкви, а для другой — Революцией, т. е. отрицанием Империи.

<2>

Мы приближаемся ко Вселенской монархии, то есть к восстановлению законной Империи. Революция 1789 года представляла собой разложение Запада. Она уничтожила автономию Запада.

Революция уничтожила на Западе Власть внутреннюю, местную и вследствие этого подчинила ее Власти чужеземной, внешней. Ибо никакое общество не могло бы жить без Власти. И вот почему всякое общество, которое не может извлечь ее из своих собственных недр, обречено, вследствие инстинкта самосохранения, заимствовать ее извне.

Наполеон ознаменовал последнюю отчаянную попытку Запада создать себе местную власть; попытка эта провалилась, ибо невозможно было извлечь Власть из революционного принципа. А Наполеон и не был и не мог быть ничем иным.

Таким образом, с 1815 года Империя Запада уже не на Западе⁷³. Империя полностью ушла оттуда и сосредоточилась там, где во все времена существовала законная традиция Империи⁷⁴. — 1848 год положил начало бесповоротному ее впадению. Необходимо, однако, чтоб она оказала самой себе содействие в двух великих делах, которые находятся на пути к осуществлению.

В области светской: образование греко-славянской Империи⁷⁵. В области духовной — воссоединение обеих церквей.

И первое из этих дел началось с того дня, когда Австрия, дабы спасти для себя подобие бытия, прибегла к помощи России⁷⁶. Ибо Австрия, спасенная Россией, непременно станет Австрией, поглощенной Россией (*чуть раньше, <чуть> позже*).

Поглощение же Австрии это не только необходимое для России как для славянской империи восполнение, это и подчинение ей Германии и Италии, двух *земель Империи*.

Другое дело, предшествующее воссоединению Церквей, — это лишение римского папы его светской власти,

КОММЕНТАРИИ

¹ Революционное движение в ряде стран Западной Европы после Февральской революции 1848 г. во Франции.

² «Июньские дни» — восстание парижских рабочих, начавшееся 23 июня 1848 г. и вскоре же разгромленное правительственными войсками.

³ Под «деятельностью вовне» Тютчев, вероятно, имел в виду всю систему связей между странами Западной Европы, нарушенную во время европейских революций 1848—1849 гг.

⁴ Весной 1849 г., когда венгерское революционное правительство объявило о выходе Венгрии из Австрийской империи, австрийский император Франц-Иосиф обратился к Николаю I за срочной военной помощью. Вступление русских войск на территорию Венгрии, кровавые бои с инсургентами и сдача в плен революционной армии в августе 1849 г. ознаменовали собой конец венгерской революции.

⁵ Имеется в виду разрыв гуманистической мысли со всей системой религиозного мировоззрения в Средние века, одной из вершин которого была Реформация. Реформация сыграла выдающуюся роль не только в социально-политическом развитии европейского общества, но и в истории мысли и нравственного самосознания общества.

⁶ В начале 1849 г. в Париже, Брюсселе и Лейпциге вышла брошюра Ф. Г. Гизо (1787—1874), известного историка и главы французского правительства при Июльской монархии, озаглавленная «De la démocratie en France» с резкими нападками на социальную демократию и ее деятелей.

⁷ Гизо был одним из главных вдохновителей и участников политической группировки буржуазных либералов, монархистов-конституционалистов и других противников дворянской и клерикальной реакции периода Реставрации — так называемых доктринеров. К ней примыкали, наряду с другими, профессор философии Роайе-Коллар, историки Барант, Тьерри, Миянье, Тьер. Два последних — авторы прославленных трудов, посвященных истории Великой французской революции. Их-то Тютчев и относит к «школе» Гизо.

⁸ В своей «Истории цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции» Гизо писал, например: «Страсть к личной независимости, несмотря на всю примесь грубости, материализма, безумного эгоизма, есть благородное нравственное чувство, почерпнувшее свою силу из духовной природы человека: это — удовольствие сознавать себя человеком, это — чувство личности, самостоятельности человеческой в свободном его развитии (...). Оно было внесено и положено в колыбель новой цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль, принесло такие прекрасные результаты, что нельзя не выставить его на вид, как один из основных элементов в этой цивилизации» (F. Guizot. Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution

française. P., 1828; цитируется по русскому переводу под ред. К. К. Арсеньева. СПб., 1860, с. 55—56). Ср. у Тютчева: «Революция есть не что иное, как апофеоз того же самого человеческого Я, достигшего до своего полнейшего расцвета» (*ПСС 1912*, с. 481).

⁹ Под «грозным откровением» Тютчев, вероятно, имел в виду Февральскую революцию 1848 г., а под «ужасной последней страницей» — Июньские дни (см. выше). «Сколько золота оказалось у мишурую с тех пор! — писал Герцен в августе 1848 г. — Мы не можем теперь отказаться от знания, от обнаружившихся последствий, от раскрывшихся характеров, нам нельзя отречься от настоящего, сквозь которое это недавно прошедшее представляется иным; Временное правительство, рассматриваемое сквозь штйки état de siège*, не находит отпущения в душе нашей» (*Герцен*, т. V, с. 350).

¹⁰ Одним из главных программных требований французской политической оппозиции в конце Июльской монархии являлась радикальная реформа избирательного права. Временное правительство Французской республики выпустило 5 марта 1848 г. декрет о введении прямого избирательного права для всех мужчин старше 21 года.

¹¹ Июньское восстание в Париже, как уже говорилось выше (см. прим. 2), подавлено было правительственными войсками. В разгроме инсургентов участвовали также национальная и мобильная гвардия.

¹² После подавления Июньского восстания в Париже было введено осадное положение.

¹³ Т. е. французов.

¹⁴ В связи с отказом Пруссии и Австрии признать имперскую конституцию, выработанную учредительным Национальным собранием, Германию с начала мая 1849 г. охватило сильнейшее революционное брожение. В отдельных германских землях оно переросло в вооруженные восстания, вскоре, впрочем, подавленные прусскими, австрийскими и союзными войсками. Завершилось это беспощадным правительственным террором.

¹⁵ Тридцатилетняя религиозная и политическая война протестантских князей и императора Священной римской империи германской нации с католическими князьями, Австрией и папством (1618—1648). Вскоре в эту войну оказались втянутыми Франция, Испания, Англия, Голландия, Дания, Швеция и другие страны, и она приняла общеевропейский характер.

¹⁶ Италия в Средние века нередко подвергалась опустошительным набегам варваров (так итальянцы называли тогда соседние германские племена). Чаще всего набеги производились через северные склоны Альп. В новейшее время, после Венского конгресса 1814—1815 гг., северная часть Италии была оккупирована ненавистными итальянцам немецкими, т. е. австрийскими, войсками.

¹⁷ Национально-освободительная война в Италии 1848—1849 гг. вначале проходила под лозунгом союза народа с «либеральным» папой Пием IX. Вскоре она приняла антиклерикальный и антипапский характер.

¹⁸ Тютчев имел в виду Российскую империю. «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — Революция и Россия», — писал Тютчев в статье «Россия и Революция» (*ПСС 1912*, с. 456).

¹⁹ Публикуя этот фрагмент, И. С. Аксаков к словам «римская реставрация» сделал следующее подстрочное примечание: «Автор разумет здесь попытку возобновить республику в Риме, как было в 1848 г., как бывало и в Средние века» (*Аксаков 1886*, 204).

²⁰ Т. е. древнеримская Италия.

²¹ Тютчев подразумевает здесь партию тосканских демократов, возглавляемую писателем Джузеппе Монтанелли (1813—1862), которые настойчиво добивались созыва в Риме общетальянского учредительного собрания для подготовки объединения Италии. Итальянское единство являлось программным требованием и «Молодой Италии» — тайной республиканской организации, основанной в 1831 г. Джузеппе Мадзини (в 1849 г. он входил в состав триумвирата, стоявшего во главе Римской республики).

²² К этому месту И. С. Аксаков сделал следующее развернутое пояснение: «Здесь мы должны приостановиться для того, чтоб, так сказать, условиться с читателями в понимании слова: "l'Empire". Мы встречаем большое затруднение в переводе этого слова на русский язык. По-видимому, слово очень известное, но в этом-то и неудобство. У нас слово *империя* понимается только в одном определенном значении, — в этом же ходячем смысле употребляется оно теперь и в Западной Европе, именно в смысле *монархии крупного размера*, чином выше *королевства* (...). l'empire, или латинское *imprium*, не только выражает вообще идею власти (...) но есть в то же время термин исторический, означающий собою и исторический факт (Римскую империю), и связанный с ним исторический, политический принцип. Тютчев употребляет слово l'empire именно в этом смысле, — и на этом историко-политическом термине, как на оси, вращается вся основная мысль его сочинения. На французском языке слово l'empire легко отвлекается от того узкого значения, в котором оно обыкновенно употребляется в наши дни, и восстанавливается в своем настоящем внутреннем объеме; по-русски же за словом *империя* установился один только смысл, чисто внешний, не предполагающий никакого исторического происхождения. А между тем в этом-то историческом содержании слова вся и сила. В самом деле, отчего Германия, сплотившись, поспешила пожаловать себя в Империю? Почему Франция при Наполеоне величается Империею? Почему Султан — и тот даже считает очень и очень лестным для себя императорский титул, которым, уже совершен-

*осадного положения (франц.).

но бессмысленно, чувствуют его европейцы? Причина в том, что с словом „Империя“ связывается представление об Империи Римской, о великой *вселенской, единой* империи, которой образ преподаан европейскому миру Римом и запечатлелся в исторической памяти двух тысячелетий. После падения Рима, в средневековой истории, с этим словом соединялось не только представление о Римской Империи, но и *притязание* на наследие римского владычества, притязание на такое же *единое и верховное* господство в мире. Конечно, такие притязания теперь оставлены, даже забыты, и слово обратилось в титул, все обаяние титула. (...) Тютчев, в своих статьях, ищет возвратить слову „Империя“ его законный и реальный исторический смысл» (Аксаков 1886, 204—206). Добавим к этому, что французско-русские словари следующим образом дифференцировали, в зависимости от написания, слово empire: написанное со строчной буквы — *власть, господство, управление, владычество, царство, империя*; написанное с прописной — *Германская империя и Французская империя*.

²³ «Делегация» (от лат. *delegare* — передавать, поручать) — передача отдельным лицом или учреждением другому лицу или учреждению осуществление своих прав.

²⁴ В 324—330 гг. Константин Великий — первый римский император, принявший христианство и сделавший его официальной религией, — основал на берегах Босфора город Константинополь и перенес туда свою столицу. В конце IV в. Римская империя разделилась на Восточно-Римскую (Византийскую), со столицей в Константинополе, и Западно-Римскую, со столицей в Риме. В V в. Западно-Римская империя распалась, тогда как Византийская просуществовала до середины XV в. Перенос столицы в Константинополь положил начало расхождению церквей — Восточной (православной) и Западной (католической).

²⁵ Византийские императоры и патриархи объявили христианский Константинополь «вторым Римом» — наследником могущества и славы древнего Рима, тогда как их языческие оппоненты утверждали, что именно христианство погубило Римскую империю. После захвата Константинополя турками-османами (1453 г.) на роль «третьего Рима» — наследника Византийской империи и центра православия — стало претендовать Великое княжество Московское (см. прим. 64). Этой идее сочувствовал Тютчев:

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не заурядить!..

²⁶ В Германскую империю (официальное ее название — Священная римская империя германской нации) входили Германия, занимавшая в ней господствующее положение, часть Италии и другие страны. Основная она была в 962 г. Германские императоры захватывали одну за другой многочисленные территории в Италии, западнославянские земли и пр. Между германскими императорами и римскими папами велась почти не прекращавшаяся борьба за власть. Священная римская империя формально просуществовала до 1806 г., но фактически она потеряла свое влияние лет за 500 до того вследствие отпадения от нее многих ее прежних владений.

²⁷ На Венском конгрессе, состоявшемся в 1814—1815 гг., после падения Наполеона, итальянские территории — Ломбардия и Венеция — перешли во владение Австрии. Одновременно была восстановлена Папская область, незадолго до того ликвидированная Наполеоном.

²⁸ Национально-освободительное движение в Италии, развернувшееся в 1848—1849 гг., привело к революционным переворотам в ряде итальянских государств.

²⁹ В ночь на 22 апреля 1849 г. президент Французской республики Наполеон Бонапарт начал интервенцию против Римской республики, мотивируя ее необходимостью защищать земли папского государства «от притязаний австрийцев и неаполитанцев». К. Маркс объяснял подлинные мотивы этих действий Луи Наполеона, нуждавшегося «в сохранении папской власти для того, чтобы сохранить за собой крестьян. (...) Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало Реставрации папской власти в Риме» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. VII, с. 55). После ожесточенных боев с республиканскими войсками и добровольцами-демократами из других стран 3 июля интервентам удалось завладеть Римом.

³⁰ По мнению Тютчева, Россия как законная наследница Византийской империи должна была присоединить к себе владения, прежде входившие в состав Священной римской империи германской нации, и образовать новую вселенскую империю.

³¹ Секуляризация (от лат. *secularis*) — изъятие и передача церковной собственности, и в частности, земельных владений, — государству. Тютчев подразумевает под этим словом уничтожение светской власти папы. Он писал «Секуляризация — вот конечный неизбежный

исход всякой реформы, серьезно и добросовестно проведенной в Римской области; а секуляризация, при нынешних обстоятельствах — не что более, как сложенное оружие перед неприятелем, капитуляция» (ПСС 1912, с. 479).

³² По мнению Тютчева, такой Державой могла бы явиться возглавляемая Россией новая империя.

³³ Здесь, по-видимому, подчеркивается аналогия между положением римских пап в XVI веке (т. е. в эпоху Реформации, когда народные массы восставали, требуя уничтожения папства и католической церкви) с положением Пия IX в период итальянской революции 1848—1849 гг., которая постепенно приобретала антипапский характер.

³⁴ И. С. Аксаков считал, что эту мысль следует понимать в смысле «спаять любовью», как позднее выразился Тютчев в стихотворении «Два единства» (1870), — «А там увидим, что прочней» (см. предисловие к наст. публикации).

³⁵ См. прим. 30.

³⁶ Гогенштауфены — династия германских королей и императоров Священной римской империи (1138—1254).

³⁷ Так называемый Франкфуртский парламент — общегерманское Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне — был созван после мартовской революции 1848 года. Основными вопросами, стоявшими перед этим «парламентом», были определение формы правления Германии и подготовка объединения ее в единое государство. В составе «Франкфуртского собрания» преобладала буржуазная интеллигенция либерального толка, больше всего опасавшаяся развития в стране революционного движения. Через год с небольшим, 18 июня 1849 г., «Франкфуртский парламент» был разогнан. В статье «Россия и Революция» Тютчев писал: «Нужно обладать тою силою нелепости, которая свойственна германским идеологам, чтобы недоумевать, имеет ли это скопище журналистов, адвокатов и профессоров, собранное во Франкфурте и присвоившее себе призвание возобновить времена Карла Великого, какие-либо задатки на положительный успех в деле, ими предпринятом» (ПСС 1912, с. 465):

³⁸ «Идеологам», «книжниками», «публикой» Тютчев называет здесь и выше представителей буржуазной интеллигенции.

³⁹ См. прим. 26. Большую часть Священной римской империи германской нации составляли территории западных славян.

⁴⁰ В Священную римскую империю германской нации входили два крупнейших германских государства — Австрия и Пруссия. Первое из них было католическим, второе — протестантским.

⁴¹ См. прим. 15.

⁴² Русское правительство постоянно поддерживало в политическом и военном отношении и Пруссию, и Австрию, что в значительной мере обеспечивало сохранение еропейского status quo.

⁴³ Прусское королевство образовалось только в 1701 г. и, в сущности, не имело исторических корней. Преобладающая часть прусских владений состояла из захваченных феодалами славянских и литовских земель.

⁴⁴ Т. е. в России.

⁴⁵ Тютчев выражает сомнение в том, что многочисленные германские государства согласятся войти в состав Пруссии.

⁴⁶ Династия Гогенцоллернов, правившая Пруссией, вела свое происхождение от бранденбургских курфюрстов, а не из императорского рода, что заметно ослабляло ее династические претензии.

⁴⁷ По мнению Тютчева, Пруссия представляла собой воплощенное отрицание идеи Римской империи, подобно тому, как религиозный реформатор Мартин Лютер (1483—1546) отрицал папство.

⁴⁸ Династия Габсбургов, правившая Австрией, с самого начала своего существования проводила в жизнь две основные тенденции — последовательную борьбу за первенство внутри Германии и за увеличение территории, присоединяя к своим владениям земли соседних стран и областей (чаще всего славянских — Чехии, Польши и др.), причем это ей удавалось делать в течение ряда столетий не вооруженной силой, а путем династических браков и использования всякого рода политических противоречий, в частности между папами и императорами.

⁴⁹ Разумеется, речь идет о революциях 1848—1849 гг.

⁵⁰ 25 апреля 1848 г. в результате массовых революционных выступлений австрийское правительство вынуждено было объявить о введении в стране конституции, а 15 мая — всеобщего избирательного права. И та, и другая реформы в ближайшие годы (1849 и 1851) были отменены.

⁵¹ Вероятно, Тютчев имеет в виду формальное отрицание господства австрийцев над славянскими народами.

⁵² Якоб Фальмерайер (1790—1861) — немецкий историк и ориенталист, автор сочинений «Über die Entstehung des Neugriechen» (1835) и «Fragmente aus dem Orient» (1845), где он, в частности, изложил теорию родства современных греков со славянами. О его взаимоотношениях с Тютчевым см.: Е. К а з а н о в и ч. Из мюнхенских встреч Ф. П. Тютчева (1840-е годы). — Уралия, с. 141—171.

⁵³ Смысл последних трех слов неясен. Публикуя этот фрагмент, И. С. Аксаков их опустил.

⁵⁴ После поражения венгерской революции Австрия поставила своей целью усилить «онемечивание» венгров, превратив Венгрию в одну из заурядных провинций Австрийской империи.

⁵⁵ Последнее утверждение И. С. Аксаков сопровождал следующим пояснением от своего имени: «... Тютчев под словом „стать русскими“ вовсе не разумеет ни государственного закрепощения, ни обрушения в тесном смысле слова. Употребив это выражение, в черновой заметке, для краткости, он дает ему тот смысл, что Славяне или должны стать гражданами Греко-славянского мира, которого душою, без сомнения, может быть и есть только Россия,— или же погибнуть прежде всего духовно, т. е. утратить свою нравственную народную самостоятельность <...> Славяне неправославные могут спасти в себе славянскую народность только под условием возвращения к православию: то есть восстановления единства и общения церковного со всем православным Востоком или, собственно говоря, с Россией. Только тогда, а не иначе, могут они надеяться приобщиться и к судьбе России,— а ведь только России, по сознанию самого Запада, принадлежит будущность... В противном случае, упорствуя в сохранении латинства или протестантства, они естественно *обрекают себя судьбе Западной Европы*, с которою они и без того связаны своею историею и цивилизацией,— судьбе народов католических и протестантских <...> Следовательно, отказываясь от объединения с Россией в вере, западные Славяне сами готовят себе участь, подготовленную Западу принципом римского церковного авторитета и принципом Реформации <...> Одним словом, вопрос для западных Славян ставится просто и прямо: или объединение с Россией, или объединение полное и окончательное с Западною Европою, т. е. утрата славянской национальности» (Аксаков 1886, 215—216).

⁵⁶ Выражение Ф. Палацкого (см. вступ. статью), представляющее собой парафраз известного изречения, которое обычно приписывается Вольтеру: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Однако еще до Вольтера его употребил епископ кентерберийский Джон Тиллотсон (1630—1694) в своих «Посланиях».

⁵⁷ Русская интервенция в Венгрию.

⁵⁸ В публицистических работах 1840—1850-х годов А. И. Герцен нередко отмечал полное незнание западными учеными и политическими деятелями истинно народной России и даже ее полное игнорирование (Герцен, т. VI, с. 192, т. VII, с. 307—338 и др.). Известный французский историк Жюль Мишле в своей книге «La Pologne et la Russie» (1851) дал одной из глав следующее симптоматичное название: «Россия до 1847 года была неизвестна» (1847 год обозначен как хронологическая веха вследствие выхода в свет известного сочинения А. Ф. Гакстаузена «Studien über die inneren Zustände des Volksleben <...> Russlands»).

⁵⁹ Намек на М. А. Бакунина, И. Г. Головина, Н. И. Сазонова и, возможно, Герцена — русских эмигрантов-публицистов, выступавших против царизма.

⁶⁰ Вероятно, написано под впечатлением от выступления М. А. Бакунина на политическом банкете в Париже (1847), от его участия в пражском Славянском съезде и воззвания «К славянам» (1848).

⁶¹ Алексис Гиньяр *Сен-При* (1805—1851) — русско-французский публицист, автор брошюр и статей о России. Какая его статья имеется в виду, установить не удалось.

⁶² Вероятно, подразумевается статья А. Тома «Польская эмиграция и демократия» («Revue des Deux Mondes», 1848, t. I, p. 15; t. II, p. 662—668). Автор ее отмечал, что после разгрома восстания в Галиции многие австрийские славяне проявляли сочувствие к России, однако, оказавшись за пределами Австрийской империи, эти «русоманы» быстро изменяли своему «опасному панславизму».

⁶³ Несколько далее Тютчев приводит названия пяти исторических империй, начиная с Ассиро-вавилонской. Окончательной империей он именует Российскую.

⁶⁴ В 1472 г. московский великий князь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог, закрепил за собой роль наследника «вселенской» Византийской империи. Российским императором провозгласил себя Петр I в 1721 г.

⁶⁵ Т. е. Византийская империя.

⁶⁶ Так отвечали украинцы на вопрос Богдана Хмельницкого, к кому в подданство хотят они перейти (см.: Аксаков 1886, с. 225).

⁶⁷ Слово недописано. Вероятно, Тютчев хотел сказать «полусамовластье» (ср. в стихотворении «Наполеон»: «твой гений самовластный»).

⁶⁸ На коронацию Наполеона 25 августа 1804 г. в Париж прибыл папа Пий VII. В последний момент ритуала Наполеон взял из рук папы корону и самолично возложил ее на свою голову.

⁶⁹ Император Карл Великий, завоевавший многочисленные немецкие и итальянские земли, по мнению Тютчева, в более поздние времена неизбежно встретил бы ожесточенное сопротивление со стороны России при захвате земель и объединении их в империю.

⁷⁰ Историческая встреча Наполеона с Александром I состоялась в немецком городе Эрфурте 27 сентября — 14 октября 1808 г. Главной целью Наполеона было во время этой встречи настроить русского императора против Австрии и добиться сосредоточения русских войск на границе с Галицией, чтобы предотвратить таким образом возможность войны Австрии против Франции. Однако Александр решительно уклонился от подобных действий, предпочитая сохранить с Австрией хорошие отношения.

⁷¹ Выдержка из приказа Наполеона по армии от 22 июня 1812 г. перед началом вторжения в Россию: «Россия увлекаема роком — да свершатся судьбы ее».

⁷² Вариант стихотворения Тютчева, напечатанного в журнале «Москвитянин» (1850, № 7, с. 162) в следующем виде:

И ты стоял, — перед тобой Россия,
 И вещей волхв, в предчувствии борьбы,
 Ты сам слова промолвил роковые:
     «Да сбудутся ее судьбы!»
 И не напрасно было заклинанье:
 Судьбы откликнулись на голос твой!..
 Но новою загадкой в изгнание
 Ты возразил на отзыв роковой...

«Эта загадка», как отмечает Аксаков по поводу последних двух строк, разрешилась для Тютчева в положительный «ответ»: дело идет об известных словах Наполеона, сказанных на острове Св. Елены: «dans cinquante ans l'Europe sera révolutionnaire ou cosaque», — «через 50 лет (счет годов не важен) Европа будет или революционной, или оказаченною, т. е. под рукою России...» (Аксаков 1886, с. 223).

⁷³ В 1815 г., после победы коалиции западных государств над Наполеоном, Французская империя была ликвидирована.

⁷⁴ Т. е. в России.

⁷⁵ Империя, объединяющая Россию и православное («греческое» по вере) население западнорусских земель.

⁷⁶ См. прим. 4.

ПУБЛИЦИСТИКА ТЮТЧЕВА В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА 1840-х — НАЧАЛА 1850-х ГОДОВ

Статья Р. Лэйна (Англия) *

Оценке выступлений Тютчева-публициста современной ему зарубежной печатью до сих пор почти не уделялось внимания. Соответствующие материалы оставались невыявленными и неучтенными.

В современной Тютчеву России его публицистические выступления были известны лишь самому узкому кругу лиц. Между тем на Западе в течение двух десятилетий не умолкал отголосок своего рода сенсации, вызванной в конце 1840-х — начале 1850-х годов его политическими статьями, а также отрывками из его частных писем, проникшими на страницы журнальной прессы. Правильное понимание некоторых политических стихотворений Тютчева и их полемических заострений невозможно без знакомства с теми резкими нападками на него, которые имели место в выступлениях западноевропейских журналистов. Тютчев был одним из немногих русских публицистов, печатавшихся за границей на общераспространенном в Западной Европе французском языке. Его непродолжительная деятельность как публициста представляет собой своеобразный, заслуживающий внимания исследователей эпизод в истории идеологических, политических и дипломатических взаимоотношений России и Запада в середине XIX в.

Многочисленные отзывы западноевропейской прессы на открыто полемические статьи и отдельные высказывания Тютчева раскрывают отношение влиятельных журналов того времени к тому, что они ошибочно воспринимали как голос русского правительства до и во время Крымской войны.

Политические взгляды Тютчева, нашедшие отражение в его статьях и письмах, представляют собой уникальное сочетание исторической прозорливости и исторических иллюзий, разумных построений и очевидных предубеждений, реальности и мифотворчества. В каждой из написанных Тютчевым четырех статей ** рассматриваются определенные аспекты текущей европейской политики: русско-германские отношения, революционные события 1848—1849 гг., итапо-папская проблема.

Заметный отклик в западной прессе вызвали главным образом две из этих статей — статья «La Russie et la Révolution» («Россия и Революция») и «La Papauté et la Question Romaine» («Папство и Римский вопрос»). Спор, возбужденный последней статьей, написанной в 1849 г., не ослабевал вплоть до 1858 г.

Можно не сомневаться, что, если бы Тютчев не прекратил в 1850-х годах свою публицистическую деятельность, его имя стало бы широко известно среди европейских журналистов.

Публицистический дебют Тютчева, однако, был скромным. Это короткое анонимное «письмо» о русской армии, напечатанное в 1844 г. в издававшейся в Аугсбурге широко распространенной баварской газете «Allgemeine Zeitung» (вероятно, немецкий перевод с французского подлинника) ¹. Поводом к нему послужила одна статья из цикла «Briefe eines deutschen Reisenden vom Schwarzen Meer» («Письма немецкого путешественника с Черного моря»), опубликованного в той же газете (без подписи). Восьмое «письмо» этого цикла, появившееся

* В своей первоначальной редакции настоящая статья появилась на английском языке в журнале «European Studies Review» (t. I, 1974, № 3). Для настоящего тома «Литературного наследия» статья была расширена и доработана, в частности на материалах, представленных автору редакцией «Литературного наследия».

Перевод с английского выполнен Е. И. Бегининым (под редакцией К. В. Пигарева). Приводимые в статье выдержки из писем Тютчева, его жены Эрнестины Федоровны и ее брата К. Пфелфеля даются в переводе с французского текста подлинников.—
Ред.

² Пятая статья, «Письмо о цензуре» (1857), в настоящей работе не рассматривается.—
Р. Л.

18 марта 1844 г., содержало критику порядков в русской армии на Кавказе. Немецкий автор сообщал в нем, что в России будто бы отдают крепостных в солдаты за такие провинности, которые во Франции считаются вообще препятствием к несению военной службы. Это могло дать читателям повод заключить, что в России сравнительно снисходительно относятся к проступкам, которые во Франции расцениваются как потеря чести и преступление. Однако такое заключение, по словам самого автора «письма», было бы ошибочным, так как русский солдат проводит на действительной военной службе 25 лет в условиях жесточайшей дисциплины.

Эти замечания «немецкого путешественника» вызвали немалую официальную переписку. 19 марта русский поверенный в делах в Мюнхене Виолье заявил протест министру иностранных дел Баварии фон Гизе, который сразу же обратил на этот эпизод внимание министра внутренних дел фон Абеля, а тот, в свою очередь, призвал к большей осмотрительности редактора «Allgemeine Zeitung» и поручил Департаменту цензуры разобраться в этом деле².

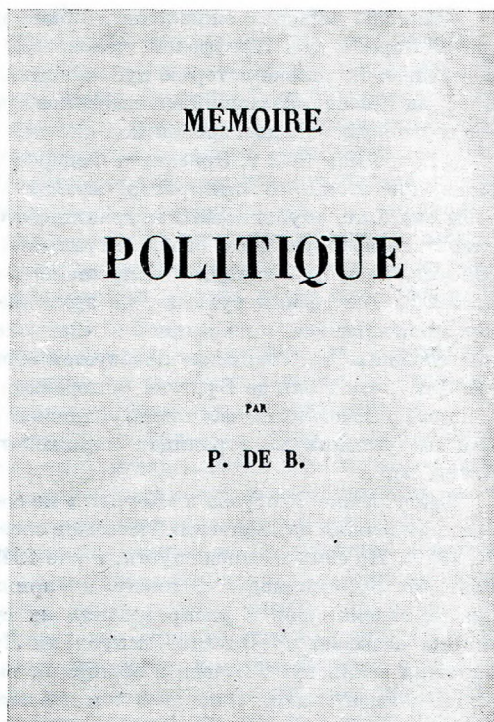
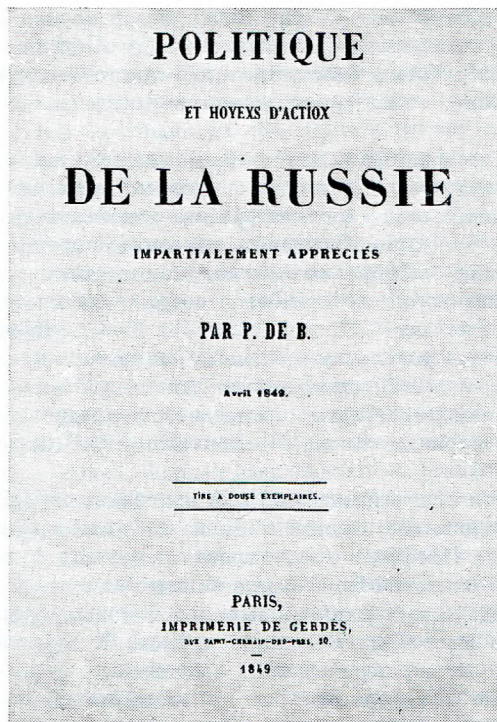
Неизвестно, кому принадлежала инициатива ответа «немецкому путешественнику» — самому Тютчеву или русскому посольству, которое, быть может, предпочло, чтобы опровержение статьи, оскорбительной для русской армии, исходило не от действующего дипломата, а от частного лица, в качестве которого и жил в это время в Мюнхене Тютчев. Как бы то ни было, но Тютчев выступил в защиту русского солдата с такой страстной силой, что в полемическом увлечении заострил высказывание «немецкого путешественника» и, игнорируя упомянутую выше оговорку автора, утверждал, что он прямо уподобляет русских солдат «преступникам», наказываемым военной службой. Редакция газеты сопроводила «письмо» Тютчева примечанием, в котором указывала, что смысл привлечших его внимание строк не дает основания для подобных умозаключений о русском солдате и что автор, с которым он спорит, в полной мере признает выдержку, скромность и мужество русского солдата и далек от мысли равнять его с «каторжником». А через два с половиной месяца газета поместила ответ самого «немецкого путешественника». В нем говорилось: «Уважаемый автор этого письма совершенно неверно понял смысл моей статьи (...) Только полным незнанием немецкого языка можно объяснить столь превратное ее истолкование. Автору письма следовало сначала дать мою статью для перевода человеку, более искусному в немецком, прежде чем выступать с разглагольствованиями, быть может и весьма патриотичными, но безусловно лишёнными логики»³. Действительно, Тютчев признавал, что недостаточно свободно владеет немецким языком⁴. Однако, говоря так, он, по-видимому, подразумевал прежде всего бытовую, разговорную речь, поскольку в той среде, которой он принадлежал во время пребывания в Мюнхене, говорили исключительно по-французски. Переводы же его из немецких поэтов поистине образцовы и свидетельствуют о том, что немецким литературным языком Тютчев вполне владел. Во всяком случае, трудно предположить, что он действительно не понял статью «немецкого путешественника». В ее заостренной интерпретации сказался полемический темперамент Тютчева.

Спор вокруг «письма» Тютчева распространился дальше. Масла в огонь подлила полемика между газетой «Allgemeine Zeitung» и ее старой противницей — «Kölnische Zeitung». Самый факт публикации тютчевского «письма» послужил для последней основанием к обвинению аугсбургской газеты в прорусской направленности. Это голословное обвинение стало возможным потому, что кёльнский орган заведомо игнорировал самый повод, вызвавший выступление Тютчева: ведь если корреспонденция «немецкого путешественника», напечатанные в «Allgemeine Zeitung», вызвали с его стороны такой отклик, то это значило, что в них обнаружилась отнюдь не прорусская, а скорее антирусская тенденция.

Однако главную мысль «письма» Тютчева «Kölnische Zeitung» уловила правильно: это был тезис о будто бы противоречивых чувствах, испытываемых Германией по отношению к России: Германия сознает, что своим освобождением от наполеоновского господства обязана именно России, но чувства благодарности за это не испытывает. Такой взгляд кёльнская газета назвала «ерундой, прямой насмешкой над историей»; в публикации подобных мнений она усмотрела оскорбление германского национального чувства, ибо, как утверждала газета, сама Россия будто бы была спасена от Наполеона народными восстаниями, начавшимися в Пруссии и переросшими в освободительную войну всех германских государств против господства наполеоновской армии⁵. Возмущалась «Kölnische Zeitung» и критикой германской прессы со стороны Тютчева.

В своем ответе аугсбургская газета дала понять, что ее противница допускает элементарную ошибку, отождествляя взгляды автора «письма» со взглядами редактора, и что «Allge-

БРОШЮРА ПОЛЯ БУРГУЭНА «ПОЛИТИКА И ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ»

Париж, 1849

Основное содержание брошюры составляет статья Тютчева «Россия и Революция», напечатанная здесь под заглавием «Записка, представленная императору Николаю одним русским чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел»

Брошюра издана в 12-ти экземплярах

Обложка и Форзац
Bibliothèque Nationale, Париж

meine Zeitung» не менее патриотичный орган германской мысли, чем кёльнская газета ⁶. Polemika между ними продолжалась в течение нескольких месяцев, но «письмо» Тютчева к тому времени было уже забыто.

Не вызвало сколько-нибудь горячего обсуждения, за исключением отдельных высказываний в частных письмах, и второе политическое «письмо» Тютчева. Оно было напечатано в 1844 г., но не в газете, а издано в Мюнхене отдельной брошюрой под заглавием «Lettre à Monsieur le Dr Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle» ^{3*} («Письмо к господину д-ру Густаву Кольбу, редактору „Всеобщей газеты“»). В этой статье, позднее перепечатававшейся под заглавием «La Russie et l'Allemagne» («Россия и Германия») ⁷, Тютчев вновь напоминал немцам об их долге перед Россией за ту решающую роль, которую она сыграла в победе над Наполеоном, и побуждал придерживаться союза с ней в борьбе против революционного движения.

Сенсацию за пределами России произвела его третья статья, или «Записка» («Mémoire»), как значилось в подзаголовке, данном ей при публикации ⁸, — «La Russie et la Révolution» («Россия и Революция»). Она была написана — а точнее продиктована Тютчевым жене Эрнестине Федоровне — под непосредственным впечатлением от западноевропейских революционных событий (закончена 12 апреля 1848 г.). В ней проводилась мысль, что «в современном мире» существуют только две силы: революционная Европа и консервативная Россия. Тут же излагалась известная утопия Тютчева — идея создания славянско-православной Державы под эгидой России.

^{3*} «Gazette Universelle» — все та же «Allgemeine Zeitung». — П. Л.

«Записка» вызвала оживленный обмен письмами между Эрнестиной Федоровной и ее братом Карлом фон Пфеффелем, человеком, причастным к журнальному миру. Переписка их освещает не только историю публикации этой работы и отношение к ней самого Тютчева, но и один эпизод, оказавший значительное влияние на восприятие данного выступления Тютчева со стороны западноевропейской печати.

В конце мая 1848 г. Эрнестина Федоровна послала брату копию «Записки» Тютчева, сообщив при этом, что «император читал и *весьма одобрил*» ее и «даже высказал пожелание, чтобы она была опубликована за границей». Однако ввиду того, что работа Тютчева успела потерять некоторую долю своей актуальности, Эрнестина Федоровна выразила сомнения в возможности ее публикации в «Allgemeine Zeitung»⁹. Пфеффель ответил, что эта газета «ухватится за нее обеими руками», но здесь же изложил некоторые свои возражения против идеи «панславизма», высказанной в «Записке» Тютчева¹⁰. Позже, в октябре 1848 г., Пфеффель сообщил, что «Записка» пользуется огромным успехом у всех, кому он ее показывал, и добавил, что Поль де Бургуэн (в недавнем прошлом французский посланник в Мюнхене, знакомый Тютчева) заказал копию «Записки» и намерен сослаться на нее в своем предполагаемом выступлении на страницах парижского журнала «Revue des Deux Mondes»¹¹ (далее «Revue...»).

Выступление Бургуэна в «Revue...» не состоялось, отказался он и от намерения опубликовать выдержки из «Записки» Тютчева в своей книге «Les Guerres d'idiome et de nationalité» (Р., 1849). Но семь месяцев спустя, в мае 1849 г., Пфеффель информировал Эрнестину Федоровну, что Бургуэн издал «Записку» в Париже отдельной брошюрой в количестве всего двенадцати экземпляров и распространял их среди самых влиятельных лиц Парижа, среди которых называет президента Республики Луи Наполеона Бонапарта и Тьера¹². Бургуэн напечатал «Записку» Тютчева в обширных выдержках, перемежая их собственным полемическим комментарием. Однако в том же письме Пфеффель отметил, что комментарий этот содержал «очень много лестного» для русского автора, имя которого тем не менее не было названо; здесь же Пфеффель высказал предположение, что Бургуэн выпустил эту брошюру не без расчета на улучшение своей дипломатической карьеры.

«Записка» Тютчева была опубликована не только без ведома автора и без его имени, но и с подзаголовком, который Бургуэн сам для нее придумал: «Записка, представленная императору Николаю после Февральской революции одним русским, чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел»¹³. Свое решение напечатать «Записку» русского автора Бургуэн мотивировал необходимостью довести до сведения политических лидеров Французской республики этот документ, который «весьма точным образом определяет настроения Санкт-Петербургского кабинета» и является, по мнению Бургуэна, «своего рода манифестом (правда, чисто теоретическим)», выражающим позицию России по отношению к революционным событиям в Западной Европе¹⁴. Бургуэн утверждал, что это произведение «если и не санкционировано, то по крайней мере секретно разрешено русским правительством» (с. II), с «молчаливого согласия» которого и «было направлено в первых числах октября для немедленной публикации в одном из важнейших городов Германии» (с. IV)¹⁵. К моменту выхода брошюры Бургуэна «Записка» еще не была опубликована в Германии, тем не менее она уже приобрела там, по выражению того же Бургуэна, «полугласность», поскольку широко распространялась среди германских политических деятелей в копиях (с. V). Это дало Бургуэну основание заявить: «При настоящем положении дел, вооруженный к тому же если и не формальным разрешением, то неофициальным согласием¹⁶, я не вижу никаких препятствий к частичной публикации этого документа, которому самой судьбой предназначено появиться в немецких и французских газетах в полном виде» (с. V). Бургуэн не скрывал своего восхищения «бывшим коллегой по дипломатической службе»: он писал, что «Записка» — «труд одного из самых искусных и осведомленных чиновников той русской Канцелярии, где сформировалось (...) столько выдающихся дипломатов, столько политических редакторов, посвященных во все тонкости нашего языка»; далее он называет автора «Записки» «смелым и дерзким антагонистом» Февральской революции, а его «панславизм» «исполинскими бреднями» («rêverie gigantesque», с. I, VI, XVI).

Брошюра Бургуэна, содержащая «Записку» Тютчева, появилась в мае 1849 г., а приблизительно через месяц Пфеффель сообщил сестре об отзыве на нее в «Revue...», а также о том, что в «Allgemeine Zeitung» были опубликованы обширные выдержки из этой «Записки» Тютчева в переводе на немецкий язык¹⁷. В обоих случаях «Записка» фигурировала под наз-

ванием, которое дал ей Бургуэн. В том же письме Пфеффель спрашивал, не считает ли Тютчев нужным послать в «Revue...» опровержение с тем, чтобы «исправить неверные утверждения Бургуэна» и устранить неблагоприятное впечатление, которое создавалось заглавием «Записки»; он спрашивал также, не хочет ли его зять, чтобы «Записка» была опубликована полностью на страницах «Revue...» и намеревался в этом случае просить историка Б. Герара послать копию полного ее текста (которым тот располагал) в редакцию этой газеты. Эрнестина Федоровна ответила, что Тютчев не испытывает никаких собственных чувств по отношению к своим произведениям и не видит необходимости ни разбираться в том, что произошло с его «Запиской», ни требовать опубликования полного ее текста; по поводу же заглавия «Записки» писала, что сама она считает его «весьма нескромным», однако муж ее полагает, что «этим можно пренебречь»¹⁸. Но сделать это, как мы увидим далее, оказалось не так просто.

Упомянутый выше отзыв на «Записку» Тютчева появился 2/14 июня 1849 г., приблизительно через месяц после выхода брошюры Бургуэна, где она была напечатана. Отзыв принадлежал перу французского публициста Э. Форкада, который так охарактеризовал содержание «Записки»: «Новые мистические соображения, несколько важных и оригинальных прозрений». Форкад счел появление «Записки» в западноевропейской печати скорее «ловко рассчитанной неосторожностью» (равнозначно современному понятию «нарочитая утечка информации»), чем результатом частной инициативы, не санкционированной петербургским кабинетом. Можно полагать, что к такому выводу Форкад пришел не без влияния того заглавия, которое дал «Записке» Тютчева Бургуэн. Рассматривая «Записку» как «чуть ли не официальный документ» (*un document quasi-officiel*), он приходит к выводу: «Мы видим в ней (...) собственно манифест московского панславизма, его формулу, если и не четкую и ясную, то, по крайней мере, набросанную так, чтобы быть узнаваемой». В статье Форкада приводятся многочисленные цитаты и парафразы из «Записки» Тютчева. В заключение обозреватель «Revue...», оценивая изложенные Тютчевым проекты, утверждает, что не следует позволять России добиваться осуществления ее целей в отношении балканских славян, так как освобождение их угрожает единству Западной Европы.

В следующем месяце разбор «Записки» Тютчева появился в журнале «Historisch-Politische Blätter für das katholische Deutschland»¹⁹ (далее «Blätter...»). Автором этого неподписанного отзыва был, как сообщил Эрнестине Федоровне Пфеффель, некий Карл Йарке²⁰. По мнению Йарке, «Записка» не случайно появилась в то время, когда Россия оказывала помощь Австрии в подавлении Венгерской революции. Автора этого критического отзыва в первую очередь интересуют три вопроса: определение Тютчевым революции, его отношение к попыткам объединения Германии и антикатолическая направленность его выступления. Йарке полагает, что немцам надлежало бы стыдиться того, что антихристианскую сущность революции впервые охарактеризовал русский автор. Он возражает против тютчевской мысли, что Германия — страна «разрушительной философии», указывая на то, что долгое время литература была единственным связующим звеном между разрозненными германскими народами. Йарке добавляет, что русскому автору следовало бы познакомиться и с той Германией, которая ненавидит «разрушительную философию». В качестве подтверждения антикатолической направленности «Записки» Тютчева цитируется шестнадцать строк, в которых католическая церковь обвиняется в отступничестве от христианских заповедей. Свою защиту католицизма Йарке превращает в нападение на православие, обвиняя его в тех же грехах, в которых Тютчев обвинял католицизм.

В «России и Революции» Тютчев высказал предположение, что гуситство, являвшееся почти национальной религией Богемии, сродни православию. Йарке оспаривает эту мысль Тютчева следующим образом: «Если бы он более тщательно изучил *политический* характер ложного учения Гуса и его учителя Уитклифа, он бы с удивлением узнал в нем вполне современное якобинство в одежде четырнадцатого века. Аксиома „враг моего врага — мой друг“ ведет в России к таким же опасным последствиям, как и в любом другом месте»²¹.

Таковы две различные реакции на «Записку» Тютчева. Форкад в «Revue...» заподозрил в ней угрозу единству Западной Европы, тогда как Йарке в «Blätter...» ухватился за антикатолицизм, действительно присутствующий, хотя еще и в зачаточном состоянии, в тютчевской «Записке».

В дальнейшем сопряжение политической проблематики с проблематикой исторических судеб двух главных христианских религий — католицизма и православия — обрушило бурю

на голову Тютчева. Произошло это вслед за появлением его четвертой статьи — «Папство и Римский вопрос» (далее «Папство...»).

Заключающий эту статью намек Тютчева на то, что однажды российский император появится в Риме как законный глава вселенской христианской церкви (причем намек, сделанный в период, когда возник интерес к воссоединению католической и православной церквей), казался странно несоответствующим такому интересу. Если же этот намек был рассчитан на то, чтобы вызвать антагонизм в данном вопросе, то успех был достигнут.

Как и в случае с «Россией и Революцией», фрагменты переписки между Эрнестиной Федоровной и Пфеффелем, публикуемые в настоящем томе, драгоценны, поскольку проливают свет не только на участие последнего в опубликовании «Папства...», но и на ту роль, которую он невольно сыграл в истории восприятия этой статьи на Западе. Эрнестина Федоровна послала рукопись статьи брату, чтобы тот опубликовал ее в том виде, в каком сочтет необходимым; она предсказывала, что статья вызовет «великое негодование» в западном мире, который в большинстве своем был католическим, и сообщала, что Тютчев пожелал сохранить свое «динкогнито»²². Пфеффель ответил, что поспешит направить статью в «Revue...», где ее «несомненно примут как замечательную находку» и что он намерен также передать копию статьи Карлу Йарке²³.

1 января 1850 г. статья Тютчева появилась на страницах «Revue...» под заглавием «La Papauté et la Question Romaine au point de vue de Saint-Petersbourg» («Папство и Римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга»), без указания имени автора²⁴.

Поскольку сенсация, вызванная этой статьей, объяснялась тем, что она была воспринята как официальное выражение точки зрения «Петербурга», необходимо разобраться в одном, связанном с этим фактом эпизоде, касающемся Пфеффеля. Эпизод этот, в сущности, повторяет историю публикации предыдущей «Записки» Тютчева с вымышленным заглавием, данным ей Бургуэном, и его же комментарием, которые еще недавно так смуглили Пфеффеля. 6 января 1850 г. он с тревогой сообщил сестре, что, публикуя «Папство...», редакция «Revue...» воспроизвела в предисловии «нескромные намеки», ранее сделанные Бургуэном при публикации статьи «Россия и Революция», и сделала это, несмотря на то, что, посылая в «Revue...» статью Тютчева, Пфеффель в сопроводительном письме настаивал на неофициальном ее характере; он тут же процитировал (не вполне точно) слова, «шокировавшие» его: «Следовало бы перечитать то, что мы сказали в июньском выпуске по поводу „Записки“ о современном положении в Европе, представленной императору Николаю одним русским дипломатом». Пфеффель добавлял, что просил редактора «Allgemeine Zeitung» Кольба в случае, если тот намерен опубликовать в своей газете рецензию на статью Тютчева, опустить это одиозное, или, по крайней мере, двусмысленное примечание редакции «Revue...», о том же он писал и Йарке²⁵. Действительно, в письме к Кольбу от 5 января 1850 г., недавно обнаруженном нами, Пфеффель разъясняет: слова, о которых идет речь, «могут скомпрометировать автора (т. е. Тютчева. — Р. Л.), о чем я очень сожалел бы, тем более, что обе „Записки“ стали известны через меня, а упоминание (об их будто бы полуофициальном происхождении. — Р. Л.) явилось следствием неосторожности одного из друзей (господина де Бургуэна)»²⁶. Однако «неосторожность» была допущена самим Пфеффелем, и она долго терзала его. Это видно из его воспоминаний о Тютчеве, написанных 25 лет спустя после событий, о которых идет речь²⁷.

Беспокойство Пфеффеля, судя по ответу Эрнестины Федоровны, было вполне обоснованным: она писала, что его сообщение несколько встревожило Тютчева, однако выражала надежду, что Тютчеву удастся убедить соответствующие круги Петербурга в том, что сделанное редакцией «Revue...» одиозное добавление к заглавию статьи («... с точки зрения Санкт-Петербурга») ему не принадлежит²⁸. Для него в самом деле все обошлось без каких-либо неприятных последствий.

Экскурс в историю публикации «Папства...» проливает свет на то случайное обстоятельство — неосторожное замечание Пфеффеля, в свое время не понятое или умышленно неверно истолкованное Бургуэном, которое сыграло большую роль в том, что Тютчев предстал перед Западом в качестве квазиофициального журналиста, и это сразу привлекло к его выступлениям большое внимание и выдвинуло его на передний край европейской публицистики. К этой теме мы еще вернемся в последующем рассказе о том, как статьи Тютчева были восприняты западной прессой.

Дальнейшая переписка Пфеффеля с сестрой открывает нам, какой большой интерес вызвало «Папство...» в Париже и Петербурге. В начале января 1850 г. Пфеффель переслал

REVUE
DES
DEUX MONDES

TOME CINQUIÈME

—
VINGTIÈME ANNÉE. — NOUVELLE PÉRIODE
—

PARIS
AU BUREAU DE LA REVUE DES DEUX MONDES
RUE SAINT-BENOÎT, 20.
—
1850.

LA PAPAUTÉ

LA QUESTION ROMAINE

AU POINT DE VUE DE SAINT-PÉTERSBOURG.

Il y a quelques personnes en France qui se préoccupent de la destinée de l'église grecque, et qui comprennent que, depuis que cette église a son siège principal à Moscou et non plus à Constantinople, elle a, par la force des choses, une part de la puissance de la Russie, au lieu d'avoir une part de la faiblesse de la Grèce. Si ces personnes lisent le mémoire suivant, elles verront leurs appréhensions justifiées d'une manière bien curieuse, et elles trouveront qu'elles avaient plus raison qu'elles ne le croyaient d'avoir peur de cette rivalité nouvelle que les événements suscitent au catholicisme et à la papauté. Nous ne voulons pas aujourd'hui faire l'histoire de l'église grecque depuis le concile de Florence, au xe siècle, depuis son abatement sous le joug des Turcs, et signaler sa longue éclipse; nous voulons seulement, à l'aide du mémoire que nous publions, mettre en lumière son ambition nouvelle. Cette ambition, que nous ne blâmons pas, est grande; elle est digne d'une église, puisqu'elle est toute spirituelle, c'est-à-dire qu'elle prétend avoir le dépôt de la vérité religieuse et morale, quoiqu'en même temps cette ambition, remarquons-le bien, ait le caractère particulier de l'église grecque, je veux dire le penchant à s'appuyer sur le pouvoir temporel, et à le servir plus encore qu'à s'en servir, comme le fait volontiers l'église catholique. L'église grecque, en effet, n'est ambitieuse à l'heure qu'il est que parce que la Russie est puissante, elle n'a de prétentions que par contre-coup.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ «ПАПСТВО И РИМСКИЙ ВОПРОС»
«Revue des Deux Mondes», том V, 1 января 1850 г.

Подзаголовок («С точки зрения Санкт-Петербурга») дан редакцией журнала
Титульный лист журнала и начало статьи

сестре письмо, полученное им от редактора журнала «Revue...» Франсуа Бюлоза. Письмо это, датированное 3 января 1850 г., было очень лестным для Тютчева. В нем, в частности, говорилось: «Надеюсь, что автор, писатель с очень большим дарованием, владеющий с поразительной силой нашим языком, извинит мне предосланные его „Записки“ оговорки. „Revue“ не могло принять этой статьи без такого предисловия. Прошу вас соблагovolить передать автору это объяснение и одновременно чувство восхищения, питаемого мною к силе и точности его мысли». Бюлоз заканчивает уверением, что «русский писатель будет всегда с радостью принят» в его издании и таким образом «станет, быть может, проводником в Западной Европе идей и настроений, одушевляющих его страну и его правительство. Что же касается „Revue“, то (...) оно будет в восторге служить таким путем духовным посредником между двумя великими странами»²⁹.

Несколькими неделями позже Эрнестина Федоровна сообщила брату, что Тютчев был «глубоко тронут» письмом Бюлоза и той «широтой», с какой «редакция „Revue“ отнеслась к его идеям, а также радушием, с которым она предоставила этим идеям место на страницах своего журнала, столь широко известного и столь уважаемого во всех странах»³⁰. Судя по словам Эрнестины Федоровны, сказанным в том же письме, именно этим обстоятельством — публикацией своей статьи в «Revue...» — Тютчев был склонен объяснять ее «огромный успех в Петербурге» и полагал, что предисловие, напечатанное в журнале, «расставило точки над и в отношении намерений, которыми было продиктовано его произведение».

На первый взгляд такое суждение кажется довольно неожиданным, ибо предисловие, о котором идет речь, было очень полемическим. Оно принадлежало перу того журналиста, который впоследствии стал самым последовательным и неутомимым антагонистом Тютчева, — перу воинствующего католического публициста Лоранси. Он прямо вводит читателя в главную проблему, поставленную Тютчевым: какая церковь является схизматической — римско-католическая или греко-славянская, православная? Окончание тютчевской статьи Лоранси

называет «словесным выражением тщеславия и снесь греческой церкви, или, скорее, императора, из которого она делает одновременно и цезаря, и святого Петра». Лоранси считает Тютчева представителем целой школы русской мысли и берется проследить, как «та самая школа, вождем которой некогда был г-н де Местр, а евангелием — доктрина, изложенная в его сочинении „О папе“, мало-помалу посредством известной национальной логики, дошла наконец <...> до признания того, что истинным папой является царь»³¹.

Лоранси продолжил свою полемику с Тютчевым в отзыве на «Папство...», напечатанном в журнале «L'Autorité»³². Лоранси признает талантливость автора «Папства...», «человека несомненно выдающегося ума, чей язык обнаруживает привычку к духовно-нравственному размышлению». Он говорит об его «уме, высоком и спокойном», о «речи, полной значения и надежды». Приведя краткое резюме статьи Тютчева, Лоранси приходит к заключению, что «это — несомненно новая теория единства», «блестящая противоположность теориям христианского единства, изложенным г-ном де Местром». По мнению Лоранси, русский автор «с отважной ясностью и неопровержимой определенностью» указал на недостатки Запада, но при этом несправедливо взвалил всю вину за них на Ватикан. С точки зрения Лоранси, статья Тютчева двойственна: она проникнута, с одной стороны, христианско-православным духом, а с другой — протестантским и еретическим. «В ней одновременно обнаруживается смесь здравого смысла и заблуждений, любовь к истине и боязнь истины. Христианин по складу своего мышления, этот государственный деятель совсем не таков в своей доктрине: его логика противоречит его намерениям». Два года спустя эта статья Лоранси вошла в его книгу «La Parauté. Réponse à M. de Tutcheff» («Папство. Ответ г. Тютчеву»; об этой книге мы скажем ниже).

В статье Лоранси было использовано обращенное к Тютчеву письмо, автором которого был не кто иной, как Пфеффель. Это письмо, датированное ноябрем 1849 г. (еще до появления «Папства...» в печати), развивает критику основных положений статьи Тютчева, наменную в первом же письме Пфеффеля к сестре, написанном им после получения рукописи «Папства...»³³.

Пфеффель обвиняет Тютчева в том, что он создал «произведение, с начала до конца отмеченное печатью „протестантизма“». «Пользуясь образом, созданным в вашей „Записке“, — писал Пфеффель, — можно сказать, что вы вооружились обоюдоострым мечом, который одним ударом разит и тех, за кого вы боретесь, и тех, на кого вы нападаете <...> Среди выдвигаемых вами аргументов против Римской церкви нет ни одного, который нельзя было бы обратить против церкви Русской». Пфеффель, в частности, не соглашается с точкой зрения Тютчева на то, что светская власть папы привела папство на край революционной пропасти. Он утверждает, что именно благодаря этой власти католицизм смог сохранить свое положение, несмотря на Реформацию, англиканство и абсолютизм Людовика XIV. В заключение Пфеффель заявляет: «Вы боретесь не только с католической доктриной, но <...> восстаете против истории и против вашего собственного православия, утверждая несовместимость мирского и духовного начал и вынося смертный приговор власти, объединяющей оба эти начала, по вашему мнению непримиримые». В глазах Пфеффеля «Записка» Тютчева только подтверждает точку зрения Жозефа де Местра, высказанную в его книге «О папе»: «Ни один русский не смог бы писать против этой (католической. — Р. Л.) церкви, не доказав тем самым, что он протестант»³⁴. Отзывы Пфеффеля и Лоранси о «Папстве...» принадлежали к числу наиболее пронципальных.

Примечательна реакция парижского общества на появление статьи Тютчева. 16 января 1850 г. А. О. Россет писал из Петербурга А. О. Смирновой: «...статья Тютчева <...> наделала шуму в Париже, а теперь все ее здесь читают»³⁵. 14/26 февр. того же года П. А. Плетнев сообщал П. А. Вяземскому, что в Петербурге эта статья «составляет модный разговор общества»³⁶, а в апреле Пфеффель написал Эрнестине Федоровне, что «в Париже продолжают интересоваться этой статьей»³⁷.

Одним из первых отзывов на «Папство...» была анонимная статья в газете «Le Constitutionnel» от 7 января 1850 г.³⁸, Обзореватель газеты разъясняет идеи, выраженные в статьях «Россия и Революция» и «Папство...», усматривая в них «фанатическую преданность императорской воле». Считая, что успехи России в Восточной Европе неотвратимы, ибо Запад потерял веру и сплоченность и ему нечего противопоставить монолитному единству русского колосса, обзореватель критикует верховное руководство западной церкви, не прилагающее достаточных усилий, чтобы защитить католицизм.

Мрачные прогнозы обозревателя этой газеты сразу же были подвергнуты сомнению брюссельской газетой «L'Indépendance Belge»: «В утверждениях „Le Constitutionnel“, — писала она, — несомненно есть доля истины, но, по нашему мнению, он преувеличивает ту роль, которую царь может быть призван сыграть как pontifex за пределами своей империи»³⁹.

Другой газетой, вступившей в спор с «Le Constitutionnel», была «L'Univers». Она обвинила «Le Constitutionnel» в том, что он предоставил свои страницы для прославления России, ее религии и ее «императора-самодержца-пontiфекса»⁴⁰. Вскоре же последовал ответ: «Le Constitutionnel» упрекал «L'Univers» в клевете и отводил от себя упрек в какой-либо солидарности с взглядами русского публициста⁴¹.

Принял участие в полемике и католический журнал «L'Ami de la Religion». В нем была помещена заметка, порицающая «Le Constitutionnel» за критику Ватикана⁴². Через четыре дня в том же органе была опубликована статья Ф. де Шампаньи об угрозе католицизму со стороны России. Хотя статья Тютчева в ней и не упоминается, но полемическая направленность против нее французского журналиста очевидна. Греческая церковь, предоставленная самой себе, в состоянии упадка и обветшания, без сомнения, не являлась бы опасным противником для католицизма, — такова мысль Шампаньи. Но, «став достоянием царей, их орудием и служанкой», она получает поддержку со стороны светской власти, «столь необходимую для всех лжерелигий». Шампаньи призывает приложить как можно больше усилий для обращения славян в католицизм⁴³.

Если учесть, что все указанные печатные отклики на статью «Папство...» появились в первой половине января 1850 г., а номер «Revue...», в котором была напечатана эта статья, помечен 1 января, то понятным становится приведенное выше свидетельство А. О. Россет в письме к А. О. Смирновой от 16 января об остром интересе, который вызвала тогда статья Тютчева.

Полемике между «Le Constitutionnel» и «L'Ami de la Religion» о будущности католического мира продолжалась и тогда, когда статья Тютчева сама по себе была временно забыта. Тютчев имел основания быть довольным: его цель показать, что в отношении к поставленным им вопросам Запад непоправимо раздроблен, а Восток един, была таким образом достигнута.

Едва затихшую дискуссию по поводу статьи Тютчева вскоре, однако, возобновил журнал «L'Ami de la Religion», опубликовавший в нескольких номерах пространное выступление А. Кошена («L'Eglise catholique jugée par un diplomate russe et par un ministre anglican») («Католическая церковь перед судом русского дипломата и англиканского пастора»). К Тютчеву относится первая часть этого выступления. Называя статью «Папство...» «весьма любопытным сочинением», «замечательным документом», «простодушным и величавым», обозреватель журнала считает этот документ прежде всего произведением «русского дипломата». Вместе с тем Кошен утверждает: «Но нет необходимости в длительной дискуссии, чтобы показать, сколь неточны суждения анонимного автора как о состоянии современных обществ, так и о самом духе церковной истории». Тютчевские проекты не вызывают у французского публициста сочувствия. Он отвергает его философию истории и, впадая в риторический тон, восклицает: «Что я говорю? Нужно ли здесь входить в какие-либо обсуждения и не достаточно ли просто как христианину и как французам заявить протест!» Подобно Тютчеву, Кошен верит в будущее примирение церквей, но на иной основе, чем «русский дипломат», — на основе Рима. В этом отношении позиции двух авторов были диаметрально противоположны: Тютчев считал, что «именно Римская церковь, отделившись от церкви Русской»^{4*}, отказалась от правосерия». Кошен убежден в обратном. Отсюда и иной путь воссоединения: «Католическая церковь еще достаточно сильна на Западе, чтобы не быть вынужденной отдаться в руки России, которую, к тому же, она готова принять в свои»⁴⁴.

Точка зрения Кошена разделялась автором статьи, озаглавленной «Le despotisme russe» («Русский деспотизм»), напечатанной в газете «Le Correspondant». Статья принадлежала публицисту А. Доже. Он отдавал должное «серьезному и торжественному тону обсуждения, возвышенной и глубоко справедливой оценке политического положения Европы», содержащейся в статье Тютчева о папстве и обнаруживающей «многоопытный в государственных делах ум». Но он энергично возражал против главного положения своего анонимного противника (в по-

^{4*} В данном случае слово «Русской» выступает в качестве синонима «восточной» или «православной». — Р. Л.

стскриптуме он ошибочно приписал авторство статьи Д. Н. Блудову): «...это вовсе не мы могли отделиться ^{5*} <...> а это вы <...> отошли от Рима» ⁴⁵.

Дискуссия приняла новое направление, когда в нее включился прежний коллега Тютчева по Русской миссии в Мюнхене, а теперь эмигрант и священник ордена иезуитов И. С. Гагарин. Он отказывается расценивать «Папство...» как «ловко рассчитанную неосторожность» петербургского кабинета и рассматривает эту статью в ином свете: «Мы видим здесь появление в литературном мире того, что, за отсутствием более точного определения, назовем *московским пьювезизмом* ⁴⁶, ибо существует в России, и преимущественно в Москве, нечто такое, что не является ни религиозной сектой, ни политической партией, ни философской школой, но содержит в себе все это понемножку. Это котерия, если хотите, но котерия, имеющая свои мнения, свои тенденции — политические, религиозные, философские; она их развивает, распространяет, и, кажется, пришло время ими заняться. *Русский дипломат* — приверженец или эхо этой котерии; он смело формулирует ее доктрины перед европейской публикой». Гагарин имеет в виду идеи московских славянофилов (хотя Тютчев отнюдь не был приверженцем всех этих идей); он поясняет, что выбрал для их обозначения наименование «московский пьювезизм» потому, что эта «котерия» исповедует одинаково глубокое отвращение и к протестантизму, и к католицизму. Заканчивая свое краткое изложение и возвращаясь к статье о папстве и римском вопросе, Гагарин утверждает: «Эта точка зрения, достоинством которой является неоспоримая оригинальность, весьма ясно определена в разбираемой нами статье». Гагарин справедливо усматривает ликующие ноты в тютчевском утверждении (имя Тютчева он, впрочем, нигде не называет), что, порвав с православной традицией вселенской церкви, Рим вызвал как собственный упадок, так и упадок Запада в целом. Гагарин называет это утверждение «радостным возгласом варвара» («се cri de joie tartar»). Окончание статьи Тютчева он расценивает как «хаос ложных идей и туманных выражений». Затем Гагарин возвращается к «московской школе», излагая ее вражду к Петру I. Он также обращает внимание на то, что называется им «внешней политической московской школы», отождествляя ее с панславизмом и ксенофобией. Его изложение взглядов «котерии» на европейские революции и будущее призвание славянских народов удостоверяет, что Гагарин читал также тютчевскую статью «Россия и Революция». Он заканчивает так: «Мы сочли полезным несколько подробно изложить мнения московской школы, чтобы показать, насколько связана с нею статья в „Revue des Deux Mondes“, и тем самым дать возможность лучше оценить значение этих странных доктрин» ⁴⁷.

Знакомством с политической концепцией автора статьи о папстве и римском вопросе отмечена одна из книг фюрериста Д. Лавердана «Socialisme catholique. La déroute des Césars. La Gaule très chrétienne et le czar orthodoxe» («Католический социализм. Поражение цезарей. Христианнейшая Галлия и православный царь»). Изложенному в статье Тютчева пониманию русского самодержавного строя он противопоставляет определение его как «лихорадочного торжества человеческого я», как абсолютной монархии, «ограниченной удавкой» («tempérée par la strangulation») ⁴⁸.

Самое энергичное опровержение «Папства...» принадлежало перу Ж.-Б. Островского, польского эмигранта, жившего в Париже. Оно содержалось в обширном и тенденциозном разборе, выпешдем на польском языке в Познани (здесь впервые имя Тютчева, хотя и в искаженном виде — Taszew, — появилось в печати в связи с его публицистикой) ⁴⁹. Вкратце резюмировав содержание статьи «Россия и Революция», Островский приводит пространные парафразы и цитаты из статьи «Папство...» и остро полемизирует при этом с автором статьи — «теологом-дипломатом». Он вернулся к полемике с Тютчевым в еще более обширной статье, посвященной обсуждению общих вопросов взаимоотношений России с Польшей; однако он почти не ссылаясь здесь прямо на Тютчева ⁵⁰. В следующем году Островский объединил обе свои статьи, добавил новый материал и издал их в виде книги на французском языке — «La Russie considérée au point de vue européen» («Россия, рассматриваемая с европейской точки зрения»). Он представил здесь Тютчева под искаженным именем «Taszczew», замечая: «Нельзя отказать этому писателю в искренности и в тонкой сноровке, которая составляет отличительную черту московского ума». Излагая «Папство...», Островский определяет идеологию Тютчева как «политический пантеизм». Отрицательно характеризуя мифотворческую миссию России, как она предстает в тютчевских статьях 1849—1850 гг. («иллюзии» России), автор

^{5*} Подразумевается: от единства христианской церкви. — Р. Л.

вместе с тем признает, что в идеях Тютчева «несомненно таится и своего рода величие, и известная доля истины»⁵¹.

В марте 1851 г. Островский обратился с письмом по поводу «Папства...» к известному французскому историку Ж. Мишле⁵². За этим последовала их личная встреча, во время которой Островский показал Мишле одну из своих рукописей и познакомил его с именем Тютчева (опять в искаженном виде) и со статьей «Папство...»⁵³. Под влиянием статьи Островского Мишле написал свой горький этюд «Les Martyrs de la Russie» («Мученики России») ⁵⁴, одна из глав которого посвящена декабристам. Мишле, как и некоторые другие французские публицисты, без оснований считал, что автор «Папства...» всего лишь «писец», преданно следующий велениям Николая I, «царский рупор», «секретарь властительного господина», «один из его рабов», «его агентов, обрабатывающих главнейшие органы европейской прессы» и т. п. Статья Тютчева характеризуется как «непрямая, но очень ясная и очень достоверная (...) мистическая и благочестивая» форма императорской пропаганды. Мишле обращает к Тютчеву его же слова, несколько их перефразируя: «Против кого направлен этот крестовый поход? против демократического индивидуализма (...) Но что такое сам царь и русское правительство? Это индивидуализм». Историк противопоставляет друг другу две формы индивидуализма: с одной стороны, французский республиканский, с другой — русский самодержавный. «Если республиканское я (*le moi républicain*) — беспокойно, мятежно, преисполнено суевы, то это беспокойство плодотворно, эта тревожная суевы производительна (...) Царизм — это тоже индивидуальное я (*le moi individuel*), но что же он производит?» Мишле обвиняет Николая I в желании стать божеством, приводя в доказательство заключительные строки статьи Тютчева, в которых описывается посещение царем собора св. Петра в Риме. Слова: «Распростертый царь был не один там...» — получают в интерпретации французского историка уничтожающую памфлетную окраску. С возрастающим пафосом заканчивает Мишле свою филиппику словами, имеющими в виду Францию великих идей 1789 года: «Охранительница Новой церкви, она остановит на пороге этого адского Мессию, приходящего во имя Бога. Убийца дела Господня, Его живого творения, что намерены вы делать здесь? Возникает новый мир, мир человечности и справедливости. Франция стоит на пороге, и вам не ступить далее. Она говорит повелительно: „Вы не войдете!“»⁵⁵.

Однако самым упорным антагонистом Тютчева показал себя Лоранси, о котором мы уже говорили выше. Наступление, начатое им в предисловии к публикации статьи Тютчева в «Revue...», он, как было сказано, развил в специальной статье на страницах журнала «L'Autorité»⁵⁶. Двумя годами позже, в 1852 г., эта статья вошла в книгу Лоранси «La Parauté. Réponse à M. de Tutcheff». Так было впервые правильно названо имя публициста, вызвавшего столь длительный спор. В этой книге статья, написанная в 1850 г. и включавшая упомянутое письмо Пфеффеля, занимала первые 64 страницы, а в остальном обширном тексте имя Тютчева встречается всего три раза⁵⁷. Хотя Лоранси немного добавил к тому, что он написал два года назад, самый факт, что спору с Тютчевым он посвятил целую книгу, служил как бы формальным признанием значения мысли русского публициста и привлек к нему внимание более широкого круга читателей.

Еще через два года, в июле 1854 г., Пфеффель послал Тютчеву заметку Лоранси, в которой высказывалось предположение, что Тютчев в качестве «советника императора Николая» мог бы содействовать решению вопроса об объединении церкви Восточной и Западной⁵⁸. Получив эту заметку, Тютчев писал жене: «Я очень хотел бы услужить твоему брату, написав ему несколько фраз, как бы ответ на заметку этого добрейшего г. Лоранси, еще более глупого, чем полагается быть французу, но ввиду происходящего кризиса мне стало физически невозможно говорить»⁵⁹.

В следующем году Тютчев подвергся еще одной атаке на страницах католической прессы. Журналист П. Дуэр в пространной статье доказывал, что православная церковь препятствовала всем попыткам Рима достигнуть сближения с нею⁶⁰.

С неожиданной поддержкой Тютчева выступил известный русский мыслитель, так же, как и он, написавший свою брошюру на французском языке и напечатавший ее за границей. Она вышла в Париже в 1853 г. под заглавием «Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales, à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie» («Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях, под поводу брошюры г. Лоранси»). Автор скрылся под псевдонимом Ignotus⁶¹. Это был А. С. Хомяков.

⁶¹ Неизвестный (лат.).

TABLE.

	pages.
I. L'autorité du pape. Unité chrétienne.	1
II. L'autorité du Pape. Lien des Etats. L'orient et l'occident.	65
III. La Papauté. But de toutes les attaques. Centre de toutes les défenses.	135

SAINT-CLOUD. — IMPRIMERIE DE BELIN-MANDAR.

LA PAPAUTÉ,

RÉPONSE

A M. DE TOUTCHEFF.

Conseiller de Sa Majesté l'Empereur de Russie.

PAR M. LAURENTIE.

PARIS,

LAGNY FRÈRES, ÉDITEURS,

RUE BOURBON-LE-CHATEAU, 1.

1852.

КНИГА ПЬЕРА ЛОРАНСИ «ПАПСТВО, ОТВЕТ Г-НУ ТЮТЧЕВУ»

Париж, 1852

Титульный лист и оглавление

Библиотека Британского музея, Лондон

Самой статьи Тютчева, вызвавшей брошюру Лоранси, Хомяков, по существу, не касается, хотя, по-видимому, не во всем был с ней согласен. Упомянув, что в статье, «писанной, как кажется, русским дипломатом г. Тютчевым, указано на главенство Рима и в особенности на смешение в лице епископа-государя интересов духовных с мирскими как на главную причину, затрудняющую разрешение религиозного вопроса на Западе», Хомяков добавляет: «Я оставляю в стороне вопрос о том, успел ли г. Тютчев в статье своей, достоинства которой кажутся, впрочем, неоспоримыми даже его критику, выразить мысль свою во всей ее широте, и не смешал ли он, до некоторой степени, причины болезни с ее симптомами»; Хомяков не берет на себя задачу ни защищать, ни критиковать своего соотечественника и, вступая в спор с Лоранси, предупреждает, что не будет переступать «пределов религиозного вопроса»⁶¹. Имя Тютчева в брошюре Хомякова больше не фигурирует ни разу.

Сам Тютчев ни разу не вступал в спор, возникший в связи с появлением в печати его статей. Но, по мере углубления Восточного конфликта — предшественника Крымской войны, эти его статьи приобрели новое, как бы пророческое значение. В апреле 1854 г. Э. Форкад напомнил о них как об «одном из самых любопытных явлений, приоткрывшем нам ту работу мысли, которая шла, неведомо для Европы, среди избранных умов России». Статью о Римском вопросе он называет «необыкновенно примечательной». Форкад развивает мысли, высказанные им четырьмя годами ранее: «Он (Тютчев. — *Р. Л.*) в высшей степени обладает талантом умелого изложения и тонкой аргументации, искусством выражать изощренные мысли и облечь в благовидную форму рискованные мнения, чем, впрочем, — охотно признаюсь в этом — отличаются перья русской государственной канцелярии». «Мы были поражены (...), — продолжает Форкад, — идеями русского дипломата о религиозных делах Запада; но мы видели в них лишь парадоксальную и пикантную в своей основе мысль: мы ничуть не замечали, признаемся в том, за этим парадоксом европейскую войну»⁶².

Но идеи Тютчева напомнила читателям не только статья Форкада. По случайному стечению обстоятельств, в то время, когда Форкад писал свою статью для «Revue...», «Россия и Революция» (по-видимому, без ведома Тютчева) появилась в немецком переводе. Она даже была выдана за один из якобы секретных документов русской дипломатии. Редактор Ф. Паалцов снабдил ее резко отрицательным вступлением⁶³.

По еще более случайному совпадению, Тютчев в это же самое время рьяно сочинял страстные антизападные письма, которые послал своей жене и ее брату Пфёффелю, а тот немедленно знакомил с ними редакцию «Revue...» Редакция охотно ухватилась за письма Тютчева, опять-таки необоснованно считая их отражением мнения русского правительства о Крымском кризисе. И страхи относительно панславизма, казалось, подкреплялись. Политические и дипломатические интенции, тенденциозно читавшиеся между строк предшествующих статей Тютчева, теперь, как представлялось западным обозревателям, были разоблачены.

Автором первого выступления о «Письмах» Тютчева на страницах «Revue...» был известный публицист Ш. де Мазад. Он процитировал и дал в изложении краткие выдержки из письма Тютчева от февраля—марта 1854 г. и вывел из них следующее заключение: «Русская мысль, когда она не запутывается в тонкостях дипломатии, когда она не оглядывается на официальные самооправдания, обрисовывается достаточно ясно; она идет прямо к своей цели, к поглощению Востока, и <...> в словах своих наиболее выдающихся истолкователей <...> признает без обиняков те устремления, от которых гласно отказывается»⁶⁴.

Вторую статью опубликовал в том же журнале Форкад. В ней он нападал на Тютчева и защищал политику Австрии в Восточном вопросе. Из тютчевских писем цитировалось (причем гораздо более пространно), в частности письмо от 14 февраля 1854 г., резко критикующее австрийское и прусское правительства за их нейтралитет в Восточной (Крымской) войне и называющее такую позицию фактическим объявлением войны России. Тютчев повторял при этом свою излюбленную мысль, что Австрия и германские государства в таком большом долгу перед Россией за свое освобождение от наполеоновской Франции, что, исходя из своих националистических амбиций, не могут не хотеть отомстить ей. Форкад приводил отрывки из писем Тютчева от 14 февраля, 1 марта и 13 апреля, содержащих сущность его взглядов на конфликт между Россией и Западной Европой. Тютчев обвинял Запад в стоворе против России и в новой неблагодарности. Он заявлял, что революция уже поглотила весь Запад и близка к тому, чтоб использовать его для нападения на Россию. Характерно, что Тютчев воспринимал конфликт апокалиптически, предсказывая его продолжение в XX веке. Наконец, он вновь настаивал на своей мифотворческой идее-утопии, на «божественном» призвании России основать великую «греко-славянскую Державу», т. е. православно-славянскую Державу⁶⁵.

Две недели спустя Мазад кратко процитировал то, что он называл «последним сообщением» Тютчева, «замечательного человека из Санкт-Петербурга, чьи драгоценные свидетельства мы собрали»⁶⁶.

Интересна реакция Тютчева на эти статьи, выраженная в письмах к жене. 21 апреля 1854 г. он писал: «Я прочел <...> статью Форкада в «Revue des Deux Mondes», где идет речь обо мне <...> Конечно, не в желании говорить у меня недостаток, но желание это постоянно заглушается все более и более укореняющимся убеждением в бессилии, в совершенной бесполезности слова... в данный момент бесполезного и бессильного более чем когда-либо. К тому же, с кем говорить? — Со здешними? — Излишне — даже в том случае, если бы и было возможно. С внешними? Невозможно по другой причине, ибо слово, мысль, рассуждение — все это предполагает некую нейтральную почву, а между ими и нами уже нет более ничего нейтрального»⁶⁷. 5 августа того же 1854 г. он пишет ей же: «Намедни у графини Софи Бобринской меня угостили чтением отрывков из моих писем тебе, пространно воспроизведенных в одной статье в „Revue des Deux Mondes“ <...> и это даже вызвало у меня желание написать нечто более развернутое и последовательное по существу вопроса. Но...»⁶⁸.

Откликаясь на публикацию писем Тютчева во французской печати, журнал «Blätter...» снова принимает его за выразителя официального мнения русского правительства⁶⁹. С целью вести читателя в курс дела относительно этих писем дается резюме статьи «Россия и Революция». Избран тютчевскую формулу о двух противостоящих друг другу в Европе «действительных силах» — Революции и России — ключом к пониманию международной политики России во время Восточного кризиса, анонимный обозреватель «Blätter...» переходит к опровержению этой формулы как упрощенной, цитируя ее десять раз на десяти страницах. При этом формулируется немецкая «средняя позиция». Отклоняя альтернативу «Россия или Ре-

волюция», автор утверждает, что такое противопоставление было бы совершенно верным, если бы не была забыта третья, «средняя», сторона — немецкая. И заключает: «Tres faciunt collegium^{7*}, слава богу!»

Однако главное внимание немецкого журнала привлекают письма Тютчева к Пфеффелю, и они обсуждаются в следующем разделе той же статьи. Обозреватель поясняет, что письма эти «слишком поучительны для нас, чтобы утаивать их от наших читателей». Далее следует перевод отрывка из письма от 14 февраля 1854 г. Автор критикует русского за нападки не на Францию и Англию, а на Германию. Перевод внезапно обрывается на середине предложения на том основании, что об «отталкивающих идеях» русского достаточно просто слышать, а не приводить здесь полностью его слова и выражения⁷⁰.

Смерть Николая I в феврале 1855 г. вселила в Тютчева надежду, что наступил поворотный момент в судьбах России. Ту же надежду, имевшую, однако, иное осмысление, питал и упорный Лоранси. Он пытался через Тютчева оказать влияние на русскую политику посредством письма, адресованного ему в том же месяце и выдержанного в примирительном, сдержанном тоне, — письма, на которое, насколько известно, никогда не ссылались в литературе о Тютчеве. Лоранси обезоруживающе обращается к Тютчеву как к своему товарищу по мысли: «...во время войны философ не бывает обречен подчиняться предубеждениям гражданина». Он ссылается на то, что его письмо написано «с точки зрения более высокой, чем обычные соображения политики». Под предлогом объяснения того, что он эфемистически называет «непопулярностью» России на Западе, он указывает на гнет православия в стране. Лоранси призывает Россию обратиться к католицизму и тем самым быстро положить конец Крымской войне. В противном случае Россия по-прежнему будет оставаться «вне движения именно христианской цивилизации». Единственный путь для России — это прекратить войну и таким образом «реабилитировать» Восточный мир. В заключение Лоранси заявляет: «Новый мир возникнет; и великим и благословенным будет имя того государя, который первым приложит руку к этому делу единства и свободы; никто другой не будет более прославлен в истории со времен Константина <Великого>»⁷¹. Такая неловкая попытка повлиять на нового главу Российской империи, Александра II, могла вызвать у Тютчева только презрение.

Хомяков возвратился к полемике в 1855 г. в своей второй брошюре со сходным названием⁷². В ней он атаковал католицизм и папство с тех же позиций, что и прежде. Его заключительные замечания представляют собой отражение тютчевского высказывания: «Здание вашей веры рухнет и проваливается, мы с радостью <возвращаем> вам краеугольный камень свода, отброшенный вашими предками»⁷³.

Общественный спор вокруг тютчевских суждений о папстве вступил в новую фазу в 1856 г., когда И. С. Гагарин возобновил атаку, выпустив брошюру под вызывающим названием: «La Russie, sera-t-elle catholique?» («Станет ли Россия католической?»). Как и многие другие, автор со всей энергией уверял русских, что Рим вовсе не намерен первенствовать над Москвой. В сущности, это была одна из систематических попыток опровержения тютчевских идей, его мечтаний, восходящих к древнерусской утопии о Москве — Третьем Риме.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова Тютчева, Гагарин говорит о христианской церкви: «...недостаточно, чтоб она была единой и вселенской, нужно еще, чтобы она была независимой (...) Действительная борьба существует лишь между католицизмом и революцией (...) Два принципа противостоят друг другу — революционный принцип, по самой сути своей антикатолический, и принцип католический, по самой сути своей антиреволюционный». Усатривая в тютчевской утопии славянско-православной Державы экспансионистские интенции, Гагарин ставит его аргументацию с ног на голову. Он осуждает его идеи как «политические доктрины, весьма радикальные, весьма республиканские, весьма коммунистические», усатривая в них «восточную форму революционной идеи XIX века». Гагарин заключает призывом, обращенным к Восточной церкви, — вернуться в лоно церкви католической⁷⁴.

После тютчевской статьи книга Гагарина явилась самым важным дискуссионным вкладом в исторический спор о расколе и воссоединении двух миров — западного, римско-католического, и восточного — славянско-православного. Книга была переведена на несколько языков, вызвала бурю протестов и целый шквал разного рода выступлений в печати⁷⁵.

Одним из первых выступил против Гагарина Хомяков, с новой брошюрой, где, впрочем,

^{7*} Трое — уже коллегия (лат.).

не было упоминаний о Тютчеве⁷⁶. Она, в свою очередь, вызвала опровержение Гагарина, который, не раскрывая псевдонима, писал об Ignotus'e^{8*} как о ведущем русском поэте, глубоко им уважаемом, как о писателе, «обладающем неоспоримыми достоинствами, волнующим красноречием и стилем, преисполненным страсти», и вместе с тем как о «мыслителе», тесно связанном с «ложной немецкой философией»⁷⁷. Все эти признаки могли относиться как к Тютчеву, так и к Хомякову, но, по-видимому, Гагарин все же имел в виду последнего, гораздо более известного в то время.

До сих пор почти вся католическая пропаганда исходила из Франции. Теперь спор распространился и на Англию. В 1857 г. лондонский католический журнал «The Rambler» опубликовал статью под названием «The Russian Church» («Русская церковь») ⁷⁸. В ней сообщалось, что в 1856 или 1857 г. в Брюсселе вышла анонимная брошюра, написанная, вероятно, по-французски, консулом одного из германских государств в Бельгии⁷⁹. В журнальном тексте заглавие ее переведено так: «Рим и С.-Петербург: умеренный ответ на сочинение отца И. Гагарина из Общества Иисуса, озаглавленное „Станет ли Россия католической?“». Брошюра попала в Петербург, где пользовалась известной популярностью. Наконец, она дошла до Лондона и поступила в редакцию «The Rambler», которая не замедлила опубликовать ее перевод со своим комментарием.

Автор брюссельской брошюры вспоминает о написанных в 1849 г. «двух весьма замечательных записках», «автором которых (...) как все теперь знают, является г. Тютчев». Цитируя пространные отрывки из статьи «Папство...», в том числе и ее заключительную часть, автор заявляет, что Тютчев «решительно пошел навстречу католикам». Брошюра заканчивается словами: «Теперь, когда исчезла несправедливая неприязнь, предметом которой долгое время была Россия^{8*}, люди спросят, как это было возможно, чтобы такие прекрасные слова не нашли отклика среди католиков, более того, каким образом они даже были обращены против России? Это случилось потому, что г. Тютчев предзнаначал своей стране и своему государю благородное и достойное участие в великом деле воссоединения. Ему не могли простить заключительного пассажа его „Записки“». Далее автор рассматривает позднейшую историю взаимоотношений между двумя церквями и анализирует книгу Гагарина. Тютчев при этом в значительной степени теряется из виду. Брошюра заканчивается выводом в пользу православной церкви: «Если латинцы искренно желают примирения, они должны отказаться от своего заносчивого и властного тона (...) Россия ничуть не хуже Франции».

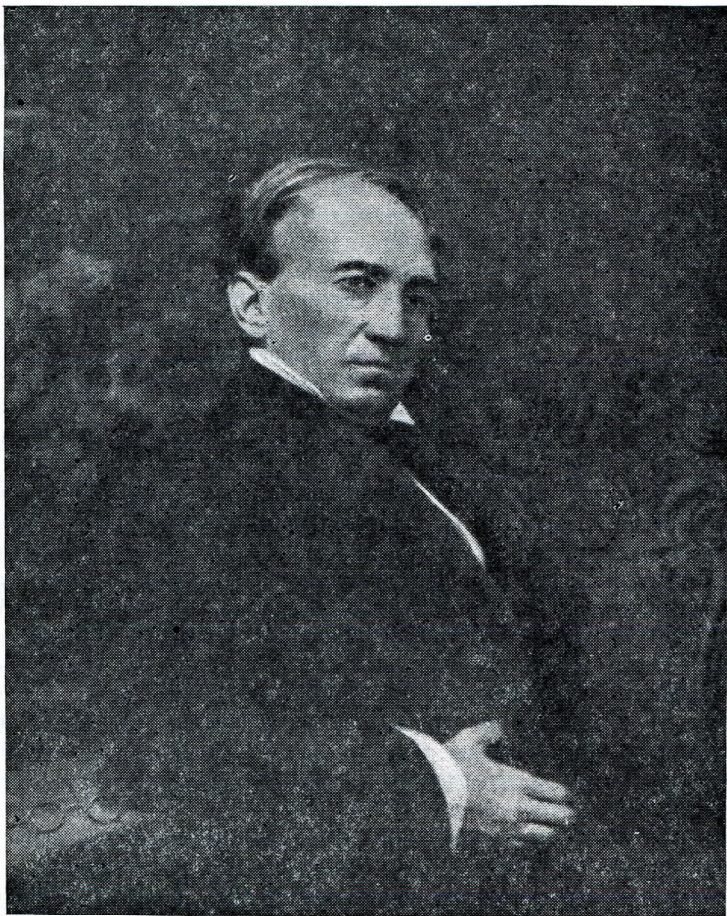
Хотя автор статьи в «The Rambler» создает впечатление, что хочет поощрить атмосферу примирения, а самая перепечатка в переводе на английский язык брюссельской брошюры ставила целью доказать существование в России твердых сторонников сближения, вторая половина статьи (следующая после текста брошюры) доказывает, что Восточная церковь нуждается в союзе с Римом: православная церковь должна сделать первый шаг⁸⁰.

Из Лондона спор перешел в Германию. В 1858 г. журнал «Blätter...» возродил полемику, напад на брюссельскую брошюру и поддерживая «The Rambler»⁸¹. Немецкий журнал вступает в спор следующим замечанием: «Никто не ошибется, если увидит в ней (брошюре) истинно русское вдохновение, связанное, возможно, с именем, которое на следующих страницах будет часто называться»⁸². Поскольку на следующих страницах повторяется только имя Тютчева, эти слова намекают на то, что будто бы Тютчев сам является автором или инициатором брюссельской брошюры. Странно, что у журнала возникло такое подозрение, ибо в брошюре содержатся весьма лестные высказывания о статьях Тютчева с раскрытием имени автора, что со стороны Тютчева было бы нескромно.

Прочитав отрывки из «The Rambler», журнал приводит или перефразирует те разделы статьи Тютчева о папстве, в которых усматривает примирительные ноты. Приводятся и вызывавшие споры последние абзацы этой статьи. Задачей журнала было дать эти строки в перспективе и в определенном контексте, поэтому обозреватель приступает к детальному анализу тютчевской статьи. Он проникательно угадывает конечную цель Тютчева: «Правда, русский писатель стремится создать впечатление, будто в его намерение входит только указать на преступность светской власти папы в папском государстве, но легко почувствовать, что он желает падения этой светской власти именно с тайной мыслью, что в таком случае вместе с ней рухнет вся свободная и независимая организация римско-католической церкви»⁸³.

^{8*} Неизвестном (лат.).

^{9*} Имеется в виду завершение Крымской войны.— Р. Л.

ТЮТЧЕВ

Фотография с утраченного дагерротипа конца 1840-х годов

На картоне, закрывающем фотографию, рукой неустановленного лица надпись: «Тютчев Федор Иванович. В 1849 году он воззвал к Руси: „В доспехи веры грудь одень // И с Богом, исполни державный! // Велик, о Русь, грядущий день, // Вселенский день и православный!“»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Слова Тютчева: «Появление православного императора, возвратившегося в Рим», — цитируются затем таким образом, чтобы показать — в контексте статьи — их двусмысленность. Корреспондент «Blätter...» замечает: «Памятная записка» (т. е. статья «Папство...») «великодушно допускает, что схизма вызвана (...) не греческим православием, но западной церковью (...) последняя отделилась от предыдущей (...) Следовательно, западная церковь должна воссоединиться с восточной, которая является православной и de jure ^{10*} вселенской, а не vice versa ^{11*}». «Blätter...» писал дальше: «Брюссельская брошюра констатирует: у кого-то может сложиться мнение, что православной церкви разрешается появиться в Риме только в одежде кающейся грешницы. Как далека она от этого, продемонстрировано в памятной записке Тютчева 1849 г.» (в «России и Революции»). И затем обозреватель уже прямо спорит с Тютчевым: «Пока история католической церкви воспринимается русским статским советником как порождение произвола и как мать революции (...) утрачивается нечто очень важное — подлинное понимание церкви (...) Нам всегда казалось, что упорство в расколе имеет своей

^{10*} по праву (лат.).

^{11*} наоборот (лат.).

настоящей причиной отклонение от истинной идеи церкви: легко определить, что подобное отклонение нашло свое наиболее сильное выражение в записке Тютчева»⁸⁴.

Немецкий журнал в некотором смысле подводит итог всему спору, вызванному публицистическими выступлениями Тютчева. Он не только ссылается на «Россию и Революцию», цитирует «Папство...», дает резюме мнений «Revue...», книги И. С. Гагарина, брюссельской брошюры и статьи в «The Rambler», но и вносит ясность в то, что было главным содержанием спора — Россия и Запад — содержанием, которое временами исчезало из поля зрения вследствие наслоняющейся пререканий по церковно-догматическим вопросам.

Это, насколько удалось установить, — последний значительный отклик на тютчевскую статью о папстве. В 1862 г. еще раз ополчится против нее неистощимый Лоранси в своей книге «Le Pape et le Czar» («Папа и царь») ⁸⁵. В 1863 г. лондонский «The Times» назовет Тютчева «московским Ювеналом» ⁸⁶. Двумя днями позже это будет подхвачено Герценом в его статье с нападка на стихотворение Тютчева «Его светлости князю А. А. Суворову» ⁸⁷. В 1864 г. ответится на «Папство...» немецкий публицист А. Пихлер ⁸⁸. В 1867 г. польский журналист Ю. Клячко вспомнит о резонансе, вызванном в свое время этой статьей. Он охарактеризует Тютчева как «любопытный тип представителя русского общества», «московского Исайю» ⁸⁹. В 1873 г. Л. Боре упомянет о газетной шумихе, связанной с «Папством...», и процитирует несколько строк из «России и Революции», назвав их «замечательными во всех отношениях» ⁹⁰. Но к этому времени политические статьи Тютчева уже теряют остроту злободневности и становятся достоянием истории.

Именно как исторические документы прошлого появились в русской печати и на русском языке «Россия и Германия» и «Россия и Революция» (обе в 1873 г.), а несколько позднее — «Папство и Римский вопрос» (1878) ⁹¹.

Около пятидесяти писем, обзоров, статей, брошюр и книг, которые рассмотрены или только упомянуты нами, не считая тех, что вышли позже в России, охватывают период почти в тридцать лет, а в объеме — от нескольких строк до книги почти в 200 страниц. Они принадлежат более чем 30 авторам. Форкад, Гагарин и, возможно, Йарке выступали по три раза, а Лоранси — пять раз. Выступления против статей и писем Тютчева опубликованы на языках: французском — более тридцати раз, немецком — одиннадцать раз, польском и английском — по два раза. Публикации появились в Берлине, Брюсселе, Кёльне, Кракове, Лондоне, Мюнхене, Познани, Штутгарте и больше всего в Париже.

Но как бы ни были в большинстве своем враждебны эти выступления по отношению к Тютчеву, их авторы не могли не признать широту, оригинальность и смелость его мысли, а также утонченность его писательской манеры, высокое искусство изложения и выдающаяся образованность. Многие критики восхищались тем, как мастерски владел он французским языком.

У Тютчева были две козырные карты — неожиданность и новизна идеи. Некоторые из его противников прямо признавались, например, насколько поражены они были представшим перед ними образом Москвы как Третьего Рима (хотя для истории России эта мифологема была совсем не нова). Большинство противников Тютчева довольствовались выступлениями в защиту католической церкви, не понимая, что простое противопоставление новой идее старой недостаточно. Слабость, присущая их чисто защитной реакции, подчеркивалась пронищательностью и неопровержимостью многих тютчевских прозрений относительно положения в Европе. В то время как достоинства настоящего и будущего Российской империи Тютчев оставил без упоминаний на заднем плане, — недостатки Запада и католицизма он препарировал на хирургическом столе. Именно сомнения, касающиеся католической церкви, которые Тютчев заронил в умы своих оппонентов, стали причиной раздора в группе ведущих католических газет. Те, кто обращался к истории, не замедлили отметить влияние Жозефа де Местра на мировоззрение Тютчева: в самом деле, его не раз называли «русским де Местром». Некоторые журналисты были вынуждены обратиться к весомым аргументам французского мэтра, чтобы дать отпор многозначительным аргументам его «русского ученика».

Наиболее эффективными были ответы тех католиков, которые перешли в наступление и, разбирая недостатки России и православия, игнорируя слабости собственной религии (католицизма), представляли последнюю как живую, действенную идею. Эти критики ближе всех подошли в методике спора к тютчевскому сочетанию богатой воображением теории, исторических и дипломатических подробностей и риторики. В их число входили Пфедфель, Шампаны, Кошен, Островский, Мишле, анонимный автор из «Blätter...» (1858) и Лоранси.

Дерзость идей Тютчева стала проявляться уже в «России и Революции», но полную силу обрела в «Папстве...». Все нападки, за исключением немногих, были обращены на эту статью. Она вызвала ббльшую полемику, чем все его политические произведения, вместе взятые. Причины очевидны. В то время как первую статью «Review...» опубликовала только в отрывках, «Папство...» было помещено в этом журнале полностью, и тем самым подчеркивалось его значение. Действительно, статья, содержащая столь смелый вызов, как бы открывала новую эру в европейском взгляде на исторические судьбы христианства. Здесь Тютчев обращался к основному вопросу в этой области и освещал его в контрастных черно-белых тонах: кто был причиной раскола в одной из крупнейших мировых религий — христианства, — католическая или православная церковь? Его ответ связывался с рассчитанным «оскорблением» католиков: спиходительным приглашением вернуться в лоно православия и получить прощение. Еще одной причиной обострения полемики вокруг «Папства...» во Франции было то, что «Папство...» уравнивало атеистическую революцию с католицизмом и отнесло ее истоки к 1789 г., тогда как «Россия и Революция» не отождествляла Революцию со всей Европой, а избрала своей главной мишенью Германию. «Папство...» привело в ярость французов, потому что явилось выпадом против их религии, их страны и демократических традиций. Однако главной причиной, почему эта статья вызвала такое повышенное внимание, было то, что ее необоснованно сочли полуофициальным документом, раскрывавшим умонастроения русского правительства.

Как мы видели, это последнее обстоятельство возникло из-за подзаголовка, которым статью снабдила редакция «Review...» («С точки зрения С.-Петербурга»), а также из-за намек обзорователей на предполагаемое положение Тютчева как советника Николая I. Обе эти причины для столь шумной известности уже появились шесть месяцами ранее, при публикации статьи «Россия и Революция», которую Бургунь снабдил придуманным им самим подзаголовком: «Записка, представленная императору Николаю после Февральской революции одним русским, чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел». Намек «Review...» на то, что статья случайно «просочилась» в прессу, подчеркивал тот полуофициальный характер, который приписывался этому документу. Почему и то и другое не привлекло внимания в тот момент, неясно. Во всяком случае, полемика не разразилась до января 1850 г., т. е. до появления «Папства...», когда обе статьи были поняты или тенденциозно интерпретированы как «ловко рассчитанная неосторожность».

Были ли у западной печати основания усматривать в Тютчеве прямого проводника политики русского правительства? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

С 1848 г. Тютчев был уже не дипломатом, а всего лишь цензором, и притом не главным. В период 1848—1850 гг. министры еще не забыли, что всего несколько лет назад Тютчев был в опале в связи с его вынужденной отставкой из-за полного пренебрежения дипломатическими обязанностями. Если даже Николай I и одобрял его «записки», то это вовсе не значит, что они оказывали влияние на царя и на формирование русской внешней политики. Во всяком случае, в 1854 г. царь отверг стихотворение Тютчева «Пророчество», в котором нашли выражение «идеология» и настроенность его статей⁹². Письма же Тютчева периода Крымской войны представляют собой страстное обличение правительства в его бездарности и ненародности.

Замечание И. С. Гагарина, что, «когда Тютчев писал газетные или журнальные статьи, он, по-видимому, избегал говорить о том, что могло принести ему вред в высших кругах, и предпочитал развивать идеи, которые могли здесь нравиться»⁹³, — это замечание верно только в одном отношении: Тютчеву в высших сферах не доверяли. Николай I высказывался о нем неодобрительно⁹⁴. В сознании Александра II, который упоминал о нем как о «юродивом»⁹⁵, поэт обладал репутацией человека «неточного и небрежного»⁹⁶. Царь сказал, что на таких писателей, как Тютчев и И. С. Тургенев, да и на всех других, нельзя положиться⁹⁷. Короче говоря, в 1848—1850 гг. Тютчев далеко не был тем влиятельным советником русского правительства по внешней политике, которым его считали некоторые из его западноевропейских полемистов. Один из них высказал по поводу статей Тютчева альтернативное предположение: «Или это труд искренний, и тогда он обнаруживает поразительный фанатизм, способный на великие дела, или же это труд, написанный с определенной задачей, и тогда не подлежит сомнению, что этот искусный писатель состоит на жаловании у русской государственной Канцелярии»⁹⁸.

Однако нет никаких доказательств, что Тютчеву платили из государственной казны за его публицистические произведения. Инициатива их создания, как всегда, принадлежала

ему самому. После его увольнения с дипломатической службы в 1840 г. лучший способ достигнуть реабилитации во мнении правящих кругов Петербурга состоял для него в том, чтобы продемонстрировать свою полезность власти. Кажется, Тютчев достиг цели, когда Николай I сказал, что нашел «все свои мысли» в статье «Россия и Германия», и полюбопытствовал узнать, кто был автором этой статьи⁹⁹. Возможно, что этот отзыв, а также восстановление на службе дали Тютчеву основание для вывода, что правительство будет благосклонно принимать его «записки» по международным вопросам, хотя и весьма своеобразного содержания и стиля и весьма далекие от официально-дипломатических документов в этой области. Во всяком случае, в 1848 г. он представил «Россию и Революцию» на рассмотрение Николаю I, который «*весьма одобрил*» эту статью и даже «желал бы видеть ее напечатанной за границей»¹⁰⁰. Напомним, что статья эта была отправлена в Германию с надеждой на ее публикацию. Мнение Николая I о «Папстве...» неизвестно, но представляется маловероятным, чтобы Тютчев послал эту статью Пфедфелю для печати без апробации правительства. Однако, повторяем, что инициатива, как всегда, принадлежала здесь самому Тютчеву.

Создается впечатление, что правительственный режим, преисполненный недоверия ко всякому излишнему рвению нижестоящих — как правой, так и левой ориентации, — все же отдавал себе отчет в многочисленности своих сторонников и не мог себе позволить полностью игнорировать Тютчева. Его рассматривали как полезного, хотя по временам и докучливого союзника, чье усердие порой приходилось сдерживать. Не соответствующее истине добавление к заглавию статьи, сделанное редакцией «Revue...» («... с точки зрения Санкт-Петербурга»), создало у многих читателей на Западе впечатление, что Тютчев выступал в роли национального «оракула», выразителя мнений своего правительства. В действительности же он был «оракулом» всего лишь своих собственных мнений и суждений. Очевидно, однако, что не будь этот подзаголовок напечатан, Тютчев-публицист не привлек бы к себе столь пристального внимания со стороны западноевропейских журналистов.

По мнению Пфедфеля, Тютчеву могла бы предостать блестящая карьера в европейской журналистике¹⁰¹. Совершенное знание двух языков; европейское воспитание (Иван Киреевский сказал: «У нас таких людей европейских можно счесть по пальцам»¹⁰², а Иван Аксаков охарактеризовал его как «русского выходца из Европы»¹⁰³), длительное пребывание на Западе и родственные связи с немецкой аристократией (благодаря обоим его бракам) — все это и многое другое, казалось бы, действительно позволяло Тютчеву стать превосходным посредником между Россией и Западом. Но ему суждено было сыграть в этой области совсем особенную роль.

Тютчев в самом деле оказался в своей публицистической деятельности своего рода посредником, но в споре, далеком от главнейших задач, стоявших на историческом череду России и Запады, — в споре католицизма и православия. В примирении их Тютчев не был заинтересован. Он играл роль катализатора. Он вызывал дискуссии, обнажая суть фундаментальных (в его понимании) проблем и смело освещая их. Он ставил вопросы, которые должны были быть решены еще до того, как мог возникнуть в какой бы то ни было форме вопрос о примирении между двумя исторически разошедшимися христианскими религиями, двумя мирами. Однако конфликты, раздраженность брали верх, и статьи Тютчева, несмотря на их изысканный внешний налет терпимости и рассудительности, не возводили в этом вопросе мосты между Россией и Западом, а скорее сжигали их.

Таков общий вывод из проанализированных выше отзывов западных авторов на публицистику Тютчева. Они представляли собой неизбежный ответ на вызов, брошенный в лицо Западной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Allgemeine Zeitung», 1844, 21 März, S. 647 (далее AZ). Французский текст этого письма неизвестен. Об атрибуции см.: S. J a c o b s o h n. Tjutčev-Beiträge. Der erste Brief Tjutčevs an D-r Kolb, den Redakteur der «Augsburger Allgemeinen Zeitung». — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1930, Bd. 6, Doppelheft 3—4, S. 410—416. Русский перевод с немецкого текста см.: Лигарев, с. 113—114.

² Bayerisches Hauptstaatsarchiv (München) M. A. 50834, S. 37—41; M. Inn. 25097, S. 97—98.

³ AZ, 1844, N 158, 6 Juni, S. 1260—1261.

⁴ Письмо к А. Ф. Тютчевой 9 окт. 1841 г. — *Летопись*, с. 57—58.

⁵ «Kölnische Zeitung», 1844, N 94, 3 Apr., S. 1.

⁶ AZ, 1844, N 103, 12 Apr., S. 822—823.

⁷ РА, 1873, кн. 2, вып. 10; Соч. 1886; Соч. 1900; ПСС 1912.

⁸ См. прим. 13.

⁹ Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 18/30 мая 1848 г.— *Современники о Тютчеве*.
О том же она писала Пфеффелю и 18/30 июня 1848 г.— Там же.

¹⁰ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 30 авг./11 сент. 1848 г.— Там же.

¹¹ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 18/30 окт. 1848 г.— Там же.

¹² Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 16/28 мая 1849 г.— Там же.

¹³ «Mémoire présenté à l'Empereur Nicolas depuis la Révolution de février par un Russe, employé supérieur des affaires étrangères». Бургуэн напечатал обширные выдержки из статьи Тютчева в своей брошюре: P. de B(ou r g o i n g). Mémoire politique. Politique et Moyens d'Action de la Russie, impartialement appréciés. P., 1849. В России статья Тютчева была напечатана еще при жизни автора (РА, 1873, кн. I, вып. 5; затем: Соч. 1886, Соч. 1900; ПСС 1912).

¹⁴ P. de B(ou r g o i n g). Op. cit. (предисловие (без пагинации) и с. V). Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

¹⁵ Подразумевается Аугсбург и выходящий там «Allgemeine Zeitung». По-видимому, в своих суждениях Бургуэн опирался на сведения, полученные им от К. Пфеффеля. Об этом свидетельствуют цитированные выше выдержки из переписки Пфеффеля с Э. Ф. Тютчевой (см. прим. 9—11, а также прим. 27).

¹⁶ По-видимому, подразумевается тот факт, что, передавая Бургуэну «Записку» Тютчева, Пфеффель знал о намерении Бургуэна опубликовать выдержки из нее (см. цитированное выше письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 18/30 окт. 1848 г.).

¹⁷ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 15/27 июня 1849 г.— *Современники о Тютчеве*. В этом письме шла речь о следующих публикациях: E. F o r s a d e. Chronique de la Quinzaine.— «Revue des Deux Mondes», 1849, 2/14 juin, p. 1053—1056 (далее — «Revue...»); «Denkschrift dem Kaiser von Russland nach der Februar-Revolution übergeben von einem höheren Beamten im Ministerium der auswärtigen Angelegenheiten».— AZ, 1849, № 175, 24 Juni, S. 2707—2709.

¹⁸ Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 13—16/25—28 июля 1849 г.— *Современники о Тютчеве*.

¹⁹ (K. J a r s k e). Glossen zur Tagesgeschichte.— «Historisch-Politische Blätter für das katholische Deutschland» (далее «Blätter...»), 1849, Bd. 24, 15. Juli, S. 169—187.

²⁰ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (<23 окт./4 нояб. 1849 г.— *Современники о Тютчеве*. Карл Эрнст Йарке (1801—1852) — немецкий католический публицист.

²¹ «Blätter...», 1849, Bd. 24, 15 Juli, S. 1.

²² Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 9/21 окт. 1849 г.— *Современники о Тютчеве*.

²³ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (<23 окт./4 нояб. 1849 г.— Там же.

²⁴ В России эта статья была впервые напечатана после смерти Тютчева — РА, 1886, кн. 2, вып. 5; затем: Соч. 1886, Соч. 1900, ПСС 1912.

²⁵ Обо всем этом К. Пфеффель сообщил Э. Ф. Тютчевой 25 дек. 1849 г./6 янв. 1850 г.— *Современники о Тютчеве*.

²⁶ Stadtarchiv, München, Monacensia-Sammlung.

²⁷ «Это я в свое время сообщил Бургуэну „Записку“, которую он приводит в своей брошюре, и следовательно, я являюсь автором той „ловко рассчитанной неосторожности“, про которую говорил журнал „Revue des Deux Mondes“ в отделе двухнедельной хроники от 1 июня 1849 года», — писал К. Пфеффель в своих воспоминаниях («К. Пфеффель о Тютчеве» — наст. том, кн. II). Пфеффель намеревался даже сам напечатать «Папство...» или отрывки из этой статьи. Сохранилось его «предисловие» к этой, по-видимому, не состоявшейся публикации (ГБЛ, ф. 308, 1.14): В нем упоминается «принадлежащее одному русскому дипломату конфиденциальное сочинение, частично опубликованное г-ном Полем Бургуэном под названием „Mémoire politique“» (подразумевается брошюра Бургуэна). И далее: «Записка, которую мы сегодня публикуем, происходит из того же источника. Хотя она и не имеет никакого официального характера и в ней не следует усматривать ничего иного, кроме выражения личного мнения, мы подумали, что суждение по Римскому вопросу, которое исходит от политического деятеля, принадлежащего к высшим кругам России, будет воспринято не без интереса» (пер. с франц.). Из этого «предисловия» явствует, что французская газета «L'Assemblée Nationale» также напечатала статью о «Папстве...», однако обнаружить эту публикацию нам не удалось. В конце 1849 г. или в начале 1850 г. Пфеффель напечатал в газ. «L'Union Monarchique» краткую заметку о «Папстве...», которая пока не обнаружена.

²⁸ Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 19/31 янв. 1850 г.— *Современники о Тютчеве*.

²⁹ Письмо Ф. Бюлоза К. Пфеффелю 3 янв. 1850 г. (пер. с франц.) — *Лигарев*, с. 129. Оно было приложено к письму К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (<29 дек. 1849 г./10 янв. 1850 г.— *Современники о Тютчеве*.

³⁰ Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 19/31 янв. 1850 г.— Там же.

³¹ «Revue...», 1850, vol. 5, 1 Janv., p. 117—118. Французский публицист и религиозный философ Жозеф де Местр развивал идею единения всего христианского мира под властью католической церкви — властью, всецело сосредоточенной в лице папы. Наиболее полным изложением этой доктрины является его книга «О папе» (J. de M a i s t r e. Du Pape. Lyon, 1819; последующие издания: P., 1836; P., 1841).

- ³² P. Laurentie. L'Autorité du Pape. Question Romaine. — «L'Autorité: Revue critique de la révolution politique, philosophique et littéraire», 1850, vol. I—III, 10 janv., p. 260—285.
- ³³ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (23 окт.) / 4 нояб. 1849 г. — *Современники о Тютчеве*. Автограф письма Пфеффеля к Тютчеву, которое приводит в своей статье Лоранси, неизвестен. Не исключена возможность, что именно это письмо Пфеффель опубликовал в газете «L'Union Monarchique» (см. прим. 27).
- ³⁴ Указывая на «протестантизм», которым, с его точки зрения, отмечена статья Тютчева, чьи аргументы против католической церкви можно «обратить против церкви русской», Пфеффель пользуется этим термином в том же смысле, в каком употребил его по отношению к русской церкви Жозеф де Местр. «Ни одна церковь не имеет столько внутренних врагов, как русская, вся она заражена протестантизмом», — писал де Местр, подразумевая под этим словом раскол и другие формы протеста против ортодоксального православия, разрушающие единство русской православной церкви (J. de Maistre. Du Pape. P., 1841, p. 374—375).
- ³⁵ P. A., 1896, кн. I, с. 371.
- ³⁶ П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. 3. СПб, 1885, с. 404.
- ³⁷ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (29 марта) / 10 апр. 1850 г. — *Современники о Тютчеве*.
- ³⁸ «La Russie et l'Occident». — «Le Constitutionnel», 1850, N 7, 7 janv., p. 1—2.
- ³⁹ «L'Indépendance Belge», 1850, N 12, 12 janv., p. 1.
- ⁴⁰ «L'Univers», 1850, N 1102, 8 janv., p. 1.
- ⁴¹ «Le Constitutionnel», 1850, N 10, 10 janv., p. 1.
- ⁴² «L'Ami de la Religion», 1850, N 4922, 9 janv., p. 120—121.
- ⁴³ F. Champaigne. De la Question Slave. — «L'Ami de la Religion», 1850, N 4926, 13 janv., p. 169—172.
- ⁴⁴ A. Cochin. L'Eglise catholique jugée par un diplomate russe et par un ministre anglican. — «L'Ami de la Religion», 1850, N 4993, 21 mars, p. 493—496; 1850, N 5015, 12 avr., p. 151—152; 1850, N 5018, 15 avr., p. 195—198.
- ⁴⁵ A. Dugère. Le Despotisme russe. — «Le Correspondant», 1850, vol. XXVI, 10 avr., p. 101—106, 110.
- ⁴⁶ Слово «пьюзизм» (puséisme) произведено от фамилии английского теолога, видного деятеля так называемого «оксфордского движения», стремившегося к объединению католической и англиканской церквей, — Эдварда Бовари *Пьюзи* (1800—1882).
- ⁴⁷ J. S. Gagarine. Le Puséisme moscovite. — «L'Univers», 1850, N 1194, 12 avr., p. 1.
- ⁴⁸ D. Lavergnat. Socialisme Catholique. La déroute des Césars. La Gaule très chrétienne et le Czar Orthodoxe. P., 1851, p. 336. В приведенном здесь известном выражении г-жи де Сталь содержится намек на убийство Павла I во время дворцового переворота 11 марта 1801 г.
- ⁴⁹ J.-B. Ostrowski. Papieztwo i Sprawa Rzymska z punktu widzenia petersburskiego. — «Przeglad Poznański», 1850, vol. X, S. 420—438.
- ⁵⁰ J.-B. Ostrowski. Rosya uwazana ze stanowiska Europy i Polski. — Ibid., S. 536—582.
- ⁵¹ J.-B. Ostrowski. La Russie Considérée au point de vue européen. P., 1851, p. 5, 12, 24, 62.
- ⁵² J. Michelet. Journal, vol. II (1849—1860). P., 1962, p. 161, 705.
- ⁵³ J. Michelet. Oeuvres complètes, vol. XVI (ed. P. Viallaneix). P., 1980, p. 122—124, 297—298. Издатель спутал Ж.-Б. Островского с другим польским эмигрантом — К. Островским. См.: J. Michelet. Légendes Démocratiques du Nord. Nouvelle édition (...). P., 1968, p. XL—XLI, 204—205, 370—371.
- ⁵⁴ Первоначально появился в виде серии статей в газете «L'Evénement» (1851, 31 août — 17 sept.).
- ⁵⁵ J. Michelet. Oeuvres complètes, vol. XVI, p. 149, 150, 270, 272; 273, 275—276.
- ⁵⁶ См. прим. 32.
- ⁵⁷ P. Laurentie. La Papauté. Réponse à M. de Tutcheff, Conseiller de sa Majesté l'Empereur de Russie. P., 1852, p. 5—64, 85, 95, 114.
- ⁵⁸ Эта заметка Лоранси нами не обнаружена. Содержание ее известно из письма К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой (28 июля) / 9 авг. 1850 г. — *Современники о Тютчеве*.
- ⁵⁹ Письмо Тютчева Э. Ф. Тютчевой 27 июля 1854 г. — *СН*, кн. 19, с. 125—126. По-видимому, под «крязином» Тютчев подразумевал Крымскую войну, в условиях которой обсуждать проблему объединения католической и православной церквей было бы неуместно.
- ⁶⁰ P. Douhaire. Les Papes et les Tzars. — «Le Correspondant», 1853, vol. VI—VII, p. 221—254, 520—543.
- ⁶¹ Ignotus (A. S. Khomyakov). Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales, à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. P., 1853, p. 10.
- ⁶² E. Forcade. La Question d'Orient. Les Négotiations confidentielles de Londres et de l'Eglise russe. — «Revue...», 1854, vol. 16, 1 avr., p. 187—189; E. Forcade. Histoire des Causes de la Guerre d'Orient. P., 1854, p. 278—281.
- ⁶³ «Russische Denkschrift nach dem Februar-Ereigniss von 1848.» — F. P a l z o w. Aktenstücke der Russischen Diplomatie. Erste Lieferung. B., 1854, S. 48—58.
- ⁶⁴ Ch. de Mazade. Chronique de la Quinzaine. — «Revue...», 1854, vol. VI, 30 avr., p. 629—630.

⁶⁵ E. F o r c a d e. L'Autriche et la Politique du Cabinet de Vienne dans la Question de l'Orient.— «Revue...», 1854, vol. VI, 1 juin, p. 871—872, 889; *СН*, кн. 19, с. 104—105, 107—108, 111—112.

⁶⁶ Ch. de M a z a d e. Chronique de la Quinzaine.— «Revue...», 1854, vol. VI, 14 juin, p. 1280; *СН*, кн. 19, с. 114—115.

⁶⁷ *СН*, кн. 19, с. 114; *Аксаков 1886*, с. 248. Ср. строки стихотворения, написанного в октябре 1854 г.: «Теперь тебе не до стихов, // О, слово русское, родное...»

⁶⁸ *СН*, кн. 19, с. 127.

⁶⁹ «Blätter...», 1854, Bd. 33, S. 709—710, 715—724.

⁷⁰ «Osteuropäische Thesen. XIX. Wie ein Russischer Staatsrath von der deutschen Mitstellung denkt».— Ibid., S. 890—896.

⁷¹ P. L a u r e n t i e. Souvenirs inédits. P., 1892, p. 204—208, 210. Лоранси опровергал идеи Тютчева также в других своих статьях, например: P. L a u r e n t i e. Rome. P., 1861, p. 10—11; Idem. Le Pape et le Czar. P., 1862.

⁷² I g n o t u s <А. К х о м у а к о в>. Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales, à l'occasion d'un mandement de Mgr. l'Archevêque de Paris. Leipzig — Paris, 1855.

⁷³ Ср.: «Catholicisme Romain dont la Papauté <...> est évidemment la clef de voûte et la condition d'existence» («Римский католицизм, для которого папство <...> то же, что камень, замыкающий свод, — необходимое условие бытия»).— *ПСС 1912*, с. 308.

⁷⁴ I. G a g a r i n e. La Russie sera-t-elle catholique? P., 1856, p. 62, 63, 64, 72, 74.

⁷⁵ Русский перевод: И. М а р т ы н о в. О примирении русской церкви с римскою. Париж, 1858. Воспроизведено: «Символ», 1982, № 8, с. 205—241; 197—202, 242—243. Сведения о полемике Гагарина с русскими славянофилами см. там же: 1979, № 1, с. 168—174; 1979, № 2, с. 165—181; 1980, № 3, с. 157—174; 1980, № 4, с. 171—187; 1981, № 5, с. 152—158; 1982, № 7, с. 178—189; 1982, № 8, с. 247—251.

⁷⁶ I g n o t u s <А. К х о м у а к о в>. Encore quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes. Leipzig, 1858. Все три выступления Хомякова были перепечатаны в брошюре: I g n o t u s <А. К х о м у а к о в>. «L'Eglise latine et le protestantisme au point de vue de l'Eglise d'Orient». Lausanne — Vevey, 1872, p. 89—187.

⁷⁷ I. G a g a r i n e. Les Partisans et les Adversaires de l'Union.— «Etudes de Théologie», 1859, Nouv. sér., p. 54—91.

⁷⁸ «The Rambler», 1857, vol. 8, Nov., p. 308—322 (из них только с. 308—317 относятся к Тютчеву).

⁷⁹ Среди всех консулов (а также и других дипломатов), представлявших в Брюсселе государства Германии, наиболее вероятным автором брошюры представляется саксонский консул Карл Александр Раль, выступавший со статьями о католицизме.

⁸⁰ «The Russian Church».— «The Rambler», 1857, vol. XI, p. 308—310, 317, 321—322.

⁸¹ «Russische Kirche».— «Blätter...», 1858, Bd. 41, S. 156—171.

⁸² Ibid., S. 157.

⁸³ Ibid., S. 160.

⁸⁴ Ibid., S. 162—163. К этому вопросу журнал вернулся вскользь в статьях: «Studien und Skizzen über Russland» и «Aphorismen über russische Zustände und Parteien».— «Blätter...», 1860, Bd. 46, S. 680; 1877, Bd. 79, S. 642.

⁸⁵ См. прим. 71.

⁸⁶ «The Times», 1863, 30 дек.

⁸⁷ А. И. Г е р ц е н. Поворотная линия.— «Колокол», 1864, 1 янв., с. 1452. См. также: О н ж е. Ответ И. С. Аксакову.— Там же, 1867, 1 мая, с. 1861.

⁸⁸ A. P i c h l e r. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart, Bd. 1. München, 1864, S. 13—14.

⁸⁹ J. K l a z k o. Le Congrès de Moscou et le propagande panslaviste.— «Revue...», 1867, vol. 71, p. 157—159.

⁹⁰ L. V o r g é. Souvenirs de voyage. vol. II.— «L'union de l'Ouest», 1873, 12 janv.

⁹¹ См. прим. 7, 13, 24.

⁹² Николай I не разделял мечты Тютчева о «всеславянском царе». В 1854 г., когда Тютчев опубликовал стихотворение «Пророчество», его заключительная строка («И встань как всеславянский царь») вызвала высочайшую резолюцию: «Подобные фразы не допускать».

⁹³ Письмо И. С. Гагарина А. Н. Бахметевой 15/27 нояб. 1874 г. (пер. с франц.), — См. в наст. томе (кн. II): «Тютчев в Мюнхене. (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым)».

⁹⁴ См. прим. 92. См. также: *Тютчева*, вып. II, с. 134.

⁹⁵ *Летопись*, с. 117.

⁹⁶ Письмо Тютчева Э. Ф. Тютчевой 2 окт. 1858 г.— *СН*, кн. 19, с. 192 (пер. с франц.).

⁹⁷ *Лигарев*, с. 165.

⁹⁸ A. D a u g e r. Op. cit., p. 101.

⁹⁹ *Аксаков 1886*, с. 31.

¹⁰⁰ Письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 18/30 мая 1848 г.— *Современники о Тютчеве*.

¹⁰¹ Письмо К. Пфеффеля Э. Ф. Тютчевой 15/27 июня 1849 г.— Там же.

¹⁰² *РА*, 1907, кн. I, с. 78.

¹⁰³ *Аксаков 1886*, с. 32.

ПИСЬМА

ОТ РЕДАКЦИИ

Эпистолярное наследие Тютчева весьма обширно. В настоящее время выявлено 1270 писем, написанных им более чем за полвека (1820—1873). Среди его адресатов — издатели и публицисты, ученые и литераторы, общественные деятели и государственные сановники, члены семьи поэта и другие родственники, сослуживцы и светские знакомые. В общей сложности ныне известно более ста лиц, которым Тютчев адресовал свои письма.

При всей нелюбви его к «писанию», эпистолярная форма общения занимала в жизни Тютчева весьма значительное место. Можно сказать словами самого поэта, что она была для него одним из способов «высказать себя», — об этом убедительно свидетельствуют несколько тысяч страниц его писем.

Письма Тютчева — летопись его повседневной жизни и вместе с тем отражение его внутреннего мира (многие из них созвучны строкам его лирических стихов). Они полны глубоких наблюдений над самим собой и над окружающей действительностью, в них выразились философские воззрения и общественно-политические взгляды Тютчева, его жизненная позиция. Никогда не замыкаясь в сфере узко личных интересов, постоянно вращаясь в кругах, где решались судьбы внешней и внутренней политики России, Тютчев размышляет в своих письмах над самыми злободневными проблемами современной ему политической жизни, дает неллицеприятную, порой крайне резкую оценку действиям правящих кругов. Сторонник самодержавия, он тем не менее во многом критически относился к нему, видел признаки его разложения и в письмах нередко с беспощадной открытостью эти признаки отмечал.

Все это делает письма Тютчева неоценимым источником не только для исследователей творчества поэта и его биографов, но и для историков, изучающих общественно-политическую жизнь России XIX века.

Развернутую характеристику эпистолярного наследия Тютчева дал К. В. Пигарев в ст. «О письмах Тютчева» (*Пигарев*, с. 359—374); см. также комментарий Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева в кн.: *Соч. 1980*, т. 2, с. 261—268. Отсылаем читателя к этим работам, здесь же ограничимся словами первого биографа поэта — И. С. Аксакова: «Письма Тютчева, собранные вместе, стоили бы любого серьезного, многотомного литературного произведения» (*Аксаков 1886*, с. 238).

Именно Аксакову принадлежала инициатива собирания писем Тютчева с целью их публикации. Однако задуманное издание не было осуществлено. Лишь в написанной им биографии поэта, увидевшей свет через год после смерти Тютчева (*РА*, 1874, № 10), Аксаков широко цитировал его письма (нигде, однако, не указывая имен адресатов).

На протяжении последующих десятилетий отдельные письма Тютчева время от времени появлялись на страницах различных сборников и периодических изданий, как дореволюционных, так и советских; обзор этих публикаций см. в кн.: *Соч. 1980*, т. 2, с. 265—267. Наряду с этим предпринимались попытки дать публикации целых комплексов писем, объединенных либо именем адресата, либо общей проблематикой.

Первыми попытками такого рода были публикации отрывков из писем Тютчева жене Эрнестине Федоровне. Около 140 отрывков, в свое время подготовленных ею для Аксакова, появилось в ряде номеров «Русского архива» (1898, № 12; 1899, № 2—6, 8, 9, 11). Позднее в сборниках «Старина и новизна» (кн. 18, 19, 21, 22; Пг., 1914—1917) было напечатано 270 отрывков ею же отобранных (многие из них повторяют тексты «Русского архива», но не покрывают их полностью). При всей значительности содержания этих публикаций, фрагментарность и неточность опубликованных текстов, субъективность их отбора, а также отсутствие надлежащего комментария лишает их научной ценности.

Первую научную публикацию одного из эпистолярных комплексов поэта (26 писем) предприняла Е. П. Казанович в книге: «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой

и С. П. Фролову» (Л., 1926). В 1935 г. два комплекса писем Тютчева были напечатаны в «Литературном наследстве» (публикация К. В. Пигарева и др.). Один из них состоит из 26-ти писем, посвященных проблемам внешней политики России, в другой входят десять писем, отбор которых определялся задачей «показать многообразие тютчевских адресатов» (ЛН, т. 19—21, с. 219—252 и 579—587).

В дальнейшем публикация эпистолярного наследия Тютчева шла главным образом по линии включения неизвестных ранее писем в общедоступные издания его произведений: «Стихотворения. Письма» (М., 1957; сост. К. В. Пигарев); «Сочинения», т. 2 (М., 1980; сост. Л. Н. Кузина, ред. К. В. Пигарев); «Сочинения», т. 2 (М., 1984; сост. Л. Н. Кузина). В первое из них вошло 70 писем, во второе — 172, в третье — 228; при этом в первом опубликовано 17 новых писем, во втором — 42, в третьем — 51. Неоспоримое достоинство этих изданий заключается в том, что благодаря им в научный обиход введено в общей сложности 110 писем Тютчева, ранее неизвестных. Однако научная ценность этих публикаций значительно снижается тем, что отбор новых писем сделан в расчете на массового читателя, напечатаны они в общем ряду с письмами, давно известными, а комментарии отвечают требованиям популярного издания. Кроме того, известно, что значительную часть своей переписки Тютчев вел на французском языке. По-французски написаны все письма его жене и дочерям, составляющие более половины всего эпистолярного наследия Тютчева, а также многие другие его письма. Тем не менее почти во всех указанных публикациях эти письма печатались лишь в переводах. Только в очень немногих случаях они опубликованы на языке оригинала с параллельным переводом. Это — упомянутые выше отрывки, цитированные Аксаковым в его труде, выдержки из писем Тютчева жене и К. Пфэффелю и книга «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову», а также несколько небольших публикаций: письма к М. Ф. Бирилевой (3 п.), А. Д. Блудовой (3 п.), П. А. Вяземскому (6 п.), Е. Э. Трубецкой (6 п.) и П. Я. Чаадаеву (3 п.), напечатанные в «Русском архиве» (1900, № 11; 1911, № 6) и в сборнике «Уралия» (Л., 1928). Однако единственный среди этих публикаций крупный эпистолярный комплекс — письма Тютчева к жене — не дает достаточного представления о стиле французских писем поэта в силу отрывочности и неточности публикуемых текстов; не дают его и остальные публикации ввиду малочисленности вошедших в них писем и краткости их.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить следующее:

1. Письма Тютчева, опубликованные до настоящего времени (мы имеем в виду полные тексты, а не отрывки), составляют не более четвертой части всего выявленного до сих пор эпистолярного наследия поэта. Доказательство тому — два указателя, помещенные в заключительной части настоящей книги: «Письма Тютчева в архивах СССР» и «Библиография писем Тютчева. 1874—1984».

2. Подавляющая часть опубликованных писем Тютчева (здесь также речь идет о полных текстах) напечатана только в переводах с французского языка. Следовательно оригинальный авторский текст этих писем ни читателю, ни исследователю фактически недоступен.

Таким образом, научная публикация эпистолярного наследия Тютчева по существу только начинается. Письма поэта должны быть собраны и напечатаны полностью. Предлагаемая ниже публикация — еще один шаг на пути к полному академическому их изданию.

В настоящую публикацию включено 179 писем Тютчева к 23-ми адресатам (1824—1873). Они составляют ряд самостоятельных эпистолярных комплексов, объединенных в три раздела соответственно характеру адресатов, в значительной степени определяющему их содержание.

Первый, самый обширный раздел — «Письма к московским публицистам» (111 п.). Здесь, в письмах к И. С. и А. Ф. Аксаковым, Тютчев предстает в роли негласного руководителя аксаковских изданий — газет «Москва» и «Москвич»; письма к М. Н. Каткову и А. И. Георгиевскому отражают его стремление повлиять на направление «Московских ведомостей»; письма к М. П. Погодину отмечены сочувствием той критике, которой подвергалась политическая система России в его публицистических статьях; письма к Ю. Ф. Самарину содержат оценку его публицистики и советы по поводу содержания его будущих статей. Через все письмо первого раздела проходят суждения Тютчева о событиях западноевропейской политической жизни, о направлении внешней политики России; именно в этих письмах сосредоточены

на в основном та критика в адрес правящих кругов, о которой говорилось выше. Историческому осмыслению этих писем, содержание которых нередко весьма сложно, способствует не только развернутый фактический комментарий, но и публикуемая в настоящей книге статья В. А. Т в а р д о в с к о й, посвященная анализу общественной позиции Тютчева в пореформенную эпоху (автор статьи в значительной степени опирается на суждения Тютчева, высказанные в его письмах к московским публицистам).

Второй раздел — «Письма к родным» (38 п.). Здесь печатаются письма Тютчева к дочерям и сыну, к брату, сестре и другим родственникам. В них нашли отражение события личной жизни поэта, его отношения с детьми, впечатления от поездок по России и за границу, суждения о современных событиях, о прочитанных книгах, в некоторые письма включены стихи.

Третий раздел — «Письма к разным лицам» (30 п.). Здесь содержатся письма к людям, с которыми Тютчев не состоял в постоянной переписке и которым писал лишь изредка, по каким-либо конкретным поводам. При всей своей эпизодичности, они представляют весьма значительный интерес. Так, например, письмо А. И. Козловой содержит отзыв о поэзии Жуковского, а письмо Д. Н. Блудову — суждения о взглядах средневекового мыслителя Якоба Бёме, сопровождающие выполненный Тютчевым перевод стихотворения этого философа; в письме Л. В. Тенгоборскому характеризуется положение Австрийской империи в 1849 г.; письма П. Б. Козловскому и Фр. Тиршу, обнаруженные в зарубежных архивах, раскрывают несколько неизвестных ранее эпизодов биографии Тютчева, относящихся к мюнхенскому ее периоду.

Большая часть публикуемых писем написана по-французски (105 п.). Все они печатаются на языке оригинала и в переводе, что дает обширный материал для изучения стиля французских писем Тютчева.

ПИСЬМА К МОСКОВСКИМ ПУБЛИЦИСТАМ

Публикация К. В. Пигарева

Предисловия и комментарии Л. Н. Кузиной

И. С. и А. Ф. АКСАКОВЫМ 1861—1872

В эпистолярном наследии Тютчева письма к И. С. Аксакову и его жене — А. Ф. Аксаковой, дочери поэта, занимают особое и весьма важное место. Определяется оно тем, что в этих письмах сформулированы многие наблюдения и выводы Тютчева, относящиеся к политической современности. Иные из вопросов, поднятых в них, получали затем публицистическую разработку на страницах аксаковских газет «Москва» и «Москвич». Хотя Тютчев, по определению Аксакова, стоял «вне партий и определенных направлений как поэт»¹, из всей периодики 1860-х годов наиболее близки ему были именно издания Аксакова. Тютчева привлекали в них не только злободневность критики и страстность полемики, не только искренность убеждений издателя и его увлеченность в отстаивании идей, но и сами эти убеждения, идеи.

Оценивая взгляды Аксакова и его роль в общественной жизни России на рубеже 1850—1860-х годов, исследователи отмечают, что среди славянофилов он был настроен наиболее оппозиционно, хотя эта оппозиционность и не выходила за рамки критики отдельных сторон существовавшего в стране «порядка вещей». Именно к этому времени относятся его сотрудничество в «Колоколе» и «Полярной звезде» Герцена, его выступление против крепостного права, за освобождение крестьян с землей. В издававшейся им тогда газете «День» Аксаков призывал дворянство «торжественно, пред лицом всей России, совершить великий акт уничтожения себя как сословия» (с сохранением, однако, «преимуществ по землевладению») ².

В 1860-е годы взгляды Аксакова стали более умеренными, однако оппозиционность по отношению к бюрократическому аппарату самодержавия сохранилась, не уменьшилась и острота критики дворянско-помещичьей реакции.

Оценивая результаты земской реформы, Аксаков полемизировал с Катковым, отрицавшим принцип равного представительства крестьян и помещиков в земстве, и отстаивал независимость земских учреждений от государственной администрации.

Особое внимание уделял Аксаков вопросу о «свободе совести». «Действие самодержавия, — писал он, — простирается только на государство: вот его область. Все, что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга действий самодержавия. Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией. Таково оно и есть в России со времен Петра» ³. Так писал Аксаков в не предназначавшейся для печати записке «Самодержавие не есть религиозная истина». Более сдержанно по тону, но проводя те же идеи, писал о свободе совести Аксаков и в статьях «Москвы». Оставаясь верным монархической форме правления, он подвергал, однако, резкой критике все то, что, с его точки зрения, переходило в «уродство», становилось «узурпацией, тиранией».

Одним из центральных вопросов для Аксакова — публициста и журналиста, издателя «Москвы» и «Москвича» — был славянский вопрос. Его газеты информировали читателей о положении в славянских землях, поддерживали национально-освободительное движение славян против турецкого султана, следили за судьбами австрийских славян, широко освещали подготовку и проведение Славянского съезда в Москве. В своих передовых статьях (они печатались без подписи) Аксаков настаивал на необходимости «могучего средоточия» славянских племен. Указывая на «итальянское единство», на стремление Наполеона III к «конфедерации латинских наций», Аксаков писал: «Не находится ли в этих словах и в этих деяниях самой Западной Европы полного признания права и славянских племен — стремиться к единству и искать себе могучего средоточия? Но этим стремлениям не увенчаться успехами и правам

этим не быть признанными, если славянские народы сами не отречутся» от «эгоистических побуждений, от личных политических вожелений и не возвысятся до сознания высшего блага единства; если сама Россия, наконец, не поймет своего призвания. Не чрез поглощение славян Россией, но чрез объединение славян силою объединяющего начала, представляемого Россиею, и только Россиею, возможно возрождение Славянского мира»⁴.

Взятые в целом, воззрения Аксакова 1860-х годов представляли собой развитие воззрений славянофилов предшествующего поколения (Жиреевского, Хомякова, К. Аксакова) применительно к исторической обстановке пореформенного времени. Позиции Аксакова были противоречивы. Его реалистическая защита земства от опеки правительственной администрации сочеталась с утопическими надеждами на возможность возвращения через земство к «идеальным» началам допетровской Руси. Объективно-исторически прогрессивная защита национально-освободительного движения зарубежных славян не снимала реакционности панславистских идей, предполагавших единство народов под эгидой царской России, «российского орла»⁵.

Но утопические и реакционно-консервативные в своих положительных построениях, воззрения Аксакова были сильны своим критицизмом. Резкость критики не раз навлекала цензурные гонения на издаваемые им в 1860-е годы газеты «День», «Москва» и «Москвич».

Аксаков «рассказывал про то нелепое состояние, в котором находится теперь цензура, — записал 1 ноября 1863 г. в своем дневнике С. М. Сухотин. — Никаких законов, постановлений не исполняют, и Валуев — один закон. Журналы, как „День“, ему ненавистный, находятся под гнетом, а Каткову дозволяют все»⁶. После введения в 1865 г. нового закона о печати отношения Аксакова с цензурой еще более усложнились. Если в 1862 г. он еще высказывал надежду на то, что «свобода печатного слова есть неотъемлемое право каждого подданного Российской империи, без различия звания и состояния»⁷, то после 1865 г. в нем все более и более крепло ощущение крепостной зависимости печатного слова от цензуры. «Мы не можем желать такого крепостного состояния русской мысли и слова, в котором держала их цензура и в котором держат их до сих пор Валуевы и Тимашевы», — писал Аксаков в заметке «Самодержавие не есть религиозная истина»⁸.

В соответствии с уставом 6 апреля 1865 г. периодическим изданиям предоставлялось право выходить без предварительной цензуры, но вместе с тем вводилась система административных взысканий за «вредное направление». В частности, новое положение о печати предусматривало систему «предостережений», заимствованную из французского законодательства Наполеона III. После третьего предостережения министр внутренних дел имел право приостановить издание.

Результаты действия нового закона сказались незамедлительно. Газета «Москва» за 22 месяца своего существования — с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г. — получила девять предостережений и трижды приостанавливалась. В 1868 г. издание ее было запрещено. Тютчев не только был в курсе всех этих трудностей литературно-издательской деятельности Аксакова, не только сочувствовал ему, но и вдохновлял его, призывал к решительности и поддержке. Тютчев поддерживал Аксакова в его полемике с крайне реакционной газетой «Весть». Острой эпиграммой отозвался поэт на выпад редактора «Вести» Скарятина против Аксакова и «славянофильской школы»⁹. В статьях Аксакова о свободе слова Тютчев находил отражение своих собственных взглядов на положение печати, царящий в ней «лицемерно-насильственный» произвол¹⁰. Особенно близки были Тютчеву выступления Аксакова по славянскому вопросу. «...Более чем когда-либо, — писал Тютчев, — злобой дня является славянский вопрос, а он, в своем бесконечном разнообразии, охватывает все другие (...) Вопрос этот, несмотря на его кажущуюся безличность, является самым глубоким, самым заветным из всех наших вопросов и касается всего и всех»¹¹.

Когда издание «Москвы» на время приостанавливалось, Тютчев с нетерпением ждал окончания срока приостановки газеты и появления в ней статей Аксакова. Но были у них и расхождения во взглядах. Признавая справедливым стремление Аксакова выявить призвание России в деле общечеловеческого просвещения, Тютчев не разделял его отрицательного отношения к реформам Петра I, не разделял иллюзий относительно идеальных начал допетровской Руси и возможности возвращения к ним через земскую общину. Историко-философские воззрения Тютчева не совпадали со славянофильской историко-философской доктриной Аксакова. Тем не менее Тютчев совершенно искренне писал дочери, Анне Федоровне Аксаковой: «...твой муж всегда принадлежал к числу моих лучших убеждений»¹².

А. Ф. АКСАКОВА

Фотография Г. И. Денъера, раскрашенная И. П. Рауловым. Петербург, 1864

Справа внизу подписи: «Раулов. 1864»; «Фотогр(афия) Денъера»

По свидетельству Н. И. Тютчева, фотография принадлежала Тютчеву
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Письма Тютчева к дочери тесно связаны с его письмами к Аксакову. Не только сообщаемые в них факты дополняют друг друга, но и сами письма эти написаны как бы в одном ключе, проникнуты едиными мыслями и побуждениями. И это понятно — Анна Федоровна была женой, другом, «недреманным сердцем» Аксакова¹³.

До замужества Анна Федоровна Аксакова (1829—1889) в течение 13 лет служила при дворе — в 1853 г. она стала фрейлиной цесаревны (затем императрицы) Марии Александровны, а в 1858 г. была назначена воспитательницей ее дочери, вел. княж. Марии. Она пользовалась известным влиянием при дворе, однако придворная жизнь тяготила ее — об этом свидетельствуют оставленные ею записки, рисующие весьма далекую от идеализации картину этой жизни¹⁴. Среди детей Тютчева Анна Федоровна была особенно близка ему. Нравственный облик любимой дочери нарисован им в стихотворении «При посылке Нового завета» (1861):

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

И. С. АКСАКОВ

Фотография Г. И. Денбера. Петербург, вторая половина 1860-х годов
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Встреча с Аксаковым, женой которого она стала 12 января 1866 г., была для Анны Федоровны счастливой встречей с человеком, близким по духу, убеждениям, взглядам на жизнь. «Я не могу отделить мою духовную жизнь от твоей, — признавалась мужу. — На этом мы сошлись, на этом мы и должны держаться и вместе бодрствовать, чтобы сделаться лучшими»¹⁵. Когда была закрыта газета «Москва», Анна Федоровна убежденно писала ему: «...думала о том, что тебе предстоит еще добрый труд, что мы оба с тобою напрасно так малодушествуем. Надобно держать сердце *горé*, тогда и ум даст свой свет, и дело сделается. Придешь, надобно будет непременно обзавестись серьезным трудом, чтобы была цель жизни и пища для ума, для сердца и, главное, для духа. Ты не можешь сложить руки»¹⁶.

Позднее, в 1883 г., когда Аксаков издавал газету «Русь», в письмах Анны Федоровны к мужу станут появляться иные настроения. В его деятельности она увидит элементы «ребячества», «суетности» и даже «абсурдности»¹⁷. В строках этих писем скажется не только усталость, не только стремление к «поэтическому уединению» деревенской жизни после городской «суеты». В них снова отразится образ мыслей и новые настроения Аксакова. Начиная

с 1870-х годов он все острее стал ощущать невозможность продолжения своей прежней деятельности, разобщенность поколений, «полнейший перерыв преданий». «...Нет никакого общественного дела, — писал он в 1875 г., — не только такого, которое бы поднимало дух и расправляло бы крылья души во всю ширь, но даже и такого, которое бы соединяло вместе людей для общей работы, служило бы к обмену мыслей, давало бы деятельность живую и плодотворную уму и душе. В этом винить некого, даже и меня самого: такова историческая переживаемая нами минута. Трагизм нашего положения (говорю *нашего*, т. е. людей одного со мною поколения и направления, одних литературных преданий и гражданских стремлений) заключается в том, что мы становимся очень одиноки: круг наш редет час от часу, мы стареем, а за нами никого нет»¹⁸. Так писал Аксаков, как будто подводя черту под целым направлением в общественной мысли России — славянофильством, которому служил почти всю свою жизнь.

Сохранилось 39 писем Тютчева к И. С. Аксакову за 1861—1871 гг. и 144 письма к А. Ф. Аксаковой за 1838—1873 гг., а также два письма, адресованных ей вместе с сестрами (Письма, 1, 2, 90, 91). Из них было опубликовано пять писем к И. С. Аксакову и 20 писем к А. Ф. Аксаковой (Библиография, 1, 2).

Единственное известное письмо А. Ф. Аксаковой к Тютчеву (1855) хранится в ЦГАЛИ (ф. 505, оп. 1, ед. хр. 79). О письмах к нему И. С. Аксакова см. в наст. томе (кн. II) сообщение А. Л. Осповата и Б. А. Рогинского «Письмо И. С. Аксакова к Тютчеву».

Публикуемые ниже 75 писем (33 письма к И. С. Аксакову и 42 письма к А. Ф. Аксаковой) печатаются по автографам (п. 1 — по копии); п. 2 и 3 — ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 627*; п. 22 и 50 — *Собр. Пигарева*; остальные письма — ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 2, ед. хр. 25 и 37.

Письма к И. С. Аксакову (за исключением одного письма) написаны на русском языке. Письма к А. Ф. Аксаковой, а также одно из писем к И. С. Аксакову (п. 28) написаны по-французски; все они печатаются на языке оригинала и в переводах. Переводы выполнены К. В. Пигаревым (п. 5, 16, 20, 24, 28, 30, 34, 40, 42, 44, 45, 46, 48, 56, 61, 65) и Н. И. Филипович (п. 6, 8, 10, 11, 14, 15, 17, 18, 26, 27, 31, 38, 49, 52, 54, 58, 59, 62—64, 66, 68, 70, 72—75).

¹ Письмо И. С. Аксакова к А. Ф. Тютчевой 2 окт. 1865 г. — *Тютчевский сб.*, с. 27.

² «День», 1862, № 13, 6 янв. См. также: В. А. Твардовская. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978, с. 133.

³ ИРЛИ, ф. 3 (Аксаковы), оп. 1, ед. хр. 76.

⁴ «Москва», 1867, № 38, 16 февр. См. также: «Соч. И. С. Аксакова», т. VII. М., 1887, с. 94.

⁵ ЛН, т. 39—40, с. 250.

⁶ РА, 1894, № 2, с. 235.

⁷ «День», 1862, № 32, 19 мая.

⁸ ИРЛИ, ф. 3 (Аксаковы), оп. 1, ед. хр. 76.

⁹ См. ниже: п. 59.

¹⁰ См. ниже: п. 19.

¹¹ См. ниже: п. 24.

¹² См. ниже: п. 5.

¹³ В письме к А. Ф. Аксаковой от 18 окт. 1871 г. Аксаков называет ее «недреманным сердцем», оговариваясь при этом: «...есть ведь образ: недреманное око, т. е. не дремлющее» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 235, л. 15 об.).

¹⁴ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник, вып. 1—2. М., 1928—1929.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 173, л. 28 об.

¹⁶ Там же, л. 27 об.

¹⁷ Там же, л. 218 об.

¹⁸ Письмо И. С. Аксакова к Д. Ф. Тютчевой 12 дек. 1875 г. — *Собр. Пигарева*.

1. И. С. Аксакову

(Петербург.) 23 октября 1861

Благодарим вас, любезнейший Иван Сергеевич, от души благодарим и поздравляем... Трудно выразить то отрадное чувство, с каким читается ваш «День». Словно просыпаешься от какого-то тяжелого, больного, нелепого сна, просыпаешься к жизни, к сознанию действительности, к сознанию самих себя...

* Публикация И. А. Королевой.

Вы, вы вашими несколькими статьями на деле доказываете истину вашего учения¹... Откуда это их превосходство над всем без изъятия, что у нас пишется и печатается, эта бездна, отделяющая вас, не говорю вообще от всей нашей журналистики, но от лучших из ее деятелей? От одного ли превосходства личного вашего дарования или от той среды, в которой вы живете и движетесь?.. Нет, тут разница не количественная, но существенно *качественная*. Не знаю, правы ли поэты, приписывая теням усопших вместо голоса какой-то жалкий писк². Но как должен *звучать* живой голос живого человека между этими тоскливыми тенями?..

И как в настоящую минуту всё, что у нас воочию совершается, *страшно* оправдывает вашу веру и ваших великих покойников³. Так вот куда неумолимая историческая логика должна была привести эту призрачную Россию, эту тень живой, настоящей России⁴. Какое жалкое нравственное бессилие в правительстве, при всей его благонамеренности, — какое безобразие в этом так называемом *общественном* мнении, а в молодом поколении что за бесмущающаяся пошлость!

Я сейчас прочитал в словаре Даля слово *брык*, и вот как он его определяет: беготня скота, когда в знойное оводное время, задравши хвост, мятется туда и сюда и ревет... Итак, скажем с буквальной точностью: *брык* нашего молодого поколения — нашей *Jeune Russie*^{1*}.

Но возвратимся поскорее к вашему «Дню», к вашим, в особенности, превосходным двум передовым статьям.

Я знаю, некоторые из лучших друзей ваших будут и теперь еще проповедовать вам об *умеренности*. Благой совет, конечно, стоит только хорошенько понять, что такое умеренность, и может ли ее не быть там, где есть чувство правды и любви. — Но заставлять человека, умеренности ради, постоянно говорить не своим голосом, нет, это поистине неумеренное требование. Нет, дело совсем не в этом, а можно и должно ожидать от вас вот чего. Чтобы вы, как вы уже начали, по всем вопросам высказывались так сполна, чтобы самому тупейшему тупоумию не оставалось возможности к таким чудовищным недоразумениям, какие бывали прежде, чтобы наконец поняли *они*, что в России нет и быть не может другого *консервативного* начала, кроме вашего, по той естественной причине, что сохраняет только жизнь, а смерть — отсутствие жизни — непременно разлагает. И для этого, по-моему, необходимо, не боясь никаких нареканий, ни заподозрений, от имени России налечь всею силою вашего праведного омерзения на этих вырожденков человеческой мысли, которыми все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала. — Но пока довольно. Еще раз благодарим и поздравляем.

Автограф не сохранился. Печатается по копии А. Ф. Аксаковой. Исправления смысловых ошибок копии отмечены угловыми скобками; исправления орфографических ошибок не отмечаются.

¹ В передовых статьях первых двух номеров «Дня» (1861, 15 и 21 окт.) Аксаков излагал основные положения славянофильства и формулировал «существеннейшие условия» дальнейшего развития России, которые видел в восстановлении разрушенной петровскими реформами «цельности общественного организма»; предпосылкой к осуществлению этой задачи, с его точки зрения, являются, с одной стороны, «выработанное сознание наших народных начал, пребывающее, однако, еще в области отвлеченной, отрешенной от жизни», и с другой — «пробуждение самой жизни народной, вызванное великим делом 19-го февраля» (№ 1, 15 окт., с. 2). В статье, открывавшей «Славянский отдел» газеты, Аксаков утверждал «историческое призвание» России — «освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские» (там же, с. 15).

² В античной поэзии тени усопших, населяющие царство мертвых, лишены голоса и говорят шепотом (В е р г и л и й. Энеида, кн. VI, ст. 493; О в и д и й. Фасты, кн. V, ст. 456).

³ Определяя программу своей газеты, Аксаков писал, что «День» принимает «знамя „Русской беседы“, знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей так называемой славянофильскою школой» («День», 1861, № 1, 15 окт., с. 2).

^{1*} Молодой России (*франц.*).

⁴ Образ «призрачной России» нарисовал Аксаков: «И сколько накопили мы лжи в течение нашего полуторастолетнего разрыва с народом! <...> Только после разрыва заводится у нас *ложь*: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа, и вся поверхность земли населяется призраками и живет призрачною жизнью!» (там же, с. 1).

2. И. С. Аксакову

(Москва. 8 августа 1863)

Я вчера послал к вам, почтеннейший Иван Сергеевич, довольно плохие стихи и просил вас *не помещать* их в вашем «Дне», — но все-таки, для очистки совести, не могу не сообщить вам следующих поправок — первые четыре стиха заменить, напр(имер), этими:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безотрадный сон...
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

И далее, слово *вертеп* заменить словом *притон*... ¹

Иду сейчас в Кремль поклониться русскому народу, этому, как и следует, в его минуты вдохновения, великому бессознательному поэту.

Вам душевно преданный

Ф. Т ю т ч е в

8 августа 1863 г.

¹ Стихотворение «Ужасный сон отяготел над нами...» опубликовано в газете «День» 10 августа 1863 г. (№ 32) с учетом сделанных Тютчевым поправок.

3. И. С. Аксакову

(Москва. 9 августа 1863)

Прошу вас убедительно, почтеннейший Иван Сергеевич, делать с моими виршами, что вам угодно — т. е.: изменить, поправить и усилить... Спешу, уезжаю сегодня и поручаю себя вашему дружескому расположению. — Когда будете писать к Анне?

Вам пред(анный) Ф. Т ю т ч е в

P. S. Вместо слова *бессмысленной*, не лучше ли *неустовой*? ¹

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Эта поправка была учтена при публикации стихотворения «Ужасный сон отяготел над нами...» в «Дне» (см. п. 2, прим. 1).

4. И. С. Аксакову

С.-Петербург). 8 декабря 1865

Много благодарны, почтеннейший Иван Сергеевич, за вашу послед(нюю) передовую статью. Это настоящее *argumentum ad hominem* ^{2*} или, по-русски, она угодила нам не в бровь, а прямо в глаз. — Надеюсь, что в следующем № вы оговоритесь и положительно объявите, что при невыполненном условии вы отказываетесь от всякой полемики ¹.

Но все это, увы, — пока ни к чему не поведет. Недоразумение, непонимание вопроса — не в одних правительств(енных) лицах, но в самой общественной среде. Я третьего дня обедал у князя Горчакова. Нас было человек девять — людей, считающихся весьма образованными и либеральными. И что же? Из них из всех один только понимал как следует значение так верно вами поставленного вопроса, а именно, что всякое вмешательство Власти в дело мысли не

^{2*} Довод, предназначенный для убеждения данного лица или определенных лиц (букв. — применительно к человеку. — *Лат.*).

разрешает, а затягивает узел, что будто бы пораженное ею ложное учение — тотчас же, под ее ударами, изменяет, т(ак) с(казать), свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли. Но еще раз — этого им не скоро понять, так как даже и их учителя, в Западной Европе², не могли еще этого совершенно в толк взять...

Нас опять и по этому вопросу привела к абсурду наша нелепая бестолковая подражательность. — Я тогда еще им старался выяснить, что пересадка на нашу почву франц(узской) системы предостережений составит колоссальную нелепость³. Во Франц(ии) это — мера чисто полицейск(ая), выработанная обстоятельствами для прикрытия личности теперь господствующей партии от слишком рьяного напора соперничающих партий. Тут есть смысл и так, как во всяком деле, — необходимость. — И вот почему франц(узское) *avertissement*^{3*} заключило себя в определенной, довольно тесной сфере, оставив вне оной все, что собственно может называться *доктриной*, учением... Между тем как у нас, с первых же пор, эта система предостережений присвоила себе безграничную юрисдикцию по всем вопросам — и решает, как ей угодно, все *познаваемое* и *изглаголанное*... И все эти нравственные чудовищности и вопиющие нелепости проявляются у нас с таким милым, детским простодушием. — И вот почему, дорогой Ив(ан) Серг(еевич), ваш «День», *во что бы то ни стало*, не должен ни на минуту сходить с нашего горизонта. Значение ваше не в рати, а в знамени. Знамя это создает себе рать, лишь бы оно не сходило с поля битвы. — Не бросайте и не передавайте его⁴. — Это мое задушевное убеждение.

Ф. Тютчев

¹ В передовой статье «Дня» от (4 декабря) 1865 г. (№ 49) Аксаков заявил, что готов начать полемику в защиту принципов славянофильства с М. А. Антоновичем, автором статьи «Суемудрие „Дня“» («Современник», 1865, № 10). При этом он сделал оговорку, что будет вынужден воздержаться от полемики в том случае, если за статью Антоновича «Современнику» будет объявлено предостережение (о том, что оно готовится, Аксаков узнал от Тютчева). Предостережение было дано, и в ближайшем номере «Дня» Аксаков напечатал следующее заявление: «5 декабря в „Северной почте“ напечатано предостережение „Современнику“ именно по поводу статьи г. Антоновича. Этим способом, к величайшему нашему сожалению и к нашему успеху и торжеству враждебных нам мнений по вопросам веры, церкви и т. д., прекращается для нас возможность бороться с нашими противниками вполне равным оружием, и мы вынуждаемся приостановить с ними всякую полемику» (№ 50—51, (11 дек.), «Смесь»).

² Так называемая система предостережений (т. е. карательная цензура) по отношению к периодическим изданиям, введенная законом от 6 апреля 1865 г., была заимствована из французского законодательства о печати, принятого в 1852 г. (в 1865 г. во Франции эта система фактически перестала применяться, а в 1867 г. была упразднена юридически). Оценку этого

^{3*} предостережение (франц.).

Кривош. Вас., записки
 М. А. Антонович, К. А. Аксаков
 С. С. Смирнов, М. А. Антонович
 К. А. Аксаков, С. С. Смирнов
 М. А. Антонович, К. А. Аксаков
 С. С. Смирнов
 М. А. Антонович, К. А. Аксаков
 С. С. Смирнов
 М. А. Антонович, К. А. Аксаков
 С. С. Смирнов

ПИСЬМО ТЮТЧЕВА И. С. АКСАКОВУ

Автограф. (Москва, 9 августа 1863 г.)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«плагната» см. в п. 14. О содержании системы предостережений и об отношении к ней Тютчева см.: Тютчев — Каткову, п. 5, прим. 1—5.

³ Тютчев протестовал против введения французской системы предостережений еще в сентябре 1858 г., когда эта идея была высказана впервые (*Никитенко*, т. 2, с. 37).

⁴ С января 1866 г. Аксаков прекратил издание «Дня». К этому вынудило его сокращение числа подписчиков, которое повлекло серьезные материальные затруднения (*Цимбаев*, с. 122). Тютчеву были хорошо известны эти обстоятельства — он знал о них от самого Аксакова (*Никитенко*, т. 2, с. 540).

5. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Vendredi, 25 Février (18)66

Ma fille chérie, ma bonne et heureuse Anna,

De grâce pardonne-moi mon silence et surtout ne l'interprète pas à mal. Ce n'est, Dieu le sait, ni de l'indifférence, ni même de la paresse. C'est quelque chose... dont il est inutile de parler. Je vous sens, je vous vois en pleine possession de la vie, de cette vie à laquelle tu n'as cessé d'aspirer et que tu méritais si bien... et quant à moi — ma vie à moi est bien finie, morte et enterrée. Or il faut avoir expérimenté cet état, pour comprendre ce que c'est — et comme alors, — en présence de la vie vivante, on contracte, tout naturellement, la retenue et la discrétion des morts...

Et cependant, ma fille, crois-le bien, je lis tes lettres avec la plus intime satisfaction. C'est comme si j'assistais à l'accomplissement d'un beau rêve et je ne puis assez remercier Dieu de l'avoir permis. Il y a dans ton bonheur quelque chose qui me satisfait tout entier et qui donne raison à toutes mes convictions, car tu sais bien que ton mari a toujours été au nombre de mes convictions les meilleures. Je lui sais tant de gré de ce qu'il est — et surtout de ce qu'il a une nature de tout point si différente de la mienne... tu dois aussi apprécier cela... Ah oui, j'aimerais bien vous voir chez vous — par une belle journée de printemps au premières feuilles et sous ce même toit qui a déjà abrité tant de vie intelligente et sympathique¹. Ce n'est pas peu de chose que d'hériter d'un pareil passé...

Et cependant, ma fille, oserai-je vous l'avouer, — même à travers votre bonheur présent, j'en suis encore à regretter le «День»² et fais des vœux sincères pour pouvoir concilier ces deux choses... Et ce n'est pas à moi seul que le «День» manque si essentiellement. Il manque à la pensée russe contemporaine et il ne saurait lui manquer longtemps sans en faire baisser le niveau.

Nous sommes ici en pleine crise de politique extérieure, à cause des principautés Danubiennes et c'est aujourd'hui même que l'empereur doit se décider entre Gortchakoff et Budberg, ici présent³... Quant à préciser le différend qui existe entre ces deux messieurs, ce n'est pas chose facile. En tout cas il y a là plus de personnalité que de politique. Une circonstance piquante du procès, c'est le patriotisme ultra-russe de Budberg, qui n'admet aucun ménagement, aucune temporisation et veut décidément être le *Bismark* de la Russie... Il n'y a rien d'aussi effrayant que le patriotisme russe d'un Allemand. C'est comme un poltron révolté... et cependant les *coups de tête* seraient plus que jamais un contresens dans notre politique, qui pour réussir n'a besoin que de se comprendre elle-même et de laisser faire le temps et la force des choses.

J'aimerais bien pouvoir utiliser ces deux auxiliaires dans l'intérêt du rétablissement de notre chère Daria — pauvre fille, qui, grâce à je ne sais quel défaut organique dans son être moral — en est arrivée déjà dès à présent, à cette *difficulté d'être*, dont quelqu'un se plaignait à l'âge de cent ans⁴. La position qu'elle s'est faite est telle qu'on ne sait vraiment pas par quel bout la prendre...

Mais avant de finir, voici une commission dont j'ai été obligé de me charger pour ton mari. C'est de la part du jeune P(ince) Volkonsky, à qui ton mari a promis de lui envoyer quelques exemplaires de sa notice nécrologique sur son père⁵.

Et maintenant encore une fois, que Dieu v(ous) garde tous les beaux.
A v(ou) s de coeur

T. T.

Перевод:

Петербург. Пятница, 25 февраля (18)66

Моя милая дочь, моя добрая и счастливая Анна,

ради Бога, прости мне мое молчание и, главное, не истолковывай его в дурном смысле. Видит Бог, это не равнодушие, это даже не лень. Это нечто... о чем бесполезно говорить. Я чувствую вас, вижу вас в полном обладании жизнью, той жизнью, к которой ты не переставала стремиться и которую так заслуживала... Что же касается меня, то моя жизнь положительно кончена, мертва и погребена. Но надо испытать это состояние, чтобы понять, что это такое, понять, что в этом случае перед лицом живой жизни совершенно естественно становишься скованным и молчаливым, точно мертвец...

Тем не менее ведь мне, дочь моя, что я читаю твои письма с полным сердечным удовлетворением. Я словно присутствую при осуществлении чудного сна и не могу достаточно возблагодарить Бога за его на то соизволение. В твоем счастье есть нечто, удовлетворяющее меня вполне и отвечающее всем моим убеждениям, ибо ты хорошо знаешь, что твой муж всегда принадлежал к числу моих лучших убеждений. Я так ему признателен за то, что он есть, а, главное, за то, что он обладает характером, столь отличным, со всех точек зрения, от моего... Ты тоже должна ценить это. О да, мне очень хотелось бы увидеть, как вы живете — ясным весенним днем, когда распускается первая листва — под той самой кровлей, которая столь часто давала приют милым и мыслящим людям¹. Это немало — наследовать такое прошлое.

И все же, дочь моя, — осмелюсь вам в этом признаться, — даже при всем вашем теперешнем счастье я не перестаю жалеть о «Дне»² и желаю от всей души, чтобы у вас было и то, и другое... И не мне одному так сильно недостает «Дня». Его недостает современной русской мысли, и это не может не вызвать в скором времени понижения ее уровня.

У нас здесь полный кризис внешней политики из-за Дунайских княжеств, и как раз сегодня государь должен сделать выбор между Горчаковым и Будбергом, который находится здесь³. Точно определить, в чем состоят разногласия между этими двумя господами, дело нелегкое. Во всяком случае, тут больше личных мотивов, чем политических. Пикантной подробностью дела является сверхрусский патриотизм Будберга; он не признает никакой осмотристельности, никакого выжидания и решительно стремится стать русским *Бисмарком*. Нет ничего страшнее русского патриотизма у немца. Это все равно, что взбунтовавшийся трус... а между тем *необдуманные выходы* более нежели когда-либо явились бы нелепостью в нашей политике, которой для достижения успеха нужно лишь понимание самой себя и предоставление дела времени и силе вещей.

Мне бы очень хотелось воспользоваться обоими этими вспомогательными средствами для восстановления здоровья нашей милой Дарьи. По милости какого-то глубокого изъяна в ее душе бедняжка дошла до того, что уже сейчас *жизнь тяготит* ее, а ведь кто-то пожаловался на это лишь по достижении столетнего возраста⁴. Она поставила себя в такое положение, что, право, не знаешь, как к ней подступиться.

Но, прежде чем кончить, вот поручение к твоему мужу, за которое мне пришлось взяться. Оно исходит от молодого кн(язя) Волконского, коему твой муж обещал прислать несколько экземпляров своей заметки по поводу кончины его отца⁵.

А теперь, еще раз, да хранит господь вас обоих.

Сердечно ваш Ф. Т.

¹ Первые месяцы после свадьбы (12 янв. 1866 г.) Анна Федоровна и ее муж провели в Абрамцеве, подмосковном имении Аксаковых. При жизни С. Т. и К. С. Аксаковых там бывали Гоголь, Загоскин, Хомяков, Тургенев и многие другие деятели литературы. 1 мая 1866 г. Тютчев посетил молодых Аксаковых в Абрамцеве (*СН*, кн. 21, с. 214; пер. с франц.).

² См. п. 4, прим. 4.

³ «Соединенные Дунайские княжества» (Молдавия и Валахия) — один из объектов соперничества Турции, Австрии и России в борьбе за влияние на Балканах; находились под властью Турции и вместе с тем под протекторатом держав, подписавших Парижский мирный договор в 1856 г.; при этом оба княжества должны были сохранять полную автономию по отношению друг к другу. Однако в 1859 г. и Молдавия, и Валахия избрали на пост государя одно лицо — полковника Александра Кузу, который провел их фактическое объединение в сфере административной и военной. Державы-покровительницы, а за ними и Турция были вынуждены признать это объединение, но лишь на время правления Кузы. Тем не менее в декабре 1861 г. Куза официально провозгласил объединение княжеств (этот акт знаменует рождение Румынского государства). 11/23 февраля 1866 г. Куза был свергнут с престола в результате заговора коалиции сил, недовольных проведенными им внутренними реформами.

Западноевропейская печать утверждала, что переворот спровоцирован Австрией как повод для оккупации княжеств и что австрийские войска уже стоят на границах. В день, когда Тютчев писал свое письмо, русская официальная печать заявила, что Россия не может «позволить другим державам хозяйничать в тех делах, в которых непосредственно заинтересована», а потому не может «отнестись равнодушно к занятию Дунайских княжеств австрийцами» (*СПб. вед.*, 1866, № 55, 25 февр. / 9 марта). Для обсуждения создавшегося положения в Париже была спешно созвана конференция держав-покровительниц. 26 февраля для участия в ней выехал из Петербурга русский посол во Франции А. Ф. Будберг (*СПб. вед.*, 1866, № 58, 28 февр. / 12 марта). О дальнейшем развитии «дунайского кризиса» и об отношении Тютчева к этим событиям см.: Тютчев — Георгиевскому, п. 12, прим. 1 и 2; п. 13, прим. 6 и 8; п. 16, прим. 1.

⁴ Дочь Тютчева Дарья Федоровна страдала нервным расстройством. В связи с ее состоянием Тютчев цитирует слова французского писателя Бернара де Фонтенеля (1657—1757), который прожил сто лет и лишь за сутки до смерти пожаловался, что «жизнь тяготит» его (цит. по кн.: L. M a i g r o n. Fontenelle. P., 1906, p. 89).

⁵ 11 декабря 1865 г. в газете «День» (№ 50—51) был напечатан «Некролог» декабриста С. Г. Волконского. Автором его был Аксаков, к которому 2 декабря обратился с просьбой сын покойного М. С. Волконский: «Зная, как искренно отец уважал вас и все ваше семейство и как тесно привязывало его к вам общее вам чувство беспредельной любви к родине, которым он жил всю свою жизнь, я желал бы, чтобы именно ваш журнал известил друзей отца моего, разбросанных от Сибири до Западной Европы, о его кончине» (ИРЛИ, ф. 57 он. 3, ед. хр. 20).

6. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. Samedi, 9 Avril 1866.

Ma fille chérie.— Je continue... pour abrégier les préliminaires... La grande préoccupation de ces derniers jours c'était la composition de la commission d'enquête, dont le personnel offrirait toutes les garanties d'ingénus en fait d'informations, devant aboutir à un résultat sérieux¹.

On était persuadé qu'entre leurs chastes et pudiques mains l'événement du 4 Avril prendrait les proportions d'un fait isolé, d'un coup de tête, d'un énérgumène ne se rattachant à rien, surtout pas au fond de la situation, attendu que le propre de ces braves gens est de ne pas admettre qu'il y ait un fond à quoi que ce fût — toutes ces craintes trop bien fondées ont prévalu et hier toute l'affaire a été remise aux mains de Michel Mouravieff l'inévitable... dure nécessité qui ajoutera encore pour certaines gens à l'odieux de l'attentat. Jusqu'à présent l'assassin est un mythe, conservant toute sa présence d'esprit et même faisant preuve, à l'occasion, d'une sorte d'enjouement railleur, vis-à-vis de ses candides interlocuteurs... Ainsi, sur une question qui lui a été faite sur sa criminelle inspiration, il a répondu qu'il la devait à la lecture des écrits de Katkof en ajoutant что он вообще придерживается мнений этого почтенного писателя. On dirait qu'il prend à tâche de justifier l'avertissement, adressé dernièrement par Mr. Valoujeff à la gazette de Moscou². La visite de Polissadof n'a guère mieux réussi auprès de lui³. Il a dès le début interrompu ses pieuses exhortations en lui déclarant que c'était des choses qu'il avait parfaitement sues autrefois, mais qu'il avait depuis longtemps oubliées... En un mot d'après le peu d'indices recueillis jusqu'à présent, sa provenance morale ne fait pas un doute à mes yeux, quelle que puisse être d'ailleurs son origine nationale... C'est un produit plus complètement réussi de la tendance nihiliste, qui s'est lassé du rabachage du parti, et qui, une bonne fois, a voulu essayer de l'action... Ce qui n'empêche pas de supposer qu'il est un émissaire avoué dont l'inspiration personnelle s'est trouvée à la hauteur du mandat qui lui a été confié. On prétend savoir que le jour même de l'attentat trente à quarante individus polonais se sont empressés de quitter Pétersbourg profitant de l'émotion bien naturelle de la police, qui avait oublié de faire garder les barrières. D'ailleurs les poisons trouvés sur le coupable indiqueraient à mon avis que ce ne saurait être un fanatique isolé, ne relevant que de lui-même, qui n'a pas besoin de prendre de pareilles sûretés contre ses propres indiscretions... En un mot il n'y a jusqu'à présent qu'un bras, sorti du nuage, mais évidemment il tient à quelque chose⁴. Ce qu'il y a de pis, hélas, c'est qu'on n'est pas suffisamment convaincu en haut lieu, que ce bras tient surtout à tout un corps de sentiments, d'idées, de doctrines,

à tout un monde sans nom, que le pouvoir lui-même a longuement couvé sous son aile, comme une candide oie couvrirait un oeuf de crocodile. Je ne mets pas en doute, qu'à l'heure qu'il est il n'y a peut-être pas à Pétersbourg d'établissement scolaire, où il ne se trouve un maître, ou deux, ou trois, qui chercheront à faire considérer à quelques-uns de leurs élèves l'homme du 4 avril comme le glorieux martyr d'une sainte et noble cause... Y a-t-il solidarité entre ces gens-là et les personnages officiels placés au haut de l'échelle administrative?.. de solidarité juridique assurément non, n'en déplaît à Katkoff, mais bien certainement il y a solidarité morale, en le sens que l'indifférentisme, l'absence de foi et de convictions des uns laisse le champ libre à la propagande fanatique des autres. C'est l'irreligion passive faisant la courte-échelle à l'irreligion active... Ah, que ton mari, ma chère Anna, aurait trouvé de belles choses à dire dans les circonstances actuelles et que son silence est fâcheux en ce moment...

Quant à l'affaire Katkoff, voici où elle en est... Depuis longtemps déjà Valoujeff l'Olympien (nommé Périclès⁵) était troublé dans sa sérénité par la brutalité irrévérentieuse de la gazette de Moscou. Il avait bien essayé de quelques froncements de sourcils, mais qui n'avaient pas aboutis. Enfin je ne sais quelle goutte imperceptible a fait déborder le vase de sa colère, et à propos d'un article qui n'était qu'une centième redite, il a, contrairement à l'avis de tout le conseil moins deux voix, lancé son premier avertissement. Il ne faudrait pas croire toutefois que c'est aux doctrines, à la politique de Katkoff qu'il s'attaquait... il ne se serait pas abaissé jusque là... non, c'était plutôt un Sultan, un Padi-Schah, qui sortait de son majestueux repos pour aller réprimer son vassal trop turbulent⁶. Mais malheureusement il avait compté sans son hôte, il n'avait pas compté sur une rébellion ouverte, refus d'insérer l'avertissement et rude coup de bâton asséné sur la main qui s'étendait pour l'imposer⁷. En vue d'un pareil outrage, d'un pareil attentat à leur autorité officielle, mes collègues du Conseil n'y tinrent plus et dans la dernière séance ils s'emportèrent jusqu'à proposer un second avertissement. C'était précisément le 4 Avril — l'incident de ce jour a tout à coup arrêté comme de raison toute cette ébullition et force a été de reconnaître — même aux plus stupides d'entre nous, qu'il y aurait mauvaise grâce à s'attaquer à la gazette de Moscou dans un pareil moment. Il y avait tout un aveu dans cette abstention, mais qui ne sera pas compris de ceux-là même à qui la force des choses vient de l'arracher. Je ne manquerai pas de vous tenir au courant de ce qui succédera⁸... En attendant mille amitiés à ton cher, bien cher mari, auquel je ne manquerai pas d'écrire directement le résultat de la démarche qu'il m'a chargé de faire. Mais quant à la Revue, pourquoi ne s'adresse-t-il pas à quelque libraire de Moscou⁹? — Adieu ma fille chérie, et bientôt au revoir.

Tout à toi.

Перевод:

Петербург. Суббота, 9 апреля 1866

Моя милая дочь. — Продолжаю... опустив вступление... Главной заботой последних дней был состав следственной комиссии; члены ее имели весьма наивное представление об обстоятельствах дела, а это могло привести к серьезным последствиям¹.

Опасались, что в их чистых и целомудренных руках событие, происшедшее 4 апреля, сократится до размеров частного случая, до отчаянного поступка одержимого человека, не связанного ни с чем и, в особенности, со скрытой сущностью ситуации, поскольку этим неискушенным людям несвойственно предполагать скрытую сущность в чем бы то ни было, — все эти слишком обоснованные опасения взяли верх, и вчера дело было передано в руки все того же незаменимого Михаила Муравьева... вынужденный шаг, благодаря которому в глазах некоторых покушение будет выглядеть еще отвратительнее. До сих пор покушавшийся держался героем, сохранял присутствие духа и даже выказывал при случае некую игривую насмешливость по отношению к своим простодушным собеседникам... Так, на вопрос о том, кто внушил ему его преступный замысел, он отвечал, что был вдохновлен чтением статей Каткова, присовокупив, что он вообще придерживается мнений этого почтенного писателя. Он

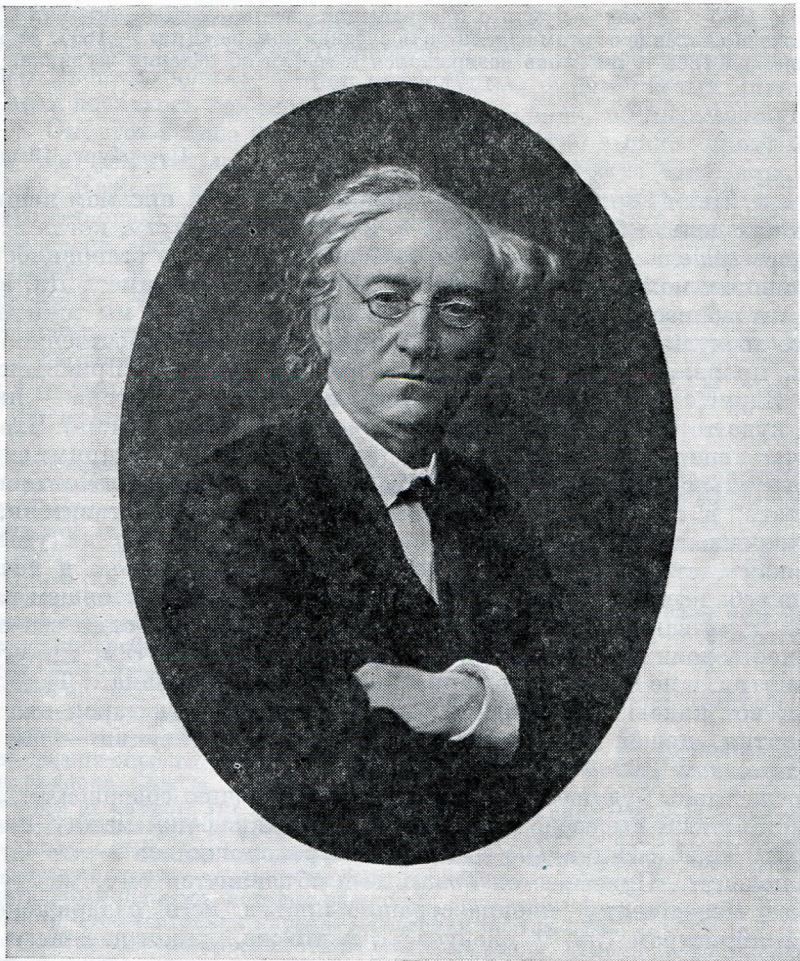
словно старается подтвердить обоснованность предостережения, которое недавно сделал «Московским ведомостям» г-н Валуев². Полисадов своим посещением также ничего не добился³. Тот сразу прервал его благочестивые увещания, заявив, что все это он когда-то прекрасно знал, да давно забыл... Словом, из тех немногих сведений, которые пока до меня дошли, его нравственные истоки для меня совершенно ясны, какова бы, кстати, ни была его национальная принадлежность... Это один из последовательных приверженцев нигилистического направления; устав от пустопорожней болтовни своих единомышленников, он решил хоть раз попытаться действовать... Не исключено, однако, что он подослан, и в этом случае собственное его стремление вполне отвечало возложенной на него миссии. Говорят, будто в самый день покушения тридцать или сорок лиц польского происхождения спешно выехали из Петербурга, воспользовавшись совершенно естественной растерянностью полиции, которая забыла закрыть заставы. То, что у преступника был найден яд, по-моему, также указывает скорее на то, что речь идет не о фанатике-одиночке, которому незачем прибегать к подобной предосторожности из опасения проговориться, поскольку он отвечает только за себя... Словом, пока из всего этого тумана видна только рука, но она, безусловно, является частью чего-то⁴. Хуже то, что в высших сферах, увы, недостаточно убеждены, что рука эта является частью целого организма, целого не известного нам мира чувств, идей и доктрин, который власти долгое время высжиживали под собственным крылом, словно доверчивая гусыня яйцо крокодила. Не сомневаюсь, что в любом учебном заведении Петербурга найдется в эти дни один, два, а то и три наставника, которые, говоря с некоторыми из своих учеников, постараются изобразить виновника события 4 апреля героем-мучеником за святое и благородное дело... Можно ли говорить о солидарности между этими людьми и официальными лицами, стоящими на верхних ступенях административной лестницы? Юридически такой солидарности, конечно, нет, не в обиду Каткову будь сказано, но есть между ними солидарность нравственная, в том смысле, что безразличие, отсутствие веры и убеждений у одних дает другим возможность для пропаганды фанатизма. Так пассивное неверие помогает развиваться неверию активному. Ах, дорогая Анна, сколько дельного по поводу нынешних событий мог бы сказать твой муж, и как досадно, что он сейчас вынужден молчать...

Что касается дела Каткова, то вот в каком оно положении. Долгое время «Московские ведомости» своей непочтительной резкостью нарушали покой олимпийца Валуева (прозванного Периклом)⁵. Несколько раз он, правда, пытался хмурить брови, но тщетно. Наконец, не знаю уж какая незидимая капля переполнила чашу его гнева, и по поводу статьи, в которой повторялась только сотая доля сказанного ранее, он, вопреки мнению всего Совета, за исключением двух его членов, метнул свое первое предостережение. Не следует, однако, думать, что он выступил с нападками на теории, на политику Каткова... до этого он не снизошел бы... нет, он вел себя, как султан, как падишах, который выходит из состояния величественного покоя, чтобы сделать внушение слишком беспокойному вассалу⁶. Но, к сожалению, расчет был сделан без хозяина, он не думал натолкнуться на открытое сопротивление, на отказ опубликовать предостережение и на крепкий удар палкой по руке, которая было протянулась, чтобы наложить взыскание⁷. Столь тяжкое оскорбление, столь явное неповиновение официальным властям вывело из себя моих коллег по Совету, и на последнем заседании они дошли в своем возмущении до того, что предложили сделать второе предостережение. Это было как раз 4 апреля — главное событие дня утихомирило эти разбушевавшиеся страсти, и даже самым тупоумным из нас пришлось признать, что сейчас не время нападать на «Московские ведомости». В этом решении заключено целое признание, но те, у кого оно было вырвано ходом событий, никогда не смогут этого понять. Не премину сообщить вам обо всем, что за этим последует⁸... Пока же шлю дружеские приветствия твоему столь мне любезному мужу; о результатах шагов, которые я предпринимаю по его поручению, непременно ему сообщу. Да, насчет журнала: почему он не обратится к какому-нибудь московскому издателю⁹? — Прости, милая моя дочь, до скорого свидания.

Весь твой.

¹ Следственная комиссия по делу Каракозова начала работать 5 апреля 1866 г. — на следующий день после покушения. Ввиду того, что она «действовала слабо» (*Никитенко*, т. 3, с. 25) и за три дня ничего не раскрыла, 8 апреля председателем ее был назначен М. Н. Муравьев.

² 26 марта 1866 г. по инициативе Валуева было объявлено предостережение «Московским ведомостям» за передовую статью в № 61 от 20 марта, предьявлявшую «правительственным сферам» обвинение в стремлениях, присущих «врагам России» (см. прим. 6.).

ТЮТЧЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1867

Переснимок, выполненный им же в феврале 1885 г. по заказу Э. Ф. Тютчевой. Воспроизведен в изданной ею книге: «Сочинения Ф. И. Тютчева». СПб., 1886

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Получила от Левицкого фотографии Любимого, которые я заказала. Сходство поразительное» (Запись в дневнике Э. Ф. Тютчевой, 25 февраля 1885 г.)

³ Василий Петрович *Полисадов* (1815—1878) — протонерей, проф. богословия в Петербургском университете, настоятель Петропавловского собора. По распоряжению властей обращался к Каракозову со «священническими увещаниями».

⁴ Как в правительственных, так и в либеральных кругах было распространено мнение, что Каракозов — «орудие нашего нигилизма в связи с заграничным революционным движением» (*Никитенко*, т. 3, с. 25; см. также с. 24).

⁵ Это прозвище выражает проницательное отношение к ораторским склонностям Валуева (афинский стратег Перикл был талантливым оратором — утверждали, что своими речами он, точно громом и молнией, сражает противников).

⁶ Валуев мотивировал предостережение «Московским ведомостям» тем, что «нельзя допускать», чтобы издатели газеты «обвиняли в государственной измене всех тех, которые не разделяют вполне их воззрений (...) Дальнейшее снисхождение имело бы вид поставления этой газеты как бы вне общего закона» (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 127).

⁷ В передовой статье «Московских ведомостей» от 3 апреля 1866 г. (№ 69) Катков заявил о своем отказе принять объявленное ему предостережение (Т ю т ч е в — Г е о р г и е в с к о м у, п. 14, прим. 1 и п. 15, прим. 2).

⁸ О дальнейшем ходе дела Каткова см. п. 7, прим. 12, а также Т ю т ч е в — Г е о р г и е в с к о м у, п. 14, 15, 17—21.

° Осенью 1865 г. Аксаков думал о превращении газеты «День» в журнал (*Цимбаев*, с. 122; см. также объявление об этом издании в последнем номере «Дня» — 1865, № 52, 18 дек.). Вероятно, весной 1866 г. он вновь возвращался к мысли об издании журнала.

7. И. С. Аксакову

Петербург. 19 апреля 1866

Друг мой, Иван Сергеевич! Много утешили вы меня письмом вашим. Я получил его как нельзя более кстати, т. е. в ту самую минуту, когда всего более мне хотелось *вашего* слова, когда все слышнее и слышнее становилось для меня и для многих молчание «Дня» в этом общем говоре и гаме... Да, вы правы, правы почти во всем... Лучшее доказательство, в какой мы лжи постоянно живем, это то чувство какого-то испуга при виде нашей собственной действительности, проявляющейся нам каждый раз как какое-то привидение... Так и теперь. Вдруг, словно гора зашевелится и пойдет... Эта гора — народ Русский... И куда тогда деваются все наши теории и соображения? Что, например, значат теперь все наши конституционные попытки¹ в применении к живой действительности? Как убедить народ Русский, чтобы он согласился дать себя опутать, в лице своего единственно законного представителя, царя, — эту ухищренную паутину, т(ак) сказать), обрек себя на умышленную неподвижность, чтобы при каждом живом действии невольно и печально не порвать на себе всей этой ухищренности? Где место, при настоящем взаимодействии этих двух величин, конституционным затеям?.. Уж одна эта очевидная невозможность должна бы указать, что наше искомое не там, где его ищут... Что оно внутри, а не извне — дело организма, а не механизма... Так что, в конце концов, вот какую формулу можно пока определить закон нашего будущего развития, нашей единственно возможной конституции — *чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ*².

Но, предоставив будущее будущему, вот что воочию совершается в настоящем... Пистолетным выстрелом 4-го апреля проживающий между нами нигилизм заявил себя официально — и все переполошились — что это такое? откуда и почему?.. Призывается *Головнин* и объявляется ему, между прочим, что так как общественное мнение страшно против него раздражено, то ему оставаться министром <не>^{4*} следует³... А что же, наконец, довело до этого сознания?.. А как же: при допросах некоторые из этих милых личностей не обинуясь объявили, что их цель была захватить в свои руки народные школы и в них, для блага будущих поколений, разрабатывать на досуге эти два положения: несуществование бога и незаконность всякой власти⁴... Конечно, этот план воспитания не был одобрен бывшим министром н(ародного) просвещения, но верно и то, что он бы ему не противудействовал, — да и чем противудействовать? Вот вследствие чего возникла новая комбинация — соединени(я), в одном лице — гр. Толстого, — этих двух элементов, духовного и светского⁵... Но на каких условиях и во имя какого принципа будет заключен этот союз? — That is the question^{5*}. Будет ли наконец сознано, вполне сознано, что духовенство без Духа есть именно та обуявшая соль, которою солить нельзя и не следует⁷... Вообще, я предвижу кучу недоразумений... И я, например), радуюсь назначению Муравьева⁸, который, как специалист, лучше и скорее других обличит корень зла, — но вырывать этот корень — на это требуются другие силы, — а где они, эти силы? А если, за неимением их, т. е. за неумением ими пользоваться, мы будем применять к делу те, которые нам сподручны, то этим мы дела далеко не поправим... Иногда, конечно, необходимо по рукам и по ногам связать сумасшедшего, но это одно сумасшествия еще не вылечивает...

Теперь происходит здесь какое-то прекурьезное перемещение. Вдруг самые высокопоставленные люди, т. е. самые приближенные к началу власти, оказы-

^{1*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{5*} Вот в чем вопрос (*англ.*)⁶.

ваются несостоятельными, *неправительственными*⁹, и пресса, эта анархическая пресса, во имя самых животрепещущих интересов общества, трактует этих облеченных властью консерваторов как глухих, опрометчивых мальчишек¹⁰... Больнее всех досталось великолепному Князю слова, по выражению печати, — Валуеву¹¹. Он, этот Prince de la Parole^{6*}, двукратно вышколощенный московскими турнирами, решительно пикнуть не смеет, — потому <что>, при малейшей его резвости, Катков, как няня ребенку, тотчас же грозит ему, что *уйдет от него*, — чего он страх боится¹². Один князь Италийский — еще не сдастся и, в сознании своей государственной мудрости и гражданского мужества, не перестает стыдить и срамить малодушие Долгорукова, сознавшего наконец свою несостоятельность¹³. Не так Суворов — он и теперь еще, в двух шагах от государя, продолжает еще своим громозвучным голосом величать Муравьева зверем и животным¹⁴.

Но на этот раз довольно. Продолжение впредь. Обнимаю от души вас и жену вашу. Господь с вами.

¹ Идея учреждения дворянского парламента была высказана 11 января 1865 г. в адресе московского дворянства Александру II. Тютчев тогда же отнесся к ней в высшей степени критически (см. Тютчев — Георгиевскому, п. 6).

² Анализ этой формулы Тютчева и его отношения к идее дворянского конституционализма см.: В. А. Твардовская. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России. — Наст. том, кн. I.

³ 14 апреля 1866 г. министр народного просвещения А. В. Головнин был уволен в отставку. Накануне Александр II лично сообщил ему об этом решении, мотивируя его тем, что «теперешнее время требует другой системы управления министерством, других начал и большей энергии» (*Никитенко*, т. 3, с. 27).

⁴ Следствие по делу Каракозова и его «соучастников» велось строго секретно; официальный отчет был опубликован только 2 августа 1866 г.

⁵ Уволенного в отставку «либерала» Головнина сменил на посту министра народного просвещения реакционер гр. Д. А. Толстой. При новом назначении за ним был сохранен пост обер-прокурора Синода.

⁶ Шекспир, Гамлет, акт III, сд. I. Вскоре Тютчев смог прочесть ответ на свой вопрос в рескрипте Александра II председателю Комитета министров кн. П. П. Гагарину от 13 мая 1866 г.: новому министру народного просвещения предписывалось позаботиться, «чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проповедание тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа» («Северная почта», 1866, № 102, 14 мая).

⁷ Подразумевается евангельский текст: «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (От Матф., V, 13). На церковно-славянском языке: «потеряет силу» — «обуяет».

⁸ См. п. 6, прим. 1.

⁹ Выстрел Каракозова вызвал ряд увольнений и перемещений крупных государственных чиновников (В. А. Долгорукова, А. В. Головнина и др.) и породил много слухов о других возможных увольнениях.

¹⁰ Вероятно, подразумевается передовая статья «Московских ведомостей» от 3 апреля 1866 г. (№ 69). Продолжая критику той части «влиятельных сфер», которая склонялась к автономии Царства Польского и Великого княжества Финляндского, Катков напомнил лицам, «облеченным правительственною властью», что они не «мальчики в школе, фантазирующие над географическою картою своего отечества».

¹¹ 10 апреля 1866 г. Валуев выступил с речью на обеде в Петербургском дворянском собрании. «C'est un prince de la parole»^{7*}, — следует сказать про него, и таков был общий отзыв, — писала по этому поводу газета «Весть» (1866, № 28, 13 апр.).

¹² Тютчев имеет в виду нерешительность, которую Валуев проявил в своей борьбе с Катковым, воздержавшись от объявления ему второго предостережения за передовую статью в № 69 «Московских ведомостей» от 3 апреля (см. п. 6, прим. 7). «Московские турниры» — неудавшиеся попытки Валуева «обуздать» Каткова, предпринятые им зимой 1864—1865 гг. (см. Тютчев — Георгиевскому, п. 4 и п. 5, прим. 1) и весной 1866 г.

¹³ После выстрела Каракозова шеф жандармов кн. В. А. Долгорукий просил Александра II уволить его как «человека неспособного, не умевшего принять мер к охранению особы государя» (*Никитенко*, т. 3, с. 26). 9 апреля на его место был назначен гр. П. А. Шувалов.

¹⁴ Суворов и князь Италийский — одно лицо, петербургский генерал-губернатор кн. А. А. Суворов-Италийский. Тютчев пронизывает над двойственностью позиции Суворова, который осуждал нерешительность Долгорукова, не сумевшего предотвратить покушение

^{6*} Князь Слова (*франц.*).

^{7*} Это князь слова (*франц.*).

на царя, и вместе с тем открыто высказывал несогласие с тем, что следственную комиссию по делу Каракозова возглавил «решительный» Муравьев. Эту двойственность Тютчев высмеял в эпиграмме на Суворова, написанной в апреле 1866 г. («Два разнородные стремленья // В себе соединяешь ты...»).

8. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. 16 Août (18)66

Voici plusieurs jours que j'aurais dû, ma fille chérie, avoir répondu à ta lettre, mais j'ai employé tout ce temps à avoir la grippe, qui m'hébétait complètement. Certes, j'ai une extrême envie de vous revoir, ton mari et toi, et pour fixer mes résolutions, ou plutôt, mes irrésolutions à ce sujet, je n'attends que de savoir ce que toi, tu comptes faire. La dernière fois que j'ai vu Daria, elle m'a prié très instamment de te dire de sa part, qu'elles mettaient trois cents roubles à ta disposition pour les frais de voyage et que, p(ar) conséquent, elle ne se laissait pas déranger par les raisons alléguées dans ta lettre, dans l'espoir de te voir lui arriver... Quant à moi, je tiens surtout à vous voir et il m'est assez indifférent que ce soit ici ou là¹...

Je ne te parlerai pas pour le moment de l'état de Daria, c'est un sujet sur lequel nous avons tout dit et qui est trop affligeant pour admettre le rabâchage². J'ai vu hier son médecin Krassofsky, qui prétend en dernier lieu avoir constaté une amélioration réelle — mais tous les médecins qui l'ont traitée se sont laissé aller aux mêmes illusions. Le seul symptôme, à mon avis, réellement consolant, mais qui est tout moral, c'est que maintenant son humeur est devenue plus sociable et qu'elle tient de plus en plus, par ex emple à la présence de Kitty, au lieu de s'en trouver fatiguée, comme autrefois.

Revenons à toi. Je souffre beaucoup de l'état de gêne où je vous sais et du peu de chance qui s'offre pour le moment de vous voir sortir de cette impasse. Cela me fait doublement regretter les difficultés qui entravent jusqu'à présent la réussite du projet du journal en question³, dont la réalisation aurait à tous les points de vue été si désirable, aussi bien au matériel, comme au moral. En effet je comprends combien ton mari doit souffrir de n'avoir pas, dans les circonstances données, la parole sur les questions du jour, et jamais l'opinion qu'il représente n'a fait plus défaut qu'à ce moment-ci dans le concert de la presse. La crise du monde Européen, en se compliquant et en s'aggravant, doit bientôt atteindre la Russie — les deux grandes dissolutions que nous avons à notre portée, l'Autriche et la Turquie ne peuvent que s'activer en réagissant l'une sur l'autre. Elles ne peuvent se résoudre que dans un chaos, dont on ne saurait préciser ni les limites, ni la durée. L'ingérence de l'étranger ne peut que le fomenter, sans le débrouiller. La Russie seule, si elle avait la conscience d'elle-même, de son principe et de son droit, aurait le mot d'ordre de cette complication sans borne. Mais la pensée qui dirige notre politique, n'en est pas encore arrivée à ce degré d'intuition qui fait reconnaître le *moi* du *non-moi*. Puissions-nous au moins, à défaut de l'intelligence consciente d'elle-même, avoir pour guide l'instinct animal, mais sûr, de la conservation personnelle. Les symptômes ne sont pas précisément mauvais. En présence de la lutte qui ne tardera pas à s'engager entre les deux éléments constitutifs de l'Europe occidentale, la France et les peuples allemands, notre choix, je crois, est déjà fait. Nous serons pour la Prusse — le tout est de savoir comment nous considérerons cette alliance et quelle est la part que nous y ferons. En effet, la seule considération qui doit nous décider en faveur de la Prusse, c'est que dans cette voie nous avons la chance à peu près certaine de rencontrer l'Autriche dans le camp opposé. Or l'Autriche, où va se poser et se décider la question de la race slave et de l'Europe orientale, c'est-à-dire de l'avenir tout entier de la Russie, est le terrain par excellence qui appelle notre action. C'est là que doit porter tout notre effort, car là nous sommes personnellement en cause et nous ne pourrions mieux utiliser les chances que nous ménagera le duel occidental, pour nous établir solidement et carrément sur ce terrain par la reprise de la Galicie et de la ligne des Carpathes. Voilà une situation où le «День» aurait pu et dû répandre une vive lumière⁴.

N'est-ce pas une chose vraiment déplorable que de voir la seule doctrine nationale qui, par ses dérivés, alimente maintenant toute la partie sérieuse et sensée de la presse du pays, faire ainsi dire, dans...

Et sur ce je serre bien cordialement la main à ton mari et t'embrasse en attendant tes décisions.

Перевод:

Петербург. 16 августа (18)66

Я должен был бы, милая дочь моя, ответить тебе несколько дней тому назад, но все это время страдал простудой, а она действовала на меня совершенно отупляюще. Конечно, мне очень хочется повидать и тебя, и твоего мужа, и чтобы я мог принять решение или, скорее, выйти из состояния нерешительности, мне нужно только знать, что же намереваешься делать ты. Когда я в последний раз виделся с Дарьей, она настоятельно просила меня передать тебе, что они выделяют в твоё распоряжение триста рублей на дорожные расходы и что, следовательно, она не принимает во внимание доводов, которые ты приводишь в своем письме, и надеется, что ты скоро к ней приедешь... Ну а для меня главное увидеться с вами, а здесь или там, мне все равно ¹...

Я ничего не пишу тебе о здоровье Дарьи; обо всем, что с этим связано, мы с тобой уже говорили, да и тема эта слишком грустная, чтобы возвращаться к ней без надобности ². Вчера я виделся с ее врачом, Красовским, он утверждает, что наконец-то обнаружил у нее несомненное улучшение — однако подобным иллюзиям предавались все лечившие ее врачи. По-моему, единственным действительно утешительным признаком, но говорящим только о ее душевном состоянии, является то, что она стала общительнее, например, общество Китти становится для нее все приятнее, а не утомляет ее, как прежде.

Но вернемся к тебе. Мне очень тяжело сознавать, что вы находитесь в стесненных обстоятельствах и что у вас невелики пока возможности выйти из этого тупика. Поэтому меня вдвойне огорчает, что положительное решение вопроса о судьбе газеты до сих пор наталкивается на препятствия ³; издание ее было бы желательно во всех отношениях, и в материальном, и в нравственном. В самом деле, я понимаю, как должен страдать твой муж от сознания невозможности, при нынешних обстоятельствах, высказать свою точку зрения по злободневным вопросам, и в общем газетном хоре никогда еще отсутствие мнения, которое он представляет, не ощущалось так сильно, как сейчас. Кризис европейского мира обостряется и осложняется, скоро он достигнет России — происходящий рядом с нами распад Австрии и Турции может только усиливаться в каждой из этих стран под влиянием того, что происходит в другой. Распад этот может завершиться только хаосом, размеры и длительность которого трудно точно определить. Иностранное вмешательство не разрешит, а лишь усилит его. Только Россия, если бы она сознавала, чем является, какими принципами должна руководствоваться и какими правами обладает, могла бы указать выход из этого крайне сложного положения. Но образ мышления, который определяет нашу политику, не достиг еще того уровня понимания, при котором становится возможным отличить *я* от *не я*. И если уж наш разум не обладает способностью к самосознанию, пусть бы руководил нами животный, но безошибочный инстинкт самосохранения. Некоторые признаки говорят именно об этом. В борьбе, которая должна вот-вот завязаться между Францией и германскими государствами, т. е. между двумя основ-

СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕРШИТЕЛЕЙ СУДЕБ

Карикатура неизвестного художника

Сатирический отклик на дипломатическую борьбу между Францией и Пруссией за влияние в Европе

«Punch», 28 июля 1866 г.

ными силами Западной Европы, наш выбор, мне кажется, уже сделан. Мы будем на стороне Пруссии — неясно только, как мы будем рассматривать этот союз и какое участие в нем примем. Действительно, единственное соображение, которое может склонить нас в пользу Пруссии, состоит в том, что тогда Австрия окажется в противоположном лагере, в этом мы можем быть почти уверены. Между тем Австрия, где сейчас будет ставиться и решаться вопрос о славянской расе и о Восточной Европе, другими словами, вопрос о будущем России, является по преимуществу той областью, в которой мы должны действовать. Именно сюда должны быть направлены все наши усилия, ибо здесь дело касается нас лично; заняв Галицию и дойдя до линии Карпат, мы бы самым лучшим образом использовали возможность крепко и надежно обосноваться на позиции, которую предоставит нам западный поединок. Вот ситуация, на которую «День» мог бы и должен был бы пролить яркий свет⁴. Не прискорбно ли, что единственная национальная доктрина, которая вытекающими из нее положениями питает теперь всю серьезную и разумную часть нашей печати, сама, так сказать...

На этом крепко жму руку твоему мужу, обнимаю тебя и жду твоего решения.

¹ Намерение Аксаковых приехать в Петербург осенью 1866 г. не осуществилось.

² О болезни Д. Ф. Тютчевой см. п. 5, прим. 5.

³ В начале 1866 г. в среде московского купечества возникла идея создания печатного органа, выражающего «торговые и промышленные интересы России». В конце апреля пост редактора предполагаемой газеты был предложен Аксакову, в мае с ним велись переговоры, однако летом они были приостановлены и до начала сентября Аксаков не знал о газете ничего определенного (*Цимбаев*, с. 128—133).

⁴ Во время переговоров об издании газеты (см. прим. 3) Аксаков упорно настаивал на возобновлении «Дня»; предложение это было отклонено, поскольку инициаторы будущего издания стремились придать ему деловой характер, отнюдь не свойственный «Дню» (там же, с. 131—133).

9. И. С. Аксакову

Петербург. 7 октября (18)66

Благодарю вас, любезнейший Иван Сергеевич, за добрые вести¹. Мало вестей, которые могли бы порадовать меня более этих... Богам, может быть, приятно смотреть на человека, борющегося с несчастьем, но для нас, простых смертных, самое отрадное зрелище — это человек, действующий по призванию. Впрочем, и тут без борьбы не обойдется, без этой упорной, нескончаемой борьбы с человеческою глупостью и предубеждениями...

Вы возвращаетесь к вашему делу в критическую минуту... На нас, по-видимому, опять нашел какой-то стих, слишком нам известный, периодически повторяющийся припадок самоубийственной мании — авось ли бы и теперь повторится также и то, что мы так часто испытывали: *не бывать бы счастью, да несчастье помогло*... А какой-нибудь серьезной беды нам не избежать в близком будущем. В правительственных сферах, вопреки осознательной необходимости, все еще упорствуют влияния, отчаянно отрицающие Россию, живую, историческую Россию, и для которых она вместе — и соблазн, и безумие... И чем это отрицание бессильнее и нелепее, ввиду все грознее и грознее наступающей действительности, тем оно становится ожесточеннее... Здесь теперь случается слышать от очень влиятельных господ фразы вроде следующих: «Occupons-nous de nos affaires à l'intérieur et crachons sur toute cette canaille de chrétiens d'Orient»^{8*} или, говоря о том, что происходит в Галиции: «De quel droit empêcherons nous l'Autriche de faire chez elle ce que nous faisons chez nous?»^{9*} — Все это прекрасно... Но есть, слава Богу, на свете люди, называемые *поляками*, и эти-то люди — благодетели наши — не потеряют и теперь, чтобы наш высокообразованный политический кретинизм, даже с некоторою примесью внутренней измены, мог окончательно завладеть нами.

Приезжайте поскорее, жду вас с нетерпением, вас и жену вашу, и обоих

^{8*} «Давайте заниматься нашими внутренними делами и наплевать нам на весь этот сброд — восточных славян» (*франц.*).

^{9*} «На каком основании мы можем помешать Австрии делать то, что сами делаем у себя?» (*франц.*).

обнимаю. Препятствий со стороны Власти для вашего издания не предвидится — не то, чтобы *вас* любили, но Каткова очень ненавидят.

Ф. Т.

¹ Аксаков сообщил Тютчеву о том, что вопрос об издании московской купеческой газеты под его руководством (см. п. 8, прим. 3 и 4) решился положительно. 9 октября он писал Ю. Ф. Самарину: «Я, наконец, получил формальным образом и принял предложение быть редактором *ежедневной* газеты <...> Газета будет называться „Москва“ <...> Она появится теперь как нельзя более кстати, и я надеюсь, что по части Восточного и славянского вопроса она будет иметь значение <...> Если газета будет иметь успех, то я поставлю под свое знамя силу довольно значительную, представляемую купечеством» (цит. по кн.: *Цимбаев*, с. 134).

10. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. 21 N(ovem)bre (18)66

Merci, ma chère Anna, de la bonne nouvelle que tu me donnes ¹. Puisse-t-elle se vérifier, etc... Je te connais assez pour comprendre ce que tu éprouves et quel rajeunissement intérieur tu dois sentir dans tout ton être... — Que Dieu te protège comme il l'a fait jusqu'à présent...

Je suis peiné d'apprendre que la souscription pour le journal ne marche pas à souhait ². Comment se fait-il que jusqu'à présent je n'en ai trouvé le prospectus que dans la seule «Gazette de Moscou»? Et pourquoi les journaux de Pétersbourg ne l'ont-ils pas encore reproduit?

Ce que moi et tous les amis de ton mari nous désirons le plus vivement dans l'intérêt de son journal, c'est que la pensée qui l'inspire soit parfaitement comprise aussi bien du public qu'en *haut lieu*. Nous autres, nous savons bien que de toutes les tendances qui se partagent la presse du pays, sa tendance, à lui, précisément parce qu'elle est la plus nationale, est, par là même, la plus réellement conservatrice, la plus *sincèrement* dévouée au principe même de l'autorité en Russie. Aucune autre opinion, même des plus agréables au Pouvoir, n'acceptera ce principe avec une franchise plus convaincue. Voilà ce qui n'est pas un secret pour les gens qui pensent et qui sont de bonne foi. Mais ces gens-là, chez nous comme partout ailleurs, ne forment qu'une minorité, quant au gros du public, la forme pour lui l'emporte toujours sur le fond, et il est parfaitement incapable de reconnaître la pensée du fond, la pensée persistante, à moins qu'on ne la lui rappelle en toutes lettres à travers les hasards nombreux de la rédaction... C'est donc à diminuer le nombre de ces *hasards* qu'il faudrait appliquer tous ses soins... La Russie est certainement le pays où il se fait le moins de mal, de *parti pris*, et où il s'en fait le plus par malentendu et inintelligence... et il se passe presque tous les jours des choses vraiment incroyables dans ce genre-là...

Je te quitte en te remerciant encore une fois de la bonne nouvelle, je compte vous arriver dans une quinzaine de jours. Mille amitiés à ton mari.

Ф. Т ю т ч е в

Перевод:

Петербург. 21 ноября (18)66

Спасибо, милая Анна, за приятную новость, которую ты мне сообщаем ¹. Только бы она подтвердилась и т. д... Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы представлять себе, что ты сейчас чувствуешь и какое внутреннее обновление ты должна ощущать всем своим существом... Да хранит тебя Бог, как и прежде...

Я огорчен, что подписка на газету идет не так, как хотелось бы ². Почему до сих пор объявление о ней опубликовано только в одних «Московских ведомостях»? И почему петербургские газеты его все еще не перепечатали?

Я, как и все друзья твоего мужа, горячо желаю, в интересах его издания, чтобы идеи, которыми он вдохновляется, были бы до конца поняты как публикой, так и в *высших сферах*. Мы хорошо понимаем, что из всех общественных направлений, представленных в русской печати, его направление носит наиболее ярко выраженный национальный характер и именно потому представляется наиболее откровенно консервативным, наиболее *искренне* преданным самому

принципу власти в России. Никакое другое общественное мнение, даже из самых угодных Власти, не будет выдвигать этот принцип более откровенно и с большей убежденностью. Для людей мыслящих и честных это не секрет. Но у нас, как и везде, такие люди составляют меньшинство, для широкой же публики форма всегда важнее содержания, а потому она совершенно не способна воспринять мысль глубинную, хотя и настойчиво повторяемую, разве что редакция допустит промах, высказав, и не раз, эту мысль напрямик. Следует, однако, приложить все усилия, чтобы уменьшить число подобных *промахов*... Ведь в России зло очень редко творится *умышленно*, гораздо чаще — по недоразумению и недомыслию... и почти каждый день происходят поистине невероятные случаи в этом роде...

Прощаюсь с тобой, благодарю еще раз за приятную новость и надеюсь недели через две вас увидеть. Дружески кланяюсь твоему мужу.

Ф. Т ю т ч е в

¹ Известие о том, что А. Ф. Аксакова ждет ребенка.

² Речь идет о подписке на газету «Москва» (см. п. 9, прим. 1).

11. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. 20 Décembre 1866

Ma fille chérie, profitant de l'expérience, c'est par une occasion particulière que je vous écris. On parle toujours mieux quand on sait qu'il n'y a personne qui vous écoute aux portes.

Ces lignes d'ailleurs sont plutôt à l'adresse de ton mari qu'à la tienne. Au moment où son journal va paraître ¹, je voudrais le mettre au fait de la situation du moment, au moins en ce qui a rapport à lui. Cette situation n'est pas du tout aussi sombre qu'il pourrait le croire et il n'y a pas lieu, selon moi, à se laisser aller à des appréhensions exagérées. Je conviens qu'après l'incident des lettres interceptées et de ce qui s'en est suivi ², il y aura nécessité à user d'une plus grande circonspection, mais j'ai la presque certitude que pour éviter les conflits il suffira qu'Aксаков mette dans tout son sens ce qui est le fond même de sa nature, sa loyale équité, et que ce fond-là, bien et dûment constaté, réagisse un peu sur la forme. Ce qui exaspère le pauvre Valoujeff dans la polémique de Katkoff, c'est qu'il ne le croit pas sincère ³. Il ne peut pas se persuader qu'un homme puisse sérieusement porter contre lui des accusations dans le genre de celles dont le poursuit Katkoff, et c'est de la meilleure foi du monde que Valoujeff se croit le martyr glorieux de son attachement aux grandes vérités de la Civilisation, telles que la liberté de conscience, le respect de la propriété etc. etc. C'est énormément niais, mais c'est ainsi. Ce qui serait aussi habile qu'utile, ce serait d'admettre toutes ces prétentions, sauf à lui expliquer que ce n'est pas les principes qu'on lui conteste, mais bien l'application qu'il prétend en faire par suite de la plus complète inintelligence du terrain historique sur lequel la question se débat, et une pareille explication calme et aussi peu personnelle que possible serait assurément plus efficace, que toutes les Catilinaires ⁴ de Katkoff. Nous ne saurions assez nous répéter qu'une direction à contresens dans les idées doit amener dans l'ordre des faits des résultats ayant tout le caractère d'une trahison préméditée; surtout à présent où l'on cesse d'être russe (non) pour être cosmopolite, mais bien pour devenir forcément et fatalement Polonais. Assurément, la fatalité des derniers événements est immense. Mais il ne faudrait pas croire que maintenant tout est perdu sans ressource. D'abord le système adopté a pour lui la force des choses, et lors même qu'ici on voudrait s'en déssaisir (ce qui n'est pas du tout le cas, au moins quant à l'empereur) nos ennemis nous obligeraient de le garder et d'en poursuivre l'application. Nos ennemis, les Polonais surtout, sont les véritables pionniers de notre avenir. Il y a dans le moment actuel un double fait qu'on ne saurait assez remarquer et qui prouve bien l'inanité de l'action humaine dans l'histoire — ce double fait le voici: c'est d'une part la France, dont la politique inquiète à lui crée à sa porte deux organismes puissants, destinés à grandir à ses dépens, et d'autre part la Russie,

avec deux immenses dissolutions sur ses frontières, mises là tout exprès pour solliciter son développement, et ce double résultat, réalisé en sens contraire des efforts de ces deux puissances ⁵.

Nous sommes ici en train de faire une démonstration en faveur des Candiotés ⁶, et bien que la forme en soit par trop occidentale — il s'agit d'un grand bal à l'Assemblée de la Noblesse sous les auspices de l'Impératrice, — le fond, cette fois, corrigera la forme. J'espère d'ailleurs que ce sera un signal donné à toute la Russie et qui sera accepté par elle.

Mais je suis pressé d'interrompre ici mes écritures. On vient chercher ma lettre. Je n'ai que le temps de te prier de me donner des nouvelles précises de l'état de ta santé, dont les anomalies m'inquiètent un peu... beaucoup. Je persiste dans la résolution d'aller vous voir, mais ces horribles froids m'effrayent pour le moment.

Mille tendres amitiés à ton mari. Que Dieu vous garde. Je vous recommande le porteur de la présente un Mr. Ведров, homme bien intentionné et qui m'est attaché ⁷.

T. T u t c h e f

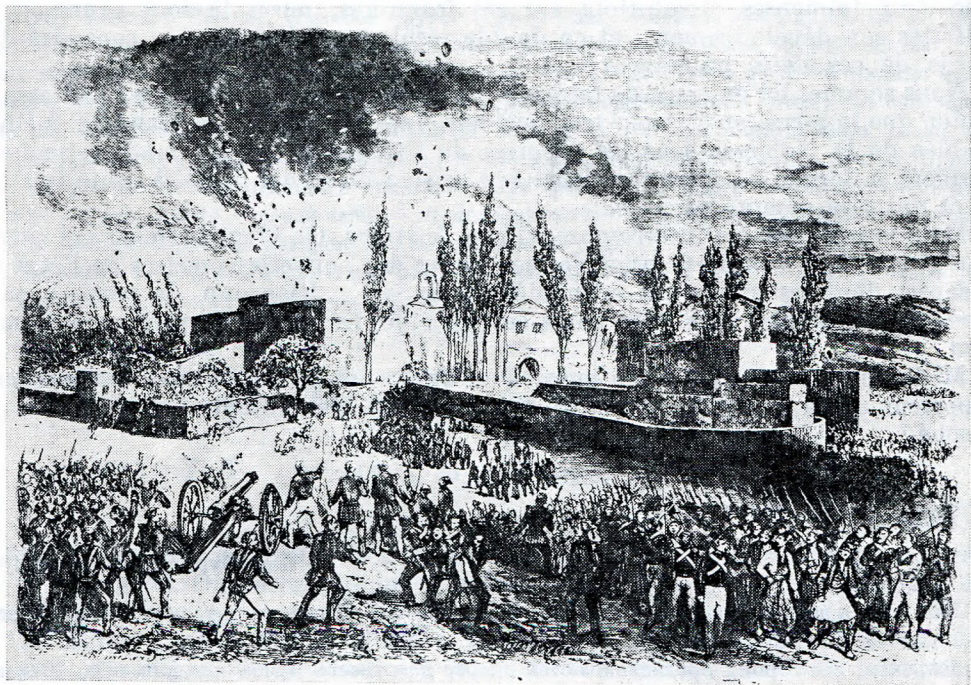
Перевод:

Петербург. 20 декабря 1866

Моя милая дочь, учитывая опыт, пишу вам с озабоченностью. Приятнее говорить, когда знаешь, что никто тебя не подслушивает.

Впрочем, эти строки предназначаются скорее для твоего мужа, чем для тебя. Сейчас, когда его газета начнет выходить ¹, мне хотелось бы познакомить его с нынешним положением, по крайней мере, с тем, что имеет отношение к нему. Положение это совсем не так мрачно, как ему, возможно, кажется, и по-моему нет оснований предаваться чрезмерным опасениям. Я согласен, что после случая с перехваченными письмами и всего, что за этим последовало ², необходимо будет проявлять большую осмотрительность, но я почти уверен, что во избежание столкновений Аксакову достаточно, сохраняя во всем столь свойственную ему прямоту, оставаясь неизменно честным, сделать так, чтобы эта основная черта, ясно и четко выраженная, отразилась и на форме выражения мысли. В полемике с Катковым беднягу Валуева выводит из себя то, что он не верит в его искренность ³. Он и представить себе не может, чтобы кто-нибудь стал всерьез выдвигать против него обвинения, вроде тех, которыми его преследует Катков, он самым искренним образом считает себя героем, который терпит мучения за свою преданность великим идеям Цивилизации, таким, как свобода совести, уважение частной собственности и т. д. и т. п. Это крайне глупо, но это так. Было бы и практично, и политично, допустив правомерность всех его притязаний, объяснить ему, что спор идет не о принципах, а о том, как он, при его полнейшем непонимании исторической обстановки, в которой вопрос обсуждается, намеревается эти принципы применять; подобное объяснение, данное спокойным и как можно более объективным тоном, было бы, безусловно, более действенным, чем все катилинарии ⁴ Каткова. Мы постоянно должны помнить, что бессмыслица во взглядах не может не привести на практике к результатам, которые явно выглядят как преднамеренная измена; в особенности сейчас, когда, перестав ощущать себя русскими, становятся не космополитами, а непременно, неизбежно — поляками. Безусловно, события последнего времени носят в высшей степени роковой характер. Однако не следует думать, что все теперь безвозвратно утрачено. Прежде всего, принятая система поддерживается силой вещей, и даже если бы кто-нибудь у нас и хотел от нее отказаться (а это совсем не так, по крайней мере, если говорить о государе), даже и в этом случае сохранять и применять эту систему вынудили бы нас наши враги. А враги наши, в особенности поляки, действительно, помогают нам прокладывать пути в будущее. В настоящее время имеется двойной фактор, который, может быть, не очень заметен, но который хорошо доказывает тщетность человеческих усилий в истории — вот в чем он состоит: с одной стороны, рядом с Францией, благодаря ее беспокойной политике, развиваются два мощных образования, которым суждено усиливаться как раз за ее счет; с другой стороны, у границ России, словно для того, чтобы способствовать ее развитию, распадаются два крупных образования, и этот двойной процесс осуществляется в направлении, обратном усилиям каждой из двух упомянутых держав ⁵.

ВОССТАНИЕ КАНДИОТОВ

Взрыв Аркадского монастыря

Гравюра П. Бланшара

«Illustration», 5 января 1867 г.

Мы здесь сейчас организуем проявление сочувствия к кандиятам ⁶, и хотя это делается на слишком западный лад — речь идет о большом бале в Дворянском собрании, который будет проводиться под покровительством императрицы, — сущность позволит на сей раз извинить форму проявления. Надеюсь, к тому же, что это послужит сигналом для всей России и что сигнал будет ею воспринят.

Но я вынужден прервать на этом свое письмо. За ним пришли. Хочу только попросить тебя подробнее писать мне о своем здоровье, оно меня немного... нет, сильно беспокоит. Я по-прежнему стремлюсь увидеться с вами, но пока меня удерживают ужасные холода.

Шлю самый дружеский привет твоему мужу. Храни вас Бог. Рекомендую вам подателя сего письма, г-на Ведрова, человека благонадежного и мне преданного ⁷.

Ф. Тютчев

¹ С января 1867 г. начала выходить газета «Москва» (см. о ней п. 9, прим. 1).

² 10 ноября 1866 г. Аксаков писал В. П. Перцову, одному из будущих сотрудников «Москвы», что некоторые государственные чиновники согласились сообщать для этой газеты «все важнейшее» о деятельности своих ведомств, в частности чиновник Министерства финансов А. К. Корсак «взялся сообщать и писать корреспонденции по всем проектам и предположениям министерства»; письмо было вскрыто III Отделением, и Корсак был уволен со службы за передачу сведений «Москве» (Цимбаев, с. 140).

³ 14 декабря 1866 г. Валуев представил в Комитет министров записку о всех противоправительственных статьях, в разное время напечатанных в «Московских ведомостях», в том числе и о статьях, направленных против него лично, в частности против его распоряжений по делам печати. Этот шаг не имел последствий, и в дальнейшем в открытую борьбу с Катковым Валуев больше не вступал. О предыдущих его конфликтах с ним см. п. 6, прим. 6—8 и п. 7, прим. 12; Тютчев — Георгиевскому, п. 14, 15, 17—21.

⁴ «Катилинарии» — речи Цицерона против Катилины. Выражение стало нарицательным для обозначения страстных обличительных высказываний.

⁵ Тютчев имеет в виду, с одной стороны, борьбу за объединение Италии и процесс объединения Германии под гегемонией Пруссии, а с другой — перспективу распада двух империй, Австрийской и Османской.

⁶ В 1866 г. христианское население о-ва Крит (иначе — Кандии; отсюда — кандiotы, т. е. жители Крита) подняло восстание против турецкого ига, провозгласив нерасторжимый союз Крита с его матерью Грецией¹. Осенью 1868 г. восстание было жестоко подавлено.

⁷ Владимир Максимович *Ведров* (1824—1892) — цензор Петербургского цензурного комитета, подчиненный Тютчева по Комитету цензуры иностранной.

12. И. С. Аксакову

С.-Петербург. 5-ое января <18>67

Поздравляю вас от души с появлением *«Москвы»*. Пошли ей Господь Бог долгое, долгое — и если не совершенно мирное, то, по кр(айней) мере, не слишком бурное житие¹. Созвездия довольно благоприятны — новый председатель Совета Гл(авного) Упр(авления) *Похвиснев* оказывается человеком рассудительным и самостоятельным. С этим можно будет жить².

По делам *внешней политики* сверх того, что вам известно из газет, особенно интересного сообщить вам не имею, кроме одного факта, о котором я узнал только вчера — это предложение, сделанное Бейстом о пересмотре, в нашу пользу, Парижского трактата³. Не думаю, чтобы эта выходка была бы вызвана нами, — и желательно очень, чтобы, нашего достоинства ради, мы не придавали ей особенного значения. Мы не можем и не должны признавать за Европою права определять для России, какое место ей принадлежит занять на Востоке. По несчастью, мы и сами, в собственном нашем сознании, определить этого не умеем — не только в правит(ельственной) среде, но даже и в печати. И вот почему статья Соловьева о Восточном вопросе — будь она чем-либо другим, как не выражением его личного мнения, — мне показалась бы крайне <не>^{10*} удовлетворительною⁴. Нет, далеко не таковы отношения России к греко-славянскому миру. Тут дело не в одном сопоставлении частей (*juxta positio*^{11*}), а в живой, взаимной, органической связи одного целого⁵. Вообще пора бы нашей печати, как силе чисто нравственной, менее дипломатически относиться к вопросу — и, пользуясь своею *фактической* безответственностью, прямо и положительно заявить исторический лозунг всего этого дела.

На днях вы прочтете в «*Journal de St.-P(étersbourg)*» наш ответ на обвинительный акт Римской курии против нас⁶.

Нельзя довольно сочувствовать высказанной вами истине, что, в наше время, главная ответственность лежит на обществе, а не на правительстве — в этом заключается целое направление, и очень желательно, чтобы «Москва» проводила его как можно более последовательно...⁷

Конец письма, очевидно, утерян.

В семейном архиве Аксаковых это письмо было контаминировано с окончанием письма от 8 января 1867 г. (п. 13). Эта ошибка повторена в публикации *Мурановского сб.* (с. 16—17).

¹ Надежды Тютчева не оправдались. За 22 месяца своего существования (1 янв. 1867 г. — 21 окт. 1868 г.) «Москва» получила 9 предостережений, была трижды приостановлена (на 3, 4 и 6 месяцев), а после третьей приостановки прекращена решением Сената.

² Скоро Тютчев будет совершенно иначе оценивать деятельность М. Н. Похвиснева на посту председателя Главного управления по делам печати (см. письмо А. Ф. Аксаковой от 15 авг. 1867 г. — *Соч.* 1980, т. 2, с. 218—219); см. также в наст. томе: Т ю т ч е в — П о х в и с н е в у, предисловие).

³ 1 января 1867 г. австрийский министр иностранных дел бар. Фридрих фон *Бейст* (1809—1886) направил русскому правительству проект созыва европейской конференции для обсуждения положения на Востоке, предлагая содействие Австрии в вопросе о пересмотре в пользу России некоторых статей Парижского мира 1856 г. В тот же день австрийскому послу во Франции было предложено вступить в содействующие переговоры с французским правительством. Необходимость этой акции мотивировалась следующим образом: «...уместно будет принять в известной мере во внимание ту естественную роль, которую обеспечивает Россия на Востоке общность религиозных институтов, и, проявив готовность идти на уступки, сохранить для себя искреннюю поддержку этой державы в делах Востока» (цит. по кн.:

^{10*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{11*} соседствующее положение частей (*лат.*); противопоставляется их зависимому положению.

«Austro-Hungarian Empire and the Policy of Count Beust. A Political Sketch of Men and Events from 1866 to 1870 by an Englishman». L., 1870, p. 92—93). Правительство Наполеона III категорически отвергло эти предложения. Не встретили они сочувствия и у русского правительства.

⁴ В статье «Восточный вопрос» историк С. М. Соловьев писал, что у России сложилась на Востоке «своя историческая национальная политика, которая определяется нравственным долгом России по отношению к «единоверным и единоплеменным братьям», т. е. к славянскому населению Османской империи («Москва», 1867, № 1, 1 янв.).

⁵ В той же статье Соловьев утверждал, что, освободившись от власти Турции, славянские народы должны развиваться в полной независимости друг от друга.

⁶ 17 ноября 1866 г. разрывом дипломатических отношений и конкордата завершился длительный конфликт между Россией и Ватиканом по вопросу о правах католического духовенства в Царстве Польском. Вслед за тем в Ватикане был издан сборник документов, подбор и редакция которых имели целью возложить на русское правительство ответственность за происшедший разрыв. 7 января 1867 г. Горчаков разослал всем русским посольствам и миссиям «Исторический обзор действий римского двора, разрешившихся прекращением дипломатических сношений между папским престолом и императорским кабинетом <...>» с предписанием предать его широкой огласке. Цель этого документа — доказать предвзятость обвинений Ватикана. 10/22 января «Обзор» был напечатан в газете «Journal de St.-Petersbourg», органе Министерства иностранных дел. Затем его перепечатали почти все русские газеты, в том числе и «Москва» (№ 9, 12 янв.).

⁷ В программной передовой статье первого номера «Москвы» (1867, 1 янв.) Аксаков писал: «Пора наконец понять, что во многих отношениях сила не в правительстве, а в нас <...> в успехах общественной самодеятельности, в правильном развитии тех земских сил, которые зиждется само государство <...> важно то, чтоб правильно судило само общество; чтобы в нем-то самом выработалось верное понятие об истинных интересах народности». С подобной «переменной точки зрения на правительство и общество, — разъясняет свою позицию Аксаков, — многое представится в ином свете. Многие, мало известное доселе, привлечет на себя по справедливости наше внимание, и между прочим — проявление таких новых общественных сил, которых рост почти и не замечается у нас дома <...> Эти силы — возникшее сознание гражданской подоправности в 20 миллионах крестьян; это развивающийся в обществе юридический разум; это, наконец, голос русской печати, к которому внимательно прислушивается западный мир...».

13. И. С. Аксакову

Петерб(ург). 8 января 1867

Теперь я, кажется, в состоянии передать вам с большою достоверностью впечатление, производимое вашею «Москвою» на разумное большинство здешней публики, — оно в *высшей степени благоприятное*. Только те, которые рассчитывали на скандал, чувствуют себя несколько озадаченными.

Что особенно порадовало всех здравопонимающих — это — при неизменности направления — для многих неожиданная *безжельность* тона. В данных обстоятельствах — это сила.

И в самом деле, прежняя резкость тона была бы теперь сущим анахронизмом. То, что прежде называлось славянофильскою идеею, сделалось теперь силою вещей, общим достоянием, она, т(ак) ск(азать), распустилась в действительности... Не странно ли бы было сохранить за нею, в изложении, ту запальчивую исключительность и нетерпимость, на которые вызывали ее прежние отношения. Да и при том сто́ит только привести в сознание ту историческую минуту, что мы теперь переживаем, — если нельзя еще сказать: «Hannibal ante portas»^{12*}, — не подлежит, однако, сомнению, что день великого столкновения все ближе и ближе¹.

Хотя бы даже и затянулся везде, на несколько времени, восточный вопрос, но *мирно* он ни в каком случае разрешиться не может². Был ли бы какой смысл, ввиду предстоящих событий — перед лицом наступающего неприятеля, — заводить из-за пустяков споры и ссоры в собственном лагере?

Мы имеем теперь полную возможность весь нам присущий оппозиционный элемент обратить с большею разумностью против наших настоящих, несомненных противников. Тут есть, где расходиться полемическому задору и над чем вдоволь испробовать свою руку. И вот почему тон, усвоенный «Москвою»,

^{12*} Ганнибал у ворот (лат.).

оказался всем вполне соответственным тому, чего так логично-настоятельно требует данная минута.

Да и как, при несколько трезвом, спокойном взгляде на окружающую среду, не убедиться, что у нас — в обществе ли, в правительстве ли, все, еще идущее наперекор национальному стремлению, есть не что иное, как недоразумение, несознательность, просто отсталость, что все наши Европейцы — вне всякой действительности и скоро очутятся в такой среде, что даже и в виде призраков им нельзя будет продолжать свое существование и они просто испарятся. Вот почему, чтобы придать нам какое-либо серьезное действительное значение, (не) надобно прибегать, как, напр(имер), Катков, к самым фантастическим ухищрениям. Я несколько не отрицаю возможной их зловредности — и даже очень значительной, — но этой зловредности, по неразумию, следует противодействовать не катилинариями, даже не сарказмом, а спокойным, по возможности, и разумным разрешением дела.

Все это, я знаю, как оно ни кажется просто до пошлости в теории, требует на практике — особливо для некоторых натур — геройского самообладания и поистине (?) христианского смиренномудрия.

Все ваши передовые статьи отлично хороши, особливо статья в № 6. Тут вопрос весь и с корнем³. Вот в чем и доселе несомненное превосходство вашего учения над всеми прочими — оно вернее, потому что глубже.

Господь с вами. Обнимаю вас и жену вашу.

В семейном архиве Аксаковых окончание этого письма было контаминировано с письмом от 5 января 1867 г. (п. 12). Эта ошибка повторена в публикации *Мурановского сб.* (с. 16—17).

¹ «Ганнибал у ворот» — слова, выражавшие опасность, нависшую над Римом во время II Пунической войны, когда Ганнибал, разбив римлян под Каннами, двинул свое войско на Рим (Тит Л и в и й. Книга от основания города. XXIII, 16); переносный смысл — как предупреждение о грозящей опасности — это выражение приобрело в «Филиппиках» Цицерона (I. 5. 10). Тютчев и раньше считал вполне реальной опасностью возникновения антирусской военной коалиции европейских держав (Тютчев — Георгиевскому, п. 13).

² Подразумевается обострение «восточного вопроса» в связи с восстанием кандитов (см. п. 11, прим. 6).

³ Указание на № 6 — ошибка: Тютчев имеет в виду передовую статью «Москвы» от 6 января (№ 5). Развивая в этой статье положения, высказанные С. М. Соловьевым (см. п. 12, прим. 4), Аксаков утверждает, что позиция Франции, представительницы католического («латинского») мира, враждебна интересам православного Востока, и в итоге приходит к выводу, что «восточный вопрос есть в то же время вопрос об отношениях <...> латинского мира к православному».

14. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. Dimanche, 22 Janvier 1867

Ma fille chérie, je t'écris comme dans le bon vieux temps, par occasion particulière grâce aux influences nouvelles qui dominant pour le moment¹... J'avais bien pensé que *l'avertissement* qui vient d'être fulminé contre la «Москва»² t'alarmerait et te chagrinerait plus que de raison. Cet avertissement qui émane de Wal(oujeff) directement, et en contradiction avec l'avis de la majorité du Conseil de la presse, aura probablement été une concession, mais de la part de W(aloujeff) une concession faite à des exigences, auxquelles il est hors d'état de résister. J'ai quelques raisons de supposer que c'est la mention, faite trop cavalièrement, de la 3ième section³, qui a été le principal grief, or la 3ième section est un pouvoir qui, à juste titre, considère son nom comme une injure...

D'ailleurs il n'y a pas à se le dissimuler, il y a entre la pensée Aksakoff et l'esprit bureaucratique, qui fait le fond de la direction de la presse — un *abîme* incommensurable et qu'une phraséologie vague et lâche pourrait seule au besoin dissimuler. Mais chaque fois que cette pensée apparaîtra claire et précise, elle sera sûre de se heurter contre l'autorité. Il y a là l'antagonisme de principes. Maintenant l'expérience est faite. La législation actuelle sur la presse n'est qu'une censure désorganisée⁴. C'est là encore un de ces stupides plagiats, qui forment le fond

de notre science législative, et par une ironie du sort bien méritée, il se trouve que le modèle reproduit par nous avec tant de servilité, est brisé sous nos yeux par la main même qui l'avait créé...⁵ Il sera curieux de voir combien de temps nous nous permettrons de porter cette crinoline législative après qu'on aura cessé de la porter à Paris. Tout cela ferait rire si cela ne donnait pas la nausée... Heureux ceux parmi nous qui aiment à mépriser, car ceux-là peuvent tailler en plein drap... Parfois il m'arrive même d'être attendri à la vue de tant d'imbécillité naïve et inconsciente; c'est la disposition d'esprit où je me trouve pour le moment à la vue de ce qui vient de se passer⁶, au moins par rapport à ce pauvre cher homme qui est comme un bon Dieu un peu bête⁷. Il n'en est pas ainsi de ses serviteurs et mon attendrissement ne s'étend certes pas à Шувалов et à Левашов⁸, qui ont, par une sottise susceptibilité blessée de gens médiocres au pouvoir, amené tout ce gâchis. Mais ce n'est qu'en entrant dans des détails infinis, que ma paresse épistolaire ne comporte pas, qu'on pourrait donner une idée quelque peu juste de ce qui vient de se passer. Mais là aussi il y aurait du plagiat. Ces imbéciles n'ont pas manqué de s'imaginer qu'ils faisaient leur coup d'état du 2 Décembre⁹ — toute la police était sur pied, on s'attendait à de la rébellion, à des barricades peut-être, et c'est avec un air de triomphe contenu que Левашев est venu le soir dans la loge de l'Empereur visiblement ému et inquiet: «Все кончилось благополучно». Ah, triple-sots... Le plagiat n'a pas manqué non plus du côté opposé. Car plusieurs d'entre ces Messieurs étaient pleins de leur importance et flottaient agréablement entre les souvenirs du Jeu de Paume et ceux de la grande Charte¹⁰. La réalité de leur prétention était pourtant des plus modestes et le gouvernement lui-même était fort embarrassé de formuler une accusation qui eût une apparence de sens commun¹¹. Car pour mettre le comble à toute cette ridicule et plate comédie, au moment même où l'Assemblée était occupée de tendances factieuses, le ministre de l'intérieur présentait à l'Empereur un projet d'une députation centrale des différents Земства, et le grand homme du jour, — Шувалов lui-même est, dit-on, occupé de quelque chose de semblable avec son ami Alexis Bobrinsky¹²... En un mot c'est un tas d'idiots qui viennent d'avoir bu...

La seule réalité dans tout ce fatras, c'était cette velléité d'arbitraire, essayant de se reproduire dans ces ordres d'exil. Mais ceci, également, n'a pas abouti¹³ et cet avertissement-là est le seul résultat positif de tout cet imbroglie odieux.

Mais je me sens l'esprit tout fané et tout alangui et suis obligé de remettre à une autre occasion la suite de cette lettre.

Перевод:

Петербург. Воскресенье, 22 января 1867

Моя милая дочь, из-за господствующих ныне новых веяний пишу тебе с оказией, как в доброе старое время¹. Как я и полагал, *предостережение*, которое метнули в «Москву»², тебя встревожило и огорчило больше, чем следовало бы. Предостережение это исходит от самого Вал(уева), вопреки мнению большинства в Совете по делам печати, и было, вероятно, уступкой В(алуева), уступкой требованиям, которым он не в состоянии воспротивиться. У меня есть некоторые основания полагать, что недовольство властей было вызвано главным образом слишком дерзким упоминанием о Третьем Отделении³, ну а Третье Отделение — это учреждение, которое совершенно справедливо само свое имя рассматривает как ругательство.

Впрочем, что скрывать, между образом мыслей Аксакова и бюрократическим складом ума, характерным для руководства нашей печати, лежит бездонная пропасть, и замаскировать ее в случае надобности можно было бы только при помощи вялой и расплывчатой фразеологии. Но любая попытка выразить свои мысли точно и ясно неизбежно вызывает недовольство властей. Тут имеет место антагонизм принципов. Теперь опыт произведен. Нынешний закон о печати сводится к беспорядочно действующей цензуре⁴. И в этом снова проявляется дурацкий плагиат, который составляет основу нашей законодательной науки, и по вполне заслуженной иронии судьбы оказывается, что модель, столь рабски нами воспроизведенная, на наших глазах разрушается рукой, ее создавшей⁵... Любопытно посмотреть, как долго бу-

дем мы носить этот законодательный кринолин после того, как его перестанут носить в Париже. Все это было бы смешно, если бы не вызывало отвращения...

Счастливы те из нас, кому доставляет удовольствие изливать на все свое презрение, у них сейчас большие возможности предаваться этому. Порой, при виде всей этой глупости, бессознательной и наивной, я чувствую себя даже расстроганным; именно в таком расположении духа нахожусь я теперь под впечатлением того, что произошло ⁶, по крайней мере, в отношении того бедняжки, который выглядит сейчас, как глуповатый боженька ⁷. Другое дело — его слуги; на Шувалова и Левашова, которые по глупой обидчивости, свойственной заурядным людям, облученным властью, сочли себя задетыми и заварили всю эту кашу, моя расстроганность не распространяется ⁸. Однако, только вникая в бесконечные подробности — а этого моя эпистолярная лень не позволяет мне сейчас сделать, — можно было бы дать более или менее правильное представление о том, что произошло. Плагиат и тут, по-видимому, имел место. Эти глупцы не преминули вообразить, будто совершается государственный переворот 2 декабря ⁹, — полиция была наготове, ожидали сопротивления властям, может быть, даже баррикад, и вот Левашов с торжествующе-сдержанным видом является вечером в ложу государя, явно всем этим встревоженного: «Все кончилось благополучно». Ах, какие же дураки... Не было недостатка в плагиате и у противной стороны. Ибо многие из этих господ, исполненные сознания важности собственной персоны, пребывали в приятной нерешительности, какое же из воспоминаний предпочесть: *Jeu de Raume* или Великую Хартию ¹⁰. На деле же притязания их оказались самыми скромными, и даже правительство затруднялось составить обвинение так, чтобы в нем было хотя бы подобие здравого смысла ¹¹. И в довершение этой пошлой и нелепой комедии, в то самое время, когда Государственный совет был занят разбирательством попытки мятежа, министр внутренних дел представил государю проект общей депутации от различных земств, и говорят, сам великий человек нынешнего дня — Шувалов занят чем-то подобным со своим другом Алексеем Бобринским ¹². Словом, скопище подвыпивших идиотов...

Единой реальной реальностью среди всего этого пустословия оказалась робкая попытка произвола, выразившаяся в приказах о высылке. Но и это не было доведено до конца ¹³, и предостережение остается, таким образом, единственным практическим результатом этой отвратительной возни.

Однако чувствую, что мозг мой устал, и вынужден отложить до другого случая продолжение этого письма.

¹ Намек на перлюстрацию писем.

² 17 января 1867 г. было вынесено первое предостережение «Москве» за передовую статью в № 8 от 11 января. В статье сообщалось, что в одном из московских монастырей была отслужена панихида по жертвам расправы турецкого правительства с восставшими кандидатами (христианами Крита); сообщалось также, что московское духовенство вынуждено было просить разрешения на панихиду у правительства. Последнее обстоятельство Аксаков использовал для обсуждения вопроса о «пределах», в которых «призвано действовать» правительство по отношению к общественному мнению. Совет по делам печати решил, что хотя автор статьи позволил себе «резкие суждения» об «отношениях между правительством и обществом», тем не менее, «ввиду настроения общества по поводу происходящих на востоке событий», объявлять за эту статью предостережение «было бы в настоящее время неудобным»; однако по указанию министра внутренних дел П. А. Валуева предостережение было объявлено (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 133, 134).

³ Существующее в России соотношение «прав и обязанностей общества и правительства» ведет к тому, утверждал Аксаков, что общество, кусаявая себе точку зрения правительственной, нередко принимает на себя исполнение вовсе ему не свойственных обязанностей, а подчас и обязанностей III Отделения («Москва», 1867, № 8, 11 янв.).

⁴ О системе «предостережений», введенной законом о печати от 6 апреля 1865 г., и об отношении Тютчева к ней см.: п. 4, прим. 3, а также: Тютчев — Каткову, п. 5, прим. 1—5.

⁵ 20 января 1867 г. в газете «Москва» было напечатано объявленное ей предостережение (№ 16), а 21 января (№ 17) помещено (под рубрикой «Из Парижа») «Письмо к редактору» об отмене системы предостережений во Франции. Автором «письма» был Аксаков (оно подписано его псевдонимом: «Насыанов»).

⁶ Здесь и далее речь идет о последовавшем 16 января 1867 г. «высочайшем повелении» распустить Петербургское земское собрание и закрыть все земские учреждения в Петербургской губернии (*СПб. вед.*, 1867, № 17, 17 янв.). Причиной было решение Собрания не принимать на 1867 г. закон о системе земского обложения, изданный 21 ноября 1866 г., поскольку все сметы и раскладки обложений были составлены до его издания. Обсуждение вопроса носило резко оппозиционный в отношении правительства характер.

⁷ Подразумевается Александр II, оказавшийся в деле с роспуском Петербургского земского собрания орудием в руках его инициаторов, главным среди которых был П. А. Валуев.

⁸ Петербургский губернатор гр. Н. В. Левашов был одним из наиболее активных участников истории с закрытием Петербургского земского собрания. После того, как Собрание пренебрегло его требованием руководствоваться законом 21 ноября и приняло решение обратиться к правительству с ходатайством о пересмотре закона (*СПб. вед.*, 1867, № 12 и 13 от 12 и 13 янв.), Левашов настоял на роспуске Собрания и вечером 16 января сам объявил его членам высочайшее повеление. По свидетельству современника, «скандал» с земством возник «при содействии» шефа жандармов и начальника III Отделения гр. П. А. Шувалова, «терроризирующего постоянно царя фантомами каких-то революций» (письмо Б. М. Маркевича М. Н. Каткову 1 февраля 1867 г. — ГБЛ, 120. 7. 30 — сообщено К. В. П и г а р е в ы м).

⁹ Тютчев проицирует, сравнивая роспуск Петербургского земского собрания с действиями Луи Наполеона Бонапарта во время переворота 2 декабря 1851 г. Стремясь захватить всю полноту власти, Бонапарт начал с того, что распустил Национальное собрание и ввел военное положение.

¹⁰ Клятва в *Jeu de Paume* — один из эпизодов, предшествовавших началу Великой французской революции: 20 июня 1789 г. Людовик XVI распустил провозглашенное третьим сословием Национальное собрание и приказал закрыть зал его заседаний; однако депутаты собрались в зале для игры в мяч (*Jeu de Paume*) и поклялись собираться повсюду, где представится возможность, пока Франция не получит прочного государственного устройства. Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*) — договор, который английский король Иоанн Безземельный был вынужден заключить с властными против него феодалами (1215 г.); Великая хартия ограничивала королевскую власть и стала символом борьбы с абсолютизмом.

¹¹ Роспуск Собрания мотивировался тем, что оно «обнаруживает стремление неточным изъяснением дела и неправильным толкованием закона возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству» (*СПб. вед.*, 1867, № 17, 17 янв.).

¹² Гр. Алексей Алексеевич *Бобринский* (1800—1868) — шталмейстер, член Совета министра финансов. По инициативе начальника III Отделения П. А. Шувалова был привлечен к участию в совещаниях по вопросу о земстве, проводившихся Валуевым после роспуска Петербургского земского собрания; на первом же совещании (18 января) Бобринский представил проект изменения закона 21 ноября (*Валуев*, т. II, с. 184, 187).

¹³ После роспуска Петербургского земского собрания были подвергнуты административной каре три его члена, наиболее активно протестовавшие против закона 21 ноября: председатель Петербургской земской управы Н. Ф. Крузе было объявлено, что он высылается в Оренбург; А. П. Шувалову был предложен выбор — ехать туда же или за границу; сенатору М. Н. Любоцинскому предложили подать в отставку. Однако последнее предложение было тут же отменено, а для Крузе Оренбург был заменен ссылкой в имение без права выезда.

15. А. Ф. Аксаковой

P(etersbourg). Mercredi, 8 Février 1867

J'ai été très heureux, ma fille chérie, d'apprendre que tes longues incertitudes sont enfin fixées ¹ et que tu pourras maintenant recouvrer un peu de ce calme d'esprit, si nécessaire à la santé du corps, et dont tu es si complètement privée, hélas...

Самарин qui te portera cette lettre, vous mettra au fait de la situation. — Pour mon compte je n'y ajouterai que quelques mots, à l'adresse de ton mari, au sujet de notre politique étrangère.

Il est absolument nécessaire, selon moi, que la «Москва», précisément parce qu'elle est l'organe de l'opinion nationale dans sa nuance la plus franche et la plus décidée — accueille avec la sympathie la plus marquée toute manifestation de notre politique dans le sens de la dignité du pays... Ainsi par exemple le désaveu que le «Journal de St.-Petersbourg» vient d'infliger à l'insolent mensonge, par lequel Napoléon dans son discours d'ouverture cherche à faire croire à la solidarité de notre politique avec la sienne dans les affaires d'Orient ². Eh bien ce désaveu tout indispensable qu'il était a coûté beaucoup de peine à obtenir, et maintenant, dans un certain monde, on cherche à le représenter comme une impudence impardonnable et tout à fait gratuite. Il faut se rendre bien compte de la position personnelle de ce pauvre Pr(ince) Gortchakoff. En dépit de ses bons instincts, il est constamment poussé en sens contraire par l'influence antinationale, représentée par des hommes tels que Jomini ³, etc. Et il n'y a pour la

neutraliser que moi et Katakazy⁴, l'auteur et l'inspirateur de l'article. Voici d'ailleurs le billet autographe qu'il m'a écrit hier au sujet de toute cette affaire et qui vous mettra *наглядно* au fait de la situation d'ici⁵.

Quant au discours de Napoléon, il y aurait pour la Москва un magnifique article à faire en s'emparant hardiment du texte cité dans ce discours des paroles de Napoléon Ier relativement à l'agglomération fatale et inévitable des grandes races historiques. Pour en faire le considérant d'un véritable manifeste de Panslavisme hautement avoué⁶.

Mes amitiés à ton mari et mes vœux les plus sincères pour votre prospérité à tous deux.

Перевод:

П(етербург). Среда, 8 февраля 1867

Очень рад, моя милая дочь, что твои продолжительные сомнения *разъяснились*¹ и теперь ты обретишь хоть немного столь необходимого для здоровья душевного равновесия, которым ты, увы, совершенно не обладаешь...

Это письмо передаст тебе Самарин, он расскажет вам об обстановке. Я же добавлю для твоего мужа только несколько слов о нашей внешней политике.

Поскольку «Москва» выражает наиболее открыто и решительно нашу национальную точку зрения, она, по-моему, непременно должна поддерживать, и самым горячим образом, всякое проявление нашей политики, способствующее укреплению достоинства России. Взять хотя бы опубликованное в «Journal de St.-Petersbourg» опровержение наглой лжи, при помощи которой Наполеон в своей тронной речи старается внушить мысль о единстве нашей и французской политики по Восточному вопросу². Так вот, хотя высказать это опровержение было совершенно необходимо, стоило больших усилий получить разрешение на его опубликование, да и теперь в некоторых кругах стараются изобразить это как непростительную дерзость, к тому же совершенно лишенную основания. Представляешь себе, каково положение бедного князя Горчакова. Вопреки его добрым побуждениям антирусские силы, представляемые такими людьми, как Жомини³ и др., постоянно подталкивают его действовать в обратном направлении. А нейтрализуют действие этих сил только я да Катакази⁴, автор и вдохновитель статьи. Вот, кстати, написанная им вчера для меня собственноручная его записка по поводу всей этой истории, она *наглядно* вам покажет, в чем состоит суть здешней обстановки⁵.

Что же до речи Наполеона, то «Москва» могла бы дать великолепную статью, смело воспользовавшись приведенными в этой речи словами Наполеона I о том, что исторически сложившиеся великие народы неминуемо сольются воедино. Основываясь на этих словах, можно составить подлинный манифест панславизма, который таким образом заявит о себе во всеуслышание⁶.

Дружески приветствую твоего мужа и самым искренним образом желаю процветания вам обоим.

¹ См. п. 10, прим. 1.

² 14/2 февраля 1867 г. Наполеон III заявил на открытии сессии Законодательного корпуса, что Россия «готова не отделять своей политики на Востоке от политики Франции» (СПб. вед., 1867, № 38, 7/19 февр.). Русское Министерство иностранных дел опровергло в передо-

〈ГАЗЕТНЫЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ УТКИ〉

Литография О. Домье

«Charivari», 22 октября 1867 г.

В журнале под карикатурой подпись: «Газетные утки так затмили свет, что бедная Европа не знает, куда ей идти»

вой статье своего оффициоза эту попытку Наполеона приписать себе инициативу мирного разрешения кризиса, возникшего на Востоке в связи с критским восстанием; указывалось, что на самом деле жестокая расправа с восставшими производилась турецким правительством при попустительстве Франции («Journal de St.-Petersbourg», 1867, № 31, 6—7 февр.). В соответствии с пожеланием Тютчева Аксаков поддержал эту акцию Министерства иностранных дел в передовой статье «Москвы» от 11 февраля 1867 г. (№ 34).

³ Бар. Александр Генрихович Жомини (1814—1888) — дипломат, старший советник Министерства иностранных дел, автор труда «Россия и Европа в эпоху Крымской войны» (СПб., 1874, на франц. яз.; русский перевод — «Вестник Европы», 1886, № 2—10).

⁴ Вероятно, Франциск Гаврилович Катакази (1830—1890) — чиновник Министерства иностранных дел.

⁵ Эта «записка» неизвестна. Вполне возможно, что Аксаков воспользовался ею при составлении своей статьи (см. прим. 2).

⁶ Коснувшись в своей речи вопроса об объединении Германии, Наполеон III заявил о необходимости создания «конфедерации латинских наций» и в этой связи напомнил слова Наполеона I: «Одной из самых заветных моих мыслей было сосредоточение и сплочение однородных географических национальностей, которые были разделены революциями и различными политическими соображениями. Это сплочение произойдет рано или поздно» (СПб. вед., 1867, № 38, 7/19 февр.). Аксаков последовал совету Тютчева и воспользовался этими словами в качестве аргумента в пользу права славянских народов на объединение. При этом он заявил: «Не чрез поглощение славян Россией, но чрез объединение славян силою объединяющего начала, представляемого Россиею, и только Россиею, возможно возрождение славянского мира» («Москва», 1867, № 38, 16 февр.).

16. А. Ф. Аксаковой

⟨Petersbourg.⟩ Lundi, 13 Février ⟨18⟩67

Ma fille chérie, je ne t'écris que quelques mots rien que pour utiliser le départ pour Moscou du p(ri)nc(e) Obolensky. Je trouve que les pratiques nouvelles de la Police ont extrêmement ranimé l'ardeur épistolaire ¹.

Tes détails sur l'entrevue du fameux Юркевич avec ton mari m'ont beaucoup amusé ² et tu penses bien que je ne les ai pas gardés pour moi seul. J'en ai même gratifié Валувев.— Voilà un gaillard,— je parle de Юркевич,— qui enfonce Гоголь. Car qu'est-ce que son Хлестаков comparativement à l'éditeur du «Народный Голос» ³. Ici, encore une fois, l'art a cédé à la nature. Et cependant ce journal, tel qu'il est, a du bon et il serait, ma foi, heureux, qu'il exprimât en effet la pensée intime de S(он) M(ажестé) Mais il n'en est rien. Il ne représente tout au plus qu'un caprice. C'est comme si Milord ⁴ se faisait l'éditeur d'un journal. Je suis sûr que cette publication jouirait d'une très grande dose de liberté et par là même — bien dirigée, pourrait même faire beaucoup de bien... Mais je commence à trembler pour le pauvre Юркевич, il a le bonheur trop indiscret.

Le dernier article de la «Москва» № 34 m'a extrêmement satisfait ⁵ et cette satisfaction sera généralement partagée. Il est dans la vraie mesure sympathique pour notre diplomatie, sans rien céder sur les principes... c'est la bonne méthode. Il faut nous soutenir en nous poussant.— Il y a en ce moment un point d'une immense gravité et il faudrait que tous les efforts de la presse fussent dirigés vers ce point qui est la clef de la position.

Il faudrait qu'il fût bien établi dès à présent, que quoi qu'il arrive et quel que soit le résultat du tripotage diplomatique qui se fait autour de la question d'Orient,— dans le cas néanmoins où l'insurrection viendrait à éclater au printemps ⁶,— la Russie exigeât péremptoirement des puiss(ances) Occid(entales) l'application rigoureuse du principe de la non-intervention. Voilà ce que notre presse devrait dire et redire tous les jours.

Hier, à un grand bal chez la Comtesse Протасова ⁷, l'Impératrice m'a parlé de toi avec beaucoup d'amitié et avec sympathie de plusieurs articles de la «Москва», nommément d'un article sur les écoles de jeunes filles, etc., etc.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Понедельник, 13 февраля⟨18⟩67

Моя милая дочь, пишу тебе лишь несколько слов только для того, чтобы использовать отъезд в Москву кн. Оболенского. Я нахожу, что новейший образ действий полиции очень оживил рвение к письмам ¹.

Сообщенные тобою подробности о свидании пресловутого Юркевича с твоим мужем очень меня позабавили², и ты понимаешь, что я не оставил их при себе. Я преподнес их даже Валуеву. Этот молодец — я говорю про Юркевича — передеголял Гоголя. Ибо куда годится его Хлестаков в сравнении с издателем «Народного голоса»³! Тут, еще раз, искусство оказалось бледнее жизни... И тем не менее эта газета, такая, как есть, имеет хорошие стороны, и было бы, право, недурно, если бы она выражала в действительности сокровенную мысль е(го) в(еличества). Но ничего этого нет. Самое большее, что она выражает, — это каприз — все равно как если бы Милорд⁴ сделался издателем газеты. Я уверен, что это издание пользовалось бы весьма значительной свободой и уже поэтому, должным образом направленное, могло бы даже приносить немалую пользу... Но я начинаю бояться за бедного Юркевича — он слишком болтлив в своей удаче.

Последняя статья «Москвы», № 34, очень меня удовлетворила⁵, и это удовлетворение будет всеобщим. Она в должной мере сочувственна нашей дипломатии, ничего не уступая в принципах... это как раз хорошая метода. Нужно нас поддерживать и одновременно подталкивать. В настоящее время существует одно чрезвычайно важное обстоятельство, и нужно было бы, чтобы все усилия печати были устремлены на это обстоятельство, составляющее ключ позиции.

Нужно было бы теперь же твердо установить, что, независимо от того, что произойдет и каков бы ни был результат дипломатической стряпни вокруг Восточного вопроса, — в случае, если все-таки весной вспыхнет восстание⁶, — Россия решительно потребует от западных держав строжайшего соблюдения принципа *невмешательства*. Вот что наша печать должна бы твердить и повторять ежедневно.

Вчера на большом балу у графини Протасовой⁷ императрица с большой теплотой говорила со мной о тебе и сочувственно — о многих статьях «Москвы», а именно по вопросу о женских учебных заведениях и т. д., и т. д., и т. д.

¹ Намек на перлюстрацию писем.

² Встреча Аксакова с П. А. Юркевичем-Литвиновым, издателем консервативной газеты «Народный голос» (СПб., 1867), вероятно, была связана с перепечаткой в этой газете (№ 20, 25 янв.) передовой статьи «Москвы» (№ 18, 22 янв.) по поводу полученного ею предостережения; Аксаков критиковал в этой статье систему административных расправ с печатью.

³ «Народный голос» издавался на средства правительственной субсидии и уделял много места прославлению «великого преобразователя» — Александра II. Издатель газеты распространял слух, что его поддерживает сам император: «Он прямо, без всяких околочностей, выдает себя за агента его императорского величества» (*Никитенко*, т. 3, с. 71; см. также запись в дневнике В. Ф. Одоевского от 1 янв. 1867 г. — *ЛН*, т. 22—24, с. 226—227).

⁴ Милорд — любимая собака Александра II.

⁵ Об этой статье см. п. 15, прим. 2.

⁶ Тютчев надеялся, что славянские народы Оттоманской империи в ближайшее время поднимутся на борьбу за свое освобождение.

⁷ Гр. Наталья Дмитриевна *Протасова* (рожд. княж. Голицына; 1803—1880) — статс-дама.

1867 год начался очень весело. Святки продолжались весь январь. Наряженные журнального мира доставляли публике особое удовольствие своими необычными до сего времени и совершенно-невероятными костюмами.

РЕДАКТОРЫ ГАЗЕТ «ВСЕМИРНЫЙ ТРУД» И «НАРОДНЫЙ ГОЛОС»

Карикатура Фрейнда из серии «1867 комический год»
Подпись: «1867 год начался очень весело. (...) Наряженные журнального мира доставляли публике особое удовольствие своими необычными до сего времени и совершенно невероятными костюмами»

«Искра», 1867, № 4, (29 января)

17. А. Ф. Аксаковой

Petersb(ourg). Jeudi, 23 Février 1867

J'aimerais bien pouvoir t'expliquer, d'une manière tant soit peu raisonnable, ce qui vient de se passer. Mais il y a un degré d'inconsistance qui échappe à toute appréciation ¹. Je ne suis pas parvenu à constater jusqu'à présent si l'initiative de ce second avertissement, si inattendu pour tout le monde, appartient à *Валуев* en propre, ou bien si cette mesure lui a été imposée *par Шувалов*. Car lui dit, tour à tour, l'un et l'autre, suivant l'inspiration du moment. Je ne m'étais pas fait une idée exacte d'un pareil mélange de mensonge et pusillanimité. Ce qui est certain, c'est que la mesure a été convenue entre les deux honorables et imposée au conseil malgré les protestations du président Похвиснев, qui a exprimé par écrit, que l'article en question pouvait donner tout au plus lieu à un simple *communiqué*. Ici tout le monde a été aussi surpris que choqué et, certes, cela n'ajoutera rien à la considération personnelle de В(алуев) lui-même, à celle du régime actuel de la presse. J'ai su par la Comtesse Protassoff que l'Impératrice a été très peu édifiée de cette nouvelle incartade de l'administration. Elle a même dit qu'elle savait qui étaient les gens qui en voulaient à l'existence de la «Москва» et pourquoi. Mais que c'est précisément l'hostilité de cette clique de gens qui est le meilleur titre de ce journal et en fait un organe nécessaire et indispensable... En un mot la situation dans son ensemble est telle que cette agression si brutalement arbitraire et inconsidérée, de quelque part qu'elle vienne, fera plus de bien que de mal à celui contre qui elle est dirigée, et voilà pourquoi je suis d'avis, que le mieux en ce moment — comme dignité et comme calcul — ce serait de ne pas en prendre la moindre connaissance ². Cela n'empêche pas que je trouve tout ce régime d'arbitraire aussi bête que révoltant et cette appréciation commence à devenir générale. Il est de fait, que les vellétés libérales qui se sont fait jour dans le gouvernement n'ont eu d'autre résultat, que d'avoir surexcité le *prurit* (зуд) de l'arbitraire administratif...

De grâce, Anna, ne t'afflige pas plus que de raison de ce qui vient d'arriver... et soigne-toi. Dieu te garde.

Перевод:

Петерб(ург). Четверг, 23 февраля 1867

Мне очень бы хотелось дать тебе хоть сколько-нибудь разумное объяснение того, что произошло. Но все это столь неосновательно, что совершенно не поддается объяснению ¹. Мне до сих пор не удалось выяснить, принадлежит ли инициатива второго предостережения, столь неожиданного для всех, самому *Валуеву* или его вынудил это сделать *Шувалов*. Сам Валуев говорит то так, то этак, смотря по настроению минуты. Никогда не думал, что возможно подобное сочетание лживости и трусости в одном лице. Ясно одно: вопрос о принятии меры эти почтенные господа согласовали между собой и навязали Совету, несмотря на возражения председателя Похвиснева, подтвердившего письменно, что статья, о которой идет речь, может самое большее дать повод для обычного *предупреждения*. У нас здесь все были поражены, и, конечно, все происшедшее не прибавит в глазах общества уважения ни лично к В(алуеву), ни к порядкам, существующим в печати. От графини Протасовой мне стало известно, что императрица не была осведомлена об этой новой выходке администрации. Все же она сказала, что знает, кто именно и почему покушается на существование «Москвы», но вражда этой клики как раз лучше всего рекомендует газету и является лучшим доказательством ее необходимости. Словом, положение в целом таково, что необдуманное проявление столь грубого произвола, откуда бы оно ни исходило, принесет скорее пользу, чем вред, тем, против кого удар был направлен. Вот почему я считаю, что самое лучшее сейчас никак не интересоваться происшедшим, это и достойнее, и разумнее всего ². Тем не менее я нахожу возмутительным это глупое самоуправство, и такое мнение сейчас становится всеобщим. Действительно, робкие проявления либерализма, которые позволило себе наше правительство, привели только к тому, что усилили *зуд* административного произвола.

Ради Бога, Анна, не огорчайся сверх меры всем происшедшим и береги себя. Да хранит тебя Бог.

¹ 20 февраля 1867 г. «Москва» получила второе предостережение за передовую статью в № 35 от 12 февраля (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 136). «Наши государственные шалуны, — писал по этому поводу А. В. Никитенко, — выдумали забавную новую проказу: ссылат в внутренние губернии содержателей гостиниц в Москве <...> если они не заявят в полицию и не пропишут вид кого-либо из остановившихся у них хоть на несколько часов <...> Газета „Москва“ напечатала умную и энергическую статью по этому поводу: за это ей и сделано второе предостережение. Последнее, по обыкновению, так формулировано, что, прочитав и его, и статью, на которую оно падает, никто не поймет, за что дано предостережение» (*Никитенко*, т. 3, с. 75).

² Вопреки советам Тютчева Аксаков ответил на объявленное ему предостережение в передовой статье «Москвы» от 24 февраля (№ 45). «Презрительнее отзываться о цензурной администрации нельзя», — отметил А. В. Никитенко в своем дневнике (там же, с. 76).

18. А. Ф. Аксаковой

St.-P(etersbourg). Vendredi, 17 Mars 1867

Ma fille chérie, cette fois encore je viens vous rassurer sur la situation. Les deux articles ont *définitivement* passé ¹. Je n'ai pas besoin de t'indiquer l'influence qui, encore une fois, est venue en aide à la «Москва» et a conjuré l'orage ². Mais il ne fallait pas moins que cette influence pour le conjurer. Cet état de choses est anormal, je le sais — mais dis à ton mari que je le conjure — moi, qui suis sur les lieux et vois les choses de près, dans l'intérêt même de la cause — de laisser reposer pour le moment la question et de ne pas y toucher de quelque temps. L'effet produit par les deux articles a été très grand, mais en le répétant on le compromettra d'une manière déplorable. Laissons faire la logique des événements qui ne tarderont pas à amener l'évidence — et ce moment viendra bien avant qu'il ne soit trop tard pour réparer le mal. A l'heure qu'il est ce qu'il y a de plus à craindre, c'est de produire une excitation à contresens là, où il serait si essentiel d'amener la conviction ³...

D'ailleurs l'existence d'un organe tel que la «Москва» est aussi un intérêt du pays, et à ce titre a droit à des ménagements. Il y a tant de causes en litige dans ce moment, qu'elle peut utilement servir par la parole, tandis que pour le moment aussi ce qui servirait au mieux la question dont il s'agit, ce serait un temps de silence... Au point où nous en sommes, il est bon, parfois, de laisser agir l'opinion, comme un *élément* — sans trop la résumer, par une action individuelle; une pression *élémentaire* s'accepte plus volontiers.

En Orient, à mon point de vue, tout ce qui est négociation n'est que de la blague. Il n'y a et n'y aura de sérieux que l'insurrection armée ⁴.

Quand tu verras ta belle-mère parle-lui de la part sincère que j'ai prise à ce redoublement d'épreuves qu'elle supporte avec tant de grandeur et d'énergie... ⁵

Il me tarde bien de te voir. N(ou)s attendons Kitty avec impatience.

Перевод:

С.-П(етербург). Пятница, 17 марта 1867

Моя милая дочь, хочу еще раз успокоить вас относительно того, как все обстоит. Обе статьи прошли, теперь это можно сказать *совершенно определенно* ¹. Нет надобности говорить тебе, чья влиятельная рука пришла опять на помощь «Москве» и отвела грозу ². Но только

ЛИБЕРАЛ-ЭКВИЛИБРИСТ

Карикатура на П. А. Валуева

Гравюра по рисунку Н. А. Степанова

«Искра», 1862, № 21

она одна могла это сделать. Такое положение ненормально, я это знаю, но передай мужу, что, находясь в центре событий и наблюдая их вблизи, я настоятельно прошу его в интересах самого дела отложить сейчас обсуждение этого вопроса и не возвращаться к нему некоторое время. Обе статьи произвели очень большое впечатление, но, повторяя одно и то же, можно, к сожалению, сильно навредить делу. Предоставим же событиям развиваться, они сами внесут во все ясность, — и это свершится гораздо раньше, чем зло окажется непоправимым. Сейчас, когда так необходимо действовать убеждением, самое опасное было бы вопреки здравому смыслу вызывать возбуждение³...

Кроме того, такая газета, как «Москва», приносит России пользу и поэтому имеет право проявлять осторожность. Сейчас она может способствовать своим словом разрешению стольких спорных вопросов, но вместе с тем разрешению вопроса, о котором идет речь, больше всего способствовало бы, если бы газета на некоторое время воздержалась от его обсуждения... При существующем положении вещей иногда полезно дать общественному мнению возможность развиваться самостоятельно, *стихийно* и не слишком подталкивать его к выводам; мягко оказываемое давление вызывает меньше сопротивления.

Переговоры по Восточному вопросу, с моей точки зрения, просто болтовня. Всерьез, и теперь, и в будущем, речь может идти только о борьбе с оружием в руках⁴.

Когда увидишься со свекровью, передай ей, что я искренне ей сочувствую в выпавших на ее долю новых испытаниях, которые она переносит так мужественно и с таким достоинством⁵.

Очень хочется тебя повидать. С нетерпением ждем Китти.

¹ 11 и 12 марта 1867 г. в „Москве“ (№ 56 и 57) были напечатаны две передовые статьи по так называемому остзейскому вопросу. В них говорилось о религиозных конфликтах в Остзейском крае (Прибалтийских губерниях), о непомерной тяжести действовавшего там «выкупного права» и резко критиковалась политика русского правительства, поддерживавшего немецких помещиков в Прибалтике, что способствовало онемечиванию этого края. Автором статей был Ю. Ф. Самарин (первая из них написана в соавторстве с В. П. Перцовым — см.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. IX. М., 1898, с. 441).

² Возможно, что Тютчев намекает на вмешательство императрицы Марии Александровны (аналогичный случай имел место в 1865 г. в связи с делом «Московских ведомостей» — см. Тютчев — Георгиевскому, п. 5, прим. 1). Предостережение, объявленное «Москве» 20 февраля 1867 г., вызвало ее неудовольствие, которое она выразила министру внутренних дел (*Валуев*, ч. II, с. 190). О ее симпатиях к этой газете см. п. 16, 17 и 33.

³ Аксаков не последовал совету Тютчева и продолжал обсуждение «остзейского вопроса» в ряде передовых статей «Москвы» (1867, № 62—64 от 18, 19 и 21 марта; автором их был Самарин). 26 марта за эти статьи, а также за передовую в № 57 от 12 марта (см. прим. 1) «Москве» было объявлено третье предостережение с приостановкой ее на три месяца (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 138).

⁴ В ноябре 1866 г. Россия начала конфиденциальные переговоры с правительством Франции о совместных действиях с целью добиться от Турции передачи восставшего Крита Греции и выведения турецких войск из сербских крепостей; 20 марта / 1 апреля 1867 г. русскому послу во Франции было поручено заявить Наполеону III, что уклончивая позиция, занятая им в этом вопросе, будет трактоваться как «проявление дурной воли» (*Шнейерсон*, с. 27—34). Тютчев считал, что судьбу Крита решит только общее восстание славянских племен (ср. п. 16).

⁵ 5 марта 1867 г. умерла дочь О. С. Аксаковой — Любовь Сергеевна. Ранее, в 1864 г., умерла другая ее дочь — Вера, а в 1860 г. — сын Константин.

19. И. С. Аксакову

Петербург. Вторник, 18 апреля 1867

Прежде всего, друг мой Иван Сергеевич, дайте обнять себя и от души поздравить и вас, и жену вашу с великим праздником и наступающим днем рождения Анны¹.

Я в долгу у вас за два письма. Первое из этих писем было, можно сказать, последнею посмертною передовою статьею «Москвы»². Такую оно получило здесь гласность и известность. Я читал его встречному и поперечному, т. е. заставлял читать, сообщил кн. Горчакову, и теперь, наконец, письмо это успокоилось в собрании автографов графа Сергея Апраксина³, большого вашего почитателя, который выпросил его у меня.

Сочувствие к «Москве» несомненное и общее. Все говорят с любовью и беспокойством: *не умерла, а спит*, и все ждут нетерпеливо ее пробуждения... Но

вот в чем горе: пробудится она при тех же жизненных условиях и в той же органической среде, как и прежде, а в такой среде и при таких условиях газета, как ваша «Москва», жить нормальною жизнью не может, не столько вследствие ее направления, хотя чрезвычайно ненавистного для многих влиятельных, сколько за ее неумолимую честность слова. Для совершенно честного, совершенно искреннего слова в печати требуется совершенно честное и искреннее законодательство по делу печати, а не тот лицемерно-насильственный произвол, который теперь заведывает у нас этим делом, — и потому неизменившейся «Москве» долго еще суждено будет, вместо спокойного плаванья, биться, как рыба об лед.

Поездка государя в Париж пока дело решенное. 13-го будущего мая он отправится туда через Берлин и в сопровождении прусского короля пробудет в Париже неделю ⁴, потом через Штутгарт, Карлсруэ проедет в Варшаву и Ригу... Едет с ним гр. Петр Шувалов. В Париж, как говорят, будет призван из Константинополя Игнатъев ⁵.

Поедет ли (прусский король) ^{13*} в Париж, это еще под спудом, а между тем от этого обстоятельства и зависит, по-моему, все значение этого дела. — Личная ли это интрига, которой благодущный монарх служит бессознательным орудием, или обдуманная, сознательная политическая программа? — Вот, по крайней мере, какими нелепыми соображениями объясняют и оправдывают эту программу ее защитники.

Они говорят, что только подобным заявлением, каково будет личное присутствие обоих государей, можно надеяться при данных обстоятельствах настолько ослабить давление их в смысле воинственного исхода, чтобы упрочить мир, по крайней мере на несколько времени, так как мы предвидим, что при состоявшейся войне мы непременно будем вовлечены в оную... К тому же, вероятно, мы надеемся, что, приобщив Наполеона к нашему союзу с Пруссией, нам удастся отвлечь его от Англии и через это найти возможность столкнуться с ним касательно если не решения, то, по крайней мере, улажения Восточного вопроса... Все это, как вы видите, есть не что иное, как мудрость юродствующих и прозорливость слепотствующих... Все это, сверх того, обличает, не говорю — непонимание, а совершенно превратное понимание судеб России и исторических законов ее развития... Грубейшее, напр(имер), непонимание исторической фактической истины, что если бы нам и удалось в самом деле умиротворить Запад, то этот умиротворенный Запад неминуемо и совершенно логично опрокинется на нас же всем грузом европейской коалиции. Эта-то полнейшая бессознательность своих жизненных условий, это-то совершенное извращение прирожденных инстинктов в нашей правительственной сфере — вот в чем если не гибель наша, то наш страшный камень преткновения. Но история все-таки возьмет свое, устранил и этот камень. Война состоится, она неизбежна, она вызывается всею предыдущею историею западного развития.

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Литография О. Домье

«Charivari», 3 апреля 1867 г.

^{13*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

Франция не уступит без бою своего политического преобладания на Западе, — а признание ею объединенной Германии законно и невозвратно совершившимся фактом было бы с ее стороны равносильно отречению ее от всего своего европейского положения. Борьба, следственно, неизбежна. Это будет первая сознательная племенная война между составными частями Европы Карла Великого, т. е. первый шаг к ее разложению, и этим самым определится мировой поворот в судьбах Европы Восточной. — Вот вопросы, которые неминуемо уяснятся до общего самосознания на предстоящей *сходке Всеславянской*⁶ — хотя, конечно, приостановка «Москвы» в данную минуту отзовется страшным диссонансом в нашем оратории.

Простите, дорогой Иван Сергеевич, мне стыдно этого беспутно длинного письма.

¹ 16 апреля — Пасха, 21 апреля — день рождения А. Ф. Аксаковой.

² 26 марта 1867 г. газета «Москва» была приостановлена на три месяца (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 138).

³ Гр. Сергей Александрович Апраксин (1830—1894) — флигель-адъютант; библиофил.

⁴ В апреле 1867 г. Наполеон III пригласил Александра II посетить открывшуюся в Париже Всемирную выставку, рассчитывая в ходе неофициальных переговоров заручиться поддержкой России в назревающем конфликте с Пруссией. В свою очередь, Александр II намеревался добиться согласия Франции на участие в демарше по отношению к Турции (см. п. 18, прим. 4). С этой целью он намеревался выступить в роли посредника между Францией и Пруссией и, добившись их примирения, повлиять таким образом на позицию Англии, поддерживавшей Турцию; предполагалось также, что самый факт демонстрации русско-прусского сотрудничества поможет добиться от Франции твердой политики в Восточном вопросе. По этим причинам условием поездки русского царя в Париж был поставлен одновременный визит прусского короля Вильгельма I, на что Наполеон III вынужден был согласиться (*Шнейерсон*, с. 39, 41—42). 16/23 мая Александр II в сопровождении Горчакова выехал в Париж, куда прибыл 20 мая / 1 июня. Одновременно в Париж приехал Вильгельм I в сопровождении Бисмарка.

⁵ Николай Павлович Игнатьев (1832—1907) — русский посол в Турции в 1864—1877 гг.

⁶ 23 апреля 1867 г. в Москве открылась Всероссийская этнографическая выставка. В ее состав входил обширный отдел, представлявший славянские страны Европы. В мае ожидалось прибытие на выставку многочисленной славянской делегации. Славянофильские круги, в том числе и Тютчев, возлагали большие надежды на этот «Славянский съезд», в расчете, что он станет важным фактором развития идеи единения славянских народов. Однако все ограничилось празднествами в честь прибывших славян: 8—15 мая в Петербурге и 16—26 мая в Москве (описание их см. в кн.: *Всероссийская этнографич. выставка*).

20. А. Ф. Аксаковой

(Petersbourg.) Mercredi, 19 Avril 1867

Ma fille chérie, puissent ces quelques lignes qui te parviendront la veille de ta fête, te trouver dans un état de santé tolérable et dans une disposition d'esprit quelque peu calme et rassurée. Je n'ai pas besoin de te dire combien je souffre de tous les tracas et tribulations dans le présent et de tes appréhensions pour l'avenir; et cela au moment où tu aurais eu besoin de la plus entière tranquillité et sécurité d'esprit et d'âme... Ah, que tu étais plus calme le jour où j'ai fais ta première connaissance, il y aura après-demain tant et tant d'années... Tu étais si calme, si recueillie, qu'il a fallu que ta mère elle-même me rendît attentif à la signification particulière qu'avait le petit paquet de linge, roulé et déposé à ces pieds.

Voilà de ces horizons rétrospectifs qui vous font douter de votre identité et transforment en rêve la réalité qui vous entoure.

Ma santé continue à être misérable, voilà quinze jours que je suis enfermé, privé d'air et de mouvement, ce qui double ma maladie¹, et tout à l'heure, en m'éveillant, j'ai senti au pied droit une recrudescence de la même douleur que j'ai tous ces jours-ci et qui m'empêche de poser le pied à terre... Ah, c'est à se damner, et Пушкин avait bien raison de dire: «Под старость жизнь такая гадость»².

J'aime à croire cependant que cela finira un jour et assez à temps pour aller vers vous le mois prochain, vers la mi-Mai, à la suite des Slaves et comme un Slave de plus³...

En attendant vous allez incessamment entrer dans les fêtes dans les illuminations, dans les acclamations enthousiastes, la sonnerie des cloches, les foules qui se ruent en criant dans toute l'animation sincère et convaincue de tout un grand peuple qui se sent heureux ⁴. — En un mot vous allez assister, sans conviction aucune, mais non sans émotion, à tous les détails de l'apothéose glorieuse et triomphante d'un gigantesque malentendu... Ainsi soit-il!..

Hier j'écrivais à ton mari l'état des choses, tel qu'on le croyait définitivement arrêté ⁵... Dans la soirée cependant j'ai vu le p(rinc)e Wiasemsky, qui m'a dit avoir appris — mais rien qu'à titre de oui-dire, comme si tout était remis en question, grâce au roi de Prusse, qui se refuse, à ce qu'on prétend, à aller à Paris ⁶... Mais ceci même n'arrêterait peut-être pas notre Auguste Voyageur, pourvu que la P(rinc)e Royal de Prusse fût du voyage ⁷. Il met une telle persistance dans ce projet, qui paraît ici fou à tout le monde, que je commence à croire qu'il y a là-dessous quelque inspiration divine, quelque révélation surnaturelle... Et qui sait? Dans tous les cas il ne pourrait que gagner à sortir du milieu affaissant et abrutissant où il végète, et à se trouver en contact et en conflit avec d'autres volontés que la sienne. Une rencontre avec Bismark lui serait particulièrement salutaire ⁸...

Au revoir, à bientôt, ma fille chérie. Embrasse Kitty et dis mille tendresses de ma part à mon frère... Dis-lui que, si Dieu me prête vie, et surtout me rend mes jambes, dans un mois au plus tard je serai au milieu de v(ou)s.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Среда, 19 апреля 1867

Моя милая дочь, пусть эти несколько строк, которые дойдут до тебя накануне дня твоего рождения, застанут тебя в сносном состоянии здоровья и в более или менее спокойном и уверенном настроении духа. Нечего говорить, как я мучаюсь всеми тревогами и тревожениями настоящего и твоими опасениями за будущее, — и это в такое время, когда твой разум и душа нуждаются в полнейшем и нерушимом спокойствии... Ах, насколько ты была спокойнее в тот день, когда я впервые увидел тебя, тому будет послезавтра столько-то лет... Ты была так спокойна и сосредоточена, что твоей матери пришлось самой обратить мое внимание на то, что означает маленький спеленутый сверток, который лежит в ее ногах.

Такой взгляд в прошлое заставляет вас сомневаться в тождестве вашей личности и преобразяет в сновидение окружающую вас действительность.

Мое здоровье все еще в жалком положении; вот уже две недели, как я сижу взаперти, без воздуха и движения, что усугубляет мою болезнь ¹, а сейчас, проснувшись, я почувствовал в правой ноге усиление той самой боли, которою страдаю все эти дни и которая не позволяет мне поставить ногу на пол... Ах, просто хоть кляни самого себя, и как Пушкин был прав, сказав: «Под старость жизнь такая гадость» ².

Хочу верить, однако, что это кончится когда-нибудь и притом настолько вовремя, чтобы я мог отправиться к вам в будущем месяце, примерно в середине мая, вслед за славянами, и как еще один славянин ³...

А тем временем вы вступаете в полосу празднеств, иллюминаций, восторженных кликов, колокольного звона, ликующих толп, искреннего и непритворного одушевления всего охваченного радостью великого народа ⁴. Словом, вы будете присутствовать, совершенно не сочувствуя, но не без волнения, при всех подробностях торжественного прославления некоего гигантского недоразумения... Да будет так!..

Вчера я описывал твоему мужу, казалось бы, окончательно установившееся положение вещей ⁵... Однако в вечеру я видел князя Вяземского, и он сообщил мне, что узнал — но лишь по слухам, — будто все опять ставится под сомнение из-за прусского короля, отказывающегося, как говорят, ехать в Париж ⁶... Но даже это не остановило бы, наверное, нашего августейшего путешественника, лишь бы поехал прусский наследный принц ⁷. Он так настаивает на этом проекте, который здесь всем кажется безрассудным, что я начинаю думать, не кроется ли во всем этом какое-то божественное внушение, какое-то сверхъестественное откровение... Впрочем, кто знает? Во всяком случае, он может только выиграть, если, покинув отупляющее и скучное окружение, в коем прозябает, соприкоснется и даже столкнется со

стремлениями, отличными от его собственных. Встреча с Бисмарком была бы ему особенно полезна ⁸...

До скорого свидания, милая моя дочь. Поцелуй Китти и передай от меня самый сердечный привет моему брату... Скажи ему, что если Господь продлит мои дни и, главное, вернет мне ноги, я буду у вас самое позднее через месяц.

¹ В апреле — мае 1867 г. Тютчев страдал от приступа подагры.

² «Евгений Онегин», гл. VII, строфа XLII.

³ Болезнь помешала Тютчеву приехать в Москву вместе с участниками Славянского съезда (см. о нем п. 19; прим. 6).

⁴ Тютчев имеет в виду предстоящее открытие Всероссийской этнографической выставки в Москве (см. о ней п. 19, прим. 6). Открытие, на которое прибыл Александр II вместе с членами императорской фамилии, сопровождалось пышными торжествами.

⁵ Речь идет о предстоящем визите Александра II в Париж (см. п. 19, прим. 4).

⁶ См. п. 19, прим. 4.

⁷ Фридрих Вильгельм (1831—1888) — наследный принц Пруссии, в 1888 г. — германский император Фридрих III; двоюродный брат Александра II.

⁸ Тютчев видел в Бисмарке, проводившем политику объединения Германии, «самого энергичного, самого убежденного представителя национальной идеи» (Соч. 1980, т. 2, с. 215), что, по его мнению, совершенно не было свойственно Александру II.

21. И. С. Аксакову

Петербург. 10 мая 1867

Мы теперь в полном славянском или даже всеславянском разгаре ¹. До сих пор все обстоит благополучно. Гости наши, очевидно, ничего подобного себе не воображали. Они не только поражены, но тронуты и умилены общим, можно сказать, народным приемом и угощением. Теория пана Духинского оказывается вполне несостоятельною ².

Из здешних (газет)^{14*} вы узнаете почти все, но вот чего в них нет. — Когда Трепов ³ спрашивал государя, в какой мере допускать заявления в честь славян, ему было отвечено: *чем умнее, тем лучше*. — Когда гр. Толстой, министр просвещения, просил разрешение принять приглашение на обед, даваемый славянам ⁴, ему было сказано: ты *должен* быть на этом обеде... Сам Толстой дает им обед у себя, разделив на две категории за неимением места ⁵. Государь, говорят, примет их — или, по крайней мере, некоторых из них ⁶. — Все это довольно хорошие признаки. Но вы знаете, у нас во всем преобладает метеорология. Сегодняшняя хорошая погода нисколько не ручается за завтрашний день... Там, где нет *сознательной* мысли, не может быть и последовательности... Но вот что при первой же встрече, при первом соприкосновении дало себя электрически почувствовать: это отсутствие общего языка. Этот многовековой факт разразился каким-то неожиданным, внезапным, всепотрясающим откровением — всем как-то стало страшно неловко — тою неловкостью, которую чувствовали, вероятно, на другой день после столпотворения Вавилонского. Вот *где ключ позиции* — и им-то надо завладеть во что бы то ни стало... Надеюсь, что у вас, в Москве, все усилия будут устремлены именно на это. Это для Славянского дела, для славян вообще, будет вторым даром слова, без коего они, в отношении друг к другу, сами становятся настоящими *немцами* и, к довершению позора, выходят из этой немоты не иначе, как усвоением языка так называемых немцев. Увидим, сознание этого страшного вопиющего зла будет ли довольно глубоко, чтобы оказаться производительным, плодотворным. Вся будущность зависит от этого. С нашей стороны в содействии недостатка не будет, лишь бы они (зая)вили положительный запрос. — Вообще от славян будет зависеть определить мерою своей восприимчивости меру нашего воздействия. Словом сказать, чтобы изо всего этого вышел какой-нибудь толк, надобно, чтобы они воротились от нас проникнутые до

^{14*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

³ Федор Федорович *Трепов* (1812—1889) — генерал-адъютант; в 1866—1878 гг. петербургский градоначальник.

⁴ 11 мая в Петербургском дворянском собрании был дан грандиозный банкет в честь славянских гостей. Тютчев присутствовал на этом банкете. В качестве приветствия гостям было прочитано его стихотворение «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»).

⁵ Министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой дал два обеда в честь славянских гостей — 12 и 13 мая. На обеде 12 мая присутствовал Тютчев.

⁶ Славянская депутация представлялась Александру II 14 мая.

⁷ Автограф посланных стихов среди писем Тютчева к Аксакову отсутствует. По-видимому, это была новая редакция стихотворения «Вековать ли нам в разлуке...» (1841), посвященного Вацлаву *Ганке* (1791—1861) — чешскому писателю и ученому, ревностному стороннику сближения Чехии с Россией. В дни Славянского съезда Тютчев внес в это стихотворение ряд исправлений и дополнил его тремя новыми строфами, в которых связывал съезд с памятью Ганки. Этим стихотворением открывался сборник «Братьям-славянам» (М., май 1867), изданный по случаю приезда славянской делегации в Москву. Однако на торжествах в честь славянских гостей это стихотворение прочитано не было.

22—23. И. С. Аксакову

(Петербург.) 16 мая 1867

СЛАВЯНАМ

Man muss die Slaven an die Mauer drücken¹

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Да, стенка есть — стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

16 мая 1867 г.

Вот вам, любезнейший Иван Сергеевич, окончательное издание этих довольно ничтожных стихов, уже, вероятно, сообщенных вам Ю. Ф. Самарин².

Не смейтесь над этою ребячески-отеческою заботливостью рифмоторца об окончательном округлении своего пустозвонного безделья.

Сегодня писать к вам не буду. Вам теперь не до писем. Живые впечатления о петербургском угощении, очевидно, уже переданы очевидцами. Сами гости налицо. Желаем и надеемся, чтобы Москва превзошла нас — по крайней мере, она их физически отогреет от здешней стужи. Я все еще без ног. Буду писать к вам с Ваней, который, кончив экзамены, отправляется к вам в Москву³. Вас и жену вашу обнимаю

Тчв

¹ Эпиграф («Славян должно прижать к стене». — *Нем.*) — слова австрийского министра иностранных дел бар. Ф. фон Бейста, проводившего политику подавления славянских народов Австро-Венгрии.

² 12 мая, на обеде у гр. Д. А. Толстого в честь славянских гостей, Тютчев передал Ю. Ф. Самарину это стихотворение, написанное накануне. 15 мая он просил его внести

незначительные коррективы в последнюю строфу (Соч. 1980, т. 2, с. 216 и 307), а в посланном Аксакову автографе еще раз ее исправляет. В этой последней редакции стихотворение было дважды прочитано 21 мая на банкете в честь славянской делегации — сначала С. М. Сухо-тинным, а потом, «по требованию публики», И. С. Аксаковым (МВ, 1867, № 113, 24 мая). Напечатано (под заглавием «Австрийским славянам» и с датой: «16-го мая 1867 г.») в отчете о банкете (там же) и в сб. «Братьям-славянам» (М., май 1867, с. 60—61).

³ Сын Тютчева Иван в 1867 г. закончил Училище правовередения в Петербурге и с осени того же года служил в Москве, в так называемом Старом Сенате.

24. А. Ф. Аксаковой

St.-Pétersbourg. Mercredi, 21 Juin 1867

On dirait, ma fille chérie, que nous nous sommes complètement perdus de vue et cependant rien n'est moins vrai et je suis plus que jamais impatient de te revoir. J'aspire à me retrouver entre ton mari et toi sous les ombrages bien connus du jardin *Pogodine*¹, enveloppé, au physique et au moral, de cette atmosphère d'été de Moscou qui m'est si chère, où il y a tant d'air, de lumière et de sons de cloches. J'ai hâte d'aller ressaisir tout cela, toi y comprise — et je n'attends que le départ très prochain de *Waloujeff* pour m'en aller². Je me sens très seul ici en ce moment. Hier Dmitry même m'a quitté pour aller s'établir à Oranienbaum, sous l'aile des Melnikoff³, et ce dernier départ a complété mon isolement en dépit de toutes les courses, invitations à dîner, etc. Je suis un peu comme un homme qui tout habillé qu'il est, se sentirait nu, parce qu'il n'aurait pas de chemise sur le corps...

Mais passons à des choses moins personnelles et plus intéressantes... Le retour du Pr(ince) Gortchakoff et tout ce que j'avais appris de lui m'a confirmé dans mes appréciations antérieures⁴. La visite à Paris avec tout cet accompagnement de fêtes et d'incidents⁵, n'a été après tout qu'une fantasmagorie historique qui n'a eu aucune prise, mais pas la moindre, sur les faits contemporains et qui, néanmoins, n'a pas manqué d'un certain caractère et d'une certaine portée. L'impression personnelle produite par l'Empereur sur les masses françaises a été très réelle en dépit de toutes les préventions et de tous les mensonges... Cela n'aura, comme de raison, aucun résultat pratique dans le moment donné, mais il aura été constaté une fois de plus qu'il existe une affinité entre le fond humain de la nature russe, dont l'Empereur certainement est l'un des meilleurs représentants, et les quelques bons instincts qui survivent encore dans le peuple en France. Le voisinage de l'Elément allemand⁶ n'aura pu que faire ressortir encore davantage par le contraste cette affinité. Mais tout ceci n'aura aucune action immédiate sur les événements qui se préparent, portant avec eux toute sorte de crises et de calamités — et qui feront un jour apparaître dans une si singulière lumière toutes ces fêtes babyloniennes qui les auront précédées... La Providence, en grande artiste qu'elle est, nous ménage là un effet de théâtre des plus saisissants... La société est minée et c'est au-dessus de cette mine déjà toute chargée que se produisent tous ces simulacres d'une humanité triomphante dans sa civilisation en s'embrassant dans la paix et la fraternité... Témoin, l'attitude des gouvernements Européens vis-à-vis de ce qui se passe en Orient, au moment où l'on se dispose à fêter le Sultan à Paris et à Londres⁷ — ceci est le fait des Pouvoirs — et témoin — quant aux peuples — la révélation de ce régime d'assassinats, à la manière polonaise, qui vient d'être signalé dans les rangs de la classe ouvrière de l'Angleterre⁸, cette même classe qui va sous peu devenir la maîtresse du pays.

Voilà certes des sujets d'articles à perte de vue pour la «Москва» qui va renaître, et dont ici tout le monde attend la résurrection avec impatience⁹... C'est une voix dont le silence même était écouté et dont on aura d'autant plus de plaisir à entendre la parole et l'avis... Il me semble que dans les circonstances données il sera facile à la «Москва» d'éviter les écueils les plus dangereux. En effet, plus que jamais la question à l'ordre du jour, est la question slave, qui dans son infinie variété embrasse et enveloppe toutes les autres, et sur ce terrain-là on peut impunément se donner libre carrière.

Cette question, malgré son impersonnalité apparente, est la plus intérieure, la plus intime de nos questions et touche à tout et à tous... La présence des Slaves parmi nous a mis ¹⁰ en lumière bien des choses, dont l'une qui n'est pas la moins curieuse, c'est l'analogie d'impressions produites par le fait de leur présence sur les éléments en apparence les plus discordants de notre société, *le high life* administratif de P(étersb)ourg et le résidu du parti nihiliste — conformité dans la manière de voir certaines questions — pleine de révélations et d'enseignements.

On parle toujours beaucoup ici de la double démission des ministres de la guerre, qui serait remplacé par Albédinsky, et du ministre des domaines ¹¹... le sens de tout ceci est très clair... C'est la même influence qui va gagnant du terrain. Mais tout ceci n'a pas le moindre avenir, car ce n'est pas même de la réaction, qui d'ailleurs n'aurait aucune raison d'être, c'est tout bonnement de l'intrigue...

Dieu, ma fille, que ma lettre a dû vous ennuyer et qu'elle doit vous faire redouter ma présence. Mais tu sais bien que la présence vivante est toujours moins monologue, que l'écriture — tu verras. En attendant que Dieu te garde.

A toi de coeur.

Перевод:

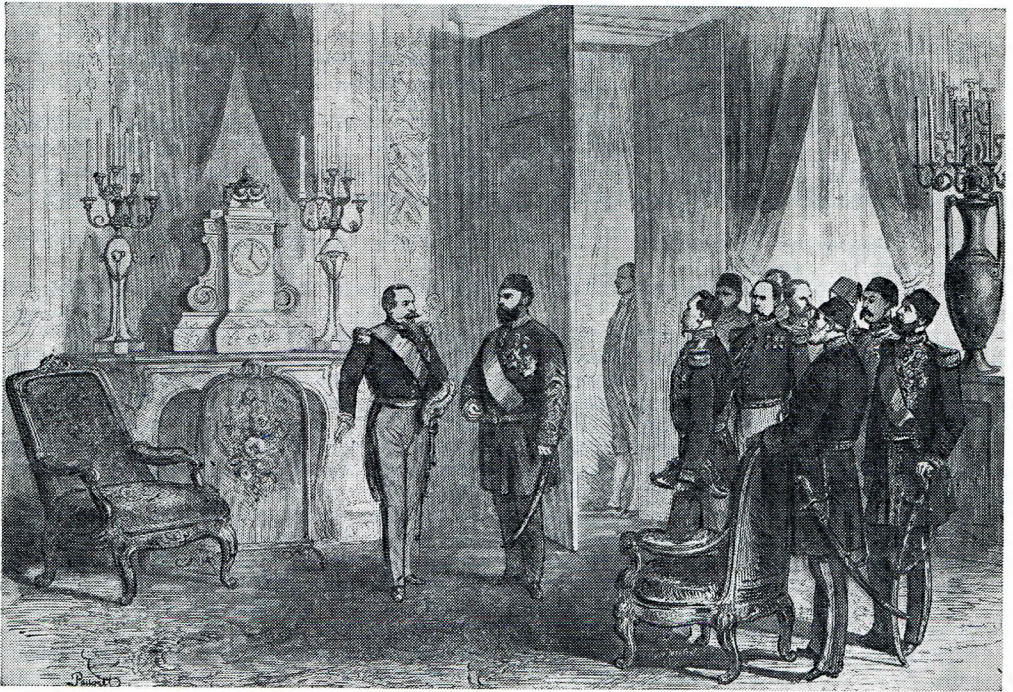
С.-Петербург. Среда, 21 июня 1867

Можно подумать, моя милая дочь, что мы совершенно потеряли друг друга из виду, а между тем это совсем не так, и мне более чем когда-либо не терпится вновь с тобой увидеться. Я мечтаю очутиться вновь вместе с тобою и твоим мужем под хорошо знакомою сенью *погодинского* сада ¹, мечтаю вновь погрузиться духовно и физически в эту столь любимую мною атмосферу летней Москвы, где так много воздуха, света и колокольного звона. Мне хочется скорее вернуть все это, в том числе и тебя, — и я жду только отъезда в ближайшем будущем *Валуева*, чтобы уехать самому ². Чувствую себя здесь в данный момент очень одиноко. Вчера даже Дмитрий меня покинул; он отправился в Ораниенбаум, где устроится под крылышком *Мельниковых* ³; его отъезд усилил мое одиночество, несмотря на все выезды, приглашения на обеды и т. д. ...Я немного похож на человека, который, хоть и совсем одет, чувствует себя голым, потому что у него нет рубашки на теле.

Но перейдем к предметам менее личным и более интересным... Все, что я узнал от Горчакова по его возвращении, подтвердило мои прежние суждения ⁴. Парижский визит, со всеми сопровождавшими его празднествами и происшествиями ⁵, остался в конце концов лишь исторической фантазмагорией, не имевшей решительно никакого влияния на современные события, но не лишенной, тем не менее, некоторых характерных черт и известного значения. Впечатление, произведенное на французов личностью государя, было весьма определенным, вопреки всем предубеждениям и выдумкам... Это, разумеется, не будет иметь никакого практического результата в данный момент, однако еще раз показало, что существует сходство между гуманной сущностью русского характера, коего государь является, всеконечно, одним из лучших представителей, и теми добрыми инстинктами, которые еще уцелели в народе Франции. Соседство Германского элемента ⁶ могло лишь в силу контраста сделать это сходство еще более очевидным. Но все это не возымеет никакого непосредственного влияния на подготовляющиеся события, которые повлекут за собою всякого рода кризисы и бедствия и когда-нибудь выкажут в столь странном свете все эти вавилонские празднества, им предшествовавшие... Провидение, действуя как великий артист, готовит нам тут один из самых поразительных театральных эффектов... Под общество подведена мина, и вот на этой, уже заряженной, мине разыгрывается видимость торжествующего в своей цивилизации и обнимающегося, в мире и братстве, человечества... Доказательство этому — позиция, занятая правительствами Европы по отношению к событиям на Востоке, в тот момент, когда собираются чествовать султана в Париже и Лондоне ⁷. Это в том, что касается властей, — а что до народа, то доказательством является разоблачение системы убийств, на манер польских, недавно обнаруженной в рядах рабочего класса в Англии ⁸, того самого класса, который в недалеком будущем станет хозяином страны.

Вот, без сомнения, материал для многих и многих статей для «Москвы», которая скоро должна возродиться и воскрешения которой все здесь ждут с нетерпением ⁹. Это голос, к мол-

ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН АБДУЛ-АЗИЗ НА ПРИЕМЕ У НАПОЛЕОНА III

Гравюра неизвестного художника

«Illustration», 13 июля 1867 г.

чанию коего и то прислушивались; с тем большей радостью услышаны будут его речь и мнение... Мне кажется, что при данных обстоятельствах «Москве» будет легко избежать самых опасных подводных скал. В самом деле, более чем когда-либо злобой дня является славянский вопрос, а он, в своем бесконечном разнообразии, охватывает все другие, и на этой почве можно, не опасаясь наказания, свободно развернуться.

Вопрос этот, несмотря на его кажущуюся безличность, является самым глубоким, самым заветным изо всех наших вопросов и касается всего и всех... Пребывание у нас славян¹⁰ выявило многое, и одним из наиболее любопытных фактов является общее впечатление, произведенное их присутствием на самые, по-видимому, разнородные элементы нашего общества, на *high life*^{15*} петербургского чиновного мира и на остатки нигилистической партии — здесь проявилось сходство во взглядах на некоторые вопросы — и это совпадение полно откровенный и поучительности.

Здесь по-прежнему много говорят об отставке двух министров — военного, коего будто бы заменит Альбединский, и министра государственных имуществ¹¹ ...Смысл всего этого очень ясен. Это то же самое влияние, и оно распространяется... Но все это решительно не имеет будущности, ибо это даже не реакция, для которой, впрочем, нет никакого основания, это просто-напросто интриги...

Господи, как мое письмо, должно быть, наскучило тебе, дочь моя, оно заставит тебя опасаться моего присутствия! Но ведь ты хорошо знаешь, что живое присутствие всегда менее односторонне, чем письмо, — вот увидишь. А пока — храни тебя Бог.

Сердечно твой

¹¹ На летних чаепитиях в саду у М. П. Погодина на Девичьем поле собирались известные литераторы и ученые. Ныне дом и сад Погодина не существуют; сохранилась лишь так называемая Погодинская изба, которую Погодин построил для своего «Древлехранилища» (Погодинская ул., 12).

^{15*} высшие сферы (англ.).

² Как председатель Комитета цензуры иностранной Тютчев подчинялся министру внутренних дел П. А. Валуеву. В Москву он смог выехать около 20 июля (*Летопись*, с. 138).

³ Речь идет о семье советника придворной конюшенной конторы Александра Петровича *Мельникова*, на дочери которого Ольге Александровне (1830—1913) в 1868 г. женился сын Тютчев Дмитрий (1841—1870).

⁴ Во время визита Александра II в Париж (см. п. 19, прим. 4) Горчаков вел с Наполеоном III и французским министром иностранных дел Ф. Мустье переговоры по поводу передачи Крита Греции и облегчения положения христианских народов Османской империи. Как и предполагал Тютчев (см. п. 19 и 20), визит не дал желаемых результатов (*Шнейерсон*, с. 45—46).

⁵ «Происшествия» — покушение А. И. Березовского на Александра II, совершенное в Париже 25 мая / 6 июня 1867 г.

⁶ Подразумевается пребывание в Париже прусского короля Вильгельма I (см. п. 19, прим. 4).

⁷ В июне 1867 г. турецкий султан Абдул-Азиз посетил по приглашению Наполеона III парижскую Всемирную выставку; затем он отправился в Лондон и Вену. Правительства Франции, Англии и Австрии принимали его как почетного гостя, заверяя в своей готовности поддерживать Турцию. Подобная политика развязывала турецкому правительству руки в деле подавления восстания на Крите.

⁸ Тютчев имеет в виду движение фениев — членов тайного «Ирландского революционного братства», основанного в 1858 г. и действовавшего в Ирландии и Великобритании. Восстание, поднятое фениями в 1867 г., было подавлено.

⁹ 30 июня 1867 г. Аксаков возобновил издание «Москвы» после трехмесячного перерыва (см. п. 19, прим. 2). Он сразу же откликнулся на события, о которых писал ему Тютчев: «Покуда султан утешается изысканным гостеприимством Наполеона III, королевы Виктории и Франца-Иосифа, — несчастные герои Крита успеют задохнуться от усилий в неравной борьбе с кровавыми полчищами Омер-паши» («Москва», 1867, № 74, 4 июля).

¹⁰ Подразумевается Славянский съезд (см. п. 19, прим. 6).

¹¹ Слух об отставке военного министра Д. А. Милютина и министра государственных имуществ А. А. Зеленого не оправдался.

25. И. С. Аксакову

С.-Петербург. 23 августа 1867

«Москва» ваша страшно утруждает наше бедное Главное управление¹. Вот уже второе заседание обуревается ею, и все еще не могли прийти ни к какому заключению — отложено до следующего. В самом составе Главн(ого) упр(авления) нет положительной против вас враждебности. Их только огорчает ваша чрезмерная резкость. Враждебность свыше. Я, по возвращении сюда, наговорил им самых горьких истин, а именно, что они, по несостоятельности, делаются орудием партии, не принадлежа к ней, что они лишают себя всякого нравственного авторитета своим, хотя и непреднамеренным, но явным лицепрятием², — со всем этим они почти что соглашаются... Но что же делать! Так приказано.

Однако же мне кажется, любезнейший Иван Сергеич, что, помимо всех этих дрызг, следовало бы серьезно обдумать вопрос о существовании «Москвы», *при данных условиях* — было бы весьма грустно даже и временное ее запрещение. Подумайте только о том, как это отзовется за границу, между славянами, не говоря уже о вреде в самой России. Избегнуть же этой крайности — чистосердечно говоря — *можно* и без больших уступок... Не стесняясь несколько в обсуждении общих вопросов, следовало бы только — когда дело идет о какой-нибудь правительственной мере — понизить хоть полутонем *личную* полемику. Эта-то резкость личной полемики всего более и смущает их, — а скажите, по совести, стоит ли из-за этого, хотя и очень приятного, самоудовлетворения жертвовать сущностью дела?

Вопрос о предварительном разрешении полицией касательно открытия подписок в газетах был внесен в Комитет министров, но князь Гагарин³ весьма справедливо заметил, что это дело может только быть решено законодательным порядком и потому подлежит обсуждению Государств(енного) совета.

Посольство *Фуада-паши* в Ливадии ограничилось разменом пошлостей, а данный ему орден — вопреки мнению князя Горчакова — не что иное, как рутинная обрядность, имеющая значение только в том смысле, что подобная

несообразность доказывает, как мало понимают современное настроение или как мало дорожат им⁴.

Я здесь, могу сказать, в ежечасном ожидании известий об Анне, — и эта проволочка, хотя, вероятно, и очень объяснимая, еще тревожнее становится в отсутствии. Большое будет для меня облегчение, когда вы меня известите, в какой день мне следует приехать к вам в Москву для крестин.

Что вы знаете о вашей матушке?

Пока простите, любезнейший Иван Серг(еич). Обнимите за меня Анну.

Ф. Т.

¹ В это время в Главном управлении Совета по делам печати дебатировался вопрос о втором предостережении «Москве».

² 13 августа 1867 г., вскоре после возвращения из Москвы, Тютчев писал жене: «Вчера я навесил князя Лобанова, управляющего министерством, которого я нашел очень дурно расположенным к газете Аксакова; ей угрожает второе предостережение (...) что меня побудило высказать несколько горьких истин об управлении печатью, не обладающем ни умом, ни честностью» (СН, кн. 21, с. 228; пер. с франц.). Угроза предостережения была отведена благодаря вмешательству Тютчева (см. там же, с. 229—230).

³ Кн. Павел Павлович Гагарин (1789—1872) — председатель Комитета министров.

⁴ В августе 1867 г. Александр II принял в Ливадии чрезвычайное посольство Турции во главе с министром иностранных дел Мухамедом Фуад-пашой. Была сделана попытка склонить Турцию к передаче Крита Греции (переговоры вел русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев). Фуад-паша ответил решительным отказом и ограничился весьма неопределенным обещанием временно приостановить военные действия против повстанцев («Записки гр. Н. П. Игнатьева, 1864—1874» — «Известия Министерства иностранных дел», 1914, кн. II, с. 92). Тем не менее по окончании переговоров он был награжден орденом Александра Невского. Тютчева возмущала «глупость и несостоятельность», проявленная в этих переговорах русской дипломатией (Соч. 1980, т. 2, с. 221).

26. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Vendredi, 8 Sept(emb)re 1867

Eh bien, ma fille, eh bien? Il est donc décidé que ce sera pour le mois d'octobre? Je me résigne à cet ajournement, pourvu qu'en attendant la santé soit bonne.

Mais comment se fait-il que la sage-femme qui t'annonçait avec tant d'assurance, il y a déjà un mois, l'imminence du terme, ait pu se tromper si grossièrement? et une pareille erreur ne t'inspire-t-elle pas quelques doutes sur sa science et son expérience? Ce serait là, peut-être une question à examiner. Mais il est certain que tu es mieux à même que personne de la résoudre.

Le président du Conseil de la Presse, Похвиснев, qui est en ce moment à Moscou, me disait à son départ qu'il aurait beaucoup désiré voir ton mari. Et moi aussi j'aurais désiré que cette rencontre pût avoir lieu — non pas que j'espère qu'il en résulte une solution rationnelle de la question de la presse, nécessairement insoluble partout où la presse est encore une question, mais une entrevue personnelle convaincrat ton mari, qu'il n'y a pas l'ombre de parti pris contre lui, rien qui ressemble à une hostilité systématique. En général on est trop disposé à distance de systématiser hommes et choses. Et nulle part ce procédé n'est aussi trompeur que chez nous, surtout dans les régions officielles, où il n'y a pas assez d'idées pour qu'il y eût lieu à rien systématiser. Avec ces gens-là il faut toujours se garder de viser trop haut.

Pour ce qui concerne en particulier ce pauvre Conseil de la Presse il vaut mieux que ce qu'il fait très souvent par la faute de l'institution, il est condamné à faire ce qui lui répugne. C'est ce qui vient de lui arriver tout dernièrement à propos d'un article des «Биржевые ведомости», dirigé contre le ministère des Finances. Après mûr examen, il avait été convenu que cet article n'appelait pas un avertissement. C'était avant le retour de Mr. de Reutern et il s'est trouvé que nous avions compté sans notre hôte. Car à peine celui-cie ut-il prit connaissance de l'article en question, qu'il a déclaré dans le Conseil des Ministres qu'il réclamait une répression administrative contre ledit journal. Et force a été au pauvre Conseil de

МОСКВА. ВИД С КРЕМЛЕВСКОГО ХОЛМА

Литография неизвестного художника, вторая половина XIX в.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

«Я (...) мечтаю вновь погрузиться духовно и физически в эту столь любимую мною атмосферу летней Москвы, где так много воздуха, света и колокольного звона» (Письмо Тютчева А. Ф. Аксаковой 21 июня 1867 г.)

se déjuger pour lui accorder la satisfaction demandée ¹. Tout cela est aussi misérable que révoltant, mais qu'y faire?..

Je suis très impatient de me retrouver à Moscou entre ton cher mari et toi et je n'attendrais pas l'annonce de l'événement pour me rendre auprès de vous si j'avais dans le moment actuel plus de latitude pour une absence. J'ai eu ces jours-ci une lettre de Biarritz satisfaisante ². Mais depuis longtemps je ne sais rien de Daria ³.

Dieu v(ou)s garde.

Перевод:

Петербург. Пятница, 8 сентября 1867

Итак, дочь моя, штак? Значит, это произойдет в октябре? Ну что ж, подождем, только бы со здоровьем у тебя все было благополучно.

Но как же акушерка могла так сильно ошибиться? Ведь она еще месяц назад так уверяла тебя, что все вот-вот должно произойти. Не кажется ли тебе, что подобная ошибка заставляет несколько сомневаться в ее знаниях и опытности? Над этим, возможно, стоило бы призадуматься. Однако, безусловно, ты лучше, чем кто-либо можешь об этом судить.

Председатель Совета по делам печати Похвиснев, который сейчас находится в Москве, говорил мне, уезжая, что очень хотел бы повидаться с твоим мужем. Мне бы тоже хотелось, чтобы эта встреча состоялась, — не потому, чтобы я надеялся, что она приведет к какому-нибудь разумному решению проблемы печати, проблемы, неизбежно неразрешимой повсюду, где печать все еще составляет проблему, — но личное свидание убедило бы твоего мужа, что по отношению к нему нет и тени предвзятости, нет ничего похожего на систематическую враждебность. Вообще, на расстоянии появляется склонность все систематизировать, будь то люди или явления, но нигде подобный подход не бывает столь обманчив, как у нас, особенно

в сферах официальных, где и воззрений-то слишком мало для того, чтобы заниматься систематизацией чего бы то ни было. Этих людей вообще не следует переоценивать.

Что же до влосчастливого Совета по делам печати, то он, право же, лучше, чем позволяют думать о нем действия, которые он столь часто бывает вынужден совершать из-за несовершенного устава; он просто обречен делать то, что ему претит. Именно так вышло на днях в связи со статьей в «Биржевых ведомостях», направленной против Министерства финансов. После тщательного рассмотрения было решено, что статья не заслуживает предостережения. Это было до возвращения г-на Рейтерна, и оказалось, что расчет был сделан без хозяина. Ибо, как только он ознакомился со статьей, он заявил в Совете министров, что требует наложить на газету административное взыскание. И бедный Совет был вынужден отказаться от своего мнения, чтобы дать ему требуемое удовлетворение¹. Все это столь же противно, сколь и возмутительно, но что поделаешь?

Мне очень не терпится очутиться снова в Москве с твоим милым мужем и с тобой, и я не стал бы ждать сообщения о предстоящем событии, чтобы отправиться к вам, если бы имел сейчас возможность отлучиться. Я получил на днях из Биаррица² удовлетворительное письмо. Но давно уже не получаю ничего от Дарьи³.

Да хранит вас Бог.

¹ 6 сентября 1867 г. газета «Биржевые ведомости» получила первое предостережение за ряд статей, осуждавших деятельность министра финансов М. Х. Рейтерна (*Материалы о цензуре и печати*, т. II, с. 141). Тютчев имеет в виду одну из них (№ 225, 23 авг.) — в ней приводились такого рода извлечения из ряда документов иностранных дипломатов и финансистов: «Большое число займов, заключенных г. Рейтерном для внутренних потребностей и удвоивших в течение семи лет государственный долг России, весьма неблагоприятно отразились на русском кредите»; «Новый заем грозит разорением сельскохозяйственным банкам»; «Торговля и промышленность необходимо должны власть в застою» и др.

² Биарриц — французский курорт на берегу Бискайского залива. В сентябре 1867 г. там жила Е. Ф. Тютчева со своей теткой Д. И. Сушковой.

³ Д. Ф. Тютчева находилась в это время в Германии.

27. А. Ф. Аксаков

Pétersbourg. Mercredi, 20 Sept (embre) (1867)

Ma fille chérie, votre silence prolongé avait considérablement ajouté à mes inquiétudes habituelles. Mais enfin hier j'ai reçu par voie extraordinaire votre lettre du 15—17 et le son de votre voix a quelque peu contribué à me rassurer. Et moi aussi je consens à l'ajournement et ne demande pas mieux que de voir ta grossesse rentrer, à ce prix, dans les conditions normales... Ce serait un souci de moins et Dieu sait que je pourrai, sans trop m'appauvrir en diminuer quelque peu la quantité... Tes craintes à toi au sujet du journal me paraissent mal fondées. Je n'ai rien appris ni remarqué ici qui fût de nature à les justifier... D'ailleurs ton mari aura trouvé, je suppose, l'occasion de parler avec *Похвиснев* et vous savez maintenant à quoi vous en tenir. Il est certain que dans la confusion qui règne ici, toutes les méprises sont possibles. Mais c'en serait néanmoins une bien forte que de mettre hors la loi une gazette qui n'a d'autre tort que de défendre avec trop d'énergie les tendances officiellement avouées du gouvernement.

J'envoie ci-joint à ton mari, non pas assurément en vue d'une publicité quelconque, mais pour son édification personnelle, l'extrait d'une lettre écrite par Достоевский à Майков, dans laquelle il est rendu compte de son entrevue avec Тургенев à Bade¹. Cela pourrait inspirer à Аксаков un article qui serait tout à fait de saison. Il s'agirait d'analyser un fait contemporain qui prend de plus en plus un caractère pathologique. C'est la *Russophobia* dans certains Russes — fort honorables d'ailleurs... Autrefois ils nous disaient, et ils le croyaient en effet, que ce qu'ils détestaient en Russie, c'est l'absence du droit, de la liberté de publicité etc. etc., que c'est l'existence incontestée de toutes ces choses qui leur faisait chérir l'Europe... Maintenant que voyons-nous? A mesure que la Russie, en gagnant un peu plus de liberté, s'est affirmée davantage, l'antipathie de ces messieurs contre elle n'a fait que s'exaspérer. Car il est de fait que jamais ils n'ont aussi cordialement haï le régime précédent que les directions actuelles de l'opi-

nion nationale... En Europe, par contre, nous ne voyons pas que tous les dénis de justice, de moralité, de civilisation même aient en rien diminué leur prédilection pour elle. Ils en sont toujours encore à plaindre les Polonais et à trouver toute naturelle l'infâme politique des Etats de l'Occident envers les chrétiens d'Orient etc. etc. En un mot, dans le fait dont je parle, les principes comme tels sont hors de cause, il n'y a plus que des instincts, et c'est la nature de ces instincts qu'il faudrait analyser.

J'ai certainement vu le P<rin>ce Черкасский et maintenant j'attends Самарин.

En fait de politique extérieure la campagne diplomatique d'Игнатъев à Livadia a été déplorable². C'est un homme qui a donné sa mesure — illusion détruite — et il n'est que justice de reconnaître que le chancelier, tout léger qu'il est, a montré cent fois plus de tact, de sagacité et même de fermeté de principes que son soi-disant successeur³... Et certes il y aurait quelque utilité, sans parler déjà de la justice, que *la Presse lui en tint compte*⁴... Mais en voilà assez. Encore une fois il me tarde beaucoup de me retrouver parmi vous. Que Dieu te garde, ma fille chérie.

T. T.

Перевод:

Петербург. Среда, 20 септ<ября> (1867)

Моя милая дочь, продолжительное твое молчание серьезно увеличило обычное мое беспокойство. Но вчера я наконец-то получил с оказией твое письмо от 15—17-го, и звук твоего голоса несколько меня успокоил. Я тоже согласен на отсрочку, только бы знать, что твоя беременность, пусть такой ценой, приобрела нормальное течение... Одной заботой стало бы меньше и, видит Бог, я смогу, не очень стесняя себя, несколько уменьшить их число... Твои опасения по поводу газеты кажутся мне неосновательными. Здесь я не узнал и не заметил ничего, что могло бы их подтвердить... Впрочем, я полагаю, твой муж имел уже возможность поговорить с *Похвисневым*, и вы теперь знаете, как все обстоит. Правда, при неразберихе, которая здесь царит, возможны любые ошибки, тем не менее было бы слишком серьезной ошибкой объявить вне закона газету, вся вина которой состоит только в том, что она слишком ревностно защищает взгляды, официально признанные правительством.

Прилагаемый отрывок из письма Достоевского Майкову, в котором он рассказывает о своей встрече с Тургеневым в Бадене, посылаю твоему мужу, конечно, не для опубликования, а ему лично, для ознакомления¹. Этот отрывок мог бы вдохновить Аксакова на статью, которая была бы сейчас очень кстати. Можно было бы дать анализа современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых... Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызвали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной мысли в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней. Они все еще жалеют поляков, они считают совершенно естественной позорную политику западных государств в отношении христиан Востока и т. д., и т. п. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться.

Конечно, я виделся с князем Черкасским и теперь жду Самарина.

Что касается внешней политики, то дипломатическая миссия Игнатъева в Ливадию окончилась плачевно². Этот человек теперь полностью проявил себя, — иллюзии на его счет рассеялись, — и будет только справедливостью признать, что канцлер, при всем его легкомыслии, проявлял во сто раз больше такта, прозорливости и даже твердости убеждений, чем его так называемый преемник³... И конечно, было бы бесполезно и, безусловно, справедли-

во, если бы печать воздала ему должное⁴. Но довольно об этом. Мне так бы хотелось снова быть с вами. Да хранит тебя Бог, милая моя дочь.

Ф. Т.

Год устанавливается по числу: среда приходилась на 20 сентября в 1867 г.

¹ Тютчев послал Аксакову отрывок из письма Достоевского А. Н. Майкову (Женева, 28/16 авг. 1867 г.), в котором он сообщал о своем разговоре с Тургеневым в Баден-Бадене. «... Его книга „Дым“ меня раздражила, — писал Достоевский. — Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: „Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве“» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. II. М.—Л., 1930, с. 30—31). В этом суждении Тютчев увидел подтверждение собственной оценки «Дыма»: он признавал «мастерство, с которым нарисована главная фигура», но резко критиковал «нравственное настроение» и «всякое отсутствие национального чувства» в романе (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, с. 264). С критикой романа Тургенева, облеченной в стихотворную форму, Тютчев выступил в печати: «Дым» («Здесь некогда, могучий и прекрасный...» — «Отечественные записки», 1867, № 5, без подписи).

² О переговорах в Ливадии см. п. 25, прим. 4.

³ Одно время в дипломатических кругах ходили слухи о предполагаемой отставке Горчакова и замене его Н. П. Игнатьевым.

⁴ Аксаков выполнил это пожелание Тютчева (см. п. 28, прим. 4).

28. И. С. Аксакову

S.-P<étersbourg>. 23 Septembre 1867

Nous avons de faire faire un pas à la question d'Orient. Hier, nous avons communiqué au cabinet français une déclaration que nous allons faire l'engageant à s'y associer mais ne lui laissant pas ignorer qu'en cas de refus de sa part nous la ferions tout de même en notre propre et privé nom.

Cette déclaration porte qu'ayant reconnu l'inanité des efforts faits par elle pour amener la Porte à adapter vis-a-vis de ses sujets chrétiens une politique quelque peu humaine la Russie cessait ses efforts, laissant la Turquie aux conséquences de sa conduite se dégageant de responsabilité dans tout ce qui allait arriver¹.

Pour apprécier la portée de cette déclaration, il faut savoir l'état vrai des choses en ce moment. Une entente vient de s'accomplir sous nos auspices, entre les Grecs et les Serbes, et ils n'attendent que notre signal pour se lever. Cette déclaration le leur fournira et on peut compter que dans peu l'empressement se rendra général².

Maintenant voici la position que cette démarche nous fait dans le cas surtout, si la France, comme il est probable, refuserait à s'y associer. En avouant légitime l'insurrection des chrétiens nous contractions vis-a-vis d'eux l'obligation morale de les garantir contre toute intervention étrangère, même au pris d'une guerre. Celle est la situation.

Cette démarche hardie est dû entièrement à l'initiative personnelle de Gortchakoff. Elle lui a été inspirée aussi bien par l'ensemble de la situation que par le désir de réparer toutes les sottises, faites par Ignatieff à Livadia³, contre l'avis bien formel et malgré toutes les objections du Prince. Il y a bien à lui en tenir compte — c'est assurément une généreuse inspiration et digne de tout point de sa campagne diplomatique, dans la question politique.

Je vous communique tous ces détails nullement pour être livrés à la publicité sous une forme quelconque à titre de nouvelles, de fait accompli. Ce serait prématuré et compromettant. Mais ce que je crois, serait possible et même utile. On pourrait dans un article de fond, sur la situation du moment, indigner une démarche, comme celle qui vient d'être faite comme un *desideratum*, recommandé par la dignité et les intérêts de la Russie. Et à cette occasion, il n'y aurait que justice à accorder un témoignage de sympathie à l'inspiration habituellement nationale de la politique de Gortchakoff, tout en se gardant de le mettre trop en relief aux dépens de l'Imp<ereur>etc., etc., etc.⁴

Перевод:

С.-П (етербург). 23 сент (ября) 1867

Восточный вопрос двинут нами на один шаг вперед. Вчера мы сообщили французскому кабинету декларацию, которую собираемся предъявить, приглашая его присоединиться к ней, но и не скрывая от него, что в случае отказа с его стороны мы все-таки предъявим ее от себя единолично.

Декларация эта заявляет, что, признав бесплодность своих стараний склонить Порту к принятию по отношению к ее подданным — христианам политики хотя бы мало-мальски человеческой, Россия отныне прекращает свои старания, предоставляя Турцию последствиям ее поведения и слагая с себя ответственность за все, могущее впредь произойти¹.

Чтобы оценить значение этой декларации, надо знать действительное положение вещей в настоящее время. При нашем посредстве только что состоялось соглашение между греками и сербами, и они ждут только нашего сигнала, чтобы подняться. Эта декларация и явится таким сигналом, и можно рассчитывать, что в скором времени пожар станет всеобщим².

Теперь вот каково положение, в которое поставит нас предпринятый нами шаг, особенно в том случае, если Франция — что вероятно — откажется присоединиться к нему. Признавая законность восстания христиан, мы приняли бы на себя нравственное обязательство оградить их от всякого иностранного вмешательства, *хотя бы ценою войны*. Таково положение.

Этим смелым шагом мы всецело обязаны личной инициативе Горчакова. Он был внушен ему не только общей политической обстановкой, но и желанием поправить все глупости, которые наделал Игнатьев в Ливадии³, вопреки вполне определенному мнению князя и несмотря на все его возражения. Его поступок стоит признательности; это, несомненно, благородное побуждение, вполне достойное его дипломатической деятельности в этой области нашей политики.

Я сообщаю вам эти подробности отнюдь не для того, чтобы они были преданы гласности под каким бы то ни было видом — *в качестве ли слухов или как известие о совершившемся факте*. Это было бы преждевременно и могло бы повредить делу. Но вот что, я думаю, было бы возможно и даже полезно: можно было бы в передовой статье о положении данного момента указать на шаг, подобный только что предпринятому, как на desideratum^{16*}, под-сказываемое достоинством и интересами России. И по этому поводу было бы только справедливо высказать сочувствие национальным истокам политики Горчакова, стараясь при этом не слишком выдвигать его в ущерб императору и т. д., и т. д., и т. д.⁴

Сверху на автографе надпись рукой Тютчева: «Ceci est p(ou)r ton mari» («Это д(ля) твоего мужа» — *франц.*).

¹ Ввиду несогласия Турции передать Крит Греции (см. п. 25, прим. 4) Россия предложила Франции, Италии и Пруссии подписать декларацию о том, что они снимают с себя ответственность за возможные последствия этого несогласия; это означало отказ гарантировать целостность Османской империи в случае восстания ее христианского населения. Европейские державы присоединились к декларации, и после внесения некоторых поправок, предложенных Францией, она была предъявлена Турции в конце октября 1867 г. Желаемого результата эта акция не достигла.

² Тютчев полагал, что декларация вызовет всеобщее восстание восточных славян против турецкого ига. Надежды эти не оправдались.

³ О переговорах в Ливадии см. п. 25, прим. 4.

⁴ По намеченной Тютчевым программе Аксаков построил передовую статью «Москвы» от 30 сентября 1867 г. (№ 141); в конце ее он отметил, что русское общественное мнение не изменилось «в своем доверии к главе наших дипломатов». Сам Тютчев свое отношение к деятельности Горчакова в области восточной политики России выразил несколько позже — в написанном 5 декабря 1867 г. стихотворении «По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в „Journal de St.-Petersbourg“» (в этот день была опубликована дипломатическая переписка русского правительства по Восточному вопросу, в том числе и декларация, о которой идет речь в данном письме); опубликовано 1 января 1868 г. в газете «Русский».

29. И. С. Аксакову

Петербург. 2 октября (18)67

Ваша превосходная передовая статья от 30 сент(ября) № 141 принята была здесь с большим сочувствием и *признательностью*¹... Еще раз я имел случай убедиться, какое значение приобрело у нас слово печати, разумно-честной печати, особливо в правительственных сферах. Его еще не всегда слушают, но всегда слушают... Касательно нашей декларации по восточному вопросу², мы рассчитываем на безусловное согласие Пруссии и Италии. Французское правительство также соглашается приступить к ней, но просит некоторых изменений в редакции, которые будут приняты, если они не изменяют, не ослабляют смысла и значения. В противном же случае мы предъявим наше решение отдельно, от своего имени, — и это было бы самое лучшее. Потому что согласие в словах все-таки не поведет к существенному согласию на деле.

Все это дипломатические дразни. Вопрос не в них, — весь вопрос теперь заключается вот в чем. Вслед за нашим заявлением произойдет ли на Востоке *общий взрыв*, и в этом случае хватит ли в нас довольно решимости, довольно самоуверенности, чтобы ценою нашего невмешательства заручить восставшим христианам невмешательство со стороны западных держав. Вот на что, по-моему, должна теперь наша печать (налечь)^{17*} всю силою своих убеждений. Это жизненный, <1 нрз> вопрос и для Востока, и для самой России.

Поэтому, конечно, желательно, очень желательно было бы, чтобы взрыву на Востоке предшествовал взрыв на Западе... Усобица на Западе — вот наш лучший политический союз...

Очень было бы назидательно и даже эффектно, если бы с Рима загорелся Запад³. Что же до Франции, то обстоятельства ее сложились так, что ей нет другого исхода, кроме войны или новой революции, которая все-таки не избавит ее от войны.

Перед громадностью грозящих событий, конечно, места нет нашим жалким человеческим соображениям, но, с нашей точки, казалось бы, что в интересе всей Восточной, т. е. Русской, Европы самое желательное — продлить еще на несколько лет этот тлетворный мир, так сильно содействующий процессу разложения, — а без полного, коренного разложения нельзя будет приступить к перестройке. Не в призвании России являться на сцене, как Deus ex machina⁴. Надо, чтобы сама История очистила наперед для нее место...

По вопросам внешней политики в данную минуту значение нашей печати идет видимо в гору. В высшей сфере есть какое-то *личное* соревнование в национальной политике, и все сильнее и сильнее чувствуется потребность опираться на общественное мнение, но вот это и на печать налагает обязанность быть все более и более *сознательною*.

В заключение обращаюсь к вам с просьбою, любезнейший Иван Сергеевич. Анне писать трудно, вам — некогда. Скажите Ване⁵, чтобы он хоть раз в неделю извещал меня о здоровье Анны; ее здоровье — это мой личный восточный вопрос, и когда-то он разрешится? Господь с вами.

¹ Об этой статье см. п. 28, прим. 4.

² Об этой декларации см. п. 28, прим. 1.

³ Тютчев имеет в виду события в Италии (см. п. 30, прим. 1).

⁴ Латинское выражение (букв.: бог из машины); обозначает неожиданную развязку, наступившую вследствие непредвиденного обстоятельства (в античной трагедии божество внезапно появлялось на сцене при помощи механического приспособления).

⁵ В это время сын Тютчева Иван жил в Москве (см. п. 22, прим. 3).

30. А. Ф. и И. С. Аксаковым

Péttersbourg. 7 Octobre 1867

Je reçois à l'instant ta lettre qui m'a quelque peu tranquilisé à ton sujet. En effet, puisque ton état de santé est meilleur, que tous les symptômes réunis accu-

^{17*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

sent un état de grossesse comme un fait indubitable, il n'y a qu'en prendre patience et attendre le terme d'un esprit tranquille, sans se laisser envahir par des inquiétudes qui n'ont désormais aucune raison d'être, attendu qu'il est évident que tu avais commis une grosse erreur dans tes appréciations. — Encore une fois merci de ta lettre.

Maintenant ce qui suit est pour ton mari, mais c'est assez important pour que j'appelle toute son attention sur ce qu'il va lire.

Le cabinet de Florence, menacé d'une intervention de Napoléon dans la crise de Rome, vient de s'adresser à nous en nous engageant de nous expliquer sur l'éventualité du cas ¹. La réponse que nous lui avons faite, et que *j'ai lue*, est décidément insuffisante. Elle est bienveillante mais évasive et n'accuse que trop le manque de conviction *nationale* qui est le fond même de notre diplomatie.

En effet, nous avions à nous prononcer dans cette affaire sur deux points, tous deux essentiels. D'abord sur le principe de *non-intervention*, que nous ne saurions articuler assez clairement et positivement en vue des éventualités qui peuvent d'un jour à l'autre <survenir> ^{18*} en Orient. Puis il aurait fallu s'expliquer très catégoriquement sur le fait du pouvoir temporel du Pape.

Une politique vraiment nationale n'y aurait pas manqué. Elle aurait senti que le moment était venu de faire, de la manière la plus explicite, *acte d'orthodoxie*, car elle aurait compris que ce sont les intérêts de l'orthodoxie elle-même qui se trouvent profondément engagés dans la crise actuelle de la question romaine... L'effet d'une pareille déclaration aurait été immense. C'était l'histoire elle-même, prononçant, par notre bouche, la condamnation d'un principe qui est notre ennemi personnel par excellence ². — On n'a, comme de raison, rien compris de tout cela. Et précisément sur cette question du *Pouvoir temporel* on s'est prudemment et discrètement récusé. C'était inévitable. Une politique sans *credo* national devait se déclarer incompétente.

Tels sont les faits... Maintenant, tout en feignant de les ignorer, il faut les supposer à titre d'éventualité imminente et déclarer hautement ce que, le cas échéant, la Russie est en droit d'attendre d'une politique aussi *éminemment nationale* qu'est la nôtre ³.

Ce qui a pu ajouter à notre timidité habituelle dans la déclaration que nous étions appelés de faire, c'était l'espoir de nous ménager les sympathies de la France dans la question d'Orient. C'était encore une illusion. La réponse de *Moustier* est arrivée ⁴. C'est un contreprojet très différent du nôtre. D'ailleurs le langage que nous a dernièrement tenu *Fouad* est d'une insolence qui prouve bien qu'il ne redoute guère une entente de la France avec nous ⁵...

Вот, любезнейший Иван Сергеевич, на что призываю деятельное внимание «Москвы».

Que Dieu vous garde tous les deux.

T. T.

Перевод:

Петербург. 7 октября 1867

Сейчас получил от тебя письмо, оно меня несколько успокоило на твой счет. В самом деле, раз здоровье твое улучшилось и совокупность всех симптомов устанавливает беременность как факт несомненный, остается только вооружиться терпением и со спокойным духом ожидать срока, не поддаваясь тревогам, которые не имеют теперь никакого основания, ибо очевидно, что ты сильно ошиблась в своих предположениях. Еще раз спасибо за письмо.

А теперь дальнейшее для твоего мужа, и оно столь важно, что я прошу его прочесть это как можно внимательнее.

Флорентийский кабинет, опасаясь вмешательства Наполеона в римский кризис, только что обратился к нам с просьбой высказаться относительно подобной возможности ¹. Наш ответ, который я читал, решительно неудовлетворителен. Он благожелателен, но уклончив и

^{18*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

слишком обнаруживает отсутствие *национального* сознания, что характерно для нашей дипломатии.

И действительно, в этом деле нам нужно было бы высказаться по двум пунктам, и оба весьма важны. Во-первых, по поводу принципа *невмешательства*, который мы не смогли бы провозгласить достаточно ясно и твердо ввиду случайностей, могущих со дня на день (возникнуть)^{19*} на Востоке. Затем следовало бы высказаться весьма категорически по вопросу о светской власти папы.

Истинно национальная дипломатия не преминула бы это сделать. Она почувствовала бы, что наступил момент определенно *поставить вопрос о православии*, ибо поняла бы, что интересы самого православия глубоко затронуты в современном кризисе римского вопроса... Впечатление от такой декларации было бы огромно. Это был бы голос самой истории, произносящий нашими устами осуждение принципа, нам враждебного². Но у нас, разумеется, ничего этого не поняли. И именно по вопросу о *светской власти* осторожно и скромно уклонились... Это было неизбежно! Дипломатия, лишенная национального *credo*, должна была проявить свою несостоятельность.

Таковы факты... Теперь следует, сделав вид, что они неизвестны, преподнести их как возможность, нас несомненно ожидающую, и заявить во всеуслышание, чего же в таком случае Россия вправе ожидать от политики, столь *удивительно «национальной»*, как наша³.

В отношении декларации, которую нам надлежало сделать, обычная наша робость, вероятно, усугубилась надеждой сохранить сочувствие к нам Франции в Восточном вопросе. Но и это было иллюзией. Получен ответ *Мустье*. Это контрпроект, весьма отличный от нашего⁴. Впрочем, тон, каким недавно говорил с нами *Фуад*, столь вызывающе-дерзок, что ясно доказывает, что он вовсе не опасается соглашения Франции с нами⁵...

Вот, любезнейший Иван Сергеевич, на что призываю деятельное внимание «Москвы». Храни Господь вас обоих.

Ф. Т.

¹ В 1867 г. для полного объединения Италии недоставало только Рима, который находился под светской властью папы. Гарибальди призывал идти на Рим, однако правительство Виктора-Эммануила не решилось выступить против папы, опасаясь вмешательства Франции, и выполнило требование Наполеона III об аресте Гарибальди и высылке его на Капреру. Тем не менее гарибальдийские отряды не были распущены и в сентябре вторглись в Папскую область, а в октябре Гарибальди бежал с Капреры и снова возглавил свои войска. Тогда правительство Франции приняло решение об интервенции для оказания помощи папе. В предвидении этой возможности флорентийский кабинет (в 1865—1870 гг. столицей Италии была Флоренция) обратился к русскому правительству в надежде на его поддержку против Франции.

^{19*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Карикатура Н. В. Иевлева из серии «Европейские современные вопросы»

Сатирический отклик на действия европейской дипломатии, в результате которых дело объединения Италии было приостановлено: Папская область сохранила самостоятельность, а столицей Италии была сделана Флоренция

Подпись: «Что это значит, возница: вместо гостиницы *Рим*, ты привез меня в *hotel Флоренция*? — Сами должны смеяться, сударыня, далеко ли уедешь на этой кляче»

«Искра», 1867, № 5, (4 февраля)

² Тютчев считал, что, защищая светскую власть папы, Наполеон III отстаивает исторически обреченное дело. Эта мысль выражена в стихотворении «Свершается заслуженная кара...» (написано 27 октября, напечатано 29 октября — «Москва», № 166).

³ Аксаков откликнулся на эти советы в передовой статье «Москвы» от 12 октября 1867 г. (№ 151). «Быть единой Италией — не быть светской власти папы; быть светской власти папы — не быть единой Италией», — писал Аксаков. И далее: «Нужно ли говорить, что сочувствие России может быть только на стороне Италии? (...) Как русские, как славяне мы не можем не сочувствовать идее народности и стремлению Италии к национальной свободе, независимости и объединению».

⁴ «Контрпроект» французского министра иностранных дел Ф. Мустье — первоначальный ответ Франции на предложенный Россией проект декларации в адрес Турции (см. п. 28, прим. 1). Мустье предлагал потребовать от Турции передачи Крита и Фессалии Греции на условии, что Россия гарантирует спокойствие в славянских областях Османской империи.

⁵ О позиции турецкого министра иностранных дел Фуада-паши во время переговоров в Ливадии см. п. 25, прим. 4.

31. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce mercredi, 18 Octobre 1867

Ma fille chérie, voici ce qui vient de se passer. Le Roi de Grèce ¹, pour témoigner sa reconnaissance à la presse russe, avait voulu envoyer à ton mari l'ordre du St. Sauveur. Des personnes bienveillantes s'empressèrent d'assurer le Roi que ton mari, étant un démagogue forcené, serait capable de renvoyer au Roi son ordre. Ayant appris tous ces détails par le ministre de Grèce Metaxa, j'ai cru devoir rectifier cette misreprésentation et lui déclarer qu'en effet Aksakoff était homme à refuser tout autre ordre étranger, fût-ce même la Toison d'or de l'Empereur d'Autriche, mais que je pensais qu'il accepterait volontiers l'ordre du St. Sauveur (qui, après tout, ne représente en ce moment que le signe de la croix elle-même) tout comme il avait accepté l'ordre monténégrin. Voici ce que j'ai cru devoir dire, et j'espère que, le cas échéant, ton mari ne me démentira pas.

Dis à Aksakoff que son article sur la crise romaine ² a été très apprécié ici. C'est vu de très haut, et une pareille appréciation tient essentiellement au point de vue donné. Tout ce qui va se passer viendra à l'appui... Car il n'y a plus à se le dissimuler, la crise pressentie depuis si longtemps a commencé. L'Europe est à la veille non pas simplement d'une guerre, mais d'une guerre civile, non seulement de race, mais de religion. Le fond de cette guerre, ce sera la lutte entre un christianisme corrompu et un rationalisme plus au moins anti-chrétien. Mais la lutte armée, se traduisant par des coups de canon et de grands massacres... Nous en subirons le contre-coup par la Pologne. Napoléon sous le poids de ses fautes n'aura été que l'instrument de la Fatalité Européenne, et cette Fatalité c'est la contradiction, devenue organique, de la société contemporaine déchirée en deux, en France surtout, — les masses dominées par l'influence cléricale, et la minorité libérale, irreligieuse... Or, Napoléon n'est que la personnification de cet antagonisme historique.

Voilà de sombres horizons assurément. Peut-être se voileront-ils encore une fois momentanément à nos yeux. Mais la situation donnée est bien certainement celle-là...

Et vous, ma fille, où en êtes-vous? Où en est l'autre question qui, pour le moment, est pour moi la toute première? Je suis sur un qui-vive de tous les instants et jamais enfant n'aura fait son entrée en ce monde d'une manière moins inattendue...

Dieu te garde.

Перевод:

Петербург. Среда, 18 октября 1867

Милая дочь моя, вот что произошло. Король Греции ¹, желая выразить благодарность русской печати, решил наградить твоего мужа орденом Спасителя. Нашлись благожелатели, которые поспешили заверить короля, что муж твой, неистовый демагог, способен отослать орден обратно. Узнав об этих подробностях у греческого посла Метаксы, я счел своим долгом

уточнить столь превратную характеристику твоего мужа и заявил Метаксе, что от всякого другого иностранного ордена, даже от ордена Золотого Руна, которым награждает австрийский император, Аксаков, действительно, способен отказаться, но что, по-моему, он с благодарностью примет орден Спасителя (который в конце концов выглядит просто как крест), точно так же, как в свое время принял черногорский орден. † что я счел необходимым сказать, и, надеюсь, муж твой не опровергнет меня, если зайдет об этом речь.

Скажи Аксакову, что его статья о Римском кризисе ² встречена здесь с большим одобрением. Эта оценка исходит из очень высоких сфер и вызвана главным образом высказанной в статье точкой зрения. То, что должно в скором времени произойти, подтвердит ее... Ибо не к чему скрывать от себя, что кризис, приближение которого так давно уже ощущается, начался. Европа сейчас не просто накануне войны, но накануне войны гражданской, войны, которая затронет не только народы, но и религию. Суть этой войны будет заключаться в борьбе развращенного христианства с более или менее антихристианским рационализмом. Но в борьбе вооруженной, с пупечными залпами и кровопролитиями... Мы ощутим все это косвенно через Польшу. Наполеон со всем грузом своих ошибок является только орудием судьбы, а судьбы Европы определяются противоречием, которое стало органическим для современного общества, и в особенности французского, раздираемого надвое: на массы, находящиеся под влиянием духовенства, и либеральное меньшинство, отрицающее религию... Так вот, Наполеон является всего лишь олицетворением этого исторического антагонизма.

Конечно, это мрачные перспективы. Может быть, все еще изменится у нас на глазах. Но на сегодня положение именно таково...

А ты, дочь моя, твой-то как дела? Как обстоит с другим вопросом, который для меня сейчас является наипервейшим? Я постоянно настороже, никогда еще появление ребенка на свет не было связано со столь томительным ожиданием...

Да хранит тебя Бог.

¹ Георг I (1845—1913).

² Подразумевается статья Аксакова в газете «Москва» от 12 октября (см. п. 30, прим. 3)

32. И. С. Аксакову

С.-Петербург. 19-го ноября (18)67

Что Анна? Что сказал Кох? Не без тревожного нетерпения жду известий ¹, но не через вас, друг мой Иван Сергеевич, потому-то вам решительно нет времени для переписки, а через Kitty...

Спешу поделиться с вами отрадным впечатлением — я имел уже возможность убедиться по возвращении моем сюда, что все ваши последние статьи были здесь вполне поняты и оценены, — Горчаков, несмотря на пристрастие свое к немцам, с большими похвалами отзывался о статье вашей в ответ заявлению «Север(ной) почты» ², а это — много значит. Вам обязана печать, что по этому капитальному вопросу она удержала честь последнего слова. Тоже и все статьи ваши по вопросам иностр(анной) политики. Я не успел еще оценить впечатление, какое производит ваша только вчера полученная статья о конференции ³, но заранее уверен, что оно будет, как и следует, весьма значительно. Эта превосходная статья восполнит и довершит уже существующее настроение, потому что здесь твердо решено на конференции, буде она состоится, отстаивать права Италии против притязаний Папства.

Но верьте мне, будет или не будет конференция, — в конце концов все-таки предвидится один и тот же исход, т. е. теснейший союз Франции с Папством — во имя солидарности этих двух властолюбий. А так как *тысячелетний круг* у нас перед глазами замыкается, то мы и увидим повторение старой были — Наполеон III, конечно, не Карл Великий, но французы все те же франки, а бедный Виктор Эммануил так и глядит *Дезидерием* ⁴. Не худо было бы в современной памяти освежить историю всей этой процедуры. Выродившееся христианство в римском католицизме и выродившаяся Революция в наполеоновской Франции — это два естественных союзника. И от этого сочетания произойдут такие последствия, каких мы и не предвидим.

Полученная вчера почта из Константинополя вполне определила настоящее положение Франции — по Восточному вопросу⁵. — Она действует заодно с Австриею, как и следовало ожидать.

Мне бы хотелось вашу последнюю статью — о конференции — повторить в иностр(анных), т. е. в парижских газетах, не для назидания, а для собственного удовлетворения.

Простите. Обнимаю вас и бедную нашу милую Анну. Ждем нетерпеливо известий.

Ф. Тчв

¹ В это время А. Ф. Аксакова еще не оправилась от последствий неудачных родов.

² 9 ноября 1867 г. в «Северной почте» (№ 246) было высказано мнение, что затянувшаяся полемика по так называемому остзейскому вопросу (см. п. 18, прим. 1) может быть прекращена путем применения системы предостережений, принятой законом о печати 6 апреля 1865 г. Аксаков возразил официозу Министерству внутренних дел, утверждая, что полемика прекратится лишь с устранением в Остзейском крае «тех жизненных условий, которые производят эти прискорбные столкновения неприязни племенной и сословной» («Москва», 1867, № 179, 14 нояб.).

³ 3 ноября / 22 октября 1867 г. французские войска, выступившие на помощь папе (см. п. 30, прим. 1), одержали победу над гарибальдийцами при Ментоне. Сознывая, что эта победа не решает «римского вопроса», Наполеон III предложил рассмотреть сложившееся положение на европейской конференции. Однако явное сочувствие Англии, России и Пруссии стремлениям Италии к окончательному объединению заставили его отказаться от этой идеи. Аксаков посвятил две статьи предполагаемой конференции («Москва», 1867, № 171 и 181, от 4 и 17 нояб.). Тютчев имеет в виду вторую из этих статей, в которой вопрос о светской власти папы рассматривался как вопрос о судьбах католической церкви и всего «латинского» мира.

⁴ В 774 г. Карл Великий, поддерживая папу Адриана I, победил короля лангобардов Деиздерия, занял его столицу, а его самого заточил в монастырь.

⁵ На следующий день в русской печати появились известия из Константинополя: «Положение, принятое в восточном вопросе французским правительством и его дипломатическими агентами, ободряет Порту действовать против декларации держав и вводить новую администрацию на острове Кандии (Крите. — *Ред.*)» (*СПб. вед.*, 1867, 321, 20 нояб.).

33. И. С. Аксакову

Петербург). Воскресенье, 26 ноября (1867)

Друг мой Иван Сергееч. Надеюсь, что еще до получения моей телеграммы вы отказались от несчастной идеи прекратить издание «Москвы»¹. Убедительно прошу вас — не делайте этого. Это было бы чем-то вроде японского поединка. Верьте мне, стоящему ближе к этой пакостной действительности, — положение вовсе не такое отчаянное, каким оно могло вам показаться...

По получении вашей телеграммы я тотчас отправился с нею к князю Горчакову, который только что вернулся из дворца. Императрица уже говорила с ним о постигшем «Москву» втором предостережении. Она знала, что предложением, вызвавшим это предостережение, была статья, писанная *не вами*, и очень сетовала по этому случаю, но ее уверили, что эта статья чрезвычайно резка (*d'une extrême violence*^{20*}, — говоря их глупым жаргоном, — *un vrai vote de défiance contre le gouv(ernement) dans la question du tarif*^{21*}). С другой стороны, я узнал через Оболенского², что *Рейтерн*³ нисколько не требовал этой услуги от Валуева и был даже удивлен предостережению. Они хотели отвечать на статьи «Москвы» по делу о тарифе, находя в них много неточностей, но нисколько не требовали административного вмешательства. — Вот что важно и что следует довести до вашего сведения... Графиня Протасова обещала мне свое усердное содействие, и я уверен, что, при руководстве Оболенского, она выполнит это весьма удовлетворительно. Князь Горчаков также поручил мне сказать вам, что, по его мнению, вам нисколько не следует прекращать издание.

Общественное мнение, во всех кругах, — в эту минуту — более за вас, нежели когда-либо. Все ваши последние статьи встретили здесь самый сочувст-

^{20*} крайне резка (*франц.*).

^{21*} Подлинный вотум недоверия правительству по вопросу о тарифе (*франц.*).

венный прием, — словом сказать, «Москва» в авантаже обретается против Валуева, который все более и более *низится* во мнении, и даже в недрах смиренномудруго Совета по делам печати возбудил к себе сильное недоброжелательство.

Вот задатки, которыми можно будет воспользоваться при неминуемом содействии обстоятельств и всеокрушающей силе вещей.

Что же до вас касается, т. е. до положения, в какое поставлена «Москва» этим вторым предостережением, я вот что бы советовал сделать. — Пропустивши несколько дней, — я бы в передовой статье изложил — со *всевозможною* сдержанностью и спокойствием — всю мою *profession de foi* ^{22*} — по всем началам, защищаемым «Москвою», — все учение вашего *толка*, по всем вопросам — жизненным вопросам русского общества, начиная с самодержавия и кончая, пожалуй, тарифом... Вслед за этим или, лучше сказать, в сопоставлении с этим, я указал бы — смело и отчетливо — на все враждебные силы, вне и внутри России, грозящие ее существованию, на те стихии, которые историческою необходимостью сближаются и совокупаются в одну громадную коалицию, направленную против не только политических интересов России, но против самого принципа ее существования, — Польша, католичество, клерикально-наполеоновская Франция, австрийские немцы, мадьяры, турки — и их имя тоже легион, и все это — вражеские силы, уже *сознательно* действующие. Все это следует подкрепить фактами несомненными — осязательными — и вслед за этим предложить вопрос: есть ли какой смысл, в виду предстоящих случайностей, ослаблять возможность противудействия, подрывая свою собственную нравственную силу в одном из самых жизненных органов русского общества? — Но все это должно быть высказано совершенно спокойно, с самоуверенностью, но *без всяких личностей и намеков* вроде катковских. Чем сдержаннее, тем действительнее ⁴.

Это письмо будет вручено вам Полонским ⁵. Поговорите с ним.

Что моя бедная Анна? Господь с вами.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см прим. 1).

¹ 22 ноября 1867 г. «Москва» получила второе предостережение за передовую статью в № 183 от 19 ноября (автор — И. К. Бабст), в которой критиковалась политика русского правительства в области таможенного тарифа (*Материалы о цензуре и печати*, т. II, с. 143—144). Предостережение, объявленное в разгар подписки на новый год, могло катастрофически сказаться на числе подписчиков. Это заставило Аксакова задуматься о целесообразности продолжения издания.

² Член Государственного совета кн. Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881) был другом Аксакова и неоднократно оказывал ему содействие.

³ Михаил Христофорович Рейтерн (1820—1890) — министр финансов в 1860—1878 г. Аксаков не последовал совету Тютчева и в передовой статье, начинавшейся словами «Дающая предостережения рука не оскудевает...» («Москва», 1867, № 189, 28 нояб.), протестовал против предъявленных ему обвинений в «систематическом оуждении действий правительства» и в искажении фактов, якобы «направленном к возбуждению страстей и общественного неудовольствия». 29 ноября газета получила за эту отповедь третье предостережение и с 3 декабря была приостановлена на четыре месяца (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 144—145).

⁵ Поэт Яков Петрович Полонский (1819—1898) служил в это время в Комитете цензуры иностранной под началом Тютчева и был близок с ним и с его семьей.

34. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. 3 Décembre (1867)

Ma tille chérie. Si quelque chose pouvait ajouter à ma tendre estime pour ton mari, c'est assurément l'acte de courage civil qu'il vient de faire, et à en juger par l'impression produite ici par son article ¹, la société russe toute entière aura partagé ce sentiment... Je lui avais conseillé autre chose, mais je reconnais bien

^{22*} символ веры (франц.).

volontiers qu'il a mieux fait d'avoir suivi son inspiration à lui... Le résultat pratique en sera ce que Dieu voudra... Mais le fait d'une protestation aussi consciencieusement énergique de la force morale contre... ce qui n'est pas elle — n'est jamais perdu. Encore une fois, ici l'impression a été générale et très sérieuse.

Désormais il va être clair pour tout le monde, que les conditions faites à la presse en Russie sont quelque chose qui n'ont pas d'analogue nulle part ailleurs. Voilà l'intelligence de tout un Pays soumise, par suite de je ne sais quel malentendu, non pas au contrôle arbitraire du Gouv(ernemen)t, mais à la dictature sans appel d'une opinion *purement individuelle* ², d'une opinion qui non seulement est en opposition tranchée et systématique avec tous les sentiments et toutes les convictions du Pays — mais qui de plus, sur toutes les questions essentielles du jour, est en opposition directe avec le Gouv(ernemen)t lui-même et c'est en raison directe de l'appui que la Presse aura prêté aux idées et projets du Gouv(ernemen)t qu'elle se trouvera plus exposée aux persécutions de cette opinion individuelle, armée de la dictature. Jamais pareille anomalie ne s'est vue ailleurs et il est impossible qu'on ne cherche à y porter remède... Aussi est-il fortement question depuis quelques jours dans un certain milieu — de revenir à une disposition qui avait été précédemment mise en avant, c'est de faire dépendre le troisième avertissement de l'autorisation du Comité des ministres ³. C'est peu de choses, je le sais, — mais c'est quelque chose.

De toi à moi, nous savons bien que le mal de la situation n'est pas là, — qu'il est plus profond. — Il est des *habitudes* d'esprit sous l'empire desquelles — c'est la presse en elle-même qui est *le mal* et elle aurait beau servir le pouvoir, *comme elle le fait chez nous*, avec zèle et conviction — il y aura toujours aux yeux de ce Pouvoir quelque chose qui vaudra mieux que tous les services qu'elle peut rendre — c'est qu'il n'y eût pas de Presse. On frémit à l'idée des cruelles épreuves, tant du dehors que du dedans, par lesquelles cette pauvre Russie est destinée à passer avant de venir à bout de cette fâcheuse manière de voir...

En attendant, ma bonne Anna, je suis anxieusement désireux d'apprendre l'effet que cette crise, que tu as toujours prévue et jugée inévitable, aura eu sur ta santé — et aussi les conséquences matérielles qu'elle doit avoir pour vous ⁴.

J'attends impatiemment de vos nouvelles. Je serre la main à Ив(ан) Сергеич et suis heureux et fier qu'un homme tel que lui soit ton mari. Dieu v(ous) garde.

Перевод:

Петербург. 3 декабря (1867)

Моя милая дочь, если что-либо могло увеличить мою привязанность и уважение к твоему мужу, это, без сомнения, тот акт гражданского мужества, который он только что совершил, и, судя по впечатлению, произведенному здесь его статьей, все русское общество разделит это чувство ¹. Я советовал ему другое, но очень охотно признаю, что он поступил лучше, последовав своему собственному побуждению... Практический результат сего в божией воле. Но самый факт столь честного и энергического протеста нравственной силы против... того, что не является ею, — не может пройти бесследно. Повторяю, здесь он произвел на всех впечатление весьма серьезное.

Отныне всем будет ясно, что условия, какие предъявляются печати в России, таковы, что подобных им нет нигде. И вот разум целой страны, вследствие не знаю уж какого недоразумения, подчинен не произвольному контролю правительства, а беспечелляционной диктатуре мнения *чисто личного* ², мнения, которое не только постоянно находится в явном противоречии со всеми чувствами и со всеми убеждениями страны, но, более того — прямо противоречит мнениям самого правительства по всем существенным вопросам дня, и потому именно прямым следствием той поддержки, которую печать окажет идеям и проектам прав(итель)ства, будет ужесточение говений, которым подвергнет ее это личное мнение, облеченное властью. Подобная аномалия никогда нигде не возникала, и невероятно, чтобы никто не попытался найти способа к ее устранению... Однако вот уже несколько дней в известном кругу усиленно поговаривают о том, чтобы принять предложение, выдвинутое ранее, дабы треть

предостережение зависело от разрешения Комитета министров³. Это немного, я знаю, но все-таки кое-что.

Нам с тобой хорошо ведомо, что зло не в этом, что оно коренится глубже. Есть привычки ума, под влиянием коих печать сама по себе уж является злом, и с каким бы рвением и убеждением ни служила она Власти, как это делается у нас, в глазах этой Власти всегда будет существовать нечто лучшее, чем все услуги, какие печать может ей оказать, — это чтобы сама печать не существовала. Содрогаешься при мысли о жестоких испытаниях, через которые должна пройти бедная наша Россия, как извне, так и изнутри, прежде чем ей удастся справиться с такой прискорбной точкой зрения. Пока же, моя добрая Анна, я с мучительным беспокойством жажду известий о том, как отразилась на твоём здоровье эта мучительная развязка, которую ты всегда предвидела и считала неизбежной, и какие материальные последствия она будет иметь для вас⁴.

С нетерпением жду известий от вас. Жму руку Ив(ану) Сергеичу, я счастлив и горд, что такой человек, как он, является твоим мужем. Да хранит вас Бог.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—3). В семейном архиве Аксаковых это письмо помещено среди писем, относившихся к 1868 г.

¹ Подразумевается ответ Аксакова на второе предостережение «Москве» (см. п. 33, прим. 4).

² Тютчев имеет в виду «диктатуру мнения» министра внутренних дел П. А. Валуева, которому подчинялась печать.

³ Слухи о предстоящих изменениях в законодательстве о печати не оправдались. 21 декабря 1867 г. в «Северной почте» (№ 279) по распоряжению Валуева была напечатана статья, в которой доказывалась целесообразность системы предостережений, предусмотренной законом о печати от 6 апреля 1865 г. Из этой статьи следовало, что никаких изменений в области цензуры в ближайшее время не предстоит.

⁴ Тютчев имеет в виду распоряжение о приостановке «Москвы» на четыре месяца (см. п. 33, прим. 4).

И. С. и А. Ф. АКСАКОВЫ

Фотография. Москва, ноябрь 1868 г.

На обороте надписи рукой неустановленного лица: «Москва. Ноября 1868»

Собрание К. В. Пигарева, Москва

«Жму руку Ивану Сергеичу. Я счастлив и горд, что такой человек является твоим мужем» (Письмо Тютчева А. Ф. Аксаковой 3 декабря 1867 г.)

35. И. С. Аксакову

Петерб(ург). 18 декабря (1876)

Друг мой Иван Сергеич.

При такой живой грамоте, как возвращающийся к вам И. К. Бабст, всякая моя приписка совершенно лишняя. Впрочем, положение достаточно ясно. Последнее слово все-таки за вами, т. е. за печатью, за общественным мнением, и этим успехом вы обязаны единственно самому себе¹. Даже в официальной среде кредит Валуева по делу печати подорван. Все поняли дикую несообразность подчинить всю мыслящую Россию — личному произволу этого крайне ограниченного пустого фразера, отсталого на тридцать лет от современного движения и к тому еще по всем главным вопросам идущего наперекор правительственной системе. Так что можно надеяться, что при первом удобном случае

это зреющее сознание негодности теперешнего контроля по делу печати перейдет в положительный протест.

Толки об удалении князя Горчакова угомонились. Вся эта кутерьма вышла вследствие глупой истории с Акинфьевой², за которую государь досадовал на Горчакова, да и не без причины. Но об замещении его кем-нибудь другим государь, вероятно, и не думает. Хотя при дворе есть люди, которым популярность князя весьма не по душе, но на этот раз их происки, вероятно, не достигнут предполагаемой цели.

Что касается до нашей иностранной политики, то она, слава богу, как-то попала на хорошую колею — Римский вопрос все более и более определяется так, как вы его уразумели³. Он ляжет непременно *поперек* вопроса национальностей и страшно усложнит предстоящую борьбу. — При прощальном свидании с Наполеоном *Будберг*, чтобы уяснить себе настоящие отношения его к Римскому вопросу, поздравил Наполеона с таким энергичным заявлением католического чувства во Франции⁴, на что Наполеон сделал гримасу и отвечал, что в этом заявлении много посторонней примеси. Словом сказать, Наполеонова личная политика на буксире у клерикальной партии, но эта партия все-таки увлечет его — тем скорее, что она сделалась единственным союзником французского интереса во всей Европе. Уже в Рейнских провинциях это влияние начинает обозначаться. То же скоро будет и в Южной Германии, и в Бельгии — и повсюду.

Здесь с нетерпением ждут появления «Москвича»⁵. Если подписка идет в уровень с вашею популярностью, то вас можно поздравить с блистательным успехом.

Простите. Анну обнимаю. Знаю, что ее здоровье удовлетворительно, но прошу ее еще долго и долго беречь себя.

Вам от всей души пред(анный)

Ф. Тчв

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 3).

¹ Подразумевается ответ Аксакова на второе предостережение, полученное «Москвой» (см. п. 33, прим. 4 и п. 34, прим. 1).

² А. М. Горчаков был влюблен в свою внучатую племянницу Н. С. Акинфьеву, что дало пищу для светских пересудов.

³ В передовой статье «Москвы» от 2 декабря 1867 г. (№ 193) Аксаков писал: «Франция вступила в тесный, неразрывный союз с папством. Наполеониды и папы, цезаризм и папизм подали, повинувшись непреложному ходу истории, друг другу руку на жизнь и смерть».

⁴ Тютчев имеет в виду речь депутата Руэ, заявившего в Законодательном собрании, что «Франция всегда будет охранять светскую власть папы, обеспечит за ним Рим и Церковную область» (Аксаков цитировал эти слова в указ. статье — см. прим. 3).

⁵ Сразу же после приостановки «Москвы» один из ее сотрудников, П. Н. Андреев, получил разрешение на издание газеты «Москвич»; первый номер ее вышел 23 декабря 1867 г. «Москвич» явился продолжением «Москвы»; номинально редактором его значился Андреев, фактически же им оставался Аксаков. Об обстоятельствах возникновения этой газеты и о ее дальнейшей судьбе см. п. 43, прим. 2; п. 45, прим. 2—4.

36. И. С. Аксакову

Петерб(ург). Четверг, 4 января 1868

Посылаю вам довольно курьезную вещь. Мне сообщили ее по секрету из Министерства ин(остранных) дел, и *по секрету* я передаю ее вам, прося вас убедительно не оглашать ее ни прямо, ни косвенно, — представляя вам, впрочем, заключающимися в ней данными воспользоваться по усмотрению вашему. Эта записка сообщена нашим тайным агентом в Париже¹, потому что, по причине крайней неудовлетворительности нашего официального представителя², мы должны содержать еще дополнительную, более деятельную дипломатию.

Обратите внимание на то, что сказано в конце письма о различии воззрений французского министерства касательно Греции и Славянского дела³. В этом

заключается вся суть современного положения. Это новая попытка — и, вероятно, последняя — того, что уже несколько раз повторялось в истории Европы, попытка общими силами союзного Запада подавить славянские племена, и вот почему всякое заявление со стороны России о своей солидарности с Славянами уже считается Западной Европою чем-то вроде вызова и заключает в себе как бы зародыш враждебной нам коалиции. И потому еще раз — и с большею против прежнего уверенностью — повторяю, что если будущей весной не произойдет столкновения на Рейне, вследствие ли итальянских дел или по какой другой причине, то нам предстоит большие тревоги и опасности по Восточному вопросу. Мы навязали их себе нашим глупейшим bestолковым миротворничаньем прошлою весной, как я тогда еще предсказывал кн. Горчакову⁴.

Слишком, слишком поздно начинает приходить к самосознательности наша политика. Время упущено. *Mors Caroli vita Conradini — mors Conradini vita Caroli*^{23*}, — вот чего мы вовремя не поняли по отношению к Западу.

Ваши две последние статьи о предостережениях здесь произвели сильный эффект и, разумеется, сильно раздражили против вас предержавшую власть, которая упрекает вас в недостатке всякой деликатности, почти что в неблагодарности⁶. Я имел вчера, по этому случаю, довольно оживленный разговор с Похвисневым, не приведший, понятно, ни к какому заключению.

Простите. Анну обнимаю.

Ф. Т.

¹ Этот документ, в котором излагался разговор неизвестного лица с французским министром иностранных дел Ф. Мустье, среди писем Тютчева к Аксакову не сохранился. Копия его, сделанная рукой Э. Ф. Тютчевой, находится среди ее бумаг (*Собр. Пигарева*).

² Подразумевается бар. А. Ф. Будберг, русский посол во Франции.

³ Тютчев имеет в виду следующие строки упомянутой записки: «...г-н Мустье сказал мне, что греческий элемент не представляет никакой опасности для Турции, что можно присоединить к Греции Крит и даже Фессалию без того, чтобы существование Оттоманской империи было подвергнуто опасности; напротив, славянский элемент для нее страшен». Далее автор записки отмечает, что, стремясь сохранить в целости Оттоманскую империю, Мустье в еще большей степени заинтересован в сохранении Австрийской империи, — иначе говоря, он отказывается признать за австрийскими славянами право на самостоятельность. Знакомство Аксакова с присланным ему документом отразилось в передовых статьях газеты «Москвича» от 10 и 12 января 1868 г. № 9 и 11.

⁴ Об отношении Тютчева к попытке Александра II выступить в роли посредника между Францией и Пруссией см. п. 19, прим. 4.

⁵ Поговорка, возникшая в Италии в эпоху борьбы гвельфов и гибеллинов (в 1268 г. последний Гогенштауфен Конрад Швабский, призванный гибеллинами, был взят в плен главой гвельфов Карлом Анжуйским и казнен по его приказу).

⁶ В двух передовых статьях «Москвича» (1867, № 3 и 5 от 29 и 31 дек.) Аксаков доказывал нецелесообразность системы предостережений, полемизируя со статьей «Северной почты» от 21 декабря 1867 г. (см. п. 34, прим. 3).

37. И. С. Аксакову

⟨Петербург. Между 4 и 22 января 1868 г.⟩

⟨...⟩

Что сам Валуев действительно хлопотал о восстановлении «Москвы», это не подлежит сомнению¹. Это с первого взгляда что-то вроде средневековой легенды, но что заставило беса строить церковь², определить трудно. Конечно Валуев далеко не бес, а просто пустейший из людей. Желание ли угодить императрице³, протест ли единодушный общественного мнения, охота ли полиберальничать и повеликодушничать, всё ли это вместе? — Как это разобрать? Для людей, действующих без самосознательности, нет и не может быть разумной оценки, и вернейший способ для превратного понимания их действий — это стремление их осмыслить. В этот промах невольно впадаешь, смотря на них издали.

Полемика, вызванная статьей «Север(ной) почты», не поведет ник чему, за неимением почвы⁴. Для уяснения вопроса следовало бы из области юриди-

^{23*} Смерть Карла — жизнь Конрадина, смерть Конрадина — жизнь Карла (*лат.*)⁵.

ческих определений перейти к конкретным фактам и личностям. Надобно было бы сказать вот что: в русском обществе два учения, два направления — русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно, и оно само по себе и без какого-нибудь постороннего обстоятельства никак не вызовет никакой реакции — это положительно. Князь Оболенский, который стгоряча хотел было отвечать, благоразумно остыл и успокоился.

Игнатъев наконец приехал, но можно сказать утвердительно, что князь Горчаков останется на своем месте⁵. Важнее всех этих дряг вся совокупность положения дел в Европе по отношению к н(ам). — Я более и более убеждаюсь, что если к весне между Наполеоном и Пруссиею не будет схватки, то между ними произойдет сделка против нас. Этого здесь пока еще не понимают, но скоро поймут.

Господь с вами. Анну обнимаю и обоим вам желаю всего лучшего.

Отрывок (начало письма утрачено). В семейном архиве Аксаковых контаминирован с письмом от 2 января 1869 г. (п. 57).

Датируется по содержанию (см. прим. 1, 3—5).

¹ Вероятно, речь идет не о «Москве», а о ее продолжении — газете «Москвич» (см. п. 35, прим. 5), которую Аксаков нередко называл «Москвой» (*Цимбаев*, с. 152). Валуев положительно отнесся к вопросу об издании этой газеты (там же).

² В древности существовала легенда о том, что строить его знаменитый храм Соломону помогало демоническое существо — Асмодей. В Средние века эта легенда нередко связывалась со строителями известных христианских храмов.

³ Императрица Мария Александровна сочувственно относилась к газете Аксакова (см. п. 33, а также п. 16 и 17).

⁴ О полемике Аксакова с «Северной почтой» — официозом Мин-ва внутренних дел см. п. 36, прим. 6.

⁵ Приезд в Петербург русского посла в Турции гр. Н. П. Игнатъева был связан с предполагавшимся назначением его министром иностранных дел вместо Горчакова. Назначение это не состоялось.

38. А. Ф. Аксаковой

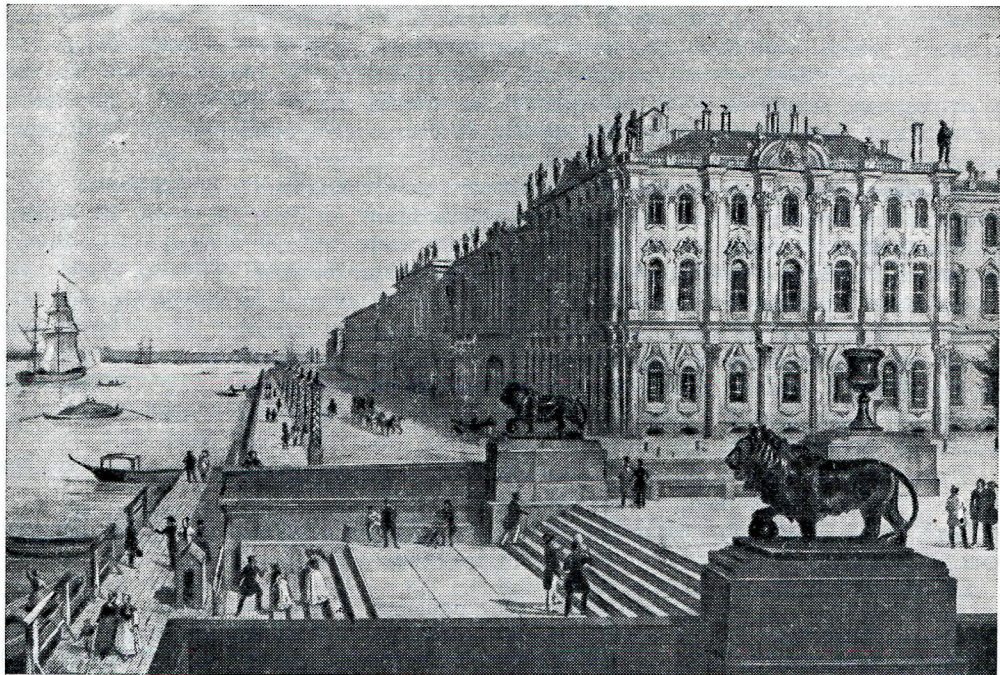
Pétersbourg. Ce 22 Janv(ie)r 1868

Ma fille chérie, je profite de la voie Сухотин¹ pour vous écrire avec sécurité et sans suppression de noms propres. Voici d'abord un petit incident qui te regarde. L'autre jour, à un dîner chez sa soeur, la Princesse C. Dolgorouky², la Comtesse Protassof m'a dit, qu'on lui avait raconté qu'une lettre adressée par le Gr. Duc Héritier à toi, aurait été interceptée par le Comte Schouvaloff et mise sous les yeux de l'Empereur, mais que cette preuve de zèle aurait été fort mal reçue, l'Empereur lui ayant fait sèchement observer que ladite lettre avait été écrite au su de l'Impératrice et du sien. Qu'y a-t-il de vrai dans cette histoire? Est-ce un réchauffé de l'incident de l'année dernière ou bien cela se rapporte-t-il à quelque chose qui s'est réellement passé en dernier lieu? On continue toujours à parler du départ de Schouvaloff pour l'étranger³. Ce qui est certain, c'est que Potapoff, son prédécesseur à la police secrète, vient d'être appelé ici⁴.

L'autre jour, au grand bal de cour, l'impératrice m'a parlé avec beaucoup d'amitié de toi et l'Empereur en a fait presque autant au bal de l'Ambassade de France. L'Impératrice m'a dit qu'elle te conseillait beaucoup d'aller faire une cure l'été prochain hors du pays, à moins que tu ne préfères de te rendre en Crimée. Moi je suis pour une cure à l'étranger, ce qui serait peut-être moins agréable, mais assurément plus utile. Ah, ton pauvre nez! Que de réparations tu lui dois!

Avant-hier a eu lieu une longue conférence chez l'Empereur entre le Chancelier et les deux ambassadeurs. Je crois savoir que les honneurs de la journée not été pour Ignatieff — qui assurément est un homme intelligent et dont je verrai l'arrivée aux affaires sans trop d'appréhension⁵. Il va vous arriver à Moscou, où

ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Литография К. Ланга. Середина XIX века

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

il s'arrêtera quelques jours. J'aimerais qu'il eût l'occasion de causer avec ton mari. Et à propos de ton mari n'oublie pas de lui dire que le succès du «Москвич» va toujours croissant, ce qui finira par donner de la jalousie à la «Москва». Au nombre des derniers articles il y en a eu deux qui sont vraiment admirables. Ce sont les deux articles relatifs à deux procès plaidés dernièrement à Moscou⁶. L'article sur une brochure ukrainienne, publiée à Vienne, est aussi très bien, et juste dans la mesure voulue⁷. Je compte lui écrire prochainement.

J'ai douloureusement pensé à toi et à vous tous, par ces derniers froids... Quelle monstruosité!!! quelle horreur! C'était quelque chose dans le genre des excès d'Ivan Quatre...

Sache, que je persiste toujours à être inquiet de ta santé et à t'en vouloir. — Il faut vraiment que l'été prochain tu te décides à entreprendre quelque chose de sérieux.

Dieu te garde.

Перевод:

Петербург. 22 янв(аря) 1868

Моя милая дочь, пользуюсь посредничеством Сухотина¹, чтобы писать, ничего не опасаясь и не опуская имен собственных. Вот, прежде всего, маленькое происшествие, которое касается тебя. На днях, на обеде у своей сестры, княгини Е. Долгорукой², графиня Протасова сообщила мне, что ей рассказывали, будто письмо, адресованное тебе наследником цесаревичем, было перехвачено графом Шуваловым и передано им государю, но что это доказательство усердия было встречено очень неблагоприятно; государь сухо заметил ему, что вышеупомянутое письмо написано с ведома императрицы и его самого. Что правда в этой истории? Идет ли речь об известном прошлогоднем случае или о чем-то, что действительно произошло недавно? По-прежнему поговаривают об отъезде Шувалова за границу³. Достоверно известно, что Потапов, его предшественник по тайной полиции, вызван сейчас сюда⁴.

На днях на большом придворном бале императрица в разговоре со мной очень тепло отзывалась о тебе, а на бале во французском посольстве почти то же самое говорил мне о тебе государь. Императрица сказала, что очень советует тебе поехать летом на лечение за границу, если только ты не предпочтешь отправиться в Крым. Я за лечение за границей, это, быть может, и менее приятно, но, безусловно, более полезно. Ах, бедный твой нос! Сколько хлопот тебе с ним!

Позавчера у государя состоялось продолжительное совещание с канцлером и обоими послами. Мне почти достоверно известно, что героем дня был Игнатьев — он, несомненно, умный человек, и я без особых опасений отнесся бы к тому, чтобы он принял бразды правления⁵. Он едет в Москву и пробудет там несколько дней. Мне бы очень хотелось, чтобы у него был случай побеседовать с твоим мужем. Кстати, о твоём муже, — не забудь передать ему, что успех «Москвича» все увеличивается и кончится тем, что «Москва» станет ему завидовать. Среди последних статей были две действительно замечательные. Это статьи по поводу двух судебных процессов, которые слушались недавно в Москве⁶. Статья об украинской брошюре, опубликованной в Вене, также очень хороша, это как раз то, что нужно⁷. Я собираюсь на днях написать ему.

Я очень беспокоился о тебе и обо всех вас во время последних холодов... Чудовищно!!! Ужасно. Просто какие-то пытки в духе Ивана IV...

Знай, что я не перестаю беспокоиться о твоём здоровье и сердиться на тебя. Будущим летом ты должна в конце концов серьезно им заняться.

Да хранит тебя Бог.

¹ Сергей Михайлович *Сухотин* (р. 1815) — советник Московской дворцовой канцелярии. В молодости брал уроки у Белинского, общение с которым оказало на него большое влияние. В 1860-е годы был близко знаком с Тютчевым и Аксаковым («Из памятных тетрадей С. М. Сухотина» — *РА*, 1894, № 2—9).

² Кн. Екатерина Дмитриевна *Долгорукая* (рожд. княж. Голицына; 1801—1894) — светская знакомая Тютчева.

³ Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889) — шеф жандармов и начальник III Отделения (1866—1874). Слухи об его отъезде за границу и связанные с ним надежды на его отставку не подтвердились.

⁴ Александр Львович *Потанов* (1818—1886) — помощник генерал-губернатора Северо-Западного края (1864—1868); в 1868 г. был назначен генерал-губернатором. До этого (1861—1864) был начальником Корпуса жандармов и управляющим III Отделением.

⁵ См. п. 37, прим. 5.

⁶ Одна из этих статей была направлена против «театральности» в суде, в другой Аксаков поставил вопрос о необходимости пересмотра законодательства о расколе как противоречащего принципу веротерпимости («Москвич», 1868, № 16 и 18 от 16 и 18 янв.).

⁷ Аксаков выступил с критикой брошюры Тараса Воли «Братское послание украинцев сербскому обществу „Зоря“» (Вена, 1868), главную тенденцию которой определил как стремление ослабить нравственное влияние Славянского съезда («Москвич», 1868, № 20, 20 янв.; о Славянском съезде см. п. 19, прим. 6).

39. И. С. Аксакову

Петербург. 30 января <18>68

Ваши последние статьи — касательно *интимидации*^{24*} очень метки и своевременны¹. Податливость всякого рода интимидациям всегда соразмерна с бессознательностью. Впрочем, что касается до турецких славян, т. е. до Восточных христиан, то тут *инстинкт* довольно силен, чтобы устоять против каких бы то ни было внушений, — в этом вопросе политика наша не изменится. Другое дело — вопрос об *австрийских* славянах. Вот что следует выяснить и определить.

Следует, еще раз, создать по этому вопросу для русской политики *легальную* почву, т. е. заявить, во всеуслышание целой Европе, наше полнейшее сочувствие к австрийским славянам на основании их законной равноправности², ничего не скрывая, ничего не умалчивая, и чем откровеннее будет наше заявление, тем менее возбудит оно подозрений и нареканий.

Вот как, по-моему, следовало бы поставить вопрос.

^{24*} запугивания (от франц. *intimider*).

Австрия — по существу своему — есть и не может не быть *федеративным* государством. Славянскому элементу принадлежит числительное большинство. Желать, чтобы это большинство не лишено было равноправности, — не только не заключает в себе ничего враждебного существенному интересу Австрии, но самое ее существование немыслимо вне этого условия, — следственно, настаивать на этом условии — не посредством *дипломатического вмешательства*, на которое мы не имеем *никакого положительного права*, а свободным словом русской печати, — не представляет ничего такого, что бы могло быть истолковано в смысле закл^{той} вражды против настоящих, законных интересов Австрии. Это нерв всей аргументации. Мы нисколько не обязаны признавать Австрию исключительно немецкою или мадьярскою державою, — для нас она, по преимуществу, славянская, и желанием, чтобы славянскому большинству принадлежала подобающая ему в судьбах Австрии доля влияния, мы свидетельствуем о желании установить и упрочить с этою державою самые дружественные отношения.

Вот, мне кажется, как надо поставить вопрос, чтобы завоевать для нашей антиавстрийской агитации законную почву³.

¹ Передовые статьи газеты «Москвич» от 26 и 28 января 1868 г. (№ 25 и 27) были направлены против нападок западноевропейских газет, осуждавших политику России в Восточном вопросе. Объектом нападок было сочувствие России славянским народам Австро-Венгрии, а также помощь, которую Россия оказывала населению восставшего Крита.

² После завершенного 21 декабря 1867 г. преобразования Австрийской империи в Австро-Венгрию — дуалистическое государство, в котором Австрия и Венгрия сосуществовали на федеративных началах, славянские народы Австрии стали добиваться равноправного положения в федерации. О дальнейшем развитии этого движения, а также об отношении Тютчева к судьбам австрийских славян см. в наст. томе: Т ю т ч е в — С а м а р и н у, п. 1 и 2.

³ Высказанные в этом письме соображения Тютчева нашли отражение в передовых статьях «Москвича» от 7 и 14 февраля 1868 г. (№ 34 и 38). Позднее Аксаков неоднократно возвращался к вопросу о судьбе австрийских славян.

40. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. 2 Fév(rie)r (1868)

Maintenant, ma fille chérie, que le mariage d'Othon est un fait accompli¹, rien j'espère ne t'empêchera de célébrer demain la fête de ta patronne avec tout le recueillement possible et je m'y joins de tous les vœux que je forme pour toi et ton cher mari, et cela à tous les points de vue de votre contentement à venir; après les épreuves de ces derniers temps, il me semble, humainement parlant, que vous auriez droit à un retour de chances heureuses — et en tête de celles-ci, je mets, comme de raison, la réalisation de ce qui a été le vœu constant de ta vie entière².

Ici on est pour le moment dans les fêtes, bals et concerts jusqu'au cou... grâce à la famine³... Cette manière de faire preuve de la charité aux gens est l'équivalent du travail amusant inventé pour instruire les enfants, et le résultat en est presque le même. C'est incroyable à quel point la nature humaine est peu sérieuse.

Et au milieu de ce brouhaha de charité dansante et de cet étalage de souscriptions, on ne parviendra jamais à établir, ne fût-ce qu'à titre d'avertissement pour l'avenir, quelle est la part de la responsabilité qui revient à l'imprévoyance et à l'incurie de l'administration dans le désastre qui atteint le pays.

En attendant le pauvre Валуев est toujours souffrant et obligé de se tenir renfermé dans une chambre noire à cause de ses yeux malades... La crise que l'on prévoyait au ministère des affaires étrangères est indéfiniment ajournée⁴. J'ai des raisons de croire que les prédilections personnelles sont en faveur d'Ignatieff — qui assurément est un homme capable et voyant plus clair que d'autres, mais les inconvénients d'un pareil remue-ménage, en présence d'une Europe méfiante et alarmiste ne seraient pas suffisamment compensés par les avantages qui en résulteraient. Dans les conjonctures actuelles notre action la plus efficace est dans l'inaction, mais une inaction intelligente. Il faut durer pour laisser aux autres

le temps de se dissoudre. Notre meilleur agent en ce moment — quant à nos rapports internationaux — c'est assurément notre presse et la plus grosse part des services qu'elle rend peut être sûrement attribuée à Aksakoff. Je ne comprends rien à ce que tu me dis du manque de sympathie dont il aurait à se plaindre dans son entourage immédiat. Car ici la sympathie est générale et très explicite... Dis à ton mari que je le prie de prendre en sérieuse considération une certaine considération que je lui ai transmise en dernier lieu. Il peut m'en croire sur parole, à moi, qui suis dans la place, quand je lui signale l'endroit faible de la défense. C'est à la presse à accréditer et à faire prévaloir ce point de vue, et personne n'est à même d'y contribuer autant que votre journal... ce pauvre journal qui a si peu de part à ta tendresse...

Dieu v(ou)s garde.

T. T.

Перевод:

Петербург. 2 фев(рал)я <1868>

Теперь, когда свадьба Оттона — свершившийся факт¹, ничто, надеюсь, не помешает тебе, моя милая дочь, отпраздновать завтра день твоего ангела со всей возможной сосредоточенностью, к чему присоединяюсь и я всеми моими пожеланиями всяческого довольства в будущем тебе и твоему дорогому мужу. После испытаний, перенесенных нами за последнее время, мне кажется, рассуждая по-человечески, вы имеете право на удачу, и первой из них я считаю, само собой разумеется, исполнение главного желания всей твоей жизни².

Сейчас здесь все с головой ушло в празднества, балы и концерты... и это благодаря голоду³... Подобный способ проявлять свое милосердие к людям равносильно занимательному труду, придуманному для обучения детей, и результат его почти тот же. Невероятно, до чего легкомысленна человеческая природа!

И среди всей этой сумятицы пляшущей благотворительности и напоказ широко развернутой подлиски так и не будет установлено, хотя бы для предостережения на будущее, какая же доля ответственности за это бедствие, постигшее страну, падает на непредусмотрительность и нерадивость администрации.

Бедный Валуев все еще хворает и вынужден находиться в темной комнате из-за своих больных глаз. Перемены, ожидавшиеся в министерстве иностранных дел, отложены на неопределенное время⁴. Я имею основания думать, что лично к Игнатьеву были более расположены как к человеку несомненно способному и более проницательному, чем другие, но трудности, связанные с подобной перестановкой ввиду не доверяющей и встревоженной Европы, не возместятся выгодами, из нее протекающими. При нынешних обстоятельствах самое целесообразное действие с нашей стороны заключается в бездействии, но в бездействии разумном. Необходимо продержаться, чтобы дать другим время распасться. Бесспорно, в настоящую минуту лучшим посредником в наших международных отношениях является наша печать, и надо, конечно, признать, что самая значительная заслуга в этом отношении, конечно, принадлежит Аксакову. Решительно не понимаю, что ты говоришь о его жалобах на недостаточное сочувствие в той среде, которая непосредственно его окружает. Ибо здесь сочувствие общее и весьма ясно выраженное... Скажи своему мужу, что я прошу его серьезно отнестись к некоему соображению, которое я недавно ему сообщил. Он может поверить мне на слово, раз, находясь в крепости, я обращаю его внимание на слабое место ее обороны. Дело печати внушить доверие к этой точке зрения и добиться того, чтобы она одержала верх, и ничто не может способствовать этому так, как ваша газета... бедная газета, к которой ты проявляешь так мало нежности.

Да хранит вас Бог.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3).

¹ Оттон Александрович *Петерсон* (1820—1883) — пасынок Тютчева, сын его первой жены; морской офицер. В 1868 г. женился на Чайковской (имя и отчество неизвестны), с которой вскоре развелся.

² Желание А. Ф. Аксаковой иметь ребенка.

³ Зимой 1867—1868 гг. в северных и центральных губерниях России разразился голод. В связи с этим устраивались многочисленные благотворительные балы и концерты. Аксаков

посвятил вопросу о борьбе с голодом две передовые статьи («Москвич», 1868, № 36 и 37 от 9 и 13 февр.).

⁴ Подразумевается предполагавшееся назначение Н. П. Игнатьева (см. п. 37, прим. 5 и п. 38).

41. И. С. Аксакову

Петербург. 9 февраля (1868)

Эту статью получил я от Феофила Толстого с просьбою препроводить ее к вам, любезнейший Иван Сергеич, для помещения в «Москвиче», но буде помещение не состоится, то просят о возвращении рукописи ¹.

И здесь статья ваша об отчете прокурора св(ятейшего) Синода произвела очень живое впечатление ². Мне говорили, что граф Толстой был несколько им затронут, но в конце концов в этой статье более высказано для него лестного, по кр(айней) мере *in spe* ^{26*}, чем неприятного в настоящем, потому что настоящее это — не что иное, как безобразный хвост независимого от него прошлого.

И вчера полученная статья ваша от 7 февраля чрезвычайно хороша и своевременна. Положение точно таково, как вы его определили ³. Здесь уже несколько дней, как получены депеши от Штакельберга, высказывающие серьезные опасения относительно занятия турец(ких) провинций Австриею ⁴. Но знаем ли мы, что в таком случае нам надлежит делать, — это, увы, подлежит большому сомнению, — и вот почему печать должна, самым решительным образом, высказывать то, чего Россия имеет право ждать и требовать, а именно, чтобы на занятие Боснии и Герцеговины было с нашей стороны отвечено немедленным занятием Галиции. Мне очень понятна вся *роковая громадность* подобного решения, но ничего другого нам не остается... Вот чего нельзя терять ни на минуту из виду.

Здесь в известной среде страшное нравственное бессилие... Так что есть от чего прийти в отчаяние.

Благодарю Анну за письмо. Буду писать на днях. Господь с вами.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2—4).

¹ Феофил Матвеевич Толстой (1809—1881) — музыкальный критик и цензор; передал в «Москвич» статью о праве (см. п. 44), которую Аксаков напечатать не успел.

² Передовая статья Аксакова в газете «Москвич» от 1 февраля 1868 г. (№ 30) была посвящена отчету обер-прокурора Синода гр. Д. А. Толстого о его деятельности за 1866 г. (Толстой занял эту должность в 1865 г.).

³ В передовой статье газеты «Москвич» от 7 февраля 1868 г. (№ 34) Аксаков оценивал возможные последствия попытки Австрии захватить Сербское княжество, которое входило в состав Османской империи и в котором, так же как и в Хорватии, принадлежавшей Австрии, началось движение за объединение этих княжеств в самостоятельное государство: «Если австрийское правительство дозволит себе какое-либо нарушение Парижского трактата в ущерб славянской независимости», России «нельзя будет отнестись равнодушно к этому».

⁴ Эрнст Густав Штакельберг (1814—1870) — русский посол в Вене в 1864—1868 гг. (с 1868 г. — посол в Париже). Тютчев имеет в виду его донесения о намерениях Австрии аннексировать Боснию и Герцеговину, входившие в состав Османской империи.

42. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. Ce 16 février 1868

Au siècle dernier le Parlement de Toulouse avait à l'unanimité condamné à la roue le protestant Calas, reconnu innocent plus tard ¹. Quelqu'un, pour excuser cette erreur, citait le dicton, que le meilleur cheval bronche quelquefois — «Pas-se pour un cheval», — lui fut-il répondu — «mais toute une écurie...» ² Cette fois c'est encore toute une écurie qui a bronché, et bronché par complaisance ³. C'est là ce qui est grave et ce qui jette un singulier jour sur le fond même de la situation.

Quel malentendu cela révèle entre le pouvoir et toute la partie intelligente du pays — et dans quel moment?.. C'est au moment où la Russie aurait besoin de

^{26*} в надежде на будущее (*лат.*).

a plus grande énergie de toutes ses forces — de ses forces morales surtout — pour faire face aux dangers qui l'entourent, à la coalition prête à se faire de tant d'influences ennemies, que l'on *démoralise* ainsi comme à plaisir l'esprit public, la conscience nationale du pays... pardonnez-leur, Seigneur — car ils ne savent ce qu'ils font⁴... Je comprends que l'on administre le chloroforme à quelqu'un à qui l'on va faire subir une opération... mais chloroformer un homme qui d'un moment à l'autre peut être appelé à combattre... Ce n'est certainement pas lui rendre un service d'ami... Mais encore une fois c'est le *malentendu* et ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'il est sans *solution possible*.

Je sais bien, que dans ce qui vient d'arriver, tout n'est pas malentendu, et qu'il y a là des gens qui savent fort bien ce qu'ils faisaient. L'article du 8 février, c'était le doigt dans l'oeil, et l'on comprend qu'ils aient tout fait pour écarter ce doigt qui les gênait beaucoup. En effet, la contradiction que signale l'article du 8 février — trop franchement peut-être, c'est le fond même du débat⁵... C'est la question de *to be or not to be*⁶ pour certaines choses qui, toutes mauvaises qu'elles sont, toutes indignes de vivre, n'en aiment pas moins la douce lumière du jour... et voilà pourquoi tous les moyens leur sont bons pour défendre leur chère existence. Assurément, il n'y a pas la moindre solidarité entre les choses mauvaises et les vrais intérêts du pouvoir, il y a même opposition complète — mais comment faire comprendre cela?.. Je n'ai pas besoin de te dire l'émoi que tout ceci a causé ici. Plusieurs d'entre ceux-là même qui ont concouru au vote, gémissent et même assez haut, sur l'*illégalité* de la mesure, mais son *inopportunité* est encore plus saillante. Et on s'en apercevra bientôt à la joie de tout ce qui nous est ennemi, et au découragement de tout ce qui tient à nous... Il paraît que nous avons besoin encore de rudes leçons et, certes, elles ne nous manqueront pas...

Je serre la main à ton mari. Il a le droit d'être satisfait de lui-même. Dieu vous garde.

T. T.

Перевод:

Петербург. 16 февраля 1868

В минувшем столетии тулузский парламент *единогласно* приговорил к колесованию протестанта Каласа, позднее признанного невиновным¹. — Кто-то, чтобы оправдать эту ошибку, привел поговорку: конь и о четырех копытах, да спотыкается... — «Добро бы еще один конь, — ответили ему, — *но весь конный двор...*»² Ну, так вот и на сей раз целый конный двор споткнулся, и споткнулся из угодливости³. Вот это-то и важно, и именно это бросает странный свет на самую суть дела.

Какое же недоразумение между властью и всей мыслящей частью страны изобличается этим обстоятельством — и в какую минуту?.. В ту самую минуту, когда Россия стоит перед необходимостью собрать все свои силы — свои нравственные силы в особенности, — дабы противустать окружающим ее опасностям, коалиции, готовой образоваться под воздействием враждебных влияний, — в эту самую минуту как нарочно *деморализуют* общественное мнение, национальное сознание страны... Отче, отпусти им, не ведают бо что творят⁴... Я понимаю, когда дают хлороформ кому-нибудь, кого предстоит подвергнуть операции, но хлороформировать человека, который с минуты на минуту может быть призван к борьбе... Это ведь не значит оказывать ему дружескую услугу. Да, повторяю, это *недоразумение*, и грустнее всего то, что не предвидится никакой *возможности* его разрешения.

Я хорошо знаю, что в том, что произошло, не всё — недоразумение, и что есть люди, которые прекрасно знают, что они делали. Статья от 8 февраля попала пальцем не в бровь, а прямо в глаз, и понятно, что они сделали всё, дабы устранить этот палец, столь их стеснявший. Действительно, противоречие, на которое — быть может, слишком откровенно — указывает статья от 8 февраля, и составляет самую суть спора⁵... Это вопрос *to be or not to be*⁶ для некоторых откровенных и не имеющих права на существование вещей, которые не любят кроткого света дня... И вот почему все средства хороши для них, чтобы защищать любезное им существование. Конечно, между дурными вещами и истинными интересами власти нет ничего общего, более того, они противоположны, но как заставить понять это?

ТЮТЧЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1867

Увеличенный переснимок Альбера (Мюнхен, 1875), выполненный по заказу Э. Ф. Тютчевой (по ее завещанию перешел в собственность Д. Ф. Тютчевой). Другой экземпляр был подарен ею И. С. Аксакову

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Мне незачем говорить тебе, какой переполох всё это здесь вызвало. Даже кое-кто из тех, кто содействовал решению, сегует — и даже довольно открыто — на *незаконность* меры, но ее *несвоевременность* еще более очевидна. И в этом не замедлят убедиться по ликованию всего, что нам враждебно, и по унынию всего, что связано с нами... Видно, нам нужны еще суровые уроки, и, конечно, в них не будет недостатка...

Жму руку твоему мужу. Он вправе быть довольным собой. Храни вас Бог.

Ф. Т.

¹ В 1762 г. тулузский торговец Жан Калас был приговорен к смертной казни по ложному обвинению в сыноубийстве. Вольтер добился пересмотра дела, и в 1765 г. Калас был по-смертно оправдан.

² Возможно, что этот исторический анекдот Тютчев почерпнул из книги: Joseph de Maistre. Les Soirées de Saint-Petersbourg, t. I. Bruxelles, 1838, p. 32 (1-е изд. — P., 1821).

³ Тютчев подразумевает принятое 13 февраля 1868 г. решение Комитета министров о прекращении газеты «Москвич» и намекает на то, что решение это определялось позицией Александра II, заранее санкционировавшего запрещение газеты: 11 февраля Валуев «послал государю записку, в которой испрашивал разрешения представить Комитету министров о прекращении этой газеты. Разрешение получил» (Валуев, т. II, с. 246).

⁴ Евангелие от Луки, XXIII, 34.

⁵ В передовой статье газеты «Москвич» от 8 февраля 1868 г. (№ 35) Аксаков сообщил о процессе крестьян с Хрущевки (Данковский у. Рязанской губ.), привлеченных полицией к уголовной ответственности за мнимый «бунт» (отказ от выполнения повинностей бывшему помещику) и оправданных судом присяжных. В статье вскрывались противоречия между пореформенной системой судопроизводства и традиционной практикой полиции; в ней содержались также резкие выпады против местной администрации и Мин-ва внутренних дел. Эта «невозможная» статья (Валуев, т. II, с. 246) вызвала упомянутое ходатайство министра о запрещении «Москвича».

⁶ «Быть или не быть» (Шекспир. Гамлет, акт. III, сд. I).

43. И. С. Аксакову

Петербург. 17-го февраля (1868)

Вчера писал к Анне, сегодня к вам, в ответ на ваше вчера вечером полученное письмо.

Понимаю ваше удивление, и здесь оно было всеобщее,— не из тучи гром. Но все-таки в свете нет следствия без причины, а эту-то объяснить не совсем удобно...¹ Стратегическое же движение было таково: довольно ловким маневром ключ позиции был захвачен еще до начала дела, и этим самым исход его предрешен заранее. Почему же так легко было завладеть этим ключом позиции? Это опять требовало бы объяснений не совсем удобных... Главная причина, полагаю, состояла в том, что самое существование «Москвича» представлено было в виде фальши, подлога, злокозненного глумления над великодушною добросовестностью администрации². И этому-то взгляду на дело заявлено было *положительное* сочувствие, и этим сочувствием и было, разумеется, всё по-решено.

Логически запрещение «Москвича» должно повлечь за собою устранение «Москвы». Теперь вопрос: следует ли *вам* предупредить добровольно это устранение или продолжать до последнего нельзя? Если бы это было делом только личного достоинства, то я бы, не обинуясь, советовал бы сойти со сцены. Решением 13 февраля. *как бы оно ни состоялось*, вы как публицист поставлены *вне* закона, а при таких условиях борьба не только невозможна, но и бесславна. Это не подлежит сомнению. Но с другой стороны, в этой *mise hors de loi*^{26*} кроется большая доля недоразумения, совершенно преднамеренного для некоторых его вызвавших, но совершенно невольного и добросовестного в высшей среде, при содействии которой только и могло оно выработаться в осуждение. Ваша публицистика связана неразрывною солидарностью со всею русскою печатью в ее лучших представителях. Вы и они защищаете одно и то же дело: национальность в политике, законность в правительстве. Итак, предоставьте же вашим *неблагодетелям* уяснить до последней осязательности, оттого ли они чувствуют вас самую избранною неблагоклонностью, что видят в вас самого искреннего и энергичного представителя этих двух начал? В таком случае игра стоила бы свеч. Претерпевый до конца, той спасен будет³. Разумеется, есть еще и другая сторона — финансовая, которую, конечно, нельзя терять из виду,— но это вне моей компетентности.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 2).

¹ Подразумеваются запрещение газеты «Москвич» и его причина. Далее Тютчев объясняется намеками: «ловкий маневр» — обращение Валуева к Александру II, «положительное сочувствие» которого определяло соответствующее решение Комитета министров (см. п. 42, прим. 3).

^{26*} объявление вне закона (*франц.*).

² В «Записке» о прекращении газеты „Москвич“, представленной Александру II, а затем Комитету министров, Валуев указывал, что эта газета, разрешенная как издание «экономического содержания», на деле «приняла направление и тон» приостановленной «Москвы», при этом, не ограничиваясь «внутренним тождеством», она «придала себе и совершенно одинаковый с „Москвою» внешний вид» с целью доказать, «что правительственная кара, постигшая „Москву“, в сущности бессильна и что эта газета, на зло правительству, не перестает издаваться» (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 3). В предписании Министерства внутренних дел, с которым Аксакова ознакомили в московской полиции, разъяснялось, что «Москвич» запрещен как «замаскированное продолжение» приостановленной правительственным распоряжением газеты «Москва» (там же, с. 5).

³ Евангелие от Матф., XXIV, 13.

44. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. 20 Février (1868)

Je ne pourrai jamais assez te dire, ma chère Anna, combien je suis en peine de toi... Je ne comprends que trop bien combien tu dois être fatiguée de tous ces tracasseries, de tous ces tiraillements, de tous ces mécomptes — et l'influence que tout ceci doit nécessairement avoir sur ta santé.

Je comprends que tu te sentes irritée et révoltée contre le milieu où tu es, et que cette impression est encore avivée par l'impossibilité d'en sortir. L'idée de quitter la Russie pour un temps plus ou moins long est une boutade fort naturelle en vue de ce qui vous arrive ¹, mais le moyen n'est pas à ton usage, et ni toi, ni ton mari vous ne supporteriez une expatriation un peu prolongée. — Quand on se sent aussi identifié que l'est Аксаков à la vie même de son pays, et que ce pays est la Russie, se sevrer de cette communauté d'existence, surtout dans les circonstances données, ce serait pis qu'un exil, ce serait un suicide... Et cependant j'insiste plus que jamais pour que l'été prochain tu ailles faire une cure à l'étranger. Ceci me paraît absolument indispensable et doit primer toute autre considération. Je suis sûr que ton excellent mari pense là-dessus comme moi. Pas moins je voudrais bien avoir quelque certitude sur les chances de voir se réaliser cette éventualité.

J'ai vu Babst ² qui m'a donné des détails curieux sur le mouvement d'adhésion, qui avait éclaté à Moscou en faveur de la cause soutenue par ton mari. Ici il en est à peu près de même; tous les gens qui pensent ont été d'autant plus péniblement affectés de cet incident, que rien n'était plus propre de mettre en évidence le vice radical de la situation, le défaut de la cuirasse du principe lui-même ³. Nous voilà aussi empêchés que doivent se sentir des catholiques sincères en présence du principe de l'infailibilité du Pape. C'est la clef de voûte de tout l'édifice, que l'on sent ébranlé... La clique qui se trouve maintenant au pouvoir a une action positivement *antidynastique*. Si elle y restait, elle rendrait le Pouvoir régnant non seulement *impopulaire*, mais *antinational*.

Ci-joint une lettre de Théophile Tolstoy, qui a rapport à son article de loi, qui devait paraître dans le «*Москвич*» ⁴. Ne pourrais-tu pas prier Kitty de faire tenir cet article à Katkoff, par l'intermédiaire de Шебальский par exemple?

Je t'embrasse de tout coeur et aimerai bien te revoir. Mille amitiés à ton mari.

Перевод:

Петербург. 20 февраля (1868)

Не нахожу слов, чтобы выразить тебе, моя милая Анна, как я огорчен за тебя... Я слишком хорошо понимаю, как ты, вероятно, устала от всех этих хлопот, от всей этой дерготни, от всех этих разочарований и как все это неизбежно скажется на твоём здоровье.

Я понимаю, что среда, в которой ты находишься, раздражает и возмущает тебя и что это чувство еще более обостряется невозможностью из этой среды выбраться. Намерение покинуть Россию на более или менее продолжительный срок — затея вполне естественная ввиду того, что с вами происходит ¹, но это способ для тебя неподходящий, — ни ты, ни твой муж не выдержали бы сколько-нибудь длительной разлуки с отечеством. Когда чувствуешь себя, как Аксаков, столь слившимся с самой жизнью своей страны и когда страна эта — Россия, отрывать себя от этой общности существования, особенно при данных обстоятельствах, было бы хуже изгнания, это было бы самоубийство... И, однако, я более, чем когда-либо, настаиваю,

чтобы будущим летом ты поехала лечиться за границу. Это представляется мне безусловно необходимым и должно преобладать над всякими другими соображениями. Я убежден, что твой добрейший муж думает по этому поводу то же, что и я. Я очень хотел бы знать, есть ли какие-нибудь шансы на то, что эта возможность осуществится.

Я видел Бабста², и он передал мне любопытные подробности о всеобщей поддержке, оказанной в Москве делу, которому служит твой муж. Здесь происходит приблизительно то же самое: все мыслящие люди были весьма удручены этим инцидентом, ибо именно он обнаружил глубокое неблагополучие существующего положения и более того — уязвимость самого принципа³. И вот мы испытываем то же чувство неловкости, какое должны испытывать искренне верующие католики, когда заходит речь о принципе непогрешимости папы. Чувствуешь, что колеблется самая основа всего здания... Клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность положительно *антидинастическую*. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только *потеряет популярность*, но приобретет *антирусский* характер.

Прилагаю письмо Феофила Толстого, относящееся до его статьи о праве, которая должна была появиться в «Москвиче»⁴. Не можешь ли ты попросить Китти передать эту статью Каткову, хотя бы через посредство Щебальского.

Целую тебя от всего сердца и очень хотел бы тебя видеть. Самый сердечный привет твоему мужу.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1, 3 и 4).

¹ Намерение Аксаковых уехать за границу, возникшее после запрещения «Москвича», не было осуществлено.

² Иван Кондратьевич *Бабст* (1824—1881) — профессор политической экономии Московского университета (1857—1874), один из инициаторов издания газеты «Москва»; вместе с Ф. В. Чижовым вел экономический отдел в этой газете, а также в «Москвиче».

³ Намек на позицию Александра II в деле о запрещении «Москвича» (см. п. 42, прим. 3; п. 43, прим. 1). Солидарность императора с Валуевым, а в его лице со всей правительственной «кликой», стоящей у власти, компрометировала, по мнению Тютчева, самый принцип самодержавия, в его представлении неизблемый.

⁴ Эту статью Ф. М. Толстой передал Аксакову через Тютчева (см. п. 41).

45. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Jeudi, 11 Avril (18)68

Ma bonne et chère Anna, j'ai écrit ces jours-ci à ton mari pour lui dire l'impression que m'a faite la réapparition de la «Москва»¹ et ses premiers leading articles. Cette impression a été partagée par tout le monde ici et c'est avec la plus vive sympathie qu'ont été salués les quelques articles déjà parus, et qui, en effet, sont faits de main de maître. Ainsi, du côté du public, succès complet. Mais voici le revers de la médaille... L'administration de la presse, et surtout son président, l'excellent Похвиснев, ont été vivement blessés de la revue rétrospective des faits dans le tout premier article de la «Москва»². On y signale une complète *méreprésentation* de toute l'affaire et à cette occasion j'ai pu me convaincre encore une fois, combien la fatalité du malentendu est inhérente à toutes les transactions humaines. Il est de fait, que l'administration de la presse, en autorisant la publication du «Москвич», a pu croire que c'est surtout l'élément économique de l'ancien journal qui allait être mis sur le premier plan, conformément aux déclarations de Mr. Шишов³, dont l'intercession avait le plus contribué à décider le Ministère, et quant à la nouvelle rédaction, on m'a communiqué des lettres de Mr. Андреев, qui contenaient les engagements les plus explicites⁴. Bref, il y a avait là tous les éléments d'un malentendu solide, et on comprends à la rigueur qu'au point de vue où ces gens sont placés, le résumé historique de l'affaire, tel qu'il est consigné dans la «Москва», et qui a frappé tout le monde par la franchise évidente des explications, a dû leur paraître artificieux et peu sincère. De là l'irritation qui, je le crains, ne tardera pas à se faire jour... Hier, à ce que j'ai appris, il y a eu une réunion extraordinaire du Conseil de la Presse, et comme je n'y ai pas été convoqué, j'ai tout lieu de croire qu'il y aura été question de la «Москва»⁵. Nous ne tarderons pas à en apprendre le résultat.

Tout cela est pitoyable, il y a dans le spectacle de cette lutte, qui devient un pugilat entre l'arbitraire brutal et une pensée libre qui n'admet aucune transaction, quelque chose de révoltant et d'attristant à la fois, car c'est une *crise sans issue*. Toutes mes sympathies, comme celles de tout le public, sont avec Aksakoff, mais il y a le sens pratique, le sens de la réalité, qui, quoi qu'on fasse, garde aussi ses droits... Je t'ai écrit ces quelques lignes — assurément fort inutiles — non pas pour t'informer, mais pour avertir... J'écrirai prochainement plus au long à ton mari. Il me tarde bien de te voir.

Dieu v(ou)s garde.

Перевод:

Петербург. Четверг, 11 апреля (18)68

Моя добрая и милая Анна, на днях я писал твоему мужу и сообщил ему о впечатлении, произведенном на меня возобновлением «Москвы»¹ и ее первыми leading articles^{27*}. Это впечатление разделяется здесь всеми, и несколько уже появившихся статей, действительно написанных мастерски, были встречены с живейшим сочувствием. Итак, у читающей публики полный успех. Но вот обратная сторона медали... Управление по делам печати, и в особенности его председатель, милейший Похвиснев, были весьма задеты обзорением недавних фактов в самой первой статье «Москвы»². Указывают на полное их *искажение*, и тут я смог еще раз убедиться в том, насколько злой рок недоразумений присущ всем человеческим соглашениям. Нет сомнения в том, что Управление по делам печати, дозволив издание «Москвича», вероятно, полагало, что на первый план будет выдвинута главным образом экономическая сторона прежней газеты, согласно заявлениям г-на Шипова³, ходатайство которого наиболее способствовало решению Министерства. Что же касается новой редакции, то мне передала письма г-на Андреева, в которых содержатся совершенно определенные обязательства⁴. Словом, во всем этом были основания для серьезного недоразумения. Во всяком случае, пойми, что при той точке зрения, на которой стоят эти люди, изложение дела в историческом плане так, как оно приводится в «Москве», это изложение, поразившее всех очевидной правдивостью объяснений, должно было показаться им хитроумным. Отсюда происходит раздражение, которое, опасаясь, не замедлит проявиться... Вчера, как мне сообщили, состоялось чрезвычайное заседание Совета по делам печати, и поскольку я не был туда приглашен, то имею полное основание предполагать, что поднимался вопрос о «Москве»⁵. Мы не замедлим узнать результат этого заседания.

Все это достойно сожаления, и в зрелище этой борьбы, переходящей в драку между грубым произволом и свободной Мыслью, не допускающей никаких сделок, есть нечто одновременно возмутительное и прискорбное, ибо *кризис этот безысходен*. Все мои симпатии, так же как и симпатии всего общества, на стороне Аксакова, но есть точка зрения практическая, представление о действительном положении вещей, с которым, что ни говори, тоже нельзя не считаться...

Я написал тебе эти несколько строк — несомненно весьма бесполезных — не для того, чтобы тебя уведомить, но чтобы предупредить... В скором времени напишу более подробно твоему мужу. Не дождусь, когда тебя увижу.

Да хранит вас Бог.

¹ 3 апреля 1868 г. Аксаков возобновил издание «Москвы» после четырехмесячного перерыва (см. п. 33, прим. 4).

² В передовой статье первого номера возобновленной «Москвы» (1868, 3 апр.) Аксаков изложил обстоятельства, связанные с получением разрешения на издание «Москвича», и опровергал обвинение в попытке «замаскировать» истинное направление его: «Не только не был он замаскированным изданием, но, напротив, со стороны редакции были употреблены всевозможные усилия и меры <...> чтобы ни в правительстве, ни в публике не осталось ниже призрака сомнения в том, что „Москвич“ решительно и положительно одно и то же издание, что „Москва“».

³ Издание «Москвича» было предпринято по инициативе московского купечества, стремившегося сохранить свой орган, которым была приостановленная «Москва» (*Цимбаев*, с. 152). Сотрудник «Москвы», профессор Института инженеров путей сообщения Петр Николаевич Андреев (1819—1893) подал прошение на издание газеты, призванной быть «органом торговых интересов»; такое направление ее было подтверждено «в письменных ходатайствах».

^{27*} передовыми статьями (англ.).

некоторыми почетными жителями Москвы» (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 3). Одним из них был Сергей Павлович Шилов (1790—1876), генерал-адъютант, сенатор, близкий знакомый Сушковых.

⁴ Личные объяснения П. Н. Андреева с Валуевым значительно ускорили разрешение на издание «Москвича» (*Димбаев*, с. 152). Письма его, о которых идет речь, неизвестны.

⁵ На этом заседании было объявлено предостережение газете «Москва» за упомянутую передовую в номере первом (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 146—148).

46. А. Ф. Арсаковой

Pétersbourg. 20 Avril 1868

Ma fille chérie, avez-vous songé que l'anniversaire de demain ¹ tombe aussi sur un dimanche comme il y a trois fois treize ans. Quel rêve que la réalité! et comment l'homme fait-il pour croire à la persistance de son identité? Qu'ai-je gardé des impressions de ce premier dimanche de ta vie, sauf le souvenir d'un beau soleil de printemps et d'un vent tiède et doux qui, pour la première fois, soufflait ce jour-là...

Eh bien, tu n'as pas trop démenti la croyance établie relativement aux *Sonntag's Kind*, tout n'a pas été couleur de rose dans ta vie, mais tu as échappé, au moins, à la banalité, et c'est quelque chose.

Nous avons eu ici la visite de Katkoff, qui, tout recherché qu'il a été ici, n'aura remporté d'ici — à ce qu'il m'a dit, que des impressions très peu gaies, et la résolution arrêtée d'*acérer* sa polémique... *Тимашев* ² a fait beaucoup de frais pour lui, et dans un entretien de deux heures qu'ils ont eu ensemble, celui-ci lui a avoué, à propos du dernier avertissement à la «Москва», que c'est bien à contrecœur qu'il s'y est décidé, mais qu'il a eu la main forcée. C'est aussi ce que me disait chaque fois feu Валуев ³ et le fait est que c'est plus vrai qu'on ne pense, car dans le milieu où ces gens-là vivent, et avec les courants auxquels ils sont exposés, la résistance est presque impossible... C'est comme des gens qui marchent sur du verglas par un vent furieux. — Puis, en parlant de *Потанов* et de la ligne de conduite qu'il paraît vouloir adopter ⁴, *Тимашев* a assuré Катков de la manière la plus positive qu'il ne le souffrirait pas et que, le cas échéant, l'un des deux quitterait la partie... En effet, ce qui se répète ici des propos tenus par Потанов venant corroborer ses premiers faits et gestes, est quelque chose de vraiment incroyable. Dernièrement ces messieurs, lui, Потанов et Шувалов le gendarme, avaient invité l'ami Moller ⁵ que tu connais de Moscou, de venir conférer avec eux, et là ils ont été amenés à faire une profession de foi, qui assurément ne laisse rien à désirer... C'est de la *Весть en clair*, comme dans une transcription de dépêche chiffrée... Le résumé de la doctrine c'est que la soi-disant nationalité russe n'est qu'une blague de journaliste, qui n'a de sens que par rapport à cinq ou six millions de population des gouvernements du centre, que toutes les autres parties de l'Empire, y compris la petite Russie et même le pays des cosaques du Don, sont décidément *centrifuges* et ne sauraient être retenues et contenues que par une force brutale, la compression matérielle... Enfin toute la doctrine de l'émigration polonaise, avec *l'inconscience* de plus... Ce qui, toutefois, n'a pas empêché Шувалов de faire sa profession de foi à l'égard du principe autocratique russe, qu'il considère comme parfaitement incompatible non seulement avec tout progrès, mais même avec la moindre suite dans les actes... Et ce sont de pareils *drôles* qui gouvernent la Russie...

Ah, certes, la Russie serait bien ce qu'ils pensent d'elle, si elle pouvait supporter longtemps encore l'ignominie d'avoir à sa tête de tels drôles...

Et en vue d'un pareil état de choses, — on sent à la lettre la respiration vous manquer, on sent son intelligence comme asphyxiée. Quelle est donc la raison d'être d'une pareille absurdité. Comment s'expliquer que ces ridicules médiocrités, ces piètres écoliers en retard de toute leur classe, ces hommes si fort au-dessous même de notre propre niveau, pourtant si bas — comment se fait-il qu'un pareil rebut soit et se maintienne à la tête du pays? et que la force des choses n'ait pas chez nous assez de puissance pour les balayer — c'est là un redoutable problème et dont la solution sincère et parfaitement rationnelle est, je le crains, —

au-delà de nos raisonnements les plus spacieux. — Un fait est certain, et qui jusqu' à ce jour n'a pas été suffisamment analysé... C'est la vie organique d'un élément parasite dans la Sainte Russie... ce quelque chose qui dans l'organisme général, mais aux dépens de lui, vit de sa vie propre, logique, conséquente et pour ainsi dire normale dans son action fatalement destructive... Il n'y a pas là que du malentendu, de l'ignorance, de l'ineptie, une erreur d'esprit ou de jugement. La racine en est plus profonde et on ne sait pas encore bien jusqu'où elle va...

Mais en voilà assez. Mon cerveau est fatigué et je sens comme une nausée d'esprit en m'arrêtant sur ces choses-là.

Pour en revenir à des impressions plus douces, j'approuve presque votre résolution de rester. Car le repos de l'âme et de l'esprit est aussi un élément très essentiel de l'hygiène physique, et cet élément-là te manquerait absolument partout ailleurs qu'à Moscou, et *(I нрзб.)*

Mille tendresses à ton mari, tout *irréformable* qu'il est. C'est à lui que s'applique ce vers si connu

*Ты б лучше быть могла,
Но лучше так, как есть* ⁶.

Que Dieu v(ou)s garde.

Перевод:

Петербург. 20 апреля 1868

Моя милая дочь, приходило ли тебе в голову, что завтрашний день рождения ¹ совпадает с воскресеньем, так же как трижды тринадцать лет тому назад. Что за сон — действительность! И как это может человек верить в неизменность собственного я? Что осталось у меня от впечатлений этого первого воскресенья твоей жизни, кроме воспоминания о прекрасном весеннем солнце и теплом, мягком ветре, который веял в этот день в первый раз...

Ну что ж, ты не слишком опровергла поверье, установившееся относительно Sonntag's Kind ^{28*}, не все в твоей жизни было окрашено в розовый цвет, но, по крайней мере, ты избежала банальности, а это что-нибудь да значит.

К нам приезжал сюда Катков, который, как ни приглашали его здесь нарасхват, вынес отсюда, как он мне сказал, лишь самые невеселые впечатления и твердую решимость *обострить* свою полемику... *Тимашев* ² старался изо всех сил быть с ним любезным и в двухчасовой беседе, которую они вели, признался по поводу последнего предостережения «Москве», что решился на это весьма неохотно, но что его принудили. То же говорил мне всякий раз и покойный Валуев ³, и это более справедливо, чем предполагают, ибо в той среде, где живут эти люди, и при тех подводных течениях, от коих они зависят, сопротивление почти невозможно... они подобны людям, идущим по гололедице при жестоком ветре. Затем, говоря о *Потапове* и о том направлении, которого он, по-видимому, намерен придерживаться в своей деятельности ⁴, *Тимашев* уверял Каткова самым положительным образом, что он этого не потерпит и что при случае одному из них придется выйти из игры. И правда, то, что приводится здесь из речей Потапова, рисующих начало его деятельности, представляется просто невероятным. Недавно эти господа — он, Потапов и Шувалов-жаждарм — пригласили на совещание некоего Моллера ⁵, ты его знаешь по Москве, и тут им пришлось изложить свои политические убеждения, несомненно, безупречные... Это то, что говорится в «Вести», но на сей раз *открытым текстом*, нечто вроде транскрипции шифрованной депеши... Вкратце суть доктрины сводится к тому, что так называемая русская народность — всего лишь выдумка журналистов, что это понятие имеет смысл лишь в отношении пяти или шести миллионов населения центральных губерний, все же остальные части империи, включая Малороссию и даже область Войска Донского, находятся, несомненно, во власти *центробежной* силы и могут быть удержаны и сдержаны только грубой силой, физическим подавлением... Одним словом, целиком и полностью доктрина польской эмиграции, к тому же *неосознаваемая*... Однако это не помешало Шувалову изложить свою точку зрения касательно принципа русского самодержавия, которое он считает совершенно несовместимым не только с каким бы то ни было прог-

^{28*} счастливец, родившихся в сорочке (*нем.*; букв.: воскресное дитя, т. е. родившееся в воскресенье).

рессом, но даже с какой-либо последовательностью в действиях... И подобные *негодяи* управляют Россией.

Да, конечно, Россия окажется тем, за что они ее принимают, если она будет и далее сносить позор того, что во главе ее находятся такие негодяи...

Сталкиваясь с подобным положением вещей, буквально чувствуешь, что не хватает дыхания, что разум угасает. Почему имеет место такая нелепость? Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики, эти люди, стоящие настолько ниже даже нашего собственного, кстати очень невысокого уровня, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, а обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать? Это страшная проблема, и разрешение ее, истинное и в полной мере разумное, боюсь, находится вне наших самых пространств рассуждений. Есть одно несомненное обстоятельство, но до сих пор оно еще недостаточно исследовано... Оно заключается в том, что паразитические элементы органически присущи святой Руси... Это нечто такое в организме, что существует за его счет, но при этом живет своей собственной жизнью, логической, последовательной и, так сказать, нормальной в своем пагубно разрушительном действии. И это происходит не только вследствие недоразумения, невежества, глупости, неправильного понимания или суждения. Корень этого явления глубже и еще неизвестно, докуда он доходит.

Однако довольно. Мозг мой утомлен, и я ощущаю некую умственную тошноту, когда касаюсь этих предметов.

Возвращаясь к впечатлениям более приятным, я почти одобряю ваше решение остаться. Ибо спокойствие души и ума также очень существенное начало физической гигиены, а этого начала безусловно не доставало бы тебе везде, кроме Москвы и (1 праб.).

Самый сердечный привет твоему мужу, как бы он ни был *неисправим*. Это к нему применяется столь известный стих:

*Ты б лучше быть могла,
Но лучше так, как есть*⁶.

Да хранит вас Бог.

¹ День рождения А. Ф. Аксаковой — 21 апреля.

² Александр Егорович *Тимашев* (1818—1893) — министр внутренних дел в 1868—1877 гг. (назначен 9 марта 1868 г.); ранее — начальник корпуса жандармов и управляющий III Отделением (1856—1867). В связи с его назначением современники задавали вопрос: «Восторжествуют ли в нем полицейские инстинкты или призвания государственного человека?» (*Никитенко*, т. 3, с. 117).

³ «Покойный Валуев» — ирония по поводу отставки Валуева от должности министра внутренних дел. Отставка мотивировалась болезнью, в действительности же причиной было общественное возмущение политикой Валуева в отношении земства и печати, а также бездействие перед лицом голода, наличие которого Валуев упорно не желал признавать.

⁴ Александр Львович *Потапов* (1818—1886) — генерал-адъютант, в 1864—1868 гг. — помощник генерал-губернатора Северо-Западного края, в 1868—1871 гг. — генерал-губернатор (назначен в апреле 1868 г.). Резкую критику Тютчева вызвал его «план действий» в Северо-Западных «окраинах», основанный на позиции «грубой силы». Далее Тютчев сравнивает политические воззрения Тимашева, Потапова и шефа жандармов Шувалова с программой дворянско-крепостнической газеты «Весть». Размышлениям Тютчева близки суждения Аксакова в передовых статьях «Москвы» от 7, 10 и 14 апреля 1868 г. (№ 5, 7 и 11). Позднее аналогичные мысли были высказаны Аксаковым в передовой статье «Москвы» от 10 сентября 1868 г. (№ 127), написанной по поводу книги Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (Прага, 1868): Аксаков обрушивался на «антирусское отношение» к Северо-Западному краю со стороны «властительных и общественных петербургских сфер, которого отголоском служит газета „Весть” и К°».

⁵ Александр *Моллер* — автор книги «Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865» (P., 1865).

⁶ Из мадригала И. И. Дмитриева «По чести от тебя не можно глаз отвести...» (1795).

47. И. С. Аксакову

Петербург. 23 апреля (1868)

Друг мой Иван Сергеевич, вам по праву принадлежала честь почина по самому главному, по самому жизненному из современных вопросов. Начало сделано решительно и блистательно...¹ увидим последствия.

⟨ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ⟩

Запрещенная карикатура на русское самодержавие. Предназначалась для журнала «Гудок»

Рисунок Н. В. Иевлева (карандаш), (1862)

Подпись: первая редакция — «Позвольте вас спросить: когда вы думаете, то обеими головами? — Когда думаю о себе, то обеими»; вторая редакция — «Позвольте спросить: когда у вас бывает головная боль, то обе головы болят? — Иногда обе вдруг, а иногда и по очереди»

Русский музей, Ленинград

Успех дела зависит, по-моему, от одного обстоятельства. Есть ли в нашей церкви еще какая-либо жизненность? Буде она есть, то из самой среды духовенства живые голоса откликнутся на ваш голос и тогда дело может пойти на лад, — но при полном бездействии с этой стороны, которое не замедлит перейти в противодействие, ваша попытка, как она ни своевременна, останется, увы, одною попыткою.

Уже вчера говорили мне, о чем писал к вам и Бабст, что Синод неблагоприятно отнесся к вашим статьям; но зато, как уверяют, *Тимашев* за вас. Тоже и князь Горчаков, который в восхищении от ваших статей, не вполне понимая их... Здесь по этому поводу обличились разные прекуррьезные явления, при этой совершенно для него неожиданной и непонятной встрече космополитического индиф(ер)ентизма (?) с фанатической Москвою. Что это? Мираж оптический или какой-то другой обман? Словом сказать, бессознательность и непонимание нашего общества проявились тут во всем своем блеске.

Намедни добрейший Алексей Толстой читал при мне статью вашу с большим сочувствием, но не без крайнего удивления, и еще более удивился, когда я сказал ему, что тут нет никакой непоследовательности, что все это прямо, логически, неудержимо вытекает из всего вашего учения... Что это за страшная бездна всякого рода недоразумений!.. Поэтому мне казалось бы совершенно своевременным, если бы вы посвятили хоть одну статью для вразумления всех этих непонимающих, в которой бы вы им выяснили, как органически вяжется

поднятый вами вопрос со всеми вашими основными воззрениями на христианское начало и православную церковь и чем отличается ваше ученье освободе совести от учений западных рационалистов (тут, может быть, кстати было бы упомянуть о Хомякове и о имеюще(м) выйти в свет его втор(ом) том(е) с предисловием Самарина)². — Необходимо также было бы искренне и положительно определить отношение этого вопроса к польскому делу.

Подобные объяснения необходимы для наших скудоумных либералов. Но что касается до наших казенных ревнителей православия, то им следовало бы указать в резком очерке современных событий — на каком роковом перепутьи стоит в данную минуту русская церковь: с одной стороны, Римский кризис — эта окончательная и страшно убедительная поверка всей лжи принципа, отрицающего свободу совести³, — с другой стороны, начинающееся в Англии движение против другого вида лжи, воплощенного в образе политической англиканской церкви⁴. И ввиду этих двух как бы противоположных явлений, но неизбежно ведущих к одной и той же цели, т. е. к полнейшему разрыву церкви с государством, — исконно-православное, христианское учение как единственно-руководящее начало из этого безысходного лабиринта. И что же, при этих данных, в эту неизмеримой важности историческую минуту — вдруг, что же? Русская церковь, не сознавая своего православного призвания, из какого-то умственного оупления и нравственного растления — отрицанием этого жизненного своего начала свободы христианской совести — ни с того, ни с сего станет вдруг непривзанной прихвостницею отживающего папизма и непрощенной сообщницею разлагающегося англиканизма. — До чего, до какого позора и посрамления может дойти духовное начало, подчинившее себя полицейской опеке! Вот тот неискупный грех, та хула на Духа святого, о котором говорится в Писании. Все это так, но, увы, — откуда же ждать спасения? Только ли от случайной, и то еще лишь предполагаемой, доброй воли Тимашева?..

Да неужели в самом деле из среды нашего духовенства ни один голос не откликнется сочувственно на ваши статьи? Неужели все вымерло, всякое призвание, всякая потребность жертвы своим убеждениям?..

Пока простите, дорогой мой Иван Сергеевич. Смотрю на вашу газету и от души хотелось бы сказать: «*Перед взорами Москва — и нет Москвы конца*»⁵, потому что с ее концом порвалось бы многое.

Вас и Анну обнимаю.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 2).

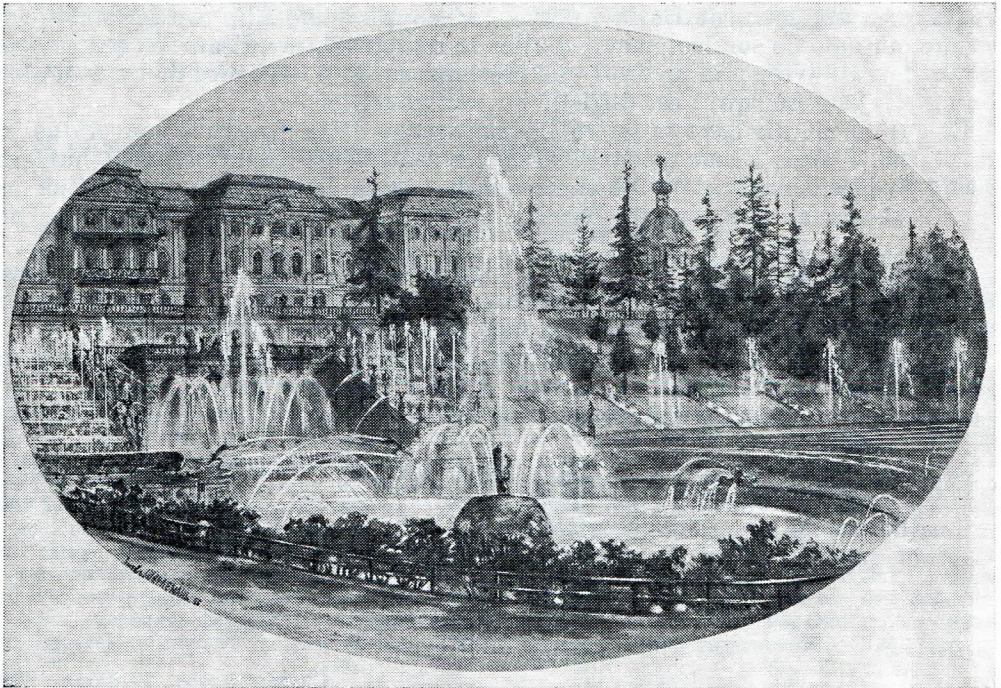
¹ Речь идет о двух передовых статьях Аксакова, посвященных проблеме взаимоотношений православной церкви и государственной власти в России («Москва», 1868, № 12 и 14 от 16 и 19 апр.). Аксаков утверждал, что до тех пор, пока государственная власть — с помощью жандармов и квартальных надзирателей — стоит на страже православия, готовая покарать малейшее отступление, о свободе совести не может быть и речи. Тютчев считал эти статьи весьма своевременными, поскольку утверждение принципа свободы совести приобретало в его глазах особое значение именно в это время — в период, когда обострились противоречия в «политической англиканской церкви», находившейся в зависимости от государственной власти, и когда римская католическая церковь намеревалась возвести в догмат отрицание свободы совести (см. прим. 3 и 4).

² О втором томе «Сочинений» А. С. Хомякова (А. С. Хомяков. Сочинения, т. II. Сочинения богословские. Прага, 1868) см. в наст. томе: Тютчев — Самарину (п. 1, прим. 7). Аксаков посвятил этой книге статью, в которой нашли отражение мысли Тютчева, высказанные в этом письме («Москва», 1868, № 160, 22 окт.).

³ Церковная политика папы Пия IX ставила целью восстановление поколебленного авторитета папства. В ряде пастырских посланий папа неоднократно осуждал теории, враждебные церкви. 8 декабря 1864 г. он обратился ко всем католическим епископам с энцикликкой (посланием), к которой был приложен силлабус — сводка положений, отвергаемых католической церковью. В этих документах осуждались различные течения современной политической и философской мысли; среди прочих «заблуждений века» осуждалась и свобода совести. Тютчев тогда же откликнулся на это стихотворением «Епсусіса» («День», 1865; № 2, < 9 янв. >). Энциклика и силлабус вызвали ожесточенную полемику, охватившую католические страны и длившуюся несколько лет.

⁴ Вероятно, Тютчев имеет в виду «эссеистское» (essayist) движение, возникшее в Англии в 1866 г., когда группа оксфордских ученых издала сборник «Essays and Reviews» («Опыты

ПЕТЕРГОФСКИЕ ФОНТАНЫ

Акварель И. Шарлеманя, 1855

Литературный музей, Москва.

«...я представляю себе, как твоя легкая тень все еще бродит там под водяной пылью фонтанов» (Письмо Тютчева А. Ф. Аксаковой 27 июня (1868 г.))

и обзоры»), в котором высказывались рационалистические взгляды на сущность христианства. «Эссенская школа» получила довольно широкое распространение, из нее возникла так называемая широкая церковь, резко критиковавшая учение господствующей в Англии англиканской церкви.

⁵ Цитата из стихотворения А. Ф. Воейкова «Описание русских садов» («Вестник Европы», 1813, ч. LXVIII).

48. А. Ф. Аксаковой

Старая Русса. 27 Июня (1868)

C'est ici que j'ai reçu ta dernière lettre sans date, ma fille chérie, et c'est d'ici que je t'écris. Je suis venu ici prendre quelques bains, d'après, l'avis des médecins, et un peu aussi pour changer d'air et de lieu... Tout ce pays, arrosé par le Волхов, toute cette première étape de la Russie, vers laquelle elle est momentanément revenue ¹, est un pays très curieux. A la grandeur vague et illimitée de ces horizons, à cette masse des eaux, si largement répandues et qui embrassent et mettent en communication une si vaste étendue de pays, on sent instinctivement que c'est bien là un berceau de Géant.

Quant aux bains que je prends ici, il me paraît qu'ils me font du bien. Il est vrai que la saison splendide qu'il fait en ce moment y contribue beaucoup.

J'ai du plaisir par ce temps enchanté à me transporter auprès de vous, — en attendant que je le fasse en personne, ce qui arrivera, je l'espère, dans une quinzaine de jours... Ce doit être un charmant séjour que Кунцово en ce moment, et qui tient bien sa place au milieu de toute cette magnificence générale.

Cette invasion splendide de la nature du midi parmi nous rappelle un peu le voyage de l'impératrice Catherine dans la steppe, avec ses surprises et ses enchantements improvisés et si peu durables, hélas...

J'ai reçu une lettre de Daria qui m'a beaucoup remué. Elle me demande et me conjure, au nom de son isolement, d'aller la rejoindre², me disant, ce qui est vrai, qu'elle devrait avoir plus de droit que personne sur moi, en égard de l'état d'abandon où elle est. Ah, qu'il est difficile de tout concilier.

Ce que tu me dis dans ta lettre de témoignage de la gratitude souveraine m'a fait plaisir. J'aime à leur reconnaître de ces sentiments essentiellement humains, et rien de plus humain dans l'homme que le besoin de rattacher le passé au présent. C'est comme une dernière barrière contre l'invasion d'un égoïsme sans bornes...

J'ai quitté la ville au moment où l'auguste tribu venait de se transporter à Péterhoff, qui doit être aussi bien beau à l'heure qu'il est et où je me représente ton très léger fantôme, errant encore sous la poussière des jets d'eau.

Je compâtis dans une certaine mesure à ton chagrin de voir Aksakoff se disposant à reprendre la rédaction du journal, mais le public ne sera pas de notre avis. Il est temps que les prémices de «Moscou» redeviennent par *lui-même* au risque de quelque nouvel émoi³.

Je me flatte, d'ailleurs, qu'après ce temps de trêve, on se retrouvera de part et d'autre, moins farouche et moins susceptible... Le temps, à ce qu'il paraît, est à la conciliation — au moins provisoire.

Adieu, ma fille chérie, et au revoir à bientôt.

T. T.

Перевод:

Старая Русса. 27 июня (1868)

Здесь я получил твое последнее письмо без даты, милая моя дочь, и отсюда же отвечаю тебе. Я приехал сюда, чтобы принять несколько ванн по предписанию врачей, а отчасти и затем, чтобы переменить климат и место... Весь этот край, омываемый Волховом, это начало России, к которому она возвратилась ненадолго¹, — место весьма любопытное. Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь — колыбель Исполина.

Что касается до ванн, которые я здесь принимаю, они, по-моему, приносят мне пользу. Правда, этому немало способствует стоящая в данный момент великолепная погода.

Мне приятно в это очаровательное время мысленно перенестись к вам в ожидании того, как я смогу сделать это лично, что произойдет, надеюсь, через две недели... Каким прелестным местопребыванием должно быть в настоящее время Кунцево, достойно занимающее свое место посреди этого всеобщего великолепия!

Это блестящее вторжение природы юга в наши края несколько напоминает путешествие императрицы Екатерины в степи, с его сюрпризами и импровизированными волшебствами, увы! столь недолговечными...

Я получил от Дарьи письмо, оно меня очень расстроило. Она просит и закликает меня, во имя ее одиночества, — приехать к ней², говорит, что она — и это справедливо — более чем кто бы то ни было имеет на меня право, при том беспомощном состоянии, в котором она находится. Ах, как трудно все примирить.

То, что ты говоришь мне в своем письме относительно проявления монаршей признательности, доставило мне удовольствие. Мне приятно находить в них такие подлинно человеческие чувства, и нет ничего более человеческого в человеке, чем эта потребность связывать прошлое с настоящим. Это как бы последняя преграда против вторжения безграничного эгоизма.

Я уехал из города сразу же после того, как августейшее семейство переселилось в Петергоф, где сейчас, должно быть, тоже очень хорошо, и я представляю себе, как твоя легкая тень все еще бродит там под водяной пылью фонтанов.

Разделяю в известной мере твое огорчение по поводу того, что Аксаков вновь собирается принять на себя редактирование газеты, но публика будет иного мнения, чем мы... Пора «Москве» возобновить свои начинания, и это должен сделать *он сам*, пусть и с риском вызвать какое-нибудь новое смятение³.

Впрочем, льщу себя надеждой, что после этой передышки обе стороны окажутся не

столь непримиримыми и менее обидчивыми... Время, кажется, благоприятствует примирению, по крайней мере временному.

Прощай, милая моя дочь, и до скорого свидания.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3).

¹ В 1862 г. в Новгороде проходили празднества в честь тысячелетия России. Тютчев принял в них участие.

² Летом 1868 г. Д. Ф. Тютчева находилась в Швейцарии.

³ 28 апреля 1868 г. газете «Москва» было объявлено предостережение за напечатанную 24 апреля крайне резкую статью Аксакова, в которой он протестовал против смертной казни в России (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 149—150). Это было второе предостережение, полученное газетой за 25 дней, прошедших со дня ее возобновления (3 апреля) после четырех месяцев вынужденного перерыва (см. п. 33, прим. 4). «Ты весьма верно заметила, — писал Тютчев в этой связи А. Ф. Аксаковой 28 апреля, — что борьба идеи с грубой силой трагична и величественна» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 2, ед. хр. 37). Над «Москвой» нависла угроза запрещения в случае продолжения критических выступлений Аксакова. В сложившихся обстоятельствах Тютчев допускал, в целях сохранения газеты, возможность даже такой крайней меры, как временный выход Аксакова из редакции (там же). Со своей стороны, А. Ф. Аксакова склоняла мужа к отказу от руководства газетой и к отъезду в деревню. Однако уже 2 мая Тютчев писал дочери, что делать этого не следует, что на защиту «Москвы» выступили весьма влиятельные силы и теперь для положительного решения участи газеты нужна помощь самого Аксакова — «помощь вполне пассивная»; другими словами, Аксаков может остаться на своем посту, но должен на некоторое время отказаться от обсуждения жгучих вопросов внутренней политики России (там же). Все же Аксаков отстранился от работы в «Москве», оставаясь формально ее редактором, и уехал на лето в Кунцево. Однако, как видно из публикуемого письма, в июне он решил вернуться к руководству газетой.

49. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. 9 Septembre 1868

On a relégué par delà cette vie cette existence des ombres qu'on attribue aux morts, — et cependant, même de notre vivant, nous sommes condamnés à ce mode d'existence, chaque fois que l'absence nous oblige à recourir à la plume pour correspondre avec ceux dont nous sommes séparés. Car qu'y a-t-il de plus effacé, de plus incomplet, de plus fantôme qu'une lettre? Et c'est pourtant de cette existence-là que nous vivons une bonne partie de notre vie...

Je vois par votre lettre, ma fille chérie, que vous n'êtes pas encore à bout de vos tracas d'emménagement, tout comme moi. Je n'ai pas encore entièrement recouvré l'intégrité de mes pieds, cependant le mieux est incontestable et la journée d'hier a même été marquée par un progrès décisif, j'ai pu mettre la botte ordinaire pour aller dîner aux Iles, chez la petite Lise Troub(etskoy)¹ où le hasard m'a fait rencontrer le rédacteur de la «Вестъ»². C'est, je crois, un déplaisant personnage, bien qu'il ne m'ait pas absolument déplu. Il s'est fait une espèce de conviction qui a fini par être sincère à force d'avoir été exaspérée par la polémique.

Il m'est arrivé avec Тимашев ce qui est arrivé à ton mari avec le Métropolitain de Moscou. Le lendemain du jour où je suis inutilement allé le voir, il est parti pour Varsovie. Mais j'ai été dans le cas de m'expliquer avec Похвиснев на sujet de la démarche de ton mari, pour en préciser le véritable caractère³. On n'y a vu que la continuation de l'ancien malentendu, qui tient trop au fond même de la situation pour pouvoir être levé par des explications quelconques.

Il serait difficile, dans le moment de vide actuel, d'apprécier au juste l'effet produit par la brochure de Самарин⁴. L'autre jour le P(ri)nc(e) Souvoroff m'a envoyé demander un exemplaire de ladite publication⁵, mais je l'ai inhumainement renvoyé au Comité de la censure intérieure, qui, à son tour, va se trouver fort empêché dans son action, après les extraits et citations, copieusement reproduits dans les articles de la «Gazette de Moscou»⁶. Il est certainement très honorable pour Катков d'avoir pris une aussi énergique initiative.

C'est le 17 que l'Empereur arrive à Varsovie et c'est le 22 qu'on persiste à l'attendre ici. La coïncidence de ces deux présences impériales, l'une à Varsovie,

l'autre à Cracovie⁷, — si rapprochées par la distance et si contraires d'intention, ne saurait manquer de provoquer des manifestations qui ne peuvent qu'aggraver l'irritation réciproque. Qu'il en soit somme de tout le reste, ce que Dieu voudra.

Перевод:

Петербург. 9 сентября 1868

Считается, что царство теней, в котором пребывают умершие, находится за пределами здешней жизни, и все же еще при жизни мы неизбежно вступаем в это царство всякий раз, когда разлука вынуждает нас братья за перо, чтобы побеседовать с теми, кто находится вдали от нас. Ибо что может быть более бесцветным, неполным и призрачным, чем письмо? А между тем добрая часть нашей жизни проходит в этом призрачном ее подобии...

Из твоего письма, моя милая дочь, я понял, что квартирные хлопоты у вас, как и у меня, не кончились. Ноги мои еще не совсем в порядке, однако улучшение бесспорно, а вчера я почувствовал, что мне решительно лучше: отправляясь обедать на Острова к милой Лизе Труб(ецкой)¹, я смог надеть обычные сапоги. Там я случайно встретил редактора «Вести»². Это, по-моему, неприятный субъект, хотя не скажу, что он так уж совсем мне не понравился. Он выработал себе своего рода убеждение, которое в ходе полемики настолько окрепло, что стало даже искренним.

С Тимашевым у меня получилось то же, что у твоего мужа с московским митрополитом. На следующий день после того, как я понапрасну ходил к нему, он уехал в Варшаву. Но мне удалось поговорить с Похвисневым по поводу шага, предпринятого твоим мужем, и объяснить ему истинный его смысл³. Ведь в нем увидели всего лишь продолжение старого недоразумения, которое тесно связано с самой сутью существующего положения, а потому не может быть устранено какими-либо объяснениями.

При нынешнем безлюдье трудно правильно оценить впечатление, которое произвела брошюра Самарина⁴. На днях князь Суворов прислал ко мне за экземпляром этого издания⁵, но я самым бессовестным образом отослал его в Комитет внутренней цензуры, а Комитет, в свою очередь, окажется сейчас в большом затруднении, поскольку отрывки и цитаты из брошюры в изобилии приводились в статьях «Московских ведомостей»⁶. Столь решительная инициатива Каткова безусловно делает ему большую честь.

Государь приезжает в Варшаву 17-го, а здесь его ждут по-прежнему 22-го. Совпадение визитов двух императоров — одного в Варшаву, другого в Краков⁷, на таком близком расстоянии и со столь различными намерениями, — неизбежно вызовет толки и слухи, которые только усилят взаимное раздражение. Да будет на то, как и на все остальное, воля Божья.

¹ Кн. Елизавета Эсперовна *Трубецкая* (рожд. кнж. Белосельская-Белозерская; нач. 1830-х годов — 1907) — издательница «Сказаний о роде князей Трубецких» (М. 1891), автор публикаций документов из архива кн. Белосельских-Белозерских в «Русском архиве» — была известна своим пристрастием к политике. Она вела переписку с Тьером, Гизо, Пальмерстоном, Горчаковым; в ее петербургском салоне часто бывали русские и иностранные дипломаты и государственные деятели. Судя по письмам Тютчева к ней (*Библиография*, № 38), он с изысканно-шутливой вежливостью относился к ее попыткам играть политическую роль.

² Владимир Дмитриевич *Скарятин* — публицист, редактор-издатель реакционной газеты «Весть» (1863—1870), позицию которой Тютчев неизменно оценивал отрицательно.

³ Какой шаг Аксакова имеет в виду Тютчев, установить не удалось.

⁴ «Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморье». Изд. Ю. Самарина. Вып. I. Прага, 1868. В этой книге ставился вопрос о тяжелом положении прибалтийских народов, угнетаемых немецким юнкерством. Книга имела широкий резонанс (см. п. 51, прим. 1; п. 52, прим. 1 и 2).

⁵ Кн. А. А. Суворов был в 1848—1861 гг. генерал-губернатором Остзейского края. Возможно, что этим объясняется его интерес к книге Самарина.

⁶ Обширные выдержки из книги Самарина были приведены в передовых статьях «Московских ведомостей» (1868, № 191, 193, 194 от 5, 7 и 8 сент.).

⁷ 15—16 (27—28) сентября Александр II пробыл в Потсдаме, где встретился с прусским королем Вильгельмом I; 17 (29) сентября он прибыл в Варшаву, провел здесь пять дней и 23 сентября (5 окт.) вернулся в Царское Село (*СПб. вед.*, 1868, № 253—259 и 262, от 16—22 и 25 сент.). Русский кабинет искал поддержки Пруссии в решении восточных проблем, связанных с восстанием на Крите. В свою очередь, прусское правительство в преддверии конфликта с Францией стремилось заручиться поддержкой России. Поездка императора Франца-Иосифа в Краков была отложена.

ЕГ. П. КОВАЛЕВСКИЙ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1856
 С автографической подписью: «Е. Ковалевский»
 Литературный музей, Москва

50. И. С. Аксакову

Петербург. 22 сентября (1868)

Пишу к вам, только чтобы предупредить, что писать буду. Мы накануне разных решений. Сегодня ждут приезда государева ¹. Как только что узнаю, не премину вам сообщить.

В письме моем к Kitty я высказал мои опасения. Я боюсь общей меры вследствие последних заявлений печати, предвижу *кризис*. Не думаю, не надеюсь, чтобы *власть* имеющие согласились добровольно предоставить печати ту долю простора, какую она себе отмежевала ².

Ваши последние статьи чрезвычайно удачны, статьи об Австрии превосходны ³; желательно было бы, чтоб они попали в «Nord». Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, что есть (и) Восточная, и что имя ей — все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно ненавистная всему цивилизованному миру!..

Здоровье мое все еще плохо. Ревматизм гуляет во мне и потому мне гулять мешает, что для меня равносильно болезни.

Анну обнимаю, давно не имею от нее известий.

P. S. Вчера я послал к вам в редакцию несколько вирш по случаю кончины Егора Ковалевского ⁴, но стихов мало. Хорошо было бы, если бы вы посвятили ему целую передовую статью. Он этого стоил. Много любопытно-поучительного можно было бы рассказать о той поистине трагической роли, навязанной ему в последнюю Восточную войну нашей беспутно-бестолковой политикою.

... А что до стихов, то если вы им дадите место, то напечатайте их так.

Памяти Е. П. Ковалевского

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой, —
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3 и 4).

¹ См. п. 49, прим. 7.

² Опасения Тютчева вскоре оправдались: 15 апреля 1869 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев представил в Государственный совет проект «дополнения закона 6 апреля 1865 г.» с целью еще более ограничить «свободу» печати (*Материалы о цензуре и печати*, ч. 1, с. 648—705).

³ В передовых статьях «Москвы» от 17 и 19 сентября 1868 г. (№ 132 и 134) Аксаков писал о подъеме национальной жизни в различных частях Австро-Венгрии и призывал русскую дипломатию поверить в перспективы славянского движения в этом двуедином государстве.

⁴ Егор Петрович *Ковалевский* (1811—1868) — писатель, путешественник, государственный деятель. Во время Крымской войны состоял при главнокомандующем, кн. М. Д. Горчакове, с 1856 г. — управляющий Азиатским департаментом министерства иностранных дел. Стихотворение «Памяти Е. П. Ковалевского» написано 21 сентября 1868 г. (первая его редакция не сохранилась); напечатано: «Москва», № 139, 25 сент.

51. И. С. Аксакову

Петерб(ург). 29 сентября (1868)

Вот на чем остановились пока относительно самаринских изданий. Сборник не будет допущен в продажу, но разрешено выдавать его, не стесняясь, желающим ¹. — Полумера, но знаменательная. Мне сдается, что впечатление было сильное, нечто вроде откровения, и что оно отзовется на деле. Но надо дать время лекарству подействовать на организм, и, по-моему, хорошо было бы приостановить, на время, полемику по этому вопросу ².

О какой-либо законодательной мере противу печати до сих пор ничего не слышно. Личных полицейских преследований также не предвидится. Канцлер отзывается о самаринском издании с большою похвалою и сознается, что он узнал из него много нового, ему вовсе неожиданного, уверяет даже, что он дал

знать влиятельным лицам Остзейского края, что если они самым положительным образом не выскажутся в смысле полнейшей органической солидарности с Россиею, то чтобы они не рассчитывали на его сочувствие... Но все это, разумеется, одни слова.

Автор баденской брошюрки теперь известен. Это наш поверенный в делах в Веймаре ³. Канцлер знал это, но не дочитал брошюрки до конца, и когда я указал ему на этот глупо-гнусный намек на последней странице, он вознегодовал.

Теперь перейдем к чему-либо более серьезному. Из беседы с канцлером я заметил какое-то вновь возникающее поползновение к сближению с Римским двором. Странно, невероятно, немислимо, но оно так. Теперь перечитайте всю нашу дипломатическую переписку по случаю разрыва с папою, наши обвинения, все наши улики в неискренности, в злонамеренности, в явной лжи и проч. ⁴ — и вопреки всему этому... По прочтении книги Попова ⁵, так наглядно выставившей всё положение дела, высказано ему было также полнейшее сочувствие — и все-таки...

Тут, мне кажется, был бы повод для нашей печати, хоть бы для редакции «Москвы», серьезно и вполне чистосердечно заняться разрешением психологической задачи: *отчего в наших правительственных людях, даже лучших из них, такая шаткость, такая податливость, такая невероятная, страшная несостоятельность?* Дело, мне кажется, объясняется удовлетворительно следующим анекдотом, рассказанным мне графом Киселевым ⁶. Раз, беседуя с ним о каком-то политическом вопросе, покойный государь сказал ему: «Я бы мог подкрепить мои доводы примерами из истории, но в том-то и беда, что истории-то меня учили на медные гроши». — Слово это и теперь применимо ко всем почти правительствующим, — и потому следовало бы, чтобы печатать, без желчи, без иронии, в самых ласковых и мягких выражениях сказала бы им: Вы все люди прекрасные, благонамеренные, даже хорошие патриоты, но всех вас плохо, очень плохо учили истории, и потому нет ни одного вопроса, который бы (вы) ^{29*} постигали в его *историческом* значении, с его исторически-непреложным характером. — И затем следовало бы сделать перечень (таких вопросов) ^{30*}, короткий, но осязательный, указывая на их глубокое, глубоко скрытые в исторической почве корни.

Касательно, напр(имер), наших отношений к католичеству, их что смущает? Почему, при всей нашей терпимости, мы осуждаем себя на нескончаемую борьбу с западною церковью. Итак, придется, в сотый раз, им выяснять дело — что в среде католичества есть два начала, из которых, в данную минуту, одно задушило другое: христианское и папское; что христианск(ому) началу в католичестве, если ему удастся ожить, Россия и весь православный мир не только не враждебны, но вполне сочувственны. Между тем как с папством раз навсегда, основываясь и на тысячелетнем и на трехсотлетнем опыте, нет никакой возможности ни для сделки, ни для мира, ни даже для перемирия; что папа — и в этом заключается его *raison d'être* ^{31*} — в отношении к России всегда будет *поляком*, в отношении к православным христианам на Востоке всегда будет *турком*.

И тут кстати было бы привести известную поговорку между восточными христианами, доказывающую, как инстинкт народных масс выше умозрений образованного люда. Поговорка гласит: «Всё Господь Бог хорошо сотворил, всё, кроме султана турецкого и римского папы», — и потому, чтобы исправить свою ошибку, он поспешил создать царя Московского.

Засим можно было бы заявить впервые, от лица всего православного мира, — о роковом значении предстоящего в Риме мнимо-вселенского собора ⁷, о возлагеющей на нас, Россию, в совокупности со всем православным Востоком, неизбежной, настоятельной обязанности протеста и противудействия, а засим —

^{29*} В автографе описка: они

^{30*} В автографе пропуск; восстанавливается по смыслу.

^{31*} смысл существования (франц.).

грезво и умеренно предъявить о вероятной необходимости созвания в Кieve, в отпор Риму, православного Вселенского собора⁶.

Не следует смущаться, на первых порах, тупоумным равнодушием окружающей нас среды... Они, пожалуй, не захотят даже понять нашего слова. Но скоро, очень скоро обстоятельства заставят их понять. Главное, чтобы слово, сознательное слово было сказано.— Рим, в своей борьбе с неверием, явится с *подложною доверенностию* от имени Вселенской церкви. Наше право, наша обязанность — протестовать противу *подлога* и т. д.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2—4).

¹ Речь идет о решении Совета по делам печати относительно изданной в Праге книги Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (см. п. 49, прим. 4). Как председатель Комитета цензуры иностранной Тютчев подписывал разрешения на выдачу книги (см. Тютчев — Е. Ф. Тютчевой, п. 10).

² Книга Самарина послужила для Аксакова поводом возобновить обсуждение «остзейского вопроса», прерванное в марте 1867 г. (см. п. 18, прим. 1 и 3). Опираясь на факты, изложенные Самариным, Аксаков резко критиковал деятельность властей прибалтийских губерний, а вместе с тем и деятельность царской администрации в целом («Москва», 1868, № 127, 128, 130, 136, 138, 139 и 141 от 10, 11, 13, 21, 24, 25 и 28 сент.). Совету Тютчева Аксаков не последовал. Он неоднократно возвращался к «остзейскому вопросу» и к книге Самарина («Москва», 1868, № 148 и 154 от 8 и 15 окт.), что повлекло приостановку «Москвы» на 6 месяцев, а затем и окончательное ее прекращение (см. п. 54, прим. 1). Подробно об отношении Аксакова к «остзейскому вопросу» см. *Цимбаев*, с. 145—148.

³ Автор анонимной брошюры «„Lettre à Mr. Samarine sur ses brochures „Окраины России“» (Baden-Baden, 1868) — русский поверенный в Веймаре бар. Ф. К. Мейендорф. Он расценивал книгу Самарина как призыв к мятежу. Аксаков полемизировал с ним на страницах «Москвы» (1868, № 136, 21 сент.). Позднее отвечал ему и Самарин («Réponse de G. Samarine à une lettre anonyme de Baden-Baden sur ses brochures „Окраины России“» (В., 1869).

⁴ 17 ноября 1866 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Ватиканом. О дипломатической переписке по этому поводу см. п. 12, прим. 6.

⁵ А. Н. Попов. Последняя судьба папской политики в России. 1845—1867. СПб., 1868.

⁶ Гр. П. Д. Киселев, бывший посол во Франции.

⁷ 29 июня 1868 г. папа Пий IX объявил о созыве в Ватикане Вселенского собора, который должен был провозгласить (и провозгласил) догмат о «непогрешимости» папы. Тютчев называл будущий Собор «мнимо-вселенским», поскольку в нем не приняли участия ни православная, ни протестантская церкви, также приглашенные для участия в нем.

⁸ По-видимому, Аксаков намеревался последовать этой программе: 22 октября в «Москве» (№ 160) была напечатана его статья о предстоящем Соборе, которая должна была открыть соответствующий цикл статей. Однако приостановка газеты (см. п. 54, прим. 1) помешала осуществлению этого замысла.

52. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce Jeudi, 3 Octobre (1868)

Ma fille chérie, voilà bien un peu longtemps que je me sens privé de vos nouvelles et je ne vous écris que pour provoquer un signe de vie de votre part, mais je vous préviens qu'un signe de vie ne me suffira pas et que je prétends qu'il soit en même temps un certificat de santé. J'avoue qu'il me serait difficile de vous en donner l'exemple et de vous produire pour ce qui me concerne, un certificat de ce genre qui soit le moins du monde acceptable. Je commence à craindre, que ce rhumatisme qui s'est logé, n'ait pris définitivement ses quartiers d'hiver — il est devenu, il est vrai, plus traitable et ne m'empêche pas de circuler tant bien que mal, — mais il est toujours là et me fait continuellement sentir sa présence. La brochure de Samarine est encore à l'ordre du jour¹. On prétend que l'Emp(ereu)r, après en avoir pris connaissance par les extraits des journaux, aurait dit qu'il ne s'expliquait pourquoi Samarine avait cru devoir publier à l'étranger plutôt qu'en Russie un livre qui rentrait tout à fait dans les vues du Gouv(ernemen)t. Pas moins il a été blessé des dernières lignes de la brochure, reproduites dans la «Москва», qui établissent l'antagonisme qui tendrait à se déclarer entre le gouvernement et le Pays au sujet de la question Baltique². Et en effet c'est le passage le plus scabreux du livre.

Et puisque nous sommes sur ce chapitre-là, je continue: ici on a beaucoup remarqué le premier avertissement donné enfin à la «Gazette allemande»³ dont on signale les tendances antinationales. C'est un signe du temps d'autant plus expressif, qu'il est juste de reconnaître, à l'honneur du G(énéral) Тимашев, qu'il n'est pas prodigue d'avertissements et qu'il en a refusé plus d'un aux sollicitations du Главное Управление. Je sais de science certaine que dans le courant de l'été dernier il en a écarté un, qu'on voulait infliger à la Москва et qui aurait été le troisième. Il serait bon qu' Аксаков eût connaissance de ce fait. Je lui ai écrit dernièrement, sans lui dissimuler que je trouvais, qu'après tout ce *forte* de la polémique de ces derniers temps il serait tout à fait dans l'intérêt de l'exécution musicale de faire succéder un peu de piano — et de plus, il me paraîtrait aussi habile qu'équitable de témoigner une confiance un peu plus marquée dans le système personnel de l'Empereur.

Eh bien, et qu'a-t-on dit à Moscou du mariage du 2^d des Leuchtenberg avec Mlle Опочинин⁴? Mais ceci nous conduirait trop loin et je suis au bout de mon papier.

Bonjour, ma fille chérie, mes tendresses à tout le monde.

Перевод:

Петербург. Четверг, 3 октября (1868)

Моя милая дочь, уже довольно давно тщетно жду от тебя известий и пишу тебе только для того, чтобы ты подала хоть какой-то признак жизни, однако предупреждаю, этого мне будет недостаточно, нужно, чтобы это было также и свидетельство о состоянии здоровья. Правда, мне было бы трудно подать тебе пример и прислать хоть сколько-нибудь приемлемый отчет о моем здоровье. Я начинаю побаиваться, как бы засевший во мне ревматизм не расположился на зимние квартиры, правда, сейчас он ведет себя сносно и дает мне возможность хоть как-то передвигаться, но он никуда не делся и постоянно напоминает о себе. Брошюра Самарина все еще является злобой дня¹. Говорят, будто государь, познакомившись с ней по отрывкам, напечатанным в газетах, сказал, что не может понять, почему Самарин счел необходимым опубликовать за границей, а не в России книгу, положения которой полностью совпадают с видами правительства. Тем не менее его заделли последние строки брошюры, приведенные в «Москве», где говорится о возможности возникновения противоречия между правительством и русским обществом по Балтийскому вопросу². И действительно, это самое рискованное место в книге.

А поскольку уж мы этого коснулись, хочу добавить: всеобщее внимание здесь привлекло наконец-то объявленное «Немецкой газете» первое предостережение, в котором отмечаются ее антирусские настроения³. Это знамение времени тем более примечательное, что, к чести генерала Тимашева, следует признать, он не очень щедр на предостережения и не раз отклонял представления Главного управления. Мне известно из достоверного источника, что минувшим летом он отвел предостережение, которое хотели объявить «Москве», а оно было бы третьим. Хорошо бы сказать об этом Аксакову. Недавно я без обиняков написал ему, что после тех *forte*, которые в последнее время так сильно звучали в его полемике, ему следовало бы, в интересах музыкального исполнения, на время перейти к piano, — и сверх того, мне думается, было бы столь же уместно, сколь и справедливо выразить более явно доверие к взглядам самого государя.

А что же говорят в Москве о браке 2-го из Лейхтенбергов с М-ле Опочининой⁴? Но это завело нас слишком далеко, а у меня кончается бумага.

Прощай, милая моя дочь, нежно всех обнимаю.

¹ В сентябре 1868 г. книга Самарина «Окраины России» широко обсуждалась в печати — в «Москве» (см. п. 51, прим. 2), «Московских ведомостях» (см. п. 49, прим. 6), «Голосе» (№ 264, 265 и 268 от 24, 25 и 28 сент.) и других газетах.

² В передовой статье «Москвы» от 25 сентября 1868 г. (№ 139) Аксаков процитировал заключительные строки первого выпуска «Окраин России», где говорилось о том, что «нравственный авторитет правительства» пострадает в глазах общественного мнения в результате той политики, которую оно проводит в Прибалтийском крае.

³ 3 октября 1868 г. газета «St.-Petersburger Zeitung» получила предостережение за статьи, «выходящие из всех пределов политического приличия», и за общее «направление, несовместимое с изданием, выходящим в России» (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II с. 153).

⁴ Второй сын в. кн. Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, кн. Евгений Максимилианович *Романовский* (1847—1901) в январе 1869 г. женился на фрейлине своей матери Дарье Константиновне *Оточининой* (1845—1870).

53. И. С. Аксакову

Петербург. 13-го октября (1868)

Поздравляю вас, Иван Сергееч, с легкою победою и крупным успехом ¹. Завоеванный принцип имеет многостороннее значение.

Теперь вам предстоит другой подвиг.— Все оцутительнее становится неотлагательная потребность отповеди на римский вызов. Меня уверяли, что здесь получена папская аллокуция, обращенная к восточным церквам ² и которая своею большею сдержанностью существенно разнится от его обращения к протестантам. На днях прусский посланник сказывал мне, что у них во всех протестантских церквах читано было, во всеуслышание всей паствы, обращенное к ней папское послание.

Неужели же и мы, в нашу очередь, не откликнемся на вызов? По-моему, эта отповедь должна быть не чем другим, как последним заключительным словом ваших предыдущих статей о свободе совести ³. Вот где ключ всей позиции. Следует доказать, что именно в этом-то отрицании свободы, возведенном в принцип и сознательно-догматически высказанном в последнее время Римскою куриею, и состоит *вся суть* латынской ереси. Этим-то отрицанием определилась вся многовековая практика западной церкви, все более и более отделявшая ее от православия, с одной стороны, а с другой — поставившая ее в такое безсходно враждебное положение ко всему современному образованию... Тут следовало бы, кажется, еще раз возвратиться к пресловутому *силлабусу* и *энциклике* и, разобравши их с точки (зрения) ^{32*} православного учения, показать, что заключающиеся в них все самые оскорбительные для современной человеческой совести предложения не менее оскорбительны и для христианского сознания. На эту-то почву необходимо, мне кажется, поставить мировой вопрос этой борьбы Рима с православием помимо и выше всех богословских словопрений.

Такою постановкою вопроса и *мы* бы сознательнее отделились ото всех латынских приемов, которым, клеймя их в других, мы слишком часто потворствуем в самих себе.

Но мало того, что подобными приемами, логически вытекающими из основного ее принципа отрицания свободы совести, западная церковь оттолкнула от себя современное образование, она развила в нем целое антихристианство — и тут представить бы яркую, полную картину западного католического мира, во Франции, Италии и на *(1 нрзб)* Испании, обреченного на нескончаемую безысходную борьбу этого ложного, искаженного христианства с более и более сознательным и непримиримо враждебным отрицанием самого христианского начала. И тут, кстати, прочтите помещенную в «*Revue des Deux Mondes*» от 15 октября статью «*Crise religieuse au 19-ème siècle*» и проч. и пр. и пр.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—3).

¹ 10 октября 1868 г. в Московской судебной палате разбиралось дело по обвинению Аксакова одним частным лицом, обиженным отказом напечатать его опровержение на статью, опубликованную в «*Москве*». Аксаков выиграл это дело (*Материалы о цензуре и печати*, ч. III, с. 1089—1100). Об этом процессе он писал в «*Москве*» (1868, № 151, 11 окт.).

² Приглашение принять участие в Ватиканском соборе, разосланное не католическим церквам в сентябре 1868 г. (см. п. 51, прим. 7).

³ Тютчев настаивает на полемике с основным положением папской энциклики — отрицанием свободы совести (см. 47, прим. 3).

^{32*} В автографе пропуск; восстанавливается по смыслу.

54. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. 24 Octobre (1868)

Ma fille chérie, je t'aurais écrit plus tôt, si je savais comment on écrit la nau-sée, sentiment dont j'étais exclusivement rempli et dominé dans ces derniers temps... au point de me rendre moins sensible aux abominables douleurs rhuma-tismales ou goutteuses qui se disputaient mes pauvres pieds...

Heureusement, ma fille, les événements de nos jours sont plus intelligents et plus forts que les hommes et ce sont eux qui rouvriront à Aksakoff la lice qui vient de se fermer pour lui ¹ et il y entrera à la satisfaction de ceux-là mêmes qui viennent de la lui fermer.

Mais pour le moment il s'agirait de lui trouver une activité qui puisse rempla-cer pour lui, d'une certaine manière au moins, celle dont il vient d'être privé, en satisfaisant à deux conditions: c'est qu'elle soit indépendante et productive. J'y ai beaucoup pensé tout ce temps-ci, et la conclusion à laquelle je suis arrivé, et non pas moi seul, c'est que la seule carrière qui réalise cette double condition, la seule, qui le dépaysera par le moins de ses habitudes, en le laissant en communau-té suivie avec la publicité, c'est le barreau, c'est la carrière d'avocat, et ce qui nous a fait tomber sur cette idée, moi et un autre de ses amis, qui voulait lui en écrire, c'est l'essai très heureux qu'il a fait l'autre jour de son talent d'improvisa-tion judiciaire ². Il est hors de doute que s'il se présentait, il serait accueilli avec une faveur de popularité immense, aussi bien de la part de la magistrature, que de celle du public; tout comme il n'est pas le moins du monde douteux, que cette carrière lui rapportât le triple au moins de ce que lui valait sa participation à la «Москва». Mais je suppose que cette idée vous est venue tout d'abord à vous-mêmes tant elle nous paraît ici légitime et naturelle...

J'omets les détails du drame, que tu pourras apprendre par une lettre que Самарин doit avoir reçue ces jours-ci ³, et qui sont authentiques, et quant à l'im-pression produite sur le public intelligent et bien informé — c'est en terme bas, mais suffisamment expressif — la découverte du pot aux roses. On a vu clair le fond même de la situation. Hier j'ai eu la visite de l'excellent Сербинович ⁴, un des adhérents les plus convaincus de la «Москва». Lui est désolé surtout de voir couper court à toute cette suite d'articles que semblait lui promettre l'article qui avait paru dans le dernier N^o à propos du concile de Rome ⁵. Mais les attaques d'apoplexie ne sont pas plus littéraires que cela. Cependant si le travail qu'Aksa-koff se proposait de faire sur ce thème était achevé, il serait fort à désirer qu'il le fit paraître en brochure séparée sous les auspices même du Métropolitain de Moscou ⁶.

Nulle part je crois l'éternelle lutte de l'intelligence contre ce qui n'est pas elle, n'a, été aussi simplifiée que chez nous.

Adieu, ma fille, je vous embrasse tous deux du fond du coeur.

Ton père infirme.

Перевод:

Петербург. 24 октября (1868)

Моя милая дочь, написал бы тебе раньше, если бы знал, как описать то ощущение тош-ноты, которое в последнее время переполняло и одолевало меня до такой степени, что я за-бывал даже об ужасных ревматических и подагрических болях, терзавших мои бедные ноги...

К счастью, дочь моя, события в наше время и разумнее, и сильнее, чем люди, и именно они вновь откроют Аксакову поприще, которое сейчас перед ним закрылось ¹, и он вступит на него к удовольствию даже тех, кто закрыл его перед ним.

Но пока нужно бы найти ему занятие, которое сможет хоть в какой-то мере заменить ему то, коего он лишился, и притом занятие, отвечающее двум условиям: оно должно обеспе-чить ему независимое положение и должно приносить доход. В последнее время я много ду-мал об этом и вот к какому заключению пришел, и пришел к нему не я один: единственный род деятельности, который отвечает этим двум условиям, единственный, при котором он ме-

нее всего будет чувствовать себя в непривычной обстановке, поскольку у него сохраняются постоянные связи с общественным мнением, — это адвокатура, поприще адвоката, а натолкнула нас на эту мысль, меня и еще одного из его друзей, который собирается писать ему об этом, недавняя столь успешно предпринятая им попытка проявить свой дар юридической импровизации². Если бы он предложил свою кандидатуру, то и судебное ведомство, и общество, вне всякого сомнения, отнеслись бы к этому благожелательно ввиду огромной его популярности; вместе с тем эта деятельность будет приносить ему, по меньшей мере, втрое больше, чем давало участие в «Москве». Но полагаю, эта мысль уже пришла в голову и вам самим, столь закономерной и естественной она нам здесь представляется...

Опуская подробности драмы, ты можешь узнать о них из письма, которое на днях должен был получать Самарин³, они достоверны, что же до впечатления, которое все это произвело на людей умных и хорошо осведомленных, то, выражаясь грубо, но достаточно образно, — они поняли, где собака зарыта. Они ясно увидели самую суть сложившегося положения. Вчера меня навестил милейший Сербинович⁴, один из самых убежденных приверженцев «Москвы». Более всего огорчает его то, что теперь не осуществится публикация целого ряда статей, которые, по его мнению, должны были последовать за статьей о Римском соборе, опубликованной в последнем номере⁵. Но аполексический удар — сюжет не только литературный. Однако если Аксаков завершит труд, который намеревался писать на эту тему, было бы очень хорошо, заручившись покровительством самого московского митрополита, выпустить его отдельным изданием⁶.

Нигде, по-моему, извечную борьбу разума против всего, что им не является, не упростили так, как у нас.

Прости, дочь моя, от всего сердца обнимаю вас обоих.

Твой страждущий отец.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 2).

¹ 21 октября 1868 г. «Москве» было объявлено третье предостережение с приостановкой ее на 6 месяцев за следование «прежнему резкому и крайне неумеренному направлению» (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 153—154). Непосредственным поводом для этого послужила передовая статья от 15 октября (№ 154), в которой Аксаков, опираясь на факты, изложенные в книге Самарина (см. п. 51, прим. 1—2), полемизировал с газетой «Весть», поддерживавшей официальную политику в отношении населения Остзейского края. Статья вызвала крайнее недовольство Александра II, который «прислал этот номер Тимашеву с приказанием поступить с редактором по закону», т. е. приостановить газету (С. М. С у х о т и н. Из памятных тетрадей. — *РА*, 1894, № 4, с. 605). О том, что «Москва» приостановлена по личному распоряжению императора, сообщил Аксакову 24 октября 1868 г. Д. А. Оболенский (*Цимбаев*, с. 148).

² Подразумевается судебное дело, выигранное Аксаковым (см. п. 53, прим. 1).

³ Это письмо неизвестно.

⁴ Константин Степанович *Сербинович* (1798—1874) — писатель и мемуарист, директор канцелярии обер-прокурора Синода, член Главного цензурного управления.

⁵ О созыве Ватиканского собора и предполагаемом цикле статей Аксакова по этому поводу см. п. 51, прим. 7 и 8.

⁶ Этот план не был осуществлен. Отчасти он был реализован в 1871 г. в статье Аксакова «Письмо к Дёллингеру <...>» (см. п. 70, прим. 1).

55. И. С. Аксакову

Петербург. Понедельник, 18 н(оя)бря (1868)

Друг мой Иван Сергеевич, если вам не суждено сказать с Вергилием: *Deus mihi haec otia fecit*^{33*}, то вы можете утешить себя мыслью, что то, что принудило вас на этот невольный досуг, сильнее всяких богов. По свидетельству другого великого поэта — Шиллера, кажется, — *gegen die Dummheit kämpfen die Götter vergebens*^{34*}... Да, *Dummheit* — вот она роковая сила, которая в данную минуту заведывает нашими судьбами, но не одно личное скудоумие, а воспитанное, т(ак) с(казать), и завершающее собою целое вековое ложное направление. Мы верим и надеемся, однако, мы все, ваши здешние друзья и почитатели, что и невольные досуги ваши останутся не бесплодны. Знаете ли, какое здесь общее желание?

^{33*} Бог предоставил мне эти досуги (лат.)¹.

^{34*} Против глупости борются боги напрасно (нем.)².

Это, чтобы вы собрали все те передовые статьи «Дня» и «Москвы», которые заключают в себе положительный пребывающий интерес, — а эдаких статей наберется очень много, — и издали бы их особою книгою; во главе же этой книги, в виде предисловия, вы могли бы поместить вашу *отповедь* на все те постыдно-бестолковые преследования, которые заставили вас прекратить вашу публицистическую деятельность³. И достаточно будет одного спокойного изложения вашего учения об основных началах русского общества, чтобы выставить во всем его осязательном безобразии все это немыслимое *тупоумие*, подвизавшееся противу него во имя *консерватизма*... Тут есть возможность высказать много *поучительного* и тем возможнее, что так как в книге будет более *десяти* листов, то ее нельзя остановить иначе, как судебным преследованием. За этим изданием последовало бы то, что вы собирались поместить в «*Москве*» по поводу Римского собора и что так органически и последовательно вязалось с вашими статьями о свободе совести, потому что решительнее и сознательнее, нежели когда-либо, мы должны во всех наших препирательствах с римским католицизмом усвоить себе нашим *лозунгом* этот им отрицаемый принцип⁴. — Любопытно очень будет прочесть уже вышедшую брошюру орлеанского епископа Duranlouр о предстоящем соборе и другую, еще до своего появления обруганную ультрамонтанами⁵, брошюру некоего мне лично знакомого епископа Maret⁶. Пока посылаю вам, буде у вас ее нет, книгу Ник(олая) Тургенева⁷, которую, по-моему, нельзя читать без сердечного умиления.

Простите. Обнимите Анну.

Вам душевно преданный

Ф. Тчв

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1).

¹ Измененная цитата из «Эклог» Вергилия (I, 6). «Досуг» Аксакова определялся тем, что «Москва» была приостановлена на 6 месяцев (см. п. 54 прим. 1).

² Неточная цитата из «Орлеанской девы» Шиллера (акт III, сц. 6).

³ Пожелание Тютчева не было осуществлено.

⁴ И это пожелание Тютчева также не было осуществлено.

⁵ Феликс Дюпанлу (1802—1878) — епископ Орлеанский, проф. богословия, член Французской академии; противник принципа «непогрешимости» папы. Тютчев имеет в виду его брошюру, написанную по поводу папской энциклики («F. D u r a n l o u р.» La Convention du 15 Septembre et l'Encyclique du 8 Decembre. P., 1865). Ультрамонтаны — сторонники папской «непогрешимости».

⁶ Марэ — французский прелат, противник церковной политики папы Пия IX и догмата о «непогрешимости». Его брошюра «Du Concile générale et de la paix religieuse» (P., 1869) написана по поводу предстоящего Ватиканского собора (см. п. 51, прим. 7).

⁷ По-видимому, Тютчев послал Аксакову книгу: Н. И. Т у р г е н е в. Чего желать для России? Лейпциг, 1868.

56. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 3 Décembre (1868)

Ma fille chérie, j'ai appris hier par une lettre de ton mari adressée à Antoinette Bloudoff, que tes douleurs névralgiques durent toujours, et cette persistance dans le mal me désole. Tu aurais tant besoin de toute ta santé. Il faudrait pourtant qu'au printemps prochain tu songeasses à faire quelque chose de sérieux pour lui venir en aide et je suis prêt à t'en donner l'exemple, bien que pour ce qui me concerne, moi, la prétention à la santé soit bien moins admissible, qu'elle ne l'est encore pour toi: à ton âge la lutte est encore possible... Il faut seulement pour qu'elle soit conduite avec quelque chance de succès, y mettre plus d'intelligence que nous n'en mettons dans la conduite de nos affaires politiques.

Nous voilà arrivés et plus tôt encore que même moi je ne l'avais attendu au commencement de cette crise¹, dont je parlais à ton mari, en lui prédisant que les événements ne tarderaient à nous mettre dans la nécessité de faire un appel à toutes les forces vives du Pays.

Nous touchons à ce moment. Cette fois nous en serons encore quittes pour subir en plein toute l'humiliation de la défaite, sans avoir même essayé de la lutte.

ГРЕЧЕСКИЕ СЕМЬИ ПОКИДАЮТ КРИТ

Гравюра неизвестного художника

«Illustration», 24 августа 1867 г.

C'est tout ce que nos ennemis voulaient et cette victoire, remportée sur nous à si peu de frais, n'en sera pas moins pour eux le complément de Sébastopol. Il n'y a que les imbéciles qui pourraient trouver de l'exagération dans ce que je dis là... Il s'agissait de bien constater aux yeux des populations d'Orient notre impuissance réelle, très mal dissimulée sous l'emphase des paroles, et ils y ont réussi sans beaucoup de peine, comme on le voit. Il est vrai que nous les avons admirablement aidés dans cette tâche, par la plus stupide, comme la plus persévérante inintelligence de nous-même, de la position donnée et de tout l'ensemble de nos rapports... Car quelle incurable stupidité ne fallait-il pas avoir pour ne pas pressentir à quoi aboutiraient nos ridicules efforts de conjurer à tout prix un conflit en Occident au moment même, où nous étions sollicités impérieusement par les circonstances à exercer une action forte et indépendante en Orient ? Que de fois n'a-t-on pas dit à ces imbéciles qu'ils travaillaient de leurs propres mains à une coalition contre eux-mêmes. Rien n'y a fait. Ils croyaient avoir assez fait dans l'intérêt de leur sécurité en faisant supprimer la «Москва»... Tu vas me dire, ma fille, «encore de la politique» — non, ce n'est plus que de la nausée.

Que Dieu te garde.

T. T.

Перевод:

Петербург. 3 декабря (1868)

Моя милая дочь, я узнал вчера из письма твоего мужа к Антуанете Блудовой, что твои неврагические боли все еще продолжают, и этот упорный характер болезни приводит меня в отчаяние. Ты так нуждаешься в крепком здоровье. Весной тебе следовало бы предпринять нечто основательное, чтобы укрепить его, и я готов подать тебе пример, хотя для меня притязание на здоровье гораздо менее допустимо, чем для тебя; в твоём возрасте борьба еще возможна... Чтобы вести ее с некоторой надеждой на успех, надо приложить к тому всего лишь несколько больше разума, чем мы прилагаем к ведению наших политических дел.

Итак, мы подошли, и даже раньше, чем я ожидал, к началу того кризиса ¹, о котором я говорил твоему мужу, предсказывая ему, что события не замедлят принудить нас обратиться ко всем живым силам страны.

Мы достигли этого момента. На сей раз мы поплатимся тем, что в полной мере испытаем бесчестие поражения, даже не вступив в борьбу. Этого-то и желали наши враги, и сия победа, столь легко одержанная над нами, станет для них дополнением к Севастополю. Только глупец мог бы счесть за преувеличение то, что я сейчас говорю... Им нужно было показать в глазах народов Востока наше действительное бессилие, весьма плохо скрытое под высокопарными словами, и, как видим, это было достигнуто ими без особого труда. Мы, правда, великолепно помогли им в этой задаче самым тупым и самым упорным непониманием самих себя, данного положения и всей совокупности наших отношений... Ибо какой безнадежной глупостью надо было отличаться, чтобы не предугадать, к чему приведут наши смехотворные усилия предотвратить во что бы то ни стало конфликт на Западе в тот самый момент, когда обстоятельства настойчиво требовали с нашей стороны твердых и независимых действий на Востоке ². Сколько раз говорили этим глупцам, что они своими руками создают коалицию против самих себя. Ничто не помогает... Они полагают, что, приказав закрыть «Москву», сделали достаточно для своей безопасности. Ты скажешь мне, дочь моя: «Опять политика» — нет, это только тошнотворное отвращение.

Да хранит тебя Бог.

Ф. Т.

Год устанавливается по упоминанию о закрытии «Москвы».

¹ 20 ноября/2 декабря 1868 г. в Стамбуле было принято решение о высылке всех греческих подданных из Османской империи; вслед за этим было объявлено о разрыве дипломатических отношений с Грецией и начались активные действия против участников восстания на о-ве Крит.

² См. п. 49, прим. 7.

57. И. С. Аксакову

Петербург. 2-го января (1869)

Избегая всякой торжественности, убедительно прошу вас, любезнейший Иван Сергеевич, придать этим строкам самое серьезное значение. — Речь идет не о малом...

Вы, вероятно, уже известились, что Тимашев, после долгих колебаний, решился наконец внести дело «Москвы» в 1-й департамент Сената ¹. Эта выходка поразила здесь всех или своею крайнею нелепостью, или своею крайнею наглостью... В самом деле, предложить Сенату объявить преступным направление такого издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, гласное отрицание которых равнялось бы *государственной измене*, — это нечто, близкое к безумию. Но что бы то ни было, — сознательно или бессознательно — в вашем лице — и вы вполне достойны этой чести, — брошен самый наглый вызов всему русскому общественному чувству и убеждению тою шайкой людей, которая так безнаказанно тяготеет над Россиею и позорит государя, и вы, конечно, не усумнитесь поднять брошенной перчатки — *насколько это от вас зависит*. — Мы все, друзья ваши, все люди, разделяющие ваш образ мыслей, мы все — убеждены, что в этом деле, которое становится государственным вопросом первой важности, счастливый исход дела много и очень много зависит от вашего здесь присутствия, а потому просим вас — прнехать сюда *безотлагательно*.

Я знаю достоверным образом, что члены первого департамента страшно озадачены тем положением, в которое они поставлены. — Они очень хорошо понимают, чего от них требуют ². Но давление сверху сильно, и очень сомнительно, чтобы все они под этим натиском усидели на своих курульских креслах ³, — но и одного протеста достаточно, чтобы дело перенесено было в общее собрание, и вот на этот случай — присутствие ваше в Петербурге оказывается необходимым ⁴. Князь Оболенский вам тоже пишет и, конечно, обстоятельнее и убедительнее моего.

Есть для каждого ложного направления роковая необходимость довести себя до самоубийственного абсурда, не только словом, но и на деле — наша же обязанность этим воспользоваться.

В семейном архиве Аксаковых это письмо ошибочно контаминировано с п. 37.

¹ Министр внутренних дел А. Е. Тимашев вошел в 1-й департамент Сената с представлением о запрещении «Москвы» как газеты, имеющей «вредное направление».

² Обвиняя Аксакова в противозаконном направлении «Москвы», Тимашев ставил 1-й департамент Сената перед дилеммой: «формально осудить редактора, запретив ему всякое издание на пять лет, или выразить мысль, что такого направления в газете он не видит» (*Ники-тенко*, т. 3, с. 142).

³ Курульными креслами назывались в древнем Риме кресла консулов и преторов.

⁴ Аксаков откликнулся на этот призыв, приехал в Петербург и 23 января подал в Сенат свой протест. Он доказывал в нем, что министр внутренних дел неправоммерно смещал «вредное направление» с «резкостью тона», и уверял, что неуклонно следовал верноподданническим началам (*Цимбаев*, с. 153).

58. А. Ф. Аксаковой

(Petersbourg.) Ce 2 Janvier (1869)

Je te connais assez, ma chère Anna, pour être persuadé, que tu ne feras rien pour empêcher ton mari de venir ici, et le plus tôt possible ¹... Le moment est grave et la situation est telle, qu'elle pourrait amener une crise décisive et certes, Aksakoff n'est pas l'homme qui reste sourd à un appel aussi direct des circonstances... En s'attaquant personnellement à lui, la misérable clique qui domine en ce moment lui rend un éclatant hommage, et bien mérité assurément. En effet, tout ce rebut de la Russie, toute cette engeance antinationale ne peut pas ne pas voir en lui leur ennemi personnel par excellence...

Ici tout le monde est ébahi de la démarche que vient de faire le gouvernement, et on ne s'attendait pas, généralement parlant, à ces excès d'impudence ou bien d'ineptie... Il y a bien des éléments de mécontentement et d'opposition provoqués et mis en jeu par l'abominable clique qui prédomine en ce moment, et il ne serait pas impossible que le procès intenté à la Москва et qui est comme le dernier mot de toute cette tendance, fût la circonstance prédestinée pour grouper tous ces éléments divers, et les amener à son issue. Mais pour cela la présence d'Aksakoff est indispensable...

J'ai su par Похвиснев, dont je n'accepte, d'ailleurs, les paroles que sous bénéfice d'inventaire, que le ministère de l'intérieur a mis une sorte d'entêtement brutal à vouloir la mesure qui vient d'être prise, en dépit de toutes les raisons évidentes de logique et de sens commun, qui ont pu lui être opposées pour l'en dissuader. Il avait l'air d'un homme agissant sous le coup d'un engagement préalablement contracté. — Le Prince Gortchakoff, à qui j'ai été le premier à apprendre la nouvelle, en a été très ému et très contrarié. Lui aussi ne comprend rien à une pareille incartade et s'engage, dans le cas où l'affaire arriverait jusqu'au Conseil de l'Empire, — ce qui ne serait pas impossible ², — d'appuyer vigoureusement le bon droit.

En attendant, Bon An, ma fille chérie — et mille bons vœux.

Перевод:

(Петербург.) 2 января (1869)

Я достаточно хорошо тебя знаю, милая Анна, и убежден, ты никак не будешь препятствовать тому, чтобы твой муж приехал сюда, и как можно скорее ¹... Момент сейчас серьезный, и положение таково, что может наступить решающий перелом, а Аксаков, конечно, не из тех, кто остается глухим, когда обстоятельства столь явственно призывают его действовать... Нападки на него презренной клики, которая ныне пользуется влиянием, — это лучшая для него и, безусловно, вполне заслуженная награда. Действительно, эти отбросы русского общества, это антирусское отродье, не может не видеть в нем своего злейшего врага...

Здесь все просто ошеломлены недавними действиями правительства, по правде говоря, столь явного бесстыдства или столь явной глупости никто не ожидал... Существует немало элементов недовольства и несогласия, которые провоцируются и приводятся в действие гнусной кличкой, ныне возобладавшей, и может статься, что возбужденное против «Москвы» дело, которое является как бы последним словом этой тенденции, предназначено для того, чтобы дать ей выход путем объединения всех разнородных элементов, ее выражающих. Вот почему-то и необходимо присутствие Аксакова...

От Похвиснева я узнал — хотя эти сведения требуют проверки, — что Министерство внутренних дел проявило какое-то грубое упрямство, настаивая на необходимости только что принятых им мер, вопреки всем очевидным доводам логики и здравого смысла, которые приводились, чтобы разубедить его в этом. Оно напоминает человека, выполняющего ранее взятое на себя обязательство. Князь Горчаков, который от меня узнал эту новость, был очень этим взволнован и очень раздосадован. Он также отказывается что-либо понимать в этой грубой выходке и обещал в случае, если эта история дойдет до Государственного совета, — что вполне возможно ², — оказать самую серьезную поддержку правому делу.

Пока же с Новым годом, милая моя дочь, прими мои самые сердечные пожелания.

Год устанавливается по связи с п. 57.

¹ См. п. 57, прим. 4.

² В марте 1869 г. дело о «Москве» было передано из Сената в Государственный совет (см. п. 60, прим. 1).

59. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce Samedi, 18 Janvier 1869

Ma fille chérie, hier Kitty m'a lu ta dernière lettre, qui parle de l'état où <tu> te trouves et que je ne comprends que trop bien, en m'y associant de toute mon âme, et avec toute la sympathie possible. Ce sont les émotions par lesquelles passe la femme d'un militaire en temps de guerre. Car c'est d'une véritable guerre qu'il s'agit en ce moment et la bataille qui va se livrer aura une importance décisive. Mais voici la circonstance consolante. Quel qu'en soit l'issue, elle ne saurait être perdue... Ici l'opinion, et cela même dans les sphères gouvernementales, se prononce de plus en plus dans un sens favorable à mesure que tout le monde se rend un compte plus vrai de la gravité du débat. Тимашев déclare qu'il fait de l'issue de l'affaire une question de cabinet et tout le parti, dont l'influence prédomine en ce moment, sent très bien qu'il est tout entier en cause. On peut dire sans exagération, que rien de pareil ne s'est encore passé dans le pays. C'est pour la première fois que les deux courants qui se partagent la société russe et s'en disputent la direction politique, vont se constater officiellement et lutter à ciel ouvert ¹. C'était là l'essentiel, et Аксаков était digne de la chance qui lui est échue d'attacher son nom à cette phase du débat... Je sais que dans le monde gouvernemental on lui en veut beaucoup de sa détermination, comme s'il avait été maître de ne pas la prendre. Le pauvre homme a donné dans une conversation intime avec D. Obolensky les détails les plus curieux sur ses rapports vis-à-vis du parti. Ce qui est venu ces jours-ci accentuer la question, c'est le manifeste que le parti a publié dans son journal, la «Вестъ», sous forme d'un acte d'accusation, dirigé contre l'école Slavophile ². C'est une lâcheté, mais assez habilement faite, en vue, surtout, du pauvre cher individu, à l'adresse de qui le tout est dirigé. Катков aurait là une belle occasion de se signaler à l'estime publique en relevant le gant ³. Mais serait-il possible que quelque autre organe de la presse de Moscou ne répondît pas à cette insolente provocation. — Voici en attendant le petit compliment versifié, qui a été envoyé à Скарятин à l'occasion de son article et qui court la ville:

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направлению,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделенью...

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?⁴

Adieu, ma fille, encore une fois je sympathise si intimement avec tout ce que tu éprouves.

Перевод:

Петербург. Суббота, 18 января 1869

Моя милая дочь, вчера Китти прочла мне твое последнее письмо, в котором ты говоришь о своем состоянии. Я слишком хорошо его понимаю и сочувствую тебе всей душой. Такие переживания выпадают на долю жены солдата во время войны. А ведь сейчас речь идет о самой настоящей войне, и сражение, которое вот-вот начнется, будет иметь решающее значение. Но вот что утешительно: каков бы ни был его исход, оно не может быть проиграно... Здесь начинают все яснее представлять себе, насколько серьезен спор, и постепенно, даже в правительственных сферах, складывается все более благоприятное мнение. Тимашев заявил, что считает решение дела вопросом государственной важности, а партия, которая пользуется сейчас наибольшим влиянием, хорошо понимает, что к ней это относится самым непосредственным образом. Можно без преувеличения сказать, что ничего подобного у нас еще не происходило. Впервые два течения, которые разъединяют русское общество и оспаривают право направлять его политически, должны будут официально заявить о своем существовании и вступить друг с другом в открытую борьбу¹. Вот что главное, и Аксаков достоин представившейся ему возможности связать свое имя с этой фазой борьбы... Мне известно, что в правительственных сферах на него очень досаждают за это решение, как будто от него зависело, принимать или не принимать его. Наш бедный друг в откровенной беседе с Д. Оболенским привел интереснейшие подробности своих взаимоотношений с упомянутой партией. На днях одно событие обострило обстановку. Партия опубликовала в своей газете «Весть» манифест, составленный в форме обвинительного заключения, направленного против славянофильской школы². Это мерзость, состряпанная, впрочем, довольно ловко и направленная, в основном, против дорогого нашего страдальца, которому все и адресовано. Катков мог бы снискать себе всеобщее уважение, если бы поднял эту перчатку³. Но неужели никакой другой печатный орган Москвы не ответит на этот наглый вызов? — Вот тебе покуда коротенькое рифмованное послание, которое ходит по городу; оно было послано Скарятину по случаю опубликования его статьи (<...>^{35*}

Прости, дочь моя, хочу еще раз выразить самое горячее сочувствие всем твоим горестям.

¹ О том же свидетельствует запись в дневнике С. М. Сухотина от 24 января 1869 г.: «По письмам из Петербурга, все заняты там делом Аксакова, и общество разделилось на две партии: *государственную*, т. е. то, что проповедует „Весть“, и общественную, живую, человеческую» (РА, 1894, № 5, с. 140).

² Передовая статья газеты «Весть» от 15 января 1869 г. (№ 15) была направлена против славянофилов — «ненавистников охранительных начал в России». В ней утверждалось, что с момента своего возникновения славянофильство заключало в себе «враждебные охранительным началам элементы, которые, как постоянный протест, должны были неминуемо привести к тем крайне радикальным и охлократическим теоретизированиям и тенденциям, которые открыто и громко заявили себя в „Парусе“, в „Дне“ и, наконец, в „Москве“, подавая руку самым крайним радикалам из наших западников, с которыми они подошли к одним и тем же принципам...». Тютчев был не одинок в своей оценке этой статьи: «Это не что иное, — писал в своем дневнике Сухотин, — как самый ловкий донос, вероятно писанный по заказу, и когда же? В ту минуту, как дело Аксакова рассматривается в 1-м департаменте Сената» (РА, 1894, № 5, с. 140).

³ На упомянутую статью в газете «Весть» Катков не откликнулся.

⁴ Эпиграмма, обращенная к редактору-издателю газеты «Весть» В. Д. Скарятину, при жизни Тютчева не печаталась; впервые опубликована: РА, 1884, № 1, с. 243.

^{35*} Это «послание» Тютчева см. выше, во французском тексте данного письма⁴ (Ред.).

60. И. С. Аксакову

С.-Петербург. Среда, 19 февраля (1869)

Все еще неизвестно, дойдет ли дело или нет до Государственного совета¹, но, по-моему, — с самого начала дело не так ведется, как бы желательно. Принявши вызов, просто ли бессознательно глупый или преднамеренно нахальный, со стороны Администрации, можно было надеяться, что (1 нрзб.) и в официальной сфере повторится та же борьба, какая происходит в нашей печати, т. е. что люди национального направления станут лицом к лицу с тою кликою, которая захватила власть и влияние и пугает Россию, а не правит ею. Только в таком случае борьба могла бы быть плодотворною и даже при несомненной окончательной (не) удаче принесла бы несомненную пользу... Здесь много говорят об отдельном мнении сенатора Харитоновна, сформулированном именно в этом смысле, и которое, по этому самому, произвело, уверяют, сильное впечатление². Если бы и все оппоненты стали на эту почву и вместо юридических формальностей выдвинули бы на первый план самую суть вопроса, то их протест приобрел бы совершенно другое значение.

Теперь явно оказывается, что в официальной сфере очень немногие следили за «Москвою» и что в числе призванных судить о ее направлении только меньшинство знало о ее существовании иначе, как понаслышке... Только теперь, при сильно и общевозбужденном интересе в этой сфере, заявление «Москвы» привлекло бы к себе в сильной степени и общее внимание. Вот почему я и теперь, как с самого начала, нашел бы существенно полезным то, о чем мы столько раз с вами говорили, т. е. оглашение, *приноровленное к обстоятельствам*, и в самой сдержанной форме, вашей *profession de foi*^{36*} по всем основным вопросам...

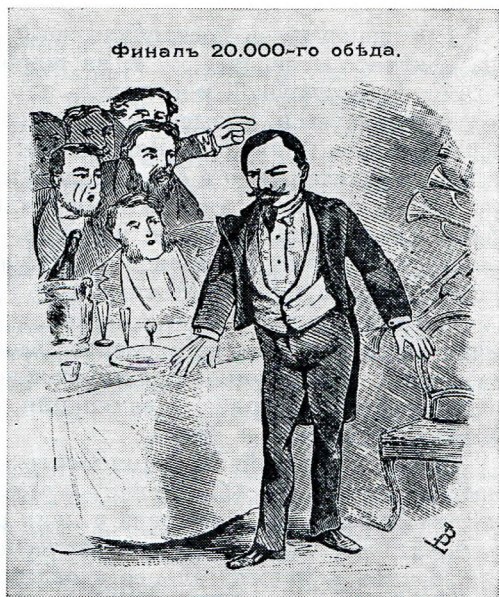
Материал у вас под рукою, — и, кроме статей «Дня» и «Москвы», у вас, как я слышал, (есть)^{37*} такой документ, который в данную минуту не преминул бы произвести сильный эффект. Это заметки покойного государя на вашу исповедь³. Время для осуществления этой задачи еще не ушло, потому что ваше дело протянется, конечно, еще с месяц. Форму же всему этому надобно было бы дать цельную, общую, нечто вроде *Апологии так называемого славянофильского учения*, и ни словом не прикасаясь (к)^{38*} вопросу о процессе⁴. На днях Оболенский отпрашивается в Москву и доскажет остальное.

Словом сказать, моя мысль вся заключается в том, что интерес дела отнюдь не в отдельном факте газеты «Москвы», а в правильном и общедоступном изложении всего учения... На него-то, в данную минуту, и должно быть обращено общее внимание, — довольно раскаленное для удобного кованья. Пропустить эту минуту значило бы наполовину проиграть *настоящее дело* — или, по крайней мере, отсрочить его на неопределенное время...

^{36*} вашего символа веры (франц.).

^{37*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{38*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

КАРИКАТУРА НА В. Д. СКАРЯТИНА, ИЗДАТЕЛЯ РЕАКЦИОННОЙ ГАЗЕТЫ «ВЕСТЬ»

Гравюра по рисунку Л. Л. Белянкина

«Искра», 1868, № 41, (22 октября)

При теперешней постановке вопроса весь он сводится — надо сознаться — на какую-то нелепость, т. е. на ложное препирательство между двумя личностями — государевой и вашею, — что крайне дико, но чем администрация искусно пользуется, вызывая этим нелепым представлением все чувства верноподданнического приличия. Лозунг тот: что Тимашев кругом виноват, что он поставил правительство в самое неловкое положение, из которого все-таки надобно его выручить во что бы то ни стало... Об оппонентах же государь, как уверяют, сказал, что это люди, ищущие уличной популярности... И в самом деле, за недостаточным разъяснением *сущности дела* все эти юридические формальности должны ему казаться чем-то вроде интриги.

Вот вам, друг мой Иван Сергеич, мой последний отчет о настоящем положении. Предчувствую негодование Анны — незаслуженное, — но вечно бодрствующее и вооруженное... Она жаждет, я знаю, скорейшего устранения всех этих временных дряг и замещения их вечным, ненарушимым спокойствием. Может быть, она и права.

Засим, любезнейший Иван Сергеич, обращаюсь к вам с повторением моей неоднократной просьбы по делу Фроловых, сильно меня интересующему, потому что *наличность* этого дела у меня под глазами. Повторите еще раз кому-нибудь следует, что только *при допущении иска на дом* правое дело получит не призрачное, а действительное удовлетворение. А теперь пока простите. От всей души обнимаю вас обоих.

В семейном архиве Аксаковых это письмо ошибочно отнесено к 1867 г.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 2).

¹ 29 января 1869 г. дело о прекращении «Москвы» рассматривалось в 1-м департаменте Сената (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 65—74). Из-за возникших разногласий дело было перенесено в общее собрание первых трех департаментов и департамента герольдии Сената, состоявшегося 7 февраля (там же, с. 74—91), а затем в Государственный совет, по решению которого от 7 апреля (высочайше утверждено 13 апреля) издание «Москвы» было прекращено (там же, с. 99—103).

² При обсуждении дела о «Москве» 7 февраля 1869 г. сенатор А. А. Харитонов заявил, что запрещение «Москвы» не отвечает «соображениям общей государственной пользы», ибо приведет к возбуждению общественного мнения и к потере органа, полезного правительству (там же, с. 90—91).

³ В марте 1849 г. Аксаков был арестован. В письменных ответах на вопросы начальника III Отделения он изложил основные положения славянофильства. Ответы прочел Николай I и, сделав на полях ряд замечаний, приказал отпустить Аксакова («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. II. М., 1888, с. 123—124, 147—163).

⁴ Эта идея не была осуществлена.

61. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 7 Juin (1869)

Oui, certainement, ma fille chérie, j'aurais aimé aller m'asseoir sur ton balcon, sur ce balcon qui donne sur l'Asie immense ¹, et là, à la tombée de la nuit, écouter dans le silence de la steppe, le murmure étouffé des grandes migrations des peuples, — comme dirait un feuilleton quelque peu prétentieux. J'aimerais certainement aller vous y faire une visite tous les soirs, mais à la condition de me réveiller le lendemain à deux mille verstes du dit balcon... Et d'autre part, cependant, je n'ai pas la moindre envie d'aller courir l'Europe proprement dite, où m'envoient les médecins — et voilà pourquoi, comme juste milieu, j'ai choisi cette zone intermédiaire du midi de la Russie, Kieff, Odessa, peut-être même la Crimée, que je veux avoir vue avant de mourir, comme le lieu de la scène des événements d'un avenir plus ou moins prochain, mais auxquels probablement il ne me sera pas donné d'assister... Et voilà pourquoi, ma fille chérie, j'aurais tant aimé que ton mari et toi, après avoir suffisamment savouré la steppe jusqu'au Juillet, *vous réalisassiez* votre idée de venir à Ovstoug, pour de là nous acheminer, tous ensemble, à Kieff ². Il me semble que ce serait là une chose agréable à faire, et c'est précisément pour cela qu'on peut être à peu près certain qu'elle ne réussira pas. Car le sort a

beau être fantasque et volontaire, ce qui domine le plus en lui, c'est *l'esprit de contradiction*... Au reste, j'ai tout le loisir ici d'élaborer toute sorte de programmes dans mon particulier, car je ne me souviens pas de m'être jamais ainsi trouvé livré exclusivement à moi-même, et pour ma part je ne connais pas de société plus insipide que la mienne. Le temps qu'il fait d'ailleurs, pluie et vent, ne contribue pas à embellir ma solitude, moins grandiose, mais non moins monotone que la steppe.

Demain, cependant, je compte me transporter à Czarskoé, pour assister à la cérémonie du baptême³. Ce sera en même temps le signal de la grande dispersion. Car une fois l'impératrice partie, ce qui aura lieu le 11 de ce mois, il n'y aura plus de mouvement ici qu'au camp de Krasnoé, ce qui est une ressource d'une nature par trop spéciale⁴. Dans un certain milieu, la dernière émotion se rattache à l'apparition d'une certaine brochure politique, publiée à Leipsick, par un Mr. Schirren, proffess(eur) à Dorpat de l'histoire russe, qui vient d'être destitué, le professeur, s'entend⁵. C'est une réponse à Samarine très remarquable, parce qu'elle est très sincère et posant la question avec une netteté implacable. Je tâcherai de vous la faire tenir. En attendant l'émoi est grand dans la sphère gouvernementale, où l'on voudrait escamoter le scandale en supprimant soi-disant la brochure répandue à profusion dans les provinces baltiques.— Eh bien, décidément, l'Autriche en personne est un Aigle, comparativement à ces messieurs... Je te quitte pour aller batailler avec eux sur l'affaire en question.

Dieu v(ou)s garde.

Перевод:

Петербург. 7 июня (1869)

Да, конечно, милая моя дочь, я хотел бы посидеть на твоём балконе, на том балконе, который смотрит на необъятную Азию¹, и там, с наступлением ночи, прислушиваться среди степного безмолвия к заглушённому ропоту великих переселённых народов,— как было бы сказано в каком-нибудь вычурном романе. Я, конечно, хотел бы навещать вас там каждый вечер, но с условием просыпаться следующим утром на расстоянии двух тысяч верст от упомянутого балкона... С другой стороны, однако, я не имею ни малейшего желания страствовать собственно по Европе, куда меня посылают доктора — и вот почему в виде золотой середины я избрал область промежуточную, а именно юг России — Киев, Одессу, быть может даже Крым — область, которую я хочу, пока жив, повидать как место действия событий более или менее близкого будущего, при коих, вероятно, присутствовать мне не суждено... И вот почему, милая дочь, я так хотел бы, чтобы твой муж и ты, вдоволь насладившись степью до июля, осуществили ваш план поездки в Овстуг, чтобы оттуда всем вместе направиться в Киев². Мне кажется, что это было бы чудесно, но именно потому-то и можно быть почти уверенным, что такое предположение не осуществится. Ибо как Судьба ни взыбаломна и ни своевольна, в ней все же преобладает *дух противоречия*. Впрочем, здесь, в моем уединении, у меня довольно досуга, чтобы строить всевозможные планы, ибо не припомню, чтобы когда-либо я был столь исключительно предоставлен самому себе, и, что касается меня, я не знаю общества, менее интересного, чем мое собственное. Кроме того, погода — дождь и ветер — не способствует украшению моего одиночества, менее величественного, но не менее однообразного, чем степь.

Завтра, впрочем, я рассчитываю выехать в Царское, чтобы присутствовать на церемонии крестин³. Это событие послужит одновременно сигналом к общему разъезду, ибо с отъездом императрицы, который состоится 11-го сего месяца, единственным оживлённым местом здесь будет Красное Село, а это источник развлечений чересчур специального свойства⁴. В известном кругу последнее время обеспокоены появлением одной политической брошюры, изданной в Лейпциге господином Ширреном, профессором русской истории в Дерпте, который только что отстранен от должности, профессор, разумеется⁵. Это ответ Самарину, весьма замечательный своею искренностью и ставящий вопрос с неумолимой ясностью. Я постараюсь прислать ее вам. Между тем в правительственных сферах сильное смятение, хотели бы замять скандал, замолчав, так сказать, брошюру, во множестве распространившуюся в при

балтийских провинциях. Ну что ж, сам Страус представляется Орлом по сравнению с этими господами... Оставляю тебя, чтобы идти сражаться с ними по этому поводу.

Да хранит вас Бог.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2—4).

¹ Письмо адресовано в Симбирскую губернию, где в это время находились супруги Аксаковы.

² В конце июля — начале августа 1869 г. Тютчев побывал в Киеве; Аксаковы с ним не ездили.

³ Крестины в. кн. Александра Александровича (будущего Александра III), родившегося 26 мая 1869 г.

⁴ Около Красного Села (Царскосельский у.) летом стояла лагерем гвардия.

⁵ Карл Христиан *Ширрен* (1826—1910) — историк и публицист, профессор Дерптского университета. В 1869 г. был отстранен от должности за ответ на книгу Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (см. о ней п. 49, прим. 4; п. 51, прим. 1—3; п. 52, прим. 1—2) — брошюру «Livländischer Atnwort» (Leipzig, 1869), в которой выступил против политики царского правительства в Остзейском крае.

62. А. Ф. Аксаковой и И. С. Аксакову

Pétersbourg. 4 Septembre 1869

Je vous écris, ma fille chérie, pour avoir de vos nouvelles. Il me tarde d'apprendre comment vous vous trouvez dans votre nouveau domicile, ce port de refuge, après toutes les traverses et tribulations que vous avez eu à subir dans le courant de cet été? Et où en est l'ensemble de la situation?..

Ici, calme complet... Et dans ce silence des affaires, de beaux soleils d'automne, se refroidissant par degrés, et de magnifiques clairs de lune... En ville presque pas de société, dont les membres épars sont encore dispersés dans les environs. Ton frère, dont la santé s'est considérablement améliorée ¹, se proposait de t'écrire et m'a demandé l'adresse de ton nouveau logement... que je te demande à mon tour, en te priant bien de ne pas oublier de me l'envoyer... Le Prince Wiasemsky, que je n'ai pas revu encore, se refuse à aller à Livadia ²; le pourquoi? je l'ignore. Il y a, probablement, là-dessous quelque bouderie d'amour-propre froissé... J'ai revu à ma rentrée en ville le ministre G(énéral) Timascheff, qui m'a fait l'accueil le plus gracieux. Il est vrai que nous avons soigneusement évité de parler affaires... ce qui est, je crois, la seule manière de s'entendre etc. etc. etc. Maintenant je passe à ton mari.

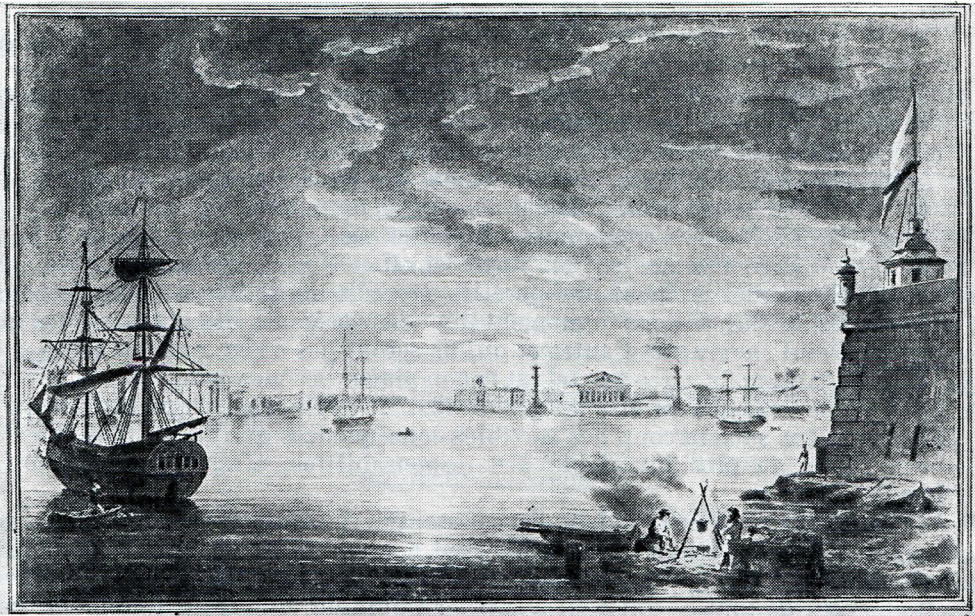
Перевод:

Петербург. 4 сентября 1869

Пишу тебе, моя милая дочь, с тем, чтобы ты сообщила мне о себе. Мне не терпится узнать, как вы чувствуете себя в новом жилище, в своем убежище, после всех тревог и страданий, перенесенных летом? И как вообще обстоят дела?..

У нас здесь — полное спокойствие... И при этом затишье в делах, постепенно все более прохладные дни, залитые ярким осенним солнцем, и светлые лунные ночи... В городе почти никого, все пребывают пока на своих загородных дачах. Брат твой чувствует себя гораздо лучше ¹, он собирался тебе написать и спрашивал у меня твой новый адрес... я в свою очередь спрашиваю его у тебя и очень прошу не забыть мне его прислать... Князь Вяземский, с которым я пока не виделся, отказывается ехать в Ливадия ²; почему, не знаю. Вероятно, этот каприз вызван тем, что как-то было задето его самолюбие... По возвращении в город я снова нанес визит министру Г(енер)алу Тимашеву. Он принял меня самым благосклонным образом. Правда, мы старательно избегали говорить о делах... что, по-моему, является для нас единственным способом ладить друг с другом и т. д. и т. п. Теперь обращаюсь к твоему мужу.

Прочтите, Иван Сергеевич, книгу «La Religion progressive» par J. E., спросите ее у Ведрова, который вам ее доставит ³. Любопытная вещь, одно из знаменье-ев века. Книга эта писана католиком, убедившимся в окончательной несостоятельности современного католицизма ввиду предстоящего Собора ⁴. Она, так

ЛУННАЯ НОЧЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Цветная литография с картины М. Н. Воробьева, 1839

Литературный музей, Москва

«У нас здесь (...) прохладные дни, залитые ярким осенним солнцем, и светлые лунные ночи» (Письмо Тютчева А. Ф. Аксаковой 4 сентября 1869 г.)

сказать, писана на паперти православной церкви, но человеком, сидящим спиной к ней... Стбит прочтения...

Куда бы хорошо было, если бы еще до открытия Собора, вы издали хоть в виде сборника несколько отдельных статей по этому вопросу⁵. Этому — все прочие вопросы вмещающему в себе вопросу. Подумайте, до какой степени это настоятельно нужно и что вы один можете удачно этим заняться. Главное, чтобы это как можно меньше походило на книгу, а на живое слово.

Здесь получен немецкий перевод «Окраин», составленный известным Экартом, с его примечаниями⁶ — я перешлю вам это. Какой-то добрый человек хотел было издать на немецком статьи Погодина в ответ Ширрену⁷ — не разрешили, чтобы-де не навлечь на правительство подозрения в тенденциозности. Что, каково?.. Это что-то вроде Гегелевой безразличности... Простите. А что ваш процесс?..

¹ Д. Ф. Тютчев страдал неизлечимой болезнью сердца.

² В Ливадии в это время находился двор императрицы Марии Александровны.

³ О В. М. Ведрове см. п. 11, прим. 7. Книгу, о которой идет речь, обнаружить не удалось.

⁴ О предстоящем Ватиканском соборе см. п. 51, прим. 7.

⁵ Это пожелание Тютчев высказывал неоднократно (см. п. 51—53).

⁶ Юлиус Экарт (р. 1836) — немецкий писатель и публицист; выпустил комментированный перевод книги Ю. Ф. Самарина «Окраины России» («Juri Samarins Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands. Übersetzung aus dem russischen von Eingel und kommentiert von Julius Eckardt. Leipzig, 1869).

⁷ «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к проф. Ширрену» (М., 1869). Возражая на брошюру Ширрена (см. п. 61, прим. 5), Погодин высказал мысль о необходимости перенести вопрос о судьбах Остзейского края «из области общих мест» в «область истории, простого здравого смысла, государственного и естественного права» (с. 2).

63. А. Ф. Аксаковой

Пétersbourg. Ce Jeudi, 3 Octobre 1869

En effet, ma fille chérie, ta lettre est arrivée à temps pour empêcher la prescription du silence, qui est si naturellement envahissant. Ce que tu me dis de tes tribulations incessantes, du déplorable contresens de la position d'Aksakoff¹, — du dommage irréparable qui en résulte, non seulement pour lui, mais pour l'intérêt public, tout cela je l'ai pensé mille fois, tu n'as fait que mettre le point sur l'i. C'est un architecte qui se trouve condamné à dépenser ses forces et son temps à paver les rues. Tant d'autres se seraient employés si efficacement à s'acquitter de cette besogne. Et dans quel moment une pareille déperdition de forces? Que de choses qui auraient dû être dites dans le moment donné en présence des gigantesques questions qui se lèvent l'une après l'autre et qui ne seront pas dites, non par faute d'organe, tant s'en faut, mais parce que tel est le bon plaisir des messieurs tels et tels, qui s'en iront de ce monde sans être doutés un instant des irréparables sottises qu'ils ont faites, — même sous le coup des terribles conséquences que ces sottises pourraient avoir. Hélas, la plus inviolable des responsabilités, c'est l'irresponsabilité de l'ineptie.

Je ne te parlerai pas de ce qui vient de se passer ici. A quoi bon? Cela rentrerait dans ce que je viens de te dire... Mais il y a lieu à prendre acte d'un fait pour ainsi dire pathologique. C'est qu'il y a des situations qui développent tout naturellement une telle horreur de tout ce qui peut s'appeler l'opinion, que cette horreur ne peut se contenir, et même dans le cas où cette opinion, bien loin de vous contrarier, vous appuie et vous sert, et ne demande pas mieux, p(our) a(insi) d(ire) que de vous porter sur son dos... et c'est cette posture dont on se prévaut, pour lui donner de grands coups de pieds. — Enfin — c'était écrit, et à bien prendre les choses, personne n'y peut rien, ma fille chérie. En lisant votre lettre j'espérais y trouver quelque vague indication, quant aux chances qu'il pourrait y avoir de vous voir arriver dans un temps donné. L'impératrice est attendue ici pour le six Nov(em)-bre et je m'en réjouis fort en vue de Daria, que je suis très impatient d'embrasser. Mais toi et Kitty, est-ce que vous ne partagerez pas cette impatience? Kitty surtout, que rien n'empêche (si ce n'est la santé, hélas) de se rendre à l'invitation de l'Imp(ératrice). — J'attends d'un jour à l'autre l'arrivée de ma femme et de Marie. C'est a vanthier qu'elles devaient quitter la campagne, mais jusqu'à présent je n'ai pas la confirmation par télégraphe.

Mille amitiés à ton mari et mille tendresses à Kitty à qui je dois une lettre. Dieu vous garde.

Перевод:

Петербург. Четверг, 3 октября 1869

Письмо твое, моя милая дочь, в самом деле пришло вовремя, оно помогло мне прервать молчание, к которому нас вынуждают и которому так легко отдаешься. Все, что ты пишешь о своих нескончаемых терзаниях, о прискорбно нелепом положении, в котором оказался Аксаков, о невозможном ущербе, который наносится не только ему лично, но и общественным интересам¹, — обо всем этом я тысячу раз передумал, ты только поставила точки над «б». Ведь это все равно, что заставить архитектора тратить силы и время на то, чтобы мостить улицы. С этой работой успешно справились бы и многие другие. И в какой же момент вот так, впустую растрачиваются силы? Сколько нужно бы высказать сейчас, когда один за другим возникают серьезнейшие вопросы, о которых не будет сказано, и не за отсутствием печатного органа, отнюдь нет, а потому, что так заблагорассудилось господам таким-то и таким-то, которые покинут этот мир, даже и не заподозрив, какие непоправимые глупости они наделали; они не заподозрят этого даже в том случае, если на них обрушатся ужасные последствия, к которым эти глупости могут привести. Увы, самой безнаказанной из всех видов ответственности является безответственность глупости.

Не буду рассказывать тебе о том, что здесь сейчас произошло. К чему? Это значило бы повторять то, что я только что сказал... Следует только отметить один, так сказать, патологический факт. В некоторых обстоятельствах у людей совершенно естественно развивается

такое отвращение ко всему, что может рассматриваться как общественное мнение, что они уже не в состоянии сдерживаться, и даже если общественное мнение не только не причиняет им неприятностей, а, напротив, поддерживает их, служит им и вполне, так сказать, охотно заваливает их себе на спину... они пользуются этим для того, чтобы, оседлав его, больно бить его ногами. — Ну вот, наконец, выговорился, но в сущности никто тут не может помочь, милая Анна. Читая твое письмо, я все надеялся найти хоть намек на возможность вашего приезда в недалеком будущем. Императрицу ожидают здесь к шестому ноябрю, и я очень рад, что увижу Дарью, мне так не терпится ее обнять. А вы с Китти разве не разделяете мое нетерпенье? В особенности Китти, ведь ей ничто (увы, кроме здоровья) не мешает откликнуться на приглашение императрицы. Я со дня на день жду приезда жены и Мари. Они позавчера должны были выехать из деревни, но телеграммы об их выезде я пока не получил.

Дружески кланяюсь твоему мужу, нежно обнимаю Китти и обещаю ей написать. Да хранит вас Бог.

¹ Подразумевается вынужденная бездеятельность Аксакова после закрытия газеты «Москва» (см. п. 60, прим. 1).

64. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 13 octobre 1870

Ma bonne et chère Anna, ce bout de lettre te sera remis par la Beloroukoff, que je recommande à ta bienveillance ¹. C'est une excellente créature, un peu âpre, mais foncièrement honnête et dévouée. Tu en seras contente. Elle te remettra les 15,200 R. du capital que je destine à Федя ² et que j'aurai soin plus tard de transcrire à ton nom, et dont les intérêts, à 5 1/2 p. c. couvriront les frais de son entretien dans l'établissement. Il te sera remis en sus 450 R. pour prix de sa pension de la première demi-année. De cette manière la question financière se trouvera pour le moment réglée.

C'est hier seulement que j'ai reçu une lettre de Léontieff entièrement satisfaisante et qui coupe court à toutes mes incertitudes ³. C'est par cette lettre que j'ai appris la démarche de ton mari qui s'est donné la peine d'aller parler lui-même à Léontieff de l'affaire en question. Dis-lui de grâce, Anna, que j'en ai été bien profondément touché.

Et quant à toi... j'aurai trop à faire de remercier.

Je ne profite pas de l'occasion présente de parler sans contrôle pour vous parler de ce qui se passe ici... Samarine qui part aujourd'hui même pour Moscou s'acquittera de ce soin, et puis dans quelques jours vous aurez le Prince Черкасский. Il serait oiseux de faire des conjectures en présence de tant d'imbécillité ⁴ aux prises avec des événements aussi gigantesques ⁵. La note dominante, c'est toujours cette démangeaison, ce prurit sénile de la médiocrité, qui se sent agacée par tout ce qu'elle ne comprend pas et pour qui toute force indépendante, comme toute supériorité, paraît non seulement suspecte, mais ennemie. Dans des natures semblables la jalousie du Pouvoir n'est qu'une jalousie d'Eunuque. Quant à mon pauvre P^c Gortchakoff, qui est à demeure à Csarskoé et se trouve très flatté des rapports fréquents qu'il a avec le maître, sa vanité facilement satisfaite se prête admirablement à lui donner le change, en toute occasion, sur la stérilité réelle de ses prétendus efforts. De là son optimisme qui n'est qu'une sorte de maladie. C'est bien de lui qu'on aurait raison de dire qu'il a la jaunisse rose.

Mais tout cela est si misérable qu'il ne vaut guère la peine d'en parler...

J'ai été très affecté, à cause de mon frère, s'entend, de la mort de Соболевский ⁶. J'ai prévu l'impression que cette mort produirait sur lui.

Bonjour, ma fille chérie. Ecrivez-moi bientôt et que Dieu v(ou)s garde.

T. T.

Перевод:

Петербург. 13 октября 1870

Моя добрая, милая Анна, это письмо передаст тебе Белорукова, рекомендую ее твоему благосклонному вниманию ¹. Это милейшая особа, несколько сурового нрава, но безусловно честная и преданная. Ты будешь ею довольна. Она передаст тебе 15 200 р. из капитала, который я предназначаю для Феде ², позже я позабочусь о том, чтобы перевести капитал на твое имя; проценты с него, 5½ годовых, пойдут на содержание Феде в учебном заведении. Сверх того, тебе будет передано 450 р. на оплату его пансиона за первое полугодие. Таким образом, денежный вопрос пока улажен.

Я только вчера получил от Леонтьева совершенно удовлетворительное письмо, оно разом положило конец всем моим сомнениям ³. Из этого письма, кстати, я узнал, что твой муж доставил себе труд и сам отправился к Леонтьеву поговорить с ним об этом деле. Передай ему, пожалуйста, Анна, что я был этим крайне тронут.

Ну а тебе... мне даже трудно выразить свою благодарность.

Я не пользуюсь представившейся мне сейчас возможностью свободно поговорить, чтобы рассказать вам, что здесь происходит. Это сделает за меня Самарин, поскольку он сегодня едет в Москву, а еще через несколько дней у вас будет князь Черкасский. Бесполезно было бы строить какие-либо предположения о дальнейшем, когда подобное скудоумие ⁴ сталкивается со столь гигантскими событиями ⁵. Основной реакцией по-прежнему остается зуд, старческий зуд заурядности, которую раздражает все, что ей непонятно, и которой любая независимая сила, как нечто ее превосходящее, кажется не только подозрительной, но и враждебной. У подобных людей страстное желание власти бессильно, как желание евнуха. Что до бедного моего князя Горчакова, который сейчас пребывает в Царском и чувствует себя весьма польщенным постоянным общением с его владельцем, то столь легко удовлетворимое тщеславие дает ему, во всяком случае, прекрасную возможность закрывать глаза на истинную бесплодность своих мнимых усилий. Отсюда его оптимизм, своего рода болезнь. О нем-то вполне можно сказать, что он на все смотрит сквозь розовые очки.

Но все это так ничтожно, что не стоит о том и говорить...

Очень огорчило меня, разумеется из-за брата, известие о кончине Соболевского ⁶. Я предвидел, что эта смерть произведет на него такое впечатление.

Прости, милая дочь моя. Напиши мне поскорее и да хранит вас Бог.

Ф. Т.

¹ Варвара Арсеньевна Белорукова — подруга Е. А. Денисьевой.

² Осенью 1870 г. А. Ф. Аксакова взяла на себя надзор за воспитанием десятилетнего Феде — сына Тютчева и Е. А. Денисьевой.

³ Павел Михайлович Леонтьев (1822—1875) — публицист, соредактор Каткова по «Московским ведомостям». Вместе с ним Катков основал в Москве классический Лицей, куда осенью 1870 г. Тютчев поместил Федею.

⁴ По-видимому, Тютчев имеет в виду преклонение перед Пруссией, которое проявляли в это время русские правящие круги (см. п. 65, прим. 7).

⁵ Подразумеваются события франко-прусской войны, близившейся к завершению, — разгром французских войск при Седане (21 авг./2 сент. 1870 г.) и последовавшее за ним провозглашение республики во Франции.

⁶ Сергей Александрович Соболевский (1803—1870) — известный библиограф и библиофил. С ним был дружен Н. И. Тютчев, брат поэта.

65. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 19 Octobre (1870)

N'est-ce pas aujourd'hui la fête de ton mari, comme c'était celle de mon père, et comme c'est celle de Jean. Si en effet il avait le bonheur d'avoir pour patron Jean de Rilsk — Иоанна Рыльского (localité qui m'est inconnue), je te charge, ma fille, de lui faire mes compliments ¹.

Hier j'ai reçu ta lettre et j'approuve entièrement les arrangements qui ont été faits. Je suis bien aise que tu trouves l'enfant sympathique ². Maintenant que Dieu daigne accorder sa bénédiction à ce qui a été fait et je m'en irai de ce monde avec une épine de moins dans la conscience. Ce qui m'a particulièrement fait plaisir,

с'ест ton procédé vis-à-vis de ma femme. Ceci est franc, loyal et tout à fait dans ton caractère. Quant à la lettre par laquelle elle t'a répondu, je la lis d'ici.

J'ai eu hier de ses nouvelles. Elle m'annonce que c'est demain qu'elle quitte Ovsoug³. Elle m'annonce aussi la bonne fortune arrivée à une des soeurs du pauvre Birileff, qui se trouve avoir, au dernier tirage, gagné le gros lot des deux cent mille roubles. Elle est mère de quatre enfants...

Je t'ai parlé, je crois, dans mes précédentes lettres du nouveau président du grand Comité d'administration de la presse⁴? Eh bien il se trouve qu'il n'est pas du tout l'homme qu'on a dit, — qu'il est même très porté en faveur de la presse nationale. Ceci m'a fait venir l'idée qu'il pourrait bien se montrer disposé plutôt à favoriser qu'à contrarier le rétablissement de la «Москва»⁵. Il ne s'agirait que de s'assurer d'une influence amie, en tout haut lieu, pour travailler dans le même sens. J'ai songé au Chancelier qui est encore à Csarskoé, mais qui ne tardera pas à rentrer en ville, l'Empereur devant, à ce qu'on dit, partir jeudi prochain pour Moscou. Il y aurait bien encore une autre voie, que je t'indiquerai plus tard. Jamais la réapparition de la «Москва» n'aurait été plus opportune que dans ce moment-ci, en vue de ce qui commence et de ce qui finit⁶. Le terrible avertissement de la France, succombant si honteusement dans la plénitude apparente de ses forces, — cet avertissement, faute d'un commentaire suffisamment énergique, n'est pas assez compris, hélas. — Il y a chez nous une contradiction qui mérite d'être relevée. Toutes les sympathies dans un certain milieu sont pour la Prusse⁷ — et cependant dans cette même sphère c'est le régime napoléonien qui était le grand objet d'émulation, l'idéal de nos grands hommes d'Etat⁸...

Mille tendresses à mon frère et qu'il me fasse donner de ses nouvelles.

T. T.

Перевод:

Петербург. 19 октября (1870)

Не сегодня ли именины твоего мужа, поскольку в этот день был именинником мой отец, а теперь это день именин Ивана? Если в самом деле он имеет счастье считать своим покровителем Иоанна Рыльского (местность мне незнакомая), поручаю тебе, дочь моя, передать ему мои поздравления¹.

Вчера я получил от тебя письмо и вполне одобряю все, что было предпринято. Я очень доволен, что ребенок тебе нравится². Да благословит ныне Господь все, что сделано, и я, покидая этот мир, буду ощущать одним уколом совести меньше. Особенно порадовал меня твой поступок по отношению к моей жене. Он прямушен, честен и вполне в твоём характере. Что касается ее ответного письма, я вполне угадываю его содержание.

Вчера я получил от нее письмо. Она сообщает мне, что завтра она покидает Овстуг³. Она пишет мне также о неожиданном счастье, выпавшем на долю одной из сестер бедняги Бирилева, которой на последнем розыгрыше достался главный выигрыш в двести тысяч рублей. Она — мать четверых детей...

Я, думается, писал тебе в моих предыдущих письмах о новом председателе Совета Главного управления по делам печати⁴? Так вот, оказывается, он совсем не таков, как о нем говорили, он даже очень расположен к русской печати. Это навело меня на мысль, что, быть может, он скорее будет склонен способствовать восстановлению «Москвы», нежели препятствовать ему⁵. Следует только заручиться дружественным влиянием в самых высоких сферах и действовать в одном направлении. Я подумал о канцлере, он пока еще в Царском, но не замедлит вернуться в город, поскольку государь, как говорят, едет в Москву в будущий четверг. Есть, по-видимому, еще и другой путь, я укажу тебе его позже. Вероятно, никогда возобновление «Москвы» не было так своевременно, как сейчас, принимая во внимание то, что начинается, а также то, что идет к концу⁶. Ужасное предостережение, которым служит пример Франция, потерпевшей столь постыдное поражение, несмотря на видимое ее могущество, — это предостережение, за отсутствием достаточно убедительного истолкования, увы, не вполне понято! Нам присуще одно противоречие, которое стоит отметить. В известном кругу все симпатии находятся на стороне Пруссии⁷, и, однако, в этой же самой сфере главным

предметом подражания был наполеоновский режим, идеал наших великих государственных мужей⁸...

Самый сердечный привет моему брату и пусть он даст знать мне о себе.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 4).

¹ Иоанн Рыльский (Рильский) — один из святых православной церкви, считавшийся патриархом болгарского народа; его мощи находятся в Рильском монастыре, расположенном в районе горного хребта Рила (Болгария). День его памяти отмечался 19 октября.

² Речь идет о сыне Тютчева Федоре (см. п. 64, прим. 2).

³ Э. Ф. Тютчева вместе с дочерью Марией и большим зятем — Н. А. Бирлиевым находилась в это время в Овстуге.

⁴ Михаил Романович *Шидловский* (1826—1880) — генерал, в 1865—1870 гг. — тульский гражданский губернатор. 24 сентября 1870 г. был назначен начальником Главного управления по делам печати «на место Похвиснева, сменяемого за либерализм», и с указанием Александра II — «подтянуть печать» (*Никитенко*, т. 3, с. 181). О солдафонстве нового начальника Управления по делам печати в Петербурге ходили анекдоты (см. там же, с. 182—183). Шидловский послужил Салтыкову-Щедрину прототипом гротескного образа градоначальника-органчика в «Истории одного города».

⁵ Надежды на возобновление «Москвы» не оправдались.

⁶ Подразумевается, с одной стороны, падение империи Наполеона III в результате поражения Франции во франко-прусской войне, с другой — открывавшиеся перед Россией новые возможности в связи с освобождением от обязательств, налагавшихся на нее условиями Парижского мира 1856 г. и ущемлявших ее права на Черном море (декларация об отказе выполнять эти обязательства подписана 19 октября 1870 г.).

⁷ Симпатии к Пруссии, которые постоянно проявлял Александр II, родственник короля Вильгельма I, и которые поддерживала придворная верхушка, противоречили настроениям широких общественных кругов. В ходе франко-прусской войны это противоречие особенно обострилось: «Никогда еще наше правительство не находилось в таком разединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами» (Е. М. Фертинский). За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 111—112; см. также: С. М. Сухотин. Из памятных тетрадей. — *РА*, 1894, № 6, с. 245). Это противоречие отмечал и Тютчев (см. его письмо жене 20 сент. 1870 г. — *СН*, кн. 22, с. 251; перев. с франц.).

⁸ Это ироническое замечание относится к закону о печати от 6 апреля 1865 г., заимствованному из наполеоновского законодательства.

66. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 7 Décemb(re) 1870

Je me décide à te répondre par la voie de terre. Mais pour t'exprimer toute ma pensée il faudrait avoir trouvé le secret d'écrire la nausée. Car c'est là le sentiment qui domine en moi, à l'exclusion de tout autre, comme c'est le seul qu'on éprouve sur mer, par suite d'un très fort roulis¹. — Je me demande seulement en voyant tout ce qui se passe quels terribles coups de pied la divine Providence se trouvera-t-elle forcée de nous allonger pour relever un peu une société descendue à ce niveau de platitude, une société où quelques-uns des meilleurs sont tout naturellement des plats-pieds.

Aussi n'ai-je pu lire sans un sentiment de véritable mélancolie l'annexe qui accompagne ta lettre... On serait tenté de se demander, d'où vient cette musique aérienne, tant elle est peu en harmonie avec la plate cacophonie de la réalité du jour. Grâce à un pareil désaccord, on est plus que dépaycé dans le milieu où l'on vit — on se sent expatrié.

Mais enfin que signifie cette imbécillité d'esprit générale qui ne saurait se produire sans une certaine oblitération de sens moral? Lequel de ces deux phénomènes est cause ou effet? Ou bien faudrait-il se résigner à reconnaître que cela tient à une infériorité élémentaire, inhérente à la race? Mais alors on ne saurait se défendre des plus tristes sentiments en vue du plus prochain avenir, car il faudrait reconnaître, que la place que nous tenons dans le monde n'est qu'un pur accident, qu'elle n'est justifiée par rien, qu'elle ne nous est pas due, et que par contre la Justice distributive des événements ne saurait tarder de nous remettre à la nôtre. Il faudrait reconnaître en un mot, que c'est l'opinion étrangère, en ce qui nous concerne, qui se trouve avoir raison. C'est peut-être la conviction instinctive de ce fait qui explique cette platitude générale.

ФРАНЦИЯ ПОДПИСЫВАЕТ ПЕРЕМИРИЕ С ПРУССИЕЙ

Гравюра неизвестного художника

«Illustration», 11 марта 1871 г.

Je m'en veux, ma fille, de toutes ces généralités oiseuses que je te débite là, tandis que j'aurais à te parler de choses, qui devraient me tenir de bien plus près au coeur. — Il s'agit de Федя. Je n'ai pas besoin de te dire avec quel intérêt j'ai lu tout ce que tu as écrit ici à son sujet. — L'idée de savoir cet enfant au milieu de vous, est probablement la dernière impression de bonheur que j'aurai eu dans ce monde et j'aime à te le devoir à toi. Et voilà pourquoi je ne songe pas sans une extrême répugnance à sa rentrée, ne fût-ce que momentanée, dans le milieu d'ici. Comment faire pour conjurer ce désastre? Mais je te parlerai plus au long de tout cela dans ma plus prochaine lettre.

Перевод:

Петербург. 7 декаб(ря) 1870

Решаюсь ответить тебе сухопутным путем. Выражаясь яснее, — я не знаю, как описать ощущение тошноты, которое, как это бывает на море во время очень сильной качки, владеет сейчас мною, вытесняя все другие ощущения¹. Я только спрашиваю себя, глядя на все происходящее, какие еще ужасные пинки будет вынуждено дать нам божественное Провидение, чтобы заставить приподняться общество, опустившееся до того уровня подлости, когда даже некоторые из лучших его представителей совершенно естественно оказываются подлецами.

Вот почему я не мог без грусти читать приписку к твоему письму... хотелось спросить себя, откуда эта небесная музыка, так мало она гармонирует с пошлой какофонией всего, что происходит. Из-за этого несоответствия чувствуешь себя в окружающей среде не просто чужим, но — изгнанныком.

Однако в конце концов, что же означает это всеобщее скудоумие, ведь оно не могло бы наступить, если бы не стерлись определенные нравственные понятия. Что здесь причина и что следствие? Или, быть может, следует признать, что все происходит от присущей нам как племени обыкновенной отсталости? Но в этом случае нельзя было бы без глубокой грусти думать о самом ближайшем будущем, ибо пришлось бы признать, что место, занимаемое нами в мире, совершенно случайно, что оно никак не оправдано, что мы его не заслуживаем и

что Высшая Справедливость, расставляющая факты и события по их значению, не замедлит поставить нас на подобающее нам место. Одним словом, пришлось бы признать, что справедливым в отношении нас оказывается, таким образом, зарубежное мнение. Может быть, подсознательным ощущением этого и объясняется всеобщая низость.

Досаду на себя, дочь моя, что пустился в праздные рассуждения вместо того, чтобы поговорить о том, что должно бы меня волновать гораздо больше. Я имею в виду Федю. Нечего говорить, с каким интересом читал я все, что ты мне о нем написала. Мысль о том, что этот ребенок сейчас с вами, делает меня счастливым. Может быть, это последнее счастье, которое мне суждено испытать в этом мире, и мне приятно, что этим счастьем я обязан тебе. Вот почему мне так не хочется думать о его возвращении, пусть и недолгом, в здешнюю среду. Как бы предотвратить эту беду? Но обо всем этом я поговорю с тобой более подробно в следующем письме.

¹ Вероятно, Тютчев имеет в виду последствия либерального адреса, представленного Московской городской думой Александру II (в нем выражалось пожелание предоставить «простор мнению и печатному слову»). 3 декабря 1870 г. были задержаны цензурой очередные номера журналов «Русский архив», «Вестник Европы» и «Отечественные записки». В разговоре с М. М. Стасюлевичем, редактором «Вестника Европы», Тимашев сказал, что это не было бы сделано, «если б не московский адрес», и уточнял: «Государь очень недоволен печатью, и нужно сообразаться с его настроением» (*Никитенко*, т. 3, с. 190 и 449).

67. И. С. Аксакову

Петербург. Сего 7 мая (18)71

Касательно молодого Демидова ¹ спешу вас уведомить, любезнейший Иван Сергеевич, что он здесь и пробудет здесь еще недели две, так как свадьба состоится не прежде 21 числа с(его) м(есяца). Живет он в своем доме, что на Большой Морской, куда вы и адресуйте письмо ваше, а не то пришлите письмо ко мне, и я с полною готовностью буду служить вам посредником по этому делу, в успехе которого я нимало не сомневаюсь, так как Демидов, сколько мне известно, весьма расположен не зарывать своих талантов, — а как следует верному рабу, поставленному над многими, употреблять их на пользу общую ². К тому же он очень дорожит своим званием Киевского головы.

Я же не раз собирался писать к вам о том страшном суде, что заживо и при сохранении естественного чина так просто и так последовательно над человеческим обществом совершается. Но как одолеть словом и даже мыслью подобные события? Одно только выскажу при этом случае. Я теперь только понял это библейское выражение: Господь ожесточает сердца строптивых. — Этому я каждый день свидетелем. — Казалось, что к событиям таковым, как в Париже, всякий мыслящий человек не может отнестись двояко и что эта страшная поверка на деле известных учений не может не убедить кого бы то ни было. — Оказывается далеко не то: я встречаю здесь людей серьезных — ученых, — и даже нравственных, которые нисколько не скрывают своего горячего сочувствия к Парижской Коммуне и видят в ее действиях занимающуюся зарю всемирного возрождения ³. .. Вот над чем можно крепко призадуматься. Не доказывает ли это, что корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца. В современном настроении преобладающим аккордом — это принцип личности, доведенный до какого-то болезненного неистовства. — Вот чем мы все заражены, все без исключения, — и вот откуда идет это повсеместное отрицание *Власти*, в каком бы то виде ни было. Для личного произвола нет другого зла, кроме *Власти*, воплощающ(ей) какой-либо принцип, отделяющ(ей) его, и вот почему блаженни нигилисты, тии бо наследят землю до поры до времени ⁴ и пр. и пр.

¹ Павел Павлович Демидов (1839—1885) — киевский городской голова в 1871—1876 гг.

² Тютчев использует образ известной евангельской притчи (От Матф., XXV, 14—30).

³ Ср. дневниковую запись С. М. Сухотина от 29 апреля 1871 г.: «Вечером у Аксакова был любопытный разговор о будущих судьбах Франции. Ю. Ф. Самарин утверждал, что Франция вымерла и, совершив свое историческое великое призвание, покатится под гору.

Другие выражали надежду на ее возрождение и полагали, что из Парижской Коммуны, невзирая на ее безобразия, должно возникнуть что-нибудь новое, полезное для Франции, особенно в смысле победы над централизацией. Конечно, теперь это есть общая тема разговоров; коммуна кажется зародышем правильной муниципальной жизни» («Из памятных тетрадей С. М. Сухотина».— РА, 1894, № 7, с. 446).

⁴ Тютчев перефразирует евангельский текст (От Матф., V, 3 и 5).

68. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 2 Sept*bre* 1871

Non, ma fille, je ne me soucie pas de mettre ma correspondance avec toi en rapport avec les événements du jour, pas plus qu'avec le flux et le reflux de l'océan.— Le grand événement du jour, pour moi, c'est le temps qu'il fait — et Dieu merci, on ne saurait imaginer rien de plus doux, de plus transparent et de plus lumineux que ces belles et réjouissantes journées d'automne qui nous sont octroyées en ce moment. J'ai été l'autre jour à Csarskoé, et j'ai beaucoup joui de la vue de ces beaux arbres, encore très verts, mais qui évidemment se recueillent, — sans boudier, aussi bien que de ce lac, trop connu, il est vrai, mais qui, cette fois, m'a particulièrement impressionné.— Grâce peut-être à l'absence de ses hôtes, toute cette localité avait quelque chose de plus recueilli et de... moins banal. J'ai rencontré Alexandrine Albédinsky¹ dont l'apparition s'harmonisait parfaitement avec la couleur de mes impressions, j'avais eu l'idée d'aller voir Wiasemsky, mais je m'en suis abstenu par crainte de la dissonance — tant cette vieillesse, si misérable, ressemble peu à la fin d'un beau jour.

Mais je ne sais pas pourquoi je t'entretiens de toutes ces niaiseries. Venons à l'essentiel.

Je t'envoie, en actions du second emprunt, quatre billets de mille roubles chacun, ce qui d'après le cours actuel, à raison de 90 par action, fera les 3,600 r. que tu m'avais demandés. Seulement je ne sais pas si je pourrai les envoyer par la poste qui, comme tu le sais peut-être, ne garantit pas les valeurs de cette nature. Puis j'aimerais savoir si, vous absents, je ne ferai pas mieux d'envoyer le paquet à l'adresse de Kitty. Réponds-moi à ce sujet.

Le beau soleil qui luit en ce moment me rassure sur la prolongation forcée de votre séjour à la campagne. Pas moins j'aimerais vous savoir plus indépendants dans vos déterminations.— La question des logements ici, plus encore qu'à Moscou, jointe à celle de la cherté du bois, sont devenues une question de vie pour une quantité de monde. Surtout du pauvre monde, qui aura à souffrir horriblement l'hiver prochain, pour peu que l'hiver soit rigoureux... Ici la vente du bois est devenue un véritable monopole exploité par trois ou quatre riches marchands de bois, que l'on nomme, et qui d'après des évaluations sérieuses, font un bénéfice de 2 1/2 p. par sagène. Ce serait bien le cas pour l'autorité d'aviser et de se rappeler ces traditions du socialisme gouvernemental, qui sont le plus grand titre de

ПЛАКАТ, ВЫПУЩЕННЫЙ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Гравюра по рисунку Ж. Корсо. 21 марта 1871 г.

Надписи: сверху — «Французская республика»; внизу — «Народам наш пример»; на знамени — «(Французская) республика»; на мече — «Правосудие народа». У ног Республики — поверженные Тьер и Наполеон III

Литературный музей (фотоотека), Москва

gloire, comme elles sont aussi la grande force du Pouvoir en Russie, qui finira, je suppose, par comprendre cette vérité historique, lui qui jusqu'à présent a fait de la prose sans le savoir². Et à propos du socialisme, des personnes arrivées d'Allemagne disent que ce mouvement y grandit à vue d'oeil, et devient un sujet de grave préoccupation pour la société toute entière. Cela devait venir infailliblement et l'idée que la résignation libre pourrait être le fait d'une multitude, non seulement émancipée, mais effrénée, était certainement la plus étrange des illusions. Mais encore une fois toutes ces questions, bien que par la marche des événements se font de plus en plus actuelles, ne me touchent guère, et je m'en tiens au rayon du soleil. — Je te quitte pour aller le saluer sur quelque massif de verdure. — Mille tendresses à ton mari et embrasse Федя pour moi.

Перевод:

Петербург. 2 сентября 1871

Нет, дочь моя, я не ставлю свою переписку с тобою в зависимость от событий дня, она зависит от них не более, чем от прилива и отлива в океане. — Для меня сейчас великим событием дня является погода — и, слава богу, трудно, кажется, представить себе что-либо более прекрасное, более отрадное, чем теплые, ясные и прозрачные дни ранней осени, нам сейчас дарованные. На днях я был в Царском и долго наслаждался, созерцая прекрасные деревья парка, еще совсем зеленые, но уже погруженные в какую-то спокойную задумчивость, и озеро, правда, столь мне знакомое, но вид которого в этот раз произвел на меня особое впечатление. Может быть, благодаря отсутствию хозяев все вокруг выглядело как-то более задумчиво и ... менее банально. Я повстречал там Александрина Альбединскую¹, и ее появление было совершенно созвучно всем моим впечатлениям, хотел было пойти повидаться с Вяземским, но воздержался, опасаясь диссонанса, так мало общего у этой жалкой старости с закатом ясного дня.

Не знаю, зачем я говорю с тобой о всех этих пустяках. Перейдем к главному.

Посылаю тебе в акциях второго займа четыре билета на тысячу рублей каждый, что по нынешнему курсу, из расчета 90 на акцию, составит 3 600 р., которые ты у меня просила. Не знаю только, смогу ли послать их почтой, она, как ты, вероятно, знаешь, не гарантирует сохранность ценностей такого рода. Кроме того, я хотел бы знать, не лучше ли, поскольку вы не в городе, послать деньги на адрес Китти. Напиши, как мне быть.

Сейчас ярко светит солнце, утешая меня при мысли о том, что вы всё еще вынуждены оставаться в деревне. Мне бы, все-таки, хотелось, чтобы вы были более свободны в своих решениях. У нас здесь вопрос о квартирах осложняется еще больше, чем в Москве, высокими ценами на дрова, для многих это стало вопросом жизненно важным. В особенности для бедного люда, который будет очень страдать зимой, особенно, если она будет суровой... Продажа дров здесь стала настоящей монополией трех-четырех богатых купцов, они известны поименно; по заслуживающим доверия подсчетам, они получают прибыль 2½ рубля за сажень. Вот уж когда властям надо бы принять меры и вспомнить о традициях правительственного социализма, составляющих великую славу и основную силу власти в России. Я полагаю, до власти дойдет в конце концов эта историческая истина, ведь она, эта власть, до сих пор говорит прозой, сама о том не подозревая². Кстати, о социализме, приезжающие из Германии говорят, что это движение растет там на глазах и становится предметом серьезной озабоченности для всего общества. Это неизбежно должно было произойти, и мысль, что добровольную покорность проявит целая масса, не только освобожденная, но и необузданная, — безусловно, одна из самых странных иллюзий. Но повторяю, эти вопросы, хоть они и становятся с ходом событий все более злободневными, нисколько меня не трогают, мне довольно и луча солнца. — Прощаюсь с тобой и иду полюбоваться им в какой-нибудь уголок природы.

Дружески кланяюсь твоему мужу, поцелуй за меня Федю.

¹ А. С. Альбединская (рожд. кнж. Долгорукая) — см. о ней в наст. томе (кн. I): публикация стихотворения («А. С. Долгорукой»).

² Реминисценция из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» («Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой» — акт II, явл. 6).

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

Литография К. Шульца по рисунку И. Мейера, 1850-е годы

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

«На днях я был в Царском и долго наслаждался, созерцая прекрасные деревья парка, еще совсем зеленые, но уже погруженные в какую-то спокойную задумчивость, и озеро, правда, столь мне знакомое, но вид которого в этот раз призвел на меня особое впечатление (Письмо Тютчева А. Ф. Аксаковой 2 сентября 1871 г.)»

69. И. С. Аксакову

Петербург. 2-е октября (1871)

Сегодня Осинин¹ хотел писать к вам. Вчера мы побеседовали с ним целый вечер, и я должен сказать, что все его показания весьма утешительны. Он верит в успех дела, он верит в возможность общения, хотя и не без преодоления многих затруднений. Он не может не нахвалиться тою предупредительностью, тем радушным приемом, которые ему, как *делегату* русской церкви, оказываемы были всеми предводителями антиримской католической партии. Осинин говорил мне, что в продолжение всех этих одиннадцати дней, проведенных в непрерывных совещаниях, *вы*, именно *вы*, уместность и потребность вашего слова, вашего личного содействия были ему постоянно присущи. Одно несомненно. По этому вопросу, заключающему в себе все вопросы вашей публицистической деятельности, открывается необъятное поле².

По словам Осинина, всем русским заявлениям настуже открыты две перво-классные немецкие газеты: «*Rheinischer Merkur*» и — кто бы думал — Аугсбургская газета... Тут возникает целый мир соображений. Ограничимся двумя. Теперь самым непредвиденным образом и при самых благоприятных обстоятельствах представляется для русской мысли, т. е. для настоящего русского дела, возможность — и не по одному, а *по всем* вопросам войти в мирное духовное общение с Германиею. Тут зарождается такое поистине примирительное начало, до того преобладающее над всею племенной рознью и политическими соображениями, что оно одно вполне определяет настоящее призвание России. Это одно, — вот другое. Каков бы ни был успех в Германии начатого дела, дол-

го, очень долго антиримское движение сосредоточится преимущественно в образованных сословиях, не проникая в народные массы, и этим-то ближе всего определится его отношение к России. Оно вызовет целый переворот именно в той среде общественного мнения, которая до сих пор была наиболее нам враждебна. Не та участь предстоит этому движению в землях славянского католичества — там, на почве славянской национальности и при существующих церковных задатках, реформа непременно проникнет в массы и делается народною, и всего прежде — в Праге. Открывается — еще раз — поле неизмеримое и, может быть, не без высшего умысла подавлена была на время ваша деятельность³. Ее нужно было вынудить на больший простор. Попросту сказать, предстоит в конце концов учредить за границею, хотя бы в Праге, напр<имер>, газету *строго благонамеренную*, но *беспощадно-национальную*, которая договаривала бы то, что глупость, неискоренимая, безысходная глупость мешает высказывать здесь. — Аминь.

¹ Иван Терентьевич *Осинин* (1833—1887) — профессор Петербургской духовной академии. В сентябре 1871 г. присутствовал на проходившем в Мюнхене конгрессе представителей католической оппозиции папе римскому, где был принят как делегат православной церкви, хотя официально таковым не являлся.

² Здесь, как и в письме от 25 сентября (в наст. публикацию не включено), Тютчев настаивает на том, чтобы Аксаков посвятил специальный труд расколу в католической церкви по вопросу о свободе совести и «непогрешимости» папы, а также проблеме взаимоотношения православной и католической церквей. Отчасти Аксаков сделал это в статье, написанной в форме послания к канонику Дёллингеру (см. п. 70, прим. 1).

³ Тютчев имеет в виду прекращение газеты «Москва».

70. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce mercredi, 6 Octobre 1871

Ne croyez pas, ma fille, que je perde de vue l'affaire que vous m'avez recommandée. L'autre jour je suis allé trouver l'intendant d'Orloff D<avidoff> pour avoir des renseignements sûrs au sujet de son maître. Il se trouve que celui-ci ne sera guère rentré à Pétersb<ourg> avant le 1er Nov<em>bre. Maintenant qu'y a-t-il à faire? Faut-il lui écrire à la campagne où il est, ou attendre son retour? J'attends tes ordres.

Je tiens volontiers quitte ton mari de l'obligation de m'écrire en ce moment. C'est sa lettre à Doellinger qui servira de réponse à toute celles que je lui ai adressées¹. — Mais Осинин vous a-t-il écrit? Vous a-t-il mis un peu au fait de la situation? Vous a-t-il dit que les rapports sténographiés du Congrès allaient paraître? Voilà une publication qu'il faudra absolument avoir². Осинин lui-même ne tardera pas à publier son rapport au St. Synode sur sa mission au Congrès, tout comme il se proposait aussi de faire des lectures publiques sur ce même sujet. Ainsi les informations ne manqueront pas. Mais ce qui serait bien essentiel, ce serait d'établir des rapports suivis avec la Presse Allemande, et nommément avec le journal spécialement consacré à la défense du Parti, le «Rheinischer Merkur», qui ne demanderait pas mieux que d'accueillir toutes les communications que nous aurions à lui faire. Et dès lors, pourquoi n'utiliserions-nous pas cet organe pour faire connaître au Public Allemand la doctrine de Хомяков³ et de son Ecole en insérant des extraits de leurs écrits dans ledit Journal. Ce serait un travail si facile à faire. Car il ne s'agirait que de bien choisir, en mettant en évidence les points de la doctrine qui ont le rapport le plus direct à la situation donnée. Tu pourrais, ce me semble, ma fille chérie, trouver facilement à Moscou quelque allemand instruit et compétent dans ces matières, qui t'aiderait dans ce travail que tu dirigeras.

Il faut s'attendre qu'à peine le rapport d'Осинин aura paru, la Presse ne tardera pas à s'emparer de la question, et à la remuer tant bien que mal... Or, en vue de cette éventualité, il n'y a rien de tel, que de faire circuler un certain mot d'ordre, ce à quoi la rime est particulièrement propre. Tu sais le cas que je fais des vers en général et des miens en particulier. Mais on ne saurait se dissimuler qu'il y a encore beaucoup de bonnes âmes qui ont gardé jusqu'à présent la superstition de la ri-

me, — que la rime est encore en possession d'édifier et de persuader. Et voilà pourquoi il serait peut-être opportun de publier dans quelque journal, dans la «Беседа», p(ar) ex(emple), les vers que je vous ai envoyés dernièrement⁴. As-tu des accointances avec la «Беседа»? Sinon, il y a le «Русский Вестник»...

Maintenant reste la partie de ta lettre qui m'a le plus vivement impressionné. C'est celle qui a rapport à Федя, — mais ceci exige une lettre à part. Pour le moment je te dirai seulement que je partage de tous points ta manière de voir et que leur prétendu classicisme n'est qu'un système d'hébétement général. C'est la Russie livrée aux cuistres par des imbéciles. Mais nous en parlerons plus au long tantôt.

Dieu vous garde et bon courage et bonne chance à ton mari.

Перевод:

Петербург. 6 октября 1871

Не думай, дочь моя, что я забыл о деле, которое вы мне поручили. На днях я отправился к управляющему Орлова-Д(авыдова) узнать все точно о его хозяйне. Оказывается, он раньше 1-го ноября в Петербург не вернется. Что же теперь делать? Написать ему в деревню или подождать его возвращения? Жду твоих распоряжений.

Охотно освобождаю твоего мужа от необходимости писать мне сейчас. Его письмо к Дёллингеру будет ответом на все мои письма к нему¹. Но написал ли вам Осинин? Познакомил ли он вас хоть немного с положением дела? Сообщил ли о том, что стенографические отчеты Конгресса должны вот-вот выйти? Это издание непременно нужно достать². Сам Осинин вскоре опубликует отчет Святейшему Синоду о своей работе на Конгрессе, и, кроме того, он намеревался читать публичные лекции на эту тему. Таким образом, в информации недостатка не будет. Но самое главное, нужно бы установить постоянную связь с немецкой прессой, а именно, с газетой «Rheinischer Merkur», которая специально занимается защитой интересов этого движения; вероятно, она охотно приняла бы все, что мы сможем ей переслать. Почему бы нам отныне не использовать ее для того, чтобы познакомить немецких читателей с доктриной Хомякова³ и его школы, помещая выдержки из их работ в названной газете. Сделать это было бы так просто. Достаточно было бы правильно выбрать эти выдержки с тем, чтобы подчеркнуть положения доктрины, которые самым непосредственным образом связаны с нынешней ситуацией. Мне кажется, моя милая дочь, ты без труда могла бы найти в Москве какого-нибудь просвещенного немца, осведомленного в этих вопросах; он помог бы тебе в этой работе, а ты бы его направляла.

Следует ожидать, что едва отчет Осинина выйдет в свет, наша печать подхватит этот вопрос и примется толковать его и так и этак... В предвидении подобной возможности лучше всего было бы пустить по рукам нечто вроде лозунга, и для этого очень может пригодиться рифма. Ты знаешь мое отношение к стихам вообще и к своим в частности. Но ведь нельзя закрывать глаза на то, что есть еще много простодушных людей, которые сохранили суеверное отношение к рифме и полагают, что рифма все еще способна убеждать и поучать. Вот почему было бы уместно опубликовать в какой-нибудь газете, например в «Беседе», стихи, которые я вам недавно послал⁴. Есть ли у тебя связи с «Беседой»? Если же нет, можно обратиться в «Русский вестник»...

Теперь остается поговорить о том, что в твоём письме меня особенно взволновало. Это то место, где речь идет о Феде, — но это тема для особого письма. Пока же скажу только, что полностью разделяю твое мнение и что их так называемое классическое образование это всего-навсего система всеобщего отупления. Благодаря дуракам Россия оказывается во власти педантов. Но мы поговорим об этом подробнее в скором времени.

Да хранит вас Бог, пожелай от меня мужества и удачи своему мужу.

¹ Профессор Мюнхенского университета Иоганн Дёллингер (1799—1890) возглавил группу немецких богословов, заявивших протест против догмата «непогрешимости» папы, а затем стал одним из организаторов конгресса представителей католической оппозиции папе римскому. На этом конгрессе, состоявшемся в Мюнхене в сентябре 1871 г., была образована независимая от Ватикана церковная организация («старокатолики»). Тютчев неоднократно настаивал на том, чтобы Аксаков выступил в печати по вопросу об этом расколе в католической церкви (см. и. 69, прим. 2). Аксаков посвятил этому вопросу анонимную статью, написанную в форме письма к Дёллингеру («Письмо д-ру богословия и профессору Дёллингеру по

поводу программы, рассмотренной и утвержденной конгрессом старокатоликов в Мюнхене 9(21) сентября 1871 г.»; подпись: «Один из православных мирян»). Статья была напечатана с цензурными искажениями («Православное обозрение», 1871, т. II); в полном виде вышла отдельным изданием на немецком языке в переводе А. Ф. Аксаковой (см. сообщение Н. П. Белеевой: Книги Тютчева в библиотеке музея «Мураново» — наст. том, кн. II).

² Отчеты о старокатолическом конгрессе печатались в «Православном обозрении» (1872, № 10 и 11).

³ Тютчев имеет в виду богословские сочинения А. С. Хомякова, в которых доказывалось превосходство православия как «истинного» христианства перед католицизмом и протестантизмом.

⁴ Стихотворение Тютчева «Ватиканская годовщина» (июль 1871 г.) написано по поводу годовщины провозглашения догмата о «непогрешимости» папы, принятого Ватиканским собором 18 июля н. с. 1870 г.; опубликовано в журнале «Гражданин» (1872, № 3, 17 янв.).

71. И. С. Аксакову

Петербург. 19-го ноября <18>71

Чем более будут *агитировать* вопрос, тем единодушнее со всех сторон будут сходиться и становиться на ту точку зрения, которую вы поставили в вашей статье. Весь вопрос сводится к тому: есть ли церковь или нет ее, т. е. веруют ли еще и кто верует в тот *сверхъестественный* факт, называемый церковью? На днях у велик(ого) князя Константина Ник(олаевича), сколько мне известно, много было толков о том, что и как делать по данному вопросу; много высказано было доброй воли, усердия, даже понимания дела. С большим сочувствием и похвалою отзывались о вашей статье — выставлен(ы) был(и) на вид обер-прокурору Синода, который тут был, строки вашей статьи, конфискованные духовною цензурою, а к чему приведет все это — не знаю ¹. Мы все ходим в каком-то заколдованном кругу. Одного слова достаточно было бы, чтоб разорвать его, но кто его скажет?

Прочтите в Аугсбургской газете № 331 статью «Die Audienz in Haubengeim» о свидании кн. Горчакова с протестантской депутацией ². Очень назидательно. В этой статье вы вычитаете вероятный исход всего старокатолического движения между немцами по отношению к православию. Вот какую броню самой сознательной ненависти надо нам пробить, чтобы дойти до взаимного уразумения, а в нас бессознательность так велика, что ввиду такой статьи, какова сказанная, у нас еще не снято запрещение с *третьего* выпуска *самаринских «Окраин»* ³.

Россия погибнет от бессознательности. Хотите ли новых признаков, новых заявлений в смысле этого страшного рокового предвидения? Вы у меня спрашиваете, как понимают здесь, в правительственных сферах, все происходящее в Австрии, отношения наши к министерству Андраши ⁴. А вот что было высказано самым авторитетным образом по этому вопросу: «Именно ввиду министерства Андраши нам необходимо еще теснее сблизиться с *Пруссией*». — Исчерпайте, если можете, всю бездну... *непонимания*, заключающуюся в этих словах, то чудовищное непонимание самой очевидной, осязательной действительности. Откуда это? Человек, утративший чувство самосознания, держится на привязи. Государство бессознательное гибнет... А смысл есть в вышеприведенном воззрении, и вот какой: Бисмарк, создавший Андраши, пугает нас им, — для чего? Чтобы мы, из-за его благоволения, предоставили ему распоряжаться, как он знает, *чехами*, потому что Богемское королевство — вот в данную минуту единственный объектив Бисмарка, — а нам-то что? Разве есть какая солидарность между нами и чехами, т. е. между нами и Славянством! Впрочем, в «Голосе», в его передовых статьях, доскажу(т) остальное ⁵.

Впрочем, слова ни к чему, нам нужны побои — и это не уйдет от нас.

¹ Конец статьи Аксакова «Письмо к Дёллингеру (...)» (см. п. 70, прим. 1) был искажен духовной цензурой. Обращение по этому поводу к обер-прокурору Синода гр. Д. А. Толстому результата не имело.

² Прусский министр-президент Бисмарк стремился использовать движение старокатоликов (см. п. 70, прим. 1) в политических целях, прежде всего — для укрепления господства Пруссии.

³ Речь идет о запрете на распространение в России третьего выпуска издания Ю. Ф. Самарина «Окраины России. Сер. I. Русское Балтийское поморие. Вып. 3 (Православные латыши)». Berlin, 1871.

⁴ Гр. Дьюла (Юлий) Андраши (1823—1890) — австро-венгерский дипломат; выдвижение его на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии (1871) способствовало австро-пруско-му соглашению, антирусская направленность которого все более становилась очевидной.

⁵ Эти слова можно объяснить тем, что в своем письме Тютчев развивает ряд положений, высказанных в передовой статье газеты «Голос» (1871, № 318, 17/29 нояб.).

72. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. 4 Janvier 1872

Ma fille chérie. Il faut convenir que vous êtes de ces natures, de plus en plus rares, qui ne font pas les choses à demi... Ce qui ne m'empêche pas de gémir de la terrible corvée que, sans m'en douter, je t'ai imposée... Ton dernier bulletin, assurément, pourrait donner quelque espoir de salut, si dans une organisation aussi compromise déjà, les mauvaises chances ne l'emportaient de beaucoup sur les bonnes. Puisse le médecin avoir dit vrai en affirmant que dorénavant il n'y avait rien à craindre pour l'intrépidité de l'os — et puisses-tu être bientôt rendue à toute la liberté de mouvement, car il me tarde infiniment, ma fille, de vous revoir, toi et ton mari, arriver au plutôôt ici. Dans tout ce qui me tient vivement à coeur je prends instinctivement l'habitude de compter les jours: *semper vita brevis vetat inchoare longam* ¹.

Aksakoff te traduira cela...

Et cependant je ne puis m'empêcher dans mon incurable frivolité de prendre toujours le même intérêt au spectacle du monde tout comme si je ne devais pas le quitter d'un moment à l'autre. Le discours du P. Tcherkassky a été très remarqué ici par tous les hommes intelligents ². C'est là le vrai mot de la situation. La Russie arrivera-t-elle à la conscience pleine et entière de sa loi, de sa mission historique, et l'entendrons-nous bientôt prononcer les paroles de la statue de Pygmalion, lorsque de marbre, elle devient un être animé: «Ceci est moi, Ceci est encore moi. Ceci n'est plus moi» ³. A combien de gens et de choses la dernière partie de cette phrase sacramentale ne trouverait-elle pas de légitime application ⁴.

Dans le dernier comité dont je vous ai parlé, la mesure en question proposée au sujet de la presse a été acceptée en principe, sans opposition aucune. Il fallait s'y attendre. Dans la situation donnée, et là, où l'esprit fait défaut, — la répression matérielle en vue d'un mal évident est la seule possible, mais malheureusement c'est dans certains cas une arme mauvaise — mauvaise en ceci, qu'elle donne une fausse sécurité en vous étourdissant sur la nécessité absolue d'une arme plus réellement efficace. Dans certaines régions chez nous, on en est arrivé à ne plus comprendre la valeur d'une question telle, par exemple, que serait celle-ci: comment se fait-il qu'en matière de mauvaises doctrines, de tendances pernicieuses, nous n'ayons rien à leur opposer qu'une répression matérielle? Qu'est devenu chez nous le vrai principe conservateur? Pourquoi notre sel s'est-il si terriblement affadi? Tout Pouvoir qui, par défaut de principes et de conviction morale, se fait matérialiste, devient par là même le plus terrible complice de la Négation, de la Destruction Révolutionnaire, mais il ne finit par s'en apercevoir qu'après que le mal est devenu irréparable.

La lettre à Doellinger reste toujours encore sans réponse, et ce silence est un aveu ⁵. Il y a quelquefois un inconvenient très réel à avoir d'emblée trop raison. Car cela fait avorter la discussion... D'ailleurs, la déclaration faite dernièrement à Munich par Doellinger peut être considérée comme une réponse indirecte à la lettre d'Aksakoff. Toute la question, dans l'esprit de ces gens-là, se réduit à un duel entre le Jéuitisme et... la Science Allemande. Nous savons ce qu'est le Jéuitisme, mais qu'est-ce que la Science Allemande? Est-ce celle de Doellinger luimême, ou celle de Strauss ⁶, ou celle de Molleschott ⁷ et de tant d'autres?

Le monde s'abîme de plus en plus dans ses illusions volontaires, dans ces erreurs de l'esprit, engendrées par la malice des coeurs. Que Dieu vous garde.

Перевод:

Петербург. 4 января 1872

Моя милая дочь, конечно же, ты из тех все реже встречающихся людей, которые ничего не делают напополам... И все-таки я сокрушаюсь, что, сам о том не подозревая, взвалил на тебя столь тяжкую обузу... Последнее сообщение о твоём здоровье могло бы, безусловно, вселить некоторую надежду на перелом к лучшему, если бы для столь ослабленного организма возможность ухудшения не была гораздо более вероятной, чем возможность улучшения. Дай бог, чтобы сбылись слова врача о том, что за целость кости уже можно не волноваться и чтобы ты поскорее вновь обрела возможность свободно передвигаться, ибо мне так хочется повидать тебя и твоего мужа, дочь моя, не дожусь, когда вы приедете. Когда я чего-нибудь очень сильно жду, я начинаю, сам того не замечая, считать дни: *semper vita brevis vetat inchoare longam*^{39*}.

Аксаков переведет тебе это...

И все-таки, по своему несправимому легкомыслию, я по-прежнему не могу не интересоваться всем, что происходит в мире, словно мне не предстоит вскоре его покинуть. Речь кн. Черкасского привлекла здесь серьезное внимание, все умные люди ее оценили². Вот уж поистине меткая характеристика положения. Придет ли Россия к глубокому и полному осознанию законов своего развития, своей исторической миссии, скоро ли услышим мы от нее слова, которые произносит статуя Пигмалиона, когда из куска мрамора превращается в одушевленное существо: «это я, это тоже я, а это уже не я»³. К скольким людям и явлениям полностью приложима последняя часть этой сакраментальной фразы.

На последнем заседании комитета, о котором я вам писал, мера, предложенная в отношении печати, была в целом утверждена без каких-либо возражений⁴. Этого следовало ожидать. В подобной ситуации, да еще если не хватает ума, репрессивные меры материального воздействия в отношении любого проявления зла представляются единственно возможными, однако, к сожалению, порой это оружие становится негодным, — негодным в силу того, что оно дает ощущение мнимой безопасности, позволяющее забывать о необходимости иметь гораздо более эффективное оружие. Дело дошло до того, что в некоторых сферах у нас становится непонятной суть такого, например, вопроса: почему вредным теориям, пагубным тенденциям мы не можем противопоставить ничего, кроме материального подавления? Во что превратился у нас подлинный принцип консерватизма? Почему наша соль стала столь чудовищно пресной? Любая власть, которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения, но она начинает осознать это лишь тогда, когда зло уже непоправимо.

На письмо к Дёллингеру все еще нет ответа, и это молчание говорит само за себя⁵. Иногда испытываешь досаду, что слишком скоро оказываешься прав. Ибо это лишает возможности поспорить... Впрочем, заявление, которое на днях сделал Дёллингер в Мюнхене, можно рассматривать как косвенный ответ на письмо Аксакова. В понимании этих людей весь вопрос сводится к единоборству иезуитизма с... немецкой наукой. Мы знаем, что такое иезуитизм, но что такое немецкая наука? Наука ли это самого Дёллингера или наука Штрауса⁶, или наука Молешотта⁷ и многих других?

Мир все более погружается в беспочвенные иллюзии, в заблуждения разума, порожденные лукавыми сердцами. Да хранит вас Бог.

¹ Измененная цитата из оды Горация (*Q. Horatii Flacci Carmina. I. 4, 15*).

² В речи на юбилей М. П. Погодина (29 дек. 1871 г.) В. А. Черкасский говорил: «Только те государства способны играть роль всемирно-историческую, которые дорастают до живого и ясного сознания своей исторической задачи. Без исторического самосознания нет великого народа» («Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем». М., 1879, с. 301).

³ Тютчев приводит слова оживающей Галатеи из лирической сцены Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион». Сюжет сцены строится на легенде о греческом скульпторе Пигмалионе: влюбившись в созданную им статую, он умолил богов оживить ее.

⁴ Вероятно, речь идет о проекте «новых временных правил цензуры», внесенном в январе 1872 г. на рассмотрение Государственного Совета по инициативе нового начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова. Новые правила (утверждены 3 мая 1872 г.

^{39*} Краткость жизни не позволяет строить далеко идущие планы (*лат.*)¹.

отстраняли от дел печати судебные органы и передавали все карательные функции целиком административно-полицейским органам.

⁵ Об этой статье см. п. 70, прим. 1.

⁶ Давид Фридрих *Штраус* (1808—1874) — немецкий теолог и философ-младогегельянец. Высказывал убеждение в превосходстве знания над верой, требовал рациональной критики церковных догм, в чем и видел предназначение теологии.

⁷ Якоб *Молешотт* (1822—1893) — немецкий физиолог и философ, один из родоначальников вульгарного материализма.

73. А. Ф. Аксаковой

Pétersbourg. Ce 11 Juillet 1872

C'est aujourd'hui, comme tu le sais, le 40-ième jour depuis la mort de Marie et le 2e anniversaire de la mort de Dmitry¹. C'est beaucoup de besogne que la Destinée a faite en peu de temps. Sans compter les autres morts qui se sont succédé dans l'espace de ces deux dernières années... Dans toute existence vient ainsi le moment de la grande liquidation, et quand elle a commencé, on ne sait jamais où elle s'arrêtera.

Je viens de passer quelques jours à Csarskoé, où, grâce à la sollicitude vraiment admirable de Daria, Maman a été aussi bien qu'on pouvait le désirer, ce qui ne l'empêche pas, hélas, de s'y sentir mal à l'aise, là comme ailleurs, et peut-être plus qu'ailleurs, grâce à cette malade disposition de son esprit qui lui fait toujours appréhender d'être trop en vue, de s'imposer trop aux autres, etc., etc., grâce à cet excès de discrétion, qui finit par dégénérer dans son contraire. Hélas, elle ne s'en doute pas, combien cette manière d'être inhérente à sa nature, cette Menschenscheu a exercé d'influence sur la destinée de la pauvre Marie. C'est cette insociabilité invincible de sa mère qui lui a rendu, à un certain moment, son existence dans la maison paternelle si parfaitement insipide — malgré toute l'affection dont elle y était entourée, — que pour y échapper elle a sauté à pieds joints dans le plus absurde des mariages². Mais c'est ce que ma pauvre femme n'a jamais pu comprendre et ne comprendra jamais, tant il est vrai que l'homme même le meilleur, le plus sincère pour lui-même, n'est pas fait pour se voir lui-même, pas plus que sans l'aide d'une glace il ne saurait voir sa propre figure.

Nous voilà pour le moment rentrés en ville, qui est impossible. Aussi je me flatte qu'elle ne tardera pas à retourner à Czarskoé. Daria encore une fois met toute la bonne grâce imaginable à l'entourer de soins, et cependant j'aspire à la voir recouvrer au plus tôt la liberté de ses mouvements et l'entière disposition de sa personne. Ah oui, la position n'est pas facile, et je n'ai eu que trop raison de dire, que tout malheur est en même temps un désordre...

J'ai été <content>^{40*} d'apprendre par ta dernière lettre que le 15 de ce mois Mr. Федя allait être réintégré au Lycée³ — il en était temps et pour lui, et pour toi, car je ne comprends que trop bien combien dans ton état de santé sa turbulente présence devait peser sur tes nerfs, en même temps que cette prolongation de dissipation et d'indiscipline lui était préjudiciable à lui-même...

Ce qui me satisfait moins, c'est ton voyage à Samara, avec ses fatigues et ses privations de tout genre. Je ne comprends même pas, que les ayant une fois expérimentées, tu commettes l'imprudence de t'y exposer derechef, dans ton état actuel de santé. Et que deviennent donc toutes ces idées de rafraîchissement et de repos qui se rattachaient pour toi à celle de la possession de Tourovo⁴. Je te supplie de te ménager... et après ce qu'il vient de m'arriver, tu me dois bien cela. Mille amitiés à ton mari.

Перевод:

Петербург. 11 июля 1872

Сегодня, как ты знаешь, 40-й день со дня смерти Мари и 2-я годовщина со дня смерти Дмитрия¹. Да, Судьба усердно потрудилась за последние два года. Не говоря уж о всех дру-

^{40*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

гих смертях за этот короткий срок... Так в любом существовании наступает момент расплаты по векселям, и раз уж это началось, никогда не известно, чем все кончится.

Я провел несколько дней в Царском, где благодаря поистине удивительной заботливости Дарья мамá чувствовала себя хорошо, насколько это возможно, однако, увы, здесь, как и везде, а может быть, более, чем где-либо, она чувствовала себя стесненно вследствие болезненной особенности своего характера, из-за которой она всегда боится оказаться слишком на виду; боится навязать другим свое общество и т. д. и т. п., а происходит это от чрезмерной деликатности, переходящей в конце концов в свою противоположность. Увы, она и не подозревает, какое сильное влияние эта черта ее характера, эта *Menchscheu* ^{41*} оказала на судьбу бедной Мари. Ведь именно упорная необщительность матери привела к тому, что, при всей любви, какой она была окружена, жизнь в родительском доме в конце концов стала для нее невыносимо безотрадней, и она очертя голову бросилась в нелепейшее из замужеств, только бы бежать от этой скуки ². Но этого моя бедная жена не могла понять и не поймет никогда, — ведь поистине даже самый лучший, самый справедливый к себе человек не может взглянуть на себя со стороны, как не может без зеркала увидеть собственное лицо.

Теперь мы вернулись в город, и здесь невыносимо. Вот я и лущу себя надеждой, что вскоре она пожелает возвратиться в Царское. Дарья по-прежнему, со всей возможной предупредительностью, окружает ее заботой, однако мне бы очень хотелось, чтобы к ней как можно скорее вернулась способность самостоятельно передвигаться, и она могла бы полностью располагать собой. Да, положение не из легких, и я, к сожалению, был прав, говоря, что несчастье — это вместе с тем и нарушение жизненного порядка...

Мне было <приятно> ^{42*} узнать из твоего письма, что 15-го числа г-н Федя вернется в Лицей ³ — пора, пора и для него, и для тебя, ибо я слишком хорошо понимаю, каким тяжким испытанием для твоих нервов оказалось, при твоём состоянии, присутствие этого непоседы; к тому же и для него самого вредно столь продолжительное безделье и отсутствие дисциплины...

Менее радует меня твое намерение поехать в Самару, ведь это связано со всевозможными трудностями и так утомительно. Просто не понимаю, как ты можешь, однажды испытав все это, отважиться вновь на такое путешествие, да еще в твоём состоянии. Что же случилось с твоими намерениями освежиться и отдохнуть, которые ты связывала с приобретением Турова? ⁴ Умоляю, береги себя... а после того, что со мной было, ты просто обязана сделать это для меня. Дружески кланяюсь твоему мужу.

¹ Сын Тютчева Дмитрий скончался 11 июля 1870 г., дочь Мария умерла 2 июня 1872 г.

² Об отношении Тютчева к замужеству дочери см.: *Современники о Тютчеве*, 1865, январь — март.

³ Сын Тютчева Федор в это время воспитывался в Лицее Каткова.

⁴ Турово — имение Аксаковых на Оке (Серпуховской у.).

74. А. Ф. Аксаковой

Petersbourg. Ce Vendredi, 28 Septembre 1872

Ma fille chérie, c'est hier que j'ai reçu ta dernière lettre, et déjà aujourd'hui je suis occupé à t'écrire, non pas que j'aie quelque chose de particulier à te communiquer, mais tout bonnement pour ne pas laisser tomber la conversation, comme on dit... Ce qui parfois nécessite bien des redites plus ou moins oiseuses. Mais qu'est-ce qui n'est pas une redite dans ce monde?..

Merci des nouvelles meilleures que tu me donnes de ta santé... Merci aussi des nouvelles comparativement meilleures que tu me donnes au sujet de Федя. Ah, il serait bien temps qu'elles devinssent tout à fait bonnes. Mais il suffit qu'on prenne un peu vivement à coeur quoi que ce soit, pour être sûr de n'y rencontrer que du désappointement et du mécompte. C'est mon cas avec Федя. Je ne lui en sais pas moins gré d'un certain mieux comparatif que ses maîtres signalent dans sa tenue générale. Je me plais à croire que ce mieux s'accusera aussi par rapport à ses études...

^{41*} нелюдимость (нем.).

^{42*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

Н. А. БИРИЛЕВ, М. Ф. БИРИЛЕВА И Э. Ф. ТЮТЧЕВА

Фотография Г. И. Денъера. Петербург, (1868)

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Ce que tu me dis du vide d'intérêt qui se produit à Moscou, s'applique parfaitement à la situation de Pétersbourg en ce moment. Mais ce manque d'intérêt n'est pas dans les choses. Il est tout entier dans les personnes. Il n'y a plus à se faire d'illusion. La société actuelle en Russie est l'une des plus ternes, des plus médiocres intellectuellement et moralement parlant, qui aient paru sur la scène du monde, et il est dans la nature de tout ce qui est médiocre de ne s'intéresser vivement à rien. Là où il n'y a plus d'aspirations, le mal même devient mesquin. Il peut se faire que nous en arrivions encore à regretter les divagations du nihilisme...

Un des témoignages les plus évidents de l'apathie générale des esprits parmi nous, est l'indifférence profonde avec laquelle on a accueilli la nouvelle formidable du schisme qui vient d'être déclaré en pleine Orthodoxie, à Constantinople¹. C'est là un des événements les plus graves et les plus gros de conséquences. Nous voilà donc descendus au niveau du catholicisme Romain, et cette chute a été amenée par des raisons analogues. C'est toujours l'impiété sacrilège de la personnalité humaine, transformant la religion en un instrument de tout ce qu'il y a de moins religieux au monde, le besoin de la domination politique, et cette intrusion de l'élément politique dans le domaine religieux n'est pas moins délétère et destructive parce qu'elle se fait au profit non pas d'un Pouvoir traditionnel, mais à celui d'une nationalité malade et malsaine... L'unité de l'Eglise, sacrifiée à de pareilles considérations; le schisme devenu une arme politique dans la main des partis, la tradition brutalement interrompue par le fait même de l'Autorité légitime, tout cela nous place dans la situation la plus fautive et la plus gauche vis à vis du grand

mouvement catholique en Occident². Où en est maintenant ce port assuré que l'Eglise orthodoxe prétendait offrir aux naufragés de l'Eglise Romaine?.. Que sont devenues toutes nos affirmations? — Nous allons voir si l'Eglise Orthodoxe possède effectivement en elle-même de quoi guérir les blessures qu'on lui fait? Il est assurément déplorable que notre diplomatie à Constantinople n'eût su rien prévenir et on se demande tout naturellement à quoi bon une diplomatie pareille? Mais cet à quoi bon, trouverait tant d'applications qu'il vaut mieux ne pas le soulever. — Ainsi soit-il.

Перевод:

Петербург. Пятница, 28 сентября 1872

Моя милая дочь, вчера получил твое последнее письмо, а сегодня уже отвечаю, и не потому, что нужно сообщить тебе что-нибудь важное, нет, просто для того, чтобы, как говорится, поддержать разговор... Это иногда приводит к более или менее праздным повторениям. Но что не повторяется в этом мире?..

Спасибо за более удовлетворительные вести о твоём здоровье... Спасибо также за сравнительно более приятные вести о Феде. Ах, им-то давно бы пора стать совсем хорошими. Но когда что-нибудь принимаешь слишком близко к сердцу, непременно обманываешься в своих ожиданиях. Так и у меня с Федей. Тем не менее я благодарен ему за то, что, по наблюдениям его наставников, он стал лучше себя вести. Хочется верить, что и с учением у него станет получше...

Ты пишешь мне, что в московском обществе сейчас наблюдается отсутствие интересов, то же самое можно сказать в данный момент и о Петербурге. Но на обстоятельства тому причиной. Это отсутствие интересов целиком заключено в самих людях. Не к чему обошлаться. Современное русское общество — одно из самых бесцветных, самых заурадных в умственном и нравственном отношении среди тех, что когда-либо появлялись на мировой арене, а заурадности не свойственно чем-либо живо интересоваться. Там, где нет стремлений, даже зло мелькает. Быть может, мы еще дойдем до того, что будем с грустью вспоминать о бреднях ниглизма...

Одним из наиболее убедительных доказательств нашей общей умственной апатии является глубокое равнодушие, с которым было встречено потрясающее известие о расколе, происшедшем в самом сердце православия, в Константинополе¹. Это событие — одно из самых значительных, оно чревато самыми серьезными последствиями. Вот мы и опустились до уровня римского католицизма, и падение наше было вызвано сходными причинами: безбожием человека, кощунственно превращающего религию в орудие того, что менее всего на свете с ней связано, в орудие стремления к политическому господству, — и это вторжение политики в область религии не становится менее пагубным, менее разрушительным от того, что оно осуществляется не в пользу традиционной власти, а в пользу тщедушного, нездорового народа... И то, что единство Церкви принесено в жертву подобным соображениям, что раскол стал политическим орудием в руках партий, что традиции грубо попираются самой деятельностью законной власти, — все это ставит нас в самое ложное и самое невыгодное положение по отношению к сильному католическому движению на Западе². Где теперь спасительная гавань, которую православная церковь сулила всем, кто терпит крушение на корабле католицизма? Что случилось со всеми нашими обещаниями? — Скоро мы увидим, способна ли православная церковь найти в себе самой средства исцеления ран, ей нанесенных. Безусловно, достойно сожаления, что наша дипломатия в Константинополе не сумела ничего предусмотреть, и совершенно естественно возникает вопрос: какой же прок от подобной дипломатии? Но вопрос «какой же прок?» можно было бы задавать столь часто, что лучше не задавать его вовсе. — Да будет так.

¹ 11 мая 1872 г. экарх болгарской православной церкви провозгласил ее независимость от константинопольского патриарха. В ответ на это патриарх созвал поместный собор, открывшийся 29 августа 1872 г. Собор объявил болгарскую церковь схизматической (раскольнической).

² Тютчев имеет в виду движение старокатоликов (см. п. 70, прим. 1).

75. А. Ф. Аксаковой

Пétersbourg. Ce 17 Novembre 1872

Il y a bien longtemps déjà que notre correspondance s'est complètement désintéressée de toute question générale, soit du dedans, soit du dehors. Elle a fait comme le Public qui n'a plus de public que le nom. L'apathie est complète. C'est une prostration d'esprit générale.

Mais par acquis de conscience, j'ai cru devoir, au retour du chancelier, lui demander le vrai de ce qui s'était passé à Berlin et voici ce que j'ai appris de lui.

La pensée, aussi bien celle de l'Empereur que celle de lui, le Chancelier, et qui leur est venue spontanément à tous les deux sans qu'ils se fussent entendus au préalable, la pensée politique qui les a guidés à cette conférence de Berlin ¹, c'était d'affranchir nos rapports de bonne intelligence avec l'Autriche comme telle, comme Puissance indépendante et autonome de tout Contrôle, de toute ingérence prussienne — pensée assurément très juste, mais que l'on peut comprendre de bien des manières, et qui ne sont pas toutes acceptables pour nous. En effet, le vrai contrepois à opposer en ce moment à la prépondérance de la Prusse, c'est le raffermissement de l'Autriche, c'est son autonomie politique — mais à quelles conditions ce résultat est-il possible? Est-ce en poussant ce malheureux gouvernement de Vienne dans la voie où il est engagé, et pour lui complaire, en reniant comme on nous accuse d'avoir fait, nos sympathies pour les Slaves? Ce serait là un contresens des plus absurdes. Nous perdriions à ce jeu-là toute autorité et tout honneur, et en définitive nous n'aurions réussi que de fourvoyer de plus en plus la malheureuse Autriche. Il est clair, qu'elle ne saurait se retrouver un peu stable dans la voie où elle marche actuellement, c'est à dire en se mettant à dos la majorité de ses populations, car nous aurions beau décourager les Slaves, pour ce qui nous concerne, nous ne réussirions pas à les rallier à un système qui n'a de raison d'être que dans un parti pris d'hostilité implacable contre eux... Evidemment, si nous voulons du bien à l'Autriche (bien entendu, dans notre propre intérêt) nous devons plutôt employer notre influence à la rapprocher des Slaves dans la mesure du possible, de son possible à elle, en nous montrant des intermédiaires bienveillants et équitables. Et pour cela, bien loin de renier nos sympathies pour toutes ces populations de la même race que nous, il faudrait hardiment et sincèrement accepter et faire accepter aux autres cette solidarité qui nous lie à elles, comme un élément essentiel de la question.

Tel, malheureusement n'est pas le point de vue qui prévaut en ce moment, et ce qui le prouve, c'est l'engouement tout à fait puéril qui s'est déclaré en haut lieu pour la personnalité, d'ailleurs très sympathique, d'Andrassy ², au point que le pauvre Novikoff ³ se trouve lui être complètement subordonné, et c'est là un de ces engouements tout personnels, auxquels nous ne sommes que trop sujets et qui nous ont souvent si ridiculement fourvoyés.

Mais ceci touche à tout, à ce qu'il y a de plus fondamental dans la situation... à la prépondérance que les goûts, les dispositions, les préoccupations purement personnelles peuvent s'accorder dans la gestion de la chose publique sans compromettre des intérêts bien essentiels.

Et sur ce je te quitte, ayant donné assez de besogne pour cette fois à la perlustation obligée. Mille amitiés à ton mari.

Перевод:

Петербург. 17 ноября 1872

Уже давно мы совершенно не касаемся в нашей с тобой переписке никаких общих вопросов ни внутреннего, ни внешнего порядка. Мы поступаем, как и все общество, которое остается таковым только по названию. Апатия охватила все. Это какая-то всеобщая прострация разума.

Однако по возвращении канцлера я счел необходимым для очистки совести спросить у него, что же в действительности произошло в Берлине, и вот что узнал.

И государь, и канцлер, предварительно не сговариваясь, одновременно пришли к мысли, которой и руководствовались на конференции в Берлине¹. Эта политическая идея заключалась в том, чтобы освободить от всякого вмешательства Пруссии наши отношения доброго согласия с Австрией как таковой, как с державой самостоятельной и свободной от какого бы ни было контроля — мысль, безусловно, очень правильная, но ее можно толковать по-разному, и не всякое толкование для нас приемлемо. Действительно, единственное, что мы можем сейчас противопоставить все возрастающему влиянию Пруссии, — это укрепление позиций Австрии, ее политическая независимость — но на каких условиях можно этого добиться? Может быть, мы должны подталкивать несчастное венское правительство на пути, который оно избрало, отрехшись в угоду ему — а нас уже и сейчас в этом обвиняют — от наших симпатий к славянам? Но это было бы величайшей бессмыслицей. Затеяв подобную игру, мы утратили бы и честь, и влияние и в конечном счете добились бы лишь одного, — что несчастная Австрия окончательно собьется с пути. Ясно, что она не сможет добиться хоть сколько-нибудь устойчивого положения на том пути, которым следует сейчас, т. е. восстанавливая против себя большинство населяющих ее народов. Ибо как бы мы, со своей стороны, ни пытались бы уговаривать славян, нам не удалось бы убедить их присоединиться к системе, весь смысл существования которой состоит в упорной, непримиримой к ним вражде... Очевидно, если мы желаем Австрии добра (конечно, в наших собственных интересах), мы должны употребить свое влияние скорее на то, чтобы примирить ее со славянскими народами в пределах возможного — возможного для нее, — проявив себя благожелательными и беспристрастными посредниками. А для этого, вместо того, чтобы отречься от своих симпатий к народам одного с нами племени, нужно смело и открыто признать и заставить других признать наше единение с ними важнейшим условием решения этого вопроса.

К сожалению, господствующая сейчас точка зрения не такова, и доказательством этого является совершенно ребяческое пристрастие в высших сферах к личности Андраши², человека, впрочем, очень симпатичного, пристрастие, которое проявляется столь сильно, что бедняга Новиков³ оказывается в полном его подчинении. Это опять проявление личного пристрастия, которому мы столь подвержены и вследствие которого уже не раз становились посмешищем, сбиваясь с верного пути.

Но это относится буквально ко всему и к самой сути нынешнего положения... а именно к тому, в какой мере вкусы, склонности, интересы чисто личного порядка могут оказывать влияние на решение вопросов государственных без ущерба для существа дела.

На этом прощаюсь с тобой, большую работу задал я на сей раз службе перлюстрации. Дружески кланяюсь твоему мужу.

¹ Подразумевается свидание трех императоров (Франца-Иосифа, Вильгельма I и Александра II) в Берлине (сентябрь 1872 г.) и то направление политики России, которое привело к ряду соглашений между Россией, Австро-Венгрией и Германией — к так называемому Союзу трех императоров.

² Министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши присутствовал вместе с Бисмарком и Горчаковым на свидании трех императоров в Берлине.

³ Евгений Петрович Новиков (р. 1826) — писатель и дипломат; с 1870 г. — русский посол в Вене.

А. И. ГЕОРГИЕВСКОМУ 1864—1866

Александр Иванович *Георгиевский* (1830—1911) и его жена Мария Александровна (рожд. Денисьева; 1831—1916) занимали особое место в жизни Тютчева. М. А. Георгиевская была сводной сестрой Е. А. Денисьевой; она и ее муж принадлежали к числу тех очень немногих людей, которые признавали его неофициальную семью. При жизни Денисьевой они бывали в ее доме, и, в свою очередь, дом Георгиевских был всегда открыт для нее и для Тютчева. После смерти Денисьевой Георгиевские были едва ли не единственными людьми, которые полностью разделяли горе Тютчева.

Первые письма Тютчева к Георгиевскому относятся к тому времени, когда он, тяжело переживая смерть Денисьевой, испытывал неодолимую потребность говорить о ней с близкими людьми. Эти письма перекликаются с лирикой Тютчева, с такими его стихотворениями, как «Нет дня, чтобы душа не ныла...», «Есть и в моем страдальческом застое...» и другими стиха-

ми «денисьевского» цикла. Письмо, написанное из Женевы, воспринимается как прозаический вариант стихотворных строк:

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу...

Однако Георгиевский был для Тютчева не только человеком, тесно связанным с Е. А. Денисьевой и с памятью о ней. Более трех лет (1863—1866) он был ближайшим сотрудником редакции «Московских ведомостей» — издания, стремившегося оказывать влияние и на отдельных представителей власти, и на всю политику России в целом. Обсуждая с Георгиевским самые различные проблемы внешней и внутренней политики России, Тютчев стремился через него воздействовать на направление этого издания — советовал «сменить forte на piano» редактору газеты, отличавшемуся крайней непримиримостью в отстаивании «охранительной» позиции (письмо Тютчева М. А. Георгиевской 27 сентября 1865 г. — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 2, ед. хр. 3).

Если сам Катков не был склонен прислушиваться к чужому мнению, то Георгиевский иногда использовал в своих статьях о внешней политике России суждения и формулировки Тютчева (см. п. 5, прим. 4; п. 13, прим. 5; п. 21, прим. 6). Однако эти случаи носили частный характер и вряд ли могли оказать влияние на общее направление «Московских ведомостей».

Георгиевский оставил обширные воспоминания, значительное место в которых уделено Тютчеву. Эти воспоминания, в той их части, которая касается Тютчева, печатаются во второй книге настоящего тома. Они используются и в комментариях к публикуемым ниже письмам Тютчева к Георгиевскому. В этих случаях ссылки даются по машинописной копии воспоминаний (*Мураново*, НВ-34-Т; местонахождение автографа неизвестно); далее — «Воспоминания».

Сохранилось 25 писем Тютчева к Георгиевскому за 1864—1866 и 1871 гг., а также копии двух телеграмм — за 1865 и 1866 гг. (*Письма*, 18).

Письма Георгиевского к Тютчеву неизвестны.

Ниже публикуются 21 письмо и 2 телеграммы Тютчева Георгиевскому. Письма печатаются по автографам (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 2, ед. хр. 2); телеграммы (п. 4 и 14) — по копиям А. И. Георгиевского («Воспоминания», л. 106 и 164). Три письма, связанные со смертью Денисьевой, неоднократно печатались (*Библиография*, 13) и в настоящую публикацию не включены; важнейшие цитаты из них приведены в «Воспоминаниях» Георгиевского, публикуемых в настоящем томе. Не включено в публикацию также письмо 6/8 июля 1871 г., представляющее собой сопроводительную приписку к стихотворению «Ватиканская годовщина».

1

(С.-Петербург. 29 марта 1864)

Любезнейший Александр Иванович, — князь Горчаков поручил мне звать вас на свой раут, — в понедельник, т. е. завтра¹. — Съезжаются к одиннадцати часам.

Надеюсь с вами там видеться.

Вам искренне преданный

Ф. Тютчев

Воскресенье

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Тютчев сопровождал Георгиевского на этот великосветский раут, состоявшийся в 1864 г. во время великого поста («Воспоминания», л. 35—37), а точнее — 30 марта («Папá был у Горчакова на рауте», — записала в этот день в дневнике М. Ф. Тютчева (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 181).

2

Женева. 6/18 октября 1864

Друг мой, милый друг мой Александр Иванович... Уверять ли мне вас, что с той минуты, как я посадил вас в вагон в Петерб(урге), не было дня, не было

часу во дне, чтобы мысль о вас покидала меня?...¹ Так вы тесно связаны с памятью о ней, а память ее — это то, что чувство голода в голодном, ненасытимо голодном.

Не живется, мой друг Александр Иванович, не живется... Гноится рана, не заживает... Будь это малодушие, будь это бессилие, мне все равно. Только при ней и для ней я был личностью, только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я сознавал себя... Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество... Может быть и то, что в некоторые годы природа в человеке теряет свою целительную Силу, что жизнь утрачивает способность возродиться, возобновиться, — всё это может быть, но, поверьте мне, друг мой Александр Иванович, тот только в состоянии оценить мое положение, кому — из тысяч одному — выпала страшная доля — жить четырнадцать лет сряду — ежечасно, ежеминутно — такую любовью, как ее любовь, — и пережить ее...

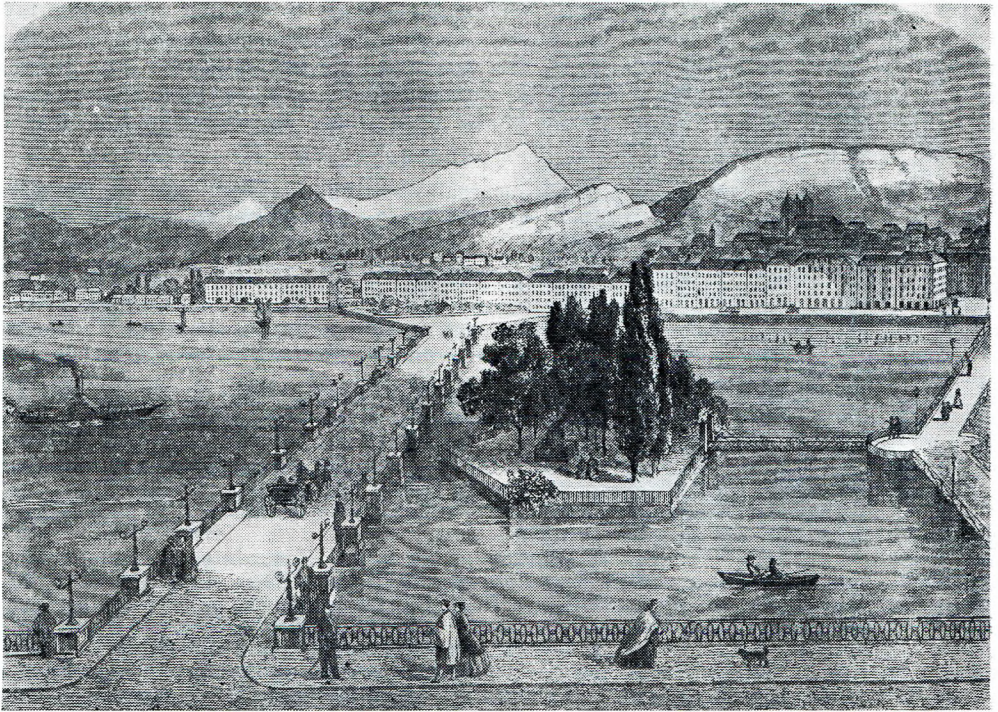
Теперь всё изведано, всё решено, — теперь я убедился на опыте, что этой страшной пустоты во мне ничто не наполнит... Чего я не испробовал в течение этих последних недель — и общество, и природа, и наконец самые близкие, родственные привязанности, самое душевное участие в моем горе²... Я готов сам себя обвинять в неблагодарности, в бесчувственности, но лгать не могу — ни на минуту легче не было, как только возвращалось сознание. Всё это приемы опиума — минутно заглушают боль, но и только. Пройдет действие опиума — и боль все та же. Только и было мне несколько отраднo, когда, как, напр(имер), здесь с Петровыми, которые так любили ее, я мог вдоволь об ней наговориться, — но и этой отрады я скоро буду лишен³. И при том я не могу не чувствовать, что даже и для тех, которые ее любили, это было простое, обыкновенное мимо преходящее горе, а не душевное увечье, как для меня... И тут тоже страшное одиночество.

Друг мой Александр Иванович, не тяготитесь этим письмом, которое я двадцать раз начинал и сил не хватало кончить... Хотелось бы, помимо слез, обменяться с вами и несколькими словами.

Вот уж скоро месяц я живу на берегах Женевского озера. В Лозанне или, лучше сказать, под Лозанною, в местечке *Ouchy* встретил я целую русскую колонию: кн. Горчакова, графа Киселева, бывшего посла в Париже⁴, и многих других... Тут-то нам удалось прочитать, благодаря присутствию двух великих княгинь, Елены Павл(овны) и ее дочери⁵, которые получают «Московские ведомости», великолепные статьи, вызванные брошюрою *Schedo-Ferroti*⁶.

Удар был электрический — всё было прочувствовано и оценено — и художественное мастерство отделки, и самая сущность содержания. Благодаря этим двум статьям французская брошюра превратилась в огромную услугу, оказанную русскому чувству и русскому делу, а *Головин* является чем-то вроде патристического *agent provocateur*^{1*}... Однако же мы не без удовольствия узнали, что Московский университет иначе оценил эту многостороннюю деятельность, отослав ему присланные экземпляры⁷... Вчера я извещился по телеграфу из Дармштадта, что сегодня, 6(-го), выезжают в Ниццу, куда и я скоро отправлюсь⁸... Кн. Горчаков, кажется, не провожает государя, и свидание с Наполеоном состоится без него⁹... Впрочем, я имею все возможности предполагать, что всё это ограничится обменом вежливостей и что мы удержим за собою весь простор нашего произвола, всю нашу политическую самостоятельность¹⁰... чему много будет способствовать самая шаткость и двусмысленность теперешнего положения дел — потому что последняя фаза этого положения, то есть франко-итальянская конвенция, есть не что иное, как новая уловка упрочить за Наполеоном возможность продлить эту двусмысленную игру, которую он все-таки проиграет¹¹... Но довольно. Мочи нет притворяться, скрепя сердце, говоря с участием о том, что утратило для меня всякое значение! Боже мой, Боже мой, всё это было хорошо при ней... — Дайте мне сказать несколько слов вашей милой Марье Александр(овне).

^{1*} провоцирующего начала (франц.).

ЖЕНЕВА. МОСТ МОНБЛАН

Вид со стороны отеля «Des Bergues», где осенью 1864 г. жил Тютчев. Вдали — гора Монблан
Гравюра неизвестного художника (выполнена по фотографии)
«Illustrierte Zeitung», 31 января 1863 г.

Chère, bien chère amie! Laissez moi vous dire ce que vous savez si bien d'ailleurs — c'est que depuis qu'elle n'est plus là, rien n'a de réalité pour moi que ce qui lui a appartenu, que ce qui a rapport à elle. Je vous laisse à juger, après cela, la place, que vous tenez dans mon cœur... Ah, que ne donnerais-je pas pour être entre vous et votre mari. Ah, oui il n'y a pour moi que ceux qui l'ont connue et aimés, bien qu'à présent tout le monde me parle d'elle avec un vif intérêt — trop tard — hélas! — trop tard! Une de celles qui m'a parlé d'elle avec le plus de sympathie, c'est dernièrement la Grande Duchesse Hélène, qui m'a même promis son appui pour ma petite Lolla, qu'elle verra chez Mad. Trouba à son retour à Pétersbourg¹². Ah, si ce n'étaient ses enfants je sais bien où serait maintenant ma place. Rien n'est changé — vous le voyez — je suis toujours au lendemain de sa mort... Ecrivez moi de grâce poste restante à Nice, vous et votre mari, s'il en a le temps. J'embrasse et je bénis vos enfants. Ah, chère amie, je suis bien malheureux.

Вам обоим несказанно преданный

Ф. Тютчев

Перевод:

Милый, дорогой друг! Позвольте мне сказать вам то, что, впрочем, вы слишком хорошо знаете, — что с тех пор, как ее нет больше с нами, ничто не существует для меня, кроме того, что принадлежит ей, что имело до нее отношение. Предоставляю вам судить после этого, какое место занимаете вы в моем сердце... Ах, чего бы только я не дал, чтобы быть с вами и с вашим мужем! Да, конечно, для меня существуют только те, кто ее знал и любил, хотя сейчас все говорят со мной о ней с большим участием — слишком поздно — увы! — слишком поздно. Недавно с очень большой теплотой говорила со мной о ней великая княгиня Елена,

она даже обещала мне оказать поддержку моей маленькой Лёле, которую повидает у г-жи Труба по возвращении в Петербург¹²... Ах, если бы не *ее* дети, я знаю, где бы я теперь был. Как видите, — ничто не изменилось, я все еще чувствую себя как на другой день после ее смерти... Пишите мне ради Бога в Ниццу, до востребования, вы и ваш муж, если только у него есть время... Обнимаю и благословляю милых детей ваших. Ах, милый друг, я очень несчастлив.

¹ 4 августа 1864 г. скончалась Е. А. Денисьева. Узнав об этом, Георгиевский немедленно выехал в Петербург, чтобы поддержать Тютчева в его горе («Воспоминания», л. 56—61).

² В конце августа 1864 г. Тютчев выехал за границу. Три дня он пробыл у дочери Анны в Югенхейме и 5/17 сентября приехал в Женеву, где встретился с женой и дочерью Марией. Около двух недель они провели в окрестностях Лозанны, на курорте Уши, где в связи с пребыванием там в. кн. Елены Павловны было много светских знакомых Тютчева. По возвращении в Женеву Тютчев встретился там с дочерьми Дарьей и Екатериной, которые приехали специально для того, чтобы повидаться с ним. О его душевном состоянии в это время см.: *Современники о Тютчеве*, 1864, август—октябрь.

³ Афанасий Константинович Петров — протоиерей; в 1859—1881 гг. священник при русской миссии в Женеве. Он и его жена хорошо знали Е. А. Денисьеву, которая часто бывала в Женеве.

⁴ Гр. Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872) — русский государственный деятель и дипломат; в 1856—1862 гг. был послом в Париже; с 1862 г. находился в отставке.

⁵ В. кн. Екатерина Михайловна (1827—1894) — племянница Николая I; в замужестве — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

⁶ В 1864 г. в «верхах» усилилась возглавляемая в. кн. Константином Николаевичем группировка, склонявшаяся к ограниченной автономии Царства Польского. К этой группировке принадлежали министр внутренних дел П. А. Валуев и министр народного просвещения А. В. Головнин, организовывавшие идейное и цензурное противодействие курсу «Московских ведомостей». Летом 1864 г. в Брюсселе вышла написанная по заказу Головнина брошюра бар. Ф. И. Фиркса, выступившего под псевдонимом Д. К. Шедо-Ферроти, «Que fera-t-on de la Pologne?» («Что будет с Польшей?»). Автор брошюры поддерживал позицию в. кн. Константина и выступал против крайностей катковского национализма. Катков ответил рядом передовых статей, в которых расценил нападки на свою газету как нападки на действия правительства (*МВ*, 1864, № 195, 196, 212 и 216 от 5, 6, 29 сент. и 4 окт.).

⁷ Головнин приобрел 1000 экземпляров брошюры Шедо-Ферроти и разослал ее по учебным заведениям. Совет Московского университета отказался принять в свою библиотеку этот памфлет и вернул его в Министерство народного просвещения (*МВ*, 1864, № 212, 29 сент.; см. также: *Никитенко*, т. 2, с. 463—464, 637).

⁸ 6/18 октября 1864 г. из Дармштадта в Ниццу выехала русская императорская семья. 12/24 октября туда же выехали из Женевы Тютчевы.

⁹ 16/28 октября 1864 г. в Ницце состоялась встреча Александра II с Наполеоном III, в которой Горчаков не участвовал.

¹⁰ Наполеон III рассчитывал воспользоваться предстоящей встречей, чтобы добиться от Александра II согласия на созыв европейской конференции для обсуждения польского вопроса («Kölnische Zeitung», 1864, 12 окт.; *МВ*, № 218, 7/19 окт.). Однако Горчаков предупредил его, что Александр II не намерен касаться этого вопроса («Indépendance Belge», 1864, 27 окт.; *МВ*, 1864, № 231, 22 окт./3 нояб.).

¹¹ По условиям франко-итальянской конвенции от 15 сентября 1864 г. итальянское правительство обязывалось не посягать на светскую власть папы, а Франция соглашалась вывести из Папской области свои войска, находившиеся там для защиты интересов Римской курии. Европейская печать расценивала конвенцию как «тяжелый удар» светской власти папы, ибо, как только папа «будет предоставлен своей наемной армии», римляне «сбросят папское иго» (*СПб. вед.*, 1864, № 211, 24 сент./6 окт.). Эти прогнозы оправдались в 1870 г., когда присоединением Папской области завершилось объединение Италии.

¹² Старшая дочь Тютчева и Е. А. Денисьевой Елена Тютчева (1851—1865) в это время воспитывалась в петербургском пансионе г-жи Труба.

3

Ницца. 10(-11)/22(-23) декабря 1864

Друг мой Александр Иванович! Роковой была для меня та минута, в которую я изменил свое намерение ехать с вами в Москву... Этим я себя окончательно погубил.

Что случилось со мною? Чем <стал>^{2*} я теперь? Уцелело ли что от того прежнего *меня*, которого вы когда-то, в каком-то другом мире — там, *при ней*, звали и любили, — не знаю. Осталась обо всем этом какая-то жгучая, смут-

^{2*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

ная память, но и та часто изменяет — одно только присуще и неотступно, это чувство беспредельной, бесконечной, удушающей пустоты. О, как мне самого себя страшно!

Но погодите... Я теперь продолжать не в состоянии. Сколько времени я носился и боролся с мыслью, писать ли к вам или нет... Горе, подобное моему, — это та же *проказа*. И нуждаешься в людях, и дичишься людей. Невольно чувствуешь, что нельзя, не должно, не позволительно приближаться к ним, рассчитывать на их сострадание, — что есть такие болезни, которые просто отталкивают участие — и должны замкнуться и совершить до конца свой процесс внутри человека...

На этот раз довольно. Продолжать не могу. Голова слишком пуста. Всё то, чем за минуту перед этим я, казалось, был переполнен, вдруг как-то иссякло... И сколько раз это уже со мною случалось, сколько раз я бросал начатое... Надо на воздух...

Е. А. ДЕНИСЬЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛЁЛЕЙ
Фотография, (1862—1863)
Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

На другой день

Друг мой Александр Иванович, ради бога, не тяготитесь мною. Вы и при жизни ее мне были дороги и нужны — теперь вы мне необходимы. — Припоминая ваши слова, перечитывая письмо ваше, понимаю, как безотрадно вы будете поражены, читая эти строки, эти судороги расстроенного, отчаянно больного организма. Знаю, мой добрый, милый Ал(ександр) Иванович, не того вы ожидали. О, я страшно ошибся, отправившись за границу. Нет, если бы Божьему промыслу угодно было, после этого страшного удара, спасти меня, он взял бы меня и увел бы в Москву. В Москве только, в этой родственной среде, я мог бы кое-как выстрадать свое горе. Здесьним же моим пребыванием, при этой обстановке, при этих условиях я просто вогнал болезнь внутрь организма и сделал ее неизлечимой.

Вы правы, одна только деятельность могла бы спасти меня — деятельность живая, серьезная, не *произвольная*, — но, за неимением подобной собственной деятельности, уже возможность быть близким, непосредственным свидетелем чужой деятельности много бы меня ободрила и утешила. И вот что, благодаря вам и друзьям вашим, могло бы мне дать пребывание мое в Москве. Если в это последнее время — буде можно назвать *временем* мою теперешнюю жизнь, если были для моей мысли редкие промежутки чего-то живого, светлого, сознательного, то вашему кругу я ими обязан — чтению всех тех статей московской газеты, в которых так осязательно бьется пульс исторической жизни России. И не для одного меня они были утешением... Странное явление встречается теперь между русскими за границею, как бы в смысле реакции противу общего стремления, — это сильнейшая, в небывалых размерах развивающаяся тоска по России при первом соприкосновении с нерусским миром. Здесь, в Ницце, все, состоящее в свите императрицы, начиная с нее самой, в высшей степени одержимо этим чувством, — и никакое яркое декабрьское солнце, ни это ясное теплое небо, ни это море, ни эти оливы и померанцевые деревья — ничто не мо-

жет заглушить чувство чужеземности и сиротства. И вот почему здесь «Московские ведомости», как московский благовест, действуют так освежительно и успокоительно на русские нервы. Передаю вам *ощущения* наши, ибо другого, более разумного, более интересного передать не имеется. Ницца все-таки не что иное, как самое живописно-поэтическое, лучезарно-благолепное захолустье.

Здесь ждут с нетерпением возвращения в(еликого) кн(язя) наследника, который все еще во Флоренции и не может оправиться. — И он также только об одном и думает, о скорейшем возвращении в Петербург, даже помимо Копенгагена ¹.

Вообще говоря, расположение умов здесь и одаль вовсе не неблагоприятно. Европейское мнение, ввиду совершающихся реформ, особливо в Польше, очевидно, озадачено. То, чему доселе приписывали одну материальную Силу, оказывается чем-то живым, органическим — мыслящую, нравственную Силою. Гора не только тронулась с места, но и пошла, и идет, как человек. Мера касательно монастырей еще усилила эти колебания в обществ(енном) мнении, уяснив еще более, с какими элементами мы ведем войну в Польше ². Здесь недавно был новый франц(узский) посол при нашем дворе ³, мне очень знакомый человек. Он перед этим был в Петербурге, после 36-летнего отсутствия, и был очень поражен громадным совершившимся у нас переворотом... Он в скором времени будет и у вас в Москве и очень желает познакомиться с М. Н. Катковым.

Друг мой Ал(ександр) Иваныч, довольно, довольно гальванизировать мою мертвую душу... Воскресить ее невозможно. О, Боже, Боже мой милосердный!.. Пережидаю, чтобы немножко потеплило у вас на севере, и поздно, поздно в феврале непременно ворочусь в Петерб(ург), — к ней, к ее детям, к Лёле моей — единственной, которая мне осталась ⁴. Если жизнь кой-как еще возможна, так это при них, — но нет, и они — никто и ничто, — и никогда...

На днях буду писать к вам о них, многое, многое... Друг мой Ал(ександр) Ив(аныч), памятью ее заклинаю вас, не изменяйте ни ей, ни мне... Скажите вашей жене, что я прошу у нее две строчки. Только те теперь для меня мои, кого она своими признавала.

При случае напомяните обо мне М(ихаилу) Н(икифоровичу). Он ей также очень, очень нравился. — Господь с вами.

Ф. Т ю т ч е в

¹ Это недомогание было началом смертельной болезни в. кн. *Николая Александровича* (1843—1865). Предполагаемая поездка его в Копенгаген для встречи с невестой, датской принцессой Дагмарой (1847—1928), не состоялась.

² «Элементы», с которыми велась борьба путем реформ, проводимых в Польше, — шляхта и католическое духовенство. Крестьянская реформа 19 февраля 1864 г. отдавала в собственность крестьянам землю, находившуюся в их практическом пользовании, отменяла повинности в пользу помещиков. Другая реформа касалась католических монастырей, большая часть которых была закрыта за соучастие в восстании 1863 г.

³ Бар. Ш. А. *Талейран-Перигор* — французский посол в Петербурге (1864—1869). Был очень расположен к России и прилагал большие усилия для того, чтобы положить конец охлаждению в отношениях между обеими странами («Воспоминания», л. 78).

⁴ Дети Тютчева и Е. А. Денисьевой: Елена (Лёля — см. о ней: п. 2, прим. 12); Федор (1860—1916; впоследствии беллетрист и полковник пограничной службы); Николай (1861—1865). Оба мальчика находились в это время у А. Д. Денисьевой, тетки их матери.

4

Continuez vos travaux.

(Nice. 13/1 janvier 1865)

Перевод:

(Ницца. 13/1 января 1865)

Продолжайте ваши труды.

Телеграмма. Датируется по воспоминаниям Георгиевского («Воспоминания», л. 102) Ответ на телеграмму Георгиевского от 30 декабря 1864 г./11 января 1865 г., в которой содержалась просьба оказать содействие «Московским ведомостям» в их конфликте с Валуевым (см. п. 5, прим. 1).

Нидда. 2/14 января 1865

Друг вы мой Александр Иванович. Вчера, рано поутру, первым не радостным приветом Нового года была ваша телеграмма, и в тот же день вечером я отправил по телеграфу мой отзыв, который в эту минуту, вероятно, и дошел до вас¹. Теперь спешу письмом пояснить и определить смысл моей депеши. Уже за два дня перед этим я сообщил *по принадлежности* выдержку из вашего последнего письма, в котором вы рассказываете все истязания ваши, всю эту нелепую, недостойную <пытку>^{3*}, которую хотят вымучить из вас не признание, а молчание...

Восприимчивость была уже подготовлена, и потому ваше последнее телеграфное известие возбудило сильное сочувствие, которое и высказано было мне весьма положительно... Здесь очень понимают, какое значение имело бы прекращение деятельности «Московских ведомостей», и, конечно, будет употреблено живое усердие ходатайство. Удастся ли оно, это другой вопрос, но, во всяком случае, оно может удасться только при одном условии, а именно — чтобы сам *Михаил Никифорович* не уступал противнику поля сражения, пока еще есть возможность держаться на нем, а возможность есть... Здесь вот чего бы *желали*: чтобы свыше заявлено было, *кому следует*, чтобы до появления устава² вас бы оставили в покое, как и было прежде, не входя в дальнейшие объяснения. Этого внушения, при некоторой *серьезности*, было бы достаточно на первых порах... Я знаю, что это еще не разрешит вопроса, но обеспечит вас окончательно, но, по крайней мере, дало бы вам возможность продолжать борьбу при менее неравных условиях. Общее положение дел у нас теперь весьма яснилось... Враждебность к «Московским ведомостям» не есть *случайность*, не есть принадлежность той или другой личности; она — логично вытекает из самой сущности дела... Что у нас теперь воочью совершается?.. Мы видим теперь в России, как все элементы, или нерусские по происхождению, или *антирусские* по направлению, чуя какую-то им общую беду, сходятся совокупиться в одно целое, в одну разнородную, но кой-как сплоченную массу — для противодействия и сопротивления, а какая же это общая им угрожающая опасность?.. Это просто все более и более созревающая сознательность *русского начала*; которая и обличается тем, что это начало из области мысли переходит в факты, овладевает фактами. — А кто более всех содействовал этому самосознанию русского общества? Кто и теперь служит ему лучшим органом, как не «Московские ведомости»? *Inde irae*^{4*} и весьма заслуженные *irae*. — Совершившаяся уже коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный. Брошюра Шедо-Ферроти была манифестом этой коалиции; в ней, в первый раз, была высказана, как принцип, *безнародность* верховной русской власти, т. е. медиатизация Русской народности⁴. «Московские ведомости» воспротивились этому; они не согласились на такое охолощение русского начала... Они озарили и обличили... С этой минуты противники поняли, что успех сделался несравненно труднее и что им необходимо действовать соединенными силами — *viribus unitis*^{5*}. Вот каким образом в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно — отрицательное начало, т. е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому... Но и в этом составе, и в этом объеме, они очень все-таки чувствуют, что все их усилия останутся тщетными, пока верховная *русская* Власть не будет на их стороне... Вот где теперь завязка всего дела... что в этой русской <верховой> Власти одержит решительный перевес — то ли, что составляет ее сущность, ее душу, или наносное, пришлое, привитое; словом сказ(ать), кто одолеет в представителе этой верховной власти:

^{3*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{4*} отсюда гнев, вспышки гнева (*лат.*).³

^{5*} соединенными усилиями (*лат.*).

русский ли царь или петербургские чиновники? Я знаю, благоприятное разрешение этой задачи не вполне зависит от нас, но мы можем много ей содействовать...

Не подлежит сомнению, что противная сторона для достижения своей заветной цели, т. е. разрыв(а) между царем и Россией, употребит всевозможные усилия, — что она не преминет при каждом случае воспользоваться каждым увлечением, каждым недоразумением, каждой слабостью *данной личности*. Русское самодержавие как принцип принадлежит, бесспорно, нам, только в нашей почве оно может корениться, вне русской почвы оно просто немыслимо... Но за принципом есть еще и *личность*. Вот чего ни на минуту мы не должны терять из виду.

Итак, в данных обстоятельствах вот в чем должна состоять наша главная забота... Дать государю время и возможность вполне уразуметь, вполне почувствовать, какую тесною неразрывною солидарностью связано русское Слово и русское Дело... р(усское) Слово в Москве и русское Дело в Вильно и в Варшаве ⁵, и уж никоим образом нельзя вынуть одно звено из этой цепи, не разорвавши всей цепи. Одной Силы вещей достаточно, чтобы совершенно уяснить эту простую практическую истину. Но Сила вещей все-таки требует некоторого времени, — и мы с своей стороны не вправе отказать ей в этом первом и главном условии всякого совершающегося опыта... И вот почему, добрый мой и милый друг Ал(ександр) Иванович, мы все, сколько нас ни есть русских в Ницце, с *Первого* лица и до последнего — читатели и почитатели «Моск(овских) вед (омостей)» — мы все верим и надеемся, что это мое письмо найдет еще редакцию этой газеты в честных и сильных руках М(ихаила) Н(икифоровича), что он, принеся столько жертв и оказавший столько услуг, не изменит своему призванию и преждевременным, вовсе еще не нужным отступлением перед неприятелем не погубит своего и нашего дела: претерпевый до конца, той спасен будет ⁶ ...

И прочие известия по случаю Нового года, полученные из Петербурга, не совсем утешительные. Неожиданно *для всех* было назначение председателя ⁷, но у нас многое, знаменательное издали, много теряет своего значения вблизи. У нас нередко самое, по-видимому, крупное мероприятие объясняется на деле самыми мелкими, лично непосредственными соображениями, что, конечно, не лишает историю права перерешать наши решения по-своему и впадать в их пустоту свое собственное, своеобразное содержание. Так всегда было и будет и в этом случае...

О назначении графа Петра Шувалова в Остзейские губернии и о причинах, давших повод к замещению этим русским именем немца Ливена, мы еще ничего обстоятельно не знаем ⁸. Я знаю только от отца нового г(енерал)-губернатора⁹, что немцы готовят его сыну блистательный прием. Стало быть, они опасаются каких-нибудь существенных реформ. Из Петербурга писали сюда, что последняя довольно серьезная болезнь кн. Суворова вызвана была состоявшимся решением по религиозному вопросу в смысле, неблагоприятном для остзейских протестантов ¹⁰. До сих пор мы еще ничего не знаем здесь о судьбе нового устава по печати, внесенного в Г(осударственный) совет. Ничего хорошего я по этому делу не предвижу. У большинства наших законодателей нет в отношении к печати, к русской печати, ни одного здравого, светлого, своевременного, своегоместного понятия, все одни глупые страхи и невежественные предположения. Много дельного и верного было недавно высказано в вашей газете о неприменимости к нашей печати условий иностранных законодательств ¹¹. Весь этот вопрос о печати поставлен у нас криво и косо, и я убежден, что для его удачного разрешения следовало бы предоставить его не правительству, а земству.

Здесь толки об энциклике начинают стихать, не подвинувши вопроса ни на шаг ¹². Да, впрочем, он и не разрешим для Запада, который всем своим прошедшим, тысячелетним прошедшим солидарно связан с Римским папою, и ни тот, ни другой сбросить с себя этого ярма не в состоянии.

Но довольно. Вот вам неск(олько) здешних домашних новостей. Здоровье импер(атрицы) удовлетворительно, здоровье же в. к. наслед(ника) очень медленно, очень туго поправляется. Графиня Блудова усердно кланяется М(ихайлу) Ник(ифоровичу). Она хотела сама писать к нему. Все здешние русские и, между прочими, наш парижский посол б(арон) Будберг принимают в его деле самое живое участие, и все надеются, что ему удастся отстоять его. О себе я не говорю. Мое полнейшее сочувствие к его благородной личности уцелело во мне и под обломками всего моего существования. Помогите ему Господь Бог в его трудном служении, но — не хочу вас обманывать — для меня все современно живое не имеет уже никакого смысла. Прошлый год убил меня. О, если бы этому удалось похоронить!

Простите, друг мой.

Весь ваш Ф. Тютчев

¹ Статьи Каткова против брошюры Шедо-Ферроти (см. п. 2, прим. 6) вызвали ряд цензурных преследований и штрафов (*МВ*, 1864, № 267, 5 дек.). В декабре 1864 г. в Совете по делам печати готовилось, по инициативе Валуева, предостережение «Московским ведомостям», в связи с чем Катков заявил, что в случае дальнейших репрессий по отношению к его газете он откажется от ее издания. В этих обстоятельствах Георгиевский, с согласия Каткова, обратился за помощью к Тютчеву, в надежде, что он сможет добиться благоприятного вмешательства в дело «Московских ведомостей» со стороны императрицы Марии Александровны, которая жила в это время в Ницце («Воспоминания», л. 100, 101). «Я, естественно, спешил воспользоваться тем счастливым созвездием, которое образовалось в Ницце, — вспоминает он, — и прежде всего обратился к Ф. И. Тютчеву с воплями о помощи свыше, подробно описав ему все те истязания и пытки, которым мы подвергались. А вечером 30 декабря я отправил к нему депешу, извещая, что Катков уже заготовил передовую прощальную статью с публичкой, и прося его поспешить помощью» (там же, л. 102). 1/13 января 1865 г. Тютчев отвечал ему телеграммой (см. п. 4). За газету Каткова вступился также Московский университет, обратившийся с соответствующим ходатайством в Комитет министров, который вынес решение «предоставить министру внутренних дел оказать редакции возможные облегчения в применении к ним цензурных правил» (С. М. С е р е д о н и н. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. 2, СПб., 1902, с. 205). Этим указанием было предопределено и решение Совета по делам печати от 14 января: Совет отказался от каких бы то ни было взысканий в адрес «Московских ведомостей».

² Проект нового устава, или закона, о печати был представлен на рассмотрение в Государственный совет 7 января 1865 г. Утвержден 6 апреля 1865 г. (см. о нем ниже: Тютчев — Каткову, п. 5).

³ Выражение принадлежит Ювеналу («Сатиры», I, 168).

⁴ В передовой статье «Московских ведомостей» от 13 января 1865 г. (№ 9), посвященной «вопросу о политических партиях, о взаимной борьбе между ними», воспроизведены «основные мысли», высказанные в письме Тютчева, и повторены некоторые из своеобразных выражений его письма, как, например, «безнародность русской верховной власти», и «медиатизация русской народности», т. е. низведение ее на степень не господствующей, а подчиненной в России силы; автором этой статьи был Георгиевский («Воспоминания», л. 125—126).

⁵ Тютчев имеет в виду проведение крестьянской реформы 1864 г. в Северо-Западном крае и в Царстве Польском.

⁶ Евангелие от Матф., X, 22.

⁷ Речь идет о назначении в. кн. Константина Николаевича председателем Государственного совета. Официальное назначение состоялось 1 января 1865 г., но решение об этом было принято значительно раньше (*Никитенко*, т. 2, с. 486).

⁸ В 1861—1864 гг. лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором был бар. Вильгельм Карлович *Ливен* (ум. в 1880); в 1864 г. его сменил на этой должности начальник штаба корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением гр. Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889).

⁹ Гр. Андрей Петрович *Шувалов* — обергофмейстер императорского двора; обычно сопровождал императрицу в ее путешествиях, поэтому зимой 1864—1865 гг. находился в Ницце.

¹⁰ Крестьянское движение, развернувшееся в 1840-х годах в Прибалтике, сопровождалось переходом значительной части крестьян из лютеранства в православие. Однако преследования со стороны остзейских баронов, у которых эти крестьяне находились в феодальной зависимости (прежде всего изъятие земельных наделов), повлекли за собой обратный процесс. С начала 1860-х годов в высшие административные сферы поступило множество заявлений о желании латышей и эстов вернуться к лютеранскому вероисповеданию (*РА*, 1898, № 12, с. 583—585). В 1864 г. для выяснения сложившейся ситуации в Остзейский (Прибалтийский) край был послан гр. В. А. Бобринский. Он представил императору записку, в которой настаивал на необходимости предоставить прибалтийскому населению свободу совести. Однако утвержденный 22 марта 1865 г. закон не только сохранял прежние, но и ввел новые ограничения в этом вопросе (*РА*, 1889, № 9, с. 696). По-видимому, Тютчев имеет в виду проект этого

закона. Кн. А. А. Суворов, петербургский военный генерал-губернатор, сохранил интерес к этому вопросу, поскольку до 1861 г. возглавлял Прибалтийские (Остзейские) губернии.

¹¹ В одной из передовых статей (*МВ*, 1864, № 266, 4 дек.) Катков писал, что принятые во Франции и Германии законы о печати не могут служить образцом для русского законодательства.

¹² О папской энциклике 8 декабря 1864 г. и отношении к ней Тютчева см. Тютчев — Аксаковым, п. 47, прим. 3.

6

Ницца. Февраля 3/15 1865

Друг мой, Александр Иванович, сегодня только получил письмо ваше от 12/24 января. Спешу вам отвечать, пока силы еще не совсем изменили. Пишу к вам больной, но об этом после.

С тех пор, как писал письмо вам, многое, конечно, упрочилось — и успокоилось. Со вчерашнего дня мы известились о государевом рескрипте ¹. По моему мнению, этот рескрипт — истинно царское слово.

В заявлении Московского дворянства было много разнородного, и более чем разнородного. Но закваска всего дела была нехороша. Закваска эта мне очень известна: она высказалась как нельзя лучше, напр(имер), в речи графа (Орлова-)Давыдова², самого добросовестно-ограниченного человека, и который по этому самому, всенаивнейшим образом и не без одушевления, выразил задуманную мысль всей этой партии. Этим господам страх хочется играть в английские лорды. Надо предполагать, что они когда-то овладели Россией, ну хоть при Вильгельме Завоевателе; жаль только, что мы совершенно забыли про это обстоятельство. Всё это ребячество, непонимание, ограниченность. Дело-то в том, что ни в каком случае вы из русского дворянства не выкроите английской аристократии ³. Но могло бы очень случиться, при известных условиях, что в нем разовьется нечто вроде шляхетского начала. Нечего себя обманывать. Это начало было всегда ему присуще, и там, где обстоятельство ему потворствовали, оно заглушало в нем — и как заглушало! — начало народное, чему свидетельством служит западная Россия; если же в собственной России вышло наоборот, то это единственно благодаря России созданному самодержавию. Теперь этим же самодержавием указан был русскому дворянству великолепный исход — это статья во главе русского земства. И вот почему, в глазах моих, это скоропоспешное, опрометчивое заявление московское непростительно. Оно подает повод России усумниться, понимает ли наше дворянство свое законное, историческое призвание? Во всяком случае, оно доказало этим заявлением страшное отсутствие политического такта. Но, благодаря Богу, тот же царь, своим последним словом, разумным и спокойным, и на этот раз выведет их из ложного положения, только бы они умели оценить и проникнуться им — и я надеюсь, что и московская газета, не изменяя ни одному из своих убеждений, окажет России новую громадную услугу, отстаивая и по этому вопросу, с такою же решимостью и с такою же независимостью, русское народное историческое начало. На той высоте, на которую она себя поставила, она столько же выше своих противников, сколько и своих поклонников ⁴.

Земству, одному всецелому русскому земству, принадлежит в будущем право народного представительства, — но дайте же ему время и возможность сложиться и устроиться. Теперь же всякое представительство будет ложь, колоссальный пух, нечто вроде польских мистификаций, а это, конечно, не распутает нашей петербургской путаницы.

Но довольно, друг мой Ал(ександр) Иванович, — довольно. Сил нет — я в каком-то глупом увлечении разговорился о деле живых, а это не мое дело. Завтра, 4 февраля, минет шесть месяцев, как я перестал принадлежать к числу их. Я сказал вам в начале письма, со мною был припадок pleurésie ^{6*}, с которым я все еще не могу совладать. Все еще кашель и раздражение в груди... Эти страшные шесть месяцев совершенно подточили мой организм. Но на этот

^{6*} плеврита (франц.).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

1865

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ. С. М. Соловьѣва.
- II. ВОСПОМИНАНІЯ Ф. Ф. Вигельн. Часть пятая. Главы V—VIII.
- III. УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ. І. К. Д. Кавелана.
- IV. ЗЕМСКІЙ КРЕДИТЪ ВЪ БЕЛЫИ. И. И. Колупаева.
- V. ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Въ Москвѣ гг. XXIX—XXXII. Въ Деревнѣ гг. XXXIII—XXXVIII. Греча. А. И. Толстаго.
- VI. ГРАФЪ ЯКОВЪ СИБЕРСЪ, гл. III—V. Биографическій очеркъ. Д. И. Монашаскаго.
- VII. СТИХОТВОРЕНІЯ. I—IV. Т.
- VIII. АРНАДЕЛЬ. Романъ Вильяма Коллинза. Книга вторая, гл. XV—V, и третья, гл. I. Переводъ съ англійскаго.
- IX. СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ VIII И. И. Субботина.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАШЪ ОБЩІЙ ДРУГЪ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Чарльза Анквуса. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Главы II—VI.

УССА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

Стихотворенія.

IV.

Ницца 2-го (14-го) января 1865 г.

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-темно...
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходить, и дышетъ, и блещетъ оно...

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ,
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ.
Тусклымъ сіянемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая;
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.

Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяніи,
Весь какъ во снѣ, я потерявъ стою.
О, какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!

Т...

«РУССКИЙ ВЕСТНИКЪ», 1865, № 2

В этом номере журнала был опубликован цикл из четырех стихотворений Тютчева, присланных из Ниццы (в их числе стихи, посвященные памяти Е. А. Денисьевой)

Титульный лист и страница с последним стихотворением цикла

раз я еще оправлюсь. Я это знаю, я это чувствую — так сильна, так неодолима во мне страсть воротиться туда, где я с нею жил.

Друг мой, ни вы, никто, никто на свете не поймете, чем она была для меня! и что такое я без нее?

Это тоска — невыразимая, нездешняя тоска, о которой вы мне говорите в письме вашем, знаете ли, что уже пятнадцать лет тому назад я бы подпал ей, если бы не Она. Только она одна, вдохнув, вложив в мою вялую, отжившую душу свою душу, бесконечно живую, бесконечно любящую, только этим могла она отсрочить роковой исход⁵. — Теперь же она, она сама стала для меня этой неумолимой, всесокрушающею тоскою.

Я был прерван и надолго расстроен — тем лучше, может быть. Есть вещи, о которых нельзя долго говорить — не должно — без какого-то ощущения(?), что произносишь Святое имя всуе... Что же до стихов, о которых вы упоминаете, то вот вам мое последнее слово... Те, которые бы ими оскорбились, — те еще бы пуще оскорбили меня⁶. При жизни ее я многое спускал — потому только, признаюсь, что все, что не она, так мало имело значения в глазах моих. Теперь не то — далеко не то. Итак, я желаю, чтобы стихи были напечатаны, как они есть. Вчера я отправил в редакцию новую пьесу, искаженную в «Дне»⁷. Она будет третьей, а четвертую та, которая непосредственно к ней относится. Полного моего имени выставлять не нужно, только букву Т.⁸ Я не прячусь, но и выставлять себя напоказ перед толпою не хочу. Для сочувствующих одного намека довольно. Родственно и от души обнимаю все ваше семейство.

Ф. Тютчев

¹ Царский рескрипт на имя министра внутренних дел («Северная почта», 1865, № 24, 30 янв.) был ответом на адрес московского дворянства, обратившегося к царю с ходатайством о созыве «общего собрания выборных людей земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству», т. е. парламента («Весть», 1865, № 4, 14 янв.). Эта попытка дворянского конституционализма вызвала резкую отповедь со стороны Александра II, указавшего в рескрипте, что московское дворянство «вошло в обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих», поскольку все преобразования в государстве находятся исключительно в ведении самодержавной власти. Последовали и репрессии: Московское дворянское собрание было временно закрыто, газета «Весть», в которой были напечатаны «адрес» и речи при его обсуждении, приостановлена на 8 месяцев, а ее редактор предан суду.

² Наиболее отчетливо олигархические устремления московского дворянства выразились в речи известного англомана гр. В. П. Орлова-Давыдова, выступившего с предложением о двух представительных палатах по образцу английского парламента: верхней — чисто дворянской, по выбору дворянских собраний, и нижней — всесословной, по выбору земских собраний («Весть», 1865, № 4, 14 янв.).

³ Свое отношение к «адресу» московского дворянства Тютчев выразил в эпиграмме «Себя, друзья, морочите вы грубо...». Эпиграмма распространялась в списках; при жизни Тютчева напечатана не была. С демократической позиции «адрес» подвергся сатирической критике в очерке Салтыкова-Щедрина «Завещание моим детям» («Современник», 1866, № 1).

⁴ Говоря о «поклонниках», Тютчев имеет в виду Московское дворянское собрание, заявившее 5 января 1865 г. о своем сочувствии Каткову (*МВ*, 1865, № 12, 16 янв.).

⁵ Ср. стихотворение Тютчева «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»

⁶ 13/25 декабря 1864 г. Тютчев послал Георгиевскому три стихотворения, отражавшие его душевное состояние после смерти Е. А. Денисьевой («Утихла биза... Легче дышит...», «О, этот юг, о, эта Ницца...», «Весь день она лежала в забытьи...»); при этом он выразил желание, чтобы они были напечатаны в «Русском вестнике» и подписаны его полным именем (*Соч. 1980*, т. 2, с. 201 и 301). Георгиевский отвечал на это, что «в память самой Лёли необходимо сделать так, чтобы посвященными ей стихами не могли огорчиться и даже оскорбиться те живые лица, которые носят его имя» («Воспоминания», л. 69).

⁷ В газете «День» было опубликовано, по неточному списку Д. Ф. Тютчевой, стихотворение «Как хорошо ты, о море ночное...» (1865, № 4, (23 янв.)). В исправленной редакции оно было напечатано в «Русском вестнике» (1865, № 2) вместе с тремя посланными ранее стихотворениями (см. прим. 6), но помещено не на третьем, а на четвертом месте.

⁸ Это желание Тютчева было выполнено.

7

Петербург. 17 мая 1865

Друг мой, Александр Иванович. Все самое существенное я уже высказал в предыдущих строках ¹ — обратите на них серьезное внимание, и пока еще время не ушло, заставьте лечиться. *Compelle intrare* ^{7*}. Чтобы, по крайней мере, моя беда послужила другим на пользу...

О себе самом я с вами говорить не буду. Последние события переполнили меру и довели меня до совершенной бесчувственности ². Я сам себя не сознаю, не понимаю... Итак, давайте же говорить о постороннем, но некогда для меня очень близком.

Здесь есть какое-то смутное ожидание, что в скором времени — на днях, может быть, произойдет сшибка между двумя противоположными и все сознательнее враждебными партиями ⁴. Граф Берг и Милютин приехали из Варшавы. Я еще ни с тем, ни с другим не видался. Увижусь сегодня. Сшибка, вероятно, и будет, но не будет решения, потому что для решения нужен *решитель*, — а его-то и не оказывается... От *Кауфмана*, в Вильне, не многого ожидают ⁵. Все убеждены в его благонамеренности и способностях, но очень и очень сомневаются в его *энергии и практичности*.

На днях поступит здесь в продажу книга о Польше, «*La Pologne au 1-er Janvier 1865*», писанная нашим русским, Моллером ⁶, известным сотрудником газеты «*Nord*». Книга его очень дельная и в самом лучшем направлении, и потому автора напугали в Париже, что она будет запрещена в Петербурге. Но на этот раз Валуев поспешил заявить мне, чтобы книга тотчас по получению была пропущена... Забавно видеть, как у нас все друг другом напуганы. Я полагаю, что «Московские» ведомости не преминут сказать несколько слов о книге Моллера ⁷... Но что скажете вы о наполеоновском *désaveu* ^{8*} по отношению к

^{7*} Убеди прийти (т. е. внуши желание поступить определенным образом. — *Лат.*) ².

^{8*} опровержение (*франц.*).

своему двоюродному братцу? ⁸ Многие, чересчур глубокомысленные и проницательные, будут, разумеется, утверждать, что и это комедия. Нет, это не комедия, а это страшная трещина в наполеоновском здании, и скоро образуется пещь, в которую можно будет видеть и близкое будущее... Еще виднее оно в том, что теперь наклеивается в Север(ной) Америке ⁹. Дай-то Бог!

Пока простите — до скорого свидания в Москве. Мой усердный поклон Каткову и Леонтьеву.

Вам от души пред(анный) Ф. Т ю т ч е в

¹ Письму предшествуют строки, обращенные к М. А. Георгиевской: Тютчев высказывает опасения по поводу ее здоровья и советует ей начать серьезное лечение. Эти строки приводятся в «Воспоминаниях» (л. 74—75).

² Евангелие от Луки, XIV, 23.

³ Смерть двух детей Тютчева и Е. А. Денисьевой — Елены и Николая, последовавшая в один день — 2 мая 1865 г.

⁴ Тютчев предполагал возможность нового столкновения между сторонниками ограниченной автономии Царства Польского (во главе их стоял председатель Государственного совета в кн. Константин Николаевич) и ее противниками, к которым принадлежали статс-секретарь по делам Польши Н. А. Милютин и наместник Царства Польского гр. Ф. Ф. Берг.

⁵ Константин Петрович фон *Кауфман* (1818—1882) — генерал-адъютант; в конце апреля 1865 г. был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края, сменив на этом посту М. Н. Муравьева.

⁶ Точное название этой книги: «*Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865. Par Alexandre Moller*». Р., 1865.

⁷ Статья о книге А. Моллера в «Московских ведомостях» не появилась.

⁸ 13 мая «С.-Петербургские ведомости» (№ 118) перепечатали выдержки из речи, с которой выступил в Аяччо, на открытии памятника фамилии Бонапартов, принц Наполеон Бонапарт, двоюродный брат Наполеона III. Высказанная им политическая программа резко противоречила принципам внешней политики императора Франции. Наполеон III ответил посланием, в котором указывал принцу на недопустимость занятой им позиции и предупреждал: «Чтобы одолеть умственную анархию <...> император <Наполеон I> ввел в своем семействе, в своем правительстве ту строгую дисциплину, которая допускала только одну волю, один образ действий. В будущем я намерен действовать по таким же правилам» (*СПб. вед.*, 1865, № 121, 16 мая).

⁹ По-видимому, Тютчев имел в виду сообщения газет о формировании в США отрядов волонтеров для вторжения в Мексику, где в это время Наполеон III пытался создать Мексиканскую империю во главе со своим ставленником, австрийским эрцгерцогом Максимилианом. «Все это движение, — передавали „Московские ведомости“ сообщение нью-йоркского корреспондента „Allgemeine Zeitung“, — направлено против императора Наполеона, образ действий которого в пору междоусобий возбудил против него сильнейшее недоброжелательство в Соединенных Штатах» (*МВ*, 1865, № 108, 20 мая).

8

Петербург. 2 июня 1865

Друг мой Александр Иванович, от души благодарю вас за ваше дружеское, но далеко не успокоительное письмо... Вижу из него, равно как из приписки милой нашей Marie, <что здоровье ее> ^{9*} все еще очень неудовлетворительно... Меня мучит мысль, что ее поездка и пребывание в Петербурге много содействовали к его расстройству ¹... Все это усиливает мое нетерпение видеться с вами и удостоверить собственными глазами в неосновательности всего того, что заочно меня так тревожит... Впрочем, друг мой, не пугайтесь моей пугливости. В последнее время эта способность во мне страшно развита была моим горем... Да сохранит вас Бог и помилует...

Я совершенно согласен с вами, что при данных обстоятельствах казенная служба для вас необходима, и излишним считаю вас уверять в моей — не то что готовности, — но настоятельной потребности употребить в дело все, что от меня зависит, для лучшего разрешения этого вопроса ²... Ничто, конечно, столько бы меня не утешило, как быть вам на что-нибудь годным. В Министерстве ин(остранных) дел, сколько мне известно, нет такого места, которое соединяло бы необходимые условия. В моем Цензурном комитете, даже и в случае

^{9*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

вакации, я не нахожу достаточных вознаграждений за тот капитал времени, который тратится на занятия по этой службе. Я все более убеждаюсь, что настоящее ^{10*} ваше призвание — это все-таки учебная часть, — и потому, пользуясь теперешним положением Ив. Д. Делянова, поведу против него решительную атаку и лучшим ручательством в успехе будет он же сам, потому что он вас искренне любит и уважает... Не премину вас уведомить о последствиях.

Вероятно, вам уже известно в Москве, как разыгралась здесь драма по польскому вопросу ⁴... Она кончилась совершенною победою Милютина, вследствие высшей инициативы. В том же смысле была и речь, обращенная государем к тем польским личностям из Царства (Польского), приехавшим сюда по случаю кончины наследника ⁵. Сказанные им слова были крайне искренни и положительны. На этот раз интрига была расстроена и повела только к полнейшему сознанию и обнаружению державной мысли. — Много при этом деле было любопытных подробностей, которые я вам передам при свидании. Касательно же этого свидания я пока не могу еще назначить срока, надеюсь, однако, что это будет очень не в продолжительном времени... За Федю я даже и не благодарю вас, так я был уверен в вашем расположении ⁶.

Пока простите. Вам душевно преданный)

Ф. Тчв

¹ М. А. Георгиевская ездила в Петербург на похороны детей Тютчева — Елены и Николая (см. п. 7, прим. 3). Приписка, к ней обращенная; цитируется в «Воспоминаниях» (л. 77).

² Неуверенный в прочном положении редакции «Московских ведомостей» Георгиевский начал подыскивать «казенную службу». «Совершались эти поиски, — вспоминал он, — главным образом при живом сочувствии, сердечном участии и даже при прямом и непосредственном содействии Ф. И. Тютчева» («Воспоминания», л. 198).

³ Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — попечитель Петербургского учебного округа (1858—1866), затем — товарищ министра народного просвещения (1866—1874). Тютчев неоднократно вел с ним переговоры о Георгиевском.

⁴ См. п. 7, прим. 4.

⁵ Похороны наследника, цесаревича Николая Александровича, состоялись 28 мая 1865 г. в Петербурге. На следующий день Александр II принял представителей Царства Польского, прибывших на похороны, и обратился к ним с речью, напечатанной в «Северной почте» (1865, № 120, 5 июня). По мнению современников, «весь смысл и вся сила» этой речи заключались в том, что император давал понять, что не допустит автономии Польши («Воспоминания», л. 131).

⁶ Георгиевские согласились на просьбу Тютчева, чтобы сын его и Денисьевой Федя провел лето в их семье («Воспоминания», л. 138), однако этот план не был приведен в исполнение.

9

С.-Петербург. Понедельник, 25 октября 1865

Друг мой Александр Ив(аныч), что с вами делается? Ни слуху, ни духу... Из последнего письма милой жены вашей вижу, что ни ваше здоровье, ни ее вовсе не в блистательном положении, и потому потребность знать о вас обоих чувствуется еще сильнее.

Я недавно писал к Каткову по делам печати, прося его поддержать ту программу, которую мы собирались заявить в «Северной почте» ¹. Но, кажется, Валуеву это заявление показалось слишком *обязательным*, и потому оно было отложено... Впрочем, образ действий Совета продолжает довольно верно согласоваться с положением этой неизданной программы и, надеюсь, все более и более обозначится в ее смысле. Как можно менее прямого легального вмешательства в дело прессы — в той надежде, что при таком гомеопатическом вмешательстве ^{11*} сильнее будет проявляться в ней целительная сила, ей присущая, эта *vis medi — catricis* ^{12*}, доселе слишком мало сознанная и врача-

^{10*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{11*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{12*} целительная сила (лат.).

LEVITSKY. 22. Rue de Choiseul.

ТЮТЧЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Париж, (март 1865 г.)

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

ми, и правительствами, — и вот почему положено вместо формальных предостережений довольствоваться — на первых порах — дружескими советами, вроде советов и назиданий *гамлетовского Полония* ².

Теперь в Москве молодой Катакази ³, с которым, вероятно, вы уже и встретились. Он очень желал с вами познакомиться. На днях приезжает к вам в Москву наш венский священник *Раевский* ⁴, с которым я имел случай видаться и беседовать у кн. Горчакова. Мы, разумеется, преимущественно говорили о

движении, совершающемся в Австрии и которое для нас имеет такое огромное значение — доселе так мало нами понятое и оцененное⁵. Если где — так, конечно, на этом животрепещущем пункте должна была бы сосредоточиться вся наша иностранно-политическая деятельность. То, что происходит теперь в Австрии, есть наполовину *наш* вопрос — так вся будущность наша связана с правильным решением этого вопроса. Это решение состоит в том, чтобы славянский элемент не был совершенно подавлен атакою немцев и мадьяр и под гнетом этой преобладающей силы — и при разъедающих его несогласиях — не отрекся бы фактически от всяких притязаний на свою самостоятельность. Теперь более нежели когда-нибудь нужна ему поддержка со стороны России — тем *нужнее*, чем менее он сам сознает эту необходимость, — но обстоятельства скоро ему ее выяснят. *Русскому* влиянию следует стать во главе *Австрийского* федерализма посредством прессы, и нашей, и тамошней, т. е. каких-нибудь двух журналов, одного русского — во *Львове*⁶ и другого немецкого — в *Вене*... Но пока довольно.

Когда же мы с вами увидимся, и где? В Петербурге ли, в Москве ли? Для меня, как вам уже известно, поездка в Москву сделалась более нежели когда обязательною. Только теперь она состоится несколько позднее?... Вы, однако же, не оставьте о себе извещением. Ту же просьбу передайте и жене вашей.

Простите. От души вас всех обнимаю.

Ф. Т ю т ч е в

¹ См. в наст. томе (кн. I): Т ю т ч е в — К а т к о в у, п. 5 и примечания к нему.

² Имеются в виду двусмысленные наставления, которые Полоний дает своему сыну Лаэрту (Ш е к с п и р. Гамлет, акт I, сд. 3).

³ Чиновник особых поручений при вице-канцлере К. Г. Катакази, сын сенатора Г. А. Катакази.

⁴ Михаил Федорович *Раевский* (1811—1884) — протоиерей, настоятель русской церкви при посольстве в Вене, пропагандист славнофильства и панславистских идей за границей.

⁵ Имеется в виду национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи.

⁶ Эту роль во Львове играли издания Я. Ф. Головацкого (см. в наст. томе, кн. I: Т ю т ч е в — Г о л о в а ц к о м у, предисловие).

⁷ Речь идет о приезде Тютчева в Москву на свадьбу его дочери Анны и И. С. Аксакова (12 января 1866 г.).

С.-Петербург. 3-го декабря 1865 г.

Друг мой Александр Иваныч, извините меня, что я так поздно передаю вам мою благодарность за ваш прекрасный подарок¹. Экземпляр, назначенный И. Д. Делянову, я ему доставил, и вы можете быть уверены, что он употребит все от него зависящее, чтобы выполнить ваше желание. За чтение самой книги я еще не успел приняться. Но уже содержание ее меня сильно заинтересовало, и наружное дородство книги меня радует...

Жду с нетерпением и заботой еще и исхода вашего ученого турнира — и жалею очень, что не могу на нем присутствовать с безмолвным участием. Заранее убежден, что вы выйдете из него победителем. Но вследствие этой победы есть ли положительные шансы на получение кафедры?²

О внешней политике я на сей раз не имею ничего вам сообщить, ничего такого, по кр(айней) мере, чего бы не было в газетах. События зреют, но еще не цветут. И мы в данную минуту находимся уже в тени приближающихся Судеб...

Что *нам* именно принесут они — на первых порах — это определить трудно... В окончательном же утешном идеале я — по всем историческим аналогиям — нисколько не сомневаюсь. Возрождение Восточной Европы остановить или устранить невозможно, и возрождение это — вне России или против нее — также совершиться не может...

Здесь, как вам известно, очень заняты приисканием решительных и действительных мер по вопросу Западного края — и направление правительства по

этому вопросу высказывается все положительнее. Между тем как смежный и соприкосновенный с ним вопрос — остзейский — вне еще влияния (?), и вот почему некие от нас очень досадуют на назойливость ваших статей и некоторых других по этому вопросу³. Только досада эта не знает, как ей проявиться, — и хочется, и колется. Вообще правительств(енный) взгляд на бесцензурную печать далеко еще не установился. Можно сказать, что это *косой взгляд*. Все это полнее и подробнее передам вам при свидании, т. е. в конце этого месяца. Пока, друг мой Александр Иванович, дайте вам от души пожать руку и прошу вас обнять за меня всех. Милой Marie усердно кланяюсь. Господь с вами.

¹ Вероятно, Георгиевский подарил Тютчеву (а также Делянову) свою книгу «Галлы в эпоху Кайя Юлия Цезаря» (М., 1865). Это была его магистерская диссертация, о защите которой идет речь ниже.

² После защиты диссертации Георгиевский получил место приват-доцента по кафедре всеобщей истории Историко-филологического факультета Московского университета.

³ Немецкое юнкерство и буржуазия Остзейского края были озабочены сохранением привилегий остзейских баронов и господствующего положения городских магистратов. Консервативная немецкая печать Остзейского края активно выступала в защиту этих привилегий, что вызвало ряд полемических выступлений со стороны «Московских ведомостей» и аксаковского «Дня» и других газет, возражавших против «сепаратизма» прибалтийской печати. Эта полемика, особенно обострившаяся в 1865 г., была сочтена в «верхах» неуместной, что повлекло за собой соответствующий циркуляр Главного управления по делам печати (см. п. 11, прим. 3).

11

Петербург. 22 декабря 1865

Друг мой Александр Иванович, это письмо доставит вам г-н *Моллер*, известный автор книги о Польше¹ и наш усердный и талантливый публицист в газете «Nord». Он очень желает с вами познакомиться. С Катковым он уж был прежде знаком и будет иметь свидание с ним по делу, коего ради он едет в Москву и о чем он не преминет сообщить и вам.

Вот уже очень довольно (времени)^{13*}, что я ничего о вас не знаю, и эта неизвестность, как и всегда, наводит на меня сомнение. Что ваше здоровье? Что здоровье Marie? Что дети? Наконец, скоро мне будет возможно приехать², удовлетвориться собственными глазами в настоящем положении дел. Дочь моя уезжает отсюда 8 генваря, но я, вероятно, предупрежу ее и явлюсь к вам раньше. Очень, очень желаю с вами видеться... Однако же это близкое свидание да не помешает вам подать о себе весть. Скажите это и Marie.

Вот вам для вашего личного *ориентирования* несколько намеков, которые я пополню при свидании. После смерти Пальмерстона между нами и Англией произошло решительное сближение, которое тотчас же и отозвалось по греческому вопросу. Инициатива в этом деле преимущественно наша, со стороны же Англии встретила она полное сочувствие и содействие. Так что Франция уже приступила к решенному делу. Вообще говоря, кончина Пальмерст(она) благотворно подействовала на наши отношения к Англии, что не замедлит обличиться и въяве.

Что же касается до внутр(еннего) вопроса — о печати и наших отношениях к ней, то я не могу довольно благодарить «Московск(ие) вед(омости)» за ее две последние статьи, вызванные последним нашим заявлением в «Сев(ерной) почте», которое очень похоже на отеческие наставления Полония в «Гамлете»³. Я на днях имел случай обо всем этом говорить с Валуевым и убедился в *радикальной* безотрадности положения⁴, хотя В(алуев) и говорил мне, что к Новому году — не позже — он готовит нам какой-то весьма приятный сюрприз по делу печати и что это выяснит все положение, но мне что-то плохо верится⁵.

Еще раз обнимаю вас и всех ваших и надеюсь скоро повторить это в действии. Господь с вами.

^{13*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

¹ См. п. 7, прим. 6.

² Тютчев приехал в Москву на свадьбу дочери Анны (см. п. 9, прим. 8).

³ 15 декабря 1865 г. в газете «Северная почта» (№ 273) был опубликован циркуляр начальника Главного управления по делам печати «отдельным цензором по внутренней цензуре в Прибалтийском крае». В нем указывалось, что полемика между русской и прибалтийской печатью (см. о ней п. 10, прим. 3) не дала положительных результатов и еще более затемнила проблемы, которых она касалась; вместе с тем обращалось внимание московских и петербургских газет на односторонность их суждений о прибалтийских делах. Катков ответил на циркуляр двумя передовыми статьями (*МВ*, 1865, № 277 и 281, 17 и 22 дек.), в которых заявил, что этот циркуляр не может заставить его газету отказаться от обсуждения дел Прибалтийского края и от полемики с прибалтийскими газетами. О «наставлениях» Полония см. п. 9, прим. 2.

⁴ Об этом разговоре см.: Тютчев — Каткову, п. 5, прим. 3.

⁵ Эти обещания Валуева не были выполнены.

12

С.-Петербург. 15 февраля (18)66

На этот раз к вам обращаюсь с письмом моим, друг мой Александр Иванович. Прежде всего, поговорим о ваших личных интересах и отношениях. *Делянов* обещал мне положительно при первом свидании с *Свечиным* расспросить его касательно предполагаемых изменений в управлении здешних женских гимназий и хлопотать за вас, если представится к этому случай... Делянов поручил мне даже передать вам уверение, что он имеет вас *постоянно в виду* и не упустит первой возможности, которая представится для определения вашего на такое место, которое было бы достойно вас. Он вообще чрезвычайно хорошо расположен к вам, и вы можете на него рассчитывать... Мне кажется, что не худо бы было, если бы вы написали к нему несколько строк и собственноручно заявили бы, чего вы желаете...

Теперь перейдем от частного к общему... Здесь уже знают о положительном отказе графа Фландрского, и вчера уже отправлены были кн. Горчак(овым) инструкции его по делу совершившегося переворота в княжествах ¹. Вот наш взгляд на теперешнее положение дела.

Мы, разумеется, будем решительно противудействовать всякой иностр-(анной) кандидатуре, которой, впрочем, кроме *Франции*, никто и не желает да и осуществление которой не представляет вероятия, потому что трудно же будет какому-либо члену из царствующих в Европе домов решиться сделаться вассалом Османской Порты. А признать за Княжествами самостоятельное политическое существование — это значило бы приступить к окончательному разделу Турции, на что никто не отважится ². Раз же устранив иностр-(анную) кандидатуру, — можно рассчитывать, что сила естественных стремлений возьмет верх над искусственными комбинациями и приведет к *разъединению* обо-их Княж(еств), каковой исход есть единственно согласный с нашими существенными интересами. Мы не имеем никакого повода созидать на Востоке искусственные политические самостоятельности и скреплять <их> ^{14*} чуждыми нам династическими интересами. Это было бы столько же противно истории, сколько и России. Для органического строя всей этой области православного Востока, или, лучше сказать, всей Восточной Европы, пора бы наконец понять, хоть *нам* по крайней мере, что тут места нет *отдельным державствам*, как в Западной Европе, — что для всех этих земель и племен нет и быть не может законной Верховной Власти вне России, вне русского единодержавия, и что всякая попытка созидать там какие бы то ни было организации, отрешенные от нас, от органической солидарности с нами, — никогда ни к чему не поведут, т. е. ни к чему прочному.

Я знаю, политическое наше самосознание до такой степени помутилось вследствие последних обстоятельств, что этот взгляд покажется чем-то нелепым — несообразным. Но это значит только то, что мы в данную минуту спус-

^{14*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

тились в какую-то лощину, которая преграждает нам всякий свободный взгляд — вдаль и на окрестность.

Здесь считают падение Кузы щелчком для французской политики, которая в последнее время, особенно по этому вопросу, очень тяготела над бедною (?) самостоятельностью Порты. И теперь, вероятно, это минувшее давление вызовет реакцию. Во всех предстоящих возможных замешательствах мы, кажется, можем рассчитывать на совокупность действия с Англией, сближение с которой все более и более облегчается по всем вопросам...

Вот вам, любезнейший Александр Иванович, прилитоительно по крайней мере, положение вещей в настоящую минуту. Рассчитываем на сочувствие и поддержку «Московских ведомостей»³.

Вчера в заседании Главного управления по делам печати мы решительно доканали «Русское слово», определивши ему *третье* предостережение⁴. Я, как вы знаете, враг подобных экзекуций, но что прикажете делать? Сама печать виновата, и первые вы — не противудействуете всей этой неурядице и бесчинствам, а там, где *Разум* не действует, поневоле надо прибегнуть к *Дубинке*, что, однако же, очень прискорбно.

Прошу милую Marie простить мне это длинное, скучное письмо. Не замедлю отнестись к ней прямо.

Простите. Господь с вами.

¹ После свержения А. Кузы, господаря Соединенных Дунайских княжеств (см. Тютчев — Аксаков, п. 5, прим. 3), коалиция, совершившая этот переворот, спешила узаконить его в глазах европейских держав, сохранив при этом, путем уступок интересам этих держав, фактическое объединение княжеств, достигнутое Кузой (см. там же). Одной из уступок было решение об избрании на престол обоих княжеств иностранного кандидата (такой кандидат был, в представлении коалиции, нужен европейским державам, чтобы контролировать положение в княжествах). Господарем был провозглашен гр. Филипп Фландрский, второй сын бельгийского короля, однако он отверг предложенный ему трон, после чего господарем был избран Карл Людвиг Гогенцоллерн.

² Хотя объединение двух Дунайских княжеств в государство Румыния было признано Турцией в 1861 г. (см. Тютчев — Аксаков, п. 5, прим. 3), они продолжали оставаться под ее сюзеренитетом и платили ей дань.

³ Высказанные в этом письме соображения Тютчева не нашли отражения в ближайших номерах «Московских ведомостей».

⁴ 14 февраля 1866 г. Совет Главного управления по делам печати объявил, в соответствии с законом от 6 апреля 1865 г., третье предостережение демократическому журналу «Русское слово», а 16 февраля журнал был приостановлен на пять месяцев и на этом фактически прекратил свое существование (*Материалы о цензуре и печати*, ч. II, с. 124—125).

ВЪ БИБЛИОТЕКѢ.

- Позвольте «Русское Слово».
- Въ чтении. Неудобно ли «Отечественные Записки»?
- Нѣтъ-ли «Современника»?
- Въ чтении. Не угодно-ли «Отечественныя Записки»?
- Такъ значить ничего нѣтъ?
- «Отечественныя Записки» есть...

В БИБЛИОТЕКЕ

Гравюра неизвестного художника
Подпись: «Позвольте «Русское слово». — В чтении. Не угодно ли «Отечественные записки»? — Нет ли «Современника»? — В чтении. Не угодно ли «Отечественные записки»? — Так значит ничего нет? — «Отечественные записки» есть...»

«Искра», 1866, № 11 (18 марта)

Петербург. 30 марта 1866

Друг мой Алек(сандр) Иванович, пора возобновить нашу прерванную беседу, тем более, что в данную минуту есть о чем поговорить...

Итак, немислимое совершится ¹. Предложение Пруссии о созвании немецк(ого) парл(амента) не отсрочит, а упрочит войну ²... Это взрыв мины для образования бреши перед приступом... Но эта немислимость междуособной войны в Германии есть лучшее свидетельство о совершенном отсутствии всякого историческ(ого) самосознания в современной публике... Это событие не только не немисливо, оно было неминуемо... В продолжение четверти века, проведенных мною в Германии, я постоянно повторял немцам, что *Тридцатилетняя* война кроется, т(ак) с(казать), в основе их историческ(ого) положения и что только русская опека временно сдерживает логическое развитие этой при(сно)сущей силы ³. Ни один немец, к какой бы партии он ни принадлежал, разумеется, в этом не сознавался и до конца не сознается. Это также составляет характери(сти)ческую принадлежность данного положения. Вопреки очевидного, осязательного собственного интереса племенная стихия в немцах взяла свое. Ненависть их к России пересилила чувство самосохранения. Тут опять-таки повторилось, на опыте, явление, столько раз повторяющееся в истории народных судеб, слагающихся вследствие их нравственного элемента. В характере немцев есть какая-то смесь крайней *непрактичности* с крайним умственным *высокомерием*, и эта-то смесь определила их отношение к России. Они, в продолжение тридцати лет, разжигали в себе это чувство враждебности к России, и чем наша политика в отношении к ним была нелепо-великодушнее, тем их не менее нелепая ненависть к нам становилась раздражительнее. Даже явная антинациональность тогдашней русской политики не могла ни на минуту примирить немцев с нею... Это многозначительный факт... В продолжение сорока лет ⁴, единственных в истории судеб немецкого племени, это основное, исторически-роковое раздвоение Германии было сдерживаемо воздействием России. Только под этою опекою, самую благодушную и кроткою, и могло существовать единение между Австриею и Пруссиею, т. е. могла существовать Германия. Не странно ли, что при нынешних обстоятельствах этот факт, который лежит в основе всего современного положения, проходится всеобщим молчанием — и не только в заграничной печати, но даже и в нашей, даже в «Моск(овских) ведомост(ях)», которым бы по праву следовало восстановить и выяснить его огромное значение ⁵.

Как бы то ни было, в данную минуту этот немецкий разлад, кроме полнейшего удовлетворения для самолюбия нашего, оказывает нам положительную, существенную услугу... Только то, что зачинается теперь в Германии, предупреждает, авось, то, что могло бы развиться при содействии Париж(ской) конфер(енции) по вопросу о Дун(айских) княжеств(ах) ⁶, т. е. возобновление Западноевропейск(ой) коалиции против России, — и это также одна из тех присносущных исторических сил, которых упразднить, ни даже устранить никакой нет возможности, пока не изменятся все существенные условия современного политического мира. И мы были бы самые отъявленные кретины, если бы еще раз, вопреки всем данным, мы стали подвизаться в деле умиротворения начинающих смут.

Мы не можем достаточно проникнуться убеждением этой, т(ак) с(казать), стихийной враждебности Запада как целого в отношении к нам... Не союза с ним должны мы искать, а его внутреннего разъединения... Пока его составные части не враждуют между собою, Европейская коалиция против нас всегда возможна и близка. *Mors Caroli — vita Conradini, mors Conradini — vita Caroli* ^{15*} — вот то убеждение, которое должно жить и действовать в нас, как инстинкт и как сознание.

^{15*} Смерть Карла — жизнь Конрадина, смерть Конрадина — жизнь Карла (лат.) ⁷.

Я читал все инструкции и все последовавшие депеши кн. Горчакова по вопросу о Княж(ествах) и могу уверить вас самым положительным образом, что все эти заявления, будь они опубликованы, принесли бы ему не менее чести, как и ноты его по польскому вопросу⁸. Они в высшей степени *сознательны*, определяют в точности и с большим достоинством наши настоящие отношения к делу и настаивают на одном только, чтобы всякое внешнее насилие — под каким бы то ни было предлогом, — могущее исказить естественное развитие дела, было устранено... В случае же явного нарушения этого условия мы, не обинуясь, постановили *casus belli*^{10*}... Мы не должны забывать, что при теперешних обстоятельствах наше даже самое энергичное действие должно быть более отрицательного, чем положительного свойства.

Знаете ли, что над вами висит *предостережение*⁹? — говорю вам это по секрету. На воре шапка горит... Однако же до сих пор большинство Совета, т. е. весь Совет, за исключением председателя и маленького(ого) человечка *Фукса*, противится всякой подобной мере. Ваши намеки на статью, помещенную в «Nord», сильно раздражили¹⁰. Но... страшен сон, д(а) милостив Бог... и его-то покрову я вас и поручаю.

¹ «Немыслимой» представлялась возможность войны Пруссии с Австрией, угроза которой нависла в связи с конфликтом по вопросу о правах на герцогства Шлезвиг и Гольштейния. Эта иллюзия основывалась на факте мирного сосуществования этих двух государств, длившегося более столетия — с 1763 г. Война началась в июне 1866 г. и закончилась полтора месяца спустя победой Пруссии.

² 9 апреля/28 марта 1866 г. Пруссия выступила с предложением созвать общегерманский парламент, избранный путем всеобщих и прямых выборов. Немецкое население Пруссии значительно превосходило по численности немецкое население Австрии, поэтому такие выборы обеспечивали Пруссию большинство в будущем парламенте, а с ним и преобладание над Австрией в реорганизуемом Германском союзе.

³ Напоминанием о Тридцатилетней войне (1618—1648), причиной которой было стремление империи Габсбургов уничтожить автономию германских княжеств, Тютчев подчеркивает, что для раздробленной Германии неизбежны междоусобные войны, порожденные столкновением двух тенденций — к сохранению автономии княжеств, с одной стороны, и к объединению их в единое государство — с другой. Мысль о том, что установившийся после Венского конгресса (1814—1815) союз Австрии, Пруссии и германских княжеств с Россией обеспечивал политическое равновесие в Германии, Тютчев высказал впервые в 1844 г., в статье «Россия и Германия», и повторил ее в 1848 г. в статье «Россия и Революция» (*ИСС 1912*, с. 445—447, 450, 463—464). Далее Тютчев также повторяет некоторые положения этих статей.

⁴ По-видимому, описка Тютчева — вместо «сорока лет» он хотел написать «пятидесяти лет», поскольку и в данном письме, и в упомянутых выше статьях он ведет отсчет рассматриваемого периода в истории Германии от Венского конгресса.

⁵ Передовая статья «Московских ведомостей» от 1 апреля 1866 г. (№ 67) развивает основные идеи письма Тютчева, в отдельных случаях почти буквально повторяя его формулировки. Автором этой статьи был Георгиевский («Воспоминания», л. 161).

⁶ В марте 1866 г. в Париже начала работу конференция европейских держав, задачей которой было устранение кризиса, возникшего в Соединенных Дунайских княжествах (см. Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 5, прим. 3). Тютчев полагал, что «дунайский кризис» может вызвать конфликт между Россией и другими европейскими государствами, заинтересованными в судьбе княжеств, и прежде всего в вопросе об их самостоятельности.

⁷ Историческая пословица (см. о ней: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 36, прим. 5).

⁸ Слухи о том, что Наполеон III склонен передать Австрии Соединенные княжества в обмен на присоединение Венеции к Италии, побудили Горчакова заявить, что Россия ответит войной на попытку превратить княжества в австрийскую провинцию. Тютчев сравнил эту ноту Горчакова с его протестом против иностранного вмешательства в отношения между Россией и Польшей в 1863 г. Нота не была опубликована, поскольку работа Парижской конференции носила конфиденциальный характер; по-видимому, с ней познакомил Тютчева сам Горчаков.

⁹ 31 марта 1866 г. в «Северной почте» (№ 66) было опубликовано предостережение «Московским ведомостям» (о его мотивах см.: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 6, прим. 2 и 6). Принятое 26 марта, оно держалось, по-видимому, в секрете до опубликования, так как 30 марта (дата комментируемого письма) Тютчев еще не знал о завершении этого дела.

¹⁰ 29/17 марта 1866 г. газета «Nord» (№ 88) напечатала (под заглавием «Политическая ситуация в России»), адресованное в редакцию письмо анонимного петербургского корреспондента от 10/22 марта. Автор его, представленный как «лицо уполномоченное» и «беспристрастное», квалифицировал деятельность «Московских ведомостей» как «вредную» и «опасную». В одной из ближайших передовых статей (*МВ*, 1866, № 65, 25 марта) Катков выступил против

этого «письма», сблизив его со статьей французского литератора Де Мазада, в которой усматривал «то самое сказание о России, которое составляло сущность известного памфлета г. Шедо-Ферроти»; кроме того, Катков всячески пронизировал над «уполномоченным автором» и его убеждением в необходимости «прибрать к рукам» нежелательные издания. Во всем этом можно было усмотреть намек на то, что «письмо» в «Nord» было инспирировано Валуевым, подобно тому, как за год до того была инспирирована Головинным брошюра Шедо-Ферроти (см. п. 2, прим. 6).

14

〈Петербург. 3 апреля 1866〉

Убедительно просим вас немедленно выполнить требуемое законом ¹.

〈Т ю т ч е в〉

Телеграмма. Датируется по «Воспоминаниям» Георгиевского (л. 161).

¹ По закону 6 апреля 1865 г. редактор, получивший предостережение, обязан был напечатать его в ближайшем номере своего издания. Если это не исполнялось, издание подвергалось штрафу за каждый номер в течение трех месяцев и по их истечении прекращалось. Катков отказался напечатать предостережение, объявленное ему 26 марта (см. п. 13, прим. 9), и заявил, что будет платить штрафы, а через три месяца откажется от издания газеты («Воспоминания», л. 161, 163).

15

Петерб(ург). 4 апреля 1866

Спешу досказать и выяснить мой вчерашний телеграф. Говорю не от своего имени, но от имени всех усердных и искренних друзей «Моск(овских) ведомостей». Вот как им, здесь, представляется положение дел.

Вследствие предостережения сочувствие огромного большинства на стороне вашей. Мотивированье предостережения всем почти кажется недобросовестным и нелепым. От вас, и от вас одних зависит решить дело в вашу пользу или расстроить его, — судя, по какой дороге вы теперь пойдете. Перед вами их две: или идти напролом — очертя голову и обходя существующий закон — и несколькими взрывами раздражения, впрочем, весьма естественного, вызвать какую-либо катастрофу в существовании «М(осковских) ведомостей». Вот чего желают, чего ждут, на что рассчитывают все их разнородные, но в этом единодушные недруги и недоброжелатели ваши ¹... Или, в полном сознании вашего призвания, вашего огромного значения для общего дела, ваших обязанностей к России, сберечь себя для нее и не выдать противной стороне занимаемой вами позиции, а, напротив, усилив ее, довершить вами начатое, а это вам так легко — при некоторой сдержанности. Вам стоит только, удовлетворив без отлагательства закон, на другой же день продолжать вашу беседу с публикою, как бы не обращая внимания на неуместную, неприличную выходку, которою, со стороны, пытались было перебить вашу умную, добросовестную речь, — но тут же, исподволь, выяснить спокойно и отчетливо, в чем кроется преднамеренное, умышленное *malentendu* ^{17*}, послужившее поводом к предостережению, а именно: могут ли *люди*, хотя и влиятельные, хотя и высоко поставленные, но которых мнения явным образом противуречат не только всякому национальному чувству, всякому национальному стремлению, но и положительному направлению всей правительственной системы, — могут ли эти люди, кто бы они ни были, претендовать на *правительственный* авторитет и на те права и привилегии, которыми закон оградил неприкосновенность правительственной власти? — и противодействовать *этим* людям значит ли подрывать доверие к правительству? За фактами, для пояснения дела, ходить далеко не для чего, а сгруппировать и осветить надлежащим светом, на это вы большие мастера... Вот, друг мой Алек(сандр) Ив(анович), вот что поручено было мне передать М(ихайлу) Н(икифоровичу) от имени всех его здешних искренно преданных, но сильно озабоченных друзей и поклонников ².

Ф. Т ю т ч е в

^{17*} непонимание (франц.).

¹ Позицию противников Каткова в правительственной среде сформулировал А. В. Никитенко: «Каково бы ни было правительство (...) рядом с ним не может быть терпима сила, стремящаяся заодно с ним управлять государством. „Московские ведомости“, поощренные успехом, последнее время именно приняли такой характер» (Никитенко, т. 3, с. 21).

² Катков не последовал этим советам и настаивал на своем праве не принимать необоснованное, с его точки зрения, предостережение (МВ, 1866, № 69, 3 апр.). Эта позиция была чревата запрещением газеты. Через месяц последовали еще два предостережения и как их следствие — решение о приостановке газеты (см. п. 17, прим. 3).

16

Петербург. 16 апреля 1866

Пишу к вам несколько строк, друг мой Ал(ександр) Иваныч. Третьего дня известились мы по телеграфу из Парижа, что в послед(нем) заседании Конференции мы одержали верх над Францией à la suite d'une discussion bien irritante ^{18*}. Иностран(ный) принц есть ², и разъединение Княжеств делается теперь более чем вероятным. Это личное торжество для Горчакова.

Вчера вечером был я у Муравьевых. На каждом шагу препятствия. Трепов до сей поры еще не назначен, потому только, что не приискали еще места для Анненкова³, а между тем каждая минута дорога. Князь Суворов срамит князя Долгорукова за его малодушие и выставляет в пример и указ ему свое собственное самоотвержение⁴. Состав полиции до того ненадежен, что государь предоставил Муравьеву заменить полицейских нижними чинами гвардии при содействии в. кн. Ник(олая) Ник(олаевича), который, как мне известно, выказывает много усердия... С другой стороны, в администр(ативной) сфере недоброжелательство к Мур(авьеву) — общее, без различия партий и мнений⁵. Всем колет глаза его исключительное положение. Граф П. Шувалов уже о сю пору говорит о привычке Муравьева превращать муху в слона ради своей популярности. Стремление же этих господ с самого начала было — убедить самих себя и публику, что все дело — отдельный факт студента-мономана. Муравьев же утверждает, что уже теперь он имеет в руках доказательства существования обширного заговора, нити которого идут за границу; но до сих пор польский элемент еще не выказался, хотя он и чувствуется во всем. Положение страшно трудное. Главная трудность в том, как и где провести черту между словом и делом — между стихийною силою мысли и мнения и уже зародившимся положительным политическим фактом, — и в особенности избежать посползновений, за неимением факта, — обратит полицейские репрессивные меры противу неуловимой стихии мысли. Вот где опасность — попасть опять нечаянно в колею николаевских реакций. Насильственным подавлением мысли — даже и в области нигилистических учений — мы только раздражим и усилим зло — пошлая, избитая истина и, однако, вечно устраняемая в применении. Если чье влияние может предупредить эту беду, так это, конечно, «М(осковские) ведомости» — они побороли Головнина⁶, большая заслуга. Это было растление мысли — но и гнет мысли оказался бы столько же пагубен.

Ф. Тчв

¹ О ходе дискуссий относительно Дунайских княжеств на Парижской конференции 1866 г. (см. п. 13, прим. 6 и 8) газеты почти не сообщали, поскольку «совершенная тайна о прениях конференции была одним из главных условий, поставленных уполномоченными» («Journal de S.-Petersbourg», 1866, № 81, 13/25 апр.). Однако в зарубежной печати появились сообщения, что представитель Франции выступал за сохранение союза Княжеств, тогда как представитель России, бар. Будберг, придерживался противоположной точки зрения (о статусе Княжеств и связанном с ним конфликте см. п. 12, прим. 1 и 2; п. 13, прим. 6 и 8; Тютчев — Аксаков, п. 5, прим. 3). 13 апреля 1866 г. газета «Journal de S.-Petersbourg», официоз Министерства иностранных дел, выступила с опровержением подобных сообщений: «...русское правительство никогда не противилось союзу княжеств. Но оно никогда не переставало требовать решения, которое согласовало бы действительные желания населения с существующими трактатами». Другими словами, русский кабинет считал целесообразным раздельное существование Княжеств, как это предусматривалось Парижской конвенцией 1858 года.

^{18*} в итоге весьма напряженной дискуссии (франц.)¹.

² Подразумевается Карл Людвиг Гогенцоллерн, кандидат на престол Соединенных Дунайских княжеств после отказа гр. Фландрского принять этот титул (см. п. 12, прим. 1); 8 мая 1866 г. был избран господаром обоих Княжеств. Его кандидатуру поддержала Парижская конференция 1866 г.

³ Назначение Ф. Ф. Трепова петербургским обер-полицеймейстером вместо «либерального» И. В. Анненкова было одним из многочисленных перемещений, последовавших за выстрелом Каракозова (см. Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 7, прим. 9).

⁴ См. там же, п. 7, прим. 13 и 14.

⁵ 8 апреля 1866 г. М. Н. Муравьев был назначен председателем Следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

⁶ Об увольнении А. В. Головкина см. там же, п. 5, прим. 3.

17

Петербург. 7 мая (1866)

Вот вам bulletin ^{19*} настоящей минуты. Завтра в «Journal» de St.-Petersbourg прочтете заявление наше, вызванное заграничною печатью, — касательно положения нашего ввиду предстоящих событий ¹. Решительное безучастие — до той поры, пока нарушения русского интереса где бы то ни было не вызовет нашего вмешательства. — Словом сказать, та же liberté d'action ^{20*}, что у французов, но с большею нелепостью и с меньшею определенностью.

По несчастью, здесь, вопреки здравому смыслу, слишком много хлопочут о конгрессе ², из побуждений более личных и довольно пустых, чем разумно-политических. Натурально, выговорили предварительно не только польский вопрос, как вопрос внутренний, но и вопрос о присоединении Дунайских княжеств к Австрии. В случае же буде окажется необходимым дать ей какое-либо территориальное вознаграждение, здесь нужно обратить мысль к наделению ее Босниею, с тем, чтобы прикрепить ее к Адриатике, где она все-таки не развяжется с Италией, и через это еще решительнее отвлечь от Черного моря. Все это как-то затейливо-нелепо и к несчастью обличает коренную ошибку в понимании исторических судеб России, для совершения которых необходимо разложение Австрии. Вот что бы самые ограниченные умы инстинктивно поняли в Кивее и чего даже умные люди не поймут в Петербурге. Но сила вещей за нас, и она будет умнее нас.

Передовые статьи «Московских ведомостей», все более и более усиливая и сочувствие друзей, и вражду ненавистников, все пуще усложняют и затягивают вопрос ³. За вас — чувство самосохранения целого общества и все его разумные и благонамеренные представители. Но что же противу вас? — То самое, что, например, в республиках создало *отракизм* ⁴, т. е. какая-то присущая всякой власти зависть в отношении к тем общественным деятелям, снижавшим себе личное значение помимо власти, которая в душе своей более сочувствует зловерной, но раболопной пошлости, чем самой усердной, самой полезной, но независимой деятельности. Вот червь, который все подтачивает.

Простите. До скорого свидания. Что наша бедная Marie? Какова она?

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—3).

¹ 8 мая 1866 г. газета «Journal de St.-Petersbourg» (№ 102) опубликовала официальное опровержение толков иностранной печати о том, что Александр II будто бы советовал австрийскому императору отказаться от Венеции ради сохранения мира, а также о том, что в случае войны между Пруссией и Австрией Россия предполагает оказать последней материальную помощь. В нем утверждалось, что русское правительство не намерено «ни вмешиваться во взаимные распри между государствами, ни указывать им путь, по которому они должны следовать», и что «единственная мысль» его «состоит в твердом сохранении своих собственных национальных интересов».

² Идея превратить Парижскую конференцию 1866 г. (см. Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 5, прим. 3) в общеевропейский конгресс для решения ряда назревших в Европе проблем возникла в самом начале работы конференции. Идея эта не была осуществлена.

³ Тютчев имеет в виду ряд передовых статей в «Московских ведомостях», в которых Катков продолжал настаивать на своем праве не принимать объявленного его газете предостере-

^{19*} сводка, сообщение (франц.).

^{20*} свобода действия (франц.).

ТЮТЧЕВ

Фотография И. И. Робийера. Петербург, (апрель) 1862 г.

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

жения (см. п. 14, прим. 1). Когда Тютчев писал это письмо, он еще не знал, что накануне, 6 мая, за одну из этих статей «Московским ведомостям» было объявлено второе предостережение, а на другой день, 7 мая, — третье, с приостановкой газеты на два месяца («Сев. почта», 1866, № 98 и 99 от 8 и 11 мая).

⁴ В античных республиках (Афины и др.) каждый гражданин имел право написать на черепке (ostrakon) имя того, кто, по его мнению, опасен для народа и подлежит изгнанию.

Петербург. 8 мая 1866

Писал к вам вчера, пишу к вам сегодня — и на этот раз далеко не радостные вести. Но вы, вероятно, уже их знаете. Вы о сию пору должны были получить *второе* предостережение «М(осковским) вед(омостям)», состоявшееся еще третьего дня без моего ведома и о котором я только что вчера узнал в заседании¹. — Сегодня оно будет объявлено в «Северной почте». Вчера же я обе-

дал у графа Д. А. Толстого, где были *Кауфман*, Безак, Делянов². Общее впечатление было, разумеется, самое грустное — и вот к какому пришло общему заключению. Желательно, чтобы, не закрывая издания, «Московские» ведомости» перенесли немедленно дело свое в Сенат. Главное, как в начале прошлого года³, выждать время, чтобы дать возможность всем тем, которые понимают значение происходящего, а между ними есть люди влиятельные и ревностные, заявить свое содействие...

Надобно предвидеть, что глубоко оскорбленное чувство того, что они называют русскою партией, т. е. все это громадное консервативно-национальное большинство русского общества, т. е. все, что ни есть здорового и благонамеренного, выскажется так или иначе. На эту-то манифестацию противники «Московских» ведомостей» и рассчитывают, — чтобы, усилив раздражение в государе, произвести окончательный разрыв. Это какой-то нелепый, безобразный сон, совершающийся наяву... Впрочем, не надобно себя обманывать. Дело «Московских» ведомостей» есть только эпизод всего положения — они преследуются не как направление только, но как печать — и в данную минуту — вопреки всем вашим сомнениям, — сознательно или бессознательно — начинается решительно реакция против печати. Люди противоположных направлений пришли к одному и тому же убеждению, что все зло — от печати и что с нее-то и надобно начать, — словом сказать, повторение реакций прошлого времени, оказавшихся, как известно, столь благотворными для русского общества. — Рядом с «Московскими» ведомостями» должны будут закрыться и здешние некоторые издания⁴. Имеется в виду как(ой)-то цензурн(ый) уров(ень) без цензуры, но который — даже и при цензуре — никогда осуществиться не мог.

Положение, как вы видите, серьезное. При разъедающей Россию язве, при страшном финансовом расстройстве, накануне готовящегося в Европе светопредставления — вдруг, ни с того, ни с сего, такой взрыв самоубийственных инстинктов и направлений. Никакими словами нельзя передать овладевающего чувства. (...) ^{21*}.

¹ См. п. 17, прим. 3.

² Как видно из дальнейших слов Тютчева, новый министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой и новый товарищ министра И. Д. Делянов, а также генерал-губернатор Северо-Западного края К. П. Кауфман и киевский генерал-губернатор А. П. Безак сочувствовали Каткову в его борьбе с Валуевым.

³ Тютчев имеет в виду первый конфликт Каткова с Валуевым, завершившийся победой Каткова (см. п. 5, прим. 1).

⁴ 23 мая 1866 г. было вынесено решение о закрытии журналов «Современник» и «Русское слово» (см. п. 20, прим. 2).

Через час по возвращении моем в Петербург я получил от Мих(аила) Ник(ифоровича) депешу, вероятно, известного вам содержания¹. Во всяком случае, уверьте, прошу вас, кого следует, что он может быть совершенно спокоен и что от меня ему нечего опасаться ничего такого, что могло бы повредить его интересам, т. е. общему интересу. Но в самый день моего приезда я обедал у кн. Горч(акова), и он мне первый начал говорить о свидании Мих(аила) Ник(ифоровича) с его московским собеседником, о чем князь был извещен через самого этого собеседника, который довольно верно передал ему сущность всего сказанного при этом случае, заявив в заключение, что он остался вполне доволен разумностию и умеренностию Мих(аила) Ник(ифоровича). Впрочем, он здесь не рассказывает, что это свидание состоялось не вследствие собственного его побуждения, но по предписанию свыше...

^{21*} Конец письма утрачен.

Что же касается графа Толстого, то еще до сей минуты мне не удалось с ним видеться. Знаю только через Делянова, что он собирается в Москву между *пятым* и *десятым* этого месяца. Во всяком случае, увижусь с ним перед его отъездом и не премину, разумеется, переговорить с ним обо всем, что следует ²...

Здесь все надеются, что дело «Моск(овских) вед(омостей)» устроится и уладится удовлетворительным образом, — их нормальное восстановление есть дело общей потребности, и можно предвидеть, что и внешние события, надвигающиеся на нас, немало будут способствовать правильному разрешению этой задачи.

С *Деляновым*, как я уже сказал, я подробно говорил о вас и обо всем положении вашем и в десятый раз удостоверился, что он совершенно расположен в вашу пользу...

Засим — и на этот раз обращаюсь к вам обоим — должен сознаться, милые вы друзья мои, что и двухнедельное пребывание с вами уже достаточно обратилось в привычку, чтобы не тяготиться ее перерывом, — и я предчувствую, что я, при первой же возможности, поспешу возобновить прерванное.

Господь с вами. Детей обнимаю.

Ф. Тчв

¹ Эта телеграмма не сохранилась. Она была связана с беседой, которую в конце мая 1866 г. имел с Катковым гр. А. В. Адлерберг, принадлежавший к числу лиц, наиболее близких Александру II (в это время Александр II жил в подмосковном имении Ильинское, и Адлерберг, находившийся при нем, говорил с Катковым по его поручению). Тютчев был тогда в Москве и узнал о содержании этой беседы от Георгиевского. Катков не хотел, чтобы подробности ее, касавшиеся «дальнейших его предположений по делу о „Московских ведомостях“», были преданы гласности, и потому «решился телеграфировать Ф. И. Тютчеву, чтобы он никому не сообщал» о том, что рассказал ему об этой беседе Георгиевский («Воспоминания», л. 180).

² Об этих хлопотах Тютчева см. л. 20, прим. 1.

20

Петерб ург. 8 июня (1866)

Вот вам, любезнейший друг Александр Иванович, несколько строк для графа Толстого, который сегодня же отправляется в Москву и предполагает пребыть там дней 8 или 10. И со стороны Делянова вы были ему откомендованы наилучшим образом. Увидим, что Бог даст... Я, как вы увидите из моего письма, в самых общих выраженьях говорю ему об вас, не предрешая ничего касательно вопроса о вашем будущем определении. Впрочем, и вам самим трудно будет решить этот вопрос, не побывав предварительно в Петербурге¹.

Из последнего *мероприятия* по поводу двух журналов вы можете составить теперь более точное понятие о степени сознательности, с каковою относятся к вопросу о печати². Это самые примитивные, самые *непосредственные* отношения... Нечто вроде лечения от зубной боли посредством удара кулаком по зубам... Иногда и это помогает.

Теперь дело идет о пересмотре и перестрое этого несчастного устава о печати — для избежания, как сказано, недоразумений, подобных тому, которое встретилось с «Московскими ведомостями»³...

Какое наивное занятие все эти попытки решить задачу законодательными ухищрениями там, где ящик так просто и так нормально открывается... А вот еще и другой курьез. За какую-то статью уже любимовских «Москов(ских) вед(омостей)» Совет по делам печати уже собирался было предать их суду, но министр решил, что так как «Московские вед(омости)» суть собственность Московск(ого) университета, то надобно предварительно отнестись к министру нар(одного) просвещения и спросить у него, какие он меры сочтет удобоприятными по поводу означенной статьи⁴. Об отзыве же со стороны (министра)^{22*} нар(одного) пр(освещения) на сделанный запрос я ничего не знаю.

^{22*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

На днях я обедал у в(еликой) княг(ини) Ел(ены) Павл(овны), и, разумеется, речь была и о деле «Моск(овских) вед(омостей)». Тут случился Чевкин⁵, который очень разумно и с большим сочувствием отозвался о деятельности их прежней редакции и изъявил надежду, что еще не умер Лазарь, а спит⁶. Впрочем, признаюсь вам, при тех условиях, которыми определяются у нас отношения печати, мне кажется, что в подобной среде и сон, и жизнь, и смерть — все это явления равно случайные и призрачные... Все это Мажа⁷, а по-русски — марево.

Простите пока, к Marie буду писать особенно. Обнимаю ее и детей.

Весь ваш

Ф. Тч

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—4).

¹ С конца 1864 г. Тютчев был занят поисками постоянной службы для Георгиевского и неоднократно обращался по этому поводу к И. Д. Делянову (см. п. 8, прим. 2; п. 10 и 12). С этим вопросом было связано и его рекомендательное письмо министру народного просвещения Д. А. Толстому (это письмо неизвестно). В результате рекомендации Тютчева в августе 1866 г. Георгиевский получил место редактора «Журнала министерства народного просвещения» и 5 сентября переехал в Петербург («Воспоминания», л. 188, 212).

² Решение о закрытии «Современника» и «Русского слова» как изданий, которые «более прочих способствовали разращению молодого поколения», было вынесено 23 мая 1866 г. «особой комиссией», образованной для борьбы с революционным движением после выстрела Каракозова, и утверждено «высочайшим повелением» 28 мая. Тот факт, что этим нарушался закон 6 апреля, по которому вопрос о прекращении издания мог решать только Сенат, мотивировался отсутствием времени «для исполнения сего обряда», поскольку требовалось «высказать немедленно прямое и положительное осуждение тех органов печати, которые постоянно и сознательно проводили в обществе понятия, противные коренным основам веры, нравственности и общего благоустройства» (Журнал заседания Особой комиссии под председательством князя Гагарина от 23 мая 1866 г. — Цит. по кн.: В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в и Г. Т и з е н г а у з е в. Последние годы «Современника», 1863—1866. Л., 1939, с. 174).

³ Проект дополнений к закону 6 апреля был представлен Валуевым в Государственный совет только в октябре 1866 г. (*Материалы о цензуре и печати*, ч. I, с. 587—625). Решение Государственного совета по этому проекту от 12 декабря 1866 г. предусматривало новые ограничения прав повременных изданий (там же, с. 640—642).

⁴ 14 мая 1866 г., через неделю после решения о приостановке «Московских ведомостей» на два месяца (см. п. 17, прим. 3). Московский университет, которому принадлежала газета, получил разрешение на продолжение ее издания «впредь до окончательной передачи этой газеты другим арендаторам» («Северная почта», 1866, № 105, 19 мая). Редактором газеты на этот срок был назначен проф. Московского университета Н. А. Любимов. Во время его редакторства в одном из номеров газеты была помещена корреспонденция «об успехах полонизма в Юго-Западном крае». Номер был задержан цензурой, и корреспонденция из него исключена. Совет по делам печати возбудил вопрос о судебном преследовании редактора, однако дело было прекращено по решению Министерства народного просвещения.

⁵ Константин Владимирович Чевкин (1802—1875) — государственный и военный деятель; с 1862 г. — член Государственного совета.

⁶ Реминисценция из Евангелия (От Иоанна, XI, 11).

⁷ Майя — иллюзия, обман (в индийской мифологии — способность к перевоплощению).

Вы правы. Лучшего исхода и ожидать было нельзя. «Московские ведомости» этим временным испытанием завоевали себе ключ позиции. Они стали в прямое личное отношение. В этом-то все и дело... Теперь «М(осковские) вед(омости)» стали газетою ставропигиальной. Итак, пора, очень пора великому сыну Целея выйти из своего стана и явиться на стене. Трояне, т. е. события, сильно напирают¹.

Здесь не ищите ни определенного направления, ни руководства. Здесь не имеет ни одной идеи в запасе. Мы здесь до сих пор с какою-то благодушною *plaiserie*^{23*} всё хлопотали и продолжаем хлопотать о мире, — но чем для нас будет этот мир, того мы понять не в состоянии². Во всяком случае, не мы при

^{23*} глупостью (франц.).

〈ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
УСМИРИТЬ БОГА ВОЙНЫ〉

Литография О. Домье

«Charivari», 21 июня 1866 г.

В журнале под карикатурой подпись: «Я тщетно пытаюсь
убаюкать его, но усыпить его невозможно»

данных обстоятельствах оправдаем евангельское слово о миротворцах³. Австрия, завершая все свои предыдущие позоры, решила пойти в кабалу к Наполеону с тем только, чтобы заставить и враждующие с нею державы также закабалить себя у него... Если державы эти, в особенности Пруссия, на это поддадутся, то Наполеонова диктатура будет признана над Европою... А эта диктатура необходимо должна разразиться *коалицией* против России. Кто этого не понимает, тот уже ничего не понимает... Единственное историческое призвание наполеоновской диктатуры — в данную минуту — это разрешение вопроса в самом антирусском смысле... Итак, вместо того, чтобы так *глупо* напирать на Пруссию, чтобы она пошла на мировую, мы должны от души желать, чтобы у Бисмарка стало довольно духу и решимости *не подчиниться* Наполеону, а довести дело до разрыва. В настоящую минуту, предполагая даже самый широкий успех прусской политики и оружия, по делам Германии, *против* Наполеона, — все это для нас гораздо менее опасно, чем сделка Бисмарка с Наполеоном, которая непременно обратится против нас... Вообще, надо быть, как мы здесь, лишены всякого чутья и понимания, чтобы не уразуметь, уже перед самым лицом грозящей катастрофы, ее роковых условий. Она или поведет непременно к разложению Запада, или обрушится всею тяжестью соединенного Запада на нас.

Что же до Австрии, то мы должны смотреть на нее, как на выморочное именье⁴, и, не предъявляя еще пока наших законных прав на владение, не те-

рять их ни минуты *из виду*... Тут дело очень просто: *восемнадцать* миллионов славянского племени, над которыми австрийская опека упраздняется. Может ли Россия без самоубийства предать их *всецело* немцам? — Вот первый вопрос, на который должны ударить «Московские» ведомости»...

Отныне мы не можем, мы не должны смотреть на Австрию, как на самостоятельную державу. Она теперь не что иное, и более нежели когда-либо, <как> ^{24*} отжившая историческая комбинация, лишенная всякого серьезного содержания. При ее доказанной несостоятельности опека над славянскими массами сделалась для нее невозможной. Она может только повергнуть <их> ^{25*} в бесплодное, хаотическое брожение. Но только упразднение Австрии создаст возможность, при преобладающим содействии России, внести в эти массы начало прочного органического строя, т. е. применяя все эти общие воззрения к делу настоящей минуты, мы должны, в случае того страшного столкновения, которое потрясет до основания всю западноевропейскую систему, мы должны, говорю, так заручить себя австрийским славянам, чтобы они поняли, наконец, что вне России нет и не может быть никакого для них спасения, — приступить же к делу следует с Восточной Галиции.

Я знаю, все это было тысяча раз говорено и повторяемо, точно так же, как человек во все дни живота своего говорит умозрительно о смерти, но, наконец, наступает же день, когда умозрение переходит в действительность, — и этот день, этот роковой день, очевидно, наступил, — но пусть он будет днем не смерти, а возрождения.

Если изложенный взгляд совпадает с убеждениями «Московск(их) вед(омостей)», то они могут в настоящую минуту оказать самому правительству огромную услугу. Здесь — для кого же это тайна? — все шатко и неопределенно, хотя преобладающее чувство в главном деятеле — это раздраженное негодование противу Австрии и враждебность к Наполеону, но при всем этом малодушие и неясность соображений ⁵. *Выше* гораздо более решимости, и сюда-то, к этой-то высшей среде, должны быть преимущественно устремлены все усилия ⁶.

Прочтите это письмо Мих(айлу) Ник(ифоровичу). Он более, нежели когда-либо, *сила*, и сила признанная. От него многое зависит.

Ф. Тч

¹ 22 июня распоряжением министра внутренних дел было разрешено возобновление «Московских ведомостей» под редакцией Каткова и Леонтьева («Северная почта», 1866, № 137, 25 июня). Это было результат встречи Каткова с Александром II, состоявшейся 20 июня. Александр II не только дал свое разрешение на возобновление газеты, но и обещал Каткову свое особое покровительство (*Валуев*, т. II, с. 133—134). Тютчев намекает на то, что став в «личное отношение» к императору, Катков обеспечил своей газете независимое от произвола властей положение («ставропигиальный» — термин, относившийся к русским монастырям, подведомственным непосредственно Синоду и не подчинявшимся местным церковным властям). «Сын Пелея» (имеется в виду Катков) — Ахиллес; когда троянцы стали теснить ахейцев, он возвратился к ним, забыв свою распря с их вождем («Иллиада», XIX).

² Поражение при Садове, которое Пруссия нанесла Австрии 3 июля/21 июня 1866 г., решило исход войны, спровоцированной Бисмарком (см. п. 13, прим. 1). Не будучи в состоянии продолжать войну, Австрия обратилась за посредничеством к Наполеону III. Тютчева возмущала недалекость Горчакова, стремившегося убедить Бисмарка согласиться с условиями, которые диктовал обоим сторонам Наполеон III. Далее Тютчев развивает мысль о том, насколько опасно для России усиление Франции за счет других европейских держав.

³ Подразумевается евангельское изречение: «Блаженны миротворцы» (От Матф., V, 9).

⁴ Австро-прусская война завершилась Пражским миром (23/11 августа 1866 г.), по которому Пруссия получала право создания нового Германского союза под своим главенством. С этого момента Австрийская империя потеряла прежнее значение и оказалась на грани распада.

⁵ Речь идет о Горчакове (см. прим. 2).

⁶ Основные мысли этого письма изложены в передовой статье «Московских ведомостей» (1866, № 135, 29 июня), автором которой был Георгиевский. Повторены в ней и отдельные

^{24*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

^{25*} Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

формулировки Тютчева. По-видимому, об этой статье писал Тютчев жене 2 июля 1866 г.: «По поводу Каткова, если ты желаешь знать мои воззрения на то, что теперь происходит, тебе стоит только прочесть в его газете статьи, относящиеся к внешним событиям и внутренние мною» (СН, кн. 21, с. 215; перев. с франц.). В двух других передовых статьях (МВ, 1866, № 141 и 145 от 7 и 12 июля) также развиваются мысли, высказанные Тютчевым, в частности во второй из них Тютчев, по свидетельству Георгиевского, «нашел бы об Австрии, об австрийских славянах и об отношении к ним России немало мнений, которые он и сам не раз высказывал и которыми он чрезвычайно дорожил» («Воспоминания», л. 187а).

22

Петербург. 3-го июля (1866)

Положение определяется. Скоро Наполеон волею или неволею подойдет к вооруженному вмешательству¹. Это сделалось для него жизненным вопросом. Тогда из двух возможностей неминуемо последует одна. Или Пруссия и Италия испугаются и повергнутся, и тогда обе эти державы в сущности станут к Наполеону в те же *вассальные* отношения, в какие поставила себя Австрия, т. е. диктатура над Европой сосредоточится на время в руках Наполеона, а наполеоновская диктатура необходимо повлечет за собою коалицию всего Запада против России, разрешение восточного вопроса в смысле антирусском, и — окончательно восстановление Польши. Или Пруссия решится противодействовать — во имя не только своей, но и общей независимости всех германских племен — при деятельном сочувствии Италии и рассчитывая на весьма вероятную поддержку со стороны нашего английского министерства²...

Полагаю, что с нашей стороны было бы крайнею нелепостию, если бы мы из какого-то малодушного суетного желания восстановить мир à tout prix^{26*} стали налегать на Пруссию, чтобы склонить ее к уступкам. — Это просто невысказано — как мы ни глупы, ни безмысленны, ни бездумны, но все-таки мы не можем же не понять, что мир при таких условиях — это признание наполеоновской диктатуры и что мы, Россия, не можем этому содействовать... Объединение полное, прочное Германии — нам не страшно, потому что оно *неосуществимо*, и вопрос теперь не так поставлен. Русский интерес, в данную минуту, — это подъем всей Средней Европы против французского преобладания, который в скором времени — и при некоторой сдержанности с нашей стороны — неминуемо повлечет за собою разрыв с Францией Англии — а *этого-то нам и надо*. Это одно может развязать нам руки. Мы не можем, еще раз, довольно проникнуться убеждением, что только подобную междоусобную, нескончаемую войною на Западе суждено России, как представительнице всего Славянского мира, вступить окончательно во все свои исторические права и исполнить свое мировое призвание.

Этим достаточно определяются наши теперешние отношения к Австрии. Эти-то отношения следует нам уяснить себе вполне.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—2).

¹ Пользуясь кризисной ситуацией, которая создалась в Европе вследствие австро-прусской войны (см. п. 21, прим. 2), Наполеон III пытался установить свою диктатуру над государствами, втянутыми в конфликт. Однако до вооруженного столкновения, которое предсказывал Тютчев, на этот раз дело не дошло.

² После смерти Пальмерстона (18 октября 1865 г.) премьер-министром Великобритании стал лорд Джон Рассел, до этого — министр иностранных дел.

23

Петербург. 3 сентября (18)66

Что с вами делается, друг мой Алек(сандр) Ив(аныч)? И что особенно делается с Marie? Ваше упорное молчание меня смущает и тревожит. Я невольно объясняю его усиленным нездоровьем Marie, а это самое грустное объяснение. Я знаю от Делянова, что он уже, вслед за вашим письмом, известил вас,

^{26*} любой ценой (*франц.*).

по телеграфу, о благоприятном решении министра, и следственно теперь не предстоит никаких препятствий к вашему назначению¹. Когда же вы предполагаете приступить к делу? Вот что я очень желал бы знать положительно. Чтобы знать, когда, собственно, мне надо будет начать о вас тревожиться, т. е. все-таки за Marie, перемещения которой при данных условиях я столько же желаю, сколько и опасаясь. Надеюсь, что расставание ваше с Кат(ковым) и Леон(тьевым) будет мирное и любовное и что они примирятся, наконец, с мыслию вашего отпадения, как они ни старались выставить это *отпадение* в свете вашего окончательного нравственного *падения*, что было крайне наивно. Есть же минуты страсти, когда и умные, и неумные люди становятся совершенно под один уровень.

В политическом мире теперь минутное затишье — скоро ли разразится буря и где? Это довольно трудно решить. Я не верю твердой решимости Наполеона возбудить во что бы то ни стало восточный вопрос, да если бы он и хотел этого, то он не найдет сообщников, а без сообщников он ничего не предпримет. *Наше* положение улучшилось. Нашим *правильным* отношением к Пруссии мы точно усвоили себе ббольшую свободу действия.

Читали ли вы стихи Вяземского на Каткова? Здесь все друзья князя огорчены этою неуместною выходкою, и вот вам несколько строк, определивших экспромтом мое впечатление по этому случаю... Вы можете их даже напечатать, где знаете, но только без подписи моего имени, а просто с инициалами Ф. Т.² Господь с вами.

¹ См. п. 20, прим. 1.

² Тютчев послал Георгиевскому стихотворение «Когда дряхлеющие силы...» — ответ на сатирические стихи Вяземского («Воспоминания из Буало» и «Хлестаков»), направленные против Каткова. При жизни Вяземского его стихи напечатаны не были и ходили в списках. Стихотворение Тютчева было включено в сборник его стихов (СПб., 1868), однако по требованию автора, не желавшего портить отношения с Вяземским, было вырезано.

М. Н. КАТКОВУ 1863—1867

Михаил Никифорович *Катков* (1818—1887) — издатель, публицист, до середины 1840-х годов примыкавший к кружку Белинского и в конце 1850-х годов проводивший умеренно-либеральную программу в издаваемом им журнале «Русский вестник». Перешел в 1863 г. на реакционные националистические позиции, влиятельной трибуной которых стали редактируемые им «Московские ведомости».

В ту пору, когда падение крепостного права и рост освободительного движения уже ставили под сомнение само существование самодержавия, роль «охранительной» идеологии становилась особенно важной для всех сторонников и защитников существующего режима. Разные правительственные силы и группировки стремились использовать «Московские ведомости» в своих интересах. В поддержке Каткова нуждался и министр внутренних дел П. А. Валуев (о чем свидетельствует их переписка), и министр народного просвещения Д. А. Толстой, и начальник Западного края М. Н. Муравьев (см. об этом в кн.: В. А. Т в а р д о в с к а я. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978). Стремился использовать «Московские ведомости» и министр иностранных дел А. М. Горчаков, пытавшийся воздействовать на Каткова через Тютчева (см. *ЛН*, т. 19—21, с. 200—201). Это обстоятельство отчетливо видно в публикуемых письмах.

Отношение Тютчева к Каткову не было однозначным. В 1863 г. Тютчев сам определил свою добровольную позицию «посредника между прессой и Министерством иностранных дел» как позицию «между Катковым и Аксаковым» (*СН*, кн. 21, с. 207—208; на франц. яз.). Различие во взглядах Каткова и И. С. Аксакова он видел отчетливо, о чем свидетельствует, например, его письмо к А. Ф. Тютчевой от 25 июня 1863 г. «Вчера я провел два часа у нашего друга Аксакова и нашел у него вполне разумный взгляд на дело и более действительное понимание вопроса, чем у кого бы то ни было», — писал он по поводу отношения Аксакова к воз-

викшей в это время перспективе военного столкновения между Россией и коалицией западноевропейских держав. И далее продолжал: «Виделся я также с Катковым и его присными; и хотя его газета пользуется вполне моими симпатиями и я признаю огромные услуги, оказываемые им в настоящее время стране, — Катков, с которым я всесторонне обсудил данное положение, понимает его не так ясно, как наш друг» (*ЛН*, т. 19—21, с. 222).

Попытки Тютчева воздействовать на Каткова и его газету успеха не имели (исключение составляют лишь отдельные эпизоды — см. Тютчев — Гергиевскому, п. 5, прим. 4; п. 21, прим. 6). Вместе с тем Тютчева все более оттапливали нетерпимость Каткова, его убежденность в собственной непогрешимости, его «непомерное высокомерие» (*Никитенко*, т. 2, с. 536).

В марте 1865 г. во время полемики по вопросу о земстве, развернувшейся между «Московскими ведомостями» и аксаковским «Днем», симпатии Тютчева уже вполне определенно склонялись на сторону Аксакова с его требованиями уступок общественному мнению (там же, с. 506). Напротив, со все большей настороженностью относился он к прямолинейности, с которой Катков проводил свои взгляды в передовицах «Московских ведомостей». «Страшно нетерпим к мнениям других», — записал 1 октября 1865 г. Никитенко мнение Тютчева о Каткове (там же, с. 536). А в апреле 1866 г., поддерживая «Московские ведомости» в их конфликте с Валуевым (см.: Тютчев — Гергиевскому, п. 14 и 15), Тютчев вместе с тем открыто высказывал недовольство агрессивностью позиции Каткова (*Никитенко*, т. 3, с. 24).

Постепенно назревавшее охлаждение Тютчева к Каткову окончательно определилось в 1867 г., когда Аксаков начал издавать газету «Москва». Взаимопонимание, сложившееся к тому времени между ним и Аксаковым, позволило Тютчеву осуществить в его газете то, чего он не смог добиться в отношении газеты Каткова: не в «Московских ведомостях», а в аксаковской «Москве» нашли отражение его взгляды на внешнюю и внутреннюю политику России.

Сохранилось восемь писем Тютчева Каткову за 1863—1887 гг. (*Письма*, 30). Одно из них было напечатано (*Библиография*, 20) и в настоящую публикацию не входит.

Письма Каткова к Тютчеву неизвестны, за исключением одного неотправленного письма от 4 ноября 1863 г. (сохранилось в копии — ГБЛ, 120.47, л. 188 об.— 192); о его содержании см. п. 2, прим. 1.

Публикуемые ниже семь писем Тютчева Каткову печатаются по автографам: ГБЛ, 120.11.23.

1

С.-Петербург. 7 октября 1863

Почтеннейший Михаил Никифорович,

не раз в наших беседах, в Москве¹, говорили мы о пагубном направлении нашего Министерства народного просвещения — до того пагубном, что оно вменяет в обязанность всякому благонамеренному русскому противодействовать ему всеми силами². — При этом, помнится мне, я высказал вам мое убеждение, что направление это, сколько оно вредно, столько же и несостоятельно у нас и лишено всякой *raison d'être*^{1*}. Так, оно в своем начале противно всем чувствам и убеждениям верховного представителя Власти. Терпимость же, ему оказываемая, объясняется какою-то страшной мистификацией, только в одной России возможною³. Князь Горчаков, с которым я часто имел случай обо всем этом говорить, вполне разделяет и взгляд наш на самое направление, и мое мнение о его несостоятельности. К тому же он, может быть, единственный человек между нами, который и по своему влиятельному положению, и по своему усердию к общему делу имеет и силу, и волю заявить с успехом, где следует, свой решительный протест против всего этого бесчинства. Но ему *нужны факты*, ему нужны точные несомненные показания, на которые он мог бы опере-

^{1*} Разумного основания, смысла (*франц.*).

ться... Что достаточно для личного убеждения, далеко недостаточно для государственного обличения⁴.

Следственно, почтеннейший Михаил Никифорович, без вашей помощи, без вашего содействия и тут не обойдется.

Я знаю, — не будь у нас цензуры, имейте вы право и возможность не ограничиваться намеками, а высказывать дело как оно есть и называть всё и всех по имени, — то одной вашей полемической деятельности достаточно было бы, чтобы довести до общего сознания всю зловредность теперешней системы и убедить — *кого следует* — в необходимости ее скорейшего устранения, но, по несчастью, одно печатно, при ее существующих условиях, практического результата мы добиться не можем, а крайняя важность дела отлагательства не терпит — и потому, возвращаясь к нашим московским беседам, я не могу не повторить перед вами тогда еще мною вам высказаного убеждения, что вы могли бы оказать огромную услугу, как вы умеете их оказывать, составлением записки — короткой, но очень рельефной — о главных фактах, определяющих настоящий характер всей этой системы, в отношении которой может быть только одно сомнение: безумие ли это или преднамеренное предательство⁵.

Вот что я имел, почтеннейший Михаил Никифорович, представить на ваше благоусмотрение. Буду ожидать вашего решения с полной верою в вашу вседашнюю готовность служить общей пользе.

Ф. Т ю т ч е в

Р. S. Известия из Англии удовлетворительные. По-видимому, заговор против нас решительно расстроен — открытие франц(узских) палат выяснит положение⁶.

¹ Летом 1863 г. Тютчев провел в Москве почти два месяца (с середины июня до начала августа). Все это время он постоянно общался с Катковым.

² По-видимому, предметом этих разговоров были действия А. В. Головнина по отношению к цензуре. В конце 1861 г., вступив в управление Министерством народного просвещения, в ведении которого находилась цензура, Головнин поставил вопрос о пересмотре цензурного законодательства. При этом он руководствовался следующими соображениями: «Министерство народного просвещения имеет обязанностью покровительствовать литературе, заботиться о развитии, о преуспеянии оной; посему, находясь к литературе в отношениях более близких, чем всякое другое ведомство, оно не может быть ее строгим судьей. Сверх того, Министерство народного просвещения обязано содействовать движению вперед науки, и для этого необходима свобода анализа; посему, цензура, находясь в ведении сего министерства, принимает направление более снисходительное, стремящееся к тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставленные в свободе рассуждений» («Государственный совет. 1801—1901». СПб., 1901, с. 116—117). Мнение министра народного просвещения было рассмотрено в январе 1863 г. Комитетом министров, и цензура была передана в ведение Министерства внутренних дел — ведомства «менее снисходительного».

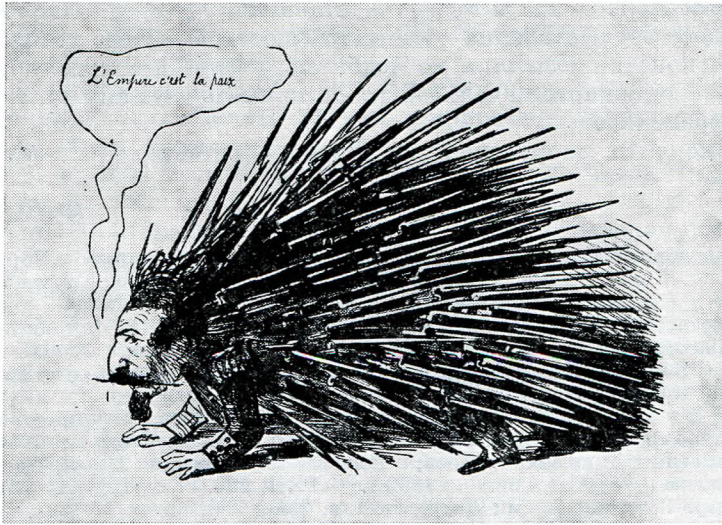
³ Намек на то, что Головнин пользовался покровительством брата императора, вел. кн. Константина Николаевича.

⁴ Эта попытка Тютчева добиться устранения Головнина не увенчалась успехом, так как Горчаков отказался принять в ней участие (*Никитенко*, т. 2, с. 433).

⁵ По-видимому, записка эта написана не была.

⁶ Весной 1863 г. Наполеон III, под предлогом защиты интересов Польши, предпринял попытку создать антирусский союз Англии, Франции и Австрии. В начале октября газеты все еще сообщали о переговорах трех держав по поводу принятия «решительных мер» против России (*СЛБ. вед.*, 1863, № 222, 6/18 окт.). Однако к этому времени Англия уже отказалась от участия в коалиции, и 20/8 октября Горчакову была направлена нота, в которой декларировалась миролюбивая политика английского правительства. По-видимому, Тютчев имел неофициальные сведения, что Англия готовит этот дипломатический демарш, разрушающий воинственные планы Наполеона III. Ожидалось, что окончательная позиция выяснится 5 ноября/24 октября на открытии сессии Законодательного корпуса, где император должен был выступить с традиционной речью, определяющей внутреннюю и внешнюю политику Франции.

Пишу к вам, почтеннейший Михаил Никифорович, по поручению князя Горчакова. — Князь просил меня еще раз заявить вам, какое приятное впечатление он вынес из личного с вами знакомства и как, более нежели когда-либо, он до-

«ФРАНЦУЗСКИЙ ДИКОБРАЗ»

Карикатура на Наполеона III

Надпись: «Империя — это мир» (слова из программной речи, произнесенной Наполеоном III в декабре 1852 г.)

«Punch», 19 февраля 1859 г.

рожит дружным вашим содействием для общей пользы. — Он изложил перед вами, со всеми их оттенками, наши политические отношения с первостепенными державами ¹.

Теперь, при очевидно приближающемся европейском кризисе, князь желал бы еще отчетливее, еще убедительнее выяснить вам, как он разумеет наши отношения к Франции ².

Мы решительно не ищем сближения с Францией — не ищем, потому что не верим в Наполеона, — и я не знаю, какие бы ему следовало представить нам залого, чтобы мы могли ему поверить.

Все это так — все это не подлежит ни малейшему сомнению, — но, с другой стороны, крайне было бы bestолково и опрометчиво — противно нашему основному интересу, — если бы какими-нибудь слишком резкими заявлениями отняли у него *всякую надежду* на это сближение, убедили его в совершенной невозможности сближения и вынудили бы его признать своим жизненным условием непримиримую враждебность к нам. Через это мы двояким образом обессилили бы себя, во-первых, сосредоточив все Наполеоновы силы против нас одних, — во вторых, подчиняя нас, через это самое, большой зависимости от других держав... Вот почему кн. Горчаков желал бы очень, чтобы «Московские ведомости», сохраняя за собой полную свободу суждений и оценки, избегали по возможности все слишком резко враждебное, обличающее решительную непримиримость — или, выражаясь словами князя, чтобы — говоря о Наполеоне с полной свободой, не слишком *дразнили* его ³.

Письмо его к государю уже получено, и ответ на оное уже написан. Сейчас кн. Горчаков повез его в Царское Село. Вы будете им довольны — в нем много достоинства и, вместе с тем, много того, что только нам одним возможно при нынешних обстоятельствах, — удачной, ловкой правды и искренности. — Решительного отказа нет — даже высказано полнейшее сочувствие тем общечеловеческим мотивам, на которые Наполеон разыгрывает свои вариации, но твердо и положительно выставлены все вытекающие из сущности неодолимые препятствия и несбыточности ⁴.

Судя о Наполеоне — все и всегда почти слишком идеализируют. — В нем привыкли видеть осуществление какого-то чистейшего, безусловного мошенничества. — Он конечно *мошенник*, но подбитый *утопистом*, как и следует представителю революционного начала. И эта-то примесь дает ему такую огромную силу над современностью.

Но пора кончить. Поручение выполнено — остается — от души пожать вам руку.

Ф. Тютчев

¹ В конце октября 1863 г. Катков приезжал в Петербург и был принят Горчаковым (см.: Тютчев — Е. Ф. Тютчевой, н. 5). Еще раньше, 25 июля 1863 г., Горчаков писал Тютчеву, что видит в Каткове «влиятельного и красноречивого помощника», однако считает бестактным агрессивный тон, усвоенный «Московскими ведомостями» при обсуждении проблем внешней политики России, и поручал ему умерить пыл Каткова в пропаганде «наступательной войны» (ГБЛ, 120.1.33). По-видимому, в этом же духе говорил он с Катковым в Петербурге. Однако Катков уехал, «не сделав никаких выводов из того, что видел и слышал» (см. наст. том: Тютчев — Е. Ф. Тютчевой, п. 5) и по возвращении написал Горчакову письмо, в котором полемизировал с ним по вопросу о задачах русской дипломатии в отношении к Франции (письмо не сохранилось; основные его положения Катков изложил Тютчеву в неотправленном письме от 4 ноября 1863 г. — ГБЛ, 120. 47, л. 188 об. — 192); о других его разногласиях с Горчаковым см.: *Валуев*, т. I, с. 251 и 252.

² Лишившись поддержки Англии и Австрии в попытке создания военной коалиции против России (см. п. 1, прим. 6), Наполеон III вынужден был круто изменить внешнеполитический курс и в тронной речи 5 ноября (см. там же), предложил созвать европейский конгресс для выработки новых международных конвенций взамен устаревших трактатов 1815 г. Идея созыва конгресса провалилась, так как ни одна из держав, кроме Франции, не была заинтересована в нем. Однако, именно в силу последнего обстоятельства, вокруг предложения Наполеона развернулась острая дипломатическая борьба, в предвидении которой Горчаков считал необходимым, чтобы «Московские ведомости» соблюдали корректный тон при обсуждении проблем, связанных с предполагаемым конгрессом.

³ После возвращения Каткова из Петербурга «Московские ведомости» посвятили предложению Наполеона III три передовых статьи (№ 233—235 от 27, 29 и 30 окт.), оценивая его как провокацию, несущую в себе угрозу войны: «Нет ни одного важного европейского вопроса, по которому конгресс не увеличил бы существующих затруднений. Поэтому те державы, которым дорог мир (...) не могут согласиться на конгресс» (№ 234, 29 окт.). Переданное Тютчевым требование Горчакова избегать подобной «непримиримости» возымело действие: передовая статья в № 239 (3 нояб.), посвященная той же проблеме, носила вполне лояльный характер и получила его одобрение (см. п. 3).

⁴ Ответ Александра II на приглашение участвовать в конгрессе был подписан 6/18 ноября и получен в Париже 23/11 ноября; в русских газетах опубликован 27 ноября /9 декабря. Тютчев справедливо отмечает уклончивый характер этого документа. Узнав, что ответ написан, Катков отказался от мысли отправить Горчакову свое полемическое послание (см. прим. 1), о чем извещал Тютчева 4 ноября (ГБЛ, 120. 47, л. 188 об.).

3

Петербург. Среда, 6 ноября (1863)

Благодарю усердно за вашу статью, в которой вы так верно и удачно определили наше настоящее положение и намекнули, какой программы мы должны следовать. Князь Г<орчаков> был очень доволен статьею ¹.

Общее положение начинает выясняться. Можно уже теперь предвидеть, что Наполеон, с своим конгрессом, останется окончательно в дураках или должен будет решиться на что-нибудь роковое, отчаянное.

Ответ Англии уже известен. Он таков, как надо было ожидать. Отрицателен не по форме, а в сущности. — Конгресс не отрицается, но упразднение трактатов не признано, и требуется, для согласия на Конгресс, предварительных пояснений ². — Все это сильно не понравилось в Париже. Ответчено было, что пояснения будут даны, когда конгресс соберется, на что Lord J. Russel ³ заметил: «That is perfectly absurd» ^{2*}.

К нам со всех сторон обращаются с запросами: все с тревожным любопытством ждут нашего решения, чувствуется, что ключ положения переходит в наши руки, — Россия стоит особняком, но уже не изолированно.

^{2*} Это совершенно абсурдно (англ.).

Препровождаю к вам при сем еще *несколько заметок* князя Вяземского, из которых одна уже была вам доставлена. Вы, может быть, поместите их в следующем № вашего «Вестника»⁴.

Это письмо, почтеннейший Михаил Никифорович, получите вы накануне дня вашего ангела. — Позвольте же и мне присоединить мои поздравления к поздравлениям столь *многих* и *многих*.

Послезавтра во всей России усердно будут празднуемы два *Михаила* — один в Вильне, другой в Москве⁵.

Еще одна просьба: скажите, прошу вас, А. И. Георгиевскому, что мы очень тревожимся его молчанием и нетерпеливо ждем известий от него.

Вам, с особенным уважением, душевно преданный

Ф. Т ю т ч е в

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1, 2 и 4).

¹ Об этой статье (МВ, 1863, № 239, 3 ноября) см. п. 2, прим. 3.

² Приглашение на конгресс (см. п. 2, прим. 2 и 4) не содержало указания на вопросы, подлежащие обсуждению. Почти все великие державы использовали это как предлог для уклонения от прямого ответа. Англия и Россия предложили предварительно определить программу конгресса (дать «предварительные пояснения»); Франция отвечала им, что «удобнее» сделать это на самом конгрессе, поскольку такой порядок якобы обеспечит беспристрастие его участников (СПб. вед., 1863, № 248—252, 7/19—12/24 нояб.).

³ Джон Рассел (1792—1878) — английский политический деятель; с 1859 г. — министр иностранных дел, с 1865 г. — премьер-министр Англии.

⁴ Под заглавием «Заметки» Вяземский печатал в «Русском вестнике» небольшие циклы стихов на злободневные темы (напр., 1863, № 9). Какие его стихи были посланы при публикуемом письме, неизвестно, так как ни в конце 1863 г., ни в начале 1864 г. «Заметки» его в этом журнале не появлялись, за исключением посланного ранее стихотворения.

⁵ Подразумеваются М. Н. Муравьев, резиденция которого находилась в Вильне, и Катков (день Михаила Архангела приходится на 8 ноября).

4

С.-Петербург. (Середина июля 1864)

Почтеннейший Михаил Ники(форович)!

Пишу к вам по поручению к(нзя) А. М. Горчакова. — Князь жел(ает) очень, чтобы вы — в этом водовороте всевозможных и не(воз)можных сплетней, толков и лжей, вы — как лучший представитель русской гласности — знали с(амым) достоверным, самым полож(итель)ным образом о настоя(щем) ходе и состоянии дел¹.

Все показания князя з(аклю)чаются в следующих тр(ех) пунктах:

1) Ни в Киссингене, ни (в Берлине) (пр)и всех совещаниях с (ин)остранными министрами и (го)сударями не было ни предложено, (н)и принято нами никаких обязательств, ни изустных, ни письменных, по какому бы (то) вопросу ни было, так что князь возвратился из-за границы, (у)держав за собою те же самые (у)словия полнейшей самостоятель(н)ости и неограниченной свободы (дей)ствия, с какими он туда (от)правился.

2) О польском вопросе не (было) речи. Князь просит вас принять это удо(сто)верение в самом буквальном (смысле) слова: Le nom de la Pologne n'a pas été prononcé^{3*}.

3) Князь остается верен свое(му) взгляду, а именно что настоящ(ая) политика России — не за границею, а внутри ее самой: т. е. в ее последовательном, безостанов(очном) развитии — и потому считает своею первою обязанностью не путать ее ни в как(ие) внешние, посторонние вопрос(ы), чтобы как-нибудь чрез (это) не повредить правильно(му) решению ее настоящего (положения), т. е. внутреннего.

^{3*} Имя Польши не было произнесено (франц.).

Вот что поручено мне было (ва)м передать уже несколько (дн)ей тому назад, но я все это время жил и живу в такой (м)учительной, невыносимой, ду(шевн)ой тревоге ², что вы, конечно, (п)ростите мне это невольное (промедление).

Мое усерднейшее почтение (ми)лой Софье Петровне ³.

Вам душевно преданный

Ф. Т ю т ч е в

(Р. С.) От А. И. Георгиевского сей(час) получил письмо ⁴ — благодарю.

Датируется по содержанию (см. прим. 1 и 2).

Края автографа обгорели; ряд слов восстанавливается по смыслу.

¹ Июнь 1864 г. Александр II провел на водах в Киссингене. По пути, в Берлине, он имел неофициальную встречу с прусским королем, а в Киссингене — с австрийским императором. Горчаков присутствовал на этих встречах и, кроме того, имел конфиденциальные беседы с прусским и австрийским министрами иностранных дел (*СПб. вед.*, 1864, № 119, 121, 124, 134 от 30 мая/11 июня, 2/14, 5/17 и 18/30 июня). Сведения о содержании этих бесед, предметом которых была судьба Шлезвига и Гольштинии, в печать почти не проникали, что привело к различным кривотолкам. 10/22 июля Александр II и Горчаков возвратились в Россию.

² Тютчев в это время был крайне подавлен болезнью Е. А. Денисьевой.

³ Софья Петровна *Каткова* (рожд. кнж. Шаликова) — жена Каткова.

⁴ Это письмо неизвестно.

5

С.-Петербург. 13 октября 1865

Пишу к вам, любезнейший Михаил Никифорович, хотя от моего имени, но в смысле и в интересе общего дела. Помогите *нам* — вот что такое это *мы*: это — Совет Главного управления по делам печати... Вступил я в него, признаюсь, с некоторыми предубеждениями против его состава. Но при самом же начале имел случай удостовериться, что достаточно было нескольких разумных искренних слов, чтобы расположить его в пользу разумного, добросовестного образа действий ¹.

Вы знаете, я вовсе не сторонник нашего нового устава о печати. Все эти заимствования иностр(анных) учреждений, все эти законодательные французские водевили, переложенные на русские нравы, мне в душе противны — все это часто выходит неловко и даже уродливо ². Но в деле законодательства дух может одолеть и преобразить букву. Так и в предстоящем случае... Заняв у современной, наполеоновской Франции главные основы нашего устава о печати, нам предстоит для его применения две дороги — два совершенно противоположных образа действий — или применять его в смысле французской же практики — в смысле полицейско-враждебном к свободе мысли и слова, или в том направлении, какое было высказано при составлении устава большинством Комиссии, — т. е. смотреть на нынешний устав как на нечто *переходное* — временное, — имеющее свою настоящую целью вести русскую печать от ее прежней беспорядочности — к полноправию закона, со всеми его необходимыми гарантиями — и с этой-то точки зрения и отправления относиться к той огромной силе произвола, которая нами усвоена правом предостережения ³. — Вот в каком смысле выскажется, от имени Совета, статья, которая на днях будет напечатана в «Северной почте» ⁴. — Заявление же это вызвано некоторыми очень бойкими, но очень злостными выходками со стороны «Голоса» — также и «Современника» ⁵ и, вероятно, других *ejusdem farinae* ^{4*}. «Голос», например, в двух статьях вами, может быть, замеченных, предпрешив, что мы — вместе с буквою франц(узского) законодательства — проникнемся и духом франц(узской) полиции, страшно бичует нас, по ее слине, и с благородным негодованием только что прогнанного лакея восстает противу всевозможных нечестий и неистовств нашего будущего произвола ⁶. — Признаюсь вам — *меня* эта выходка высоко-нравственных и бескорыстно-убежденных писателей «Голоса» в душе порадова-

^{4*} в том же роде (*лат.*).

ЖУРНАЛИСТ-ПОЛИТИК

Карикатура неизвестного художника

Сатирический отклик на положение журналистики после введения в действие закона о печати от 2 апреля 1865 г.

Подпись: «Подписчики, кажется, не могут жаловаться, что я сам не участвую в моем журнале; все равно — не пером, так ножницами»

«Воскресный досуг», 12 февраля 1867 г.

ла. — Она заставила нас решительнее отречься от всякой солидарности с образом действий франц(узской) власти — и заявить это отречение во всеуслышание всей здравомыслящей благонамеренной России ⁷. — Вы, ее законный и полномочный представитель, поддержите нас в этом — утвердите, укорените нас в этом благонамеренном направлении вашим участием и содействием. Вы одни это можете. — Принимая с доверенностью наше заявление, вы нас *обязете* во всевозможных смыслах этого слова, но вместе с этим, почтеннейший Михаил Никифорович, вступитесь, еще раз, за оскорбленную обществ(енную) нравственность — не допуская людей, каковы люди «Голоса», этих прирожденных сеидов ⁸ всякой наполеоновской полиции — лишь бы она платила им ⁹, — разыгрывать — теперь на досуге — роль безукоризненных, строго нравственных друзей свободы — не потерпите.

Вам душевно пред(анный)

Ф. Т ю т ч е в

¹ 1 сентября 1865 г. вступил в действие новый закон о печати, утвержденный 6 апреля. Тогда же начал действовать новый Совет Главного управления по делам печати, в состав ко-

тогого входил Тютчев. Очень скоро иллюзии его в отношении возможности воздействовать на Совет развеялись (см. прим. 3).

² Закон 6 апреля предусматривал для периодических изданий отмену предварительной цензуры с заменой ее последующей цензурой карательной: министр внутренних дел получал право объявлять «предостережение» тем изданиям, в которых Совет по делам печати усматривал «вредное направление»; третье предостережение служило основанием для приостановки издания на срок до шести месяцев или для ходатайства перед Сенатом о его прекращении. Эта система была заимствована из французского законодательства о печати, введенного в 1852 г.

³ Вскоре Тютчев убедился, что применение закона 6 апреля приобрело именно «полицейские» тенденции: в течение первых трех месяцев его действия было объявлено пять предостережений изданиям самых разных направлений. Уже в декабре Тютчев доказывал Валуеву, что «репрессивная система, принятая им, ни к чему хорошему не приведет», и «с негодованием рассказывал (...) о Совете, от участия в делах которого он решительно отказался» (*Никитенко*, т. 2, с. 554—555). Об отношении его к закону 6 апреля см. также: Тютчев — Аксаковым, п. 4.

⁴ Намерение Совета по делам печати поместить в «Северной почте» статью, разъясняющую смысл системы «предостережений», не было реализовано.

⁵ «Современник» выступил с резкой критикой закона 6 апреля и, ссылаясь на опыт французской администрации, предупреждал о «подводных камнях», которыми грозит установленный этим законом режим «нетерпимости и крайнего произвола» (М. А. Антонов и ч. Надежды и опасения. — «Современник», 1865, № 8, с. 188).

⁶ Две редакционные статьи «Голоса» (1865, № 269 и 279 от 29 сент. и 9 окт.) были посвящены изменениям во французских законах о печати (в 1865 г. система «предостережений» во Франции была фактически упразднена, хотя и не отменена формально). «Голос» утверждал, что предоставленное администрации «право жизни и смерти над журналом», право бесконтрольное, ничем не ограниченное, ведет к «деморализации» журналистики и общественного мнения, а вместе с тем деморализует и самих представителей власти, осуществляющих этот произвол. «Страннее, аномальнее этого положения трудно придумать!» — писал «Голос», отмечая, что «то самое правительство, которому принадлежит изобретение административного суда над печатью» (т. е. правительство Франции) пришло к убеждению о несостоятельности своего «изобретения».

⁷ Тютчев добивался, чтобы это несостоявшееся «отречение» (см. прим. 4) было все же напечатано (*Современники о Тютчеве*: В. П. Безобразов — М. Н. Каткову <окт. 12 октября 1865 г.>).

⁸ Сейд — господин, глава племени (араб.).

⁹ Намек на субсидию, которую «Голос» получал от Министерства народного просвещения.

6

С.-Петербург. 11 июня <1864—1866>

Меня просили, почтеннейший Михаил Никифорович, передать вам прилагаемую записку¹. Мысль, выраженная в ней, находит здесь общее сочувствие. А так как эта мысль касается такого вопроса, которого почин — как всего истинно полезного и своевременно необходимого — принадлежит вам, то и надеются здесь, что вы эту мысль не оставите вашей сильною поддержкою.

Вам искренне-усердно преданный

Ф. Тютчев

Написано не ранее 1864 г. и не позднее 1866 г., поскольку Тютчев начал переписку с Катковым осенью 1863 г., а с конца 1866 г. он уже перестал ориентироваться на Каткова и его газету.

¹ О какой записке идет речь, установить не удалось.

7

Петербург. 8 мая 1867 г.

Милостивый государь Михаил Никифорович,

Барон Бюлер¹, по возвращении из Москвы, был у меня и сообщил мне то, что вы поручил(и) ему передать мне. Вот ва(м) мой ответ: допуская возможность самых невероятных, самых неожиданных разоча(ро)ваний — я, уверяю вас, ник(огда) не смущался мыслию, что придется разочароваться и в вас... Не знаю всл(едствие) каких сплетней — воль(ных) или невольных — зло(аме-

ренных или) благонамеренных, — вы мог(ли), почтеннейший Михаил Никифорович, заподозрить меня в таком фантастическом извращении всех моих понятий и убеждений касатель(но) вас, — но я совершенно убежден, что даже и из противников ваших никто еще серьезно не допускал, чтобы вы были способны на что-либо сознательн(о) неблагородное, недостойное вас... Мне как-то (с)транно и дико кажется, (ч)то я поставлен в не(об)ходимость заявлять перед вами подобную profession de foi^{5*}. — Тут есть какое-то прекуриозное недоразумение².

Нет, человек, которому, как вам, было дано оказать и оказывать на все современное поколение такое благотворно-громадное, историческое влияние — нет, этот челове(к) немислим без высокого нравственного достоинс(тва), без несомненной чисто(ты) духовной.

Впрочем, я скоро (буду) в Москву, если только мои недуги, одолевающие меня вот уже более шести недель, наконец отпустят, — и тогда, почтеннейший Михаил Никифорович, при первой же встрече с вами мне легко будет — даже и без слов — убедить вас в моем неизменном, глубоко сознательном уважении и соверш(ен)но искренней преданности.

Прошу напомнить (мил)ой, дорогой Софье Пе(тро)вне об ее постоянном (почи)тателе.

Ф. Т ю т ч е в

Края автографа обгорели; ряд слов восстанавливается по смыслу.

¹ Бар. Федор Андреевич *Бюлер* (1821—1896) — член Главного управления цензуры (1853—1861), управляющий газетной экспедицией Министерства иностранных дел.

² В чем заключалось недоразумение, о котором идет речь, неизвестно. По-видимому, но так и не было выяснено, поскольку на этом переписка Тютчева с Катковым прекратилась.

М. П. ПОГОДИНУ 1854—1872

Знакомство Тютчева с будущим историком и писателем Михаилом Петровичем *Погодиным* (1800—1875) началось в 1820 г., когда оба они были студентами Московского университета. История этого знакомства, продолжавшегося более полувека, нашла отражение в дневниковых записях Погодина, которые публикуются в настоящем томе (далее при ссылках на них указывается только дата соответствующей записи).

Сохранилось 25 писем Тютчева к Погодину за 1820—1868 гг.; 22 из них были опубликованы (*Письма*, 65; *Библиография*, 30).

Ниже печатается пять писем, которые относятся к тому периоду, когда Погодин активно заявил о себе как публицист, и связаны с его публицистической и общественной деятельностью. Из них три письма (п. 1, 4 и 5) публикуются впервые, остальные два (п. 2 и 3) были напечатаны ранее, но в отрывках и с неточностями в тексте и датах (*Барсуков*, кн. 14, с. 111—112; кн. 15, с. 105—106).

Все письма печатаются по автографам: ГБЛ, Пог/II. 33. 102 (п. 1—3); ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 344 (п. 4 и 5).

Сохранилось пять писем Погодина к Тютчеву за 1856—1868 гг. (черновые автографы — ГБЛ, Пог/I. 45.40 и 45.41). Ответов на публикуемые ниже письма среди них нет, так же как нет и писем, на которые отвечает Тютчев.

1

(Москва.) Четверг, 10 июня (1854)

Мне бы хотелось еще раз перед моим отъездом повидаться с вами, почтеннейший Михайло Петрович. Я имею сообщить вам нечто верное, хотя и очень

^{5*} изложение убеждений (*франц.*).

неутешительное¹. Не можете ли *завтра, в пятницу*, обедать у гр. Уварова, а если нет, так в субботу в клубе?

Вам душевно преданный

Ф. Тютчев

Дайте мне знать, до завтрашнего дня, о вашем решении.

Год и место написания устанавливаются по дневниковой записи Погодина о получении этого письма (10 июня 1854 г.).

¹ На следующий день Тютчев сообщил Погодину о намерении Австрии занять Дунайские княжества (см. в настоящем томе, кн. II: «Записи о Тютчеве в дневниках М. П. Погодина», запись от 11 июня 1854 г.).

2

С.-Петербург. 11-го октября 1855 г.

В ответ на ваше письмо, любезнейший Михайло Петрович, вот что я имею вам сказать: государево возвращение неизвестно, но все ваши здешние друзья того мнения, что лучше вам дожидаться оно и приехать сюда, в Петербург, чем ехать на авось в Николаев¹. — Что же касается до статьи вашей, то я наверное знаю, что она была читана и перечитана с большим участием и признательностью, и я не понимаю, каким образом в последнее время, в бытность двора в Москве, вы не имели случая сами в этом убедиться...²

Теперь, как бы ни было грустно и больно, вот вам мое задушевное роковое убеждение о настоящем кризисе: дело идет не о России одной, но о целом племени. Удержит ли оно за собою свою историческую самостоятельность для будущего развития или окончательно погубит и утратит ее. Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба двух великих Западных племен противу нашего. Но до сих пор все это только были авангардные дела, теперь наступил час последнего, решительного, генерального сражения... Все авангардные дела были нами проиграны, — от исхода предстоящей борьбы зависит решение вопроса: которая из двух самостоятельностей должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно — *быть или не быть, мы или они...*

Теперь, если мы взглянем на себя, т. е. на Россию, что мы видим?.. Сознание своего единственного исторического значения ею совершенно утрачено, по крайней мере в так называемой образованной, правительственной России. Живет ли оно еще в народе, одному Богу известно. — В чем же это историческое значение? А именно в том, что России, как единственной представительнице самостоятельной всего племени, предназначено было воссоздать эту самостоятельность для всего племени. Этот исторический закон России был ее жизненным условием, вне коего нет и для ней самой исторической жизни. — Все это, сознаю, очевидно до пошлости, но вот что не пошло: для правительственной России сознание этого закона, несмотря на свою очевидность, — более не существует. Она уже не орган, а просто *нараст*. Теперь это омертвление распространится на всю массу или, неминуемо, должно вызвать из глубины ее последнюю, отчаянную реакцию народной и племенной жизни, не для России одной, но для всего племени; т. е. оживут ли кости сии?.. Господи, ты знаешь!..³ и что же, скажите, перед этой необъятною, неразрешимою Задачею значит голос и усилия частного лица? Так, вы правы, *Господи помилуй!* и... только.

Весь ваш

Ф. Тютчев

¹ Погодин намеревался добиться аудиенции у Александра II с целью высказать ему свой взгляд на внутриполитическую ситуацию как первопричину тех поражений, которые терпит Россия в Крымской войне (27 августа пал Севастополь), и убедить императора, «что положение опасно, что система дурна» и требует немедленных преобразований (*Барсуков*, кн. 14, с. 110—111). Александр II находился в это время в Николаеве, где обсуждалась даль-

нейшая судьба Крымской кампании. Погодин последовал совету Тютчева и в Николаев не поехал.

² 10 сентября 1855 г. в «Московских ведомостях» (№ 109) была напечатана статья Погодина, написанная по поводу пребывания в Москве Александра II (2—6 сент.). В статье описывался прием, оказанный москвичами императору; далее следовали размышления о судьбах России и ее историческом призвании. Перечисляя в этой связи «любезные имена» русских императоров, Погодин не упомянул Николая I. Статья, напечатанная по личному разрешению Александра II, вызвала разноречивое отношение даже в правящих кругах: в то время как военный министр В. А. Долгоруков уведомлял Погодина «об успехе» его «прекрасной статьи» (*Барсуков*, кн. 14, ст. 100), председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин запретил перепечатку ее в столичных газетах (*Никитенко*, т. 1, с. 420). Разноречиво было и общественное мнение: Никитенко рассматривал игнорирование имени Николая I как выражение «общего чувства», Грановский же писал из Москвы, что «здешние бары <...> в ярости» по этому поводу и Погодин хочет уехать из Москвы (*Никитенко*, т. 1, с. 420; «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, с. 455).

³ Б и б л и я, Иезекииль, XXXVII, 3. Воскрешение костей убитых воинов, о котором идет речь в книге пророка Иезекииля, символизирует воскрешение целого племени — «дома Израилева».

3

С.-Петербург. 13 октября 1857

Извините, почтеннейший Михайло Петрович, если за болезнью я не мог ранее отвечать вам.

Бесполезным считаю уверять вас, что я в полной мере сочувствую всем вашим мыслям и намерениям. Но дело не в сочувствии, а в содействии ¹.

Итак, на первых порах бумаги ваши я сообщил графу Блудову, и вот первый его отзыв о вашем предположении издать ваши боевые записки ²... Определительнее и положительнее этого отзыва вы, вероятно, здесь ни от одной из поддерживающих властей не получите... Буде дело и пойдет на лад, то знаете ли, чем оно все-таки кончится? — После нескончаемых проволочек поставят вам, в неперемное условие, сделать столько изменений, оговорок и уступок всякого рода, что письма ваши утратят всю свою историческую современную физиономию, и выйдет из них нечто вялое, бесхарактерное, нечто вроде полуофициальной статьи, задним числом написанной. — Сказать ли вам, чего бы я желал? Мне бы хотелось, чтобы какой-нибудь добрый или даже недобрый человек — без вашего согласия и даже без вашего ведома издал бы эти письма так, как они есть, — за границу ³... Такое издание имело бы свое значение, свое полное, историческое значение. — Вообще, мы до сих пор не умеем пользоваться, как бы следовало, русскими заграничными книгопечатнями, а в нынешнем положении дел это орудие *необходимое*. Поверьте мне, правительственные люди — не у нас только, но везде — только к тем идеям имеют уважение, которые без их разрешения, без их фирмы гуляют себе по белому свету... Только со *Свободным* словом обращаются они, как взрослый с взрослым, как равный с равным. На все же прочее смотрят они — даже самые благонамеренные и либеральные — как на ученические упражнения... Вот почему и в отношении к письму

М. П. ПОГОДИН

Фотография. Москва, конец 1860-х годов
С автографической подписью: «М. Погодин»
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

вашему, назначаемому для ж(урнала) «Nord», я, признаюсь вам, не вижу никакой надобности сообщать его предварительно кн. Горчакову⁴. Содержание письма таково, что подвергнуть вас неприятной ответственности оно никак не может. Если и есть кой-какие места, которые следовало бы несколько смягчить, так, напр(имер), где вы говорите о современном быте русского крестьянина, редакция журнала возьмет уж это сама на себя. По крайней мере, ваша основная мысль пребудет цела и неприкосновенна и колорит статьи не изменится...

Вот вам, почтеннейший Михайло Петрович, мое задушевное убеждение. Впрочем, располагайте мною, как знаете. Я всегда к вашим услугам. Дальнейшие отзывы гр. Блудова я не премину вам сообщить, и они, вероятно, оправдают вполне мое... *воззрение*.

Мы здесь живем в тревожном ожидании августейшего решения по следующему вопросу: подобает ли московской полиции распорядиться в первопрестольном граде, верно-любезной Москве нашей, как англичане и башибузуки распорядились в Керчи⁵. That is the question*.

Простите... Да сохранит вас Господь Бог по возможности добрым душевно и телесно.

Вам усердно преданный

Ф. Т ю т ч е в

¹ Погодин пытался добиться разрешения на издание «историко-политических писем», написанных им во время Крымской войны (об этих «письмах» и отношении Тютчева к ним см. в наст. томе (кн. II) «Записи о Тютчеве в дневниках М. П. Погодина» — записи от 3, 6 и 18 июня, 16 авг. и 27 ноября 1854 г., 13 марта, 16 апр. 1855 г. и 2 окт. 1857 г., а также примеч. 50, 54, 56, 57, 60, 61). Рассчитывая на посредничество Тютчева, он послал ему написанное для предполагаемого издания предисловие и, вероятно, часть «писем» (там же, записи от 30 сент. и 2 окт. 1857 г.; *Барсуков*, кн. 15, с. 109).

² 12 октября 1857 г. председатель Государственного совета Д. Н. Блудов писал Тютчеву по поводу «историко-политических писем»: «Возвращаю вам (...) главную часть бумаг Погодина. Его проект предисловия мне нравится, и я был бы готов одобрить этот проект (...) Причины, по которым он считает нужным (...) напечатать свои письма (...) заслуживают внимания и уважения, но чтобы произнести решительное слово: печатайте или не печатайте, — должно бы вспомнить все, что было в этих письмах или снова прочесть их» (*Барсуков*, кн. 15, с. 109—110).

³ Разрешения на публикацию своих «писем» Погодин не получил. Через несколько лет они, как и советовал Тютчев, были напечатаны за границей («Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы», ч. I—III. Лейпциг, 1860—1861).

⁴ В этой статье Погодин рассматривал внешнюю политику России в послевоенный период, причем высоко оценивал деятельность А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел; касался он и внутреннего положения страны. Статья, написанная в форме письма в редакцию газеты «Nord», была напечатана там 17 ноября 1857 г. (№ 321).

⁵ 29 сентября 1857 г. несколько студентов Московского университета были жестоко избиты полицией без всякого повода с их стороны. Под давлением общественного мнения полицейские были отданы под суд, а студенты «помилваны» (*Никитенко*, т. 1, с. 461 и 538—539).

* Шекспир. Гамлет, акт III, сд. I.

(Москва. 30 августа 1868)

Простите авторской щепетильности. Мне хотелось, чтобы, по крайней мере, те стихи, которые надписаны на ваше имя, были по возможности исправны, и потому посылаю вам их вторым изданием¹.

Простите, завтра еду².

Чем будет мир при первом нашем свидании? Продолжится ли все та же агония отживающего порядка вещей или разрешится она тем роковым взрывом, который после страшных потрясений должен расчистить место для нового европейского строя?³

* Вот в чем вопрос (англ.)⁶.

Что в Западной Европе бояться этого поворота, как светопреставления, — это понятно: для нее он то и будет. Но чтобы мы, Россия, смотрели на это дело с теми же малодушными опасениями, это просто глупо и свидетельствует о нашей крайней умственной несостоятельности...

Лозунг завтрашнего дня — это *возрождение Восточной Европы*, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово: *Восточная Европа* как определенный политический термин. Покажите и в этом пример. Этот почин принадлежит вам по праву⁴.

На автографе надпись неизвестной рукой: «Август 1868».

Датируется по этой надписи и по содержанию (см. прим. 1—3).

¹ Тютчев посылает вторую редакцию стихотворения «Михаилу Петровичу Погодину»; первоначальная редакция была написана им на шмуцтитуле книги «Стихотворения Ф. Тютчева» (М., 1868). Получение письма и стихов Погодин отметил в дневнике 30—31 августа 1868 г. Впоследствии он включил это стихотворение (в его первой редакции) в свое «Воспоминание о Ф. И. Тютчеве» (печатается в наст. томе, кн. II).

² 31 августа 1868 г. Тютчев выехал из Москвы в Петербург (*Летопись*, с. 196).

³ После преобразования Австрийской империи в Австро-Венгрию (1867) начался подъем национального освободительного движения среди славянских народов, населявших это дуалистическое государство. Тютчев надеялся, что подъем этот завершится «возрождением Восточной Европы», т. е. освобождением славянских народов (об этих событиях и отношении Тютчева к ним см. в наст. томе: Т ю т ч е в — С а м а р и н у, п. 1 и 2).

⁴ Тютчев возвращается к разговору, в котором убеждал Погодина написать статью «об отношении Чехии к России» (см. в настоящем томе, кн. II: «Записи о Тютчеве в дневниках М. П. Погодина» — запись от 28 августа 1863 г.).

5

⟨Петербург.⟩ Понедельник, ⟨31 января 1872⟩

Завтра, во вторник, обедают у нас (в шесть часов) Аксаковы¹. Не благоволи-те ли вы, почтеннейший Михаил Петрович, разделить нашу трапезу?

Князь Горчаков поручил мне сказать вам, что он очень желал бы с вами видеться. Вы его застанете ежедневно (за исключением вторника и субботы, двух его докладных дней) утром до часу.

Вам всецело преданный

Ф. Т ю т ч е в

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Во вторник, 1 февраля 1872 г., М. Ф. Бирилева, дочь Тютчева, записала в дневнике: «Обедали Аксаковы» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 185); в этот день, как и накануне, Погодин находился в Петербурге (*Никитенко*, т. 3, с. 223).

Ю. Ф. САМАРИНУ

1867—1869

Юрий Федорович *Самарин* (1819—1876) — общественный деятель и публицист, один из идеологов славянофильства, участник подготовки крестьянской реформы в России и Царстве Польском. Тютчев познакомился с Самариним в середине 1840-х годов, вскоре после своего возвращения в Россию, но особенно сблизился с ним во второй половине 1860-х годов. Статьи Самарина о социально-экономических и национальных отношениях в Прибалтике (1867—1868) привлекли Тютчева остротой критики режима царской администрации. В 1868 г. Самарин издал в Праге второй том «Полного собрания сочинений» А. С. Хомякова, содержащий его богословские сочинения, и написал предисловие к этому тому. Этот труд Самарина также вызвал значительный интерес Тютчева (о его отношении к публицистике Самарина см. в настоящем томе: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 49, 51 и 52).

Сохранилось пять писем Тютчева к Самарину за 1867—1869 гг. (*Письма*, 71). Одно из них было напечатано (*Библиография*, 35) и в настоящую публикацию не входит. Не включе-

но в эту публикацию также письмо без даты, прочтение которого невозможно ввиду состояния автографа.

Ниже публикуется три письма Тютчева Самарину; все они печатаются по автографам: ГБЛ, 265.202.38. Одно письмо написано по-русски (п. 1), остальные два — на французском языке; эти письма печатаются на языке оригинала и в переводе Н. И. Ф и л и п о в и ч.

Письма Самарина к Тютчеву неизвестны.

1

Петерб(ург). 24 ноября 1867

Убедительно прошу вас, почтеннейший Юрий Федорыч, располагать мною всевластно и пересылать на мое имя, что вам угодно ¹.

Вчера вечером был у меня вручитель вашего письма *Дубин* и много и очень занимательно рассказывал нам о посещенных им Славянских землях ². Но не совсем отрадны его показания. Впрочем, они подтвердили во мне то, что я всегда предполагал.

Есть у Славянства злейший враг, и еще более внутренний, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это их так называемые *интеллигенции*. Вот что может окончательно погубить славянское дело, извращая его правильные отношения к России ³. Эти глупые, тупые, с толку сбитые интеллигенции до сих пор не могли себе уяснить, что для Славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-органической их зависимости от России. Чтобы возродиться Славянами, им следует прежде всего окунуться в Россию. Массы славянские это, конечно, инстинктивно понимают, но на то и *интеллигенция*, чтобы развращать *инстинкт* ⁴.

Увидим, как эта пресловутая интеллигенция поймет и оценит начинающийся всемирный кризис и какой исход она найдет для католического славянства из его поистине трагического положения ⁵...

Сознавая перед лицом Истории всю немощь наших личных усилий, я не могу, однако же, не думать и не верить, что вы, именно вы, *промыслительно* попали в Прагу в эту в высшей степени многозначительную минуту ⁶.

Что ваше издание Хомякова? Т. е., в особенности, вашего к его книге полновесного предисловия ⁷. Кончина митрополита Филарета должна необходимо многое изменить в понимании вопроса ⁸...

Жду с нетерпением вашего приезда в Петербург.

Здесь по-прежнему царит и правит все та же бессознательность.

Вам душевно преданный

Ф. Тчв

¹ По-видимому, речь идет об изданиях, подготовкой которых был в это время занят находившийся в Праге Самарин (см. п. 2, прим. 1 и 2). Продажу их в России должен был санкционировать Комитет иностранной цензуры, председателем которого был Тютчев, и Самарин мог просить разрешения переслать их непосредственно на его имя с целью ускорить эту процедуру.

² Дубин — лицо неуставовленное. Возможно, что Тютчев имеет в виду Николая Дубинина, автора статьи о филологе Фр. Изебере (Езбере) — «представителе идеи соединения всех славянских племен» («Русский», 1868, № 17, 20 янв.; см. также письмо Дубинина М. П. Подгуну от 15 янв. 1868 г. — ГБЛ, Подг./II. 11.40).

³ Тютчев подразумевает сторонников теории так называемого австрославизма, основанной на идее преобразования многонациональной Австрийской империи (с 1867 г. — Австро-Венгрия) в федеративное государство под властью Габсбургов. Теория австрославизма родилась в среде чешской либеральной интеллигенции (ее выдвинул историк Фр. Палацкий — см. п. 2, прим. 5). Теория эта вызвала активный протест со стороны Тютчева.

⁴ Тютчев не раз высказывал мысль о том, что «инстинкт народных масс выше умозритель образванного люда» (см.: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 51, а также п. 39).

⁵ Эту мысль Тютчева развивает Аксаков в биографии поэта: «Славянин-латинянин — это извращение славянской духовной природы. Сомнительна возможность политической самостоятельности при утрате самостоятельности нравственной, при утрате *духовной народной личности*. Нельзя ожидать возрождения для народов, прикованных к римскому духовному отжившему идеалу (...)

» (Аксаков 1874, стлб. 178).

⁶ 21 декабря 1867 г. завершился процесс преобразования Австрийской империи в Австро-Венгрию — дуалистическое государство, в котором Венгрия получала автономию по отношению к Австрии. Этот процесс, длившийся около года, пробудил борьбу славянских народов за равные права в создававшейся федерации. К осени 1867 г. это движение охватило широкие народные массы и продолжало набирать силу.

⁷ В 1866—1867 гг. Самарин готовил к изданию второй том «Полного собрания сочинений» А. С. Хомякова. Этот том составляли «Сочинения богословские», посвященные критике католицизма и протестантизма и утверждению идеи православия как «истинного христианства». Предвидя препятствия к изданию этой книги со стороны духовной цензуры, Самарин выпустил ее за границей в Праге. Написанное им предисловие имеет в книге дату: «Прага, апрель 1868». Однако, по свидетельству В. Ф. Одоевского, Самарин читал его петербургским друзьям еще в январе 1867 г. (*ЛН*, т. 22—24, с. 228); тогда же мог познакомиться с этим предисловием и Тютчев. Интерес Тютчева к книге Хомякова диктовался не только тем, что он разделял взгляды автора, но также и тем, что поводом для написания некоторых из статей, эту книгу составивших, послужила его собственная статья «Папство и Римский вопрос» (см.: А. Д. Г р а д о в с к и й. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873, с. 291).

⁸ Смерть московского митрополита Филарета (19 нояб. 1867 г.), оказывавшего большое воздействие на политику духовной цензуры, ничего не изменила в судьбе книги Хомякова. 15 ноября 1868 г. Петербургский комитет цензуры духовных книг указал ряд мест, которые «делают затруднительным» выпуск ее в свет (ГИМ, ОПИ, ф. 178, ед. хр. 21), и книга не была допущена в продажу. Разрешение на нее было дано только в 1879 г.

2

Pétersbourg. Ce 13 Juillet 1868

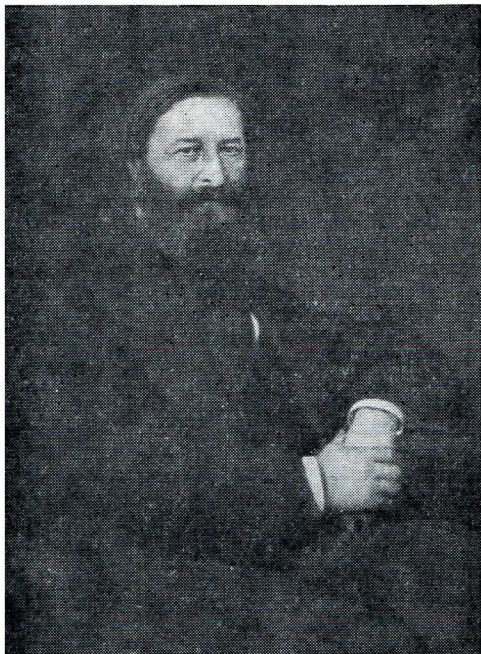
Enfin, cher Юрий Федорович, je puis vous donner des nouvelles de votre caisse de livres qui comme un bâtiment longtemps perdu en mer s'est heureusement retrouvé au port. La dite caisse se trouve en ce moment déposée au Comité en attendant vos ordres quant à sa remise définitive ¹.

Ce que j'attends moi, et avec bien plus d'impatience encore, ce sont vos publications de Prague, nommément celle dont vous avez si heureusement empêché l'avortement par une fuite aussi prudente que prompte ²...

A en juger par les journaux de ce qui se passe là où vous êtes, vous assistez en ce moment à une curieuse expérience, — à l'effort d'un moribond qui cherche sournoisement à étouffer un adversaire dont il n'a jamais pu venir à bout, même lorsqu'il était plein de vie et de vigueur ³, mais ce spectacle, tout instructif qu'il est, vu de près, doit être profondément triste et écoeurant... Il serait fort à désirer, toutefois, dans l'intérêt de la bonne cause, que les choses, pour le moment au moins, ne soient pas poussées jusqu'à l'extrême, c'est-à-dire jusqu'à un conflit matériel qui serait fatal au bon droit, attendu que la Russie, hélas, n'est pas encore à point pour lui prêter main forte, et que tout autre secours, surtout un secours venant du côté de la Prusse, lui serait positivement fatal. Mais une fois venu le jour de la grande lutte, on peut, je crois, affirmer, contrairement à l'assertion de Beust ⁴, que Prague ne sera pas livrée par la Russie. Ceux qui nous gouvernent n'en savent assurément rien à l'heure qu'il est, mais ils ne manqueront pas de ce savoir quand le moment sera venu... C'est cette confiance parfaitement motivée et légitime qu'il s'agirait par tous les moyens possibles de propager en Bohême. Car une Bohême slave, parfaitement autonome et indépendante, la Russie dans son intérêt le plus évident, aurait dû l'inventer, si elle n'existait déjà en principe, et cette assertion est beaucoup plus vraie que celle de Palazky dans le temps ⁵... Une Bohême indépendante, appuyée sur la Russie, telle est la combinaison très simple et très efficace que l'Histoire tient en réserve pour faire, à son heure, échouer l'unité de l'Allemagne, qui, en dépit des apparences, a, selon (moi), moins de chances que jamais à se réaliser et n'aboutira, en définitive, à n'être qu'une Prusse considérablement agrandie.

Mais on devrait avoir honte de toute cette logomachie tant de fois ressassée et de tout ce bavardage politique à perte de vue devant ce sombre et terrible silence que gardent encore les événements...

Ici, pour le moment, l'événement du jour c'est la désertion générale, pas précisément un exode, mais une sortie de classe. Dans huit jours Pétersbourg sera

Ю. Ф. САМАРИН

Портрет работы И. Н. Крамского (масло), 1878

Литературный музей, Москва

Если судить по газетам о том, что происходит там, где вы находитесь, вы присутствуете в настоящий момент при любопытном явлении — усилиях умирающего, который потихоньку пытается придушить противника, с коим не мог справиться даже тогда, когда был помолвлен и жизни³; однако зрелище это, хотя и поучительное, вблизи должно производить чрезвычайно жалкое и отвратительное впечатление. Тем не менее в интересах дела было бы очень желательно, чтобы события, по крайней мере в настоящий момент, не дошли до крайности, т. е. до реального конфликта, который оказался бы роковым для правого дела, поскольку Россия, увы, еще не в состоянии поддержать его оружием, а всякая иная помощь, особенно со стороны Пруссии, была бы для него положительно роковой. Однако, вопреки утверждению Зейста⁴, я полагаю, можно с уверенностью сказать, что, когда настанет день великой битвы, Россия не предаст Прагу. Те, кто нами правит, наверняка об этом в настоящее время и не подозревают, но они непременно будут знать это, когда момент наступит. Именно эту уверенность, полностью обоснованную и законную, следовало бы всеми возможными средствами распространять в Богемии. Ибо, если бы славянская Богемия, полностью самоуправляющаяся и независимая, не существовала в принципе уже сейчас, России пришлось бы, исходя из самых очевидных своих интересов, выдумать ее, и это утверждение гораздо более соответствует действительности, чем то, которое некогда выдвинул Палацкий⁵. Богемия независимая, опирающаяся на Россию, — вот комбинация, очень простая и очень действительная, которую История держит в резерве для того, чтобы в подходящий момент помешать объединению Германии; на мой взгляд, вопреки внешним признакам, осуществление его сейчас менее вероятно, чем когда бы то ни было, и в конечном счете оно ограничится всего лишь незначительным укрупнением Пруссии.

Однако все эти столько раз повторявшиеся словоблуждания, вся эта бесконечная политическая болтовня постыдны перед лицом мрачного и зловещего молчания, которое пока хранят события...

Здесь в настоящее время событием дня является всеобщий разъезд, не то, что массовое бегство, но отъезд существенной части общества. Через неделю Петербург совсем опустеет. Что до меня, я собираюсь послезавтра выехать в Москву, а оттуда — в деревню.

complètement désert. Moi, pour ma part, je compte après demain m'en aller à Moscou, et de là à la campagne... L'autre jour je me trouvais à Oranienbaum où il a été beaucoup et bien affectueusement question de vous. La Grande Duchesse Hélène compte à partir pour Carlsbad mercredi prochain, c'est à dire le 17 de ce mois.

Et sur ce laissez-moi — en attendant vos ordres — vous serrer la main et me dire, cher Юрий Федорыч, votre bien dévoué

Ф. ТЧВ

Перевод:

Петербург. 13 июля 1868

Наконец-то, любезный Юрий Федорович, могу сообщить вам о судьбе вашего ящика с книгами, который, как корабль, долгое время блуждавший по морю, благополучно добрался наконец до гавани. Упомянутый ящик находится сейчас в Комитете в ожидании ваших распоряжений относительно окончательной его доставки по назначению¹.

Я же ожидаю, и с еще большим нетерпением, ваши пражские публикации, а именно ту, провал которой вы так удачно предотвратили, столь благоразумно и быстро уехав²...

На днях я был в Ораниенбауме, там много и тепло говорилось о вас. В(еликая) кн(ягиня) Елена собирается выехать в Карлсбад в будущую среду, т. е. 17 июля.

На этом позвольте мне — в ожидании ваших распоряжений — пожать вам руку и заверить вас, любезный Юрий Федорыч, в моем совершенном почтении.

Ф. Тчв

¹ Вероятно, Самарин послал для распространения в России свое только что вышедшее в свет издание — «Русский администратор новейшей школы» (Берлин, 1863). Разрешение на продажу ее в России должен был дать Тютчев как председатель Комитета иностранной цензуры.

² Подразумеваются два издания, выпущенные Самариным в Праге (1868), — второй том сочинений А. С. Хомякова (см. п. 1, прим. 7) и «Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие» (см. о ней: Тютчев — Аксаковым, п. 49, прим. 4; п. 51, прим. 1; п. 52, прим. 1). Цензурные репрессии, которым подверглась в марте 1867 г. газета «Москва» за публикацию статей Самарина о положении в Прибалтийском крае (там же, п. 18, прим. 1 и 3), побудили его предпринять поездку за границу для издания этой книги (Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. IX. М., 1898, с. VII).

³ 6 июля 1868 г. газета «С.-Петербургские ведомости» (№ 182) сообщала: «Борьба немецко-австрийского правительства против чешской национальности становится все более <...> ожесточенною». Далее говорилось о «системе терроризма» в Чехии, о «стеснении права собраний», об «ограничении местного самоуправления» и других мерах, предпринятых для подавления национально-освободительного движения чешского народа. Все эти меры Тютчев называл «усилиями умирающего», так как считал распадение Австро-Венгрии вопросом самого ближайшего времени.

⁴ Бар. Фридрих-Фердинанд Бейст (1809—1886) — в 1867—1871 гг. министр-президент Австрии и министр иностранных дел Австро-Венгрии.

⁵ Франтишек Палацкий (1798—1876) — чешский историк и деятель национального освобождения, создатель теории австрославизма (см. п. 1, прим. 3), впервые сформулированной им в «Письме во Франкфурт» (11 апр. 1848 г.). Тютчев подразумевает следующее место этого документа: «Если бы Австрийского государства не существовало уже с давних пор, мы должны были бы в интересах Европы, в интересах человечества постараться немедленно его создать» (цит. по кн.: И. И. Удалцов. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. М., 1951, с. 98).

3

Петербург. 5-го февраля (1869)

Permettez-moi, cher Юрий Федорович, de recommander à Votre bienveillant accueil M^r Георгиевский, frère de celui qui est à Pétersbourg, lequel par son passage par Moscou comptait avoir l'honneur de se présenter chez vous ¹.

Ce M^r Георгиевский a servi longtemps sous le G(énéral) Besak qui á son grand regret s'est vu obligé dans un moment donné de le sacrifier comme une victime expiatoire, á des exigences impérieuses ²... Il pourra vous raconter des choses curieuses sur ce qui s'est passé dans les pays d'où il vient ³.

Moi aussi j'en aurai plus d'une à vous communiquer. Mais — il en est de la poste qui veut bien se charger de vous porter ces lignes, comme de la parole (au dire du P(rince) de Talleyrand), laquelle n'aurait été donnée à l'homme que pour déguiser sa pensée...

Mille amitiés.

Ф. Тютчев

Перевод:

Петербург. 5-го февраля (1869)

Позвольте, любезный Юрий Федорович, рекомендовать вашему благосклонному вниманию г-на Георгиевского, брата Георгиевского из Петербурга, который, будучи проездом в Москве, желал бы иметь честь засвидетельствовать вам свое почтение ¹.

Г-н Георгиевский долгое время находился на службе при ген(ерале) Безаке, который, к своему великому сожалению, оказался вынужденным в определенный момент, уступая настоятельным требованиям, пожертвовать им, как искупительной жертвой ². Он может рассказать вам любопытные вещи о краях, из которых прибыл ³.

Я также смогу немало вам сообщить. Но — с почтой, которая берет на себя труд доста-

вить вам эти строки, дело обстоит так же, как и со словами, а они (как сказал князь Талейран) даны человеку только для того, чтобы скрывать свои мысли...

Сердечно ваш

Ф. Т ю т ч е в

Год устанавливается по содержанию: письмо, помеченное 5-м февраля, написано не ранее 1868 г. и не позже 1869 г. (см. прим. 2); однако в 1868 г. Самарин находился не в Москве, куда оно адресовано, а за границей, откуда возвратился в середине 1868 г. (Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. VIII. М., 1890, с. XII). Таким образом, письмо написано 5 февраля 1869 г.

¹ Дмитрий Иванович *Георгиевский* (1829—1897) — брат А. И. Георгиевского; ст. советник, служил в Государственном контроле; впоследствии — сотрудник «Московских ведомостей» и «Журнала Министерства народного просвещения».

² Александр Павлович *Безак* (1800—1868) — генерал-адъютант, с 1865 г. — генерал-губернатор Юго-Западного края. В 1868 г. был фактически отстранен от должности (формально он оставался на своем посту до дня смерти — 30 дек. 1868 г.). Тогда же Безак был вынужден «пожертвовать» некоторыми из своих подчиненных, в числе которых оказался, по-видимому, и Георгиевский (какую должность занимал он при Безаке, установить не удалось).

³ Рассказы о положении в Юго-Западном крае должны были заинтересовать Самарина, поскольку в предисловии к первой серии «Окраин России» он сообщил, что намерен посвятить Юго-Западному краю одну из следующих серий этого издания.

ПИСЬМА К РОДНЫМ

Публикация К. В. Пигарева

Предисловия и комментарии Л. Н. Кузиной

Н. И. ТЮТЧЕВУ

1832, 1867

Николай Иванович *Тютчев* (1801—1870) — старший брат поэта. В 1816 г. окончил Училище колонновожатых и поступил на службу в Генеральный штаб. Служил в Варшаве. С 1832 г. длительное время находился в командировке в Вене. В 1842 г. вышел в отставку в чине полковника Генерального штаба и поселился в Москве; подолгу жил в Париже.

Николай Иванович был не только единственным братом Тютчева, но, по словам И. С. Аксакова, и единственным другом, любившим его «не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федор Иванович так короток, так близко связан всею своею личною судьбою с самого детства» (*Аксаков 1886*, с. 307). Аксаков свидетельствует, что привязанность к брату наполняла всю жизнь Н. И. Тютчева, — «он был его постоянным гением-хранителем, — при всякой беде, всюду поспешал к нему на помощь» (там же, с. 11). Подтверждением этому служат письма Элеоноры Федоровны Тютчевой, первой жены поэта, которая постоянно обращалась к Николаю Ивановичу и за материальной, и за моральной поддержкой. В трудные минуты она писала деверю: «Вы знаете, как он вас любит и какое влияние вы можете оказать на эту натуру, столь вам знакомую... Он охотно бы поговорил с вами *обо всем*. Вы его брат, его *единственный друг*» (*Звенья*, с. 274; пер. с франц.). В отношениях братьев бывали и размолвки, и минуты раздражения, но затем они всякий раз обретали вновь прежнюю привязанность друг к другу.

Смерть Н. И. Тютчева была большим ударом для поэта. Возвращаясь из Москвы после похорон, Тютчев пишет в вагоне стихи, с исключительной остротой оразившие настроения, владевшие им в последние годы жизни, — «Брат, столько лет сопутствовавший мне...».

Более подробно об отношениях Тютчева с братом см.: О. В. П и г а р е в а. Из семейной жизни Ф. И. Тютчева (*Звенья*, с. 262—288); см. также: *Современники о Тютчеве* — письма Эл. Ф. Тютчевой Н. И. Тютчеву 1/13 и 2/14 июня, (июнь—июль), 29 авг./10 сент. и 11/23 сент. 1833 г.; 1/13 янв. 1834 г.

Сохранилось пять писем Тютчева к брату за 1832—1868 гг. (*Письма 90*). Из них два письма опубликованы (*Библиография 50*).

Публикуемые ниже три письма печатаются по автографам: ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 75 (п. 1 и 2 написаны рукой Эл. Ф. Тютчевой — жены поэта, частично под его диктовку). Одно из них написано по-русски, остальные два — по-французски; эти два письма печатаются на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Известно два письма Н. И. Тютчева брату (1859) — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 90.

1

Р у к о й Э л. Ф. Т ю т ч е в о й:

Munich. Ce 1 Juin 1832

Je suis la main de Théodore, mon cher Nicolas; voilà plusieurs jours qu'il veut vous écrire et les grandes affaires ne lui laissent pas un moment. Faute de mieux je m'en vais donc répondre à l'aimable lettre qui nous promet votre arrivée et vous dire ce qui se passe chez nous.

Mon ami, je ne vous dirai pas la grande joie que nous avons de vous revoir enfin; depuis longtemps nous le désirions tant! — Vous le savez, Théodore a absolument besoin de vous de distance en distance pour se refaire. Ces derniers

Н. И. ТЮТЧЕВ

Акварель И. Крихубера. Вена, (1834)

На обороте бумажная наклейка с надписью рукой Н. И. Тютчева (внука поэта): «Николай Иванович Тютчев, брат поэта. По оставлении военной службы»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Meindorf⁵ à Vienne, mais cette nouvelle ne se constate pas; donc aucun espoir d'avancement pour Théodore. — Il y a une chose pourtant: d'après la lettre du Comte Nesselrode à Potemkin, de plus d'après des nouvelles indirectes, le poste de la Haye, donné à Potemkin, ne serait pas à considérer comme une disgrâce, mais bien comme une marque de confiance particulière que l'on voulait lui donner. Cependant Potemkin avant de recevoir l'annonce officielle de la chose, sur le bruit qui en a couru, avait écrit à Nesselrode pour lui dire qu'un tel arrangement ne lui convenait pas du tout. Or depuis nous avons appris que les choses en étaient au point où on ne les fait plus rétrograder, le poste de Gagarin à Rome donné à Gourieff⁶ et tout si bien enclavé l'un dans l'autre que le pauvre Potemkin ne s'en tirera guère. — Il désire, comme vous le pensez, que Théodore reste auprès de lui; cela ne se pourrait que si on lui accordait la place de premier secrétaire à la Haye; dans ce cas je conviens que se serait trop avantageux pour refuser, mais d'un autre côté nous en aurions bien de désagrément. Quelle mer à boire! je n'y pense qu'en tremblant. Sur ce il y a tant de choses à dire que je n'ai pas le courage d'entamer ce chapitre; venez, car il faudra beaucoup parler, venez bientôt, car tout cela pourra devenir pressant, et si avant que vous ne puissiez quitter Vienne il se trouve quelque expédition de courrier de ce côté, T(héodore) en profitera pour vous aller trouver. Mais c'est si incertain, hâtez-vous toujours autant que possible.

Anna⁷ vous fait ses compliments; elle me demande: Was ist das für ein Nicolas, er thut mir doch nichts? — et je lui ai juré que non, mais que vous lui apporteriez une poupée et des bonbons; jugez si elle vous attend avec impatience. Encore une fois, venez vite, sans quoi ma soeur⁸ qui veut aller faire un séjour de campagne ne vous verrait plus, ce dont elle serait très fâchée, — et puis ne vous effrayez pas, mon ami, vous nous trouverez dans la maison Kirchmayer sur le Carolinen-

temps surtout il était souvent malade et portant triste et mélancolique. Vous savez le distraire, le remonter; moi je ne sais bêtement qu'être triste avec lui. Aussi que de fois je soupirais auprès de vous, bien avant d'avoir la possibilité de voir mon désir se réaliser. — Venez donc, mon frère; nous êtes le très bien venu, ne vous laissez de grâce empêcher par aucune considération, car c'est un hasard fortune qu'il ne faut pas laisser échapper. J'ai même la conviction que la providence vous envoie à nous pour nous aider et secourir dans tous les troubles et incertitudes qui nous submergent.

Je pense que vous savez que Potemkin est rappelé, qu'il doit aller à la Haye¹, que le Pr(ince) Gagarin² le remplace ici, etc. etc. C'est un coup bien sensible pour nous; nous perdons le chef le plus aimable, nous ayant témoigné continuellement toute la bonté et même tout l'attachement possible, garçon en outre, ce que son successeur n'est pas³; vous voyez tout ce qu'il y a à dire et à appréhender.

— D'abord on avait cru que Krudener⁴ devait aussi avoir un avancement et être nommé à la place de

platz, où logeait ci-devant l'oncle Nicolas⁹ et plus tard les Kiréefcky¹⁰, mais tout a été blanchi et nettoyé. — Adieu, à revoir bientôt, en joie et santé!

Nelly

Р у к о й Т ю т ч е в а :

Votre bonne nouvelle, mon cher Nicolas, m'a fait grand plaisir, mais ne m'a point surpris. Depuis longtemps j'y comptais. Car j'avais trop besoin de vous voir et de vous consulter pour ne pas espérer du sort qu'il aurait la complaisance d'arranger les choses de manière à ce que ce voeu pût se réaliser. D'ailleurs il me devait ce dédommagement pour la contrariété qu'il me suscite. Quand je dis le sort, c'est toute autre chose que je devais dire. Potemkin est nommé à la Haye. C'est un des plus grands désagréments qui pouvaient m'arriver. Malgré tout le bien qu'on dit du Prince Gagarin il ne remplacera jamais pour moi Potemkin. On passerait au tamis toute la diplomatie de S(a)M(ajesté) I(mpériale) qu'on ne trouverait pas un aussi parfait gentleman. C'est un loup blanc parmi les russes. Son successeur a d'ailleurs un grand difetto — il est marié. Or ceci etc. etc. etc. Comme la chose n'est pas définitivement et irrévocablement décidée, je ne puis guère dans cet état d'incertitude m'absenter de Munich. C'est pourquoi je vous supplie, mon cher ami, de saisir le premier moment loisible pour venir me trouver et avant tout de me donner de vos nouvelles aussi tôt la présente reçue. J'ai besoin d'avis et de consolations. — Je vous félicite de tout mon coeur au sujet de votre mission et désire sincèrement qu'elle soit la plus embrouillée et la plus fastidieuse possible, quelque chose dans le genre de la Conférence de Londres¹¹. Ce sera tout profit pour vous.

Au revoir donc, mon cher ami, et le plutôt que faire se pourra.

Tout à vous

T. T u t c h e f

Перевод:

Р у к о й Э л. Ф. Т ю т ч е в о й :

Мюнхен. 1 июня 1832

Я пишу вместо Теодора, дорогой Николай; вот уже несколько дней, как он собирается писать вам, но важные дела не оставляют ему ни минуты свободной. За неимением лучшего, я отвечаю вам на ваше любезное письмо, в котором вы обещаете приехать к нам, и расскажу, что у нас происходит.

Друг мой, я не стану говорить о том, как рады мы предстоящей встрече с вами; мы уже так давно желаем этого! Вы знаете, Теодор положительно нуждается в вас время от времени, чтобы набраться новых сил. Последнее время он особенно часто хворал и потому был грустен и меланхоличен. Вы умеете его развлечь, поднять его настроение; я же умею только быть глупо печальной вместе с ним. И потому сколько раз я вздыхала о вас, задолго до того, как осуществление моего желания стало возможным. — Так приезжайте же, брат мой, вы будете самым желанным гостем, и умоляю, не допускайте, чтобы какие-либо соображения помешали вам, ведь эту счастливую случайность никак нельзя упускать. Я убеждена даже, что само Провидение посылает вас к нам на помощь, чтобы поддержать в тревогах и сомнениях, обступających нас со всех сторон.

Я думаю, вам известно, что Потемкин отозван, что он должен ехать в Гаагу¹, что князь Гагарин² заменяет его здесь, и т. д. и т. д. Для нас это весьма чувствительный удар: мы теряем самого любезного начальника, который непрестанно выказывал нам всяческую доброту и даже привязанность, к тому же холостого, а преемник его женат³; вы понимаете всё, что можно было бы сказать по этому поводу и чего следует опасаться.

Сначала думали, что Крюденер⁴ также получит повышение и будет назначен на место Мейендорфа⁵ в Вену, но это известие не подтверждается; итак, никакой надежды на повышение для Теодора. — Впрочем, вот что: судя по письму графа Нессельроде к Потемкину, а также по известиям со стороны, пост в Гааге, предназначенный для Потемкина, не следует считать немилостью, напротив, — это знак особого доверия, которое ему хотели оказать. Однако Потемкин, до получения официального извещения, под влиянием слухов написал

Нессельроде, что подобное перемещение совсем ему не подходит. А с тех пор мы узнали, что дело обстоит так, что отступать уже невозможно, — на пост Гагарина в Риме назначен Гурьев⁶ и все так слажено, что бедному Потемкину не выпутаться. Как вы понимаете, он хочет, чтобы Теодор остался при нем; это было бы возможно лишь при том условии, если Теодору дадут место первого секретаря в Гааге. В таком случае, я согласна, это было бы слишком выгодно, чтобы отказываться, но, с другой стороны, это доставило бы нам много неприятностей. Какая возня! Я содрогаюсь при мысли об этом. На эту тему можно сказать столько, что у меня не хватает мужества начинать; приезжайте, так как придется многое обсудить, приезжайте скорее, дело может стать неотложным, и если до того времени, что вам удастся покинуть Вену, представится какая-нибудь курьерская экспедиция в эти края, то Т(еодор) воспользуется ею, чтобы съездить к вам. Но на это мало надежды, ускорьте же по возможности ваш приезд.

Анна⁷ шлет вам поклон; она спрашивает меня: «Was ist das für ein Nicolas, er thut mir doch nichts?»* — и я дала ей слово, что нет, но что вы привезете ей куклу и конфет; судите, с каким нетерпением она вас ждет. Еще раз, приезжайте скорее, иначе моя сестра⁸, которая собирается ехать в деревню, не увидится с вами, что ее очень огорчит, — и затем, не пугайтесь, мой друг, вы найдете нас в доме Кирхмайера на Karolinenplatz, где раньше жил дядя Николай⁹, а позже Киреевские¹⁰, но дом этот побелели и вычистили. Прощайте, до скорого свидания, радостного и благополучного.

Н е л л и

Р у к о й Т ю т ч е в а :

Твоя добрая весть, друг мой Николай, весьма меня обрадовала, но совсем не удивила. Я уже давно на это рассчитывал. Ибо мне слишком необходимо повидать тебя и посоветоваться с тобой, чтобы я мог отказаться от надежды, что судьба окажет мне любезность и осуществит мое желание. Впрочем, она была обязана сделать это, дабы вознаградить меня за невзгоды, которые на меня насылает. Говоря о судьбе, я имею в виду нечто совсем иное. Потемкин назначен в Гаагу. Это одна из самых крупных неприятностей, какие могли меня постигнуть. Несмотря на все хорошее, что говорят о князе Гагарине, он никогда не заменит мне Потемкина. Можно перебрать весь дипломатический корпус е(го) и(мператорского) в(еличества), но другого столь же безупречного джентльмена не найти. Среди русских это белая ворона. К тому же у его преемника есть gran difetto^{2*} — он женат. А ведь это — и т. д. и т. д. Поскольку дело еще не решено окончательно и бесповоротно, я никак не могу отлучиться из Мюнхена в этом состоянии неопределенности. А потому умоляю тебя, любезный друг, воспользоваться первой же возможностью, дабы приехать ко мне, но прежде всего ответить мне тотчас по получении этого письма. Я нуждаюсь в советах и утешениях. От всего сердца поздравляю тебя по поводу возложенного на тебя поручения и искренно желаю, чтобы оно было как можно более запутанным и скучным, наподобие Лондонской конференции¹¹. Для тебя это будет только выгодно.

Итак, до свидания, любезный друг, и по возможности скорейшего.

Весь твой Ф. Т ю т ч е в

¹ Иван Алексеевич *Потемкин* (1778—1850) — с 1828 г. русский посланник в Мюнхене. Его перевод на ту же должность в Гаагу состоялся летом 1833 г.

² Кн. Григорий Иванович *Гагарин* (1772—1837) — русский посланник в Мюнхене в 1833—1837 гг.

³ Г. И. Гагарин был женат на Екатерине Петровне *Соймоновой* (1790—1872).

⁴ Бар. Александр Сергеевич *Крюденер* (Крюднер; ум. 1852) — в 1826—1836 гг. первый секретарь русской миссии в Мюнхене.

⁵ Бар. Петр Казимирович *Мейендорф* (1796—1883) — в начале 1830-х годов советник русского посольства в Вене.

⁶ Гр. Николай Дмитриевич *Гурьев* (1792—1849) — в 1833—1837 гг. русский посланник в Риме.

⁷ Анна — старшая дочь Тютчева.

⁸ Гр. Клотильда *Ботмер* (в замуж. Мальтиц; 1809—1882). До отъезда Тютчевых из Мюнхена жила в их семье.

⁹ Николай Николаевич *Тютчев* (ум. 1832) — дядя поэта, помещик Мышкинского уезда Ярославской губ. (с. Знаменское).

¹⁰ Иван Васильевич *Киреевский* (1806—1856) — публицист, издатель журнала «Европеец» (1832), позднее редактор М. П. Погодина по «Москвитянину». Петр Васильевич *Ки-*

* Что это за Николай, он меня не обидит? (нем.).

^{2*} большой недостаток (итал.).

МЮНХЕН

Гравюра Э. Грюневальда по рисунку Л. Ланге
Из альбома: «Erinnerung an München». München, 1840
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

рееский (1808—1856) — собиратель русских народных песен. В 1829 г. Киреевские жили в Мюнхене и слушали лекции в Мюнхенском университете; П. В. Киреевский пользовался книгами из библиотеки Тютчева и давал уроки русского языка его жене (РА, 1894, кн. III, № 10, с. 218, 219).

¹¹ Подразумевается Лондонская конференция европейских держав, созванная для урегулирования бельгийско-голландского конфликта и признавшая независимость Бельгии. Конференция длилась более года — с октября 1830 г. по ноябрь 1831 г.

2

Р у к о й Э л. Ф. Т ю т ч е в о й:

Munich. Ce 10 Nov(embre) 1832

Je vous écris un mot, mon ami, faute de mieux, c'est-à-dire faute de Théodore qui est encore dans un de ses grands accès de paresse. Voilà je ne sais combien de temps qu'il veut vous écrire, mais jamais la journée ne s'est trouvée assez longue; attendez donc qu'elle ait plus de 24 heures. Le voilà dans son fauteuil et, comme je lui demande ce qu'il a à vous dire, il me charge de vous demander «si vous avez de bonnes nouvelles de Varsovie». — Vous avez eu le billet que j'avais donné à Bingham? Le lendemain Krudener est arrivé m'apportant un charmant bonnet et la nouvelle de votre bonne humeur et parfaite santé. Tout cela m'a fait grand plaisir, mais en vérité, quant au bonnet, ce n'est nullement ainsi que je l'entendais; croyez-vous donc que j'aurai l'impudence de vous demander si rudement des cadeaux? Allons, cela ne m'arrivera plus; en attendant veuillez que je vous embrasse, en vous remerciant, car il est joli et de fort bon goût.

Je vous ai prié aussi de me dire si l'on avait de bonnes fourrures à Vienne; n'en faites rien, j'ai trouvé par hasard ce que je cherchais, et maintenant je ne vous demanderai plus que de songer au thé que vous avez promis de me faire venir.

Je suis toujours dans ma chambre. Le temps est si froid et mauvais que je n'ai encore le courage de sortir, quoique je sois presque remise; au reste il y a aussi une bourrasque de soirées qui m'effraie et dans quelques jours nous allons avoir un grand bal que Sercey donne en l'honneur de la députation Grecque ¹.

Voici le dormeur qui s'éveille; il veut parler — écoutez:

«Je me tire violemment de mon apathie pour vous écrire par le moyen de la meilleure partie de mon être, c'est-à-dire de celle qui n'est pas aussi paresseuse. J'avais espéré que Krudener m'apporterait une lettre de vous, mais il ne m'a apporté qu'une preuve nouvelle de cette affinité d'indolence qui nous fait préférer une correspondance mentale à tout autre; au fait, ce que m'importerait le plus de savoir de vous, ce serait si nous pouvons avoir quelque espoir de vous arracher pour quelques jours à votre liquidation et — ici ma main rebelle se remue contre moi et prétend que tout ce que je vous dis ne sont que fadaïses qui ne méritent pas d'être écrites même avec son mauvais orthographe, et voilà pourtant une chose qui me tient à cœur; avez-vous eu des nouvelles de Moscou? — Dans la dernière lettre que j'en ai eu les pauvres vieux étaient pleins d'inquiétude à cause de notre silence et vous croyaient bien positivement mort de choléra ².

Au risque de paraître indiscret au commis du bureau de poste qui ouvrira cette lettre, je ne puis m'empêcher de vous dire quelques mots de politique. Il paraît que toutes les admonitions de Pozzo ³ à Berlin n'ont pas donné à la Prusse l'heureuse témérité qui lui manque, et qu'elle est bien décidée à n'en pas venir aux mains avec la France pour la question d'Anvers ⁴; mais qu'arriverait-il si le roi Guillaume, qui est plus mauvaise tête que son parent ⁵, allait faire son coup de feu contre les Français, là selon moi est toute la question et bien certainement que dans cet instant il n'y a pas un seul homme en Europe qui puisse le prédire. En attendant ces grands événements nous sommes ici à tourner dans le cercle fort étroit d'une vie de capitale de province; il n'y a ici de sérieusement occupé que Potemkin qui est toujours aussi fou d'amour pour sa grasse divinité, avec cette différence qu'à présent, vu la saison, il fait ses farces en présence d'un parterre beaucoup plus nombreux. Sa fureur jalouse contre Sercey se réveille aussi parfois et bientôt elle va acquérir un nouvel aliment à l'occasion d'un bal que celui-ci va donner pour fêter la régence ⁶, mais que Potemkin croit très fermement être destinée à la belle Rose ⁷».

Und jetzt schreibe ich kein Wort mehr.

Adieu, mon ami.

— «A propos de ma santé», — c'est de la sienne qu'il s'agit — «je suis tourmenté par des he-roides, soit dit par contraction, pour ne pas effaroucher ma main qui déjà s'impatiente et trépigne des pieds. Ainsi donc adieu» — moi aussi adieu.

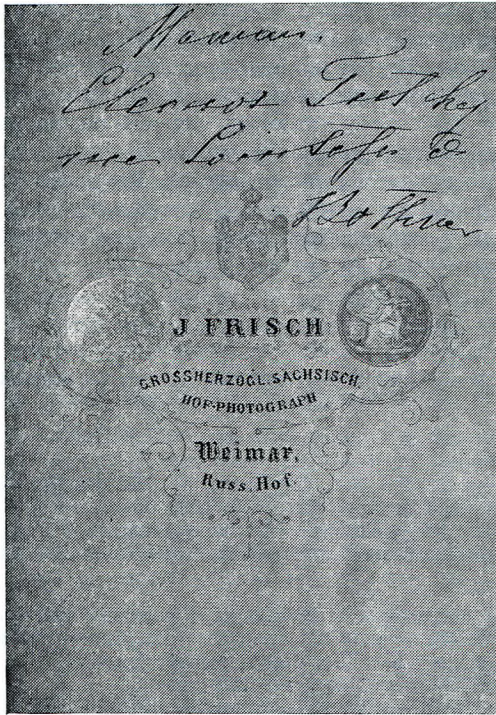
N. T.

Перевод:

Р у к о й Э л. Ф. Т ю т ч е в о й:

Мюнхен. 10 ноября 1832

Пишу вам два слова, мой друг, за отсутствием лучшего, т. е. за отсутствием Теодора, который все еще одержим одним из своих приступов лени. Вот уж сколько времени он собирается писать вам, однако каждый раз день оказывался слишком коротким для этого; так подождите, пока в нем станет более 24 часов. Вот он сидит в своем кресле и на мой вопрос, что сказать вам, поручает спросить, «имеете ли вы добрые вести из Варшавы». — Получили ли вы записку, которую я дала Бингаму? На другой день приехал Круденер, он привез мне очаровательный чепец и весть о том, что вы находитесь в добром здравье и хорошем расположении духа. Все это доставило мне большое удовольствие, но, право, что касается чепца, я подразумевала совсем не то; неужели вы думаете, что у меня хватило бы бесстыдства так

ЭЛ. Ф. ТЮТЧЕВА

Миниатюра Г. Рейхмана, (Мюнхен, 1825). Внизу подпись художника: «G. Reichmann»

Местонахождение миниатюры неизвестно. Воспроизводится по фотокопии И. Фриша (Веймар, 1860-е гг.) На обороте фотокопии надписи: рукой Д. Ф. Тютчевой — «Маман» («Маман»); рукой неустановленного лица — «Eléonor Tutchef née Comtesse de Bothmer» («Элеонора Тютчева, рожденная графиня Ботмер»)

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

грубо просить у вас подарков? Ну, этого со мной более не случится; пока же позвольте вас обнять и поблагодарить, так как чепец прелестен и выбран с большим вкусом.

Я также просила вас известить меня, есть ли в Вене хорошие меха, но не хлопочите, я случайно нашла то, что искала, и теперь прошу вас подумать лишь о чае, который вы обещали прислать мне.

Я все еще не выхожу из дома. Погода такая холодная и неприветливая, что у меня не хватает духу выйти, хотя я почти совсем поправилась; впрочем, меня пугает еще вихрь предстоящих вечеров, а через несколько дней состоится большой бал, который Серсэ дает в честь греческой депутации ¹.

Вот сонливец пробуждается; он хочет говорить—слушайте: «Я решительно стряхиваю с себя свою апатию, чтобы писать тебе при посредстве лучшей части моего существа, т. е. той, которая не так ленива. Я надеялся, что Крюденер привезет мне письмо от тебя, но он привез лишь новое доказательство того сродства в беспечности, которое заставляет нас предпочитать мысленную переписку всякой другой; в действительности же мне всего важнее было бы узнать, есть ли какая-либо надежда оторвать тебя на несколько дней от твоей ликвидации и — здесь моя непокорная рука восстает против меня и утверждает, что я говорю тебе вздор, который не стоит того, чтобы быть написанным даже ее скверной орфографией, — и, однако, вот что меня тревожит: получил ли ты вести из Москвы? Бедные старики, судя по последнему письму, что я получил от них, преисполнены беспокойства по поводу нашего молчания и положительно уверены, что ты умер от холеры ².

Рискуя показаться нескромным чиновнику почтовой конторы, который вскрыет это письмо, не могу воздержаться от того, чтобы не сказать тебе несколько слов о политике. По-видимому, все увещания Поццо ³ в Берлине не придали Пруссии той счастливой отваги, которой ей недостает, и она твердо решила не доводить дела до драки с Францией по вопро-

су об Антверпене ⁴; но что случилось бы, если бы король Вильгельм, более вздорный, нежели его родственник ⁵, вздумал выступить против французов, — в этом случае, по-моему, и заключается весь вопрос и, конечно, в настоящую минуту в Европе нет человека, который смог бы это предугадать. В ожидании сих великих событий мы возвращаемся здесь в весьма узком кругу жизни провинциальной столицы; серьезно занят здесь один Потемкин, который все так же без памяти влюблен в свою жирную богиню, с той только разницей, что теперь, ввиду времени года, он дурачится в присутствии гораздо более многочисленного партера. Его ревнивое бешенство против Серсэ также пробуждается порой и в скорости приобретет новую пищу по случаю бала, которым сей последний собирается отпраздновать регентство ⁶, но который, по твердому убеждению Потемкина, предназначается для прекрасной Розы ⁷.

Und jetzt schreibe ich kein Wort mehr ^{3*}.

Прощайте, мой друг.

«Что касается моего здоровья», — речь идет о его здоровье, — «я страдаю ге-роем, говоря сокращенно, чтобы не спугнуть моей руки, которая уже теряет терпение и топчет ногами. Итак, прости»

— и я тоже говорю прощайте.

Н. Т.

На конверте: «A Monsieur Monsieur Nicolas de Tutchef, Capitaine à l'Etat-major de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, à Vienne. Confiée aux soins obligeants de l'Ambassade de Russie à Vienne» («Милостивому государю господину Николаю Тютчеву, капитану Главного штаба е. в. императора всероссийского. Препоручается любезному попечению Российского посольства в Вене»).

¹ Гр. Феликс-Эдуард Серсэ — французский посланник в Мюнхене. Греческая депутация, в честь которой он давал бал, прибыла в Мюнхен в связи с избранием баварского принца Оттона королем Греции (см. об этом ниже: Т ю т ч е в — Т и р ш у, предисловие).

² В начале 1830-х годов эпидемия холеры охватила ряд европейских стран.

³ Гр. Карл Осипович Поццо-ди-Борго (1768—1842) — русский дипломат, в 1814—1835 гг. — посол в Париже.

⁴ Голландский король Вильгельм I не согласился с решением Лондонской конференции, признавшей Бельгию независимым от Голландии государством (см. п. 1, прим. 11). В августе 1831 г. он начал военные действия против Бельгии. По поручению Лондонской конференции французская армия очистила бельгийскую территорию от голландских войск, за исключением Антверпена, который еще в течение года оставался под властью Голландии. После того, как требование Англии и Франции освободить этот город было отвергнуто Вильгельмом I, французские войска в январе 1833 г. освободили Антверпен. Война была закончена.

⁵ Подразумевается Фридрих Вильгельм III, прусский король, двоюродный брат Вильгельма I.

⁶ Ввиду несовершеннолетия принца Оттона для управления Грецией было назначено регентство из четырех баварских государственных деятелей (см. об этом ниже: Т ю т ч е в — Т и р ш у, предисловие).

⁷ Роза Грангер — будущая жена И. А. Потемкина.

3

Петербург. 8 июня (1867)

Друг мой Николушка, мне кажется, что все враждебные, нечистые силы сговорились и дружно действуют, чтобы не допускать меня до вас. Я имел все право надеяться, что завтрашний день мы проведем вместе, но расчет был сделан без хозяина, а хозяин оказывается очень нелюбезным за все последнее время. Вот уже скоро два месяца, что я занемог, и до сих пор не хожу, а волочу ноги. Бедная жена моя также не может оправиться после своей страшной болезни ¹. Ей для этого необходима перемена воздуха, и поэтому она сбиралась в самом начале месяца выехать отсюда, но тут как нарочно заболел Дмитрий ² — и он-то теперь главное препятствие к их отъезду, который, впрочем, надеюсь, все-таки на днях состоится. Я собираюсь проводить жену до Москвы, но на этот раз мне нельзя будет пробыть с вами долго, так как я собираюсь приехать на долгий срок в Москву к тому времени, как Anne ³ придется родить.

С каждым днем все осязательнее чувствуется, что настала та пора, когда так трудно и нерадостно живется, — *годы ушли, ваше превосходительство,*

^{3*} Довольно, больше не напишу ни слова (нем.).

как говорил мне старый, знакомый мне сторож в нашем министерстве, ушли и унесли все, чем жилось. Хоть бы, по крайней мере, уходя, они не развели тех, кому было бы так естественно доживать вместе, а то мы с тобою, как два корабля, которые дали себя затереть льдами в большом расстоянии один от другого.

Меня все здешние доктора единодушно хотели было отправить за границу, в *Тельлиц*, но я решительно от этого отказываюсь. Было время, года четыре тому назад ⁴, что я отправился бы лечиться хоть на край света, но тогда я был *не один* — и для меня не было даже и возможности одиночества...

Но для праздничного письма ⁵ мое как-то слишком ретроспективно — а прошлое вспоминать с некоторой отрадой можно еще на словах, а не в письме. Итак, прости, до свидания. Сохрани тебя Господь Бог и помилуй.

Ф. Тчев

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3 и 4).

¹ Эрн. Ф. Тютчева была больна дифтеритом.

² Старший сын поэта Дмитрий Федорович *Тютчев* (1841—1870) страдал тяжелым пороком сердца.

³ В октябре 1867 г. А. Ф. Аксакова родила мертвого ребенка.

⁴ Т. е. до смерти Е. А. Денисьевой.

⁵ Тютчев имеет в виду праздник Троицы.

Д. Ф. ТЮТЧЕВОЙ 1859—1872

Дарья Федоровна *Тютчева* (1834—1903) — вторая дочь поэта от первого брака. Детство ее прошло в Мюнхене. В 1845—1851 гг. она воспитывалась в Смольном институте, затем жила в семье отца. В 1858 г. Д. Ф. Тютчева стала фрейлиной императрицы Марии Александровны.

Комментарием к этим скудным фактам биографии Д. Ф. Тютчевой могут служить письма к ней сестры Екатерины Федоровны Тютчевой. «В последнее время,— писала Е. Ф. Тютчева 29 мая 1862 г., — я много думала о вашей жизни, жизни фрейлин, и пришла к выводу, что она полна трудностей. Жизнь среди роскоши, среди надуманных и неутолимых потребностей; свобода в ограниченном и тлетворном кругу. Одиночество сердца и ума посреди постоянного общения с себе подобными, которые обращены к вам только мелочной стороной своей натуры, отсутствие серьезных и живительных обязанностей в сочетании с неукоснительными обязательствами, которые налагаются самыми ничтожными в жизни пустяками; этого вполне достаточно, чтобы раздражать даже очень умеющего держать себя в руках человека» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 691; пер. с франц.).

«Одиночество сердца и ума», внутреннюю неустроенность Дарьи Федоровны ощущал и Тютчев, поэтому нередко его письма к ней, «столь любящей и столь одинокой» (*Соч.* 1980, т. 2, с. 198), отличаются особенной задушевностью.

Тютчев посвятил дочери три стихотворения: «De ces frimas, de ces déserts...», «Не все душе болезненное снится...», «Когда на то нет Божьего согласия...»

Сохранилось 51 письмо Тютчева к дочери Дарье Федоровне за 1857—1873 гг., а также шесть писем, адресованных ей вместе с сестрами (*Письма* 81, 91—94). Из них 13 писем были опубликованы: девять — полностью, четыре — в отрывках (*Библиография* 42, 51, 52).

Десять писем, публикуемых ниже, печатаются по автографам: ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 73 (п. 1, 2, 4—9) и *Собр. Пигарева* (п. 3, 10). Все они написаны по-французски; печатаются на языке оригинала и в переводах К. В. П и г а р е в а (п. 5, 7, 8, 10) и Н. И. Ф и л и п о в и ч (п. 1—4, 6, 9).

Сохранялось восемь писем Д. Ф. Тютчевой к отцу (1859—1872): ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 87. Ответов на публикуемые ниже письма среди них нет. Ответом Тютчева на одно из этих писем (16/28 окт. 1859 г.) является п. 3 наст. публикации.

Paris. 8/20 Août 1859

Oui, ma fille chérie, je le reconnais, je m'en accuse, je suis un père absurde, un père indigne, une espèce d'Enfant prodigue en fait de père, ce qui ne m'empêche pas de t'aimer tout aussi tendrement que l'enfant prodigue aimait, je suppose, ce père auquel il est resté si longtemps sans écrire et même sans lui donner de ses nouvelles par une autre voie, tandis que moi, je sais qu'à l'heure qu'il est tu dois avoir été informée par l'excellent Mr. Eblenz de mes faits et gestes et surtout de l'imminence de mon départ pour aller te rejoindre¹. Oui, dans huit jours, je compte être auprès de vous. En attendant, je sais par Maman, que tu es, Dieu merci, plus satisfaite de l'état de ta santé et que la cure te fait du bien. Je suis impatient de m'en assurer par moi-même.

Hier j'ai revu Marie Mestch(ersky) et j'ai appris par elle le changement survenu dans les projets de ses beauxparents². Je ne veux pas préjuger d'ici la modification que cela pourrait faire subir aux tiens. Dans tous les cas je me mets entièrement à ta disposition et ne demande pas mieux que de faire ce qui pourra le mieux te convenir. Nous discuterons à loisir, à Ems, toutes ces questions.

Croirais-tu que ce n'est qu'aujourd'hui que nous nous sommes rejoints, mon frère et moi, bien que nous fussions tous les deux à Paris depuis plus de 8 jours. Il prétend avoir ignoré jusqu'à l'éventualité de ma présence à Paris, tandis que moi j'étais persuadé, qu'à défaut de mes lettres, il devait le savoir soit par celles de Maman, soit directement par toi, car je ne supposais pas possible, que passant comme il l'a fait, ou au moins comme il l'aurait pu faire, à 25 minutes d'Ems, il n'y fût pas allé pour te voir. Et soit dit entre nous, j'ai peine à comprendre, et encore plus à lui pardonner, une pareille brutalité.

Enfin... C'est par lui que j'ai appris le retour d'Anna, de Hapsal, à la suite de l'heureux accident arrivé à la Grande petite Duchesse³. Mais j'aimerais avoir des nouvelles directes d'Anna, soit sur ce qui la concerne, elle personnellement, soit ce qui a rapport à toi. Puis j'attends aussi avec une certaine impatience, bien qu'avec une certaine sécurité, une réponse de P(étersbourg) à ma lettre à Kovaleffsky⁴. Et si, par hasard, cette réponse était déjà arrivée, je te prie de me la garder, jusqu'à mon retour.

Je ne te dis rien de ce que j'ai vu à Paris, d'abord, parce que cela ne t'intéresse pas, et puis que ce sont des impressions qui ne se racontent. Mais en définitive je suis très content d'être venu ici.

Maintenant, pour bien finir, laisse-moi te charger de mille tendresses, toutes pleines de reconnaissance, pour ta tante et pour Мих(ая) Ник(олаевич)⁵, que je ne puis encore une fois suffisamment remercier de l'affection mieux que paternelle, qu'ils t'ont témoignée tous les deux.

Au revoir, à bientôt, ma fille chérie.

Перевод:

Париж. 8/20 августа 1859

Да, милая моя дочь, сознаюсь, каюсь, я несуразный отец, недостойный отец, нечто вроде блудного сына в роли отца, но это не мешает мне любить тебя столь же нежно, как, я полагаю, любил своего отца блудный сын, хоть он и не писал ему очень долго и даже вообще не подавал признаков жизни, тогда как я-то ведь знаю, что в данную минуту тебе уже известно от любезнейшего г-на Эбленца о моих делах и поступках и, главное, о предстоящем моем отъезде отсюда к тебе¹. Да, через неделю я рассчитываю быть у тебя. Пока же я знаю от мамы, что у тебя, слава богу, получше со здоровьем и что лечение идет тебе на пользу. Мне не терпится убедиться в этом самому.

Вчера я опять виделся с Мари М(ещерской) и узнал у нее об изменениях, происшедших в планах ее свекра и свекрови². Не хочу пока предрешать, как это обстоятельство может повлиять на твои планы. В любом случае предоставляю себя целиком в твое распоряжение и хочу только поступить так, как будет лучше для тебя. В Эмсе мы на досуге обсудим все эти вопросы.

Поверишь ли, мы с братом только сегодня встретились, хотя оба находимся в Париже больше недели. Он говорит, что даже и не предполагал, что может обнаружить меня в Париже, я же был уверен, хоть и не писал ему, что он должен знать об этом из писем мамá или от тебя, поскольку я не допускал возможности, чтобы, проезжая в 25 минутах пути от Эмса, как он это сделал или, по крайней мере, мог бы сделать, он не заглянул туда повидаться с тобой. И между нами говоря, мне трудно понять и еще труднее простить подобную неучтивость.

И наконец... Именно от него я узнал, что Анна возвращается из Гапсала из-за счастливого происшествия с маленькой великой княжной³. Однако я предпочел бы узнать от самой Анны обо всем, что касается ее лично, а также обо всем, что имеет отношение к тебе. Кроме того, я с некоторым нетерпением жду ответа из П(етербурга) на мое письмо к Ковалевскому, хотя почти уверен, что получу его⁴. Если случайно этот ответ уже пришел, прошу тебя сохранить его до моего возвращения.

Ничего не пишу тебе о том, что я видел в Париже, во-первых, потому, что это тебе неинтересно, а кроме того, о таких впечатлениях и не расскажешь. Но в конечном счете я очень доволен, что приехал сюда.

А теперь, чтобы закончить письмо как подобает, прошу тебя передать твоей тетушке и Мих(аилу) Ник(олаевичу)⁵, что я им очень признателен за более чем родственную заботу, которую они оба проявляют по отношению к тебе.

До скорого свидания, моя милая дочь.

¹ Лето и осень 1859 г. Тютчев провел за границей (*Летопись*, с. 128—133). 17/29 июля он приехал в Эмс, где встретился с Д. Ф. Тютчевой, лечившейся после тяжелого нервного заболевания; 21 июля/2 августа выехал в Париж, откуда намеревался возвратиться в Эмс (там же, с. 130).

² Кн. Мария Александровна *Мещерская* (рожд. Панина; ум. 1903) и родители ее мужа — кн. Екатерина Николаевна *Мещерская* (дочь Н. М. Карамзина; 1809—1867) и кн. Петр Иванович *Мещерский* (1802—1876).

³ А. Ф. Тютчева была воспитательницей в. княж. Марии Александровны (1853—1920), младшей дочери Александра II. Часть лета 1859 г. она провела с ней в Гапсале (*Тютчева*, ч. 2, с. 201—203).

⁴ Евграф Петрович *Ковалевский* (1792—1867) — министр народного просвещения в 1858—1861 гг. 20 июля/1 августа 1859 г. Тютчев, находившийся в это время в Эмсе, обратился к нему с просьбой о продлении отпуска, ссылаясь на болезнь дочери Дарьи (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, д. № 4318, л. 16).

⁵ П. В. Муравьева и ее муж М. Н. Муравьев, в то время министр государственных имуществ (см. о них в наст. томе: Т ю т ч е в — П. В. М у р а в ь е в о й).

Поздравляю Мурлика

Д. Ф. ТЮТЧЕВА

Фотография Бридмана. Висбаден, конец 1860-х годов. Внизу подпись рукой Д. Ф. Тютчевой: «Поздравляю Мурлика» «Мурлик» — домашнее прозвище Е. Ф. Тютчевой)

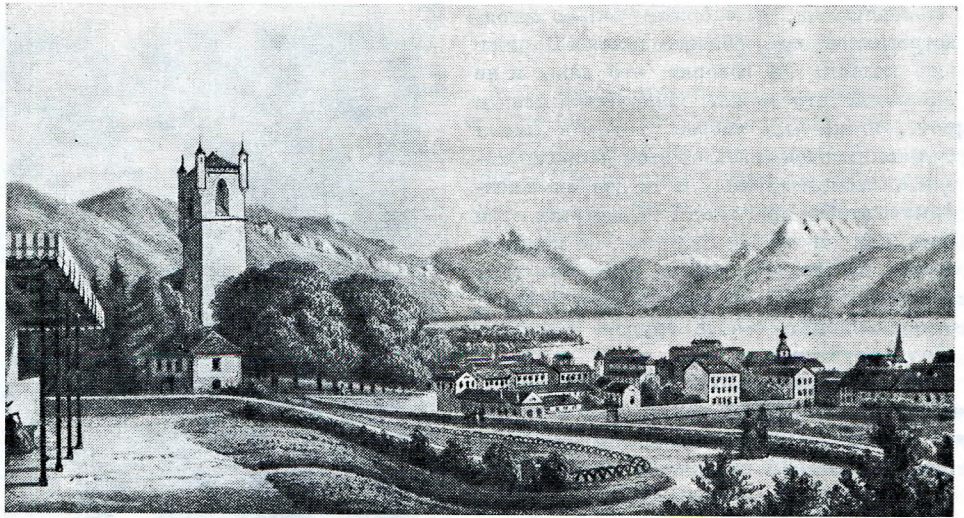
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

1859. Bade-Bade. 1/13 Sept(embre)

Ma fille chérie. J'ai reçu hier votre lettre et je pars¹. Bade est aimable, mais ma fille l'est encore davantage. Je serai près de vous, à la fin de cette semaine², et cette fois je tiendrai parole. Je v(ou)s embrasse.

Т. Т.

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО. ВЕВЕ

Цветная литография, 1860-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Перевод:

1859. Баден-Баден. 1/13 сент(ября)

Моя милая дочь. Получил вчера от тебя письмо и выезжаю¹. Баден мне мил, но дочь моя мне еще милее². Я приеду в конце недели. На этот раз слова не нарушу. Целую
Ф. Т.

¹ 25 августа/6 сентября 1859 г. Тютчев приехал в Баден-Баден (*Летопись*, с. 131). 6/18 или 7/19 сентября он выехал оттуда в Веве, где в это время находилась Д. Ф. Тютчева (*СН*, кн. 21, с. 161).

² Тютчев перефразирует известную латинскую поговорку: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» («Платон мне друг, но истина дороже»). История ее восходит к словам самого Платона («Федон», 91); трансформируясь на протяжении веков, эти слова обрели форму поговорки в устах героя романа М. Сервантеса («Славный рыцарь Дон-Кихот Ламанчский», ч. II, гл. 51).

3

Berlin. 5 Novembre/24 Octobre 1859

Que Dieu vous bénisse, ma fille chérie, et vous tienne compte de votre piété épistolaire. C'est encore à Weimar¹ que j'ai reçu la lettre de change égarée, avec votre post scriptum si fervent, et hier m'est parvenue ici ta lettre du 16/28. Je l'accepte comme un heureux augure pour mon grand voyage². Car c'est ce soir que je me lance définitivement, non pas dans l'éternité, mais dans l'infini et surtout dans l'incertain.— Oh, ma fille, que l'on est incomparablement mieux sur les bords de la Méditerranée, bercé par le chant constant de ses vagues, même assourdi par ses éclats et ses tempêtes, qu'on y est mieux que dans les brumes silencieuses et glaciales où je vais redescendre³...

Mets bien à profit la vie qui t'entoure et absorbes-en le plus que tu pourras.— Je t'écrirai plus longuement aussitôt arrivé à Pétersbourg.— Les nouvelles que tu me donnes de la santé de Kitty me désolent⁴. Il faut absolument qu'au printemps prochain elle aille te rejoindre aux eaux d'Allemagne.— J'ai eu hier des nouvelles de Maman et par ricochet d'Anna, satisfaisantes. Je leur ai envoyé ta lettre. Les Maltitz qui ont été très heureux de me revoir⁵, te font dire mille tendresses.— Encore une fois, soigne-toi bien, ma fille chérie, et quand il t'arrive de regarder

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина Ф. А. Васильева (масло), 1871

Третьяковская галерея, Москва

cette belle Méditerranée, tantôt brillante et calme, tantôt agitée, donne aussi un souvenir à ce flot plus modeste du lac de Genève, que nous regardions par ta fenêtre au coucher du soleil, avec les montagnes si sérieuses qui le regardaient comme nous ⁶.

Et puissions-nous nous revoir au printemps prochain. Au reste, en allant à Pétersb(ourg), j'ai le sentiment de me rapprocher de toi.

Le témoignage de souvenir que l'Impératrice a bien voulu te charger de me transmettre, me pénètre de reconnaissance. Mets-en l'hommage à ses pieds, où je voudrais bien aller me mettre en personne — et rappelle-moi dans l'occasion au gracieux souvenir de ta charmante voisine, la C(om)tesse Schouvaloff. Adieu, ma fille chérie. Que Dieu v(ou)s garde.

Перевод:

Берлин. 5 ноября/24 октября 1859

Да благословит тебя Бог, милая моя дочь, и да воздаст тебе за твое эпистолярное прилежание. Еще в Веймаре ¹ я получил затерявшийся почтовый перевод с твоей столь обстоятельной припиской, а вчера сюда пришло твое письмо от 16/28. Я считаю это хорошим предзнаменованием для моего великого путешествия ². Ибо как раз сегодня вечером я решительно погружаюсь если не в вечность, то, по крайней мере, в бесконечность и уж во всяком случае в неопределенность. Ах, дочь моя, насколько же лучше чувствуешь себя на берегах Средиземного моря под немолчный убаюкивающий говор его волн и даже под оглушительные раскаты его бурь, насколько же лучше чувствуешь себя там, нежели среди безмолвных ледяных туманов, в которые мне скоро предстоит погрузиться... ³

Так вбрай же в себя полнее жизнь, тебя окружающую, впитывай ее в себя как можно больше. — Тотчас же по приезде в Петербург я напишу тебе более подробное письмо. — То, что ты сообщаешь о здоровье Китти, очень меня огорчает ⁴. Будущей весной ей непременно нужно поехать с тобой на воды в Германию.

Вчера я получил удовлетворительные известия о маме и косвенным путем об Анне, также неплохие. Я послал им твое письмо. Чета Мальтиц очень была рада повидаться со мною ⁵, они шлют тебе самый сердечный привет. Еще раз, лечись хорошенько, милая дочка, и когда будешь любоваться прекрасным Средиземным морем, порою сверкающим и спокойным, а порою бурным, вспомни и более скромные волны Женевского озера, которые мы созерцали из твоего окна при заходе солнца, вспоминай и величественные горы, созерцавшие его вместе с нами ⁶.

Хорошо бы нам увидиться весной. Впрочем, я отправляюсь в Петерб(ург) с ощущением, что приближаюсь к тебе.

То, что императрица соблаговолила вспомнить обо мне и передать мне через тебя привет, преисполняет меня благодарностью. Повергни изъявление этой благодарности к ее стопам, я хотел бы сам к ним припасть, — и при случае передай мой поклон своей очаровательной соседке гр(афи)не Шуваловой. Прощай, моя милая дочь. Храни тебя Бог.

Ответ на письмо Д. Ф. Тютчевой из Ниццы от 16/28 окт. 1859 г. (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 87).

¹ На обратном пути в Россию Тютчев провел несколько дней в Веймаре, куда приехал 19/31 октября (*Летопись*, с. 132).

² В день написания этого письма Тютчев выехал из Берлина в Россию (там же, с. 133).

³ 16/28 октября Д. Ф. Тютчева писала отцу: «Я живу у самого моря (<...> День и ночь я слышу шум волн, а во время бури, которая случилась на днях, шум этот был ужасен и огромные волны, грозно рвущиеся к берегу, являли устрашающее зрелище» (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 87; пер. с франц.).

⁴ Д. Ф. Тютчева передала отцу полученное из России известие о болезни Е. Ф. Тютчевой.

⁵ Бар. Аполлоний *Мальтиц* (1795—1870) — немецкий поэт, первый переводчик поэзии Тютчева (два перевода вошли в сборник его стихов — «Vor dem Verstummen». Weimar, 1858). Состоял на русской службе, в 1841—1865 гг. был русским поверенным в Веймаре. Тютчев характеризовал его как натуру «умную, впечатлительную, деятельную» (*СН*, кн. 21, с. 164). Жена Мальтица — бар. Клотильда *Мальтиц* (рожд. Ботмер; 1809—1882), сестра первой жены Тютчева.

⁶ Тютчев провел в Веве, на берегу Женевского озера, около трех недель в обществе дочери Дарьи Федоровны (*СН*, кн. 21, с. 161—163).

4

(Петербург. 4/16 или 5/17 ноября 1859)

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
 Дальний путь торопит нас...
 Вот, как призрак гробовой,
 Месяц встал — и из тумана
 Осветил безлюдный край...
 Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
 Там, где нет теперь уж нас,
 Тот же месяц, — но живой, —
 Дышит в зеркале Лемана¹...
 Чудный вид и чудный край —
 Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
 Огромной тучи снеговой —
 Синее даль — с ее угрюмым лесом,
 Окутанным осенней мглой...
 Все голо так — и пусто-необъятно,
 В однообразии немом...
 Местами лишь просвечивают пятна
 Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
 Жизнь отошла — и, покоряясь Судьбе, —
 В каком-то забытии изнеможенья,
 Здесь человек лишь снится сам себе.
 Как свет дневной, его тускнеют взоры,
 Не верит он, — хоть видел их вчера, —
 Что есть края, где радужные горы
 В лазурные глядятся озера...

Voici ma fille chérie, quelques pauvres rimes, qui m'ont servi à tromper les ennuis d'un fastidieux voyage² et que je t'envoie en guise d'une longue lettre... Pour être juste, cependant, je dois te dire qu'en ce moment même brille un très beau soleil — non pas, il est vrai, sur des rosiers ou des orangers en fleur, mais bien sur de jeunes glasons, fraîchement épanouis.

Hier je suis allé, à Czarskoe voir Anna que j'ai trouvée assez bien de santé et d'humeur. Nous avons comme de raison longuement parlé de toi... Est-il vrai, que tu as repris en dernier lieu, tes évanouissements d'autrefois? J'avais eu pourtant de meilleures nouvelles de ta santé, par la voie de la C-tesse Panin³. — Ah, ma fille chérie, qu'il me tarde d'être enfin rassuré sur ton état. — Je te confie à la garde du bon Dieu et à son beau soleil d'Italie.

Перевод:

Вот, моя милая дочь, несколько скромных рифмованных строк, они помогли мне отвлечься от тягот надоевшего путешествия², посылаю их тебе вместо длинного письма... Однако справедливости ради должен тебе сказать, что в эту самую минуту ярко светит солнце, правда, озаряет оно не розовые кусты и не цветущие апельсиновые деревья, а свежие, только что распустившиеся сосульки.

Вчера я отправился в Царское повидаться с Анной и нашел ее в добром здоровье и довольно хорошем настроении. Как и следовало ожидать, мы много говорили о тебе... Правда ли, что в последнее время у тебя опять бывают обмороки? А ведь у меня были — через графиню Панину³ — более благоприятные известия о твоём здоровье. — Ах, милая моя дочь, когда же наконец я буду спокоен за тебя. — Да хранит тебя Бог, вверяю тебя Ему и прекрасному солнцу Италии.

Датируется по содержанию: по-видимому, письмо написано через два-три дня по возвращении Тютчева из заграничного путешествия в Петербург, куда он прибыл 2/14 ноября 1859 г. (*Летопись*, с. 133).

¹ Леман — одно из французских названий Женевского озера.

² Стихи написаны в конце октября 1859 г., по пути из Кёнигсберга в Петербург (*Лирика*, т. I, с. 414). Напечатано: «Наше время», 1860, № 1, 17 янв.

³ Гр. Александра Сергеевна Панина (рожд. Толстая; 1800—1873).

5

⟨Женева. Конец июля — начало августа 1862⟩

Martigny. Sion. Bains de Louèche. La Gemmi. Candersteg. Interlaken. Thun.

Cette série de dates résume les derniers quinze jours de mon existence de touriste. C'est tout un monde d'enchantement. Je me suis assuré, par mes yeux, que toutes ces belles choses existent en réalité. Dans quelques semaines j'en douterai.

J'ai eu quelques très bons quarts d'heure dans le courant de ces derniers quinze jours... Des quarts d'heure où je me suis senti vivre de la vie d'autrefois, de la vie d'il y a cent ans...

Savez-vous, ma fille chérie, ce que c'est que la *Gemmi*, p(ar) e(xemple)? C'est une montagne à pic, de 7 mille pieds de haut, qui sépare les bains de Louèche de la délicieuse vallée de Candersteg, qui mène aux lacs de Thun et de Brienz. C'est un des passages les plus rudes et les plus scabreux des Alpes de l'Oberland. Une dame française y a péri l'année dernière. J'ai grimpé là-haut et me suis arrêté à l'endroit où le mulet de cette pauvre dame s'étant abattu, son pauvre corps a

roulé, de rocher en rocher, dans un précipice de cent pieds de profondeur. Elle venait de se marier.

Ce qui est d'une beauté inexprimable, c'est le silence absolu qui règne sur les hautes cimes. C'est un monde à part, qui n'appartient plus aux vivants.

A Interlaken j'ai rencontré une foule de Russes, mais personne de très connu, sauf le G(énéral) Poutiatine ¹ et l'inévitable Mlle de Gervais, que son oncle, le Comte Bloudoff, avait essayé d'enfermer comme folle dans une maison de santé, tentative qui pourtant n'a pas abouti, si ce n'est à une espèce d'apologie assez malencontreuse que le pauvre Comte a été obligé de faire insérer dans les journaux, pour justifier cette mesure non réussie... Elle allait me raconter toute cette histoire au long, lorsque la cloche d'un bateau à vapeur qui l'emmenait est venue lui couper le sifflet...

Sur le lac de Brienz, je suis allé voir le *Giessbach*, éclairé aux feux de Bengale. Ce jour-là j'ai rencontré, à quelques heures d'intervalle, le fameux Kossuth ² et la reine douairière de Naples ³.

A Thun j'ai donné lieu à une singulière méprise. Quelques stupides Anglais, ayant lu dans le livre des étrangers mon nom accompagné de ma qualité de Chambellan, et n'ayant, à ce qu'il paraît, pu déchiffrer de mon griffonnage que les mots: *Empereur de Russie*, se sont persuadés que c'est bien l'Emp(ereur) de Russie en personne qui se trouvait *incognito* à l'hôtel de Bellevue, à Thun, et ont si bien accrédité ce bruit, que le soir la musique de l'hôtel n'a pas manqué, par déférence pour l'Auguste visiteur, de jouer le *Боже, царя храни*. Ils ont pourtant fini par se détromper...

A Berne, j'ai vu l'ours qui a croqué l'Anglais et qui ne paraît pas s'en souvenir — et à Fribourg l'orgue que j'avais entendu il y a 22 ans m'a inondé d'une tristesse qu'aucune parole humaine ne saurait exprimer.

Ah, ma fille, pourquoi vit-on jusqu'à un certain âge...

Eh bien, de tous ces endroits que je vous ai énumérés, je me proposais de vous écrire, mais la conviction m'a manqué. Et, certes, elle aurait manqué à moins. En effet, je ne sais ce qui vous arrive et comment je dois m'expliquer ce silence de néant où vous vous renfermez à mon égard... Heureusement, j'ai usé l'inquiétude, car autrement j'en serais fou à l'heure qu'il est... Les dernières nouvelles que j'ai reçues de vous, c'est ta lettre en date du 2 Juillet, qui est allée me chercher à Bade. Tu avais, peut-être quelque raison de me l'adresser là. Car il y a trois semaines que j'aurais dû y être. Mais au moment d'y aller je me suis si vivement rappelé certaines impressions de la localité, la cohue des salons de jeu, le désœuvrement affairé de tout ce monde plus qu'à moitié canaille se coudoyant toute la journée comme dans une impasse, — voire même le cercle prétentieusement exclusif de nos dames de Pétersb(ourg), que je suis si sûr de revoir longuement dans le courant de cet hiver — Je me suis si vivement représenté tout cela, que j'ai eu honte de mon empressement à aller ressaisir toutes ces belles choses si connues, et toujours les mêmes, tandis qu'à deux pas de moi je pouvais me donner le spectacle des plus grandes magnificences de la nature... Et c'est ce scrupule de conscience qui a décidé la tournée que je viens d'accomplir. Maintenant me voilà revenu encore une fois sur les bords du Lac de Genève que j'ai revus avec un plaisir infini, tant il y a un charme tout particulier attaché à cette localité. Ce qui m'a aussi ramené ici, c'est une vague velléité de faire une course à Chamouny, que je devais faire il y a trois semaines, mais qu'au moment donné des apparences de mauvais temps m'avaient fait ajourner. Maintenant c'est le moment de la saison le plus favorable pour la réaliser, mais cette réalisation dépend de certaines conditions: et, d'abord, il faut que je trouve à m'associer à quelqu'un de plus convaincu que moi, comme j'avais réussi à le faire pour ma course précédente grâce à un bon jeune homme, un compatriote, un certain Mr. Korsakoff, officier d'artillerie, et sorti depuis quelques mois seulement de la maison des fous, dont il a emporté quelques impressions assez originales... Et puis — ou plutôt avant tout, il faut qu'à tout prix j'aie de vos nouvelles. Je viens de télégraphier à Bade-Bade pour réclamer les lettres qui pourraient s'y trouver à mon adresse... et je puis di-

re avec toute vérité, que j'en ai la fièvre d'incertitude et d'impatience... Voilà deux grands mois que je suis sans nouvelles directes de ma femme et de Marie. J'aurais commis des crimes à être traduit en cour d'assises, que je n'aurais pas mérité un pareil supplice. Ceci, positivement, m'empoisonne tout... Enfin, à la grâce de Dieu... Mais cette expérience ne sera pas perdue pour moi. Pour le 15 Août (18) russe je serai bien certainement rentré à Pétersb(ourg). C'est vers cette époque, je suppose, que tes frères doivent y rentrer... Voilà beaucoup de griffonnage, et que vous ai-je dit? — Ma santé est fort bonne, mais je puis bien dire qu'en ce moment c'est le cadet de mes soucis... C'est de vos nouvelles que j'ai besoin...

Перевод:

Мартины. Сион. Бэнь-де-Луеш. Жемми. Кандерстег. Интерлакен. Тун.

Перечень этих мест подводит итог двух последних недель моей жизни туриста. Это какой-то волшебный мир. Я собственными глазами уверился в том, что все эти прекрасные вещи существуют в действительности. Через несколько недель буду в этом сомневаться.

У меня было несколько чудесных минут в продолжение этих последних двух недель... Минут, когда я чувствовал, что живу в прошлом, живу той жизнью, какой жили сто лет назад...

Знаешь ли ты, моя милая дочь, что такое, например *Жемми*? Это отвесная гора высотой в семь тысяч футов, которая отделяет Бэнь-де-Луеш от восхитительной Кандерстегской долины, ведущей к Тунскому и Бриенцскому озерам. Это один из самых трудных, самых опасных переходов на ту сторону Верхних Альп. Одна француженка погибла там в прошлом году. Я вскарабкался туда и остановился на месте, где споткнулся мул этой несчастной дамы и откуда бедняжка скатилась, падая с утеса на утес, в пропасть глубиной сто футов. Она только что вышла замуж.

Что невыразимо прекрасно, так это полнейшая тишина, которая царит на этих вершинах. Это особый мир, живым уже не подвластный.

В Интерлакене я встретил множество русских, но никого из хороших знакомых, кроме г(енера)ла Путятина¹ и неизбежной М-лле Жерве, которую ее дядя, граф Блудов, пытался было запереть как сумасшедшую в лечебницу; попытка эта, впрочем, ни к чему не привела, если не считать довольно неудачного объяснения, которое бедный граф был вынужден напечатать в газетах, дабы оправдать эту безуспешную меру... Она собиралась рассказать мне эту историю во всех подробностях, однако колокол увозившего ее парохода прервал ее на полуслове...

На Бриенцском озере я ходил смотреть *Гисбах*, освещенный бенгальскими огнями. В тот день я несколько раз видел знаменитого Кошута² и вдовствующую королеву Неаполитанскую³.

В Туне я послужил поводом к странному недоразумению. Какие-то тупоумные англичане, прочитав в книге приехав мое имя, за которым следовало звание камергера, и, как видно, разобрав в моих каракулях лишь слова: «императора всероссийского», вообразили, будто сам *российский имп(ератор)*, собственной персоной, находится *инкогнито* в гостинице Бельвиу в Туне; и они столь успешно распустили этот слух, что вечером оркестр гостиницы не преминул, из чувства почтения к августейшему гостю, сыграть «Боже, царя храни...». Однако в конце концов им пришлось разувериться в своем заблуждении...

В *Берне* я видел медведя, который загрыз англичанина и виду не подает, что помнит об этом, а во *Фрибурге* орган, слышанный мною 22 года тому назад, преисполнил меня такой грустью, какую не выразить ни единым человеческим словом.

Ах, дочь моя, и зачем только люди доживают до старости...

Ну так вот, я предполагал писать тебе из всех тех мест, которые перечислил, но не был уверен, следует ли это делать. И оснований для подобной неуверенности было более чем достаточно. В самом деле, я не знаю, что с тобою сделалось и чем я должен объяснить себе то грубое молчание по отношению ко мне, в которое ты погрузилась. К счастью, беспокойство мое полностью истощилось, а то оно уже свело бы меня с ума... Последним известием, полученным мною от тебя, было письмо от 2 июля, отправленное в Баден. Пожалуй, ты имела некоторое основание адресовать его туда, ибо мне надлежало быть там три недели тому назад. Но в ту минуту, как я собирался туда ехать, мне так живо припомнились кое-какие

ПЕРЕВАЛ ЖЕММИ

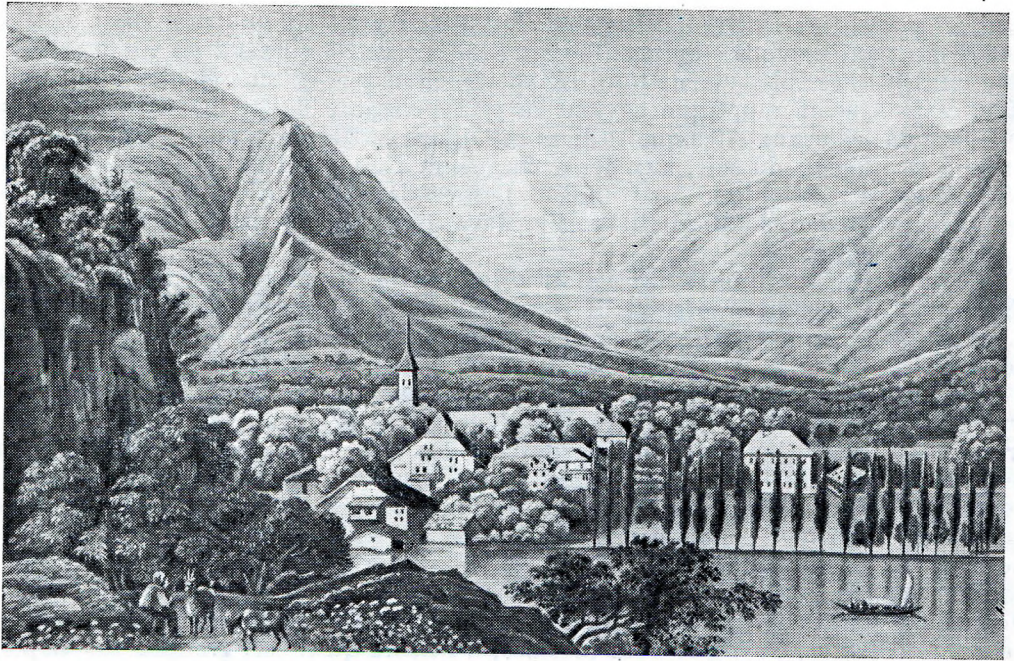
Гравюра Г. Ланге, начало 1860-х годов

В книге: «La Suisse, Collection des vues pittoresques avec le texte historique-topographique par H. Runge», t. I, Darmstadt, 1864

впечатления, связанные с этим местом, толчея игорных зал, суетливое безделье всего этого люда, более чем наполовину состоящего из сброда, который день-деньской топчется там, как в тупике, даже высокомерно обособленный кружок наших петербургских дам, на которых я и так вдоволь наглядываюсь в течение этой зимы. Я так живо представил себе все это, что устыдился своей готовности вновь окунуться во все эти прелести, столь знакомые и столь неизменные, тогда как в двух шагах от меня находились величайшие красоты природы, созерцанию коих я мог предаться... Именно этот укор совести и побудил меня предпринять поездку, которую я только что завершил. Сейчас я возвратился на берега Женевского озера и с бесконечным удовольствием вновь свиделся с ними, столько в этой местности совсем особенного очарования. Привела меня сюда также смутная надежда на поездку в Шамуни, куда я собирался три недели тому назад, но в ту пору признаки дурной погоды вынудили меня отложить поездку. Сейчас самое подходящее время для ее осуществления, но для этого нужны определенные условия. Прежде всего мне следует приискать себе спутника, более решительного, нежели я, — такого, как тот, что мне посчастливилось найти в предыдущую мою поездку в лице одного милого молодого соотечественника, некоего г-на Корсакова, артиллерийского офицера, всего за несколько месяцев перед тем выпущенного из сумасшедшего дома, откуда он вынес некоторые довольно своеобразные впечатления... А затем — или, вернее, прежде всего, я должен во что бы то ни стало получить от вас известия. Я только что телеграфировал в Баден-Баден, чтобы вытребовать письма на мое имя, которые могут там оказаться... и скажу со всей искренностью, что нахожусь в лихорадочном возбуждении от неизвестности и нетерпения... Вот уже целых два месяца моя жена и Мари ничего мне не пишут. Если бы даже я совершил преступления, подлежащие уголовному суду, то и тогда не заслужил бы подобной кары. Это решительно отравляет мне всё... Что ж, положимся на милосердие Божье... Но это испытание не пройдет для меня даром. К 15-му августа русского стиля я наверно вернусь в Петербург. Полагаю, что к этому времени возвратятся туда и твои братья... Измарал много бумаги, а что я тебе написал? — Мое здоровье прекрасно, но могу сказать, что в настоящую минуту оно менее всего меня занимает... Известий от вас — вот что мне нужно...

Место и время написания письма определяется по его содержанию: 25 мая 1862 г. Тут-

ИНТЕРЛАКЕН И ГОРА ЮНГФРАУ

Цветная акватинта В. Цера по акварели К. Корроди, 1840-е годы
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

чев выехал из Петербурга за границу; 25 июля, совершив описанное в этом письме путешествие по Швейцарии, он прибыл в Женеву; возвратился в Россию 15 августа (*Летопись* с. 147—148).

¹ Гр. Ефим Васильевич *Путятин* (1806—1883) — адмирал, генерал-адъютант, член Государственного совета.

⁴ Лайош *Кошут* (1802—1894) — главный организатор борьбы венгерского народа за независимость во время революции 1848—1849 гг.

³ *Терезия* (рожд. эрцгерцогиня Австрийская; 1816—1867) — вдова короля Неаполитанского Фердинанда II.

6

St.-Petersbourg. Lundi, 23 Septembre/5 Octobre (1863)

Ma fille trois fois chérie. Si les pensées humaines avaient l'heureuse faculté de se convertir d'elles-mêmes en lettres écrites, pliées cachetées et expédiées à la poste, assurément il ne se passerait pas de jour où tu n'en eusses reçues deux ou trois de moi, tant mes pensées sont habituellement dirigées vers vous, vous entourant et vous couvant avec une affectueuse sollicitude. Aujourd'hui enfin, sous une forme plus palpable, je te les expédie, sur l'avis de Kitty, tout droit à Genève, aux Eaux vives, maison Pétroff, dans l'espoir qu'elles t'y trouveront encore ¹. Ce que j'appris en dernier lieu à ton sujet, c'est-à-d'<ire> au sujet de ta cure et de ses résultats, m'a fait plaisir, mais cette certitude acquise d'un mieux déjà réalisé dans l'état de ta santé ne conjure guère, hélas, quant aux appréhensions de l'avenir et d'un avenir tout à fait imminent. Quelle résolution vas-tu prendre en vue de l'hiver prochain? Que te dira à ce sujet ta voix intérieure, la seule conseillère que tu aies? J'attends cette décision avec un vif et tendre intérêt, reconnaissant mon incompetence à émettre un avis qui ne soit hérissé d'inconvénients, dans la situation donnée. La seule chose dont j'ai l'intime conviction, c'est que je me sentirai très heureux de te revoir. Indépendamment de tes lettres, j'ai eu dernièrement de tes nouvelles par le Comte G. Stroganoff, dix jours après qu'il t'avait

vue, à Ouchy, chez la Grande Duchesse². J'aurais aimé t'y voir moi aussi. — Ces beaux sites qui ne vous empêchent pas d'être malheureux quand on y est — ont une magie irrésistible, vus de loin. L'expérience ne sert de rien et bien que reconnue, cette illusion d'optique devient la plus pressante des réalités. — Est-ce en présence de ces beaux sites que tu liras ces lignes écrites dans une demi-obscurité, entre 4 et 5 heures du soir, aux dernières lueurs d'un soleil qui est beaucoup plutôt une conjecture qu'une certitude? — Les vendanges ici n'ont pas encore commencé — et en fait de Mont-Blanc, j'ai devant les yeux le Gostinnoi Dvor, tout mouillé de pluie. —

Je ne te parle pas de ce qui concerne la famille, sachant que Kitty s'acquitte de ce soin — et d'ailleurs ce qu'il y aurait à en dire ne serait guère réjouissant. C'est quelque chose de triste et de terne, comme l'est tout déclin, de plus en plus accusé.

Quant à moi, dans le moment donné, c'est sur ma pauvre femme surtout, et sur Marie, par ricochet, que s'arrête et s'épuise ma *plus vive* sollicitude. Ses lettres probablement t'auront informée de tous les tracas, déboires et dégoûts, par lesquels elle a passé dans ces derniers temps³. En ce moment-ci, grâce à l'argent que j'ai pu lui envoyer, elle a dû se sentir un peu soulagée. Pas moins, elle en a encore pour deux mois peut-être de cette abominable réclusion à la campagne⁴.

D'Anna je n'ai eu qu'une lettre sans date depuis son arrivée à Livadia⁵. J'ignore si elle y a revu (et comment) le grotesque héros de son absurde roman. Enfin, ce qui est certain, c'est que nous sommes, à l'heure qu'il est, grandement dispersés. Plaise au Ciel de nous réunir prochainement sans que personne manque au rendez-vous. Au revoir donc, à bientôt ma fille chérie.

Перевод:

С.-Петербург. Понедельник, 23 сентября /5 октября (1863)

Бесконечно милая моя дочь. Если бы человеческие мысли обладали счастливой способностью сами обращаться в письма, написанные, сложенные, запечатанные и отправленные по почте, я уверен, не проходило бы дня, чтобы ты не получала от меня два или три письма, ибо мысли мои постоянно обращены к тебе, опекают тебя, окружая заботой и лаской. И вот сегодня посылаю их тебе в более осязаемой форме, по совету Китти, прямо в Женеву, на Воды, в дом Петрова, в надежде, что они тебя еще там застанут¹. Последние известия о тебе, т. е. о твоём лечении и о его результатах меня порадовали; однако, хотя и можно с уверенностью утверждать, что в состоянии твоего здоровья наступило несомненное улучшение, это, увы, не снимает опасений за будущее, и за будущее самое близкое. Какое решение ты примешь относительно зимы? Что скажет тебе на этот счет твой внутренний голос, единственный твой советник? Жду твоего решения с живейшим интересом и участием, поскольку признаю свою неспособность предложить что-либо, что не привело бы в сложившейся обстановке ко множеству неудобств. Единственное, в чем я глубоко убежден, это в том, что буду безмерно рад тебя увидеть. Помимо твоих писем, я недавно получил о тебе известия от графа Г. Строганова, через десять дней после того, как он видел тебя в Уши, у великой княгини². Я тоже был бы не прочь повидать тебя там. — Эти прелестные уголки природы обладают неотразимым очарованием, когда смотришь на них издали, хотя пребывание там не мешает чувствовать себя несчастным. Опыт ничего не меняет, и признавая, что это оптический обман, тем не менее воспринимаешь его как самую очевидную реальность. Неужели эти строки, написанные в сумерках, между 4 и 5 часами вечера, при последних лучах солнца, более похожих на намек, чем на солнечный луч, неужели ты будешь их читать посреди всех этих красот природы? У нас здесь сбор винограда еще не начался, а вместо Монблана перед глазами у меня Гостинный двор, весь мокрый от дождя.

Не пишу тебе ничего о нашей семье, поскольку знаю, что этим займется Китти, да к тому же то, что тебе можно о нас сказать, вред ли тебя обрадует. Как всё, что приходит в упадок, жизнь наша становится все более грустной и бесцветной.

Что до меня, то теперь я *более всего* тревожусь о бедной жене моей, а вместе с тем и о Мари. Из ее писем ты, наверное, знаешь обо всех волнениях, горестях и неприятностях, ко-

ОКРЕСТНОСТИ ТУНА

Раскрашенная гравюра Т. Л. Аберти, 1830-е годы
 Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

торые ей довелось пережить за последнее время ³. Сейчас ей как-будто стало полегче, благодаря деньгам, которые я смог ей послать. Тем не менее еще два месяца она, по-видимому, должна будет провести в этом отвратительном деревенском заточении.

От Анны, со времени ее приезда в Ливадию ⁴, я получил только одно письмо, без даты. Не знаю, встретила ли она там (и как) с комичным героем своего нелепого романа ⁵. Словом, ясно одно, все мы сейчас находимся далеко друг от друга. Бог даст, в ближайшем будущем мы снова соберемся вместе, и на этот раз никто из нас не будет отсутствовать. Так до свиданья, и до скорого, моя милая дочь.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1).

¹ В мае 1863 г. Д. Ф. Тютчева уехала для лечения за границу. *Петров* — священник православной церкви в Женеве.

² Гр. Григорий Александрович *Строганов* (1824—1879), шталмейстер, состоял в мorganатическом браке с в. кн. Марией Николаевной, дочерью Николая I.

³ М. Ф. Тютчева писала 9 сентября 1863 г. из Овстуга (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 80) о болезни Эрнестины Федоровны и своих переживаниях, связанных с этим, а также о крайних материальных затруднениях и невозможности из-за отсутствия денег обеспечить работу сахарного завода.

⁴ В Ливадии в это время жила императрица Мария Александровна. А. Ф. Тютчева находилась в ее свите.

⁵ Кого имеет в виду Тютчев, не установлено.

7

⟨Петербург. 29 февраля 1864⟩

Ma fille chérie. Je savais à peu près la mesure du temps pour les visites qu'on te faisait et que tu pouvais supporter ¹: 8 à 10 minutes, quand c'était le *petit frère* — de 10 à 15 quand c'était celle du *petit père*. — Mais ce que tu es à même de supporter de lignes dans une visite épistolaire — voilà ce que j'aimerais savoir, dans ce moment-ci, pour ne pas trop me compromettre?

ПЕТЕРБУРГ. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Первый дом слева — дом Лазарева (возле Армянской церкви), где Тютчев жил в 1854—1872 гг. (ныне Невский пр., 42). Справа — Гостиный двор

Литография Ж. Жакотте по рисунку И. Шарлеманя, 1850-е годы

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

«...вместо Монблана перед глазами у меня Гостиный двор, весь мокрый от дождя» (письмо Тютчева Д. Ф. Тютчевой 23 сентября 1863 г.)

Quant à tes lettres à toi, je les aime, de toutes les tailles et de toutes les grandeurs. Je les aime parce qu'elles te ressemblent, elles ont beau avoir la *mort dans l'âme* comme tu dis. Elles ont malgré cela le rire aux lèvres.

Sais-tu, ma fille, que tu l'as échappé belle, en fait d'impressions lugubres — en t'en allant juste la veille du jour où devait enfin s'accomplir ta *persistante prophétie*². Que serais-tu devenue, si on t'avait appliqué une loi de Pierre le Grand, qui condamne à la prison un prophète de malheur, jusqu'à l'accomplissement de sa prédiction.

Ma fille chérie. Ne soyez pas triste. Voici le printemps qui vient et vous pouvez encore avoir de beaux jours³... Essaie seulement de le vouloir.

Embrasse tendrement Kitty et prie-la de m'écrire quelques mots.

Le petit père assomant

Перевод:

Моя милая дочь. Я знал приблизительно предел времени, установленный для тех, кто тебя посещал, и который ты могла выдержать¹: 8—10 минут для *брatца*. 10—15 — для *па-еньки*. — Но сколько ты можешь вынести строк в письменном посещении — вот что хотел бы я знать в данный момент, чтобы не поставить себя в слишком неловкое положение?

Что касается твоих писем, то я люблю их независимо от размера и формы. Я люблю их потому, что они походят на тебя: сколько бы ни было скрыто *смертельной грусти в их душе*, как ты говоришь, на устах у них все-таки смех.

Знаешь ли, дочка, что ты счастливо избежала мрачных впечатлений, уехав как раз накануне того дня, когда должно было наконец исполниться твое *настойчивое* пророчество². Что бы с тобой было, если бы к тебе применили закон Петра В(еликого), по которому предсказатель несчастий заключался в тюрьму впредь до исполнения его пророчества?

Милая моя дочь, не грусти. Вот уж и весна наступает, и тебе еще выпадут счастливые дни³... Постарайся только этого захотеть.

Нежно поцелуй Китти и попроси ее написать мне несколько слов.

Несносный папенька

Приписка к письму Э. Ф. Тютчевой от 29 февр. 1864 г.

¹ В январе 1864 г. Д. Ф. Тютчева серьезно заболела (дневник М. Ф. Тютчевой. Записи от 28—31 янв. 1864 г. — *Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 181). Оправившись от болезни, она уехала в Москву.

² Смерть гр. Д. Н. Блудова, последовавшая 19 февраля 1864 г.

³ Эти строки перекликаются с двустижием, которое Тютчев послал дочери ко дню ее рождения 12 апреля 1864 г.:

Не все душе болезненное снится:
Пришла весна — и небо прояснится.

8

Genève. Mardi, 15/27 Septembre 1864

Ma fille chérie. Dans quelques heures je vais à confesse et puis je communierai. Oh, prie pour moi. Demande à Dieu de me faire grâce, grâce, grâce! De m'ôter de l'âme cette terrible angoisse, de me sauver du désespoir, mais autrement que par l'oubli, — non, pas par l'oubli... — Ou bien que dans Sa miséricorde il daigne abréger une épreuve au-dessus de mes forces...

Oh, qu'elle-même intercède pour moi, elle, qui doit sentir mon trouble, mes angoisses, mon désespoir, — elle qui doit en souffrir, elle qui a tant prié — tant prié dans sa pauvre vie mortelle, que j'ai remplie d'amertumes et de douleurs et qui pourtant n'a jamais cessé d'être une prière pleine de larmes devant Dieu. —

Oh, que Dieu me fasse sa grâce, dans quelques heures d'ici, de me permettre de dire, avec le même accent qu'elle, ces mots que je lui ai entendu distinctement proférer la veille de sa mort: *верую, Господи, и исповедую...*

Aujourd'hui il y a eu six semaines qu'elle n'est plus, — et que j'ai commencé à reconnaître de moins en moins le monde que j'ai habité jusque-là... C'est cette horrible angoisse que je vais demander à Dieu de faire cesser — pour que je puisse me retrouver moi-même, et retrouver aussi tout ce qu'il m'a laissé encore, — d'affections sincères et dévouées et que je mérite si peu...

Ma fille chérie, un mot pour toi personnellement, dans ce moment de sincérité absolue... Je te jure, ma fille, que dans tout ce que je t'ai dit dans ma lettre, il n'y a, pour ce qui te concerne, non seulement la moindre intention de blâme, même le plus mitigé, mais que d'un bout à l'autre pas un mot qui ne soit un cri de sympathie — pas même le mot de *déraison*, que j'ai écrit avec amour, comme pour établir, pour constater un lien, un rapport de plus entre toi et ton pauvre père, — *déraison* soit, que Dieu, dans Sa miséricordieuse justice, peut seul apprécier, — mais que les hommes, dans leur partialité forcée et fatale, jugeront toujours sans équité, comme sans intelligence¹.

Mais que Celui qui voit tout et qui peut tout, daigne aussi faire grâce à tous... Ma fille et vous tous qui m'aimez, pardonnez-moi...

Перевод:

Женева. Вторник, 15/27 сентября 1864

Моя милая дочь. Через несколько часов иду на исповедь, а затем буду причащаться. Помолись за меня! Моли Господа ниспослать мне помилование, помилование, помилование. Освободить мою душу от этой ужасной тоски, спасти меня от отчаяния, но не путем забвения — нет, не забвения... Да сократит Он в своем милосердии срок испытания, превышающего мои силы...

О, да вступится за меня она, она, которая должна чувствовать мое смятение, мою тоску, мое отчаяние, — она, которая должна от этого страдать, — ведь она так много молилась, так много молилась в своей печальной земной жизни, которую я переполнил горестями и

страданиями, в жизни, которая вся заключалась в непресганной скорбной мольбе, обращенной к Богу.

О, да дарует мне Господь милость, дозволив сказать через несколько часов те же слова и с тем же чувством, с каким — я слышал — она ясно произнесла их накануне своей смерти: *верую, Господи, и исповедую...*

Сегодня шесть недель, что ее нет, — и я все меньше и меньше понимаю мир, в котором жил до тех пор... Я буду просить Господа избавить меня от этой ужасной тоски, дабы я смог вновь обрести самого себя, смог почувствовать все то, что он мне еще оставил, — искренние и преданные привязанности, которых я так мало заслуживаю...

Моя милая дочь, одно слово лично тебе в эту минуту полной откровенности.... Клянусь тебе, дочь моя, — во всем, что я сказал тебе в моем письме, нет по отношению к тебе ни тени осуждения, даже самого мягкого, и более того, от начала до конца, нет в нем ни одного слова, которое не было бы воплем сочувствия, — даже слово *безрассудство*, написанное мною с любовью, как бы для того, чтобы установить, чтобы засвидетельствовать еще одну связь, еще одно сходство между тобой и твоим несчастным отцом, — пусть *безрассудство*, — лишь один Бог в своем милосердном правосудии может оценить его, — а люди в их вынужденном и роковом пристрастии всегда будут судить без справедливости и без понимания ¹.

Но пусть Тот, кто видит всё и может всё, дарует всем прощение... Дочь моя и все, кто меня любит, простите меня...

¹ Тютчев имеет в виду свое письмо от 8/20 сент. 1864 г., но цитирует его не совсем точно: в этом письме он говорил не о том, что Дарье свойственно «безрассудство» (*déraison*), а о том, что она «столь мало рассудительна» (*si peu raisonnable*) (*Соч. 1980*, т. 2, с. 198).

9

Pétersbourg. Ce 14/26 Sept<embre 1868>

Ma fille chérie, ce n'est que par contrebande que j'ai eu l'autre jour de vos nouvelles. Car ayant entre les mains ta lettre adressée à Maman, je n'ai pu résister à la tentation de l'ouvrir... C'est d'ailleurs, comme tu le sais, un usage assez généralement reçu, dans le pays d'où je t'écris.

C'est à Genève que je vous adresse ces quelques lignes, qui iront vous trouver au milieu de vos exercices de piété, qu'elles ne sauraient troubler, en vous rappelant un vieux père malade et éclopé, très mortifié dans tous les cas, par la plus inévitable des mortifications, celle de l'Age...

A travers toute cette magnifique saison, qui vient de s'achever pour nous, je n'ai cessé de me sentir en rapport direct et intime avec toi, m'associant de mon mieux, par l'imagination et le souvenir, aux impressions que tu recevais de cette incomparable nature qui t'entourait et dont moi, dans mon humilité forcée, je ne me sens plus digne. — Toute cette magnificence n'est plus de mon âge, c'est trop bruyant, trop éclatant, et les sites que j'avais sous les yeux, humbles et modestes comme ils sont, m'allaient mieux ¹.

C'est surtout à Moscou, pendant le second séjour que j'y ai fait à mon retour de la campagne, et avant que je ne fusse tombé malade, j'ai compté quelques très belles journées... Mais même ce temps de réclusion forcée, imposé par la maladie ², grâce aux soins dont j'ai été entouré, grâce surtout à la chère présence de Kitty, m'a laissé un très agréable souvenir.

Demain il y aura quinze jours que je suis rentré ici ³ et tout ce temps je me suis trouvé tant bien que mal, mais depuis hier, comme par un fait exprès, me voilà recloué à ma chaise longue et cherchant à me distraire, comme vous voyez, de cette inaction forcée, en vous écrivant, fille chérie.

Ta lettre, tout en faisant grand plaisir, dans le moment n'a pas manqué de me laisser un arrière-goût mélancolique à ton endroit et je me suis involontairement rappelé ces vers si connus, adressés à la pauvre feuille voyageuse, qui de sa tige détachée s'en va où le vent la mène ⁴... Et quand et comment nous la ramènera-t-elle?..

В ОКРЕСТНОСТЯХ ОБСТУГА

Рисунок Я. П. Полонского (карандаш), 1863

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Перевод:

Петербург. 14/26 сент(ября 1868)

Моя милая дочь, только незаконным путем удалось мне на днях узнать о тебе. Дело в том, что мне в руки попало твое письмо, адресованное мамá. я не смог удержаться от искушения и вскрыл его... Впрочем, как ты знаешь, это обычай довольно распространенный в той стране, откуда я тебе пишу.

Посылаю эти несколько строк в Женеву, где они застанут тебя за твоими благочестивыми занятиями и, надеюсь, не слишком нарушат их напоминанием о калеке-отце, старом и больном, и уж во всяком случае сильно страдающем от того неизбежного унижения, каким является старость...

В продолжение всего великолепного лета, которое только что миновало, я не переставал ощущать тесную и непосредственную связь с тобой, я обращался к воспоминаниям и силой воображения старался, насколько это возможно, разделить с тобой впечатления от окружающих тебя несравненных красот природы, которых я, в своем вынужденном смирении, не чувствую себя более достойным. — Все это великолепно уже не для моего возраста, оно слишком ярко, слишком крикливо, и пейзажи, находившиеся перед моими глазами, пусть скромные и непритязательные, были мне более по душе ¹.

Несколько погожих дней выпали мне в Москве во время моего второго там пребывания по возвращении из деревни и до того, как я заболел ²... Но даже те дни вынужденного заточения, на которые обрекла меня болезнь, оставили мне самые приятные воспоминания, благодаря вниманию, которым я был окружен, и в особенности благодаря милому обществу Китти.

Завтра будет две недели, как я сюда вернулся ³, и все эти дни чувствовал себя неплохо, но со вчерашнего дня я, как нарочно, снова прикован к своей кушетке и пытаюсь, как видишь, развлечься в своем вынужденном безделье тем, что пишу тебе, моя милая дочь.

Хотя письмо твое доставило мне большое удовольствие, по прочтении его мне все-таки взгрустнулось о тебе, и я невольно вспомнил столь известные стихи о бедном странствующем листке, оторванном от ветки и кочующем по воле ветра ⁴... Когда же и как ветер вернет его нам?..

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2 и 3).

¹ Тютчев имеет в виду пейзажи Овстуга и его окрестностей (см. прим. 2).

² 17 июля 1868 г. Тютчев приехал в Москву, 20 июля выехал в Овстуг, откуда вернулся 12 августа; по возвращении он провел в Москве, в доме Сушковых, большую часть августа, страдая от затянувшегося приступа подагры (*Современники о Тютчеве*: Е. Ф. Тютчев а — Д. Ф. Тютчев ой, 17 и 20 июля, 12, 17 и 24 авг. 1868 г.).

³ 31 августа 1868 г. Тютчев выехал из Москвы в Петербург (там же: Е. Ф. Тютчев а — Д. Ф. Тютчев ой, 4 сент. 1868 г.).

⁴ Стихотворение Лермонтова «Листок»: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»

10

⟨Петербург.⟩ 16 апреля 1872

День православного Востока;
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень.

Своим последним, крайним кругом
И ту долину захватя,
Где с тяжким борется недугом
Мое родимое дитя.

Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй,
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повея,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней.¹

Notre Seigneur est ressuscité — c'est bien. Mais ce n'est pas une raison pour nous exterminer. Ainsi je te conjure de te tenir tranquille. Je trouverai un moment, aujourd'hui ou demain, pour t'aller voir. Ne nous soyons pas les martyrs de *l'archaïsme*², — voici en attendant quelques rimes que j'ai adressées ce matin à la pauvre Marie au son des cloches de la fête du jour.

Перевод:

Христос воскрес — это хорошо. Но это не причина, чтобы нам себя изводить. Поэтому умоляю тебя оставаться спокойной. Я выберу время, сегодня или завтра, чтобы повидать тебя. Не будем мучениками ради *архаического* обычая². А покуда вот несколько строк, которые нынешним утром, под звон праздничных колоколов, я написал для бедной Мари.

¹ Это стихотворение Тютчев написал 16 апреля 1872 г., в день праздника Пасхи, для своей младшей дочери М. Ф. Бирилевой, умиравшей от чахотки в Рейхенгалле (Бавария). Напечатано: «Московские ведомости», 1883, № 107, 19 апреля (под заглавием: «Светлое Христово Воскресенье»).

² Подразумевается обычай христосования в день православной Пасхи.

Е. Ф. ТЮТЧЕВОЙ
1855—1873

Екатерина Федоровна *Тютчева* (1835—1882) — младшая дочь поэта от первого брака. После выхода из Смольного института, в котором обучалась с 1845 по 1851 г., она провела около года в семье отца, а с 1853 г. жила в Москве у своей тетки Дарьи Ивановны Сушковой, жены писателя Н. В. Сушкова.

В доме Сушковых часто собирались литераторы и ученые. Здесь бывал и молодой Лев Толстой. В его дневнике есть несколько записей о встречах с Е. Ф. Тютчевой в 1857—1858 и в 1861 гг.: порой она привлекала его внимание живостью ума, порой разочаровывала нарочитой холодностью (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 47. М., 1937, с. 163, 165; т. 48, М., 1952, с. 4—9, 11, 17, 18, 36).

Пояснением и дополнением к лаконичным дневниковым записям Толстого могут служить письма сестер к Е. Ф. Тютчевой. «На днях, — писала ей Дарья Федоровна 15 ноября 1857 г., — А. Блудова говорила о тебе с Анной, что читала твой письменный портрет, присланный из Москвы одним человеком, — и портрет такой восхитительный» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 604; пер. с франц.). Следующее ее письмо от 20 ноября как бы продолжает пре-

дыдущее и поясняет содержащийся в нем намек: «Видела князя Вяземского, он рассказывал мне о вашем рауте, ему говорили, что там было очень много народу. Он просит меня передать тебе, что уверен в том, что граф Толстой тоже был у вас в этот день. Он сказал это с видом несколько zweideutig *, и это заставляет меня подозревать, что между графом Толстым и автором портрета, о котором я тебе говорила, есть нечто общее» (там же). 24 марта 1859 г. А. Ф. Тютчева уже без всяких намеков пишет Екатерине Федоровне: «...недавно у меня был Лев Толстой. По-моему, он очень обаятелен, у него такое открытое, честное, доброе лицо. Не понимаю, как можно устоять, когда такой человек тебя любит» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 305; пер. с франц.). На письма родных Е. Ф. Тютчева шуточно отвечала: «Я так разборчива, что не выйду замуж; ну что ж, тем хуже для мужской половины рода человеческого» (письмо к Д. Ф. Тютчевой от 2 апр. 1859 г. — *Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 688; пер. с франц.), — и переводила разговор на впечатления от чтения произведений Толстого. 24 мая 1859 г. она писала Д. Ф. Тютчевой о его «Семейном счастье»: «...я окончила повесть Толстого, она восхитительна; это сама жизнь. Огромное счастье исчезает, уходит без видимой причины, потому только, что здесь не может быть продолжительного счастья» (там же; пер. с франц.). Через многие годы Е. Ф. Тютчева пронесла восхищение талантом Толстого, его «тайнственной прозорливостью», его даром писать «так же несознательно пророчески, как сама жизнь творится» — этой мыслью она делилась с И. С. Аксаковым 18 июля 1877 г. (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 198). А 21 августа 1874 г. она сообщала ему: «По вечерам мы с тетушкой перечитываем „Войну и мир“, и я люблюсь Толстым и наслаждаюсь его гениальным романом вдвое более, чем при первом чтении. Какая прелесть! Ни на каком языке не читала я ничего подобного в этом роде, — да, только *русским* могло оно быть писано» (там же).

П. А. Бартнев вспоминал об Е. Ф. Тютчевой: «Основательное, многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, живая прелесть ума, крепкого и цельного, но в то же время изящно-женского, сообщали необыкновенную привлекательность ее беседе. Лучшие произведения всех веков и образованных народов были ей близко знакомы, и предметы политики, словесности, истории, богословия занимали ее постоянно» (*РА*. 1882, № 2, с. 560). Эти суждения находят многочисленные подтверждения в письмах Е. Ф. Тютчевой к родным — о Толстом, Тургеневе, Герцене, о заседаниях «Общества любителей российской словесности» и т. д. 25 января 1859 г. она писала Д. Ф. Тютчевой: «Читаю сейчас „Колокол“ Герцена, который мне одолжили целиком. Если не считать нескольких статей, ребячески и ненужно оскорбительных, я обнаружила интереснейшие вещи. Над всем царит культ разума, и это дает такое отдохновение после всех несправедливостей, которые по людской глупости или испорченности угнетают бедный человеческий ум в повседневной жизни. Читая этот журнал, как бы берешь реванш, и очень часто это дает мне такое же освежающее ощущение, как поток свежего воздуха в жаркой комнате: порой можно простудиться, но чаще всего это придает бодрости» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 688; пер. с франц.).

Е. Ф. Тютчева интересовалась также вопросами народного образования и переписывалась с известным педагогом С. А. Рачинским. Она издала несколько книжек для детей с переложением истории Ветхого и Нового завета, а в 1873 г., купив во Владимирской губ. имение Варварино, начала там постройку школы и амбулатории (были закончены после ее смерти).

Сохранилось 59 писем Тютчева к дочери Екатерине Федоровне за 1855—1873 гг., а также четыре письма, адресованных ей вместе с сестрами (*Письма* 83, 92, 93). Из них 14 писем были опубликованы: 11 писем полностью, три — в отрывках (*Библиография* 44, 51, 52).

Публикуемые ниже 15 писем печатаются по автографам (п. 16 написано под диктовку Тютчева рукой Д. Ф. Тютчевой): ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 74 (п. 1—12, 14—16); *Собр. Пигарева* (п. 13). Все они написаны по-французски. Печатаются на языке оригинала и в переводах К. В. Пигарева (п. 9, 13) и Н. И. Филипович (п. 1—8, 10—12, 14, 15).

Письма Е. Ф. Тютчевой к отцу неизвестны, за исключением одного — от 20 ноября 1856 г. (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 89).

* двусмысленным (нем.).

⟨Pétersbourg.⟩ Samedi, 30 Juillet 1855

Ma chère Kitty. Préviens ta Grand'maman ¹, que je serai rendu près d'elle mercredi prochain, c'est-à-d(ire) le 3 Août. Je devais vous arriver il y a quelques jours, mais le bombardement de Sweaborg m'a retenu ². Je reviens en ce moment de Péterhoff, où je suis allé prendre congé d'Anna. Les dernières nouvelles qu'on y avait reçues portent que le bombardement avait été interrompu, mais il recommencera, bien certainement; nos pertes jusqu'à présent ne sont pas considérables — mais il paraît, malheureusement, que la supériorité du tir était du côté de l'ennemi. Tout cela est bien triste et bien angoissant. J'ai revu hier les Bloudoff, qui se louent beaucoup de toi et de ta tante.

Au revoir à bientôt, ma fille chérie, et tâche, si c'est possible, de transmettre ces quelques lignes à Ovstoug, à ma femme par la poste la plus prochaine, qui est celle du Lundi. — Je reçois à l'instant même une lettre de ma femme et je suis navré des inquiétudes que je lui ai causées. Mais comment peut-on être inquiet à mon sujet? Voilà ce qui me passe! Il me semble que je suis fait pour éprouver toutes les inquiétudes et nullement pour en donner.

Je baise les mains à ta Grand'maman et je t'embrasse bien tendrement.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Суббота, 30 июля 1855

Милая Китти. Предупреди бабушку ¹, что я явлюсь к ней в будущую среду, т. е. 3 августа. Я должен был к вам приехать несколько дней тому назад, но обстрел Свеаборга ² задержал меня. Сейчас я вернулся из Петергофа, куда ездил попрощаться с Анной. По последним полученным там известиям, обстрел остановлен, но он, конечно, возобновится; наши потери пока незначительны, однако превосходство в огне было, кажется, к несчастью, на стороне противника. Все это очень грустно и очень тревожно. Вчера я снова виделся с Блудовыми, они говорили много приятного о тебе и о твоей тетушке.

До скорого свидания, милая моя дочь, постарайся, если возможно, ближайшей почтой, т. е. в понедельник, переслать эти несколько строк в Овстуг моей жене.— Я только что получил от нее письмо, и очень удручен, что заставил ее тревожиться. Но зачем же нужно тревожиться обо мне? Вот уж чего не могу понять! Мне кажется, что я создан для того, чтобы испытывать всевозможного рода тревоги, а отнюдь не для того, чтобы причинять их.

Целую ручки твоей бабушки и нежно обнимаю тебя.

¹ Е. Л. Тютчева жила в это время в Москве, в семье своей дочери Д. И. Сушковой.

² 28—29 июля/9—10 августа 1855 г. союзный англо-французский флот бомбардировал крепость Свеаборг, причем нанес большие повреждения портовым и городским сооружениям.

⟨Петербург. 11 апреля 1862⟩

Je passe à toi ¹, ma bonne et chère Kitty, et fais à l'occasion des fêtes, comme dans toute autre occasion, les vœux les plus sentis pour ton bonheur. Tous ces vœux pour le moment se résument dans un seul et il me paraît aussi indigne qu'absurde, que ce vœu-là tarde tant à se réaliser. Je verrais un sac rempli d'or séjourner pendant des jours et des semaines en pleine perspective Nevsky, à la vue du monde entier, que ce fait-là ne me causerait pas plus de surprise.

Hier soir il y a eu un petit bal à la Cour, en l'honneur du G(rand) D(uc) Владимир, je crois. Tes trois sœurs y ont été, mais je n'en ai pas encore eu de nouvelles par Marie, qui est rentrée du bal lorsque je dormais déjà.

Fais mes amitiés à la tante et aux deux oncles et charge-toi de dire à Н(иколай) В(асильевич) que je le fais remettre de son envoi littéraire ². Nous avons ici en ce moment le professeur Чичерин ³, avec qui j'ai dîné hier chez le Prince Горчаков. C'est un homme de bien et de convictions et il serait à désirer que l'exemple qu'il donne devint contagieux. Cela ferait bien vite cesser le charme d'absurdité

et d'extravagance, qui comme un cauchemar pèse plus ou moins sur tout le monde. Au revoir à bientôt, ma fille chérie.

Перевод:

Перехожу к тебе ¹, моя милая, славная Китти, и шлю тебе по случаю праздников, как и по всем другим случаям, самые сердечные пожелания счастья. Все они объединяются сейчас в одно, и мне представляется столь же нелепым, сколь и несправедливым то, что это пожелание все никак не осуществляется. Если б посреди Невского, на глазах у всех неделями лежал мешок с золотом, меня бы это меньше удивило.

Вчера вечером при дворе был дан небольшой бал, кажется, в честь в(еликого) кн(язя) Владимира. Три твои сестры там были, но Мари мне ничего еще о бале не рассказывала, так как вернулась с него, когда я уже спал.

Кланяйся от меня тетушке и обоим дядюшкам и возьми на себя труд сказать Николаю Васильевичу, что я благодарю его за литературное послание ². У нас здесь сейчас профессор *Чичерин* ³, вчера я с ним обедал у князя Горчакова. Это человек благородный и с убеждениями и хорошо было бы, если бы пример, который он подает, нашел последователей. Это быстро бы рассеяло смешные и нелепые чары, которым, словно наваждению, в той или иной мере подвержены все. До скорого свиданья, милая моя дочь.

Датируется по содержанию, соответствующему записи в дневнике М. Ф. Тютчевой от 10 апр. 1862 г.: в этот день (третий день Пасхи и день именин в. кн. Владимира Александровича) она была с сестрами на танцевальном вечере у императрицы; в этот же день Тютчев обедал у Горчакова (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 179).

¹ По-видимому, это письмо было припиской к письму Тютчева, адресованному его матери, которая жила у Сушковых.

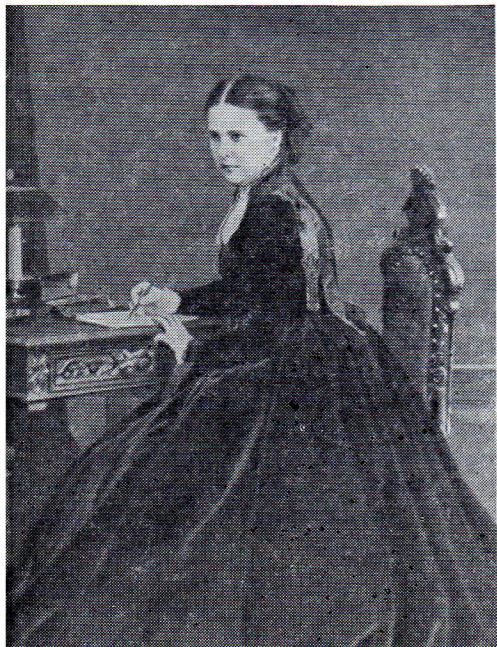
² О каком «послании» Н. В. Сушкова идет речь, неизвестно.

³ Борис Николаевич *Чичерин* (1828—1904) — профессор государственного права в Московском университете (1861—1867).

3

Pétersbourg. Lundi, 26 Août 1863

Merci, ma fille chérie, de votre bonne lettre qui m'a fait grand plaisir. J'espère que celle-ci t'arrivera à point nommé pour te souhaiter la bien venue à Moscou ¹. — Et moi aussi j'ai senti comme une fâcheuse privation ton absence de Moscou pendant les deux mois de séjour que j'y ai fait et qui m'ont laissé un très bon souvenir, un souvenir lumineux en dépit du mauvais temps. J'y ai été témoin de quelque chose, à quoi on ne saurait contester une signification historique. C'est l'accueil fait par l'opinion aux dépêches du P(ринс)е Gortchakoff ². C'est peut-être la toute première fois où la fibre nationale a vibré au contact de la Diplomatie russe. Aussi les quelques lignes que j'ai écrites à la hâte sous le coup même de l'impression ³ ont eu un sort tout particulier. Comme s'était le premier bulletin de la victoire remportée arrivé de Moscou, elles ont été aussitôt communiquées en haut lieu, à l'Impératrice d'abord, qui avait, à ce qu'il paraît, exprimé des doutes sur l'impression que le ton général des dépêches produirait à Moscou. Puis la lettre ayant été lue par l'Empereur, celui-ci a dit qu'elle aurait dû être communiquée à Mlle Anna, pour l'amener à des sentiments plus favorables au vice-chancelier. C'est le P(ринс)е Gortch(akoff) lui-même qu m'a conté cela. Hier j'ai dîné chez lui à Czarskoé et j'ai recueilli des détails très curieux sur ce qui s'y est passé dans ces derniers temps, dans la question Constantin ⁴. — L'Empereur, au dire de tout le monde, s'est admirablement conduit dans toute cette affaire. Il a su concilier dans une mesure parfaite sa tendresse très vive pour son frère avec une fermeté à toute épreuve. Aussi on peut considérer le règne malencontreux de celui-ci comme fini. C'est demain le 27 qu'il quitte Varsovie, avec femme et enfants, et se dirige par Vienne et le Danube en Crimée. Tous ceux qui l'ont vu ici s'accordent à dire qu'il faisait pitié à voir, tant il se sentait écrasé par la défaveur publique. C'est demain aussi que partiront les réponses du P(ринс)е

Е. Ф. ТЮТЧЕВА

фотография С. Л. Левицкого. Петербург, середина
1860-х годов

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Gortchakoff, très laconiques cette fois, et déclarant la question fermée, sinon décidée ⁵. Elles ne tarderont pas à paraître dans les journaux. L'Empereur s'en va le 31 en Finlande, où il fera le 3 Septembre l'ouverture de la Diète ⁶. Le 4 il assistera à une grande fête que Mad(ame) Aurore ⁷ lui donne dans sa maison de campagne, près d'Helsingfors; le 8 il sera de retour à Czarskoé et quelques jours après il part p(ou)r Livadia. Et ceci me ramène à ce qui est l'objet de mes soucis non moins que des tiens, à notre pauvre chère Daria ⁸. Assurément, une fois la cure finie, ce qu'elle aurait de mieux à faire, c'est d'aller rejoindre l'Imp(ératrice) en Crimée — si c'est pour y passer l'hiver, mais cent fois non si c'est pour en revenir au mois de Novembre. Mais, alors, que doit-elle faire d'ici dans quelques semaines? Où et comment passera-t-elle l'hiver? Je ne puis songer à cette pauvre chère fille non seulement sans tristesse, mais même sans remords.

Mille amitiés à tout le monde. Dis à mon frère et à Grand'maman que j'espère toujours les revoir en Octobre.

Que Dieu v(ou)s garde, ma fille, je vous embrasse du fond du coeur.

T. T.

Перевод:

Петербург. Понедельник, 26 августа 1863

Спасибо, милая моя дочь, за хорошее письмо, оно доставило мне большое удовольствие. Надеюсь, мое письмо придет к тебе вовремя, чтобы поздравить с приездом в Москву ¹. Все за месяца, которые я провел в Москве, мне также очень не хватало тебя, хотя от самого пребывания у меня остались очень приятные воспоминания, воспоминания радужные, несмотря на плохую погоду. Я был там свидетелем таких вещей, историческое значение которых оспоримо. Я имею в виду то, как были восприняты общественным мнением депеши князя Горчакова ². Может быть, поистине впервые действия русской дипломатии затронули национальные струны души. Поэтому несколько строк, которые я набросал сразу же, под первым впечатлением ³, постигла совершенно особая судьба. Они явились первым поступившим из Москвы сообщением об одержанной победе и потому тотчас же были переданы в высшие сферы, прежде всего императрице, которая, будто бы, высказывала ранее сомнения относительно того, какое впечатление произведет в Москве общий тон депеш. Государь, прочитав письмо, сказал, что его следовало бы передать мадемуазель Анне, дабы внушить ей более нагосклонное отношение к вице-канцлеру. Все это мне рассказал сам кн. Горчаков. Вчера обедал у него в Царском и узнал очень любопытные подробности о том, как на днях решался вопрос о Константине ⁴. Государь, по всеобщему мнению, держался во всей этой истории зупречно. Несмотря на самую нежную привязанность к брату, он сумел проявить непоколебимую твердость. Итак, злосчастное царствование Константина можно считать оконченным. Завтра, 27-го, он, с женой и детьми покидает Варшаву и через Вену по Дунаю направляется в Крым. Все, кто его видел, сходятся в том, что на него было жалко смотреть, столь одавлен он был всеобщим неодобрением. Ответы кн. Горчакова, на этот раз очень лаконичные, объявляющие вопрос закрытым, если не решенным, также будут отправлены завтра ⁵.

Газеты сразу же их опубликуют. 31-го государь уезжает в Финляндию и 3-го сентября открывает там Сейм ⁶. 4-го он будет присутствовать на большом празднике, который госпожа Аврора ⁷ дает в его честь в своем загородном доме под Гельсингфорсом; 8-го он вернется в Царское и через несколько дней уезжает в Ливадию. Это обстоятельство возвращает меня к тому, что меня беспокоит не меньше, чем тебя, — к нашей бедной милой Дарье ⁸. Бесспорно, лучшее, что она может сделать, закончив курс лечения, это отправиться в Крым к императрице, но это в том случае, если она хочет провести там зиму; если же она намерена вернуться из Крыма в ноябре, ей никак не следует ехать туда сейчас. Но тогда как же ей быть через несколько недель? Где и как проведет она зиму? Когда я думаю о нашей бедняжке, я испытываю не только грусть, но даже угрызения совести.

Шлю всем дружеские приветствия. Скажи моему брату и бабушке, что я надеюсь увидеться с ними в октябре. Да хранит тебя Бог, дочь моя, сердечно тебя обнимаю.

Ф. Т.

¹ Летом 1863 г. Тютчев провел в Москве около двух месяцев (с 12 июня по 9 авг.). В середине июня Е. Ф. Тютчева уехала в имение своей тетки Д. И. Сушковой (с. Новое Юрьев-Польское у. Владимирской губ.), откуда вернулась в конце августа.

² В июне 1863 г. Англия, Австрия и Франция выступили с предложением передать польский вопрос на обсуждение восьми держав — участниц Венского конгресса 1815 г. 1 июля Горчаков направил русским дипломатическим представителям в Лондоне, Париже и Вене депеши с отказом от этого предложения, которое рассматривалось как вмешательство во внутренние дела России. Эти депеши были напечатаны 10 июля в «Московских ведомостях» (№ 150), и на следующий день в письме к Горчакову Тютчев с удовлетворением отмечал «полный достоинства и твердости тон» этих депеш, а также благоприятное впечатление, которое они произвели в Москве (*ЛН*, т. 19—21, с. 223; см. также *СН*, кн. 21, с. 196—197).

³ Тютчев подразумевает свое письмо к Горчакову от 11 июля 1863 г. (см. прим. 2).

⁴ В 1862 г. в. кн. Константин Николаевич был назначен наместником Царства Польского. «Примирительная» политика, которую он пытался проводить, вызвала оппозицию со стороны консервативных кругов, что повлекло устранение его с занимаемого поста.

⁵ По возвращении Тютчева из Москвы Горчаков познакомил его с возражениями правительств Англии, Франции и Австрии на упомянутые депеши (см. прим. 2) и с предполагаемым ответом на эти возражения, который «будет короток, вежлив и будет ссылаться на предварительные объяснения, не вдаваясь в полемику, которая впредь будет считаться исчерпанной» (письмо Тютчева Э. Ф. Тютчевой от 16 авг. 1863 г. — *СН*, кн. 21, с. 200). Этот ответ, датированный 26 августа, был опубликован позже (*СЛБ. вед.*, 1863, № 201, 10 сент.).

⁶ Открытие Финляндского сейма, на котором Александр II выступил с тронной речью, состоялось не 3, а 6 сентября (*СЛБ. вед.*, 1863, № 200, 8 сент.).

⁷ Аврора Карловна *Карамзина* (рожд. Шернваль, в первом браке Демидова; 1813—1902) — жена А. Н. Карамзина (сына историкографа).

⁸ О болезненном состоянии Д. Ф. Тютчевой, вынудившем ее в мае 1863 г. уехать для лечения за границу, а также о планах ее на предстоящую зиму см. в наст. томе: Т ю т ч е в — Д. Ф. Т ю т ч е в о й, п. 6, прим. 1.

4

(Petersbourg.) Samedi, 26 Octobre 1863

C'est demain le 8 Novembre, ma fille chérie, et je tiens à arriver à temps pour être aussi de la fête ¹. — Cette date me reporte à des temps qui sont de la fable pour vous, bien qu'ils aient commencé votre histoire, et qui parfois me sont si présents... Je me vois encore, à la date de ce jour, il y a quelques années, — courant de tout côté à la recherche du médecin, le trouvant enfin, attablé chez une de ses amies, et l'arrachant non sans peine aux délices du festin, pour aller vous faciliter votre arrivée dans ce monde... Où était-elle alors cette belle et gracieuse réalité qui êtes-vous — et comment se cachait-elle dans ce petit souffle de vie, à peine recouvert d'un peu de matière! Et de se dire que ce moment où vous existiez déjà, vous restera aussi profondément étranger, aussi profondément inconnu que les temps qui ont précédé la guerre de Troie! — tout comme ta vie actuelle, ton heure présente devait rester lettre close pour ta pauvre mère... Ah que l'existence humaine est un étrange rével..

Nous avons eu ces jours-ci parmi nous l'excellent Катков ², qui a été comme de raison beaucoup fêté et cajolé par les puissances, mais qui s'en retourne peu édifié, je crois, de tout ce qu'il a vu et entendu dire. Hier j'ai fait son cornac chez le prince Горчаков, qui avait réuni à ce dîner pour faire fête à son hôte toutes

les intelligences de son ministère. Ce qui est touchant dans Катков, c'est de voir un esprit très ferme et très sagace associé à un excellent naturel, doux et infiniment sensible aux témoignages (de sympathie) * qu'on lui prodigue, ce qui le condamne quelquefois à se sentir tout attristé de ce qui aurait agréablement flatté l'amour-propre ou la malveillance d'une nature plus personnelle.

Ici la nouvelle du jour c'est le discours d'ouverture de l'Empereur Napoléon dont le résumé télégraphié a été transmis par Budberg³. Le trait saillant du discours c'est la déclaration que les traités de 1815 n'existent plus et la proposition, par suite de cela, d'un congrès g(énéral), où toutes les questions pendantes seraient discutées,—comme une combinaison qui, ayant été une fois indiquée par la Russie, était de nature à lui être proposée, sans la blesser. On sait déjà que l'effet du discours n'a pas été heureux sur l'Ambassadeur d'Angleterre et il en sera probablement de même de l'Autriche, qui ne goûtera pas plus l'idée d'un congrès g(énéral), où elle siégerait à côté de l'Italie, que l'Angleterre ne goûtera la prétendue annulation des traités de Vienne. Par toutes ces raisons, c'est nous qui avons le moins de motifs d'être mécontents dudit discours, qui, en définitive, ne fait que constater la divergence croissante des opinions de nos adversaires⁴ — et sur ce, ma fille, je v(ou)s embrasse et v(ou)s souhaite encore une fois la bonne fête.

A v(ou)s de coeur.

Перевод:

(Петербург.) Суббота, 26 октября 1863

Завтра 8 ноября, моя милая дочь, и я хочу прибыть вовремя, чтобы принять участие в празднике¹. — Эта дата переносит меня в дни, которые, хоть с них и началась твоя жизнь, кажутся тебе сказкой и которые иногда так ярко предстают в моей памяти... Я вспоминаю, как в этот день сколько-то лет назад я метался в поисках врача, как, наконец, нашел его за ужином у одной из его приятельниц, как не без труда оторвал его от пиршества и как он отправился со мной, дабы облегчить тебе вступление в этот мир... Где же тогда была та милая очаровательная реальность, какую ты сейчас являешься, и как умещалась она в крошечном, едва осязаемом комочке жизни! И подумать только, этот миг, в который ты уже жила, навсегда останется для тебя столь же глубоко чуждым, столь же глубоко неизвестным, как времена, предшествовавшие Троянской войне! — точно так же, как твоя теперешняя жизнь, ты сегодняшнего дня оказалась закрытой книгой для твоей покойной матери... Ах, человеческое существование, какой это странный сон!..

На днях здесь был милейший Катков²; как и следовало ожидать, он был принят с большими почестями и весьма обласкан властью имущими, но уехал он, как мне кажется, не сделав никаких выводов из того, что видел и слышал. Вчера в роли его провожатого я был у князя Горчакова, который, чтобы почтить гостя, пригласил на обед все выдающиеся умы своего министерства. В Каткове непреклонность духа и большая пронципальность ума трогательно сочетаются с превосходным нравом, мягким и бесконечно чутким к знакам (внимания)^{2*}, которые ему расточают, а потому его иной раз сильно огорчает то, что льстило бы его самолюбию или питало бы недоброжелательность, будь он человеком более себялюбивым.

Событием дня здесь является тронная речь императора Наполеона, краткое содержание которой было передано по телеграфу Будбергом³. Выдающимся местом речи является заявление о том, что договоры 1815 года больше не существуют, и сделанное вследствие этого предложение о созыве всеобщего конгресса, на котором были бы обсуждены все ожидающие решения вопросы, — комбинация, которая, будучи уже однажды указана самой Россией, может быть ей предложена без опасения ее задеть. Уже известно, что на английского посла речь произвела неблагоприятное впечатление, так же, вероятно, будет реагировать и Австрия, которая не одобрит идеи о всеобщем конгрессе, поскольку тогда ей пришлось бы сесть за один стол с Италией, так же, как Англия не одобрит возможность отмены венских договоров. По всем

* Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

3* Пропуск в автографе; восстанавливается по смыслу.

этим причинам меньше всего оснований быть недовольными вышеупомянутой речью имеется у нас, ведь она в конце концов только констатирует все увеличивающееся расхождение во взглядах наших противников⁴ — на этом обнимаю тебя, дочь моя, и еще раз желаю приятно провести свой день рождения.

Всем сердцем твой.

¹ 27 октября / 8 ноября — день рождения Е. Ф. Тютчевой. В 1863 г. ей исполнилось 28 лет.

² О визите М. Н. Каткова в Петербург см.: Тютчев — Каткову, п. 2, прим. 1.

³ 26 октября 1863 г. петербургские газеты напечатали телеграфное сообщение русского посла в Париже, барона А. Ф. Будберга о предложении Наполеона созвать европейский конгресс для пересмотра Венских трактатов 1815 г. Оно было высказано им в тронной речи 5 ноября / 24 октября (см. там же, п. 2, прим. 2 и 4).

⁴ «Противники» России — Франция, Англия и Австрия (см. там же, п. 1, прим. 2).

5

Pétersbourg. Dimanche, 10.9^{bre} 1863

Ma fille chérie, ce n'est que par ta lettre à la C(om)tesse A. Bloudoff que j'ai appris que tu as été malade, et bien que tu dises dans cette lettre que maintenant tu vas mieux, cette assurance m'aurait médiocrement rassuré, si l'ami *Щебальский*² n'était venu ce matin me donner de tes nouvelles à titre de témoin oculaire. C'est pourtant quelque chose de bien triste et de bien déplorable, qu'une santé comme la tienne, je devrais dire comme la votre³!

Il y a eu plus d'une bonne fée à votre berceau, mais, évidemment, celle de la santé était occupée ailleurs.

Les lignes que je t'écris là coïncideront, je suppose, avec l'arrivée d'Anna à Moscou⁴. Si vous parvenez à vous voir, je vous charge de vous embrasser mutuellement de ma part. Je me réjouis beaucoup du retour d'Anna. Elle me manquait, bien que sa présence la plupart du temps soit si peu réelle p(ou)r moi. C'est un peu l'histoire de cet homme qui avait pris l'habitude de fumer sa pipe une fois par semaine, les samedis, je crois, et qui prétendait être tellement dominé par cette habitude, qu'il lui aurait été impossible d'y renoncer.

Ici nous sommes plus que jamais sous le coup de la grande préoccupation générale, le congrès⁵. Le moment est des plus solennels. C'est le *va Banque* de Napoléon vis-à-vis de l'Europe. Il devrait perdre à coup sûr, si la misérable Europe n'était pas ce qu'elle est. — La lettre de l'Emp(ereur) en réponse à la circulaire Napol(éonienne) a été expédiée ces jours-ci⁶. Elle est digne, sincère et pourtant évasive. J'ai appris que *Morny*⁷, qui a pour spécialité d'être le partisan de la Russie, avait écrit ici pour nous conjurer, au nom de notre intérêt, bien entendu, de ne pas nous refuser au Congrès, disant que l'acceptation du Congrès par la Russie était dans les vœux de tous ses véritables amis, comme la non-acceptation était tout l'espoir de ses adversaires. Or ne comprend pas qu'il y ait tant de niaiserie au fond de toute cette rouerie. En attendant on sait que *Budberg* n'a pas été compris dans les invitations de Compiègne⁸. On a pris p(ou)r prétexte à cette omission la *scarlatine*, qui règne dans sa maison.

Mais ceci me ramène à ta santé, à toi. Je n'ai pas besoin de te dire que j'en attends des nouvelles non sans quelqu'impatience. La mienne est à l'avenant de la saison. C'est tout dire. Dieu v(ou)s garde, ma fille.

Перевод:

Петербург. Воскресенье, 10 ноября 1863

Моя милая дочь, только из твоего письма к графине А. Блудовой узнал я, что ты была больна, и хотя в этом письме ты сообщаешь, что теперь тебе лучше, это заверение не очень бы меня успокоило, если бы наш друг *Щебальский*² не посетил меня сегодня утром и не рассказал о твоём здоровье как очевидец. Как все-таки меня печалит и огорчает твоё здоровье, вернее сказать, ваше здоровье³!

КАДРИЛЬ «КОНГРЕСС»

Карикатура неизвестного художника

Подпись: «Император Наполеон: „Прошу вас на танец, мадмуазель“. — Мисс Британия: „Благодарю вас, нет. Я не уверена в фигурах и не знаю финала“»

Сатирический отклик на попытки Наполеона III созвать конгресс европейских держав для пересмотра Венских трактатов 1815 г. и выработки новых международных конвенций

«Punch», 18 ноября 1863 г.

Не одна добрая фея побывала у вашей колыбели, но фея здоровья была, видно, занята где-то в другом месте.

Строки, которые я пишу, возможно, придут в Москву одновременно с Анной⁴. Если вам удастся увидеться, поручаю вам обнять за меня друг друга. Я очень рад, что Анна возвращается. Мне не хватало ее, хотя когда она здесь, общество ее для меня, как правило, редко является реальностью. Это как в истории с человеком, который раз в неделю, кажется, по субботам, привык курить трубку, и уверял, будто эта привычка стала столь неодолимой, что он был бы не в состоянии от нее отказаться.

Здесь мы более чем когда-либо находимся под впечатлением того, что занимает все умы — конгресс⁵. Момент этот — из самых значительных. Это *ва-банк* Наполеона по отношению к Европе. Он наверняка бы проиграл, если бы жалкая Европа не была тем, чем сейчас является. — Письмо гос(ударя) в ответ на напол(еоновский) циркуляр отправлено на днях⁶. Это ответ достойный, искренний и, вместе с тем, уклончивый. Я узнал, что Морни⁷, чья специальность — быть сторонником России, писал сюда, заклиная нас, *разумеется, в наших же интересах*, не отказываться от участия в конгрессе, уверяя, что все подлинные друзья России уповают на ее согласие участвовать в нем, точно так же, как все ее противники надеются на ее несогласие. Трудно представить себе, сколько вздора во всех этих махинациях. Пока же известно, что Будберг не получил приглашения в Компьен⁸. Предлогом для этого послужило то, что у него в семье *скарлатина*.

Но это возвращает меня к разговору о тебе, о твоём здоровье. Нет надобности говорить тебе, что я не без нетерпения жду известий о нем. Мое здоровье находится в соответствии с временем года. Этим все сказано. Да хранит тебя Бог, дочь моя.

¹ Тютчев датировал письмо («10. 9bre») в соответствии с древнеримским календарем, по которому ноябрь — девятый месяц года.

² Петр Карлович *Шебальский* (1810—1886) — историк и публицист; близкий знакомый Сушковых и Тютчевых.

³ Все дочери Тютчева обладали слабым здоровьем, что немало его тревожило.

⁴ В середине ноября 1863 г. А. Ф. Тютчева возвратилась через Москву в Петербург из поездки на юг России.

⁵ 5 ноября / 24 октября 1863 г. Наполеон III предложил созвать конгресс европейских держав (см. п. 4, прим. 3).

⁶ Об ответе России на приглашение участвовать в предполагаемом конгрессе см. в наст. томе: Тютчев — Каткову, п. 2, прим. 4.

⁷ Президент Законодательного корпуса герцог Шарль Морни (1811—1865) был известен своими симпатиями к России, сложившимися в бытность его послом в Петербурге (1856—1857). В русской печати отмечалось, что при напряженности франко-русских отношений, возникшей в 1863 г. (Тютчев — Каткову, п. 2, прим. 4), газета «Nation», орган герцога Морни, «более других расположена к России» (*СПб. вед.*, 1863, № 207, 18/30 сент.).

⁸ На традиционный рождественский праздник в замке Комьен (загородная резиденция Наполеона III) обычно приглашались иностранные послы. Слух о том, что русский посол А. Ф. Будберг на этот раз не получил приглашения (*СПб. вед.*, 1863, № 259, 20 нояб. / 2 дек.), приобретал особое значение ввиду напряженности в отношениях между Францией и Россией; слух этот не оправдался (там же, № 263, 26 нояб. / 8 дек.).

6

St. Pétersbourg. Mercredi, 3 Juin 1864

J'arrive, ma fille chérie, j'arrive, je ne puis encore fixer le jour, mais certainement ce sera dans le courant de la semaine prochaine. D'ici dans 8 jours au plus tard, je compte bien être rendu près de vous ¹. Dis cela à mon frère qui, assurément, ne saurait être plus impatient de me voir, que je ne le suis moi-même.

Hier j'ai embarqué Monsr Jean pour son tour d'Europe. Il a très heureusement subi ses examens et vient de passer dans la 3ème classe, qui correspond aux cours de l'université ². Ce succès m'a fait plaisir, surtout en vue de la joie que cela aura fait à sa mère. J'ai eu hier des nouvelles de Kissingen, et par ricochet aussi de Genève ³. Ce qui m'a fait grand plaisir quant à ces dernières, c'est de voir que Daria s'est fixée à quelque chose de déterminé et de très raisonnable. C'est, d'ailleurs, ce que pour mon compte je lui avait toujours conseillé.

Voilà donc que l'écheveau se dévide peu à peu. Je jouis par anticipation de la jouissance que vous aurez, ma fille chérie, à vous trouver en Suisse, Interlaken et lac de Genève, et j'espère bien qu'il me sera donné d'en être le témoin ⁴. Je tiens infiniment à revoir et à recontempler toutes ces belles choses à travers vos impressions. Il vient un âge où l'on ne jouit que par ricochet, et depuis longtemps j'en suis là... J'attendrai le retour du Prince Gortch(akoff) pour organiser mon départ de telle manière que je puisse au besoin prolonger à discrétion mon absence de Pétersb(ourg), car après tout il n'est pas impossible que ma femme et Marie se trouvent, même malgré elles, dans la nécessité de passer l'hiver hors du pays. Ce serait, assurément, non seulement ce qu'il y aurait de plus agréable, mais aussi de plus raisonnable à faire. Et alors, si cette chance venait à se réaliser, je ferai tout au monde pour décider mon frère à se laisser emmener.

Vous aurez appris, je suppose, le malheur qui a frappé les pauvres Délianoff ⁵. On est toujours étonné de ces contresens, comme si on était dans le secret du sens véritable des choses et des événements.

Au revoir donc, à bientôt, ma fille chérie. Mille tendresses à Grand'maman, qui, j'espère, a cessé de me chercher en Sibérie. Bien des amitiés aussi à la tante et au cher Ник(олай) Васильич.

Toujours à toi.

Перевод:

С.-Петербург. Среда, 3 июня 1864

Я еду к вам, еду, моя милая дочь, не могу еще точно назвать день, когда прибуду, но знаю наверное, что на будущей неделе. Самое позднее через 8 дней я твердо рассчитываю быть у вас ¹. Скажи об этом моему брату; я уверен, он не может ждать нашей встречи с большим нетерпением, чем я.

Вчера я отправил Ваню в путешествие по Европе. Он весьма успешно сдал экзамены и перешел в 3-й класс, что соответствует университетскому курсу ². Успех его доставил мне удовольствие, особенно ввиду той радости, которую он принесет его матери. Вчера я получил известие из Киссингена и, косвенным путем, из Женевы ³. Что касается женевских новостей, то я был особенно рад узнать, что Дарья приняла определенное и очень благоразумное решение. Кстати, это то, что я, со своей стороны, всегда ей советовал.

Итак, клубок моих забот постепенно распутывается. Предвкушаю, как ты будешь наслаждаться, милая дочь, в Швейцарии, в Интерлакене и на Женевском озере, и надеюсь, что ты разделишь со мною это наслаждение ⁴. Мне так хочется вновь пережить встречу с этими красотою, созерцая их твоими глазами. Наступает возраст, когда радуешься только радостям окружающих, и для меня эта пора давно уже наступила...

Я хочу дожидаться возвращения князя Горчакова и устроить свой отъезд так, чтобы в случае надобности я мог бы продлить мое отсутствие и вернуться в Петербург, когда это будет мне удобно, ибо в конце концов не исключено, что моей жене и Мари, даже независимо от их желания, придется провести зиму за границей. Несомненно, это было бы не только самое приятное, но и самое разумное, что они могли бы сделать. И тогда, если бы такая возможность осуществилась, я сделал бы все, чтобы уговорить брата ехать с нами.

Вы, наверное, уже знаете о несчастье, постигшем бедных Деляновых ⁵. Столь бессмысленный удар судьбы всегда вызывает изумление, словно людям ведом истинный смысл вещей и событий.

До свиданья же, до скорого, милая моя дочь. Передай самый сердечный поклон бабушке; надеюсь, она больше не ищет меня в Сибири. Дружески кланяюсь также тетушке и любезному Николаю Васильчу.

Всегда твой.

¹ Тютчев приехал в Москву в середине июня 1864 г. и 5 июля возвратился в Петербург (*Летопись*, с. 159—160).

² Младший сын Тютчева Иван в это время учился в Петербургском училище правоведения.

³ Киссинген — курорт в Баварии. Летом 1864 г. там находились жена Тютчева и его младшая дочь Мария. В Женеве в это время находилась Д. Ф. Тютчева.

⁴ Е. Ф. Тютчева и ее тетка Д. И. Сушкова намеревались ехать в Швейцарию. Собирались за границу и Тютчев, но уехал лишь в начале осени, после смерти Е. А. Денисьевой.

⁵ Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — попечитель Петербургского учебного округа в 1861—1865 гг.; затем — товарищ министра народного просвещения (1866—1872); был женат на Анне Христофоровне Лазаревой (1830—1895). Тютчев имеет в виду смерть их сына.

7

⟨Петербург. Апрель (после 14) 1866⟩

⟨...⟩

Ici on est toujours encore sous le coup de l'attentat du 4 Avril et de ses conséquences probables ¹. L'enquête, au dire de Mouravieff, marche rapidement ². Mais que constatera-t-elle? Un complot, quelque association secrète, quelque trame saisissable et appréciable? Ou bien seulement le fait du détestable esprit qui règne dans de certains milieux? — fait bien grave, assurément et qui pourrait s'aggraver encore par les moyens qu'on pourrait employer pour le combattre.

On a été généralement satisfait de la nomination du Cte Tolstoy ³. Mais en égard à l'immensité de la tâche et à la diversité d'aptitudes qu'elle suppose — on voudrait le voir renforcé et comme doublé par quelque capacité hors ligne. Et à cette occasion beaucoup de personnes tournent les yeux vers Самарин... Ce serait là une bien précieuse acquisition ⁴.

L'affaire Katkoff est toujours brûlante ⁵. L'immense majorité lui est acquise. Personne ne veut admettre la possibilité de voir son journal cesser... Mais aussi ses meilleurs amis, et je suis assurément du nombre, déplorent l'emportement de ce bouillant Achille, qui pour faire pièce à Agamemnon Valoujeff est tout disposé à sacrifier les grecs ⁶... Voilà un souvenir classique qu'il serait fort à propos de lui rappeler, fût-ce même à titre d'avertissement.

Au revoir à bientôt, ma fille, j'embrasse tout le monde.

Перевод:

<...>

Здесь все умы по-прежнему заняты покушением, совершенным 4 апреля, и его возможными последствиями¹. Следствие, по словам Муравьева, идет быстро². Но что оно обнаружит? Заговор, какое-то тайное общество, которому надлежит дать оценку и которое следует запретить? Или всего лишь проявление отвратительного духа, царящего в некоторых кругах? — явление, безусловно, весьма опасное, и при этом средства, которые можно было бы употребить для борьбы с ним, могут еще более усугубить его.

Назначение графа Толстого большинством было воспринято с удовлетворением³. Но ввиду необъятности задачи и многообразия способностей, необходимых для того, чтобы с ней справиться, хотелось бы, чтобы его возможности были подкреплены и как бы удвоены выдающимися способностями какой-нибудь другой личности. В связи с этим многие обращают взоры к Самарину... Для этой цели он был бы очень ценным приобретением⁴.

Дело Каткова по-прежнему вызывает жгучий интерес⁵. За него громадное большинство. Никто не хочет допустить мысль, что его газета прекратит существование... Но именно поэтому лучших его друзей, и, конечно, меня в том числе, огорчает горячность этого пылкого Ахилла, который ради победы над Агамемноном-Валуевым способен пожертвовать греками...⁶ Вот классический пример, о котором было бы очень кстати ему напомнить, хотя бы в виде предостережения.

До скорого свидания, дочь моя, обнимаю всех.

Начало письма утрачено.

Датируется по содержанию (см. прим. 1—4).

¹ Речь идет о покушении Каракозова на Александра II (4 апр. 1866 г.).

² О назначении генерал-губернатора Северо-Западного края М. Н. Муравьева председателем Верховной комиссии по делу Каракозова см. в наст. томе: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 6, прим. 1.

³ 14 апреля 1866 г. гр. Д. А. Толстой был назначен министром народного просвещения. Об отношении Тютчева к этому назначению см. там же, п. 7.

⁴ Эти предположения не оправдались — Ю. Ф. Самарин не был привлечен к работе в Министерстве народного просвещения.

⁵ Отказ Каткова напечатать объявленное «Московским ведомостям» предостережение мог повлечь запрещенные газеты (см. об этом в наст. томе: Т ю т ч е в — Г е о р г и е в с к о м у, п. 13—15). Такая угроза была высказана в заявлении Главного управления по делам печати, опубликованном в связи с «делом» Каткова («Северная почта», 1866, № 78, 14 апр.).

⁶ То есть пожертвовать существованием «Московских ведомостей».

8

<Petersbourg.>Vendredi, 25 N(ovem)bre 1866

Hier le télégraphe avait dû te porter, ma bonne et chère Kitty, mes félicitations et mes vœux¹, mais on n'a renvoyé ma dépêche en me faisant dire que le télégraphe ne fonctionnait plus. Il paraît qu'il a attendu le jour de la Ste Catherine pour jouer cette niche au public. — Eh bien, sauf le retard, j'aime mieux me servir de la voie ordinaire, pour te dire, d'une manière moins lapidaire, tout ce que j'ai au fond du coeur de tendre affection, de sérieuse estime et de profonde sympathie pour vous, ma fille chérie. Tout ce que tu me dis dans ta dernière lettre de la force vivifiante que l'âme puise dans une résignation volontaire, est certainement bien vrai, et cependant, te l'avouerai-je, moi, pour ma part, je ne saurais me résigner à ta résignation et tout en admirant la belle pensée de Joukofsky, qui a dit quelque part: «Есть в жизни много прекрасного и кроме счастья»², je ne cesse de faire des vœux pour toi dans le sens d'un bonheur qui exige moins d'efforts...

Et cependant j'ai là, sous les yeux, l'exemple de la pauvre Daria qui prêche bien haut, par le contraste, l'action salutaire de la résignation spontanée. Ce contraste, d'ailleurs, m'a souvent frappé et ce n'est d'ordinaire que dans les oeuvres de fiction qu'on en trouve d'aussi marqués.

Ici on est encore sous le coup de la catastrophe le *Milioutine*³. Il paraît que la vie sera sauvée, mais que l'homme est perdu, l'homme public au moins, et c'est

ТЮТЧЕВ

Фотография А. Штернберга. Петербург, 1860
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

une bien grande perte, surtout dans le moment actuel. Je ne sais ce que va sans lui devenir la question polonaise, cette question de vie et de mort pour la Russie, grâce aux influences qui vont se donner carrière maintenant. La pierre de Sysiphe⁴ va de nouveau *redégringoler*, et plaise à Dieu qu'elle ne finisse par nous écraser. Tchérkassky⁵ est arrivé ici, je ne l'ai pas encore vu...

Mes plus tendres amitiés aux Aksakoff, mari et femme, auxquels j'aurais bien des choses à dire, s'il ne fallait pas les écrire.— Que Dieu leur soit en aide pour mener à bien tout ce qu'ils attendent de l'avenir et qu'un double succès vienne couronner leurs efforts⁶.

Dis à mon frère que je compte toujours passer les fêtes à Moscou. Au revoir donc, à bientôt ma fille chérie et que le Ciel v(ou)s protège.

Перевод:

(Петербург.) Пятница, 25 н(ояб)ря 1866

Вчера телеграф должен был принести тебе, моя милая, славная Китти, мои поздравления и пожелания¹, но телеграмму мне вернули, сказав, что телеграф не действует. Он словно

ждал дня св. Екатерины, чтобы сыграть с людьми эту злую шутку. — И вот, несмотря на то, что поздравление теперь опоздает, я предпочитаю воспользоваться обычным путем, чтобы выразить в менее сжатой форме всю заключенную в моем сердце нежную привязанность, все мое безграничное уважение, всю глубокую к тебе симпатию, милая моя дочь. Все, что ты мне говоришь в последнем письме о животельной силе, которую черпает душа в смирении, идущем от разума, конечно, весьма справедливо, но что до меня, то признаюсь тебе, я не в силах смириться с твоим смирением и, вполне восхищаясь прекрасной мыслью Жуковского, который где-то сказал: «Есть в жизни много прекрасного и кроме счастья»², — я не перестаю желать для тебя счастья, которое требовало бы от тебя меньших усилий...

А между тем у меня перед глазами пример бедной Дарьи, которая, в отличие от тебя, во всеуслышание проповедует спасительную силу смирения, идущего от потребности натуры. Этот контраст меня, кстати, часто поражал, ведь обычно только в романах он бывает так ярко выражен.

Здесь все еще находятся под впечатлением несчастья, постигшего Милютину³. Жизнь ему, как-будто, спасут, но как личность, по крайней мере как общественный деятель, он погиб, а это большая потеря, особенно в данный момент. Не знаю, как будет без него решаться польский вопрос, этот жизненно важный для России вопрос, ведь теперь различные силы начнут проявлять себя. Сизифов камень⁴ может снова *покатиться вниз*, и дай только Бог, чтобы он в конце концов не раздавил нас. Сюда приехал Черкасский⁵, я его еще не видел...

Передай мои сердечные приветствия Аксаковым, мужу и жене, я многое мог бы им сказать, если бы не приходилось это делать письменно. Да поможет им Бог довести до благополучного конца все, что они задумали на будущее, да венчает успех их общие усилия⁶.

Передай моему брату, что я по-прежнему намереваюсь провести праздники в Москве. До свиданья же, до скорого, моя милая дочь, да хранит тебя Бог.

В автографе описка в дате письма: «Moscou» («Москва»). В ноябре 1866 г. Тютчев находился в Петербурге.

¹ 24 ноября — день имени Е. Ф. Тютчевой.

² Эту мысль Жуковский высказал в стихотворении «Теон и Эхсия».

³ Николай Алексеевич Милютин (1818—1872) — государственный деятель, активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., в 1863—1866 гг. — статс-секретарь по делам Царства Польского, возглавил проведение крестьянской реформы в Польше (1864) и ряд других либеральных преобразований. Удар, перенесенный им 21 ноября 1866 г., повлек за собой выход Милютина в отставку.

⁴ Согласно древнегреческому мифу, сын бога Эола Сизиф был осужден в загробной жизни вечно вкатывать на гору громадный камень, который срывался вниз, едва Сизиф приближался с ним к вершине («Одиссея», XI, 593—600).

⁵ Кн. Владимир Александрович Черкасский (1824—1878) — государственный деятель, публицист славянофильского направления. С 1840-х годов выступал за освобождение крестьян; участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г.; один из ближайших сотрудников Н. А. Милютина в проведении крестьянской реформы в Царстве Польском. Предполагалось, что Черкасский заменит заболевшего Милютина, поэтому его незамедлительно вызвали из Варшавы в Петербург (Никитенко, т. 3, с. 58), однако Черкасский предпочел выйти в отставку.

⁶ Имеется в виду предпринятое И. С. Аксаковым издание газеты «Москва» (см. в наст. томе: Тютчев — Аксаковым, п. 9, прим. 1 и п. 11, прим. 1).

Ma fille chérie, je suis touché plus que je ne puis le dire de votre pieuse indulgence pour moi, qui la mérite si peu. C'est dans une de mes excursions aux environs de Pétersb(ourg), à Старая Русса, nommément — où je suis allé, je ne sais comment¹ — que j'ai reçu ta dernière lettre, toute embaumée de calme et de fraîcheur, et à laquelle je réponds en ce moment du fond d'un étouffoir. Cela nous fait un dialogue dans le genre de celui, cité par l'Évangile, entre le juste, qui est au sein d'Abraham, et le mauvais riche, qui, au fin fond de la géhenne lui demande piteusement une goutte d'eau². Moi, c'est un souffle d'air frais que je demande dans ce milieu où l'on suffoque non seulement de la chaleur étouffée de la ville, mais aussi de la fumée de l'incendie qui, à plusieurs verstes à la ronde, enveloppe tout Pétersb(ourg), grâce à la tourbe qui brûle et qu'on laisse brûler le plus tranquil-

lement³... On nous dit que plus tard cela fera de l'excellente terre. Eh bien, souffrons dans l'intérêt de l'avenir. — Pas moins, cette lettre écrite, je compte aller trouver Paul Melnikoff, pour prendre avec lui mes derniers arrangements, quant à mon départ pour Moscou, où il viendra me prendre, pour m'emmener avec lui jusqu'à Orel par le chemin de fer, ce qui, assurément, est la seule chance que j'aie d'arriver jamais jusqu'à Ovstoug⁴, d'où je ne reviendrai qu'au mois d'Août, c'est-à-dire à l'époque (...)

Перевод:

Петербург. 6 июля (1868)

Моя милая дочь, я несказанно тронут твоей почтительной снисходительностью по отношению ко мне, столь мало этого заслуживающему. Во время моих странствий в окрестностях Петербурга, а именно в Старой Руссе, куда я попал сам не знаю как¹, я получил твое последнее письмо, проникнутое покоем и свежестью, а сейчас отвечаю на него из самого пекла. Это напоминает приведенный в Евангелии диалог между праведником, пребывающим на лоне Авраамовом, и грешным богачом, который из самой глубины геенны жалобно просит у него каплю воды². Я же прошу одного дуновения свежего воздуха; здесь задыхаешься не только от душливой городской жары, но также и от дыма, которым окутан Петербург; его источают горящие вокруг, в нескольких верстах от города, торфяные болота, коим предоставляют гореть, ничуть не заботясь о прекращении пожара³... Нам говорят, что впоследствии на этом месте будет прекрасная земля. Итак, потерпим ради будущего. — Тем не менее я намерен, закончив это письмо, отправиться к Павлу Мельникову, чтобы окончательно условиться с ним насчет моего отъезда в Москву, куда он заедет, чтобы взять меня с собой и довести до Орла по железной дороге, что является для меня, конечно, единственной возможностью когда-либо добраться до Овстуга⁴, откуда я вернусь лишь в августе месяце, то есть ко времени (...)

Конец письма утрачен.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3—4).

¹ Конец июня 1868 г. Тютчев провел в Старой Руссе по рекомендации врачей (см. его письмо к жене от 26 июня 1868 г. — *СН*, кн. 22, с. 234—235). Впечатления от этой поездки см. в наст. томе: Тютчев — Аксаковым, п. 48.

² Евангелие от Луки, XVI, 24 (притча о богаче и нищем Лазаре).

³ См. стихотворение «Пожары» (написано 16 июля 1868 г., опубликовано в газете «Русский», 1868, № 16, 19 июля).

⁴ 19 июля 1868 г. Тютчев писал жене, что рассчитывает на содействие министра путей сообщения П. П. Мельникова, который даст ему возможность проехать от Орла до Брянска по только что открытой железной дороге Орел — Витебск: «Мне интересно посмотреть, насколько присутствие железной дороги изменит впечатление полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях» (*СН*, кн. 22, с. 236).

Ma fille chérie, ma lettre d'aujourd'hui n'est qu'un billet d'accompagnement destiné à acheminer une lettre que j'ai reçue hier de ma femme et qu'elle me recommande de te faire venir. Elle ne t'apprendra rien de nouveau, si ce n'est sa résolution de plus en plus arrêtée d'éviter Moscou, et les Путья как ты пenses bien, sont pour beaucoup dans cette détermination¹. L'appréhension d'une scène de famille au passage la rend tout à fait féroce, comme tu le verras par sa lettre.

Mille amitiés à Anna à laquelle j'écrirai prochainement. Certes, personne n'est plus pénétré que moi de la vérité de tout ce qu'elle me dit au sujet de son mari. C'est bien ainsi que je l'ai toujours compris et considéré. C'est une de ces natures à tel point saine et entière, qu'elle fait l'effet d'une anomalie par le temps qui court. — Les Anciens avaient une image ingénieuse pour caractériser ces natures fortes et douces en les comparant à un chêne à l'intérieur duquel les abeilles seraient venues déposer leurs rayons de miel.

J'espère toujours qu'Aksakoff donnera suite, et sans trop tarder, à cette série d'articles qu'il se proposait d'écrire sur la question du Concile, à laquelle se laisserait si bien rattacher tout un monde de questions toutes palpitantes d'actualité². Mais il faudrait maintenir autant que faire se pourra, à ce qu'il écrira à ce sujet, les allures et le ton de la polémique quotidiennes.

Hier, ayant appris que la censure ecclésiastique avait frappé d'interdiction le 2 vol. de Хомяков, j'ai aussitôt écrit au Comte Tolstoy pour protester contre un pareil scandale et il m'a aussitôt répondu qu'il avait ignoré une pareille décision et qu'il s'emploierait à la faire révoquer³. Dieu le veuille.

Le livre de Samarine est toujours encore à l'ordre du jour. Il ne se passe presque pas de jour que je ne signe une centaine de permis⁴.

Bonjour, ma fille chérie, à une autre fois.

Т. Т.

Перевод:

Петербург.) Пятница, 8 в(оя)бря (1868)

Моя милая дочь, сегодняшнее мое письмо — всего лишь сопроводительная записка к письму, которое я вчера получил от жены и которое она поручает мне переправить тебе. Из него ты не узнаешь ничего нового, разве только о ее все более и более утверждающемся намерении миновать Москву, и как ты понимаешь, к этому решению она склоняется главным образом из-за Путья¹. Мысль о предстоящей там сцене семейного согласия приводит ее в совершенную ярость, как ты это увидишь из ее письма.

Передай мои сердечные приветствия Анне, в ближайшее время я напишу ей. Конечно, вряд ли кто-нибудь убежден более, чем я, в справедливости всего, что она говорит о своем муже. Именно таким я его всегда и считал. Это натура до такой степени здоровая и цельная, что в наше время она кажется отклонением от нормы. — У древних был очень меткий образ для характеристики таких сильных и в то же время мягких натур — они сравнивали их с дубом, в дупле которого пчелы оставили свои медовые соты.

Я все еще надеюсь, что Аксаков продолжит, и не слишком откладывая, серию статей, которую он намеревался писать о Соборе, — с этим вопросом можно было бы так хорошо связать множество других самых животрепещущих вопросов². Однако следовало бы, насколько это возможно, сохранить во всем, что он будет писать на эту тему, обычные для его полемик тон и манеру.

Вчера, узнав, что духовная цензура запретила 2-й том Хомякова, я тотчас написал графу Толстому, возражая против подобного скандала, и он мне сразу же ответил, что ничего не знает об этом решении и примет меры к его отмене³. Да будет на то воля Божья.

Книга Самарина по-прежнему занимает все умы. Не проходит дня, чтобы я не подписывал около сотни разрешений⁴.

Прости, милая дочь моя, до другого раза.

Ф. Т.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 5).

¹ В письме от 30 сент. 1868 г. И. Ф. Тютчев просил у родителей благословения на брак с Ольгой Николаевной Путья, дочерью литератора Н. В. Путьяты (*Собр. Пугарева*). Предполагаемая женитьба сына вызвала крайнее недовольство Э. Ф. Тютчевой, поэтому она намеревалась по возвращении из Овстуга в Петербург миновать Москву, чтобы избежать встречи с невестой сына и ее родителями. Свадьба состоялась 27 апреля 1869 г. Впоследствии между Э. Ф. Тютчевой и семьей Путьяты установились близкие родственные отношения.

² О предстоявшем открытии Ватиканского собора и предполагаемом цикле статей И. С. Аксакова по этому поводу см. в наст. томе: Тютчев — Аксаковым, п. 51, прим. 7 и 8.

³ Как председатель Комитета иностранной цензуры Тютчев заявил обер-прокурору Синода гр. Д. А. Толстому протест против запрещения, наложенного духовной цензурой на продажу изданного в Праге второго тома «Полного собрания сочинений» А. С. Хомякова («Сочинения богословские»). Об этом издании и об отношении к нему Тютчева см. в наст. томе: Тютчев — Самарину, п. 1, прим. 7; Тютчев — Аксаковым, п. 47, прим. 2.

⁴ Речь идет об издании Ю. Ф. Самарина «Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие». Вып. I—II. Прага. 1868 (см. о нем в наст. томе: Тютчев — Са-

марину, п. 2, прим. 2; Тютчев — Аксаковым, п. 49, прим. 4; п. 51, прим. 1; п. 52, прим. 1). В качестве председателя Комитета иностранной цензуры Тютчев выдавал разрешения на приобретение этого издания.

11

Пétersbourg. Ce Lundi, 23 Juin (1869)

Ma fille chérie, j'ai reçu hier votre lettre datée d'Iliïnskoe ¹ et je ne vous dissimule pas qu'elle m'a fait grand plaisir. J'aime les faveurs et les grandeurs pour les miens et j'en jouis par ricochet plus, assurément, que je ne l'eusse fait par voie directe. — Mais ce qui m'a fait tout particulièrement plaisir, c'est ce que tu me dis au sujet de Daria. Voilà, au moins, une rentrée convenable. — J'ai trouvé hier ta lettre à mon retour de Péterhoff, où j'étais allé voir les Wiasemsky ², qui par un excès de discrétion sont allés s'y établir de préférence à Царское. A ma connaissance, le Prince compte se rendre à Iliïnskoe le 1er ou le deux Juillet et il ne demanderait pas mieux, je pense, que de continuer le voyage ³. — En voilà un qui aime et recherche les honneurs autrement que par procuration. Pauvre cher homme.

Moi aussi je vais m'en aller d'ici dans quelques jours. Ma femme me presse d'arriver. Elle prétend avoir besoin de ma présence pour *édulcorer* la réception qui sera faite à la nouvelle bellefille ⁴. Il est certain que je ne comprends guère ce manque absolu de facilité dans les rapports de la vie et que cela me choque toujours.

Il paraît que l'état de Birileff a beaucoup empiré en dernier lieu et qu'il y a lieu de prévoir une catastrophe prochaine ⁵. Je supprime les réflexions... Mais je ne puis m'empêcher d'en faire une à part moi. C'est que ce triste événement, si en effet il était si prochain, compromettrait nécessairement la course que je me propose de faire à Kieff, ou m'obligerait de la faire à moi tout seul, ce qui pourrait bien m'y faire renoncer ⁶. Si l'arrivée de Daria en Crimée n'était pas ajournée au mois de Sept(embre), j'aurais certainement poussé jusque-là pour aller l'embrasser... Et certes ma joie paternelle, en la revoyant en Tauride, n'aurait pas cédé à celle d'Oreste retrouvant sa soeur Iphigénie ⁷.

Et les Aksakoff, que font-ils et quand reviennent-ils ⁸. Il est vraiment difficile d'avoir une famille plus dispersée que la mienne.

Bonjour, ma fille, j'aimerais bien dire: au revoir à bientôt, mais ce ne sera guère qu'à mon repassage par Moscou. Mille tendresses à mon frère et mes compliments de condoléance à ta tante qui va te perdre. ⁹

D'ici à mon départ je vais passer quelques jours à Czarskoé, attendu que tout ce que j'ai de connaissances est en grande partie réunie là. Je vais y retrouver aussi votre double souvenir, comme je l'ai retrouvé hier à Péterhoff. — Au fond ce Péterhoff tant honni, en été n'en est pas moins, avec ses allées largement déployées dans cette saison, quand saison (il) y a, est un des plus charmants séjours qui se puisse imaginer. Cela va faire crier, mais je maintiens mon paradoxe...

Перевод:

Петербург. Понедельник, 23 июня (1869)

Моя милая дочь, получил твое письмо, помеченное Ильинским ¹, и не скрою, оно доставило мне большое удовольствие. Мне приятно, когда моим близким оказывают милости и почести; я наслаждаюсь ими со стороны, и, конечно же, гораздо больше, чем когда их оказывают мне самому. — Однако особое удовольствие доставило мне твое сообщение о Дарье. Как бы то ни было, на этот раз она вернулась в неплохом состоянии. — Письмо твое я обнаружил вчера, вернувшись из Петергофа, куда ездил повидаться с Вяземскими ², которые из чрезвычайной деликатности предпочли обосноваться там, а не в Царском. Насколько мне известно, 1-го или 2-го июля князь рассчитывает отправиться в Ильинское и, думаю, был бы не прочь продолжить путешествие ³. — Уж он-то из тех, кто любит почести и домогается их для себя сам, никому этого не передоверяя. Бедняга!

Через несколько дней я тоже уезжаю отсюда. Жена торопит меня с приездом. Она считает, что мое присутствие ей необходимо, чтобы *придать непринужденность* приему молодой

ДОРОГА НА ПЕТЕРГОФ

Литография К. Бегрова по рисунку С. Шифляра и К. Сабата, сер. 1820-х гг.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

вестки ⁴. Эта полная неспособность свободно чувствовать себя в различных жизненных ситуациях мне совершенно непонятна и каждый раз неприятно меня поражает.

Состояние Бирлева в последнее время как-будто сильно ухудшилось, и весьма вероятно, что в ближайшие дни произойдет непоправимое ⁵. Я гоню от себя мысли об этом... Тем не менее невольно возникает одно соображение, касающееся меня самого. Это то, что печальное событие, если оно действительно так скоро должно произойти, неизбежно помешает моей поездке в Киев или приведет к тому, что я буду вынужден ехать один, а это, вполне вероятно, может заставить меня от нее отказаться ⁶. Если бы приезд Дарьи в Крым не был отложен до сентября, я непременно добрался бы и до Крыма, чтобы обнять ее... И уж конечно, увидев ее в Тавриде, я испытал бы отеческую радость не меньшую, чем Орест, нашедший свою сестру Ифигению ⁷.

А что поделывают Аксаковы и когда они возвращаются? ⁸ Действительно, трудно найти семью, более разбросанную по свету, чем моя.

До свиданья, дочь моя, хотелось бы сказать: «до скорого свидания», но ведь оно состоится только на моем обратном пути через Москву. Передай от меня тысячу дружеских приветствий моему брату, а также мои соболезнования твоей тетушке, ведь ей вскоре предстоит расстаться с тобой ⁹.

Несколько дней, остающихся у меня до отъезда, я проведу в Царском, поскольку там сейчас находятся почти все мои знакомые. Буду там вспоминать о вас обоих, как вспоминал вчера в Петергофе. — Петергоф обычно бранят, но летом, при хорошей погоде, когда аллеи его так тенисты, он все-таки представляет собой один из самых очаровательных уголков, какой только можно себе вообразить. Это утверждение может вызвать возгласы возмущения, но я настаиваю на справедливости своего парадокса...

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1—7).

¹ Летом 1869 г. императрица Мария Александровна жила в своем подмосковном имении Ильинское. Е. Ф. Тютчева была приглашена туда и провела там вторую половину июня.

² Поэт Петр Андреевич *Вяземский* (1792—1878) и его жена Вера Федоровна (рожд. княж. Гагарина; 1790—1886).

³ Намерение П. А. Вяземского сопровождать императрицу в ее путешествии в Крым не осуществилось (см. в наст. томе: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 62).

⁴ Об отношении Э. Ф. Тютчевой к женитьбе сына см. п. 10, прим. 1.

⁵ Николай Алексеевич *Бирилев* (1823—1882) — муж Марии Федоровны, младшей дочери поэта, — был контужен во время Крымской войны. Следствием контузии явилась тяжелая форма падучей болезни, приступы которой приводили его в состояние полной прострации. В начале лета 1869 г. состояние его резко ухудшилось, и врачи не ручались за его жизнь. Со временем болезнь перешла в неизлечимое сумасшествие.

⁶ Летом 1869 г. Тютчев задумал совершить вместе с женой «паломничество в Киев» (СН, кн. 22, с. 242), однако из-за болезни зятя вынужден был ехать один. Свои впечатления от этой поездки он описал в письме к жене 4 августа (там же, с. 244), а 12 августа — в письмах к А. Н. Майкову и М. Н. Похвисневу (Соч. 1980, т. 2, с. 237—239). О причинах, по которым Тютчев стремился повидать Киев и Южную Россию, см. в наст. томе: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 61.

⁷ Герой трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде».

⁸ И. С. и А. Ф. Аксаковы находились в это время в своем симбирском имении (см. в наст. томе: Т ю т ч е в — А к с а к о в ы м, п. 61).

⁹ Июль и часть августа 1869 г. Е. Ф. Тютчева провела в своем имении Новое.

12

Pétersbourg. Ce 5 Décembre (1870)

Je vous écris, ma fille chérie, sous l'invocation exclusive de St. Nicolas *le thaumaturge* (comme disait Mad(ame) Léontieff¹), en vous priant, ma fille, de saluer de ma part et bien tendrement, ses deux représentants inégalement convaincus²... Si cette lettre n'arrive pas assez à temps pour être du dîner, elle sera au moins du *raout*, où elle aura le mérite incontestable de prendre peu de place... Hier j'ai eu, par ricochet, des nouvelles d'Anna. L'excellente Antoinette³, que je suis allé voir avec ma femme, nous a lu la lettre d'Anna qu'elle venait de recevoir et qui est vraiment très spirituelle, très drôle et très vraie. C'est au sujet de la fameuse adresse⁴. Et l'Impératrice la lira avec plaisir et profit. Eh, mon Dieu, oui, essayer des manifestations politiques en Russie, c'est battre du briquet contre un morceau de savon. Mais il y a quelque chose de plus ridicule encore que de pareilles tentatives, c'est la terreur qu'elles inspirent. Il faudrait comprendre une bonne fois, qu'il n'y a de sérieux en Russie que la Russie elle-même.

Mais revenons à toi. J'ai cru m'apercevoir à certains accents de vos dernières lettres, qu'indépendamment de l'état de ta santé peu satisfaisant, tu as eu quelques motifs de préoccupation ou au moins d'impressions chagrines. Je n'insiste pas pour le savoir, car de pareilles confidences, faites à distance surtout, ne soulagent pas et ne servent à rien... Mais en répondant en thèse générale à ce qui m'a plus particulièrement frappé dans ta lettre, je te dirai que l'humilité dont tu me parles, qui est un magnifique sentiment chrétien et tout à fait de mise devant Dieu — est assez difficile à maintenir dans nos rapports avec nos semblables, et cela non par orgueil individuel, — mille fois non, mais bien par le vif sentiment de cette communauté d'imperfection et de misère qui est notre fond à tous. Je conçois qu'on n'ait pas la folle idée de se croire meilleur que les autres, mais il est bien difficile de se persuader sérieusement qu'on est pire. — Quant à de certains désappointements que nous font éprouver quelquefois nos semblables par un manque d'appréciation de ce que nous valons et de ce que nous sommes — souvent même de la valeur de nos sentiments pour eux — ceci, je le reconnais, est très dur, très pénible, et même l'évidence de leur injustice à notre égard ne suffit pas pour nous en consoler. La plupart du temps, il est vrai, cette injustice même tient à un malentendu, mais, hélas, le malentendu est souvent la plus redoutable et la plus invincible des fatalités.

Tu comprends, ma fille chérie, combien au lieu de ces vagues généralités, j'aurais mieux aimé dans l'intimité d'un tête-à-tête, t'entendre parler à coeur ouvert de tout ce qui te froisse et te peine... Ceci m'est une grande privation, tu n'en doutes pas, n'est-ce pas.

A toi de coeur.

Перевод:

Петербург. 5 декабря (1870)

Пишу тебе, милая моя дочь, вверив себя высокому покровительству св. Николая *le thaumaturge** (как его называла г-жа Леонтьева¹), и прошу кланяться от меня, и весьма сердечно, двум не в равной мере убежденным его представителям²... Если это письмо не успеет прийти к обеду, оно, по крайней мере, попадет на *раут* и будет оценено уже за то неоспоримое достоинство, что займет там мало места... Вчера я косвенным путем узнал новости об Анне. Любезнейшая Антуанетта³, которую мы с женой навестили, прочла нам письмо, только что полученное ею от Анны, письмо действительно очень остроумное, очень забавное и очень искреннее. Это по поводу пресловутого адреса⁴. Императрица прочтет его с удовольствием и с пользой для себя. Господи, действительно, устраивать политические выступления в России это все равно, что пытаться высечь огонь из куска мыла. Но есть нечто еще более нелепое, чем подобные попытки, это ужас, который они внушают. Пора бы наконец понять, что в России всерьез можно принимать только самое Россию.

Но вернемся к тебе. Мне показалось по тону твоих последних писем, что, независимо от неважного твоего самочувствия, у тебя были какие-то иные причины для беспокойства или, по крайней мере, для грустного настроения. Я не настаиваю, чтобы ты мне сказала, что с тобой, ибо подобные признания, да еще когда их приходится делать на расстоянии, не облегчают душу и ни к чему не приводят... Но, отвечая вообще говоря на то, что более всего поразило меня в твоём письме, должен сказать, что смирение, о котором ты говоришь, — высокое христианское чувство, приличествующее по отношению к Богу, очень трудно соблюдать во взаимоотношениях с себе подобными — и не из чувства собственной гордости, — нет, разумеется, нет, — а потому, что прекрасно сознаешь, сколь несовершенным и убогим творением является, в сущности, каждый из нас. Допускаю, что не всякий доходит до того, чтобы считать себя лучше других; однако очень трудно всерьез убедить себя, что ты хуже, чем другие. — Что же до огорчений и разочарований, которые мы иной раз испытываем по вине себе подобных из-за того, что они не в состоянии оценить, чего мы стоим и чем мы являемся, — а подчас даже и как мы к ним относимся, — ощущать все это, конечно, очень горько, очень тяжело, и даже то соображение, что к нам явно несправедливы, не может нас утешить. Правда; чаще всего несправедливое к нам отношение является следствием недоразумения, но, увы, недоразумение часто оказывается самой опасной и самой неотвратимой неизбежностью.

Надеюсь, ты понимаешь, милая моя дочь, как бы мне хотелось вместо того, чтобы рассуждать об этом вообще, как бы мне хотелось очутиться с тобой в уютной обстановке с глазу на глаз и дать тебе возможность откровенно высказаться обо всем, что тебя мучит и огорчает... Очень горюю, что лишен этой возможности, надеюсь, ты в этом не сомневалась.

Всем сердцем твой.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 4).

¹ Мария Павловна *Леонтьева* (рожд. Шипова; 1791—1874) — начальница Смольного института.

² Тютчев просит поздравить с днем имении Н. В. Сушкова и Н. И. Тютчева (6 декабря в православном календаре — день св. Николая-чудотворца). Называя их «не в равной мере убежденными», он намекает на религиозность первого и на равнодушие к вопросам религии второго.

³ Антуанетта — гр. А. Д. Блудова.

⁴ Адрес, поданный Александру II от имени Московской городской думы. Приветствуя декларацию 19 октября 1870 г. о расторжении статей Парижского трактата 1856 г., ограничивавших права России на Черное море, адрес высказывал пожелания, чтобы правительство довело свои «благие намерения», даровав «простор мнению и печатному слову», а также провозгласив «свободу церковную» и свободу совести. Адрес был скреплен подписями ста десяти гласных Московской городской думы и 18 ноября отправлен в Петербург, но не был принят, так как в нем были устремлены «стремления конституционные и революционные».

* чудотворца (франц.).

Пétersbourg. Ce 31 Déc(embre 1870

Je ne veux pas laisser s'achever cette terrible année¹ sans t'écrire, ma chère) Kitty, sans répondre à ta lettre qui répond si bien à toutes mes pensées... Il en est des blessures morales comme des blessures physiques, ce n'est pas dans le moment qu'on les reçoit qu'on s'en ressent le plus — c'est plus tard, c'est après coup. Il faut que la vie ait repris son assiette, pour que le vide reparaisse.

Pour moi, chaque fois que ma pensée se transporte, il faut que je la heurte aux dernières impressions que j'y ai reçues, pour l'empêcher d'aller le chercher là où je le rencontrais et où jamais je ne le rencontrerai plus. Mais ce mot *jamais* na plus de sens pour moi. Ce n'est plus un avenir. C'est un délai de quelques jours, de peu de jours, après tout. Et voilà pourquoi je pense, je trouve brisé dans mon être ce sentiment de révolte contre la mort, que l'homme n'éprouve bien qu'une fois dans sa vie.

Dans toutes les pertes qui suivent celle-là, quelques rudes qu'elles puissent être, il n'y a plus rien d'imprévu, rien d'absolument inconnu. Il n'y a qu'une image qui, chaque fois qu'elle me revient, m'est de plus en plus odieuse et horrible. C'est quand je le revois tombé, dans ce local du club qui m'est si bien connu, lui, si débile et si craintif, lui qui a toujours eu l'appréhension de cette chute, gisant à terre, meurtri, frappé à mort, et demandant qu'on le relève...

Voilà bien trois ou quatre jours que je garde la chambre, grâce à un accès de douleurs névralgiques ou rhumatismales aux pieds, et qui cette fois est venu plus tôt que d'habitude. Les souffrances ne sont pas bien fortes, surtout comparativement à ce que toi, tu as souffert, en dernier lieu, mais cela dérange toutes mes habitudes, et par là aussi toutes les conditions de mon existence physique, déjà suffisamment détériorée. Mais ce sont là des inconvénients naturels de l'âge et il serait ridicule de s'en plaindre.

— Adieu, ma fille chérie, embrasse ta tante et que Dieu te la conserve le plus longtemps possible.

A toi de coeur

t o n P è r e

P. S. Voici, ma fille, quelques rimes que je n'ai communiqué à personne et qui ne sont que pour toi. Elles me sont venues dans cet état de demi-sommeil, la nuit de mon retour de Moscou²—

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел — куда мы все идем,—
И я теперь, на голой вышине,
Стою один, — и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь,— смотря в ночную тьму
И — что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Все будет то ж — и вьюга так же вить,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены — утрат не перечешь,—
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

Ф. Т.

P. S. Вот, дочь моя, несколько строк, которые я никому не показывал; они — для тебя одной. Они сложились у меня в состоянии полусна, в ночь моего возвращения из Москвы ² см. выше при франц. тексте.— *Ред.*)

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1).

¹ 11 июля 1870 г. в Петербурге умер сын Тютчева Дмитрий; 8 декабря скоропостижно скончался в Москве, в помещении Английского клуба его брат Н. И. Тютчев.

² Стихотворение написано 11 декабря 1870 г. по пути из Москвы, куда Тютчев ездил на похороны брата. Опубликовано: *Аксаков 1874*, стлб. 380—381.

14

Pétersbourg. Ce 22 S(e)pt(em)bre (1871)

Par suite de la communication qui t'aura été faite par Anna de ma dernière lettre, je t'envoie maintenant, ma bonne et chère Kitty, celle que je viens de recevoir de Jean à propos des bruits qui m'étaient parvenus au sujet de Mamajeff et de sa gestion ¹. La lettre de Jean, comme tu verras, est des plus rassurantes. Or, comme je ne demande qu'à être rassuré et que, d'ailleurs, j'ai une grande sympathie pour ledit personnage, j'accepte de confiance tous les témoignages en sa faveur et désire qu'il ne soit plus question de toute cette affaire, ni de près, ni de loin.

Encore un détail d'affaire, et j'ai fini. Anna t'a-t-elle remis la procuration que j'ai envoyée à l'adresse de Miloutine ², et cela suffit-il pour se faire délivrer le document réclamé. Dès qu'il sera obtenu, je vous prierai, ma fille chérie, de l'envoyer sans retard à Ovstoug. Hier, ma fille, j'ai beaucoup et tendrement parlé de vous avec Победоносцев, ³ qui te porte dans son coeur et qui se plaint de ton silence. Il se proposait de t'écrire. Je le vois assez souvent, ainsi que sa femme qui est très gentille et intelligente. Ici, d'ailleurs, la société ne bat que d'une aile et la saison fait de même. C'est un interrègne dans tous les sens. Il est incroyable combien la Russie, quand le souverain est en voyage, ressemble à une antichambre de domestiques, dont le maître s'en est allé... Dans le vide que laisse cette auguste absence, il n'y a d'ordinaire que beaucoup de pluie et quelques commérages.

En fait politique, dont si peu de personnes se préoccupent

Ici, comme chez vous, je suppose, le temps est encore assez beau. La belle saison s'éloigne à reculons et comme n'osant pas nous tourner décidément le dos — comme cela se pratiquait à de certaines cours autrefois; comme à la cour de Sardaigne, p(ar) ex(emple), où je me vois encore me retirant à reculons devant la Reine d'alors jusqu'à ce que, parvenu jusqu'à la moitié de la salle, qui était très spacieuse, j'eusse perdu toute conviction et que pour la ressaisir je me fusse décidé à tourner bravement le dos à la reine ⁴.

La ville est encore assez déserte. Il y a du monde à Czarskoé où j'ai été l'autre jour. La pauvre Mad(ame) Karamzine s'y mourait; elle doit être morte à l'heure qu'il est... ⁵ Ce n'aura pas été sans peine...

J'ai été tout ce temps-ci occupé conjointement avec le Brochet ⁶ à nettoyer ce que Maman appelle avec quelque exagération, les écuries d'Augias ⁷... En ce moment c'est presque aussi propre que la rue, où il faudrait se résigner à loger, si on désertait la susdite écurie.

Bonjour, ma fille chérie. Embrasse ta tante et que Dieu vous garde toutes les deux...

Перевод:

Петербург. 22 сент(яб)ря (1871)

Анна, наверное, тебе уже говорила, о чем я писал в последнем к ней письме, а теперь посылаю тебе, моя милая и добрая Китти, письмо, которое получил от Вани по поводу дошедших до меня слухов относительно Мамаева и его деятельности в качестве управляющего ¹. Письмо Гани, как ты увидишь, меня совершенно успокоило на сей счет. А поскольку я как раз и желаю успокоиться, да к тому же питаю весьма теплые чувства по отношению к выше-

названному лицу, я не колеблясь соглашаюсь со всем, что свидетельствует в его пользу, и желаю, чтобы больше об этом деле не было разговоров ни сейчас, ни впредь.

Еще один деловой вопрос, и я кончил. Передала ли тебе Анна доверенность, которую я послал на адрес Милютина ², и достаточно ли ее, чтобы вернуть требуемый документ. Как только он будет получен, прошу тебя, моя милая дочь, послать его немедленно в Овстуг. Вчера, дочь моя, у меня с Победоносцевым ³ был длинный и задушевный разговор о тебе, он очень тепло к тебе относится и жалуется на твое молчание. Он как будто собирается тебе написать. Я довольно часто вижу с ним и с его очень милой и умной женой. Здесь, кстати, в обществе затишье, как и в природе. Во всем ощущается междоусобица. Трудно представить себе, до какой степени Россия в отсутствие государя становится похожа на лакейскую, из которой вышел хозяин... В пустоте, образовавшейся благодаря высочайшему отсутствию, обычно наблюдаются лишь частые дожди да вялые сплетни.

Здесь, как, наверное, и у вас, стоит еще довольно хорошая погода. Ясные дни удаляются пятясь, словно не решаются повернуться окончательно к нам спиной — как это было принято прежде при дворе некоторых государств; например, при дворе в Сардинии, где, помню, я ретировался, пятясь, от тогдашней королевы, но, дойдя до середины громадного зала, потерял ощущение направления и, чтобы вновь обрести его, отважился повернуться к королеве спиной ⁴.

В городе еще довольно безлюдно. В Царском, где я был на днях, кое-кто есть. Бедная г-жа Карамзина была при смерти; сейчас она, должно быть, уже скончалась ⁵... Это не обошлось без мучений...

Все это время я вместе со Щукой ⁶ был занят чисткой того, что мамá, несколько сгущая краски, называет авгиевыми конюшнями ⁷... Теперь у меня стало чисто, как на улице, куда нам пришлось бы переселиться, если бы мы были вынуждены покинуть вышеназванные конюшни.

Прости, милая моя дочь. Поцелуй от меня тетушку и да хранит Господь вас обеих...

¹ Речь идет о переписке Тютчева с сыном Иваном Федоровичем по поводу чьих-то доносов на управляющего их брянскими имениями Н. А. Мамаева.

² Милютин — владелица дома в Пименовском переулке (Москва), где жили Сушковы и Е. Ф. Тютчева.

³ Будущий обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев был знаком с Е. Ф. Тютчевой и переписывался с ней.

⁴ Тютчев вспоминает о своей службе в Турине (1837—1838) в должности старшего секретаря русской миссии, а затем поверенного в делах при дворе сардинского короля *Карла-Альберта* Савойского, женатого на *Марии Терезе*, принцессе Тосканской (1801—1855).

⁵ Александра Ильинична *Карамзина* (рожд. бар. Дука; р. 1820) — жена сенатора Владимира Николаевича *Карамзина* (сына историографа). Умерла 9 сентября 1871 г.

⁶ «Врочет» («Щука») — прозвище камердинера Тютчева, чеха Эммануила *Тума* (1802 (?) — 1886), служившего у него с 1830-х годов.

⁷ Согласно древнегреческому мифу очистка скотного двора царя Авгия была одним из двенадцати подвигов Геракла.

Ma fille chérie, je me suis vivement associé aux impressions que tu me racontes dans ta dernière lettre, et je comprends à merveille comment cette coïncidence du rêve avec l'arrivée de ce volume des oeuvres de Philarète a dû vivement t'impressionner ¹! Cela a dû te faire l'effet d'une ouverture du monde d'ailleurs et comme d'une lumière se projetant sur le nôtre. Il est vraiment remarquable combien l'homme, malgré le vague des idées qu'il se forme de ce monde d'outre-tombe, le sent toujours à sa proximité et toujours prêt à faire irruption dans le nôtre.

Je viens d'apprendre par une lettre d'Aksakoff que la traduction de mon article n'est pas de lui, elle est si bonne, que j'étais persuadé qu'elle ne pouvait être que d'Aksakoff ². J'ignore quel effet cette publication a pu faire à Moscou, ici elle n'a pu que contrarier, car en ce moment on est en train d'élaborer des lois qui sont dans un sens diamétralement opposées à celles de ce mémoire ³, mais quand on est en possession exclusive de la parole, on se soucie assez peu des contradicteurs. Dis à Barténieff que je le remercie d'avoir donné l'hospitalité dans son journal à ce document, qui, dans tous les cas, est une date ⁴, et si cet essai ne l'a pas découragé,

П. А. БАРТЕНЕВ

Фотография Я. Мичковского. Варшава, (1873)
Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

vous me trouverez moins délabré que vous m'avez vu.

Je t'embrasse mille fois et baise les mains à ta tante, que je remercie de l'intérêt qu'elle me témoigne.

Перевод:

Моя милая дочь, я так живо представляю себе все, о чем ты мне рассказываешь в своем последнем письме, и так хорошо понимаю, какое впечатление должно было на тебя произвести совпадение твоего сна с прибытием этого тома сочинений Филарета¹! Перед тобой словно проткрылся иной мир, изливающий свет на наш. Поистине поразительно, что, несмотря на весьма неясное представление о потустороннем мире, человек постоянно ощущает, что этот мир существует рядом и в любой момент может вторгнуться в наш.

Из письма Аксакова я узнал, что статью мою переводил не он, но перевод так хорош, что я был совершенно убежден, что он может принадлежать только Аксакову². Не знаю, какое впечатление произвела эта статья в Москве, здесь она вызвала лишь раздражение, ибо здесь сейчас подготавливаются законы, диаметрально противоположные тем, о которых говорится в этой записке³, но, когда используешь редкую возможность высказаться, мнение оппонентов тебя не очень интересует. Скажи Бартеневу, что я благодарю его за гостеприимство, оказанное его журналом этому документу, который, во всяком случае, является вехой⁴, и если эта попытка его не обескураживает, может быть, он захочет воспроизвести в русском переводе мою старую статью о Римском вопросе, опубликованную в «Revue des Deux Mondes»⁵, тем более что Градовский в Думе, в своих лекциях о славянах, приводил обширные из нее цитаты⁶.

Мы все ожидаем здесь одного большого друга, и вчера некто, уверяющий, что он хорошо осведомлен, сказал мне, будто протестантская консистория имела намерение вручить имени-

peut-être voudra-t-il aussi reproduire en traduction russe mon article de temps sur la question romaine, publié dans la «Revue des Deux mondes»,⁵ — d'autant plus que cet article a été longuement cité par Градовский, dans ses leçons sur les Slaves à la Дума.⁶

Nous sommes ici dans l'attente d'un grand ami, et hier, quelqu'un qui se prétend bien informé m'a dit, comme si le consistoire protestant avait eu l'intention de présenter une adresse à l'adresse de l'illustre visiteur, comme le protecteur naturel des protestants dans le monde entier, mais on leur a fait comprendre que cette adresse aurait été une grande maladresse à tous les points de vue, et je crois qu'ils y ont renoncé. Il y aurait plutôt lieu de présenter une adresse au Bon Dieu pour protester contre cette façon de printemps qui n'en est qu'une mauvaise parodie au grand détriment de tous les malades, — qui comptaient sur la venue du printemps authentique.

Dis mille tendresses à Jean. J'embrasse mon futur filleul⁷, *en faisant des vœux pour qu'il ne tienne de son parrain que l'intelligence* (cela a été mis par moi. — D. T.)

Je n'ai pas besoin de te répéter à toi, ainsi qu'à Anna, combien je serai heureux de vous revoir, et j'espère que

T. T.

тому гостю адрес как естественному покровителю протестантов во всем мире, однако консistorии дали понять, что адрес этот со всех точек зрения был бы большой бестактностью, и, надеюсь, они отказались от своего намерения. Уместнее было бы вручить адрес Господу Богу в знак протеста против такого рода весны, являющейся жалкой пародией на весну; ведь от нее так страдают все, кто болен и кто ждал наступления весны настоящей.

Передай от меня сердечный привет Ване. Целую будущего крестника ⁷ и желаю, чтобы он унаследовал от крестного отца только его ум (это вставлено мной.— Д(арья) Т(ютчева)).

Нет необходимости повторять тебе, да и Анне, как я буду рад вас видеть, надеюсь, вы застанете меня не столь немощным, как в прошлый приезд.

Целую тебя тысячу раз, целую ручки твоей тетюшки и благодарю ее за интерес, который она ко мне проявляет.

Ф. Т.

Письмо написано под диктовку Тютчева (рука Д. Ф. Тютчевой).

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

¹ По-видимому, речь идет о получении из Англии сборника проповедей митрополита Филарета, переведенных Е. Ф. Тютчевой на английский язык (Лондон, 1873).

² В апреле 1873 г. в «Русском архиве» (№ 4) была впервые опубликована «записка» Тютчева «О цензуре в России» (1857). Перевод ее с французского языка на русский принадлежал Федору Ивановичу *Тимирязеву* (ум. 1882).

³ В упомянутой «записке» Тютчев настаивал на необходимости смягчения цензуры, которую оценивал как «истинное общественное бедствие» (РА, 1873, № 4, стлб. 628). Готовившийся новый закон о печати (принят 16 июня 1873 г.) внес дополнительные ограничения по отношению к периодической печати: министр внутренних дел получил право своей властью приостанавливать любое издание, затрагивающее вопросы, обсуждение которых «найден будет неудобным».

⁴ Издатель «Русского архива» П. И. Бартевев отмечал, что печатает «записку» Тютчева о цензуре «как произведение, знаменующее собою важную минуту в истории русского умственного развития» (РА, 1873, № 4, стлб. 607).

⁵ Статья Тютчева «La Papauté et la Question Romaine» («Папство и Римский вопрос», 1849) была опубликована в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» (1 янв. 1850 г.; без имени автора).

⁶ Александр Дмитриевич *Градовский* (1841—1889) — профессор государственного права в Петербургском университете. В марте 1873 г. прочел в зале Государственной думы цикл публичных лекций на тему «Первые славянофиль» (опубл. в кн.: А. Д. Градовский. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873). В последней из этих лекций упомянут «известный писатель наш Ф. И. Тютчев» и его статья «Папство и Римский вопрос», «заклучавшая в себе критику римско-католических церковных учреждений» (там же, с. 291; цитаты из статьи не были приведены).

⁷ О рождении внука Тютчева Федора см. в наст. томе: Тютчев — П. Ф. и О. Н. Тютчевым.

М. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

1856

Мария Федоровна *Тютчева* (в замуж. Бирлева; 1840—1872) — дочь поэта от второго брака. Раннее детство ее прошло в Мюнхене, однако большую часть жизни она провела в России. Мария Федоровна подолгу жила вместе с матерью в Овстуге и в 1871 г. открыла там сельскую школу. Это была первая сельская школа в Брянском уезде (ныне она носит имя Тютчева). Годом раньше — в 1870 г. — Мария Федоровна стала сестрой милосердия в Георгиевской общине. Этот факт ее биографии нашел отражение в стихотворении Тютчева «Ah, quelle méprise...». Ей посвящены также трогательные шуточные строки: «Когда осмыслить лет твой...» (1858), «Когда-то я была майором...» (1861) и «La vieille Hécube...» (1861). 16 апреля 1872 г. Тютчев послал умирающей от чахотки дочери последнее стихотворение, ей посвященное, — «День православного Востока...»

Сохранилось девять писем Тютчева к дочери Марии Федоровне за 1856—1870 гг., а также одно письмо (б. д.), адресованное ей и ее сестре Дарье (*Письма* 8, 94). Одно из них опубликовано (*Библиография* 6).

М. Ф. ТЮТЧЕВА

Рисунок И. Риша (карандаш, белила). Мюнхен, 1854
 Слева подпись художника: «Jos. Risch fec(it). Munic 1854»
 Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Публикуемое письмо написано по-французски. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 58) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Известно 19 писем М. Ф. Тютчевой (Бирилевой) отцу за 1857—1872 гг.— ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 80.

⟨Петербург. 3 июля 1856⟩

Oui, ma chère Marie, c'est avec une exécrationnelle écriture que je vais répondre à ta chère lettre aussi bien calligraphiée qu'elle est gentiment écrite, et qui m'a fait un très sensible plaisir. Je m'associe de grand coeur à vos exercices dramatiques et je ne doute pas de vos succès, des tiens surtout, à en juger par un petit échantillon, dont j'ai été témoin il y a quelques années, je ne me souviens plus où¹. Tu peux donc compter sur mes suffrages, ne fût-ce que pour te dédommager de ceux dont Maman pourrait s'aviser de vouloir te frustrer... par suite, probablement, de la même malveillance qui lui fait nier le fait patent et incontestable de tes progrès de croissance...

Mais que tes succès dramatiques ne te fassent pas négliger un autre succès non moins essentiel — celui de ta cure². Où en es-tu de tes bains de boue, etc. J'aime

à croire qu'il n'est plus question de fièvre, et que la magnifique saison qu'il fait, combinée avec les influences salutaires d'Oesel, va opérer des miracles dans l'intérêt de vos santés à tous et à toutes.

Dis à Daria que je l'embrasse de tout mon coeur et suis heureux d'apprendre qu'elle s'ennuie moins que d'habitude. Dis-lui aussi que j'ai reçu une seconde lettre de Kitty, tout aussi remplie d'incertitude que la première relativement à son arrivée. — Embrasse-moi aussi tes frères, dans un moment de trêve entre vous...

Ma fille chérie, je me proposais en commençant de remplir ces quatre petites pages — mais le Brochet vient m'annoncer qu'il est cinq heures et qu'il est temps de m'habiller pour aller dîner chez les Bloudoff. Aussi donc à une autre fois. Mais avant de finir je te recommande plus que toute chose la santé de Maman. Aie bien soin de cette santé-là, ma fille. Je te dirai plus tard pourquoi.

Mes amitiés à Cécile³, et mes hommages à la P<rin>cesse Sophie⁴.

Ah, quel atroce griffonnage. Ne m'imites pas, ma fille.

Перевод:

Да, моя дорогая Мари, своим отвратительным почерком я собираюсь отвечать на твое драгоценное письмо, написанное так аккуратно и такое милое; оно доставило мне самую живую радость. Я искренно интересуюсь вашими драматическими упражнениями и не сомневаюсь в ваших успехах, особенно в твоих, принимая во внимание тот небольшой образчик, свидетелем коего я был несколько лет назад, не помню уж, где это было¹. Итак, ты можешь рассчитывать на мои похвалы, хотя бы для того, чтобы вознаградить себя за те, коих мамá вдруг вздумает тебя лишить, — вероятно, вследствие той же недоброжелательности, которая заставляет ее отрицать очевидный и неоспоримый факт твоих успехов в росте...

Но ради своих драматических успехов не пренебрегай другими успехами, не менее существенными, — лечебными². Сколько грязевых ванн ты приняла? — и т. д. Надеюсь, что больше и речи нет о лихорадке и что великолепная погода, в сочетании с благотворным воздействием Эзеля, сотворит чудеса и всех вас сделает здоровыми.

Скажи Дарье, что я целую ее от всего сердца и счастлив знать, что она скучает менее, чем обычно. Скажи ей также, что я получил второе письмо от Китти, столь же неопределенное в отношении ее презда, как и первое. — Поцелуй за меня также братьев в минуту перемирия между вами...

Моя милая дочь, начиная письмо, я предполагал заполнить эти четыре странички, но Шука пришел объявить мне, что уже пять часов и мне пора одеваться к обеду у Блудовых. Итак, до другого разу. Но прежде чем кончить, прошу тебя прежде всего следить за здоровьем мамá. Береги его, дочка, — со временем скажу тебе, почему. Передай мой привет Цецилии³ и мое почтение княжне Софи⁴. Ах, какие ужасные каракули! Не подражай мне, дочь моя.

¹ Речь идет об участии М. Ф. Тютчевой в любительском спектакле или в «живых картинах». В связи с этим Тютчев вспоминает, по всей вероятности, ее выступление в мужской роли майора в любительском спектакле, поставленном в Петербурге, в декабре 1853 г. (*Лирика*, т. II, с. 372).

² Лето 1856 г. М. Ф. Тютчева провела вместе с матерью, братьями Дмитрием и Иваном и сестрой Дарьей в Арнсбурге (ныне Кингисепп) на о-ве Эзель (ныне Сааремаа).

³ Цецилия Ивановна *Капелло* (ум. 1885) — гувернантка детей Тютчева от второго брака.

⁴ Кнж. Софья Ивановна *Мещерская* (ум. 1881).

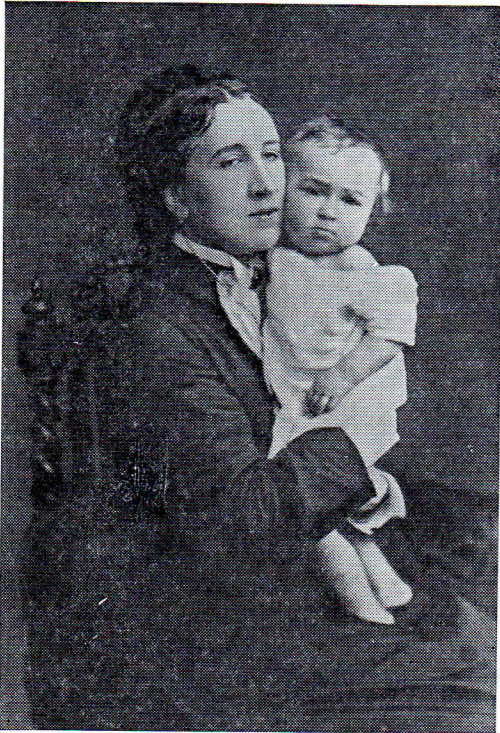
И. Ф. и О. Н. ТЮТЧЕВЫМ

1873

Иван Федорович *Тютчев* (1846—1909) — младший сын поэта от второго брака.

В 1867 г. И. Ф. Тютчев окончил Училище правоверения и начал службу в 6-м департаменте Сената в Москве. В 1868 г. он перешел в Смоленскую палату уголовного и гражданского суда, был товарищем прокурора Смоленского окружного суда (1870), затем членом Московского окружного суда (1872). В 1875—1888 гг. И. Ф. Тютчев был мировым судьей в Дмит-

О. Н. ТЮТЧЕВА С СЫНОМ ФЕДОРОМ
Фотография А. Эйхенвальда. Москва, (1873)
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

ровском уезде Московской губернии, с 1890 г. — почетным мировым судьей г. Москвы. С 1907 г. — член Государственного совета.

27 апреля 1869 г. И. Ф. Тютчев женился на дочери литератора Н. В. Путьты — Ольге Николаевне (1840—1920).

Публикуемое письмо — поздравление И. Ф. и О. Н. Тютчевых с рождением сына — последнее собственноручное письмо поэта.

Сохранилось 11 писем Тютчева к сыну Ивану Федоровичу за 1869—1873 гг., три письма к его жене за 1868—1869 гг. и одно письмо, адресованное им обоим в 1873 г. (Письма 85, 89, 96). Одно письмо к О. Н. Тютчевой было напечатано (*Библиография* 46).

Публикуемое ниже письмо — ответ на известие о рождении Федора Тютчева — внука поэта; написано частью по-русски, частью по-французски (начало написано под диктовку Тютчева рукой Э. Ф. Тютчевой). Печатается по автографу (*Собр. Пигарева*) на языке оригинала и в переводе К. В. П и г а р е в а; перевод отрывка из этого письма был напечатан ранее (*Библиография* 54).

Письма И. Ф. Тютчева к отцу хранятся в *Собр. Пигарева*.

Р у к о й Э р н. Ф. Т ю т ч е в о й:

(Pétersbourg.) Le 2 avril (1873)

Merci, mon cher garçon, à toi et à ta femme pour le petit-fils que vous m'avez donné. Grâce à vous me voilà maintenant patriarche au complet, et maintenant que la tradition du nom est assurée évidemment il ne me reste plus rien à faire dans ce monde, à moins de faire comme l'olivier de la Bible croissant au bord des eaux et voyant croître autour de lui de jeunes plantes de ses rejetons¹.

Р у к о й Т ю т ч е в а:

Salut aussi à vous, mon Olga chérie, et merci du fond de coeur. Reposez-vous maintenant de vos travaux et jouissez en paix et en bonne santé (de) leur brillant résultat. J'attends avec impatience les détails. Ma santé va mieux, mais la convalescence sera une longue histoire. Mais à présent qu'importe? Je ne suis plus que l'avant-dernier

T u t c h e f

Р у к о й Т ю т ч е в а:

Сейчас получил твое письмо, милый Ваня, и, разумеется, от всей души принимаю на себя восприимство новорожденного. Дай Бог, чтоб это имя принесло ему счастье и чтоб он данные ему от Бога способности лучше употребил на дело, чем его крестный отец.

Прости, обнимаю крестника и его милую маму.

Перевод:

Рукой Э. Ф. Тютчевой:

⟨Петербург.⟩ 2 апреля ⟨1873⟩

Спасибо тебе, мой мальчик, тебе и твоей жене за внука, которого вы мне подарили. Благодаря вам, я теперь окончательно стал патриархом, и теперь, когда преемственность имени очевидно обеспечена, мне более нечего делать в этом мире, разве что последовать примеру библейской оливы, произрастающей на берегу и созерцающей, как поднимаются вокруг нее молодые побеги ¹.

Рукой Тютчева:

Привет мой также и вам, моя милая Ольга, и спасибо от всего сердца. Отдыхайте теперь от ваших трудов и наслаждайтесь в мире и добром здоровье их блестящим результатом. С нетерпением ожидаю подробностей. Мне лучше, но выздоровление будет медленным. Но теперь не все ли равно? Ведь я уже не предпоследний

Тютчев

¹ Псалтирь. Псалом 1.

П. В. МУРАВЬЕВОЙ
1846

И. Ф. ТЮТЧЕВ

Фотография Г. И. Денъера. Петербург, 1868
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Пелагея Васильевна *Муравьева* (рожд. Шереметева; 1802—1871) — двоюродная сестра Тютчева, жена гр. М. Н. Муравьева.

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Муравьевой. Написано по-французски.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 64) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Муравьевой Тютчеву неизвестны.

St. Pétersbourg. ⟨Mai 1846⟩

Merci, grand merci, ma chère cousine, d'avoir songé à m'envoyer la lettre de ma mère ¹. Je n'ai pas besoin de vous dire quelle triste et chère consolation cette lettre m'a fait éprouver... Que de douleur et de résignation il y a là dedans... On a beau dire, il y a une énergie de l'âme qu'elle ne tire pas d'elle-même. Le sentiment chrétien peut seul la lui communiquer...

J'avais certainement bien des raisons de prévoir comme prochaine la perte que nous venons de faire, et depuis plusieurs années, à chacune de nos séparations, je ne pouvais me défendre d'un triste pressentiment... et cependant jusqu'à présent encore je ne puis m'habituer à l'idée qu'il n'est plus parmi nous, que nos adieux de Moscou ont été des adieux éternels... Peu d'hommes, je le sais, conservent leurs parents jusqu'à l'âge où nous sommes arrivés — et cependant il y a dans le premier moment de cette perte, à quelque âge qu'on la subisse, un sentiment tout particulier d'abandon et de délaissement. On se sent vieilli de vingt ans, car on sent qu'on a avancé de toute une génération vers le terme fatal... Je suis très impatient d'avoir par les *Сышков* ² les détails que me manquent. Sa mort paraît

avoir été aussi douce que sa vie avait été bonne et aimante. C'était une nature excellente parmi les meilleures, une âme bénie du Ciel... Ce sera sans doute un éternel sujet de regret pour moi et pour nous tous qu'aucun de ses enfants ne se fût trouvé présent à ses derniers moments. Mais j'ai vu avec bonheur par la lettre de ma mère ce que d'ailleurs il était si facile de prévoir, c'est que tous ceux qui l'entouraient l'ont pleuré comme on pleure son père... J'en ai eu ici un petit échantillon par Лукьян³, que j'ai vu pleurer à chaudes larmes en apprenant la nouvelle... Quant à moi, je n'aurais pas cru possible qu'à la réception d'une pareille nouvelle j'eusse hésité un instant d'aller rejoindre ma mère. Et cependant les circonstances se sont combinées de manière à me rendre dans ce moment-ci le départ tout à fait impossible. J'ai calculé que quelque diligence que j'eusse prise, je n'aurais guère eu que le temps d'y aller et de repartir assis pour être de retour ici pour le moment des couches de ma femme⁴. C'est une contrariété qui m'a été sensible plus que je ne puis le dire... Une chose bien contrariante aussi, c'est l'ignorance complète où nous sommes de ce que devient mon frère Nicolas⁵.

Adieu, ma chère cousine. Encore une fois merci de votre intérêt et de votre amitié.— Mes hommages les plus affectueux à ma tante Над(ежда) Н(иколае)вна⁶, que je suis désolé de savoir souffrante. Ma femme vous dit mille tendresses.

T. T u t c h e f

Перевод:

С.-Петербург. (Май 1846)

Спасибо, большое спасибо, любезная кузина, за то, что вы позаботились послать мне письмо моей маменьки¹. Мне нет надобности говорить вам, сколь драгоценным и вместе с тем печальным утешением было для меня это письмо... Сколько в нем скорби и смирения... Что ни говори, в душе есть сила, которая не от нее самой исходит. Лишь дух христианства может сообщать ей эту силу...

Конечно, у меня было много причин предвидеть в недалеком будущем ту утрату, которую мы только что понесли, и уже несколько лет при каждой нашей разлуке я не мог освободиться от грустного предчувствия... и, однако, даже посейчас, я не могу привыкнуть к мысли, что его нет более среди нас, что наше прощание в Москве было прощанием навеки... Я знаю, лишь немногие сохраняют своих родителей до того возраста, коего достигли мы, и все же в первую минуту этой утраты, независимо от возраста, в котором она наступает нас, испытываешь совсем особое чувство покинутости и беспомощности. Ощущаешь себя поставшим на двадцать лет, ибо сознаешь, что на целое поколение приблизился к роковому пределу... С нетерпением жду от Сушковых² подробностей, которые мне неизвестны. По-видимому смерть его была столь же спокойной, сколь благостной и любвеобильной была его жизнь. Это была натура лучшая из лучших, душа, благословенная небом. Без сомнения, и я, и все мы будем вечно сожалеть, что никто из его детей не присутствовал при его последних минутах. Но я был счастлив, узнав из письма маменьки то, что, впрочем, легко было предугадать,— все, кто его окружали, оплакивали его так, как оплакивают родного отца... Пример тому я видел здесь в лице Лукьяна³, который плакал горячими слезами, известившись о случившемся... Что до меня, я бы не поверил, что при получении подобного известия мог бы хоть мгновение колебаться, ехать ли мне к маменьке. И, однако, обстоятельства сложились так, что в ту минуту отъезд был для меня совершенно немислим. Я рассчитал, что как бы я ни торопился, я должен был бы, едва прибыв, тотчас пуститься в обратный путь, дабы вернуться сюда к родам жены⁴. Это беда, которая была для меня более чувствительной, нежели я могу выразить... Весьма неприятно также полное неведение, в коем мы находимся касательно моего брата Николая⁵.

Простите, любезная кузина. Еще раз благодарю вас за ваше участие и дружбу. Засвидетельствую мое самое глубокое почтение тетушке Над(ежде) Н(иколаевне)⁶, о болезни коей я весьма сожалею. Жена поручает передать вам самый сердечный привет.

Ф. Т у т ч е в

Датируется по содержанию: письмо написано вскоре после смерти отца поэта, последовавшей 23 апреля 1846 г.

И. Н. И Е. Л. ТЮТЧЕВЫ

Дагерротипы, первая половина 1840-х годов

В общей рамке. На обороте картона, закрывающего дагерротипы, бумажная наклейка с надписью рукой И. Ф. Тютчева: «Иван Николаевич и Екатерина Львовна Тютчевы. Портреты эти, оба в одной рамке, висели в кабинете их сына, а моего отца, поэта Федора Ивановича Тютчева, в Петербурге, в д(оме) Армянской церкви, на Невском»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

¹ Это письмо Е. Л. Тютчевой неизвестно.

² Д. И. и Н. В. Сушковы — сестра Тютчева и ее муж (см. о них в наст. томе: Тютчев — Сушковым, предисловие).

³ Лукьян — крепостной отца Тютчева; после возвращения поэта из-за границы находил ся в его услужении.

⁴ 30 мая 1846 г. родился младший сын Тютчевых — Иван.

⁵ Н. И. Тютчев находился в это время за границей и узнал о смерти отца с большим опозданием (см. письмо Тютчева к матери (май 1846 г.) — *Соч.* 1980, т. 2, с. 80—81).

⁶ Н. Н. Шереметева — мать П. В. Муравьевой (см. о ней в наст. томе: Тютчев — Шереметевой, предисловие).

Д. И. и Н. В. СУШКОВЫМ

1836—1858

Сестра Тютчева Дарья Ивановна *Сушкова* (1806—1879) и ее муж, литератор Николай Васильевич *Сушков* (1796—1871) принадлежали к числу лиц, наиболее близких Тютчеву среди его московского окружения. В их доме с 1853 г. жила его дочь Екатерина Федоровна; здесь он сам нередко останавливался, приезжая в Москву.

Сушков — автор нескольких пьес и стихотворного сборника «Книга печалей» (М., 1855), издатель сборников «Раут» (М., 1851—1854), в которых наряду с различными историческими документами печатались произведения многих русских писателей, в том числе и стихи Тютчева.

Гостиную Сушковых посещали многие московские и приезжие литераторы и ученые. Бывали там Тургенев и молодой Толстой. «Надо сознаться, что салон Сушковых положительно приятен», — пишет Тютчев жене 5 сентября 1858 г., сообщая, что в Москве он встретил «в две недели больше развитых людей, чем в Петербурге за шесть месяцев» (*СН*, кн. 19, с. 269; пер. с франц.). Как это видно из первого публикуемого письма, знакомство Тютчева с Сушковым произошло после женитьбы последнего, состоявшейся в 1836 г. Между ними установи-

лись дружеские отношения. Приехав однажды в Москву в отсутствие Сушкова, Тютчев просил сестру передать мужу, что для него «Москва без Сушкова — не Москва; это словно большой колокол без языка» (*Современники о Тютчеве*: Д. И. Сушкова — Н. В. Сушкова в у, 5 авг. 1855 г.). Со своей стороны Сушков также относился к Тютчеву с искренней симпатией. Высоко ценя поэтический талант Тютчева, Сушков предпринял в начале 1850-х годов подготовку к печати собрания его стихотворений (о Сушкове — редакторе Тютчева см.: К. Пигарев. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. — *ЛН*, т. 19—21, с. 376—379). Это издание не было осуществлено по неизвестным нам причинам, но через несколько лет подготовленный Сушковым текст был положен в основу собранных И. С. Тургеньевым «Стихотворений Ф. Тютчева» (СПб., 1854).

С горьким чувством встретил поэт известие о смерти Сушкова. «Это была прекрасная натура, в которой под детской впечатлительностью таилась незаурядная сила чувств и стремлений», — писал он жене (*СН*, кн. 22, с. 258). Искренняя симпатия к Сушкову сказалась и в тютчевской оценке его литературных произведений (см., напр., его письмо Сушкову, <январь — апрель 1847 г.> — *Соч.* 1980, т. 2, с. 91).

Сохранилось десять писем Тютчева к Д. И. Сушковой за 1846—1863 гг. и шесть писем его к Н. В. Сушкову за 1836—1858 гг. (*Письма* 75, 76). Три из них были опубликованы (*Библиография* 38, 39).

Публикуемые ниже три письма Тютчева к Н. В. Сушкову и два письма к Д. И. Сушковой печатаются по автографам: п. 1, 4, 5 — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 70; п. 2 — там же, ед. хр. 69; п. 3 — ГБЛ, 308. 2.11. Письма к Д. И. Сушковой написаны по-французски. Печатаются на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Д. И. и Н. В. Сушковых к Тютчеву не сохранились.

1. Н. В. Сушкову

Мюнхен. 3 июля 1836

Не могу довольно благодарить вас за ваше дружеское, братское письмо. Оно много обрадовало и утешило меня. Это письмо — лучшая порука Дашинькина счастья. Сердцу, которое умеет так чувствовать и любить, сестра могла смело верить судьбу свою.

Понимаю, что вы не могли без живого, сердечного участия видеть горечь ее при расставании с родительским домом... Она многое покидала в нем... Воспоминания молодости, вполне благополучной, и редкую родительскую нежность. Вы знаете маминьку: вы знаете, с какою горячностью она любит Дашу. Сестра для нее все заменила. Брат и я, мы с ранних лет разлучены были с нею. Но в Даше она и нас любила. Теперь, пишет она ко мне, совсем осиротела. Но я надеюсь, что они свои обстоятельства устроят так, что им можно будет лучшую часть года проводить вместе с вами. Душевно сего желаю... Грустно бы было знать их совершенно одинокими на старости. Для меня в особенности эта мысль была бы мучительна — мучительна, как упрек. Вы знаете, что я прежде всех из семьи покинул их... Я менее всех имел случай сколько-нибудь воздать им за всю их любовь и нежное попечение. Теперь, надеюсь, Дашинькино счастье, Дашинькина устроенная, упроченная участь утешит их на старости. Вы, любезнейший брат, заплатите за всех нас. Вы видите, имею ли я причины любить вас от всего сердца.

Твердо верю и надеюсь, что и вы будете счастливы. Теперь не мне говорить вам о добрых свойствах жены вашей. Ум и чувствительность, конечно, хороши, но вы, без сомнения, выше всего оценили в ней ее редкое прямодушие — корень всякого добра. С самого детства это свойство составляло главную черту ее характера. При этом свойстве человек не может совершенно предохраниться от некоторых недостатков, слабостей, дурных навыков, но все эти вредные влияния действуют не надолго. В прямодушии, в природной правдивости характера

есть какая-то необыкновенная целе-
тельная сила, и тот поистине счаст-
лив, кого природа наделила этим ан-
тидотом *.

Теперешняя ее жизнь, более дея-
тельная, более самостоятельная, не
только послужит к ее счастью, но и
к ее нравственному усовершенство-
ванию. Ваша любовь и опыт довер-
шат воспитание ее характера.

Простите. Когда Судьбе и обстоя-
тельствам угодно будет свести нас
вместе — не знаю. Но как бы то ни
было, мы не позволим Судьбе и об-
стоятельствам располагать нашими
чувствами. Начнем же дружбою, мы
кончим после личным знакомством.
Покамест толмачем нашим будет Да-
шинька. Простите.

Душевно вам преданный
Ф. Т ю т ч е в

2. Д. И. Сушковой

(Pétersbourg.) 4 Janvier 1850

Bonjour et bon an, ma chère Dorot-
hée, à vous et à votre mari, qui m'a fait
un très joli cadeau pour mes étrennes,
en m'envoyant sa comédie-proverbe¹.

C'est très joli, en effet, très spirituellement élégant. Mais par qui fera-t-il
jouer cette petite pièce? Des actrices russes, chargées de la jouer, ressembleraient à
des servantes affublées des robes de leurs maîtresses — et quant à nos élégantes,
elles trouveraient une double difficulté à le faire. D'abord elles ne savent pas assez
de russe pour cela, et puis elles ne savent pas dire les vers. Une comédie russe
vraiment nationale devrait être écrite en mauvais français et débitée avec des
inflexions de voix antifrançaises. A cette double condition elle aurait la chance
d'être une reproduction assez fidèle de notre monde fashionable. — Quant à votre
poétique et excentrique nièce, je n'ai pas lu encore son nouvel oeuvre². Mais je dou-
te fort qu'elle réussisse dans le drame. Elle a l'esprit trop faux pour cela. Elle
a beaucoup de peine à être elle-même. Comment réussirait-elle à s'identifier avec
un autre moi que le sien?

J'ai vu votre amie, la P<ring>esse Lwoff et sa jolie fille³, qui ressemble beau-
coup à sa jolie cousine la P<ring>esse Michel Golitzine⁴; elles ont toutes les
deux un air de niaiserie qui n'est pas sans charme.

Dites donc à Чадаев qu'il se presse de faire faire un nouveau tirage de sa
lithographie⁵. Tous les magasins de marchands d'estampes sont assiégés par la
foule, et il ne serait pas impossible qu'un plus long retard ne fût la cause, par le
temps qui court, de quelque mouvement dans les masses, qu'il vaudrait mieux
prévenir. — En attendant mille amitiés à l'original.

Enfin, Dieu soit loué, Nicolas est avec vous. Il en était temps. S'il continue
ainsi, il finira par me faire croire à l'histoire de Siméon le Stylite dont la Station
au haut de la colonne ne me paraît pas accuser plus d'énergie de volonté que celle
dont il vient de faire preuve⁶... Si l'ancien Stylite l'emporte sur le nôtre, ce ne
serait tout au plus que sous le rapport de la tempérance. — En attendant j'ai une bon-
ne nouvelle à lui apprendre, s'il ne la sait déjà. L'interdiction qui pesait sur Paris

Н. В. СУШКОВ

Раскрашенная фотография. Москва, середина 1850-х
годов

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

* противоядием (от франц. antidote).

Д. И. СУШКОВА

Акварель П. Ф. Соколова, середина 1830-х годов
Собрание К. В. Пигарева, Москва

следовало бы писать на плохом французском языке, а произносить — с антифранцузскими интонациями. При этом двойном условии она могла бы стать довольно верным отражением нашего модного света. — Что касается вашей поэтичной и эксцентрической племянницы, то я еще не прочитал ее нового произведения². Но весьма сомневаюсь, чтобы она преуспела в драме. Для этого ее ум слишком ненатурален. Ей весьма трудно быть самой собой. Как же сможет она отождествить себя с чужим я?

Я видел твою приятельницу княгиню Львову и ее хорошенькую дочку³, очень похожую на свою хорошенькую кузину, жену князя Михаила Голицына⁴; у обеих наивно-глупенький вид, не лишенный прелести.

Да скажите же Чадаеву, чтобы он заказал новые оттиски своих литографий⁵. Все лавки, торгующие гравюрами, осаждаются толпой, а по нынешним временам дальнейшее промедление может послужить поводом к какому-либо волнению в массах, а этого лучше было бы избежать. — А куда передайте самые дружеские приветствия оригиналу.

Наконец-то, благодарение Богу, Николушка с вами. Пора! Если он будет продолжать в том же духе, он заставит меня уверовать в историю Симеона Столпника, чье стояние на верху столпа требует, по-моему, не более силы воли, чем та, которую он только что обнаружил⁶... Если древний Столпник и превосходит нашего, то разве только воздержанием. — Пока я имею сообщить ему приятную новость, если она ему еще не известна. Запрещение, тяготевшее над Парижем, только что снято, и ничто уже не препятствует ему вернуться на *Батиньоль*⁷. Сию минуту получил извещение о 750 р(ублях) с(еребром), которые он мне послал.

Прости, моя добрая Дашенька. Напомни обо мне всем, кто обо мне не думает.

Ф. Т.

vient d'être levée, et rien, p(ar) e-
(xemple) ne l'empêche à retourner
aux *Batignoles*⁷. Je reçois à l'instant
l'annonce des 750 R(oubles) d'a-
(rgent) qu'il m'a envoyés.

Adieu, ma bonne Dorothée. Rap-
pelez-moi au souvenir de tous ceux
qui ne songent pas à moi.

Т. Т.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ 4 января 1850

Здравствуй, любезная Дашенька, же-
лаю счастливого года тебе и твоему мужу,
который сделал мне очень милый новодод-
ный подарок, прислав свою комедию-по-
словицу¹.

Она вправду очень мила, очень ост-
роумно-пизацна. Но кому даст он разыг-
рать эту пьеску? Если исполнение ее воз-
ложить на русских актрис, они будут похо-
дить на служанок, вырядившихся в платья
своих хозяек, — что же до наших щего-
лих, то для них это дело оказалось бы
двойне трудным. Прежде всего, для этого
они недостаточно знают русский язык, а
потом они не умеют произносить стихи.
Подлинно национальную русскую комедию

¹ Сушков послал Тютчеву свою комедию «Сыграл ни в чью» (М., 1849) со вставками, восстанавливающими искаженный цензурой текст. Описание этого экземпляра см. в наст. томе: Н. П. Белевцев а. Книги, принадлежавшие Тютчеву (...).

² Повестка Евдокия Петровна *Росточина* (рожд. Сушкова; 1811—1858) приходилась племянницей Н. В. Сушкову. Стихи Тютчева, ей посвященные («Как под сугробом снежным

лени...» — 1850; «О, в эти дни, дни роковые...» — 1855), являются в известной мере проявлением светской галантности и не отражают подлинного отношения поэта к Ростопчиной. Тютчев был невысокого мнения о ее литературном даровании (см. его письма к жене от 13 июля 1851 г. и 1 июня 1857 г. — *СН*, кн. 18, с. 28 и кн. 19, с. 250—251 — пер. с франц.). «Новое произведение» Ростопчиной — драма в стихах «Нелюдимка» (М., 1850).

³ Кн. Мария Андреевна *Львова* (рожд. княж. Долгорукова; 1805—1889). Ее дочь — княж. Екатерина Александровна *Львова* (1834—1855), в замужестве гр. Бобринская.

⁴ Кн. Михаил Александрович *Голицын* (1804—1860) — дипломат. Его жена — Мария Аркадьевна (рожд. Суворова; 1802—1870).

⁵ В 1849 г. парижский литограф Каттэ по заказу Чаадаева выпустил его литографированный портрет. Есть сведения о том, что посредником по рассылке этого портрета своим петербургским и заграничным знакомым Чаадаев избрал Тютчева (*РА*, 1875, № 1, с. 68—69).

⁶ Николушка — Н. И. Тютчев, брат поэта. Тютчев иронизирует по поводу его стойкого сопротивления упорным попыткам родственников склонить его к женитьбе.

⁷ После революции 1848 г. русское правительство отказалось признать Французскую республику и приказало всем русским подданным покинуть Францию. Дипломатические отношения были восстановлены в мае 1849 г.; в конце того же года были отменены ограничительные меры для поездок русских во Францию (М. П о л и е в к т о в. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 347, 358). Бульвар Батиньоль — улица в Париже.

З. Д. И. Сушковой

(Petersbourg.) Jeudi, 20 Septembre (1851)

Ma chère Dorothée. Je me sens horriblement inquiet. La dernière poste ne m'a apporté aucune nouvelle d'Ovstoug. C'est la première fois que pareille chose arrive... Il est impossible que sans quelque raison grave ma femme ait laissé passer une poste sans m'écrire.— C'est impossible.— Je ne puis dire le supplice que j'endure depuis mardi dernier... Si rien n'est arrivé... si elles sont parties le 13, comme elles en avaient l'intention, elles doivent être arrivées le 17 — et alors je pourrai avoir aujourd'hui la nouvelle de leur arrivée¹.

Ah, quelle torture!.. Je me hais d'être fait comme je le suis, tout comme je hais les autres d'être faits autrement... Que Dieu me la conserve et me la rende, et je n'aurai plus rien à lui demander...

Bonjour, ma chère amie. Ce que je viens d'écrire est bien inutile, car ce n'est pas la réponse à ces lignes qui décidera de moi... Ah, que c'est une horrible chose que de pareilles appréhensions!

T. T.

Nicolas est parti le 11².

Перевод:

(Петербург.) Четверг, 20 сентября (1851)

Любезная Дашенька, я страшно встревожен. Последняя почта не доставила мне никакого известия из Овстуга. Это случается впервые... Немыслимо, чтобы без какой-либо важной причины моя жена пропустила почтовый день, не написав мне.— Это невозможно.— Не могу сказать, какой пытке я подвергаюсь с прошлого вторника... Если ничего не случилось... если они выехали 13-го, как предполагали, они должны были приехать 17-го — и тогда я могу получить сегодня известие о их прибытии¹.

Ах, какая мука!.. Я ненавижу себя за то, что создан таким, так же как ненавижу других за то, что они созданы иначе... Да сохранит и да возвратит мне ее Господь, и мне больше нечего будет просить у него...

Прости, любезный друг. То, что я только что написал, весьма бесцельно, ибо не ответ на эти строки разрешит мою тревогу... Ах, что за ужасная вещь подобные опасения!

Ф. Т.

Николушка уехал 11-го².

Слева вверху надпись рукой Д. И. Сушковой: «Voici quelques mots qui doivent vous revenir, chère amie» («Вот несколько слов, которые должны быть приятны вам, моя дорогая»). Эта надпись свидетельствует, что Сушкова переслала письмо брата Э. Ф. Тютчевой в Овстуг.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1 и 2); кроме того, четверг приходился на 20 сентября в 1851 г.

¹ Лего и начало осени 1851 г. Э. Ф. Тютчева с детьми провела в Овстуге. О причинах, заставивших ее задержаться в деревне, см: *Современники о Тютчеве* — письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю, 8/20 сент. 1851 г.

² 11 сентября 1851 г. Н. И. Тютчев выехал в Париж.

4. Н. В. Сушкову

С.-Петербург. 30 июня 1857

Николай Васильевич, теперь моя очередь просить вас о доставлении мне известий из Овстуга. Вот уже вторая почта, что я без писем. В последний раз я получил три письма вдруг, от 8, 11 и 16 июня, а штемпель петербургский был один и тот же на всех трех, что свидетельствует об аккуратности и исправности почтового устройства в Брянске. Это, однако же, невыносимо, и если бы знать только, кто виноватый, я бы настоял непременно, чтобы Прянишников¹ по шеям прогнал этого мерзавца.

Скажите Бодянскому, что я от души благодарю его за его письмо, которого содержание, касающееся Майкова, я уже и сообщил Вяземскому². Вчера, в Петров день³, я был у Вяземского на именинах и имел случай еще раз напомнить и подтвердить ему сказанное в письме. Ковалевский⁴ еще здесь и должен, как мне Вяземский сказывал, видаться с ним перед своим отъездом, и если Ковалевский, с своей стороны, поддержит ходатайство Бодянского, то кажется нет причины сомневаться в успехе. Вчера же узнал я от Вяземского, что по делу «Славянской антологии», о которой было также у нас речь в Москве, уже последовало решение, согласное с желаниями Бодянского⁵... Вы пишете мне о молодом Уварове⁶... я, точно, хорошо с ним знаком и знаю его как достойного молодого человека и не сомневаюсь, что и ему будет приятно с вами сблизиться.

От Анны я получил из Веймара, от 22 июня, два письма, одно ко мне, другое к жене, которое по нынешней же почте и посылаю в Овстуг. — Она пишет, что уже о сю пору ей очень грустно по России и что немцы своею болезненной сусептибельностью* ей страшно надоели. — Она на другой же день должна была выехать из Веймара и теперь давно уже в Киссингене, с императрицей. На днях говорили здесь, что возвращение государя ускорено будет, но по самым последним известиям оно все-таки воспоследует не прежде 15 июля. К этому же времени я жду и брата и поэтому надеюсь, что если вы не уедете из Москвы прежде 20 июля, то мы еще вас застанем. — А когда вы ждете Дашеньку? Знаете ли, однако, что эта беспрестанно повторяющаяся неисправность почт прегнусная вещь. — Последнее мое известие из Овстуга от 16-го, и вот уже две недели, что я решительно не знаю о том, что там происходит. — Я даже не имею до сих пор известия о приезде Мити. Простите, Николай Васильевич. До скорого свидания. Сообщите мое мараанье маминьке и скажите ей, прошу, что я целую ее ручки и, впрочем, совершенно здоров, благодарю лету. — Но надолго ли оно? Признаюсь, не без труда, я нынешним летом отказываюсь от поездки за границу, которую, при теперешних обстоятельствах, мне так удобно было бы совершить, выпросивши у Горчакова, по его возвращении, курьерскую дачу в Киссингене⁷, — но этому, кажется, не бывать. Еще раз простите.

Вам от души преданный

Ф. Тютчев

¹ Федор Иванович Прянишников (1792—1867) — главноначальствующий Почтового департамента Министерства внутренних дел, член Государственного совета.

² Профессор Московского университета, известный славист Осип Максимович Бодянский (1808—1877) ходатайствовал за своего ученика Аполлона Александровича Майкова (1826—1902), автора труда «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа» (М., 1857). Письмо Бодянского к Тютчеву не сохранилось, и остается неизвестным, в чем состояло это ходатайство, которое Тютчев поддержал перед П. А. Вяземским, в то время товарищем министра народного просвещения.

³ Петров день — праздник православной церкви, в честь апостолов Петра и Павла, — отмечался 29 июня ст. ст.

* чувствительностью (от франц. susceptibilité).

⁴ Евграф Петрович *Ковалевский* (1792—1867), государственный деятель; в 1856—1858 гг. — попечитель Московского учебного округа; с марта 1858 г. по июнь 1861 г. — министр народного просвещения.

⁵ Подразумеваются «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» — периодические сборники, выходившие под редакцией Бодянского с 1845 г. Здесь печатались древние памятники русской и славянской письменности. В 1848 г. «Чтения» были прекращены за попытку напечатать воспоминания Флетчера о России XVI в. С 1858 г. издание было возобновлено по-прежнему под руководством Бодянского.

⁶ Гр. Алексей Сергеевич *Уваров* (1828—1884) — сын С. С. Уварова; археолог, впоследствии основатель Московского археологического общества (1864), организатор Исторического музея в Москве.

⁷ Курьерская дача — дипломатическая почта, посылаемая с курьером.

5. Н. В. Сушкова

С.-Петербург. Середа, 24 сентября 1858

Николай Васильевич, передайте, прошу вас, Н. Ф. Павлову, что, прочитав его письмо, я все-таки не могу ему дать другого совета, <как> *приезжайте сами сюда*¹. Письменно ничто не может ни объясниться, ни уладиться... Вера в действительность письма есть, конечно, один из самых странных предрассудков, хотя иногда и живое слово также мало ведет к делу, каково, например, живое и слишком живое слово Бахметьева². Уезжая отсюда, он уверил меня, что со стороны министерства никаких препятствий не предстоит изданию предполагаемого журнала, но есть ли в этих словах какой-нибудь положительный смысл, это одному богу известно. Слова Бахметьева это как аккорды Золовой арфы, вызываемые своеправным дуновением мимолетного ветерка, но предумышленной мелодии в них искать не следует — итак, если в пояснение этих загадочных слов не воспоследует формальное разрешение, то, чтобы не терять понапрасну времени, я ничего другого придумать не могу, кроме вышесказанного средства.

Ваше письмо к Ковалевскому³ я ему сообщил тотчас по приезде, но, признаюсь вам, я не ожидаю от него желанного успеха... брату Николаю Ивановичу скажите, прошу вас, что Мальцова⁴ здесь нет, он за границей и неизвестно, когда воротится. Следственно, надобно будет искать других посредников и путей до Штиглица⁵, и я не отчаиваюсь найти их — но не приедет ли он сам в Петербург? И когда?

Маминьке скажите, что я у ней целую ручки и буду к ней писать на днях. Послезавтра здесь крестины⁶, и я жду дочерей в город, по крайней мере одну из них, Дарью, которая уже в полном отправлении своих придворных обязанностей⁷. — Сестру и Kitty⁸ от души обнимаю, вам же усердно кланяюсь и благодарю еще раз за ваше радужное гостеприимство.

Вам искренно преданный

Ф. Т ю т ч е в

¹ В 1840—1850-е годы писатель Н. Ф. Павлов выступал как публицист. Его обращение к Тютчеву связано с намерением издавать журнал. Замысел этот не осуществился, и в 1860 г. Павлов начал издавать газету «Наше время». Об отношении Тютчева к Павлову см. в наст. томе: Т ю т ч е в — Г а г а р и н у, п. 1.

² Алексей Николаевич *Бахметьев* (1801—1861) — попечитель Московского учебного округа (1858—1859).

³ Письмо Сушкова министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому неизвестно.

⁴ Об С. И. Мальцове см. в наст. томе: Т ю т ч е в — М а л ь ц о в у (предисловие).

⁵ Бар. Александр Любимович *Штиглиц* (1814—1884) — российский придворный банкир.

⁶ Крестины новорожденного в. кн. Константина Константиновича состоялись 26 сентября 1858 г.

⁷ 22 августа 1858 г. Д. Ф. Тютчева была назначена фрейлиной императрицы Марии Александровны.

⁸ Kitty — Е. Ф. Тютчева, дочь поэта.

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1829, (1845)

Надежда Николаевна *Шереметева* (рожд. Тютчева; 1775—1850) — тетка поэта. Имя ее встречается не только в связи с историей его семьи. Известна переписка Гоголя с Шереметевой, которую он называл своей «духовной матерью». Известна и переписка Жуковского с нею, а также его слова, к ней обращенные: «Поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и за ваше несчастье, которое вы умеете делать высоким добром для вашей жизни» (*РС*, 1892, т. 76, окт., с. 150—151).

Письмо Тютчева к Шереметевой относится к тому времени, когда несчастье, о котором писал Жуковский, уже обрушилось на ее семью. Это был арест зятя, мужа ее дочери Анастасии Васильевны, — Ивана Дмитриевича Якушкина, известного деятеля декабристского движения.

Декабрьские события, — читаем в записках Н. В. Якушкина, — застают Якушкиных в Москве. Попытки Ивана Дмитриевича поднять на помощь петербургским товарищам военное восстание терпит неудачу, и он с полным самообладанием ожидает ареста. Надежда Николаевна отдает себе ясный отчет в надвигающихся событиях. Она спешно вызывает из Покровского своего управляющего Якова Игнатьевича Соловьева и поручает ему в определенном месте покровского дома выломать половицы и сжечь хранящиеся там бумаги («Новый мир», 1964, № 12, с. 153).

10 января 1826 г. Якушкин был арестован. Единственное свидание с женой и тещей он получил уже после вынесения приговора, по которому был осужден на 20 лет каторги. Во время этого свидания было решено: Анастасия Васильевна с детьми поедет за мужем в Сибирь, и Надежда Николаевна будет сопровождать их (там же, с. 154).

Поездка не состоялась. Но мысли о ней не оставляли Анастасию Васильевну все последующие годы, и мать «сумела в этом вопросе стать выше всяких личных побуждений» (там же, с. 157).

Принимать участие в судьбах других, заботиться о них, хлопотать за них стало жизненным кредо Шереметевой. Не случайно первое письмо Тютчева начинается словами благодарности за готовность Шереметевой «ходатайствовать» по делу продвижения его по службе.

Сохранилось два письма Тютчева к Шереметевой. Оба они публикуются ниже. Первое письмо печатается по копии из *Собр. Пигарева* (автограф его неизвестен); идентичность отдельных мест копии вызывает сомнение — в этих случаях в тексте письма сделаны наиболее очевидные конъектуры, отмеченные угловыми скобками. Второе письмо* печатается по автографу: ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 141.

Письма Шереметевой Тютчеву неизвестны.

1

Минхен. Сего 16/28 декабря 182

Много и непростительно виноват перед вами, милостивая государыня тетушка, что так поздно отвечаю на родственно-милостивое письмо ваше. С братом Алексеем Васильевичем собирался было писать к вам¹, но подумал, что лучше будет предоставить ему изъяснить вам мою признательность. Теперь известился через письмо от своих², что я вам новою обязан благодарностию. Вы пред(по)лагали ехать в Петербург ходатайствовать по моему делу. Душевно тронул меня сей знак вашего расположения, но теперь при переменившихся обстоятельствах сия поездка была бы бесполезна³. Не менее того в полной мере чувствую всю цену сего истинно-родственного предложения.

Я полагаю, что Ал(ексей) Васильевич теперь с вами, и от всего сердца, любезнейшая тетушка, поздравляю вас с его приездом. Благодаря этим шести

* Публикация Т. Г. Д и н е с м а н.

неделям, что он провел с нами, легко вообразить, как утешительно должно быть для вас его присутствие. Прошу вас покорнейше еще раз поблагодарить его за всю им оказанную нам дружбу. Не говоря о себе, он оставил в Минхене искренно-преданных ему друзей. Не проходит дня, чтобы речь не шла о нем, и в первые дни по его отъезде он точно такую оставил пустоту у нас в доме, как бы несколько лет сряду жил с нами вместе. Кто его знает, тому сие покажется весьма естественно. С его редкими душевными свойствами, с его прекраснейшим характером ему везде легко будет найти искреннюю сердечную приязнь и оставить по себе добрую любезную память. Всем его знающим и любящим должно быть крайне утешительно говорить про него с вами. В нем послана вам, любезнейшая тетушка, большая награда за вашу большую доброту. И да сохранит вас Бог обоих для вашего взаимного щастия.

Мы на днях получили от него письмо из Вены⁴. Но пусть он сам расскажет вам им совершенные подвиги. Вы, вероятно, захотите известного рассказа, чтобы поверить оным. Жена просит у вас позволения самой <писать> к вам, а я прошу у вас для нее вашего родственного расположения. Брату, которого еще со мною нет, я передам поклон ваш. Любезнейшим сестрицам, буде они меня не совсем позабыли, мое усердное почтение, равно и Михаилу Николаевичу⁵, и, поздравляя вас и их с наступающим Новым годом, с искренним желанием всех благ, пребуду навсегда с душевным почтением и преданно стию, милостивая государыня тетушка,

ваш покорный племянник

Ф. Т ю т ч е в

¹ Алексей Васильевич *Шереметев* (1800—1857) — сын Н. Н. Шереметевой, двоюродный брат поэта. Ему посвящено стихотворение «Послание к А. В. Шереметеву» (1823). О пребывании Шереметева в Мюнхене осенью 1829 г. см.: А. Л. О с п о в а т. Из материалов для биографии Тютчева. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1986, т. 45, № 4, с. 352.

² Это письмо неизвестно.

³ 31 октября 1829 г. Тютчев был произведен в титулярные советники. Видимо, эти «переменившиеся обстоятельства» подразумеваются в его письме.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Имеются в виду дочери Шереметевой — А. В. Якушкина и ее старшая сестра Пелагея Васильевна, а также муж последней — М. Н. Муравьев (письмо Тютчева к П. В. Муравьевой публикуется в наст. томе).

Если бы не чудовищная лень моя и глупая непривычка писать по-русски, я бы давно, любезнейшая тетушка, завел с вами постоянную, бесконечную переписку. Много вы утешили нас, жену и меня, письмом вашим. Вы, надеюсь, не сомневаетесь в нашей к вам привязанности и признательности за ваше родственно-дружеское расположение. Жена в особенности поручила мне благодарить вас,

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВА

Портрет работы Г. И. Белова (масло). Москва, вторая четверть XIX в.

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

что вы частичку этого уделите и на ее портрет, который и сам бы, вероятно, высказал вам тоже свою благодарность, если бы, при свидании с вами, удалось ему промолвить хоть одно словечко. Но по объясненной вами причине, это, хоть бы и не для портрета, при данных обстоятельствах была вещь невозможная, как мы теперь ежедневно и ежечасно в том удостоверяемся.

Вчера, в день праздника, мы все обедали у Палагеи Васильевны. Давно уж я собираюсь, любезнейшая тетушка, попросить вас, чтобы вы и от себя поблагодарили Палагею В(асильевну) за всю ее любовь и ласку к моим иноземным дочерям¹. С их самого приезда в Россию, она была для них чрезвычайно хороша, что меня гораздо более радует, нежели я сам ожидать мог от моей весьма умеренной родительской нежности. Вам, может быть, уже известно, что обе меньшие дочери помещены в здешнем Смольном институте, где, по-видимому, им очень хорошо. Многому они, я думаю, там не научатся, но об их учености я мало и забочусь. Главное для меня — это чтобы они как можно скорее привились к России. А для этого общественное воспитание есть, конечно, самое верное и надежное средство. Касательно же присмотра и обращения с ними можно также быть совершенно довольными. Их не только любят, но, по-моему, даже и балуют... Но я в этом не судья...

О брате Николае я, как оно и следует, с самой минуты его отъезда никакого известия не имею, а предполагаю, что он теперь в Риме... скучает. Когда же он намерен свою заграничную скуку променять на отечественную, не знаю и вероятно, что из переписки нашей этого скоро и не узнаю.

Мне приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался²... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...

Вы, конечно, пожалели о Тургеневе³. При всем его легкомыслии и пустословии, в нем было много доброго, много души.

По делу Щепкина я, вопреки вашему необычайному и несправедливому предубеждению, тотчас же снесся с Григ(орием) В(асильевичем), который вторым опекуном, — и не замедлил известить Палагею В(асильевну) об ответе⁴.

Кончаю, любезнейшая тетушка, с чего бы начать следовало, т. е. поздравлениями с праздником, Н(овым) годом, и поручаю себя вашей любви и памяти.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3).

¹ 25 ноября 1845 г. Тютчев писал родителям, что глубоко признателен П. В. Муравьевой «за приятнь, постоянно выказываемую ею детям со времени их приезда», и что он «глубоко этим растроган» (Соч. 1980, т. 2, с. 79).

² В это время А. О. Смирнова испытывала тяжелый внутренний разлад и часто жаловалась близким на свое невыносимое душевное состояние (см., например, ее письмо Гоголю от 3 июня 1845 г. — РС, 1890, № 6, с. 644).

³ А. И. Тургенев скончался 3 декабря 1845 г.

⁴ В чем заключалось «дело Щепкина», установить не удалось.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Публикация К. В. Пигарева

Предисловия и комментарии Л. Н. Кузиной

А. Д. БЛУДОВОЙ

1870

Графиня Антонина Дмитриевна *Блудова* (1813—1891) — дочь государственного и литературного деятеля Д. Н. Блудова (см. ниже), фрейлина императорского двора — была близким другом семьи Тютчевых.

Современники отмечали незаурядный ум Блудовой, постоянство ее славянофильских устремлений, а также многолетнюю благотворительную и просветительскую деятельность в области женского образования. Записки и воспоминания Блудовой свидетельствуют, что она разделяла взгляды Тютчева на роль России в судьбах славянских народов (ср., например, ее рассуждения о России как «старшем члене в семье славянской» — *РА*, 1875, № 6, с. 184).

Точных сведений о времени первого знакомства Тютчева с Блудовой и ее отцом не сохранилось, однако начиная с 1851 г. их имена постоянно фигурируют в семейной переписке поэта. «Встреча и знакомство с вами обоими,— писал Тютчев Блудовой,— всегда останутся для меня одним из самых дорогих и лучших подарков жизни. Ведь искренне говоря, трудно найти дом, где получишь больше душевного покоя и утешения, чем у вас» (*Уrania*, с. 259). Свои дружеские чувства Тютчев выразил также в стихотворении «Графине А. Д. Блудовой» (1866). Подробнее об их отношениях см.: *Уrania*, с. 260—268 (послесловие М. М. О т о в н л о в о й к публикации писем Тютчева к Блудовой).

Сохранилось 24 письма Тютчева Блудовой за 1857—1873 гг. (*Письма* 9), пять из них опубликовано (*Библиография* 7).

Публикуемые ниже три письма написаны по-французски. Печатаются по автографам (*Собр. Пигарева*) на языке оригинала и в переводах К. В. Пигарева (п. 1 и 2) и Н. И. Филипович (п. 3).

Письма Блудовой Тютчеву неизвестны.

1

⟨Pétersbourg.⟩ Ce 19 Février 1870

Malade ou non, ce n'est pas un jour comme aujourd'hui¹ que je manquerai à l'appel du passé, de ce passé, qui à mesure qu'il recule devient plus intimement le nôtre...

Et quelle valeur, quelle signification aurait le présent qui s'agite autour de nous, sans les grandes ombres qu'y projette le passé qui nous est si cher?

Chère comtesse, ai-je besoin de vous dire qu'aujourd'hui toute ma pensée est avec vous, recueillie dans le même souvenir et la même prière.

Que Dieu vous garde.

Т. Т.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ 19 февраля 1870

Болен я или нет, в такой день, как сегодня¹, я не могу не откликнуться на зов прошлого, того прошлого, чья связь с нами становится все тесней по мере того, как оно все более от нас отдаляется...

А. Д. БЛУДОВА

Фотография К. Бергамаско. Петербург, конец
1860-х годов

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

est une *infamie*, il n'y a pas d'autre mot pour qualifier un procédé semblable. A quel excès pourtant peuvent arriver certaines natures sous le coup de fouet d'un amour-propre sottement irritable et qui se sent blessé.

Parlez-en au prince Gortchakoff à votre retour à Czarskoé. Au plaisir de vous revoir très probablement Dimanche prochain.

Т. Т.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Пятница, ⟨13 ноября 1870⟩

Позвольте, дорогая графиня, обратить ваше внимание на статью в «Московских ведомостях» от 11 ноября, № 243.

Так вот, в этой статье есть абзац, который поистине нельзя рассматривать иначе, как настоящую *низость*, принимая в расчет тот авторитет, коим пользуется газета Каткова.

В этом абзаце, касающемся славян *Цислейтании*¹, прямо говорится, на основании не знаю каких данных, что принесение их в жертву — дело более или менее решенное, несмотря на все симпатии, которые они нам выказывают². Повторяю, при настоящих обстоятельствах³ подобная инсинуация, да еще исходящая от Каткова, является *низостью*, и нет другого слова, чтобы определить такой поступок. До чего, однако, могут доходить некоторые натуры, подхлестываемые глупо-раздражительным и якобы уязвленным самолюбием!

Поговорите об этом с князем Горчаковым по вашему возвращении в Царское. До приятного свидания, по всей вероятности — в будущее воскресенье.

Ф. Т.

Да и какую ценность, какое значение имела бы суета окружающего нас настоящего, если бы столь дорогое нам прошлое не отбрасывало на него свои великие тени?

Милая графиня, нет надобности говорить, что сегодня я всеми мыслями с вами и предаюсь тем же воспоминаниям и той же молитве, что и вы.

Да хранит вас Бог.

Ф. Т.

¹ 19 февраля 1870 г. исполнилось шесть лет со дня смерти Д. Н. Блудова.

2

⟨Pétersbourg.⟩ Ce Vendredi, ⟨13 Novembre 1870⟩

Laissez-moi vous signaler, chère comtesse, l'article de la Gazette de Moscou, en date du 11 Novembre, № 243.

Eh bien, il y a dans cet article un alinéa, qui pourrait être dûment qualifié de véritable *infamie*, en égard à l'autorité qui s'attache au journal de Katkof.

Cet alinéa est à l'adresse des Slaves de la *Cisluthanie*¹ et dit crûment sur la foi de je ne sais quelle autorité, que leur sacrifice est une chose à peu près décidée, en dépit de toutes les sympathies qu'ils nous témoignent². Encore une fois, dans les circonstances données³ et venant de la part de Katkof, une pareille insinuation

Датируется по содержанию: упоминаемая статья Каткова была напечатана 11 ноября 1870 г.; письмо написано в ближайшую после ее появления пятницу, которая приходилась на 13 ноября.

¹ Цислейтания — неофициальное название части территории Австро-Венгрии (1867—1918); включала Чехию, Моравию, Силезию, Галицию, Буковину, Далмацию и ряд других областей.

² 3 ноября 1870 г. была обнародована декларация Горчакова о расторжении 14-й статьи Парижского трактата 1856 г., ограничивавшей права России на Черном море. В передовой статье «Московских ведомостей» от 11 ноября (№ 243) приводились отклики европейской прессы на это событие. Декларация вызвала недовольство многих европейских государств. В этой связи одна из газет писала, что «война с Россией будет в Австро-Венгрии популярнейшей из войн». Катков перепечатал это высказывание, а также ответное заявление «австрийских славян», появившееся в пражской газете «Politik»: «Война Австрии против России не согласна ни с интересами, ни сочувствиями славянских народов, и да подумают это те, кого это касается, прежде чем замышлять о такой войне...» Это заявление сопровождалось репликой Каткова: «Бедные славяне Цислейтании! Кто знает, быть может судьбы их уже совершаются, причем о их сочувствиях спрашивать не будут...»

³ Под «настоящими обстоятельствами» подразумевалась, по-видимому, сложность подхода к «славянскому вопросу» в условиях военного разгрома Франции при Седане и начавшегося создания Германской империи под эгидой Пруссии. Ее все возрастающему влиянию русская дипломатия стремилась противопоставить укрепление позиций Австрии, что затрудняло выражение симпатий к находящимся под ее суверенитетом славянским народам.

3

⟨Pétersbourg.⟩ Ce Mercredi

Bien certainement j'irai chez vous, chère comtesse, pas pour dîner, mais dans l'avant-soirée. J'ai besoin de vous voir et j'ai hâte de revoir Madame votre belle-soeur.

Je comprends que vous ne soyez pas gaie. Il n'y a pas de quoi l'être... L'homme est si singulièrement fait, qu'il ne peut pas voir la sottise, armée de pouvoir, écrasant l'intelligence, sans en éprouver un certain malaise.

Au revoir.

Т. Т.

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Среда

Я непременно приду к вам, милая графиня, но не к обеду, а под вечер. Мне нужно с вами увидеться, да и вашу невестку также хотелось бы еще раз повидать.

Конечно, вам невесело. Да и не с чего... Человек так странно создан, что не может не испытывать тягостного ощущения при виде того, как глупость, облеченная властью, подавляет разум.

До свидания.

Ф. Т.

Письмо без даты. Содержание его не дает оснований для датировки.

Д. Н. БЛУДОВУ

⟨Начало 1860-х годов⟩

Граф Дмитрий Николаевич *Блудов* (1785—1864) — близкий знакомый Тютчева. Один из основателей литературного кружка «Арзамас». В его доме бывали Карамзин, Жуковский, Пушкин, Батюшков. Известный государственный деятель, он в последние годы жизни занимался собиранием своих отдельных записей с рассуждениями и замечаниями по самым различным вопросам, сопровождая, подкрепляя и перемежая их высказываниями философов, писателей и общественных деятелей разных стран. Собранное им Блудов хотел отдать в печать, но не успел сделать это. Частично этот замысел нашел отражение в книге, подготовленной его дочерью, — «Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова» (СПб., 1866). Получив от нее эту книгу, Тютчев ответил на подарок стихами: «Как этого

Д. Н. ВЛУДОВ

Фотография. Петербург, начало 1860-х годов

Собрание К. В. Пигарева, Москва

А. С. Хомяков (А. С. Хомяков). Полн. собр. соч., т. III. М., 1914, с. 448—450). В печати постоянно появлялись исследования и сообщения с публикацией старообрядческих стихов, песен и т. д. Большое внимание привлекла к себе осуществленная в 1861 г. академиком Н. С. Тихонравовым публикация самого яркого памятника старообрядческой литературы — «Жития протопопа Аввакума» (на обложке — 1862 г.).

Публикуемое письмо — единственное известное нам письмо Тютчева к Блудову. Датруется по времени работы Блудова над «Мыслями и замечаниями». Написано по-французски.

Печатается по автографу (ИРЛИ, Разр. I, оп. 27, № 146) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Блудова Тютчеву неизвестны.

⟨Pétersbourg.⟩ Ce jeudi. ⟨1860—1864⟩

Assurément, cher Comte, on ne saurait rien trouver de plus ingénieusement approprié à la destination que vous avez en vue que les quatre vers, cités par vous, de *Jacob Boehm*. C'est une des plus grandes intelligences qu'aient jamais traversé le monde que ce J. Boehm. Elle marque, pour ainsi dire, le point d'intersection de deux doctrines les plus opposées, le Christianisme et le Panthéisme. On pourrait l'appeler le *Panthéiste chrétien* si ces deux mots ne hurlaient pas de se trouver ensemble... Pour reproduire ses idées en russe, en véritable russe, il faudrait s'approprier la langue si idiomatique et si profondément expressive de quelques-uns de nos sectaires. Pour ma part je me recule et reconnais volontiers mon insuffisance... Toutefois, pour vous complaire, voici d'abord l'essai d'une traduction générale: «Тот, кто уразумел Время как Вечность, а Вечность как Время стал не причастен никакому горю...»

Ou bien, dans une forme plus métrique:

Кто Время и Вечность
В себе совместил,
От всякого горя
Себя оградил...¹

Ces deux versions ont cela de commun entr'elles que toutes les deux ne valent absolument rien...

Mille salutations empressées.

Ф. Т ю т ч е в

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Четверг. ⟨Начало 1860-х годов⟩

Конечно, любезный граф, невозможно найти что-либо более искусно приуроченное к тому назначению, которое вы имеете в виду, чем четыре стиха Якоба Бёме, цитируемые вами. Якоб Бём — один из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще. Он, так сказать, точка пересечения двух наиболее противоположных учений — Христианства и Пантеизма. Его можно было бы назвать *христианским пантеистом*, если бы сочетание двух этих слов не заключало в себе вопиющего противоречия... Чтобы выразить его идеи на русском языке, на настоящем русском языке, нужно было бы усвоить столь идиоматический и столь глубоко выразительный язык некоторых наших сектантов. Со своей стороны я уклоняюсь от этого и охотно признаю свою неспособность... Тем не менее, чтобы вам угодить, вот сначала попытка дословного перевода:

«Тот, кто уразумел Время как Вечность, а Вечность как Время, стал не причастен никакому горю...»

Или же в форме более метрической:

Кто Время и Вечность
В себе совместил,
От всякого горя
Себя оградил...¹

Общее между этими двумя переводами то, что они оба решительно ничего не стоят. Примите мои усердные приветствия.

Ф. Т ю т ч е в

¹ Комментарий к этому переводу см. в наст. томе (кн. I): «Из Якоба Бёме»; там же см. немецкий текст четверостишия Бёме.

И. С. ГАГАРИНУ

1836—1838

Князь Иван Сергеевич Гагарин (1814—1882) в 1833—1835 гг. занимал место атташе русской дипломатической миссии в Мюнхене и в это время сблизился со вторым секретарем Тютчевым. Его воспоминания, изложенные в письмах к А. Н. Бахметевой (1874), — один из немногих источников, освещающих этот мало изученный период жизни поэта (см. в наст. томе, кн. II: «Тютчев в Мюнхене. Из переписки И. С. Гагарина с И. С. Аксаковым и А. Н. Бахметевой»).

В конце 1835 г. Гагарин уехал из Мюнхена в Россию и первое время после отъезда переписывался с Тютчевым. Однако по прошествии трех лет переписка оборвалась.

Гагарину суждено было сыграть важную роль в творческой биографии Тютчева. В 1836 г. он познакомил Вяземского, Жуковского и Пушкина с его стихами, после чего они появились на страницах пушкинского «Современника». Публикация имела успех, она принесла известность поэту, до того почти неизвестному литературным кругам Петербурга.

Большая часть переписки Тютчева с Гагариным утрачена. Ниже печатается все, что от нее сохранилось: четыре письма Тютчева (1836—1838) и два письма Гагарина (1836). Все эти письма написаны по-французски.

Автографы писем Тютчева хранятся в архиве Гагарина (Bibliothèque Slave, Париж). Там же находится черновой автограф одного из писем Гагарина (беловой автограф неизвестен); автограф другого его письма утрачен (отрывок из него известен по публикации

П. Пирлинга «Письмо Гагарина к Тютчеву о Бенедиктове и Пушкине» («Книжки Недели», 1899, кн. 1, с. 228—229).

Два из четырех писем Тютчева (п. 2 и 4 настоящей публикации) неоднократно печатались (*Библиография* 15). Кроме того, три письма (п. 2, 4 и 6) напечатаны в издании *Bibliothèque Slave* — журнале «Символ» (Париж), 1984, № 11, с. 223—243 (п. 2 и 4; публ. Фр. Р у л о) и с. 243—247 (п. 6; публ. Р. Л э й н а). Отрывок одного из писем Гагарина (п. 1) напечатан в указанной публикации П. П и р л и н г а (на франц. яз. и в переводе); другое его письмо (п. 3) см.: *РА*, 1879, № 5, с. 120—121 (на франц. яз. и в переводе); затем: «Новое слово», 1894, № 2, с. 40 (пер. с франц.); В. А. Б и л ь б а с о в. Исторические монографии, т. II. СПб., 1901, с. 417 (пер. с франц.).

В настоящем томе переписка Тютчева с Гагариным (в сохранившейся ее части) впервые публикуется полностью, в едином комплексе. Письма Тютчева печатаются по фотокопиям с автографов (п. 2, 4, 6) — ЦГАЛИ, ф. 1049, оп. 1, ед. хр. 8 (п. 2, 4 и 6) и по копии, присланной Гагариным И. С. Аксакову, — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 59 (п. 5). Письма Гагарина печатаются по указанной публикации П. Пирлинга (п. 1) и по фотокопии с незавершенного чернового автографа — ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 81 (п. 3). Письма Тютчева печатаются на языке оригинала и в переводе К. В. П и г а р е в а, письма Гагарина — в переводах Н. И. Ф и л и п о в и ч (п. 1) и К. В. П и г а р е в а (п. 3).

1. Гагарин — Тютчеву

С.-Петербург март 1836

Мне было приятно узнать от вашей жены, что вы с удовольствием прочли стихотворения Бенедиктова. Не правда ли, какой искренний, какой глубокий талант! Когда я в первый раз сообщил вам о нем, я писал из Москвы, под влиянием первого впечатления — восторга и удивления, которые вызвало это издание в московском литературном кружке. Теперь, находясь в Петербурге, я также довольно часто вижу с теми, кого можно назвать литературным миром: с Вяземским, Жуковским, Пушкиным и пр. У Жуковского, между прочим, каждую субботу бывают довольно любопытные собрания, где я видел и Бенедиктова. Он сразу же вошел в их круг, однако его невзрачная, неприятная, я бы сказал, почти уродливая внешность и армейские привычки, которые несколько не сгладились пребыванием в свете, приводят к тому, что он оказывается в стороне от общества этих людей, которым не может быть близок. Пушкин при всех молчит, но в тесном кругу нападает на него так яростно и так несправедливо, что это уже само по себе свидетельствует об истинности достоинства Бенедиктова². Кстати, вы должны быть знаете, что Пушкин предпринял издание журнала под названием «Современник», который будет выходить раз в три месяца³; ему придется изложить свои взгляды и отстаивать их. Мы с вами часто говорили о том, какое место занимает Пушкин в поэтическом мире (<...>)

¹ Гагарин был не одинок в своей оценке первого сборника стихов В. Г. Бенедиктова (В. Г. Б е н е д и к т о в. Стихотворения. М., 1835). «У нас появился новый поэт, Бенедиктов (<...>), — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 30 ноября 1835 г. — Замечательное, живое, свежее, самобытное явление» (*Остафьевский архив*, т. III, с. 279). Это отношение разделяли в то время многие литераторы — например, Жуковский, молодой И. С. Тургенев, молодой М. Е. Салтыков, Т. Н. Грановский. Шумный успех имел Бенедиктов у широкой публики; в 1836 г. сборник его был переиздан.

² Об отношении Пушкина к поэзии Бенедиктова см.: Л. Г и н з б у р г. Пушкин и Бенедиктов («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 2. Л., 1936, с. 148—182).

³ Первый том пушкинского «Современника» появился в начале апреля 1836 г.

2. Тютчев — Гагарины

Munich. Ce 2 Mai/20 Avril) 1836

Mon bien cher ami,

J'ose à peine espérer qu'en revoyant mon écriture vous n'éprouviez plutôt une impression pénible qu'agréable. Ma conduite à votre égard est *inqualifiable* dans toute la vague énergie de ce mot, et quelle que soit ou quelqu'ait été votre amitié pour moi, quelle que soit l'aptitude de votre esprit à comprendre les excentricités les plus extravagantes du caractère ou de l'esprit d'autrui, je désespère

en vérité de vous expliquer mon silence. Sachez que depuis des mois ce maudit silence me pèse comme un cauchemar, qu'il m'étouffe, qu'il m'étrangle... et bien que pour le dissiper il eût suffi d'un très léger mouvement des doigts — jusqu'à l'heure d'aujourd'hui je ne suis pas parvenu à effectuer ce mouvement sauveur, à rompre ce sortilège.

Je suis un exemple vivant de cette fatalité, si morale et si logique, qui fait de chaque vice sortir le châtiment qui lui est dû. Je suis un apologue, une parabole, destinée à prouver les détestables conséquences de la paresse. Car enfin c'est cette maudite paresse qui est le mot de l'énigme. C'est elle qui, en grossissant de plus en plus mon silence, a fini par m'en accabler comme sous une avalanche. C'est elle qui a dû me donner à vos yeux toutes les apparences de l'indifférence la plus brûlante, de la plus stupide insensibilité. Et Dieu sait pourtant, mon ami, qu'il n'en est rien. En écartant les phrases, je ne vous dirai que ceci: depuis l'instant de notre séparation, il ne s'est pas passé un jour que vous ne m'ayez manqué. Croyez, mon cher Gagarine, qu'il y a peu d'amoureux qui pourraient en conscience en dire autant à sa maîtresse. Toutes vos lettres m'ont fait grand plaisir, toutes ont été lues et relues, à chacune d'entr'elles j'ai fait au moins vingt réponses. Est-ce ma faute si elles ne vous sont pas parvenues, faute d'avoir été écrites. Ah! l'écriture est un terrible mal, c'est comme une seconde chute pour la pauvre intelligence, comme un redoublement de matière... Je sens que si je me laissais aller, je vous écrirais une bien longue, longue lettre, tendant uniquement à vous prouver l'insuffisance, l'inutilité, l'absurdité des lettres... Mon Dieu, comment peut-on écrire? Tenez, voilà une chaise vide auprès de moi, voilà des cigares, voilà du thé... Venez, asseyez-vous et causons; ah oui, causons comme nous l'avons si souvent fait, comme je ne le fais plus...

Mon cher Gagarine, vous vous tromperiez beaucoup si vous jugiez par ce commencement de lettre (que je ne suis pas sûr d'achever) de l'état habituel de mon humeur... Et, pour ne parler que du moment présent, les Krüdener qui nous quittent demain¹, vous diront si j'ai lieu de me réjouir beaucoup. Après un hiver passé dans les tiraillements continuels, dont nul que moi n'a eu le secret, un événement aussi imprévu qu'il aurait pu devenir affreux a failli bouleverser mon existence. Je n'ai pas le courage de vous en parler... Mais sachez qu'à peine revenu à moi-même, j'ai pensé à vous et ai compté sur votre sympathie.

Par lettres on ne devrait parler que de généralités, car il n'y a que les généralités qui puissent être comprises à distance. Mais c'est qu'il y a des moments où la vie interrompt tout à coup cette discussion philosophique et vous cherche querelle comme un mauvais tuteur... C'est même là le côté vraiment tragique de la condition humaine. Dans les temps ordinaires la terrible réalité de la vie laisse la pensée se jouer librement autour d'elle, et lorsque celle-ci est pleine de sécurité et de foi dans sa force, tout à coup elle s'éveille et d'un seul coup de patte lui brise les reins... Mais ceci encore n'est qu'une généralité... Revenons à vos lettres...

Ce que vous me dites de vos premières impressions à votre retour en Russie m'a intéressé. Je regrette de n'y avoir pas fait de réponse dans le premier moment, maintenant c'est trop tard, car que sais-je où vous en êtes maintenant? A coup sûr ce ne sont plus les mêmes nuages au ciel qu'il y a six mois. A l'heure qu'il est vous devez avoir quitté le bord. Vous devez être entré dans le courant. S'il y avait de la convenance à parler des choses qu'on ignore complètement, je vous dirais en gros que le mouvement intellectuel, tel qu'il s'accomplit maintenant en Russie, rappelle à certains égards et en tenant compte de l'immense diversité des temps et de positions, la tentative catholique essayée par les Jésuites... C'est la même tendance, le même effort de s'approprier la culture moderne moins son principe, point la liberté de la pensée, et il est plus que probable que le résultat en sera le même... Ne serait-ce que par la simple raison que dans le pouvoir absolu, tel qu'il est constitué chez nous, il entre un élément protestant *ipso facto* la tutelle de Mr. *Ouwaroff et confrérie* peut être bonne ou mauvaise, salutaire ou malfaisante, mais dans tous les cas elle est transitoire²...

Ce 3 Mai

И. С. ГАГАРИН

Литография по рисунку Г. Бодмера. Мюнхен, 1835

Внизу подпись художника: «G. Bodmer fecit 1835»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

toutes ses idées se bouillèrent, et il ne lui reste qu'un sentiment d'inexprimable angoisse avec l'irrésistible besoin de s'en délivrer à tout prix. Par une fatalité inouïe, sa tante⁴ venait de la quitter et sa soeur⁵ n'était pas dans la chambre lorsque l'accès se déclara... S'étant mise à fouiller dans ses tiroirs, elle découvrit tout à coup un petit poignard qui était resté là depuis la *masquerade* de l'année dernière. La vue de ce fer fixe ses idées, et dans un accès de complète frénésie, elle s'en donna plusieurs coups au sein. Aucun heureusement n'était grave. Perdant du sang et toujours en proie à cette angoisse dont elle ne peut se délivrer, elle descend l'escalier, court dans la rue, et là, à 300 pas de la maison, tombe évanouie. Les gens de Hollenstein, qui l'avaient vu sortir et qui la suivirent, la rapportèrent chez elle. Sa vie pendant vingt-quatre heures fut dans un danger imminent, et ce n'est qu'après lui avoir appliqué une saignée et 40 sangsues qu'on est parvenu à la rendre à la raison... Maintenant elle est hors d'affaire, quant à l'essentiel, mais l'ébranlement nerveux se fera encore longtemps sentir.

Tel est le fait dans sa *vérité vraie*, sa cause est toute physique. C'est un transport au cerveau. Vous qui la connaissez et qui connaissez tout l'ensemble de la position, vous n'en douterez pas un instant. Et j'attends de votre amitié, mon cher Gagarine, que s'il arrivait qu'en votre présence on cherchât à représenter la chose sous un jour plus romanesque peut-être, mais complètement faux, vous démentiez hautement les absurdes versions⁶. Le roman est devenu si lieu commun, que même sous le rapport de l'intérêt tous les bons esprits doivent préférer un fait physiologique à une aventure romanesque...

Ayant appris que je vous écrivais, elle me charge de mille amitiés pour vous... Dans le paquet qu'elle vous envoie, le portefeuille est pour vous et le portrait pour son fils *Charles*⁷, auquel vous aurez la complaisance de le faire remettre en l'instruisant prudemment et avec discrétion de l'accident arrivé à sa mère.

Je ne vous parle pas de mes affaires de service par la même raison qui fait que

je ne lis jamais dans les journaux les articles concernant la Suisse. C'est trop plat et trop ennuyeux. Mr. le Vice-Chancelier est pis que le beau-père de Jacob. Au moins celui-là n'a fait travailler son gendre *que 7 ans* pour obtenir *Lia*, pour moi la mesure a été doublée⁸. Ils ont raison après tout. N'ayant jamais pris le service au sérieux, il est juste que le service aussi se moque de moi. En attendant, ma position se fausse de plus en plus. Je ne puis songer à retourner en Russie par la simple et excellente raison que je ne saurais comment faire pour y exister, et d'autre part, je n'ai pas le moindre petit motif raisonnable pour persévérer dans une carrière qui ne m'offre aucune chance d'avenir. Le malheureux événement qui vient d'avoir lieu pourra, je le crains, contribuer à empirer encore ma position. On s'imaginera peut-être à Pétersbourg que ce serait me rendre un très grand service que de me déplacer à tout prix de Munich et rien n'est plus faux. Je ne demande pas mieux que de le quitter, mais au prix d'un avancement réel, autrement... Brisons-là. Il est honteux de tant parler de soi, et surtout parfaitement ennuyeux.

Bien de remerciements pour le volume de poésies que vous m'avez envoyé⁹. Il y a là de l'inspiration, et ce qui est d'un bon augure pour l'avenir, il y a à côté d'un élément idéal très développé le goût du réel et du sensible, voire même du sensuel. Ce n'est pas un mal... La poésie pour fleurir doit avoir ses racines en terre. C'est une chose remarquable que ce torrent de lyrisme qui inonde l'Europe, et cela tient pourtant, en grande partie, à une circonstance très simple, au mécanisme perfectionné des langues et de la versification. Tout homme à un certain âge de la vie est poète lyrique. Il ne s'agit qu'à lui dénouer la langue.

Vous m'avez demandé de vous envoyer mes paperasses¹⁰. Je vous ai pris au mot. J'ai saisi cette occasion pour m'en débarrasser. Faites-en ce que vous voudrez. J'ai en horreur de vieux papier écrit, surtout écrit par moi. Cela sent le rance à soulever le coeur...

Adieu, mon bien cher ami, et si vous êtes toujours le même, si vous êtes toujours indulgent et *compréhensif*, amnistiez-moi et écrivez-moi. Je vous promets de vous répondre. Quant à cette lettre-ci, ce n'est rien, considérez-la comme non avenue. C'est le geste d'un homme qui tousse et se mouche avant de commencer à parler. Rien de plus.

Mes hommages à vos parents¹¹.

T. T u t c h e f

Перевод:

Мюнхен. 2 мая/ (20 апреля) 1836

Любезнейший друг,

едва смею надеяться на то, что, вновь увидав мое писание, вы испытаете чувство приятное, а не тягостное. Мое поведение по отношению к вам *безобразно* во всей неясной выразительности этого слова, и какова бы ни была дружба, которую вы питаете или питали ко мне, как ни одарены вы способностью понимать самые нелепые странности в характере и уме ближнего, я поистине отчаиваюсь в возможности объяснить вам мое молчание. Да будет вам известно, что целые месяцы это проклятое молчание гнетет меня как кошмар, что оно меня душил, давит... и хотя для того, чтобы рассеять его, достаточно было бы самого легкого движения пальцев, — до сей минуты мне не удавалось произвести этого спасительного движения, разрушить эти чары.

Я живой пример того рокового, но в то же время нравственного и логического явления, по которому всякий порок несет в себе подобающее ему наказание. Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы доказать отвратительные последствия лени. Ибо в конце концов в этой проклятой лени заключается вся суть дела. Это она постепенно возвращала мое молчание и наконец придавила меня им, словно лавиной. Она — причина того, что я должен представляться вам до грубости безучастным, до тупости бесчувственным. И, однако, мой друг, видит Бог, это отнюдь не так. Без лишнего слов скажу вам лишь следующее: с момента нашей разлуки дня не проходило, чтобы я не ощущал вашего отсутствия. Поверьте, любезный Гагарин, что немногие влюбленные могут по совести сказать то же своим возлюбленным.

Все ваши письма доставляли мне большое удовольствие, все были читаны и перечитаны, на каждое у меня было по меньшей мере двадцать ответов. Виноват ли я, что они не дошли до вас, так как не были написаны! Ах, писание — страшное зло, оно как бы второе грехопадение бедного разума, как бы удвоение материи... Чувствую, что, если б я дал себе волю, я мог бы написать вам очень большое письмо для того только, чтобы доказать вам недостаточность, бесполезность, нелепость писем... Боже мой, да как же можно писать? Взгляните, вот подле меня свободный стул, вот сигары, вот чай... Приходите, садитесь и станем беседовать, да, станем беседовать, как это столь часто бывало, и как я больше не беседую...

Любезный Гагарин, вы очень ошибетесь, если по началу этого письма (а я не уверен в том, что это закончу) будете судить о моем обычном настроении... Что касается настоящего момента, то Крюденеры, покидающие нас завтра¹, скажут вам, есть ли у меня основание особенно радоваться. Эта зима, проведенная в постоянных тревогах, причины коих известны лишь мне одному, завершилась непредвиденным событием, которое могло иметь ужасные последствия и едва не перевернуло все мое существование. У меня духу не хватает вам его рассказать... Но знайте, что, как только я опомнился, моя первая мысль была о вас и о вашем сочувствии...

В письмах следовало бы придерживаться лишь общих мест, ибо только они могут быть поняты на расстоянии. Но бывают минуты, когда действительность внезапно перебивает эти философические рассуждения и, подобно плохому опекуну, начиная к вам придраться... В этом-то и заключается трагическая сторона человеческого существования. Обычно ужасная действительность позволяет мысли свободно развиваться вокруг нее, но едва та исполняется уверенности в своей безопасности и силе, она, эта действительность, внезапно пробуждается и сокрушает ее одним взмахом своей лапы... Но и это тоже всего лишь общее место... Вернемся к вашим письмам...

Меня заинтересовало то, что вы пишете о ваших первых впечатлениях по возвращении в Россию. Сожалею, что не ответил вам тотчас же, теперь слишком поздно, так как не знаю, каковы они сейчас. За шесть месяцев многое, наверное, изменилось. В настоящее время вы, должно быть, покинули берег. Вы, вероятно, вступили уже в поток. Если уместно говорить о вещах совершенно неведомых, я бы сказал в общих чертах, что умственное движение, происходящее сейчас в России, напоминает в некоторых отношениях (принимая в расчет огромное различие во времени и ситуации) попытку в пользу католицизма, предпринятую иезуитами... Это то же стремление, та же попытка присвоить себе современную культуру, но без ее основы, без свободы мысли, и более чем вероятно, что результат будет таким же... Хотя бы по той простой причине, что в наш самодержавный строй входит протестантское начало, *ipso facto** опека г-на Уварова с братией может быть хорошей или плохой, благотворной или зловредной, но во всяком случае она преходяща...²

3 мая

Вчера вечером, когда я писал вам, я не мог решиться рассказать вам о постигшем меня печальном событии. Однако, тщательно взвесив все обстоятельства, я предпочитаю изложить вам все как было, чтобы вы не придавали значения ложным и преувеличенным слухам. Вот что случилось.

Моя жена казалась совсем поправившейся после того, как она отняла от груди своего последнего ребенка³. Доктор, однако, не без тревоги ожидал возобновления известного физиологического периода. Действительно, утром того дня, когда произошло событие, этот период проявился сильнейшими схватками. Ей сделали ванну, которая ее облегчила. Так как к четырем часам она казалась совсем спокойной, я отправился обедать в город. Я вернулся домой в полной уверенности, что все благополучно, и тут узнал о случившемся несчастии. Я бросился в ее комнату и нашел ее простертой на полу и обливаемой кровью. Позже она сама рассказывала мне, что через час после моего ухода она почувствовала как бы сильный прилив крови к голове, все ее мысли спутались, и у нее осталось только одно сознание неизяснимой тоски и непреодолимое желание освободиться от нее во что бы то ни стало. По какой-то роковой случайности ее тетка⁴ только что ушла, а ее сестры⁵ не было в комнате, когда начался припадок... Принявшись шарить в своих ящиках, она напала вдруг на маленький кивжал, лежавший там с прошлогоднего маскарада. Вид стали приковал ее внимание, и в

* в силу этого факта (лат.).

МЮНХЕН. ГОРОДСКАЯ РАТУША

Гравюра К. Герстнера по рисунку Л. Хофмейстера
 В альбоме: «Erinnerung an München». München, 1840
 Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

припадке полного иступления она нанесла себе несколько ударов в грудь. К счастью, все они были не опасны. Истекая кровью и испытывая ту же неотвязную тоску, она спускается с лестницы, бежит по улице и там, в 300 шагах от дома, падает без чувств. Люди Голленштейна, которые видели, как она выбежала, последовали за ней и принесли ее домой. В течение суток жизнь ее находилась в опасности, и привести ее в сознание удалось только после того, как ей сделали кровопускание и поставили 40 пиявок... Теперь она вне опасности, что касается самого главного, но нервное потрясение еще долго будет давать себя чувствовать.

Такова истинная правда об этом происшествии: причина его чисто физическая. Это прилив к голове. Зная ее и общее положение вещей, вы ни минуты не усомнитесь в этом. И, полагаясь на вашу дружбу, любезный Гагарин, я надеюсь, что если кто-нибудь в вашем присутствии вздумает представлять дело в более романическом, может быть, но совершенно ложном освещении, вы во всеулышание опровергнете нелепые толки ⁶. Роман уже до такой степени опошлится, что, даже в целях занимательности, все острия должны предпочитать физиологические явления романическому приключению...

Узнав, что я вам пишу, она поручила мне передать вам самый сердечный привет... В пакете, который она вам посылает, находится бумажник, предназначенный для вас, и портрет — для ее сына *Карла* ⁷; будьте любезны, передайте его ему, осторожно сообщив о том, что произошло с его матерью.

Не пишу вам про свои служебные дела по той же причине, по какой я никогда не читаю газетных статей, касающихся Швейцарии. Это слишком пошло и слишком скучно. Г-н вице-канцлер хуже тестя Иакова. Тот, по крайней мере, заставил своего зятя работать *только семь лет*, чтобы получить *Лию*, для меня срок был удвоен ⁸. Они правы в конце концов. Так как я никогда не относился к *службе* серьезно, справедливо, чтобы служба также смеялась надо мной. Тем временем положение мое становится все более и более ложным. Я не могу помышлять о возвращении в Россию по той простой и наимприятнейшей причине, что мне не

на что будет там существовать, с другой стороны, у меня нет ни малейшего разумного повода упорно держаться службы, которая ничего не обещает мне в будущем. Боюсь, как бы недавнее злосчастное происшествие также не способствовало ухудшению моего положения. В Петербурге могут вообразить, что, переместив меня из Мюнхена, они окажут мне очень большую услугу, но это отнюдь не так. Я охотно покинул бы его при условии действительного повышения, иначе... Но довольно об этом. Стыдно, а главное — весьма скучно столько говорить о себе.

Очень благодарен за присланную вам книгу стихотворений⁹. В них есть вдохновение и, что служит хорошим предзнаменованием для будущего, наряду с сильно выраженным идеалистическим началом есть склонность к положительному, осязаемому, даже к чувственному. Беды в этом нет... Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле.

Замечательно, что вся Европа наводнена потоком лиризма, и происходит это главным образом от очень простого обстоятельства — от того, что и языки, и стихосложение становятся все совершеннее. Всякий человек в определенном возрасте бывал лирическим поэтом. Нужно только развязать ему язык.

Вы просили меня прислать вам мой бумажный хлам¹⁰. Ловлю вас на слове. Пользуюсь случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним все, что вам вздумается. Я питаю отвращение к старой исписанной бумаге, особенно исписанной мной. От нее до тошноты пахнет затхлостью...

Простите, любезнейший друг. И если вы все тот же, если вы все так же снисходительны и так же умеете понимать, даруйте мне помилование и напишите мне. Обещаюсь вам ответить. А это письмо не в счет, считайте, что вы его не получали. Это жест человека, который кашляет и сморкается перед тем, как начать говорить. И ничего более.

Мое почтение вашим родителям¹¹.

Ф. Тютчев

¹ Весной 1836 г. А. С. Крюденер, первый секретарь русской миссии в Мюнхене, получил назначение в Петербург. Его жена — бар. Амалия Максимилиановна Крюденер (рожд. Лёрхенфельд-Кёфферинг, во втором браке гр. Адлерберг; 1808—1888). Тютчев познакомился с ней в Мюнхене в 1822 г. и одно время был сильно увлечен ею. Воспоминаниям об этой поре посвящено его стихотворение «Я помню время золотое...». Предполагается, что к ней обращено также стихотворение «К. В.» («Я встретил вас, и все былое...»). После отъезда из Мюнхена Крюденеры долгое время (1836—1844) жили в Петербурге.

² Граф Сергей Семенович Уваров (1786—1855) — президент Академии наук (1818—1855), министр народного просвещения (1834—1849). Ему принадлежит знаменитая формула «православие, самодержавие и народность», высказанная в «циркулярном предложении», с которым он обратился к начальникам учебных округов при вступлении своем в должность министра («Журнал Министерства народного просвещения», 1834, т. I, с. XLIX). По-видимому, под «протестантским началом», проникающим в русский самодержавный строй, Тютчев подразумевает начало критическое, протестующее, пользуясь термином «протестантизм» не в общепринятом, узко религиозном значении, а в том расширительном смысле, которое придавал ему Жозеф де-Местр (см. в наст. томе: Р. Лэйп. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати (...), прим. 34).

³ Дочь Тютчева Екатерина родилась 27 октября/8 ноября 1835 г.

⁴ Бар. Ганштейн — тетка Эл. Ф. Тютчевой, сестра ее матери.

⁵ Гр. Клотильда Ботмер (1809—1882; в замужестве бар. Мальгниц) — сестра Эл. Ф. Тютчевой.

⁶ Можно догадываться, что Тютчев опасался слухов, связанных с его увлечением Эрнестиной Дёрнберг (впоследствии она стала его второй женой), и надеялся, что Гагарин будет их опровергать. Однако одним из немногих прямых указаний на этот роман является как раз сообщение, сделанное Гагаринным А. И. Тургеневу 20 декабря 1836 г. (П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., 1928, с. 279—280).

⁷ Карл Александрович Петерсон (1819—1875) — сын Эл. Ф. Тютчевой от первого брака; в это время жил в Петербурге (впоследствии был русским вице-консулом в Данциге). Установить, какой из своих портретов послала ему Эл. Ф. Тютчева, не представляется возможным. В настоящее время известно три ее портрета: акварель М. Х. Шёлера (1827), живописный портрет неизвестного художника (1820-е годы) и фотокопия с утраченной миниатюры Г. Рейхмана (1825), выполненная в 1867 г. в Веймаре (все они находятся в Муранове). К. В. Пигарев полагал, что речь шла о портрете Шёлера (Соч. 1984, т. 2, с. 366).

⁸ Тютчев сравнивает свое длительное пребывание при русской миссии в Мюнхене с библейской историей Иакова (Бытие, XXIX, 14—28).

⁹ Какая «книга стихотворений» имеется в виду, неизвестно. Не исключена возможность, что это были «Стихотворения В. Г. Бенедиктова», незадолго до этого прочитанные Тютчевым и им одобренные (см. п. 1). «Наклонность к положительному, осязаемому», «чувственному»,

отмеченная Тютчевым в книге, о которой идет речь, не была столь характерна для поэзии Бенедиктова; однако вполне вероятно, что Тютчев переоценил возможности «нового поэта» так же, как это сделали в ту пору многие его современники (см. п. 1, прим. 2).

¹⁰ В ответ на не дошедшую до нас просьбу Гагарина Тютчев послал ему через Крюденеров все рукописи своих стихов, какие у него были (п. 3).

¹¹ Кн. Сергей Иванович Гагарин (1777—1862), член Государственного совета, и его жена — кн. Варвара Михайловна Гагарина (рожд. Пушкина; 1779—1854).

3. Гагарин — Тютчеву

(Петербург.) 12/24 июня 1836

До сих пор, любезнейший друг, я лишь вскользь писал вам о тетради, которую вы прислали мне с Крюденерами. Я провел над нею приятнейшие часы. Тут вновь встречаешься в поэтическом образе с теми ощущениями, которые сродни всему человечеству и которые более или менее переживались каждым из нас, но сверх того для меня это чтение соединилось с усладой, совершенно особенной, ибо на каждой странице мне живо припоминались вы и ваша душа, которую, бывало, мы вдвоем столь часто и столь тщательно разбирали.

Мне недоставало одного, я не мог ни с кем разделить своего восторга, и меня страшила мысль, что я ослеплен дружескими чувствами. Наконец, намереваясь передать Виземскому некоторые стихотворения, старательно разобранные и переписанные мною: через несколько дней нечаянно захожу к нему около полудни и застаю его вдвоем с Жуковским за чтением ваших стихов и вполне увлеченными поэтическим чувством, коим дышат ваши стихи. Я был в восхищении, в восторге, и каждое слово, каждое замечание, в особенности Жуковского, все более убеждало меня, что они верно поняли все оттенки и всю прелесть этой простой и глубокой мысли.

Тут же решено было, что пять или шесть стихотворений будут напечатаны в одной из книжек пушкинского журнала, т. е. появятся через три или четыре месяца, и что затем приложена будет забота к выпуску их в свет отдельной небольшой книжкой¹. Через день узнал о них и Пушкин, я его видел после того; он ценит их как должно и отзывался мне о них весьма сочувственно.

Я счастлив, что могу сообщить вам эти известия. По-моему, мало что может сравниться со счастьем внушать мысли и доставлять умственное наслаждение людям с дарованием и со вкусом.

Поручите мне почетную миссию быть вашим издателем, пришлите мне еще что-нибудь и постарайтесь придумать соответствующее заглавие².

¹ В «Современнике» за 1836 г. было напечатано 24 стихотворения Тютчева (в III томе — 16, в IV томе — 8) под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и с подписью: Ф. Т. После смерти Пушкина под тем же заглавием было напечатано еще четыре стихотворения (1837, т. VI).

² Издание сборника стихотворений Тютчева не было осуществлено, и рукописи поэта, находившиеся в распоряжении Гагарина, остались в личном архиве последнего. 24 ноября 1874 г. И. С. Аксаков сообщал Д. Ф. Тютчевой: «Знаете ли, мой милый друг Дарья, что нашлось шестьдесят стихотворений Федора Ивановича, никогда не напечатанных? 60 пьес, о которых он не только никогда не упоминал, но, по всей вероятности, даже забыл. Может быть, — не помню наверное — я уже писал вам об этом. Как бы то ни было, но уже одно это обстоятельство составляет любопытный биографический факт и блистательным образом подтверждает характеристику, сделанную в моей книжке. Эти стихотворения хранятся у Ивана Сергеевича Гагарина, le ténéreux père jésuite*, с которым я теперь состою в переписке. В 1833 и 1834 гг. он служил вместе с вашим отцом в Мюнхене и виделся с ним ежедневно. В 1836 г. он уехал в Петербург, говорил много о Федоре Ивановиче Пушкину и Жуковскому и по их желанию писал ему в Мюнхен о присылке всех его стихов. Ф(едор) Ив(анович) исполнил его просьбу, и Гагарин получил от него целый пакет с лоскутками, написанными собственной рукой Ф(едора) Ив(ановича). Из этих лоскутков Гагарин выбрал стихотворений 40 или около этого и передал их Пушкину, который и стал помещать их в своем журнале, а остальные так и остались у Гагарина и пролежали у него почти 40 лет!!» (*Собрание Пигарева*). О судьбе гагаринского собрания см.: А. А. Н и к о л а е в. Неосуществленный замысел сборника лирики Тютчева (наст. том, кн. II), а также: «Тютчев в Мюнхене. Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевоу и И. С. Аксаковым» (наст. том, кн. II).

* преподобного отца иезуита (франц.).

4. Тютчев — Ггарину

Munich. Ce 7/19 Juillet 1836

Mon bien cher Gagarine. Vous mériteriez un prix de vertu pour votre indulgente et persévérante amitié à mon égard et par les témoignages que vous m'en donnez. J'ai reçu de vous, de compte fait, dans les derniers temps deux bonnes; et belles lettres qui m'ont fait tout le plaisir que je puis recevoir par l'intermédiaire de l'écriture, et deux livres russes que j'ai parcourus avec tout l'intérêt que je puis prendre encore à de l'imprimé¹. Et pour tous ces bienfaits je ne vous ai pas exprimé ma reconnaissance, même par un simple signe de vie. C'est une indignité, j'en conviens, mais ne vous laissez pas rebuter. Que votre amitié parle plus haut que mon silence, car ce silence, vous le savez bien, est si peu moi, que c'est plutôt la négation de moi.

Votre dernière lettre m'a fait particulièrement plaisir, non pas un plaisir de vanité ou d'amour-propre (ces jouissances-là ont fait leur temps), mais le plaisir qu'on éprouve à s'assurer de ses idées par l'assentiment du prochain². A bien prendre les choses, du moment que l'homme sort de la sphère des sens, il n'y a peut-être pas de réalité possible pour lui qu'aux prix de cet assentiment-là, de cette sympathie intellectuelle. Là est la racine de toute religion, comme de toute société, de toute langue. Et cependant, mon cher ami, je doute fort que les paperasses que je vous ai envoyées méritassent les honneurs de l'impression, et surtout de l'impression séparée. Il se publie maintenant en Russie tous les six mois des choses qui valent infiniment mieux. Dernièrement encore j'ai lu avec une véritable jouissance les 3 nouvelles de *Павлов*, la dernière surtout³. A part le talent d'artiste, qui est là arrivé à un degré de maturité peu commun, ce qui m'a surtout frappé, c'est la pensée adulte, la puberté de la pensée russe. Aussi s'est-elle de prime abord attaquée aux entrailles-mêmes de la société. La pensée libre aux prises avec la fatalité sociale, et cependant l'impartialité de l'art n'en a pas souffert. Le tableau est vrai sans être trivial ou caricature. Le sentiment poétique ne s'est pas laissé entamer par la déclamation... J'aime à faire honneur à la nature-même de l'esprit russe de cet éloignement pour la rhétorique, cette peste ou plutôt ce péché originel de l'intelligence française. C'est là ce qui met *Пушкин* si fort au-dessus de tous les poètes français contemporains...

Mais pour en revenir à mes *rimes*, puisque c'est votre bien vous en ferez tel usage qu'il vous plaira, sans exception ou *réserve* quelconque⁴... Ce que je vous ai envoyé là n'est qu'une parcelle minime du tas que le temps avait amassé, mais le sort ou plutôt un je ne sais quoi de providentiel en a fait justice. A mon retour de la Grèce⁵, m'étant mis entre chien et loup à trier des papiers, j'ai mis au néant la majeure partie de mes élucubrations poétiques, et ce n'est que beaucoup plus tard que je m'en suis aperçu. J'en ai été quelque peu contrarié dans le premier moment, mais je ne tardai pas à m'en consoler en pensant à l'incendie de la Bibliothèque d'Alexandrie. — Il y avait là entr'autre tout le 1er acte de la seconde partie de Faust, traduit. C'est peut-être ce qu'il y avait de mieux.

Toutefois si vous persistez dans vos idées de publication, adressez-vous à *Раич* qui est à Moscou, pour qu'il vous communique tout ce que je lui ai envoyé dans le temps et dont il a inséré une partie dans un journal passablement niais qu'il a fait paraître sous le titre de *Бабочка*⁶.

Mais en voilà assez sur ce sujet... Vos détails sur notre belle Esther et son Mardochée m'ont fait grand plaisir...⁷ Lui, doit nécessairement faire un effet très comique pour quelqu'un, qui le connaissant comme vous le connaissez, se trouve à même de l'observer dans sa nouvelle position. Que de mal il se donnera en pure perte! Que de choses laborieusement chiffrées et qu'il pourrait faire insérer impunément dans la Gazette de St.-Petersbourg⁸! Mais j'espère que, toute cette dépense de finesse et de circonspection ne réussira pas à le compromettre. Au besoin il a d'ailleurs le naturel, l'adorable naturel de sa femme pour le protéger, lui, contre les effets de sa prudence. Ses amis (s'il en avait) ne pourraient lui adresser assez souvent les mêmes exhortations qu'on vous fait lorsque vous voyagez dans les montagnes

sur ces petits chevaux montagnards qui ont le pied si sûr et si intelligent. Je meurs d'envie de lui écrire, à Mad(ame) Amelie s'entend, mais une bête de raison m'en empêche. Je lui ai demandé un service, et maintenant ma lettre aurait l'air de vouloir le lui rappeler. Ah, quelle misère! Qu'il faut être dans le besoin pour se gêner ainsi l'amitié! C'est comme si on n'avait d'autre moyen de couvrir sa nudité qu'en se faisant une culotte d'une toile de Raphael... Et cependant, de tout ce que je connais d'êtres humains au monde, elle est sans contredit la personne dont j'éprouverais le moins de répugnance à me savoir l'obligé...

Votre oncle⁹ est parti il y a une dizaine de jours pour Carlsbad et m'a laissé dans un assez grand embarras... Il a bien voulu à son départ m'accréditer comme Ch<argé> d'Aff<aires> auprès de Gise¹⁰, mais en m'exhortant en même temps de ne pas en faire l'annonce au Ministère à Pétersbourg. C'est comme si on envoyait une lettre à la poste sans mettre l'adresse dessus. Malgré tout mon bon vouloir il m'a été impossible de déférer à ce désir, car le lendemain même de son départ j'ai reçu des papiers que je ne pouvais me dispenser de transmettre au département. Voilà donc son incognito à Carlsbad sérieusement compromis.

Munich est désert. Le mois dernier je suis allé en courrier à Vienne où j'ai passé une quinzaine de jours. Ma femme n'est pas encore de retour¹¹. Je l'attends dans le courant de cette semaine. A Munich on ne voit que des femmes grosses ou accouchées. Au nombre des premières il y a la belle Mad<ame> Anna¹², qui s'est établie dans la maison *Maillot* au jardin Anglais. C'est à l'heure qu'il est le seul endroit habité de Munich. Et encore va-t-il bientôt devenir inaccessible... Le P<rince> Charles¹³ s'est déjà mis en oraison, et Weber a déjà presque entièrement achevé la layette¹⁴... Je ne vous parle pas du mariage de Bourgoing avec Mlle Ida¹⁵, pas plus que de l'attentat d'Alibaud¹⁶. Ces énormités se savent toujours assez tôt... Presque toutes les têtes du corps diplomatique sont parties, et on ne voit traîner ici que quelques *membra disjecta* de l'animal, ce qui n'empêche pas toutefois qu'il ne fasse le plus beau temps du monde, et cela depuis 2 semaines. Mad<ame> de Cetto est à Egloffstein en tête-à-tête avec le nonce, tête-à-tête que je n'irai pas assurément troubler. Quant aux ... mais c'est assez des noms propres comme cela.

Adieu.

T. T u t c h e f

Перевод:

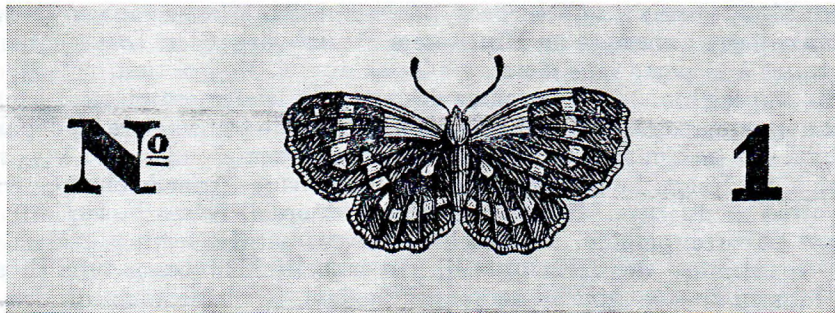
Мюнхен. 7/19 июля 1836

Любезнейший Гагарин, вы заслуживаете премию добродетели за вашу снисходительную и неизменную дружбу ко мне и за то, как вы ее доказываете. В конечном счете я получил от вас за последнее время два добрых и прекрасных письма, доставивших мне всю радость, какую я способен испытать при чтении писем, и две русские книги, просмотренные мной со всем интересом, какой я еще способен проявлять к печатному слову¹. И я не выразил вам своей признательности за все эти благодеяния, не подал даже ни малейшего признака жизни. Сознаюсь, это низко, но пусть это вас не расхолаживает. Пусть ваша дружба окажется выше моего молчания, ибо это молчание, как вам хорошо известно, так мало соответствует моему «я», что скорее служит его отрицанием.

Ваше последнее письмо доставило мне особую радость, но это не радость удовлетворенного тщеславия или самолюбия (утехи подобного рода отжили для меня свой век), а радость, которую испытываешь, находя подтверждение своим мыслям в сочувствии ближнего². В сущности, как только человек покидает область чувств, едва ли не вся ценность существования сосредоточивается для него в подобном сочувствии, в обоюдном влечении умов. На этом основаны все религии, все общества, все языки. И тем не менее, любезный друг, я сильно сомневаюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вам послал, заслуживало чести быть напечатанным, в особенности отдельной книжкой. Теперь в России каждое полугодие печатаются бесконечно лучшие произведения. Еще недавно я с истинным наслаждением прочитал три повести *Павлова*, главным образом последнюю³. Кроме художественного таланта, достигающего тут редкой зрелости, я был в особенности поражен возмужалостью, совершеннолетием русской мысли. И она сразу коснулась самой сердцевины общества. Свободная мысль сразилась

с роковыми общественными вопросами, однако беспристрастность искусства при этом не пострадала. Картина верна, и в ней нет ни пошлости, ни карикатуры. Поэтическое чувство не искажилось напыщенностью выражений... Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет бедствие или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего *Пушкин* так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...

Но возвращаясь к моим *виршам*: делайте с ними что хотите, без всякого ограничения или *оговорок*, ибо они ваша собственность ⁴... То, что я вам послал, составляет лишь крошечную частицу накопившегося со временем вороха, но его постигла справедливая судьба, или, вернее, некое предопределение Промысла. По моем возвращении из Греции ⁵, принявшись

ЗАСТАВКА, ОТКРЫВАВШАЯ КАЖДЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»

Гравюра

«Галатея», 1829, № 1. Страница первая (фрагмент)

как-то в сумерки разбирать свои бумаги, я уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и заметил это лишь много времени спустя. В первую минуту я был несколько раздосадован этим, но скоро утешил себя мыслью о пожаре Александрийской библиотеки. Тут был, между прочим, перевод всего первого действия второй части Фауста. Может статься, это было лучшее из всего.

Однако, если вы упорствуете в своем желании заняться изданием, обратитесь к *Раичу*, проживающему в Москве, пусть он передаст вам все, что я когда-то отсылал ему и что частью было помещено им в довольно пустом журнале, который он выпускал под названием «*Бабочка*» ⁶.

Но довольно об этом предмете... Подробности, сообщенные вами о нашей прекрасной Эсфири и ее Мардохее, доставили мне большое удовольствие ⁷... Он неизбежно должен производить весьма забавное впечатление на человека, который, зная его подобно вам, имеет возможность наблюдать его в новом его положении. Сколько хлопот доставит он себе попустому! Как тщательно станет зашифровывать то, что можно безнаказанно поместить в С.-Петербургской газете ⁸. Надеюсь, однако, что все эти заботы о проищательности и осмотрительности не поставят его в неловкое положение. Впрочем, восхитительный нрав его жены сумеет, в случае надобности, предохранить его от следствий его осторожности. Будь у него друзья, им следовало бы беспрестанно обращаться к нему с теми же увещаниями, с какими обращаются к людям, путешествующим по горам на маленьких горных лошадках, поступь коих столь верна и осторожна. Мне до смерти хочется ей написать, госпоже Амалин, само собою разумеется, но препятствует этому глупая причина. Я просил ее об одном одолжении, и теперь мое письмо могло бы показаться попыткой о нем напомнить. Ах, какая напасть! И в какой надо быть нужде, чтобы так испортить дружеские отношения! Все равно, как если бы кто-нибудь не нашел иного способа прикрыть свою наготу, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако, из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, та особа, по отношению к которой мне было бы наименее тягостно чувствовать себя обязанным...

Ваш дядя ⁹ уехал дней десять тому назад в Карлсбад, оставив меня в довольно большом затруднении... Уезжая, он пожелал уполномочить меня в качестве поверенного в делах

при Гизе¹⁰, увещывая меня в то же время не сообщать об этом в Петербург, в министерство. Это все равно, что отправить письмо на почту, не написав на нем адреса. Несмотря на всю готовность сделать это, я не мог исполнить его желание, так как на другой же день по его отъезде получил бумаги, кои принужден был переслать в департамент. Таким образом, его инкогнито в Карлсбаде грозит серьезная опасность.

Мюнхен опустел. В прошлом месяце я ездил курьером в Вену, где провел недели две. Моя жена еще не вернулась¹¹. Ожидаю ее в течение этой недели. В Мюнхене видишь либо беременных, либо только что разрешившихся женщин. В числе первых красивая госпожа Анна¹², которая основалась в доме Майо в Английском саду. Сейчас это единственное обитаемое место Мюнхена. Скоро и оно станет недоступным... Принц Карл¹³ уже принял молитвы, а Вебер почти закончил приданое для новорожденного¹⁴... Не пишу вам про свадьбу Бургуэна с мадемуазель Идой¹⁵, так же как про покушение Алибо¹⁶. Подобные нелепости всегда слишком рано узнаются... Почти все верхи дипломатического корпуса разъехались, здесь двигаются лишь *membra disjecta* * животного, что, однако, не мешает погоде быть уже две недели исключительно прекрасной. Госпожа де Сетто находится в Эглосстейме вдвоем с нунцием, и уж конечно не я стану нарушать их уединение. Что касается... но довольно собственных имен. — Простите.

Ф. Тютчев

¹ Какие книги послал Гагарин Тютчеву, неизвестно.

² См. п. 3.

³ «Три повести» Н. Ф. Павлова (СПб., 1835) заслужили высокую оценку Пушкина, Чаадаева и других современников. Повести отличались остротой социального содержания, особенно последняя — «Ятаган». Белинский отметил в этой повести «черты с удивительною верною схваченны» (В. Г. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. I, М., 1953, с. 281). Однако Николай I увидел в ней «мысль и цель прескверные» (Н. А. Т р и ф о н о в. Повести Н. Ф. Павлова. — «Ученые записки кафедры русской лит-ры МГПИ», вып. II, М., 1939, с. 74); в результате его отзыва переиздание книги было запрещено.

⁴ О судьбе этих стихов см. п. 3, прим. 2.

⁵ В 1833 г. Тютчев ездил с дипломатическим поручением в Грецию. Об этой поездке см.: А. Г л а с с е. Дипломатическая миссия Тютчева в Грецию (наст. том, кн. II); см. также: «Тютчев в Мюнхене. Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым», п. 1 (там же).

⁶ Тютчев ошибся, назвав «Бабочкой» журнал С. Е. Раича «Галатей» (М., 1829—1830). Бабочка была изображена на его обложке и сам издатель писал во вступительной статье к первому номеру журнала: «Галатей — бабочка; как дать ей направление?» Стихи Тютчева, предназначавшиеся для «Галатей», Гагарин получил от Раича в ноябре 1836 г. через посредство С. П. Шевырева (ЛН, т. 58, с. 132).

⁷ Под «Эсфирью» и «Мардокеем» (Библия, кн. «Эсфирь») Тютчев подразумевает А. М. Крюденер и ее мужа.

⁸ Тютчев имеет в виду газету «Journal de St.-Petersbourg» — орган Министерства иностранных дел.

⁹ Кн. Григорий Иванович Гагарин (1782—1837) — русский посланник в Мюнхене в 1833—1837 гг.

¹⁰ Бар. Август Гизе — баварский министр иностранных дел с 1832 по 1845 г.

¹¹ Эл. Ф. Тютчева с детьми находилась в это время в Фарнбахе близ Нюрнберга.

¹² Гр. Анна Арко-Валле (1813—1885), рожд. гр. Марескальхи.

¹³ Принц Карл-Теодор (1795—1875), брат баварского короля Людвига I.

¹⁴ Смысл этой фразы не поддается разъяснению.

¹⁵ Бар. Поль-Шарль Бургуэн (1791—1864) — французский посланник в Мюнхене (1835—1848) и его невеста бар. Ида Лотцбек (р. 1817).

¹⁶ 25 июня 1836 г. Луи Алибо (1810—1836) совершил покушение на короля Луи-Филиппа.

¹⁷ Горадий, Сатиры (I, 4).

5. Тютчев — Гагарину

Munich. Ce 22/⟨10⟩ Juillet 1836

Mon cher Gagarin,

Il y a deux jours je vous ai écrit pour mon propre compte. Maintenant c'est pour celui de la Comtesse Jeannette P<aumgarten>¹ qui vous prie de vous charger de l'incluse et de la faire parvenir en contrebande aux belles mains auxquel-

* разрозненные члены (лат.)¹⁷.

АМАЛИЯ КРЮДЕНЕР

Портрет работы И. Штилера (масло). Мюнхен, начало 1830-х годов

Воспроизводится по фотографии из альбома: «Galerie der Schönheiten in K(aiserliche) Residenz zu München». München, o. J.

Adieu, mon cher Gagarine. Je me sens d'humeur à vous écrire des volumes aujourd'hui, mais la nécessité sous la figure de Moritz ⁴, que bien vous connaissez, est là, qui m'oblige de m'interrompre... Et je puis à bon droit dire de lui ce que Démosthène, je crois, disait de ce Grec dont j'ai oublié le nom ⁵: c'est la hache qui coupe mes paroles. Adieu, ce sera pour une autre fois.

Tout à vous

T. T u t c h e f

Перевод:

Мюнхен. 22<10> июля 1836

Любезный Гагарин,

Два дня тому назад я писал вам по собственному почину. Теперь пишу вам по поручению графини Жаннетты П(аумгартен)¹, которая просит вас контрабандным путем доставить прилагаемое письмо в прелестные руки, коим оно предназначается. Постарайтесь с честью совершить это маленькое предательство. Ведь бывают же случаи, когда цель оправдывает средства, а так как в настоящем случае целью письма, бесспорно, является госпожа (Крюденер)², то подобная цель может оправдать еще большие крайности... Полагаю, что теперь чаще выпадают минуты, когда с нашей прекрасной приятельницей можно беседовать не втроем, а с глазу на глаз. Как я желал бы повидать ее в одну из таких минут... Мы с Жаннеттой часто говорим о ней, но все это туманно и не удовлетворяет меня. На самом деле я только с ней люблю говорить про нее, так как после меня она сама лучше всех себя знает... Скажите ей, чтобы она меня не забывала, мою особу, разумеется, одну мою особу, все остальное она может забыть... Скажите ей, что если она меня забудет, ее постигнет несчастье... выступит морщинка на лбу или на щеке, или появится прядка седых волос, ибо это было бы отступничеством по отношению к воспоминаниям ее молодости. Боже мой, зачем ее превратили в созвездие³... она была так хороша на этой земле.

Простите, любезный Гагарин. Сегодня я в настроении писать вам тома, но необходимость в образе хорошо известного вам Морица ⁴ вынуждает меня прервать это письмо... И я вправе сказать про него то, что, кажется, Демосфен говорил про того грека, имя коего я позабыл ⁵: это топор, пресекающий мои слова. Простите, напишу вам в другой раз.

Весь ваш

Ф. Тютчев

¹ Гр. Жанна Паумгартен (в замужестве леди Эрскин) — одна из мюнхенских знакомых Тютчева и приятельница А. М. Крюденер.

² В тексте, по которому печатается письмо (копия, сделанная по поручению Гагарина для И. С. Аксакова), фамилия заменена точками. Из контекста явствует, что речь идет об А. М. Крюденер.

³ Намек на положение А. М. Крюденер в петербургском придворном кругу: в 1836—1844 гг. Крюденеры жили в Петербурге, где у Амалии был роман с Николаем I (А. О. Смирнов в А. Записки. М., 1929, с. 279—280).

⁴ Мориц — парикмахер.

⁵ Речь идет об афинском полководце Фокione (Плутарх. Сравнительное жизнеописание в 3-х тт., т. III, М., 1964, с. 8).

6. Тютчев — Гагарину

Genève. Ce 11 Avril/ <30 Mars> 1838

Deux mots, mon cher Gagarin, car je n'ai ni le loisir, ni la disposition d'esprit assez épistolaire pour vous en écrire davantage. J'apprends que vous êtes à Paris, et c'est là où je vous adresse ces lignes. J'ignore quels sont dans ce moment vos projets et vos espérances pour l'avenir, mais dans tous les cas vous ferez de mon avis tel usage qu'il vous plaira. Voici ce que c'est: la place de 2^d secrétaire à Turin va devenir vacante, car le petit-russien¹ qui l'a remplie jusqu'à présent quitte ces jours-ci Turin pour n'y plus retourner. Or, maintenant que je connais le pays, j'ai pensé que cette place, à moins que vous n'ayez en vue quelque chose de beaucoup mieux, pourrait vous convenir sous plus d'un rapport. Ne vous laissez pas rebuter par l'insipidité du séjour qui est grande, j'en conviens; pour vous la place en Turin n'est qu'un pied-à-terre en Italie, qui vous mettrait à même de la parcourir dans toutes les directions, et d'y choisir à volonté le séjour qui vous conviendrait le mieux. Vous feriez ainsi le stage de 2^d secrét(aire) d'une manière beaucoup moins ennuyeuse là que partout ailleurs, et vous savez que d'après les nouveaux arrangements il y a moins de chance que jamais de pouvoir enjamber les degrés. Espérer le contraire, c'est une illusion dont on ne saurait assez soigneusement se garantir, car elle en a déjà perdu plusieurs. — Quant au caractère personnel d'Obrescoff², je vous le garantis aussi bon, sinon meilleur que celui de la plupart de ceux qui passent pour l'avoir très bon. La réputation qu'on lui a faite est une très plate mystification et il n'est pas même nécessaire que vous soyez ce que vous êtes pour pouvoir compter sur les meilleurs procédés de sa part. D'ailleurs, il est probable que vous n'auriez pas affaire à lui. Depuis longtemps il brûle du désir de quitter Turin et le désagrément qu'il vient d'éprouver à cette cour n'aura pas contribué à le lui faire passer³. Notre Ministère, de son côté, sentira probablement aussi qu'il y a opportunité et convenance de ne pas le contrarier dans ce désir, et comme en ce moment il n'y a pas d'autre poste à lui donner on sera, je suppose, bien aise de pouvoir lui accorder en attendant ce congé qu'il désire si ardemment.

Voilà mes confidences pour la place en question. Si vous les trouvez dignes d'attention, prenez les mesures en conséquence et sans perte de temps faites faire à Pétersb(ourg) les démarches nécessaires, car les concurrents ne manqueront pas.

Maintenant un autre avis. Vous devez avoir appris que l'Impératrice vient à Tegernsee, c'est-à-dire à Kreutz vers la fin de Juillet. L'Empereur vient l'y chercher dans les derniers jours du mois d'Août. Le Vice-Chancelier y vient aussi, ainsi que les trois quarts de notre diplomatie d'Allemagne. Il y aura du mouvement de tout genre et peut-être quelques bonnes chances pour vous, si vous y venez. Vous y trouverez les Krudener, les Lerchenfeld et toute sorte de facilités par eux.

de faire votre cour d'une manière utile. Vous pourrez avoir sur le voyage de plus amples informations soit de Munich, soit de Pétersb(ourg) par Madame de Krudener ou par ma femme. Ne négligez pas cette occasion, il vous serait facile d'en tirer un bon parti.

Adieu. Mes deux mots sont devenus quatre pages. Je suis donc moins paresseux que je ne croyais l'être. — Je retourne dans quelques jours à Turin, et c'est là où vous pouvez m'adresser votre lettre si tant est que Paris vous laisse le loisir de l'écrire. Adieu. Portez-vous bien et conservez-moi un peu d'amitié.

T. T u t c h e f

Перевод:

Женева. 11 апреля / (30 марта) 1838

Пишу вам всего два слова, любезный Гагарин, ибо у меня нет ни времени, ни настроения, чтобы писать больше. Я узнал, что вы в Париже, туда и направляю эти строки. Не ведаю, каковы в настоящую минуту ваши планы и надежды на будущее, но во всяком случае вы можете воспользоваться моим сообщением, как вам вздумается. Вот в чем дело: в Турине освобождается место второго секретаря, так как малоросс, занимавший его доселе ¹, на днях покидает Турин с тем, чтобы более туда не возвращаться. И вот теперь, когда я ознакомился с краем, я подумал, что место это во многих отношениях могло бы оказаться для вас подходящим, если только вы не имеете в виду чего-либо значительно лучшего. Согласен с тем, что жизнь там весьма бесцветна, но пусть это вас не пугает; служба в Турине будет для вас лишь временной квартирой в Италии, что даст вам возможность изездить ее вдоль и поперек и выбрать по желанию наиболее подходящее для себя местожительство. Таким образом, прохождение стажа второго секретаря будет там менее скучным для вас, нежели в каком-нибудь другом городе, а вы знаете, что при новых порядках мало вероятности перешагнуть через дипломатические ступени. Рассчитывать на обратное — заблуждение, от которого следует тщательно оберегать себя, ибо некоторых оно уже погубило. Что касается Обрезкова ², то могу поручиться, что его характер ничуть не хуже, если не лучше, чем у большинства лиц, слышущих за людей с прекрасным характером. Установившаяся за ним репутация — весьма пошлый наговор, и чтобы рассчитывать на наилучшее отношение с его стороны, не нужно даже быть таким, как вы. Впрочем, возможно, что вам и не придется иметь с ним дела. Он уже давно стремится покинуть Турин, а неприятность, только что испытанная им при этом дворе ³, не может способствовать тому, чтоб настроение его изменилось. Наше министерство с своей стороны также поймет, что противиться этому желанию было бы несвоевременно и неуместно, а ввиду того, что сейчас другого поста для него не имеется, я полагаю, ему с удовольствием дадут отпуск, о коем он так страстно мечтает.

Вот мои соображения относительно этого места. Если вы найдете их достойными внимания, примите соответствующие меры и, не теряя времени, предпримите надлежащие шаги в Петербурге, ибо в соискателях не будет недостатка.

Вот еще совет. Вы, должно быть, известились о том, что императрица приезжает в *Тегернее*, т. е. в *Крейц*, в конце июля. Государь прибудет за ней туда в последних числах августа; туда же направится и вице-канцлер, равно как добрые три четверти нашего дипломатического мира в Германии. Будут различные передвижения, может статься, и вам поспасливится, если вы туда приедете. Там вы встретите *Крюденеров*, *Лерхенфельдов*, и их содействие облегчит вам возможностью наилучшим образом устроить ваши дела. Более пространные сведения об этом путешествии вы можете получить либо из Мюнхена, либо из Петербурга, через госпожу Крюденер или мою жену. Не пренебрегайте этим случаем, вам нетрудно будет извлечь из него пользу.

Простите, мои два слова разрослись в четыре страницы. Следственно, я менее ленив, чем предполагал. Через несколько дней я возвращаюсь в Турин, куда вы и можете направить свое письмо, если только в Париже вы удосужитесь его написать. Простите. Будьте здоровы и сохраните для меня крупицу вашей дружбы.

Ф. Т ю т ч е в

¹ Миклашевский — второй секретарь русской миссии в Турине.

² Александр Михайлович Обрезков (1790—1835) — русский посланник в Турине в 1833—1838 гг.

³ Об этой «неприятности» см. в наст. томе: (кн. I): Тютчев — Нессельроде, п. 1.

Я. Ф. ГОЛОВАЦКОМУ 1867

Яков Федорович *Головацкий* (1814—1888) — поэт, этнограф и фольклорист; уроженец Галиции, с конца XVIII в. входившей в состав Австрийской империи. В 1848—1866 гг. Головацкий — профессор русского языка и литературы в г. Лемберге (Львове).

В лекциях, исследованиях, в газетно-журнальной деятельности (он был издателем ряда русских газет и журналов, выходивших в Галиции на русском языке) Головацкий настойчиво отстаивал идею русско-галицкого единства, поэтому деятельность его вызывала с самого начала нападки австрийских властей. Гонения закончились обыском и отставкой профессора. Ему была запрещена преподавательская деятельность, запрещена была и его «Грамматика русского языка в Галиции».

Потеряв возможность работать на родине, Головацкий в 1867 г. переселился в Россию и занял место председателя Виленской комиссии по изданию древних актов. В 1860—1870-х годах в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» печатался основной труд его жизни — «Народные песни Галицкой и Угорской Руси».

В 1866 г. Головацкий активно содействовал созданию Славянского отдела Всероссийской этнографической выставки, подготовив для нее коллекцию по Галиции, и был участником так называемого Славянского съезда, который состоялся в мае 1867 г. в связи с открытием этой выставки (см. в наст. томе, кн. I: Тютчев — Аксаковым, п. 19, прим. 6).

Публикуемое письмо написано по поводу речи, которую Головацкий произнес 11 мая 1867 г. в петербургском Дворянском собрании, на торжественном обеде в честь участников съезда. «Моя родная страна <...> — сказал он, — есть исконная русская земля», галичане и русские составили «один великий русский народ», и хотя этот «исконный союз» был «расторгнут насильно на долгие времена», народ Галиции «по сию пору называет себя русским, живет русским духом, говорит по-русски, сохраняет невредимо предания отцов своих и веру в соплеменность нашу с вами. Миллионы сердец преданы вам и чают душевного сближения и единения с вами» (*Всероссийская этнографич. выставка*, с. 211—213).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Головацкому.

Печатается по автографу: Львовская научная б-ка им. В. С. Стефаника, отдел рукописей, ф. 36, 362/17.

Письма Головацкого Тютчеву неизвестны.

С.-Петербург. 12-ое мая 1867

Из всего сказанного и читанного на вчерашнем обеде ничто так заживо не задело русского сердца, как ваше задушевное русское слово, почтеннейший Яков Федорович...

Да, одно уже это слово, это все выстрадавшее и все пережившее русское слово, есть своего рода трофей. Знамя изорвано, но не побеждено, и вы свято сберегли его на вашей израненной груди.

Русская Фотографическая фирма
на Васильевской горах в Москве

Я. Ф. ГОЛОВАЦКИЙ

Фотография. Москва, 1860-е годы
Собрание К. В. Пигарева, Москва

Не может быть, чтобы вам одним, русским Галичанам, изменило слово Священного писания: Претерпевый до конца, той спасен будет ¹ — а кто так претерпел до конца, как вы?..

Нет, ваше возвращение к России несомненно и неминуемо, и — верьте мне — только с этого воссоединения начнется решительный поворот к лучшему в судьбах целого Славянского мира.

Извините, любезнейший Яков Федорович, что я за болезнью не успел до сих пор побывать у вас и лично поблагодарить вас за ваше дорогое посещение. Надеюсь встретиться сегодня с вами за обедом у графа Толстого ².

Вам, милостивый государь, и всем вашим душевно и искренно преданный
Федор Тютчев

¹ Евангелие от Матфея, XXIV, 13.

² 12 мая 1867 г. министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой дал обед в честь славянских гостей, участников Славянского съезда.

Н. И. ГРЕЧУ

(1844)

Николай Иванович Греч (1787—1867) — писатель и журналист, издатель журнала «Сын отечества» (1812—1839), соиздатель газеты «Северная пчела» (1831—1859). В 1827 г. выпустил «Практическую русскую грамматику», за что был избран корреспондентом Петербургской Академии наук. В последующие три десятилетия издал ряд практических пособий по русской грамматике и опыт теоретического труда — «Чтения о русском языке» (т. I—II, СПб., 1840).

Греч познакомился с Тютчевым 28 августа / 9 сентября 1837 г. во время своего пребывания в Мюнхене. На следующий день Тютчев сообщил об этом родителям и с большой симпатией отозвался о своем новом знакомом (*Соч.* 1980, т. 2, с. 18).

Книга, за которую Тютчев благодарит Греча, не сохранилась. Оценка, данная в его письме, позволяет предположить, что это были «Чтения о русском языке» (СПб., 1840), в которых Греч предпринял «исследование языка отечественного» с целью показать определенные закономерности в его грамматической структуре и из этих «основных начал» вывести «частные правила» (т. I, с. 5); наряду с исследованием о языке, книга содержит очерк истории русской словесности.

Русский адрес на обороте письма («Его превосходительству Николаю Ивановичу Гречу») свидетельствует о том, что оно было отправлено не почтой, а с нарочным, и сделано это было в России, а не в Мюнхене. Вероятнее всего, Тютчев встретился с Гречем и получил от него книгу во время своего пребывания в Петербурге осенью 1844 г., когда он уже окончательно возвратился в Россию.

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Гречу.

Печатается по копии: ИРЛИ, Разр. I, оп. 27, ед. хр. 77. На копии помета рукой Н. В. Измайлова: «Из собрания И. И. Куриса. Подл(инник) у Гельфанда в Одессе». Ныне местонахождение автографа неизвестно.

Письма Греча Тютчеву неизвестны.

(Петербург. Осень 1844)

Позвольте, почтеннейший Николай Иванович, усердно поблагодарить вас за вашу память и подарок. Но не для одного меня это подарок — для всей Русской современной литературы, которая более, нежели когда, нуждается в вашем руководстве. В этот век, не признающий властей, — и власть грамматики сильно потрясена, — и потому честь и слава вам, что вы, как ее верноподданный, вступились за ее законное право.

Александр Иванович Козлов

Мои de Paris — je me souviens
 d'avoir dit à votre sujet dans mon ouvrage
 cette œuvre de votre de la Vie, qui s'adresse
 à ceux qui sont dans une situation
 comme tout le monde est de la Vie, et
 aussi de votre œuvre de la Vie, et
 de votre œuvre de la Vie, et

ПИСЬМО ТЮТЧЕВА А. И. КОЗЛОВОЙ

Автограф. <1852 или 1854>

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Я верю и надеюсь, что ваш легитимизм удачнее будет легитимизма французских роялистов.

Еще раз прошу принять мое искреннее, душевное спасибо.

Ф. Тютчев

А. И. КОЗЛОВОЙ

<1852>

Александра Ивановна Козлова (1812—1903) — дочь поэта И. И. Козлова; была близко знакома с семьей Тютчевых. Хорошо знала она и Жуковского, о котором идет речь в публикуемом письме Тютчева, — он был другом ее отца и издателем посмертного собрания его стихов (1840).

Письмо Тютчева несомненно написано вскоре после смерти Жуковского, последовавшей 12/24 апреля 1852 г. Его содержание перекликается с написанным им тогда же стихотворением «Памяти В. А. Жуковского», в котором есть строки:

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
 Он все в себе мирил и совмещал.

<.....>

И этот-то души высокий строй,
 Создавший жизнь его, проникший лиру,
 Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
 Он завещал взволнованному миру...

Глубокая взаимная симпатия связывала Тютчева с Жуковским со времени их встречи в Италии в 1838 г. Позднее, в письме от 17/29 августа 1847 г., Тютчев признавался жене, что, проведя вместе с Жуковским несколько дней, он «вновь обрел <...> способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению» (Соч. 1984, т. 2, с. 140; пер. с франц.).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева А. И. Козловой (адресат устанавливается по надписи над текстом: «Александре Ивановне Козловой»). Написано по-французски.

Печатается по автографу (ИРЛИ. Разр. I, оп. 12, ед. хр. 73) на языке оригинала и в переводе И. И. Кузнецовой*.

Письма Козловой Тютчеву неизвестны.

⟨Петербург. 1852⟩

Merci de la lettre.— Je ne connais pas d'homme dont les *idées* fassent moins éprouver cette angoisse du néant de la vie qui s'empare de nous au contact d'un passé irrévocable comme tout ce qui nous reste de J(oukoffsky). Tant il y avait de la vie *véritable* dans cet homme.

Encore une fois merci.

Т. Т.

Перевод:

Спасибо за письмо.— Я не знаю человека, чьи *воззрения* столь смягчали бы мучительный страх перед бренностью бытия, овладевающий нами при соприкосновении с невозвратимым прошлым, как смягчает его все то, что оставил нам Ж(уковский). Столько *истинной* жизни было в этом человеке.

Еще раз спасибо.

Ф. Т.

С. И. МАЛЬЦОВУ

⟨1871⟩

Сергей Иванович *Мальцов* (1810—1893) — владелец многих крупных заводов в Орловской и Калужской губерниях. Арендовал овстугский сахарный завод, выстроенный, по-видимому, еще отцом поэта. Упоминания об этом заводе неоднократно встречаются в семейной переписке Тютчевых. В 1863 г. на месте старого завода был построен новый, о чем свидетельствуют документы Брянского областного архива (ф. № 4, арх. № 3; л. 1—4, сообщено Ю. И. К о г и н о в ы м).

В 1870 г., после смерти брата, который занимался делами завода, Тютчев вынужден был взять эти дела на себя. Публикуемое письмо — ответ на несохранившееся уведомление Мальцова об отказе от аренды. Вероятно, отказ этот был вызван затруднениями, которые начал испытывать арендатор, с большим напряжением выдерживавший конкуренцию; росли долги, и постепенно мальцовский промышленный комплекс приходил в упадок, несколько позже отмеченный Л. Н. Толстым (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 83. М. 1938, с. 491).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Мальцову.

Печатается по копии (рука М. Ф. Бирилевой), приложенной к письму Э. Ф. Тютчевой сыну Ивану от 25 марта 1871 г.— ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 63. Автограф неизвестен.

Письма Мальцова Тютчеву неизвестны.

⟨Петербург. Между 10 и 25 марта 1871 г.⟩

Милостивый государь Сергей Иванович.

Письмо ваше от 9-го сего марта, которым вы уведомляете меня о прекращении аренды моего овстугского сахарного завода, крайне меня удивило, что и заставило замедлить несколько ответом.

Я очень хорошо понимаю, что на основании условия, между нами заключенного¹, вы имели полное право отказаться от аренды год тому назад, но от-

* Отрывок из этого письма в неточном переводе напечатан в *Соч. 1980*, т. 2, с. 275 (*Ред*).

казываться от нее до истечения шестилетнего срока, в настоящее время, вы, по точному смыслу условия, не должны иметь право, тем более, что в силу того же условия и по соглашению с вашим поверенным мною заготовлено для будущего действия завода дров на два года вперед. Настоящий же ваш отказ от аренды без предупреждения меня об этом своевременно должен нанести мне значительный ущерб и существенно отозваться на всем экономическом строе хозяйства; оградить же себя от столь неприятных нечаянностей я не имел никакой возможности. С другой стороны, я не намереваюсь возобновлять от себя попытки производства на этом заводе и положительно отказываюсь затрачивать снова капитал на приобретение машин и на фундаментальные исправления, которых бы потребовал корпус завода. Полагаю, что всякий арендатор из специалистов так же оценит неблагонадежность подобного предприятия, тем более, что по собственному вашему отзыву условия для сахарного производства в нашей местности становятся с каждым годом менее благоприятными.

Выяснив вам мой взгляд на наше условие, я покорнейше просил бы вас, милостивый государь, уведомить меня о последующих ваших распоряжениях. Мне было бы чрезвычайно прискорбно, если б безусловным отказом от всякого лежащего на вас обязательства вы лишили бы меня надежды прийти с вами в этом деле к полюбовному соглашению.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

¹ Текст договора на аренду овстугского сахарного завода нам неизвестен.

Вел. кн. МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ

(1852)

Великая княгиня *Мария Николаевна* (1819—1876) — дочь Николая I, в замужестве — герцогиня Лейхтенбергская. Тютчев был представлен ей в 1840 г. во время пребывания на курорте Тегернае близ Мюнхена. Тогда же было написано посвященное ей стихотворение «Живым сочувствием привета...». В последующие годы упоминания о Марии Николаевне не раз встречаются в письмах Тютчева среди имен представителей двора и высшего света, с которыми поэт встречался как в России, так и за границей.

Как видно из письма Тютчева к жене от 21 августа 1851 г. (ГБЛ, 308. 1.20), Мария Николаевна в 1845 г. содействовала помещению его дочерей Дарьи и Екатерины в Смольный институт.

Публикуемое ниже письмо продиктовано заботой о судьбе дочерей, ставших взрослыми: Тютчев просит предоставить одной из них место при дворе. Просьба эта была удовлетворена — в декабре 1852 г. старшая дочь Тютчева Анна была назначена фрейлиной к цесаревне Марии Александровне, жене будущего императора Александра II.

3 сентября 1852 г. Тютчев сообщал жене в несколько ироническом тоне о своем вынужденном обращении к великой княгине: «...первого числа этого месяца я отнес свое письмо великой княгине и не могу помешать тебе надеяться — до такой степени я испытываю потребность, неумолимую необходимость успеха... В случае успеха сообщу тебе содержание этого письма с чувством настоящей авторской гордости, как это сделал бы Чадаев или Северин, и ты увидишь, что невозможно было написать письмо более убедительное и более настоятельное... более почтительно настоятельное. Не скажу, чтобы это стоило мне особенного труда, ведь я обращался к женщине» (ГБЛ, 308. 1.20; пер. с франц.). Сообщение, что письмо было передано адресату 1 сентября, дает основание полагать, что оно было написано накануне, т. е. 31 августа 1852 г.

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева вел. кн. Марии Николаевне. Написано по-французски.

Печатается по черновому автографу (без даты и подписи), сохранившемуся среди писем Тютчева к жене (ГБЛ, 308. 1.20, л. 84—85) на языке оригинала и в переводе Н. И. Филипович Беловой автограф неизвестен.

Письма вел. кн. Марии Николаевны к Тютчеву неизвестны.

⟨Петербург. 31 августа 1852⟩

Madame,

Il est des moments où on a un besoin si pressant d'une assistance divine, qu'on la réclame avec une foi, une confiance sans bornes... C'est dans un pareil moment que je m'adresse à V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩.

Madame, Vous comprenez tout, et c'est pourquoi Vous sympathisez avec toutes les souffrances... Voilà ce que je me dis, ce que je me répète, pour oser Vous parler comme je vais le faire. Ma situation Vous est connue. J'ai trois filles que les circonstances gênées où je me trouve condamnent nécessairement et pour longtemps peut-être à une existence bien humble et bien étroite. Dès cet hiver, qu'elles passeront à la campagne, elles vont commencer l'apprentissage de cette destinée toute de privation et de regret...

Mais quelque triste que soit une pareille existence, surtout au debut de la vie — après tout c'est celle de tout le monde, que devant toute autre que Vous, Madame, c'est à peine si j'oserai y insister. Aussi n'est-ce pas là qui m'afflige le plus. Ce qui me navre le coeur — c'est une autre destinée, volontairement et bien méritoirement associée à la leur... c'est... pourquoi ne Vous l'avouerai-je pas, Madame, — c'est le devouement de ma pauvre femme qui au mépris de sa santé et des soins qu'elle exigerait, se condamne à aller s'enfermer pour tout l'hiver à la campagne, à affronter cette vie d'isolement et de réclusion, qui n'est que de l'ennui pour de jeunes filles, mais qui pour une santé affaiblie, comme est la sienne, est pleine d'incontestable danger — et tout cela pour remplir un devoir qui serait le mien et que je ne me sens pas la force d'accepter.

Et voilà pourquoi dans le sentiment de ma détresse — c'est Votre Providence que j'invoque...

Il m'est pénible, plus pénible que je ne puis le dire, même devant vous, Madame, d'exprimer un voeu que je ne me reconnais aucun droit de former... Et cependant il est de fait, que si par l'auguste intercession de V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩ une de mes filles se trouvait placée à la Cour, cela faciliterait pour les deux autres des arrangements de famille qui rendraient quelque liberté à mes mouvements et soulèveraient de dessus ma tête un poids qui l'écrase...

Cette faveur, encore une fois, je n'y ai aucun droit, mais elle m'est bien nécessaire.

Madame, chaque fois que dans ma vie j'ai eu le bonheur d'approcher V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩, Votre Présence m'a toujours laissé dans l'âme quelque chose de paticulièrement doux et bien-faisant. J'ai toujours trouvé qu'en Votre Présence, Madame, la vie était plus légère à porter... Pourriez-vous m'en vouloir, si dans cette gêne étroite j'ai presque involontairement recherché Votre main comme on cherche l'air et la lumière. — Non, le coeur de V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩ m'est garant, que quelle que soit l'issue de ma demande, Elle daignera trouver qu'elle n'est ni importune, ni déplacée.

Je suis avec le plus profond respect

Перевод:

Милостивая государыня,

есть мгновения, когда испытываешь столь настоятельную потребность в поддержке небес, что взываешь к ним с безграничной верой и надеждой... Именно в такой момент обращаюсь я к в⟨ашему⟩ и⟨мператорскому⟩ в⟨ысочеству⟩.

Сударыня, вы все понимаете, поэтому вы сочувствуете любому страданию... Я бесконечно повторял себе это, прежде чем осмелиться заговорить с вами о том, о чем пойдет речь. Положение мое вам известно. У меня три дочери, и стесненные обстоятельства, в которых я нахожусь, неизбежно обрекают их и, может быть, надолго, на жизнь весьма скромную и уединенную. Уже с этой зимы, которую они проведут в деревне, начнут они свыкаться с судьбой, исполненной горестей и лишений...

Но как ни грустно подобное существование, особенно на пороге жизни, — в конце концов, это общий удел, и обращаясь не к вам, сударыня, а к кому-нибудь другому, я едва ли ос-

мелился бы говорить об этом. Да и не это удручает меня более всего. Сердце мне раздирает мысль о другой судьбе, добровольно и самым достойным образом связанной с их судьбами... Это... признаюсь вам, сударыня, — это самоотверженность моей бедной жены, которая, пренебрегая здоровьем и тем уходом, который необходим для его поддержания, обрекает себя на заточение в деревне на всю зиму, на уединенную жизнь затворницы, что для молодых барышень всего лишь скучно, но для нее, с ее слабым здоровьем, несомненно еще и опасно, — и все это ради того, чтобы исполнить свой долг, который надлежало бы исполнить мне, но я не в силах на это пойти.

Вот почему, отчаявшись, я взываю к вашему покровительству...

Не могу сказать, как невероятно трудно мне выразить, даже вам, сударыня, то заветное желание, высказывать которое я не имею никакого права, — я это сознаю... И тем не менее несомненно, что, если бы благодаря высочайшему ходатайству в(ашего) и(мператорского) в(ысочества) одна из моих дочерей получила место при дворе, мне легче было бы устроиться в семье с двумя другими, и это хоть немного развязало бы мне руки и сняло бы с души камень, который на нее давит...

Повторяю, на эту милость я не имею никакого права, но она мне крайне необходима.

Сударыня, всякий раз, когда мне в жизни выпадало счастье приблизиться к в(ашему) и(мператорскому) в(ысочеству), в душе моей оставалось ощущение необычайного тепла и благодати. Рядом с вами я всегда ощущал, что бремя жизни становится легче... Неужели вы рассердитесь на меня за то, что в столь стесненных обстоятельствах я почти произвольно устремился к вашей руке, как стремиться к воздуху и свету. — Нет, сердце в(ашего) и(мператорского) в(ысочества) мне порукой, что, каков бы ни был исход моей просьбы, ваше высочество соблаговолит не считать ее ни докучливой, ни неуместной.

Остаюсь с глубочайшим почтением

В. П. МЕЩЕРСКОМУ

(1872)

Князь Владимир Петрович *Мещерский* (1839—1914) — реакционный публицист и писатель, в 1872—1914 гг. — издатель газеты-журнала «Гражданин» (в 1872—1878 — негласно). В первых же номерах «Гражданина» были помещены стихи Тютчева «Декабрьское утро» и «Ватиканская годовщина» (3 и 17 янв., № 1 и 3), затем — «Памяти М. К. Политковской» (6 марта, № 10) и в 1873 г. — «Наполеон III» (8 янв., № 2). 30 июля 1873 г. в «Гражданине» (№ 31) появилась статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», подписанная именем Мещерского, однако целиком переработанная Достоевским, о чем последний писал жене: «...переправлял, живого места не оставил» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. III. М., 1934, с. 70).

Мещерский был хорошо знаком с Тютчевым и постоянно упоминал о нем в своих мемуарах, называя его «царем остроумия» и «самым оригинальным» поэтом (В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. I. СПб., 1897, с. 217, 324—328 и др.). По свидетельству И. А. Гончарова, Мещерский изобразил Тютчева в романе «Люди мира» (А. Д. Алексеев. И. А. Гончаров — член редакционно-издательского комитета сборника «Складчина». — РЛ, 1971, № 3, с. 93). Предполагается, что он вывел Тютчева и в других своих романах: «Дневник Ольги Николаевны» и «Хочу быть русской» (И. А. Королева и А. А. Николаев. Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. М., 1978, с. 226). Мещерскому принадлежат отзыв о биографии Тютчева, написанный И. С. Аксаковым («Гражданин», 1874, № 49, 9 декабря).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Мещерскому. Написано по-французски.

Печатается по автографу (ГБЛ, 308.2.9) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Мещерского Тютчеву неизвестны.

⟨Pétersbourg.⟩ Ce Vendredi, 3 Mars ⟨1872⟩.

Mon bien cher prince,

Si par hasard dans votre prochain № il vous convenait de fourrer quelques rimes, voici une pièce de vers, dédiée à la mémoire d'une personne que ses nombreux amis viennent de perdre, et qui a été vraiment éminente par le coeur¹. Je tenais à rendre ce témoignage public à sa mémoire et de toutes les publicités, c'est assurément celle du «Гражданин» que je préfère. Si, toutefois, par une raison ou par une autre, ces vers ne vous paraissent pas rentrer assez naturellement dans le cadre du journal, veuillez, de grâce, me le dire franchement, et sans vous gêner le moins du monde.

Je continue à étudier avec curiosité l'attitude toute personnelle de notre journalisme à votre égard. Tous, les uns comme les autres, les bons comme les mauvais, ont la même note. C'est un certain dépit de voir que par votre *position*, vous êtes à même d'être franchement et sérieusement libéral sans le moindre levain révolutionnaire. C'est ce que les meilleurs de vos confrères de la presse ne vous pardonnent pas...

A vous de coeur

Т ю т ч е в

Перевод:

⟨Петербург.⟩ Пятница, 3 марта ⟨1872⟩

Любезнейший князь, если в следующем номере представится возможность поместить несколько рифмованных строк, то вот стихотворение, посвященное памяти одной особы, которую только что потеряли ее многочисленные друзья и которая обладала истинно возвышенной душой¹. Я считал долгом публично отдать дань ее памяти и из всех печатных органов, конечно, предпочитаю «Гражданин». Если же, однако, по той или иной причине эти стихи покажутся вам неподходящими для вашего журнала, соблаговолите, пожалуйста, сказать мне это откровенно и без всякого стеснения.

Я с любопытством продолжаю изучать глубоко личное отношение нашей журналистики к вам. Все, как те, так и другие, хорошие и плохие, придерживаются одного и того же тона. В нем сквозит определенная досада, что ваша *позиция* дает вам возможность быть искренним и серьезным либералом без малейшей революционной закваски. Этого-то лучшие из ваших собратьев по печати вам не прощают...

Сердечно ваш

Т ю т ч е в

¹ Тютчев послал Мещерскому стихотворение, посвященное памяти писательницы и переводчицы М. К. Политковской. Автограф стихотворения неизвестен. Впервые опубликовано: «Гражданин», 1872, № 10, 6 марта.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

1838—1839

Граф Карл Васильевич *Нессельроде* (1780—1862) — министр иностранных дел в 1822—1856 гг., вице-канцлер с 1828 г., государственный канцлер с 1844 г.

Нессельроде принадлежал к категории государственных деятелей, воспитанных эпохой «Священного союза», был близок к Меттерниху, проводил реакционную политику. В стихотворении «Нет, карлик мой! трус беспримерный....», написанном в 1850 г., Тютчев критиковал австрофильский курс его политики.

Сохранилось 19 писем Тютчева к Нессельроде (*Письма*, № 50). Все они относятся к тому недолгому периоду жизни поэта, когда он, в должности первого секретаря русской миссии в Турине, исполнял обязанности поверенного в делах (1838—1839). Большая часть этих писем представляет собой официальные дипломатические донесения; некоторые письма носят

ЭЛ. Ф. ТЮТЧЕВА

Акварель И. Шёлера. (Мюнхен, 1827)

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

личный характер и связаны со служебным и материальным положением Тютчева. В печати эти письма не появлялись.

Ниже публикуются четыре письма Тютчева к Нессельроде, отражающие драматические события жизни поэта — испытания, выпавшие на долю его жены в связи с гибелью парохода, на котором она с детьми ехала к мужу, ее смерть, вторичная женитьба Тютчева, его отставка от должности. Все они написаны по-французски.

Публикуются по автографам: АВПР, д. 212, л. 71—75 (п. 1); АВПР, Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников, оп. 876, № 18, л. 1—4об. (п. 2, 3); там же, № 15, л. 5 (п. 4). Печатаются на языке оригинала и в переводе К. В. П и г а р е в а.

Сохранилось четыре письма К. В. Нессельроде Тютчеву за 1838—1839 годы: АВПР, д. 212, л. 203; д. 207, л. 105, 107; Гл. арх. IV—10—1839, № 20, л. 5.

1

Turin. Le 6 Août 1838

Monsieur le Comte,

J'ose me flatter que Votre Excellence voudra bien me pardonner l'importunité de cette lettre en faveur du motif qui me l'a fait écrire. J'ai appris par ma femme la sollicitude pleine de bonté que Vous avez bien voulu lui témoigner dans un moment où des consolations lui étaient si nécessaires, et quelques personnels que fussent les titres que sa position lui assurait à Votre bienveillant intérêt je n'en revendique pas moins une part dans la reconnaissance que nous Vous devons¹. Je m'associe bien sincèrement à la satisfaction qu'elle éprouve à l'idée, que c'est

de Vous, monsieur le Comte, que lui sont venues les consolations les plus cordiales et les plus généreuses entre toutes celles qu'elle a reçues.

Ma femme m'a dit aussi que Votre Excellence ne s'est pas borné à compatir à son malheur. Vous avez daigné, Monsieur le Comte, prendre connaissance des pertes matérielles que ce désastre lui avait fait éprouver et Vous lui avez généreusement offert Votre appui auprès de Sa Majesté l'Empereur pour l'aider à les réparer... Déjà les bontés de l'Empereur étaient venues la trouver, elle et ses compagnons d'infortune, presque au sortir du naufrage²... Nous n'aurions, par conséquent que des actions de grâce à rendre, sans nous permettre de nouveaux vœux : car un malheur subi par tant de monde ne saurait être un titre exclusif pour personne... Mais c'est à nos besoins, bien plus qu'aux droits que nous pourrions y avoir, que Sa Majesté se plaît à mesurer ses bienfaits, et jamais, je dois l'avouer, ses bontés ne m'ont été plus nécessaires. Car c'est au moment où je me vois dans la nécessité de former un nouvel établissement, que j'ai perdu, d'un seul coup, tout ce qui pouvait me le faciliter. Réduit à mes propres ressources, ma position, je le confesse, serait infiniment pénible et embarrassante³...

Que ne m'est-il permis de terminer ici cette lettre, qui ne devait contenir que l'expression de ma reconnaissance. Car en vérité, Monsieur le Comte, je souffre de devoir ramener l'attention de Votre Excellence sur une question dont le plus grand tort est d'en être devenue une... C'est de cette malheureuse question de costume que je veux parler. J'en serais tout à fait inconsolable si j'avais eu le malheur de prendre l'initiative à ce sujet⁴...

La Cour, qui est absente en ce moment, rentre à Turin le 1er du mois de Septembre. C'est à cette époque que les personnes arrivées ici dans l'intervalle sont dans l'habitude de se faire présenter. Il serait difficile, surtout pour des personnes appartenant au Corps Diplomatique, une fois la Cour revenue, de différer beaucoup leur présentation, car plus tard la Cour va s'établir à Gênes, où elle ne voit pas d'étrangers, et de cette manière l'époque de la présentation se trouverait indéfiniment ajournée. Je n'ignore pas qu'on s'occupe en ce moment chez nous d'un nouveau règlement qui aura pour objet de modifier le costume des dames appartenant à la diplomatie russe, en leur imposant comme obligatoire à toutes les Cours le costume national qui jusqu'à présent n'avait été que facultatif. Or, j'avais pensé à l'arrivée de ma femme, qu'il serait peut-être convenable de mettre à profit la latitude que laissait l'absence du nouveau règlement, pour l'engager à se faire présenter à la Cour de Turin avec le costume qui y est en usage. Cette marque de condescendance, qui, venant de notre part, ne saurait, certes, avoir rien d'équivoque, me paraissait devoir être d'un bon effet sous plus d'un rapport. D'abord c'eût été une leçon de modération et de raison, qui, pour être courtoise, n'en aurait pas été moins significative. Et plus, en convainquant la Cour de Turin de nos dispositions conciliantes, sur une question qui comporte si peu l'irritation et l'entêtement, elle aurait eu l'avantage de lui faire apprécier dans son véritable jour le nouveau règlement qui va paraître. Elle lui aurait prouvé que cette mesure du nouveau règlement était une mesure essentiellement générale, se rattachant à un ensemble d'idées parfaitement indépendant des circonstances du moment, ne révélant d'arrière-pensée d'hostilité contre qui que ce soit, contre laquelle, par conséquent, il n'appartiendrait à personne d'élever la moindre difficulté ni d'articuler la plus petite objection.

Telles avaient été mes idées et je n'ai pas besoin de Vous dire, Monsieur le Comte, combien à l'arrivée de ma femme j'ai été heureux d'apprendre par elle, qu'en adoptant ce parti je n'avais fait que pressentir les propres intentions de Votre Excellence et me conformer par avance à ses volontés.

Depuis, une conversation que j'ai eue avec Madame d'Obrescoff à son retour de Berlin, m'a de nouveau rendu incertain sur ce que j'avais à faire. Mad. d'Obrescoff m'a assuré que dans l'audience que Sa Majesté l'Empereur a daigné lui accorder, Sa Majesté avait déclaré que Sa volonté était, que dès à présent, et même avant la publication du règlement, le costume national fût de rigueur — et

même elle a ajouté qu'il lui avait été *enjoint* de me faire savoir que c'est dans ce costume que la présentation à la Cour de Turin devait avoir lieu...

Assurément, Monsieur le Comte, je suis loin de reconnaître aux paroles de Madame d'Obrescuff un caractère officiel. — Toutefois ses assertions sont si formelles, si positives, et d'autre part la seule possibilité que telle fût en effet la volonté de Sa Majesté l'Empereur est d'un si grand poids à mes yeux, que je me vois obligé, bien qu'à regret, de supplier Votre Excellence de m'accorder la faveur d'un mot de réponse pour fixer mes incertitudes et me prescrire la marche que j'ai définitivement à suivre.

Si Votre Excellence jugeait qu'en effet l'ancien costume ne fût plus de mise, eh bien, je tâcherai de gagner du temps et de différer la présentation jusqu'après la publication du nouveau règlement. Alors il faudra bien que la question se décide d'une manière ou l'autre.

Mais avant tout, Monsieur le Comte, j'attends de la bienveillante équité de Votre Excellence qu'elle me fera la grâce et la justice de croire que rien n'égale la peine et la confusion que j'éprouve d'avoir à l'entretenir de semblables détails. Je subis, en gémissant, une nécessité que je n'ai point créée, mais dont j'ai hérité...

Quant à la partie sérieuse des rapports de notre Mission avec la Cour de Turin, je n'ai pas besoin de Vous assurer, Monsieur le Comte, que je ne cesserai de suivre avec une invariable fidélité les recommandations que Votre Excellence a bien voulu m'adresser l'année dernière, à mon départ de St.-Pétersbourg. Je sais le prix que Notre Cour met à entretenir de bons rapports avec celle de Turin et, je dois le dire, les dispositions que j'ai trouvées ici sont de nature à me faciliter singulièrement l'accomplissement de cette tâche. Car, en dépit de ce puéril différend qu'il eût été si facile d'éviter, les dispositions de cette Cour à notre égard sont, il faut le dire, les plus satisfaisantes possibles. Les grandes qualités de l'Empereur sont en profonde et générale vénération ici, comme partout où prévaut un principe d'ordre et de conservation. Les services rendus par la Russie à la Maison Régnante⁵ sont rappelés en toute occasion avec une franchise de reconnaissance qui ne laisse rien à désirer. En un mot, sympathie d'opinion aussi bien que l'intelligence de ses intérêts les plus évidents, tout nous rattache cette Cour — et si, dans la position donnée il n'y a aucun mérite à maintenir les rapports sur le meilleur pied possible, il y aurait, par contre, un insigne maladresse ou une fatalité décidée à amener dans ces rapports ne fût-ce que l'apparence de la tiédeur ou de l'indifférence.

Me serait-il permis d'ajouter à l'appui de ce que je viens de dire une particularité qui m'est personnelle. C'est à Votre bienveillance éprouvée, Monsieur le Comte, que je livre ma pensée dans toute sa candeur... Depuis mon arrivée à Turin, aussi bien qu'au plus fort de la fameuse querelle, je n'ai cessé un instant de recevoir de la part de toute la société d'ici et plus particulièrement encore des personnes haut placées à la Cour et dans le Gouvernement, un accueil tellement gracieux, tellement empressé, si fort en dehors des habitudes de réserve que l'on attribue au caractère piémontais, que par son exagération même cet accueil a complètement désintéressé ma vanité, en me forçant de n'y voir que ce qu'il y avait en effet, c'est-à-dire, l'expression d'une sympathie, qui ne sachant où se prendre, s'adressait, faute de mieux, à mon humble individu.

Telle est la position pour le moment, et quoi qu'il pût arriver par la suite, je n'oublierai jamais, Monsieur le Comte, qu'un employé qui a l'honneur de servir sous Vos ordres serait plus coupable que tout autre de manquer dans sa conduite de mesure, de convenance ou de modération. Il prouverait par là qu'il est tout à fait indigne d'apprécier et de suivre le modèle qu'il a devant les yeux.

Il ne me reste qu'un voeu à former: c'est que Votre Excellence daigne me continuer Ses bontés, ne fût-ce que pour me mettre à même de mériter celles dont Elle m'a honoré jusqu'à ce jour.

N'ayant dans cette saison morte et en l'absence de la Cour rien de bien intéressant à mander d'ici, je me conformerai aux directions qui nous ont été transmises, en adressant mes rapports officiels directement à St.-Pétersbourg.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

T. Tutcheff

Перевод:

Турин. 6 августа 1838

Граф,

Смею льстить себя надеждой, что ваше сиятельство соблаговолит простить мне мою навязчивость, принимая во внимание причину, побуждающую меня написать вам это письмо. Я узнал от своей жены о той преисполненной доброты заботливости, которую вы изволили проявить от отношению к ней в такую минуту, когда она столь нуждалась в утешении, и хотя ваше благосклонное участие было вызвано положением, в котором она оказалась и относилось лично к ней, я тем не менее настаиваю насвоей доле признательности, которой мы вам обязаны¹. Я искренне разделяю радость, которую она испытывает при мысли, что среди всех оказанных ей выражений сочувствия самые сердечные и самые великодушные исходили от вас, граф.

Жена сказала мне также, что ваше превосходительство не ограничились одним сочувствием ее несчастью. Вы соизволили, граф, осведомиться об имущественных потерях, которые причинила ей эта катастрофа, великодушно предложили поддержать перед государем императором ее просьбу возместить эти потери... Щедротами государя она и ее сотоварищи по несчастью были встречены почти тотчас же после спасения от кораблекрушения²... Таким образом, нам, собственно, надлежало бы лишь воздать благодарность, не позволяя себе никаких новых пожеланий, ибо несчастье, которому подверглись все, никому не может дать исключительных прав... Но его величеству угодно соизмерить свои благодеяния не столько с правами, которые мы могли бы иметь, сколько с нашими нуждами, и никогда, я должен это признать, его благодеяния не были мне столь необходимы. Ибо в ту самую минуту, когда я вынужден заново устраивать свой дом, я сразу потерял все то, что могло мне эту заботу облегчить. Если бы мне пришлось ограничиться собственными средствами, мое положение, признаться, было бы бесконечно тяжело и затруднительно³...

Если бы только я мог закончить на этом письмо, которое должно было бы заключать в себе лишь выражение моей признательности! Ибо, граф, я поистине страдаю от необходимости вновь обратить внимание вашего сиятельства на вопрос, самый главный изъян которого состоит в том, что он вообще существует... Я имею в виду этот злосчастный вопрос о костюме... Я буду в отчаянии, если мне, к несчастью, придется взять на себя почин в этом деле⁴...

Двор, ныне отсутствующий, возвращается в Турин 1 сентября. Именно тогда по обыкновению представляются лица, к этому времени приехавшие сюда. По возвращении двора было бы затруднительно, особливо лицам, принадлежащим к дипломатическому корпусу, надолго откладывать свое представление, ибо потом двор переезжает в Геную, где приема иностранцев не бывает, и, таким образом, представление было бы отложено на неопределенный срок. Мне известно, что в настоящее время у нас готовится новый регламент, долженствующий изменить костюм дам, принадлежащих к русскому дипломатическому корпусу, с тем, чтобы сделать обязательным ношение национального костюма, которое доньше было лишь добровольным. По приезде моей жены я говорил о том, что, быть может, приличествовало бы воспользоваться свободой, предоставляемой отсутствием нового регламента, для того, чтобы предложить ей представиться ко двору в Турине в костюме, здесь обычно принятом. Этот знак снисхождения с нашей стороны, которому, конечно, не могло быть придано двусмысленное значение, казалось мне, должен был бы во многих отношениях произвести хорошее впечатление. Во-первых, это послужило бы уроком сдержанности и здравого смысла, уроком, который, при всей его учтивости, был бы тем не менее многозначителен. Кроме того, этот образ действия, убеждая туринский двор в нашем примирительном отношении к вопросу, заключающему в себе столь мало оснований для раздражения и упрямства, имел бы еще и то преимущество, что заставил бы двор оценить в истинном его значении новый, имеющий появиться регламент. Он показал бы, что этот новый регламент является мерой, имеющей

по существу общее значение и связанной с совокупностью идей, совершенно не зависящих от обстоятельств текущего момента, а также, что эта мера не скрывает ни задней мысли, ни враждебности к кому бы то ни было, а потому нет оснований чинить ей какие-либо препятствия или высказывать против нее какие бы то ни было возражения.

Таковы были мои мысли, и мне не нужно говорить вам, граф, насколько по приезде моей жены я был счастлив узнать от нее, что, приняв это решение, я только предугадал намерения вашего сиятельства и наперед сообразовался с вашими желаниями.

После этого разговор, который я имел с г-жей Обрезковой по возвращении ее из Берлина, снова вызвал во мне недоумение по поводу того, как мне следует поступить. Г-жа Обрезкова уверила меня, что во время аудиенции, которую соблаговолил дать ей государь, его величество объявил свою волю, чтобы отныне, не дожидаясь объявления нового регламента, национальный костюм стал обязательным, — она даже *прибавила*, что ей было предложено сообщить мне, что представление к туринскому двору должно состояться именно в этом костюме...

Конечно, граф, я далек от того, чтобы придавать словам г-жи Обрезковой официальное значение. Однако ее утверждения столь уверенны, столь определены, а вместе с тем одно лишь предположение, что такова действительно воля государя, имеет в моих глазах такой вес, что я вынужден, к величайшему своему сожалению, умолять ваше превосходительство удостоить меня одним словом ответа, дабы рассеять мои сомнения и предписать мне образ действия, коему я должен окончательно следовать.

Если бы ваше сиятельство действительно считали, что прежний костюм уже неуместен, я постараюсь выиграть время и отложить представление до объявления нового регламента. Итак, необходимо, чтобы этот вопрос был так или иначе разрешен.

Но, прежде всего, граф, зная доброжелательность и справедливость, свойственные вашему сиятельству, я надеюсь, что вы окажете мне милость, поверив, что ничто не может сравниться с тем огорчением и смущением, которые я испытываю при мысли, что принужден занимать вас такими мелочами. Я со скорбью подчиняюсь необходимости, которую я не создал, но унаследовал...

Что касается серьезной стороны сношений нашей миссии с туринским двором, мне нет нужды уверять вас, граф, что я неизменно буду следовать тем указаниям, которые вашему сиятельству угодно было преподать мне в прошлом году перед отъездом моим из Санкт-Петербурга. Я знаю, какое значение придает наш двор сохранению добрых отношений с туринским двором, и я должен сказать, что расположение, мною здесь встреченное, значительно облегчает мне выполнение этой задачи. Ибо, несмотря на эту ребяческую распрю, которой так легко было бы избежать, отношение к нам здешнего двора надо признать в высшей степени благоприятным. Высокие достоинства государя императора внушают общее чувство глубочайшего почтения здесь, как, впрочем, всюду, где господствует принцип порядка и консерватизма. Об услугах, оказанных Россией королевскому дому, вспоминают при каждом случае с искренней благодарностью, не оставляющей желать ничего лучшего⁵. Словом, как симпатия, основанная на общих точках зрения, так и понимание своих самых явных интересов, — все связывает нас с этим двором, и если при данном положении нет никакой заслуги в том, чтобы поддерживать между нами наилучшие отношения, с другой стороны только исключительная неловкость или решительное злополучие могли бы внести в эти отношения хотя бы тень охлаждения или равнодушия.

Дозволено ли будет мне, в подтверждении только что сказанного, добавив подробность, касающуюся лично меня? Перед вашей испытанной благосклонностью, граф, раскрываю и мысль свою во всем ее чистосердечии... Со времени моего приезда в Турин, а также в самый разгар пресловутой ссоры, я неизменно встречал со стороны всего здешнего общества, и еще более со стороны лиц высокопоставленных как при дворе, так и в правительстве, столь ласковый, столь горячий прием, притом столь мало соответствующий привычкам сдержанности, приписываемому пьемонтскому характеру, что по самой своей преувеличенности этот прием нимало не возбудил моего тщеславия, и я всегда принужден был видеть в нем исключительно то, что в нем действительно было, т. е. выражение политической симпатии, которая, не зная, на кого излиться, обращалась, за неимением лучшего, к моей скромной особе.

Таково положение в настоящую минуту, и что бы ни случилось впоследствии, я всегда буду помнить, граф, что чиновник, имеющий честь служить под вашим начальством, был бы виновен более всякого другого, если бы в своем поведении не сумел бы соблюсти умеренно-

сти, приличия и сдержанности. Этим он доказал бы, что совершенно не достоин ценить стоящий перед его глазами образец и следовать ему.

Мне остается выразить только одно пожелание: оно состоит в том, чтобы ваше сиятельство и впредь удостаивали меня своим благорасположением, хотя бы ради того, чтобы я имел возможность заслужить то, которым я был почтен доныне.

Не имея в эту мертвую, ввиду отсутствия двора, пору сообщить ничего особенно интересного, я буду, сообразно с переданными нам распоряжениями, пересылать свои официальные донесения непосредственно в Санкт-Петербург.

С совершенным почтением честь имею быть, граф,
вашего сиятельства покорнейшим и нижайшим слугою

Ф. Т ю т ч е в

¹ Весной 1838 г. Эл. Ф. Тютчева с детьми отправилась к мужу в Турин. В ночь с 18 на 19 мая пароход «Николай I», на котором находилась семья поэта, сгорел в море недалеко от Любека. Пассажиры были спасены, но все их имущество (в том числе весь багаж Тютчевых) погибло в огне. Вскоре после катастрофы Эл. Ф. Тютчева виделась с Нессельроде в Гамбурге, куда были доставлены все потерпевшие.

² В ответ на письмо, посланное Эл. Ф. Тютчевой из Гамбурга в Берлин Николаю I (в это время он путешествовал за границей), ей было выдано пособие в сумме 200 луидоров.

³ Вследствие обращения к Нессельроде Тютчев получил из государственного казначейства в возмещение понесенных им при пожаре убытков 800 червонцев, что составляло тогда 8480 р. ассигнациями.

⁴ При туринском дворе сочли нарушением этикета со стороны жены русского посланника Н. Л. Обрезковой белую вуаль, в которой она появилась во дворце. Это объяснялось тем, что белый цвет особых деталей сардинского головного убора (так называемый *barbes*) был привилегией королевы и принцесс (остальным дамам предписывался черный). Последовал специальный циркуляр министра иностранных дел гр. Соларо делла Маргарита, разъяснявший, в каких головных уборах должны появляться при дворе дамы, принадлежащие к дипломатическому корпусу. Обрезков счел эту выходку оскорбительной, между ним и министром состоялось резкое объяснение, в результате которого Обрезков просил отозвать его из Турина. Николай I счел все дело «сущим вздором», однако нашел, что «малолюбезный» образ действий сардинского министра «заслуживает урока», и с этой целью приказал отозвать Обрезкова, не назначая ему преемника; место посланника оставалось незаполненным, и первый секретарь миссии Тютчев был аккредитован русским поверенным в делах. Об этом решении Нессельроде известил Обрезкова 20 апреля 1838 г. (Архив МИД. — Гос. архив внешней политики, д. 212, л. 33—34, 197). Тютчев должен был представить ко двору свою жену, и в сложившейся ситуации костюм, в котором появится супруга русского поверенного в делах, имел немаловажное значение.

⁵ В 1815 г. решением Венского конгресса Сардинскому королевству был возвращен отошедший в 1798 г. к Франции Пьемонт, а также гарантировано сохранение прав Савойской династии на трон Сардинии: в случае отсутствия наследника по старшей линии право престолонаследования было признано за представителем младшей линии — принцем Карлом-Альбертом. Это решение было принято при активной поддержке России и вопреки притязаниям Австрии. В соответствии с ним Карл-Альберт в 1831 г. вступил на престол.

2

Turin. Le 6/18 Octobre 1838

Monsieur le Comte,

Sa Majesté l'Empereur daignera-t-il me pardonner si j'ai différé jusqu'à présent à Lui offrir mes actions de grâce pour ses derniers bienfaits?.. ¹ Si en ce moment même, j'hésite encore?.. Quel hommage à offrir que celui d'une reconnaissance où il n'y a que du désespoir et des larmes de douleur?

Monsieur le Comte, j'ai tout perdu... ² Les mots, je le sens, ne signifient rien... Mais enfin l'homme n'a que des mots pour dire qu'il se sent blessé au coeur...

Et cependant le souvenir de ce dernier bienfait, de ce bienfait tombé sur un lit de mort me restera éternellement sacré... Ne s'adressait-il pas à celle qui n'est plus? N'est ce pas la nouvelle de ce bienfait qui lui a valu sa dernière joie, le dernier mouvement de la satisfaction terrestre qu'elle ait éprouvée?..

Deux jours après s'est déclarée la maladie qui a brisé au milieu des plus atroces souffrances un des plus nobles coeurs que Dieu ait jamais faits.

Maintenant la voilà soustraite à jamais aux bienfaits comme aux douleurs de ce monde.

ДОЧЕРИ ТЮТЧЕВА

Слева направо: Анна, Дарья, Екатерина

Рисунок А. Саломе (соус). Мюнхен, 1843

Слева подпись художника: «A. Salomé fec(it) 1843»

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

Mais à côté de son cercueil il reste trois enfants en bas âge... Il y a quelques mois leur mère, au prix des dernières forces qui lui restaient, a bien pu les porter à travers la flamme et les arracher à la mort. Mais cet effort a épuisé sa vie. Elle est morte à la peine... Ses enfants vivent il est vrai, mais ils n'ont plus de mère pour veiller sur leur enfance et pour protéger leur jeunesse...

Quant à moi... Monsieur le Comte, quelque douleur ou quelque honte qu'il y ait dans cet aveu... je ne suis plus rien, je ne puis rien. L'épreuve n'a pas été mesuré aux forces... Je me sens écrasé... Je peux bien pleurer sur ces malheureux enfants. Je ne peux pas les protéger.

Mais il y a Dieu et l'Empereur... C'est à leur double Providence que je les confie... Que Celui, qui, il y a quelques mois, a recueilli au sortir du naufrage la mère et les enfants,— maintenant que leur mère les a abandonné ne retire pas sa Main de dessus ces trois têtes orphelines.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
de Votre Excellence, le très humble et très obéissant serviteur,

T. Tutchev

Перевод:

Турин. 6/18 октября 1838

Граф,

Созволил ли его величество государь император простить меня за то, что я донныне медлил привести ему изъявления моей благодарности за его последние благодеяния?..¹ Если даже и в эту минуту я все еще нахожусь в нерешительности?.. Но какими словами выразить благодарность, проникнутую лишь отчаянием и слезами скорби?

Ваше сиятельство, я все потерял²... Слова, я это чувствую, не выражают ничего... Но ведь у человека нет ничего, кроме слов, чтобы выразить, сколь изранено его сердце.

И тем не менее память об этом последнем благодеянии, об этом благодеянии, осенившем ее смертный одр, останется для меня навсегда священной... Не обращено ли оно к той, которой уже нет? Не известие ли об этом благодеянии принесло ей последнее утешение, последнюю радость, которую ей дано было изведать на земле?..

Два дня спустя обнаружилась та болезнь, которая среди жесточайших страданий разбилась одно из самых благородных сердец, когда-либо созданных Богом.

Теперь она навсегда избавлена и от благ, и от скорбей этого мира.

Но возле ее гроба остались трое малолетних детей... Несколько месяцев назад их мать ценою последних оставшихся у нее сил могла пронести их сквозь пламя и вырвать их у смерти. Но это усилие подорвало ее жизнь. Она его не вынесла... Ее дети живы, правда, но у них нет больше матери, которая блюла бы их детство и оберегала их юность...

Что до меня... Граф, как ни горестно, как ни постыдно такое признание... я ни на что не способен, я сам ничто. Испытание не было соразмерено с моими силами... Я чувствую себя раздавленным... Я могу проливать слезы над этими несчастными детьми, но не могу их оберегать.

Но есть Бог и государь... Этому двойному покровительству поручаю я их... Пусть тот, кто несколько месяцев тому назад, после кораблекрушения, поддержал своей помощью мать и детей, теперь, что она их покинула, не отнимет своей десницы от этих трех осиротелых годовок.

С совершенным почтением честь имею быть, граф,
вашего сиятельства покорнейшим и нижайшим слугою

Ф. Тютчев

¹ См. п. 1, прим. 3.

² 27 августа 1838 г. в Турине умерла Эл. Ф. Тютчева, первая жена поэта.

Turin. Ce 1/13 Mars 1839

Monsieur le Comte,

Il m'est pénible, plus que je ne puis le dire, d'avoir si souvent à occuper l'attention de Votre Excellence de mes affaires personnelles; mais jamais peut-être cette nécessité où je me trouve de l'en importuner ne m'a été plus pénible qu'aujourd'hui.

Sans entrer dans des explications qui seraient déplacées ici et qui probablement auraient l'inconvénient de ne Vous apprendre rien de nouveau, c'est à Votre indulgente bonté, Monsieur le Comte, c'est, je dois le dire, à Votre générosité que je m'adresse pour faire agréer à Votre Excellence la demande, en faveur de laquelle j'ose invoquer sa bienveillante intercession.

L'objet de cette demande est une autorisation de mariage¹. — La personne que je désire épouser est la Baronne de Doernberg, fille du Baron de Pfeffel, qui a servi avec distinction dans la diplomatie bavaroise et qui est mort, il y a quelques années, Ministre du Roi de Bavière, à Paris. Sa mère était une Comtesse de Tettenborn. Madame de Doernberg appartient à la religion Catholique. J'étais bien décidé à différer cette démarche pendant longtemps encore. Mais une circonstance relative à mes enfants m'impose forcément une détermination différente. Je les avais confiés l'automne dernier aux soins de ma belle-soeur

la Comtesse de Bothmer, qui est à Munich. Celle-ci, qui se marie le mois prochain et qui doit aussitôt après son mariage quitter Munich pour se rendre à la Haye, vient de m'écrire pour me prier de prendre d'autres arrangements à leur égard. Je me vois donc dans l'obligation, en les reprenant chez moi, d'aviser au plutôt au moyen de leur assurer toute la surveillance et tous les soins qui peuvent leur être nécessaires et qu'ils ne trouveraient pas suffisamment auprès de moi seul.

En même temps que l'autorisation que je sollicite, j'ai une autre grâce à demander à Votre Excellence. Les arrangements que je suis dans le cas de devoir prendre m'obligeant à des déplacements et à des courses multipliées, je me vois bien qu'à regret dans la nécessité absolue de lui demander un congé de quelques mois. Déjà cet hiver, si je suis bien informé, Vous avez daigné, Monsieur le Comte, me faire savoir, par l'entremise de Mad(ame) de Krudener que vous ne voyez pas d'inconvénient à ce que je m'absente momentanément de mon poste. C'est l'effet de cette gracieuse autorisation que j'ose réclamer en ce moment.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

T. T u t c h e f

Перевод:

Турин. 1/13 марта 1839

Граф,

Не могу выразить, как тяжела мне необходимость столь часто докучать вашему сиятельству своими личными делами; но никогда еще, быть может, подобная необходимость не была мне столь тягостна, как ныне.

Не входя в объяснения, которые были бы здесь неуместны и, вероятно, имели бы тот недостаток, что не заключали бы в себе ничего для вас нового, я обращаюсь, граф, к вашей снисходительной доброте, или, лучше сказать, — к вашему великодушию, в надежде, что вы доброжелательно отнесетесь к той просьбе, в отношении которой я решаюсь испрашивать ваше благосклонное представительство.

Предмет этой просьбы — разрешение вступить в брак¹. Особа, с которой я желаю сочетаться браком, это баронесса Дёрнберг, дочь барона Пфедфеля, с отличием служившего в баварской дипломатии и умершего несколько лет тому назад в должности посланника баварского короля в Париже. Ее мать была урожденная графиня Теттенборн. Госпожа Дёрнберг исповедует католическую религию. Мною было принято твердое решение надолго еще отсрочить этот шаг. Однако одно обстоятельство, касающееся моих детей, поневоле вынуждает меня к иному решению. Я поручил их прошлой осенью заботам своей свояченицы графини Ботмер, живущей в Мюнхене. Последняя в будущем месяце выходит замуж и тотчас же после свадьбы должна уехать из Мюнхена в Гаагу; она только что писала мне и просила как-нибудь иначе устроить моих детей. Итак, я вижу себя вынужденным, взяв их к себе, как можно скорее озаботиться о том, чтобы доставить им необходимый уход и надзор, которые я один не мог бы им обеспечить.

Одновременно с разрешением, о котором я ходатайствую, прошу ваше сиятельство и о другой милости. Устройство дел, которым я по этому случаю должен заняться, влечет за собой различные переезды и неоднократные поездки; посему, хотя и с сожалением, я вынужден просить у вашего сиятельства отпуска на несколько месяцев. Уже этой зимой, если я верно осведомлен, вы позволили, граф, передать мне через госпожу Крюденер, что не имеете ничего против временной моей отлучки с моего поста. На это милостивое разрешение я позволю себе сослаться в настоящую минуту.

С совершенным почтением честь имею быть, граф,
вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

Ф. Т ю т ч е в

¹ В письме от 15/27 апреля 1839 г. Нессельроде дал Тютчеву разрешение на брак, но в отпуске ему отказал (АВПР. Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников, оп. 876, № 18, л. 5—5 об.). 17/29 июля 1839 г. Тютчев венчался с Эрнестивой Дёрнберг в Берне.

Munich. Ce 6/18 Octobre 1839

Monsieur le Comte,

Des circonstances impérieuses m'obligent à prier Votre Excellence de vouloir bien agréer ma démission de la place de 1er Secrétaire de la Légation Impériale à Turin ¹.

Mon intention aussi bien que mon voeu eût été de rentrer immédiatement en Russie où j'aspire à me fixer. — Mais l'intérêt de mes enfants, que je suis venu retrouver ici et qu'il me serait également impossible de faire voyager dans cette saison ou de laisser de nouveau à la merci d'une surveillance étrangère, — me met dans le cas, Monsieur le Comte, de Vous demander, comme une faveur, la permission de différer ma rentrée en Russie jusqu'au printemps prochain.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

T. T u t c h e f

Перевод:

Мюнхен. 6/18 октября 1839

Граф,

Важные обстоятельства вынуждают меня просить ваше сиятельство благоволить принять мою отставку от должности первого секретаря императорской миссии в Турине ¹.

Я был намерен, что вполне отвечает моим желаниям, незамедлительно возвратиться в Россию, где надеюсь обосноваться. — Однако в интересах моих детей, к которым я сюда приехал и которых в равной мере не решаюсь ни подвергнуть путешествию в это время года, ни снова оставить здесь под чужим надзором, я принужден, граф, просить вас о милостивом разрешении отложить мое возвращение в Россию до будущей весны.

С совершенным почтением честь имею быть, граф,
вашего сиятельства нижайшим и покорнейшим слугою

Ф. Т ю т ч е в

¹ 8 ноября 1839 г. Тютчев был уволен от должности старшего секретаря русской миссии в Турине с оставлением его в ведомстве Министерства иностранных дел (АВПР. Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников, оп. 876, № 15, л. 7).

О. А. НОВИКОВОЙ

<1863>

Ольга Алексеевна *Новикова* (рожд. Киреева; 1840—1925) выросла в семье, близкой по своим традициям и взглядам семейству Аксаковых, что в значительной мере определило ее славянофильские воззрения. В молодости Новикова была хорошо знакома с семьей Тютчевых и нередко бывала в их доме, где высоко ценили ее незаурядный ум и образованность.

В 1870—1880-е годы Новикова стала известной публицисткой по вопросам русско-английских отношений. Проживши долгие годы в Лондоне и сблизившись с английскими литературными и политическими кругами, она стала выступать в английской печати со статьями и книгами о русской внешней политике. Ее статьи, в духе умеренного славянофильства, появлялись и в русских периодических изданиях, главным образом в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении».

Сохранились 7 писем Тютчева к Новиковой за 1863—1872 гг. (*Письма* 59); ни одно из них не было опубликовано. Все они написаны по-французски.

Письмо, публикуемое ниже, печатается по автографу (ГБЛ, 126.8478.1) на языке оригинала и в переводе К. В. П и г а р е в а.

Письма Новиковой Тютчеву неизвестны.

(Pétersbourg.) Lundi, (18 Novembre 1863)

Tenez, Madame, demandez-moi la vie, mais ne me demandez pas de rimes. J'ai les rimes en horreur, surtout les miennes. — D'ailleurs il ne me reste pas une seule copie de cette malheureuse *boutade rimée* qui ne vaut assurément pas le bruit qu'elle a fait et qu'elle ne doit qu'à deux noms propres¹. Laissez-moi plutôt vous recommander une chose bien plus digne d'une attention aussi intelligente et aussi éclairée que la vôtre. C'est le grand article de *Hilferding* sur la Pologne, inséré dans «l'Invalide»². Voila une chose de grande valeur. Lisez-le, Madame, et faites-le lire à nos amis de l'Europe. Vous leur rendrez service. — Vous voyez bien, Madame, vous m'avez demandé une babiole, un jeton de cuivre — et je vous offre une pièce d'or. J'ai quelques droits à vos remerciements.

Mille hommages empressés.
T. T u t c h e f

Перевод:

(Петербург.) Понедельник, (18 ноября 1863)

Послушайте, сударыня, просите жизнь мою, но не просите моих *стихов*. К стихам я питаю отвращение, в особенности к своим. — К тому же у меня не осталось ни одного списка этой злосчастной *стихотворной выходки*, не заслуживающей, конечно, того шума, который она вызвала и которым она обязана лишь двум именам собственным¹. Позвольте мне лучше предложить вам нечто, гораздо более достойное внимания человека столь просвещенного и разумного, как вы. Это большая статья *Гильфердинга* о Польше, напечатанная в «Инвалиде»². Вот это нечто очень значительное. Прочтите ее, сударыня, и посоветуйте прочесть ее нашим европейским друзьям. Вы им окажете услугу. — Теперь вы видите, сударыня, — вы просили у меня побрякушку, медный грош, а я предлагаю вам золотую монету. Я имею некоторые права на вашу благодарность.

Тысяча почтительных приветствий.

Ф. Т ю т ч е в

Датируется по содержанию: понедельник, ближайший после упомянутых в письме фактов (см. прим. 1 и 2), приходился на 18 ноября 1863 г.

¹ Речь идет о стихотворении «Его светлости князю А. А. Суворову», написанном 12 ноября 1863 г. в связи с отказом петербургского военного генерал-губернатора кн. А. А. Суворова подписать приветственный адрес генерал-губернатору Северо-Западного края М. Н. Муравьеву. Слова «malheureuse boutade rimée» («злосчастной стихотворной выходки») вносят интонацию самосуждения в оценке этого стихотворения.

² В двух номерах «Русского инвалида» от 16 и 17 ноября 1863 г. (№ 254 и 255) была напечатана статья А. Ф. Гильфердинга «Положение и задача России в Царстве Польском». Автор видит в польской шляхте «организм разложившийся и уже неспособный к новому развитию». Элементы этого развития Гильфердинг находит в польском крестьянстве. Призвание России — «поднять крестьянство, дать ему независимость материальную наделением землей не только хозяев, но всех без исключения земледельцев (батраков и т. д.), и открыть крестьянству самостоятельное участие в общественной жизни страны посредством крепкой организации крестьянских общин». От разрешения крестьянского вопроса зависит, по мнению Гильфердинга, «обновление в польской жизни».

О. Н. НОВИКОВА

Фотография И. Ротмайера. Триест, 1877
Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

М. Н. ПОХВИСНЕВУ

< 1869 >

Михаил Николаевич *Похвиснев* (1811—1882) — начальник Главного управления по делам печати в 1866—1870 гг. По этой должности ему был подчинен возглавляемый Тютчевым Комитет иностранной цензуры.

Тютчев не раз высказывал Похвисневу «горькие истины» по поводу вреда, который причиняют «неописуемые стеснения в управлении печатью, полное отсутствие разумности и честности в решениях высших инстанций» (*Соч. 1980*, т. 2, с. 218—219).

Сохранилось четыре письма Тютчева Похвисневу за 1869—1870 гг. (*Письма 68*). Одно из них было опубликовано (*Библиография 32*).

Публикуемое ниже письмо печатается по автографу: ГПБ, ф. 124, № 4409.

Письма Похвиснева Тютчеву неизвестны.

(Петербург. 25 декабря 1869)

Прежде всего позвольте мне, почтеннейший Михайло Николаевич, поздравить вас с нынешним великим праздником и потом от души поблагодарить вас за ваше милое, доброе участие в моих немощах и страданиях. Очень сожалею, что в самом начале моей болезни я не мог воспользоваться посещением вашим. Надеюсь, что дней через несколько в состоянии буду сам явиться к вам с моею благодарностью.

Много утешили вы меня надеждою, что на этот раз чиновники Комитета ин(остранной) ценз(уры) будут, как говорится, взисканы монаршею милостию. Это для меня более, чем личное одолжение, и мне особенно приятно к вам отнести, почтеннейший Михайло Николаевич, первое заявление моей признательности по этому случаю.

Не удостоится ли если не милостей, так помилованья и Русская печать, которая в сложности не худо, право, служит русскому делу? Не следует упускать из виду, что настают такие времена, что Россия со дня на день может быть призвана к необычайным усилиям, — невозможным без подъема всех ее нравственных сил — и что гнет над печатью (хотя, благодаря вам, менее ощутительный с некоторых пор) нисколько не содействует этому нравственному подъему.

Примите, прошу вас, милостивый государь Михайло Николаевич, сочувственное заявление моего искреннего и глубокого к вам уважения и совершенной преданности.

Ф. Т ю т ч е в .

Датируется по содержанию. Год устанавливается по связи с двумя другими письмами Тютчева: 12 августа 1869 г. он обратился к Похвисневу с просьбой о наградах и повышениях для своих подчиненных по цензурному комитету (*Соч. 1980*, т. 2, с. 238), в публикуемом письме благодарит за обещание выполнить его просьбу, а 2 января 1870 г. выражает признательность за выполненное обещание (ГПБ, ф. 797, ед. хр. 4). Поздравление с «нынешним великим праздником» указывает на то, что письмо написано в день Рождества, т. е. 25 декабря 1869 г.

Л. В. ТЕНГОБОРСКОМУ

1849

Людвиг Валерианович *Тенгоборский* (1793—1857) — экономист, статистик и дипломат, автор многотомного труда «О производительных силах России» (Париж, 1852—1855). В 1828 г. начал служить в Министерстве иностранных дел, в 1832—1846 гг. находился (с перерывами) на дипломатической службе в Вене. За долгие годы жизни в Австрии Тенгоборский изучил финансы и торговлю этой страны, что нашло отражение в трех фундаментальных трудах, посвященных экономике и другим проблемам внутренней жизни Австрий-

ской империи; эти труды были изданы в 40—50-х годах на французском и немецком языках.

Затронутые в публикуемом письме проблемы связаны с революцией 1848 г. в Австрии; они развиты в незавершенном трактате Тютчева „Россия и Запад“ (см. в наст. томе публикацию трактата и вступительную статью В. В. Кожина к этой публикации).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Тенгоборскому. Написано по-французски.

Публикуется по копии (рука Э. Ф. Тютчевой); без подписи (на л. 1 надпись рукой К. Пфеффеля: «Lettre de M. de Tutchef à M. Tengoborski» («Письмо г. Тютчева г. Тенгоборскому»); ГБЛ, 308, 2. 12. Автограф неизвестен.

Печатается на языке оригинала и в переводе Н. И. Филипович.

Письма Тенгоборского Тютчеву неизвестны.

⟨Петербург. 3 декабря 1849⟩

Monsieur,

J'ai lu votre mémoire avec une bien grande satisfaction, j'oserai dire, avec une satisfaction d'amour-propre. Car j'y ai trouvé la confirmation éclatante de tout ce que j'ai pensé, c'est-à-dire pressenti et conjecturé au sujet de l'Autriche, car pour voir il faut être sur les lieux. En l'absence des objets on ne peut que les pressentir. Votre mémoire contient des paroles d'or, même à notre adresse ¹.

Mais savez-vous l'impression définitive qui m'en est restée, relativement à l'Autriche? C'est que ce pays est décidément et sans retour voué à la révolution et cela par une très simple raison: c'est que l'Autriche, dans l'intérêt de sa conservation, même momentanée, est obligée de se faire plus allemande que jamais. Or, n'en déplaît à ceux que ce fait contrarie beaucoup, la civilisation allemande, la Pensée, l'intelligence allemande — *die deutsche Bildung*, telle que la voilà faite et constatée, est révolutionnaire d'outre en outre; il n'y a plus une fibre en elle qui n'appartienne à la révolution. Ceux qui nieraient cela, ou ne veulent pas voir, ou sont incapables de voir, le principe sous les apparences. Et voilà pourquoi la constitution du 11 Mai n'est pas un accident, mais une nécessité que les gouvernants en Autriche ne secoureront jamais ². C'est le lien par lequel ils se rattachent, non pas à l'Allemagne, mais à la pensée, à la civilisation allemande. Et maintenant quoi qu'ils fassent, qu'ils essaient de pratiquer consciencieusement des institutions impraticables, ou bien qu'ils fassent de l'arbitraire, de la bureaucratie et de la dictature, tout ce qu'ils feront sera nécessairement révolutionnaire.

Mais si la révolution est un dissolvant tout-puissant, même appliqué à un Etat fortement et solidement homogène, comme l'est la France, par exemple. que sera-ce donc pour un Empire comme l'Autriche? Ce sera évidemment de l'étiologie galopante. Personne ne l'a mieux fait voir que vous dans votre mémoire.

Mais quelque courte qu'aura été cette durée, elle aura toujours été assez longue pour faire un mal immense: celui d'avoir inoculé la révolution aux races Slaves, même à celles d'entr'elles qui jusqu'à présent en étaient parfaitement vierges. C'est là, je le répète, un mal immense et de plus un immense danger personnel pour la Russie. — L'Autriche, telle que la voilà devenue, ne peut pas ne pas communiquer la révolution aux races slaves qui lui sont soumises, aussi bien par l'action que par la réaction, aussi bien par l'influence directe des institutions nouvelles que par la nécessité où vont se trouver les populations Slaves d'exagérer la portée révolutionnaire de ces institutions, pour s'en faire des armes défensives contre la propagande allemande. Car, que la *Gleichberechtigung* ne sera jamais que le sobriquet de cette propagande, le fait me paraît difficile à contester.

Or, un pareil résultat, l'inoculation du principe révolutionnaire aux races Slaves, aurait dans l'état actuel du monde des conséquences incalculables. Car dans cette lutte suprême entre la Russie et la révolution, toutes deux puissances

«АВСТРИЙСКИЙ ОРЕЛ ПРИ СМЕРТИ»

Сатирический отклик на положение, сложившееся в Австрийской империи в результате революции 1848 г.

Подпись: «Австрийский орел при смерти, отвергнутый и обираемый своими пасынками»

Литография неизвестного художника, (1849)

Литературный музей, Москва

et principes en même temps, il n'y avait jusqu'à présent de véritablement neutres que ces races... et il est évident que celle des deux puissances qui la première saura se les approprier, les rallier à son drapeau, cette puissance-là, dis-je, aura les meilleures chances de faire décider en sa faveur le grand procès qui se plaide devant nous...

Et que serait-ce donc si, par impossible, nous-mêmes, nous étions devenus assez étrangers au principe historique de la Russie, si nous-mêmes nous étions assez traîtres envers notre propre cause, pour ne plus comprendre, pour ne plus sentir l'intime, l'inexorable solidarité que lie les destinées de ces races à celles de la Russie, — si nous étions arrivés à ne plus comprendre les droits imprescriptibles qu'elles ont sur nous et nous sur elles, et assez faibles pour ne pas les faire valoir hautement et résolument, quand le moment en serait venu? — Savez-vous, Monsieur, ce qui en résulterait?... C'est que nous aurions non pas conservé ces races à une Autriche plus que problématique, mais que nous les aurions de nos propres mains livrées à la révolution. Dès ce moment notre suicide aurait commencé et le triomphe de l'ennemi, son triomphe définitif et irrévocable, ne serait plus qu'une question de temps.

Mais je ne puis finir cette lettre sans vous remercier encore une fois de tout le plaisir que m'a fait la lecture de votre mémoire. Puisse-t-il être médité et apprécié comme il le mérite.

Перевод:

Милостивый государь,

Я прочитал вашу записку¹ с чувством глубокого удовлетворения, осмелюсь сказать, с чувством удовлетворенного самодобия. Ибо нашел в ней блестящее подтверждение всего, что я думал в отношении Австрии, т. е. всего, что предчувствовал и о чем догадывался, поскольку для того, чтобы видеть, нужно было бы самому там находиться. А когда нет возможности наблюдать, остается только догадываться. В вашей записке содержатся золотые слова даже и по нашему адресу.

Относительно же Австрии, знаете, какое впечатление у меня сложилось, в конечном итоге? Что эта страна определено и неотвратно идет к революции и по очень простой причине: Австрия, в целях своего сохранения, хотя бы недолговременного, вынуждена становится немецкой более чем когда бы то ни было. Так вот, не в обиду будь сказано тем, кого это обстоятельство сильно раздражает, немецкая цивилизация, немецкая мысль, немецкое сознание — *die deutsche Bildung* * такое, каким оно стало и каким является, насквозь пропитано революционным духом; каждой своей частицей оно сейчас принадлежит революции. Те, кто стал бы это отрицать, либо не хотят, либо не способны видеть принципиальную сторону за внешними проявлениями. Поэтому-то конституция 11 мая является не случайностью, а необходимостью, от которой правители Австрии никоим образом не смогут избавиться². Эти узы связывают их не с Германией, а с немецким образом мысли, с немецкой цивилизацией. И теперь, что бы они ни делали, будут ли они сознательно пытаться осуществлять неосуществимые установления, придут ли к провозволу, к бюрократии или к диктатуре, — все неизбежно будет носить революционный характер.

Но если революция является сильнейшим растворителем даже для такого в высшей степени однородного государства, как, например, Франция, что же станет с такой империей, как Австрия? Очевидно, ее ожидает скоротечное истощение. Никто еще не показал этого так ясно, как вы в своей записке.

Однако, каким бы кратким ни был этот период, он будет все-таки достаточно продолжительным, чтобы причинить величайшее зло: привить революционное начало славянским народам, даже тем из них, кому до сих пор оно совершенно не было присуще. И в этом, повторяю, величайшее зло, более того, величайшее зло, в частности, для России. — Австрия, такая, какой она сейчас стала, не может не распространять революцию на подвластные ей славянские племена как действием, так и реакцией, как путем прямого влияния новых установлений, так и благодаря необходимости, в которой окажутся славянские народы, преувеличивать революционное значение этих установлений, чтобы использовать их как оборонительное оружие против немецкой пропаганды. Ибо то, что *Gleichberechtigung* ^{2*} всегда будет лишь названием для этой пропаганды, представляется мне фактом, который трудно оспаривать.

Между тем подобный результат, привитие революционного принципа славянским народам, имел бы для современного мира последствия, которые невозможно исчислить. Ибо в отчаянной борьбе между Россией и революцией, где обе являются средоточием и силы и принципов, действительно нейтральными оставались до настоящего времени только эти народы... Очевидно, что та из двух сил, которая сумеет первой привлечь их на свою сторону, собрать их под своим знаменем, эта сила, повторяю, получит более шансов выиграть великую тяжбу, при которой мы присутствуем...

А что было бы, если бы свершилось невозможное, если бы нам самим стал до такой степени безразличен принцип исторического развития России, если бы мы сами оказались до такой степени предателями своего собственного дела, что перестали бы понимать, перестали бы ощущать тесную, нерушимую солидарность, которая связывает эти народы с народами России, если бы мы дошли до того, что утратили бы понимание неотъемлемых прав, которые у них имеются по отношению к нам, а у нас по отношению к ним, и оказались бы до того слабыми, что были бы не в состоянии открыто и решительно отстаивать их, когда придет время? Знаете, милостивый государь, что бы из этого воспоследовало?.. То, что мы не только не сохранили бы эти народы для неясно какой Австрии, но собственными руками ввергли бы их в рево-

* немецкое просвещение (нем.).

^{2*} равноправие (нем.).

люцию. С этого момента началось бы наше самоубийство, и торжество врага, окончательное и бесповоротное, стало бы только вопросом времени.

Заканчивая письмо, не могу не поблагодарить вас еще раз за удовольствие, которое мне доставило чтение вашей записки. Только бы ее восприняли и оценили, как она того заслуживает.

3 декабря. 1849

¹ «Записку» о положении в Австрийской империи Тенгоборский намеревался представить Николаю I через К. В. Нессельроде; прежде чем отправить ее по назначению, он познакомил с этой «запиской» Тютчева (*Современники о Тютчеве: письмо Э. Ф. Тютчевой К. Пфеффелю 1/13 января 1850 г.*).

² Буржуазно-демократическая революция 1848—1849 гг. в Австрии, целью которой была ликвидация феодально-абсолютистского строя в Австрийской империи, вынудила императора Фердинанда I обещать конституцию. 17 марта 1848 г. было образовано правительство из представителей дворянства и либеральной бюрократии. 25 апреля правительство обнародовало конституцию, провозгласившую различные свободы, но на деле сохранившую власть в руках императора и назначаемой им верхней палаты. 11 мая был опубликован новый избирательный закон.

Ф. ТИРШУ

1829—〈1842〉

Фридрих Вильгельм *Тирш* (1784—1860) — известный немецкий филолог-эллинист, с 1826 г. профессор красноречия и древней словесности в Мюнхенском университете, в 1828—1829 и 1847—1848 гг. ректор этого университета. Тирш был известен своими эллинофильскими настроениями: с 1813 г. он был связан с «Гетерией» — тайным обществом, сыгравшим большую роль в подготовке греческого восстания против владычества Турции (1821—1829), а после освобождения Греции стремился повлиять на решение вопроса о государственном устройстве этой страны.

Знакомство Тирша с Тютчевым — факт давно известный со слов П. В. Киреевского, который писал брату Ивану 12/24 сентября 1829 г. из Мюнхена, что Тирш говорил с ним «о Тютчеве как о своем хорошем знакомом и очень хвалил его» (*РА*, 1905, кн. II, № 5, с. 121).

До последнего времени сообщение Киреевского было единственным свидетельством этого знакомства. Четыре письма Тютчева, обнаруженные в личном архиве Тирша, проливают свет на характер этих отношений. Более того, они свидетельствуют, что уже в 1820-х годах, несмотря на более чем скромную должность второго секретаря, занимаемую им в русском посольстве, Тютчев стремился к активному участию в современной политической жизни и играл известную роль в делах посольства. Письма относятся к 1829, 1830 и 1840 или 1842 гг. и соответственно освещают три весьма выразительных в этом отношении эпизода, относящихся к малоизученному периоду пребывания поэта в Мюнхене.

Четыре письма Тютчева к Тиршу хранятся в Баварской гос. б-ке, Мюнхен (*Bayrische Staatsbibliothek, München, Thierschiana, I, 87*). Все они написаны по-французски.

Печатаются по ксерокопиям, полученным К. В. Пигаревым в 1975 г. из Баварской гос. б-ки, — на языке оригинала и в переводе К. В. П и г а р е в а.

Письма Тирша к Тютчеву неизвестны.

В 1984 г., когда письма Тютчева к Тиршу были уже подготовлены К. В. Пигаревым и Л. Н. Кузиной к публикации в «Литературном наследстве», английский исследователь Рональд Лэйн, также обнаруживший эти письма, напечатал их в статье: *Ronald Charles L a n e. Four Unpublished Letters of Tjutčev to F. Thiersch (1829—1840).* — «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*», 32. Wiesbaden, 1984, Hf. 2. В этой статье приводятся также и другие документы, разысканные Р. Лэйном в мюнхенских архивах. Некоторые из них цитируются в наст. публикации.

1

Накануне заключения Адрианопольского договора 1829 г. между Россией и Турцией (2/14 сентября), предоставившего Греции автономию по отношению к Турции (хотя и с сохранением ее вассального положения), Тирш высказал пдею возрождения этой страны под управлением монарха, призванного из какого-либо европейского государства. Он полагал, что такое решение оградит Грецию от назревавшего междоусобия. Однако Тирш отдавал себе отчет в том, что «чужестранец, не знающий ни языка, ни народа», может, в свою очередь, стать препятствием к установлению порядка вещей, соответствующего подлинным интересам страны, а потому предлагал выбрать малолетнего принца в одном из царствующих домов Европы и «воспитать его для предстоящего ему назначения»; наиболее подходящей кандидатурой представлялся ему 14-летний принц Оттон Баварский¹ (план этот впоследствии был осуществлен — в 1832 г. греческое Народное собрание избрало Оттона королем Греции).

10 сентября 1829 г. Тирш изложил свой проект в письме к королю Баварии Людвигу I², а затем, 10 ноября того же года, развил и тщательно обосновал его в письме к известному аллинофилу Жану Габриелю Эйнару (1775—1863)³.

Свои соображения о целесообразности возведения принца Оттона на греческий престол Тирш счел необходимым довести также до сведения российского императора, надеясь, что Николай I поддержит его идею. О предпринятых им в этом направлении шагах Тирш сообщил королю Людвигу в недатированном письме, копию которого обнаружил Р. Лейн. Тирш писал: «Дабы не подвергнуться опасности показаться навязчивым и не повредить тем самым делу в глазах русского двора, поскольку я, будучи частным лицом, беру на себя смелость обратиться в деле такой важности непосредственно к российскому императору, я передал копию письма к г-ну Эйнару в русскую миссию г-ну Тютчеву, которого я весьма уважаю как вполне заслуживающего доверия и по образованию, характеру и убеждениям превосходного молодого человека. Он воспринял предложение именно так, как оно было задумано, понял отношение к нему вашего величества именно так, как и следует, и посоветовал мне сообщить через него письмо русскому посланнику⁴. Будучи предоставлен самому себе и хорошо понимая, что без поддержки какого-либо солидного ведомства не смогу достигнуть успеха, я был вполне готов сделать это, поскольку г-н Тютчев заверил меня, что г-н Потемкин, как и сам Тютчев, убежден в том, что эта идея ни в коей мере не исходит от вашего величества. В приложенной записке г-н Тютчев сообщает мне, что г-н Потемкин рассматривает это предприятие со всем участием и одобряет шаги, которые я предпринял⁵. Письмо к императору российскому я полагаю представить также и вашему величеству после того, как оно будет отправлено⁶.

ФРИДРИХ ТИРШ

Гравюра неизвестного художника (выполнена по фотографии)

«Illustrierte Zeitung», 24 июня 1858 г.

〈Мюнхен. Вторая половина ноября 1829〉

Monsieur,

Je vais chercher le mémoire que vous avez eu la bonté de me communiquer, chez M-r de Potemkin, qui m'avait prié de le lui laisser pour pouvoir le lire à son aise. Je puis vous dire confidentiellement qu'il goûte beaucoup votre idée et qu'il

approuve que vous en écriviez * à l'Empereur. Je suis même porté à croire qu'il fera de son côté ce qui dépend de lui, pour créer quelques chances de plus en faveur de votre démarche.

Pardon du retard et agrééz, je vous prie, l'assurance de la considération très distinguée

de v<otre> t<uot> dévoué

F. T u t c h e f

Перевод:

Милостивый государь,

записку, которую вы были любезны мне передать, я разыщу у г-на Потемкина, просившего меня оставить ее ему для прочтения на досуге. Могу сказать вам доверительно, что он очень одобряет вашу идею и поддерживает ваше намерение написать по этому поводу императору. Я склонен думать, что со своей стороны он сделает все от него зависящее, дабы создать благоприятные условия в пользу вашей попытки.

Простите за промедление и примите, прошу вас, уверение в наилучшем уважении

v<ашего> v<се>покорного

Ф. Т ю т ч е в а

На автографе сверху надпись неизвестной рукой: «1827?; M-r Tutchef à M-r Thiersch» («1827?; г-н Тютчев г-ну Тиршу»). Перед текстом помета рукой Тирша: «Il s'agit du choix du prince Othon pour le trône de la Grèce. Fr. Th<iersch>» («Речь идет об избрании принца Оттона на престол Греции. Фр. Т(ирш)»).

На конверте: «A Monsieur Monsieur de Thiersch etc etc. Munic» («Г-ну Тиршу и т. д., и т. д. Мюнхен»).

Датируется по содержанию. Письмо Тирша к Эйнару — «témoige» («записка»), как называет его Тютчев, — было написано 10 ноября 1829 г., после чего копия его была передана Тютчеву, который доложил об этом документе Потемкину. Затем последовала просьба Тирша о возврате копии (что явствует из контекста публикуемого письма) и, наконец, ответ Тютчева с извинением за «промедление». На все это понадобилось не менее шести-семи дней. Вместе с тем письмо Тирша к Николаю I было написано не позднее 3 декабря того же года (см. об этом п. 2, прим. 2), здесь же речь идет только о намерении написать это письмо.

¹ Frédéric Thiersch. De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833, V. I, p. 308.

² Ibid., p. 308—310.

³ Ibid., p. 311—313.

⁴ Имеется в виду Иван Алексеевич Потемкин (1778—1850) — русский посланник при Баварском дворе (1828—1833).

⁵ К письму Тирша Людвигу I приложена копия публикуемого письма Тютчева; автограф его Тирш оставил у себя.

⁶ Письмо Тирша Людвигу I (копия без даты; на немецком яз.).— Geheimes Hausarchiv, München, N. L. Ludvig I, ARO 30^{2*}.

2

В конце ноября 1829 г. Баварский греческий компет уполномочил Тирша выразить благодарность русскому императору, по распоряжению которого была прислана церковная утварь для открывавшегося в Мюнхене греческого православного храма. Тирш решил воспользоваться этим, чтобы сообщить Николаю I свои предложения, «быть может спасительные для устройства греческих дел»: «Пусть ваше величество соизволит взглянуть на эти листки, — писал Тирш, прилагая к своему письму «записку» Эйнару. — (...) Если ваше величество сочтет, что осуществление средств, предлагаемых мною для обеспечения прочного и счастливого будущего греков, наименее затруднительно, а возможные результаты их наибо-

* В публикации Р. Лэйна неточности: écriviez вместо écriviez, далее — ayez вместо agrééz (R. L a n e. Op. cit., S. 226).

^{2*} Цитируется по ксерокопии, любезно предоставленной редакции «Литературного наследства» г. Рональдом Лэйном.—Ред.

лее надежны, Греция сможет наконец отдохнуть на своих развалинах и с успехом подготовить пути своего общественного и политического возрождения»¹.

Письмо это было написано не позднее 3 декабря². Тирш послал его Тютчеву в расчете, что, при посредстве русского посланника, оно будет отправлено по назначению. Однако, как видно из публикуемого письма Тютчева, сделать это было невозможно, и он предложил Тиршу другой способ довести до сведения русского правительства его проекты.

(Мюнхен. 11 декабря 1829)

J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre à l'Empereur et me suis empressé de la remettre à la poste pour prévenir tout malentendu. Je vous répéterai ce que j'ai eu déjà l'honneur de vous dire une fois: s(avo)r * que M. de Potemkin ne se chargeait pas de la transmission officielle de votre lettre, vu qu'aucun agent diplomatique ne peut se charger de transmettre en Cour un écrit quelconque, dont il n'eut pris connaissance au préalable. Mais il parlera, très volontiers, dans un rapport particulier au c(om)te de Nesselrode de votre mémoire à Mr. d'Eynard comme d'un incident qui s'est passé à Munic et qui par là même tombe dans la sphère de sa correspondance ministérielle. Bien entendu qu'il en parlera de manière à présenter les idées qui forment le fond de ce mémoire sous leur jour le plus favorable, et même si vous le désirez il joindra à sa dépêche une copie de votre écrit. Au quel cas je vous prierai, Monsieur, de vouloir bien me l'envoyer au plutôt.

Agréez, je vous prie, l'assurance de la considération tr(ès) distinguée
de votre tout dévoué

F. T u t c h e f

Munic ce 11.10 bre 1829³

Перевод:

Я имел удовольствие получить ваше письмо к императору и поспешил отправить его почтой во избежание какого-либо недоразумения. Повторю вам то, что уже имел честь говорить вам однажды, а именно, что г-н Потемкин не взял на себя официальную передачу вашего письма ввиду того, что ни один дипломат не может передать своему двору никакой бумаги, с которой не ознакомился предварительно. Но он охотно сообщит в особом донесении графу Нессельроде о вашей записке г-ну Эйнару как о событии, имевшем место в Мюнхене и тем самым попадающем в сферу его посольской переписки. Разумеется, он скажет об этом так, что идеи, составляющие суть этой записки, будут представлены в самом выгодном свете, и даже, если вы пожелаете, присоединит к своему донесению копию вашего сочинения. А потому я попрошу вас, милостивый государь, доставить мне его как можно скорее.

Примите уверение в совершенном уважении преданного вам

Ф. Т ю т ч е в а

Мюнхен 11.10 ря 1829³

На автографе перед текстом пометы — неизвестной рукой: «Tutcheff. 1829»; рукой Тирша: «J'ai eu occasion» («Я имел случай»).

На конверте: «A Monsieur Monsieur de Thiersch etc. etc. Munic» («Господину Тиршу и т. д. и т. д. Мюнхен»).

¹ Fr. Thiersch. Op. cit., v. I, p. 315.

² Об этом свидетельствует копия письма Тирша Николаю I, датированная 3 декабря 1829 г. — R. L a n e. Op. cit., p. 225—226.

³ Тютчев пользуется здесь обозначением, принятым в древнеримском календаре, по которому декабрь — десятый месяц года. Сохраняем специфику в правописании названия города («Munic»).

Третье письмо Тютчева к Тиршу связано с событием, весьма встревожившим русское посольство в Мюнхене. В течение трех дней — с 31 января по 2 февраля 1830 г. — в аугсбург-

* В публикации Р. Лэйна аббревиатура sг прочитана как v (R. L a n e. Op. cit., S. 227).

ской газете «Allgemeine Zeitung», известной до этого своими прорусскими настроениями, печаталась обширная анонимная статья, написанная в форме «письма из Эгины» и перепечатанная из газеты «Courrier de Smyrne» от 6 декабря 1829 г. (газета выходила на французском языке в турецком городе Смирна). Суть статьи, содержавшей крайне резкие, ничем не обоснованные выпады в адрес России и ее политики в отношении греческого вопроса, сводилась к утверждению, что Россия не желает и не может желать существования свободной и независимой Греции. И если Англия и Франция не возьмут на себя защиту интересов этого молодого государства, ему будет уготована судьба слабой, зависимой провинции «Северного государства» (т. е. России). Статья появилась накануне дня открытия Лондонской конференции (3 февраля 1830 г.), созванной по инициативе России и призванной решить вопрос о статусе освобожденной Греции (по инициативе России конференция признала полную независимость Греческого королевства от Турции¹). Резкое изменение позиции одной из самых влиятельных газет Германии в столь ответственный момент могло повлиять на европейское общественное мнение в нежелательном для России направлении.

Обо всем этом Потемкин доложил в Петербург в донесении от 3 февраля, копию которого обнаружил Р. Лэйн:

«Смею утверждать, что никогда еще общественный здравый смысл не подвергался подобному надругательству, ибо, не довольствуясь извержением самых гнусных поношений в адрес императорского правительства, не довольствуясь призывами не доверять России, призывами к вражде с ней и даже к ее уничтожению, автор статьи с бесстыдной недобросовестностью, достойной изумления, искажает все общеизвестные факты, переставляет все роли, отводя другим державам то место, которое в последних событиях занимала Россия, и, обвиняя ее в стремлении к тому самому злу, которому она же и воспрепятствовала, приписывает ей, с целью возбудить к ней ненависть, намерения именно той партии, с которой она неустанно сражается. Этот памфлет, где клевета приобретает подстрекательский характер, несомненно написан с целью повлиять на массы; каждый здравомыслящий или хоть немного осведомленный человек отбросит его с отвращением. Что же до его происхождения, трудно допустить, что он выражает чье-то частное мнение, пусть даже самое нелепое; никто не решился бы на подобное безрассудство, если бы оно не сулило прямой, и притом весьма значительной выгоды. Это соображение, так же как и не поддающееся объяснению сочувствие, с которым «Allgemeine Zeitung» согласилась полностью перепечатать эту возмутительную статью, не сопроводив ее никакими оговорками, побудили меня произвести некоторые расследования, дабы убедиться в истинной позиции этой газеты»².

Далее Потемкин докладывает результаты своих «разысканий». По его словам, Меттерних, раздраженный прорусской ориентацией «Allgemeine Zeitung», потребовал от ее редактора Иоганна Фридриха Котта (1764—1832) согласия на помещение инспирированных австрийским правительством антирусских статей, угрожая в противном случае запретить в Австрии подписку на его газету; под давлением этой угрозы Котта был вынужден согласиться на требования Меттерниха³. Статья, о которой идет речь, была первым проявлением изменения курса газеты. Потемкин отмечает также одно обстоятельство, косвенно подтверждающее его предположение, что статья эта была инспирирована австрийским правительством: «По странному совпадению, сразу же после того, как упомянутая статья появилась в „Allgemeine Zeitung“, австрийский посланник граф фон Шпигель обратился к одному из служащих моего посольства, пытаясь узнать у него, что я думаю относительно происхождения этой загадочной публикации, и, не получив, как и следовало того ожидать, никакого положительного ответа, сделал вид, что теряется в догадках по поводу источника, из коего она могла бы происходить» (по предположению Р. Лэйна, «служащим посольства», о котором идет речь, мог быть Тютчев)⁴.

В создавшейся ситуации было необходимо дать достойный ответ на статью «Allgemeine Zeitung». Этой необходимостью было продиктовано публикуемое ниже письмо Тютчева, написанное в день появления второй части этой статьи.

Munic, ce 1-er Fevrier (1830)

Monsieur,

Vous aurez bien certainement remarqué dans les deux derniers Nos de la «Gazette Universelle»⁵ l'incroyable article, tiré du «Journal de Smyrne». C'est, j'en

conviens, la plus grossière insulte qui ait jamais été faite au bon sens du public. Mais puisque la «Gazette Universelle» a cru devoir la reproduire dans son entier et avec une sorte de complaisance, c'est à vous qu'il appartient, Monsieur, à vous qui avez noblement associé votre nom aux destinées de la Grèce de prendre encore une fois en mains les intérêts d'une cause qu'on outrage aussi indignement en les dénaturant. Qu'un parti ennemi, né de tout ce qu'il y a de bon et d'honorable dans la Nature de l'Homme, ait cherché par tous les moyens possibles, per fas et nefas, par la force et l'astuce, par la foi des traités et la mauvaise foi à perdre, à assassiner la malheureuse Grèce, cela se conçoit, puisque c'était dans ses intérêts et qu'on sait du reste que l'intérêt, le plus vil, le plus sordide intérêt, est la seule règle, le seul mobile de ce parti. Mais que déjoué ses calculs, paralysé dans ses projets par une Puissance Supérieure, l'assassin désespérant de venir à bout de sa victime veuille à présent se faire passer pour son protecteur, saup à faire passer pour le protecteur véritable pour l'assassin; voila que est trop fort ⁶. Et l'opinion publique se manquerait à elle même, si par ses organes avoués elle ne repoussait de toute l'énergie de son indignation un semblable outrage fait à la décence publique ⁷.

Agréez, Monsieur, l'assurance de la considération tr<ès> distinguée
de v<otre> tr<ès> humble et tr<ès> ob<éissant> serv<iteur>

T u t c h e f

Перевод:

Мюнхен. 1 февраля (1830)

Милостивый государь,

Вы, конечно, заметили возмутительную статью в двух последних номерах «Allgemeine Zeitung» ⁶, извлеченную из «Journal de Smirne». Признаюсь, это самое грубое оскорбление, которое когда-либо наносилось общественному здравому смыслу. Но так как «Allgemeine Zeitung» сочла нужным перепечатать ее полностью и с известного рода сочувствием, вам надлежит, милостивый государь, вам, благородно связаншему свое имя с судьбами Греции, снова взять в свои руки защиту интересов, которые позорно попираются и искажаются. Что партия, враждебная всему доброму и честному в Природе Человека, попыталась всеми возможными способами, per fas et nefas *, силой и хитростью, соблюдением договоров и нарушением их, погубить несчастную Грецию, — это понятно, ибо это было в ее интересах, а ведь известно, что интерес, самый низменный, самый гнусный интерес — единственное правило, единственный двигатель этой партии. Но то, что обманутый в своих расчетах, парализованный Высшей Силой в своих замыслах, отчаявшийся доканать свою жертву убийца пытается теперь прикинуться ее покровителем с тем, чтобы выдать истинного покровителя за убийцу, — вот это уже слишком ⁶, и общественное мнение изменило бы самому себе, если бы в своих признанных органах не отразило со всей силой негодования подобное оскорбление, нанесенное общественному благоприличию ⁷.

Примите, милостивый государь, уверения в глубочайшем уважении в<ашего> нижайшего и покорнейшего слуги

Т ю т ч е в а

На автографе сверху надпись неизвестной рукой: «1827? T u t c h e f».

На конверте: «A Monsieur Monsieur de Thiersch Recteur de l'Université de Munic etc. etc. Munic» («Господину Тиршу, ректору Мюнхенского университета. Мюнхен»).

Год устанавливается по содержанию.

¹ По условиям Адрианопольского мирного договора (1829), признавшего автономию Греции, вассальная ее зависимость от Турции тем не менее сохранялась, выражаясь в уплате дани и других повинностях.

² Bayerisches Hauptarchiv, München, Russische Gesandtschaft in München, vol. 12. — Цит. по ст.: R. L a n e. Op. cit., p. 229.

³ Ibid., p. 229.

⁴ Ibid., p. 230.

⁵ Название немецкой газеты «Allgemeine Zeitung» Тютчев приводит по-французски — «Gazette universelle».

⁶ Тютчева особенно возмущало то, что статья, написанная якобы в защиту Греции, появилась в Турции — стране, с которой Греция боролась за свою независимость, и что статья эта обвиняла Россию во враждебном отношении к Греции, тогда как именно Россия поддерживала греков в их борьбе против Турции.

⁷ Откликнулся ли Тирш на предложение Тютчева, неизвестно. Но, быть может, оно послужило дополнительным стимулом к исполнению давнего желания Тирша поехать в Грецию и на месте разобраться в запутанной борьбе партий, обусловленной отчасти тем, что борьба Греции за независимость осуществлялась в сложной обстановке соперничества европейских стран. 21 августа 1831 г. Тирш выехал в Грецию, а к началу октября 1832 г. вернулся в Мюнхен. Вскоре он опубликовал книгу «De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration», v. I—II (Leipzig, 1833), в которой, подробно изложив свои наблюдения, признал Россию «защитником и наиболее благодетельным покровителем Греции» (Fr. Thiersch. Op. cit., v. I, p. 313—314).

4

В последние месяцы 1840 г. в приложениях к газете «Allgemeine Zeitung» печаталась серия анонимных статей, посвященных проблемам европейской политической жизни (по предположению Р. Лэйна написанных Тиршем)¹. 12 и 13 декабря появились две статьи из этой серии. Первая («Россия, Франция и мы») содержала обзор «промахов» и «отдельных успехов» политики России за последние четверть века, вторая (без заглавия) подводила итог этому разбору: Россия стала «одним из наиболее мощных и влиятельных гарантов независимости и безопасности Германии»; что же касается Франции, то союз России с ней является необходимостью для обеих сторон. По мнению Лэйна, названные статьи побудили Тютчева откликнуться на них письмом.

Однако нам представляется более убедительным предположение, что в комментируемом письме Тютчев откликнулся на статью Тирша, опубликованную им за собственной подписью в приложении к «Allgemeine Zeitung» 12 и 13 декабря 1842 г. (№ 346, 347). В этой статье Тирш писал о тех «спорах европейских государств, слишком явственно проступающих на афинской почве», которые заставили его вспомнить о книге «De l'état actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa restauration», написанной им десять лет тому назад, когда он пытался «повлиять» на развитие событий в Греции (см. предисловие к 3-му письму). Опираясь на высказанные там соображения, Тирш писал, что он принужден снова настоятельно напомнить о своей точке зрения по проблемам Анатолии, обращаясь при этом к взаимоотношениям европейских государств на новом историческом этапе, когда в Греции и прилегающих к ней островах, на развалинах Османской империи «образовался фундамент нового будущего», появилась «новая жизнь в азиатской торговле», процветают земледелие и ремесла, и мнение тех, кто предрекал этим землям судьбу жертвы, «добычи славянско-русского господства», «гравитации северного славянства» и т. д., уподобились высохшему пергаменту или даже застывшему тексту на нем. Тиршу представлялось возможным наступление такого времени, когда греческий флот потеснит турецкий, когда восстанут народы Фессалии, Македонии и Болгарии и на троне Стамбула будет православный правитель. При этом Тирш упрекал европейские кабинеты в том, что они слишком заняты борьбой текущего момента вместо того, чтобы содействовать Греции в достижении ее целей. «Решительное превосходство» «по всем проблемам Анатолии», по мнению Тирша, принадлежит России.

Проблемы, поднятые Тиршем в 1842 году, интересовали Тютчева не только в ту пору, но и позднее, вплоть до 60-х годов, когда восстание кандиотов вновь пробудило в нем надежду на особую роль России в деле освобождения народов, находившихся под гнетом Османской империи.

(Мюнхен.) 13 декабря (1840 или 1842)

Je viens de lire votre article * dans la Beilage de la «Gazette Univ(erselle)» d'aujourd'hui et j'éprouve le besoin de vous en remercier. Voilà les premiers mots de raison et de vérité qui aient été dits dans la Presse Européenne sur la Russie... Vous devez être fier d'avoir pris cette initiative. Quant à moi votre article *

* В публикации Р. Лэйна слова votre article пропущены (R. L a n e. Op. cit., S. 233).

m'a fait éprouver le même sentiment de bien-être qu'on éprouve en voyant tomber les premières larges gouttes de pluie, après trois mois de sécheresse.

Agréez tous mes hommages

T. T u t c h e f

Ce 13. Xbre³

Перевод:

Я только что прочитал вашу статью в «Приложении» к сегодняшнему номеру «Allgemeine Zeitung» и испытываю потребность поблагодарить Вас за нее. Вот первые разумные и правдивые слова о России, сказанные в европейской печати... Вы должны гордиться тем, что взяли на себя эту инициативу. Что касается меня, то ваша статья вызвала у меня то же чувство благодарствования, которое испытываешь при виде первых обильных капель дождя после трехмесячной засухи.

Примите уверения в совершенном почтении

Ф. Т ю т ч е в

Cero 13. X-бря²

На конверте: «A Monsieur Monsieur de Thiersch» («Господину Тиршу»).

Год устанавливается по содержанию.

¹ R. L a n e. Op. cit., p. 232.

² Здесь, как и в п. 2, Тютчев пользуется обозначением месяца, принятым в древнеримском календаре.

А. И. ТУРГЕНЕВУ

1844

Александр Иванович *Тургенев* (1785—1845) — известный литературный деятель первой половины XIX в., брат декабриста Н. И. Тургенева.

В августе 1842 г. Тургенев жил в Мюнхене. Здесь он познакомился с Тютчевым и виделся с ним почти ежедневно; встречались они и весной 1834 г., во время вторичного пребывания Тургенева в Мюнхене, затем в Вене (1835), Петербурге (1837), Киссингене (1842), в Варшаве (1843) и в Париже (1844). Все эти встречи нашли отражение в дневниковых записях Тургенева (см. в наст. томе, кн. II: «Тютчев в дневниках А. И. Тургенева. 1832—1844»).

В 1844 г., по приезде в Париж, где в это время жил Тургенев, Тютчев сразу же принялся искать встречи с ним, о чем свидетельствует публикуемое письмо. Как видно из упомянутого дневника Тургенева, с 4 по 9 июня они виделись почти ежедневно (там же). О парижских встречах с Тютчевым и его женой Тургенев тогда же писал П. А. Вяземскому (*Остафьевский архив*, т. IV, с. 290).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева А. И. Тургеневу. Написано по-французски.

Печатается по автографу (*Собр. Пигарева*) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Тургенева Тютчеву неизвестны.

⟨Paris.⟩ Ce Samedi, 18 mai (18)44

A mon arrivée à Paris, j'ai commencé par demander auprès vous, cher Александр Иванович, et j'ai appris, non sans désappointement, que vous étiez à la campagne depuis une quinzaine de jours. Si vous ne voulez pas rendre ce désappointement définitif, soyez assez bon, la première fois que vous rentrerez en ville, de me faire savoir l'heure où je pourrai vous voir. Nous demeurons dans votre voisinage le plus proche. Rue St Honoré, № 383.

Ma femme me charge de la rappeler à votre bon souvenir et aime à espérer que vous lui procurerez aussi le plaisir de vous voir.

Простите — не забудьте моей просьбы.

Вам душевно преданный

Ф. Т ю т ч е в

Перевод:

⟨Париж.⟩ Суббота, 18 мая ⟨18⟩44

По приезде моем в Париж я тотчас стал справляться о вас, любезный Александр Иванович, и узнал не без разочарования о том, что вы уже недели две как в деревне. Ежели вы не хотите сделать это разочарование окончательным, будьте столь добры, в первый же раз как вернетесь в город, дайте мне знать, в котором часу я могу повидать вас. Мы живем по соседству с вами. Улица Сент-Оноре, № 383.

Жена моя поручает мне передать вам привет и льстит себя надеждой, что вы также доставите ей удовольствие видеть вас...

ПИСЬМО К П. Б. КОЗЛОВСКОМУ

1824

Публикация Рональда Лэйна
(Англия) *

Как известно, существует очень мало сведений о заграничном периоде жизни Тютчева, особенно о годах, предшествовавших его первой женитьбе (1822—1826). До последнего времени в руках исследователей не было ни одного документа, написанного его рукой в эти годы¹; не сохранилось почти никаких известий об его образе жизни, его интересах, о круге его знакомств².

В этих обстоятельствах особую ценность приобретает обнаруженное нами письмо Тютчева, написанное 16/24 декабря 1824 г. и адресованное князю П. Б. Козловскому. Оно вводит в его окружение совершенно новое лицо, взаимоотношения с которым, по-видимому, выходили за пределы обычного светского знакомства и оказали немалое влияние на формирование взглядов молодого Тютчева.

Князь Петр Борисович *Козловский* (1783—1840) был фигурой весьма примечательной и во многом для своего времени типичной. Получив блестящее образование, он стал одним из «архивных юношей» и вступил на дипломатическую службу. В 1802 г. он был направлен в Рим, а десять лет спустя, в 1812 г., стал поверенным в делах в Сардинском королевстве, в 1814 г. — посланником. Козловский принимал участие в Венском конгрессе, а в 1818 г. был назначен посланником в Вюртемберг и Баден с резиденцией в Штутгарте. Три года спустя он вышел в отставку из-за политических разногласий со своими начальниками по Министерству иностранных дел. В течение тринадцати лет он без устали разъезжал по Европе, стал завсегдатаем европейских литературных и политических салонов и приобрел немало друзей среди выдающихся людей своего времени. В 1835 г. Козловский вернулся в Россию, был знаком с Пушкиным, Вяземским и другими лицами из пушкинского окружения. В 1836 г. он был назначен членом Совета Царства Польского при генерале Паскевиче и провел последние четыре года жизни в Варшаве, регулярно посещая при этом Россию, а также и другие страны Европы.

До сих пор о знакомстве Тютчева с Козловским ничего не было известно. Единственное свидетельство, где имена их стоят рядом, носит весьма беглый характер и не доказывает факта их знакомства: «Я очень рад, что здесь будет Тютчев, — писал П. А. Вяземский осенью 1844 г., узнав о возвращении Тютчева в Россию. — Он такой же замечательный собеседник, как и покойный Козловский, но с более твердыми убеждениями и принципами»³. В. Я. Френкель, автор книги о Козловском, отмечает, что знакомство его с Тютчевым вполне вероятно, хотя и не доказано⁴. Конец этим сомнениям кладет обнаруженное нами письмо Тютчева.

По-видимому, знакомство их состоялось в марте или апреле 1823 г., когда Козловский приезжал в Мюнхен⁵ (из публикуемого письма следует, что они познакомились именно в Мюнхене и что к декабрю 1824 г. прошло уже почти два года со дня их знакомства). Что же касается их встреч в последующие годы, мы можем только предполагать, что они имели место⁶. Ведь и Тютчев и Козловский вращались в одних и тех же кругах: Вяземский, Варнгаген фон Энзе, Жуковский, Гейне и многие другие. У них вообще было много общего: оба в течение долгих лет жили за границей и много путешествовали; оба печатались в пушкинском «Совре-

* *От редакции.* Настоящая публикация представляет собой сокращенную и переработанную редакцию статьи Р. Лэйна в «New Zealand Slavonic Journal» (1982, р. 17—27), по сравнению с которой она содержит ряд уточнений и дополнений. Пер. с англ. Е. С. Турковой.

П. Б. КОЗЛОВСКИЙ

Литография В. Шергле, 1838

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

двенадцати строках письма.

В чем же заключалось это «ученичество»? На этот вопрос пока нет ответа, однако можно указать, в общих чертах, на те взгляды, которых придерживался Козловский и которые могли оказать воздействие на молодого Тютчева.

Козловский был либералом, сочувствовавшим республиканцам. Маркиз де Кюстин называл его «либеральным русским князем»⁸. Именно из-за своих политических взглядов Козловский впал в немилость у русского правительства и в конце концов был отстранен от службы. В. Я. Френкель обращает внимание на то, что будучи посланником в Сардинии (1815—1819) Козловский установил связь с либерально настроенными кругами Италии, а также с патриотами, стремившимися освободить Италию из-под власти австрийского государства⁹. Между 1815 и 1822 годами, являясь одно время посланником при дворе Вюртемберга и Бадена, Козловский пишет обстоятельный меморандум о политическом положении в Южной Германии, излагая свои взгляды на необходимость конституционной реформы, к которой немецкий народ был, по его мнению, готов: этим путем он надеялся настроить на реформы в России Александра I¹⁰. Как утверждает Варнгаген фон Энзе, Козловский считал, что парламентаризм в России ознаменовал бы «новую эпоху в мировой истории»¹¹. Он радостно приветствовал известие о революционных событиях в Пьемонте в 1820 г. Именно в этом году он и получил отставку и начались его беспокойные странствования по Европе.

Козловский не боялся проявлять свою оппозиционность даже во дворце. Герцен приводит в статье «Плач» следующий эпизод из времен царствования Николая I: «„Не вставайте“, — сказал Николай Павлович, положив руку на плечо больному князю Козловскому, на бале у Паскевича. — „Если бы я и хотел встать, выше величество, я не мог бы, шестьдесят миллионов рук удерживает меня“»¹².

Если Козловский, приехав в Мюнхен, надеялся найти там сочувствие своим воззрениям, то в лице молодого Тютчева он встретил — как о том свидетельствует публикуемое письмо — восприимчивого слушателя. В этой связи интересно свидетельство Д. Н. Свербеева, косвенно подтверждающее близость воззрений молодого Тютчева и Козловского. В своих мемуарах Свербеев рассказывает о споре, который он и Тютчев вели с неким баварским бароном: «Наши с Тютчевым религиозные убеждения и политические мнения приводили его в неистов-

меннике» в 1836—1837 гг.⁷; оба оказались в немилости у начальства и были отстранены от дипломатической службы, оба разъезжали по Европе, продолжая действовать уже в качестве неофициальных представителей интересов России; оба были всегдашними светских раутов, остроусловиями, обладающими энциклопедическими познаниями и феноменальной памятью.

Самым интересным в публикуемом письме является то, что оно дает повод для размышлений над тем, какое влияние оказал Козловский на взгляды, мировоззрение Тютчева.

Письмо Тютчева построено на благодарном признании значения для него Козловского как идейного, духовного «учителя». Как можно это понять? В прямом значении, как выражение особого уважения? Или, может быть, это всего лишь шутливый тон, некая эпистолярная шалость? Несомненно некоторая доля шалости присутствует здесь, во всяком случае забота об изяществе стиля чувствуется совершенно явно. И все же серьезная нота преобладает над шуткой. В самом деле, вряд ли можно считать шуткой признание своего «ученичества», трижды повторенное в последних

ство, а мнение о том, что не только народная интеллигенция, но и весь народ имеет право участвовать в правительстве, представлялось этому барону — феодалу и католику — равносильным учению революционного террора; он отставил, вопреки нам, крепостное право. Наша же веротерпимость казалась ему атеизмом»¹³.

Последние слова Свербеева указывают на возможность еще одного аспекта в отношениях Тютчева и Козловского. Они напоминают об известном свободомыслии в вопросах религии, которое было свойственно Тютчеву уже в его молодые годы — начиная с юношеского стихотворения «Не дай нам духу празднословия...»¹⁴ или иронических замечаний в адрес обрядовой стороны христианства¹⁵. Свербеев говорит о «веротерпимости» Тютчева — но и Козловскому была свойственна определенная широта взглядов в отношении религиозных вопросов. В 1825 г. Козловский принял участие в спорах по поводу предоставления независимости ирландским католикам, обратившись к епископу Честерскому с открытым письмом, в котором выступил как горячий поборник религиозных свобод и веротерпимости¹⁶. Таким образом, вполне вероятно, что и в вопросах религии Тютчев и Козловский находили много общего.

И наконец, еще одно. Существует косвенное свидетельство того, какие советы мог слышать начинавший дипломатическую службу Тютчев от своего старшего друга. В июне 1825 г., когда прошло немногим более двух лет после знакомства его с Тютчевым, Козловский советовал графине Д. Х. Ливен определить сына на дипломатическую службу, «где у него будет больше возможности для свободного развития личности»; но вместе с тем он предупреждал, что молодой человек должен будет преодолеть «влияние тех, кто занят только своей карьерой», ибо «важно сохранить независимость и не превратиться в эхо стремлений и взглядов других людей, в том числе и начальников, как бы высоко они ни стояли»¹⁷.

Итак, возникает вопрос: считал ли Тютчев себя действительно «приверженцем» политических взглядов Козловского, разделял ли его воззрения на проблемы религиозной веротерпимости, воспринял ли этические позиции Козловского? Или, может быть, имело место и то, и другое, и третье? Как бы то ни было Козловский должен занять свое место в биографии молодого Тютчева.

Что же касается стиля письма, то К. В. Пигарев указывает, что московские записки Тютчева, адресованные М. П. Погодину (1819—1821)¹⁸, «содержат уже основные признаки художественного построения писем», добавляя при этом, что «существенные проблемы в тютчевской переписке заграничного периода не позволяют делать определенных выводов относительно литературной ценности тогдашних его писем, но, по-видимому, своей окончательной зрелости эпистолярная проза Тютчева достигает значительно позже, чем его лирика»¹⁹. Далее Пигарев заключает, что совершенство композиции писем Тютчева к И. С. Гагарину (1836) предвосхищает отличительные черты его позднего стиля²⁰.

Письмо к кн. Козловскому показывает, что эпистолярное мастерство Тютчева достигло совершенства много раньше, чем полагал К. В. Пигарев. Изысканная светскость, оригинальность сравнений, выразительность словосочетаний, изящный юмор — все это присутствует уже в публикуемом письме, написанном, когда Тютчеву был всего лишь двадцать один год.

Очень интересно это письмо и как единственный образец почерка Тютчева в период 1822—1829 гг. Он отчетлив, аккуратен и очень непохож на то, как небрежно писал Тютчев в 1850—1860-х годах. При всей изысканности французского языка, обращает на себя внимание пропуск акцентов, однако подобные погрешности были свойственны не только Тютчеву.

Письмо написано по-французски на одном сложенном вчетверо листе с водяным знаком «J. Wathman»; конверта нет. Автограф хранится в Bibliothèque Nationale (Париж) в разделе N. a. f. 16607, «Correspondence russe», v. VII, f. 176—177; поступило из собрания Ш. Ф. Штубера и Ж. Аррото²¹, через Андре Мазона.

Печатается по ксерокопии с автографа на языке оригинала и в переводе И. И. Кузнецовой.

Munich. Ce 16/28 Décembre 1824

Mon Prince,

Il faut être bien persuadé de l'inépuisable bienveillance qui fait le fonds de votre caractère, pour se hasarder de venir, comme je le fais, vous importuner

München le 16de Decembre 1824
28

176

Mon Prince,

Il faut être bien persuadé de l'impérissable
bienveillance qui fait le fond de votre correspon-
dence, pour se hasarder de tenir, comme je le fais
sois importuner par ma lettre. Si, pourrais
à la vérité trouver une cause suffisante
dans l'attachement bien sincère que je vous
ai voué. Vous savez, mon Prince, qu'un
attachement vrai a une certaine valeur
intrinsèque, indépendante, pour ainsi dire,
de la personne qui l'éprouve, & vous ne sauriez
guères douter du mien, si toutefois vous
daigniez encore vous en souvenir.

Il y a certainement bien peu d'hommes
dans les sentimens desquels on puisse avoir
une confiance assez grande, pour oser croire,

ПИСЬМО ТЮТЧЕВА П. Б. КОЗЛОВСКОМУ

Автограф. Мюнхен, 16/28 декабря 1824 г.

Лист первый

Bibliothèque Nationale, Париж

par ma lettre. Je pourrais à la vérité trouver une cause suffisante dans l'attachement bien sincère que je vous ai voué. Vous savez, mon Prince, qu'un attachement vrai a une certaine valeur intrinsèque, indépendante, pour ainsi dire, de la personne qui l'éprouve, et vous ne sauriez guères douter du mien, si toutefois vous daignez vous en souvenir.

Il y a certainement bien peu d'hommes dans les sentimens desquels on puisse avoir une confiance assez grande, pour oser croire, qu'après une separation de deux ans et en dépit de tous les changements que le temps doit nécessairement amener, on en soit avec eux au même degré d'affection, où on les a quittés. Une telle confiance, j'ose le dire, est un véritable hommage. On ne la doit qu'à Dieu et à ces belles âmes, qui, (n'en déplaise à la doctrine du droit divin) sont ses seuls représentans avoués sur notre pauvre terre.

Mon Prince, que je ne cessai d'aspirer
 pour vous les sentimens du plus tendre
 respect & d'un inaltérable attachement, avec
 lesquels j'ai d'honneur vécu

Mon Prince

Votre très humble &
 très obéissant Sujet

Toutchév

Madame de Blumenthal se joint à moi
 pour vous offrir ses hommages. C'est moi
 c'est certainement d'homme au monde, que
 vous aimez le plus. Vous vous regardiez
 souvent, & il est très que l'esprit de
 Maître est partout, car deux fidèles sont
 réunis en son nom, il faut nécessairement
 mon Prince, que vous daigniez quelquefois
 songer à moi.

ПИСЬМО ТЮТЧЕВА П. Б. КОЗЛОВСКОМУ

Автограф. Мюнхен, 16/28 декабря 1824 г.

Лист последний

Bibliothèque Nationale, Париж

Vous me pardonnerez assurément, mon Prince, de vous entretenir ainsi de la bienveillance dont vous m'avez, jadis, honoré. On pardonne bien aux femmes de rappeler, avec délices, le temps où elles étaient jeunes, c'est à dire où elles étaient aimées. Eh bien votre présence à Munich a été l'âge d'or de mon séjour dans cette ville. Je l'ai cruellement expié depuis. Voilà près de deux ans, que je n'ai pu avoir de vous que des nouvelles très indirectes, très incomplètes et qui ne faisaient qu'irriter l'incertitude ou je me trouvais à votre égard. Les absents ont tort²², sans doute, et avec vous plus qu'avec tout autre; car on a toujours tort, quand on n'est pas heureux.

Je ne sais si cette lettre vous parviendra, j'ose encore moins espérer d'avoir une réponse. En tout cas, il me suffit déjà, que vous sachiez qu'il y a, dans un coin du monde, un être qui vous est dévoué de coeur et d'âme, un fidèle, qui vous

chérit et vous sert, *en esprit et en vérité* et qui, pour prix de toutes ses peines et ses tribulations, n'a pas même d'espoir fonde de revoir, un jour, son maître bien-aimé. Si les mânes peuvent aimer, je crois qu'elles aiment de cette manière.

Enfin, mort ou vivant, veuillez croire, Mon Prince, que je ne cesserai d'avoir pour vous les sentiments du plus tendre respect et d'un inviolable attachement, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

Mon Prince votre très humble et très obeissant serviteur

T u t t e c h e f

P. S. Le B-on de Hornstein²³ se joint à moi pour vous offrir ses hommages. Après moi, c'est certainement l'homme au monde, qui vous aime le plus. Nous nous voyons très souvent, et s'il est vrai que l'esprit du Maître est partout, où deux fidèles sont réunis en son nom²⁴, il faut nécessairement, mon Prince, que vous daigniez quelquefois songer à nous.

Перевод:

Мюнхен. 16/28 декабря 1824

Дорогой князь,

Только будучи всецело убежден в неисчерпаемой доброте, составляющей суть вашей натуры, осмеливаюсь я доучать вам своим письмом. Впрочем, я мог бы счесть достаточным себе оправданием и глубоко искреннюю свою преданность по отношению к вам. Вы знаете, князь, что преданность подлинная имеет некую отвлеченную ценность, так сказать, не зависящую от человека, питающего ее; в моей же преданности вы не усомнитесь, если только соблаговолите вспомнить о ней.

Существует, право же, очень мало людей, в чьих чувствах можно быть уверенным настолько, чтобы после двухлетней разлуки и вопреки всем переменам, неизбежным за такой срок, отважиться полагать, что степень вашей с ними взаимной привязанности осталась прежней. Такая уверенность, осмеюсь сказать, есть дань истинному преклонению. Его подобает отдавать лишь Господу да тем прекрасным душам, которые (не в обиду будь сказано учению о божественном праве) суть его единственные правомочные представители на нашей бедной земле.

Вы, разумеется, простите мне, князь, что я говорю так о благосклонности, коей вы некогда удостаивали меня. Ведь прощают же женщинам, что они упиваются воспоминаниями о поре, когда были молоды, или, иначе говоря, любимы. Так вот, ваше присутствие в Мюнхене было для меня золотым веком моего пребывания в этом городе. Я жестоко испытал это впоследствии. Вот уже около двух лет я получаю о вас только косвенные и весьма скудные известия, лишь усугубляющие неопределенность, в которой я пребываю на ваш счет. Конечно, виновны те, кто находятся вдалеке²², это верно, — в особенности те, кто находятся вдалеке от вас, ибо человек всегда виновен, когда он несчастен.

Не знаю, найдет ли вас это письмо, и еще меньше надеюсь получить ответ. Как бы то ни было, я достигну цели, если вы будете знать, что есть где-то в мире человек, *преданный вам душой и сердцем*, приверженец, который любит вас и служит вам как в помыслах своих, так и на деле, и за все свои терзания и тревоги даже не имеет в награду твердой надежды увидеть когда-нибудь вновь возлюбленного своего учителя. Если духи могут любить, то, я думаю, они любят именно так.

Наконец, прошу вас поверить, князь, что живой или мертвый, я никогда не перестану питать к вам чувства самого нежного почтения и непреходящей привязанности, с чем и остаюсь, дорогой князь, ваш покорнейший и преданнейший слуга

Т ю т ч е в

P. S. Барон Хорнштейн²³ присоединяется ко мне в изъявлении глубочайшего уважения к вам. Без сомнения, кроме меня, в мире нет человека, любящего вас сильнее, чем он. Мы видимся с ним очень часто, и, если верно, что дух Учителя присутствует везде, где двое собрались во имя его²⁴, то просто необходимо, князь, чтобы вы иногда снисходили до нас в своих помыслах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. А. Николаев. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 гг. и текстологические проблемы его изучения. — *РЛ*, 1979, № 1, с. 140.

² *Пигарев*, с. 52—54, 64—66.

³ Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу 2 окт. 1844 г. — *Остафьевский архив*, т. IV, с. 298.

⁴ В. Я. Френкель. Петр Борисович Козловский. Л., 1978, с. 126.

⁵ Bayerisches Hauptstaatsarchiv, München, Russische Gesandtschaft in München, Bd. 10, N 30, 20 März/ 1 April 1823.

⁶ М. Вольф высказал предположение, что Козловский и Тютчев вместе внушили Гейне представление о Николае I как «знаменосце свободы», высказанную в 30-й главе «Путевых картин» (M. W o l f. Heinrich Heine. München, 1922, S. 282). Следует отметить, что первая жена Тютчева, Элеонора Федоровна, познакомилась с Козловским в России в 1837 или 1838 г. (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1882, с. 251). Мог с ним познакомиться и брат поэта Н. И. Тютчев, который жил в Варшаве одновременно с Козловским (1836—1840).

⁷ В «Современнике» были напечатаны три статьи Козловского: «Разбор парижского „Ежегодника“», «О надежде» и «Краткое описание паровых машин» (1836, т. I и III, 1837, т. VII). В третьем томе «Современника» был напечатан стихотворный цикл Тютчева — «Стихотворения, присланные из Германии».

⁸ Marquis de Custine. La Russie en 1839. P., 1843, p. 210.

⁹ В. Я. Френкель. Указ. соч., с. 41, прим. 9.

¹⁰ Там же, с. 41—45.

¹¹ Там же, с. 44.

¹² *Герцен*, т. 17, с. 69.

¹³ Д. Н. Свербеев. Записки, т. I. М., 1899, с. 249.

¹⁴ *Лирика*, т. II, с. 38.

¹⁵ Запись в дневнике М. П. Погодина от 6 декабря 1821 г. — см. в наст. томе (кн. II) публикацию: «Записи о Тютчеве в дневнике М. П. Погодина».

¹⁶ <P. V. K o z l o v s k i j>. Lettre d'un Protestant d'Allemagne à Monseigneur l'Evêque de Chester. P., 1825.

¹⁷ «California slavic studies», t. XI, 1980, p. 14.

¹⁸ Письма, вернее, коротенькие записочки Тютчева к М. П. Погодину были впервые опубликованы в журнале «Красный архив» (1923, № 4); впоследствии неоднократно перепечатывались. До недавнего времени самым ранним после этих записок письмом Тютчева считалось письмо его к И. С. Гагарину от 2—3 мая 1836 г.

¹⁹ *Пигарев*, с. 370.

²⁰ Там же.

²¹ В каталоге Bibliothèque National Шарль Франсуа Штубер значится как «secrétaire du conseiller intellectuel du Tzar à Paris, le comte Jacque Tolstoï». Личность Жана Арото установить не удалось.

²² Тютчев перефразирует слова Нерины — персонажа комедии французского драматурга Филиппа Демуша (1680—1754) «L'Obstacle imprévu» («Непредвиденное препятствие»): «Coupable est qui est loïn» («Виноват тот, кто находится вдалеке»), — говорит она, когда, не пожелав дожидаться отсутствующего возлюбленного, решает выйти замуж за другого.

²³ Имя бар. Хорнштейна в литературе о Тютчеве не встречается. Известной фигурой в мюнхенском обществе до 1819 г. был барон Макс фон Хорнштейн, связанный с русской императорской фамилией родственными связями. Возможно, что Тютчев был знаком с одним из его сыновей или с его братом Бернгардом.

²⁴ Евангелие от Матфея. XVIII. 20.

ПИСЬМА К А. В. ПЛЕТНЕВОЙ (1870—1872)

Публикация Т. Г. Динесман

Александра Васильевна *Плетнева* (рожд. кнж. Щетинина; 1826—1901) — лицо, известное биографам Тютчева. Еще при жизни поэта — в 1871 г. — в печати появилось его стихотворение «Чему бы жизнь нас ни учила...» с посвящением «А. В. Пл-вой», а в 1900 г. имя адресата было раскрыто полностью¹. В 1913 г. сын Плетневой, подтвердив, что эти стихи посвящены его матери, сообщил: «Тютчева <...> я встречал в нашем доме несколько лет подряд в последние годы его жизни. Давнишний знакомый моего отца, П. А. Плетнева, он остался другом и с моей матерью <...> у которой бывал чуть ли не каждый день»². Год спустя А. Ф. Конн, близкий друг Плетневой, напечатал воспоминания о ней. Перечисляя друзей Александры Васильевны, он писал: «К ней был тепло привязан и поэт Федор Иванович Тютчев. В его письмах к ней, написанных своеобразным почерком, сквозит даже то, что французы называют *une amitié amoureuse* *(<...>»³. Однако до сих пор было известно только одно письмо Тютчева Плетневой (7/19 июля 1870 г.), впервые опубликованное в 1935 г.⁴ Таков краткий перечень сведений о роли Плетневой в жизни Тютчева, которыми до настоящего времени располагали исследователи.

Известно, что Тютчев в своем неустанном стремлении к общению с людьми обычно искал собеседников, которые могли бы дать пищу его уму, но не искал дружбы и очень редко переступал ту грань, за которой взаимный интерес и симпатия переходят в дружеские отношения. Однако оба мемуариста, чьи свидетельства приведены выше, говорят именно о дружбе, существовавшей между Тютчевым и Плетневой. Достоверность этих свидетельств не подлежит сомнению, поскольку они исходят от лиц, очень близко знавших Плетневу. Опираясь на печатные и архивные источники, попытаемся уяснить, чем была для Тютчева эта женщина — «ясная умом» (с. 295), «милая, оригинальная и благородная»⁵.

26 января 1849 г. Александра Васильевна стала женой П. А. Плетнева, ректора Петербургского университета, критика и поэта, а в недавнем прошлом — издателя журнала «Современник». Тютчев был знаком с Плетневым еще до его женитьбы, однако особой симпатии к нему не испытывал, встречался с ним главным образом у общих знакомых, в доме же у него бывал лишь изредка, один-два раза в год; видимо, нечасто бывал у него Плетнев⁶. Конечно, Александра Васильевна познакомилась с Тютчевым и его семьей, но и она, по-видимому, тоже виделась с ними лишь от случая к случаю⁷. В начале 1860-х годов Плетнев тяжело заболел, и только самые близкие друзья, к числу которых Тютчев не принадлежал, продолжали навещать его. Александра Васильевна всецело посвятила себя заботам о больном и нигде не бывала, а в конце 1863 г. Плетневы уехали в Париж, надеясь на помощь французских врачей. Надежды эти не оправдались, и 29 декабря 1865 г. (10 января 1866 г.) Плетнев скончался. Потеряв мужа, Александра Васильевна еще около трех лет оставалась в Париже и только в конце 1868 г. возвратилась в Петербург.

Итак, более десятилетия знакомство Тютчева с Плетневой носило весьма поверхностный характер, а с отъездом ее за границу и вовсе прервалось. Однако после возвращения Александры Васильевны все изменилось — Тютчев стал бывать у нее постоянно.

Что же представляла собой А. В. Плетнева, что влекло к ней Тютчева и делало для него необходимостью почти ежедневные встречи с ней? Обратимся к портрету, который оставил нам А. Ф. Конн: «Не старея душевно, несмотря на седину кудрей, обрамлявшую ее выразительное, подвижное лицо с живыми умными глазами, она жила всеми интересами современности

* дружба-любовь (франц.).

⟨...⟩ Глубоко русская во всех своих чувствах, повадке и красивом метком слове ⟨...⟩ она любила родину сознательной и страстной любовью ⟨...⟩ Вместе с тем по разностороннему образованию, по тонкому эстетическому развитию и по глубокому чувству долга в себе и уважению его в других она соединяла в себе лучшие черты западноевропейского человека. Непреклонная в убеждениях, мягкая и снисходительная в личных отношениях, безобидно остроумная, она способна была возмущаться всякой неправдой, которая ее лично и не касалась. „Меня поражает,— говорила она перед концом своей долгой жизни,— среди всего окружающего упадок у нас чувства негодования. Это страшный признак, не обещающий ничего хорошего в будущем” (с. 291).

Из этих строк возникает образ человека незаурядного ума и дарований, твердых убеждений и широких взглядов. Общение с таким человеком и беседы с ним не могли не привлекать Тютчева.

Вместе с тем Александре Васильевне было в высшей степени присуще и чисто женское обаяние. «Существо кроткое, милое, полное божественной поэзии», — писал о своей юной жене П. А. Плетнев вскоре после женитьбы⁸. «Воплощенным физическим и нравственным изяществом» оставалась она и в преклонные годы⁹. Отсюда оттенок влюбленности в дружбе Тютчева, отмеченный в приведенных выше воспоминаниях Кони.

Но тех, кто близко знал Плетневу, более всего привлекал ее нравственный облик, «высокий строй» ее души. С юных лет свойственное ей «стремление совершенствовать все стороны умственного и нравственного бытия своего»¹⁰ подготовило Александру Васильевну к тяжким испытаниям, выпавшим на ее долю в зрелые годы. Болезнь горячо любимого мужа, мучительная и безнадежная, длилась несколько лет, и все это время жена непрестанно боролась за его жизнь, поражая окружающих самоотверженностью и твердостью духа. Плетнев «героически вынес операцию под ножом Нелатона ⟨...⟩,— писал С. П. Шевырев из Парижа.— Но и Нелатон не успел бы, если бы не имел помощника в жене Плетнева, как он сам сознается. И герой, и ангел эта женщина. Радуетесь за Россию, что она таких жен производит»¹¹.

Сама же Плетнева, оглядываясь на свою жизнь, писала Кони: «Моя судьба богата страданиями всякого рода, моя душа была на *высотах* и в *низменностях* и познала вполне, что страдание — наш учитель, но не враг, а спасительно-суровый собеседник» (с. 294). Это нравственное кредо определяло то присущее ей «соединение „высоких дум и простоты“» (с. 290), в котором заключался секрет влияния Плетневой на окружающих. Свидетельство того, насколько значительным было это влияние, оставил нам Кони. Вспоминая свою первую встречу с Александрой Васильевной, он писал: «Я ⟨...⟩ не мог не поддаться глубокому и сильному впечатлению, производимому всем ее нравственным строем» (с. 293). А в письмах к Плетневой признавался: «Ведь вы мое нравственное пристанище, вы мой душевный компас, вы мой путеуказатель»; «Я благодарю Бога, пославшего вас на моем жизненном пути и давшего мне испытать свет и теплоту вашей души»¹².

Свет и теплоту души, которые несла людям А. В. Плетнева, превыше всего ценил в ней и Тютчев — об этом мы знаем от него самого:

А. В. ПЛЕТНЕВА

Фотография, начало 1870-х годов

«Русская старина», 1914, № 2

Чему бы жизнь нас ни учила,
 Но сердце верит в чудеса:
 Есть нескудеющая сила,
 Есть и нетленная краса.
 < . . . . . >

Но этой веры для немногих
 Лишь тем доступна благодать,
 Кто в искушеньях жизни строгих,
 Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
 Своим страданием умел,
 Кто душу положил за други
 И до конца все претерпел¹³.

Последние две строфы наводят на мысль, что Тютчев мог видаться с Плетневой весной 1865 г., когда оставался в Париже на пути из Ниццы, где провел около полугода после смерти Е. А. Денисьевой. Быть может, Александра Васильевна, стоявшая в те дни перед лицом собственной неотвратимой потери, нашла в себе силы поддержать и ободрить его — сломленного горем, разбитого болезнью. Не об этом ли говорят строки: «Как вы <...> // Чужие врачевать недуги // Своим страданием умел»? Это всего лишь предположение, но если оно оправдается, будет восстановлено недостающее звено в истории отношений Тютчева с Плетневой, объясняющее внезапный переход обычного светского знакомства в горячую дружбу.

Итак, умная собеседница, очаровательная женщина и добрый друг, способный понять, поддержать и утешить, — вот чем была для Тютчева А. В. Плетнева.

6 августа 1873 г., через три недели после смерти Тютчева, она писала своей приятельнице, извиняясь за долгое молчание: «Писать к вам и не писать о Ф. И. Тютчеве мне было невозможно, а писать о нем, как о прошедшем, еще не терпит душа. Он так много занял места в моей жизни. С 68-го года, когда я возвратилась на жительство в Петербург после 5-летнего отсутствия, я его видела почти каждый день до 73 года. Сейчас я возвратилась из церкви, где с Эрнестной Федоровной молилась за него. Вечная ему память! <...> Эрн(естина) Ф(едоровна) Тютчева звала меня читать письма Федора Ивановича, из которых она делает выписки для Аксакова. Она говорит, что жаль что-нибудь их них выкинуть, так все прелестно — умно и замечательно. Общих мест он не умел говорить»¹⁴. Спустя несколько дней, 10 августа, она писала: «Третьего дня я была на его могиле, залитой цветами. Иногда кажется, что я слышу его небрежные шаги за дверями и вот-вот увижу его улетающую фигуру»¹⁵.

До последних дней жизни Плетневой имя Тютчева не сходило со страниц ее переписки: она говорит о своей дружбе с ним, вспоминает его суждения, цитирует его письма¹⁶, которые тщательно хранила, а затем передала Кони. «Она мне подарила, — пишет он Е. П. Казанович 17 июля 1926 г., — целый пакет его писем, который я поднес Отдел(ению) р(усского) я(зыка) и словесности — и что с ним случилось, не могу добиться»¹⁷.

Судьба этих писем неизвестна. О содержании их можно судить по рассказу О. Э. Мандельштама. «А. Ф. Кони рассказал мне, — писал он Вяч. И. Иванову 21 августа 1911 г., — что в его архиве имеется ряд писем Тютчева к Плетневой, весьма интимного содержания. Письма получены Кони непосредственно от самой Плетневой. В них попадаются отдельные стихотворные строки (частью из известных стихотворений) и целые стихотворения, поясняющие текст. Есть, между прочим, стихотворение такого содержания: поэт хотел бы идти в зной по тернистой дороге, чтоб изнеможением заглушить в себе страдание любви»¹⁸.

По-видимому, письма Тютчева, которые были в руках у Кони, утрачены безвозвратно. Однако семь писем его к Плетневой все же дошли до нас. Случайно они остались у нее и ныне хранятся в архиве П. А. Плетнева (ИРЛИ, ф. 234). Два из них значатся в архивных описях как письма к А. В. Плетневой (оп. 4, ед. хр. 184 и 185). Остальные пять обозначены как письма к П. А. Плетневу (оп. 3, ед. хр. 669); они написаны на французском языке, крайне неразборчиво, карандашом, частично стершимся, и не имеют ни дат, ни обращений, однако содержание их не оставляет сомнения в том, кому они адресованы.

Одно из семи писем было опубликовано (см. выше); одно представляет собой краткую записку, в которой Тютчев просит разрешения прийти вечером; текст двух писем стерся настолько, что не поддается связному прочтению (удалось установить только то, что они обращены к Плетневой).

Остальные три письма публикуются ниже на французском языке и в переводе (перевод Н. И. Кузнецова). Печатаются по автографам: ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 184 (п. 1);

оп. 3, ед. хр. 669 (п. 2 и 3). Стертые слова, которые читаются предположительно, заключены в угловые скобки.

¹ «Русский вестник», 1871, т. ХСІ, янв., с. 118; *Соч. 1900*, с. 346—347.

² А. П л е т н е в. Собр. соч., т. 3. Одесса, <1913>, с. 14.

³ А. Ф. К о н и. А. В. Плетнева. — *РС*, 1914, № 2, с. 292—293. Далее ссылки на страницы этого очерка даются в тексте при цитатах из него.

⁴ *ЛН*, т. 19—21, с. 587 (публикация Е. П. К а з а н о в и ч); К. В. П и г а р е в. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева. — Там же, с. 410.

⁵ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV. СПб., 1912, с. 461.

⁶ В доказательство приведем несколько выдержек из писем Плетнева П. А. Вяземскому за 1851—1859 гг.: «Во всю зиму я у него был только раз, да он у меня раз — вот и все наши свидания» (14/26 февр. 1850 г.); «Тютчева я вижу редко. На минуту сталкиваемся у Смирновой» (6/18 янв. 1855 г.); «Тютчев у меня был только раз, а дома его никогда нет» (5/17 янв. 1859 г.); «Его, как вам известно, нет возможности поймать в квартире его, а еще мудренее залучить к себе на квартиру» (11/23 апр. 1859 г.). — «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885, с. 404, 417, 472, 478).

⁷ Мы встретили лишь два упоминания о визитах Плетневоу к Э. Ф. Тютчевой — в письме Плетнева В. А. Жуковскому 9 апреля 1852 г. («Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III, с. 738) и в дневнике М. Ф. Тютчевой 2/14 марта 1859 г. (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 177).

⁸ Письмо Плетнева В. А. Жуковскому 11/23 окт. 1849 г. — «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III, с. 620.

⁹ А. Ф. К о н и. «Вестник Европы». — В кн.: А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 7. М., 1969, с. 255.

¹⁰ Письмо Плетнева В. А. Жуковскому 3/15 янв. 1850 г. — «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III, с. 622.

¹¹ Письмо С. П. Шевырева П. А. Вяземскому 31 дек. 1863 г. / 12 янв. 1864 г. — *СН*, кн. IV, с. 177.

¹² Письма А. Ф. Кони А. В. Плетневоу 20 июня 1885 г. и 1 янв. 1890 г. — ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 98, л. 2 и 5.

¹³ О том, при каких обстоятельствах было написано это стихотворение, см. Приложение к наст. публикации: А. В. П л е т н е в а — А. Ф. К о н и 22 июня 1900 г.

¹⁴ Письмо А. В. Плетневоу С. И. Феоктистовой 6 авг. 1873 г. — ИРЛИ, 9126/ЛII б. 18.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. Приложение к настоящей публикации.

¹⁷ А. Ф. К о н и. Собр. соч., т. 8, 1969, с. 337 (неточность в тексте исправляется по автографу: ГПБ, ф. 326, № 238).

¹⁸ ГБЛ. Записки отдела рукописей, вып. 34. М., 1973, с. 273 — 274.

1

<Петербург. 11 марта 1870>
Ce mercredi

Votre messenger est bien venu me demander des nouvelles de ma santé ¹, mais il n'a su me rien dire de la vôtre. Vous comprenez combien peu cela faisait mon compte. Voilà pourquoi je viens réclamer la part essentielle et indispensable, si toutefois votre état de santé vous permet l'effort de deux lignes d'écriture...

Et voilà pourtant à quel degré de misère je suis arrivé. Vous sachant malade et souffrante, d'être obligé de me contenter de correspondre avec vous par lettres. Moi, qui ne prévoyais la séparation qu'à distance, dans quelques mois ², je ne me doutais pas qu'elle allait s'ouvrir là, sur le champ, sous mes pas et aussi complètement... Aujourd'hui il y aura 4 semaines que ma réclusion a commencée.

Et ne vous imaginez pas, de grâce, que vous ayez été pour quelque chose dans la récidive. La course que j'ai faite pour aller vous voir ne m'a fait que du bien, de toute manière.

Oh, oui, vous deviez bien, dans les circonstances données, me faire part de votre résignation chrétienne, j'en aurais grandement besoin — et cependant, je le sens, votre présence vaudrait encore mieux...

C'est comme ça dans les maladies. — Tel remède héroïque peut avoir une grande utilité, mais deux heures d'un sommeil naturel font pourtant plus de bien que tous les remèdes.

Or, c'est ce calme réparateur et vivifiant du sommeil que je demande à votre chère présence...

T. T.

Перевод:

Среда

Ваш посланный приходил справиться о моем здоровье¹, но ничего не сумел сказать мне о вашем. Вы понимаете, сколь мало это меня удовлетворило. Посему я настоятельно требую самого для меня главного и необходимого — напишите мне несколько строк, разумеется, если только состояние вашего здоровья позволит вам взять на себя этот труд.

Вот до какого жалкого состояния я дошел. Зная, что вам нездоровится, что вы больны, я вынужден довольствоваться перепиской с вами. А я-то полагал, что разлука еще далека, что она наступит лишь через несколько месяцев², и даже не подозревал, что она развернется так внезапно, у самых моих ног, и будет столь неодолима... Сегодня исполнится четыре недели с тех пор, как началось мое заточение.

Только ради всего святого не думайте, будто вы каким-то образом повинны в рецидиве моей болезни. Во всяком случае путешествие, которое я проделал, чтобы повидать вас, принесло мне только благо.

О да, вам следовало бы сообщить мне частицу своего христианского терпения, в нынешних обстоятельствах я очень в нем нуждаюсь, — и все же чувствую, что ваше присутствие было бы мне еще нужнее...

С болезнями всегда так бывает. Какое-нибудь сильно действующее лекарство может принести большую пользу, но два часа естественного сна оказываются куда более целительны, нежели все лекарства вместе взятые.

Именно такого исцеляющего и живительного успокоения, которое сон приносит нам, я ожидаю от вашего драгоценного присутствия...

Ф. Т.

На автографе помета неизвестной рукой: «11 марта 1870 г.» Эта дата соответствует действительности, так как в 1870 г. среда приходилась на 11 марта.

¹ Тяжелый приступ подагры у Тютчева длился с середины февраля до конца марта 1870 г.

² По-видимому, Тютчев подразумевает предстоящий отъезд Плетневой в Германию на воды, куда она уехала летом 1870 г. (Соч. 1980, т. 2, с. 245).

2

(Петербург. 10 февраля 1872)

Ce jeudi

Merci de vôtre sollicitude, — non, chère vôtre présence ne me fatigue pas, pas plus que l'air extérieur ne m'aurait fatigué, si j'eusse été en état d'aller le respirer. Mais lorsque vous vous donnez la peine de monter mon escalier, je veux au moins avoir tout le bénéfice de ceux généreux efforts, et prendre en pl<ein> sans di<visions> et tiraillements la vôtre chère présence¹. Ce qui est si difficile à réaliser pour un pauvre diable de malade, qui, à moins d'être entièrement reclus, se trouve forcément livré à la charité de tous ceux qui viennent le visiter. Il est un peu dans (la) position du détenu, le jour où le public est ad<onné> à visiter ses prisons...

Depuis hier, il y a un mieux sensible². Mais la débilité dans les pieds est encore telle que je ne puis encore appuyer le pied à terre, les muscles ont perdu tous leur <jeu>. Ma pauvre Marie n'est pas mieux guère, elle a même eu plus de fièvre. C'est là le point noir, grossissant sur mon horizon...³

Les Aksakoff nous quittent aujourd'hui. Ils dînent chez nous et partent ce soir⁴.

N'est ce pas hier qu'a dû avoir <lieu> le bal des étudiants. J'aime à croire que tout s'est bien passé. Eh bien, encore cette fois, à l'occasion de ce bal, la tenue de vôtre fils⁵ m'a beaucoup plu. J'aime en lui cette première inspiration toute spontanée, toute de<bordant> de sens droit et d'équité... C'est là ce qui par<e> le mieux la jeunesse dé<montre> le plus en sa faveur, surtout de nos jours. — Et à faire l'accentuation du contraire je n'ai pas manqué de raconter à quelques personnes les procédés de vôtre fameux Петя qui vous pr<esse> de continuer à lui rendre service, tout en vous déclarant qu'il s'affranchit de la reconnaissance, comme étant contraire à ses principes⁶. Quel parfait idiot.

Et l'enfant malade, comment va-t-il?

Et le flot de la vie coule toujours emportant pêle-mêle tous ce qui nous occupe, nous inquiète ou nous rassure, nos espérances et nos horreurs, le deuil d'aujourd'hui et la fête de demain, l'incident de la semaine et une destinée de plusieurs jours. Ce ferait à en avoir le vertige, si l'on n'était pas emporté aussi avec (tout le reste)

Dieux vous garde.

Перевод:

Четверг

Благодарю вас за вашу заботу, — нет, ваше милое присутствие не утомляет меня, как не утомил бы свежий воздух, будь я в состоянии выйти и подышать им. Но коль скоро вы берете на себя труд подняться по моей лестнице, я хочу, по крайней мере, (всецело) воспользоваться плодами этих благородных усилий и насладиться вашим драгоценным присутствием (сполна), ни на что не отвлекаясь и ничем не тревожась¹. Однако это так трудно осуществить бедняге-больному, который, если только его не держат в полном заточении, поневоле отдается на милость тех, кому вздумается его навестить. В его положении есть нечто сходное с положением узника в день, когда публике дозволяется посетить его камеру...

Со вчерашнего дня наступило заметное улучшение². Однако слабость в ногах еще такова, что наступить на них я не могу, мускулы утратили всю свою (подвижность). Моя бедная Мари чувствует себя не лучше, лихорадка ее даже усилилась. Вот черная точка, которая разрастается на моем горизонте³...

Аксаковы покидают нас сегодня. Они обедают у нас и вечером отбывают⁴.

Вчера, если не ошибаюсь, должен был состояться студенческий бал. Надеюсь, все прошло хорошо. Кстати, о бале, хочу повторить, что мне очень понравилось, как держится ваш сын⁵. Мне нравится в нем этот порыв, столь непосредственный, эта душевная прямота и вера в справедливость. Это лучшее украшение молодежи, лучшее (свидетельство) в ее пользу, особенно в наши дни. И, хочу подчеркнуть контраст, — я не преминул рассказать кое-кому о вашем пресловутом Пете, который (вынуждает) вас оказывать ему услуги и при этом заявляет, что считает себя свободным от благодарности, ибо она противна его убеждениям⁶. Какой безнадежный дурак!

Как чувствует себя больное дитя?

А поток жизни все течет и течет, унося с собой без разбора все, что нас заботит, тревожит или успокаивает, все наши надежды и наши страхи, сегодняшние печали и завтрашний праздник, событие недели и (судьбы) многих дней. От этого могло бы помутиться в голове, если бы и мы не неслись (в том же потоке).

Да хранит вас Бог.

Датируется по содержанию (см. прим. 2 и 4).

¹ Тютчев подразумевает предыдущий визит Плетневой, когда у него побывало еще десять человек, кроме нее (запись в дневнике М. Ф. Бирилевой 5 февраля 1872 г. — *Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 185).

² Тяжелый приступ подагры у Тютчева длился с начала февраля до конца марта 1872 г.

³ М. Ф. Бирилева была больна чахоткой. Зимой 1871/1872 г. состояние ее резко ухудшилось и вскоре стало безнадежным.

⁴ В четверг 10 февраля 1872 г. М. Ф. Бирилева записала в дневнике: «Аксаковы уехали, отобедав у нас» (*Мураново*, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 185).

⁵ Алексей Петрович Плетнев (р. 1855) — сын Плетневой, в то время студент Петербургского университета, впоследствии писатель.

⁶ Речь идет о Петре Лавриере, муже падчерицы Плетневой. Плетнева постоянно оказывала помощь этой семье, иногда в ущерб интересам собственных сыновей.

⟨Петербург. Февраль — март 1872⟩

Marie ne va pas mieux, son état est des plus singuliers, toutes ses fonctions naturelles se sont d'une manière à peu près normales et cependant la fièvre ne la quitte pas et n'est quelque peu contenue que par l'emploi du quinine. — Oui vous avez raison — tous les médecins sont monomanes — comme aussi tous les hommes, mais ceux-ci ne le sont qu'en amateurs tandis que les autres le sont en artistes.

Vous avez certainement le droit de me presser la résignation — mais il y a cette différence de position entre nous: c'est que quand vous êtes obligée de vous séquestrer, cela ne vous prive, comme moi de ce qui est mon objectif qui est votre présence. Mais je sais bien que tout ce que je pourrais dire à ce sujet, ne vous touche que fort supérieurement.

Перевод:

Мари не становится лучше, состояние ее чрезвычайно странно, все естественные функции почти нормальны, однако лихорадка ее не отпускает и лишь немного ослабляется действием хинина. Да, вы правы, — все врачи страдают мономанией, как и все люди вообще, — правда, последние всего лишь как дилетанты, зато первые — как истинные артисты.

Вы, конечно, вправе требовать от меня смирения, но между вашим положением и моим есть разница: когда обстоятельства вынуждают вас к затворничеству, вы не лишаетесь, как лишаюсь я, того единственного, к чему стремлюсь, — быть подле вас. Но я хорошо знаю, что все, что я мог бы сказать по этому поводу, волнует вас лишь весьма поверхностно.

Датируется по связи с п. 2 (упоминание о тяжелом состоянии здоровья М. Ф. Бирилевой).

ИЗ ПИСЕМ А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

Публикация М. Д. Эльзона

Имя Тютчева неоднократно встречается в письмах А. В. Плетневой к ее ближайшим друзьям — известному государственному деятелю Константину Карловичу Гроту (1815—1897) и Анатолию Федоровичу Коню (1844—1927). Первое упоминание о Тютчеве в этих письмах относится к 1872 г., в последний раз Александра Васильевна вспоминает о нем в 1900 г. — незадолго до своей смерти. Таким образом, воспоминания о Тютчеве сопровождали ее все годы, прожитые ею после того, как Тютчева не стало.

Если в письмах, написанных при жизни Тютчева, Плетнева сообщает о своих встречах с ним, передает его остроты, а затем — во время последней его болезни — рассказывает о состоянии его здоровья, то в последующие годы она вспоминает его суждения, высказанные в разговорах с ней, и приводит выдержки из его писем. При всей их краткости, выдержки эти драгоценны, поскольку сами письма, из которых они взяты, до сих пор не обнаружены.

Третьим лицом, к которому Плетнева писала о Тютчеве, был И. С. Аксаков. Хотя они были едва знакомы, Аксаков считал своим долгом послать ей оттиск своей биографии Тютчева («Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк»), напечатанной в октябрьской книжке «Русского архива» за 1874 г. Письмо, в котором Плетнева благодарит Аксакова за эту книгу, содержит признание в том, как много значила в ее жизни дружба Тютчева.

К. К. ГРОТУ

1

(Июль 1872)

⟨...⟩ От Ф. И. Тютчева я получила письмо, в котором, говоря о смерти А. Ф. Гильфердинга¹, он выражается так: «Cette mort, qui a imprimé un si terrible sérieux à l'innocente manie, qui l'a conduit dans la contrée abandonnée, où il est mort» *. И в самом деле, как-то досадно на «сказителей» и на «былины»; все это кажется не довольно серьезным полем битвы, а между тем Алек⟨сандр⟩ Фед⟨орович⟩ был очень умен.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 61 об.—62. На автографе помета рукой К. К. Грота: «Отв. 24 июля». Датируется на основании этой пометы и по содержанию (смерть А. Ф. Гильфердинга).

¹ Александр Федорович Гильфердинг (1831—1872) — известный ученый-славист, собиратель и исследователь русских былин. Ему принадлежит ряд трудов по истории славянства в том числе: «Западные славяне» («Les Slaves occidentaux». Р., 1858). «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1859), «Письма об истории сербов и болгар» («Русская беседа», 1859, кн. III—IV) и мн. др.; выступал он и как публицист. В 1867 г. Гильфердинг совершил поездку в Олонецкую губернию; результатом этой поездки явился сборник «Онежские былины» (СПб., 1873), увидевший свет уже после смерти собирателя. В 1872 г. он предпринял вторую поездку на Север, однако, приехав в Каргополь, заболел и 20 мая скончался в этом городе.

Гильфердинг был хорошо знаком с Тютчевым и с 1859 г. часто бывал в его доме, о чем говорят дневниковые записи младшей дочери поэта (см., например: *Летопись*, с. 127, 133, 135; *Современники о Тютчеве*, № 220, 256, 323, 327 и далее). Тютчев посвятил ему два стихотворения: «А. Ф. Гильфердингу» (1869) и «Хоть родом он был не славянин...» (1873). «Он много действовал, хоть мало жил», — таков итог деятельности Гильфердинга, подведенный во втором из этих стихотворений. Стихи Тютчева свидетельствуют, что он высоко ценил вклад, внесенный Гильфердингом в изучение истории славянских народов и их современного положения; как явление «очень значительное» оценивал он и публицистику Гильфердинга (см. в наст. томе, кн. I: Тютчев — О. А. Новиковой). Что же касается деятельности Гильфер-

* «Эта смерть сообщившая столь грозное значение невинной причуде, которая привела его в пустынный край, ставший местом его успокоения» (*Франц.*).

динга-фольклориста, то приведенное в письме Плетневой суждение Тютчева, позволяет заключить, что он не придавал ей серьезного значения (отметим, однако, что результат этой деятельности — сборника «Онежские былины» — Тютчев увидеть не успел).

2

⟨Петербург.⟩ 3 октября 1872

Тютчев, основываясь на моем посещении Бадена для свидания с вами, поэтизировал на этот счет в своем роде¹. К нему приехал Аксаков и завтра он ждет дочь, Екатерину Федоровну.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 4.

Год устанавливается по упоминанию о приезде И. С. Аксакова: на протяжении 1868—1873 гг. Аксаков обычно проводил октябрь в Москве и только в 1872 г. в начале этого месяца находился в Петербурге (*Никитенко*, т. 3, с. 255).

¹ По-видимому, речь идет о неизвестном стихотворении Тютчева — одном из тех, которые впоследствии, вместе с его письмами, Плетнева передала А. Ф. Кони.

3

⟨Петербург.⟩ 28 октября 1872

⟨...⟩ У Ф. И. Тютчева окончательно украли из кареты шубу, и он уже не решился вторично обратиться за поисками к Трепову¹ в опасении услышать от него; «Suis-je le gardien de votre pelisse?»^{2*} Он по-прежнему влачит свою дряхлую старость и жалуется на то, что не застает меня дома.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 47—47 об.

¹ Федор Федорович *Трепов* (1812—1889) — петербургский градоначальник в 1866—1878 гг.

4

⟨Петербург.⟩ 1 января 1873

⟨...⟩ В самом деле, никогда я не была так много сама с собою. Вы отсутствуете, Федор Иванович Тютчев потихоньку умирает ⟨...⟩ Ему очень плохо¹. Вчера он сказал мне очень трогательно: «Я вас очень любил», — говоря о себе, как о прошедшем. Зрение совершенно ему изменяет от мозгового страдания, и, натываясь на окружающие предметы, он острит, говоря: «Je deviens hanneton^{3*} — майский жук; но во мне майского только это и осталось». Бедный милый старик, сколько он развлекал меня своим остроумием, а теперь он ходит ко мне очень редко, как и повсюду.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 122, 123—123 об.

¹ 4 декабря 1872 г. у Тютчева был первый удар, в результате которого он почти потерял зрение (*Летопись*, с. 225).

5

⟨Петербург.⟩ 27 января 1873

⟨...⟩ Бедный Ф. И. Тютчев, получивший удар 1-го января, до сих пор недвижим: левая сторона остается парализованною, но голова совсем свежа, и в последний раз, когда я была у него вечером, там был как раут: Анненкова, гр. Мойра, Полонский, Майков, Дарья Федоровна. Он со всеми любезен, разговорчив и мил; но грустно смотреть на эту угасающую жизнь, которая в свое время так бурно кипела. Жена его чрезвычайно трогательна своим тихим, печальным благодушием. Она носит в душе неизлечимую тоску по дочери¹, не любит общество и находится в нем постоянно.

^{2*} «Разве я сторож вашей шубе?» (*франц.*) — Перифраз ответа Каина на вопрос, где находится убитый им Авель: «Разве я сторож брату моему?» (Библия. Бытие, IV, 9).

^{3*} «Я превращаюсь в майского жука» (*франц.*) — Игра слов: «hanneton» имеет два значения — майский жук; вертопрах.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 7, л. 10б.—2.

¹ Дочь Тютчевых М. Ф. Бирилева скончалась 2 июня 1872 г.

6

⟨Петербург.⟩ 31 марта ⟨1873⟩

⟨...⟩ Ф. И. Тютчев как будто идет к лучшему ¹: он собирается в Царское, а потом за границу: и в Теплиц, и в Базель, и в Вильдбад. Это похоже на мечту.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 52.

Год устанавливается по связи с п. 7.

¹ 12 февраля ⟨1873 г.⟩ Плетнева писала Гроту: «Ф. И. Тютчев в прекрасном настроении, но здоровья нет и нет» (там же, л. 40 об.).

7

⟨Петербург.⟩ 6 июня 1873

⟨...⟩ Тютчева давно не видала; не хватает сил на путешествия, а он живет в Царском ¹, ему лучше, но, вероятно, не надолго!

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 7, л. 4.

¹ 19 мая 1873 г. Тютчева перевезли в Царское село, где он скончался утром 15 июля.

8

Гейдельберг. 10/22 августа 1874

⟨...⟩ Ф. И. Тютчев раз писал мне в письме в Выборг: «Il n'y a que les natures plates, qui connaissent la sécurité devant ce grand inconnue, qui s'appelle l'avenir» ^{4*}.

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 58—59об.

9

Баден-Баден. 12 сентября ⟨1874⟩

⟨...⟩ Бывало, Ф. И. Тютчев мне говорил: «Votre présence seul me donne un bien-être ému» ^{5*}

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 7, л. 45.

10

Париж. 5/17 октября ⟨1874⟩

⟨...⟩ Я люблю свободное чувство везде и во всем ⟨...⟩ Знаете, что мне говорил Ф. И. Тютчев?— «Dass ich dich liebe, was geht dich an!» ^{6*}

ИРЛИ, ф. 234 оп. 1, ед. хр. 11, л. 206, 206об.

Год устанавливается по месту написания письма: осенью 1874 г. Плетнева жила в Париже.

11

Мариенбад. 7/19 июня ⟨1875⟩

⟨...⟩ Странно, как *сочувствие* в смысле человеческого, не равно распределяется в людях.

^{4*} «Только пошлые натуры сохраняют уверенность перед лицом великого неизвестного, которое зовется будущим» (франц.).

^{5*} «Только ваше присутствие трогает меня и приносит мне хорошее самочувствие» (франц.).

^{6*} «Какое тебе дело до того, что я тебя люблю!» (нем.).

Les cordes vibrantes du coeur^{7*}, как говорил милый Тютчев, не всем даются чуткого свойства <...>

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 4.

Год устанавливается по содержанию письма (упоминание о болезни, постигшей А. К. Толстого в Карлсруэ).

12

<Петербург.> 22 марта <1880>

Дорогой и милый Константин Карлович, нельзя было извиниться в молчании лучше и милее, как это вы сделали. Вы говорите: «Вы всегда *передо мною*, и потому о забвении не может быть и речи». Это мне напомнило одно письмо Ф. И. Тютчева, в котором он говорил: «Vous êtes toujours là et je n'ai qu'à fermer les yeux pour vous voir toute vivante devant moi»^{8*}. Вы сошлись с поэтом, и такие милые слова никогда не забываются!

ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 194.

Год устанавливается по содержанию письма (упоминание о статье И. С. Тургенева «О Пергамских древностях», предложенной к публикации в апрельском номере «Вестника Европы» за 1880 г.).

А. Ф. КОНИ

1

<1884?>

<...>! Книгу для Анны Федоровны¹ рекомендую — «Le Fils de l'Homme» par Coulin². Это та, о которой, просмотревши ее, Федор Иванович Тютчев написал следующее: «C'est d'un grand souffle! Hereux est celui, qui est assez détaché pour se laisser emporter par lui!»^{3*}

ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1312, л. 379 об.

Год устанавливается предположительно по содержанию письма (упоминание о печальном письме) А. Ф. Ковалевской, которое, по-видимому, было связано с смертью ее мужа — см. прим. 1).

¹ Анна Федоровна *Ковалевская* — жена известного судебного деятеля М. Е. Ковалевского (1829—1884).

² Франк *Кулен* (1828—?) — швейцарский теолог и проповедник, один из видных деятелей протестантской церкви. Его книга о Христе — «Сын человеческий» (F. Coulin. Le Fils de l'Homme. Vevey, 1866) — пользовалась значительной популярностью и была переведена в ряде европейских стран.

2

Аркашов. 4/16 февраля 1886

<...> Только что послала вам маленькое письмецо, мой дорогой друг, как получила ваше с грустнейшим известием о кончине Аксакова¹! Личные мои с ним отношения были мимолетны, но и этого было достаточно, чтобы душа к нему летела! А его гражданский характер — свободный, благородный, неподкупной честности. Какое горе! И бедная жена его, его обожавшая. Какой удар!.. Да, чем дальше в жизнь — тем больше слез! И слез, и могил. Счастливы

^{7*} Чуткие струны сердца (*франц.*).

^{8*} «Вы всегда здесь, и мне достаточно закрыть глаза, чтобы увидеть вас, как живую» (*франц.*).

^{9*} «Это порождено великим порывом! Счастлив тот, кто столь независим, что может ему предаться!» (*франц.*).

те, кто успел уйти, никого не похоронивши. Как говорил Тютчев: «Il y a eu une tenue, ou personne ne mourait»^{10*}

ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1309, л. 37—38 об.

¹ И. С. Аксаков скончался 27 января/8 февраля 1886 г.

3

⟨Петербург.⟩ 24 июля ⟨1889⟩

⟨...⟩ «Entre Christ et la rage il n'y a pas de milieu»^{11*} — говорил мой милый Ф. И. Тютчев, так мучительно принимавший существование.

ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1311, л. 244 об.

Год устанавливается по содержанию письма (упоминание о предсмертной болезни А. Д. Градовского; ум. 1889).

4

⟨Петербург.⟩ 22 июня 1900

⟨...⟩ Вспоминаю, как раз, обидевшись неожиданным поцелуем (в губы) Ф. И. Тютчева, я ему написала: «Неужели жизнь с ее страшными загадками, с ее неразрешимыми вопросами, с ее безумными страданиями не научила вас невольно преклоняться перед теми, кто решил во что бы то ни стало, взявши свой крест, идти за Христом?!»¹ Он мне на это ответил: «Ne m'éliminez pas de votre vie!»^{12*}

ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1310, л. 102об.— 103.

¹ Этот эпизод послужил поводом к созданию стихотворения «Чему бы жизнь нас не учила...» (1870).

И. С. АКСАКОВУ

Петербург. 11 марта ⟨1875⟩

У меня до сих пор лежит камнем на душе невысказанная благодарность за вашу память обо мне, многоуважаемый Иван Сергеевич. Не могу рассказать, с каким чувством я читала в Париже живую поэтическую биографию Ф. И. Тютчева. Мне было и больно, и сладко, и часто слезы мне застилали глаза. Все, что дала мне его дружба прелестно-милого в жизни, — в живых образах опять предстало уму и сердцу. Никто, как вы, не мог бы так воскресить всю прелесть его неподражаемой личности. Позвольте мне, наконец, уверить вас, что подаривши мне эту книгу, вы подарили мне несколько часов из прошедшего, для меня незабвенного и чрезвычайно горько мною оплакиваемого. Вы знаете, какую это имеет невестественно-дорогую ценность для человека. Благодарю вас глубоко и сердечно.

Преданная вам

П л е т н е в а

Прошу вас напомнить обо мне милой Анне Федоровне.

ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 473.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 1).

¹ Еще до того, как написанная Аксаковым биография Тютчева была напечатана (РА, 1874, № 10), Плетнева ознакомилась с ее первыми главами в рукописи или в корректуре. 25 сентября 1874 г. она писала К. К. Гроту из Баден-Бадена: «Вчера я приятно была обрадована встречей с Дарьей Федоровной Тютчевой. Она здесь проездом в Женеву и Ниццу. Дала мне читать начало биографии Федора Ивановича ⟨...⟩ которая меня, конечно, сердечно интересует» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, ед. хр. 11, л. 210 об.). Затем, уже в Париже, она получила от Аксакова оттиск этой публикации, за который и благодарит его.

^{10*} «Была пора, когда никто не умирал» (франц.).

^{11*} «Между христианской кротостью и неистовой злобой нет середины!» (франц.).

^{12*} «Не уstraняйте меня из вашей жизни!» (франц.).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ТЮТЧЕВА В АРХИВАХ СССР

Составила И. А. Королева

Первая попытка дать полный перечень всех известных писем Тютчева была предпринята в 1935 г. в обстоятельной работе К. В. Пигарева «Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева» — здесь было зафиксировано 1130 писем поэта к 69-ти адресатам за 1836—1873 гг. (ЛН, т. 19—21, с. 407—413). В то время большая часть этих писем была сосредоточена в собрании Мурановского музея, в Гос. биб-ке СССР им. В. И. Ленина, в Гос. литературном музее и в Гос. архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ); письма Тютчева хранились также в ряде других архивов Москвы и Ленинграда и в некоторых частных собраниях.

До последнего времени работа К. В. Пигарева оставалась единственным справочником для исследователей, обращавшихся к изучению эпистолярного наследия Тютчева. Однако за истекшие полвека в судьбе этого наследия произошли значительные изменения. В 1941 г. был создан Центральный гос. архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), куда из «Муранова» и из Гос. литературного музея были переданы все хранившиеся там автографы Тютчева, в том числе и его письма. С преобразованием ГАФКЭ в Центральный гос. исторический архив (ныне ЦГАОР) большая часть хранившихся там архивов писателей и литературных деятелей, в составе которых находились и письма Тютчева, также перешла в ЦГАЛИ. Интенсивная обработка архивных фондов, которая велась во всех архивохранилищах в послевоенные годы, позволила выявить целый ряд писем Тютчева, ранее не известных и в указателе К. В. Пигарева не учтенных. Число вновь обнаруженных писем увеличилось и за счет новых поступлений. Следует отметить также, что в указателе К. В. Пигарева не отражены письма Тютчева, хранящиеся в составе архивных фондов Главного управления цензуры, Петербургского цензурного комитета и Министерства народного просвещения (ныне они хранятся в ЦГИАЛ), а также большая часть писем Тютчева, хранящихся в Архиве внешней политики России МИД СССР.

Таким образом, составленный К. В. Пигаревым указатель, не отражает современного состояния эпистолярного наследия Тютчева. Возникла настоятельная необходимость в создании нового указателя.

В настоящее время основной корпус писем Тютчева сосредоточен в четырех архивах — ЦГАЛИ, ГБЛ, ГПБ и ИРЛИ. Ряд писем находится также в ЦГАОР, АВПр МИД СССР и ЦГИАЛ, отдельные письма хранятся в ГИМ, в Мурановском музее, в Львовской научной библиотеке им. В. С. Стефаника и в собрании К. В. Пигарева (Москва).

В результате обследования этих архивов нами учтено 1276 писем Тютчева к 103-м адресатам за 1820—1873 гг. Все эти письма просмотрены de visu.

Принципы, на которых строится предлагаемый указатель, сводятся к следующему:

1. Все письма даются в порядке алфавита адресатов.
2. После фамилии каждого адресата указывается общее количество писем к нему. Ниже сообщаются данные об этих письмах (даты, количество листов, место хранения и архивный шифр).
3. В ряде случаев автографы писем отсутствуют (письмо написано под диктовку Тютчева; местонахождение автографа неизвестно и письмо сохранилось только в копии). Эти случаи специально оговариваются.
4. Если наряду с автографами существуют также и копии писем, данные об этих копиях включены в указатель.
5. В тех случаях когда количество писем к данному адресату не превышает пяти, приводятся даты каждого письма. Если же писем более пяти, приводятся их крайние даты и, кроме того, сообщается количество писем по годам (напр.: 1860 — 6; 1862 — 7; 1864 — 5).
6. Проверка дат, как правило, не производилась, однако отдельные письма удалось датировать или уточнить их датировки; эти случаи не оговариваются.
7. Если письмо содержит автограф стихотворения Тютчева, это каждый раз отмечается.
8. Значительная часть писем написана на французском языке. Все эти случаи отмечаются; письма на русском языке не оговариваются.

9. В некоторых случаях исправлены ошибки в определении адресатов. Это оговаривается в соответствующей аннотации.

1. АКСАКОВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) А. Ф. — 145 п.
 1) 143 п. 1838—1873. 318 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 10 (Аксаковы), оп. 2, ед. хр. 37
 1838 — 1; 1841 — 1; 1842 — 3; 1844 — 2; 1845 — 2; 1846 — 1; 1852 — 2; 1859 — 3;
 1860 — 3; 1861 — 1; 1862 — 2; 1863 — 5; 1864 — 2; 1865 — 2; 1866 — 5; 1867 — 17; 1868 — 14;
 1869 — 13; 1870 — 17; 1871 — 25; 1872 — 10; 1873 — 8; б. д.— 4
 2) 1 п. <VIII 1867>. 1 л. Франц. яз. Приписка на письмо М. Ф. Бирилевой Тютчеву
 9 VIII 1867.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 80
 3) 1 п. 7 II 1873. 1 л. Франц. яз.— *Собр. Пигарева*
 См. также: Тютчевым А. Ф. и Д. Ф.; Тютчевым А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф.
2. АКСАКОВУ И. С.— 39 п.
 1) 35 п. 1861—1871. 97 л. 1 п. на франц. яз.; 2 п. (5 I и 8 I 1867) ошибочно контаминированы.— ЦГАЛИ, ф. 10 (Аксаковы), оп. 2, ед. хр. 25
 1861 — 1; 1865 — 1; 1866 — 2; 1867 — 13; 1868 — 8; 1869 — 1; 1870 — 2; 1871 — 7
 2) 2 п. 8 VIII 1863 (в тексте письма первая строфа стихотворения «Ужасный сон отяготел над нами...») и <9 VIII 1863>. 2 л.— ИРЛИ, ф. 3 (Аксаковы), оп. 4, ед. хр. 627
 3) 2 п. 16 V 1867 (приписка к автографу стихотворения «Славянам») и 22 IX 1868 (в тексте письма — автограф стихотворения «Памяти Е. П. Ковалевского»). 4 л.— *Собр. Пигарева*.
3. АЛЕКСАНДРУ II — 1 п.
 <1866>. 1 л. Франц. яз. Копия неизвестной рукой. — ИРЛИ, 15783. ХСVII б. 3.
 Местонахождение автографа неизвестно
4. АННЕНКОВУ П. В.— 3 п.
 <1866>. 3 л.— ИРЛИ, ф. 7 (Анненков П. В.), ед. хр. 107
5. БАРТЕНЕВУ П. И.— 1 п.
 3 XII 1868. 2 л.— ЦГАЛИ, ф. 46 (Бартенев П. И.), оп. 1, ед. хр. 462
6. БАТЮШКОВОЙ С. Н.— 1 п.
 <1867>. 2 л. Франц. яз.— ГПБ, ф. 52 (Батюшковы), ед. хр. 244, л. 241
7. БАТЮШКОВУ П. Н.— 1 п.
 27 IV 1867. 1 л.— ГПБ, ф. 52 (Батюшковы), ед. хр. 244, л. 243
8. БИРИЛЕВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) М. Ф.— 9 п.
 1856—1870. 20 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 58
 1856 — 1; 1857 — 1; 1863 — 2; 1867 — 3; 1868 — 1; 1870 — 1
 См. также: Тютчевым Д. Ф. и М. Ф.
9. БЛУДОВОЙ А. Д.— 24 п.
 1) 21 п. <1867—1874> и б. д. 27 л. Франц. яз.— *Собр. Пигарева*
 <1867> — 1; <1868> — 1; <1869> — 1; <1874> — 1; б. д.— 17
 2) 3 п. 12 X 1868; 20 II 1872; 18 II 1873, 6 л. Франц. яз.— ИРЛИ, 22.130, СЛИИ б. 2
 (арх. Блудовых). Копии двух последних писем рукой Д. Ф. Тютчевой.— *Собр. Пигарева*;
 копии трех писем неизвестной рукой — ГПБ, ф. 326 (Казанович Е. П.), ед. хр. 56
10. БЛУДОВУ Д. Н.— 1 п.
 <1863>. 2 л. Франц. и рус. яз. В тексте письма стихотворение «Кто Время и Вечность...»
 (пер. из Я. Бёме).— ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 146
11. БОГДАНОВОЙ (рожд. УСЛАР) Е. К.— 18 п.
 1) 15 п. 1866—1870. 26 л. Франц. яз.— ИРЛИ, 15.781 ХСVII б. 3
 1866 — 1; 1867 — 5; 1868 — 1; 1869 — 1; 1870 — 7
 2) 3 п. 23 X 1867, 11 III 1870, 3/19 X 1870. 6 л. Франц. яз.— ИРЛИ, 9930/XIV, с. 9
12. БОТКИНУ В. П.— 2 п.
 1) 1 п. б. д.— 2 л.— ЦГАЛИ, ф. 54 (Боткины), оп. 1, ед. хр. 76.
 2) 1 п. б. д. 2 л.— Гос. музей Л. Н. Толстого, арх. В. П. Боткина, п. 4, № 60976
13. ВАЛУЕВУ П. А.— 4 п.
 1) 1 п. 16. II <1864>. 2 л. Франц. яз.— ИРЛИ, ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова), оп. 3,
 ед. хр. 1297.
 2) 2 п. 14 VIII 1864 и <15 VIII 1864>. 2 л. Писарские копии.— ЦГИАЛ, ф. 779 (Комитет цензуры иностранной), 1858 г., оп. 1, д. № 19, л. 54—55
 3) 1 п. 11 VII 1868. 1 л.— ЦГИАЛ, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 4,
 д. 226, 1868 г., л. 1
14. ВЯЗЕМСКОМУ П. А.— 13 п.
 1) 2 п. 11 VI 1837 и 13 IX 1849. 4 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 195 (Вяземские), оп. 1,
 ед. хр. 5083, л. 174—175 и 181—182
 2) 8 п. 1845—1869 и б. д. 15 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 195, (Вяземские). оп. 1, ед. хр. 2898
 1845 — 1; 1848 — 1; 1851 — 1; 1854 — 1; 1857 — 1; 1869 — 1; б. д.— 2
 3) 1 п. 10/22 VIII 1847. 2 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 63 (Вяземские), 23.45
 4) 1 п. <III 1850>, 4 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 2.7
 5) 1 п. <28 VI 1865>. 1 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 39, л.

4. Приписка к автографу стихотворения «Князю Вяземскому» («Есть телеграф за наименьшем пог...»); рукой М. Ф. Тютчевой
15. ГАГАРИНУ И. С. — 4 п.
1) 3 п. 2—3 V 1836, 7/19 VII 1836, 11 IV 1838. 14 л. Франц. яз. Фотокопии с автографов. — ЦГАЛИ, ф. 1049 (Гагарин И. С.), оп. 1, ед. хр. 8. Автографы — Bibliothèque Slave (Славянская б-ка), Париж
Писарские копии (2 п. — 2—3 V 1836 и 11 IV 1838), выполненные по заказу Гагарина для И. С. Аксакова в 1874 г. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 59, л. 1—6, 9—10. Машинописные копии (3 п.), выполненные в Славянской б-ке по заказу Е. П. Казанович — ГПБ, ф. 326 (Казанович Е. П.), ед. хр. 305
2) 1 п. 22 VII 1836. 2 л. Франц. яз. Писарская копия, выполненная по заказу Гагарина для И. С. Аксакова в 1874 г. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 59, л. 78. Местонахождение автографа неизвестно
16. ГАНКЕ В. — 1 п.
16/28 IV 1843. 2 л. Фотокопия с автографа. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 60. Автограф — Чешский Национальный музей, Прага
17. ГЕОРГИЕВСКОЙ (рожд. ДЕНИСЬЕВОЙ) М. А. — 32 п.
1) 27 п. 1865—1866 и б. д. 35 л. Франц. и рус. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 2, ед. хр. 3. Фотокопии — ЦГИАЛ, ф. 846 (Георгиевские), оп. 2, ед. хр. 29. Копии рукой Л. А. Георгиевского. — ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 78
1865 — 8; 1866 — 5; б. д. — 14
2) 1 п. <1863>. 1 л. ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 61
3) 4 п. 6/18 X 1864, 17 V 1865, 2 VI 1865, 22 II 1866. 6 л. Франц. и рус. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 2, ед. хр. 2 (среди писем Тютчева к А. И. Георгиевскому; первые три — приписки к ним.
Фотокопии — ЦГИАЛ, ф. 846, (Георгиевские), оп. 2, ед. хр. 24. Копии рукой Л. А. Георгиевского. — ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 78
18. ГЕОРГИЕВСКОМУ А. И. — 27 п. (из них 2 телегр.)
1) 24 п. 1864—1866. 68 л. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 2, ед. хр. 2.
Фотокопии — ЦГИАЛ, ф. 846 (Георгиевские), оп. 2, ед. хр. 24. Копии рукой Л. А. Георгиевского — ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 78
1864 — 6; 1865 — 7; 1866 — 11
2) 2 телегр. 13 I 1865 и 3 IV 1866. Франц. и рус. яз. Копии (в тексте «Воспоминаний» А. И. Георгиевского) — Мураново, НВ-34 Т, л. 106 и 161; копия (3 IV 1866) рукой Л. А. Георгиевского. — ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 78
3) 1 п. 6/18 VII 1871. Приписка к автографу стихотворения «Годовщина» («Ватиканская годовщина»). — ГБЛ, ф. 308 (Тютчев). 1.1
19. ГИЛЬФЕРДИНГУ А. Ф. — 2 п.
Б. д. 2 л. Франц. яз. — ИРЛИ, ф. 274 (собр. Семейского М. И.), оп. 3, ед. хр. 134
20. ГЛИНКЕ Ф. Н. — 1 п.
16 II 1850. 1 л. — ЦГАЛИ, ф. 141 (Глинки), оп. 1, ед. хр. 421
21. ГОЛОВАЦКОМУ Я. Ф. — 1 п.
12 V 1867. 1 л. — Львовская научная библиотека им. В. С. Стефаника, ф. 36, сп. 362/ п. 17
22. ГОЛОВНИНУ А. В. — 2 п.
16 V <1862>, 15 XI 1862. 2 л. — ЦГИАЛ, ф. 772 (Гл. упр. цензуры), оп. 1, д. № 4818, л. 39 и 45
23. ГОРЧАКОВУ А. М. — 18 п.
1) 1 п. <XI 1857> («Записка о цензуре в России»). 9 л. Франц. яз. Рукой Эрн. Ф. Тютчевой. — ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 1.12. Копия рукой неизвестного лица — ГБЛ, ф. 233 (Полторацкий С. Д.), 11.72. Местонахождение автографа неизвестно
2) 16 п. <1859—1873>. 31 л. Франц. яз. Из них 3 п. — рукой Эрн. Ф. Тютчевой с автографической подписью Тютчева. — ЦГАОР, ф. 828 (Горчаков А. М.), оп. 1, ед. хр. 726
1859 — 1; 1862 — 1; <1863> — 1; <1866> — 1; <1871> — 1; <1873> — 1; б. д. — 10
3) 1 п. <XII 1870>. 1 л. Франц. яз. Приписка к автографу стихотворения «Да, вы сдержали ваше слово...» — ЦГАОР, ф. 828 (Горчаков А. М.), оп. 1, ед. хр. 163
24. ГРЕЧУ Н. И. — 1 п.
<1843—1844>. 1 л. Копия рукой Н. В. Измайлова. — ИРЛИ, Р. I, оп. 27, ед. хр. 77. Местонахождение автографа неизвестно
25. ДАНИЛЕВСКОМУ Г. П. — 1 п.
31 XII 1855. 1 л. Приписка к автографу стихотворения «Стоим мы слепо пред судьбой...» — ГПБ, ф. 236 (Данилевский Г. П.), ед. хр. 174, л. 21
26. ДЕЛЯНОВОЙ А. Х. — 1 п.
15 V, б. г. 1 л. Франц. яз. — ИРЛИ, ф. 400 (Абамелск-Лазаревы), ед. хр. 10
27. ЖИХАРЕВУ М. И. — 1 п.
30 XI 1863. 1 л. — ГБЛ, ф. 103 (Жихарев М. И. и Чаадаев П. Я.), 1032 б. 43, л. 145
28. ЖУКОВСКОМУ В. А. — 3 п.
1) 1 п. <1827>. 1 л. — Мураново, ф. 2 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 6

- 2) 1 п. 6/18 X 1838. 2 л.— ИРЛИ, 28.2.95. СС II б. 161 (Онегинское собр.)
 3) 1 п. (20 II 1839). 1 л. Приписка к письму Сильвио Пеллико Тютчеву 20 II 1839).— ГБЛ, ф. 104 (Жуковский В. А.), 8, 48
29. ЗЫБИНОЙ (в замужестве ОСТЕН-САКЕН) Е. К.— 5 п.
 Б. д. 5 л. Франц. яз.— ИРЛИ, Р. I, оп. 42, № 20
30. КАТКОВУ М. Н.— 8 п.
 1863—1867, б. д. 16 л.— ГБЛ, ф. 120 (Катков М. Н.), 11, 23
 1863 — 3; 1866 — 1; 1867 — 1; б. д.— 3
31. КОВАЛЕВСКОМУ Евг. П.— 3 п.
 24 IV 1858, 25 III 1859, 20 VII/1 VIII 1859. 4 л.— ЦГИАЛ, ф. 772 (Гл. упр. цензуры), оп. 1, д. 4433, л. 31 и д. 4818, л. 1—2, 16
32. КОВАЛЕВСКОМУ Ег. П.— 4 п.
 25 <УП>6 VIII 1860 и б. д. 8 л.— ГПБ, ф. 356 (Ковалевский Ег. П.), ед. хр. 348
33. КОЗЛОВОЙ А. И.— 1 п.
 Б. д. 1 л. Франц. яз.— ИРЛИ, Р. I, оп. 12, ед. хр. 73
34. КОЗЛОВСКОМУ П. Б.— 1 п.
 16/28 XII 1824. 2 л. Франц. яз. Фотокопия.— Архив «Литературного наследства». Автограф — Bibliothèque Nationale (Национальная б-ка), Париж
35. КОМАРОВСКОМУ Е. Е.— 1 п.
 <VIII 1864>. 1 л. Франц. яз. На письме П. А. Валуева — Тютчеву от 10 VIII 1864.— ЦГИАЛ, ф. 779 (Комитет цензуры иностранной), 1858, оп. I, д. № 19, л. 53
36. КРАЕВСКОМУ А. А.— 1 п.
 <1867>. 1 л.— ГПБ, ф. 391 (Краевский А. А.), ед. хр. 775
37. ЛАМАНСКОМУ В. И.— 9 п.
 Б. д. 16 л. Из них 1 п.— рукой Эрн. Ф. Тютчевой.— ИРЛИ, 2384. VII M 168
38. ЛЕОНТЬЕВУ П. М.— 2 п.
 8 X 1870, 26 XI 1871. 4 л.— ГБЛ, ф. 120 (Катков М. Н.), 11, 24
39. ЛОНГИНОВУ М. Н.— 1 п.
 <1873>. 2 л. Рук. Эрн. Ф. Тютчевой (?). В обращении ошибка: «Милостивый государь Николай Михайлович...» — ИРЛИ, 23295/CLXVII б. 2 (арх. Лонгинова М. Н.)
 См. также П о х в и с н е в у М. Н.
40. МАЙКОВУ А. Н.— 10 п.
 1) 1 п. 3 IV <1865>. 2 л. Приложен автограф стихотворения «Он, умирая, сомневался...» — ИРЛИ, 8874/L б. 50
 2) 8 п. 1865—1870. 16 л.— ГБЛ, ф. 18 (Барсуков Н. П.), 7, 10
 1865 — 1; <1866> — 2; <1867> — 3; <1869> — 1; <1870> — 1
 3) 1 п. 12 VIII 1869. 4 л.— ИРЛИ, 16.959/CVIII б. 4 (арх. Майкова А. Н.)
41. МАЛЬТИЦУ А. П.— 1 п.
 4 IV 1838. 2 л. Франц. яз. Приписка к автографу стихотворения «Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...» — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 62
42. МАЛЬЦОВУ С. И.— 1 п.
 <III 1871>. 2 л. Копия рукой М. Ф. Бирилевой (приложена к письму Эрн. Ф. Тютчевой И. Ф. Тютчеву от 25 III 1871).— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 63. Местонахождение автографа неизвестно
43. МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ, вел. кн. (герц. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОЙ) — 1 п.
 <31 VIII — 1 IX 1852>. 2 л. Франц. яз. Черновой автограф. Приложен к письму Тютчева Э. Ф. Тютчевой от 3 IX 1852.— ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 1, 20
44. МЕЙЕНДОРФУ П. К.— 1 п.
 18 IV 1855. 1 л. Франц. яз.— ИРЛИ, ф. 93 (собр. Дашкова П. Я.), оп. 3, ед. хр. 1296
45. МЕНЬШИКОВУ А. С.— 1 п.
 16 IV 1846. 2 л. Франц. яз.— ИРЛИ, 3865. ХПС. 129
46. МЕЩЕРСКОМУ В. П.— 1 п.
 1 III <1872>. 2 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 2, 9
47. В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (ДЕПАРТАМЕНТ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И СЧЕТНЫХ ДЕЛ) — 8 п.
 1838—1843. 9 л.— АВПр. Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников МИД. Канцелярия, оп. 876, ед. хр. 18, л. 8; ед. хр. 19, л. 2, 5, 8, 16—17; ед. хр. 20, л. 1; ед. хр. 31, л. 1; ед. хр. 22, л. 13
 1838 — 1; 1839 — 5; 1840 — 1; 1843 — 1
48. В МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТРА) — 1 п.
 27 III 1859. 1 л.— ЦГИАЛ, ф. 772 (Гл. упр. цензуры), оп. 1, д. № 4818, л. 4
49. МУРАВЬЕВОЙ (рожд. ШЕРЕМЕТЕВОЙ) П. В.— 1 п.
 <V 1846>. 2 л. Франц. яз.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 64
50. НЕССЕЛЬРОДЕ К. В.— 19 п.

- 1) 5 п. 6 VIII 1838, 5/17 X 1838, 7/19 XI 1838, 23 XI 1838, 24 XI/ 6 XII 1838. 13 л. Франц. яз.— АВПР, д. 212, л. 71—75, 78—79, 144—145, 150—152, 161.
Копии (в ряде случаев многократные) — Там же, л. 84—85, 87—88, 90—91, 93, 95, 142, 147—148, 154, 157, 159
- 2) 2 п. 6/18 X 1838, 1/13 III 1839. 4 л. Франц. яз.— АВПР, СПб. Гл. арх. IV—10—1839, № 20, л. 1—4.
Копии — АВП Канцелярия, оп. 876 (Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников), д. 18, л. 1—4; АВПР, д. 212, л. 90—91
- 3) 11 п. 1839. 27 л. Франц. яз.— АВПР, д. 207, л. 3—4, 11, 13—14, 19—20, 22—31, 33—34, 42—44, 56, 66—67, 73, 78.
Копии (в ряде случаев многократные) — Там же, л. 6—7, 9, 16—17, 36—37, 46—47, 49, 51—52, 58, 62, 69—70.
- 4) 1 п. 6/18 X 1839. 1 л. Франц. яз.— АВПР, Канцелярия, оп. 876 (Коллекция документальных материалов на отдельных чиновников), № 15, л. 5
51. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (Николаю Михайловичу) — 1 п.
3 V б. г. 2 л. Франц. яз.— ИРЛИ, ф. 358 (арх. Кугузовой-Смоленской Е. И.), оп. 1, ед. хр. 212
52. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (княгине) — 1 п.
23 XII б. г. 1 л. Франц. яз.— ГПБ, ф. 797 (Тютчев), ед. хр. 6
53. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ — 2 п.
<1853>, <II 1854>. 2 л. Франц. яз. Отрывки. Копии рукой Н. И. Тютчева (брата поэта). — ГБЛ, ф. 103 (Жихарев М. И. и Чаадаев П. Я.), 1032. 69. Местонахождение автографов неизвестно
54. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ — 1 п.
23 III б. г. 2 л.— ИРЛИ, ф. 93 (собр. Дашкова П. Я.), оп. 3, ед. хр. 1298
55. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ — 1 п.
Б. д. 1 л. Франц. яз.— ИРЛИ, ф. 187 (собр. Модзалевского Л. Б.), ед. хр. 45
56. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ — 1 п.
Б. д. 1 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 126 (Киреевы и Новиковы), 8478. 2
57. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ — 1 п.
Б. д. 1 л.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 4
58. НИКИТЕНКО А. В.— 1 п.
<V 1873>. 2 л. Приписка к автографу стихотворения «Бывают роковые дни...» — ИРЛИ, 18720/СХХIV б. 4
59. НОВИКОВОЙ О. А.— 11 п.
7 п. 1863—1872. б. д. 14 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 126 (Киреевы и Новиковы), 8478.1 1863 — 3; <1864> — 1; 1872 — 1; б. д.— 2
Копии рукой неизв. лица (4 п., 1863 и 1872), а также переводы их — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 65
60. НОРОВУ А. С.— 1 п.
18 III 1858. 1 л.— ЦГИАЛ, ф. 772 (Гл. упр. цензуры), оп. 1, 1858, д. № 4433, л. 1
61. ОБОЛЕНСКОМУ Д. А.— 1 п.
Б. д. 2 л.— ИРЛИ, ф. 3 (Аксаковы), оп. 20, ед. хр. 101
62. ОДОЕВСКОМУ В. Ф.— 2 п.
26 IX б. г. и б. д. 3 л. Франц. яз.— ГПБ, ф. 539 (Одоевский В. Ф.), оп. 2, ед. хр. 1091
63. ПЛЕТНЕВОЙ А. В.— 7 п. и 1 конверт
1) 2 п. <11 III 1870>, 4/19 VII 1870. 4 л. Франц. яз.— ИРЛИ, ф. 234 (Плетнев П. А.), оп. 4, ед. хр. 184 и 185
2) 5 п. Б. д. 8 л. Франц. яз.— там же, оп. 3, ед. хр. 669 (значатся как письма Тютчева к П. А. Плетневу)
3) 1 конверт; почтовый штемпель 8.VI.1870.— ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 66
64. ПЛЕТНЕВУ П. А.— 1 п.
5 X 1861. 2 л.— ИРЛИ, ф. 234 (Плетнев П. А.), оп. 3, ед. хр. 669 (здесь же — 5 п. Тютчева к А. В. Плетневой — см. № 63).
65. ПОГОДИНУ М. П.— 25 п.
1) 18 п.— <1820—1821>. 21 л.— ГБЛ, Погодин/II.47.124
2) 1 п. <1850>. 1 л.— Мураново, ф. 2 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 7.
3) 4 п. <10 VI 1854> и 11 X 1855, 13 X 1857, 9 XII <1862>. 6 л.— ГБЛ, Погодин/II, 33. 102
4) 2 п. <1867, 1868>. 3 л.— ЦГАЛИ, ф. 373 (Погодин М. П.), оп. 1, ед. хр. 344
66. ПОЛОНСКОМУ Я. П.— 6 п.
1) 1 п. 15 VIII <1864>. 1 л.— ЦГАЛИ, ф. 195 (Вяземские), оп. 1, ед. хр. 5083, л. 199
2) 4 п. 8/20 XII 1864 и б. д. 7 л. Приложены стихи: «О, этот юг, о, эта Ницца...» (рукой М. Ф. Вирлиевой) и «Так в жизни есть мгновенья...» (рукой Ф. Ф. Тютчева). — ИРЛИ, 12540/LXX б. 6 (арх. Полонского Я. П.)

- 3) 1 п. 11 V б. г. 2 л. Ленинградское Отделение Института истории АН СССР, к. 238 (Лихачев Н. Т.), оп. 2, № 278/854
67. ПОПОВУ А. Н. — 1 п.
Б. д. 2 л. — ИРЛИ, Р. III, оп. 1, ед. хр. 2046
68. ПОХВИСНЕВУ М. Н. — 4 п.
1) 2 п. <12 VIII 1869> и 25 X 1869. 3 л. — ГИМ, ф. 381 (Похвиснев М. Н.), ед. хр. 6, л. 184—186
2) 1 п. <25 XII 1869>. 2 л. — ГПБ, ф. 124 (Ваксель П. Л.), ед. хр. 4409 (ошибочно обозначено как письмо к М. Н. Лонгинову)
3) 1 п. 2 I <1870>. 1 л. — ГПБ, ф. 797 (Тютчев), ед. хр. 4
Путята О. Н. — см. Тютчевой О. Н.
69. ПЕФФЕЛЮ К. — 14 п.
1) 11 п. 1847—1873. 28 л. Франц. яз. — *Собр. Пигарева*
<1847> — 1; 1848 — 2; 1850 — 1; 1860 — 1; 1862 — 1; 1870 — 4; <1873> — 1. Из них: 1 п. (1848) — приписка к письму Эрн. Ф. Тютчевой Пфеффелю; 3 п. (1848, 1850, <1873>) — рукой Эрн. Ф. Тютчевой.
Копия 1 п. <1873> рукой А. Ф. Аксаковой — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 67. Пер. 3 п. (<1847>, 1848, 1850) — ЦГИАЛ, ф. 853 (Григорьев В. В.), ед. хр. 315.
2) 2 п. 22 I 1851, <I 1856>. 8 л. Пер. с франц. яз. рукой неустановленного лица. — ЦГИАЛ, ф. 853 (Григорьев В. В.), оп. 1, ед. хр. 315. Местонахождение автографов неизвестно.
3) 1 п. 20 II 1855. 1 л. Франц. яз. Отрывок. Копия рукой неустановленного лица. — ГБЛ, ф. 103 (Жихарев М. И. и Чаадаев П. Я.), 1032, 68. Пер. полного текста письма рукой неустановленного лица — ЦГИАЛ, ф. 853 (Григорьев В. В.), оп. 1, ед. хр. 315. Местонахождение автографа неизвестно
70. В РЕДАКЦИЮ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» — 1 п.
1) 13 II 1865. 2 л. В тексте письма стихотворение «Как хорошо ты, о море ночное...» — ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 2.10
71. САМАРИНУ Ю. Ф. — 5 п.
1) 1 п. 15 V 1867. 2 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 68
2) 4 п. 24 XI 1867; 13 VII 1868; 5 II <1869> и б. д. 7 л. франц. и рус. яз. — ГБЛ, ф. 265 Самарин), 202.38
72. СМИРНОЙ О. Н. — 2 п.
Б. д. 3 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 485 (Смирновы А. О. и О. Н.), оп. 1, ед. хр. 682
73. СТАСЮЛЕВИЧУ М. М. — 1 п.
<1871>. 2 л. — ИРЛИ, ф. 293 (Стасюлевич М. М.), оп. 1, ед. хр. 1475
74. СТРАХОВУ Н. Н. — 1 п.
9 V 1867. Местонахождение автографа не установлено. Учитывается по публикации (*РЛ*, 1959, № 2)
75. СУШКОВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) Д. И. — 10 п.
1) 7 п. 1846—1863. 17 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 69
1846 — 1; 1850 — 1; 1860 — 4; 1863 — 1
2) 3 п. <1851>, 27 VI 1855 <IX 1860>. 5 л. Франц. яз. — ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 2.11
76. СУШКОВУ Н. В. — 6 п.
1) 7 п. 3 VII 1836, <1847>, <1851>, <1857>, 24 IX 1858. 10 л. Из них 1 п. <1847> на франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 70
2) 1 п. 12 XI <1863>. 1 л. Франц. яз. Приписка к автографу стихотворения «Его светлости кн. А. А. Суворову». — ГБЛ, ф. 297 (Сушков Н. В.), 4.9, л. 146
77. ТЕНГОВОРСКОМУ Л. В. — 1 п.
3. XII 1849. 2 л. Франц. яз. Копия рукой Эрн. Ф. Тютчевой. — ГБЛ, 308.2.14. Автограф неизвестен.
78. ТИРШУ Ф. — 4 п.
<XI 1829>, 11 XII 1829, 1 II <1830>, 13 XII <1840>. 4 л. Франц. яз. Ксерокопии. — *Собр. Пигарева*. Автографы — Bayerische Staatsbibliothek (Баварская гос. б-ка), Мюнхен
79. ТРУБЕЦКОЙ Е. Э. — 16 п.
1) 10 п. 1867—1872 и б. д. 18 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 71
2) 6 п. Б. д. 11 л. Франц. яз. — ИРЛИ, 35.1.14 (Труб. 14), л. 125—128; 35.1.19 (Труб. 19); л. 42—45; 35.2.7 (Труб. 36), л. 32, применен автограф стихотворения «Средь Рима древнего...»; 35.2.8. (Труб. 37), л. 73.
80. ТУРГЕНЕВУ А. И. — 1 п.
18 V 1844. 1 л. Франц. яз. — *Собр. Пигарева*
Тютчевой А. Ф. — см. Аксаковой А. Ф.
81. ТЮТЧЕВОЙ Д. Ф. — 51 п. (из них 3 телегр.)
1) 49 п. (из них три телегр.). 1857—1873. 107 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 73
1857 — 1; 1858 — 2; 1859 — 4; 1860 — 3; 1862 — 4; 1863 — 4; 1864 — 4; (из них одна телегр. на рус. яз. в стихах: «Доехал исправно, усталый и целый...»); 1865 — 2; 1867 — 5; 1868 — 4; 1869 — 3; 1870 — 3; 1872 — 3; 1873 — 1; б. д. — 6

- 2) 2 п. <ок. 5 XI 1859>, <X 1860>. 2 л. Франц. яз. Приписки к автографам стихотворений «На возвратном пути...» и «Мemento». *Собр. Пигарева*
См. также: Тютчевым А. Ф. и Д. Ф.; Тютчевым А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф.; Тютчевым Д. Ф. и Е. Ф.; Тютчевым Д. Ф. и М. Ф.
82. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ТОЛСТОЙ) Е. Л. — 8 п.
1846—1861. Рус. и франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 72
1846 — 2; 1847 — 2; 1860 — 3; 1861 — 1
См. также Тютчевым Е. Л. и И. Н.
83. ТЮТЧЕВОЙ Е. Ф. — 59 п.
1) 58 п. 1855—1873. 110 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 74
1855 — 3; 1856 — 1; 1858 — 1; 1859 — 1; 1862 — 1; 1863 — 11; 1864 — 3; 1866 — 4;
1867 — 5; 1868 — 9; 1869 — 7; 1870 — 5; 1871 — 4; 1872 — 2; 1873 — 1 (рукой Д. Ф. Тютчевой)
2) 1 п. 31 XII 1870. 2 л. Франц. яз. В тексте письма стихотворение «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» — *Собр. Пигарева*
См. также: Тютчевым А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф.; Тютчевым Д. Ф. и Е. Ф., Тютчевой М. Ф. — см. Бирилевой М. Ф.
84. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. МЕЛЬНИКОВОЙ) О. А. — 4 п.
1869—1872. 7 л. Франц. яз. — *Собр. Пигарева*
85. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ПУТЯТА) О. Н. — 3 п. (из них две телегр.)
2 XI 1868 (Франц. яз.), 30 XI 1868, 3 XI 1869. 4 л. — *Собр. Пигарева*
См. также: Тютчевым И. Ф. и О. Н.
86. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. БОТМЕР) Эл. Ф. — 1 п.
<13/25 XII 1837>. 2 л. Франц. яз. Приписка к письму Е. Л. и И. Н. Тютчевым
13/25 XII 1837. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 72
87. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ПФЕФФЕЛЬ) Эрн. Ф. — 495 п.
1) 446 п. 1840—1872. 1108 л. Франц. яз. В тексте писем <1842>, 6 VIII 1851, 27 IX 1853, 11 VIII 1854, 11 IX 1854, 13 XI 1863, 14 IX 1870 — стихи: «Que l'homme est peu réel...», «В разлуке есть высокое значенье...», «Неман», «О, это лето, это лето...», «Увы, что нашего незнанья...», «Его светлости кн. А. А. Суворову», «Доехал исправно...» — ГБЛ, ф. 308 (Тютчев), 1.17—23; 2.1—6
1840 — 2; 1841 — 3; 1842 — 8; 1843 — 9; 1846 — 5; 1847 — 8; 1851 — 22; 1852 — 37;
1853 — 28; 1854 — 29; 1855 — 18; 1856 — 15; 1857 — 15; 1858 — 32; 1859 — 25; 1860 — 25;
1861 — 12; 1862 — 13; 1863 — 30; 1864 — 10; 1866 — 17; 1867 — 37; 1870 — 14; 1871 — 19;
1872 — 13
2) 49 п. 1868—1869. 106 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 76
88. ТЮТЧЕВУ Д. Ф. — 5 п.
Б. д. 9 л. Из них 1 п. на франц. яз. — *Собр. Пигарева*
Тютчеву И. Н. — см. Тютчевым Е. Л. и И. Н.
89. ТЮТЧЕВУ И. Ф. — 11 п. (из них две телегр.)
1869—1873. 16 л. Франц. и рус. яз. 1 п. <IV 1873> — приписка к письму Эрн. Ф. Тютчевой. — *Собр. Пигарева*
1869 — 1; 1870 — 2; 1871 — 3; 1872 — 3; 1873 — 2
См. также: Тютчевым И. Ф. и О. Н.
90. ТЮТЧЕВУ Н. И. — 5 п.
1832—1868. 11 л. Франц. и рус. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 75
1832 — 2 (приписки к письмам Эл. Ф. Тютчевой); 1844 — 1 (приписка к письму Эрн. Ф. Тютчевой); 1867 — 1; 1868 — 1
91. ТЮТЧЕВЫМ А. Ф. и Д. Ф. — 1 п.
<1853>. 1 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 10 (Аксаковы), оп. 2, ед. хр. 37
92. ТЮТЧЕВЫМ А. Ф., Д. Ф., Е. Ф. — 1 п.
1844. 1 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 10 (Аксаковы), оп. 2, ед. хр. 37
93. ТЮТЧЕВЫМ Д. Ф. и Е. Ф. — 3 п.
<1840-е гг.>. 3 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 73
94. ТЮТЧЕВЫМ Д. Ф. и М. Ф. — 1 п.
Б. д. 1 л. Франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 73
95. ТЮТЧЕВЫМ Е. Л. и И. Н. — 40 п.
1836—1846. Рус. и франц. яз. — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 72
1836 — 1; 1837 — 7; 1838 — 1; 1839 — 1; 1840 — 6; 1841 — 2; 1842 — 3; 1843 — 4;
1844 — 7; 1845 — 3; 1846 — 5
См. также: Тютчевой Е. Л.
96. ТЮТЧЕВЫМ И. Ф. и О. Н. — 1 п.
2 IV 1873. 1 л. Франц. яз. — *Собр. Пигарева*
См. также: Тютчевой О. Н.; Тютчеву И. Ф.
97. УВАРОВУ С. С. — 1 п.
20 VIII 1851. 2 л. Франц. яз. — ГИМ, ф. 17 (Уваровы), оп. 1, ед. хр. 81, л. 184—185
98. ФРОЛОВУ С. П. — 8 п.

- <1868—1871>. 14 л. Франц. и рус. яз.— ИРЛИ, 9928/XIV с. 8 (арх. Фролова С. П.)
 <1868> — 5; <1869> — 1; <1871> — 2
99. ЧААДАЕВУ П. Я. — 2 п.
 13 IV 1847; <1850>. 4 л. Франц. яз.— ГБЛ, ф. 103 (Жихарев М. И. и Чаадаев П. Я.), 1032. 67
100. ЧЕРКАССКОМУ В. Я. — 4 п.
 1) 3 п. Б. д. 4 л. Франц. яз.— ГБЛ, Черк./II, 14.101
 2) 1 п. Б. д. 2 л. Франц. яз.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 1953.
 Фотокопия — ЦГАЛИ, ф. 505 (Тютчев), оп. 1, ед. хр. 77
101. ШЕРЕМЕТЕВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) Н. Н. — 2 п.
 1) 16/28 XII 1829. 2 л. Копия.— *Собр. Пигарева*. Местонахождение автографа неизвестно
 2) 28 XII <1845>. 2 л.— ЦГАОР, ф. 279 (Якушкины), оп. 1, ед. хр. 141
102. ШЕБАЛЬСКОМУ П. К. — 1 п.
 Б. д. 2 л. Франц. яз. (приложено к письму Тютчева Я. П. Полонскому).— ИРЛИ, 12540/LXX б. 6 (арх. Полонского Я. П.)
103. ШЕРБИНЕ Н. Ф. — 2 п.
 1) 1 п. 21 IV /1862/. 2 л.— ИРЛИ, 7152/XXXVI б. 136
 2) 1 п. 17 X б. г.— ИРЛИ, ф. 274 (собр. Семевского М. И.), оп. 3, ед. хр. 220

БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЕМ ТЮТЧЕВА 1874—1984

Составила И. А. Королева

Настоящая «Библиография» охватывает период с 1874 по 1984 г. — от первой публикации выдержек из частной переписки Тютчева, приведенных в биографии поэта, написанной И. С. Аксаковым («Русский архив», 1874, № 10), до последнего издания его произведений (Ф. И. Тютчев. Сочинения в 2-х тт. М., 1984), второй том которого представляет собой наиболее полное из всех появлявшихся доньше собраний писем Тютчева (в нем содержится 228 писем, из них 56 опубликовано впервые).

Основные принципы, положенные в основу нашей работы, сводятся к следующему:

1. В «Библиографию» включены все обнаруженные нами публикации писем Тютчева, вышедшие в России и в СССР в течение указанного периода. В их число входят не только первые публикации полных текстов писем, но и последующие их перепечатки, а также отрывки, включенные в состав исследовательских статей (в тех случаях, когда они впервые вводят данное письмо в научный обиход).

2. Зарубежные издания в «Библиографии» не учитываются.

3. Публицистические статьи Тютчева, написанные в форме писем, а также официальные донесения, написанные им в бытность его на дипломатической службе, в «Библиографию» не включены.

4. Весь материал расположен в порядке алфавита адресатов. После фамилии адресата перечисляются публикации писем к нему в порядке хронологической последовательности выхода их в свет.

5. Описание публикаций дается в следующем порядке: название издания и номера страниц; количество писем и крайние даты их; характер публикации (степень полноты текста, язык, на котором он печатается, и другие особенности); сведения о первоначальных публикациях и последующих перепечатках (по принципу перекрестных отсылок) *.

6. Если количество писем, составляющих данную публикацию, не превышает пяти, то приводятся даты каждого письма, а также отмечается наличие недатированных писем. Если же писем больше, то количество их и крайние даты сообщаются суммарно (например: «6 п. 1838—1850»); при этом недатированные письма особо не отмечаются и включаются в общее число.

7. Случаи неполной публикации (отрывки) каждый раз оговариваются.

8. Письма, написанные на русском языке, особо не отмечаются. К иноязычным текстам писем дается соответствующее указание, а также сообщается, приведен ли в данной публикации русский перевод. В тех случаях, когда напечатан только перевод, указывается с какого языка он сделан.

9. Проверка дат, как правило, не производилась. Однако отдельные письма удалось датировать или уточнить существовавшие датировки, что отмечено в аннотациях.

10. В некоторых случаях исправлены ошибки в определении адресатов. Это оговорено в соответствующих аннотациях.

В работе над «Библиографией» использованы следующие материалы:

1. Д. Б л а г о й. Библиография о Ф. И. Тютчеве за 1923—1928 гг. — *Тютчевский сб.*, с. 106—129.

2. Д. Б л а г о й. Тютчевiana за 1923—1928 гг. — *Украина*, с. 287—300.

3. «Русские писатели второй половины XIX в. — начала XX в. (до 1917 г.)», ч. I. М., 1958, с. 265—276.

* Перепечатки, не имеющие научного значения, в «Библиографию» не включены; например, за пределами «Библиографии» остается издание: Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1978 (все письма, вошедшие в это издание, напечатаны в отрывках, заимствованных из полных публикаций).

4. Картотека Гос. музея-усадьбы «Мураново».

5. Н. Н. Грамолина. Библиографическое описание произведений Ф. И. Тютчева. Дипломная работа (хранится в Музее-усадьбе «Мураново»).

Все включенные в «Библиографию» материалы проверены de visu.

1. АКСАКОВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) А. Ф.

1) *Аксаков 1874*, стлб. 384—387. — 3 п. (I—IV 1873) (отрывки; без указания имени адресата; на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 311—313. В дальнейшем 1 п. (IV 1873) напечатано полностью в переводе: *Стихотворения 1957*, с. 486—487; *Соч. 1980*, т. 2, с. 259—260; *Соч. 1984*, т. 2, с. 358—360.

2) *Уrania*, с. 185—186, 188—190, 194, 196—197, 200—202, 205—206, 211—213. — 11 п. 1841—1864 (отрывки; пер. с франц.). Из них 5 п. (3 I и 9 X 1842, 2 VIII 1851, 16/28 VII 1864 и б. д.) в дальнейшем не перепечатывались. Остальные напечатаны полностью в переводе: *Стихотворения 1957*, с. 387—389. — 1 п. (VI—VIII 1845); *Соч. 1980*, т. 2, с. 47—49, 67—69, 76—78, 89—91. — 6 п. 1841—1846; *Соч. 1984*, т. 2, с. 56—57, 67—68, 91—93, 94—95, 103—105, 121—122. — То же.

3) *ЛН*, т. 19—21, с. 205—206, 222, 225—226, 241—242, 244—247. — 6 п. 1863—1870 (отрывки — 2 п. 26 VI 1864 и 7 XI 1870; полностью — 4 п. 25 VI и 4 IX 1863, 22 XI и 1 XII 1870; пер. с франц.).

4) «Литературная газета», 1936, № 3, 15 янв., с. 6. — 1 п. 22 I 1867 (отрывок; перевод с франц.).

5) *ЛН*, т. 31—32, с. 754, 755—756, 757, 762—763. — 7 п. 1870—1871 (отрывки — 6 п.; полностью — 1 п. 31 VII/12 VIII 1870; пер. с франц.). В дальнейшем 2 п. напечатаны полностью в переводе: *Стихотворения 1957*, с. 473—476. — 1 п. 31 VII/12 VIII 1870; *Соч. 1980*, т. 2, с. 246—247, 249—251. — 2 п. 31 VII/12 VIII и 22 XI 1870; *Соч. 1984*, т. 2, с. 344—345, 347—350. — То же.

6) *Стихотворения 1945*, с. 289, 296. — 2 п. 3/15 VI 1859, 29 III 1865 (отрывки; пер. с франц.). В дальнейшем 1 п. 29 III 1865 напечатано полностью в переводе: *Соч. 1984*, т. 2, с. 275—277.

7) *Стихотворения 1957*, с. 387—389, 443—444, 453—455, 457—458, 463—464, 473—476, 478—484, 486—487. — 11 п. 1845—1873 (пер. с франц.). Из них впервые: 7 п. 1861—1871; первоначальные публикации остальных см. выше: *Аксаков 1874*; *Уrania*; *ЛН*, т. 31—32. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 76—78, 194—195, 207—209, 218—219, 226—227, 242—244, 246—247, 249—252, 255—256, 259—260.

8) *Соч. 1980*, т. 2, с. 33—34, 47—49, 67—71, 76—78, 89—91, 194—195, 207—209, 218—219, 226—227, 239—244, 246—247, 249—252, 255—256, 258—260. — 20 п. 1838—1873. (пер. с франц.). Из них впервые: 4 п. 28 XII 1838, (лето 1839), 30 X 1869, 7 II 1873; первоначальные публикации остальных см. выше: *Аксаков 1874*; *Уrania*; *ЛН*, т. 31—32; *Стихотворения 1957*.

9) *Соч. 1984*, т. 2, с. 42—43, 56, 67—68, 91—95, 103—105, 121—122, 267—268, 275—277, 282—284, 288—291, 295—297, 304—305, 313—317, 319—320, 323—324, 330—331, 338—339, 341—342, 344—359. — 31 п. 1838—1873 (пер. с франц.). Из них впервые: 11 п. (1845)—1872; первоначальные публикации остальных см. выше: *Аксаков 1874*; *Уrania*; *ЛН*, т. 31—32; *Стихотворения 1957*; *Соч. 1980*.

10) См. Тютчевым А. Ф., Д. Ф., Е. Ф.

2. АКСАКОВУ И. С.

1) *Аксаков 1874*, стлб. 226—227. — 1 п. 13 III 1870 (отрывок). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 185—186.

2) «Московский понедельник», 1922, № 13, 11 сент., с. 3. — 1 п. 23 IX 1861. Перепечатано: *Стихотворения 1935*, с. 300—302.

3) *Мурановский сб.*, с. 11—21, 25—28. — 7 п. 1865—1869 (отрывки — 5 п. 8 XII 1865, 5 п 8 I 1867, 18 IV 1867, 4 I 1868; полностью — 2 п. (VIII 1867), 2 I 1869). В дальнейшем 1 п. 8 XII 1865 напечатано полностью: *Стихотворения 1935*, с. 302—303; *Соч. 1984*, т. 2, с. 278—279.

4) *ЛН*, т. 19—21, с. 207—208, 233—235, 238—240, 242—243. — 5 п. 18 IV 1867, 23 IX 1867, 2 X 1867, 4 I 1868, 12 XI 1870 (1 п. 4 I 1868 — отрывок, остальные — полностью; 1 п. 23 IX 1867 — пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 211—213, 223—224. — 2 п. 18 IV и 23 IX 1867; *Соч. 1984*, т. 2, с. 293—295, 309—311. — 3 п. 18 IV, 23 IX и 2 X 1867.

5) *ПСС 1933—1934*, т. 2, с. 426, 445—446. — 2 п. 16 V 1867, 22 IX 1868 (отрывки).

6) *ЛН*, т. 31—32, с. 763. — 1 п. 7/19 V 1871 (отрывок).

7) *Стихотворения 1935*, с. 300—303. — 2 п. 23 X 1861, 8 XII 1865. Первоначальные публикации см. выше: «Московский понедельник», 1922; *Мурановский сб.*

8) *Лигарев*, с. 157. — 1 п. 10 V 1867 (отрывок).

9) *Соч. 1980*, т. 2, с. 211—213, 223—224. — 2 п. 18 IV и 23 IX 1867 (второе п. — пер. с франц.). Первоначальные публикации см. выше: *ЛН*, т. 19—21.

10) *Соч. 1984*, т. 2, с. 278—279, 293—295, 309—311, 317—318, 327—330. — 7 п. 1868—1869 (1 п. 23 IX 1867 — пер. с франц.). Из них впервые: 3 п. 17 II и 18 XI 1868, 2 I 1869; первоначальные публикации остальных см. выше: *Мурановский сб.*; *ЛН*, т. 19—21; *Стихотворения 1935*; *Соч. 1980*.

3. АЛЕКСАНДРУ ПИ
ЛН, т. 19—21, с. 206.— 1 п. <1866> (отрывок; пер. с франц.).
4. АННЕНКОВУ П. В.
ЛН, т. 19—21, с. 586.— 3 п. <30 XI—1 XII 1866>, <2—3 XII 1866>, <3 XII 1866>. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 206—207; *Соч. 1984*, т. 2, с. 286—287.
5. БАРТЕНЕВУ П. И.
«Встречи с прошлым. Сборник материалов Центрального гос. архива литературы и искусства». М., 1978, с. 51—52.— 1 п. 3 XII 1868. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 233; *Соч. 1984*, т. 2, с. 329.
6. БИРИЛЕВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) М. Ф.
ЛН, т. 19—21, с. 216, 239.— 1 п. <VIII 1867> (отрывки; пер. с франц.). В дальнейшем напечатано полностью в переводе: *Стихотворения 1957*, с. 458—459; *Соч. 1980*, т. 2, с. 219—221; *Соч. 1984*, т. 2, с. 305—307.
7. БЛУДОВОЙ А. Д.
1) *Уралия*, с. 257—260.— 3 п. 20 II 1872, 18 II 1873, б. д. (на франц. яз. и в переводе). Перепечатано в переводе: *Соч. 1980*, т. 2, с. 258.— 1 п. 20 II 1872; *Соч. 1984*, т. 2, с. 358.— То же.
2) *Стихотворения 1957*, с. 433—435.— 1 п. 28 IX <1857> (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 183—185; *Соч. 1984*, т. 2, с. 250—252.— То же.
3) *Соч. 1984*, т. 2, с. 250—252, 334—335, 358.— 3 п. 28 IX <1857>, 17 VII 1869, 20 II 1872. Из них впервые: 1 п. 17 VII 1869; первоначальные публикации остальных см. выше: *Уралия*; *Стихотворения 1957*.
8. БОГДАНОВОЙ (рожд. УСЛАР) Е. К.
Письма к Богдановой и Фролову, с. 18—34, 41—51.— 18 п. 1866—1870 (на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 205—206, 209—210.— 2 п. 16 X 1866, 12 IV 1867; *Соч. 1984*, т. 2, с. 286, 291—292.— То же.
9. ВЯЗЕМСКОМУ П. А.
1) *Аксаков 1874*, слоб. 213—217.— 1 п. <III 1850> (не закончено; пер. с франц.; без указания имени адресата). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 175—178.
2) *Мурановский сб.*, с. 45—55.— 6 п. 1844—1857 (на франц. яз. и в переводе). Перепечатано в переводах: *Стихотворения 1935*, с. 297—300.— 4 п. <1845>, <III 1848>, <1851>, 9 VII 1857; *Стихотворения 1957*, с. 386—387, 394—395.— 2 п. <XI—XII 1844>, <I 1851>. *Соч. 1980*, т. 2, с. 74—75, 103—104, 109, 182—183.— 4 п. <XI—XII 1844>, <III 1848>, <I 1851>, 9 VII 1857; *Соч. 1984*, т. 2, с. 101—102, 142—143, 148, 248.— То же.
3) *Стихотворения 1957*, с. 378, 386—387, 394—395.— 3 п. 11 VI 1837, <XI—XII 1844>, <I 1851> (пер. с франц.). Из них впервые: 1 п. 11 VI 1837; первоначальную публикацию остальных см. выше: *Мурановский сб.* Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 17, 74—75, 109; *Соч. 1984*, т. 2, с. 26, 101—102, 148.
4) *Соч. 1980*, т. 2, с. 17, 74—75, 103—104, 109, 182—183.— 5 п. 11 VI 1837, <XI—XII 1844>, <III 1848>, <I 1851>, 9 VII 1857 (пер. с франц.). Первоначальные публикации см. выше: *Мурановский сб.*; *Стихотворения 1957*. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 26, 101—102, 142—143, 148, 248.
5) *Тютчевiana*, с. 15.— 1 п. 28 VI 1865 (приписка к стихотворению «Есть телеграф за наименьшем нот...»; на франц. яз. и в переводе).
10. ГАГАРИНУ И. С.
1) *РА*, 1879, кн. II, № 5, с. 118—123.— 2 п. 2—3 V и 7/19 VII 1836 (отрывки; на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Звенья*, с. 269—270.— 1 п. 2—3 V 1836 (те же отрывки; в переводе); *Стихотворения 1935*, с. 293—295.— То же; *Пигарев*, с. 82—83.— То же. В дальнейшем оба письма напечатаны полностью (см. ниже).
2) *Стихотворения 1935*, с. 294—295.— 1 п. 7/19 VII 1836 (пер. с франц.). Первоначальные публикации см. выше: *РА*, 1879, кн. II, № 5. Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 375—378; *Соч. 1980*, т. 2, с. 9—12; *Соч. 1984*, т. 2, с. 18—20.
3) *Соч. 1984*, т. 2, с. 13—20.— 2 п. 2—3 V и 7/19 VII 1836 (пер. с франц.). Первоначальные публикации см. выше: *РА*, 1879, кн. II, № 5; *Стихотворения 1935*.
11. ГАНКЕ Вацлаву
«Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель». Варшава, 1905, с. 1129—1130.— 1 п. 16/28 IV 1843. Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 381—382; *Соч. 1980*, т. 2, с. 55—56; *Соч. 1984*, т. 2, с. 78.
12. ГЕОРГИЕВСКОЙ (рожд. ДЕНИСЬЕВОЙ) М. А.
1) *Тютчевский сб.*, с. 22.— 1 п. 6/18 X 1864 (отрывок; на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Чулков*, с. 49. В дальнейшем напечатано полностью в переводе: *Соч. 1984*, т. 2, с. 272.
2) «Литературная газета». 1936, № 3, 15 янв., с. 6.— 1 п. 27 XI 1865 (отрывок). В дальнейшем напечатано полностью: *Соч. 1984*, т. 2, с. 277—278.
3) *Соч. 1984*, т. 2, с. 272, 277—278, 280.— 3 п. 6/18 X 1864 (пер. с франц.), 27 XI 1865, 3 XII 1865. Первоначальные публикации см. выше: *Тютчевский сб.*; «Литературная газета», 1936, № 3, 15 янв.

13. ГЕОРГИЕВСКОМУ А. И.

1) *Тютчевский сб.*, с. 20—22, 24—26 (отрывки — 2 п. 8 VIII и 13/25 XII 1864; полностью — 4 п. 13 VIII 1864, 6/18 X 1864, 10/22 XII 1864, 3/15 II 1865). Перепечатано: *Цулко*, с. 44—45, 47—49, 53—54, 55—57, 58. В дальнейшем 3 п. напечатаны полностью (см. ниже).

2) *Стихотворения 1935*, с. 329—331. — 3 п. 8 VIII 1864, 13 VIII 1864, 13/25 XII 1864. Первоначальные публикации см. выше: *Тютчевский сб.* Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 445, 448—450; *Соч. 1980*, т. 2, с. 196—197, 200—201; *Соч. 1984*, т. 2, с. 269, 274—275.

14. ГЛИНКЕ Ф. Н.

«Поэты тютчевской плеяды» (сост. В. Кожянов и Е. Кузнецова). М., 1982, с. 191. — 1 п. 16 II 1850 (отрывок). В дальнейшем напечатано полностью: «Прометей», № 13, 1983, с. 339—340.

15. ГОРЧАКОВУ А. М.

ЛН, т. 19—21, с. 219—221, 223—224, 226—232, 235, 240—241, 247—252. — 17 п. 1859—1873 (пер. с франц.). Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 439—440. — 1 п. 21 IV 1859; *Соч. 1980*, т. 2, с. 189—191, 213—214. — 2 п. 21 IV 1859, 21 IV 1867; *Соч. 1984*, т. 2, с. 256—258, 297. — То же.

15-а. ДАНИЛЕВСКОМУ Г. П. — 1 п.

Летопись, с. 112. — 31 XII 1855 (приписка к стихотворению «Стоим мы слепо пред судьбою...»).

16. ДИВОВУ П. Г.

Соч. 1980, т. 2, с. 31—32. — 1 п. 24 VII/5 VIII 1838 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 40—41.

17. ЖИХАРЕВУ М. И.

ЛН, т. 19—21, с. 584. — 1 п. 30 XI 1863. Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 444; *Соч. 1980*, т. 2, с. 195—196; *Соч. 1984*, т. 2, с. 268.

18. ЖУКОВСКОМУ В. А.

1) *РА*, 1903, кн. III, № 12, с. 642—643. — 1 п. 6/18 X 1838. Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 378—379; *Соч. 1980*, т. 2, с. 32—33; *Соч. 1984*, т. 2, с. 41—42.

2) *ЛН*, т. 19—21, с. 410. — 1 п. <1827>. Перепечатано: *Пигарев*, с. 56.

3) *Пигарев*, с. 56, 106. — 2 п. <1827>, 20 II 1839. Первоначальные публикации см. выше: *РА*, 1903, кн. III, № 12; *ЛН*, т. 19—21.

19. ЗЫБИНОЙ (в замуж. ОСТЕН-САКЕН) Е. К.

Стихотворения 1957, с. 470—471. — 1 п. 28 IV 1869 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 235—236; *Соч. 1984*, т. 2, с. 333.

20. КАТКОВУ М. Н.

«Русский вестник», 1897, № 8, с. 180—181. — 1 п. 5 VII 1866.

21. КОЗЛОВОЙ А. И.

Соч. 1980, т. 2, с. 275. — 1 п. Б. д. (отрывок; пер. с франц.).

22. КОМАРОВСКОМУ Е. Е.

ЛН, т. 19—21, с. 596. — 1 п. 10 VI 1864 (пер. с франц.).

23. КРАЕВСКОМУ А. А.

«Звезда», 1929, № 9, с. 202—203. — 1 п. <VI 1867>. Перепечатано: *ПСС 1933—1934*, т. 2, с. 429; *Соч. 1980*, т. 2, с. 217—218; *Соч. 1984*, т. 2, с. 301.

24. ЛАМАНСКОМУ В. И.

«Русская мысль», 1915, № 11, с. 129—132. — 9 п. Б. д. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 215—216, 242. — 2 п. с установленными датами: <7 V 1867>, <1869>; *Соч. 1984*, т. 2, с. 299, 341. — То же.

25. МАЙКОВУ А. Н.

1) «Северные цветы на 1901 год». М., 1901, с. 142—143. — 5 п. 16 XII 1866, <1867>, 20 X 1869, <1869>, б. д. (второе и два последних письма датированы неверно). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 207, 244—245. — 3 п. с исправленной датировкой: <13 I 1867>, 20 IV <1870>, <IV 1870>; *Соч. 1984*, т. 2, с. 288, 343. — То же.

2) «Новый путь», 1903, № 11, с. 14—15. — 3 п. <1866>, 6 I 1869, 2 II 1870.

3) Ф. И. Тютчев. Новые стихотворения. М.—Л., <1926>, с. 78. — 1 п. 3 IV 1865.

4) *Уралия*, с. 219—221. — 1 п. 12 VIII <1869>. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 238—239; *Соч. 1984*, т. 2, с. 337—338.

5) *Соч. 1980*, т. 2, с. 207, 238—239, 244—245. — 4 п. <13 I 1867>, 12 VIII <1869>, 20 IV <1870>, <IV 1870>. Первоначальные публикации см. выше: «Северные цветы на 1901 год»; *Уралия*. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 288, 337—338, 343.

25-а. МАЛЬТИЦУ А. П. — 1 п.

Лирика, т. II, с. 413. — 4 IV 1838 (приписка к стихотворению «Nous avons du tous deux, fatigués du voyage...»; на франц. яз. и в переводе).

26. МЕНЬШИКОВУ Н. А.

ЛН, т. 19—21, с. 581. — 1 п. 16 IV 1846 (пер. с франц.).

Неизвестному — см. Вяземскому П. А.

Неизвестному — см. Погодину М. П.

Неизвестному — см. Трубецкой Е. Э.

27. НЕИЗВЕСТНОМУ
«Исторический вестник», 1903, № 7, с. 200—201. — 1 п. (1864) (отрывок). Перепечатано: *Тютчевский сб.*, с. 21; Чулков, с. 46.
28. НИКИТЕНКО А. В.
РС, 1873, № 8, с. IV. — 1 п. 1873.
29. ПЛЕТНЕВОЙ (рожд. ШЕТИНИНОЙ) А. В.
ЛН, т. 19—21, с. 587. — 1 п. 7/19 VII 1870 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч.* 1980, т. 2, с. 245; *Соч.* 1984, т. 2, с. 344.
30. ПОГОДИНУ М. П.
1) *Барсуков*, кн. 14. СПб., 1900, с. 11—12. — 1 п. (IX 1855) (отрывки).
2) *Барсуков*, кн. 15. СПб., 1901, с. 105—106, 110—111. — 1 п. 13 X 1857 (отрывки).
3) «Новый путь», 1903, № 11, с. 15. — 1 п. Б. д.; как письмо к неизвестному. Адресат и дата (III 1850) установлены при перепечатке: *Соч.* 1980, т. 2, с. 105 (см. также с. 285); *Соч.* 1984, т. 2, с. 144.
4) *Барсуков*, кн. 19, СПб., 1905, с. 131, 486—487. — 1 п. 7 XII 1862.
5) «Красный архив», 1923, т. IV, с. 386—391. — 18 п. (1820—1821). Перепечатано: *Соч.* 1980, т. 2, с. 5—9. — 11 п. (1820—1821); *Соч.* 1984, т. 2, с. 7—10. — То же.
6) *Соч.* 1980, т. 2, с. 5—9, 105. — 12 п. (1820—1821). (III 1850). Первоначальные публикации см. выше: «Новый путь», 1903, № 11; «Красный архив», 1923, т. IV. Перепечатано: *Соч.* 1984, т. 2, с. 7—10, 144.
31. ПОЛОНСКОМУ Я. П.
1) «Московский понедельник», 1922, № 2, 26 июня, с. 3. — 1 п. 8/20 XII 1864. Перепечатано: *Тютчевский сб.*, с. 22—24; Чулков, с. 50—52; *Стихотворения 1935*, с. 331—332; *Стихотворения 1957*, с. 447—448; *Соч.* 1980, т. 2, 199—200; *Соч.* 1984, т. 2, с. 272—274.
2) *Уrania*, с. 79—81. — 3 п. (17 IV 1867), (IV 1867), б. д. Перепечатано: *Соч.* 1980, т. 2, с. 210, 211. — 2 п. (17 IV 1867), (IV 1867); *Соч.* 1984, т. 2, с. 292—293. — То же.
3) *ЛН*, 19—21, с. 585. — 1 п. (15 VIII 1864). Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 445—446; *Соч.* 1980, т. 2, с. 197; *Соч.* 1984, т. 2, с. 270.
4) *Соч.* 1980, т. 2, с. 197, 199—200, 210, 211. — 4 п. (15 VIII 1864), 8/20 IV 1864, (17 IV 1867), (IV 1867). Первоначальные публикации см. выше: «Московский понедельник», 1922, № 2, 26 июня; *Уrania*; *ЛН*, т. 19—21. Перепечатано: *Соч.* 1984, т. 2, с. 270, 272—274, 292—293.
32. ПОХВИСНЕВУ М. Н.
Стихотворения 1957, с. 472—473. — 1 п. (12 VIII 1869). Перепечатано: *Соч.* 1980, т. 2, с. 237—238; *Соч.* 1984, т. 2, с. 336—337.
Путята О. Н. — см. Тютчевой (рожд. Путята) О. Н.
33. ПЕФЕФЕЛЮ Карлу
1) *Аксаков 1874*, слб. 228—232. — 1 п. (II 1873) (отрывок; без указания адресата; на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 187—190.
2) *РА*, 1900, кн. III, № 11, с. 418—420. — 1 п. (20 II 1855) (на франц. яз. и в переводе). Ошибочно обозначено как письмо П. Я. Чаадаеву.
3) *СН*, кн. 22, с. 278—293, 264—278 (2-я пагинация). — 10 п. 1847—1873 (отрывки; на франц. яз. и в переводе). Первоначальные публикации см. выше: *Аксаков 1874*; *РА* 1900, кн. III, № 11.
4) *Соч.* 1980, т. 2, с. 97—98, 105—109. — 2 п. 20 VII 1847, 12/24 XI 1850 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч.* 1984, т. 2, с. 130—131, 144—147.
34. РЕДАКЦИИ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»
Тютчевский сб., с. 26. — 1 п. 1/13 II 1865. Перепечатано: *Лирика*, т. 1, с. 422; *Соч.* 1980, т. 1, с. 340
35. САМАРИНУ Ю. Ф.
ЛН, т. 19—21, с. 236. — 1 п. 15 V 1867. Перепечатано: *Соч.* 1980, т. 2, с. 216—217; *Соч.* 1984, т. 2, с. 299—301.
36. СТАСЮЛЕВИЧУ М. М.
«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. СПб., 1911, с. 486. — 1 п. (1871).
37. СТРАХОВУ Н. Н.
«Русская литература», 1959, № 2, с. 204. — 1 п. 9 V 1867.
38. СУШКОВОЙ (рожд. ТЮТЧЕВОЙ) Д. И.
Соч. 1984, т. 2, с. 186. — 1 п. 20 IX (1851).
39. СУШКОВУ Н. В.
Мурановский сб., с. 64—68. — 2 п. (I—IV 1847), 27 X 1851 (первое письмо — на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 395. — 1 п. 27 X 1851; *Соч.* 1980, т. 2, с. 91—92, 144. — 2 п. (I—IV 1847) (пер. с франц.), 27 X 1851; *Соч.* 1984, т. 2, с. 124—125, 187. — То же.
40. ТИРШУ Фридриху Вильгельму
Соч. 1984, т. 2, с. 11—13, 73. — 4 п. (XI 1829), 11 XII 1829, 1 II (1830), (13 XII 1842) (пер. с франц.).

41. ТРУБЕЦКОЙ Е. Э.

1) *Аксаков 1874*, слоб. 176—177, 198, 267—268.— 2 п. 6 XII 1871 (отрывок; пер. с франц.), 15/27 VII 1872 (отрывок; без указания имени адресата; на франц. яз.). Перепечатано в переводах: *Аксаков 1886*, с. 163, 216—217; *ЛН*, т. 19—21, с. 199.— 1 п. 6 XII 1871; *ЛН*, т. 31—32, с. 765, 766—768.— 1 п. 15/27 VII 1872.

2) *РА*, 1911, кн. II № 6, с. 274.— 1 п. 13 I 1867 (на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Письма к Богдановой и Фролову*, с. 62—63 (на франц. яз.).

3) *Уrania*, с. 114—121.— 5 п. (нач. 1867), 3 V 1867, (нач. IV 1870), (IV 1870), (IV—V 1870). (на франц. яз. и в переводе). Перепечатано в переводах: *Стихотворения 1957*, с. 455—456.— 1 п. 3 V 1867; *Соч. 1980*, т. 2, с. 214—215, 244, 245.— 3 п. 3 V 1867, (нач. IV 1870), (IV—V 1870); *Соч. 1984*, т. 2, с. 297—298, 342—344.— То же.

4) *ЛН*, т. 31—32, с. 765—769, 772—773.— 5 п. 15/27 VII 1872, 22 IX/4 X 1872, (1872), (нач. 1873), 14/26 V 1873 (отрывки — 2 п. 15/27 VII и 22 IX 1872, остальные — полностью; пер. с франц.). Первоначальная публикация см. выше: *Аксаков 1874*.

Тютчевой А. Ф.— см. Аксаковой А. Ф.

42. ТЮТЧЕВОЙ Д. Ф.

1) *ЛН*, т. 31—32, с. 757.— 1 п. 1/13 VIII 1870 (отрывок; пер. с франц.).

2) «Литературная газета», 1936, № 3, 15 янв., с 6.— 2 п. (24 X 1859), (4 XI 1859) (отрывки; пер. с франц.). Перепечатано: *Пигарев*, с. 371.— 1 п. 4 XI 1859.

3) К. П и г а р е в. Мураново. М., 1957, с. 138—139.— 1 п. (1 IV 1873) (перевод с франц.). Перепечатано: *Стихотворения 1957*, с. 486; К. П и г а р е в. Мураново. М., 1970, с. 102—103; *Соч. 1980*, т. 2, с. 259; *Соч. 1984*, т. 2, с. 358.

4) *Стихотворения 1957*, с. 446—447, 465—468, 476—477, 486, 530—531.— 6 п. 1859—1873 (1 п. (X—XI 1859) — отрывок, остальные — полностью — пер. с франц.). Первоначальные публикации см. выше: *ЛН*, т. 31—32; К. П и г а р е в. Мураново. М., 1957. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 197—199, 228—229, 231—232, 247—248, 259.— 5 п. 8/20 IX 1864, 9/21 IV 1868, 13/25 V 1868, 1/13 VIII 1870, (1 IV 1873); *Соч. 1984*, т. 2, с. 270—271, 321—322, 325—326, 346—347, 358.— То же.

5) *Пигарев*, с. 371, 372.— 2 п. (4 XI 1859), 23 IX 1863 (отрывки; пер. с франц.). Первоначальную публикацию см. выше; «Литературная газета», 1936, № 3, 15 янв.

6) См. Тютчевым А. Ф., Д. Ф., Е. Ф.; Тютчевым Д. Ф., Е. Ф.

43. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ТОЛСТОЙ) Е. Л.

1) *Уrania*, с. 206—208.— 3 п. 4 XI 1846, (XI 1846), (IV 1847) (отрывки; пер. с франц.). В дальнейшем 1 п. 4 XI 1846 напечатано полностью: *Соч. 1980*, т. 2, с. 85—86; *Соч. 1984*, т. 2 с. 117—119.

2) *Стихотворения 1957*, с. 389—390.— 1 п. 31 VIII 1846. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 85—87; *Соч. 1984*, т. 2, с. 117—119.

3) *Соч. 1980*, т. 2, с. 80—81, 85—87.— 2 п. (V 1846) (пер. с франц.), 31 VIII 1846. Первоначальную публикацию см. выше: *Уrania*; *Стихотворения 1957*. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 109—111, 117—119.

4) *Соч. 1984*, т. 2, с. 107—111, 117—119, 123, 266—267. 5 п. (нач. V 1846), (V 1846), 31 VIII 1846, 4 XI 1846, 8 X 1860. Из них впервые: 3 п. (нач. V 1846), 4 XI 1846, 8 X 1860. Первоначальные публикации см. выше: *Уrania*; *Стихотворения 1957*; *Соч. 1980*, т. 2.

5) См. Тютчевым Е. Л. и И. Н.

44. ТЮТЧЕВОЙ Е. Ф.

1) *Мурановский сб.*, с. 57.— 1 п. (26 III 1868) (отрывки; пер. в франц.). В дальнейшем напечатано полностью: *Стихотворения 1957*, с. 464—465; *Соч. 1980*, т. 2, с. 227—228; *Соч. 1984*, т. 2, с. 320—321.

2) *Тютчевiana*, с. 38—39.— 1 п. 3 I 1869 (отрывки; на франц. яз. и в переводе). В дальнейшем напечатано полностью в переводе: *Стихотворения 1957*, с. 469—470; *Соч. 1980*, т. 2, с. 233—234; *Соч. 1984*, т. 2, с. 331—332.

3) «Литературная газета», 1936, № 3, 15 янв., с. 6.— 1 п. 24 XII 1866 (отрывок; пер. с франц.).

4) *ЛН*, т. 31—32, с. 758.— 1 п. (IX 1870) (отрывок; пер. с франц.).

5) *Стихотворения 1957*, с. 442—443, 460—461, 464—465, 469—470, 481—482.— 5 п. (XI 1859), 15/27 IX 1867, 26 III 1868, 3 I 1869, (27 III 1871) (пер. с франц.). Из них впервые: 3 п. (XI 1859), 15/27 IX 1867, (X 1867); первоначальные публикации остальных см. выше: *Мурановский сб.*; *Тютчевiana*.

6) *Пигарев*, с. 371.— 1 п. 7 IX 1871 (отрывок; пер. с франц.).

7) *Соч. 1980*, т. 2, с. 193—194, 221—222, 227—228, 233—234, 241—242, 252—254, 259.— 8 п. 1859—1873. (пер. с франц.). Из них впервые: 2 п. 22 XI 1869, (1 IV 1873); первоначальные публикации остальных см. выше: *Мурановский сб.*, *Тютчевiana*; *Стихотворения 1957*. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 265—266, 307—308, 320—321, 331—332, 339—340, 350—352.

8) См. Тютчевым А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф.; Тютчевым Д. Ф. и Е. Ф.

Тютчевой М. Ф.— см. Бирилевой М. Ф.

45. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. МЕЛЬНИКОВОЙ) О. А.

Уrania, с. 176.— 1 п. 13/25 VII 1870 (отрывок; пер. с франц.).

46. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ПУТЯТА) О. Н.

1) К. П и г а р е в. Мураново. М., 1948, с. 49, 50—52.— 2 п. 2 XI 1868, 2 IV 1873 (пер. с франц.). Перепечатано: То же, 2-е изд., М., 1957, с. 62—63, 91; То же, 3-е изд. М., 1970, с. 46—47, 67; *Соч. 1980*, т. 2, с. 232.— 1 п. 2 XI 1868; *Соч. 1984*, т. 2, с. 327.— То же.

2) См. Тютчевым И. Ф. и О. Н.

47. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. БОТМЕР) Эл. Ф.

Звенья, с. 283 (приписка к п. Е. Л. и И. Н. Тютчевым 13/25 XII 1837; пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 28—29 (в составе указ. письма Е. Л. и И. Н. Тютчевым); *Соч. 1984*, т. 2, с. 37 (в составе указ. письма).

48. ТЮТЧЕВОЙ (рожд. ПФЕФФЕЛЬ) Эрн. Ф.

1) *Аксаков 1874*, стлб. 25—27, 34, 36, 293—314, 373—380.— 22 п. 1843—1871 (отрывки; на франц. яз. и в переводе). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 21—22, 27—29, 238—254, 255—259, 262—265, 277—279, 301—307.

2) *РА*, 1898, кн. III, № 12, с. 556—558.— 13 п. 1846—1853 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

3) *РА*, 1899, кн. I, № 2—4, с. 269—280, 505—520, 648—658.— 33 п. 1854—1857 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

4) *РА*, 1899, кн. II, № 5, 6, 8, с. 92—105, 271—286, 584—606.— 50 п. 1858—1863 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

5) *РА*, 1899, кн. III, № 9, 11, с. 150—169, 423—436.— 43 п. 1864—1871 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

6) *СН*, кн. 18, с. 1—63, 1—64 (2-я пагинация).— 67 п. 1840—1853 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

7) *СН*, кн. 19, с. 104—193, 194—276 (2-я пагинация).— 74 п. 1854—1858 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

8) *СН*, кн. 21, с. 155—243, 149—232 (2-я пагинация).— 88 п. 1859—1867 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

9) *СН*, кн. 22, с. 245—293, 233—263 (2-я пагинация).— 42 п. 1868—1871 (отрывки; на франц. яз. и в переводе).

10) *Стихотворения 1935*, с. 303—329.— 24 п. 1843—1871 (в отрывках и полностью; на франц. яз. и в переводе).

11) *Стихотворения 1945*, с. 285, 286.— 2 п. Б. д. (до 1849), 6 VIII 1851 (отрывки; пер. с франц.).

12) *Стихотворения 1957*, с. 382—385, 391—393, 396—432, 435—438, 441—442, 450—453, 461—462, 471—472, 484—485, 562—571—572.— 24 п. 1843—1871 (отрывки — 2 п. 27 VII 1843, 29 V 1859, остальные — полностью; пер. с франц.).

13) *Пишарев*, с. 99, 110, 139, 148—149.— 6 п. 1843—1853 (отрывки; пер. с франц.).

14) *Соч. 1980*, т. 2, с. 45—47, 50—51, 56—67, 81—85, 87—89, 94—97, 99—103, 109—116, 116—131, 132—133, 135—143, 144—177, 177—182, 185—189, 191—193, 202—205, 224—225, 236—237, 256—258.— 50 п. 1840—1871 (пер. с франц.).

15) *Соч. 1984*, т. 2, с. 53—56, 63—65, 71—72, 79—89, 111—117, 119—121, 127—130, 132—141, 148—156, 157—173, 174—175, 178—186, 188—240, 240—247, 248—249, 252—256, 258—260, 260—265, 281—282, 284—286, 302—303, 312—313, 335—336, 354—356.— 71 п. 1840—1871 (пер. с франц.).

49. ТЮТЧЕВУ И. Н.

1) *Аксаков 1874*, стлб. 40.— 1 п. 29 X 1844.— (отрывок; на франц. яз.). Перепечатано: *Аксаков 1886*, с. 31.

2) См. Тютчевым Е. Л. и И. Н.

Тютчеву И. Ф.— см. Тютчевым И. Ф. и О. Н.

50. ТЮТЧЕВУ Н. И.

Уrania, с. 172—174, 175.— 2 п. 8 VI 1867 (отрывок), 13 IV 1868 (полностью). В дальнейшем первое п. напечатано полностью: *Соч. 1984*, т. 2, с. 301—302. Перепечатано (второе п.): *Стихотворения 1957*, с. 466—467; *Соч. 1980*, т. 2, с. 229—230; *Соч. 1984*, т. 2, с. 324—325.

51. ТЮТЧЕВЫМ А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф.

Соч. 1980, т. 2, с. 69.— 1 п. 16 IX 1844 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 93.

52. ТЮТЧЕВЫМ Д. Ф. и Е. Ф.

Соч. 1980, т. 2, с. 104—105, 131—132.— 3 п. <1849>, <конец 1840-х годов>, 16 VIII 1851 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 143, 174.

53. ТЮТЧЕВЫМ Е. Л. и И. Н.

1) *Тютчевский сб.*, с. 9, 10, 11.— 4 п. 31 XII 1836/12 I 1837, 15 VIII 1837, 1/13 XI 1837, 17/29 IV 1838 (отрывки; первое п. на франц. яз.).

2) *Соч. 1980*, т. 2, с. 12—17, 17—31, 35—45, 51—55, 71—74, 75—76, 78—79.— 17 п. 1836—1845 (пер. с франц.).

3) *Соч. 1984*, т. 2, с. 21—25, 26—39, 43—53, 57—62, 65—67, 68—71, 73—77, 89—91, 94, 96—100, 102—103, 106—107.— 24 п. 1837—1845. Из них впервые: 6 п. 1841—1844; первоначальные публикации остальных см. выше: *Тютчевский сб.*; *Соч. 1980*.

54. ТЮТЧЕВЫМ И. Ф. и О. Н.

К. П и г а р е в. Мураново. М., 1948, с. 50—52.— 1 п. 2 IV 1873 (отрывок; пер. с франц.).

Перепечатано: То же, 2-е изд. М., 1957, с. 91; То же, 3-е изд., М., 1970, с. 67.

55. УВАРОВУ С. С.

ЛН, т. 19—21, с. 582—583. — 1 п. 20 VIII 1851 (пер. с франц.). Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 133—135; *Соч. 1984*, т. 2, с. 176—177.

56. ФРОЛОВУ С. П.

Письма к Богдановой и Фролову, с. 35—40, 51—54. — 6 п. 1868—1871 (на франц. яз. и в переводе).

57. ЧААДАЕВУ П. Я.

1) *РА*, 1900, кн. III, № 11, с. 411—413. — 3 п. 13 IV 1847, <1853> (на франц. яз. и в переводе). Два последние письма (<1853>) без обращения; адресат их ставится под сомнение Г. И. Чулковым (*Стихотворения 1935*, с. 337). Здесь же (с. 418—420) ошибочно напечатано как письмо, адресованное Чаадаеву, письмо К. Пфеффелю <20 II 1855>. Перепечатано: *Стихотворения 1935*, с. 296—297. — 1 п. 13 IV 1847; *Стихотворения 1957*, с. 393—394. — То же; *Соч. 1980*, т. 2, с. 92—94. — То же; *Соч. 1984*, т. 2, с. 125—126. — То же.

2) *Соч. 1980*, т. 2, с. 92—94, 116. — 2 п. 13 IV 1847, 14 VII 1851 (пер. с франц.). Из них впервые: 1 п. 14 VII 1851; первоначальные публикации др. письма см. выше: *РА*, 1900, кн. III, № 11. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 125—126, 156.

58. ЧЕРКАССКОМУ В. А.

2) *ЛН*, т. 19—21, с. 255. — 1 п., б. д. (на франц. яз.).

2) *Соч. 1980*, т. 2, с. 193. — 1 п. 5 V 1859. Перепечатано: *Соч. 1984*, т. 2, с. 260.

59. ЩЕБАЛЬСКОМУ П. К.

ЛН, т. 19—21, с. 584. — 1 п. <1861—1863>

60. ЩЕРБИНЕ Н. Ф.

«Феникс», кн. 1. М., 1922, с. 151. — 1 п. 21 IV <1856>. Перепечатано: *Соч. 1980*, т. 2, с. 177; *Соч. 1984*, т. 2, с. 240.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АВПР — Архив внешней политики России. — Министерство иностранных дел СССР, Москва
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Ленинград
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, Москва
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград
- Аксаков 1874* — И. С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. — «Русский архив», 1874, кн. II, № 10 (отдельный оттиск — М., 1874)
Аксаков 1886 — И. С. Аксаков. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886
Архив Тургеневых — «Архив братьев Тургеневых», вып. 2—6. СПб. 1922—191
Барсуков — Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—20, СПб., 1888—1906
Библиография — И. А. Королева. Библиография публикаций писем Тютчева. 1874—1984. — Наст. том, кн. I
Валуев — «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», ч. II. М., Изд-во АН СССР, 1961
- ВЛ* — «Вопросы литературы»
Всероссийская этнографич. выставка — «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве». М., 1867
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР — «Наука», 1954—1966
Звенья — О. В. Пигарев. Из семейной жизни Ф. И. Тютчева. 1832—1838 (По неизданным материалам). — «Звенья», кн. III — IV. М.— Л., «Academia», 1934
ИВ — «Исторический вестник»
Лемке — М. Лемке. Эпоха цензурных реформ. 1859—1865. СПб., 1904
Летопись — Георгий Чулков. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.— Л., «Academia», 1934
Лирика — Ф. И. Тютчев. Лирика. Изд. подготовил К. В. Пигарев, т. I — II. М., «Наука», 1965
ЛН — «Литературное наследство»
Материалы о цензуре и печати — «Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о печати», ч. I — III. СПб., 1870
МВ — «Московские ведомости»
Мураново — Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева
Мурановский сб. — «Мурановский сборник», вып. I. Мураново, 1928
Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. М., Гослитиздат, 1955
Остафьевский архив — «Остафьевский архив князей Вяземских», т. 4, СПб., 1899
Пигарев — К. В. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., Изд-во АН СССР, 1962
Письма — И. А. Королева. Письма Тютчева в архивах СССР. — Наст. том, кн. I
Письма к Богдановой и Фролову — «Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову. 1866—1971». Предисловие и примечания Е. П. Казанович. Л., ОРЯС АН СССР, 1926
ПСС 1912 — Полное собрание сочинений Ф. И. Тютчева. С критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями и вариантами. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. Ред.-изд. П. В. Быков. СПб., Т-во А. Ф. Маркса, (1912)

- ПСС 1933—1934* — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Ред. и комментарий Георгия Чулкова, т. I — II. М., «Academia», 1933—1934
- РА* — «Русский архив»
- РЛ* — «Русская литература»
- РС* — «Русская старина»
- СН* — «Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Об-ве ревнителей исторического просвещения в память имп. Александра III», кн. 18—22. Пг., 1914—1917
- Собр. Пигарева* — Собрание К. В. Пигарева, Москва
- Современники о Тютчеве* — «Тютчев в неизданной переписке и дневниках современников». — Наст. том, кн. II
- Соч. 1886* — «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи». СПб., 1886
- Соч. 1900* — «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи». Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1900
- Соч. 1980* — Ф. И. Тютчев. Сочинения в двух томах. Сост. Л. Н. Кузина. Ред. К. В. Пигарев. М., Изд-во «Правда», 1980
- Соч. 1984* — Ф. И. Тютчев. Сочинения в двух томах. Сост. К. В. Пигарев и Л. Н. Кузина. М., «Художественная литература», 1984
- СПб. вед.* — «Санкт-Петербургские ведомости»
- Стихотворения 1935* — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Ред., биографич. очерк и примечания Георгия Чулкова. М., Гослитиздат, 1935
- Стихотворения 1945* — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Ред., вступительная статья и комментарий К. В. Пигарева. Москва, Гослитиздат, 1945
- Стихотворения 1957* — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. Вступительная статья, подготовка текста и примечания К. В. Пигарева. М., Гослитиздат, 1957.
- Тютчева* — А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Вып. I — II. М., Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928—1929
- Тютчевiana* — «Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева». Предисловие Георгия Чулкова. М., «Костры», 1922
- Тютчевский сб.* — «Тютчевский сборник. 1873—1923». Пг., «Былое», 1923
- Уrania* — «Уrania. Тютчевский альманах. 1803—1928». Ред. Е. П. Казанович. Л., «Прибой», 1928
- Феоктистов* — Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1846—1896. Л., «Прибой», 1929
- Хроника русского* — А. И. Гурженев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) М. — Л., 1964
- Цимбаев* — Н. И. Цимбаев. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., Изд-во Московского университета, 1978
- Чулков* — Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева Елена Александровна Денисьева. М., Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928
- Шнеерсон* — Л. М. Шнеерсон. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск, Изд-во Белорусского гос. университета, 1976
- Kauchtschischwili* — Nina Kauchtschischwili. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjazemskij. Milano, 1964

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
-----------------------	---

СТАТЬИ

МИР, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК В ЛИРИКЕ ТЮТЧЕВА	
Статья И. В. Петровой	13
Б. М. КОЗЫРЕВ. ПИСЬМА О ТЮТЧЕВЕ	
Об авторе «Писем о Тютчеве». Заметка Е. Л. Фейнберга	
Предисловие А. Е. Тархова. Комментарии М. Л. Гаспарова	
и А. Е. Тархова	70
ТЮТЧЕВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ	
Статья В. А. Твардовской	132

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

СТИХОТВОРЕНИЯ

⟨АДАМУ МИЦКЕВИЧУ⟩	
Публикация Ксении Костенич (Польша)	173
⟨А. С. ДОЛГОРУКОЙ⟩	
Публикация Т. Г. Динесман	175
ДВА ФРАНЦУЗСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	
Публикация <u>К. В. Пигарева</u>	177
ИЗ ЯКОБА БЕМЕ	
Публикация Л. Н. Кузиной	178
«НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ВОЛНУЕТСЯ ВОСТОК...»	
Публикация А. А. Николаева	179
⟨О. И. ОРЛОВОЙ-ДАВЫДОВОЙ⟩	
Публикация И. А. Королевой	181

ПУБЛИЦИСТИКА

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ТРАКТАТ «РОССИЯ И ЗАПАД»	
Публикация <u>К. В. Пигарева</u> . Вступительная статья В. В. Кожина	
и А. Ф. Аксаковым. Комментарии Л. Р. Ланского	183
ПУБЛИЦИСТИКА ТЮТЧЕВА В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА 1840-х — НАЧАЛА 1850-х ГОДОВ	
Статья Рональда Лэйна (Англия)	231

ПИСЬМА

ОТ РЕДАКЦИИ	255
ПИСЬМА К МОСКОВСКИМ ПУБЛИЦИСТАМ	
Публикация <u>К. В. Пигарева</u> . Предисловия и комментарии	
Л. Н. Кузиной	
И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861—1872	258
А. И. Георгиевскому. 1864—1866	380
М. Н. Каткову. 1863—1867	412

М. П. Погодину. 1854—1872	421
Ю. Ф. Самарину. 1867—1869	425
ПИСЬМА К РОДНЫМ	
Публикация [К. В. Пигарева]. Предисловия и комментарии	
Л. Н. Кузиной	
Н. И. Тютчеву. 1832, 1867	431
Д. Ф. Тютчевой. 1859—1872	439
Е. Ф. Тютчевой. 1855—1873	456
М. Ф. Тютчевой. 1856	482
И. Ф. и О. Н. Тютчевым. 1873	483
П. В. Муравевой. 1846	485
Д. И. и Н. В. Сушковым. 1836—1858	487
Н. Н. Шереметевой. 1829, <1845>	494
ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ	
Публикация [К. В. Пигарева]. Предисловия и комментарии	
Л. Н. Кузиной	
А. Д. Блудовой. 1870	497
Д. Н. Блудову. Начало 1860-х годов	499
И. С. Гагарину. 1836—1838	501
Я. Ф. Головацкому. 1867	517
Н. И. Гречу. <1844>	518
А. И. Козловой. <1852>	519
С. И. Мальцову. <1871>	520
Вел. кн. Марии Николаевне. <1852>	521
В. П. Мещерскому. <1872>	523
К. В. Нессельроде. 1838—1839	524
О. А. Новиковой. <1863>	534
М. Н. Похвисневу. <1869>	536
Л. В. Тенгоборскому. 1849	536
Ф. Тиршу. 1829—<1842>	540
А. И. Тургеневу. 1844	547
ПИСЬМО К П. Б. КОЗЛОВСКОМУ. 1824	
Публикация Рональда Лэйна (Англия)	549
ПИСЬМА К А. В. ПЛЕТНЕВОЙ. <1870—1872>	
Публикация Т. Г. Дянесман	555
<i>Приложение:</i>	
Из писем А. В. Плетневой	
Публикация М. Д. Эльзона	563
УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ТЮТЧЕВА В АРХИВАХ СССР	
Составила И. А. Королева	568
БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ПИСЕМ ТЮТЧЕВА. 1874—1884	
Составила И. А. Королева	576
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	584

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

ТЮТЧЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДНЕВНИКАХ И ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

ТЮТЧЕВ В ДНЕВНИКЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ М. П. ПОГОДИНА

Вступительная статья, публикация и комментарии Л. Н. Кузиной

1. ЗАПИСИ О ТЮТЧЕВЕ В ДНЕВНИКЕ М. П. ПОГОДИНА

2. «ВОСПОМИНАНИЕ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ»

Приложение: Из «Петербургских заметок» М. П. Погодина.

Публикация А. Л. Осовата

КАРЛ ПФЕФФЕЛЬ О ТЮТЧЕВЕ

Вступительная статья, публикация и комментарии К. В. Пигарева

1. «ЗАМЕТКА О ТЮТЧЕВЕ»

2. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «L'UNION»

ТЮТЧЕВ В МЮНХЕНЕ. (ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. С. ГАГАРИНА С А. Н. БАХМЕТЕВОЙ И И. С. АКСАКОВЫМ)

Вступительная статья, публикация и комментарии А. Л. Осовата

ТЮТЧЕВ В ДНЕВНИКАХ А. И. ТУРГЕНЕВА

Вступительная статья, публикация и комментарии К. М. Азадовского и

А. Л. Осовата

ВОСПОМИНАНИЯ ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВОЙ (В ЗАПИСИ Д. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)

Публикация К. В. Пигарева. Предисловие и комментарии Л. Н. Кузиной

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. И. ГЕОРГИЕВСКОГО

Публикация К. В. Пигарева. Вступительная статья Г. Г. Елизаветиной. Ком-
ментарии редакции «Литературного наследства»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. М. ВОЛКОНСКОГО

Предисловие и публикация А. Тимосова

ТЮТЧЕВ В ПИСЬМАХ И. С. АКСАКОВА И ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Публикация К. В. Пигарева

ТЮТЧЕВ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Аза-
довского, А. Л. Осовата и В. Н. Сажина. Вступительная статья и ком-
ментарии Т. Г. Динесман

СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

ТЮТЧЕВ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

Сообщение А. Глассе (США)

КТО ИЗОБРАЖЕН НА КАРТИНЕ ФИЛИППА ФОЛЬЦА?

Сообщение Р. Лэйна (Англия)

ТЮТЧЕВ И СТАТЬЯ Н. А. МЕЛЬГУНОВА О ШЕЛЛИНГЕ

Сообщение А. Л. Осовата

ТЮТЧЕВ И ВАРНГАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Сообщение К. М. Азадовского и А. Л. Осовата

НЕЯСНЫЙ ЭПИЗОД В БИОГРАФИИ ТЮТЧЕВА

1. ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЕЗДКА ТЮТЧЕВА В 1853 г.

Сообщение Р. Лэйна (Англия)

2. ЕЩЕ О ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЕЗДКЕ ТЮТЧЕВА В 1853 г.

Сообщение А. Л. Осовата

ИЗ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК» А. О. СМИРНОВОЙ

Публикация С. А. Житомирской

ОТЗЫВ ТЮТЧЕВА О РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Сообщение А. Л. Осовата и В. Н. Сажина

ТЮТЧЕВ И ИОГАНН ШНИЦЛЕР

Сообщение Р. Лэйна (Англия)

ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА ТЮТЧЕВУ (1872)

Публикация А. Л. Осовата и А. Б. Рогинского

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК К ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ ТЮТЧЕВА

Сообщение А. Л. Осповата

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ТЮТЧЕВА

1. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА (1836—1837)

Статья А. А. Николаева

2. **ОБ ИЗДАНИИ «СОЧИНЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА»**. СПб., 1900 (Письмо Р. Ф. Брандта И. Ф. Тютчеву 19 февраля 1904 г.)

Публикация Г. В. Чагина

3. **ОБ ИЗДАНИИ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА»**. СПб., 1912 (Письмо Г. С. Гагарина П. В. Выкову 14 ноября 1912 г.)

Публикация А. А. Николаева

ТЮТЧЕВ И ГЕЛЬДЕРЛИН. НЕИЗДАННЫЙ ДОКЛАД А. И. НЕУСЫХИНА

Публикация Е. А. Огневой-Неусыхиной

ТЮТЧЕВ В МУЗЫКЕ

Статья Д. Д. Благого

НА РОДИНЕ ПОЭТА (МУЗЕЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА В ОБСТУГЕ)

Сообщение Г. В. Чагина

МУЗЕЙ-УСАДЬБА МУРАНОВО им. Ф. И. ТЮТЧЕВА (ОБЗОР ТЮТЧЕВСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ)

1. ИСТОРИЯ ТЮТЧЕВСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Статья С. А. Долгополовой и А. Е. Тархова

2. ПРИЖИЗНЕННАЯ ИКОНОГРАФИЯ ТЮТЧЕВА

Вступительная статья и аннотированное описание С. А. Долгополовой и А. Е. Тархова

3. КНИГИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ТЮТЧЕВУ

Предисловие и аннотированное описание Н. П. Белевцевой

4. РОДОВОЙ АРХИВ ТЮТЧЕВЫХ

Обзор Н. М. Михайловой

Н. И. ТЮТЧЕВ — СОЗДАТЕЛЬ МУРАНОВСКОГО МУЗЕЯ

Статья О. В. Муратовой

ПАМЯТИ К. В. ПИГАРЕВА

Статья Е. А. Лебедева

Литературное наследство

Том 97

Федор Иванович

ТЮТЧЕВ

Книга первая

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Стенина*
Художественный редактор *М. Л. Храмцов*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректор *Н. А. Несмеева*

ИБ № 31928

Сдано в набор 21.11.86
Подписано к печати 10.06.87
А-03788. Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 52. Усл. кр. отт. 53,4. Уч.-изд. л. 60,5
Тираж 31 500 экз. Тип. зак. 1622
Цена 7 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90

Набрано во 2-й типографии Госкомиздата СССР
Проспект Мира, 105

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

7 р. 70 к.

